

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Skw 176. 25

Bd. Jan., 1889.

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

(Class of 1836).

Received 30 Nov. - 31 Dec, 1888.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ

ИСКУССТВЪ.

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА II-я.

ИЮНЬ, 1888.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 11-Я. — НОЯБРЬ, 1888.

Стр.

I.—ПОПЕХОНСКАЯ СТАРИНА.—Жизнь и приключения Никанора Затрапезного. — ХУП. Крепостная масса. — ХУП. Аппунка. — XIX. Мавруша Новоторка. — XX. Ванька-Баня. — Н. Щедрина	6
II.—АЛЕКСАНДРЪ ПОРФИРЬЕВИЧЪ БОРОДИНЪ.—Биографический очерк. — IV-VI.—Окончание. — П. А. Трифонова	46
III.—ИЗЪ ПЕТЁФИ.—Стих. О. М.	82
IV.—СОНЪ, КАКЪ ТРЕТЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЬКА.—III.—Гигиена сна. — М. М. Манасеин	84
V.—ЗА КРАСНЕНЬКУЮ.—Рассказ. — П. Д. Боборыкина	114
VI.—ПО ГОРАМЪ СЪВЕРНАГО КАВКАЗА.—Путевые очерки. — IV. У осетинъ. — V. Въ балкарскомъ обществѣ горскихъ татаръ. — Окончание. — Н. Харузина	154
VII.—ИЗЪ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.—Новые материалы для биографии К. Ф. Рылеева. — В. Якушина	196
VIII.—СЦЕНЫ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.—Соч. Виллемъ Розвельгъ. — Часть первая. — I-IX. — А. Э.	228
IX.—НАЧАЛО РУССКАГО ТЕАТРА.—Новая книга П. О. Морозова. — А. В.—ъ	278
X.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—Выходятъ дни. — Влад. К.	297
XI.—НОВЫЙ ОПЫТЪ ПОСТРОЕНИЯ НАУЧНОЙ КРИТИКИ. — Emile Hennequin, la Critique scientifique. — К. К. Арсеньева	298
XII.—НАША МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА ВЪ НЕДАЛЕКОМЪ ПРОШЛОМЪ. — О. Ф. Мартенсъ, Трактаты съ Германиею, 1825-88. — Л. З. Саонинского.	320
XIII.—ОСОВЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫКЪ. — А. Н. Пыпина	354
XIV.—ХРОНИКА.—Гдѣ лежатъ главныя причины хозяйственныхъ кризисовъ? — IV-VIII. — Окончание. — А. А. Исаева	373
XV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Общія вопросы, возбуждаемые по поводу мѣстной реформы. — Отношеніе земскаго положенія и судебныхъ установъ къ общему государственному строю. — Разсказъ „либерализма“ въ прошедшемъ и въ настоящемъ. — Возможны ли у насъ самостоятельныя и независимыя учрежденія? — Политическіе приемы реакціонной печати	406
XVI.—ИСПОЛНЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ 1887 ГОДА. — О.	428
XVII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пребываніе германскаго императора въ Австріи и Италіи. — Значеніе тройственнаго союза и возможные его результаты. — Симптомы международнаго кризиса. — Конституціонный вопросъ во Франціи. — Проектъ Флюке и его недостатки. — Юбилей П. К. Гирса	435
XVIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Н. Бржезскій, Политич. реформа. — Н. Осонинъ, Исторія среднихъ вѣковъ, т. I. — К. К. — Ки. Д. Цертелевъ, Свобода и либерализмъ. — П. Подгуйловъ, Национальныя задачи Россіи и мѣры къ ихъ осуществленію. — Л. С. — Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10-ое, т. V. — А. П. — Новая книга и брошюры	450
XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Желѣзно-дорожная катастрофа 17-го октября. — Постепенное оскуднѣніе историко-филологическаго факультета и извѣрженіе причины того. — Программа исцѣпленій въ историко-филологической комиссіи. — Последніе отчеты петербургскаго университета. — Кое-что о церковно-приходскихъ школахъ. — Новая теорія „необходимой обороны“. — Юбилей г. Щедра (Михайлова)	466
XX.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.—Всеобщая исторія Георга Вебера, т. X. — Система римскаго гражданскаго права, проф. Барона. — Новый путевыя впечатленія К. Скалковскаго. — Объ иностранцахъ въ Россіи, М. И. Мина. — По Америкѣ, поездка въ Канаду и Соед.-Штаты, г-ра П. Алексѣева. — Юридическій Ежегодникъ за 1887 г., В. Маркелова.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XX стр.

Подписокъ на послѣднюю четверть 1888 г. и на 1889 г.

(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

99-17-2

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LII. — ТОМЪ XXXIII. — 1/13 НОЯБРЯ, 1888.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:	Экспедиція журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.	на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

—
1888

PSlav 176.25
~~137.84~~
~~Star 30.2~~

1888, Nov. 30 - Dec. 31.

Moist funds.

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго.

XVII. Крѣпостная масса *).

Покончивши съ портретною галлереею родныхъ и сестрицъ-ныхъ жениховъ, я считаю нужнымъ возвратиться назадъ, чтобы дополнить изображеніе той обстановки, среди которой протекло мое дѣтство въ Малиновцѣ. Тамъ скучивалась крѣпостная масса, тамъ жили сосѣди-помѣщики, и съ помощью этихъ двухъ факторовъ въ результатъ получалось пресловутое пошехонское раздолье. Стало быть, пройти ихъ молчаніемъ, значило бы пропустить именно то, что сообщало тонъ всей картинѣ.

Начну съ крѣпостной массы.

Хотя я уже говорилъ объ этомъ предметѣ въ началѣ настоящей хроники, но думаю, что не лишнее будетъ вератцѣ повторить сказанное, хотя бы въ видѣ предисловія къ предстоящей портретной галерей „рабовъ“ ¹⁾.

Крестьянамъ при крѣпостномъ правѣ дышалось гораздо легче, нежели дворовымъ. Они жили за глазами и имѣли начальство, преимущественно назначавшееся изъ среды однодѣшниковъ, а свой братъ, будь онъ хоть и съ норовомъ, все-таки знаетъ крестьянскую нужду и снизойдетъ къ ней. Онъ грѣшенъ тѣми же грѣхами, какъ и прочіе — это главное; затѣмъ, онъ имѣетъ между односельцами родню, друзей, что тоже оберегаетъ отъ чересъ-чуръ

- *) См. выше: окт., 488 стр.

¹⁾ Матеріалъ для этой галлерей я беру исключительно въ дворовой средѣ. При этомъ, конечно, не обѣщаю, что исчерпаю все разнообразіе типовъ, которыми обилежала малиновецкая дворня, а познакомлю лишь съ тѣми личностями, которыя по-челу-либо прочіе другіхъ удержались въ моей памяти.

рѣзкихъ проявленій произвола. Даже барщинскіе крестьяне — и тѣ не до конца претерпѣвали, потому что имѣли свое хозяйство, въ которомъ самостоятельно распоряжались, и свои избы, въ которыхъ хоть на время могли укрыться отъ взора помѣщика и уберечься отъ случайности.

Конечно, и тутъ бывали перѣдкія исключенія. Встрѣчались помѣщики, которые буквально выжимали изъ барщинскихъ крестьянъ послѣдній сокъ, поголовно томя на господской работѣ мужиковъ и бабъ шесть дней въ недѣлю, и предоставляя имъ управляться съ своими работами только по праздникамъ. О такихъ помѣщикахъ такъ и говорили, что крестьяне у нихъ только по имени крестьяне, а въ сущности *тѣ же дворовые*. Но въ большинствѣ случаевъ это водилось только между мелкопомѣстными и сходило съ рукъ лишь до тѣхъ поръ, покауда мирвоилилъ предводитель дворянства. Я зналъ, напримѣръ, одного помѣщика-сосѣда, за которымъ числилось не больше семидесяти душъ крестьянъ, и который, несмотря на двѣнадцать человѣкъ дѣтей, соблюдалъ всѣ правила пошехонскаго гостепріимства. Правда, что это гостепріимство обходилось не особенно дорого, и матеріалъ для него доставляли почти исключительно собственные продукты (даже чай подавался только при гостяхъ), тѣмъ не менѣе гости набѣжали въ этотъ домъ часто, веселились и уѣзжали довольные. Но что всего важнѣе, при такихъ ничтожныхъ средствахъ, этотъ помѣщикъ далъ дѣтямъ воспитаніе не хуже другихъ (въ домѣ его всегда была гувернантка) и впослѣдствіи пристроилъ ихъ всѣхъ очень недурно. Зато, онъ не имѣлъ старосты, самъ вставалъ до свѣту, ходилъ по деревнѣ и выгонялъ крестьянъ на работу. Даже приготовленіе пищи разрѣшалось крестьянамъ, въ страдное время, только разъ на цѣлую недѣлю, и именно въ воскресенье, когда барщина закрывалась. Поэтому, крестьяне жали свой хлѣбъ и косили траву урывками по ночамъ, а днемъ дѣти и подростки сушили сѣно и вязали снопы. Само собой разумѣется, что такая работа не особенно спорилась, тѣмъ больше, что помѣщикъ не давалъ засиживаться въ подросткахъ, и мальчика пятнадцати лѣтъ уже сажалъ на тягло. И никто не называлъ его мучителемъ, а, напротивъ, всѣ указывали на него какъ на образцоваго хозяина.

Другой случай крестьянскаго безвременья (настигавшій и оброчныхъ) представлялся тогда, когда баринъ ввѣрялся какому-нибудь излюбленному лакею и поручалъ ему управленіе имѣніемъ. Главный контингентъ этого рода управляющихъ доставляли люди

до мозга костей развращенные и выслужившіеся при помощи разныхъ заворныхъ услугъ. По одному капризу, имъ ничего не стоило, въ самое короткое время, зажиточнаго крестьянина довести до нищенства, а ради удовлетворенія минутнымъ вспышкамъ любострастія отнять у мужа жену или обезчестить крестьянскую дѣвушку. Жестоки они были неимовѣрно, но такъ какъ въ то же время строго блюли барскій интересъ, то никакія жалобы на нихъ не принимались. Много горя приняли отъ нихъ крестьяне, но зато и глубоко ненавидѣли ихъ, такъ что зачастую приходилось слышать, что тамъ-то или тамъ-то убожили управителя и что при этомъ были пущены въ ходъ такіе утонченные приемы, которые вовсе несвойственны простодушной крестьянской природѣ, и которые могла вызвать только неудержимая потребность отмщенія. При такихъ извѣстіяхъ, вся помѣщичья среда, обыкновенно, затихала, но спустя короткое время забывала о случившемся и вновь съ легкимъ сердцемъ принималась за старые подвиги.

За всѣмъ тѣмъ, все-таки повторяю, что крестьянское житіе было льготнѣе, нежели житіе дворовыхъ людей.

Что касается до нашей семьи, то у отца, кромѣ разсѣянныхъ въ дальнихъ губерніяхъ мелкихъ клочковъ, душъ по двадцати, считалось въ Малиновцѣ триста душъ крестьянъ, которые и отбывали господскую барщину. Матушкино имѣніе (благопріобрѣтенное) было гораздо значительнѣе и заключало въ себѣ около трехъ тысячъ душъ, которыя всѣ, безъ исключенія, ходили по оброку. Матушка охотнѣе покупала оброчныя имѣнія, потому что они стояли дешевле и требовали меньше хлопотъ, а норма оброка, между тѣмъ, никакимъ регламентаціямъ не подвергалась, и, стало быть, ее можно было при случаѣ увеличить. Нерѣдко ей предлагали перевести крестьянъ съ оброка на издѣлье, но она не увлекалась подобными предложеніями, понимая, что затѣи такого рода могутъ повести къ серьезному переполоху между крестьянами и что, сверхъ того, заглазное издѣльное хозяйство, пожалуй, принесетъ не выгоды, а убытки. Безпокойная отъ природы, она, конечно, пропала бы отъ одной думы, еслибы послушалась благожелательныхъ совѣтовъ. И я думаю, что, дѣйствуя совершенно вопреки указаніямъ такъ-называемыхъ „хозяевъ“, она этимъ самымъ доказывала очень вѣрный хозяйственный инстинктъ. Этимъ же инстинктомъ она руководилась и при назначеніи сельскихъ начальниковъ. Бурмистровъ избирала изъ мѣстныхъ крестьянъ, преимущественно такихъ, на которыхъ указывала крестьянская молва. Даже малиновецкій староста, Бедоть

Гавриловъ, былъ назначенъ, такъ сказать, съ молчаливаго одобренія крестьянъ, которое она съумѣла угадать.

Впрочемъ, я лично зналъ только бытъ оброчныхъ крестьянъ, да и то довольно поверхностно. Матушка охотно отпускала насъ въ гости къ заболотскимъ богатѣямъ, и потому мы и насмотрѣлись на ихъ житье. Зато, въ Малиновцѣ, насъ не только въ гости къ крестьянамъ не отпускали, но въ праздники и на посѣлокѣ ходить запрещали. Считалось неприличнымъ, чтобы дворянскія дѣти приобщались къ грубому мужицкому веселью. Я долженъ, однакожъ, сказать, что въ этихъ запрещеніяхъ главную роль играли губернантки.

Какъ бы то ни было, но фактовъ, которые доказывали бы, что малиновецкихъ крестьянъ притѣсняютъ работой, до меня не доходило, и я съ удовольствіемъ свидѣтельствую здѣсь объ этомъ. Напротивъ, изъ ежедневныхъ разговоровъ матушки съ старостой Оедотомъ я вынесъ убѣжденіе, что барщина въ Малиновцѣ отбывалась, какъ общее правило, братъ на брата, и что случайно забранные у крестьянъ впередъ дни зачитывались имъ впослѣдствіи. Отступленія отъ этого правила, конечно, бывали—и, разумѣется, не въ ущербъ господскому интересу—но они составляли исключеніе и допускались только въ такихъ крайнихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, продолжительное ненастье или сухмень.

Вообще, мужика берегли, потому что видѣли въ немъ тягло, которое производило полезную и для всѣхъ наглядную работу. Изнурять эту рабочую силу не представлялось расчета, потому что подобный образъ дѣйствія сократилъ бы барщину и внесъ бы неурядицу въ хозяйственные распоряженія. Поэтому, главный секретъ добраго помѣщичьяго управленія заключался въ томъ, чтобы не изнурять мужика, но въ то же время и не давать ему „гулять“. И матушка настолько прониклась этимъ хозяйственнымъ афоризмомъ, и такъ ловко съумѣла провести его на практикѣ, что и самимъ крестьянамъ не приходило въ голову усомниться въ его справедливости. Они, дѣйствительно, не „гуляли“, но и на тягости не жаловались.

Что касается дворни, то существованіе ея въ нашемъ домѣ представлялось болѣе чѣмъ незавиднымъ. Я не боюсь ошибиться, сказавъ, что это въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ взгляда, установившагося вообще между помѣщиками на трудъ дворовыхъ людей. Трудъ этотъ, состоявшій преимущественно изъ мелкихъ домашнихъ послугъ, не требовавшихъ ни умственной, ни даже мускульной силы („Палашка! сбѣгай на погребъ за квасомъ!“ „Палашка! подай платокъ!“ и т. д.), считался не только легкимъ,

но даже какъ бы отрицаніемъ дѣйствительнаго труда. Казалось, что люди не работаютъ, а суетятся, „мечутся какъ угорѣлые“. Отсюда, эпитеты, которыми такъ охотно награждали дворовыхъ: лежебоки, дармоѣды, хлѣбогады. Сгинеть одинъ лежебокъ—его безъ труда можно замѣнить другимъ, другого—третьимъ и т. д. Во всякой помѣщицкѣй усадьбѣ этого добра было безъ счету. Исключеніе составляли мастера и мастерицы. Ими, вѣроятно, дорожили больше („дай ему плюху, а онъ тебѣ цѣлую штуку матеріи испортитъ!“), но скорѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, такъ какъ основныя порядки (пища, помѣщеніе и проч.) были установлены одни для всѣхъ, а слѣдовательно и они участвовали въ общей невзгодѣ на ряду съ прочими „дармоѣдами“.

Однакожъ, и въ средѣ дворовыхъ мужской прислугѣ жилось все-таки сносивѣе. Ея было меньше, и она не скучивалась въ такой массѣ въ лакейской. Сверхъ того, она не металась непрерывно передъ глазами, потому что услуги ея не такъ часто требовались, а въ большинствѣ и работа ея была заглазная (столяры, ткачи и пр.). Вдобавокъ, встрѣчались въ ея средѣ такія личности, которыя могли за себя постоять. Это тоже нельзя было не принять въ расчетъ. Всѣхъ подъ красную шапку не отдашь—есть люди нужныя, безъ которыхъ въ домѣ нельзя обойтись. Они-то именно и „грубятъ“. Матушка на собственномъ горькомъ опытѣ убѣдилась въ этой истинѣ, и хотя большого труда ей стоило сдерживать себя, но она все-таки сдерживалась. Во всякомъ случаѣ, она настояла на одномъ: ни для кого не допускала отступленій отъ заведенныхъ порядковъ, и только старалась избѣгать личныхъ сношеній съ грубиянами. Въ этомъ заключалась единственная льгота, которою пользовались послѣдніе, но льгота немаловажная, потому что встрѣчи съ матушкой, особенно въ нравственномъ смыслѣ, даже на самыхъ равнодушныхъ людей дѣйствовали раздражительно.

Но такъ-называемая дѣвчья положительно могла назваться убѣжищемъ скорби. По всему дому раздавался оттуда крикъ и гамъ, и неслись звуки, свидѣтельствовавшіе о расхидившейся барской рукѣ. „Дѣвка“ была всегда на глазахъ, всегда подъ рукою и притомъ вполнѣ безотвѣтна. Поэтому съ ней окончательно не церемонились. Помимо барыни, ее тѣснили и барынины фаворитки. Съ утра до вечера она или неподвижно сидѣла наклоненная надъ пальцами, или бѣгала сломя голову, исполняя барскія приказанія. Даже праздника у нея не было, потому что и въ праздникъ требовалась услуга. И за всю эту муку она пользовалась названіемъ дармоѣдки и была единственнымъ существомъ,

въ которому, даже изъ расчета, ни въ комъ не пробуждалось состраданія.

— У меня полонъ домъ дармоѣдовъ,—говаривала матушка:—а что въ нихъ проку, только хлѣбъ ѣдят!

И, высказавши этотъ суровый приговоръ, она была вполне убѣждена, что устами ея говорить сама правда.

Кормили всѣхъ вообще дворовыхъ очень скудно, и притомъ давали пищу, которую не всегда можно было назвать годною для употребленія. Когда въ дѣвичью приносили обѣдъ или ужинъ, то не только тамъ, но и по всему корридору чувствовался отвратительный запахъ, такъ что матушка, отъ природы неприхотливая, приказывала отворять настежъ выходныя двери, чтобы сколько-нибудь освѣжить комнаты. Пустыя щи, тюръ съ квасомъ и льнянымъ масломъ, толокно—таковы были обычныя шѣпи завтраковъ и обѣдовъ. По праздникамъ давали размазю на водѣ, чуть-чуть подправленную гусинымъ жиромъ, пироги изъ ржаной муки, отличавшіеся отъ простаго хлѣба только тѣмъ, что середка была проложена тонкимъ слоемъ каши, и снятое молоко. Хлѣбъ отпускался съ вѣсу и строго учитывался. Словомъ сказать, было настолько голодно, что даже безотвѣтныя дѣвушки и тѣ отъ времени до времени позволяли себѣ роптать.

— Извольте, сударыня, попробовать!—говорила которая-нибудь изъ нихъ побойчѣ, вбѣгая въ матушкину спальню и принося небольшую деревянную чашку съ какою-то мутною и вонючею жидкостью.

Матушка зачерпывала въ ложку, пробовала и мгновенно сплевывала. Нѣсколько дней послѣ этого, пища давалась болѣе сносная, но черезъ короткое время опять принимались за старые порядки, и система голода торжествовала.

Но, кромѣ голода, у женской прислуги былъ еще бичъ, отъ котораго хоть отчасти избавлялась мужская прислуга. Я разумѣю душныя и вонючія помѣщенія, въ которыхъ скучивались сѣнныя дѣвушки на ночь. И дѣвичья, и прилежавшіе къ ней темные закоулки представляли ночью въ полномъ смыслѣ слова клоаку. За недостаткомъ ларей, большинство спало въ повалку на полу, такъ что нельзя было пройти черезъ комнату, не наступивъ на кого-нибудь. Кажется, и домъ былъ просторный, и мѣста для всѣхъ вдоволь, но такъ въ этомъ домѣ все жестоко сложилось, что на каждомъ шагѣ говорило о какой-то преднамѣренной системѣ изнуренія.

Но довольно. Любопытствующихъ отсылаю къ началу хроники, гдѣ я упоминалъ и о другихъ невзгодахъ, настигавшихъ

сѣнныхъ дѣвушекъ,—невзгодахъ еще болѣе возмутительныхъ, нежели дурное питаніе и недостатокъ простора. Прибавлю здѣсь, что распоряженія матушки, изъ которыхъ одно стѣсняло браки между дворовыми, а другое упраздняло мѣсячину, нанесли очень чувствительный ударъ всей дворнѣ. Первое низвело дворовыхъ на степень вѣчно возжелѣющихъ звѣрей; второе лишило ихъ своего угла и возможности распоряжаться въ томъ крохотномъ *собственномъ* хозяйствѣ, которымъ они пользовались при прежнихъ порядкахъ.

XVIII. АННУШКА.

Собственно говоря, Аннушка была не наша, а принадлежала одной изъ тетенежь-сестрицъ. Но такъ-какъ послѣднія большую часть года жили въ Малиновцѣ, и она всегда ихъ сопровождала, то въ нашей семьѣ всѣ смотрѣли на нее какъ на „свою“.

Это было простодушнѣйшее существо, съ виду нѣсколько строптивое, но внутренно преисполненное доброты и жалвнїи. Качества эти были настолько преобладающими въ ней, что изъ всей дѣтской обстановки ни одинъ образъ не уцѣлѣлъ въ моей памяти такъ полно и живо, какъ ея. Малорослая, приземистая, съ лицомъ цвѣта сильно обожженаго кирпича, формою своею напоминавшимъ гусиное яйцо и усѣянными крупными бородавками, она не казалась, однако, безобразною, благодаря тому выраженію убѣжденности, которое было разлито во все ея существо. Глаза ея, покрытыя старческою влагою, едва выглядывали изъ-подъ толстыхъ какъ бы опухшихъ вѣкъ (одинъ глазъ даже почти совсѣмъ закрылся, такъ что на его мѣстѣ видно было только мигающее вѣко); большой носъ, точно цитадель, господствовалъ надъ мясистыми щеками, которыхъ не проборождала еще ни одна морщина; подбородокъ былъ украшенъ приличествующимъ зобомъ. Походка у нея была тяжелая, медленная, голосъ густой и грубый. Лѣтами ея никто не интересовался, такъ какъ она, повидимому, уже смолodu смотрѣла старухой; извѣстно было, однакожъ, что она была ровесницей тетеньки Марьи Порфирьевнѣ и вмѣстѣ съ нею росла въ Малиновцѣ. Вообще, наружностью своей она напоминала почернѣвшіе портреты старыхъ бабушекъ, которые долгое время украшали стѣны нашей залы, пока, наконецъ, не были вынесены, по приказанію матушки, на чердакъ.

Подобно отцу, тетеньки-сестрицы не особенно налегали на трудъ и личность своихъ крѣпостныхъ, хотя послѣдніе терпѣли не мало отъ ихъ чудачествъ и безалаберности. Поэтому, на всѣхъ

уголовскихъ крестьянахъ (имѣніе тетенекъ называлось „Уголкомъ“) лежалъ особый отпечатокъ: они хотя и чувствовали на себѣ иго рабства, но несли его безъ ропота и были, такъ сказать, рабами *по убѣжденію*. Аннушка принадлежала въ числу такихъ убѣжденныхъ; у нея даже сложился свой рабскій кодексъ, котораго она не скрывала. Кодексъ этотъ былъ немногосложенъ и имѣлъ въ основаніи своемъ афоризмъ, что рабство есть временное испытаніе, предоставленное лишь избранныкамъ, которыхъ за это ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ.

— Христось-то для черняди съ небеси сходилъ,—говорила Аннушка, — чтобы черныи народъ спасти, и для того благословилъ его рабствомъ. Сказалъ: рабы, господамъ повинуйтесь, и за это сподобитесь вѣнцовъ небесныхъ.

Но о томъ, какихъ вѣнцовъ сподобятся въ будущей жизни господа,—она, конечно, умалчивала.

Доктрина эта въ то время была довольно распространенною въ крѣпостной средѣ и, повидимому, даже подтверждала крѣпостное право. Но помѣщики чутьемъ угадывали въ ней нѣчто злокачественное (въ понятіяхъ пуристовъ-крѣпостниковъ самое „разсужденіе“ о послушаніи уже представлялось крамольнымъ), и потому если не прямо преслѣдовали адептовъ ея, то всячески къ нимъ придирались.

Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не обидно было, напримѣръ, Фролу Терентичу Балаболкину слышать, что онъ, „столбовой дворянинъ“, на вѣчныя времена осужденъ въ аду раскаленную сковороду лизать, тогда какъ Мишка-чумичка или Ванька-подлецъ будутъ по райскимъ садамъ гулять, золотыя яблоки рвать и вмѣстѣ съ ангелами славословить?!

— И добро бы они „настоящій“ рай понимали!—негодую, прибавляла сестрица Фрола Терентича, Ненила Терентьевна:—а то какой у нихъ рай! имъ бы только жрать, да сложа ручки сидѣть, да пѣсни орать! вотъ, по ихнему, рай!

Этому толкованію всѣ смѣялись, но въ то же время наматывали на усь, что даже и такой грубый рай все-таки предпочтительнѣе, нежели обязательное лизаніе раскаленной сковороды.

— И какъ вѣдь, каналы, притворяются! — все больше и больше распаялся господинъ Балаболкинъ: — „баринушко!“ да „кормилецъ!“ да „вы наши отцы, мы — ваши дѣти“ — только и словъ! На конюшню бы васъ, мерзавцевъ, да драть, покуда небо съ овчинку не покажется! Да еще чтѣ! давеча иду я мимо лакейской, слышу Паладкинъ голосъ, и остановился. И чтѣ-жъ, вы думаете, онъ проповѣдуетъ? „Христось-то батюшка, — гово-

рить,—что сказалъ? ежели тебя въ ланиту ударять, — подставь другую!“ Не вытерпѣлъ я, вошелъ, да какъ гаркну: вотъ я тебя разомъ, шельмецъ, по обѣимъ ланитамъ вздую, чтобъ ты уже и не подставлялъ!.. Такъ вѣдь вотъ какой закоренѣлый, даже и тутъ не очнулся. „Извольте, сударь! мы изъ вашей воли не выходимъ“.

Такова была несложная теоретическая сущность Аннушкиной доктрины. Но жизнь дѣлала свое дѣло, и не позволяла оставаться исключительно на высотахъ теоретическихъ воззрѣній, а требовала примѣненій и къ суровой дѣйствительности. Возникала цѣлая серія практическихъ ограниченій, которыя, на помѣщикьемъ языкѣ, уже прямо назывались бунтовскими. Хоть и слѣдовало безпрекословно принимать *все* и отъ *всякаго* господина, но сквозь общую ноту послушанія все-таки просачивалась мысль, что и господа имѣютъ извѣстныя обязанности относительно рабовъ, и что тѣ, которые эти обязанности выполняютъ, и въ будущей жизни облегченье получаютъ. Само собой разумѣется, что подобное критическое отношеніе выражалось болѣе нежели робко, но и его было достаточно, чтобы внушить господамъ, что мозги хамовъ все-таки не вполнѣ забыты и что въ нихъ происходитъ какая-то работа. И работа тѣмъ болѣе непріятная, что она, стѣсняя въ распоряженіяхъ вообще, въ особенности обуздывающимъ образомъ дѣйствовала на ручную расправу.

— Бѣда, какъ этотъ духъ въ дворнѣ заведется,—говаривала матушка:—ходить, тихонь, на цыпочкахъ, ровно святые! Ни ты ему слово не скажи, ни пальцемъ его не тронь! „Слушаю-сь, вся ваша воля“ — только и словъ... И ни усмѣшечки въ лицѣ, ни въ голосѣ повышенія... привязаться не къ чему! А посмотри на него, всякая жилка у него говорить: „что же, молъ, ты не бьешь,—бей! зато въ будущемъ вѣкѣ отомьются бошѣ мышьины слезки!“ Ну, посмотришь, посмотришь, увидишь, что дѣло идетъ своимъ чередомъ,—по-неволѣ и остережешься! Потому что, расправься-ка съ нимъ, такъ онъ расправу-то за награду себѣ почтетъ!

— И я, признаться, этихъ тихонь не долюбливаю, —обыкновенно отзывался на эти сѣтованія отецъ: — тихи-тихи, а что у нихъ на умѣ—не угадаешь. Строже съ нихъ спрашивать надо!

— Какъ же ты спросишь, коли у него въ порядкѣ все, привязаться не къ чему!

— Ну, ты найдешь. Была бы спина, а то будетъ вина! что говорить объ этомъ!

Аннушка была насквозь пропитана указаніями выработаннаго

ею кодекса, и не только не скрывала этого отъ своихъ „барышень“, но даже и отъ матушки.

Она родилась въ Малиновцѣ и страстно любила не только мѣсто своей родины, но и все относившееся къ нему, не исключая и господъ. Къ отцу она относилась какъ къ патриарху; „барышнямъ“ была безконечно предана. вмѣстѣ съ ними она была осуждена на безвыходное заключеніе, въ продолженіе цѣлой зимы, наверху въ боковушкѣ, и, какъ онѣ же, сходила внизъ исключительно въ часы ѣды, да въ праздники, чтобы идти въ церковь. Только къ матушкѣ она, кажется, питала не совсѣмъ пріянные чувства, хотя и тутъ, я увѣренъ, всячески старалась подавлять свою нелюбовь.

Въ свою очередь, и отецъ и тетенька очень дорожили Аннушкой, что не мѣшало имъ, впрочемъ, звать ее то Анюткой, то Анкой-карактицей. Нерѣдко отецъ, послѣ утренняго чая, заходилъ къ сестрицамъ, усаживался на одномъ изъ сундуковъ и предавался воспоминаніямъ о прошломъ. Аннушка всегда принимала участіе въ этихъ интимныхъ бесѣдахъ, „точно ровня“, хотя, яко раба, присутствовала при нихъ сѣдя. Передъ собесѣдниками во-дѣлю восстанавливался прежній, тихій Малиновецъ, гдѣ всѣмъ было хорошо, всего довольно и всѣ были связаны общимъ желаніемъ мира и любви. Вспоминались покойный дѣдушка Порфирій Васильичъ, покойная бабушка Надежда Осиповна, ихъ наставленія, поговорки, привычки и даже любимыя купанья. Не забывались и старые слуги, усердные, вѣрные, преданные, и всѣ мастера своего дѣла. И принять, и подать, и приготовить — на все у нихъ золотыя руки были. И не изъ-подъ плетки работали, а любя... Весело въ ту пору жилось, гуляиво, привольно! Сговорятся, бывало, сосѣди и съѣдутся въ Малиновецъ за-просто. Мужчины, постарше, съ борзыми на охоту уѣдутъ, барыни постарше соберутъ сѣнныхъ дѣвушекъ и заставятъ пѣсни пѣть; молодежь въ плясъ пустится, пыль столбомъ подниметь.

— Наливки какія были! водки! квасы! — восторгалась тетенька Ольга Порфирьевна, которая, въ качествѣ христовой неvěсты, смолоду около хозяйства ходила.

— Да, и я прежде квась пивалъ, а нынче не пью, — откликался отецъ.

— Какой нынче квась! Или опять соленья, варенья — нынче и секретъ-то этотъ потерянь!

— Нынче и овоща такого нѣтъ. Помните, братецъ, какія бывали яблоки?

— Да, помню, какъ однажды при мнѣ покойникъ батюшка изъ сада принесъ яблоко—вотъ!

Отецъ складывалъ вмѣстѣ оба кулака, чтобъ дать понятіе о величинѣ яблока.

— И куда все дѣвалось!—грустно произносилъ онъ.

— А помните, какъ батюшка пріятно на гусляхъ игралъ!— начинала новую серію воспоминаній тетенька Марья Порфирьевна: — „Звукъ унылый фортепьяна“, или: „Се ты, души моей присуха“... до слезъ, бывало, пройметъ! Вѣдь и вы, братецъ, прежде играли?

— Да, игралъ.

— И куда ваши гусельки дѣвались—словно я ихъ давно не вижу?

— На чердакъ, должно быть, снесли.

— Не иначе, какъ на чердакъ... А кому они мѣшали! Ахъ, да чтò про старое вспоминать! Нынче взойдешь въ дѣвичью-то—словно въ гробу дѣвки сидятъ. Не токма что глѣсно спѣть, и слово молвить промежду себя боятся... А при покойницѣ-матусѣй...

— Да, хорошо тогда было! всѣмъ было хорошо! а нынче—всѣмъ худо стало!

— Забылись—оттого и худо стало,—кратко и круто рѣшала Аннушка.

Рѣшеніе это всегда сердило отца. Онъ понималъ, что Аннушка не одинъ Малиновецъ разумѣть, а вообще „господъ“, и считалъ ея слово кровною обидой.

— Забылись! кто забылся? — говори, долгоязычная, если знаешь!—накидывался онъ на строптивую рабу.

— Извѣстно, не рабы, а господа забылись,—отвѣчала она, ни мало не смущаясь.

— Ахъ ты, долгоязычная язва! Только у тебя и словъ на языке, что про господъ судачить! Просто, выскочила изъ-подъ земли вѣдьма (матусѣй, вѣроятно, икалось въ эту минуту) и повернула по своему. А она: „господа забылись“!

— Тыфу, тыфу, тыфу! сгинь-пропади! — отплеивались при словѣ „вѣдьма“ тетеньки, набожно крестясь.

Отецъ задумывался.—Словно вихремъ все унесло!—мелькало у него въ головѣ.—Спать дорогіе покойники на погостѣ подъ сѣнію храма, ими воздвигнутаго, даже памятникы настоящихъ надъ могилами ихъ не поставлено. Пройдетъ еще годовъ десять—и тѣ крохотненькія пирамидки изъ кирпича, которыя съ самаго начала были нѣско́ро сложены, разрушатся сами собой. Только Спасъ Милостивый и будетъ охранять обнаженные могильныя насыпи.

— Пожалуй, и березку-то самосадочную, которая на батюшкиной могилѣ выросла—и ту на дрова изведуть!

— Ахъ, братецъ! да вы бы...

— Что-жъ я... старъ я, умирать пора!

Просидѣвши съ сестрами часъ или полтора, отецъ спускался внизъ и затворялся въ своемъ кабинетѣ, а тетеньки, оставшись однѣ, принимались за работы изъ фольги ¹⁾, въ которыхъ онѣ слыли большими мастерицами. Аннушка, въ свою очередь, скрывалась за печку, гдѣ ей было отведено крохотное пространство, буквально столько, чтобы постелить войлокъ, на которомъ она спала. Тамъ царствовали вѣчныя сумерки и ползало и прыгало такое множество насѣкомыхъ, что даже это вполне обтерпѣвшееся существо страдало отъ нихъ. Сидя на обрубѣ дерева, Аннушка съ утра до вечера машинально надвизывала пятки къ продырявившимся тетенькинымъ чулкамъ и, покачиваясь, дремала. Говорила ли она себѣ, что жить уже довольно, или, напротивъ, просила у Бога еще хоть крошечку пожить—неизвѣстно. Вѣроятно же всего, она и то, и другое желаніе считала грѣхомъ—и вслѣдствіе этого просто жила.

И не одна она такъ жила; тетеньки, и почище ея, а не лучше жили. Стало быть, ей, рабѣ, и подавно претендовать на другую жизнь нечего. Христосъ Спасъ Милостивый благословилъ ее рабствомъ—вотъ это она помнить твердо, и ужъ, конечно, никому не удастся подорвать ея убѣжденіе, что въ будущемъ вѣкѣ она будетъ сторицей вознаграждена за свои временныя страданія. Сильная этимъ убѣжденіемъ, она бодро пойдетъ на-встрѣчу безболѣзненной и мирной кончинѣ, а до тѣхъ поръ будетъ сидѣть за печкой и „жить“. Да и тетеньки, покуда она тамъ покахтывается и почесывается, будутъ съ увѣренностью утверждать, что ежели Аннушка почесывается, то, значитъ, она „живетъ“.

Во всякомъ случаѣ, въ боковушеѣ всѣ жили въ полномъ согласіи. Госпожи „за любовь“ приказывали, Аннушка—„за любовь“ повиновалась. И если, по временамъ, барышни называли свою рабу строптивую, то это относилось не столько къ внутренней сущности рѣчей и поступковъ послѣдней, сколько къ ихъ своеобразной формѣ.

Только одинъ разъ согласіе было нарушено, и Аннушка вполне сознательно позволила себѣ быть строптивой. И именно вотъ по какому случаю. Въ припадкѣ проказливости, тетенькѣ

¹⁾ Фольгой называлась жѣсть самой тонкой прокатки, окрашиваемая въ разныя цвѣта. Изъ нея дѣлали преимущественно украшенія для мѣстныхъ церковныхъ свѣчей, вѣнчиковъ для образовъ, а иногда и цѣлыя омади.

Марья Порфирьевнѣ вдругъ вздумалось выдать Анку-каракатицу (въ то время обѣ, и барышня, и раба, были еще молоды) замужъ. Серьезно ли въ ней гнѣздилося это намѣреніе, или она только шутки шутила, во всякомъ случаѣ Аннушка испугалась. Да и было отъ чего: въ женихи ей выбрали самого рослаго дѣтину изъ всей уголковской вотчины. Аннушка бросилась къ тетенькѣ Ольгѣ Порфирьевнѣ, но послѣдней сестрицына мысль показалась настолько забавной, что она и сама не отказалась принять участіе въ затѣянномъ сватовствѣ. Недѣли двѣ-три сряду томили веселыя сестрицы несчастную каракатицу и, наконецъ, объявили, что черезъ день быть дѣвичнику. И вотъ, въ виду неминуемой бѣды, Аннушка рѣшилась послушаться. Укравшись, ушла она ночью изъ Уголка; почти безъ отдыха отмахала сорокъ верстъ, и на другой день къ обѣду была ужъ въ Малиновцѣ. Разумѣется, отецъ (онъ былъ еще холостой) принять ее подъ свое покровительство, написалъ тетенькамъ грозное письмо, и затѣя не состоялась. Но невольно спрашиваешь себя: что случилось бы, еслибы и на отца напалъ такой же смѣшливый часъ, какъ и на тетеньку Ольгу Порфирьевну?

Но возвращаясь къ міросозерцанію Аннушки. Я не назову ее сознательной пропагандисткой, но поучать она любила. Во время всякой бѣды, въ дѣвичьей немолчно гудѣлъ ея голосъ, какъ будто она вознаграждала себя за то мертвое молчаніе, на которое была осуждена въ боковушкѣ. У матушки всегда раскипалось сердце, когда до слуха ея долетало это гудѣніе, такъ что, даже не различая явственно Аннушкиныхъ рѣчей, она ужъ угадывала ихъ смыслъ.

Рѣчи эти были въ высшей степени однообразны и по существу, и по формѣ. Преслѣдуя исключительно одну и ту же мысль, они давнымъ-давно исчерпали все ея содержаніе, но имѣли за собой то преимущество, что обращались къ такой средѣ, которая никогда не могла достаточно насытиться ими. „Повинуйтесь! повинуйтесь! повинуйтесь! причастниками свѣта небеснаго будете!“ — твердила она безпрестанно и приводила примѣры изъ евангелія и житій святыхъ (какъ на грѣхъ, она церковныя книги читать могла). А такъ какъ и безъ того въ основѣ установившихся порядковъ лежало безусловное повиновеніе, во имя котораго только и разрѣшалось дышать, то всѣмъ становилось какъ будто легче при напоминаніи, что удручающія вериги рабства не были дѣйствіемъ фаталистическаго озорства, но представляли собой временное испытаніе, въ концѣ котораго общалось возсіаніе въ пригносущемъ небесномъ свѣтѣ.

Возражательницъ не случилось; только Акулина ключница не упустила случая, чтобы не прикрикнуть на нее.

— Закаркала, ворона, слушать тошно! повинуйтесь да повинуйтесь! и безъ тебя знаютъ!

Да еще матушка, подслушавши разговоръ, отеликалась изъ корридора:

— Ты что, бунтовщица, мутишь! дождай свое, да и отправляйся въ боковушку!

— Я не мучу, а добру учу, — возражала Аннушка: — я говорю: ежели господинъ слово бранное скажетъ — не ропщи; ежели рану причинить — прими съ благодарностью!

— Такъ по твоему, значить, господа только и дѣлаютъ, что ругаются да причиняютъ раны рабамъ?

— Я не говорю: только и дѣлаютъ, я говорю: *если* господинъ раны причинить...

— Ну, хорошо; пусть будетъ по твоему: *если* причинить... а дальше что?

— А потомъ, сударыня, Богъ разсудитъ.

— То-то „Богъ разсудитъ“! Велю я тебя отодрать на конюшнѣ и увижу, какъ ты благодарить меня будешь!

— И буду благодарить. Въ ножки, сударыня, поклонюсь.

Дальнѣйшихъ послѣдствій стычки эти не имѣли. Во-первыхъ, не за что было ухватиться, а во-вторыхъ Аннушку ограждала общая любовь дворовыхъ. Нельзя же было вести ее на конюшню за то, что она учила рабовъ съ благодарностью принимать отъ господъ раны! Еслибы въ самомъ-то дѣлѣ по ея сталося, тогда бы и разговоръ совсѣмъ другой былъ. Но то-то вотъ и есть: на словахъ: „повинуйтесь! да благодарите!“ — а на дѣлѣ... Держи карманъ! могутъ они что-нибудь чувствовать... хамы! Легонько его поучишь, а онъ ужъ зубы на тебя точить!

— Тышь-ка, тышь! лучше не слушать тебя, срамницу! — заключала матушка, удаляясь во-своа си.

Однажды, однако, матушка едва не приняла серьезнаго рѣшенія относительно Аннушки. Былъ какой-то большой праздникъ, но такъ какъ услуга по дому и въ праздникъ нужна, да сверхъ того матушка въ этотъ день чѣмъ-то особенно встревожена была, то, натурально, сѣнныя дѣвушки не гуляли. По обыкновенію Аннушка произносила за обѣдомъ приличное случаю слово, но, какъ я уже замѣтилъ, вступивши однажды на практическую почву, она уже не могла удержаться на высотѣ теоретическихъ воззрѣній и незамѣтно впала въ противорѣчіе сама съ собою.

— Богъ-то какъ сдѣлалъ? — учила она: — шесть дней творилъ,

а на седьмой — опочилъ. Такъ и всѣ должны. Не только люди, а и звѣри. И волеѣ, сказываютъ, въ воскресенье скотины не рѣжетъ, а лежитъ въ болотѣ и отдыхаетъ. Стало быть, ежели кто Господней заповѣди не исполняетъ...

Но ключница даже кончить ей не дала. Подъ ея надзоромъ состояла вся дѣвичья, и она отвѣчала передъ барыней за порядокъ и тишину среди „безпорточной команды“. Не мудрено, поэтому, что она подозрительно отнеслась къ Аннушкиной проповѣди.

— Ты что-жъ это! взаправду бунтовать вздумала! — крикнула она на нее: — по твоему, стало быть, ежели, теперича, праздникъ, такъ и барыниныхъ приказаній исполнять не слѣдуетъ! Сидите, молъ, склавши ручки, самъ Богъ такъ велѣлъ... Вотъ я тебя... погоди!

Съ этими словами, она выбѣжала изъ дѣвичьей и нажаловалась матушкѣ. Произзошелъ цѣлый погромъ. Матушка требовала, чтобы Аннушку немедленно услали въ Уголокъ, и даже грозилась отправить туда же самихъ тетенокъ-сестрицъ. Но, благодаря внимательству отца, дѣло кончилось крикомъ и угрозами. Онъ тоже не похвалилъ Аннушку, но ограничился тѣмъ, что поставилъ ее въ столовой, во время обѣда, на колѣни. Сверхъ того, цѣлый мѣсяцъ ее „за наказаніе“ не пускали въ дѣвичью, и носили пищу наверхъ.

Вообще, много горя приняла Аннушка отъ ключницы, хотя нельзя сказать, чтобы послѣдняя была зла по природѣ или питала предвзятую вражду къ долгоязычной каракатицѣ. Едва ли онѣ даже не сходились во взглядахъ на условія, при которыхъ возможно совмѣстное существованіе господъ и рабовъ (обѣ одинаково признавали слѣпое повиновеніе главнымъ факторомъ этихъ условій), но первая была идеалистка и смягчала свои взгляды на рабство утѣшеніями „отъ писанія“, а вторая, какъ истая саддукеевка, смотрѣла на рабство какъ на фаталистическое ярмо, которое при самомъ рожденіи придавило шею, да такъ и приросло къ ней. Поэтому, ничего нѣтъ мудренаго, что Аннушкины проповѣди представлялись Акулинѣ праздною болтовней, которая могла только бесполезно раздражать.

Сверхъ того, положеніе Акулины въ господской усадьбѣ сложилось нѣсколько иначе, нежели для прочей прислуги. Она была привезенка, и не имѣла никакой кровной связи съ Малиновцемъ и его аборигенами. Матушка высмотрѣла ее въ Заболотѣ, гдѣ она, въ качествѣ бобылки, жила на краю села, существуя ничтожной торговлишкой на площади въ базарные дни. Убѣдившись изъ разспросовъ, что это женщина расторопная, что она можетъ по-

нимать съ перваго слова, да и сама за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, матушка безъ дальнихъ разсужденій взяла ее въ Малиновецъ, гдѣ и поставила смотрѣть за женской прислугой и стеречь господское добро. Эту роль она и исполняла настолько буквально, что и сама себя называла не иначе, какъ цѣпною собакой. Ни вражды, ни ненависти ни къ кому у нея не было, а былъ только тотъ самодовлѣющій начальственный лай, отъ котораго вчужѣ становилось жутко.

— Посадили меня на цѣпь — я и лаю! — объявляла она: — вы думаете, что мнѣ барскаго добра жалко, такъ по мнѣ оно хоть пропадомъ пропади! А приставлена я его стеречь, и буду скакать на цѣпи да лаять, пока не издохну!

Однимъ словомъ, это былъ лай, который до такой степени исчерпывалъ содержаніе ярма, придавившаго шею Акулины, что ни для какого иного душевнаго движенія и мѣста въ ней не осталось. Матушка знала это, и хвалилась, что нашла для себя въ Акулиниѣ кладъ.

Нѣчто подобное сейчасъ рассказанному случаю, впрочемъ задолго до него, произошло съ Аннушкой и въ другой разъ, а именно, когда вышелъ первый ограничительный, для помѣщичьей власти, указъ, воспрещавшій продавать крѣпостныхъ людей иначе, какъ въ составѣ цѣлыхъ семействъ. Вѣсть объ этомъ быстро распространилась по селамъ и деревнямъ, а въ концѣ концовъ достигла и до малиновецкой дѣвичьей. Впечатлѣніе, произведенное ею, было несомнѣнно, хотя выразилось исключительно въ шушуканьи и потупленныхъ взорахъ, значеніе которыхъ было доступно лишь тонкому чутью помѣщиковъ („ишь, шельмецы! и глаза потупили, выдать себя не хотятъ!“). Матушка, натурально, зорко слѣдила за всѣмъ происходившимъ и въ особенности внимательно прислушивалась, что будетъ Анютеа брехать. И точно: Аннушка не заставила себя ждать, и уже совсѣмъ-было собралась сказать приличное случаю слово, но едва вымолвила:

— Милостивъ батюшка-царь! и объ насъ, многострадальныхъ рабахъ, вспомнилъ...

Какъ матушка уже налетѣла на нее.

— Цыцъ, язва долготычная! — крикнула она. — Смотрите, какая многострадальная выискалась! Да не ты ли, подлая, завсегда проповѣдуешь: отъ господъ, молъ, всякую рану слѣдуетъ съ благодарностью принять! — а тутъ, натко, обрадовалась! За что же ты вѣнды-то небесные будешь получать, ежели господинъ не смѣетъ, какъ ему надобно, тебя повернуть? Задаромъ? Вотъ возьму,

выдамъ тебя замужъ за Ваську-дурака, да и продамъ съ аукціона! получай вѣнцы небесные!

Въ этотъ разъ Аннушкина выходка не сошла съ рукъ такъ благополучно. И отецъ не вступился за нее, ибо хотя онъ и признавалъ теорію благодарнаго повиновенія рабовъ, но никакихъ практическихъ осложненій въ ней не допускалъ. Аннушку по-стегали...

Не знаю, понимала ли Аннушка, что въ ея рѣчахъ существовало двоегласіе, но думаю, что еслибы матушкѣ могло придти на мысль затѣять когда-нибудь съ нею серьезный диспутъ, то побѣдительницею вышла бы не раба, а госпожа. Повторяю: Аннушка уже по тому одному не могла не впадать въ противорѣчія съ своимъ кодексомъ, что на эти противорѣчія наталкивала ее сама жизнь. Положимъ, что принять отъ господина раны слѣдуетъ съ благодарностью, но вотъ бѣда: вчера выпороли „занапрасно“ Аришку, а она дѣвушка хорошая, жаль ее. Или опять: Мирону Степанычу намедни съ безъ зачета лобъ забрили — за что, про что? Какъ, въ виду такихъ фактовъ, удержаться на высотѣ теоріи, какъ не высказаться? А выскажешься — опять бѣда! Мотай себѣ господинъ на усъ, что онъ, собственно говоря, не выпоролъ Аришку, а способствовалъ ей получить небесный вѣнецъ... „Вотъ вѣдь какъ они, тихони-то эти, благодарность понимаютъ!“

Какъ бы то ни было, но Аннушка чувствовала себя вполне свободною только въ отсутствіе матушки. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣднею овладѣлъ духъ благопріобрѣтенія, случаи подобныхъ отсутствій повторялись довольно часто. Она уѣзжала то въ Москву, то въ новополученныя имѣнія, и поѣздки ея бывали иногда довольно долгія. Съ отъѣздомъ матушки, обыкновенно оживлялся весь домъ. Отецъ не сидѣлъ безвыходно въ кабинетѣ, но бродилъ по дому, толковалъ со старостой, съ ключницей, съ поваромъ, словомъ сказать, распоряжался; тетеньки-сестрицы сходили къ вечернему чаю внизъ и часовъ до десяти бесѣдовали съ отцомъ; дѣти рѣзвились и бѣгали по залѣ; въ дѣвичьей затѣвались пѣсни, сначала робко, потомъ громче и громче; даже у ключницы Акулины лай стихалъ въ груди. Встѣдъ за тетеньками сходила внизъ, по вечерамъ, и Аннушка.

Въ дѣвичьей ей отводили мѣсто въ уголку у стола, на которомъ горѣлъ сальный огарокъ. Дѣвушки пряли, Аннушка надазывала чулокъ и рассказывала. Темою для этихъ разсказовъ преимущественно служило подвижничество мучениковъ первыхъ временъ христіанства (любимыми ея героинями были великомученицы Вар-

вара и Екатерина). Говорила она плавно и вразумительно, такъ что даже мы, барчуки, нерѣдко забывали въ дѣвичью и съ удовольствіемъ ее слушали. Выходила яркая картина, въ которой, съ одной стороны, фигурировали немилостивые цари: Неронъ, Діоклетіанъ, Домиціанъ и проч., въ какомъ-то нелѣпно-кроважидномъ за-бытій твердившіе одни и тѣ же слова: „пожри идоламъ! пожри идоламъ!“ — съ другой — кроткія жертвы ихъ звѣрскихъ инстинктовъ, съ радостью всходившія на костры и отдававшія себя на растерзаніе звѣрямъ. Впечатлѣніе было бы полное, еслибъ Аннушка ограничилась простымъ изложеніемъ фактовъ, но она не воздерживалась и выводила изъ нихъ поученія.

— Вотъ какъ святые-то приказанія царскія исполняли! — говорила она: — на костры шли, супротивнаго слова не молвили, только имя Господне славили! А мы что? Легонько нашу сестру господинъ пошпыняеть, а мы ужъ кричимъ: немилостивый у насъ господинъ, кровь рабскую пьетъ!

Разумѣется, Акулина подмѣчала противорѣчіе между фактомъ и выводомъ и не оставляла его безъ критики.

— Дура ты, дура! — возражала она: — вѣдь ежели бы по твоему, какъ ты всегда говоришь, повиноваться, такъ святой-то человѣкъ долженъ бы былъ безъ разговоровъ чурбану поклониться — только и всего. А онъ — вишь ты что! — лучше, говорить, на куски меня изрѣжь, а я твоему Богу не слуга!

Но Аннушка не смущалась этимъ возраженіемъ и, въ свою очередь, не лѣзла за словомъ въ карманъ.

— Такъ и слѣдуетъ, — отвѣчала она: — надъ тѣломъ рабскимъ и царь, и господинъ властны, и всякое тѣлесное истязаніе рабъ долженъ принять отъ нихъ съ благодарностью, а надъ душою властенъ только Богъ.

— Стало быть, и ты будешь права? Тебѣ господа скажутъ: не болтай лишняго, долгоязычная, а ты ей въ отвѣтъ: что хотите, сударыня, дѣлайте, хоть шкуру съ меня спустите, я все съ благодарностью приму, а молчать не буду!

— Ну, что ужъ меня къ святымъ приравнивать!

— Нѣтъ, ты не увертывайся. Я тебя къ святымъ не приравниваю, а спрашиваю: должна ли ты приказаніе госпожи выполнить или нѣтъ?

Завязывался диспутъ, и должно сознаться, что въ большинствѣ случаевъ Аннушка вынуждалась уступить. Конечно, сравнительная слабость ея діалектики отчасти зависѣла и отъ особенностей того положенія, въ которомъ она находилась, яко раба, и ко-

торое препятствовало ей высказаться съ полною опредѣленностью, но фактически Акулина все-таки торжествовала.

— То-то вотъ и есть,—заклучала споръ послѣдняя:—и безъ того не сладко на ваторгѣ жить, а ты еще словно дятель повинуйтесь, да повинуйтесь!

Когда рассказы о мученикахъ истощались, на сцену выступали темы болѣе современные.

Нѣкоторые изъ нихъ я и теперь помню. Жилъ въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, господинъ немилостивый, который десятки лѣтъ свирѣпствовалъ въ своихъ вотчинахъ. Много онъ неповинныхъ душъ погубилъ; и дѣломъ, и словомъ, и помышленіемъ—всячески убивалъ, и крестьянъ своихъ до нитки разорилъ. И все ему Богъ терпѣлъ, все ждалъ, что отъ него дальше будетъ, но, наконецъ, прогнѣвался. Жена у господина была—съ любовникомъ убѣжала; семь сыновъ было—всѣ одинъ за другимъ напрасною смертю сгибли. А тутъ, на грѣхъ, сгорѣлъ господскій домъ и всѣ пожитки, какіе въ немъ были, и золото, и серебро—словомъ, все пропало. Остался господинъ одинокъ, ни семьи, ни пріюта—ничего у него нѣтъ. И началъ онъ задумываться. Думалъ да думалъ, да, наконецъ, и рѣшилъ. Надѣлъ что ни на есть ветхую одеждку, взялъ въ руки посошокъ и ушелъ бродучись ночью, чтобъ никто не видалъ. Искали его, искали, даже на крестьянъ думали, не убили ли, молъ, своего барина. И только лѣтъ десять спустя, узнали, что онъ въ дальній-дальній монастырь скрылся и схиму принялъ. Тогда все раскрылось: и тиранство господина, и раскаяніе его. Узналъ батюшка-царь и велѣлъ господина, за давнимъ временемъ, судомъ не судить, а имѣніе его отписать въ казну. Теперь мужички живутъ хорошо, отдохнули.

Но Акулина и этого безхитростнаго рассказа не пропускала безъ критики.

— Коли послушаешь тебя, что ты завсе безъ ума болтаешь, — замѣчала она,—такъ Богу-то въ это дѣло и мѣшаться не слѣдъ. Пускай, молъ, господинъ рабовъ истязаетъ, за то они вѣщцовъ небесныхъ сподобятся!

— Да вѣдь человѣчъему долготерпѣнію предѣлъ положенъ. Не святые, а тоже люди — долго ли до грѣха! Иной не вытерпитъ, да своимъ судомъ себѣ правду добыть захочетъ, а Богъ его за это наказать долженъ.

— И накажетъ. Терпи. Умрешь, тогда и получишь награду.

Героизмъ другого рассказа, тоже сложившагося подъ давле-

нѣмъ крѣпостного ига, былъ купецъ. Жилъ-былъ этотъ купецъ въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ и владѣлъ несмѣтными сокровищами. Только несправедливо онъ эти сокровища нажилъ: татбой да обманомъ, да грабежомъ. И всегда какъ разъ наоборотъ сказочному разбойнику поступалъ: богатѣвъ не трогалъ, а грабилъ только бѣдный народъ, который самъ въ руки дается. И все ему мало казалось. Принесетъ домой пригоршню золота и думаетъ: теперь надо другую добывать. И вотъ когда онъ полные сусѣки золота и серебра накопилъ, вдругъ напала на него немочь. Началъ онъ пухнуть да гноемъ наливаться, а подъ-конецъ и совсѣмъ заживо тлѣть сталъ. Пошелъ отъ него такой духъ тяжкій, что не только домочадцы и друзья, но и слуги всѣ разбѣжались; остался онъ одинъ какъ перстъ со своими сокровищами. И чтѣ ни дѣлалъ, и лекарей призывалъ, и къ угодникамъ ѣздилъ, и храмы Божіи строилъ—ничего не помогало. И Богъ-то жертвы его не принималъ. Только сидитъ онъ однажды у окошка и видитъ: идетъ мимо божій странникъ. Никогда онъ, допрежъ того, ни одного странника не накормилъ, не обогрѣлъ, а тутъ вдругъ въ голову запало: позову да позову. Стали они промежду себя разговаривать, и чѣмъ больше купецъ на своего гостя глядитъ, тѣмъ больше у него сердце любовью къ нему разжигается. И началъ онъ помаленьку передъ божьимъ странничкомъ открываться. „Наказалъ меня Богъ, говорить, такую болѣсть наслалъ на меня, что мѣста себѣ не найду; и домочадцы, и друзья—всѣ меня бросили; живу хуже пса смердящаго“.—За чтѣ же тебя Богъ наказалъ?—спрашиваетъ странникъ. „И самъ не вѣдаю, за чтѣ. Кажется, я и къ угодникамъ ѣзжу, и на храмы Божіи жертвую—и все мнѣ лѣгости нѣтъ!“—А встань-ко къ свѣту, я на тебя посмотрю!—Повернулъ странникъ къ свѣту купцову голову, и съ испугу только могъ вымолвить: чернѣ, ахъ, чернѣ у тебя душа!—И заплакалъ. И купецъ, видючи его слезы, тоже заплакалъ. Сталъ странникъ перечислять купцу грѣхи его—и чего-чего тутъ ни было! А всего больше обидѣ сиротамъ да рабамъ. И взялъ съ него въ ту пору обѣтъ: все несправедливо нажитое имѣніе на выкупъ да на облегченіе рабовъ обратить. Услышитъ ежели купецъ, гдѣ господинъ раба истязаетъ, или работою томить—долженъ за него выкупъ внести; или гдѣ ежели господинъ непосильныя дани взыскиваетъ, а рабамъ платить не изъ чего—и тутъ купецъ долженъ на помощь рабамъ придти. —Вотъ когда ты такимъ образомъ свои сокровища раздашь, Богъ и пошлетъ тебѣ облегченіе!—сказалъ подъ-конецъ странникъ, и вдругъ исчезъ, словно въ воздухѣ

растаялъ. Понялъ тогда купецъ, что А него въ гостяхъ не чело-
вѣкъ, а ангелъ Божій былъ. И сейчасъ же все какъ слѣдуетъ,
по его привязанію, выполнилъ. Заложилъ телѣгу, нагрузилъ ее
золотомъ и серебромъ и поѣхалъ. Услышнѣть, гдѣ рабъ стонетъ—
онъ его възволить: либо совсѣмъ на волю выкупить, либо сердца
начальниковъ деньгами умиловить, заступу для раба найдеть.
Одну телѣгу извѣлъ, другую нагрузилъ, и такъ до послѣд-
няго сусѣка. И стало имя купцово по всей округѣ славно,
и всѣ рабы благословляли его и молили Бога, чтобъ Онъ его
отъ немочи тяжкой избавилъ. Когда же отъ неправедно-нажи-
того сокровища ужъ ничего не осталось, божій человекъ опять
явился, но ужъ не въ странномъ видѣ, а въ видѣ свѣтлаго
облака. И услышалъ купецъ голосъ изъ облака: „отпускаются
тебѣ прегрѣшенія твои!“ и вдругъ почувствовалъ такую лёгость,
словно въ рай попалъ. И собрались, какъ прежде, въ купцовъ
домъ домочадцы и друзья-пріятель, и стали поживать миркомъ
да ладкомъ. Сыновья опять торговлей занялись и разжились пуще
прежняго, а дочка за генерала замужъ вышла. Самъ же купецъ
поселился при домѣ въ крошечной сторожкѣ и кончилъ жизнь
въ молчаніи и постѣ.

— И тутъ опять... — начинала возражать ключница, но на
этотъ разъ дѣвушки даже не давали ей развить свою мысль.

— Отстаньте, Акулина Савостьяновна! что, въ самомъ дѣлѣ,
привязались!—прерывали онѣ ее:— по вашему, и помогать-то
сиротамъ грѣхъ!

— Не грѣхъ, а нѣчего по пустому болтать. Эка невидаль,
что купецъ краденое добро отдалъ!

— Краденое не краденое, а все-таки своего добра жалко!

— Вонъ въ Заболотѣ богатѣй Маслобоевъ живетъ. На
что ужъ грабитель, а попробуй-ка у него на бѣдность попро-
сить, да онъ скорѣе удавится, а не дастъ!

Видя отпоръ, Акулина умолкала, а иногда даже совсѣмъ ухо-
дила изъ дѣвичьей, и разговоры возобновлялись свободнѣе прежняго.

— А правда-ли, тетенька, что у Троицы такой схимникъ
живетъ, который всего только одну просвирку въ день кушаетъ?
—любопытствуетъ которая-нибудь изъ слушательницъ.

— Есть такой божій человекъ. Размочить по утру въ водѣ
просвирку, скушаетъ—и сытъ на весь день. А на первой да
на страстной недѣлѣ великаго поста и во всѣ семь дней одинъ
разъ покушаетъ. Принесутъ ему въ Свѣтло Христово воскре-
сенье яичко, онъ его облупитъ, поцѣлуетъ и отдастъ нищему.
Вотъ, говорятъ, я и разговѣлся!

— Вотъ какъ угодники-то живутъ!

— А мы какъ живемъ! Насъ господа и щами, и толокномъ, и молокомъ—всѣмъ доволать, а мы ропщемъ, говоримъ: немилостивые у насъ господа! съ голоду морять!

По дѣвичьей проносится громкій вздохъ. Аннушка продолжаетъ:

— Въ царство-то небесное не широко растворены ворота, не легко въ нихъ попасть. Иной хоть и рабъ, а милость божья не покроетъ его.

Наконецъ, бьетъ десять; изъ столовой доносится стулъ передвигаемыхъ стульевъ. Это тѣтенки прощаются съ отцомъ, собираясь наверхъ. Вслѣдъ за ними снимается съ своего шестка и Аннушка.

— Спать пора!—зѣвая, рѣшаются дѣвушки, забывая, что при матушкѣ онѣ никогда раньше одиннадцати часовъ не оставляли пражки.

И черезъ полчаса весь домъ погруженъ въ глубокій сонъ.

Но всему есть конецъ. Наступаетъ конецъ и для Аннушкиныхъ вольностей. Чу! со стороны села слышится колокольчикъ, сначала слабо, потомъ явственнѣе и явственнѣе. Это ѣдетъ матушка. Съ ея прїѣздомъ все приходитъ въ старый порядокъ. Дѣвичья наполняется исключительно жужжаніемъ веретѣнь; Аннушка, словно заживо замуравленная, усаживается въ боковушкѣ за печку и дремлетъ.

Нѣчто въ родѣ подобныхъ собесѣдованій, но въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, возобновлялось и на страстной недѣлѣ великаго поста. Вся наша семья въ эту недѣлю говѣла; дѣти не учились, прислуга пользовалась относительною свободой. Чаше обыкновеннаго Аннушка сходила внизъ, оставляя тѣтенокъ однихъ, и водворялась въ дѣвичьей. Темою для ея бесѣдъ, конечно, служили Страсти Господни. И нужно сказать правду, что еслибы не она, то злополучныя обитательницы дѣвичьей имѣли бы очень слабое понятіе о томъ, что поется и читается въ эти дни въ церкви.

Но матушка не давала ей засиживаться. Мысль, что „дѣвки“, слушая Аннушку, могутъ что-то понять, была для нея непременною. Поэтому, хотя она и не гнѣвалась явно—въ такіе великіе дни гнѣваться не полагается—но, слыша въ Аннушкино гудѣніе, приходила въ дѣвичью и кротко говорила:

— Не мути ты меня, Христа ради! дай свѣтлаго праздника безъ грѣха дождаться! Поѣла и ступай съ Богомъ наверхъ!

Аннушка, конечно, повиновалась.

Несмотря, однакожь, на эти частыя столкновѣнія, въ общемъ Аннушка не могла пожаловаться на свою долю. Только подѣ конецъ жизни судьба послала ей серьезное испытаніе: матушка и ее, и тетенежь вытѣснила изъ Малиновца. Но такъ какъ я уже разсказалъ подробности этой катастрофы, то возвращаться къ ней не считаю нужнымъ.

Аннушка умерла въ глубокой старости, въ томъ самомъ монастырѣ, въ которомъ, по смерти сестры, поселилась тетенька Марья Порфирьевна. Ни на какую болѣзнь она не жаловалась, но, недѣли за двѣ до смерти, почувствовала, что ей неможется, легла въ кухнѣ на печь и не вставала.

— Слава Богу, не оставилъ меня Царь Небесный своей милостью!—говорила она, умирая:—родилась рабой, жизнь прожила рабой у господъ, а теперь, ежели сподобитъ Всевышній Батюшка умереть—на вѣки вѣчныя останусь... божьей рабой!

XIX.—МАВРУША-НОВОТОРКА.

Она была новоторжская мѣщанка и добровольно закрѣпостилась. Живописецъ Павелъ (мой первый учитель грамотѣ), скитаясь по оброку, между прочимъ, работалъ въ Торжеѣ, гдѣ и запримѣтилъ Маврушу. Они полюбили другъ друга, и матушка, почти никогда не допускавшая браковъ между дворовыми, на этотъ разъ охотно дала разрѣшеніе, потому что Павелъ приводилъ въ домъ лишнюю рабу.

Года черезъ два послѣ этого, Павла вызвали въ Малиновецъ для домашнихъ работъ. Очевидно, онъ не предвидѣлъ этой случайности, и она настолько его поразила, что хотя онъ и не ослушался барскаго приказа, но явился одинъ, безъ жены. Жаль ему было молодую жену съ вольной воли навсегда заточить въ крѣпостной адъ; думалось: поддержать господа мѣсяцъ, другой, и опять по оброку отпустить.

Но матушка разсудила иначе. Работы нашлось много: весь иконостасъ въ малиновецкой церкви предстояло возобновить, такъ что и срокъ опредѣлить было нельзя. Поэтому, Павлу было приказано вытребовать жену къ себѣ. Тщетно молилъ онъ отпустить его, предлагая двойной оброкъ и даже обязываясь поставить за себя другого живописца; тщетно увѣрялъ, что жена у него хвора, къ работѣ непривычная—матушка слышать ничего не хотѣла.

— И для хворой здѣсь работа найдется,—говорила она:—а ежели, ты говоришь, она непривычна къ работѣ, такъ за это я возьмусь: у меня скорехонько привыкнетъ.

Мавруша, однакожь, нѣкоторое время упорствовала и не являлась. Тогда ее привели въ Малиновець по этапу.

При первомъ же взглядѣ на новую рабу, матушка убѣдилась, что Павелъ былъ правъ. Дѣйствительно, это было слабое и малокровное существо, деликатное сложеніе котораго совсѣмъ не мирилось съ представленіемъ о крѣпостной каторгѣ.

— Да вѣдь что же nibудь ты, голубушка, дома дѣлала?— спросила она Маврушу.

— Чтò дѣлала! хлѣбы на продажу пекла.

— Ну, и здѣсь будешь хлѣбы печь.

И приставили Маврушу для барскаго стола ситные и бѣлые хлѣбы печь, да естати и печенье просвиръ для церковныхъ службъ на нее же возложили.

Мавруша повиновалась; но, повидимому, она съ перваго же раза поняла значеніе шага, который сдѣлала, вышедши замужъ за крѣпостного человѣка...

Поселили ихъ довольно удобно, особнякомъ. Въ нижнемъ этажѣ господскаго дома отвели для Павла просторную и свѣтлую комнату, въ которой помѣщалась его мастерская, а рядомъ съ нею, въ каморкѣ, онъ жилъ съ женой. Даже мѣсячину имъ назначили, несмотря на то, что она уже была уничтожена. И работой не отягощали, потому что трудъ Павла былъ не заурядный и ускользалъ отъ контроля; а что касается до Мавруши, то матушка, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, махнула на нее рукой, словно поняла, что существуетъ на свѣтѣ горе, растравлять которое совѣсть зазреть.

Павелъ былъ кроткій и послушливый человѣкъ. Въ качествѣ иконописца, онъ твердо зналъ церковный кругъ и отличался серьезною набожностью. По праздникамъ, пѣлъ на клиросѣ и читалъ за обѣдней апостола. Дворовые любили его настолько, что не завидовали сравнительно льготному житію, которымъ онъ пользовался. Съ такимъ же сочувствіемъ отнеслись они и къ Маврушѣ, но она дичилась и избѣгала сближеній. Павелъ, съ своей стороны, не настаивалъ на этихъ сближеніяхъ и исподволь свелъ ее только съ Аннушкой (см. предыдущую главу), такъ какъ послѣдняя, по его мнѣнію, могла силою убѣжденнаго слова утѣшить горе добровольной рабы и примирить ее съ выпавшимъ ей на долю жребіемъ.

Я, впрочемъ, довольно смутно представлялъ себѣ Маврушу, потому что она являлась на верхъ всего два раза въ недѣлю, да и то въ сумерки. Въ первый разъ, по пятницамъ, приходила за мукой, а во второй, по субботамъ, Павелъ приносилъ гро-

мадный лотокъ, уставленный стопками бѣлаго хлѣба и просвиры, а она слѣдовала за нимъ и сдавала напеченное съ вѣса ключницѣ. Но за семейными нашими обѣдами разговоръ о ней возникалъ нерѣдко.

— Нечего сказать, нещечко взялъ за себя Павлушка! — не годовала матушка, постепенно забывая кратковременную симпатію, которую она выказала къ новой рабѣ: — сидать съ утра до вечера, другъ другомъ любятъ; онъ образа малкуетъ, она чулокъ вяжетъ. И чулокъ-то не барскій, а свой! Не знаю, чтѣ отъ нея дальше будетъ, а только ежели... ну ужъ не знаю! не знаю! не знаю!

— Вольная вѣдь она была, еще не привыкла, — косвенно заступался за Маврушу отецъ.

— А развѣ чортъ ее за рога тянулъ за крѣпостного выводить! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! По моему, ежели за крѣпостного замужъ пошла, такъ должна понимать, что и сама крѣпостною сдѣлалась. И хотъ бы разъ она догадалась! хотъ бы разъ пришла: позвольте, молъ, барыня, мнѣ господскую работу поработать! У меня тоже вѣдь разумъ есть; понимаю, какую ей можно работу дать, а какую нельзя. Молотить бы не заставила!

— Хлѣбы она печетъ, просвиры...

— Это въ недѣлю-то на три часа и дѣла всего; и то печку-то, чай, муженекъ затопить... Да еще что, прокураты, дѣлаютъ! Запрутся, да никого и не пускаютъ къ себѣ. Только Анютка долгоязычная и бѣгаетъ къ нимъ.

— Не трогай ихъ, ради Христа. Пускай онъ иконостасъ кончить.

— Иконостасъ самъ по себѣ, а и она работать должна. Натко! Явилась господскій хлѣбъ ѣсть, пальцемъ о палецъ ударить не хочетъ! Даромъ-то всякій умѣетъ хлѣбъ есть! И самоваръ съ собой привезли — чай да сахары... дворяне наплись! Вотъ я возьму, да самоваръ-то отниму...

Иногда матушка подсылала ключницу посмогнѣть, чтѣ дѣлаютъ „дворяне“. Акулина исполняла барское приказаніе, но не засиживалась, и черезъ нѣсколько минутъ уже являлась съ докладомъ.

— Ну чтѣ?

— Ничего. Сидать смирно, промежду себя разговариваютъ.

— Вотъ я имъ дамъ „разговариваютъ“! Да ты бы подольше у нихъ побывала, хорошенько бы высмотрѣла.

— Нечего смотрѣть. Сидать тихо; онъ образъ шипеть, она краску треть.

— Небось, чаемъ потчивали?

— Не пивала ихняго чаю; не знаю.

— И ты съ ними за-одно... потатчица!

Но, какъ я уже сказалъ, особенныхъ мѣръ относительно Мавруши матушка все-таки не принимала, и ограничивалась воркотней. По временамъ, она, впрочемъ, призывала самого Павла.

— Долго ли твоя дворянка будетъ сложя ручки сидѣть?— приступала она въ нему.

— Простите ее, сударыня!—умолялъ Павелъ, становясь на колѣни.

— Нѣтъ, ты мнѣ отвѣчай: долго ли дворянка твоя будетъ праздновать?

— Не умѣетъ она работу работать. Хлѣбы вотъ печетъ.

— Это въ недѣлю-то три, четыре часа... А ты знаешь ли, какъ другіе работаютъ!

— Знаю, сударыня, да хвораая она у меня.

— Вотъ я эту хворъ изъ нея выбью! Ладно! подожду еще немножко, посмотрю, что отъ нея будетъ. Да и ты хорошъ гусь! Чѣмъ бы жену уму-разуму учить, а онъ цѣлуется да милуется... Пошелъ съ моихъ глазъ... тихоня!

Натурально, эти разговоры и сцены въ высшей степени удручали Павла. Хотя до сихъ поръ онъ не могъ пожаловаться, что господа его притѣсняють, но опасеніе, что его тихое житіе можетъ быть во всякую минуту нарушено, было невыносимо. Онъ упалъ духомъ, и притихъ больше прежняго.

Шли мѣсяцы; матушка все больше и больше входила въ роль властной госпожи, а Мавруша продолжала „праздновать“ и даже хлѣбы начала печь спустя рукава.

Павелъ не разъ пытался силою убѣжденія примирить жену съ новымъ положеніемъ (разсказывали, что онъ пробовалъ и „учить“ ее), но всѣ усилія его въ этомъ смыслѣ оказались напрасными. Повидимому, она еще любила мужа, но надъ этою привязанностью уже господствовало представленіе о добровольномъ закрѣпощеніи, силу котораго она только теперь поняла, и мысль, что замужество ничего не дало ей, кромѣ рабскаго ярма, до такой степени давила ее, что самая искренняя любовь легко могла уступить мѣсто равнодушію и даже ненависти. Покажѣмъ, еще до этого не дошло, но очевидно было, что насильственное водвореніе въ Малиновцѣ открыло ей глаза.

Подобно Аннушкѣ, она обзавелась своимъ кодексомъ, который сложился въ ея головѣ постепенно, по мѣрѣ того, какъ она погружалась въ обстановку рабской жизни. Ей вдругъ сдѣлалось

ясно, что, отказавшись, ради эфемернаго чувства любви, отъ воли, она въ то же время предала божій образъ и навлекла на себя „божью клятву“, которая не перестанетъ тяготѣть надъ нею не только въ этой, но и въ будущей жизни, ежели она какимъ-нибудь чудомъ не „выкупится“. Стало быть, отнынѣ всѣ заветнѣйшія мечты ея жизни должны быть устремлены къ этому „выкупу“, и вопросъ заключался лишь въ томъ, какимъ путемъ это чудо устроить. Самымъ естественнымъ выходомъ представлялся слѣдующій: нести рабское иго лишь настолько, чтобы уступать исключительно насилію. Отчасти она уже выполнила эту задачу, отказавшись явиться къ господамъ добровольно; теперь точно такъ же предстоитъ ей поступить, ежели господа вздумаютъ ее заставлять господскую работу работать. Не станетъ она работать, не станетъ. Даже если ее истязать будутъ, она и истязанья приметъ, ради изведенія души своей изъ тьмы, въ которую погрузила ее „клятва“.

Но ежели и этого будетъ недостаточно, чтобы спасти душу, то она и другой выходъ найдетъ. Покуда она еще не загадывала впередъ, но рѣшимости у нея хватить...

Была ли вполнѣ откровенна Мавруша съ мужемъ—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ Павелъ подозрѣвалъ, что въ умѣ ея зрѣетъ какое-то рѣшеніе, которое ни для нея, ни для него не предвѣщаетъ ничего добраго; естественно, что по этому поводу между ними возникали даже ссоры.

— Не стану я господскую работу работать, не поклонюсь господамъ!—твердила Мавруша: —я вольная!

— Какая же ты вольная, коли за крѣпостнымъ замужемъ! Такая же крѣпостная, какъ и прочіе,—убѣждалъ ее мужъ.

— Нѣтъ, я природная вольная; вольною родилась, вольною и умру! Не стану на господъ работать!

— Да вѣдь печешь же ты хлѣбы! хоть и легкая эта работа, а все-таки господская.

— И хлѣбы печь не стану. Ты меня въ ту пору смутилъ: попеки да попеки! а я тебя, дура, послушалась. Буду печь одиѣ просвиры для церкви божіей.

— А ежели барыня отстегать тебя велитъ?

— И пускай. Пускай какъ хотятъ тиранять, пускай хоть кожу съ живой снимутъ—я воли своей не отдамъ!

И дѣйствительно, въ одну изъ пятницъ ключница доложила матушкѣ, что Мавруша не пришла за мукой.

— Это еще что за моды такія?—вспылила матушка.

— Не знаю. Говорить: не слуга я вашимъ господамъ. Я вольная.

— А вотъ распишу я ей вольную на спинѣ. Привести ее, да и оболтуса мужа кстати позвать.

Предсказаніе Павла сбылось: Маврушу высѣли. Но на первый разъ поступили по-отечески: наказывали не на конюшнѣ, а въ дѣвичьей, и сѣчь заставили самого Павла. Когда экзекуція кончилась, она встала съ скамейки, поклонилась мужу въ ноги и тихо произнесла:

— Спасибо за науку!

Но хлѣбовъ все-таки болѣе не пекла.

Съ этихъ поръ она затосковала. Къ прежней сокрушившей ее боли прибавилась еще новая, которую нанесъ уже Павелъ, такъ легко рѣшившійся исполнить господское приказаніе. По мнѣнію ея, онъ обязанъ былъ всякую муку принять, но ни въ какомъ случаѣ не прикасаться лозой къ ея тѣлу.

— Срамникъ ты!—сказала она, когда они воротились въ свой уголь. И Павелъ понялъ, что съ этой минуты согласной ихъ жизни наступилъ безповоротный конецъ. Цѣлые дни молча проводила Мавруша въ каморѣ, и не только не садилась около мужа во время его работы, но на всѣ его вопросы отвѣчала нѣхота, лишь бы отвязаться. Никакого просвѣта въ будущемъ не предвидѣлось; даже представить себѣ Павелъ не могъ, тѣмъ все это кончится. Попытался-было онъ попросить „барина“ вступить за него, но отецъ, по обыкновенію, уклонился.

— Рабы вы,—отвѣтилъ онъ,—и должны, яко рабы, господамъ повиноваться.

— Это такъ точно, —попробовалъ возразить Павелъ,—но ежели такой случай выйдетъ.

— Никакого случая нѣтъ, просто съ жиру бѣситесь! А впрочемъ, я, братъ, въ эти дѣла не вмѣшиваюсь; ничего я не знаю, ступай, проси барыню, коли что...

Матушка, между тѣмъ, каждодневно справлялась, продолжаетъ ли Мавруша стоять на своемъ, и получала въ отвѣтъ, что продолжаетъ. Тогда вышло крутое рѣшеніе: мѣсячины непокорнымъ рабамъ не выдавать и продовольствовать ихъ, наряду съ другими дворовыми, въ застольной. Но Мавруша и тутъ оказала сопротивление, и отвѣтила черезъ ключницу, что въ застольную добровольно не пойдетъ.

— Да вѣдь захочетъ же она жрать?—удивлялась матушка.

— Не знаю. Говорить: ежели насильно меня въ застольную сведутъ, такъ я все-таки тамъ ѣсть не буду!

— Вреть, лиходѣйка! Голодъ не тетка... будетъ жрать! Ведите въ застольную!

Но Мавруша не лгала. Два дня сряду сидѣла она не ѣвши, и въ застольную не шла, а на третій день матушка обезпокоилась и призвала Павла.

— Да что она у тебя, порченная, что ли?—спросила она.

— Не знаю, сударыня. Хворая, стало быть.

— Хворые-то смирно сидятъ, не бунтуютъ; нѣтъ, она не хворая, а просто фардыбака... Дворянку разыгрываетъ изъ себя.

— Съ чего бы, кажется...

— Насквозь я ее, мерзавку, вижу! да и тебя, тихоня! Берегись! Не посмотрю, что ты изъ лѣтъ вышелъ, такъ-то не въ зачетъ въ солдаты отдамъ, что любо!

— Отпустите насъ, сударыня! Я и за себя, и за нее оброкъ заплачу.

— Ни за что! Даже когда иконостасъ кончишь, и тогда не пущу! Сгною въ Малиновцѣ. Сиди здѣсь, любуйся на свою женушку милую!

Но все это былъ только разговоръ, а нужно было какой-нибудь практической выходъ сыскать. Ничего подобного матушка въ помѣщичьей своей практикѣ не встрѣчала, и потому находилась въ великомъ смущеніи. Иногда въ ея головѣ мелькала мысль, не оставить ли Маврушу въ покоѣ, какъ это ужъ и было допущено на первыхъ порахъ по водвореніи послѣдней въ господской усадьбѣ; но она зашла ужъ такъ далеко въ своихъ угрозахъ, что отступить было неудобно. Этакъ и всѣ, глядя на фардыбаку, скажутъ: и мы будемъ склавши ручки сидѣть! Нѣтъ! надо во что бы ни стало сокрушить упорную лиходѣйку; надо, чтобъ всѣ осязательно поняли, что господская власть не праздное слово.

И, тѣмъ не менѣе, все-таки пришлось, въ концѣ концовъ, отступить...

Распораженія самыя суровыя слѣдовали одни за другими, и одни же за другими немедленно отмѣнялись. Въ сущности, матушка была не злопавна, но безконтрольная помѣщичья власть приучила ее сыпать угрозами и въ то же время притупила въ ней способность предусматривать, какія послѣдствія могутъ имѣть эти угрозы. Поэтому, встрѣтившись съ такимъ своеобразнымъ сопротивленіемъ, она совсѣмъ растерялась.

— Ведите, ведите ее на конюшню!—приказывала она, но черезъ нѣсколько минутъ одумывалась и говорила:—инъ прахъ ее поberi! не троньте! подожду, чтѣ еще будетъ!

Было даже отдано приказаніе отлучить жену отъ мужа и

силкомъ водворить Маврушу въ застольную; но когда внизу, изъ Павловой каморки, послышался шумъ, свидѣтельствовавшій о приступѣ къ выполнению барскаго приказанія, матушка испугалась... „А ну, какъ она, въ самомъ дѣлѣ, голодомъ себя уморить!“ —мелькнуло въ ея головѣ.

Всѣ домочадцы съ удивленіемъ и страхомъ слѣдили за этой борьбой ничтожной рабы съ всесильной госпожей. Матушка видѣла это, мучилась, но ничего подѣлать не могла.

— Встѣ?—безпрерывно освѣдомлялась она у ключницы.

— Отказывается покуда.

— Не иначе, какъ Павлушка потихоньку ей носить. Сказать ему, негодяю, что если онъ хоть корку хлѣба ей передастъ, то я—видитъ Богъ!—въ Сибирь обоихъ упеку!

Но едва, вслѣдъ за тѣмъ, приносили въ дѣвичью завтракъ или обѣдъ, матушка призывала которую-нибудь изъ дѣвушекъ (даже передъ ними она уже не скрывалась) и говорила:

— Снеси... ну, этой!.. щецъ, что ли... Да не сказывай, что я велѣла, а будто бы отъ себя...

Повторяю, всесильная барыня вынуждена была сознаться, что если она поведетъ эту борьбу дальше, то ей придется всѣ дѣла бросить и всю себя посвятить усмиренію строптивой рабы.

Какъ ни горько было это сознаніе, но здравый смыслъ говорилъ, что надо во что бы ни стало покончить съ обступившей со всѣхъ сторонъ безалаберщиной. И, надо отдать справедливость матушкѣ: она рѣшилась послѣдовать совѣтамъ здраваго смысла. Призвала Павла и сказала:

— Который ужъ мѣсяцъ я отъ васъ муку-мученскую терплю! Надоѣло. Живите какъ знаете. Только ежели дворянка твоя на глаза мнѣ попадется—ужъ не прогнѣвайся! Правъ ли ты, виновать ли... обоихъ въ Сибирь законопачу!

И тутъ же сдѣлала распоряженіе, чтобы Маврушу не трогать, а Павла опять перевести на мѣсячину, но одного, безъ жены.

— А она пускай какъ знаетъ, такъ и живетъ. Задаромъ хлѣбомъ кормить не буду.

Примирившись съ этой развязкой, матушка на нѣсколько дней какъ будто примолгла. Голосъ ея рѣже раздавался по дому, приказанія отдавались тихо, безъ брани. Она поняла, что необходимо, чтобы впечатлѣніе, произведенное страннымъ переполохомъ на дворню, улеглось.

Съ своей стороны, и Мавруша присмирѣла или, лучше сказать, совсѣмъ какъ бы перестала существовать. Сидѣла, какъ

узница, въ своей каморкѣ и молчала, угнетаемая одиночествомъ и горькими мыслями о погубленной молодости.

Во мнѣ лично, тогда еще почти ребенкѣ, происшествіе это возбудило сильное любопытство. Неоднократно я пытался спуститься внизъ, въ Павлову комнату, чтобъ посмотрѣть на Маврушу, но едва подходилъ къ двери, какъ меня брала оторопь, и я возвращался назадъ, не выполнивъ своего намѣренія. Зато всякій разъ, когда мнѣ случалось быть въ саду, я нарочно ходилъ взадъ и впередъ вдоль фасада дома, замедлялъ шаги передъ окномъ заповѣдной каморки и вглядывался въ затканныя паутиной стекла, скрывавшія отъ меня ея внутренность. И мнѣ слышалось, словно кто-то тамъ тихо стонетъ.

Какъ бы то ни было, но жизнь Павла была погублена. Мавруша не только отшатнулась отъ него, но даже совсѣмъ перестала съ нимъ говорить. Побѣда, которую она одержала надъ властной барыней, наводившей трепетъ на все окружающее, далеко не удовлетворила ее. Собственно говоря, тутъ и побѣды не было, а просто надобно барынѣ возиться съ безтолковой рабой, которая упала ей какъ сѣбѣ на голову. Положеніе вещей нисколько отъ этого не измѣнилось. И до побѣды Мавруша была раба, и послѣ побѣды осталась рабой же—только бунтующеюся. Поэтому, сомнѣніе ея насчетъ „божьей клятвы“ осталось въ прежней силѣ.

Мавруша тосковала больше и больше. Постепенно ей представился Павелъ, какъ главный виновникъ сокрушившаго ее несчастія. Любовь, постепенно потухая, прошла черезъ всѣ фазисы равнодушія и, наконецъ, превратилась въ положительную ненависть. Мавруша не высказывалась, но всѣми поступками, наружнымъ видомъ, тѣлодвиженіями, всѣмъ доказывала, что въ ея сердцѣ нѣтъ къ мужу никакого другого чувства, кромѣ глубокаго и непримиримаго отвращенія.

Аннушка опасалась, какъ бы она не извела мужа отравой или не „испортила“ его; но Павелъ отрицалъ возможность подобной развязки и не принималъ никакихъ мѣръ къ своему огражденію. Жизнь съ ненавидящей женщиной, которую онъ продолжалъ любить, до такой степени опостылѣла ему, что онъ и самъ страстно желалъ покончить съ собою.

— До этого она не дойдетъ,—говорилъ онъ,—а вотъ я самъ руки на себя наложу—это дѣло статочное.

Но и до этого дѣло не дошло, а разрѣшилось гораздо проще.

Раннимъ осеннимъ утромъ, было еще темно, какъ я былъ разбуженъ поднявшеюся въ домъ бѣготнею. Вскочивъ съ постели,

полуодѣтый, я сбѣжалъ внизъ, и отъ первой встрѣтившейся дѣвушки узналъ, что Мавруша повѣсилась.

Драма кончилась. Въ видѣ эпилога, я могу, впрочемъ, прибавить, что за утреннимъ чаемъ, на мой вопросъ: когда будутъ хоронить Маврушу?—матушка отвѣчала:

— А вотъ завтра обернуть въ рогожу и свезутъ въ болото.

И дѣйствительно, на другое утро пріѣхалъ изъ земскаго суда сельскій засѣдатель, разрѣшилъ похоронить самоубійцу, и я изъ окна видѣлъ, какъ Маврушино тѣло, обернутое въ дыравую рогожу, взвалили на рѣспуски и увезли въ болото.

XX.—ВАНЬКА-КАИНЪ.

Настоящее его имя было Иванъ Макаровъ, но братъ Степанъ съ перваго же раза прозвалъ его Ванькой-Каиномъ. Собственно говоря, ни проказливость нрава, ни беззавѣтное и, правду сказать, довольно-таки утомительное балагурство, которыми отличался Иванъ, вовсе не согласовались съ репутаціей, утвердившейся за подлиннымъ Ванькой-Каиномъ, но кличка безъ размышленія сорвалась съ языка и безъ размышленія же была принята всѣми.

По профессіи онъ былъ цирюльникъ. Года два назадъ, по выходѣ изъ ученья, его отпустили по оброку; но такъ какъ онъ, въ теченіе всего времени, не заплатилъ ни копѣйки, то его вызвали въ деревню. И вотъ, однажды утромъ матушкѣ доложили, что въ дѣвичьей дожидается Иванъ-цирюльникъ.

— А! золото! добро пожаловать! Ты, что же, молодчикъ, оброка не платишь?—привѣтствовала его матушка.

Но Иванъ, вмѣсто отвѣта, развязно подошелъ къ барынѣ и сказалъ:

— Позвольте, сударыня, ручку поцѣловать.

— Прочь... негодяй! Смотрите, шута разыгрывать вздумалъ! Сказывай, почему ты оброка не платишь?

— Помилуйте, сударыня, я бы съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ, да, признаться сказать, самому деньги были нужны.

— А вотъ я тебя сгною въ деревнѣ. Я тебѣ покажу, какъ шута предъ барыней разыгрывать! Посмотрю, какъ „тебѣ самому деньги были нужны“!

— Это какъ вамъ будетъ угодно. Я и здѣсь въ превосходномъ видѣ проживу.

— Ахъ ты, хамово отродье! скажите на милость!..

— Мерси-бонжуръ. Чтѣ за оплеуха, коли не достала уха! Очень вами за ласку благодаренъ!

Матушка широко раскрыла глаза отъ удивленія. Въ этомъ нескладномъ потокѣ шутковскихъ словъ она поняла только одно: что передъ нею стоитъ человѣкъ, котораго при первомъ же случаѣ надлежитъ подъ красную шапку упечь и дальнѣйшія объясненія съ которымъ могутъ повлечь лишь къ еще болѣе неожиданнымъ репримандамъ.

— Вонъ! — крикнула она, дѣлая угрожающій жестъ и въ то же время благоразумно ретируясь.

— Же-ву-фелиситъ. Не доходя прошедши. Не извольте покоитъся, получать не желаю.

Словомъ сказать, онъ съ перваго же шага ознаменовалъ свое водвореніе въ Малиновцѣ настолько характеристично, что никто ужъ не сомнѣвался насчетъ предстоявшей ему участи.

Наружный видъ онъ имѣлъ, можно сказать, самый нелѣпый. Долговязый, съ узкимъ и короткимъ туловищемъ на длинныхъ, тонкихъ ногахъ, онъ постоянно покачивался, какъ будто ноги подкашивались подъ нимъ, не будучи въ состояніи сдерживать туловища. Маленькая не по росту голова, малокровное и узкое лицо, формой своей напоминавшее лезвіе ножа, длинные изжелта-бѣлые волосы, свѣтло-голубые, безъ всякаго блеска (словно пустыне) глаза, тонкія, едва окрашенныя губы, длинные, какъ у орангъ-утанга, мотающіяся руки и, наконецъ, колеблющаяся, невѣрная походка (точно онъ не ходилъ, а шлялся)—все свидѣтельствовало о какомъ-то ненормальномъ состояніи, которое близко граничило съ невѣроятностью. Явился онъ въ бѣлой холщевой рубашкѣ на-выпускъ и, вдобавокъ, съ гармоникой, которую, впрочемъ, оставилъ въ сѣняхъ.

— Какъ это... какъ онъ сказалъ?... „Же-ву-фелиситъ“... а дальше какъ?—припоминала матушка, возвратившись въ дѣвичью и становясь у окна, чтобы поглядѣть, куда пойдетъ балагуръ.— Какъ, дѣвки, онъ сказалъ?

— „Не доходя прошедши“, — подсказала одна изъ дѣвушекъ.

— Ишь, шутъ! выдумать же!

— Видѣлъ, что вы замаяхнулись—ну, и остерегъ: проходите, молъ, мимо! — пояснила ключница Акулина, которая, въ силу своего привилегированнаго положенія въ домѣ, не слишкомъ-то стѣснялась съ матушкой.

— А вотъ я его ужѣ! Смотрите! ишь, мерзавецъ, шляется! Именно не идетъ, а шляется! Батюшки! да никакъ онъ на гармоніи играетъ! Бѣгите, бѣгите, отнимите у него гармонію!

Одна изъ дѣвушекъ побѣжала исполнить приказаніе, а матушка осталась у окна, любопытствуя, что будетъ дальше. Черезъ нѣсколько секундъ, посланная ужъ поравнялась съ балагуромъ, на-бѣгу выхватила изъ его рукъ гармонику и бросилась въ сторону. Иванъ ударился въ догонку, но, по несчастію, ноги у него заплелись, и онъ съ размаху растянулся всѣмъ туловищемъ на землю.

— Смотрите! смотрите! растянулся!.. ахъ, туша несуразная! что? почесываешься? отбилъ печенки, подлецъ? — вскрикивала матушка, любясь зрѣлищемъ и забывая недавній свой гнѣвъ.

Гармонику принесли, но вслѣдъ затѣмъ на лѣстницѣ раздались шаги. Заслышавши ихъ, матушка поспѣшно схватила гармонику и буквально бѣжала изъ дѣвичьей.

— Это ужъ не манерь! — во все горло бушевалъ воротившійся балагуръ: — словно на большой дорогѣ грабать! А я-то, дуракъ, шелъ изъ Москвы и думалъ, призоветъ меня барыня и скажетъ: сыграй мнѣ, Иванъ, на гармоніи штучку!

Навонецъ, дѣвушки всей толпой обступили его и увели. А вслѣдъ затѣмъ кучеръ Алемпій (онъ исправлялъ при усадьбѣ должность заплечнаго мастера), какъ говорится, на обѣ корки отодралъ московскаго гостя.

Въ этотъ же день матушка за обѣдомъ говорила:

— Вотъ и еще готовый солдатъ явился. Посмотрю немного, и ежели что, такъ и набора ждать не стану.

Тутъ же, за обѣдомъ, братъ Степанъ окрестилъ гостя Ванькой-Каинномъ, и кличка эта такъ всѣмъ по вкусу пришлась, что съ той же минуты вошла въ общій обиходъ. Тѣмъ не менѣе, для Степана выдумка его не обошлась даромъ. Вечеромъ, встрѣтивши своего крестника, онъ, съ обычной непринужденностью, спросилъ его:

— А что, Ванька-Каинъ, хорошо давеча отпарили?

Иванъ, услышавъ новое прозвище, сначала изумился, но сейчасъ же понялъ, что барченокъ такой же балагуръ, какъ и онъ.

— Ванька-Каинъ... затѣмъ? къ чему? — огрызнулся онъ. — Меня, сударь, Иваномъ Макаровымъ зовутъ, а вотъ васъ, правда ли, нѣтъ ли, папенька съ маменькой за все Стѣпкой-балбесомъ величаютъ!

Ремесло цирульника считалось самымъ пустымъ изъ всѣхъ, которымъ помѣщичье досужество обучало дворовыхъ для домашняго обихода. Цирульники, ходившіе по оброку, очень рѣдко оказывались исправными плательщиками. Это были люди, съ юныхъ лѣтъ испорченные легкимъ трудомъ и балагурствомъ съ

посѣтителами цирулень; поэтому, большинство ихъ почти постоянно слонялось по Москвѣ безъ мѣсты.

Пьянство не особенно было развито между ними; зато, преобладающими чертами являлись: праздность, шутовство и какое-то непреодолимое влеченіе къ исполненію всякаго рода зазорныхъ „заказовъ“. Отощавые, оборванные, бродили они, предлагая свои услуги по части „дѣвушекъ“, и не останавливались даже передъ перспективою помятыхъ боковъ, лишь бы угодить своимъ случайнымъ заказчикамъ. И что всего замѣчательнѣе, несмотря на то, что „заказы“ этого рода оплачивались широко, у этихъ людей никогда не бывало денегъ. Или, лучше сказать, они тотчасъ же самымъ безалабернымъ образомъ растрачивали полученный гонораръ въ первой полпивной, швыряя направо и налево мелкими ассигнаціями. Вообще, помѣщики смотрѣли на нихъ какъ на отпѣтыхъ, и ежели упорствовали отдавать дворовыхъ мальчиковъ въ ученіе къ цирульникамъ, то едва ли не ради того только, чтобы въ домѣ былъ на лицо полный комплектъ всякаго рода ремеслъ.

Въ деревнѣ ремесло цирульника еще рѣзче отличалось отъ прочихъ. И ткача, и сапожника, и портного, можно было держать въ *постоянномъ* трудѣ, свойственномъ специальности каждаго, тогда какъ услуга цирульника почти совсѣмъ не требовалась. У насъ, напримѣръ, можно было воспользоваться Ванькой-Каиномъ единственно для того, чтобы побрить или постричь отца, но эту деликатную операцію отлично исполнялъ камердинеръ Кононъ, да врядъ ли отецъ и довѣрилъ бы себя рукамъ прощальги, у котораго Богъ знаетъ что на умѣ. Поэтому, надо было прискаты для Ваньки-Каина стороннюю работу, на которой онъ изнывалъ бы непрестанно. Матушка, разумѣется, и занялась этимъ, потому что она даже въ мысляхъ не могла допустить, чтобы кто-нибудь изъ дворовыхъ даромъ хлѣбъ ѣлъ.

Однако, задача эта оказалась не совсѣмъ легкою. Ни къ какой работѣ Ванька-Каинъ приспособленъ не былъ. Ежели въ домъ его взять, заставить помогать Конону, такъ смотрѣть на него противно, да онъ, пожалуй, еще озорство какое-нибудь сдѣлаетъ; ежели въ помощники къ пастуху опредѣлить, такъ онъ и тамъ что-нибудь напакостить: либо стадо распустить, либо коровъ выдаивать будетъ. Думала, думала матушка и, наконецъ, рѣшила: благо начался сѣнокосъ, послать Ваньку-Каина сѣно косить. И съ вечера же, какъ только явился староста Ѳедотъ за приказаніями, она сообщила ему о своей затѣѣ.

— Врядъ ли онъ и косу въ руку взять умѣетъ, — предупреждать Ѳедотъ, — грѣхъ только съ нимъ одинъ.

— Не умѣть, такъ будетъ умѣть. Почаще плеткой вспрыскивай — скорѣхонько научится.

— То-то что... Ты его плёткой, а онъ на тебя съ косою...

— Ну, Богъ милостивъ... съ Богомъ!

Но на утро, едва выглянула матушка въ окно, какъ убѣдилась, что Ванька-Каинъ преспокойно шляется по красному двору, размахивая руками.

— Отчего Ванька не на сѣнокосѣ? — обратилась она къ ключницѣ.

— Стало быть, не пошелъ.

— Позвать его, подлеца!

— Лучше бы вы, сударыня, съ нимъ не связывались!

— Нѣтъ, нѣтъ... позвать его... сейчасъ позвать!

И черезъ нѣсколько минутъ въ дѣвичьей уже поднялся обычный содомъ.

— Ты что же, голубчикъ, на сѣнокосѣ не идешь? — кричала матушка.

— Позвольте, сударыня! „Здѣсь стригутъ и брѣютъ, и кровь отворяютъ“, а вы меня съ косою посылаете! Развѣ благородные господа такъ дѣлаютъ?

— Ахъ, мерзавецъ! онъ еще шутиki шутить!.. Сейчасъ же къ Алемпію самъ ступай! Пускай онъ тебѣ по намеднишнему засыплетъ.

— Однажды шелъ дождикъ дважды... Вчера засыпали, сегодня засыплотъ... Объ этомъ еще подумать надо, сударыня.

Казалось бы, недавняя встрѣча должна была предостеречь матушку насчетъ будущихъ стычекъ съ Ванькой-Каиномъ, но постоянно удачная крѣпостная практика до такой степени приучила ее къ непрекословному повиновению, что она и на этотъ разъ, словно застигнутая врасплохъ, стояла передъ строптивымъ рабомъ съ широко-раскрытыми глазами, безмолвная и пораженная.

— „Какъ же у другихъ-то? — мелькало въ ея головѣ: — неужто у всѣхъ такъ? въ Овсцовѣ у Анфиски... справляется же она какъ-нибудь?“

Само собою разумѣется, что Ивану, въ концѣ концовъ, все-таки засыпали, но матушка, тѣмъ не менѣе, рѣшила до времени съ Ванькой-Каиномъ въ разговоры не вступать, и какъ только полевые работы дадутъ сколько-нибудь досуга, такъ сейчасъ же отправить его въ рекрутское присутствіе.

— А до тѣхъ поръ отдамъ себя на волю Божию, — говорила она Акулинь: — пусть Батюшка Царь Небесный какъ разсудитъ,

такъ со мною и поступаетъ! Захочетъ — защититъ меня, не захочетъ — отдастъ на потѣху сквернавцу!

— Да еще примутъ ли его въ солдаты-то? — сомнѣвалась Акулина.

— Отчего не принять?

— У него, слышь, передніе зубы вышиблены.

— Ну, такъ я и знала! То-то я вчера смотрю, словно у него дыра во рту... Вотъ и еще испытаніе Царь Небесный за грѣхи посылаетъ! Ну, что-жь! Коли въ зачетъ не примутъ, такъ безъ зачета отдамъ!

Не знаю, однакожь, успѣла ли бы выполнить матушка свое рѣшеніе не встрѣчаться съ строптивымъ рабомъ, еслибъ не выручилъ ее кучеръ Алемпій, выпросивъ Ваньку-Каина на конюшню.

Послѣ этого матушка какъ будто успокоилась, но спокойствіе это было только наружное, и, въ сущности, мысль о Ванькѣ-Каинѣ продолжала преслѣдовать ее.

— Сбѣгай, посмотри, чтѣ подлець дѣлаетъ? — по нѣскольку разъ въ день посылала она дѣвчонку на конюшню.

И когда дѣвчонка возвращалась съ отвѣтомъ: — Сидитъ на приступочкѣ и посвистываетъ... — то матушка приходила въ такое волненіе, что губы у нея бѣлѣли и тряслись.

— Ты что-же, сударь, молчишь! — накидывалась она на отца: — твой вѣдь онъ! Смотрите на милость! Холопъ надъ барыней измывается, а баринъ запретъ въ кабинетъ да съ просвирами возится!

Но у отца былъ всегда на-готовѣ стереотипный отвѣтъ:

— Ничего я не знаю. Ты у меня всѣ имѣнія отняла, ты и распоряжайся!

Дни проходили за днями; Ванька-Каинъ не только не винылся, но, повидимому, совсѣмъ прижился. Онъ даже приобрѣталъ симпатію дворовыхъ. Хотя его рѣдко выпускали съ коннаго двора, но такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ другими, ходилъ обѣдать и ужинать въ застольную, то до слуха матушки непрерывно доносился оттуда хохотъ, который она, не безъ основанія, приписывала присутствію ненавистнаго балагура.

„Ишь, жеребцы, грохочутъ! — думалось ей: — навѣрное это онъ, Ванька-Каинъ, ихъ потѣшаетъ!“

Даже въ дѣвичьей слышалось подозрительное хихиканье, которое также не ускользнуло отъ вниманія матушки. Очевидно, и туда успѣли проникнуть Ивановы шутки и въ особенности произвели впечатлѣніе на „кузнечихъ“, которымъ они напомнили зо-

лотое время, когда въ ухахъ ихъ немолчно раздавался безшабашный жаргонъ прожженныхъ московскихъ мастеровыхъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно было не помирать со смѣху, когда Ванька-Каинъ, приплясывая на своихъ нескладныхъ ногахъ, пѣлъ:

Пирогн!

Горячи!

Съ пылу, съ жару,

По грошу за пару!

Съ лучкомъ, съ перцемъ,

Съ собачьимъ съ сердцемъ!

Или когда передъ собравшейся аудиторіей выступали на сцену эпизоды изъ безконечной повѣсти о потасовкахъ, которыя онъ претерпѣлъ въ теченіе своей многострадной жизни?!

— Присталъ ко мнѣ, однажды, купецъ Завейхвостовъ, — рассказывалъ онъ: — живетъ говорить, тутъ у насъ въ переулкѣ дѣвица Груша — она въ канарейкахъ у князя Унеситымоегоре состоитъ — ахъ, хороша штучка! Такъ вотъ чтó Иванъ! коли ты мнѣ ее предоставишь, откуплю я тебя, перво-на-перво, у господъ, а потомъ собственное заведеніе тебѣ устрою... Вотъ тебѣ четвертная на расходъ! Взялъ я это деньги, думаю: завсегда я хорошимъ господамъ служилъ, — надо и теперь послужить. Отправился. Прошелъ, значить, мимо ея квартиры разъ, прошелъ другой, третій — хожу да посвистываю. Вижу, сидитъ у окна дѣвица, въ пальцахъ шьетъ; взглянуть на меня и усмѣхнется. Эге! думаю, никакъ ты ужъ привышная! Подошелъ къ окну да и говорю напрямки: позвольте мнѣ съ вами, Аграфена Максимовна, разговоримѣть! — „Извольте“, говоритъ. Вошелъ я, значить, въ горницу. — Такъ и такъ, говорю, купецъ Завейхвостовъ, Терентій Прохорычъ, желаетъ съ вами въ любви жить. — Ну, разумѣется, спервоначалу зажеманилась. „Ахъ, чтó вы! да какъ я! да какимъ же манеромъ я своего князя оставить могу!“ А между прочимъ: „приходите, молъ, завтра объ эту же пору, я вамъ отвѣтъ вѣрный дамъ“. Хорошо; завтра такъ завтра. Прихожу на другой день, а у нея ужъ и самоваръ на столѣ кипитъ. Чайку не угодно ли? Сѣли, пьемъ чай, разговариваемъ. „Какое положеніе отъ Терентія Прохорыча будетъ? каковъ онъ нравомъ?“ Словомъ сказать, обо всемъ обстоятельно дѣвица спрашиваетъ. Только вдругъ, слышу я, словно по переулку кто ѣдетъ. Ближе да ближе... и вдругъ она какъ вскочить! „А вѣдь это, говоритъ, мой князь! спрячьтесь въ спальную, я его мигомъ спроважу“. Пихнула она меня въ спальную, а слѣдомъ за тѣмъ и „самъ“ нагрянулъ. Слышу,

спраниваетъ: „пришелъ?“—пришелъ! Такъ у меня сердце и захо-
лонуло: попался, значить. Выволокъ онъ меня въ ту пору вотъ
за эти самые волосы въ горницу, поставилъ къ печкѣ и началъ
лущить. Лущить-лущить по щекамъ, отдохнетъ и начнетъ по
зубамъ лущить, потомъ еще отдохнетъ и опять по щекамъ. Да
въ носъ, да въ глаза кулакомъ, кровь такъ ручьемъ и льетъ...
„Я, говорить, твою морду поганую насквозь до самаго затылка
проломлю!“ И вдругъ, въ самые вздохи какъ звѣзданетъ кулакомъ
—ну, думаю, убьетъ онъ меня! И убилъ бы, да ужъ прохожіе
начали около дома собираться...

Во время разсказа, Ванька-Каинъ постепенно входилъ въ та-
кой азартъ, что даже бѣлосватые глаза его загорались. Со всѣхъ
сторонъ слышались восклицанія:

— То-то рыло у тебя сплюснуто!

— То-то трехъ зубовъ у него спереди нѣтъ! это князь его
пожаловалъ!

— Что-жъ ты съ четвертной-то сдѣлалъ? оброкъ, что ли, за-
платилъ?

— Нѣтъ, братцы, въ ту пору послѣднія моды пришли, я
и купилъ себѣ манжеты на заячьемъ мѣху съ отворотами!

— Ха-ха-ха!

Но по мѣрѣ того, какъ росла популярность Ивана, и время,
въ свою очередь, нарастало. Сентябрь уже подходилъ къ поло-
винѣ; главная масса полевыхъ работъ отошла; дѣвушки по вече-
рамъ собирались въ дѣвичьей и сумерничали; вообще, весь домъ
исподволь переходилъ на зимнее положеніе. Ванька-Каинъ дога-
дывался, что для него готовится что-то недоброе, и догадка эта,
повидимому, начинала оказывать на него нѣкоторое дѣйствіе.
Не то чтобъ онъ унылся, но нерѣдко замѣчали, что онъ ходитъ
какъ сонный, и только вслѣдствіе сторонняго подстрекательства
начинаетъ шутки шутить.

— Всего меня, братцы, нынче ночью изломало, — жаловался
онъ:—голова какъ котелъ, бока болятъ, ноги ноютъ...

— Это тебя князь въ ту пору въ очистку отдѣлалъ!

— Много у меня князей было. Одну съѣзжую ежели сосчи-
тать, такъ иной звѣздъ на небѣ столько не видалъ, сколько спина
моя лозановъ приняла!

На его счастье, у матушки случились дѣла въ Москвѣ. Съ
отѣздомъ барыни, опасенія Ваньки-Каина настолько угомони-
лись, что въ нему возвратилась прежняя проказливость. Каждый
вечеръ приходилъ онъ въ дѣвичью, ужиналъ вмѣстѣ съ дѣвушками
и шутки шутилъ.

— Важно! Москвой запахло!—говорилъ онъ, когда на столъ ставили пустыя щи.

Или когда приносили толокно:

— А это, стало быть, бламанжей самаго послѣдняго фасона. Кеси-киселя (вѣроятно, *qu'est-ce que c'est que cela*)—милости просимъ откусать! Нѣтъ, дѣвушки, разъ меня одинъ баринъ бламанжемъ изъ дегтю угостилъ—вотъ такъ штука была! Чуть было нутро у меня не склеилось, да царской водкѣ полштофъ въ меня влили—только тѣмъ и спасли!

— Ишь вреть!

— Я вру? Это песь вреть, а не я. Я, красавицы, однажды на парѣ вилку проглотилъ. Такъ и о сю пору она во мнѣ и сидитъ.

Аннушку-каракатицу эти шутки приводили въ непритворное негодование... Вообще шутковство было противно ея природѣ, а сверхъ того, Иванъ отвлекалъ вниманіе дѣвичьей отъ ея поученій.

— Не мути, Христа ради! дай хлѣба божьяго поѣсть! — убѣждала она наглеца.

— А вамъ, тетенька, хочется, видно, поговорить, какъ отъ господъ плюхи съ благодарностью слѣдуетъ принимать? — огрызнулся Ванька-Каинъ: — такъ, по моему, этимъ добромъ и безъ того всѣ здѣсь по-горло сыты! Дѣвушки-красавицы! — обращался онъ къ слушательницамъ: — расскажу я вамъ лучше, какъ я однажды ѣздилъ на Моховую, слушать музыку духовую... — И рассказывалъ. И, къ великому огорченію Аннушки, рассказъ его не только не мутилъ дѣвушекъ, но доставлялъ имъ видимое наслажденіе.

Наконецъ, матушка воротилась. И едва успѣла поздороваться съ домочадцами и водвориться въ спальнѣ, какъ ужъ справилась, что дѣлаетъ Ванька-Каинъ. Разумѣется, ключница доложила, что онъ отбился отъ рукъ и все время сидѣя-сидѣлъ въ дѣвичьей.

— Ну, больше сидѣть не будетъ, — рѣшительно молвила матушка, и въ тотъ же вечеръ приказала старостѣ, чтобъ назавтра готовить дальнюю подводу.

Въ то время обрядъ отсылки строптивыхъ рабовъ въ рекрутское присутствіе совершался самымъ коварнымъ образомъ. За намѣченнымъ субъектомъ потихоньку слѣдили, чтобъ онъ не бѣжалъ, или не повредилъ себѣ чего-нибудь, а затѣмъ въ условленный моментъ внезапно со всѣхъ сторонъ окружали его, набивали на ноги колодки и сдавали съ рукъ на руки отдатчику.

Съ Иваномъ поступили еще коварнѣе. Его разбудили чуть свѣтъ, полусонному связали руки и, забивши въ колодки ноги, взвалили на телѣгу. Черезъ недѣлю, отдатчикъ вернулся и доло-

жилъ, что рекрута приняли, но не въ зачетъ, такъ что никакой матеріальной выгоды отъ отдачи на этотъ разъ не получилось. Однако, матушка даже выговора отдатчику не сдѣлала: она и тому была рада, что крѣпостная правда восторжествовала...

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я уже вышелъ изъ училища и состоялъ на службѣ, какъ въ одно утро мой старый дядька Гаврило вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ и объявилъ:

— А къ намъ гость пришелъ. Взойди! ничего, ступай! — прибавилъ онъ, обращаясь къ стоявшему за дверью гостю.

Передо мной предсталъ длинный-длинный, совсѣмъ высохшій скелетъ. Долгое время я вглядывался въ него, силясь припомнить, гдѣ я его видѣлъ, и, наконецъ, догадался.

— Иванъ?

— Такъ точно, вашескородіе!

— Однако, братъ, отощаль ты!

— Извольте смотрѣть, вашескородіе!

Съ этими словами, онъ раскрылъ ротъ и распялил пальцами губы.

— Извольте смотрѣть! — продолжалъ онъ: — прежде только трехъ зубовъ не было, а теперь ни одного почестъ нѣтъ!

— Да, маловато. Чтѣ же ты дѣлаешь? служишь?

— Такъ точно-съ. При полковомъ лазаретѣ фершаломъ состою. Только не долго мнѣ ужъ служить. Ни одного сустава во мнѣ живого нѣтъ; умирать пора.

Онъ пробылъ у насъ цѣлый день. Гаврило пытался вызвать его на шутки, но Иванъ такъ тоскливо взглянулъ на него при этомъ напоминаніи, что оставалось только, вмѣстѣ съ нимъ, мысленно повторить: умирать надо.

Н. Щедринъ.

АЛЕКСАНДРЪ ПОРФИРЬЕВИЧЪ БОРОДИНЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРЕЗЪ.

Окончаніе.

IV *).

Лѣтомъ 1877 года Бородинъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ за границей, въ Германіи, побывавъ въ Іенѣ, Марбургѣ, Боннѣ, Ахенѣ, Гейдельбергѣ, Страсбургѣ, Мюнхенѣ и т. д., повидавъ многихъ нѣмецкихъ ученыхъ, осмотрѣвъ множество музеевъ, кабинетовъ и проч. и проч. Труды Бородина по химіи составили ему извѣстность, какъ въ Россіи, такъ и за границей, гдѣ всегда съ интересомъ слѣдили за его новыми научными изслѣдованіями и работами. Профессоръ Д. И. Менделѣвъ, — признававшій Бородина за „первокласснаго химика, которому много обязана наука“, — рассказывалъ, что, при путешествіяхъ своихъ за границу ему постоянно приходилось слышать вопросы: „Что сдѣлалъ новаго вашъ Бородинъ?“ ¹⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что результаты заграничнаго путешествія Бородина въ 1877 году имѣли главное и специальное значеніе въ научномъ отношеніи. Но эта поѣздка представляетъ еще и другой, болѣе общій интересъ, такъ какъ въ это время Бородинъ познакомился и часто встрѣчался съ Францомъ Листомъ, однимъ изъ величайшихъ музы-

*) См. выше: окт., стр. 747.

¹⁾ „Историч. Вѣстн.“, апрѣль 1887 г., статья г. Стасова.

кальныхъ художниковъ нашего вѣка. Эти встрѣчи и свои личныя отношенія къ Ф. Листу подробно описаны Бородинымъ въ четырехъ большихъ письмахъ къ своей женѣ. Письма эти, напечатанныя, въ числѣ другихъ писемъ Бородина, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (апрѣль, 1887 г.), отличаются большою живостью и безыскусственностью изложенія и читаются тѣмъ болѣе съ интересомъ, что заключаютъ много новыхъ подробностей о Ф. Листѣ ¹⁾, характеризующихъ его личность, его жизнь, отношеніе къ окружающимъ и т. п. Въ высшей степени интересны и знаменательны приведенные въ этихъ письмахъ разговоры Листа о произведеніяхъ Бородина и вообще о русской музыкѣ, также какъ и тѣ отношенія, которыя установились между Листомъ и Бородинымъ. Все это заслуживаетъ вниманія; поэтому рѣшаемся сдѣлать извлеченіе изъ этихъ писемъ, придерживаясь подлинныхъ выраженій Бородина, чтобы по возможности сохранить характеръ, живость и непосредственность описываемыхъ имъ впечатлѣній.

Проживая въ іюлѣ 1877 г. въ Іенѣ, откуда всего $\frac{3}{4}$ часа ѣзды по желѣзной дорогѣ до Веймара, лѣтняго мѣстопребыванія Листа, Бородинъ долго собирался посѣтить знаменитаго композитора, но „все не рѣшался и откладывалъ“. Приѣхавъ, наконецъ, однажды въ Веймаръ, онъ съ трудомъ разыскалъ на концѣ города тотъ маленькій домикъ, гдѣ много лѣтъ проживалъ Листъ. Едва успѣлъ онъ вручить камердинеру свою визитную карточку, какъ въ прихожей точно изъ земли выросла „длинная фигура, въ длинномъ черномъ скротуѣ, съ длиннымъ носомъ, длинными сѣдыми волосами“. — „Vous avez fait une belle symphonie!“ ²⁾ — было первымъ привѣтствіемъ къ нему Листа. — „Soyez le bienvenu! Je suis ravi, il n'y a que deux jours que je l'ai joué chez le grand-duc, qui en est charmé. La première partie est excellente! Votre Andante est un chef-d'oeuvre, le scherzo est ravissant, et puis ça, c'est ingénieux!“ — и длинные пальцы Листа пошли наглядно изображать оригинальные ходы широкими интервалами въ скерцо и въ финалѣ Бородинской симфоніи. Затѣмъ у нихъ завязался оживленный разговоръ, то на французскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ, относительно разныхъ вопросовъ, пре-

¹⁾ Личныя воспоминанія Бородина о Листѣ были также напечатаны, подъ заглавіемъ: „Листъ у себя дома въ Веймарѣ“, въ журналѣ „Искусство“, 1888, № 11 и 12.

²⁾ Листъ говорилъ о 1-й симфоніи Es-dur, такъ какъ 2-я симфонія Бородина тогда еще не была ему извѣстна.

имущественно же о симфоніи Бородина: объ успѣхѣ ея въ публикѣ, объ отзывахъ о ней въ печати и проч. Когда Бородинъ началъ говорить, что онъ самъ сознаетъ въ своей симфоніи недостатки, требующіе исправленій, что у него встрѣчаются неловкости, слишкомъ частыя модуляціи, и что онъ вообще зашелъ, кажется, слишкомъ далеко и т. д., — Листъ безпрестанно прерывалъ его: „Dieu préserve!.. N'y touchez rien!.. Ne changez pas!.. Vous ne modulez jamais ni trop, ni mal!.. Si sind wohl sehr weit gegangen (und das ist eben Ihr Verdienst). Sie haben aber nie verfehlt“. „Не слушайте, пожалуйста, тѣхъ, кто васъ удерживаетъ отъ вашего направленія; повѣрьте: вы на настоящей дорогѣ, у васъ такъ много художественнаго чутья, что вамъ нечего бояться быть оригинальнымъ; помните, что совершенно такіе совѣты давались въ свое время и Бетховенамъ и Моцартамъ и проч., и они никогда не сдѣлались бы великими мастерами, еслибы вздумали слѣдовать такимъ совѣтамъ“. При дальнѣйшихъ разговорахъ, когда Бородинъ объяснилъ, что онъ не учился музыкѣ ни въ одной изъ консерваторій, Листъ засмѣялся: „C'est votre bonheur, mon cher monsieur! travaillez, travaillez toujours; работайте, еслибы ваши вещи даже не игрались, не издавались, не встрѣчали сочувствія; вѣрьте мнѣ — онѣ пробьютъ себѣ почетную дорогу; у васъ громадный и оригинальный талантъ, не слушайте никого, travaillez à votre manière!“ — Далѣе, когда рѣчь зашла о новѣйшей русской музыкѣ, Листъ съ интересомъ спрашивалъ о Балакиревѣ, Кюи, Римскомъ-Корсаковѣ и сдѣлалъ такое сопоставленіе ихъ произведеній съ современной нѣмецкой музыкой: „Вы знаете Германію? здѣсь пишутъ много; я тону въ морѣ музыки, которою меня заваливаютъ; но, Боже! до чего это все плоско (flach)! Ни одной живой мысли! У васъ же течетъ живая струя, рано или поздно (вѣрнѣе, что поздно), она пробьетъ себѣ дорогу и у насъ“.

При слѣдующихъ свиданіяхъ, Листъ оказывалъ Бородину самое дружеское вниманіе и расположеніе, познакомилъ его со многими музыкантами и со своей близкой пріятельницей баронессой Мейендорфъ (урожд. кн. Горчакова). Подробно спрашивалъ онъ Бородина о его дальнѣйшихъ произведеніяхъ и потребовалъ, чтобы тотъ немедленно выписалъ въ Веймаръ свою 2-ю симфонію и романсы, которые въ то время еще не были извѣстны Листу. Въ одинъ вечеръ, будучи вмѣстѣ съ Бородинымъ у баронессы Мейендорфъ, Листъ непремѣнно захотѣлъ сыграть симфонію Es-dur въ четыре руки съ самимъ авторомъ и, не смотря ни на какія отговорки и протесты Бородина, насильно почти уса-

днѣ его за рояль, проигралъ съ нимъ всю симфонію. Когда кончили, Листъ по нѣскольку разъ проигрывалъ отдѣльные мѣста, восхищаясь ихъ красотою, свѣжестью и оригинальностью, разобравъ все до мельчайшихъ подробностей и высказывая свои сужденія о каждой части симфоніи въ отдѣльности. Относительно модуляцій Бородина онъ говорилъ, что ставить ихъ въ образецъ своимъ ученикамъ; указывая на нѣкоторые изъ нихъ, онъ замѣтилъ, что ничего подобнаго нѣтъ ни у Бетховена, ни у Баха, ни у кого другого, что при всей новизнѣ, при всемъ своеобразіи,—все это такъ гладко, естественно и правильно, что ничему нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека.

Въ другой разъ, также въ домѣ баронессы Мейендорфъ, Бородинъ былъ представленъ великому герцогу Веймарскому, явившемуся къ баронессѣ специально для того, чтобы познакомиться съ пріѣзжимъ русскимъ композиторомъ. Это былъ совсѣмъ интимный вечеръ; въ присутствіи гротъ-герцога была исполнена 1-ая симфонія Бородина въ 4 руки Листомъ и однимъ изъ его учениковъ, талантливымъ и хорошимъ піанистомъ Зарембскимъ; кромѣ того самъ Бородинъ, по настоянію Листа, долженъ былъ сыграть нѣсколько отрывковъ изъ своей оперы „Князь Игорь“. Гротъ-герцогъ внимательно и серьезно слушалъ, посматривая на Листа, который, по выраженію Бородина, „такъ и кисть отъ удовольствія при разныхъ оригинальныхъ и пикантныхъ мѣстахъ, перекидываясь торжествующими взглядами, улыбаясь, кивая одобрительно головою и т. д.“ Герцогъ наговорилъ Бородину массу похвалъ и любезностей относительно его произведеній (*le meilleur compliment que je pourrais vous faire*,—сказалъ онъ, между прочимъ,—*c'est en disant que votre musique, toute belle qu'elle est, ne ressemble à rien de ce que nous avons entendu*), выразилъ желаніе, чтобы его симфонія непременно была исполнена въ томъ году въ Веймарѣ оркестромъ, спрашивалъ объ его оперѣ, ея частностяхъ и т. д.

Когда Бородинъ заѣхалъ въ Веймаръ въ послѣдній разъ, съ прощальными визитами, оказалось что его 2-я симфонія и романсы были уже доставлены. „*Nous avons joué hier votre deuxième symphonie. Superbe!*“ — поторопился заявить Листъ. Тотчасъ же усѣлся онъ за рояль и проигралъ симфонію, частью съ самимъ Бородинымъ, частью съ Зарембскимъ. На просьбы Бородина сдѣлать замѣчанія относительно его 2-й симфоніи, высказавъ откровенное мнѣніе и давъ совѣтъ, такъ какъ онъ желаетъ не слушать любезности, а извлечь пользу въ художественномъ отношеніи,—Листъ сказалъ почти то же самое, что и

по поводу 1-й симфоніи: „Ne changez rien! laissez la telle qu'elle est. En général, le seul conseil, que je puisse vous donner, c'est: suivez votre voie, n'écoutez personne; vous êtes toujours partout logique, ingénieux et tout-à-fait originale“. Затѣмъ, перебирая симфонію въ частностяхъ, онъ замѣтилъ, что критика могла бы высказать развѣ неудовольствіе, почему 2-я тема первой части не сдѣлана амогосо, или что-нибудь въ этомъ родѣ, но чтобы симфонія была дурно „построена“ изъ тѣхъ элементовъ, которые лежатъ въ основаніи ея, этого критика не имѣла права говорить... „C'est d'une construction parfaitement logique!—повторялъ Листъ, переходя отъ одной части въ другой.—Говорятъ, что нѣтъ ничего новаго подъ луной, а вѣдь вотъ это совершенно ново! Ни у кого вы не найдете этого!“—говорилъ великій художникъ по поводу разныхъ частей симфоніи. „У меня былъ вчера одинъ нѣмецъ,—продолжалъ Листъ:—онъ приносилъ мнѣ свою уже третью симфонію; я ему сказалъ: намъ, нѣмцамъ, далеко до этого, и показалъ вашу вторую симфонію. Tenez!“ Въ одно изъ свиданій Листъ подарилъ Бородину свой фотографическій кабинетный портретъ, на которомъ сдѣлалъ такую надпись: „A m-g Alexandre Borodine, affectueuse estime et sincère dévouement. F. Liszt. Juillet 1877“. Когда Бородинъ просилъ дать ему нотный автографъ,—Листъ порылся въ бумагахъ, но ничего подходящаго не нашелъ: „Ce n'est rien pour vous,—проворчалъ онъ:—ce sont de mauvaises copies“. Затѣмъ онъ взялъ листокъ нотной бумаги, отрѣзалъ половину и написалъ окончаніе своей симфоніи „Divina Comedia“, котораго въ печати нѣтъ, но о которомъ они передъ тѣмъ говорили.

Распростившись съ Листомъ, Бородинъ уѣхалъ изъ Веймара, унося съ собою самыя лучшія впечатлѣнія и воспоминанія никогда неизгладимыя. Этимъ, однако же, не окончились личныя отношенія между Бородинымъ и Листомъ. По настойчивому указанію послѣдняго, 1-ая симфонія Бородина была впервые исполнена за границей въ маѣ 1880 г. въ Баденъ-Баденѣ на большомъ музыкальномъ фестивалѣ „Всеобщаго Германскаго Музыкальнаго Общества“. Симфонія имѣла блестящій успѣхъ¹⁾, и Ф. Листъ писалъ Бородину по поводу этого исполненія слѣдую-

¹⁾ Предсѣдатель „Всеобщ. Герм. Муз. Общества“, Ридель, извѣщая Бородина официальнымъ письмомъ объ исполненіи его симфоніи въ Б.-Баденѣ, выражался: „Ваша симфонія Ея-в-г имѣла блестящій успѣхъ (glänzendsten Erfolg), въ особенности же скерцо. Присутствовавшіе въ большомъ числѣ музыканты отзывались о вашей симфоніи съ большимъ уваженіемъ и удивленіемъ. Мы всѣ сожалѣемъ, что вы не присутствовали здѣсь лично и не были свидѣтелемъ вашего торжества“.

щее: „Я очень запоздалъ со своимъ заявленіемъ насчетъ того, что вы должны знать лучше меня, что инструментовка вашей очень замѣчательной симфоніи (Es-dur) сдѣлана рукою мастера и превосходно соотвѣтствуетъ сочиненію. Серьезнымъ наслажденіемъ было для меня услышать ее на репетиціяхъ и въ концертѣ „Музыкальнаго съѣзда“ въ Баденъ-Баденѣ. Лучшіе знатоки и многочисленная публика аплодировали вамъ“.

Въ 1881 году Бородинъ вновь встрѣтился съ Листомъ въ Магдебургѣ, на съѣздѣ „Всеобщ. Герман. Муз. Общества“, и затѣмъ прожилъ въ Веймарѣ довольно продолжительное время, видаясь съ Листомъ почти ежедневно. Какъ при первомъ ихъ знакомствѣ Листъ выказывалъ столько вниманія и удивленія къ симфоніямъ Бородина, такъ и въ 1881 году онъ съ большимъ интересомъ и любовью относился къ его позднѣйшимъ произведеніямъ, и также какъ прежде отдавалъ преимущество сочиненіямъ композиторовъ новой русской школы передъ всѣмъ тѣмъ, что пишутъ новаго музыканты въ западной Европѣ. „Намъ нужно васъ, русскихъ,—говаривалъ Листъ:—вы мнѣ нужны“. „Я безъ васъ не могу—sans vous autres Russes!—смѣялся онъ: у васъ тамъ живая, жизненная струя, у васъ будущность, а здѣсь кругомъ—большую частью мертвечина“.

Таковъ былъ у Листа взглядъ на новую русскую музыку и на произведенія Бородина, а также на ихъ значеніе въ современномъ искусствѣ. Предлагаемъ читателямъ сравнить подобныя сужденія одного изъ величайшихъ художниковъ нашего вѣка съ тѣми отзывами, которые писались (да и теперь продолжаютъ писаться) о произведеніяхъ Бородина большою частью петербургскихъ и московскихъ музыкальныхъ критиковъ, никакъ не желавшихъ признать въ Бородинѣ талантливаго композитора и считавшихъ своею обязанностью и долгомъ преслѣдовать исполненіе его произведеній плохими сарказмами, нерѣдко переходившими въ грубое издѣвательство; болѣе милостивые изъ нихъ иногда удостоивали его и похвальныхъ отзывовъ, но въ этихъ отзывахъ звучало обыкновенно столько обиднаго, унижительнаго снисхожденія, что подобныя похвалы, пожалуй, нисколько не лучше рѣзкихъ нападокъ и брани. Не стоитъ, конечно, обращать вниманія на отзывы мелкихъ рецензентовъ, сужденія которыхъ въ сущности никакого значенія не имѣютъ. Но нельзя было безъ прискорбیا и досады читать критическія статьи профессоровъ музыки, извѣстныхъ преподавателей петербургской и московской консерваторій, которые, драпируясь въ профессорскую тогу, авторитетнымъ тономъ доказывали своимъ чита-

телямъ, что Бородинъ—настоящій „врагъ и гонитель музыки“; что онъ—композиторъ не лишенный таланта, но что „тенденція, влекущая его отъ прекраснаго къ безобразному, противорѣчитъ его врожденному инстинкту и составляетъ не болѣе, какъ плодъ пресыщенія, соединеннаго съ недостаточнымъ художественнымъ образованіемъ“; что онъ „почти въ каждомъ своемъ сочиненіи поставилъ себѣ задачей сдѣлать слушателю какую-нибудь не-пріятность“, что въ его оперѣ преимущественно декоративная музыка, „мазня“, „декорація, написанная не кистью, а шваброй или помеломъ“, и т. д. въ такомъ же родѣ. Вообще наша музыкальная критика, за весьма немногими исключеніями, относилась къ Бородину какъ-то враждебно, съ предвзятыми мнѣніями; она не только не содѣйствовала выясненію значенія его композиторской дѣятельности, но, наоборотъ, своими невѣрными отзывами скорѣе вредила правильному пониманію и оцѣнкѣ его произведеній. Самъ Бородинъ относился ко всѣмъ критическимъ о немъ замѣткамъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и врядъ ли кто-нибудь слышалъ отъ него выраженіе неудовольствія на рѣзкіе несправедливые отзывы печати о его произведеніяхъ и на отпускаемые на его счетъ остроты и двусмысленности. Только когда эти послѣднія принимали слишкомъ грубую, рѣзкую форму, какъ сообщаетъ г. Діанинъ, онъ волновался и говорилъ, что „виной всему зависть и наша малая культурность; нѣкоторые изъ присяжныхъ музыкантовъ не могутъ мнѣ простить, что я, занимаясь лишь въ часы досуга музыкой, создаю такія вещи, которыя обращаютъ на себя огромное вниманіе, они же при всемъ стараніи не могутъ высидѣть ничего путнаго. Ученые же коллеги косятся на мои музыкальныя занятія, видя въ нихъ поруганіе надъ ученой мантией. Вотъ еслибы я „винтилъ“ или занимался банковыми и биржевыми операціями—это было бы по ученому“.

V.

Бородинъ, какъ мы видѣли, съ самыхъ юныхъ лѣтъ имѣлъ особенную склонность къ камерной музыкѣ; онъ и самъ любилъ поиграть тріо, квартетъ и т. п., и первыя его композиторскія попытки заключались именно въ произведенія камерной музыки. „Квартеты и камерную музыку смерть люблю по прежнему“,—писалъ онъ уже въ 1886 году своему старому знакомому И. И. Гаврушкевичу. Удовлетворяя такой своей склонности къ камер-

ной музыкѣ, Бородинъ написалъ два квартета для струнныхъ инструментовъ (двухъ скрипокъ, альтъ и виолончеля), изъ которыхъ первый (A-dur) былъ напечатанъ еще при жизни автора, а второй (D-dur) изданъ только въ нынѣшнемъ году.

Нѣкоторые смотрятъ на квартеты для струнныхъ инструментовъ, какъ на родъ музыкальныхъ произведеній уже отжившій, устарѣвшій и несоотвѣтствующій современному направленію въ искусствѣ. Но врядъ ли это справедливо: этотъ родъ музыки культивировался величайшими композиторами XIX-го вѣка: такъ напр., Бетховенъ въ квартетную музыку вкладывалъ лучшіе плоды своего вдохновенія, написавъ 16 струнныхъ квартетовъ (кромя многихъ другихъ произведеній камерной музыки), изъ которыхъ многіе до сихъ поръ представляютъ образцы высшаго музыкальнаго откровенія; у Шумана три струнныхъ квартета, квартетъ и квинтетъ для струнныхъ инструментовъ и фортепіано—лучшія изъ всѣхъ его произведеній; наконецъ, современные композиторы, не исключая и тѣхъ русскихъ, у которыхъ новое направленіе въ музыкѣ выразилось наиболѣе радикально,—не перестаютъ писать квартетную музыку. При современномъ состояніи искусства, написать хорошее произведеніе, ограничиваясь скудными средствами, доступными для четырехъ струнныхъ инструментовъ соло, такъ чтобы оно, удовлетворяя спеціальнымъ требованіямъ музыки этого рода, въ то же время было интересно и ново,—представляетъ весьма не легкую задачу, требуя отъ композитора и высокой степени музыкальнаго дарованія, и значительной композиторской техники.

Бородинъ въ первомъ же своемъ квартетѣ (A-dur), оконченномъ имъ въ 1877 или 1878 г., разрѣшилъ подобную задачу такъ прекрасно, такъ талантливо и съ такимъ мастерствомъ, какъ будто уже ранѣе имъ была написана цѣлая серія произведеній этого рода, на которыхъ онъ успѣлъ выработать и стиль музыки, и спеціальныя техническія приемы. Нельзя не удивляться, до какой степени были доступны Бородину почти всѣ роды музыкальнаго искусства, съ какой легкостью онъ достигалъ всегда превосходныхъ результатовъ въ разнообразныхъ проявленіяхъ музыкальнаго творчества, обнаруживая рѣдкую разносторонность дарованія.

Квартетъ A-dur на заглавномъ листѣ имѣетъ надпись: „Angeregt durch ein Thema von Beethoven“. Дѣйствительно, первая тема первой части этого квартета имѣетъ сходство съ одной изъ темъ въ финалѣ бетховеновскаго квартета op. 130; но только этой темой и, пожалуй, еще ея первымъ изложеніемъ ограничивается вліяніе Бетховена; но въ общемъ вся музыка квартета отличается полною самостоятельностью, а мѣстами большою новизною и

смѣлостью, какъ въ замыслѣ, такъ и въ выполненіи. Одно изъ главныхъ достоинствъ этого квартета — богатство въ тематическомъ отношеніи, а тѣ гармоническія, контрапунктическія и ритмическія разработки, которыми такъ отличался Бородинъ въ своихъ симфоніяхъ, нашли здѣсь примѣненіе такое же талантливое, но болѣе тонкое, согласное съ требованіями квартетной музыки. Инструментованъ квартетъ колоритно, звучно, съ хорошимъ умѣньемъ пользоваться эффектами, доступными для однообразнаго характера струнныхъ инструментовъ. Въ первой части квартета встрѣчаются нѣкоторыя длинноты, зависящія отъ излишества тематическаго матеріала и слишкомъ развитой формы; но замѣчательная красивость темъ, масса чудесныхъ деталей, разнообразіе гармонизацій, нерѣдко капризныхъ, но всегда полныхъ вкуса и благородства, представляютъ множество интереса и заставляютъ забывать объ излишнихъ длиннотахъ. Вторая часть, *andante*, проникнута спокойствіемъ, съ отбѣнкомъ строгаго величія, изрѣдка нарушаемаго энергическими, порывистыми фразами (понижающіяся тріоли скрипки), производитъ очень хорошее впечатлѣніе простотой, искренностью и задушевностью музыки; но это впечатлѣніе нѣсколько ослабляется въ серединѣ *andante* неудачнымъ „фугато“, которое построено на довольно плохой хроматической темѣ и до крайности сухо и формально, чѣмъ совсѣмъ несвойственно духу и характеру творчества Бородина. Третья часть — живое, игривое скерцо, въ которомъ масса прекрасныхъ гармоническихъ комбинацій и остроумныхъ приѣмовъ инструментовки. Особенно оригинально задумано и инструментовано тріо, — оно написано на высокихъ флажолетныхъ нотахъ и производитъ эффектъ неожиданный и поразительный: высокія нотки струнныхъ инструментовъ звучатъ какъ колокольчики, производя такое же впечатлѣніе, какъ бы настоящее „*Glockenspiel*“ или игра въ старинныхъ часахъ, съ идеально-красивой музыкой; мѣстами ловко введенныя секунды, звучащія какъ плохо подобранные колокольчики, еще болѣе усиливаютъ иллюзію. Послѣдняя часть квартета начинается короткимъ вступленіемъ ¹⁾, съ спокойнымъ, отчасти религіознымъ настроеніемъ, въ родѣ старинной церковной музыки; но съ аллегро финала настроеніе совсѣмъ измѣняется: первая тема, порывистая, стремительная, придаетъ музыкѣ энергическій, бурный характеръ, нѣсколько смягчаемый второю, болѣе спокойною темою. Этимъ энергическимъ характеромъ музыки, полной силы и увлеченія,

¹⁾ Мастерски сдѣланный двойной контрапунктъ на одной изъ музыкальныхъ фразъ второй части квартета.

финаль отличается отъ первыхъ трехъ частей квартета, въ которыхъ преобладаетъ музыка красивая, милая и граціозная. По исполненію финаль можно считать наиболѣе интересною частью квартета; его фактура, богатая чудесными контрапунктическими разработками, представляетъ прекрасный образецъ музыкальной техники. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что финаль въ общемъ нѣсколько длиннѣе и что его музыкальное содержаніе не вполне соответствуетъ тѣснымъ, ограниченнымъ рамкамъ квартетной музыки; при его исполненіи чувствуется потребность простора симфонической музыки и разнообразія оркестровыхъ красокъ.

Второй квартетъ D-dur, написанный въ 1880 году, уступаетъ первому и въ тематическомъ отношеніи, и въ отношеніи фактуры; онъ написанъ въ болѣе простыхъ формахъ, вообще гораздо сдержаннѣе и не изобилуетъ въ такой степени, какъ другія произведенія Бородина, тѣми оригинальными приѣмами композиціи, которые нерѣдко поражаютъ своею новизною и смѣлостью. Но самая эта сдержанность и простота замысла и выполнения предоставляютъ этому квартету нѣкоторыя преимущества; при болѣе сжатыхъ формахъ его отдѣльныхъ частей, въ немъ нѣтъ тѣхъ длиннотъ, которыя находимъ въ первомъ квартетѣ, и его музыка, менѣе широкая по своему содержанію и стилю, лучше, такъ сказать, укладывается въ рамки квартета, болѣе соответствуетъ характеру и стилю камерной музыки. При хорошемъ исполненіи квартетъ D-dur слушается съ большимъ удовольствіемъ и производитъ прекрасное впечатлѣніе свѣжестью и содержательностью его музыки. Лучшая изъ его частей—третья часть, „ноктюрнъ“, музыка которой такъ изумительно красива, такъ бесконечно-поэтична, что не легко найти равную ей въ этомъ отношеніи.

Первый квартетъ Бородина пользуется большою извѣстностью за границей: его много исполняли въ Лейпцигѣ, въ Карлсруэ, Антверпенѣ, Брюсселѣ, Люттихѣ, и проч., онъ даже проникъ въ Америку, гдѣ, напримѣръ, въ филармоническомъ обществѣ въ Буффало, въ теченіе одного музыкальнаго сезона 1886 г. онъ былъ исполненъ четыре раза, и въ 1887 г. исполнялся въ Нью-Йоркѣ и въ Балтиморѣ нью-йоркскимъ бетховеновскимъ квартетнымъ обществомъ. Второй квартетъ, вышедшій изъ печати еще недавно, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть такое же повсемѣстное распространеніе, какъ и первый.

Чтобы окончить разборъ квартетной музыки Бородина, необходимо также упомянуть о написанномъ имъ въ 1886 году небольшомъ „Andante“, которое составляетъ 3-ю часть квартета,

написаннаго Бородинымъ, Римскимъ-Корсаковымъ, Лядовымъ и Глазуновымъ (каждый изъ нихъ написалъ по одной части квартета) и посвященнаго ими М. П. Бѣляеву, оказавшему значительныя заслуги на пользу русской музыки. Принадлежащее перу Бородина *Andante* состоитъ изъ красивой темы, построенной на нотахъ B-la-f (всѣ 4 части квартета построены на этихъ трехъ нотахъ): тему исполняетъ альтъ, остальные инструменты аккомпанируютъ пиццикато. Это—очень небольшая вещица, нѣчто въ родѣ серенады, весьма милая и изящная.

Въ 1880 году, когда дѣлались приготовленія къ торжественному празднованію двадцати пяти-лѣтія царствованія императора Александра II-го, задумана была, между прочимъ, постановка въ театрѣ живыхъ картинъ, изображающихъ выдающіеся эпизоды изъ всѣхъ періодовъ царствованія; картины должны были сопровождаться музыкальными произведеніями, специально для того сочиненными, написать которые вызвались многіе изъ русскихъ композиторовъ. Бородинъ взялъ на себя трудъ написать музыку къ картинѣ, изображающей распространеніе русскаго вліянія въ Средней Азіи. Это произведеніе, такъ и названное Бородинымъ: „Въ Средней Азіи, музыкальная картина“, имѣетъ слѣдующую программу: въ однообразной песчаной степи Средней Азіи впервыя раздается чуждый ей напѣвъ русской пѣсни. Слышится приближающійся топотъ коней и верблюдовъ, слышатся заунывные звуки восточнаго напѣва. По необозримой пустынѣ проходитъ туземный караванъ, охраняемый русскимъ войскомъ; доверчиво и безбоязненно совершаетъ онъ свой длинный путь. Караванъ уходитъ все дальше и дальше. Мирные напѣвы русскихъ и туземцевъ сливаются въ одну общую гармонию, отголоски которой долго слышатся въ степи и, наконецъ, замираютъ вдаль. На эту программу Бородинъ написалъ въ высшей степени талантливую, художественную симфоническую музыку, для которой воспользовался, въ сущности, весьма небогатымъ матеріаломъ; все это произведеніе основано на двухъ темахъ: одна характерно-русская, какъ бы чисто народная, другая—восточная, быть можетъ, татарская пѣсня. Благодаря прекрасной разработкѣ этихъ темъ, массѣ чудесныхъ и интересныхъ деталей и мастерской, очень тонкой и изящной инструментовкѣ—получилась превосходная музыкальная картина, которая такъ удачно и талантливо иллюстрируетъ лежащую въ ея основѣ программу во всѣхъ ея частностяхъ, что ее смѣло можно причислить къ лучшимъ образцамъ описательной музыки. Таковымъ именно и считалъ ее Францъ Листъ, ревностный поборникъ программной музыки и такъ много исполняв-

шій музыку этого рода; онъ высоко цѣнилъ „Въ Средней Азiи“ Бородинъ и горячо хвалилъ талантливость и художественность выполненiя этого произведенiя. Изъ всѣхъ музыкальныхъ сочиненiй Бородинъ его симфоническая картина „Въ Средней Азiи“ — самое распространенное произведенiе; оно сдѣлалось, можно сказать, даже популярнымъ. Оно исполняется всюду въ Россiи, гдѣ только есть сколько-нибудь сносный оркестръ, исполнялось во многихъ мѣстахъ за границей: въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, во всѣхъ главныхъ городахъ Германiи и Бельгiи, въ Амстердамѣ, въ Христианiи, въ Монако и проч., и постоянно имѣло громадный успѣхъ, нерѣдко вызывая требованiя повторенiя; такъ напр., при исполненiи въ первый разъ въ Парижѣ подъ управленiемъ Ламуре, въ Вѣнѣ подъ управленiемъ Штрауса, и т. п., симфоническая картина Бородинъ, „по требованiю публики“, появлялась вслѣдъ затѣмъ и въ слѣдующихъ концертахъ.

Есть у Бородинъ также нѣсколько пьесъ для фортепiано, но ему совсѣмъ несвойственъ былъ этотъ родъ музыки и въ немъ онъ не создалъ ничего выдающагося. Конечно, его громадная талантливость должна была отразиться и въ его фортепiаннхъ произведенiяхъ, въ которыхъ дѣйствительно находимъ кое-что, до известной степени самостоятельное и оригинальное; тѣмъ не менѣе его фортепiанная музыка не имѣетъ серьезнаго значенiя, въ тому же онъ ее написалъ очень немного, всѣ его пiесы весьма небольшихъ размѣровъ, а нѣкоторыя даже не болѣе какъ наброски.

Въ 1879 г. были напечатаны „Парафразы“ для фортепiано на неизмѣняемую извѣстную тему ¹⁾, написанныя Бородинымъ, Кюи, Римскимъ-Корсаковымъ и Лядовымъ, въ которыхъ вскорѣ присоединился Ф. Листъ, приславшiй для второго изданiя „Парафразъ“ (немедленно же напечатаннаго) парафразу своего сочиненiя. Идею объ этихъ „Парафразахъ“, — въ замыслѣ которыхъ было только остроумiе въ разрѣшенiи трудной задачи композицiи, а въ выполненiи оказалась масса художественности и талантливости, — первый подаль Бородинъ и притомъ совсѣмъ случайно. Забавляя музыкой свою маленькую воспитанницу, Бородинъ однажды заставилъ ее играть двумя пальцами вышеупомянутую „неизмѣняемую тему“, а самъ импровизировалъ подъ эту тему какъ бы въ аккомпаниментъ въ ней интересную польку, вполнѣ законченную по формѣ, съ остроумными гармонизацiями. При повторенiяхъ дѣвочкѣ надобло „играть одну только польку“, —

¹⁾ Состоящую изъ расходящихся нотъ с-dur-ной гаммы: f—g, e—a, d—h и c—c.

тогда Бородинъ импровизировалъ на ту же неизмѣняемую тему „Похоронный Маршъ“, а вслѣдъ за тѣмъ „Реквиемъ“, удачно подражая въ этомъ послѣднемъ звукамъ органа и пѣвию соло и хора. Обѣ эти пѣски весьма юмористичны, вслѣдствіе напускной, до комизма, важности и серьезности музыки, написанной въ видѣ ловкаго подражанія старымъ композиторамъ-классикамъ. Музыкальные товарищи Бородина, прельщенные такою удачною музыкальною шуткою, послѣдовали его примѣру и написали цѣлый рядъ талантливейшихъ фортепیانныхъ пьесокъ, которыя Листъ охарактеризовалъ слѣдующимъ выраженіемъ: „Вотъ прекрасный *compendium* гармоніи, контрапункта, ритма, фигурированнаго стиля и того, что называется по-нѣмцки *Formlehre*“.

Въ 1886 году была издана „Petite Suite“ Бородина, семь небольшихъ пьесъ для фортепiano: *Au couvent*, *Intermezzo*, *Deux mazurkas*, *Rêverie*, *Sérénade*, *Nocturne*. Эти пьесы весьма милы, довольно интересны; главный ихъ недостатокъ тотъ, что онѣ мало фортепiанны, будучи написаны скорѣе въ стилѣ симфонической музыки; кромѣ того, нѣкоторыя изъ нихъ (*Intermezzo*, *Rêverie*, *Nocturne*) совсѣмъ эскизны, мало разработаны и имѣютъ видъ неоконченныхъ набросковъ. Лучшая изъ всѣхъ семи пьесъ — первая, „*Au couvent*“, въ которой очень характерно и колоритно начало и окончаніе, съ оригинальными аккордами, удачно подражающими звукамъ колоколовъ; красивая тема этой пьесы спокойнаго религіознаго настроенія разработана контрапунктически съ чудеснымъ наростаніемъ звуковъ, такъ и напрашивающимся на оркестровую инструментовку. Недурны обѣ мазурки, съ очень интересными смѣлыми гармоніями, и красивое, поэтическое „*Rêverie*“, которое къ сожалѣнію слишкомъ коротко и имѣетъ совсѣмъ эскизный характеръ. Упомянемъ еще о „Серенадѣ“, построенной на замѣчательно красивой мелодіи, въ испанскомъ характерѣ, съ изящнымъ и остроумнымъ аккомпаниментомъ, подражающимъ звуку гитары; какъ фортепiанная музыка, эта пьеса мало удачна, но ея очень пѣвучая широкая мелодія представляетъ благодарный матеріалъ для вокальной музыки, и нельзя не пожалѣть, что эта серенада написана не для голоса.

Въ томъ же 1886 г. Бородинъ написалъ еще „Скерцо“ для фортепiano, посвященное имъ г-ну Жадуль, бельгійскому музыканту, большому поклоннику произведеній Бородина и вообще новой русской музыки. И въ этомъ „скерцо“ сказываются общіе недостатки фортепiанной музыки Бородина, т.-е. оно написано не въ фортепiанномъ стилѣ и мало разработано; оно коротко и,

не имѣя ни тріо, ни заключенія, неудовлетворительно по формѣ. По концепціи это—талантливая и интересная музыка, а по исполненію оставляетъ желать многого. Несмотря на существенные недостатки, „Скерцо“ съ успѣхомъ было исполняемо въ публичныхъ концертахъ въ Люттихѣ, въ Антверпенѣ и Парижѣ.

Вообще произведенія Бородина распространялись за границей довольно быстро. Послѣ того, какъ его первая симфонія была исполнена въ 1880 г. на музыкальномъ сѣздѣ въ Баденъ-Баденѣ и вызвала въ нѣмецкой печати очень хвалебные отзывы, въ Германіи начали весьма интересоваться музыкальными произведеніями Бородина, и вскорѣ объ его симфоніи, музыкальная картина „Въ Средней Азіи“ и первый квартетъ исполнялись уже съ большимъ успѣхомъ во многихъ музыкальных центрахъ Германіи, какъ Лейпцигъ, Дрезденъ, Кёльнъ и проч. Точно также начали тамъ распространяться и его романсы, изданные съ нѣмецкимъ переводнымъ текстомъ въ Гамбургѣ у Кранца. Въ короткое время Бородинъ приобрѣлъ въ Германіи почетную и громкую извѣстность своими музыкальными произведеніями среди музыкантовъ и публики, подобно тому, какъ уже ранѣе онъ пользовался извѣстностью среди ученыхъ своими научными работами по химіи.

Еще большее и болѣе быстрое распространеніе имѣли произведенія Бородина въ Бельгіи. Началось это распространеніе съ г. Люттиха, гдѣ впервые была исполнена первая симфонія Бородина, въ концѣ 1884 г., съ такимъ громаднымъ успѣхомъ, что была повторена черезъ недѣлю въ другомъ концертѣ, устроенномъ съ благотворительною цѣлью, въ расчетѣ, что новая для бельгійцевъ симфонія, такъ понравившаяся публикѣ при первомъ исполненіи, дастъ хорошій сборъ; ожиданія эти вполне оправдались. Симфонія Бородина проложила путь и другимъ современнымъ русскимъ композиторамъ; вскорѣ послѣ ея первыхъ исполненій, въ Люттихѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ концертовъ исключительно изъ произведеній русской музыки и притомъ преимущественно изъ произведеній Бородина. Не ограничиваясь его симфонической музыкой, тамъ исполняли его романсы (особенно часто исполнялись „Море“ и „Спящая княжна“) и даже многіе отрывки изъ оперы „Князь Игорь“. Послѣ такихъ блестящихъ успѣховъ въ Люттихѣ произведенія русскихъ композиторовъ начали исполнять въ Брюсселѣ и въ Антверпенѣ, съ такими же прекрасными результатами. Въ Антверпенѣ, во время бывшей тамъ въ 1885 году международной выставки, было устроено нѣсколько русскихъ концертовъ, которые привлекали особенное вниманіе музыкантовъ и публики.

Успѣхи новѣйшей русской музыки въ Бельгіи за послѣдніе годы увеличивались все болѣе и болѣе; среди бельгійскихъ музыкантовъ и любителей музыки образовался значительный контингентъ горячихъ приверженцевъ и поклонниковъ современныхъ русскихъ композиторовъ, и принимаются дѣятельныя мѣры къ даѣнѣйшему распространенію ихъ произведеній. Въ Лютихѣ, напр., учрежденъ въ концѣ 1886 года „Русскій музыкальный кружокъ“ (*Cercle musical russe*), имѣющій задачей возможно лучшее исполненіе произведеній новѣйшей русской музыки. Въ настоящее время, изъ русской музыки, болѣе всего распространены въ Бельгіи произведенія Бородина, Римскаго-Корсакова, Кюи, Чайковскаго и Глазунова, имена которыхъ приобрѣтаютъ тамъ все болшую и болшую извѣстность. Но особеннымъ расположеніемъ и вниманіемъ бельгійцевъ всегда пользовался Бородинъ; его произведенія исполнялись чаще, чѣмъ другихъ русскихъ композиторовъ, и настолько часто и много, что еслибы подвести итогъ всѣхъ исполненій произведеній Бородина въ Бельгіи за послѣдніе три года, то оказалось бы, вѣроятно, что тамъ ихъ за это время исполняли болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ въ періодъ всей двадцатилѣтней композиторской дѣятельности Бородина. Два раза пріѣзжалъ Бородинъ въ Бельгію, въ 1885 и въ 1886 г., и, присутствуя при исполненіи своихъ произведеній, въ Брюсселѣ, въ Антверпенѣ и въ Лютихѣ, былъ предметомъ овацій, устраиваемыхъ ему, какъ на репетиціяхъ концертовъ музыкантами, такъ и въ самихъ концертахъ — многочисленною публикою, восторженно привѣтствовавшею талантливаго композитора.

Произведенія Бородина проникли также и въ Амстердамы, гдѣ 21-го января 1887 г. въ концертѣ музыкальнаго общества „Felix-Meritis“, подъ управленіемъ капельмейстера Рентгена, были исполнены первая симфонія Бородина, музыкальная картина „Въ Средней Азіи“ и романсъ „Фальшивая нота“. Успѣхъ былъ столь значительный, что вскорѣ затѣмъ (3-го февраля) симфонія была исполнена во второй разъ въ одномъ изъ классическихъ амстердамскихъ концертовъ „Paleis Orkest“, подъ управленіемъ капельмейстера Кунена ¹⁾.

При частыхъ въ послѣднее время исполненіяхъ за границей произведеній Бородина, конечно, о нихъ было и много писано въ заграничной печати. Масса отзывовъ, отчетовъ, критическихъ замѣтокъ о его произведеніяхъ, помѣщенныхъ въ журналахъ и

¹⁾ Въ этихъ концертахъ въ Амстердамы были исполнены и другія произведенія русской музыки: симфонія „Антаръ“ и „Сербская фантазія“ Римскаго-Корсакова, отрывки изъ оп. „Кавказскій плѣнникъ“ и „Тарантелла“ Кюи, и проч.

газетахъ нѣмецкихъ, французскихъ, бельгійскихъ и голландскихъ, свидѣтельствуешь, что въ западной Европѣ интересуются произведеніями Бородина и придаютъ имъ большое значеніе. Музыкальные критики заграничной печати, въ противоположность сужденіямъ большей части нашихъ отечественныхъ критиковъ, ставятъ Бородина, какъ композитора, очень высоко, указываютъ на большія достоинства его музыки, чрезвычайно новой, какъ по идеямъ, такъ и по формѣ, изящно-благородной по стилю и художественно-мастерской по выполнению; они признають его творческій талантъ въ высшей степени сильнымъ и оригинальнымъ и иногда прямо называютъ Бородина истинно-геніальнымъ композиторомъ, равнымъ по силѣ и глубинѣ дарованія съ величайшими художниками.

VI.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ здоровье Бородина, бывшее прежде всегда въ прекрасномъ состояніи, начало замѣтно ухудшаться. Сѣдина быстро пробивалась въ волосы, не стало у него прежняго замѣчательно свѣжаго цвѣта лица, который невольно обращалъ на себя вниманіе; иногда у Александра Порфирьевича можно было замѣчать усталость и нѣкоторую вялость, чего прежде и въ поминѣ не было, несмотря ни на какія занятія, чрезвычайные труды и бессонныя ночи. Онъ, видимо, терялъ силы и бодрость, чему сначала не придавалъ никакого значенія; но, въ концѣ концовъ, все болѣе и болѣе разстраивающееся здоровье заставило его обратиться къ совѣтамъ врачей, которые констатировали у него довольно серьезную болѣзнь сердца, требующую тщательнаго леченія и строгаго режима жизни. Однако Бородинъ не обратилъ вниманія на ихъ совѣты и предостереженія, онъ не хотѣлъ предпринимать систематическаго леченія, находя, что начать лечиться - значитъ перестать жить на все время леченія, а для этого, говорилъ онъ, у него не было ни досуга, ни охоты. Беззаботно махнулъ онъ рукой на совѣты врачей и оставилъ свое здоровье на произволъ судьбы. Въ то же время семейное положеніе Бородина, не отличавшееся и прежде хорошими условіями, ухудшилось еще болѣе. Продолжительная болѣзнь его жены такъ усилилась, что климатъ и гигиеническія условія Петербурга сдѣлались для нея крайне вредными; она должна была переселиться въ Москву. Оставаясь жить въ Петербургѣ, Бородинъ часто ѣздилъ навѣщать жену, а нерѣдко внезапное ухудшеніе

ея здоровья и опасенія за ея жизнь заставляли его бросать всѣ дѣла и занятія и мчаться по Николаевской желѣзной дорогѣ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ трудно было серьезно заниматься композиторскими работами. Опера „Князь Игорь“, надъ которой Бородинъ трудился такъ много лѣтъ, все еще оставалась неоконченною, хотя почти всѣ большія сцены, все наиболѣе капитальное было уже написано и для полного окончанія оставалось сдѣлать уже сравнительно немного. Но это-то и не удавалось Бородину; въ концѣ концовъ онъ началъ смотрѣть на свою оперу какъ на тяжелое бремя, и, кажется, даже сомнѣвался, чтобы ему удалось когда-нибудь ее окончить — по крайней мѣрѣ нѣчто такое слышалось иногда въ его шутливыхъ и ироническихъ, по отношенію къ самому себѣ и къ своему творчеству, отвѣтахъ на вопросы о судьбѣ его оперы. Въ послѣдніе годы его трудъ почти совсѣмъ не подвигался. „Съ оперой у меня — одинъ срамъ! — писалъ онъ Л. И. Шестаковой въ январѣ 1883 года:... винюсь во всѣхъ моихъ винахъ передъ вами и передъ музыкой“. Творчество по временамъ, казалось, совсѣмъ покидало его, чтѣ бывало причиной его большихъ тревогъ и мученій. По рассказамъ его жены, въ 1884 г. случилось, что въ безсонныя ночи онъ тревожно метался въ постели и, на вопросы о причинахъ тревоги, отвѣчалъ: „Не могу сочинять! Не могу сочинять!“

При поѣздахъ на короткое время въ Бельгію въ 1885 и 1886 г., какъ упомянуто выше, Бородинъ не могъ не вынести самага отраднаго впечатлѣнія, будучи свидѣтелемъ настоящихъ триумфовъ своихъ музыкальных произведеній, при исполненіи ихъ въ Брюсселѣ, Антверпенѣ и Люттихѣ, когда публики, артисты и музыканты выражали искреннее, неподдѣльное удивленіе его сильному таланту и его самого окружали вниманіемъ, уваженіемъ и почетомъ. Быть можетъ, подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, у Бородина вновь пробудилось влеченіе къ сочиненію музыки; онъ принялся за новую, третью симфонію и за окончаніе „Князя Игоря“. Въ успѣшномъ окончаніи послѣдняго онъ пересталъ болѣе сомнѣваться, какъ это доказывается тѣмъ, что относительно печатанія своей оперы онъ заключилъ формальное условіе съ извѣстнымъ издателемъ русскихъ музыкальных произведеній М. П. Бѣляевымъ.

Бородинъ оставался доволенъ успѣхами своихъ работъ, особенно новой симфоніей, двѣ части которой были уже окончены въ началѣ 1887 г., но еще не инструментованы; онъ рассчитывалъ скоро написать и остальные части, имѣя уже собранный для нихъ матеріалъ. Неожиданная, внезапная смерть положила

конецъ всѣмъ трудамъ. 15-го февраля 1887 г. Александръ Порфирьевичъ, въ кругу собравшихся у него въ тотъ вечеръ товарищей по академіи, среди веселыхъ пріятельскихъ разговоровъ, упалъ мертвымъ; смерть наступила мгновенно отъ паралича сердца. Невозможно было предвидѣть такой быстрый печальный исходъ; встрѣчая Бородинъ въ самые послѣдніе дни его жизни, видя его вполне бодрымъ, оживленнымъ и веселымъ, нельзя было допустить и мысли, что дни его уже сочтены. Однако болѣе близкіе къ нему профессора медицинской академіи говорили, что его организмъ и силы были значительно истощены, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ занятій, отсутствія отдыха и, главное, вслѣдствіе недостаточности сна; за послѣднее время Бородинъ спалъ изумительно мало—не болѣе четырехъ часовъ въ сутки. Въ засѣданіи общества русскихъ врачей, 16-го апрѣля 1887 г., посвященномъ памяти Бородина, профессоръ С. П. Боткинъ, характеризуя научную и художественную дѣятельность А. П., говорилъ о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Живя, такъ сказать, своею двойною жизнью, онъ жегъ свою свѣчку съ двухъ сторонъ. Онъ погибъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, полный плановъ и новыхъ надеждъ“.

Со смертью Бородина его большая опера „Князь Игорь“; надъ которой онъ работалъ болѣе 15-ти лѣтъ, осталась неоконченною; но, къ счастью, этому громадному труду не дали погибнуть. Окончить „Игоря“ взялся Н. А. Римскій-Корсаковъ, находившійся съ Бородинымъ въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ; Бородинъ всегда совѣтовался съ г. Римскимъ-Корсаковымъ о своихъ музыкальныхъ работахъ, повѣрялъ ему свои планы и предположенія, и, такимъ образомъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ былъ, такъ сказать, посвященъ во всѣ тайны сочиненія „Князя Игоря“; ему хорошо было извѣстно, во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ, все, что предполагалъ и даже какъ предполагалъ сдѣлать Бородинъ. Этими счастливыми обстоятельствами г. Корсаковъ воспользовался съ свойственною ему энергіею, любовью къ дѣлу и преданностью къ памяти покойнаго друга. Въ первые же дни послѣ смерти Бородина, онъ поспѣшилъ записать все когда-либо слышанное отъ Бородина по части его музыкальныхъ работъ, чтобы по возможности ничто не осталось забытымъ. Въ этомъ дѣлѣ ему много помогалъ А. К. Глазуновъ, благодаря феноменальной музыкальной памяти котораго оказалось возможнымъ записать многое изъ сочиненнаго Бородинымъ въ послѣднее время, что не было даже набросано имъ на бумагу. Такъ, напримѣръ, большая увертюра къ оперѣ „Князь Игорь“ была спасена отъ забвенія именно вслѣдствіе счастливой случайности, что г. Гла-

знують нѣсколько разъ слышать ее въ фортепіанномъ исполненіи автора; онъ записалъ увертюру по памяти и затѣмъ оркестровалъ.

А. К. Глазуновымъ точно также оркестрованы двѣ части третьей симфоніи Бородина, оставшіяся послѣ него въ наброскахъ. Эти двѣ части симфоніи (также какъ и увертюра къ „Игорю“) были уже исполнены 24-го октября 1887 г., въ одномъ изъ русскихъ симфоническихъ концертовъ, который былъ посвященъ памяти Бородина и состоялъ исключительно изъ его произведеній. Первая часть симфоніи—*allegro moderato*, съ чрезвычайно красивой музыкой, въ русскомъ народномъ характерѣ, мечтательнаго, какъ бы пасторальнаго настроенія. Замѣчательное богатство въ тематическомъ отношеніи, изящество гармонизаціи, ясность изложенія и художественность разработокъ производятъ чарующее впечатлѣніе и составляютъ высокія достоинства этого аллегро. Это, самое позднее, произведение Бородина, сочиненное незадолго до его смерти, прекрасно свидѣтельствуетъ, что и въ послѣднее время творческія способности Бородина были въ полной силѣ развитія и что отъ него можно было ожидать еще многого въ высшей степени талантливаго и интереснаго. Вторая часть симфоніи — большое, широко развитое скерцо, также въ русскомъ характерѣ; его пятичетвертной ритмъ, прерываемый мѣстами энергическими фразами двухъ-дольнаго ритма, при смѣлыхъ и затѣйливыхъ гармоническихъ оборотахъ, придаютъ музыкѣ много мужественности, бодрости, силы и той своеобразности, которою отличаются лучшія произведенія Бородина. Болѣе мягкимъ, спокойнымъ характеромъ музыки выдѣляется тріо этого скерцо, производя прекрасное впечатлѣніе своею красивою мелодичностью. Въ общемъ, скерцо это одно изъ лучшихъ во всей симфонической музыкѣ. Замѣтимъ, что первоначально оно было написано для струннаго квартета и уже потомъ предназначено Бородинымъ для его третьей симфоніи.

Съ большою энергіей принялся Н. А. Римскій-Корсаковъ за приведеніе въ порядокъ и окончаніе оперы „Князь Игорь“. Прологъ оперы и два первыя дѣйствія были Бородинымъ вполне окончены; въ 4-мъ дѣйствіи оказалось нужнымъ пополнить нѣкоторые неоконченныя мѣста; главное же затрудненіе представляло 3-е дѣйствіе, для котораго Бородинымъ было написано очень немного. Въ рукописяхъ Бородина, однако, осталось не мало музыкальнаго матеріала, который можно было утилизировать для пополненія недостающей въ оперѣ музыки. Кромѣ того многое изъ написаннаго оставалось неинструментованнымъ, а нѣкоторые нумера оперы, еще раньше инструментованные авторомъ, послѣ

исполненія ихъ въ концертахъ, требовали нѣкоторыхъ измѣненій въ оркестровкѣ, намѣченныхъ Бородинымъ, но оставшихся невыполненными. Затѣмъ предстоялъ еще немаловажный трудъ по общей редакціи оперы и по приготовленію ея къ печати. Н. А. Римскій-Корсаковъ повелъ дѣло очень быстро, не щадя трудовъ для возможно скорого окончанія оперы. Не малое содѣйствіе оказалъ ему А. К. Глазуновъ, взявшійся написать, по матеріаламъ Бородина, недостающую музыку 3-го дѣйствія. Какъ упомянуто выше, право на изданіе „Князя Игоря“ было предоставлено еще самимъ авторомъ М. П. Бѣляеву, и въ этомъ отношеніи не встрѣтилось никакихъ затрудненій. По мѣрѣ того какъ Римскій-Корсаковъ подвигалъ свою работу, рукописи его по частямъ поступали въ печать ¹⁾, и все шло такъ успѣшно, что къ первой же годовщинѣ смерти Бородина вся опера была уже вполнѣ окончена, отпечатана въ значительной части и вскорѣ затѣмъ представлена Римскимъ-Корсаковымъ въ театральную дирекцію, которая немедленно сдѣлала распоряженіе о приготовленіяхъ къ постановкѣ оперы на сценѣ. Такимъ образомъ, благодаря энергіи и стараніямъ Н. А. Римскаго-Корсакова, прекрасное произведеніе Бородина не осталось мертвымъ, неоконченнымъ трудомъ и архивнымъ достояніемъ Публичной бібліотеки, но выйдетъ въ свѣтъ, будетъ исполняемо и, конечно, будетъ имѣть выдающійся успѣхъ. Это громадная заслуга г. Римскаго-Корсакова, тѣмъ болѣе замѣчательная, что съ его стороны нужна была не малая доля самоотверженія, чтобы самому, будучи даровитымъ первокласснымъ композиторомъ, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ творческихъ силъ, посвятить массу времени на кропотливый трудъ по обработкѣ чужого произведенія. Сколько для этого нужно любви и преданности къ искусству, сколько уваженія и довѣрія къ труду другого! Кстати будетъ припомнить, что это не первая заслуга г. Римскаго-Корсакова въ подобномъ родѣ. Онъ же инструментовалъ оставшуюся послѣ Даргомыжскаго недооконченную оперу „Каменный Гость“; имъ же окончены, инструментованы и изданы подъ его редакціей произведенія Мусоргскаго: большая опера „Хованщина“, оркестровая фантазія „Ночь на Лысой горѣ“ и цѣлый рядъ романсовъ. Это все факты въ высшей степени знаменательные и небывалые; ни въ музыкѣ, ни въ области другихъ родовъ искусства нельзя

¹⁾ Одновременно приступлено было къ печатанію полной оркестровой партитуры оперы, отдѣльных партій для голосовъ и оркестровыхъ инструментовъ, фортепианнаго переложенія оперы съ текстомъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и переложенія для одного фортепіано, безъ текста. Всѣ работы производились въ лучшемъ въ Европѣ потонечномъ заведеніи Рёдера въ Лейпцигѣ.

было до сихъ поръ указать художника, который съ такимъ самоотверженіемъ примѣнялъ бы свою творческую дѣятельность къ произведеніямъ своихъ умершихъ собратьевъ, какъ то сдѣлалъ Н. А. Римскій-Корсаковъ.

Какъ упомянуто выше, нѣкоторые отрывки изъ оперы „Князь Игорь“ были исполняемы въ концертахъ, и по нимъ уже можно было заключить, что и въ оперной музыкѣ Бородинъ являлся такимъ же талантливымъ, оригинальнымъ и самобытнымъ художникомъ, какъ и во всѣхъ своихъ другихъ произведеніяхъ; кромѣ того многое изъ „Игоря“ удавалось намъ слышать, при жизни автора, въ его собственномъ исполненіи на фортепіано, и каждое появленіе какой-нибудь новой вещи изъ этой оперы возбуждало все болѣй и болѣй интересъ. Когда же, знакомясь ближе и обстоятельнѣе со всей оперой по корректурамъ печатавшихся партитуры и фортепіаннаго переложенія, приходилось отерывать въ этой музыкѣ все новыя красоты и художественныя достоинства, мы все болѣе убѣждались, что опера „Князь Игорь“ — выдающееся, капитальное произведеніе, представляющее одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и типичныхъ образцовъ русскаго музыкальнаго творчества.

Нельзя не отнести съ особеннымъ одобреніемъ къ самому выбору такого эпическаго сюжета для оперы, какъ „Слово о полку Игоревѣ“. Походъ Игоря Святославича, князя сѣверскаго, на половцевъ въ 1185 году, печальный исходъ битвы при р. Каялѣ, плѣнъ Игоря и его бѣгство изъ плѣна, поэтический образъ Ярославны, жены Игоря, и т. п., все это совсѣмъ новыя, оригинальныя и смѣлыя для оперной музыки элементы, представляющіе прекрасный матеріалъ для русской эпической оперы. Весь текстъ либретто „Князя Игоря“ написанъ, какъ извѣстно, самимъ Бородинымъ и написанъ вообще весьма удачно, а въ нѣкоторыхъ сценахъ даже очень талантливо. Конечно, „Слово о полку Игоревѣ“ могло дать только главную основу для опернаго либретто, при сочиненіи котораго Бородину пришлось выйти изъ тѣсныхъ рамокъ „Слова“, дать просторъ своей фантазіи и допустить нѣкоторыя отступленія и измѣненія; все это сдѣлано Бородинымъ вполне сценично, естественно, правдиво и характерно.

Въ то время, когда былъ задуманъ и начатъ „Князь Игорь“, среди наиболѣе талантливыхъ русскихъ композиторовъ былъ въ полномъ оживленіи вопросъ о необходимости новаго направленія въ оперной музыкѣ. Появившіеся затѣмъ „Каменный Гость“ Даргомыжскаго, оперы Римскаго-Корсакова, Кюи, Мусоргскаго, внесли въ оперную музыку новыя требованія, новыя приемы, но-

выя формы, новый стиль музыки, въ которомъ мелодическій речитативъ имѣеть преобладающее, если не исключительное значеніе. Такимъ образомъ въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ въ русской оперной музыкѣ произведена коренная реформа, настолько существенная и внушительная, что ей подчинились даже противники новаго направленія. Однако, на Бородина эта реформа не оказала большого вліянія и коснулась его оперы только отчасти. „Въ оперной музыкѣ я отстаю отъ человѣка“, — шутили говаривалъ Бородинъ. Въ одномъ изъ его писемъ находимъ прямое указаніе, какъ понималъ онъ задачи оперной музыки и какого придерживался направленія. „Во взглядѣ на оперное дѣло, — писалъ Бородинъ въ 1876 г., — я всегда расходился со многими изъ моихъ товарищей. Чисто речитативный стиль мнѣ былъ не по нутру и не по характеру. Меня тянетъ къ пѣнію, къ кантленѣ, а не къ речитативу, хотя, по отзывамъ знающихъ людей, я послѣднимъ владѣю недурно. Кромѣ того, меня тянетъ къ формамъ болѣе законченнымъ, болѣе круглымъ, болѣе широкимъ. Самая манера третировать оперный матеріалъ — другая. По моему, въ оперѣ, какъ въ декорациі, мелкія формы, детали, мелочи не должны имѣть мѣста; все должно быть написано крупными штрихами, ясно, яро и по возможности практично въ исполненіи, какъ голосовомъ, такъ и оркестровомъ. Голоса должны быть на первомъ планѣ, оркестръ — на второмъ. Насколько мнѣ удастся осуществить мои стремленія, въ этомъ я не судья, конечно, но по направленію опера моя будетъ ближе къ „Руслану“, чѣмъ къ „Каменному Гостю“, — за это могу поручиться“.

Дѣйствительно, если сравнивать „Князя Игоря“ съ какою-нибудь оперою, то скорѣе всего съ оперою „Русланъ и Людмила“, съ ея широкими, симметрическими, законченными формами, съ ея рельефными пластическими мелодіями, съ ея яркою колоритною музыкаю. Замѣтимъ встати, что „Князь Игорь“ посвященъ Бородинымъ „памяти Михаила Ивановича Глинки“. Аналогія въ операхъ Глинки и Бородина вообще выражается во многихъ отношеніяхъ. Какъ тотъ, такъ и другой въ своихъ операхъ являются вполне національными русскими художниками; ихъ музыка отличается народнымъ характеромъ, выдержаннымъ съ замѣчательною послѣдовательностью и совершенствомъ; при сочиненіи музыки, они какъ бы прониклись самымъ духомъ народнаго творчества и создавали мелодіи удивительно схожія, по складу и по всѣмъ оборотамъ, съ старинными русскими народными пѣснями. Замѣчательно при этомъ, что ни Глинка, ни Бородинъ никогда не заимствовали музыкальных темъ изъ сборниковъ народныхъ пѣ-

сентъ; вся ихъ чудесная народная музыка—плодъ непосредственнаго творчества и вдохновенія. Точно также восточный элементъ музыки, встрѣчающійся какъ въ „Русланѣ“, такъ и въ „Игорѣ“, разработанъ превосходно въ обѣихъ операхъ, заключающихъ изумительнѣйшіе образцы музыки этого рода, но у Бородина восточная музыка отличается еще большимъ разнообразіемъ, еще болѣе новыми и смѣлыми приѣмами, чѣмъ у Глинки. Съ операми послѣдняго можно сравнивать „Князя Игоря“ и по богатству тематическаго матеріала, такъ какъ эта опера въ этомъ отношеніи—выдающееся произведеніе, уступающее развѣ только „Руслану“, этой безусловно первой оперѣ по роскоши мелодической. Достоинства Бородина, какъ превосходнаго мелодиста, выразились въ его оперѣ еще сильнѣе, чѣмъ въ другихъ его произведеніяхъ; дѣйствительно, въ „Игорѣ“ находимъ массу неподобныхъ мелодій, пѣвучихъ, широкихъ, рельефныхъ, красивыхъ и замѣчательно разнообразныхъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ музыкальныя темы русскаго народнаго характера, въ нихъ много свѣжести и, какъ упомянуто выше, непосредственнаго творчества и вдохновенія; также чрезвычайно интересны восточныя мелодіи, которыхъ въ оперѣ не мало, и которыя не могутъ не удивлять своею новизною и оригинальностью. Въ гармоническомъ и контрапунктическомъ отношеніи „Князь Игорь“ отличается тѣми же достоинствами и особенностями, какъ вообще всѣ произведенія Бородина; его смѣлые и новые приѣмы, нерѣдко поражающіе изумительною изобрѣтательностью, примѣнены въ оперѣ съ такою художественностью, что и самыя сложнѣйшія гармоническія комбинаціи не лишаютъ музыку ни ясности, ни отчетливости, ни рельефности. Достоинство вниманія, что Бородинъ, при всей склонности къ хитрѣйшимъ и затѣйливымъ гармоническимъ комбинаціямъ, въ оперѣ своей нерѣдко ограничивался самыми несложными, обыкновенными гармоніями, и въ такихъ случаяхъ его музыка, не лишаясь ни выразительности, ни красоты, ни интереса, отличается тою величественною простотою (столь умѣстною въ эпической оперѣ), какой могутъ достигать только особенно даровитыя, избранныя художественныя натуры.

Хотя Бородинъ въ оперной музыкѣ придерживался въ общемъ направленія Глинки, не подчиняясь позднѣйшимъ опернымъ реформамъ, тѣмъ не мѣнѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Игоря“ замѣтно вліяніе современныхъ русскихъ композиторовъ, и главнымъ образомъ Мусоргскаго, преимущественно, конечно, въ народно-бытовыхъ сценахъ, написанныхъ въ речитативномъ стилѣ. Кромѣ того встрѣчается въ „Игорѣ“ заимствованный у Вагнера извѣст-

ный приемъ „руководящихъ мотивовъ“ (Leitmotive), по которому каждому дѣйствующему въ оперѣ лицу и каждому драматическому положенію соответствуетъ какая-нибудь музыкальная тема, мотивъ, сопровождающій ихъ по всей оперѣ. Этимъ приемомъ Бородинъ пользовался въ сущности рѣдко и не злоупотреблялъ имъ въ такой степени, какъ Вагнеръ; но все же нельзя не удивляться, что онъ, при всей силѣ и самобытности своего таланта, хотя иногда пользовался такимъ приемомъ, который можетъ только свидѣтельствовать о скудости и ограниченности творческой изобрѣтательности, въ чемъ заподозрить Бородина никакъ невозможно.

„Князь Игорь“ написанъ въ прежнихъ закругленныхъ, законченныхъ оперныхъ формахъ, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что онъ похожъ на традиціонно-шаблонныя оперы, представляющія рядъ отдѣльныхъ нумеровъ—арій, дуэтовъ, терцетовъ, хоровъ и т. п., кое-какъ связанныхъ, а иногда и вовсе несвязанныхъ между собою. Въ „Игорѣ“ дѣленіе на отдѣльные нумера не обнаруживается очень рѣзко, а напротивъ каждое дѣйствіе или большая сцена отличаются связностью, цѣльностью и полнымъ соответствіемъ съ ходомъ и развитіемъ сценическихъ положеній. Въ этомъ отношеніи „Игорь“ весьма много удовлетворяетъ современнымъ опернымъ требованіямъ и взглядамъ на оперу какъ на „музыкальную драму“, на такое произведеніе, въ которомъ условія сценическо-драматическія не поглощаются условіями чисто музыкально-эстетическими и формальными. Бородинъ съ большимъ искусствомъ и талантливостью сумѣлъ сблизить эти условія и удовлетворить имъ обоимъ; онъ умѣлъ выбирать и создавать музыкальныя формы, наиболѣе подходящія къ данному сценическому положенію, такъ, чтобы требованія законченности музыкальныхъ формъ наименѣе стѣсняли и нарушали естественность развитія драмы. Поэтому въ „Игорѣ“ находимъ большое разнообразіе въ конструкціи отдѣльныхъ нумеровъ; здѣсь почти каждая арія, каждый ансамбль, каждый хоръ имѣетъ свою особенную форму, соответствующую условіямъ того или другого сценическаго положенія и хода дѣйствія.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что въ „Князѣ Игорѣ“ находимъ очень сильную и яркую музыкальную характеристику, какъ всего содержанія оперы и ея частностей, такъ и дѣйствующихъ лицъ. Русскій національный элементъ въ оперѣ, какъ уже упомянуто, выраженъ въ самомъ складѣ музыки, строго выдержанной въ чисто народномъ характерѣ; при этомъ многія мѣста музыки пронизаны какимъ-то древнимъ, былиннымъ духомъ, такъ что въ общемъ „Князь Игорь“ является дѣйствительно рус-

скою эпическою оперою. Точно также восточный элементъ (половцы), которому отведено въ „Игорѣ“ значительное мѣсто, очерченъ музыкой такъ колоритно, полно, обстоятельно и разнообразно, какъ ни въ какой другой оперѣ. Затѣмъ музыкальная характеристика дѣйствующихъ лицъ, не только главныхъ, наиболѣе типичныхъ, но и второстепенныхъ, проведена съ такою выдержанностью и тщательностью, что каждое дѣйствующее въ оперѣ лицо, при всѣхъ разнообразныхъ сценическихъ положеніяхъ легко отличить одно отъ другого по характеру исполняемой имъ музыки. Такую же музыкальную характеристику находимъ и во всѣхъ хоровахъ массахъ, которыя поэтому въ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ въ оперѣ играютъ роль дѣйствительно толпы народа, съ его характерными особенностями...

Опера „Князь Игорь“ состоитъ изъ пролога и четырехъ актовъ. Въ прологѣ дѣйствіе происходитъ въ Путивлѣ при отправленіи русской рати въ походъ на половцевъ. На городскую площадь, заполненную народомъ и дружинами, готовыми къ выступленію, выходятъ изъ собора князь Игорь, его сынъ Владиміръ и Владиміръ Галицкій, въ сопровожденіи князей и бояръ. Народъ и войско славятъ князей:

Солнцу красному—слава,
Слава въ небѣ у насъ!
Князю Игорю—слава,
Слава у насъ на Руси!
Туру-ли ярому, князю Трубчевскому,
Буй-туру Всеволоду—слава, слава!
Младъ Володиміру, да на Путивлѣ,
Младъ Святославу, да князю на Рильскѣ,
Слава! Слава! и т. д.

Въ этомъ хорѣ славленія князей много простоты, спокойствія и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто эпическаго величія, его музыка проникнута народнымъ и какимъ-то архангелскимъ характеромъ; необыкновенно счастливо удалось Бородину съ самаго начала найти музыкальное выраженіе, такъ прекрасно соответствующее духу и характеру эпическаго сюжета его оперы. Спокойное, величественное настроеніе музыки хора славленія нарушается воззваніемъ Игоря: „идемъ на брань съ врагомъ Руси, идемъ на хановъ половецкихъ!“ — и отвѣтными возгласами народа, въ которыхъ много суровой энергіи, силы, но и притомъ излишней, рѣзко выдѣляющейся жесткости гармоническихъ оборотовъ. Эта жесткость и суровость смягчаются слѣдующимъ эпизодомъ, — когда народъ выражаетъ свое упованіе на Бога въ правомъ дѣлѣ борьбы „за вѣру, за Русь, за народъ!“ — чрезвычайно красивымъ по музыкѣ,

съ особенно мягкимъ, теплымъ характеромъ и производящимъ умиротворяющее впечатлѣніе, какъ бы внося чувство благоговѣнія и вѣры среди дикаго разгула страстей, подъ влияніемъ предстоящаго похода на враговъ. Весь этотъ большой хоръ, со всѣми эпизодами, написанъ въ широко развитой формѣ и по своимъ высокимъ музыкальнымъ достоинствамъ заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Воодушевленіе народа и дружинъ, готовыхъ выступить въ походъ, внезапно смѣняется страхомъ. На сценѣ темнѣетъ—начинается полное солнечное затмѣніе; въ такомъ неожиданномъ явленіи народъ видитъ худое предзнаменованіе, и бояре уговариваютъ Игоря отбѣгнуть походъ. Но затмѣніе проходитъ, и тяжелое, гнетущее впечатлѣніе подъ влияніемъ быстро наступившей темноты разсѣвается съ помощью ободряющей рѣчи Игоря. Оригинальность замысла этой сцены, ея интересная музыка, при колоритной инструментовкѣ, должны производить при исполненіи чудесное впечатлѣніе. Затѣмъ слѣдуетъ комическая сценка: пова князя осматриваютъ своихъ ратниковъ, двое изъ Игоревой дружины, Скула и Ерошка, гудочники и пропойцы, крадучись убѣгаютъ, находя лучшимъ для себя перейти на менѣ опасную службу къ Владимиру Ярославичу галицкому, который, будучи прогнанъ отцомъ изъ Галича, нашелъ пріютъ въ Путивлѣ и въ походъ не идетъ, оставаясь дома съ сестрой своей, княгиней Ярославной, женою Игоря. Скула и Ерошка заранее предвкушаютъ преимущества службы у Владимира Галицкаго: „тамъ и сытно, и пьяно, и цѣлы будемъ“. Здѣсь находимъ весьма удачные, характерные и выразительные речитативы; этотъ эпизодъ, написанный съ большимъ юморомъ, какъ въ текстѣ, такъ и въ музыкѣ, обнаруживаетъ въ творествѣ Бородина сильный комическій элементъ, придающій еще болѣе разнообразія его удивительному таланту.

Далѣе слѣдуетъ сцена другого характера. Изъ княжескаго терема выходятъ на площадь княгиня Ярославна, другія княгини и боярыни, прощаться съ мужьями, отправляющимися въ походъ. Очень красивы по музыкѣ, полны неподдѣльнаго горя и участія обращенія Ярославны, умоляющей князя Игоря остаться; спокойны и мужественны рѣчи Игоря, старающагося разсѣять опасенія Ярославны и настаивающаго на необходимости похода; къ нему присоединяютъ свои голоса юный Владиміръ Игоревичъ и Владиміръ Галицкій, что дало Бородину поводъ написать хорошо мотивированный и мастерски написанный квартетъ. Интересны затѣмъ частные эпизоды: рѣчь Игоря къ Владимиру Галицкому („тебѣ, какъ брату, княгиню поручаю“), отвѣтъ послѣдняго:

(„изволь! услуга за услугу; тебѣ не мало я обязанъ“) и обращеніе Игоря къ старцу изъ народа, котораго онъ проситъ благословить его и рать на брань съ врагомъ; все это, при хорошей музыкѣ, сдѣлано вполне естественно, правдиво и характерно. Прологъ заканчивается выступленіемъ войскъ изъ Путивля, которое сопровождается хоромъ славленія, тѣмъ же, что и въ началѣ пролога, но въ болѣе сжатой формѣ и съ нѣкоторыми измѣненіями, придающими музыкѣ еще болѣе силы, величія и торжественности.

Въ первомъ дѣйствіи двѣ картины. Первая картина представляетъ княжій дворъ Владиміра Галицкаго (въ Путивлѣ); княжескіе челядинцы и въ числѣ ихъ гудочники Скула и Ерошка веселятся, „гуляютъ“ и величаютъ своего хозяина. Эта сцена удалого веселья, очень характерная, написана яркими красками и смѣлыми штрихами; въ ея музыкѣ много свѣжести, естественности и оживленія. Также хороша слѣдующая затѣмъ бойкая, энергическая пѣсня Владиміра Галицкаго, построенная на чудесной широкой темѣ и удачно характеризующая этого грубаго удалца, заботящагося только о весельѣ и новыхъ забавахъ. „Только-бъ мнѣ дожидаться чести, на Путивлѣ княземъ сѣсти,—поетъ Владиміръ,—я-бъ не сталъ тужить, я бы зналъ, какъ жить!“ Въ его воображеніи рисуются веселые пиры, за которыми онъ „всѣмъ бы судъ чинилъ, всѣхъ виномъ поилъ“. Веселая толпа челядинцевъ и приспѣшниковъ съ радостью привѣтствуютъ такое княжеское желаніе. Напрасно раздаются боязливые голоса, напоминающіе о княгинѣ Ярославнѣ: — „въ монастырь ее!“ — смѣло рѣшаетъ Владиміръ и собирается уходить въ теремъ, приказывая слугамъ своимъ „народу, за послугу, вина выкатить“. Но въ это время во дворъ вбѣгаетъ толпа дѣвушекъ, которыя, съ причитаньями и жалобами, просятъ и молятъ Галицкаго отпустить ихъ подругу, захваченную его княжескими людьми. Этотъ прелестный женскій хоръ обращаетъ на себя вниманіе своею естественностью, драматическою правдивостью и хорошимъ соответствіемъ его очень красивой музыки съ сценическимъ положеніемъ. Владиміръ отказывается отпустить выкраденную для него дѣвушку и грубо прогоняетъ ее заступницъ.

Веселье и разгулъ еще увеличиваются послѣ того, какъ княжескіе слуги выкатываютъ на дворъ бочку вина. Скула и Ерошка поютъ съ хоромъ народа пѣсню:

Что у князя да Володиміра,
Володиміра свѣтъ Ярославича,
Собирался княжій народъ,
Да что княжій народъ,
Все горькій пьяница, и т. д.

Необыкновенно удачно выдержанный народный характеръ въ текстѣ этой длинной пѣсни, написанной при томъ же съ замѣчательно сильнымъ юморомъ и комизмомъ, придаетъ ей большой интересъ въ литературномъ отношеніи. Но еще болѣе значительный интересъ представляетъ эта пѣсня въ отношеніи музыкальномъ: построенная на превосходной темѣ, строго діатонической, характерно народной, прекрасно и разнообразно разработанной, съ массой интереснѣйшихъ новыхъ и оригинальныхъ приѣмовъ, гармоническихъ и контрапунктическихъ, она обладаетъ высокими музыкальными достоинствами. Кромѣ того эта пѣсня, написанная въ многоголосномъ широко развитомъ стилѣ, очень колоритна и эффектна: отлично проведенное, постепенно усиливающееся оживленіе въ музыкѣ и нарастаніе звуковъ должны производить при исполненіи чудесное впечатлѣніе. По талантливости замысла и выполненія — это одинъ изъ лучшихъ нумеровъ оперы.

Не такъ ярко и колоритно, какъ эта пѣсня, но все же мастерски и талантливо написано окончаніе 1-й картины, когда разгуливающая толпа надумываетъ посадить княземъ въ Путивлѣ, вмѣсто отсутствующаго Игоря, Владиміра Галицкаго; возбужденный виномъ, пѣснями и задорными рѣчами Скулы и Ерошки, буйный народъ, съ криками: „слава князю Володиміру“, бѣжитъ на площадь созывать вѣче; на сценѣ остаются только двое гудочниковъ, сильно подвыпившіе; пьяными голосами затягиваютъ они комическую пѣсню и подсаживаются къ винной бочкѣ.

Картина 2-я перваго дѣйствія представляетъ горницу княжого терема; Ярославна въ одиночествѣ тоскуетъ объ Игорѣ, отъ котораго давно уже нѣтъ никакихъ вѣстей. Печальное настроеніе Ярославны, ея воспоминанія о быломъ счастьѣ, ея грустныя предчувствія прекрасно выражены въ большомъ аріозо, очень хорошо написанномъ, интересномъ въ музыкальномъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, нѣсколько растанутомъ и однообразномъ, вслѣдствіе чего аріозо блѣднѣетъ въ сопоставленіи съ другими нумерами этой картины. Одиночество Ярославны нарушается появленіемъ дѣвушекъ-горожанокъ, пришедшихъ съ жалобой на Владиміра Галицкаго, такъ жестоко ихъ обидѣвшаго. Долго не рѣшаются онѣ назвать своего обидчика, но, наконецъ, ихъ жалобы раздражаются цѣлымъ потокомъ, и тутъ уже онѣ торопятся высказать все, что имъ пришлось вытерпѣть отъ Галицкаго и его буйныхъ дружинниковъ. Этотъ хоръ дѣвушекъ состоитъ изъ двухъ частей: первая часть плавная, сдержанная („мы къ тебѣ, княгиня, мы къ тебѣ, родная“...) полная простоты и какой-то наивной довѣрчивости; затѣмъ послѣ речитативныхъ фразъ Ярославны и робкихъ

отвѣтовъ дѣвушекъ: „Не смѣемъ!.. Намъ боязно... Да что таить, расскажемъ все“—идетъ быстрая, какъ бы скороговоркой, часть хора, въ тактъ $\frac{5}{4}$ („Ты помилуй насъ, не во гнѣвъ тебѣ“...). По замѣчательной мелодичности, красотѣ и изяществу музыки, этотъ женскій хоръ—настоящій шедевръ въ своемъ родѣ; но кромѣ того здѣсь столько естественности, столько художественной правды, какъ въ текстѣ, такъ и въ музыкѣ, что сцену Ярославны съ дѣвушками слѣдуетъ считать одною изъ наиболѣе удачныхъ. Внезапное появленіе Владиміра Галицкаго прерываетъ жалобы дѣвушекъ, которыя, при видѣ его, въ страхѣ убѣгаютъ. Горькіе упреки, полные достоинства и спокойствія, съ которыми Ярославна обращается къ Галицкому, и рѣзкія рѣчи послѣдняго, то самонадѣянныя и насмѣшливыя, то грубо льстивыя, написаны въ мелодическихъ речитативахъ, вполне естественныхъ, выразительныхъ, съ хорошей декламаціей и хорошо выдержанной музыкальной характеристикой дѣйствующихъ лицъ и сценическаго положенія. Послѣ ухода Галицкаго, появляются думные бояре, принесшіе Ярославнѣ печальныя вѣсти: дружины князя Игоря разбиты, онъ самъ раненъ и вмѣстѣ съ сыномъ въ плѣну; грозныя силы половцевъ двинулись на Русь и уже приближаются къ Путивлю. Хоръ бояръ, широко задуманный, прекрасно разработанный, съ превосходной музыкой, вполне соотвѣтствующей данному драматическому положенію, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ одно изъ лучшихъ мѣстъ оперы. На фонѣ спокойной, величавой музыки хора выдѣляются горячія, проникнутыя тоской и отчаяніемъ, мелодическіе фразы и речитативы Ярославны, контрастирующіе съ плавными, размысленными рѣчами бояръ, старающихся успокоить княгиню и увѣрить ее, что городъ сможетъ отразить враговъ. Но за сценой слышны уже набатный колоколъ и крики народа, видно зарево пылающаго пригорода, врагъ уже близко; часть бояръ слѣпится на городскія стѣны, другая остается охранять княгиню. Мастерски написанная музыка усиливаетъ мрачное настроеніе сцены тревоги, смятенія и ужаса; суровые, постепенно нарастающіе звуки оркестра составляютъ колоритный аккомпаниментъ, сопровождающій широкія пѣвучія фразы Ярославны, комбинирующіяся съ голосами хора и характерными воплями голосащихъ за сценой женщинъ. Тутъ въ музыкѣ много драматизма, силы и выразительности, и эта заключительная сцена 1-го дѣйствія должна, при исполненіи, производить сильное впечатлѣніе.

Второе дѣйствіе оперы происходитъ въ станѣ половецкаго хана Кончака и начинается женскимъ хоромъ половецкихъ дѣвушекъ, окружающихъ ханскую дочь Кончаковну, сидящую у

штра. Чарующіе, мягкіе звуки музыки, полной спокойствія и нѣги, замѣчательно красивая восточная мелодія, съ изящнѣйшимъ аккомпаниментомъ и, наконецъ, прекрасно написанный, очень поэтический текстъ придаютъ особую прелесть этому хору. Далѣе, послѣ пляски полковцевъ дѣвушекъ, хорошей по музыкѣ, но недостаточно характерной, обращаетъ на себя вниманіе каватина Кончаковны (меццо-сопрано), страстная, горячая, съ безподобной музыкой въ восточномъ вкусѣ, съ преобладаніемъ хроматизма, интерваловъ увеличенной секунды и самыхъ причудливыхъ мелодическихъ и гармоническихъ оборотовъ; все это сдѣлано съ большимъ вкусомъ, очень колоритно и красиво. Въ концепціи этой музыки чрезвычайно много оригинальности, замѣчательной тѣмъ болѣе, что каватина Кончаковны написана была Бородинымъ уже весьма давно, когда музыка въ восточномъ характерѣ не была еще разработана въ такой степени, какъ въ настоящее время. Обратимъ также вниманіе на слѣдующій за каватиной, чудесный хоръ русскихъ плѣнниковъ (альты, тенора и басы), возвращающихся съ работы, и на мужской хоръ полковцаго двора, какъ на одинъ изъ наиболѣе характерныхъ и оригинальныхъ нумеровъ оперы. Съ удаленіемъ дозора, сцена совсѣмъ пустѣетъ; наступаетъ ночь—часъ свиданія двухъ влюбленныхъ: Кончаковны и находящагося въ плѣну у полковцевъ Владиміра Игоревича. Первымъ является на сцену Владиміръ (теноръ): его каватина, съ чрезвычайно красивой, очень мелодической музыкой, полной прекраснаго лирическаго настроенія, замѣчательно хороша, точно также какъ и речитативъ въ началѣ каватины („Медленно день угасалъ, солнце за тучей садилось...“), на который можно указать какъ на удачнѣйшій образецъ музыки въ речитативномъ стилѣ. Слѣдующій затѣмъ дуэтъ Кончаковны и Владиміра отличается своею широкую мелодичностью; его музыка написана не безъ увлеченія, весьма удачно и ловко, съ красивымъ аккомпаниментомъ, въ которомъ преобладаетъ арфа. Очень вѣроятно, что дуэтъ, хорошо исполненный, будетъ имѣть большой успѣхъ на сценѣ; но въ сущности онъ не обладаетъ высокими музыкальными достоинствами и въ немъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, выразилась индивидуальность творчества Бородина.

Кончаковна и Владиміръ расходятся по своимъ шатамъ, слышавъ въ ночной тиши приближающіеся шаги. Появляется князь Игорь, тревожимый сознаніемъ своего тяжелаго положенія въ плѣну, волнуемый воспоминаніями о былыхъ побѣдахъ, смѣнившихся погромомъ и гибелью войска, о любимой женѣ и родитѣ, оставшихся безъ защиты отъ враговъ. Эти чувства и на-

строения прекрасно выражены въ аріи князя Игоря (баритонъ), написанной въ высшей степени талантливо и художественно; тутъ въ музыкѣ много красоты, изящества, благородства, драматизма и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасной характеристики частностей содержания. Какою, напр., грустью проникнуты начальныя фразы аріи („Ни сна, ни отдыха измученной душѣ!“), какъ вѣрно и правдиво выражено въ звукахъ настроеніе Игоря; сколько энергіи въ широкомъ мелодическомъ эпизодѣ на словахъ: „О, дайте, дайте мнѣ свободу, я свой позоръ съумѣю искупить!“...; сколько безпомощной, безнадежной тоски въ заключеніи аріи. Очень выдѣляется по своей красивой мелодіи, по поэтическому чувству и лирическому настроенію, средняя часть аріи, когда Игорь вспоминаетъ о Ярославнѣ. Но здѣсь необходимо сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: средняя часть аріи Игоря, тоскующаго по Ярославнѣ, построена на музыкальной темѣ, которая появляется потомъ опять уже въ 4-мъ дѣйствіи въ „Плачъ Ярославны“, когда она тоскуетъ объ Игорѣ. Такимъ образомъ, нѣсколько сходныя душевныя настроенія двухъ совершенно различныхъ дѣйствующихъ лицъ, при совершенно различныхъ сценическихъ положеніяхъ, охарактеризованы музыкой совершенно одинаково. Къ этой неестественной натяжкѣ Бородинъ пришелъ, очевидно, подъ вліяніемъ упомянутаго выше ложнаго вагнеровскаго приема руководящихъ мотивовъ. Къ счастью, онъ слишкомъ мало обращался къ подобному приему, который, возведенный въ общій принципъ,—какъ находимъ это въ произведеніяхъ Вагнера, особенно послѣднихъ,—долженъ совсѣмъ исключать идею о драматической правдѣ и логической послѣдовательности въ оперной музыкѣ, низводя музыкальное творчество къ писанію музыки по трафарету, пригодному для всякаго случая.

Князю Игорю представляется возможность освободиться изъ плѣна. Овлуръ, половчанинъ, принявшій христіанство, предлагаетъ ему средства къ побѣгу: „коней лихихъ тебѣ достану, бѣги изъ плѣна ты потайно“,—предлагаетъ онъ; но напрасны всѣ его уговоры и доводы—Игорь отвергаетъ предложеніе, считая потайной побѣгъ недостойнымъ князя, тѣмъ болѣе, что онъ на порукахъ у хана Кончака, котораго обмануть не хочетъ. Въ музыкѣ этой сцены много художественныхъ красотъ, свѣжести, новизны и оригинальности; но есть и существенный недостатокъ. По содержанию и характеру текста сцены Игоря съ Овлуромъ, здѣсь необходимо детальное разнообразіе речитативнаго стиля; а между тѣмъ всѣ рѣчи Овлура, въ общей ихъ совокупности, облечены въ форму какого-то аріозо, съ симметрическими повторе-

ніями музыкальныхъ фразъ, и только короткія реплики Игоря написаны речитативомъ, вслѣдствіе чего частности текста, имѣющія существенное значеніе въ развитіи дѣйствія, не имѣютъ достаточной рельефности.

Послѣ Овлура на сценѣ появляется новая личность, ханъ Кончаекъ, котораго Бородинъ изобразилъ какъ грознаго, суроваго воина, жестокаго съ врагами, но въ то же время способнаго проявить чисто рыцарское великодушіе. Кончаеку полюбился князь Игорь, — „за отвагу свою, да за удалъ въ бою“; грозный ханъ относится къ своему плѣннику съ участіемъ и, замѣчая его грустное настроеніе, старается его развеселить, предлагаетъ ему дорогіе подарки и развлеченія. Таково въ краткихъ словахъ содержаніе большой аріи Кончака (басъ), въ которой сильная, энергическая личность хана, охарактеризована очень живо и рельефно, превосходной колоритной музыкой, съ массой деталей интересныхъ какъ въ мелодическомъ, такъ и въ гармоническомъ отношеніи. Въ слѣдующихъ за аріей речитативахъ Кончаекъ, видя, что Игоря ничто не развлекаетъ, предлагаетъ ему свободу, но подъ условіемъ не быть болѣе врагами; Игорь такого обѣщанія не даетъ и прямо заявляетъ Кончаеку, что, получивъ свободу, тотчасъ соберетъ войска и снова счастья попытается. — „Люблю! ты смѣль и правды не боишься! — отвѣчаетъ на это Кончаекъ: — эхъ, когда-бы союзниками мы съ тобою были: заволокли бы всю Русь! Да не сговорчивъ ты! Садись“. Кончаекъ велитъ позвать невольницъ, чтобы тѣ потѣшили ихъ пѣснями и плясками.

Половецкая пляска съ хоромъ, или вѣрнѣе цѣлый рядъ разнообразныхъ плясокъ, которыми оканчивается 2-ое дѣйствіе, должны представлять большую, сложную музыкальную картину пестраго, постепенно оживляющагося праздника въ восточномъ характерѣ. Все здѣсь необычайно оригинально и ново: и меланхолическая пѣсня невольницъ, съ замѣчательно красивой восточной мелодіей, и изумительно смѣло задуманный и выполненный хоръ, славленія хана Кончака, и разнообразные ритмы плясокъ, и причудливыя гармоніи, и интересныя контрапунктическія сочетанія различныхъ темъ и, наконецъ, мастерская, необыкновенно колоритная инструментовка. Въ этой сценѣ какъ бы сконцентрировались всѣ особенности дарованія Бородина: его удивительная творческая изобрѣтательность, его стремленіе искать новаго, неизвѣданнаго, его художественное чутье и вкусъ; въ результатъ получилась безподобная музыкальная картина, смѣлая и своеобразная, талантливая до геніальности.

Третье дѣйствіе начинается „Половецкимъ маршемъ“, очень

эффектнымъ, колоритнымъ и характернымъ, — то возвращаются изъ похода на Русь половецкія войска, съ множествомъ плѣнныхъ и богатой добычей. Въ музыкѣ этого марша много комическаго, напыщеннаго величія, въ ней есть грубая, дивная сила и въ то же время масса причудливости, производящей юмористическое впечатлѣніе. Половецкій маршъ составляетъ единственный номеръ 3-го дѣйствія, который по музыкѣ былъ вполне оконченъ Бородинымъ (инструментованъ маршъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ); для остальныхъ номеровъ кое-что было только набросано Бородинымъ, а многого и вовсе не было. Закончено это дѣйствіе, какъ уже было указано, А. К. Глазуновымъ, который, съ большою находчивостью и умѣньемъ, пользовался исключительно музыкальными матеріалами Бородина, имѣющимися въ упомянутыхъ наброскахъ, а также заимствуя недостающій матеріалъ изъ музыки 2-го дѣйствія оперы. Содержаніе третьяго дѣйствія, въ краткихъ словахъ, слѣдующее: по возвращеніи половецкихъ войскъ съ побѣга на русскіе города и села, князь Игорьъ, видя враждебное настроеніе половцевъ и сдаваясь на просьбы находящихся съ нимъ въ плѣну русскихъ, рѣшается бѣжать вмѣстѣ съ сыномъ Владиміромъ; побѣгъ Игоря удается при помощи Овлура, а Владиміръ Игоревичъ задержанъ Кончаковой, которая, появляясь въ самую минуту побѣга, поднимаетъ весь половецкій станъ, чтобы не выпустить своего возлюбленнаго. Разгнѣванная толпа бросается на княжича, и только энергическая защита Кончаковны предупреждаетъ кровавую расправу. Ханъ Кончакъ, узнавъ о бѣгствѣ Игоря, рѣшаетъ, что Владиміръ долженъ жениться на его дочери. „Коли соколъ во гнѣзду улетѣлъ, то мы соколика опутаемъ красной дѣвицей“. Половцы готовятся къ новому походу на Русь, и дѣйствіе заканчивается восторженными кликами народа и войска, провозглашающихъ хвалу и славу своимъ ханамъ.

Въ послѣднемъ дѣйствіи, на сценѣ площадь въ Путивлѣ и часть городской стѣны, съ которой Ярославна смотритъ на разоренныя половцами окрестности и тоскуетъ объ отсутствующемъ Игорѣ. Ея большой вокальный номеръ, которымъ начинается 4-е дѣйствіе, написанъ на поэтическій текстъ „Плача Ярославны“; онъ богатъ хорошей, красивой и очень мелодической музыкой, хорошо выдержанной въ русскомъ характерѣ, съ чудеснымъ лирическимъ настроеніемъ, вполне соответствующимъ содержанію текста. При сценическомъ исполненіи здѣсь, вѣроятно, будутъ чувствоваться нѣкоторыя длинноты; но эти послѣднія зависятъ главнымъ образомъ отъ самаго текста, въ которомъ невозможны большія сокращенія безъ нарушенія общаго характера.

Слѣдующій за „Плачемъ Ярославны“ хоръ поселянъ, проходящихъ мимо съ пѣсней, содержаніе которой — жалобы на половецкіе набѣги, еще болѣе усиливаетъ печальное настроеніе Ярославны, чудесно охарактеризованное въ ея речитативахъ („Какъ уныло все кругомъ“ и т. д.). Затѣмъ характеръ музыки постепенно измѣняется: Ярославна, всматриваясь въ даль, видитъ приближающихся всадниковъ и въ мелодическихъ речитативахъ выражаетъ свои опасенія, недоумѣніе и догадки, кто эти всадники, кто тотъ изъ нихъ, котораго „уборъ, конь и осанка, все власть и знатность обличаютъ“; наконецъ, всадники уже близко, и, съ крикомъ радости, Ярославна узнаетъ въ томъ всадникѣ возвратившагося Игоря. Всѣ эти смѣны впечатлѣній и настроеній охарактеризованы здѣсь съ такою правдивостью и естественностью, съ такою силою и разнообразіемъ выраженія и притомъ такою хорошею музыкою, что эти мелодическіе речитативы слѣдуетъ причислить къ лучшимъ образцамъ музыки декламационнаго стиля. Сцена радостнаго свиданія вполне логически развивается въ большомъ дуэтѣ Ярославны и Игоря; дуэтъ этотъ, написанный въ широкомъ стилѣ въ богато развитой формѣ, отличается пѣвучестью, очень красивою музыкою, и производитъ прекрасное впечатлѣніе своимъ свѣтлымъ настроеніемъ.

Князь Игорь и Ярославна направляются въ дѣтинецъ, а на городскую площадь выходятъ гудочники Скула и Ерошка; они играютъ на гудкахъ и поютъ сложенную ими про князя Игоря пѣсню: „Князь ли Игорь, да князь Сѣверскій, въ полону сидитъ, въ дальнюю степь глядитъ; хану угодилъ, да славу схоронилъ, рать порастерялъ, самъ въ полонъ попалъ“ и т. д. Относительно этой пѣсни приходится повторить почти то же, что мы говорили о пѣснѣ гудочниковъ въ 1-мъ дѣйствіи оперы; она также талантливо написана, также полна юмору, въ ней также хорошо выдержанъ народный характеръ въ текстѣ пѣсни и въ музыкѣ. Удалая пѣсня внезапно прерывается, гудочники въ изумленіи останавливаются, увидѣвъ вдали князя Игоря, входящаго въ дѣтинецъ. Тутъ происходитъ комическая сцена. Ерошка въ отчаяніи, онъ убѣжденъ, что за всѣ совершенные ими проступки ихъ непремѣнно казнятъ; болѣе опытный и хитрый Скула, напротивъ, надѣется выйти изъ бѣды благополучно („съ умомъ, да съ виномъ, на Руси не пропадемъ“, — увѣренно замѣчаетъ онъ) и отвергаетъ предложеніе Ерошки бѣжать, скрыться въ лѣса: — „Послѣ княжого хлѣба — кору глотать? послѣ княжой браги — воду хлебать? Нѣтъ, братъ, эта была ужъ была, да и бывшемъ поросла! Тутъ надо придумать что-нибудь поумнѣе“. Скоро планъ

дѣйствія придуманъ и приведенъ въ исполненіе: гудочники направляются къ колокольнѣ, звонятъ набатъ и торжественно объявляютъ собравшимся боярамъ и народу о возвращеніи князя Игоря. За радостную вѣсть Скула и Ерошка получаютъ отъ бояръ щедрую награду, и, довольные такимъ счастливымъ исходомъ, они затыгиваютъ во здравье князя Игоря тотъ самый напитокъ, на который ранѣе пѣли насмѣшливую пѣсню про Игоревъ полонъ. Вся эта большая сцена съ гудочниками отличается юморомъ и неподдѣльнымъ комизмомъ, сказывающимся въ каждой мелкой частности текста, какъ напр. въ перебранѣхъ народа съ гудочниками, подозрѣваемыми спачала въ обманѣ, въ отвѣтахъ гудочниковъ на допросы бояръ и т. п.; все это изображено необыкновенно живо, естественно и съ большимъ остроуміемъ. Музыкальная разработка такого сценическаго матеріала, конечно, не допускала законченныхъ, закругленныхъ формъ, преобладающихъ въ оперѣ „Князь Игорь“,—эта сцена написана въ декламационно-речитативномъ стилѣ музыки, напоминая отчасти приемы Мусоргскаго, и написана необыкновенно талантливо: какъ характерны здѣсь речитативы гудочниковъ, какое удачное употребленіе хора, съ выдѣляющимися изъ массы отдѣльными голосами, сколько творческой изобрѣтательности и удивительнаго разнообразія въ музыкальныхъ деталяхъ! Вообще это одна изъ наиболѣе интересныхъ и выдающихся сценъ.

Опера заканчивается большимъ заключительнымъ хоромъ встрѣчи князя Игоря. Очень хорошая музыка торжественнаго настроенія, ея широкій стиль, прекрасная выдержанность въ ней народнаго характера составляютъ безусловныя достоинства этого хора, который по своей эффектности долженъ производить при исполненіи на сценѣ сильное, грандіозное впечатлѣніе; но по поводу его нельзя не сдѣлать одного замѣчанія. Во время исполненія этого хора, на сценѣ долженъ происходить цѣлый рядъ разнообразныхъ эпизодовъ: народъ, узнавъ о возвращеніи князя Игоря, хочетъ всей толпой идти въ дѣтинецъ, а затѣмъ отправляетъ къ князю съ поклономъ и привѣтствіемъ бояръ и стариковъ; въ то же время толпа народа все прибываетъ, выходятъ женщины въ нарядныхъ костюмахъ, изъ домовъ выносятъ хлѣбъ-соль и, наконецъ, уже появляется князь Игорь съ Ярославной въ сопровожденіи бояръ, при радостныхъ кликахъ привѣтствующаго его народа. Конечно, вполнѣ естественно желать, чтобы это разнообразіе сценическихъ положеній было охарактеризовано музыкой соответствующимъ образомъ; а между тѣмъ сопровождающій перечисленные эпизоды заключительный хоръ, какъ на-

писанный въ законченной формѣ, представляетъ музыку въ известной степени однообразную, не удовлетворяющую въ настоящемъ случаѣ условіямъ соотвѣтствія музыки съ содержаніемъ текста и съ ходомъ дѣйствія, тѣмъ условіямъ, которыя прекрасно выполнены почти во всей оперѣ Бородина.

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ увертюрѣ къ оперѣ „Князь Игорь“, которая, какъ упомянуто выше, записана по памяти и инструментована А. К. Глазуновымъ. Планъ и конструкція увертюры даютъ основаніе предполагать, что при сочиненіи ея музыки Бородинъ руководился идеей представить въ ней музыкальную характеристику главныхъ дѣйствующихъ лицъ оперы: князя Игоря, Ярославны, хана Кончака и Кончаковны, такъ какъ увертюра построена на темахъ, взятыхъ изъ разныхъ мѣстъ оперы, въ которыхъ наиболѣе рельефно обрисовывается характеръ этихъ лицъ. Такъ, для характеристики Игоря, взята тема изъ его аріи во 2-мъ дѣйствіи (именно тема, сопровождающая слова: „О, дайте, дайте мнѣ свободу“...), для Ярославны—тема изъ „Плача Ярославны“, для Кончака—характерный эпизодъ изъ его аріи, для Кончаковны—ея красивая мелодія (изъ тріо 3-го дѣйствія), когда она упрощиваетъ Владиміра Игоревича отказаться отъ бѣгства изъ плѣна. Этими темами Бородинъ воспользовался очень ловко, употребляя ихъ то какъ главные, то какъ побочные, то просто какъ ходы для соединенія темъ; поэтому, при богатствѣ и изобиліи тематическаго матеріала, увертюра представляетъ мастерски разработанное, вполне законченное произведеніе, отличающееся очень красивою, колоритною и эффектною музыкою.

П. Трифоновъ.

ИЗЪ ПЕТЁФИ *).

I.

Я умереть хочу осеннимъ яснымъ днемъ,
Когда лазурь небесъ блистаетъ синевою,
И лѣсъ красуется въ уборѣ золотомъ,
И птички пѣніе стихаетъ межъ листвою.
Какъ поздней осенью природа вся крутомъ
Невольно чувствуетъ морозовъ дуновение—
Я смерти угадать желать бы приближенъе,
Чтобъ пѣснь прощальную пропѣть передъ концомъ.
Когда-жъ порвется пѣснь—пускай своимъ лобзаньемъ
Сомкнетъ навѣки мнѣ замолкшія уста,
Она—любовь моя, вся миръ и красота,
Съ глубокой нѣжностью и кроткимъ состраданьемъ.

Нѣтъ, смерти не такой я, Господи, хочу!
Пусть явится она весной, въ разгарѣ боя,
Чтобъ вторилъ звонъ мечей журчащему ключу
И кровь струилася, полѣ цвѣтами кроя!
Бросая вызовъ свой столпившимся врагамъ,
Съ оружіемъ въ рукахъ, я пасть хочу со славой,
И въ сердцѣ пусть цвѣтовъ распухнетъ кровавый
И вознесется духъ свободно къ небесамъ.

*) Имя Александра Петёфи (собств. Петровичъ, род. 1822, ум. 1849 г.) занимаетъ и до сихъ поръ первое мѣсто въ національной поэзіи Венгріи. Полное собраніе его стихотвореній явилось только въ 1874 г., и лучшія изъ нихъ были тогда же переведены на франц., нѣм., англ. и итальянскій языки. Въ 1882 г. ему былъ поставленъ памятникъ въ Пештѣ на площади его имени.

Когда-жъ, сражаяся—для своего народа,
 Для родины своей, паду я—надо мной
 Склонись и мнѣ уста лобзаніемъ закрой
 Ты, неизмѣнная любовь моя—свобода!

II.

Я увидѣлъ во снѣ, будто вдругъ предо мной
 Разступилися стѣны темницы,
 И повѣяло вновь молодою весной,
 И слышалъ я пѣніе птицы.

Будто въ солнца лучахъ серебрилась роса
 Межъ весенней листвы ароматной,
 И шумѣли кругомъ молодые лѣса,
 Ожидая грозы благодатной.

Будто ожилъ я весь, полной грудью дыша
 Оживляющимъ воздухомъ степи,
 И отъ долгаго сна пробудилась душа,
 И упали тяжелыя цѣпи...

Я увидѣлъ во снѣ: воротилися дни,
 Чтò, казалось, ушли безъ возврата,
 И сияютъ опять золотые огни,
 Чтò горѣли такъ чудно когда-то.

И къ видѣньямъ былыхъ, сердцу памятныхъ дней,
 Простиралъ я въ волненіи руки,
 Я привѣтствовалъ ихъ, какъ любимыхъ друзей
 Послѣ долгой, печальной разлуки...

Но, увы! Первый лучъ наступившаго дня
 Разогналъ эти чудныя грѣзы!
 Отчего-жъ до сихъ поръ по лицу у меня
 Все струятся отрадныя слезы?

Отчего этотъ сонъ не видѣнемъ пустымъ —
 Чѣмъ-то кажется мнѣ настоящимъ?

А всеневная жизнь—только бредомъ больнымъ,
 Лишь тяжелымъ кошмаромъ давающимъ?

О. М.

СОНЪ

КАКЪ

ТРЕТЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА

III *).

ГИГИЕНА СНА.

Если почти треть нашей жизни проходитъ въ снѣ, то естественно задаться вопросомъ о томъ, какъ именно слѣдуетъ спать и сколько?

Количество сна бываетъ обратно пропорціонально силѣ и развитію сознанія у каждаго лица, и потому дѣтямъ нуженъ болѣе продолжительный сонъ, нежели взрослымъ, и притомъ сонъ долженъ быть тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ моложе бываетъ ребенокъ, такъ какъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что развитіе сознанія идетъ болѣе или менѣе параллельно съ возрастомъ. У грудныхъ дѣтей сознаніе бываетъ еще до того мало развито, до того слабо, что самаго непродолжительнаго бодрствованія оказывается достаточно для его утомленія. Кромѣ того, въ виду ихъ быстрого роста и процессы пластическаго обмѣна, пластическаго питанія должны преобладать у нихъ надъ процессами дѣятельнаго кровообращенія. Послѣ работъ Зольманна и Тарханова едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и анатомическій субстратъ высшей умственной дѣятельности остается у дѣтей въ первое время ихъ внѣутробной жизни въ недоразвитомъ, въ не-

*) См. выше: октябрь, 616 стр.

оконченномъ видѣ. Соотвѣтственно съ этимъ мы и видимъ, что дѣти въ первые годы жизни не могутъ еще пользоваться рѣчью, которой они выучиваются болѣе или менѣе медленно и постепенно. У дѣтей этого перваго возраста сонъ по необходимости преобладаетъ надъ бодрствованіемъ, безсознательная рефлекторная жизнь надъ сознательнымъ интеллектуальнымъ существованіемъ.

Няньки, мамки, а нерѣдко и сами матери любятъ, чтобы маленькія дѣти спали какъ можно больше изъ вполне понятныхъ эгоистическихъ стремленій, потому что тѣмъ больше спитъ дитя, тѣмъ больше у нихъ остается свободнаго времени. Въ виду этого необходимо напомнить, что сонъ въ излишкѣ можетъ быть крайне вреденъ, потому что сознание для своего развитія требуетъ прежде всего упражненія, и въ виду этого необходимо наблюдать за тѣмъ, чтобы новорожденный ребенокъ съ первыхъ дней своей жизни проводилъ въ снѣ не всѣ 24 часа, а уделялъ бы и на бодрствованіе нѣкоторое, конечно, самое незначительное время своей жизни. Вслѣдствіе этого всѣ приемы, имѣющіе цѣлью путемъ однообразныхъ ощущеній вызвать искусственно засыпаніе ребенка, должны быть строго запрещаемы; сюда относятся, конечно, монотонныя и притомъ вовсе не музыкальныя, колыбельныя пѣсни, однообразныя раскачиванія ребенка въ люлькѣ или на рукахъ, и т. д. Путемъ прямыхъ опытовъ мы убѣдились, что даже 15-минутное качаніе на качеляхъ вызываетъ у совершенно здоровыхъ и взрослыхъ людей паденіе температуры тѣла до $0,5^{\circ}$ Ц. и явленія анеміи мозга, съ болѣе или менѣе сильною тошнотой. Пониженіе температуры тѣла, вызываемое качаніемъ, можетъ быть крайне рѣзкое и доходить до $1\frac{1}{2}$ градуса. Д-ръ Александръ предлагалъ даже въ началѣ настоящаго столѣтія качать лихорадочныхъ больныхъ съ цѣлью пониженія у нихъ ихъ ненормальной температуры. Такимъ образомъ, слѣдовательно, качая ребенка на рукахъ или въ люлькѣ, мы искусственно вызываемъ сонъ, во-первыхъ, потому, что утомляемъ его сознание цѣлымъ рядомъ однообразныхъ ощущеній, а во-вторыхъ, вызываемъ сонъ еще и потому, что путемъ качанія вызываемъ искусственную анемию головного мозга. Авторы, писавшіе и наставлявшіе на томъ, что люлька должна считаться обильнымъ источникомъ человѣческой тупости и даже идиотизма, очевидно, были вполне правы, хотя они и не могли подтвердить свое мнѣніе опытными данными. Въ Германіи даже имѣется народная поговорка, въ родѣ того, что „его закачали до глупости“, такъ что, очевидно, народъ самъ замѣчалъ иногда вредное вліяніе люльки и качиванія дѣтей.

Итакъ, маленькихъ дѣтей не слѣдуетъ укачивать и вообще не слѣдуетъ усыплять ихъ при помощи какихъ бы то ни было искусственныхъ средствъ и приѣмовъ, потому что излишній сонъ не менѣе вреденъ человѣку, какъ и недостаточный. Вслѣдствіе этого, имѣя дѣло съ маленькими, новорожденными дѣтьми, мы должны въ одинаковой степени заботиться какъ о томъ, чтобы сонъ ребенка не прерывался искусственно, такъ и о томъ, чтобы ребенокъ имѣлъ необходимое количество бодрствованія, которое для первыхъ 4—6 недѣль жизни составляетъ часа два въ сутки. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ ребенокъ становится старше и старше, и время, посвящаемое имъ на бодрствованіе, должно увеличиваться. Дѣти въ возрастѣ отъ 1 до 2 лѣтъ могутъ довольствоваться 18—16 часами сна; отъ 2 до 3 лѣтъ имъ достаточно 17—15 часовъ сна; отъ 3 до 4 имъ достаточно будетъ 16—14 часовъ сна; отъ 4 до 6 лѣтъ дѣти могутъ довольствоваться 15—13 часами сна; затѣмъ отъ 6 до 9 довольно будетъ отъ 12 до 10 часовъ сна, а отъ 9 до 13 лѣтъ отъ 10 до 8 часовъ сна. Затѣмъ, во время критическихъ лѣтъ переходнаго времени отъ дѣтскаго къ юношескому возрасту, количество сна должно быть нѣсколько увеличено, такъ чтобы дѣвочка или мальчикъ въ это время спали не менѣе 9—10 часовъ въ сутки. По окончаніи этого времени количество сна можетъ быть снова уменьшено до 8—9 часовъ, и только по окончаніи періода роста, т.-е. съ 19—20 лѣтъ, мы бы считали возможнымъ ограничить время сна 7—8 часами въ сутки. Люди, достигшіе среднихъ лѣтъ жизни, т.-е. тѣхъ лѣтъ, когда сознаніе, а вмѣстѣ съ нимъ и вся психическая сторона человѣка оказывается въ полной силѣ, такъ сказать, въ зенитѣ своего развитія, могутъ довольствоваться, конечно, минимальнымъ количествомъ сна, т.-е. отъ 7 до 5 часовъ въ сутки; но это, конечно, только въ томъ случаѣ, если они пользуются полнымъ здоровьемъ.

Что касается до людей преклонныхъ лѣтъ, то количество необходимаго для нихъ сна оказывается различнымъ, смотря по тому, развивается или нѣтъ у нихъ къ старости ослабленіе сознанія. Если ослабленіе сознанія, а вмѣстѣ съ нимъ и всей умственной сферы развивается къ старости, то и потребность въ снѣ будетъ болѣе или менѣе напоминать намъ то, что наблюдается на дѣтяхъ въ первые годы ихъ жизни. Въ предыдущихъ главахъ мы уже говорили объ извѣстномъ французскомъ математикѣ Муаврѣ, который въ послѣдній годъ своей жизни спалъ по 20 часовъ въ сутки. Напротивъ того, если сознаніе и всѣ умственные силы остаются у стариковъ въ полномъ своемъ развитіи,

то потребность въ снѣ оказывается уменьшенной, и наблюдается даже наклонность къ бессонницамъ. Это, впрочемъ, легко объясняется, такъ какъ всѣ условія жизни людей старыхъ бываютъ таковы, что устраняютъ отъ нихъ въ болѣе или менѣе сильной степени всѣ тѣ моменты, которые ведутъ къ утомленію сознанія. Въ поясненіе своей мысли позволимъ себѣ напомнить, что у людей, достигшихъ преклонныхъ лѣтъ жизни, всѣ страсти отступаютъ болѣе или менѣе на задній планъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все рѣже и рѣже въ нихъ развивается та внутренняя борьба человѣка съ самимъ собою, та внутренняя борьба высокихъ идеаловъ и эгоистическихъ, матеріальныхъ стремленій, на которую люди болѣе молодые затрачиваютъ такъ много энергіи, такъ много здоровья. Само собой понятно, что всякая внутренняя борьба человѣка съ самимъ собою, съ своими страстями и порывами мыслима только при самой дѣятельной работѣ сознанія, и потому у стариковъ сознаніе, если только оно сохранилось въ полной силѣ, должно по необходимости меньше утомляться, нежели у людей среднего возраста, и въ результатѣ является меншая потребность въ снѣ, являются бессонницы.

Спрашивается теперь, какъ слѣдуетъ обставить сонъ людей, достигшихъ старости и отличающихся такою же наклонностью ко сну, какъ и маленькія дѣти? Зная, что во время сна сознаніе, а вмѣстѣ съ нимъ и сознательная умственная жизнь отдыхаютъ, т.-е. бездѣйствуютъ, и что всякое продолжительное бездѣйствіе какого бы то ни было органа нашего тѣла ведетъ необходимымъ образомъ къ ослабленію и, наконецъ, къ атрофіи этого органа, мы поймемъ, конечно, что подобнаго рода излишній сонъ можетъ очень легко приносить больше вреда, нежели пользы, такъ какъ самое бездѣйствіе сознанія должно еще болѣе ослаблять его, и такимъ образомъ мало-по-малу можетъ развиваться такое состояніе, въ какомъ находился вышеупомянутый математикъ Муавръ. Для стариковъ, да и вообще для людей всѣхъ возрастовъ, отличающихся усиленною потребностью въ снѣ, можно посоветовать слѣдующее: имъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ ужинать, такъ какъ изъ наблюденій Дергэма уже извѣстно, что введеніе пищи въ желудокъ передъ сномъ усиливаетъ въ очень рѣзкой степени ту анемію головного мозга, которая развивается при наступленіи сна. Кромѣ того, для подобныхъ субъектовъ съ усиленною потребностью въ снѣ полезенъ будетъ тщательный массажъ всего тѣла и прохладныя ванны или обтиранія.

Во всякомъ случаѣ какъ бы велика ни была потребность въ снѣ у стариковъ перваго типа, имъ все же не слѣдуетъ позво-

лять спать болѣе 10 часовъ въ сутки, и только въ случаѣ рѣзко выраженной слабости можно допускать 12 часовъ сна ежедневно; но и то не сразу, а въ два пріема. Не должно забывать, что организмъ нашъ можетъ привыкнуть ко всему, даже къ крайне вреднымъ для него самому вліяніямъ. Такъ, напримѣръ, можно приучить себя засыпать въ любое время дня и подъ вліяніемъ опредѣленнаго какого-нибудь положенія или ощущенія. Въ литературѣ имѣются описанія случаевъ, въ которыхъ люди засыпали, какъ только они складывали опредѣленнымъ образомъ руки, или когда они взглядывали на какой-нибудь блестящій предметъ (Геммондъ, Балъ), и потому люди съ усиленнымъ аппетитомъ на сонъ должны остерегаться этой своей наклонности и по возможности противоудѣйствовать ей, такъ какъ въ противномъ случаѣ, по мѣрѣ своего повторенія, сонливость ихъ будетъ все болѣе и болѣе усиливаться, и имъ придется спать все больше и больше. Между тѣмъ, само собой понятно, что процессы пластическаго питанія, процессы возстановленія тканей не могутъ совершаться до безконечности; имъ положенъ извѣстный предѣлъ размѣрами предшествовавшей затраты. Слѣдовательно, разъ человекъ будетъ спать болѣе число часовъ, чѣмъ какое требуется ему спать для того, чтобы сознание могло отдохнуть и необходимые процессы питанія и возстановленія тканей могли окончиться, то въ результатъ должно будетъ получиться, во-первыхъ, ослабленіе сознания вслѣдствіе отсутствія необходимаго упражненія, необходимой работы, а во-вторыхъ, должно получиться привыканіе сосудовъ къ извѣстному состоянію, дающему несоотвѣтственный перевѣсъ питательному кровообращенію надъ функціональнымъ, и соотвѣтственно съ этимъ получится расстройство всего газообмѣна и чрезмѣрно сильное накопленіе угольной кислоты въ тѣлѣ; а все это далеко не безразлично для организма и должно рано или поздно повести къ болѣе или менѣе серьезному расстройству здоровья. Наконецъ, питаніе мозга можетъ грѣшить не только по количеству своему, но также и по качеству; такъ напр., мозгъ можетъ получать слишкомъ много бѣлковъ и мало лецитина (Геглингъ Джексонъ, Тудихумъ), и нѣкоторые авторы объясняли развитіе эпилепсїи, т.-е. болѣзни, соединенной съ перерывами сознания, именно подобнымъ, несоотвѣтственно обильнымъ бѣлками, питаніемъ. Мы уже говорили о томъ, что приступы этой болѣзни зачастую появляются во время сна ночью, и всѣмъ извѣстно также, что приступы этой болѣзни всегда сопровождаются потерей сознания и при частомъ повтореніи своемъ ведутъ къ оупѣнію, къ развитію идиотизма. Падучую болѣзнь про-

бовали, съ одной стороны, лечить уменьшеніемъ бѣлковъ въ пищѣ, а съ другой—перевязкой вертебральныхъ артерій на шеѣ (Александръ, Рейеръ), и притомъ съ успѣхомъ. Все это доказываетъ, что питаніе можетъ вредить всякимъ несоотвѣтствіемъ какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ, и сонъ, дающій преобладаніе пластическому, главнымъ образомъ бѣлковому питанію, при излишней продолжительности своей долженъ быть вреденъ.

Выше мы уже говорили о томъ, что даже по отношенію къ груднымъ дѣтямъ слѣдуетъ наблюдать не только за тѣмъ, чтобы они имѣли достаточное количество сна, но также и за тѣмъ, чтобы они имѣли достаточное количество бодрствованія, и послѣ всего изложеннаго, требованіе это, полагаемъ, будетъ найдено вполне рациональнымъ. Продолжительная анемія головного мозга должна роковымъ образомъ повести къ ослабленію всего этого органа. Не должно забывать, что сознательная работа мозга сопровождается самымъ сильнымъ приливомъ крови къ мозгу, самымъ дѣятельнымъ кровообращеніемъ; не должно забывать, что и сознаніе человѣка, какъ и всѣ другія психическія способности его, развивается постепенно, крѣпнеть и растетъ только цѣною постоянного упражненія, постоянной работы. Законъ, управляющій развитіемъ и ростомъ, оказывается однимъ для всѣхъ тканей, для всѣхъ способностей нашего организма, и подобно тому, какъ мышца, остающаяся постоянно въ покоѣ, атрофируется, слабѣетъ и исчезаетъ, точно также и неупотребляемый нервъ, неупотребляемые органы чувствъ и неупотребляемые анатомическіе субстраты различныхъ психическихъ силъ и способностей роковымъ образомъ слабѣютъ и атрофируются, если имъ не дана будетъ полная возможность дѣятельности.

Для людей, отличающихся особенно сильною сонливостью, полезнымъ окажется все то, что вызываетъ усиленный притокъ крови къ мозгу: различные возбуждающіе напитки (чай, кофе), посѣщеніе веселаго общества, различныхъ увеселеній и т. д.

Въ этомъ отношеніи очень интереснымъ представляется случай, сообщенный Эразмомъ Дарвиномъ, дѣдомъ знаменитаго автора „Происхожденія видовъ“. Случай этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: одинъ изъ друзей Эразма Дарвина былъ вынужденъ часто дѣлать большія поѣздки верхомъ, которыя до-нельзя утомляли его, такъ что онъ едва могъ держаться на сѣдлѣ отъ одолѣвавшихъ его дрѣмоты и усталости; при этомъ онъ замѣтилъ, что всегда могъ избавиться отъ мучительнаго чувства утомленія: для этого ему стоило только вспомнить что-нибудь такое, что сердило его, и

это вполне понятно, такъ какъ извѣстно, что гнѣвъ ускоряетъ кровообращеніе и вообще дѣйствуетъ въ качествѣ возбужденія.

Въ виду этой способности гнѣва вызывать усиленный приливъ крови къ мозгу, нѣкоторые врачи находятъ раздражительность слабыхъ, истощенныхъ и малокровныхъ людей вполне пѣлесообразной, такъ какъ, сердца поминутно, изъ-за всякихъ пустяковъ, они тѣмъ самымъ улучшаютъ кровообращеніе въ своемъ мозгу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое состояніе. Въ виду этого, людямъ, отличающимся усиленною склонностью ко сну, могутъ быть полезны даже различные споры, игра въ карты съ неизбѣжными спорами, вспышками гнѣва и т. д., вообще все то, что усиливаетъ, что вызываетъ приливъ крови къ мозгу.

Радость также вызываетъ приливъ крови къ мозгу и такимъ образомъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на отправленія центральной нервной системы, а при посредствѣ ея и на отправленія всего организма вообще, и потому Амбруазъ Паре былъ до извѣстной степени правъ; говоря, что веселые люди всегда выздоравливаютъ. Разъ мы знаемъ, что радость, а слѣдовательно и всякое веселье обуславливаютъ болѣе дѣятельный приливъ крови къ головному мозгу, намъ станетъ понятно, почему всякія игры, всякое веселье разгоняютъ сонъ, и всѣми подобными вліяніями слѣдуетъ непременно пользоваться въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ приходится бороться съ излишнею сонливостью. Не должно забывать, что подобная склонность поспать лишнее можетъ встрѣчаться не только у людей старыхъ и у дѣтей, но также и у людей среднихъ или даже молодыхъ лѣтъ. Наконецъ, не должно забывать также, что излишняя сонливость можетъ обуславливаться полнымъ бездѣлемъ, т.-е. отсутствіемъ всякихъ интересовъ, всякихъ занятій, способныхъ интересовать даннаго человѣка. Мы уже говорили о томъ, что дѣти, дикари и необразованные, неразвитые люди спятъ много и что они засыпаютъ, какъ только остаются безъ занятій, и это вполне понятно, такъ какъ содержаніе ихъ психическаго міра настолько бѣдно, что для нихъ невозможно найти матеріала для занятія въ своихъ собственныхъ мысляхъ и представленіяхъ; имъ постоянно нужны для этого раздраженія, впечатлѣнія изъ внѣшняго міра, иначе они засыпаютъ, вслѣдствіе того, что сознаніе ихъ утомляется однообразиемъ ихъ собственнаго душевнаго міра. Въ подобныхъ случаяхъ необходимо позаботиться о приисканіи подходящихъ занятій. При этомъ никакъ не слѣдуетъ думать, что въ подобныхъ случаяхъ требуются дѣйствительныя занятія, т.-е. что-нибудь заслуживающее подобнаго названія. Нѣтъ! занятія должны соответствовать

общему психическому уровню подобныхъ людей. Такъ напр., есть люди, для которыхъ серьезнымъ и интереснымъ занятіемъ является хотя бы наблюдение за тѣмъ, чтобы всѣ имѣющіеся у нихъ часы были одновременно или въ извѣстномъ порядкѣ; другіе выполняютъ съ успѣхомъ все время, остающееся у нихъ между сномъ и ѣдой, заботами о кормленіи и леченіи имѣющихся у нихъ пѣвчихъ птицъ и т. д.; третьи занимаются верченіемъ столовъ, раскладываніемъ пасьянса и тому подобнымъ. Слѣдовательно, для каждаго нужны занятія, соотвѣтствующія его развитію, но занятія необходимы для устраненія излишняго и тѣмъ самымъ вреднаго сна. Количество сна должно, конечно, мѣняться сообразно съ возрастомъ, но въ то же время не должно забывать, что излишній сонъ вреденъ въ одинаковой степени для всѣхъ возрастовъ. Уже Иммануэль Кантъ указывалъ на то, что продолжительный излишній сонъ производитъ крайне вредное вліяніе на здоровье и прямо говорилъ, что гнѣздомъ многихъ болѣзней слѣдуетъ признать кровать, т.-е. слишкомъ долгое пребываніе въ ней. Самъ Кантъ, при сильномъ развитіи въ немъ всей сознательной умственной жизни, спалъ очень мало. Точно также мало спали и Гумбольдтъ, Гете, Фридрихъ Великій, Шиллеръ, Чэттертонъ. Мирабо нерѣдко довольствовался двумя, тремя часами сна. Наполеонъ I тоже спалъ обыкновенно не болѣе 6—4 часовъ въ сутки.

Разобравъ вопросъ объ излишнемъ снѣ, необходимо теперь остановиться на тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ недостаточный сонъ или бессонницы. Мы видѣли, что бессонницы встрѣчаются нерѣдко у стариковъ, у которыхъ умственные силы остаются неизмѣненными и въ то же время вслѣдствіе естественныхъ условій старческаго возраста сознаніе ихъ не имѣетъ поводовъ утомляться. Кромѣ того, бессонницы наблюдаются также и въ другіе возрасты жизни; но всего рѣже онѣ встрѣчаются у дѣтей, и если встрѣчаются, то всегда служатъ признакомъ необычайно сильнаго возбужденія центральной нервной системы и, какъ таковыя, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія.

При извѣстныхъ условіяхъ развиваются упорныя бессонницы, состоящія не изъ полного отсутствія сна, а изъ крайне легкаго, непродолжительнаго и прерывистаго сна, исчезающаго подъ вліяніемъ самыхъ незначительныхъ шумовъ или иныхъ какихъ-либо раздраженій. Легкій, постоянно прерываемый пробужденіями, непродолжительный сонъ, въ свою очередь, оказывается очень вреднымъ, и это вполне понятно, такъ какъ при подобномъ снѣ пластическое питаніе, восстановленіе тканей не успѣетъ начаться,

какъ оно уже снова прекращается, и люди послѣ подобной ночи, проведенной въ послѣдовательной снѣнѣ засыпаній и пробужденій, встаютъ обыкновенно не освѣженные, а, напротивъ того, еще болѣе утомленные, съ усиленною раздражительностью, и неспособные ни къ какому серьезному мозговому труду.

Спрашивается теперь: что дѣлать въ подобномъ случаѣ? Такъ какъ для нормальнаго сна требуются и утомленіе сознанія, и анемія мозговыхъ сосудовъ, то все, что только содѣйствуетъ появленію этихъ состояній, должно оказаться полезнымъ въ дѣлѣ устраненія бессонницы. Такимъ образомъ, для людей, страдающихъ бессонницей, необходимо бываетъ проводить свои вечера среди сколько возможно разнообразныхъ занятій, среди возможно разнообразной обстановки. Имъ слѣдуетъ избѣгать по вечерамъ всякихъ выѣздовъ, всякихъ развлеченій. Кромѣ того, такъ какъ сидячая жизнь благопріятствуетъ развитію всевозможныхъ неправильностей со стороны кровообращенія, то людямъ, страдающимъ отъ бессонницы, необходимо бываетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы они имѣли достаточное физическое упражненіе.

Современное цивилизованное человѣчество вообще страдаетъ отъ недостаточности мышечнаго упражненія. Для того, чтобы наглядно представить себѣ, насколько самая цивилизація устранила мышечный трудъ изъ обихода народной жизни, стоитъ только вспомнить, что 12 женщинъ должны были работать день и ночь для того, чтобы намотать то количество муки, которое необходимо было для прокорма всѣхъ домохозяевъ въ домѣ Пенелопы; теперь, при помощи мельницъ, легко можетъ быть изготовлена за то же время мука, необходимая на 100.000 людей. Однимъ словомъ, въ настоящее время одинъ работникъ производитъ ту же работу ради прокормленія 5.000 человѣкъ, которую въ древнемъ мірѣ одинъ работникъ вынужденъ былъ производить для прокормленія 10 и, самое большее, 20 человѣкъ. То же самое наблюдается и во всѣхъ другихъ направленіяхъ: прекрасные пути сообщенія сдѣлали ходьбу, верховую ѣзду почти совершенно излишнею и т. д. Однимъ словомъ, мечты Аристотеля о томъ, чтобы тѣлцѣе челноки сами ходили, чтобы жернова сами мололи и т. д., получили теперь полное осуществленіе; но не остались безъ печальныхъ послѣдствій, зависящихъ отъ развитія пролетаріата, съ одной стороны, и отъ недостаточной мышечной работы съ другой.

Теплыя ванны, взятые вечеромъ (въ 28—29° Р.), могутъ въ значительной степени содѣйствовать устраненію бессонницы. Далѣе полезно бываетъ накладывать на голову пузырь, наполненный

холодной водой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда теплыя ванны почему либо невозможны, или если онѣ не достигаютъ своей цѣли, то для устраненія даже самой упорной бессонницы достаточно бываетъ употребить обертыванія въ мокрыя простыни (Бекеръ, Шуллеръ и др.), которыя окружаются сначала клеенкой, а затѣмъ теплыми одѣялами. Подобнаго рода обертыванія, конечно, нельзя употреблять ежедневно, но ими слѣдуетъ пользоваться въ случаяхъ упорной бессонницы, такъ какъ въ качествѣ энергично дѣйствующаго средства эти обертыванія могутъ сломить сложившуюся уже въ организмѣ привычку къ бессонницѣ. Наконецъ, для людей, страдающихъ бессонницей, полезны бываютъ легкіе ужины, потому что всякое введеніе пищи въ желудокъ обуславливаетъ приливъ крови въ слизистую оболочку желудка и одновременную анемію головного мозга (Дергэмъ), какъ это и было доказано прямыми опытами. На пользу ужиновъ въ случаяхъ бессонницы указывали уже неоднократно, напр., Голландъ, Дергэмъ, Беккеръ и другіе.

Само собою разумѣется, что ужины не должны состоять изъ трудно варимой пищи или изъ слишкомъ большихъ количествъ ея, такъ какъ подобнаго рода ужины легко могутъ составить для желудка непосильную задачу, и слѣдовательно пища можетъ остаться не вполне переваренной, и, застываясь въ такомъ состояніи въ желудкѣ или въ кишкахъ, она можетъ стать мѣстомъ развитія цѣлаго ряда ненормальныхъ гнилостныхъ или бродильныхъ процессовъ, крайне вредныхъ для здоровья. Наконецъ, извѣстно, что переполненный пищей желудокъ обуславливаетъ развитіе бошмаровъ, которые уже во всякомъ случаѣ не могутъ считаться желательными, такъ какъ они нарушаютъ болѣе или менѣе сильно спокойное теченіе нормальнаго сна. Не должно забывать также, что переполненный желудокъ и кишечный каналъ отодвигаютъ вверхъ грудобрюшную преграду, которая во время сна должна, напротивъ того, находиться въ расслабленномъ состояніи (Моссо), и этимъ обычнымъ расслабленіемъ діафрагмы объясняютъ даже нѣкоторые авторы то ухудшеніе, которое замѣчается у различныхъ легочныхъ больныхъ вечеромъ и ночью. Всякое отодвиганіе діафрагмы вверхъ необходимымъ образомъ уменьшаетъ емкость легкихъ, и по наблюденіямъ Гергардта каждыя 24 куб. сант. жидкости, введенной въ желудокъ, уменьшаютъ емкость легкихъ на одинъ кубическій сантиметръ; а Фабиусъ, съ другой стороны, опредѣлялъ, что емкость легкихъ у здороваго чловѣка увеличивалась на 250 куб. сант. вслѣдъ за приѣмомъ слабительнаго. Вы спросите, можетъ быть, какое отношеніе можетъ

имѣть большая или мѣньшая емкость легкихъ къ нормальному сну? Очень простое. Всякое уменьшеніе вмѣстимости легкихъ ведетъ необходимымъ образомъ къ ослабленію окисленія крови, т.-е. къ меньшему поглощенію кислорода; между тѣмъ въ первой главѣ мы видѣли, что на основаніи имѣющихся, правда, немногочисленныхъ опытовъ, надо признать, что во время сна происходитъ усиленное поглощеніе кислорода, такъ сказать, запасеніе его для нуждъ бодрствующей жизни. Слѣдовательно, уменьшеніе емкости легкихъ, ограничивая болѣе или менѣе поглощеніе кислорода красными кровяными шариками, тѣмъ самымъ нарушаетъ правильный ходъ физиологическихъ процессовъ во время сна, а всякое уменьшеніе интрамолекулярнаго кислорода по необходимости понижаетъ дѣятельность всѣхъ органовъ тѣла и тѣмъ самымъ нарушаетъ правильность питанія.

Что переполненіе пищеварительныхъ путей вредно отражается на общемъ здоровьѣ и въ особенности на психическомъ состояніи человѣка, это извѣстно уже давно; такъ напр., проф. Шредеръ ванъ-деръ Колькъ указывалъ уже на то, что подобное переполненіе пищеварительныхъ путей обуславливаетъ не только мрачное, печальное настроеніе, но даже и серьезныя душевныя страданія. Остроумный Вольтеръ имѣлъ въ виду то же самое, говоря, что прежде, чѣмъ просить о чемъ-нибудь министра, слѣдуетъ всегда *„s'informer adroitement s'il a le ventre libre“*. Все это вполне понятно, если мы знаемъ, что для сознательной мозговой жизни человѣкъ нуждается въ особенно дѣятельномъ кровообращеніи, въ особенно дѣятельномъ окисленіи и, слѣдовательно, въ особенно богатомъ запасѣ интрамолекулярнаго кислорода.

Людямъ, трудно засыпающимъ, полезно бываетъ также прислушиваться къ какому-нибудь однообразному звуку, хотя бы, напр., къ стуку часовъ, положенныхъ подъ подушку, такъ какъ однообразіе впечатлѣнія очень быстро утомляетъ сознаніе и обуславливаетъ его засыпаніе. Совершенно также дѣйствуетъ и всякое иное однообразное ощущеніе, все одно—будетъ ли оно слуховое, зрительное, осязательное или какое-нибудь иное. Для людей, имѣющихъ наклонность къ излишнему сну, всегда полезно бываетъ спать въ спальнѣ съ незавѣшенными окнами, для того, чтобы дневной свѣтъ съ самаго ранняго утра имѣлъ свободный доступъ къ нимъ, и обуславливая въ нихъ цѣлый рядъ ощущеній, подготавливалъ бы ихъ пробужденіе. Для людей, отличающихся наклонностью къ бессонницѣ, слѣдуетъ, напротивъ того, завѣшивать тщательно всѣ окна темными занавѣсами, потому что, при раздражительности ихъ нервной системы, даже слабый лучъ свѣта

можетъ легко разбудить ихъ слишкомъ рано, т.-е. прежде, чѣмъ успѣетъ окончиться только-что начавшееся пластическое питаніе.

Чтобы понять, какое сильное вліяніе дневной свѣтъ производитъ на нашъ организмъ, достаточно вспомнить, что при темнотѣ бодрствующіе люди даже выдѣляютъ гораздо меньше углекислоты, нежели при свѣтѣ, а именно, если количество углекислоты, выдѣленное человѣкомъ чрезъ кожу, равняется при темнотѣ цифрѣ 100, то при свѣтѣ оно будетъ у того же человѣка при тѣхъ же условіяхъ опыта равняться 113, какъ это и доказано было опытами Фубини и Рончи. То же самое усиленіе выдѣленія углекислоты чрезъ кожу подъ вліяніемъ свѣта наблюдали также и на животныхъ (Моле-шоттъ, Платенъ, Зельми и Піачентини), слѣдовательно въ этомъ отношеніи мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ общимъ для всего животнаго царства закономъ.

Для насъ особенный интересъ представляютъ тѣ опыты, при которыхъ животныхъ не помѣщали въ темноту, а просто только заклеивали имъ липкимъ пластыремъ вѣки, и газообмѣнъ при этомъ представлялъ болѣе или менѣе рѣзкія различія (Платенъ). Д-ръ Деваръ прямыми опытами убѣдился, что подъ вліяніемъ свѣта на глазъ мѣняется электродвигательная сила самого головного мозга. Значеніе свѣта для нашей сознательной умственной жизни такъ велико, что лучшее освѣщеніе нашихъ домовъ вслѣдствіе большихъ оконъ и прекрасныхъ лампъ, а нашихъ улицъ вслѣдствіе примѣненія газа и электричества къ цѣлямъ освѣщенія несомнѣнно вліяетъ въ благопріятномъ смыслѣ на ходъ всего прогресса, какъ на это и указывалъ уже Пуркинѣ. Однимъ словомъ, свѣтъ не только разгоняетъ сонливость, но и пробуждаетъ народныя массы къ болѣе дѣятельной, къ болѣе сознательной умственной жизни. Стоитъ только взглянуть въ жизнь народовъ на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ большую часть года царитъ зима съ нескончаемыми ночами, гдѣ солнце не показывается цѣлые мѣсяцы, и мы убѣдимся, что сознательная сторона ихъ душевнаго міра стоитъ еще на крайне низкой степени развитія, и соотвѣтственно съ этимъ они посвящаютъ несоотвѣтственно много времени сну.

Одинъ глубокомысленный наблюдатель (Іоганнесъ Мюллеръ) замѣтилъ, что въ темнотѣ мы никогда не можемъ быть особенно остроумными, и это совершенно понятно, если мы знаемъ, что темнота, особенно если она соединена бываетъ съ тишиной, лишаетъ насъ всѣхъ привычныхъ намъ ощущеній, раздраженій изъ внѣшняго міра и тѣмъ самымъ ослабляетъ наше сознаніе, и слѣдовательно даетъ перевѣсъ міру рефлексовъ. Шопенгауеръ указалъ, что полночь и темнота страшны намъ только пока мы одни;

но стоитъ намъ окружить себя обществомъ и свѣтомъ, и мы забываемъ, что полночь есть часъ различныхъ привидѣній и духовъ, и въ виду этого онъ заключаетъ, что мы боимся въ сущности самихъ себя въ темнотѣ, боимся своихъ собственныхъ представлений и игры своихъ собственныхъ органовъ чувствъ. На то же самое указываетъ и Дюгальдъ Стюартъ; но при обсужденіи подобнаго страха, являющагося въ темнотѣ и тишинѣ ночей у бодрствующаго человѣка, не слѣдуетъ упускать изъ виду также и того факта, что, при этихъ условіяхъ, раздраженія, падающія на насъ изъ внѣшняго міра, бываютъ доведены до минимума, и слѣдовательно наши нервно-мозговые приборы временно отдыхаютъ, при этомъ раздражительность ихъ нарастаетъ, а это по необходимости должно располагать насъ къ разыгрыванію нашей фантазіи, къ появленію въ нашемъ сознательномъ кругозорѣ различныхъ образовъ, такъ сказать, центральныхъ и периферическихъ галлюцинацій.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ легко понять, что большая или меньшая темнота спальни вовсе не представляется безразличной, а, напротивъ того, должна имѣть существенное вліяніе на весь обмѣнъ спящаго человѣка.

Мы разобрали вопросъ о томъ—слѣдуетъ ли затемнять искусственными мѣрами спальню, во-первыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у людей наблюдается усиленная наклонность ко сну, и во-вторыхъ въ тѣхъ, когда, напротивъ, существуетъ расположеніе къ бессонницѣ.

Теперь намъ необходимо еще уяснить себѣ вопросъ о томъ—слѣдуетъ ли вообще завѣшивать окна въ спальнѣ, если въ ней помѣщаются люди съ нормальнымъ сномъ, т.-е. не страдающіе ни спячкой, ни бессонницей. Имѣя дѣло съ нормальными людьми, самое цѣлесообразное будетъ, конечно, придерживаться по возможности ближе нормальныхъ условій, и слѣдовательно, если окна спальни выходятъ на сѣверъ или на западъ, т.-е. если они расположены такъ, что въ утренніе часы въ нихъ не могутъ попадать солнечные лучи, то ихъ всего лучше будетъ оставить совершенно открытыми, т.-е. незавѣшенными никакими шторами или занавѣсками. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда по положенію квартиры окна спальни должны быть непременно завѣшены ради требованія приличія, то съ этою цѣлью слѣдуетъ пользоваться исключительно только *толстыми* шторами, сдѣланными изъ полотна или каленкора, такъ какъ подобныя шторы пропускаютъ все же достаточно свѣта. Такія же точно шторы слѣдуетъ употреблять и въ тѣхъ случаяхъ, когда окна спальни выходятъ на востокъ

и когда, слѣдовательно, требуется устранить яркіе солнечные лучи отъ глазъ пробуждающагося человѣка.

Затронувъ разъ вопросъ объ обстановкѣ спальни, считаемъ за лучшее окончить его сразу. Отъ хорошей спальни требуется, конечно, прежде всего возможно большая помѣстительность, такъ какъ для спящаго человѣка прежде всего необходимо имѣть возможно большій запасъ воздуха; въ виду этого же слѣдуетъ позаботиться объ устройствѣ возможно дѣятельной вентиляціи. Само собою разумѣется, что вентиляція должна быть устроена такъ, чтобы въ спальнѣ не могли получаться струи холоднаго воздуха, потому что въ виду усиленной потливости кожи во время сна она оказывается особенно чувствительной къ холоду, и спящій человѣкъ простужается легче, чѣмъ тотъ же самый человѣкъ наяву (Торгевольт). Въ виду необходимости имѣть въ спальнѣ возможно большій запасъ чистаго воздуха слѣдуетъ, конечно, избѣгать въ ней всякихъ драпировокъ, всякой излишней мебели. Кровать должна, конечно, стоять у внутренней стѣны и при томъ такъ, чтобы она по возможности дальше отстояла и отъ оконъ, и отъ печи, во избѣжаніе тѣхъ токовъ воздуха, которые тутъ постоянно имѣются. Температура спальни должна быть прохладная, и если можно, то она должна держаться на 10° — 12° Р., въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ней спать здоровые люди. Для дѣтей въ первые годы жизни требуется, конечно, болѣе высокая температура въ спальнѣ, но все же, за исключеніемъ перваго года, дѣти должны спать при температурѣ въ 15° — 14° Р. Въ первое время послѣ рожденія температуру дѣтской спальни придется держать между 18° — 19° Р.; въ концѣ перваго мѣсяца ее слѣдуетъ понизить до 18° — 17° Р., въ концѣ втораго мѣсяца—до 17° — 16° , а когда ребенку будетъ 4 мѣсяца, то температура его спальни можетъ быть уже понижена до 16° — 15° Р., а на второмъ году жизни она должна быть доведена до 15° — 14° Р., а съ 3-хъ или 4-хъ лѣтнаго возраста дѣти уже могутъ спать при 14° — 12° Р.

Каждый легко можетъ убѣдиться на самомъ себѣ, что ночь, проведенная въ слишкомъ теплой спальнѣ, никогда не даетъ того ощущенія бодрости и свѣжести, которые мы испытываемъ, проспавъ ночь въ прохладной комнатѣ. Напротивъ того, послѣ ночи, проведенной въ слишкомъ теплой спальнѣ, мы всегда встаемъ съ тяжелой головой, съ ощущеніемъ утомленія во всемъ тѣлѣ, съ одутловатымъ лицомъ, съ припухшими вѣками. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ чрезмѣрная теплота спальни еще болѣе усиливаетъ ту потливость, которая и безъ того всегда развивается во время нормальнаго сна, и въ результатъ человѣкъ,

спящій въ слишкомъ теплой комнатѣ, попадаетъ въ условія, аналогичныя съ тѣмъ, что наблюдается при каждой горячей воздушной ваннѣ, съ тою только разницею, что подобная воздушная теплая ванна никогда не длится такое продолжительное время, какое человѣкъ посвящаетъ сну.

Усиленная и продолжительная дѣятельность кожи ведетъ, наконецъ, къ появленію легкихъ сывороточныхъ выпотовъ и къ общей набухлости (*turgescencia*) всего кожного покрова тѣла. Само собой разумѣется, что все это по необходимости должно утомлять человѣка, и—что еще хуже—подобнаго рода сонъ долженъ вести къ разслабленію сосудовъ кожи, къ уничтоженію ихъ нормальнаго тонуса, а это, въ свою очередь, должно вести къ разстройству сосудодвигательной сферы, столь важной для нормальнаго хода какъ физической жизни, такъ и душевной. Вообще всякое появленіе одутловатости вѣкъ или лица послѣ сна служить уже вѣрнымъ признакомъ того, что условія сна въ томъ или въ иномъ направленіи уклонились отъ нормы, т.-е. или что человѣкъ спалъ несоотвѣтственно долгое время, или что температура спальни была слишкомъ высока, или что воздухъ въ ней былъ недостаточно чистый.

О вліяніи высокой температуры воздуха въ спальнѣ мы уже говорили; теперь намъ слѣдуетъ еще уяснить себѣ, какимъ образомъ нечистота этого воздуха (слѣдовательно, другими словами, излишнее содержаніе въ немъ углекислоты и недостаточное количество кислорода) можетъ дѣйствовать на спящаго. Мы уже говорили раньше о томъ, что накопленіе угольной кислоты въ организмѣ спящихъ людей дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на центръ потоотдѣленія и что этимъ-то условіемъ, а также и расширеніемъ сосудовъ кожи у спящихъ, объясняется появляющаяся у нихъ усиленная испарина. Мы знаемъ также, что накопленіе углекислоты въ организмѣ спящихъ, при нормальныхъ условіяхъ жизни, происходитъ только въ силу того, что спящій выдыхаетъ меньшія количества углекислоты, нежели бодрствующій человѣкъ; въ то же время мы знаемъ, что во время сна происходитъ усиленное поглощеніе кислорода. Зная все это, предположимъ, что воздухъ спальни возобновляется недостаточно быстро и что, вслѣдствіе этого, содержаніе въ немъ кислорода истощается болѣе или менѣе сильно, а содержаніе углекислоты, напротивъ, возрастаетъ. Что же должно произойти при этомъ? Спящій, при каждомъ своемъ вздохѣ будетъ получать ненормально большое количество угольной кислоты и недостаточное количество кислорода; вслѣдствіе этого въ организмѣ его должно получиться несоотвѣтственно

большое накопленіе угольной кислоты и недостаточное запасаніе кислорода. Увеличенное количество углекислоты въ крови должно, конечно, усиленно раздражать потоотдѣлительный центръ, и слѣдовательно потливость спящаго усилится несоотвѣтственно, и въ результатъ подобной чрезмѣрной дѣятельности кожи опять явятся сывороточныя пропотѣванія въ кожѣ, явится набухлость этой ткани, легкіе отеки со всѣми обычными послѣдствіями. Въ виду всего этого и должно помнить, что повторно наблюдающаяся одутловатость вѣкъ или лица послѣ сна служить, такъ сказать, первымъ, вторымъ и третьимъ предупрежденіями, которыя мы получаемъ въ виду опасности, грозящей намъ со стороны тѣхъ или иныхъ ненормальныхъ условій нашего сна.

Воздухъ въ спальнѣ долженъ особенно дѣятельно провѣтриваться, такъ какъ уже Сангорины опредѣлили, что во время сна человѣкъ даже при обыкновенныхъ условіяхъ выдѣляетъ вдвое больше испарины, чѣмъ на яву. Кромѣ того, прямыми опытами на человѣкѣ (Фойтъ) доказано, что при пониженіи комнатной температуры ниже $14-15^{\circ}$ Ц. ($11-12^{\circ}$ Р.) выдѣленіе углекислоты увеличивается; съ другой стороны опытами на животныхъ (кошки), произведенными баварскимъ герцогомъ Теодоромъ, доказано, что прохладная температура содѣйствуетъ выдѣленію углекислоты и поглощенію кислорода, тогда какъ потеря воды, напротивъ того, увеличивается подъ вліяніемъ тепла.

Такимъ образомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что воздухъ въ спальнѣ долженъ быть, по возможности, прохладнѣе и чище, и ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ закрывать себѣ ротъ одѣяломъ, такъ какъ это значило бы искусственно заставлять себя дышать все однимъ и тѣмъ же небольшимъ количествомъ воздуха. Вообще голова и шея спящаго человѣка должны быть оставляемы совершенно открытыми, зато нижнюю половину тѣла слѣдуетъ тщательно закрывать, особенно у людей, предрасположенныхъ къ безсонницѣ, такъ какъ холодныя ноги нерѣдко обуславливаютъ приступъ безсонницы.

Необходимо также приучить себя къ тому, чтобы постоянно мѣнять свое положеніе во снѣ; а то люди по большей части имѣютъ одно какое-нибудь излюбленное положеніе, въ которомъ они проводятъ большую часть своей жизни во время сна. Д-ръ Осборнъ опредѣлялъ положеніе, въ которомъ спитъ большинство людей въ различные возрасты своей жизни, и при этомъ онъ убѣдился, что дѣти моложе 14 лѣтъ спятъ безразлично и на лѣвомъ, и на правомъ боку, и на спинѣ, но молодыя дѣвушки и юноши, въ возрастѣ между 14 и 20 годами, оказались уже въ

большинствѣ случаевъ спящими на правомъ боку (59), затѣмъ на спинѣ (29), а на лѣвомъ боку они спали всего рѣже (23). Наблюдения, произведенныя въ этомъ же направленіи на солдатахъ, показали также, что на правомъ боку они спали чаще, чѣмъ на лѣвомъ. Съ другой стороны Пеллетанъ указывалъ уже, что воспаленіе праваго легкаго встрѣчается чаще, нежели воспаленіе лѣваго, и на то же самое указывалъ также и Андраля. Это преобладаніе воспаленія праваго легкаго надъ воспаленіемъ лѣваго можетъ быть выражено цифрами, а именно, воспаленіе праваго легкаго и воспаленіе лѣваго относятся какъ 2, 5:1, или, по Андралю, какъ 2:1. Фактъ этотъ многіе авторы объясняли именно привычкою людей спать на правомъ боку, такъ какъ при этомъ, наконецъ, въ силу закона таготѣнія, должны развиваться въ правомъ легкомъ, а также, конечно, и въ печени, пассивные застои крови и особенно лимфы. Болѣе частое воспаленіе основаній легкихъ въ сравненіи съ верхушками объясняютъ также вліяніемъ нашего вертикальнаго положенія во время бодрствованія. Кромѣ того, вертикальнымъ положеніемъ объясняются и многія другія болѣзни, какъ-то: расширенія венъ на ногахъ, различныя пораженія матки, геморроидальныя страданія и прочее, и прочее. Въ виду этого многіе авторы совѣтуютъ даже во время бодрствованія разнообразить положеніе нашего тѣла по возможности, т.-е. принимать отъ времени до времени лежачее или полулежачее положеніе вмѣсто сидячаго или стоячаго.

Что положеніе тѣла дѣйствительно сильно отражается на сосудодвигательной сферѣ, это доказывается, съ одной стороны, измѣненіями пульса, который, дѣлая 85 ударовъ въ минуту при стоячемъ положеніи, замедляется до 76 ударовъ при сидячемъ и до 68 ударовъ при лежачемъ; а съ другой стороны, то же самое доказывается также и наблюденіями, производимыми при помощи психо-физиологическихъ вѣсовъ Моссо, которые указываютъ, что въ ногахъ и въ нижней половинѣ нашего тѣла во время бодрствованія застаиваются болѣе или менѣе значительныя количества крови и что количества эти бываютъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дряблѣе, малокровнѣе представляются всѣ ткани того или иного субъекта.

У людей малокровныхъ, истощенныхъ, сосудистыя стѣнки которыхъ лишены бываютъ здороваго тонуса, зачастую приходится наблюдать появленіе мучительныхъ болей въ спинѣ утромъ при пробужденіи. Въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ всегда обращать вниманіе на положеніе, въ которомъ по преимуществу спать подобнаго рода субъекты, такъ какъ этого рода боли въ

значительномъ числѣ случаевъ обусловливаются именно тѣмъ, что большую часть ночи люди эти спятъ на спинѣ. Наконецъ, привычка спать на спинѣ можетъ стать также источникомъ кошмаровъ, такъ какъ при этомъ желудокъ, если только онъ наполненъ пищей, сдавливаетъ нисходящую аорту и тѣмъ самымъ обусловливаетъ большій приливъ крови въ мозгъ чрезъ восходящую аорту (Осборнъ).

Итакъ, положеніе, которое принимаетъ спящій человѣкъ, является далеко не безразличнымъ, а, напротивъ, отъ него даже въ значительной степени зависитъ здоровье и, слѣдовательно, общее благосостояніе человѣка. Само собой разумѣется, что съ высоко поднятой на подушкахъ головой позволительно спать только тѣмъ людямъ, которые страдаютъ приливами крови въ мозгъ; обыкновенно же слѣдуетъ принимать возможно горизонтальное положеніе и наблюдать за тѣмъ же самымъ и у дѣтей, которыхъ слѣдуетъ въ то же самое время приучать спать какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ боку, а также иногда и на спинѣ.

Такимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ приходится ухаживать за тяжело больными, мы должны прежде всего помнить, что спать урывками вредно, и поэтому слѣдуетъ обставлять дежурство при больныхъ такъ, чтобы у каждаго дежурящаго лица имѣлась возможность проспать краю часа три, четыре, т.-е. надо оставить дѣло такъ, чтобы сонъ могъ достигнуть своей наибольшей глубины и затѣмъ снова могъ сдѣлаться менѣе глубокимъ; такъ какъ иначе процессы пластическаго питанія будутъ прерваны прежде, чѣмъ они успѣютъ установиться надлежащимъ образомъ. Въ медицинской литературѣ приведена цѣлая масса случаевъ заболѣванія лицъ, ухаживавшихъ за тяжелыми больными, и эти заболѣванія, очевидно, зависѣли именно отъ того, что сонъ людей, ухаживавшихъ за больными, былъ до-нельзя прерывистый и непродолжительный, такъ что питаніе ихъ мозговой ткани не могло совершаться надлежащимъ образомъ.

Не должно забывать, что сонъ сопровождается, во-первыхъ, суженіемъ черепно-мозговыхъ сосудовъ, а во-вторыхъ, наполненіемъ лимфатическихъ влагалищъ лимфой, и слѣдовательно если человѣка будятъ, какъ только онъ успѣлъ уснуть, то только-что явившееся суженіе сосудовъ должно снова уступать расширенію, и если это повторяется часто, то въ результатѣ должно получиться болѣе или менѣе серьезное разстройство сосудистаго тонуса, т.-е. сосудистыя стѣнки должны ослабѣть, а прерывнаго ряда безцѣльныхъ суженій и расширеній, такъ какъ суженія сосудовъ при этихъ условіяхъ не могутъ вести, въ виду непродол-

жительности сна, въ надлежащему протеканію процессовъ пластическаго питанія, а наступающія при пробужденіяхъ расширенія сосудовъ не могутъ, съ своей стороны, вести къ надлежащему функціональному кровообращенію именно потому, что вслѣдствіе непродолжительнаго сна не успѣло развиться то возстановленіе тканей и крови, которое необходимо для дѣятельной функціи бодрствующаго мозга. Послѣ работъ проф. Мейнерта уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что душевныя страданія по большей части начинаются съ разстройствъ въ сосудистой системѣ, и это вполне понятно, такъ какъ всѣ различныя состоянія нашего организма, всѣ функціи его внутреннихъ органовъ и каждое сокращеніе его мышцъ, каждое душевное движеніе и каждая наша мысль необходимымъ образомъ связаны бываютъ съ тѣмъ или инымъ измѣненіемъ въ просвѣтѣ кровеносныхъ сосудовъ, въ наполненіи ихъ кровью, и слѣдовательно всякое нарушеніе правильнаго протеканія различныхъ функцій сосудодвигательной сферы необходимымъ образомъ должно вести къ извѣстнымъ химическимъ и гистологическимъ измѣненіямъ ткани сосудистыхъ стѣнокъ, а это, въ свою очередь, становится источникомъ другихъ, болѣе серьезныхъ разстройствъ. Слѣдовательно, разъ мы поставлены будемъ въ необходимость спать очень мало, то мы все же должны позаботиться о томъ, чтобы имѣть по крайней мѣрѣ два, три или четыре часа непрерывнаго сна.

Затронувъ разъ вопросъ о вліяніи сосудистой системы на общее здоровье организма, мы встать должны упомянуть о томъ, что быстрые переходы изъ лежачаго положенія въ сидячее или стоячее нежелательны, такъ какъ это легко можетъ повести къ вреднымъ послѣдствіямъ.

У насъ въ обществѣ очень распространено то мнѣніе, что вставать рано здорово и что не менѣе здорово также и рано ложиться спать. Этотъ взглядъ на дѣло въ связи съ желаніемъ взрослыхъ обезпечить себѣ возможно большій покой и большую свободу по вечерамъ, повелѣ къ общераспространенному обычаю укладывать дѣтей спать по возможности раньше, часовъ въ 7, часовъ въ 8. Само собой разумѣется, что дѣти, укладываемыя такъ рано въ постель, должны просыпаться и дѣйствительно просыпаются въ шестомъ, въ седьмомъ часу утра; и такъ какъ въ это время родители, ложащіеся поздно спать, продолжаютъ еще спать, то малютки и должны бываютъ встрѣчать каждый новый день своей жизни подъ надзоромъ прислуги. Это уже само по себѣ представляется далеко не безопаснымъ, особенно если мы вспомнимъ, что прислуга въ ранніе утренніе часы сама

бываетъ еще заспанная и зачастую даже неумытая, непричесанная надлежащимъ образомъ. Это, однако, еще не все. Не должно упускать изъ виду также и то, что въ осенніе и зимніе мѣсяцы у насъ до 9 часовъ утра продолжаетъ еще господствовать темнота, и слѣдовательно бѣдные малютки, просыпаясь утромъ отъ сна, принуждены бываютъ видѣть около себя неубранныя комнаты, заспанные лица ворчливой прислуги и непріятную для всего живого темноту, потому что по утрамъ комнаты не освѣщаются вполнѣ, какъ вечеромъ, а только самымъ скуднымъ образомъ, при помощи одной какой-либо лампы, къ тому же еще нерѣдко дурно заправленной и потому коптящей. Мы нисколько не сомнѣваемся, что раннее вставаніе полезно, но только тогда, когда, просыпаясь утромъ, человѣкъ встрѣчаетъ дневной свѣтъ, а не ночную неприглядную тьму, которая, какъ мы видѣли выше, отражается на всемъ обмѣнѣ человѣческаго организма.

Въ виду этого и слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы наши дѣти не были вынуждены вставать осенью и зимой въ то время, когда еще и самое солнце не вставало, и ради этого слѣдовало бы укладывать дѣтей спать не ранѣе 9 — 10 часовъ вечера, такъ чтобы пробужденіе ихъ приходилось на такое время, когда уже комнаты бываютъ освѣщены дневнымъ свѣтомъ, а иногда даже и солнечнымъ лучомъ.

Не менѣе вреднымъ мы находимъ и то, что наша учащаяся молодежь въ зимніе мѣсяцы вынуждена бываетъ вставать со свѣчами. Вообще ради сохраненія здоровья слѣдовало бы болѣе примѣняться къ природѣ, къ естественнымъ условіямъ, и вставать очень рано во время весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ, а во время осеннихъ и зимнихъ вставать не раньше 8—9 часовъ, т.-е. тогда, когда уже появился хотя бы и самый жалкій, но все же дневной свѣтъ. Наблюдая людей, встающихъ рано осенью или зимою, никогда не удастся видѣть радостнаго, бодрого лица; напротивъ, у всѣхъ при этомъ бываетъ какой-то кислый, усталый видъ, такъ что, смотря на нихъ, кажется, что сонъ нисколько не освѣжилъ ихъ и что они встаютъ черезъ силу, въ виду печальной необходимости. Маленькія дѣти, вставая зимой рано поутру, обыкновенно капризничаютъ и плачутъ, тогда какъ лѣтомъ пробужденіе ихъ бываетъ обставлено совершенно иначе, т.-е. улыбками и смѣхомъ.

Впрочемъ каждый изъ насъ испытывалъ, вѣроятно, то непріятное чувство, съ которымъ приходится вставать рано утромъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дневной свѣтъ или совершенно отсутствуетъ, или едва брезжить и какъ бы борется съ ночною мглою.

Прямыхъ опытовъ и наблюденій въ подтвержденіе этой мысли мы, къ сожалѣнію, привести не можемъ, но на основаніи теоретическихкихъ соображеній и тѣхъ указаній, которыя даетъ намъ самочувствіе различныхъ людей, мы вынесли твердое убѣжденіе, что раннее вставаніе полезно только тогда, когда человѣка при пробужденіи встрѣчаетъ не темнота осенняго или зимняго утра, а полное свѣта и блеска утро весеннихъ или лѣтнихъ дней.

Выше мы уже видѣли, какую важную роль играетъ свѣтъ въ нашей сознательной умственной жизни, и потому вполне логично, чтобы наше сознаніе, пробуждаясь отъ своего періодически повторяющагося сна, встрѣчало кругомъ свѣтъ. При помощи современныхъ способовъ освѣщенія и всего склада современной жизни, намъ легко удастся замаскировать вечернюю темноту такъ, чтобы она не производила на насъ своего подавляющаго, гнетущаго впечатлѣнія. Что же касается до нашего пробужденія, то желательно бы было, чтобы оно могло обойтись безо всякихъ искусственныхъ и всегда болѣе или менѣе ложныхъ обстановокъ, желательно бы было, чтобы наше пробужденіе всегда ставило насъ лицомъ къ лицу съ истиннымъ свѣтомъ, а не съ поддѣльнымъ. И во всякомъ случаѣ слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы наши дѣти, наша подросткающая молодежь были избавлены зимою и осенью отъ необходимости начинать каждый новый день своей молодой жизни съ цѣлаго ряда непріятныхъ и гнетущихъ ощущеній.

Необходимо позаботиться объ этомъ, такъ какъ мы не можемъ даже опредѣлить, какія послѣдствія, какое вліяніе могутъ имѣть подобныя непріятныя ощущенія, связанныя съ раннимъ вставаніемъ въ темнотѣ. Уже Александръ Гумбольдтъ указывалъ, что самыя незначительныя обстоятельства и даже ощущенія со стороны различныхъ органовъ чувствъ могутъ измѣнить весь характеръ, все направленіе человѣческой жизни, если только они дѣйствуютъ на молодой, растущій еще организмъ. Къ тому же у насъ имѣются уже указанія на то, что самое физическое развитіе человѣка совершается иначе въ южныхъ странахъ, полныхъ свѣта и солнца, въ сравненіи съ холодными мѣстностями, лежащими въ царствѣ ночи, вдали отъ солнца (Раттней); но, къ сожалѣнію, подробныхъ изслѣдованій до сихъ поръ еще не произведено, хотя и указана была необходимость прослѣдить за ходомъ различныхъ физиологическихкихъ процессовъ и различныхъ, хотя бы острыхъ, болѣзней на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ ночь тянется цѣлыми мѣсяцами (Потенъ, Уотерсъ и Джонъ).

Во всякомъ случаѣ мы не сомнѣваемся, что осенью и зимой

слѣдуетъ ложиться и вставать позже, а весной и лѣтомъ—наоборотъ, такъ какъ утро начинается тогда очень рано, и насъ при пробужденіи въ 5, въ 6 часовъ встрѣчаетъ цѣлая масса свѣта. Человѣкъ всѣмъ обязанъ свѣту, онъ немислимъ безъ свѣта и всю свою жизнь онъ всегда и во всемъ ищетъ свѣта, и потому естественно слѣдуетъ каждое новое пробужденіе его сознательной жизни обставлять такъ, чтобы оно было окружено свѣтомъ, а не мглою!

Мы забыли еще сказать, что постель, на которой мы спимъ, должна быть во всѣ времена года, и даже зимою, подвергается самому тщательному провѣтриванію на наружномъ воздухѣ, и кромѣ того ее слѣдуетъ провѣтривать такъ, чтобы одновременно съ этимъ она подвергалась также и вліянію солнечныхъ лучей. Цѣлесообразность этого требованія понятна сама собой, такъ какъ нельзя же сомнѣваться въ томъ, что мало-по-малу самый пухъ подушекъ и волосъ въ матрасахъ должны пропитаться тѣми испареніями кожи, которыя такъ дѣятельно совершаются во время сна. Послѣ подобнаго провѣтриванія постели спится обыкновенно особенно хорошо. Что касается до характера самой постели, то она должна быть не слишкомъ мягкая и не слишкомъ жесткая, и наиболѣе цѣлесообразнымъ является соединеніе пружиннаго матраса съ волосатымъ; при недостаточныхъ средствахъ можно ограничиться однимъ волосатымъ матрасомъ. Перинъ употреблять ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда требуется по возможности предохранить спящаго отъ всякаго охлажденія.

У многихъ людей существуетъ крайне вредная привычка дышать ртомъ, вмѣсто того, чтобы дышать носомъ. Подобнаго рода привычка оказывается крайне вредной, такъ какъ она предрасполагаетъ къ страданіямъ горла, а иногда также и легкихъ. Кромѣ того при дыханіи ртомъ получается непріятное высыханіе рта и зѣва, а ощущеніе это не только можетъ будить спящаго, но можетъ также вызывать кашель и цѣлый рядъ отраженныхъ движеній, къ которымъ у спящихъ существуетъ рѣзкое предрасположеніе именно вслѣдствіе того, что сознаніе бездѣйствуетъ во время сна.

Говоря о гигиенѣ нормальнаго сна, мы должны еще остановиться на вопросѣ о тѣхъ вздрагиваніяхъ, которыя нерѣдко появляются у только-что заснувшихъ людей и обыкновенно сопровождаются предствленіемъ о паденіи съ какой-то высоты или въ какую-то бездну. Этого рода явленія особенно часто наблюдаются у молодыхъ людей и всегда оканчиваются испугомъ и пробужденіемъ. Въ тѣхъ

случаяхъ, когда подобнаго рода вздрагиванія часто наблюдаются у людей среднихъ или пожилыхъ лѣтъ и когда они не сопровождаются пробужденіемъ, то они зачастую служатъ признакомъ ненормально повышенной раздражительности нервной системы.

Съ точностью объяснить происхождение этихъ вздрагиваній и снова о паденіи мы не можемъ; но по всѣмъ вѣроятіямъ эти явленія находятся въ связи съ тѣмъ, что вслѣдствіе глубокаго засыпанія сознанія люди перестаютъ ощущать прикосновеніе своего тѣла къ постели, и отсюда имъ кажется, что они должны находиться безо всякой опоры, т.-е. посреди воздуха, а это ведетъ къ представленію о паденіи, съ которымъ дѣти имѣютъ достаточно случаевъ познакомиться. Въ подтвержденіе только-что высказанной мысли мы можемъ указать на то, что и передъ обморокомъ люди часто испытываютъ такое ощущеніе, какъ будто они куда-то медленно падаютъ. Отчего? Именно оттого, что при этомъ развивается болѣе или менѣе сильное притупленіе всѣхъ чувствующихъ нервовъ поверхности тѣла подъ вліяніемъ ослабленія сознанія. Съ другой стороны извѣстно, что подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ наркотическихъ средствъ (эфира, опія, галшиша) притупляется чувствительность кожныхъ нервовъ и мышечнаго чувства, и при этомъ людямъ кажется, что они не идутъ, а несутся, едва касаясь пола, по воздуху, что они какъ бы летятъ. Такъ что въ общемъ выводъ мы приходимъ къ тому заключенію, что и представленія о паденіи, о полетѣ во время сна, должны находиться въ извѣстной связи съ притупленіемъ ощущеній, получаемыхъ человекомъ съ поверхности тѣла.

Итакъ, при нормальномъ снѣ происходитъ дѣятельный пластическій обмѣнъ; при этомъ ткани запасаются питательнымъ матеріаломъ, т.-е. бѣлками и другими необходимыми для нихъ веществами, и въ то же время онѣ запасаются интрамолекулярнымъ кислородомъ, столь необходимымъ при всякаго рода дѣятельности; далѣе мы видѣли, что при патологическомъ снѣ этого не происходитъ, и что къ подобнымъ же патологическимъ формамъ сна принадлежитъ также и гипнотическій сонъ. Мы видѣли также, что сонъ, вызываемый различными наркотическими, усыпляющими средствами не есть нормальный сонъ, и что если ихъ дають въ случаяхъ бессонницы, то только потому, что въ подобныхъ случаяхъ важно бываетъ прервать образовавшуюся въ организмѣ привычку къ бессонницѣ, а также и не дать ей установиться. Усыпляющія наркотическія средства могутъ быть полезны еще и потому, что сонъ, вызванный ими, нерѣдко переходитъ въ нормальный сонъ послѣ того, какъ дѣйствіе введеннаго въ организмъ

наркотическаго средства прекратится вслѣдствіе выведенія самаго средства. Зная все это, мы поймемъ, какое благотворительное вліяніе долженъ производить сонъ, но именно только нормальный сонъ, на теченіе различныхъ болѣзней, а для многихъ сонъ составляетъ положительно лучшее лекарство, какъ на это указывали уже неоднократно различные авторы; а также, что сонъ, вызванный различными усыпляющими средствами, никогда не можетъ замѣнить собою естественный нормальный сонъ, и единственная польза всѣхъ усыпляющихъ снотворныхъ средствъ сводится на то, чтобы не дать укрѣпиться въ организмѣ вредной привычкѣ къ безсонницѣ. Само собой разумѣется также, что тяжело больныхъ, заснувшихъ нормальнымъ, спокойнымъ сномъ, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ будить для приѣма лекарства, такъ какъ никакое лекарство не дастъ больному того, что дастъ ему нормальный сонъ съ его процессами пластическаго питанія. Многимъ изъ читателей, конечно, приходилось самимъ видѣть, съ какою радостью встрѣчаютъ врачи появленіе глубокаго, нормальнаго сна у тяжело больныхъ, потому что подобнаго рода сонъ зачастую оказывается критическимъ; съ него начинается поворотъ къ выздоровленію.

Впрочемъ, какъ и во всемъ, такъ и въ этомъ отношеніи правило не остается безъ исключенія, и бываютъ случаи, гдѣ сонъ можетъ оказать неблагоприятное вліяніе на ходъ болѣзненнаго процесса. Такъ напр., въ случаяхъ сильной слабости сердечной дѣятельности небезопасно бываетъ оставлять больныхъ спать слишкомъ долго, такъ какъ сердце ихъ можетъ быть въ такомъ положеніи, что его необходимо отъ времени до времени подкрѣплять приѣмами извѣстнаго лекарства, и потому подобныхъ больныхъ необходимо будить для приѣма лекарства. При пробужденіи такіе больные должны осторожно и постепенно мѣнять лежачее положеніе на сидячее или стоячее.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время вопросъ о вліяніи сна на различнаго рода болѣзненные состоянія остается почти совершенно еще невыясненнымъ; между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что вліяніе это должно быть различно, смотря по характеру различныхъ болѣзненныхъ процессовъ. Такъ напр., въ медицинской литературѣ имѣются указанія на то, что въ случаяхъ кровотеченій наступленіе сна является въ высшей степени нежелательнымъ (Беккеръ), потому что сонъ считается моментомъ, predisposingимъ къ кровотеченіямъ, особенно маточнымъ. Это, впрочемъ, вполнѣ понятно, если мы знаемъ, что во время сна происходитъ болѣе или менѣе рѣзкое расширеніе цѣлой группы

кровеносныхъ сосудовъ. Глубокій сонъ и особенно продолжительный можетъ быть вреденъ также и въ тѣхъ случаяхъ, когда у больныхъ существуетъ предрасположеніе къ судорожнымъ болѣзнямъ, потому что сонъ, какъ извѣстно, устраняетъ сознание и дѣлаетъ человѣка на время спинномозговымъ, рефлекторнымъ животнымъ, но, повторяемъ, всѣ эти вопросы остаются еще неизслѣдованными и неразъясненными, также какъ и вопросъ о томъ, какъ именно слѣдуетъ спать больнымъ, страдающимъ различными болѣзнями. Мы, напримѣръ, знаемъ, что чахоточные больные страдаютъ сильными, истощающими ночными потами, такъ что въ медицинской литературѣ предлагаются все новыя средства противъ этихъ потовъ, но постоянное появленіе новыхъ средствъ служитъ лучшимъ указаніемъ того, что всѣ онѣ не удовлетворяютъ своей цѣли. Потливость чахоточныхъ совершенно понятна, если мы знаемъ что накопленіе углекислоты въ организмѣ раздражаетъ потоотдѣлительный центръ и вызываетъ особенно обильную испарину. Мы знаемъ также, что во время сна происходитъ даже у нормальныхъ людей накопленіе углекислоты въ организмѣ и, слѣдовательно, легко можемъ понять, что у людей съ больными легкими это накопленіе должно быть выражено еще рѣзче, такъ какъ дыхательный центръ у нихъ бываетъ истощенъ, по словамъ Лаудеръ Брентона, постоянно повторяющимися кашлевыми приступами, и углекислота уже не можетъ возбуждать его къ усиленной дѣятельности одновременно съ возбужденіемъ потоотдѣлительнаго центра. На основаніи теоретическихъ соображеній, съ одной стороны, и практическихъ наблюденій на больныхъ, съ другой—мы вынесли твердое убѣжденіе, что изнурительные поты чахоточныхъ бываютъ слабѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда больные передъ сномъ получаютъ легкій ужинъ, который, отвлекая извѣстное количество крови къ желудку, тѣмъ самымъ ослабляетъ расширеніе периферическихъ кожныхъ сосудовъ. Кромѣ того мы убѣдились, что изнурительные поты или вовсе не появляются, или появляются въ болѣе слабой степени въ тѣхъ случаяхъ, когда больные спятъ днемъ, въ незатемненной комнатѣ. Освѣщеніе спальни лампой тоже, повидимому, противодѣйствуетъ появленію изнурительнаго пота, если только лампа эта не содѣйствуетъ съ своей стороны портѣ воздуха въ спальнѣ. Вообще, если уже для нормальнаго спящаго человѣка необходимо по возможности чистый воздухъ въ спальнѣ, то для чахоточныхъ требованіе это является еще несравненно болѣе настоятельнымъ, такъ какъ при уменьшеніи функціональной силы легкихъ слѣдуетъ компенсировать происходящее, вслѣдствіе этого, недостаточное окисленіе

крови увеличеннымъ введеніемъ кислорода при каждомъ вдыханіи въ легкія, а для этого прежде всего требуется устранить всякое загрязненіе вдыхаемаго воздуха. Кромѣ того не должно забывать, что многіе авторы объясняли развитіе бугорчатки именно вдыханіемъ нечистаго воздуха, переполненнаго угольной кислотой. Комната, въ которой спать люди, страдающіе легочной чахоткой, должна быть прохладная и снабженная большимъ запасомъ чистаго воздуха.

Что касается до людей, страдающихъ невротами сердца и другими формами сердечныхъ болѣзней, то для нихъ прежде всего необходимо оставаться въ постели въ горизонтальномъ положеніи достаточно долгое время, а именно не менѣе 8—10 часовъ въ сутки, такъ какъ горизонтальное покойное положеніе въ кровати даетъ больному сердцу возможность отдохнуть и, кромѣ того, за это время должны успѣть исчезнуть тѣ отеки ногъ, которые обыкновенно развиваются у подобныхъ больныхъ подѣ влияніемъ вертикальнаго положенія. Раннее вставаніе для сердечныхъ больныхъ ни въ какомъ случаѣ не годится, такъ какъ у нихъ почему-то наблюдается особенная склонность къ сердечнымъ припадкамъ именно въ ранніе утренніе часы, между 4 и 8-ю. Объяснить этого явленія мы не въ состояніи пока, но съ нимъ необходимо считаться, тѣмъ болѣе, что изъ статистическихъ опредѣленій часовъ наибольшей смертности выяснилось, что большинство людей умираетъ между 4 и 8 часами утра; слѣдующая затѣмъ наибольшая смертность приходится страннымъ образомъ на тѣ же самыя часы, но только вечерніе, т.-е. отъ 4 до 8 час. пополудни.

Кромѣ того на основаніи наблюденій Менингофа и Писбергена мы уже знаемъ, что самый сонъ представляется, повидимому, различнымъ при существованіи сердечнаго страданія, а именно, у здороваго человѣка наибольшей глубины сонъ достигалъ во время послѣдней четверти второго часа; затѣмъ глубина сна постепенно ослабѣвала, и это ослабленіе длилось до второй половины пятаго часа; послѣ этого начинается второе усиленіе крѣпости сна, и $5\frac{1}{2}$ часовъ спустя отъ начала сна это усиленіе глубины сна достигаетъ наибольшей силы; затѣмъ сонъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ вплоть до пробужденія. Это было у здороваго человѣка; тогда какъ у человѣка, страдавшаго отъ недостаточности двустворчатой заслонки, первая наибольшая глубина сна приходилась на вторую половину шестого часа; кромѣ того, у него наблюдалось не двукратное, а троекратное усиленіе крѣпости сна, и вообще сонъ его представлялъ гораздо болѣе значительныя колебанія въ крѣпости, нежели сонъ нормальнаго

человѣка. Къ сожалѣнію только, наблюденія эти являются совершенно одиночными въ медицинской литературѣ и на основаніи ихъ можно сдѣлать только одинъ выводъ, а именно относительно настоятельной необходимости изучить не только сонъ нормальныхъ людей, но также и измѣненія, появляющіяся во всемъ характерѣ сна при различныхъ хроническихъ и острыхъ болѣзняхъ.

Что сонъ долженъ мѣняться, это не подлежитъ сомнѣнію уже потому, что самое сознаніе человѣка мѣняется подъ вліяніемъ каждаго болѣзненнаго состоянія; слѣдовательно и сонъ долженъ мѣняться при этомъ, такъ какъ если сознаніе измѣнено, то и самое отдохновеніе его должно оказаться измѣненнымъ. Вѣрность этого вывода подтверждается косвенно еще тѣмъ фактомъ, что характеръ сна здоровыхъ людей мѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда люди позволяютъ себѣ употреблять вещества, завѣдомо дѣйствующія видоизмѣняющимъ образомъ на сознаніе. Такъ напр., послѣ усиленнаго куренія сонъ представлялся неправильнымъ и безпокойнымъ; употребленіе спиртныхъ напитковъ тоже мѣняетъ самый характеръ сна, и съ нашей точки зрѣнія это вполне понятно, потому что если сонъ есть время отдохновенія сознанія, то все, что вліяетъ на сознаніе, должно необходимо отражаться также и на характерѣ сна.

Прежде, чѣмъ покончить съ настоящей главой, мы должны еще сказать нѣсколько словъ о такъ-называемыхъ просонкахъ, т.-е. о томъ состояніи, въ какомъ многіе люди находятся при пробужденіи, когда они въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не могутъ придти въ себя и сообразить, гдѣ они и что съ ними; этого рода просонки доказываютъ, съ своей стороны, какъ нельзя болѣе наглядно, что сонъ дѣйствительно есть время отдохновенія сознанія, потому что суть *просонковъ* сводится именно на то, что проснувшійся человѣкъ не сразу можетъ овладѣть своимъ сознаніемъ, которое все еще продолжаетъ находиться какъ бы въ полуснѣ. Само собою разумѣется, что продолжительныя просонки указываютъ на извѣстную вялость, инертность сознанія и его анатомическаго субстрата, и, какъ таковыя, они имѣютъ неблагоприятное значеніе. Въ медицинской литературѣ встрѣчаются описанія случаевъ (Шнитткюллеръ, Бріеръ-де-Буамонъ), въ которыхъ подобныя просонки предшествовавши развитію душевной болѣзни, являлись, такъ сказать, ея предвѣстникомъ, и во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ если сознаніе развито слабо и его анатомическій субстратъ неспособенъ бываетъ примѣняться и бороться съ различными вліяніями, то самаго незначительнаго момента можетъ оказаться достаточнымъ для того, чтобы вызвать разединеніе въ группѣ тѣхъ нервно-мозговыхъ элементовъ, которые

представляют собою анатомическую основу сознания. Такъ напр., известны случаи, гдѣ однократнаго хлороформирования оказывалось достаточнымъ для того, чтобы вызвать развитіе неисцѣлимой душевной болѣзни, т.-е. полнаго слабоумія (Диксонъ); слѣдовательно сознание было до того слабо, что однократнаго полнаго перерыва его было достаточно для того, чтобы вызвать разрушеніе всей сознательной мозговой дѣятельности. Само собою разумѣется, что и просонки, какъ явленіе, указывающее на особую вялость сознания, никогда почти не встрѣчаются у людей, отличающихся сильнымъ развитіемъ сознательной мозговой дѣятельности, а если они появляются, то всегда служатъ неблагопріятнымъ признакомъ. Изъ собранныхъ въ этомъ отношеніи статистическихъ цифръ оказалось слѣдующее: изъ ста случаевъ просонковъ 8% пришлось на людей, занимавшихся серьезнымъ умственнымъ трудомъ, 70% встрѣтились среди лицъ, работавшихъ не мозгомъ, а, главнымъ образомъ, мышцами рукъ и ногъ, и 22% пришлось на людей, занимавшихся или музыкой, или торговлей, или служившихъ чиновниками и т. п. При этомъ замѣчено было также, что просонки по преимуществу встрѣчаются у людей флегматичныхъ, полныхъ и сочныхъ, тогда какъ у людей нервныхъ, у сангвиниковъ просонки принадлежать скорѣе къ рѣдкимъ явленіямъ. Вообще, чѣмъ легче исчезаетъ, затемняется сознание у людей подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было моментовъ, чѣмъ слабѣе бываетъ его связь съ волей, тѣмъ болѣе оказываются подобные люди предрасположенными къ различнымъ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, къ различнымъ судорожнымъ формамъ. Это настолько вѣрно, что въ медицинѣ прямо указываютъ, что люди съ сильнымъ, рѣзко очерченнымъ характеромъ дольше противятся дѣйствію алкоголя, хлороформа или закиси азота и другихъ анестезирующихъ, наркотическихъ, т.-е. прерывающихъ дѣятельность сознания средствъ, нежели слабохарактерные люди. Между тѣмъ, если вдуматься въ то, что подразумѣвается подъ сильнымъ характеромъ, то мы легко поймемъ, что сильный характеръ сводится въ сущности на сильно развитое, а потому и цѣлостное сознание. Съ другой стороны, известно, что все, что ослабляетъ сознание, предрасполагаетъ къ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ; такъ напр., частые перерывы сознания вслѣдствіе пріемовъ наркотическихъ средствъ или частаго опьяненія, или перерывы сознания вслѣдствіе приступовъ падучей болѣзни, а также и продолжительные перерывы сознания вслѣдствіе приступовъ спячки, ведутъ необходимымъ образомъ къ отупѣнію, къ идіотизму или къ душевнымъ болѣзнямъ. Точно также вреднымъ оказываются и нормальный, но слишкомъ обиль-

ный сонъ, и частыя гипнотизаціи субъектовъ. Послѣ всего сказаннаго понятно, что и рѣзко выраженные просонки должны всегда внушать нѣкоторое опасеніе, въ качествѣ признака болѣе или менѣе сильной слабости сознанія и имѣющейся въ немъ наклонности оставаться въ недѣятельномъ, спящемъ состояніи.

Конечно, нельзя сомнѣваться, что и въ наши дни еще встрѣчаются цѣлыя группы лицъ, вся жизнь которыхъ проходить, въ сущности, въ какихъ-то вѣчныхъ просонкахъ. Мы имѣемъ въ виду не какихъ-нибудь дикарей, — нѣтъ, мы имѣемъ въ виду нашу европейскій цивилизованный міръ, среди котораго еще очень и очень много людей остаются всю жизнь свою на такой низкой ступени развитія сознанія, что поэтъ имѣлъ полное право сказать о нихъ, что

„Въ нихъ человекъ лишь снится самъ себѣ“.

Это, конечно, прискорбно, и невольно въ виду этого являются вопросы о томъ, какъ помочь дѣлу, — вопросы о томъ, какъ развить и укрѣпить слабое до болѣзненности сознаніе въ извѣстныхъ группахъ современныхъ народныхъ массъ. Какъ? Прежде всего, конечно, тутъ требуется горячая любовь къ ближнему, горячая любовь ко всему человѣчеству, которая одна можетъ научить насъ необходимымъ приемамъ, одна можетъ поддержать насъ въ борьбѣ съ этою, такъ сказать, неразсвѣтною душевною мглою. Что подобная любовь къ человѣчеству дѣйствительно можетъ дѣлать чудеса и даже въ средѣ первобытныхъ дикарей и людоѣдовъ, это доказываетъ, между прочимъ, и жизнь безвременно погибшаго Н. Н. Милухо-Маклая, который одинъ, безъ всякой вооруженной силы, отваживался проникать въ среду дикарей, никогда еще не видавшихъ европейскаго человека. И что же мы видимъ? Онъ не только остался несъѣденнымъ, но и покорилъ сердца этихъ дикихъ массъ, покорилъ не грубой силой, а живою мыслью и словомъ, а главное, своею любовью ко всему человѣчеству, а слѣдовательно и къ нимъ, обездоленнымъ пока еще представителямъ человѣчества.

Сознаніе! Мы въ настоящее время не можемъ даже представить себѣ, чѣмъ будетъ земная жизнь человѣчества въ то время, когда у каждаго человека сознаніе окажется развитымъ до болѣе или менѣе высокой степени. Проф. Бунге въ своей недавно вышедшей фізіологической химіи доказываетъ, что когда-нибудь человѣчество на землѣ достигнетъ такого высокаго развитія, что между нами и имъ будетъ существовать такая же великая разница, какая теперь существуетъ между инфузоріями, съ одной стороны, и человекомъ съ другой!..

Изъ всего изложеннаго нами до сихъ поръ прямо вытекаетъ, что между сномъ и сознаниемъ существуетъ тѣсная, неразрывная связь и что глубина и количество сна бывають обратно пропорціональны развитію и силѣ сознанія. Слѣдовательно изученіе сна должно по необходимости идти рука объ руку со всестороннимъ изученіемъ сознанія, которое въ настоящее время представляется пока еще такъ же мало изученнымъ, какъ и сонъ, на который уходитъ, по крайней мѣрѣ, треть нашей жизни. О гигиенѣ сознанія, объ условіяхъ его укрѣпленія и развитія наука пока еще безмолвствуетъ. Удивительно ли послѣ этого, что и о времени отдохновенія сознанія, т.-е. снѣ, мы располагаемъ пока еще только отрывочными свѣденіями, отдѣльными наблюденіями, и при составленіи нашего очерка намъ приходилось отыскивать и соединять въ одно цѣлое случайныя наблюденія, разбросанныя по самымъ разнороднымъ сочиненіямъ и статьямъ. На многіе вопросы медицинская литература и вовсе не даетъ отвѣта даже въ видѣ случайныхъ наблюденій или отдѣльных фактовъ, и въ этихъ случаяхъ но-неволя приходилось или самимъ приниматься за опытную разработку, или прямо сознаваться, что при современномъ положеніи науки мы не въ состояніи дать опредѣленнаго отвѣта на цѣлый рядъ болѣе или менѣе существенныхъ вопросовъ относительно нашей жизни во время сна. Такъ мы и поступали при составленіи настоящей статьи, и надѣемся, что читатели извинятъ тѣ невольныя пробѣлы, которые встрѣчаются въ настоящемъ трудѣ и на устраненіе которыхъ требуется дружная работа многихъ изслѣдователей.

М. Манакина.

ЗА КРАСНЕНЬКУЮ

I.

— Полина! гдѣ вы?.. Пора вести дѣтей гулять.

— Сейчасъ!

Полина прихорашивалась передъ зеркаломъ, приставленнымъ къ стѣнѣ, надъ умывальникомъ, пудрила себѣ щеки и подбородокъ, прошла пуховкой и по чолкѣ, спускавшейся до бровей.

Эта чолка, или „холка“ — она ее и такъ называла — придавала Полиноу особенный видъ. Барыня уже говаривала ей:

— Неужели вы не можете разстаться съ вашей прической?

Разъ Полина услышала, какъ барыня назвала ее холку: „порочная чолка нашей бонны“.

Эти слова разсмѣшили ее.

Порочная, такъ порочная; но холка къ ней идетъ, а это — главное.

— Полина! — раздался опять окликъ барыни.

— Приспичило! — ворчливо прошептала молодая дѣвушка.

Ей уже пошелъ двадцатый годъ съ Покрова, но по фигурѣ и лицу никто не дастъ больше шестнадцати, несмотря на ея „порочную“ холку. Волоса у нея дымчатые, тонкіе и довольно жидкіе. Вотъ еще причина, почему она держится за свою прическу. Она густо помадитъ волоса на лбу и умѣетъ пышно ихъ класть грядкой; издали кажется, что они у нея густые-прегустые.

Торопливо приколола Полина высочайшую шляпку длинной бронзовой булавкой съ матовымъ кубикомъ на концѣ. И шляпка — она это замѣчала — также не очень-то нравится барынѣ. Мало ли что!.. Не ходить же ей кикиморой?.. Пожалуй, и цвѣтъ пальто, голубовато-зеленоватый, тоже находятъ слишкомъ яркимъ... Такъ

вѣдь на свой счетъ ее одѣвать не будутъ? А жалованья всего красненькая! — стыдно признаться!.. Горничная, а тѣмъ паче кухарки, получаютъ, сплошь и рядомъ, гораздо больше. Хорошо еще, что она можетъ добывать себѣ разныя туалетныя вещи. Въ томъ-то и „гадость“, что она не то горничная, не то бонна; начала жить у этихъ господъ въ услуженіи и переименована въ бонны, жалованья прибавили три рубля и общали черезъ годъ — шутка, сколько ждать! — еще пять рублей.

Въ зеркальце Полина въ послѣдній разъ взглянула на свое овальное личико съ извилистымъ носикомъ и двумя ямочками... Она отлично знаетъ, что можетъ нравиться, еслибъ ей даже никто этого и не показывалъ изъ мужчинъ.

— Полина!.. Что же вы?

Послѣ третьяго оклика Полина кинулась изъ своей комнаты въ дѣтскую, откуда дверь была полуотворена на площадку.

Тамъ дѣти дожидались, на половину одѣтыя, для прогулки. Около нихъ хлопотала сама барыня, высокая, очень худая особа съ сѣдьющими волосами и добрыми сѣрыми глазами, въ темной блузѣ.

Дѣтей было трое: старшая дѣвочка Маша, лѣтъ восьми, похожая на мать, блѣднолицая, съ голубыми, длинными глазами, шаловливая, размашистыхъ движеній. На голову нахлобучила она бѣлый вязаный беретъ съ кистью и дергала за эту кисть, пока мать натягивала ей на слишкомъ долгія руки кафтанчикъ изъ темно-сѣраго сукна, скроенный по-мужски. Вторая дѣвочка, лѣтъ пяти, Шура, стриженная, съ золотистыми вихрами и немного горбоносая, — носъ у нея былъ „комическій“, по опредѣленію отца, — весело оглядывала всѣхъ темными глазами и подпрыгивала на мѣстѣ, сложивъ ноги, точно черезъ веревочку... На нее еще ничего не надѣвали изъ верхняго платья, и полуголыя ея ножки въ цвѣтныхъ короткихъ чулкахъ, обутые въ открытые козловые бапмачки, подгибались немного при каждомъ прыжкѣ.

— Шура! перестань! — сейчасъ же остановила ее Полина, взяла поперекъ тѣльца, посадила къ себѣ на колѣни и начала натягивать вязаннаго длиннаго штіблеты.

Шура смѣялась груднымъ, отрывистымъ смѣхомъ и кричала:

— Кока, а Кока!.. Ты бутузъ! Ты бутузъ!..

„Бутузъ“ на полтора года моложе Шуры. Между ними большая дружба, но онъ ее уже начинаетъ „тузить“, когда она къ нему черезъ-чуръ пристаётъ. Кока — его гораздо рѣже зовутъ Колей — считается въ семействѣ „философомъ“. До двухъ лѣтъ онъ все молчалъ и смотрѣлъ на всѣхъ своими огромными, выпуклыми

глазами, ни къ кому особенно не лънулъ, не требовалъ, чтобы его занимали, сидѣлъ по цѣлымъ часамъ въ своемъ кресельцѣ и о чемъ-то все думалъ... Боялись, что онъ будетъ восноязыченъ; но когда онъ накопилъ запасъ словъ, то заговорилъ, и опять на свой манеръ.

Шура прибѣжить въ гостиную, попрыгаетъ, то сядетъ на кресло, то поговоритъ около гостя и „представляетъ комедію“, по выраженію ея матери. Или среди разговора, ни съ того, ни съ сего, разразится:

— А у насъ сегодня трубочки со сливками!..

Совсѣмъ не такъ заявляетъ себя Кока. Когда его приведутъ изъ дѣтской и онъ подойдетъ къ кому-нибудь, подставитъ свой большой, крутой лобъ или сочныя губы, то онъ продолжаетъ думать вслухъ и произносить цѣлый монологъ картавымъ голосомъ и съ очень милымъ вытягиваніемъ губъ. Вздернутый его носикъ съ большими ноздрами даетъ тому, что онъ лепечетъ, забавный отгѣнокъ...

Маша отошла къ окну и начала уже обдергивать застѣжки у своего кафтанчика. Мать принялась одѣвать Коку. Онъ за этимъ процессомъ о чемъ-то началъ разсуждать и силился находить самыя настоящія слова. Нѣкоторые ему рѣшительно не давались. Вмѣсто „съ“ онъ произносилъ „уд“ и вмѣсто „р“ — „л“. Но мать старалась его понять. Кока былъ ея тайный любимецъ, и Шура это проникнула своей ревливой „женской“ природой... На-дняхъ она все отталкивала брата отъ колѣнъ матери, чуть та его прижметъ къ себѣ, совершенно какъ завистливая собачка. Въ дѣтской она сама то-и-дѣло принимается цѣловать Коку, и въ лобъ, и въ губы, и въ „загривочекъ“, такъ что онъ иной разъ и тукманкой отвѣтитъ на эти неистовыя ласки. Но „мама“ больше ласкала его, чѣмъ ее. Дошло до того, что она прибѣжала къ матери, сѣла къ ней на колѣни, залилась горячими слезами и, всхлипывая, начала просить:

— Не ласкай Коку! Не ласкай! Онъ чужой! Онъ чужой!..

— Какой чужой?—чуть не съ ужасомъ спросила мать.

— Чужой! Ты моя... Я твоя!.. А онъ чужой!..

Такъ и нельзя ее было сдвинуть съ того, что Кока чужой и цѣловать его, при ней, нельзя.

Но сегодня Шура слишкомъ занята предстоящей прогулкой и не заводитъ свои ревливые глазки въ сторону матери; а та, одѣвая Коку, раза два прикоснулась губами къ его щекѣ и милосту вздернутому носику съ большущими ноздрами...

Дѣти готовы, обдернуты, упакованы и принаряжены: Маша

все „вихлется“ и задѣваетъ нарочно за мебель, Шура подпрыгиваетъ по-кози, Кова молчитъ и посапываетъ. Полина повела его за руку. На немъ такой же беретъ, какъ и на дѣвочкахъ, но красный.

— Пожалуйста,—останавливаетъ барыня бонну,—когда та была съ дѣтми въ передней.

— Чего-съ?

— Пожалуйста, не ходите вы на Невскій! Тамъ слишкомъ большая ѣзда. Можете побыть въ саду Аничкова дворца, если сегодня пускаютъ, а потомъ пройдитесь по набережной къ Лѣтнему саду...

— Хорошо!..

Тонъ отвѣта Полины не особенно хмурый, но и не очень довольный.

Она знаетъ, почему барыня запретила ей вести дѣтей по Невскому.

Вовсе тутъ не дѣти и не лошади на Невскомъ; совсѣмъ другое...

Недѣли три тому назадъ, Полина вела старшую дѣвочку изъ Фребелевскаго сада, и дорога самая ближняя по Невскому. Шли онѣ по солнечной сторонѣ, и на углу Садовой, гдѣ кондитерская Балла, повстрѣчался съ ними одинъ „топографъ“, унтеръ-офицеръ изъ топографской школы, Булочкинъ, „великолѣпный“ брюнетъ, пріятель ея брата; остановился, щелкнулъ шпорами, приложилъ руку къ гербу барашковой шапки и попросилъ позволенія пройти до Литейной.

Она, конечно, позволила. Что же въ этомъ худого? Онъ не солдатъ; да и солдатъ-то нынче множество изъ гимназистовъ и студентовъ... А у Булочкина какія манеры! Разговоръ ведетъ онъ тонкій и совершенно приличный. Даже очень полезенъ, при дѣтяхъ: если на какого-нибудь извозчика прикрикнуть, онъ можетъ и пашку поднять!.. Шли они тихо; только онъ такіа смѣшныя вещи сталъ рассказывать и лицо у него серьезное при этомъ, жмѣла ни одна не дрогнетъ—разумѣется, она смѣялась, и Маша тоже прислушивалась и то-и-дѣло прыскала.

Вотъ вѣдь и все „преступленіе“. Онѣ и не замѣтили барыни, ни Полина, ни дѣвочка... А та ѣхала на дрожжахъ, какъ разъ около Аничкова моста пересѣкла Невскій и отлично ихъ узнала, говорить даже, что облинула ихъ; да онѣ ничего не слышали... Она видѣла, какъ ихъ провожалъ „юнкеръ“ съ саблей и проводилъ ихъ до самой Литейной. Такъ оно и было, довелъ до Ли-

тейной, опять сталъ во фрунтъ, шпорами щелкнулъ, отдалъ рукою честь и сказалъ:

— До зобаченья, панна Паулина!

Булочкинъ такъ зоветъ ее всегда, увѣряетъ ее, что въ ней русскаго ничего нѣтъ; даже стыдитъ немножко тѣмъ, что она по-польски выражается съ грѣхомъ пополамъ... А онъ, даромъ что чистый москвичъ, живаль въ Вильнѣ, на съѣмкахъ, а такъ и „рѣжетъ“ по-польски.

Какое же преступленіе во всемъ этомъ? И все-таки, вечеромъ того же дня, она удостоилась выговора. Барыня спросила ее:

— Съ вами юнкеръ шелъ? Родственникъ вашъ?

Хотѣла она прямо солгать, почему-то—дура!—застыдилась и отвѣтила только:

— Пріятель брата!

— Прошу васъ, на Невскомъ, не заговаривать съ мужчинами.

— А ежели старый?—вырвалось у Полины.

— Вообще съ посторонними... Вы исполняете свои обязанности, вы при дѣтяхъ...

— „Обязанности“...

Выносить она не можетъ, что барыня употребляетъ такіа важныя слова... „Исполнять обязанности“. За красненькую, при своей одеждѣ?...

— И Невскаго вообще прошу васъ избѣгать.

— Да вѣдь, иначе, большой крюкъ?

— Нужды нѣтъ...

Вотъ что значило наставленіе не водить дѣтей по Невскому.

Когда же на него попадешь? Съ дѣтьми нельзя; а ее пускаютъ не больше одного раза въ недѣлю, да и то еще каждый разъ позволеніе дается съ гримасой.

Не то чтобы барыня была зла, или придирчива, или гордичка; да все у нея на умѣ надзоръ за поведеніемъ... подозрѣваетъ ее въ чемъ-то... и прямо не говорить... чуть что—и давай разныя „важныя“ слова нанизывать, точно проповѣдь читаетъ...

На лѣстницѣ Маша начала скакать черезъ ступеньку и чуть не „расквасила“ носъ. Коку Полина взяла на руки. Шура побѣжала за старшей сестрой и считала столбики перилъ:

— Пять, шесть! семь! Кока!.. Ты бутузъ!

У нея такіе дни бываютъ! Какъ выдумаетъ, вотъ какъ сегодня: „ты — бутузъ!“, такъ и будетъ до ночи повторять, и на улицѣ, и за столомъ, и въ дѣтской, пока Кока не догадается,

не хватить ее кулачкомъ по маковѣ или по спинѣ... Его только Шура и бонься.

Что можетъ быть тошнѣе возиться съ дѣтьми? Особенно, если къ этому и не думаешь себя готовить, какъ она вотъ, Полина. Конечно, лучше называться „бонной“, чѣмъ горничной. Хорошо еще, что такое слово нынче употребляютъ. Прежде просто говорили: нянька. Да и за „бонну“ врядъ ли ее считаютъ „стоющею“ мужчины, у кого есть вкусъ...

Чѣмъ же она не гувернантеа? Сколько есть учительницъ, до шестисотъ рублей получаютъ, не то что изъ русскихъ, а даже изъ французовъ и англичановъ, которые „выглядятъ“ — Полина постоянно употребляетъ это петербургское слово — хуже всякой „замухрыжистой“ бонны. Ни манеръ, ни одѣться не умѣютъ, ни причесаться. Такъ, какія-то „замусоли“.

Внизу, на площадѣ, швейцаръ снялъ у нея съ рукъ Коку, она опять взяла его за руку, дѣвочки пошли впередъ; но каждая сама по себѣ. Мама „презирала“ Шуру, а Шура или приставала къ ней, или на нее дулась.

Тротуаръ выдался узкій, Полина крикнула дѣтямъ:

— Идите по-одиночкѣ, а не заразы!

Шура побѣжала впередъ и стала стучать ножками по плитамъ тротуара, надавливала на каблукъ и считала шаги свои:

— Семь, восемь, девять...

— Finissez! — крикнула Полина, и ей стало полегче оттого, что у нея такъ звонко и, какъ ей показалось — „шикозно“, вышло это французское слово.

Отчего ей и не пускать въ ходъ тѣхъ французскихъ словъ, какія у ней остались въ памяти? Ее учили не на мѣдные деньги.

И тутъ барыня тоже умничать стала. Она не прочь ее подучить и по-французски, и другимъ предметамъ, но съ дѣтьми не позволяеть употреблять иностранныя слова.

— Вы дѣлаете ошибки!.. Вы можете приучить ихъ ухо къ неправильнымъ оборотамъ и нечистымъ звукамъ.

Вѣдь дается же кому такой разговоръ: „неправильные обороты“, „нечистые звуки“ — точно профессоръ.

Полина не сознавала того, что барыня серьезно заботилась о „развитіи“ своей бывшей горничной, а теперь бонны. Мужъ подсмѣивался надъ ней и частенько говорилъ:

— Да оставь ты ее... ничего изъ нея не выйдетъ; у нея на умѣ „Зоологическій садъ“ да „Орфей“, а ты ее развивать задумала. Смотри, чтобы она дѣтей гдѣ-нибудь не растеряла до-

рогой или не приучила ихъ къ какимъ-нибудь пошлымъ выходкамъ.

Но барыня не сдавалась. Ей Полины было жалко, искренно жалко. Передъ нею стояло молодое женское существо, миловидное, смѣшноватое, но, кажется, еще не испорченное, выброшенное судьбой изъ жизни почти барышни. А у Ольги Павловны—такъ звали барыню—даже и забота о троиухъ малолѣтнихъ дѣтяхъ не отбила охоты „развивать“.

Она дѣлила свое время между дѣтской и всевозможными лекціями; въ промежуткахъ читала все, о чемъ только говорилось на послѣдней лекціи. Сначала ходила на курсы по естественнымъ наукамъ, уже матерью семейства, выдержала выпускной экзаменъ, хотѣла-было пойти въ „медички“, да расхворалась и мужъ не допустилъ.

Послѣ того у нея не прекращалась тоска по лекціямъ. Соляной-Городокъ сдѣлался для нея чѣмъ-то въ родѣ клуба. Съ осени, по крайней мѣрѣ раза по три, бывала она тамъ; даже и не справлялась иногда по газетамъ, кто читаетъ, а прямо шла къ восьми часамъ, платила сорокъ копѣекъ и слушала, а въ антрактахъ переходила отъ одной пріятельницы къ другой, все узнавала про нихъ, охала надъ неудачами, радовалась удачамъ, спорить не любила, но сочувствовала постоянно кому-нибудь изъ лекторовъ, кто дѣлался героемъ сезона.

Не проходило ни одной благотворительной лекціи, ни одного чтенія въ клубѣ, въ Кредитеѣ, въ залѣ Кононова, куда бы Ольга Павловна не попадала или, по меньшей мѣрѣ, не стремилась. Если пропускала—значить, это-нибудь изъ дѣтей прихварывалъ.

Мужъ не мало потѣшался надъ ней, но жили они очень согласно и онъ въ воспитаніе ребятишекъ не вмѣшивался.

Проводивъ дѣтей съ бонной, Ольга Павловна задумалась о Полинѣ, по поводу замѣчанія, сдѣланнаго насчетъ Невскаго.

Дѣвушка могла обидѣться. Вѣдь это подозрѣніе—намекъ на то, что она—легкая особа, заговаривающая съ мужчинами.

Но развѣ можно было не напомнить о Невскомъ? Бонна съ ея дѣтьми идетъ и хохочетъ, у Аничкова моста; рядомъ—юнкеръ, гремитъ саблей и вретъ какія-то пошлости!..

И сдается ей иногда, что мужъ ея правъ... Пробыетъ она, до сихъ поръ, приучать Полину къ чтенію, даже говорить съ ней по-французски и поправляетъ ее, даетъ ей задачникъ Евтушевскаго и пріохочиваетъ къ рѣшенію задачекъ, самыхъ простенькихъ, выправляетъ ея письменныя упражненія.

Ореографія ей лучше всего дается и даже она может недурно построить фразу, хотя и съ ошибками противъ русскаго языка.

И надъ этимъ мужъ подтрунивалъ.

— Ты ее выучишь, навѣрно, любовныя записки писать; но до тройнаго правила не дотянешь ее; повѣрь мнѣ, гораздо раньше она сбѣжитъ съ какимъ-нибудь юнкеромъ изъ береиторской школы.

„Жалкая дѣвочка!“ — повторила про себя барыня и пошла читать статьи о солнечныхъ затмѣніяхъ.

II.

Обидно Полинь то, что у нея такая плохая комнатишка. Главное—очень узка. И свѣтъ не попадаетъ на ту стѣну, гдѣ виситъ зеркальце. На другую стѣну нельзя его повѣсить: мѣшаетъ большущій шкафъ, гдѣ половина вещей господскихъ. И все не знаетъ она, чтѣ лучше: быть горничной или бонной. Комната у нея та же, теперешнюю горничную помѣстили въ темномъ чуланчикѣ, гдѣ передняя. Подавать кушанье, выносить и подметать было для нея „низко“; зато возиться безпрестанно съ дѣтьми—тоже не малая каторга.

Не въ тому ее готовили.

Нужды нѣтъ, что отецъ ея вышелъ изъ вольно-отпущенныхъ, но онъ управлялъ богатыми имѣніями въ западномъ краѣ. Онъ всегда жилъ какъ баринъ, ѣздилъ въ фаятонѣ, игралъ въ карты съ исправниками и судебными приставами, женился на шляхтянѣ. Мать ей передала свое миловидное личико, и манеры, и говоръ. По-польски Полина много забыла въ послѣднія пять лѣтъ, какъ отецъ перебрался послѣ смерти матери въ Петербургъ; русскій выговоръ у нея порядочный; но она до сихъ поръ не замѣчаетъ того, что у нея то-и-дѣло выскакиваютъ разные польскіе и южно-русскіе обороты. Она еще говоритъ: „зъ Варшавы“, или: „я скучала *за вами*“, или: „провинціональный“, и многое въ томъ же родѣ. Но общій складъ ея рѣчи петербургскій, и барыня хорошенько еще не замѣтила всѣхъ этихъ ошибокъ: иначе она ввѣловалась бы, какъ бы бонна не передала ихъ дѣтямъ.

Отлично помнить Полина житье въ господскихъ усадьбахъ, гдѣ ея отецъ—управляющій—помѣщался, какъ настоящій баринъ. Имѣнія принадлежали всегда большимъ господамъ, которые въ нихъ сами не жилали.

Она помнить даже,—ей тогда было лѣтъ шесть, семь,—что

мать ѣздила съ ней кататься въ коляскѣ, на четырехъ лоша-
дяхъ, по двѣ, цугомъ, въ шорахъ; кучеръ былъ одѣтъ въ ливрею
и хлопалъ предлиннымъ бичомъ. Звукъ бича никогда не испарялся
изъ ея памяти... Это хлопанье бича, передняя уносная пара
рыжей масти съ лисьими хвостами на хомутахъ—по-венгерско-
польской модѣ, соединились въ ея памяти съ просторомъ полей
и зелеными дубовыми рощицами обширныхъ барскихъ „маст-
ностей“...

Мать умерла, отецъ потерялъ мѣсто, „проворовался“, какъ
говорили дворовые—и это ихъ слово Полина слышала не одинъ
разъ. Братъ учился въ гимназій, его взяли и перевели вмѣстѣ
съ нею въ Петербургъ. Сначала кое-какъ перебивались, одно
время даже и порядочно жили. Но среди этой, все еще полу-
барской обстановки, случилось дѣло...

Отецъ попалъ въ „шайку“, которую всю, почти до одного
человѣка, переловили. Въ ней были и шантажисты, и даже под-
дѣлыватели чужихъ подписей. Онъ векселей не фабриковалъ, но
въ вымогательствѣ по какимъ-то постыднымъ похождениямъ одного
богатаго барина дѣйствовалъ, хотя и не явно; его все-таки при-
влекли, сначала засадили, потомъ выпустили на поруки, потомъ
опять засадили и такъ до трехъ разъ; кончили тѣмъ, что со-
слали его, за нсимѣніемъ явныхъ уликъ, административно...

Полинѣ пошелъ тогда четырнадцатый годъ. Она выучилась
читать и писать красивымъ почеркомъ, могла бойко повторять
нѣсколько заученныхъ французскихъ словъ и на фортепіано играла
по слуху два вальса, цыганскія пѣсни и вошедшія въ моду у мел-
кихъ актрисъ и кокотокъ опереточные фразы и куплеты...

Услади отца—и съ тѣхъ поръ онъ какъ въ воду канулъ.
Она и до сихъ поръ не знаетъ, живъ онъ или умеръ. Брата
взялъ въ приказчики въ суровскую лавку одинъ еврей изъ Пе-
ринной линіи, а въ ней приняли участіе двѣ дамы, патронессы
одного общества, хотѣли помѣстить въ фельдшерлицы, да она
оказалась слишкомъ слабой въ „русскихъ предметахъ“, и послѣ
разныхъ поступленій, на два, на три мѣсяца, въ школы кройки, во
„фребелички“ и другія профессіи, она попала въ услуженіе. Братъ
ея Адамъ—такъ его называли при крещеніи, по желанію матери,—
перешелъ на жалованье получше въ модный магазинъ, на Литей-
ной, сталъ рослымъ, красивымъ малымъ, широкимъ въ плечахъ,
большимъ франтомъ и тайнымъ кутилой. Она его всегда боялась
и онъ ей нравился всѣмъ. Считала она его за умницу и даже
за „ученаго“. Онъ относился къ ней насмѣшливо, иногда съ
покровительствомъ. Когда она поступила въ услуженіе, онъ почти

пересталъ къ ней ходить, срамилъ ее, чуть не прибилъ, какъ могла она унизиться до положенія „холопки“? Потомъ явился къ ней разъ, подъ вечеръ, по заднему ходу, слегка выпивши, приласкалъ ее; потомъ занялъ у нея два рубля, конечно безъ отдачи, и сталъ ее подбивать, всячески доказывая, что жить въ боннахъ, на жалованьи горничной, совершенная нелѣпость.

— Съ твоей мордочкой,—говорилъ онъ ей,—съ манерами, да не найти хорошаго мѣста?

Чего-чего ни перечислилъ онъ по части одной продажи: и парфюмерный магазинъ, въ Гостиномъ, гдѣ только „одинъ женскій полъ“, и нѣсколько буфетовъ, гдѣ такихъ „пумпусиковъ“, какъ она, съ радостью примутъ, и магазины готовыхъ дамскихъ вещей... Кончилъ онъ тѣмъ, что сказалъ:

— По-моему, лучше ужъ въ булочную, въ продавщицы идти, тѣмъ состоятъ на положеніи полу-холопки!

Выраженіе „полу-холопка“ рѣзало ее по кожѣ и заставляло краснѣть во всю щеку.

— Достань, Адамъ, достань!—повторяла Полина, разстроенная и сильно возбужденная словами брата.

— И достану!...

Съ того раза онъ не приходилъ больше десяти дней. Да она отчасти и рада была этому, потому что у себя въ комнатѣ принимать ей не совсѣмъ удобно; барыня, кажется, до сихъ поръ, подозреваетъ, что это не братъ ея родной, а такъ молодой человѣкъ изъ ухаживателей! Голосъ къ тому же у Адама зычный, низкій баритонъ и попотомъ онъ не согласится говорить. Въ немъ отъ матери сидитъ „шляхетскій“ гоноръ, обидчивъ онъ выше всякой мѣры, и если разсердится, то способенъ произвести скандалъ, гдѣ угодно, особенно послѣ лишней бутылки пива.

О мѣстѣ что-то, однако, не было помину, иначе Адамъ написалъ бы ей по городской почтѣ.

Полина присѣла къ столу, гдѣ у нея стоитъ ящичекъ, оклеенный голубымъ атласомъ, отперла ключикомъ, который носила на шеѣ и вынула оттуда нѣсколько записочекъ.

Вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ у нея завелся въ домѣ маленькій „интересецъ“.

По воскресеньямъ приходитъ племянникъ барыни, кадетъ, Миша, уже на выходѣ. У него смѣшной носъ, въ родѣ какъ у собакъ, съ разорваніемъ между ноздрами, зато щеки румяныя,

курчавые каштановые волосы и свѣтло-каріе глаза. Они у него загораются, каждый разъ, какъ Полина около него...

Во второй же приходъ кадета, онъ всунулъ ей въ руку записочку... Не могла же она не прочесть ее?..

Въ записочкѣ стояло:

„Душечка Поляночка, вы не знаете, что вы для меня. Пожалуйста, отпроситесь хоть одинъ разъ, въ тѣ дни, когда я прихожу къ тетѣ; но съ утра, чтобы не возбудить подозрѣнія“.

Записочку Полина нашла дерзкой... Какъ могъ этотъ „мальчишка“ сейчасъ же просить у нея любовнаго свиданія?.. Надо бы было хорошенько проучить его, показать записку его тетѣ.

Но это сейчасъ же показалось ей „неблагодарнымъ“... Къ чему вмѣшиваться господъ? Она и сама сѣмъ-бъ справится съ кадетикомъ, „осадить“ его, такъ что онъ будетъ знать, съ кѣмъ имѣть дѣло. Однако, Полина, ложась спать, въ тотъ же день, перечла еще разъ записочку Миши, и слова: „вы не знаете— что вы для меня“, вызвали на ея пухленькихъ губахъ усмѣшку. Слово „что“ было подчеркнуто, и это заинтересовало ее... Вѣдь онъ не мальчуганъ, у него усы пробиваются, онъ баринъ и, кажется, богатенькихъ родителей.

Вѣдь, если онъ сразу влюбился въ нее, развѣ можно на это сердиться?

Но все-таки надо ему было показать, что она видитъ его насквозь, и самой не заговаривать.

Въ слѣдующее воскресенье Полина нарочно не отпрашивалась и была неотлучно при дѣтяхъ. Миша пришелъ въ дѣтскую, поздоровался съ нею, дѣтей началъ сажать къ себѣ на колѣни, вскакивалъ, подбѣгалъ къ ней, хотѣлъ-было дѣлать ей намеки, потомъ не выдержалъ, сталъ всячески къ ней подслуживаться... Но она сухо съ нимъ обращалась и глазами раза два ему показала, что за его дерзость слѣдовало бы ему уши надрать.

Кадетъ это понялъ, и началъ даже краснѣть, опускать глаза... Полину очень смѣшило и еще больше льстило ея самолюбію— такое волненіе.

Вотъ она, значить, какова! Однимъ взглядомъ можетъ дерзкаго мальчика осадить. Впередъ будетъ знать, какъ записочки всовывать въ руку, въ такомъ тонѣ... Но она огорчилась тѣмъ, что Миша въ это воскресенье другой ей записочки не всунулъ въ руку и даже не положилъ на ея столикъ. Дверь она не запирала. Онъ могъ это сдѣлать во всякое время...

Вмѣсто одного, она въ слѣдующіе дни получила три письма, по городской почтѣ.

„Полина!—писалъ кадетъ красными чернилами:—вы поступаете со мною такъ, что мнѣ остается одно—исчѣзнуть“.

Итакъ, на четырехъ страницахъ перваго письма, и строки, крестъ-на-крестъ, шли на второй и третьей страницахъ.

Разумѣется, она не испугалась. Подчеркнутое слово „исчезнуть“ значило—что, молъ, я съ собою покончу. Кто же нынче не пугаетъ самоубійствомъ?.. Она такъ ему и написала въ отвѣтъ, по городской почтѣ, въ почтовое отдѣленіе на Островъ, до востребованія:

„Пугать меня не надо“.

И больше ничего. А руку свою немного измѣнила.

Собою она была довольна.

Кадетъ сталъ писать чуть не каждый день. Почтальону (и не одному, а троицѣ) Полина наказала отдавать письма, адресованныя ей, въ кухню, съ задняго крыльца. Она боялась, какъ бы барыня не обратила вниманія... Руку свою Миша тоже немного измѣнялъ; но все-таки можно было узнать его почеркъ.

Накопилось у нея больше дюжины писемъ и записочекъ. Въ нихъ Миша просилъ свиданія, или возможности, когда придетъ къ роднымъ, „улучить минуту“ и „выслушать выраженіе его страсти“.

Но Полина все еще уклонялась. Онъ цѣлый день торчалъ въ дѣтской. Она глядѣла на него ласковѣе, нѣсколько разъ сдѣлала ему глазки, позволила, невзначай, когда Миша поднялъ что-то съ полу, около низкаго кресла, гдѣ она сидѣла, пожать ей кончики пальцевъ. Но кадетъ дѣлался все предпріимчивѣе и въ темномъ уголѣ хотѣлъ прижать ее...

Она кинула ему почти негодующе:

— Что за дерзость!..

Но внутренно не разсердилась на него. Положимъ, можно было объяснить его безцеремонный порывъ тѣмъ, что онъ на нее смотритъ какъ на бывшую горничную, которую онъ засталъ въ томъ же домѣ. Любовныя записки говорили о большомъ увлеченіи. Миша—нужды нѣтъ, что кадетъ, уже на возрастъ; на нѣсколько мѣсяцевъ старше ея, выйдетъ въ офицеры, навѣрное въ кавалерію... И теперь бы онъ ей нравился, да его кадетское пальтецо смѣшило ее. Онъ полный, пальтецо короткое и кушаекъ, точно на женщинѣ: все вмѣстѣ какъ-то ее не настраиваетъ...

На его записки она отвѣчаетъ рѣдко и очень сдержанно: два-три слова и непремѣнно измѣненнымъ почеркомъ. Ей и хочется иногда написать побольше, выразить не любовь свою, а разныя чувствительныя вещи, вспомнить дѣтство, высказать, какъ ея

„благородныя чувства“ страдаютъ отъ теперешняго положенія, дать ему нѣсколько совѣтовъ насчетъ любовныхъ влеченій и показать ему, съ какою дѣвушкой онъ вступилъ въ тайную переписку.

Миша провожалъ ее, когда она пошла гулять съ дѣтьми. Это было при его теткѣ. По лицу барыни Полина могла заключить, что та еще никакихъ подозрѣній не имѣетъ.

Дордгой кадетъ не переставалъ надоедать ей своими нѣжностями и даже такъ пріободрился, что предложилъ зайти „куда-нибудь“ въ кофейную или кондитерскую.

Полина отказала, хотя ей ужасно захотѣлось зайти...

На возвратномъ пути повстрѣчался съ ними ея братъ, Адамъ. Онъ шелъ такой франтоватый, въ пальто съ мерлушевымъ воротникомъ и въ высокой зимней шапкѣ московскаго фасона.

Они поговорили. Полина „представила“ ему кадета. Миша почему-то затруднился первымъ протянуть руку Адаму, скорѣе всего изъ нерѣшительности; а тотъ обидѣлся, — Полина это замѣтила, — глаза его зло заблестѣли и онъ такъ строго спросилъ:

— А вы, господинъ кадетъ, позволеніе имѣете гулять съ моей сестрой отъ вашей тетки?

Миша сначала сконфузился; но тотчасъ же обидчиво отвѣтилъ:

— Для этого я не обязанъ просить ни у кого позволенія...

Адамъ возразилъ однимъ словомъ:

— Однакожъ!

И, кивнувъ головой только сестрѣ, пошелъ помахивая тростью.

Черезъ два дня Адамъ пришелъ къ ней и не заднимъ ходомъ, а черезъ парадное крыльцо, прямо въ дверь, скрипѣлъ и стучалъ своими заграничными ботинками на толстыхъ подошвахъ, и вызвалъ ее сейчасъ же черезъ горничную изъ дѣтской.

Онъ сидѣлъ у нея на кровати въ шапкѣ и пальто.

— Досталъ мѣсто? — радостно спросила его Полина шопотомъ.

— Не такъ это легко!.. А вотъ что ты мнѣ скажи...

Адамъ всталъ, подошелъ къ двери, затворилъ ее плотно и началъ ей производить формальный допросъ: давно ли этотъ кадетъ увивается за нею и не желаетъ ли она съ нимъ „амурничать“?

Полина захотѣла-было войти „въ амбицію“, но струсила.

— Я тебѣ замѣсто отца! — говорилъ Адамъ, и такъ громко, что она должна была его упросить — говорить потише.

— Наверно съ записочекъ любовныхъ началъ? — уже шопотомъ спросилъ Адамъ.

Полина не сразу на это отвѣтила, а стала говорить, что это

„ни съ тѣмъ несообразно“ думать о ней точно о какой дурочкѣ... Развѣ можно „увлечься“ кадетомъ, хотя бы у него и румяныя щеки и усики?..

Но Адамъ плохо ее слушалъ, а прямо подошелъ къ столу, взялъ атласный ящичекъ, который, на бѣду, не былъ запертъ, точно чутьемъ догадался, что тамъ любовная корреспонденція.

Онъ вытряхнулъ на подушку всѣ письма и записочки Миши... Полина хотѣла-было не допустить, даже разсердиться или заплакать, но братъ отвелъ ее рукой, сѣлъ опять на постель, сталъ пересчитывать, дѣлать изъ нихъ пачку.

— Его собственной рукой писано? — спросилъ онъ уже не суровымъ, а скорѣе ласковымъ тономъ.

— Его!

— Переименовано?

— Нѣтъ!..

— Ладно!

И онъ засунулъ пачку въ карманъ пальто.

— Этого ты не смѣешь, Адамъ! — почти вскрикнула Полина.

— Дурочка ты!.. У тебя это спалаютъ и вытурятъ вонъ со скандаломъ, а у меня это будетъ въ сохранности!.. Поняла?

И онъ щелкнулъ ей большимъ, мясистымъ пальцемъ по лбу.

Полина разсмѣялась и тотчасъ же сообразила, что Адамъ — „не промахъ“; что держать эти письма и записки опасно. Даже у нея мелькнула у самой мысль, что пачка любовныхъ изліяній, просьбъ и нѣжностей кадета „пригодится“.

III.

Стала задумываться Полина. Съ дѣтьми она нервна и раздрачива. Кока съ ней заговариваетъ, но она даетъ на него окрики. Мальчикъ обидится, уйдетъ въ уголъ и вымещаетъ свою обиду на Шурѣ. Та его ревнуетъ, ездитъ около него и добьется-таки тукманки отъ брата. Старшая дѣвочка вся искривлялась. Мать недовольна, но, по своимъ „принципамъ“, не можетъ сдѣлать энергическаго выговора боннѣ. Она уже совѣтовалась съ мужемъ. Тотъ сказалъ:

— Дѣлай, какъ знаешь! Что же тебѣ стоитъ расчесать ее?..

— Она очутится на улицѣ! Развѣ ты не видишь, какая у нея натура... и наружность?!

Баринъ не хотѣлъ разубѣждать барыни. Онъ ее очень лю-

билъ; но про себя и въявь подтрунивалъ надъ ея „идеями“ и „гуманной чувствительностью“.

Влюбленности кадета тетка еще не замѣчала, и по характеру не была подозрительна. Но, противъ своей воли, она начала приходить въ безпокойство и разъ, войдя въ дѣтскую, когда Полина дергала Шуру за руку и, кажется, собиралась дать ей „шлепсъ“, она прочла ей длинное правоученіе.

Оно было весьма сдержанное и даже благожелательное, но Полинѣ показалось нестерпимо обиднымъ и унижительнымъ. Въ этомъ правоученіи она признала намекъ на ея кокетство съ кадетомъ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Она сначала слушала съ разгорѣвшимся лицомъ и часто моргала, вдругъ начала возражать и такимъ тономъ, какого барыня еще не слыхала отъ нея...

Когда она слушала барыню, то въ воображеніи ея всталъ братъ Адамъ, съ пачкой писемъ кадета въ рукахъ, и это ее наполнило чувствомъ силы, точно будто у нея противъ барыни есть что-то такое очень вѣское и рѣшительное; не только она не боялась быть уличенной, а, напротивъ, готова была даже бинуть барынѣ такой возгласъ:

„Вамъ-де слѣдовало за племянничкомъ построже надзирать, а не мнѣ читать нотации“.

Еслибы барыня не смогла, Полина навѣрное бы „выпала“ ей эти именно слова.

Въ возбужденномъ настроеніи вернулась Полина къ себѣ въ комнату, и ей захотѣлось вдругъ укладываться. Она подошла къ своему сундуку, покрытому пледомъ, сняла пледъ, отперла и даже отвиннула крышку.

Укладываться она, однако, не стала.

Куда же она дѣнется, сейчасъ же?

Да барыня и не пригрозила ей ничѣмъ. Но вся эта „бани-тель“, т.-е. положеніе няньки при дѣтяхъ сдѣлалось пошлымъ деломъ.

— Нянька!? Ну, какая она нянька!!—Переводъ французскаго слова „бонна“ на русское разсмѣшилъ ее. Полина вслухъ расхохоталась, но тотчасъ же опять выпятила свои хорошенькія губки и легла на постель, что она дѣлала рѣдко, изъ боязни помять прическу.

Опять мысль ея перешла къ Адаму. Братъ и пугалъ ее, и привлекалъ.

Куда же ей до него? Положимъ, онъ и „нахващаетъ“ многое, и до сихъ поръ не могъ ей предложить никакого порядочнаго мѣста, только все соблазняетъ разговорами. Но она знаетъ, что

у Адама „чортовъ“ характеръ. Когда онъ разозлѣнъ, онъ волеа схватить за горло. Ну, волеа не волка, а на человѣка, на любого, кинется, будь хоть тамъ генераль или какой угодно важный сановникъ. И если Адамъ все еще „торчитъ“ въ мелкихъ приказчикахъ, то оказіи не вышло ему пробиться и получить „полный ходъ“.

Полина вслѣдъ затѣмъ подумала:

„А чтò онъ сдѣлаетъ изъ пачки писемъ кадета?“

Не отвѣчая себѣ на этотъ вопросъ, Полина задала и другой:

„Жалко ей или нѣтъ Мишу? Нравится онъ ей, серьезно?..“

Не противенъ, потому что нѣтъ около нея въ домѣ никакого другого молодого и красиваго мужчины—больше вѣдь и ничего. Но жалѣть его она не жалѣетъ. Чего жалѣть такого балбеса? Писъма онъ умѣетъ писать, да и то черезъ-чуръ уже распространяется и пишетъ связно, каракульками, такъ что ей трудно разбирать. Въ первыхъ записочкахъ, когда онъ измѣнялъ свой почеркъ, разбирать было легче, а потомъ и пошло все хуже и хуже.

„Зато почеркъ настоящій“.

Она мысленно произнесла эти слова и не испугалась, не застыдилась ихъ. „Настоящій почеркъ“ — это улика. Изъ нея Адамъ что-нибудь *такое* да устроить. Онъ не с проста взялъ къ себѣ писъма.

Въ первый разъ въ мозгу Полины поднялся вопросъ:

„Чтò называть хорошимъ поступкомъ и чтò безчестнымъ, и можно ли отъ себя требовать разныхъ тонкостей передъ господами?“

Вѣдь она все-таки живетъ у „господъ“, а сама шляхтянка, ну, хоть дочь шляхтянки.

Ея совѣсть подсказала далѣе, что барыня добрая, принимала въ ней участіе, пробовала учить ее, наставить на хорошій путь.

Но вѣдь все это—„одна канитель“. Учись, корпи, изнывай надъ шаловливыми дѣтьми и дальше двадцати рублей жалованья не пойдешь. Да и двадцати никогда не получишь. Гувернантки изъ нея не сдѣлаютъ. Можетъ, по-французски будетъ побойчѣе болтать, а „русскимъ предметамъ“ ни въ жизнь она не научится! Нынче съ педагогическихъ курсовъ идутъ на четыреста рублей, а это выходитъ всего-то по тридцати рублей въ мѣсяцъ съ небольшимъ. Попроще гувернантки живутъ за двадцать рублей, а то такъ „изъ-за пищи“, за столъ и квартиру, хуже, чѣмъ „она грѣшная“.

По ея происхожденію и воспитанію она изъ того же „званія“, какъ и ея господа, но къ нимъ она не можетъ чувствовать то,

что слѣдовало бы быть благодарной, не замышлять ничего противъ нихъ.

„Если изъ-за этого толстощекаго Мишки“ — она такъ уже звала его про себя — выйдетъ хоть сама малѣйшая непріятность, она сейчасъ Адама „за бока“, и пускай онъ изъ всего извлекаетъ что-нибудь выгодное для нея“.

Полина не подумала о томъ, — какъ это будутъ звать хорошіе люди... Слово не пришло ей на умъ. Да развѣ — и то сказать! — она стала сама первая дѣлать глазки кадету или завлекать его? Ни мало! Это она „хоть на духу“ скажетъ. Какъ же его можно сравнивать съ ея знакомыми изъ топографскаго училища, изъ-за котораго тоже вѣдь досталось ей отъ барыни. Вотъ изъ-за того стоило бы „пострадать“ и нотацію выслушать.

Всѣ эти вопросы дали ея душѣ оборотъ, неожиданный для нея самой.

Она задумалась о жизни „вообще“.

Злиться на другихъ, хотя бы и на теперешнихъ своихъ „господъ“, по правдѣ сказать, — ей не хочется... У нея характеръ легкій. Еслибы она жила въ своемъ семействѣ такъ, какъ ее воспитывали, она бы ни съ кѣмъ не ссорилась, все бы распѣвала, да пріятныя книжки читала, да наигрывала бы на фортепіанахъ или ѣздила бы по сосѣдямъ-помѣщикамъ.

Но можетъ ли она смотрѣть серьезно на свое теперешнее дѣло?

На свѣтѣ такъ ведется, что одни богаты, другіе бѣдны, или разорены, впали въ нужду — вотъ какъ она съ отцомъ. Почему одни блаженствуютъ, а другіе должны къ нимъ прислуживаться, отъ нихъ обиды терпѣть, весь вѣкъ подачками ихъ кормиться?.. почему?

Она не могла на это отвѣтить, но сердце ей нашептывало, что никакого на все это нѣтъ хорошаго резона. Такъ все дѣлается, зря, на этомъ свѣтѣ. Никакой „правды“ нѣтъ, да и быть не можетъ.

Все дѣло, — думала Полина, — въ случаѣ, въ удачѣ. Слუმѣлъ улучшить минуту, вотъ и хорошо, вотъ и жить будешь припѣваючи... Отецъ ея поймался... А еслибы удача повернулась къ нему лицомъ, онъ, навѣрное, былъ бы теперь самъ помѣщикъ или крупнѣйшій арендаторъ, а ее бы съ большимъ приданымъ отдала за эскадроннаго командира, въ драгунскомъ полку, въ томъ, что стоялъ около нихъ, въ жидовскомъ городѣ. Жаль только, что мундиры-то нынче у всѣхъ такіе ненарядные. То ли дѣло было, когда она дѣвчонкой, по девятому году, сиживала на когѣняхъ у этихъ самыхъ драгунъ; но они тогда носили гусарскій мун-

дирь, зеленый съ золотомъ, и фуражки съ голубымъ изумруднымъ околышемъ.

Къ такимъ выводамъ подталкивалъ ее и возрастъ.

Полина, вотъ уже больше года, какъ перешла отъ тревоги, слабостей, головныхъ болей, страха по ночамъ, къ другому настроенію. Теперь ей вдвое тяжко сидѣть взаперти или прохаживаться на прогулѣ съ дѣтьми. Она хочетъ жить, а жить—значить рисковать, значить идти на встрѣчу всякой случайности и всякой удачѣ... Кто же знаетъ? Въ кадетѣ Мишѣ „сласть“ небольшая; но онъ можетъ очень и очень пригодиться... Да и не уродъ онъ, его усики и пышныя щеки, и даже неустановившійся теноровый голосъ, нѣтъ, нѣтъ, да и запрыгають передъ нею, когда она лежитъ утромъ, лѣнится, кутается въ одѣяло и жмуритъ глазки, какъ кошка...

Главное дѣло — ловко вести всякое знакомство, ухаживаніе, пользоваться тѣмъ, что само идетъ къ тебѣ на встрѣчу. Вѣдь безъ того же кадета ей еще тошнѣе было бы жить въ боннахъ.

А отъ всякой глупости ее удержитъ братъ. Онъ—„башка“, какъ его называлъ и отецъ; лучше и не придумаешь для всякаго казуснаго житейскаго случая, гдѣ придется постоять за нее и выудить что-нибудь отъ „простофиля“ или осадить нахала и заставить загладить свою вину.

Полина сѣла къ столу и начала писать записку Мишѣ. И на этотъ разъ она не забывала переименовывать свой почеркъ. Она отпросилась на цѣлый день и рассчитывала уйти со двора. Миша придетъ къ завтраку и прочтетъ ея записку. Въ ней она скажетъ только, что часу въ третьемъ она будетъ въ Лѣтнемъ саду, на большой аллеѣ; но оставаться въ саду не станетъ, а только пройдетъ взадъ и впередъ.

Но какъ передать записку? Оставить у швейцара? Онъ, пожалуй, разболтаетъ. И безъ того у него есть наклонность обо всемъ спрашивать... Полина подозрѣваетъ, что швейцаръ изъ „жидковъ - перекрещенцевъ“... Нѣтъ, швейцару отдать нельзя. Развѣ горничной?.. Съ нею она не въ ладахъ. Горничная на нее начала дуться, узнавъ, что Полина была прежде на ея мѣстѣ. Онѣ съ кухаркой довольно громко ругали ее и не одинъ разъ называли „высочкой“, „барской барыней“ и другими прозвищами, грубили ей на каждомъ шагѣ, особенно горничная. Надо было даже пожаловаться барынѣ, чтобы заставить эту „дрань“ выметать изъ ея комнаты. Та вслухъ говорила:

— Не велика фря! И сама можетъ прибирать у себя.

Раза два Полина изъ-за нея всплакнула. Нѣтъ! И горничной нельзя оставить записочки... Кому же?

А изъ дѣтей кому-нибудь? Сначала она подумала: старшей дѣвочкѣ? Она не по лѣтамъ смышленная и даже съ разными порочными наклонностями, „все отлично понимаетъ“ — такъ ее аттестовала сама Полина.

Но потому-то именно и небезопасно будетъ отдать ей записку для передачи Мишѣ. Не Кокѣ же?.. Онъ еще ничего не разумѣетъ порядкомъ, пожалуй разорветъ или начнетъ мусолить конвертъ или запихивать его въ ротъ.—А Шурѣ?

На Шурѣ Полина остановилась. Почему же нѣтъ? Ей не надо и долго растолковывать. Просто сказать: „Вотъ, Шурочка, здѣсь лежитъ записка; когда Миша придетъ, отдай ему“.

Записку положить въ дѣтской на столѣ, подъ какую-нибудь игрушку. А вдругъ, какъ Шура, во весь голосъ, объявить это при матери!..

Между Коккой и Шурой Полина долго колебалась... Ни разу ее не остановила мысль, что она — „бонна“, какъ же это она дѣлаетъ маленькихъ дѣтей посредниками своихъ „пашней“; вѣдь такъ назовутъ это кухарка, горничная, а то и сама барыня.

И все-таки она выбрала Шуру.

Уходя, Полина отвела ее въ уголокъ—остальныхъ дѣтей не было—и сказала:

— Слушай, Шура, ты видишь вотъ это?

И она показала ей книжку.

— Вижу, Поля!—весело пролепетала Шурочка и протянула ручку.

— Я положу сюда, подъ твой картонный домикъ... Когда Миша придетъ, отдай ему...

Полина разсудила, что будетъ совершенно безопасно вложить записку въ книжку.

— Только ты не трогай книжки!.. картинокъ тутъ нѣтъ...

— Не буду!

— То-то! Я узнаю, если будешь мусолить листки.

— Не буду!—повторила Шура.

Полина положила книжку подъ картонный домикъ. Шура сама ей помогала. Книжку домикъ прикрылъ, такъ что никто бы и не догадался...

На этомъ Полина успокоилась и ушла, совершенно довольная своей комбинаціей. Но случилось не такъ, какъ она мечтала...

Шура исполнила ее поручение. Въ дѣтскую вошелъ Миша въ ту минуту, когда тамъ никого, кромѣ нея, не было.

Она сейчасъ же подскочила къ нему, взяла его за руку, съ серьезной миной подвела его къ столику, гдѣ стоялъ картонный домъ, и сказала таинственно:

— Подыми!

Онъ поднялъ.

— Возьми книжку!

— Отъ кого?—спросилъ Миша и весь зардѣлся.

— Отъ Поли!

Онъ схватилъ книжку порывисто и развернулъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ видѣлась закладка.

Какъ разъ въ эту минуту вошла въ дѣтскую его тетка.

Миша захлопнулъ книжку; но такъ неловко, что изъ нея выпала записочка.

Шура запрыгала вокругъ нея и закричала:

— Уронилъ! уронилъ!

— Чтѣ это?—спросила тетка не строго, но пытливо:—отъ кого?

— Я не знаю,—отвѣтилъ кадетъ.

И опять Шура подскочила къ запискѣ, подняла ее и поднесла Мишѣ.

— Тебѣ! Тебѣ!!

— Почему же мнѣ?

Онъ ужъ догадался, въ чемъ дѣло, и такъ разсердила его эта нелѣпная дѣвчонка, что онъ чуть было, при теткѣ, не далъ ей „леща“, какъ говорили у него въ корпусѣ.

— Подай!—крикнула строже мать.

Шура подала.

— Кто тебѣ отдалъ книжку?

— Поля!

— Для кого?

— Вотъ для Миши.

— А-а!..

Вышла значительная пауза. Кадетъ хотѣлъ-было отвоевать себѣ записку и началъ возражать:

— Однако, позвольте, ma tante... это... вѣроятно... Полина...

— А вотъ увидимъ...

Но она не распечатала конверта, только положила себѣ въ карманъ.

— Когда Полина вернется, я при тебѣ и при ней раскрою письмо и увижу, кому оно написано.

Миша чуть не заплакалъ.

IV.

Въ магазинѣ, гдѣ братъ Полины состоялъ приказчикомъ, еще только начинали торговать. Адамъ смотрѣлъ въ окно на мокрый тротуаръ, на пѣшеходовъ, на проѣзжавшія дроги съ покойникомъ. Утро стояло мокрое и немного туманное. Хозяинъ сдѣлалъ ему выговоръ за прогулъ. Адамъ на него залился и кусалъ себѣ губы. Ему хотѣлось выместить на комъ-нибудь свое сердце. Одного мальчика онъ уже толкнулъ въ загривокъ, рискуя, что тотъ пожалуется хозяину. Онъ самъ былъ младшій приказчикъ, и драться ему еще не полагалось.

Когда онъ взбѣшенъ, у него сердце сжимается и блѣдность дѣлается такая, что вотъ-вотъ сейчасъ въ обморокъ упадетъ. Но это только кажется; напротивъ, у него силы прибываетъ и дерзости, всѣхъ онъ можетъ сокрушить въ такіа минуты.

Дверь съ улицы растворилась широко и шумно. Адамъ быстро повернулъ голову.

Вошла, почти вбѣжала Полина.

И она казалась блѣдной. Ея чолва не такъ старательно была расчесана. Шляпка сидѣла немного назадъ, чѣмъ въ ней шло.

— Адамъ!..

Полина кинулась къ брату, и онъ сейчасъ же замѣтилъ, что у нея заплаканные глаза.

— Что такое?—спросилъ онъ строгимъ голосомъ.

— Исторія!.. Меня гонять!.. Заступись!..

Слезы уже подступали ей къ горлу.

Братъ отвелъ ее въ уголъ, за выступъ арки, гдѣ навалена была цѣлая кipa матерій.

— Ну, говори!..

Она заплакала, но нервное движеніе головой брата остановило ея слезы.

Вчерашняя „исторія“ приняла въ пересказѣ Полины со-всѣмъ другія формы и краски. Выходило, что барыня гонитъ ее „со скандаломъ“ и „осрамила“ ее передъ прислугой, на весь домъ, что баринъ тоже наговорилъ ей „всякихъ обидъ“ и что „такъ этого оставить невозможно“.

Она передавала все это порывистымъ шопотомъ, глотая слезы, и краснѣла постепенно. Адамъ слушалъ ее нетерпѣливо и сморщилъ переносицу.

— Окончательно гонять?—перебилъ онъ ее.

— Дали четыре дня сроку и жалованье до первого числа; а мнѣ до восьмого слѣдуетъ... Адамъ, приди!..

— Ладно!.. Мы имъ покажемъ!..

Его разсерженность находила себѣ исходъ.

— Буда же я дѣнусь?—пролепетала Полина.—Ты ничего не нашель?..

— Здѣсь нельзя распространяться. Приходи въ кухмистерскую противъ памятника... въ обѣдъ... Мы тамъ разберемъ..

— Хорошо!

— Только смотри, чтобы у тебя чего-нибудь не сдапали въ комнатѣ.

— Я на ключъ заперла дверь.

— То-то! А мы этихъ буржуевъ приструнимъ!

Полина поднялась на цыпочки и прикоснулась губами къ блѣдной щекѣ Адама.

— Нечего!.. безъ нѣжностей...

Она сконфузилась и пошла, но вернулась и самымъ низкимъ шопотомъ спросила:

— Письма у тебя, Адаша?

— Какія?

— Ахъ, ты Господи!.. Да того... кадета?

— Еще бы!.. Иди!..

— Такъ въ пять часовъ, въ кухмистерской?

— Противъ памятника.

Изъ магазина Полина вышла болѣе спокойной походкой и держала все голову внизъ, не смотрѣла то на выѣски, то на встрѣчныхъ... Она была немного смущена тѣмъ, что Адамъ встрѣтилъ и выслушивалъ ее сурово, не сказалъ ей ни одного утѣшенія, не приласкалъ ее ничѣмъ.

Ну, да что же дѣлать, коли у него такой нравъ! Зато, такъ онъ этого не оставитъ, добьется того, что ей заплатятъ до восьмого, извинятся передъ ней, да и еще что-нибудь съ нихъ Адамъ „сдеретъ“.

— Непремѣнно,—вслухъ выговорила Полина, когда поворачивала съ Литейной въ Малую Итальянскую.

Какъ можно, чтобы онъ не воспользовался теперь пачкой писемъ кадета? Да она сама—будь они у нея, сейчасъ же бы не такъ осадила барыню. Да и того на первый разъ было довольно, что она ей отвѣтила.

Зазписочка выпала изъ книжки. Книжку Шура получила отъ нея.

„Какъ будто уличили ее съ повиннымъ!“ Но вѣдь мало-ли что вретъ эта дѣвчонка. Она—„сочинительница“. Это и матери

ея извѣстно. Если даже повѣрять дѣвчонѣ, то вѣдь всего-то на все и есть, что передача книжки кадету. Записочка могла быть заложена въ нее въ видѣ закладки..

Отпереться отъ своей руки она не успѣла, когда барыня стала передъ ней „судейшей“; но это можно будетъ сдѣлать. Почеркъ не ея—это первое, а второе то, что на конвертѣ не было никакого адреса.

Сама „судейша“ проговорила:

— Положимъ, адреса нѣтъ и подписи нѣтъ, и рука какъ будто не ваша, но вы назначали свиданіе въ Лѣтнемъ саду именно на такой часъ, къ которому Михаилъ Петровичъ могъ поспѣть въ Лѣтній садъ.

На это обвиненіе у нея хватило разсудку ничего не отвѣтить.

Не разрюмилась она и послѣ, когда барыня стала ее стыдить материнскимъ тономъ, хотѣла отъ нея добиться покаянія, раскаянія...

Какъ бы не такъ!

Положимъ, не очень мудро было и притвориться кающейся, попросить прощенія и, не сваливая ничего на кадета, взять всю вину на себя. Это навѣрное удалось бы съ такой „ученой дурехой“, какъ барыня. Но ничего такого Полина не сдѣлала и теперь хвалила себя. Очень ужъ ей тошно въ боннахъ, и такая „исторія“, такъ или иначе, да поставитъ ее на другую дорогу.

Она не стала „ябедничать“ на Мишу, но сказала съ достоинствомъ:

— Вы, *мадамъ*, лучше бы за племянникомъ вашимъ присматривали. Я его не соблазняла... И если я захочу, то его же на свѣжую воду выведу...

Больше ничего она не прибавила. Она тогда въ одинъ мигъ сообразила, что ей будетъ выгоднѣе приберечь пачку записочекъ и „большущихъ“ писемъ кадета и выпустить съ ними Адама.

Вотъ это-то ея поведеніе, за которое всякій ее „умницей“ назоветъ, и взорвало барыню. Она чуть не со слезами начала говорить ей, какая она испорченная дѣвочка, какъ она не заслуживаетъ снисхожденія.

— Повинись ты чистосердечно, я бы вамъ простила!..

Этакое „блаженство“ жить у нея, въ чуланчикѣ, за красненькую, и возиться съ тошными ребятишками?

Чѣмъ ближе подходила Полина къ дому, тѣмъ она больше убѣждалась въ томъ, какая она умная и ловкая, сколько у нея характера и какихъ „дѣловъ“ можно надѣлать съ такимъ бра-томъ, какъ ея Адамъ.

Она жила у господъ, но должности своей не исправляла. Ей дали трое сутокъ сроку. Она ихъ „освободить“ и раньше.

Вошла она съ параднаго подъезда, хоть и знала, что горничная встрѣтитъ ее съ хмурымъ видомъ; „вотъ какая фря—ее прогнали, а она звонить въ электрическій звонокъ и заставляеть выбѣгать въ переднюю“. Но если эта „бестія“ скажетъ ей грубость, она должна смолчать, чтобы не подать самомайлѣшаго повода къ чему-нибудь „такому“ вплоть до прихода брата.

Дверь отперла кухарка и впустила ее безъ ворчанія. Кухарка была добрѣе горничной, и ей стало жаль Полину, тотчасъ послѣ ея сцены съ барыней. Она даже говорила въ кухнѣ:

— Еще бы, такого балбеса племянника завели, да чтобы шапней не было!..

Полина прошла тихо, но съ достоинствомъ, мимо отворенной двери въ гостиную, не снимая своей шубки, и начала, безъ шума, укладываться. Она уже знала, что послѣ господскаго обѣда можетъ выйти такая сцена, съ участіемъ ея брата, послѣ которой придется сейчасъ же выѣзжать и вывозить свои пожитки.

Въ чемоданъ все не вошло. Она долго соображала, изъ чего сдѣлать узелъ и что оставить для помѣщенія въ верхнемъ отдѣленіи чемодана.

Это укладыванье взяло у нея около двухъ часовъ. Добра набралось столько, что на одномъ извозчикѣ она не уѣдетъ, а двухъ брать дорого. Лучше припасти на всякій случай ломового. Объ этомъ позаботится Адамъ.

И тутъ въ первый разъ ея легкая голова остановилась на вопросѣ: гдѣ она будетъ сегодня ночевать?

У брата?

Но у него комнатка узенькая, въ одно окно.

„Гдѣ-нибудь“,—отвѣтила себѣ Полина и въ пятомъ часу ушла въ кухмистерскую, что противъ памятника.

Господа обѣдали въ шесть часовъ и на этотъ разъ безъ старшей дѣвочки. Ее послали къ дѣтямъ присмотрѣть за ними. При ней мать не хотѣла говорить съ отцомъ о Полині.

Мужъ, по обыкновенію, слегка подсмѣивался надъ женой.

Онъ ей сказалъ въ началѣ обѣда, по-французски, чтобы не понимала горничная:

— Такъ и должно было случиться!.. Кадетъ въ любовномъ возрастѣ...

Но она не могла смотрѣть на эту исторію, какъ онъ, только

юмористически. Она возмущалась и чистосердечно была огорчена испорченностью молодой дѣвочки, отсутствіемъ въ ней „нравственнаго инстинкта“. Мужъ опять подтрунилъ надъ ея склонностью къ „психологическимъ тонкостямъ“, а потомъ сталъ говорить серьезнѣе.

Надо поскорѣе отправить бонну и позаботиться о хорошей иностранкѣ. Онъ стоялъ за недорогую англичанку, которая, по крайней мѣрѣ, будетъ вести меньшихъ дѣтей въ привычкахъ опрятности и гигиены.

Барыня не очень восторгалась англичанками. Онѣ бывають грубоватыя, даютъ дѣтямъ „эгоистическій“ складъ настроенія, да многія изъ нихъ, тѣ, что подешевле—и тайно попивають.

Обѣдъ кончился, впрочемъ, тихой бесѣдой. Одно только смущало барыню—и она не скрыла этого отъ мужа—какъ бы не вышло еще чего-нибудь „такого“?

— Да чего же?—спросилъ лѣнливо мужъ, закуривая сигару.

— Отъ этой испорченной личности всего можно ждать...

Только-что были сказаны эти слова, какъ въ передней—дверь въ столовую оставалась отворенной—затрепалъ звонокъ.

Одинъ разъ, два раза, три раза, звонъ былъ сердитый и требовательный.

— Боже мой!.. Что это такое?..

Съ этимъ возгласомъ поднялась барыня. Изъ дѣтской выскочила старшая дѣвочка. Горничная бросилась въ переднюю.

Поднялся и баринъ съ сигарой въ зубахъ.

Въ передней раздался мужской, визкій и твердый голосъ.

Барыня вышла въ переднюю первая, за ней мужъ, нѣсколько позднѣе.

Ближе къ вѣшалкѣ стоялъ, посреди прихожей, Адамъ и держалъ Полину за руку.

Онъ не снялъ своей круглой фетровой шляпы и опирался другой рукой на палку. Полина стояла въ возбужденной позѣ, грудью впередъ. Щеки ея рѣбли. Братъ ея былъ блѣденъ и только глаза его злобно блестя.

Въ кухмистерской онъ выпилъ рюмку водки и двѣ бутылки пива, изъ которыхъ далъ стаканъ сестрѣ.

— Да-съ, пожалуйста мнѣ сюда самую хозяйку!

Эти слова встрѣтили барыню. Она внутренне очень испугалась, но, запахнувшись въ свой вязанный платокъ, остановилась около двери и довольно спокойно спросила:

— Что вамъ угодно? И кто вы?..

— Я—братъ Полины... И мнѣ угодно, мадамъ, чтобы вы и

вашъ мужъ дали мнѣ объясненіе—почему вы выгоняете со скандаломъ честную дѣвушку?

Онъ говорилъ, разставляя широко слова и не мѣняя тона, точно онъ предварительно выучилъ вступительныя слова своей рѣчи.

Барыня хотѣла отвѣтить поблагороднѣе и поосторожнѣе; но ее предупредилъ мужъ; онъ выдвинулся изъ-за нея и сказалъ:

— Снимите, прежде всего, шляпу.

Адамъ обнажилъ свою красивую, курчавую голову.

— Шляпу я сниму; но я жду отвѣта. Дѣвушка—моя сестра. Я—ея защитникъ.

Баринъ разсердился сразу, какъ многіе флегматики, принужденные дѣйствовать, взорванные чѣмъ-нибудь неожиданнымъ и дерзкимъ.

— Мы васъ не знаемъ и знать не желаемъ. Если вы братъ, то внушите вашей сестрѣ лучшія правила... Она можетъ съѣхать отъ насъ... Жалованье ей заплатятъ; а васъ мы покорнѣйше просимъ не вмѣшиваться и не начинать здѣсь сценъ.

— Что-ось? — съ дрожью въ голосѣ спросилъ Адамъ, оставивъ руку Полины,—она тоже начинала трусить,—и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Ступайте вонъ! — крикнулъ баринъ.

— Paul, de grace!..—шопотомъ хотѣла удержать его жена.

— Ну, это аттанде! — отвѣтилъ Адамъ, и если вы посмѣете дотронуться до меня, вы будете раскаиваться.

Барыня вся обмерла. Ей показалось, что карманъ пальто Адама топырился... тамъ револьверъ...

Она схватила руку мужа и стала его отпихивать въ двери, повторяя:

— Va-t-en!.. Va-t-en!

Но мужъ ее далъ приказаніе горничной послать за дворникомъ.

Адамъ сообразилъ, что его могутъ вытолкать, перемѣнилъ позу и, обращаясь къ сестрѣ, сказалъ:

— Полина, ничего не бойся!.. Иди въ свою комнату и выноси свои вещи... Я отсюда не выйду, я долженъ тебя защищать!..

— Вашей сестрѣ ничего не сдѣлаютъ дурного! — вскричала барыня. — Ея жалованье она можетъ сейчасъ получить...

— Меня не смѣютъ гнать! Я — братъ! — повторилъ Адамъ и сѣлъ на ясеневый стулъ, около зеркала.

„Зачѣмъ же онъ не покажетъ пачку писемъ?—думала Полина, оправившись отъ смущенія.—Теперь-то бы и надо!“

— Идите въ вашу комнату, — сказала ей барыня, которой удалось уговорить мужа не посылать за дворникомъ.

— Я не могу одна все вынести... — проговорила Полина, почти внятно.—Братъ мнѣ долженъ помочь.

И на это согласилась барыня. Дѣти выбѣжали-было въ переднюю; но ихъ выпроводили...

Когда чемоданъ, узелъ, картонки Полины были вынесены на площадку, Адамъ въ растворенную дверь крикнулъ:

— Вы еще про насъ услышите!..

V.

Черезъ три-четыре дня господа получили повѣстку отъ мирового судьи.

Это ихъ разстроило гораздо больше, чѣмъ они сами, быть можетъ, ожидали.

За завтракомъ сидѣли они опять другъ передъ другомъ. Старшую дѣвочку отвели въ школу; съ меньшими пошла гулять новая бонна, изъ нѣмокъ, пожилая и довольно суровая.

Барыня стояла, однакожъ, за то, чтобы судиться... Баринъ не хотѣлъ разбирательства и видимо боялся скандала...

Въ первый разъ они серьезно поспорили.

— Ничего, кромѣ грази, изъ этого не можетъ выйти!—говорилъ баринъ.

— Мы ни въ чемъ не виноваты...

— И это не совсѣмъ вѣрно,—возразилъ мужъ.—Миша нашъ родственникъ. Записочки нашли отъ него...

— Но Миша отрицаетъ.

— Ахъ, мой другъ!—перебилъ баринъ!—Развѣ ты не видишь, что онъ лжетъ?! Я не знаю, кто изъ нихъ испорченнѣе: онъ или она...

Барыня баловала своего племянника; но ей горько было сознаться, что, пожалуй, мужъ и правъ...

Кадетъ заперся, думая, должно быть, что онъ всѣ письма и записочки Полинѣ писалъ измѣненной рукой.

— У брата этой дѣвицы,—продолжалъ свои доводы баринъ,—въ рукахъ коллекція любовныхъ писемъ... Онъ съ ними явится къ мировому, и его адвокатъ этимъ какъ нельзя лучше воспользуется... Сейчасъ все это явится въ репортерскихъ отчетахъ!..

— И пускай!

„Трусить“ передъ „гласностью“ считала барыня верхомъ малодушія.

— Ты напрасно хорохоришься!

Это слово „хорохоришься“ показалось женѣ очень обиднымъ и вульгарнымъ.

Но мужъ продолжалъ свои доводы... Выходило, по его разсужденію, что они ни въ какомъ случаѣ не правы. Ихъ „нравственная“ и прямая обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы молодая дѣвушка, почти „ребенокъ“, не попадала подъ развращающее вліяніе въ ихъ домъ; а соблазнять Полину началъ ихъ племянникъ!.. Стало бытъ идти на разбирательство—по крайней мѣрѣ, вредить молодому человѣку. Лучше довести его самого до признанія своей вины, а не выдавать его.

Этотъ оборотъ доводовъ началъ дѣйствовать на барыню. Ей жалко стало Мишу. Она подумала и о томъ, что процессъ и въ Полину вызоветъ чувство дешевой побѣды, если приговоръ судьи будетъ въ ея пользу... Тогда она, при такомъ братѣ—превратится въ закоренѣлую авантюристку и шантажницу...

Въ концѣ ихъ разговора состоялось молчаливое соглашеніе, хотя ничего не было сказано рѣшительнаго.

Каждый изъ нихъ остался съ непріятнымъ чувствомъ предстоящей исторіи; но и барыня склонилась къ тому, что „разбирательства лучше избѣжать, не изъ малодушныхъ, а изъ порядочныхъ и гуманныхъ мотивовъ“...

Надо было дѣйствовать.

Разбирательство у мирового назначалось черезъ недѣлю...

Но и братъ съ сестрой также ждали и рассчитывали.

Адамъ обдумалъ планъ; но сразу онъ его не объявлялъ сестрѣ. На женщинъ вообще онъ смотрѣлъ съ большимъ презрѣніемъ. Полина, помѣстившись почти въ „углу“, за перегородкой, у тѣхъ самыхъ жильцовъ, гдѣ квартировалъ и Адамъ, почувствовала себя гораздо хуже, чѣмъ у господъ. Тѣсно, темно, съ грязной, заброшенно... Братъ цѣлый день въ магазинѣ, обѣдать ходитъ въ трактиръ или въ кухмистерскую; вечеръ проводить въ пивной и возвращается очень поздно... Въ театръ ни разу не предложилъ ей сходить... Она бы согласилась и на верхи; но онъ гордецъ, „фордыбава“, ему непременно—въ кресла... Даже мѣста амфитеатра въ Александринскомъ онъ считаетъ „ниже своего достоинства“.

У нея оставалась всего одна красненькая --ея мѣсячное жалованье. За квартиру, за недѣлю, она отдала хозяйкѣ впередъ—

полтора цѣлковыхъ. Ёла она дома, кое-что, ходитъ въ кухмистерскую было дорого, особенно съ братомъ; онъ непремѣнно потребуетъ что-нибудь особенное, а платить заставлялъ ее половинную долю.

По утрамъ она ходитъ въ контору справляться — не требуютъ ли на мѣсто. И за это пришлось еще заплатить. Она рекомендуется на нѣсколько должностей: продавщицы, кассирши, за буфетъ; бонны она не поставила. Въ конторѣ она видитъ, какая „пропасть“ ищущихъ мѣстъ; и не такихъ, какъ она, недоучившаяся, а настоящихъ — ученыхъ, съ курсовъ разныхъ... Бывшія педагогички ѣдутъ въ губернію, на двадцать рублей, а то такъ берутъ мѣста сельскихъ учительницъ, за „три синенькихъ“, въ глушь, куда она „ни за какіе орѣхи“ не поѣхала бы... Лучше умерла бы здѣсь, съ голоду...

Адамъ что-то замолчалъ о хорошемъ мѣстѣ. Только-что она объ этомъ заикнется, онъ дастъ на нее окрикъ. Характеръ у него „дьявольскій“; и она не стала бы съ нимъ жить, еслибъ даже у нихъ были средства.

Думала Полина и о кадетѣ. Прошло дня четыре — она начала ждать записочки отъ Миши, хотя и не признавалась себѣ въ этомъ. Но онъ струсилъ — такъ рѣшила Полина, вѣроятно мальчишески разрюмился; а если и заперся, все-таки же теперь не станеть ее разыскивать.

Да и какой въ немъ „интересъ“?

Денегъ у него нѣтъ, въ офицеры — еще когда-то выпустать; Адамъ изъ него ничего не извлечетъ. Надо его бросить. Она къ нему и не имѣла никогда склонности.

И все-таки Полина заикнулась Адаму о кадетѣ. Онъ на нее прикрикнулъ:

— Дура ты! Дура! И больше ничего! Когда они теперь въ нашихъ рукахъ, а ты хочешь имъ опять всѣ козыри въ руки отдать!..

И она себя самое душой назвала.

Вѣдь ясное дѣло, что теперь надо добиться „отступного“, выставя себя жертвой соблазна... Чтò бы тамъ ни говорилъ кадетъ, какъ бы ни запирался, а письма на лицо.

До разбирательства оставалось только три дня. Адамъ зашелъ къ ней, утромъ, отправляясь въ магазинъ; — она еще лежала въ постели.

— Что валяешься? — далъ онъ на нее окрикъ.

Въ рукахъ у него была пачка писемъ и записокъ кадета.

— Я сейчасъ! — всполошилась она.

— Ну, лежи!..

Онъ сѣлъ на край постели и положилъ пачку на одѣяло.

— Вотъ что ты сдѣлай,—началъ онъ полушопотомъ.—Разбери хорошенько, отложи къ сторонѣ большія цидулы, гдѣ онъ ужъ настоящей своей рукой писалъ; а записочки — которыя вначалѣ были и рука гдѣ измѣнена — особо отложи и перевяжи тесемочкой. И чтобъ все было готово... Я послѣ завтрака отпрошусь — и пойду...

— Къ нимъ?

— Извѣстное дѣло!

— Лучше отъ нихъ подождать...

— Засыпать они не будутъ; а что теперь трусять — я пари подержу; а главное, ты не суйся!.. Не съ твоимъ куринымъ мозгомъ это все разсудить!..

Она не возражала и внутренно очень обрадовалась: Адамъ своего добьется и съ пустыми руками не придетъ. Она хотѣла даже обнять его; да онъ такихъ „миндальностей“ не терпѣлъ.

Какъ только она осталась одна, Полина поспѣшно умылась, и въ кофточкѣ принялась разбирать записочки и письма, разбила ихъ на нѣсколько пачекъ, отдѣлила большія отъ маленькихъ, и тѣ, гдѣ Миша пылче всего выливалъ свои чувства, положила отдѣльно. А потомъ начала въ каждой кучкѣ отбирать то, что писано безъ измѣненія почерка, и класть особо. Также — и съ записками, гдѣ кадетъ еще старался писать чужой рукой.

Къ приходу Адама все было приготовлено. Полину нѣсколько разъ разбиралъ тихій смѣхъ, когда она раскладывала кучки и потомъ собирала ихъ въ двѣ пачки. Каждую пачку она перевязала „фавѣркой“. У нея нашлась и голубая тесемочка изъ-подъ конфетъ, и красная ленточка, которой уже былъ первоначально перевязанъ пакетикъ съ саше и парой еще ненадѣванныхъ перчатокъ.

Голубымъ она перевязала записки съ измѣненной рукой, болѣе скромныя и невиннаго содержанія, краснымъ — остальные; тамъ стояли самыя пылкія любовныя слова. Красный цвѣтъ прямо подходилъ къ такому содержанію. Она видѣла, въ одной пьесѣ, переводной съ французскаго, какъ любовникъ возвращаетъ своей возлюбленной пачку ея писемъ. И она отлично помнитъ, что они были перевязаны крестъ-на-крестъ ленточкой; такъ аккуратно и красиво, какъ вотъ теперь она все подобрала и увязала.

Часу въ двѣнадцатомъ пришелъ Адамъ.

Полина приодѣлась. Она была увѣрена, что онъ возьметъ ее съ собою. Ей даже представлялась сцена въ гостиной... Ее не-

премѣнно посадить на кресло, и она будет сидѣть съ опущенными рѣсницами, въ то время, какъ братъ приступитъ къ объясненію... Она умѣетъ, гдѣ нужно, и покраснѣть. Вмѣшиваться она не станетъ. Вотъ они и посмотрятъ, какія у нея манеры и какъ она себя держитъ... Пускай поищутъ: какую такую бонну найдутъ они на десять рублей!

Въ этихъ мысляхъ Адамъ засталъ ее. Она была уже въ шляпѣ.

— Ты куда?—отрывисто спросилъ онъ.

— Съ тобой, Адаша.

— Остроумно!..

— А развѣ я лишняя?

— Ты-то?.. И очень! У тебя никакого апломбу нѣту; а тутъ нужно мужское давленіе... Можешь и снять шляпу...

— Все равно... Выйдемъ вмѣстѣ... Я въ контору пройду!..

— То-то въ контору!.. Не начни по Пассажу прохаживаться!

— Что это, Адамъ!

Она чуть не расплакалась!.. какъ могъ онъ ее подозрѣвать въ такой „гнусности“?!.. Да и съ какой стати выставляетъ онъ себя такимъ строгимъ гувернеромъ?.. А самъ-то онъ развѣ не кутитъ? Но ей строгость Адама все-таки скорѣе нравилась. Онъ, стало быть, стоитъ за „нравственность“, какъ она произносила, съ буквой „д“.

— Ну хорошо,—кратко произнесла она:—ступай одинъ!..

— Подай письма!—приказалъ Адамъ.

Полина подала обѣ пачки.

— Которыя писаны съ поддѣлкой?

— Вотъ эта связка, поменьше...

Адамъ взялъ ее и засунулъ въ боковой карманъ пиджака.

— А эти ты не возьмешь?—съ удивленіемъ спросила Полина и держала въ рукахъ пачку побольше...

— Нѣтъ, не возьму.

— Да это-жъ главныя...

— Запри ихъ въ сундукъ!.. Они пригодятся; только не сразу.

Онъ усмѣхнулся на особый ладъ...

Въ его усмѣхѣ Полина могла прочесть:

„Ты дурочка—ничего не понимаешь!..“

Съ тѣмъ онъ и ушелъ. Полина отправилась въ контору послѣ него. Она еще попудрила себѣ носъ и немного чолку. Передъ зеркаломъ—оно было еще меньше и плоше, чѣмъ у господъ—раздумалась она еще разъ: почему Адамъ взялъ съ собою только одну пачку записокъ?—и рѣшила, что онъ „будетъ держать за пазухой камень“.

Она заперла оставленную ей связку въ свой сундукъ и почувствовала, что изъ всего этого—что-нибудь и выйдетъ.

Въ это время Адамъ уже звонилъ у парадной двери той квартиры, откуда его хотѣли выпроводить съ дворникомъ. Усмѣшка не сходила съ его сухого и властнаго рта. Какъ только горничная отворила ему, онъ вошелъ очень смѣло, шляпы не снимая и велѣлъ передать карточку баринѣ.

— Я по дѣлу, — прибавилъ онъ басомъ.

— Барыня выпешди, — доложила горничная и карточки не брала.

— А баринъ дома?

— Дома-съ...

— Въ такомъ случаѣ отдайте карточку ему.

Баринъ прочелъ на карточкѣ: „Адамъ Ардальоновичъ Пышковскій“ — и не догадался, что это братъ Полины; ея фамилію онъ плохо помнилъ.

— Это тотъ... скандалистъ, — шопотомъ доложила ему горничная.

— Какой скандалистъ?

— Братъ Поли...

„Полиной“ она не желала называть бывшую горничную.

— Позовите! — приказалъ тотчасъ же баринъ.

Въ просторномъ кабинетѣ свѣтъ падалъ изъ оконъ прямо на входную дверь.

Адамъ вошелъ, остановился у самой двери и оглянулъ кабинетъ. Баринъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, прямо противъ него, но на большомъ разстояніи.

— Садитесь, — сказалъ ему баринъ вѣжливо и, какъ ему показалось, съ улыбкой.

Эта улыбочка могла значить: „я тебя, милый мой, не очень боюсь“.

— Вы братъ Полины?

— Нешто не узнали меня? — довольно безцеремонно спросилъ Адамъ.

— Узналъ-съ, — оттянулъ баринъ. — Вы пришли, вѣроятно, предложить намъ мировую...

Отпираться было бы глупо.

— Ежели подходяще, — процѣдилъ Адамъ почти сѣвось зубы.

— Что же вы желаете?..

— Да вотъ... у насъ есть фактическія доказательства...

Адамъ вынулъ пачку писемъ и держалъ ихъ двумя пальцами правой руки.

— Записочки?

— Вашего племянника. Помимо всего прочаго... какъ вы прогнали дѣвушку, со срамомъ и безъ всякаго повода.

Тонъ Адама поднялся.

— Вы сколько же хотите за эти записки? — перебилъ его баринъ, и на лицѣ его опять заиграла усмѣшка.

— Извините... я не шантажникъ какой-нибудь.

— Мы это оставимъ...

Баринъ вышелъ изъ-за письменнаго стола и сдѣлалъ два-три шага къ тому креслу, гдѣ сидѣлъ братъ Полины.

— Ежели соотвѣтственно обидѣ...

Слова выходили у Адама съ задержкой, и это начало его бѣсить. Онъ слегка покраснѣлъ.

— Тутъ все записки моего племянника?..

— Обязательно!—отвѣтилъ Адамъ и прибавилъ:—положимъ, въ нѣкоторыхъ поддѣлана рука. Но господинъ кадетъ не очень искусенъ по этой части... Въ томъ случаѣ, какъ онъ будетъ записаться... есть вѣдь на это и эксперты...

— Конечно! — весело отвѣтилъ баринъ. Его братъ бонны занималъ, и онъ уже видѣлъ, что дѣло кончится „отступнымъ“.

— Поддѣлка самая немудрая...

— Позвольте поглядѣть...

Братъ Полины повернулся въ креслѣ.

— Да какъ же я съ вами на сдѣлку пойду, если я не ознакомлюсь съ этими... документами?..

— Ужъ будьте покойны... А впрочемъ я къ вамъ пришелъ въ надеждѣ на благородное обхожденіе... Извольте... Просмотрите! Вотъ я здѣсь кладу.

И Адамъ положилъ пачку на маленькій столикъ, около его кресла.

Баринъ подошелъ, развязалъ и подержалъ въ рукахъ нѣсколько записочекъ.

— Въ сущности, это вздоръ!—выговорилъ онъ.

— А ежели вздоръ, то изъ-за чего же вы сестру мою со скандаломъ выгнали? Въ чемъ ея преступленіе? Въ томъ, что она—какъ ваша супруга увѣряетъ—отвѣтила ему?

— Преступленія никакого нѣтъ, а бонна назначила свиданіе въ Лѣтнемъ саду, что не желательно было для насъ, вотъ и все...

— Превосходно-съ; а желательно ли будетъ для господина-кадета, если, напримѣръ, его начальство извѣстится о его похожденіяхъ?

Вопросъ Адама звучалъ такъ увѣренно, что баринъ сказать мысленно:

„Какой молодой, но чистокровный негодай!“

Ему захотѣлось вытолкать Адама, но онъ воздержался.

— Хорошо, — выговорилъ онъ, кладя записки на столѣкъ...
— Чего вы желаете?.. Если ваша цифра будетъ нелѣпо высока, извольте являться въ мировому.

Адамъ поторговался, но не очень; въ сундукѣ Полины лежали остальные письма, поцѣнные этихъ записочекъ, и баринъ такъ былъ простъ, что удовольствовался ими.

Отъ него потребовали расписки въ полномъ удовлетвореніи. Когда онъ спускался съ лѣстницы, въ карманѣ у него лежало двѣ „бѣленькихъ“, но онъ ихъ не отдалъ сестрѣ, а сказалъ, что половину онъ положилъ для нея „на текущій счетъ“.

VI.

О Полину въ домѣ ея бывшихъ господъ стали забывать. Кадета простили. Новая бонна не могла, по своему виду и лѣтамъ, вызывать въ немъ любовнаго влеченія. Но у его тетки остался на душѣ точно дурной вкусъ отъ того, что съ братомъ Полины пошли на сдѣлку и заплатили отступное. Напротивъ, мужъ ея былъ очень доволенъ и ни въ чемъ себя не упрекалъ.

Раннимъ послѣ-обѣдомъ, барина не было дома, — барыня сидѣла въ дѣтской и показывала Шурѣ картинки изъ книги „Степка-Растрѣпка“. Хотѣлось ей также заставить ее выучить наизусть сантиментальные стихи. У Шуры память становилась очень цѣпкой, и она то-и-дѣло передразнивала отца съ матерью, свою бонну, старшую сестру и братишку. Она знала и куплетики изъ „Малютки“:

„Публика отборная
Въ залѣ собрана:
Комната просторная
Ужъ полнымъ-полна!“

Горничная доложила, что съ задняго крыльца пришелъ какой-то пожилой господинъ и говорить, что у него до барыни — дѣло. Фамилія своей не называетъ.

— На бѣдность?

— Должно полагать, что такъ...

— Попросите въ гостиную...

— Да къ нему и въ корридоръ бы можно...

— Попросите въ гостиную!—съ удареніемъ сказала барыня и спустила съ своихъ колѣнъ Шуру.

Въ гостиной стояла полутемнота. Горничная зажгла двѣ свѣчи на одномъ изъ дальнихъ подзеркальниковъ.

У камина стоялъ высокій человѣкъ, сѣдой, съ длиннымъ, смѣшнымъ носомъ, бородатый, обвязанный шарфомъ, въ плохой черной парѣ.

Всего скорѣе было принять его за „просящаго“, какимъ его и сочла горничная.

Онъ раза два кашлянулъ хрипло и глухо и переминался съ ноги на ногу. Отъ него по гостиной пошелъ запахъ плохого табаку и неопрятнаго, стараго платья.

— Вамъ угодно?—спросила барыня, прищуриваясь отъ близости.

„Проситель“—такъ она его уже окончательно опредѣлила—пододвинулся, нагнувъ на особый ладъ голову и спросилъ:

— Вы однѣ изволите быть?

Тономъ онъ напоминалъ дворецкаго или управителя изъ отпущенниковъ.

И вдругъ барынѣ стало немного жутко, почти страшно. Онъ могъ броситься на нее и зарѣзать.

Она позвонила.

— Зажгите лампу, здѣсь темно.

Горничная хлопотала около лампы, поглядывая на барыню. И ей дѣлалось жутко. Больше никого, кромѣ дѣтей, не было въ домѣ. Бонна и кухарка отпросились со двора.

— Вамъ угодно?—повторила барыня, когда горничная ушла. Старикъ осмотрѣлся и сдѣлалъ два шага отъ камина.

— Моя фамилія Пышковскій... Вамъ не безъизвѣстна?

— Пышковскій?...

— Отецъ дѣвицы Пелагеи, что жила у васъ при дѣтяхъ...

— А-а!...

Ей сейчасъ представилась вся исторія съ Полиной.

„Опять шантажъ!“ подумала она и поглядѣла тревожно на этого отца „дѣвицы Пелагеи“. Онъ уже выдѣлялся при свѣтѣ лампы гораздо отчетливѣе. Его длинный носъ тревожилъ ее—она еще такъ недавно читала книгу Ломброво о преступномъ человѣкѣ, и тамъ говорится, что у всѣхъ воровъ и грабителей—длинные носы. Но глаза съ красноватыми вѣками и унылымъ взглядомъ вызвали въ ней чувство жалости.

„Зачѣмъ оскорблять подозрѣніемъ?“ спросила она.

— Вы позволите присѣсть?—спросилъ отецъ Полины.

Ей сдѣлалось опять совѣстно за себя: почему она раньше не пригласила его сѣсть.

Онъ сѣлъ и опять заваплся.

— Извините—безпокою васъ... Катарръ привязался... А въ Петербургѣ, при такомъ климатѣ...

Слово „климатъ“ онъ выговорилъ съ удареніемъ на „а“.

Барыня припомнила, что ей Полина рассказывала про отца своего. Онъ управлялъ большими помѣстьями, жилъ баринкомъ, „пострадалъ“ и скитался неизвѣстно гдѣ.

„Можетъ быть, онъ бѣглый преступникъ или каторжный?“

Этого вопроса она опять застыдилась.

— Сударыня,—продолжалъ онъ и повернулъ въ бока свою голову съ приплюснутымъ затылкомъ и съ лысиной на маковѣ: —про свои мытарства я вамъ рассказывать не буду... зачѣмъ же лишать драгоценнаго времени?... Пострадалъ!... Дѣтямъ хотѣлъ дать надлежащее воспитаніе... Сами изволите видѣть... Пелагея кое-чему училась... и на фортепьянахъ, и по-французски... дѣвочка она не дурная... только характеромъ вышла легкая... Надо снивойти...

— Что же вамъ угодно?—перебила его барыня.

— А собственно такъ, позвольте изъясниться....

„Опять что-нибудь влязнуое“,—подумала барыня и стала жалѣть о томъ, что мужа ея нѣтъ дома.

— Она загладила свою глупость... Вотъ я теперь вернулся... Почти-что съ волчьимъ паспортомъ, — онъ опустилъ голову; но голосъ его пошелъ ей въ душу: —пить, ѣсть надо, а кто же можетъ, хоть на первыхъ порахъ, поддержать. Дѣти—сынъ не задался... Черстваго сердца. Пелагея не въ примѣръ добрѣ... И вотъ, сударыня, отъ вашего милосердія будетъ зависѣть...

— Я ничего не могу!...—стремительно выговорила барыня.

— Весьма многое, прошу извинить меня...

— Мы и безъ того...

— Я знаю-съ,—докончилъ отецъ Пелагеи,—что въ вашемъ помѣщеніи вышло не совсѣмъ пристойное препирательство. Дѣвочка обидѣлась... хотя за ней, безъ сомнѣнія, была вина. Позвольте, какъ родителю, и свое сужденіе сказать. Допустить себя до полученія любовныхъ записочекъ и даже пространныхъ писемъ ей, ни въ какомъ разѣ, не слѣдовало. Ежели ваша добрая воля была прекратить все дѣло...

— Вамъ извѣстно, какую роль во всемъ этомъ игралъ вашъ сынъ?

— Извѣстно-съ... И я, сударыня, одобренія моего не даю... Это, нѣкоторымъ образомъ, какъ бы вымогательство...

— Вы сами сознаете?

— Всенепремѣнно. И будь я здѣсь, ни до чего бы такого не допустилъ, хотя бы и при полной денежной крайности.

„Онъ, кажется, честный“, поторопилась подумать барыня, и ей уже не было жутко отъ присутствія этого человѣка съ волчьимъ паспортомъ и длиннымъ „преступнымъ“ носомъ. Вѣдь одинъ носъ не можетъ же быть несомнѣннымъ признакомъ порочности?.. Вонъ и у Шурочки какой уже большой носъ, хоть и „комическій“.

— Это очень похвально,—выговорила барыня и опять опустила голову: ей показалось, что она не имѣетъ право учительствовать.

— Въ настоящемъ же обстоятельствѣ обращаюсь униженно къ вашему великодушному сердцу и прошу убѣдительно вникнуть...

Она чуть замѣтнымъ жестомъ остановила его на нѣсколько секундъ.

— Дочери моей выходить очень хорошее мѣсто. И меня, черезъ нее, могутъ призвать. Люди богатые... У нихъ усадьба подъ Петербургомъ... безъ надлежащаго надзора. Меня бы пустили приютиться во флигелѣ для надзора за зданіями и экономіей...

— Очень рада, если ваша дочь опять на хорошей дорогѣ.

— Но, сударыня, безъ личной рекомендаціи ничего теперь невозможно получить...

Барыня начала понимать.

— Вамъ угодно, стало быть?..

— Вашего благороднаго содѣйствія... Не пускайте и дѣвочку мою съ волчьимъ паспортомъ... Она вамъ, сударыня, да, полагаю, и дѣтамъ вашимъ, зла не могла сдѣлать...

— Конечно,—отвѣтила барыня,—но если Полина поступаетъ на мѣсто педагогическаго характера, я не могу рекомендовать ее... у нея нѣтъ никакой подготовки... и вы сами знаете, что натура у нея... легкая...

— Ахъ, матушка!..

Голосъ старика дрогнулъ.

Онъ вдругъ полѣзъ рукой въ боковой карманъ сюртука и вынулъ оттуда какой-то пакетъ.

— Приношу вамъ убѣдительное доказательство... моихъ плахетныхъ чувствъ. У сына вытребовалъ я эти письма вашего племянника, уже подлинной рукой писанныя... Они могли бы подать поводъ къ новому разбирательству... Я вытребовалъ, су-

дариня... вотъ они... Прошу нѣсколькихъ строкъ вашей многоуважаемой руки...

„Вотъ оно чтѣ!“ — подумала барыня и вся вспыхнула. Она сообразила, что ея мужъ промахнулся, а племянникъ опять можетъ быть привлеченъ къ щекотливому дѣлу...

— Извольте!...

Черезъ пять минутъ, послѣ нѣсколькихъ прочувствованныхъ фразъ, съ рекомендаціей въ рукахъ отецъ Полины удался.

Въ столовой кончали обѣдъ. И баринъ и барыня все еще находились подъ впечатлѣніемъ недавней второй исторіи... Она кончилась благополучно. Письма кадета сожжены. Хотя въ нихъ и не было ничего опаснаго, даже еслибъ отецъ Полины донесъ начальству Миши; но онъ безъ выкупа не возвратилъ бы ихъ, непріятность вышла бы непремѣнно.

Обоимъ дышалось легче, но минутами и мужъ и жена сознавали, что оба они „сглупили“: одинъ черезъ-чуръ испугался, другая перепустила своего гуманизма. Имъ хотѣлось забыть про всю эту глупую исторію. Главный поводъ къ ней—Миша—чувствовалъ свою вину, сидѣлъ теперь за „зубреньемъ“ къ экзамену и приходилъ рѣже.

Обѣдалъ у нихъ товарищъ мужа по службѣ, моложе его, очень франтоватый и ласковый къ дѣтамъ. Онъ, почти каждый разъ, возилъ имъ сласти, противъ чего возставала мать.

И сегодня онъ привезъ имъ московскаго лакомства. Кока, въ дѣтской, сосредоточенно доѣдалъ свою розовую палочку абрикосовской пастилы. Старшая дѣвочка обѣдала съ большими. Шура, тоже полакомившись пастилой, выпорхнула въ столовую, прильнула къ гостю и кончила тѣмъ, что сѣла ему на колѣни и трогала его бакенбарды, лацзаны сюртука, булавку на галстухѣ и воротнички.

Мать нѣсколько разъ останавливала ее.

— Мы друзья!.. — успокоивалъ гость.

— А у тебя нѣтъ того, чтѣ у папы...

И она показала на манжеты отца. У гостя они подошли подъ обшлага рукава.

— Нѣтъ, есть!.. — отвѣтилъ гость.

— Покажи!

Гость вытянулъ обѣ манжеты, онѣ блестѣли, и на каждой было по золотой запонкѣ съ жемчужиной посрединѣ.

Шура все это осмотрѣла, и ей непріятно было то, что она ошиблась. Манжеты на лицо и запонки богаче, чѣмъ у палы.

Она даже наморщила кожу своего „комического“ носа.

— А вотъ у тебя, — сказалъ гость, — такъ нѣтъ никакихъ манжетъ...

И онъ прошелся двумя пальцами по кожѣ ея полненькой и голенькой ручки.

Шура задумалась — примолкла болѣе чѣмъ на минуту.

— Зато, — съ торжествующимъ выраженіемъ и громко выговорила она, — у тебя нѣтъ крахмальной юбки!

Всѣ большіе разсмѣялись.

Но матери показалось, что въ этомъ отвѣтѣ звучали ноты недавней бонны, Полины. Шура начала обезьянить ея манеру говорить... У той были также быстрые отвѣты, не лишенные остроумія. И та способна отвѣтить чѣмъ-нибудь въ родѣ этой „крахмальной юбки“.

Съ искренней грустью подумала мать: „Шура все-таки похожа на птицу, никакихъ идей она не приобрететъ“.

Но тотчасъ же, схвативъ веселые и добрые взгляды мужчинъ, обращенные на нее, утѣшилась мыслію:

„Зато ее будутъ любить!“

Прошло цѣлыхъ три года. Шура выучила наизусть всѣ стишки изъ „Степки-Растрѣпки“; Коку водили въ Фребелевскій садъ. Старшая дѣвочка начала тосковать по длиннымъ платьямъ.

Мать ихъ стала болѣзненнѣе, еще похудѣла, но все такъ же читала книжки, интересовалась „вопросами“ и посѣждала лекціи. Вообще она мало ходила пѣшкомъ.

Разъ, на углу Невскаго и Садовой, около Пассажа, съ ней раскланялась изящная молодая дама, въ бархатной кофточкѣ съ бобромъ и высокой шляпѣ съ перьями. Красноватая вуалетка прикрывала верхнюю половину лица.

Барыня отвѣтила на поклонъ. Онѣ обѣ остановились разомъ.

— Какъ я рада! — воскликнула молодая дама и протянула ей руку.

„Кто это?“ — спросила себя барыня. Лицо знакомое, но назвать она не можетъ.

„Должно быть, на лекціяхъ встрѣчала“, — успокоила она себя и спросила:

— Давно васъ не видать! Какъ поживаете?

— Я замужемъ.

— А-а!

— Уже второй годъ... Мой мужъ имѣетъ контору. Мы живемъ хорошо. Онъ много зарабатываетъ. Дѣтей у насъ нѣтъ.

Показалось барынѣ изъ-подъ вуалетки, что щеки молодой дамы слегка подбѣлены. Голосъ тоже знакомый, даже очень; но ничего она все-таки не можетъ приписать къ личности этой дамы.

— Очень рада...

— Вы позволите зайти къ вамъ?—спросила вкрадчиво дама.

— Пожалуйста! Мы все тамъ же.

— Въ Надеждинской? въ угловомъ домѣ?

— Да!

Онѣ опять пожали другъ другу руку.

По дорогѣ домой, барыня раза два-три спросила себя: „да кто же это наконецъ?“ И такъ и рѣшила, что какая-нибудь сосѣдка по лекціямъ Соляного-Городка.

Подаютъ ей карточку дня черезъ два. Стоитъ неизвѣстная ей фамилія.

— Просите!

Горничная пропустила въ дверь гостиной даму въ бархатной кофточкѣ съ бобромъ.

— Все у васъ по прежнему?—начала гостя, оглядываясь на стѣны... А дѣти гдѣ? Кока, я думаю, большой! И Шура?..

— Извините,—конфузливо сказала барыня.—Я все припоминаю...

Гостя поняла.

— Да вы, кажется, не узнали меня?—Поля! Полина!

— Ахъ, вы—Полина?

Первой мыслью барыни было: „да какъ же это у васъ, послѣ попытокъ шантажа, хватило смѣлости разлетѣться къ намъ?“

Но ея принципы взяли верхъ.

— Вы извините, — заговорила Полина и сквозъ бѣлила начала слегка краснѣть.—Я обрадовалась, когда встрѣтила васъ... Что было, то прошло! Мнѣ и дѣтей хочется повидать... Позвольте подарочекъ имъ принести...

И такъ все это было сказано безмятежно, добродушно, что барыня почти растрогалась.

Полина чувствовала свое полное торжество: ее приняли сразу за настоящую даму, и она будетъ вхожа въ домъ, откуда ее прогнали съ исторіей.

— Благодарю васъ! — еще сконфуженнѣе пролепетала ея бывшая барыня.

П. Боворыкинъ.

ПО ГОРАМЪ СЪВЕРНАГО КАВКАЗА

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

Окончаніе.

IV *).

У осетинъ.

— Пора будетъ ѣхать,—проговорилъ, входя въ нашу комнату, Василій, нашъ проводникъ, который долженъ былъ сопровождать насъ въ Саниба, осетинское селеніе, расположенное почти тотчасъ по выѣздѣ изъ ущелья, образуемаго рѣкой Фридономъ (Кобаною).

Мы тронулись въ путь; было семь часовъ утра, но солнце пекло уже сильно. Оставивъ за собой Владикавказъ, мы выѣхали на плоскость, на которой уже красовались стоги сѣна; общій зеленый оттѣнокъ ея прерывался иногда желтыми, длинными и широкими полосами засѣянныхъ полей. За нами виднѣлся Владикавказъ, узкой полосой растянувшійся по плоскости; когдѣ среди массы домовъ поднималась колокольня городской церкви и ярко горѣла золотымъ крестомъ подъ палящими лучами солнца. Съ другой стороны видна была, точно оазисъ среди пустыни, утопающая въ густой темной зелени нѣмецкая колонія.

Справа и слѣва на поляхъ убирали сѣно осетины въ бѣлыхъ

*) См. выше: сент. 482 стр.

войлочныхъ шапкахъ съ широкими полями и невысокимъ верхомъ. Эти бѣлыя шапки носятъ почти исключительно одними осетинами; пользуясь тѣмъ, что войлокъ, изъ котораго эти шапки сдѣланы, принимаетъ легко ту форму, которую хотятъ ему придать, осетины мѣняютъ постоянно фасонъ своей шляпы самыми разнообразными способами; они загибаютъ поля шапки то кверху, то книзу, то поднимаютъ правую сторону ея и опускаютъ лѣвую; иногда поднимаютъ поля спереди, иногда загибаютъ ихъ подъ верхъ шляпы, оставляя открытыми то лобъ, то затылокъ, однимъ словомъ, измѣняютъ ее по произволу.

Осетины, видя проѣзжихъ, приостанавливаютъ работу на мигъ, чтобы закричать намъ какое-нибудь привѣтствіе, и затѣмъ снова принимаются за работу подъ жгучимъ солнцемъ.

Впереди длиннымъ хребтомъ тянутся горы, теряясь справа и слѣва вдаль, въ безграничномъ просторѣ плоскости. Горы кажутся издали черными, онѣ покрыты густымъ лѣсомъ. Слева видны вершины снѣжныхъ горъ, поднимающіяся гигантскими столбами и грудами къ синему небу.

Вправо мы оставляемъ большое осетинское село съ красивою, большою церковью. Горы все приближаются, онѣ растутъ и кажутся теперь огромными. Слышится шумъ Фридоны, многими руслами текущаго по обширной каменной лощинѣ. Горныя рѣки, большія и бурныя обыкновенно только въ половодье, вытекаютъ изъ горъ на плоскость, разбиваются на много потоковъ, текущихъ по большому, широкому руслу. Это происходитъ отъ ихъ маловодья. Но когда снѣгъ, тающій подъ жаркими лѣтними лучами на горныхъ вершинахъ, стекаетъ внизъ по склону массами ручейковъ, которые впадаютъ въ рѣку, то рѣка быстро вздувается, бурно и сердито катитъ волны по ущелью, ворочая большими камнями. Эта масса воды, по выходѣ изъ стѣсняющихъ ее узкихъ рамокъ ущелья на плоскость, грознымъ потокомъ разбѣгается по маленькимъ русламъ ручьевъ, вздуваетъ ихъ, заставляетъ выйти изъ береговъ, и, соединившись, они образуютъ потокъ, который быстро, широкою лентой, катится по плоскости до иной болѣе обширной рѣки или до самаго моря.

Въ то время, когда мы подѣзжали къ Фридону, разливъ не вступилъ еще во всѣ свои права; потоки вздувались, нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли соединиться въ одинъ болѣе широкій и бурный, чѣмъ остальные. По всему широкому руслу виднѣлись длинныя каменистыя полосы незанятыхъ пока еще водой частей русла. Мы переправились на другой берегъ. Высокая трава, переполненная то иванъ-чаемъ, то валеріаномъ, украшала и разнообра-

зила мѣсто; по склонамъ горъ и у подошвы ихъ росъ густой лиственный лѣсъ. Громадные кусты орѣшника, дикія яблони раскидывали свои вѣтви по долинѣ, оставляя темныя полосы тѣни на ярко-зеленой травѣ. Жужжали тысячи насѣкомыхъ, сновали то въ одну сторону, то въ другую изящныя ласточки, ловя представителей мелкой фауны; комаровъ, мухъ, оводовъ было въ этой цвѣгущей долинѣ видимо-невидимо. Овода грувно садились на лошадей, и тѣ судорожно отмахивались отъ нихъ, потрасая гривой и хвостомъ. Солнце пекло; деревья стояли недвижно.

Мы въѣхали въ рощу густого орѣшника; вѣтви низко наклонились надъ землею, густая, высокая трава занимала промежутки между кустами. Не было слышно здѣсь живни, не видно здѣсь ни птицъ, ни насѣкомыхъ; изрѣдка только просверкнетъ чешуей своей змѣйка, встревоженная топотомъ копытъ трехъ лошадей въ своемъ сладкомъ оцѣпенѣніи на солнцѣ.

Новая переправа черезъ Фридонъ. Дорога идетъ между стволами деревьевъ, постоянно огибая ихъ, лошади спотыкаются о пни и выступившіе наружу корни, скользятъ по грязи, еще не успѣвшей высохнуть послѣ недавнихъ дождей. Горы съ боковъ возвышаются постепенно.

Опять переправа черезъ Фридонъ. Здѣсь только два потока, лошадь медленно вступаетъ въ воду; мелко—она осторожно бредетъ по водѣ; вдругъ ступень—и лошадь погружается въ воду выше колѣнъ; она напрягаетъ силы, чтобы бороться съ теченіемъ, которое ее постепенно отбрасываетъ въ сторону. Если въ это время смотрѣть въ воду, то кажется, будто стоишь на мѣстѣ и не двигаешься ни на шагъ впередъ, лишь волны клубятся, шумятъ, проносятся быстро подъ вашими ногами. Случается, что лошадь не справится съ теченіемъ—оно уноситъ ее, пока среди камней не изломаетъ ее; та же участь грозитъ и всаднику, если онъ, поддавшись головокруженію, упадетъ съ сѣдла—спасти его нѣтъ возможности.

Мы въѣзжали въ ущелье; скалы сошлись такъ близко, что оставляли свободнымъ мѣста лишь для рѣки и неширокой дороги, на которую брызгали и падали волны Фридона. Справа и слѣва поднимались отвѣсныя скалы огромными стѣнами, по скаламъ ютились свѣтлыя, яркозеленныя кусты, кой-гдѣ трава; видѣлась то справа, то слѣва огромная пещера, черная, зіяющая своимъ отверстіемъ въ стѣнѣ. Иногда входъ въ такую пещеру почти закрытъ обильнымъ кустарникомъ, иногда ползучія растенія, приютившись у входа пещеры, сползали внизъ по стѣнѣ, цѣплялись за камни и небольшіе выступы и роскошной гирляндой укра-

шали голую скалу. Въ общемъ, въ этомъ ущельѣ голыхъ скалъ было мало: лишь изрѣдка желтѣла мѣстами скала среди роскошной растительности.

У входа въ ущелье на выступѣ скалы стоитъ полуразрушенная одинокая башня—остатокъ существовавшего здѣсь нѣкогда укрѣпленія, запиравшаго входъ въ ущелье. Дѣйствительно, мѣсто для крѣпости выбрано удачно: узкая дорога, по которой можно проѣхать только одинъ за другимъ, отдѣляетъ крѣпость отъ рѣки, кругомъ стѣны скалъ, на которыя и взобраться нѣтъ возможности.

Нѣсколько разъ дорога пересѣкаетъ рѣку по узкимъ мостамъ, перекинутымъ черезъ нее; мосты изъ плетня, заваленнаго землей; ненадежный мостъ трясется и качается, когда переѣзжаешь черезъ него, какъ и обыкновенно по горнымъ мостамъ, одинъ за другимъ.

Встрѣчаются изрѣдка выбоины въ скалахъ, по которымъ сочится маленькій горный ключъ, обдавая проѣзжающаго сыростью; изрѣдка стѣны прерываются зелеными откосами, поросшими мягкой, сочной травой. На одномъ изъ такихъ откосовъ мы сдѣлали небольшой привалъ.

Наконецъ, скалы стали расходиться, ущелье расширялось; еще поворотъ—и передъ нами на холмѣ, красиво раскинувъ по склону домъ, башни, церковь и могилы, стоитъ Саниба. Минутъ двадцать осталось до селенія, но не суждено намъ было благополучно добраться до него; снова тучи, снова дождь, и мы, мокрые, всѣ въ грязи, добрались до дома старшины.

У насъ было письмо къ одному изъ мѣстныхъ обитателей, Азамату-Гирею, но Василій сказалъ, что вѣжливость требуетъ заѣхать предварительно къ старшинѣ. Мы послушали его.

Бѣдно жилъ старшина; его кунацкая—маленькая, низенькая, неуютная и грязноватая комната, гдѣ и повернуться было негдѣ, деревянный диванъ еле держался и качался при немного рѣзкомъ движеніи. Самъ старшина—толстый человѣкъ средняго роста, съ большой сѣдой, окладистой бородой,—имѣлъ добродушный видъ. Онъ вошелъ къ намъ; мы попросили его сѣсть и предложили ему рюмку водки; онъ отказался, говоря, что водки не пьетъ вовсе, но подъ конецъ согласился, выпилъ и глаза его заблестѣли, а ротъ сложился въ улыбку, ясно выражавшую, что водка производитъ на него пріятное впечатлѣніе.

Затѣмъ онъ сталъ разспрашивать насъ, для чего мы пріѣхали къ нимъ. Въ это время вошелъ его родственникъ, тоже старикъ, хорошо говорившій по-русски. Узнавъ о цѣли нашего пріѣзда, онъ помолчалъ и затѣмъ многозначительно спросилъ насъ:

— А бумага у васъ есть?

Мы показали. Онъ тогда сталъ увѣрять, что онъ готовъ бы былъ помочь намъ въ отысканіи старыхъ могилъ, но что у нихъ въ селеніи ровно ничего нѣтъ, что могло бы быть для насъ интереснымъ и т. д. Начинало надѣдаться его увѣреніе въ своей готовности помочь, сожалѣніе, что мы пріѣхали не въ удачное для нашей цѣли мѣсто, и рассказы о томъ, что и до насъ пріѣзжали сюда съ этой же цѣлью, но только ничего не нашли. Мы спросили, дома ли Азамать-Гирей.

— Онъ на покосѣ еще и едва ли вернется сегодня,—отвѣчали намъ.

Родственникъ старшины оставилъ насъ; мы стали терпѣливо ждать, когда намъ можно будетъ пойти къ Азамату-Гирею. Дождь лилъ проливной, въ кунацкой сыро и темно.

Три часа мы ждали у старшины; нѣсколько разъ посылали спрашивать, пришелъ ли Азамать-Гирей, но отвѣтъ былъ одинъ и тотъ же: нѣтъ и нѣтъ его. Терпѣніе наше, наконецъ, истощилось, и послѣ одного изъ такихъ неудачныхъ вопросовъ, на который мы получили опять отвѣтъ, что Азамать-Гирей не приходилъ, мы рѣшили идти къ нему, несмотря на всѣ доводы, что неудобно идти къ человѣку, когда его дома нѣтъ, и на увѣренія старшины, что онъ былъ бы счастливъ, еслибы мы заночевали у него, что онъ прикажетъ сейчасъ приготовить самоваръ и т. п. Мы пошли. У сака стоитъ самъ Азамать-Гирей въ полушубкѣ и смотритъ на улицу. Мы поздоровались.

— Намъ старшина говорилъ, что васъ дома нѣтъ и что даже не придете къ вечеру,—сказали мы Азамату-Гирею.

— Давно я дома сегодня, я рано вернулся съ работъ.

— Да къ вамъ посылали нѣсколько разъ узнать, дома ли вы или нѣтъ, и намъ все говорили, что вы не приходили.

— Ни одного раза ко мнѣ не присылали,—отвѣтилъ Азамать-Гирей.

Мы прочли ему письмо отъ его родственника въ Владикавказѣ, объяснили ему цѣль нашего пріѣзда и выразили надежду, что онъ будетъ намъ содѣйствовать. Онъ охотно согласился.

— Почему же насъ къ вамъ не пускали?—спросили мы его потомъ.

— Боятся, что я покажу могилы,—отвѣчалъ онъ и махнулъ рукой.

Азамать-Гирей—человѣкъ съ культурой. Его родственники—на службѣ въ Владикавказѣ; имѣя съ ними постоянныя сношенія, онъ многое перенялъ изъ города хорошаго, утратилъ многіе предразсудки, но не измѣнилъ ни своему образу жизни, ни обычаямъ

своего племени. Онъ—магометанинъ, какъ и большинство осетинъ, принадлежащихъ къ высшему сословію. Это человекъ средняго роста, сухощавый, съ небольшою, кудрявою, темною бородою. Татарское происхожденіе, хотя и въ далекомъ прошломъ, отразилось на его лицѣ: широкія скулы, небольшіе глаза и некрасивый, нѣсколько приплюснутый носъ. Но лицо его дышало добротой.

Большая, хорошо убранная кунацкая его производила пріятное впечатлѣніе; устройство ея такое же, какъ и у чеченцевъ: тѣ же сундуки стоятъ на полкахъ, тѣ же ковры или шкуры висятъ по стѣнамъ.

Домъ Азамата-Гирея былъ расположенъ по двумъ сторонамъ улицы. По одну сторону помѣщалась кунацкая и огородъ, на другой большая, старинная башня такой же формы, какъ и чеченскіе галуаны, только безъ шатровидной крыши. Башни эти носятъ у осетинъ названіе масыгъ. Масыгъ Азамата-Гирея возвышался посреди двухъ стѣнъ, за которыми находился внутренній дворъ и жилища помѣщенія хозяина и его семьи.

На слѣдующій день мы были разбужены Алиханомъ, мальчикомъ-ингушемъ, находившимся въ услуженіи у Азамата-Гирея. Дождь, шедшій всю ночь, къ утру пересталъ, погода была ясная; благодаря этому удалось осмотрѣть хорошенько Саниба. Онъ расположенъ по склону довольно высокаго холма, омываемаго двумя рѣками, сливающимися у его подножія. Въ немъ было нѣсколько башенъ, изъ которыхъ одна гордо вознеслась на одномъ изъ горныхъ уступовъ. Съ другой стороны бѣлѣла церковь, новая, довольно простой постройки. Рядомъ у церкви возвышались своими шатровыми крышами древнія языческія могилы осетинъ.

Справа и слѣва видѣлись аулы по скатамъ горъ, а впереди поднимались высокіе склоны, на вершинахъ которыхъ бѣлѣлъ снѣгъ по лощинамъ.

Хозяинъ нашъ повелъ насъ къ могильному холму, на которомъ мы предполагали производить раскопки. Дорога, пересѣвши небольшую рѣчку, сразу переходила въ узкую тропинку, которая шла по желтѣвшимъ уже полямъ; затѣмъ она круто поднималась и выводила на вершину холма, на которомъ и былъ расположенъ могильникъ.

Рабочихъ мы не нашли, такъ какъ большинство ушло на сѣнокосъ, многіе не хотѣли копать могилъ—работа, которая считается позорной для всякаго осетина. Пришлось поэтому просить Василя копать; хозяинъ же предоставилъ въ наше распоряженіе Алихана; послѣдній, несмотря на свои 16 лѣтъ, копалъ гораздо лучше и живѣе Василя, который то-и-дѣло обтиралъ свой лобъ

да посматривалъ на кирку. При находѣ вещей Алиханъ приходилъ въ восторгъ и безпрестанно щелкалъ языкомъ въ знакъ своего удивленія. Живой, вѣчно либо бѣгающій, либо сидящій за какой-нибудь работой, онъ представлялъ рѣзкій контрастъ съ Василиемъ. Могилы въ Саниба представляли рѣзкую противоположность склепамъ чеченскимъ и ингушскимъ. Большія шиферныя плиты покрываютъ каменные ящики, въ которыхъ покоятся засыпанные землей кости древнихъ насельниковъ Саниба. При костяхъ стояли стеклянные или глиняные сосуды; много лежало вокругъ скелетовъ бусъ, браслетовъ, металлическихъ зеркалъ и т. п. Нашли мы въ одной изъ могилъ сердоликовую печатку съ красивымъ рѣзнымъ изображеніемъ сирены, греческой работы. Судя по способу изображать сирену, эту печатку можно было отнести ко временамъ до-христіанскимъ.

Возвращаясь въ аулъ, мы остановились у рѣчки, чтобы вымыть руки, такъ какъ входить съ замаранными могильной землей руками въ домъ мусульманина было бы крайне неприлично. На другомъ берегу играло нѣсколько дѣвушекъ; онѣ, увидавъ насъ, стали намъ кивать головой, кланяться, улыбаться, и одна даже стала манить насъ къ себѣ, приглашая принять участіе въ ихъ пляскѣ; все это меня тогда поразило, такъ какъ ничего подобнаго мнѣ не приходилось встрѣчать ни у чеченцевъ, ни у ингушей, у которыхъ дѣвушки гораздо болѣе загнаны, чѣмъ у осетинъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, поклонны встрѣчавшихся дѣвушекъ, конечно незнакомыхъ, стали не въ рѣдкость. Вообще, насколько я могъ замѣтить, дѣвушки гораздо свободнѣе у осетинъ, чѣмъ у чеченцевъ и ингушей.

Мы вернулись домой; хозяинъ угостилъ насъ пирогомъ, начиненнымъ творогомъ—мы не были достаточно почетными гостями для него, чтобы для насъ жертвовать бараномъ.

Вечеромъ, по указанію хозяина, мы отправились осматривать пещеру, находящуюся недалеко отъ входа въ ущелье. Пришлось идти сначала вдоль рѣки и за священнымъ грушевымъ деревомъ подниматься на гору. О религіозныхъ вѣрованіяхъ осетинъ мнѣ придется говорить ниже; теперь замѣчу только, что у нихъ нѣкоторыя деревья считаются священными и имъ дѣлаются жертвоприношенія. Къ такимъ-то священнымъ деревьямъ принадлежало и грушевое дерево, одиноко растущее на берегу Фридона у подошвы горы, на которую намъ предстояло взобраться.

Узкая тропинка по усѣянному мелкимъ камнемъ скату вилась къ тѣмъ скаламъ, которыя отвѣсно падали на гору; у подошвы горы чернѣли двѣ пещеры—одна у самой подошвы, другая по-

выше. Василий и Алиханъ привязали свои чуеки травой, чтобы они не сползали съ ногъ при подъемѣ и забили въ нихъ травы, чтобы ногамъ не было больно отъ острыхъ камней. Подъемъ былъ длиненъ и труденъ; Василий отставалъ отъ всѣхъ насъ и первый усталъ; зато Алиханъ бодро шелъ впередъ и ни разу не остановился, чтобы перевести дыханіе; не отставалъ отъ него и нашъ спутникъ З. П., который, какъ ни въ чемъ не бывало, поднимался по тропинкѣ. Наконецъ, мы достигли нижней пещеры. Чтобы взобраться до верхней, пришлось лѣзть, сначала по представленной узкой доскѣ и затѣмъ карабкаться по отвѣсу. Первый вскарабкался, конечно, Алиханъ; онъ снялъ чуеки и ловею, словно кошка, легко поднялся наверхъ.

Отъ пещеры видны были, словно случайно заброшенные среди утесовъ, круто спадающія лужайки, на которыхъ смѣлые козцы убрали сѣно.

— Какъ свозять сѣно внизъ?—спросилъ я у Василия.

— Свяжутъ стогъ, сверъпятъ шестами, привяжутъ крѣпко и сбросятъ внизъ. Дороги нѣтъ.

Въ верхней пещерѣ находился четырехъ-угольный сколоченный изъ дубовыхъ брусевъ гробъ; кости покойника лежали въ безпорядкѣ, крышка отъ гроба была отвалена. Очевидно, могила была разграблена какимъ-нибудь смѣльчакомъ-осетиномъ, имѣвшимъ силу побороть въ себѣ страхъ, который внушаютъ могилы всякому горцу.

Вечерѣло. Мы вернулись домой; ночь надвигалась быстро; на небѣ заблестѣли тысячи звѣздъ; словно дорогой покровъ налегъ на горы. Въ селеніи было тихо, все безмолствовало. Зданія всѣ слились въ одну плотную, безформенную массу, лишь церковь бѣлѣла, да башня противъ кунацкой неопредѣленнымъ силуэтомъ выдѣлялась на темномъ фонѣ неба... Мы стали расплачиваться съ Алиханомъ, который замѣнилъ намъ рабочаго, а Гирей началъ протестовать.

— Затѣмъ вы даете ему денегъ? это мнѣ обидно! — говорилъ онъ.

Мы представили ему свои доводы, что, еслибы не было Алихана, намъ пришлось бы заплатить рабочему ту же сумму. Наконецъ, хозяинъ уступилъ, говоря:—Пусть беретъ, онъ не мой; еслибы онъ былъ мой, ни за что не позволилъ бы ему взять.

Алиханъ все время молчалъ, пока его участь рѣшалась, но, получивъ разрѣшеніе взять свои деньги, принялъ 10 двугривенныхъ и радостно убѣжалъ. Потомъ я, на слѣдующій уже день, видѣлъ, какъ онъ, стоя на крыльцѣ, любовался ими.

На слѣдующій день, раскопавъ на могильникѣ еще три могилы, мы выѣхали изъ Саниба—снова по каменистой дорогѣ ущелья: лошади бережно ступаютъ по острымъ камнямъ, спотыкаются; снова постоянныя переправы черезъ Фридонъ. Наконецъ, и роца изъ орушника; быстро несутся лошади по гладкой дорогѣ среди густыхъ кустовъ; едва успѣваешь наклонить голову, чтобы избавиться отъ удара вѣтви, нависшей надъ дорогой; прохладой и свѣжестью дышетъ въ перелѣскѣ и лошади, словно чуя отдыхъ, ускоряютъ свой бѣгъ.

Еще переправа черезъ Фридонъ, и мы уже на плоскости. Степь залита красноватымъ свѣтомъ; залиты заходящими лучами и горы; красивыми силуэтами вырисовываются онѣ на свѣтломъ небѣ и упираются въ него причудливыми верхами. Но дальше отъ горъ, силуэты ихъ смѣшиваются, теряются, только замѣтно ихъ общее очертаніе. Ближе и ближе Владикавказъ; узкая линия его растетъ и расширяется. Видны уже и церкви, и кресты, ярко горящіе при воссвѣтѣ лучахъ заходящаго солнца.

Черезъ день по возвращеніи изъ Саниба мы собрались въ Куртатинское ущелье. Извилинами тянется дорога мимо станціи Архонки до самаго Кадгарона, осетинскаго селенія, недавно образовавшагося изъ выселившихся на плоскость изъ горъ осетинъ. По улицамъ бѣгаютъ мальчики и дѣвочки, первые въ бѣлыхъ войлочныхъ шляпахъ, вторыя съ заплетенными небольшими косичками, болтающимися у нихъ на шеѣ. Кой-гдѣ изъ-за забора выглянет желтая шапка подсолнечника, мѣрно покачивающаяся на легкомъ вѣтрѣ; дома бѣлые, чисто вымазанные; новое зданіе школы, огороды, расположеніе селенія, дома—все это дѣлаетъ Кадгаронъ болѣе похожимъ на казакскую станицу, чѣмъ на поселеніе недавнихъ горцевъ. Учитель кадгаронской школы передавалъ намъ, что у мѣстныхъ осетинъ чувствуется сильное стремленіе отдавать своихъ дѣтей въ школу для обученія русской грамотѣ. Сами дѣти охотно посѣщаютъ школу. „Просто отбою нѣтъ,—говорили намъ про кадгаронскихъ обывателей,—такъ и просятъ принять въ школу“. Въ нашу бытность въ Кадгаронѣ число учащихся въ школѣ достигало, по словамъ учителя, до 300 человѣкъ.

Мы остановились въ ожиданіи лошадей у одного изъ кадгаронскихъ обывателей. Большой дворъ нашего хозяина граничитъ съ трехъ сторонъ строеніями (жилымъ помѣщеніемъ, кунацкой и сараями), съ четвертой стороны за заборомъ виднѣется огородъ

и садъ; кунацкая, оставшаяся по формѣ той же, какъ и въ горѣ, измѣнилась нѣсколько во внутреннемъ убранствѣ подъ влияніемъ Владикавказа: на стѣнахъ висятъ лубочныя картины наряду съ фотографическими портретами; каминъ, который въ горѣ отличается самымъ примитивнымъ устройствомъ, замѣненъ каминомъ по европейскому образцу. Маленькое четырехъ-угольное окно, безъ рамы, замѣняется довольно большимъ двустворчатымъ окномъ, въ раму котораго вставлены стекла. У окна стоитъ крашеный крѣпкій столъ, тоже европейскаго образца. Однимъ словомъ, влияние города сильно сказывалось во всемъ убранствѣ комнаты.

Долго намъ пришлось ждать лошадей: за ними послали въ поле. Наконецъ, привели ихъ, мы тронулись въ путь верхомъ, сначала по плоскости, затѣмъ, послѣ переправы черезъ небольшую рѣку, мы въѣзжаемъ въ въековой лѣсъ, нетронутый еще разрушительной рукой человѣка.

Ко мнѣ подъѣзжаетъ нагъ проводникъ осетинъ и начинаетъ со мной разговоръ: спрашиваетъ о воинской повинности, о томъ, не будетъ ли скоро войны, говорить о плодородіи своихъ земель, которыя, по его словамъ, такъ богаты, что еслибы даже никогда дождь не орошалъ ихъ, и то онѣ давали бы хорошій урожай хлѣба и сѣна, разспрашиваетъ наконецъ и о цѣли нашей поѣздки и недоумѣваетъ, зачѣмъ, по доброй волѣ, насъ могло занести сюда.

— На свои деньги ѣдешь? — спросилъ онъ.

— На свои.

Онъ пощелкалъ языкомъ, какъ бы не понимая, что за охота терять свои деньги на путешествіе; потомъ онъ задумался и, наконецъ, замѣтилъ:

— Хорошо дѣлаешь; деньги даны отъ Бога на удовольствіе; поэтому проживать ихъ нужно при жизни, а не копить; въ могилу съ собой ихъ не возьмешь, а если возьмешь, онѣ пользы не дадутъ тебѣ по смерти. Смотри, смотри! — вдругъ, улыбаясь, сказалъ онъ, и указалъ мнѣ на ѣдущаго впереди проф. М., который въ это время ударилъ свою лошадь плетью: — генераль, а лошадь не умѣетъ бить.

Дѣйствительно, дойти до того искусства въ способѣ нанесенія ударовъ нагайкой лошадямъ, какимъ обладаютъ всѣ мѣстные жители, намъ, русскимъ, не легко; съ особенной ловкостью поднимаютъ они нагайку надъ своей головой и ударяютъ лошадь, причемъ конецъ нагайки описываетъ въ воздухѣ правильный, большой полукругъ.

Мы въѣзжали въ лѣсъ; кругомъ насъ толпились могучіе стволы

буковъ, низко наклонившихъ свои вѣтви надъ дорогой; справа лѣсъ тянулся по ровной площади, и сѣрые стволы постепенно переходили въ отдаленіи въ сѣрую, сплошную массу, конца которой, казалось, не было; надъ головой темнозеленая листва нависла огромной шапкой, сквозь промежутки которой виднѣлось синее, ясное небо; слѣва стволы закрывали на половину пропасть, въ глубинѣ которой шумѣлъ Фіагдонъ; за рѣкой поднимались снова горы, а на нихъ такіе же могучіе лѣса. Лѣсъ, которому, казалось, не было ни начала, ни конца, весь охватывалъ васъ своей массой деревьевъ, которыя то распространялись по ровному выступу горы, то круто спадали внизъ къ Фіагдону, чтобы тотчасъ же за нимъ снова расползаться по склонамъ десятигоръ, покрытыхъ собой до самыхъ верхушекъ. Много звѣрей живетъ въ этихъ лѣсахъ: волковъ, лисицъ, медвѣдей, кабановъ; о мелкихъ звѣряхъ и говорить нечего. И какъ не множиться здѣсь всякому звѣрю, когда на сотни верстъ распространился дремучій лѣсъ, прерываемый то поляной, сочную траву которой пригрѣваетъ яркое солнце, то темные овраги, въ которые и свѣту проникнуть невозможно; есть гдѣ разгуляться звѣрю. Дорога въ лѣсу широкая, мягкая, грязная, часто прерываемая черными огромными лужами отъ недавнихъ дождей; не скоро просушить ихъ здѣсь палашее на плоскости солнце; лошадь бережно старается избѣгать этихъ лужъ, осторожно огибая ихъ; если же нѣтъ возможности обойти ихъ, она осторожно вступаетъ въ воду и бредетъ по ней медленно, скользя по гладкому дну ихъ.

Дорога сворачиваетъ то вправо, то влѣво, то углубляется въ чащу, то приближается къ краю обрыва, то поднимается, то круто падаетъ внизъ. Почти все время приходится нагибаться, чтобы проѣхать безпрепятственно подъ вѣтвями.

Спускъ, каменистый и крутой, выводитъ изъ лѣса къ берегу Фіагдона. Вечерѣетъ; мгла закрываетъ отъ взглядовъ и рѣку внизу, и скалы по сторонамъ. Туманъ сырой и холодный окутываетъ горы, и дорогу, и проѣзжихъ. Слышится только топотъ копытъ нашихъ лошадей, да направляешь путь по неясному силуэту идущей впереди бѣлой лошади проводника; внизу, глубоко, пѣнится рѣка, сжатая каменными стѣнами. Лошади идутъ осторожно, избѣгая слишкомъ близко приближаться къ пропасти. Все темно; вдругъ надъ нами разлился красивый свѣтъ горящаго востра; свѣтъ колеблющійся, освѣтившій передъ нами скалы сверху, и неопредѣленную форму горъ слѣва; разбѣгаясь по склонамъ и отбѣсамъ, лучи пали и внизъ, въ глубину ущелья, и окрасили сотнями искръ воды Фіагдона.

— Это пастухи почуютъ въ пещерѣ, скотъ загнали, и сами, должно быть, готовить себѣ ужинъ, — говорить проводникъ.

Но полоса свѣта блѣднѣетъ, вотъ мы уже за предѣлами ея, и снова передъ нами и вокругъ насъ мракъ непроглядный. Шумъ рѣки мало-по-малу затихаетъ; мы оставили ее въ сторонѣ; къ мраку присоединяется еще тишина. Но вотъ снова шумъ рѣки, на этотъ разъ уже справа: это притокъ Фиагодона.

Крутой поворотъ и гладкій, крутой спускъ. Шумъ явственнѣе, онъ приближается; вотъ ощущаешь, какъ лошади стучатъ копытами по мосту, хотя моста не видишь; еще нѣсколько шаговъ, и уже сквозъ туманъ блеститъ огонь; мы въ Дзивгисѣ.

Слѣдующее утро позволило намъ осмотрѣться въ селеніи.

Дзивгисъ расположенъ на выступѣ горы, которая круто спадаетъ къ рѣкѣ, а за Дзивгисомъ поднимается отвѣсной каменной стѣной, на которой прилѣпилась старинная крѣпость, съ полуразрушенными стѣнами и башнями — жилище древнихъ насельниковъ этихъ мѣстъ. Дома нынѣшнихъ обитателей въ большинствѣ случаевъ просторны; у многихъ домовъ вставлены стекла въ оконныя рамы, ставни расписныя.

Домъ нашего хозяина двухъ-этажный; внизу помѣщаются кладовыя, наверху — жилыя комнаты и бунацкая; въ послѣдней полъ крашеный, она меблирована столомъ и стульями крѣпкими, довольно красивыми, мѣстной осетинской работы. Вокругъ дома идетъ крытая галерея, открывающая съ каждой стороны своей новые виды: съ нея видны скалы, поднимающіяся за домомъ, рѣка, текущая у подножія селенія, и горы, то сѣрыя, то зеленныя, по другую сторону рѣки; видно съ галереи, какъ горы слѣва мало-по-малу теряютъ свой зеленый оттѣнокъ и все болѣе и болѣе принимаютъ грустный, унылый видъ сѣрыхъ мертвенныхъ скалъ.

Дальше за ауломъ на уступѣ поднимается четырехъ-угольное строеніе, обнесенное оградой: это дзуаръ. Подъ словомъ дзуаръ разумѣется всякое священное для мѣстныхъ жителей мѣсто, будь то новая христіанская церковь, или языческій храмъ, или священное дерево; это же слово служить для обозначенія святыхъ. Въ данномъ случаѣ передъ нами былъ языческій храмъ, или, точнѣе говоря, древняя христіанская церковь, обратившаяся мало-по-малу въ языческій храмъ. Четырехъ-угольное зданіе съ алтарнымъ выступомъ, маленькая деревянная звонница съ двумя колоколами, на которыхъ сохранились грузинскія надписи, все это съ перваго взгляда не гармонировало съ массой роговъ, накиданныхъ грудой у ограды, съ чашами и другими жертвенными при-

надлежностями. Этотъ дзуаръ былъ посвященъ св. Уастерджи (св. Георгію), одному изъ наиболѣе почитаемыхъ осетинами святыхъ. Въ ноябрѣ совершается празднество у этого дзуара, который носитъ названіе Уастерджи-кувенъ-донъ. Собираются къ нему въ день праздника мѣстные жители, рѣжутъ торжественно быковъ и барановъ и пируютъ на крытомъ дворикѣ около церкви. Рога закланныхъ въ честь св. Уастерджи животныхъ складываютъ все вмѣстѣ въ вучу; сюда складываются и рога убитыхъ на охотѣ животныхъ. Всякій счастливый охотникъ изъ жителей считаетъ долгомъ своимъ принести рога въ даръ св. Уастерджи, и горе тому, кто осмѣлится взять ихъ себѣ. Такимъ образомъ лежатъ и гниютъ здѣсь десятки прекрасныхъ оленьихъ и турьихъ роговъ.

Женщинамъ запрещается входъ за ограду священнаго мѣста; дѣти моложе трехъ лѣтъ также не имѣютъ доступа къ святилищу, но когда мальчику минетъ три года, его ведутъ торжественно къ храму, гдѣ онъ и приноситъ въ жертву святому одну изъ своихъ дѣтскихъ игрушекъ; съ этого времени онъ можетъ входить за ограду и присутствовать при жертвоприношеніяхъ и празднествахъ. Поэтому-то масса дѣтскихъ игрушекъ лежитъ у двери храма. Насъ ввели въ ограду; пришелъ дзуарлагъ, хранитель дзуара, старикъ съ худымъ и морщинистымъ лицомъ, съ сѣдой длинной бородой. У него хранились ключи храма; дзуарлагъ сталъ отпирать замокъ, но замокъ не давался; долго возился старикъ у двери и объявилъ наконецъ, что сломанъ замокъ и онъ отпереть не можетъ. Нарочно ли онъ придумалъ такой исходъ, чтобы избѣгнуть необходимости вводить чужихъ людей въ столь святое мѣсто, или дѣйствительно замокъ былъ сломанъ, не знаю. Во всякомъ случаѣ намъ тутъ же стали рассказывать, что это такое священное мѣсто, что, когда однажды сосѣдній священникъ, осматривая дзуаръ, взялъ изъ него какую-то чашу, онъ ослѣпъ.

Входятъ осетины, какъ въ самое зданіе дзуара, такъ и въ ограду его безъ шапокъ, крестясь; съ суевѣрнымъ страхомъ смотрятъ они на священное мѣсто: вѣдь это жилище самаго могущественнаго изъ святыхъ, безъ него все плохо пойдетъ, и урожанъ будутъ плохи, и пошлетъ онъ за непочтеніе моръ скота и болѣзнь на людей.

Слѣдуетъ замѣтить, что осетины исповѣдуютъ христіанство за исключеніемъ большинства лицъ, принадлежащихъ къ привилегированному сословію; послѣдніе—мусульмане; это объясняется тѣмъ, что большинство родоначальниковъ осетинскаго господствующаго

щаго сословія пришли изъ разныхъ странъ уже мусульманами. Семейныя преданія привилегированнаго сословія выводятъ своихъ родоначальниковъ то изъ Крыма, то изъ Кабарды, то, наконецъ, изъ Аравіи или мѣстностей Кавказа, въ которыхъ мусульманство утвердилось уже давно. Они сохранили вѣру своихъ предковъ, смѣшавъ ее съ языческими вѣрованіями осетинъ, среди которыхъ имъ пришлось жить много вѣковъ и съ которыми они ассимилировались.

Осетины-христіане, получивъ ученіе Христа изъ Грузіи, сохранили его, но христіанство у нихъ ужилось совершенно свободно съ языческими представленіями. Ихъ міеологія, разработанная довольно подробно, смѣшалась съ христіанствомъ; дѣятельность, характеръ, свойства языческихъ боговъ слились въ личности того или другого христіанскаго святого. И теперь нерѣдко можно встрѣтить въ селеніи осетинскомъ новую христіанскую церковь, а рядомъ съ ней старую, обратившуюся въ языческій храмъ. Въ первой служатъ священники, нерѣдко грузинъ; въ нее ходятъ по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ къ обѣднѣ, причемъ весьма часто хожденіе въ церковь отбывается точно повинность—по очереди. Женщины въ церковь не допускаются. Къ старинному дзуару сходятся въ опредѣленные дни; мѣсто священника занимаетъ старикъ, который и приноситъ святому въ жертву барановъ и быковъ. То—одна церковь, это—другая, но обѣ священны, только въ одной служатъ обѣдню, а въ другой приносятъ жертву.

Высшее существо, управляющее всѣмъ міромъ—Богъ—по-осетински Хуцуа или Хцау: онъ живетъ на небѣ; выше его никого нѣтъ, отъ него все зависитъ. Насколько опредѣленно это понятіе о Богѣ, можно заключить изъ того факта, который мнѣ довелось слышать отъ одного осетина-фуртатинца. Нѣсколько лѣтъ Хцау не давалъ урожая ни на хлѣбъ, ни на сѣно; осетины терпѣли, но, наконецъ, ихъ терпѣніе истощилось; они собрались всѣмъ обществомъ и рѣшили написать отъ имени всего общества прошеніе къ дзуарамъ (святымъ), чтобы они, посовѣтовавшись между собой, смѣстили Хцау и поставили на его мѣсто другого, который бы былъ къ нимъ милостивѣе. Приговоръ былъ привязанъ къ ласточкѣ, которую затѣмъ и пустили, чтобы она отнесла прошеніе общества къ дзуарамъ.

Кромѣ Хцау есть еще цѣлая масса божествъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои обязанности. Наиболѣе почитаемыми являются Уацилла (св. Ильа) и Уастерджи (св. Георгій). Первый—богъ громовежецъ, отъ него же зависятъ урожаи. Уацилла по-

ражаетъ того, кого хочетъ взять въ себѣ, молніей; умерщвленнаго ею хоронятъ на мѣстѣ смерти. Если послѣ этого бываетъ ненастье, то похороненнаго вырываютъ изъ могилы, кладутъ въ арбу, запряженную быками, и пускаютъ быковъ идти, куда они хотятъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ они остановятся, и хоронятъ его.

Уастерджи ѣздитъ на бѣломъ конѣ; онъ покровитель всѣхъ мужчинъ, онъ же преслѣдуетъ воровъ и клятвопреступниковъ и караетъ ихъ. Въ честь Уастерджи пьется и послѣдняя чаша пива или араки передъ отъѣздомъ въ путешествіе. Уастерджи, повидимому, одинъ изъ самыхъ любимыхъ святыхъ; ему посвящено много легендъ и рассказовъ, гдѣ онъ является то покровителемъ и защителемъ, то гнѣвнымъ, карающимъ за преступленія. Онъ же верѣдко защищалъ людей въ собраніи дзуаровъ, когда послѣдніе, раздраженные за людскія беззаконія, за малое количество приносимыхъ имъ жертвъ, хотятъ послать какое-нибудь бѣдствіе на людей—войну, голодъ или моръ; тогда Уастерджи выступаетъ ходатаемъ за людей и проситъ дзуаровъ потерпѣть еще ихъ грѣхи на нѣкоторое время, чтобы дать имъ время раскаяться. Нерѣдко при этомъ Уастерджи приказываетъ одному изъ жителей ходить по селеніямъ и проповѣдывать покаяніе, грозя отъ его имени бѣдой въ случаѣ неповиновенія.

Домъ, имущество, здоровье и жизнь осетина находятся въ рукахъ разныхъ боговъ, святыхъ. Тутыръ (по догадкамъ, Теодоръ), властвуетъ надъ волками; нужно приносить жертвы и ему, чтобы раздраженный богъ не послалъ своихъ волковъ и не истребилъ стада. Надъ овцами властвуетъ Фалвара—онъ можетъ ихъ охранять отъ хищныхъ слугъ Тутыря. Фалвара плохо видитъ лѣвымъ глазомъ, такъ какъ Тутыръ предательски ударилъ кулакомъ по немъ, чтобы волки могли безпрепятственнѣе грабить стада. Надъ домашнимъ очагомъ властвуетъ Сафа; онъ охраняетъ священную цѣпь надъ очагомъ. Цѣпь, какъ символъ домашнего очага, играетъ у осетина такую же важную роль, какъ было описано выше у чеченцевъ и ингушей. Прогнѣвить осетинъ Рыныбардуага—онъ пошлетъ болѣзни на него и на скотъ, такъ какъ это божество имѣетъ власть посылать всѣ болѣзни и избавлять отъ нихъ ¹⁾. Охота не будетъ удачна, если предварительно не умиловитъ Авсати, властителя надъ всѣми дикими животными, который посылаетъ ихъ къ чтущимъ его и удаляетъ отъ непочтительныхъ. Вечеромъ, наканунѣ дня охоты, осетинъ приказываетъ своей женѣ

¹⁾ Вышеприведенныя сѣденія объ осетинскихъ божествахъ см. въ „Осетинскихъ этюдахъ“ Вс. Миллера, II, стр. 240—254.

испечь три маленьких сырника. На слѣдующій день, отправившись на охоту, осетинъ беретъ эти сырники съ собой и, придя въ мѣсту охоты, проситъ Авсати дать ему одного бѣднаго оленя или козла, проситъ принять его въ жертву сырники ¹⁾. Въ водѣ живетъ Донбытырь — богъ воды, въ лѣсу — Сау-дзуаръ; въ самомъ домѣ въ кладовой поселился Бынаты-хцау, являющійся то въ видѣ мальчика, то въ видѣ старухи, то въ видѣ бѣлаго барашка. По смерти, осетину придется давать отвѣтъ въ своихъ дѣлахъ Аминону, стражу у вратъ въ подземное царство; минуетъ душа Аминона, владыка надъ мертвыми Барастырь укажетъ новопривышему мѣсто въ аду или въ раю. Воровство не будетъ удачно, если не принести жертвы покровителю воровъ Суабарегу. Вотъ главные божества; каждое требуетъ жертвы себѣ, каждому нужно угодить. Кстати упомянемъ о нѣкоторыхъ обрядахъ осетинъ, рисующихъ ихъ религіозное міровоззрѣніе. Почти въ каждомъ селеніи или около него возвышается на камнѣ невысокій четырехъ-угольный столбъ, сложенный изъ небольшихъ камней. Этотъ камень и столбъ носятъ названіе Мади-Майрамъ (Мать Марія). При свадебномъ обрядѣ молодую подводятъ къ этому камню. Мальчики бросаютъ въ камень пулями и камешками, крича: „Вотъ столько мальчиковъ, сколько камней и пуль, и одну синеокою дѣвочку подай, Майрамъ, нашей доброй невестѣ“. Умереть кто-нибудь въ домѣ — справятъ богатые поминки, зарѣжутъ барановъ, наварятъ пива и арави; чѣмъ больше будетъ гостей, тѣмъ лучше для души усопшаго; все, что поѣдается на поминкахъ, все это идетъ въ прокъ не гостю, а умершему, такъ что сытъ будетъ онъ, иначе умереть онъ съ голоду на томъ свѣтѣ. Во избѣжаніе вторичной смерти требуется кормить умершаго сытными поминками, что нерѣдко разоряетъ даже богатая семья, если въ одинъ годъ случится въ семьѣ нѣсколько покойниковъ.

Могилы свято чтутся; копать ихъ грѣхъ, и ни одинъ старикъ, и ни одинъ молодой въ присутствіи стариковъ копать ихъ не рѣшится.

По мнѣнію лицъ, хорошо знающихъ Кавказъ, осетины — самое даровитое племя изъ всѣхъ кавказскихъ горцевъ; они веселы, добродушны, ласковы; въ нихъ нѣтъ той постоянной замкнутости, какой отличаются чеченцы и ингуши. Гостепріимство ихъ не имѣетъ границъ; не имѣетъ границъ и ихъ веселье и остроуміе, въ особенности когда сила горскаго пива начинаетъ вліять на нихъ; ихъ характеръ добродушный, смѣлый и открытый, сказывается тогда во всей своей силѣ. Отличаются осетины и сво-

имъ краснорѣчіемъ, и нерѣдко произносятъ за обѣдомъ тосты, поражающіе искуснымъ построеніемъ и богатствомъ сравненій.

Не лишены они и поэтическаго творчества: у нихъ много пѣсень, легендъ, сказокъ. Большинство ихъ рисуетъ передъ нами осетина, какъ человѣка съ богатой фантазіей, живо изображающаго простымъ языкомъ свои идеалы и задушевные мысли.

Вокругъ Уастерджи-кувентъ-донъ находится старый могильникъ; это старое кладбище тянется, почти не прерываясь, вверхъ по горѣ и упирается въ скалу, стѣной поднимающуюся надъ Дзивгисомъ. Наибольше интересными оказались могильныя пещеры подъ самымъ отвѣсомъ скалы. Въ однихъ изъ пещеръ кости лежали въ деревянныхъ гробахъ; въ другихъ кости были разбросаны, такъ что опредѣлить положеніе костяка было невозможно. Въ отношеніи вещей—эти пещеры дали намъ обильную жатву: много бусъ, бронзовыхъ дутыхъ браслетовъ, колецъ и серегъ, много металлическихъ зеркалъ, изъ которыхъ одно имѣло крышку съ прекрасными изображеніями грифоновъ, пряжки съ различными изображеніями, глиняныхъ сосудовъ (довольно грубой работы).

Къ вечеру мы выѣхали изъ Дзивгиса въ Далагкау, ѣзды часа 1¹/₂. За поворотомъ показался аулъ, построенный у самаго берега рѣки. Бѣлая, обширная церковь армяно-грузинскаго стиля рѣзко выделяется среди темныхъ, низкихъ савлей. За ауломъ, въ который въѣзжаешь по шатковому мосту, вѣтся тропинка въ гору, на широкомъ уступѣ которой расположенъ дворъ хозяина, у котораго мы думали провести ночь; бѣлый, съ желѣзной крышей, съ разноцвѣтными ставнями, онъ смотрѣлъ дворцомъ съ возвышенности, у подножья которой лѣнятся убогія савли бѣдныхъ жителей.

Хозяинъ вводитъ насъ въ куцацкую: въ углу обширной комнаты стоитъ диванъ; вдоль стѣнъ стулья и нѣсколько столовъ, покрытыхъ вязаными салфетками; на полу постланы хорошіе ковры, а на стѣнахъ висятъ портреты друзей и знакомыхъ хозяина; лежитъ на столѣ и альбомъ—невиданная вещь въ горахъ. Хозяинъ принимаетъ насъ радушно и ласково. Онъ заставляетъ свою дочь, дѣвушку лѣтъ 15-ти, одѣтую въ шольвовую красную рубаху и сѣрый шольвовый съ отливомъ кафтанъ, подавать намъ крѣпкій чай и различныя печенья домашняго приготовленія. Послѣ чая мы хотѣли лечь спать.

— Нѣтъ, ужъ ужинать нужно, безъ этого никакъ нельзя, — настаиваетъ хозяинъ:—для васъ ужъ мы зарѣзали бычка.

Черезъ нѣсколько времени вносятъ въ комнату столы, сдвигаютъ ихъ и накрываютъ чистой скатертью. Затѣмъ ставятся и

тарелки, ножи и вилки, однимъ словомъ, столъ накрывается не такъ, какъ обыкновенно у горцевъ.

Для закуски насъ угостили аракой — мѣстной водкой, плохо очищенной, съ неприятнымъ запахомъ и очень невкусной. Затѣмъ начался ужинъ: одно блюдо смѣнялось другимъ; за жаренымъ бараномъ подали баранину вареную; жареная говядина съ картофелемъ послѣдовала за вареной говядиной; все это сопровождалось еще различными пирогами, замѣчательно хорошо приготовленными искусной рукой хозяйки. Блюдамъ, казалось, не было конца. Наконецъ, еще принесли огромные козы рога съ пивомъ, — рогъ длиной аршинъ съ четвертью; въ него входитъ болѣе бутылки пива; осушать его приходилось однимъ духомъ, не отнимая ото рта, и если кому изъ насъ не удавалось исполнить это, веселый смѣхъ встрѣчалъ неудачу. Касательно горскаго пива слѣдуетъ замѣтить, что оно чрезвычайно крѣпко и вкуснѣе нашего. За рогомъ слѣдовалъ другой, третій; пили за здоровье всѣхъ; говорились осетинами краснорѣчивые спичи, произносились добрыя пожеланія... и такъ до поздней ночи.

Пока мы пировали въ комнатѣ, давно уже наступила ночь.

Утро было прекрасное. Нашъ хозяинъ повелъ насъ осматривать свой огородъ и пчельникъ. Огородъ — рѣдкость въ горахъ. Долго сомнѣвались сажать овощи и фруктовые деревья на такой высотѣ, боясь, что тяжелый трудъ пропадетъ даромъ.

Хозяинъ нашъ первый рискнулъ, ему сулили неудачу: нѣкто вѣдь раньше этого не дѣлалъ. Но хозяинъ нашъ не испугался; посадилъ нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, вскопалъ грядки и насадилъ огурцовъ и прочихъ овощей; отыскавъ на склонѣ горы небольшой ключъ и провелъ по всему огороду небольшія канавки, по которымъ вода орошаетъ садъ. У каждого дерева сдѣлано углубленіе, гдѣ вода и останавливается пока не наполнить его. Чтобы прекратить орошеніе, стоитъ только закрыть маленькое русло канала доской и вода потечетъ по главному руслу. Прошло 6 лѣтъ, и теперь огородъ и фруктовый садъ процвѣтаютъ; овощи получаютъ хорошія, фрукты вызрѣваютъ. Хозяинъ радуется, показывая свое любимое, выхваленное имъ дѣтище.

Добрымъ примѣромъ послужила энергія нашего хозяина; теперь уже многіе заводятъ фруктовые сады.

Изъ Далагау мы поѣхали въ селеніе Гули, расположенное на противоположной горѣ, чтобы осмотрѣть старинный дзуаръ. Прѣвѣжая черезъ лежащее внизу селеніе, мы остановились для осмотра могилы Тугаура и Куртата, родоначальниковъ двухъ

осетинскихъ обществъ, Тугаурскаго и Куртатинскаго. Могилы въ видѣ большихъ четырехъ-угольныхъ каменныхъ зданій, покрытыхъ шиферными плитами на два ската, стоятъ рядомъ. Эти гробницы считаются особенно священными—въ нихъ покоятся кости двухъ родоначальниковъ.

За селеніемъ дорога все поднимается въ гору, пока не доѣзжаешь до Гули. Само селеніе ничѣмъ не отличается отъ прочихъ ауловъ: тѣ же убогія сакли, тѣ же извилистые переулочки, тѣ же башни-руины. При вѣздѣ въ селеніе стоитъ дзуаръ: онъ меньше, чѣмъ дзуаръ въ Дзивгисѣ, но такъ же, какъ и въ томъ, здѣсь набросаны кучами рога, такъ же стоятъ на полкахъ въ крытомъ дворикѣ священные сосуды. На дверяхъ прикрѣплены два рога серны; на каждомъ изъ нихъ виситъ по небольшому колоколу.

Весь аулъ собрался около дзуара, чтобы посмотреть на насъ. Пришелъ дзуарлагъ и, набожно перекрестясь, сталъ отворять дверь. Входя въ самое зданіе, онъ еще разъ перекрестился и ввелъ насъ во внутренность храма. Церковь была пуста; свѣтъ едва проникалъ черезъ небольшое узкое окно на восточной стѣнѣ. Этотъ робкій лучъ свѣта позволялъ разглядѣть на западной стѣнѣ небольшую нишу, въ которой лежала масса старинныхъ бронзовыхъ круглыхъ пуговицъ на подобіе бубенчиковъ, — это приношенія благочестивыхъ древнихъ обитателей Гули.

Кому посвященъ этотъ дзуаръ—неизвѣстно; но празднество совершается также въ ноябрѣ, какъ и въ сосѣднемъ Дзивгисѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ и этотъ дзуаръ выстроенъ въ честь великаго Уастерджи.

Мы вернулись въ Далагкау. Хотѣли-было ѣхать дальше, но хозяинъ насъ не пустилъ безъ „легкаго“ завтрака. Этотъ „легкій“ завтракъ опять состоялъ изъ барана и бычка, араки и многихъ козихъ роговъ горскаго пива. Распростившись съ хозяиномъ, мы двинулись въ путь.

Дорога, минуя нѣсколько селеній, поднялась вверхъ и повела насъ по засѣяннмъ полямъ; іюль былъ уже въ половинѣ: жатва начиналась. Вездѣ, справа и слѣва, среди колосьевъ, вырисовывались красивыя фигуры жницъ въ красныхъ рубахахъ и бѣлыхъ кафтанахъ; при нашемъ проѣздѣ онѣ останавливались и, прикладывая ладонь ко лбу, чтобы защититься отъ яркихъ солнечныхъ лучей, смотрѣли на насъ, изрѣдка выкрикивая намъ какое-нибудь привѣтствіе. Красивую картину представляли эти разсѣянные по полямъ группы жницъ; на лицѣ ихъ не было еще написано угнетенія отъ суровой беспощадной судьбы, столь немилостивой къ женамъ горцевъ. Онѣ были веселы, здоровы, онѣ еще наслажда-

лись своей дѣвичьей волей. Для многихъ изъ нихъ, быть можетъ, это было послѣднее веселое лѣто.

Начался спускъ къ рѣчкѣ, затѣмъ новый подъемъ къ селенію Латцъ. Латцъ стоитъ на выступѣ горы, круто падающей внизъ къ рѣчкѣ. Онъ весь состоитъ изъ башенъ, близко пристроенныхъ одна къ другой, оставляющихъ мѣсто только для узкихъ улицъ, извилисто огибающихъ углы ихъ.

Къ намъ подходитъ одинъ изъ хозяевъ съ просьбой зайти къ нему и отдохнуть.

Едва мы успѣли усѣсться въ кунацкой, какъ онъ внесъ огромную деревянную чашу съ пивомъ. Чаша имѣла форму потира; вышины ея была болѣе 10 вершковъ; пришлось пить, и сколько ни пили мы изъ этой чаши, хозяину кажется, что все мы пьемъ мало. Общими усилиями, при помощи сопровождавшихъ насъ осетинъ, удалось-таки, наконецъ, осушить ее. Хозяинъ остался доволенъ.

Мы прошли посмотрѣть на дзуаръ, находящійся возлѣ Латца; этотъ дзуаръ носитъ названіе Хцау-дзуаръ; по формѣ онъ не отличается ничѣмъ отъ видѣнныхъ раньше, это тотъ же продолговатый четырехъ-угольникъ съ двускатной крышей. Около дзуара собралась толпа; былъ праздникъ. Дѣло въ томъ, что въ серединѣ іюля всѣ жители сходятся къ дзуару для жертвоприношеній передъ началомъ жатвы: иначе жатва кончится неблагополучно, ползеть, пожалуй, дождь и уничтожить или испортить сжатый хлѣбъ, или ударить молнія, и небеснымъ огнемъ спалить достояніе непочтительныхъ къ святилищу людей. Пришелъ призванный для насъ дзуарлагъ, чтобы показать намъ внутренность храма, старикъ сгорбленный, морщинистый. Страшно и грѣшно, по мнѣнію населенія, входить въ дзуаръ во время непраздничное и вводить въ него людей постороннихъ, которые, пожалуй, осмѣютъ сватыню. Наказаніе постигнетъ дерзнаго, проникающаго такимъ образомъ въ храмъ; но вина падетъ на того, кто отворить двери храма; поэтому старикъ, повидимому глубоко вѣрующій въ старыя преданія, долго возился у замка, не рѣшаясь отказать намъ во входѣ въ храмъ и страшась также гнѣва божества. Наконецъ, онъ рѣшился примирить эти два чувства и съ одной стороны угодить намъ, съ другой избѣжать гнѣва святыхъ: долго провозившись, онъ предложилъ, наконецъ, проф. М. попробовать отпереть самому дверь, какъ бы разсуждая: „коли хочешь войти въ дзуаръ, отвори самъ; разсердится святой — покараетъ тебя, а мое дѣло тутъ сторона, не я отрываю“.

Мы вошли въ храмъ: деревянная рама нѣкогда бывшаго

здѣсь иконостаса дѣлать дзуаръ на двѣ части. Въ алтарѣ сохранился престолъ въ видѣ четырехъ-угольной, правильно обтесанной каменной глыбы. На престолѣ стоятъ двѣ иконы, недавно пожертвованныя кѣмъ-то; тутъ же стоятъ двѣ чаши: одна съ медомъ, другая съ пивомъ; съ сѣверной стороны алтаря виситъ тяжелая желѣзная цѣпь на стѣнѣ.

— Что это за чаши?—спрашиваетъ проф. М. у дзуарлага.

— Эти чаши всегда стоятъ здѣсь; каждый годъ въ тотъ день, когда празднуютъ, наливаютъ ихъ одну медомъ, другую пивомъ;—объясняетъ намъ дзуарлагъ.—Вотъ, если кто захвораетъ, дадутъ меда и пива больному—исцѣляетъ.

— А цѣпь?

— Цѣпь тоже святая; если кто заболѣетъ, придутъ въ дзуаръ и отскоблятъ кусочекъ желѣза, кладутъ въ воду и даютъ выпить больному.

— Давно построенъ дзуаръ?

— Царицей Тамарой построенъ, — говоритъ дзуарлагъ.

Постройка большинства старинныхъ церквей, которыя намъ приходилось встрѣчать въ Чечнѣ, у ингушей и осетинъ, по народнымъ преданіямъ приурочивается ко времени царицы Тамары. Просвѣтительная дѣятельность Тамары, оставшіеся въ памяти у многихъ кавказскихъ племенъ, заставляютъ приписывать ей постройку большинства старинныхъ церквей.

Мы продолжали путь къ Харискину. На лѣвомъ берегу рѣки, на возвышенности, стоитъ Харискинъ съ древней башней, словно грозный замокъ, оберегающій входъ въ расположенное тотчасъ за нимъ ущелье. Крутой подъемъ ведетъ къ селенію. У дверей насъ встрѣчаетъ хозяинъ, старикъ съ добродушнымъ видомъ; широкая, сѣдая борода лопатой какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ его широкимъ, полнымъ, веселымъ лицомъ.

Онъ повелъ насъ въ свой садъ: садъ его расположенъ по склону горы, поднимающейся уступами за ауломъ; масса фруктовыхъ деревьевъ, яблонь, грушъ, была въ этомъ саду. Горный ключъ свѣтлой сильной струей билъ изъ горы и съ шумомъ падалъ въ бассейнъ, искусственно устроенный въ почвѣ для того, чтобы отсюда можно было спускать воду къ корнямъ деревьевъ по небольшимъ канавкамъ, прорѣваннымъ среди сочнаго газона. Между деревьями былъ устроенъ столъ изъ камней и такія же каменные скамьи. Садъ кончался у рѣчки, за которой поднимались огромныя горы.

Темнѣло; насъ позвали въ комнату; по узкой лѣстницѣ мы поднялись на второй уступъ горы, гдѣ помѣщались жилища помѣ-

щенія, кромѣ кунацкой, которая находилась внизу. Небольшая опрятная комната была завалена книгами: хозяинъ былъ книжный человѣкъ и любилъ въ часы досуга почитать не только божественное, но и свѣтское.

Мы вышли на галерею около башни: внизу у нашихъ ногъ шумѣла рѣка, вытекающая изъ ущелья, темнаго, пустыннаго. Это ущелье по мрачности своей подало поводъ къ легендѣ, что здѣсь, среди скалъ, является духъ какого-то святого, который то пугаетъ прохожихъ своимъ сверхъестественнымъ видомъ, то предостерегаетъ ихъ отъ несчастій, то грозитъ имъ гибелью за неповиновеніе святымъ и недостатокъ жертвоприношеній.

Тѣмъ ступалась. Горъ надъ нами не видно было вовсе, только тамъ, далеко наверху, на самой вершинѣ одной горы, ярко сіялъ, словно гигантскій фонарь, костеръ, разложенный пастухами, слабо освѣщая одну изъ причудливыхъ скалистыхъ вершинъ. Насъ позвали ужинать; ужинъ былъ также обилень, какъ и въ Далагкау; какъ и тамъ, подали рога съ пивомъ; разница была въ томъ, что на этотъ разъ рога были турьи, вмѣщающіе въ себя еще больше, чѣмъ козьи. Выпить рогъ однимъ духомъ было нелегко; сынъ хозяина объяснилъ намъ способъ, при которомъ было легче осушить рогъ; слѣдовало держать его такъ, чтобы изгибъ рога съ внутренней стороны былъ обращенъ къ груди. Дѣйствительно при такомъ способѣ удавалось осилить рогъ.

На слѣдующее утро, осмотрѣвъ старый двуръ недалеко отъ Харискина, мы собрались ѣхать въ обратный путь; хозяинъ не отпустилъ насъ, однако, безъ завтрака, обильнаго и сытнаго, какъ и вчерашній ужинъ. Послѣ нѣсколькихъ роговъ пива пришлось еще выпить большую чашу пива въ честь св. Уастерджи, чтобы онъ охранялъ нашъ путь отъ всѣхъ непріятностей.

Подъѣзжая къ Далагкау, мы снова были задержаны однимъ изъ хозяевъ, который просилъ насъ заѣхать къ нему на полчаса отдохнуть. Но когда мы собрались въ путь, насъ не отпустили, пришлось завтракать снова. Далагкаускій хозяинъ нашъ, у котораго мы провели первую ночь, заявилъ намъ шутливо, что мы должны ему теперь заплатить козленка; остановившись не у него, мы нанесли ему тяжкую обиду, за которую ему и слѣдуетъ получить съ насъ козленка. Таковъ мѣстный обычай.

Послѣ завтрака, мы продолжали путь на Кобань. Тропинка, извилисто поднимавшаяся вверхъ по горѣ, круто спустилась внизъ и снова поднялась вверхъ къ широкой дорогѣ, которая карнизомъ шла надъ рѣкой. Ущелье было очень узко; въ иныхъ мѣстахъ камни, обрушившіеся со скалъ, образовали нѣчто въ видѣ цикло-

пическихъ мостовъ, которые глубоко внизу соединяли одну каменную стѣну скалы съ другой; въ другихъ мѣстахъ рѣка особенно пѣнилась и шумѣла, какъ бы стараясь пересилить неожиданно поставленную ей преграду изъ упавшихъ въ воду камней.

Передъ нами каменные ворота: огромные обломки скалъ, Богъ знаетъ когда обрушившіеся съ высоты другъ на друга, образуютъ ворота; около камней уже успѣли вырасти вѣвочныя деревья; да и въ скажинахъ, среди самихъ мшистыхъ утесовъ, образующихъ ворота, пріютились уже вустарники, достигающіе значительной вышины.

Мало-по-малу лѣсъ разступается, онъ уходитъ отъ насъ влѣво, — мы на зеленой высокой площадѣ. Эта площадь свѣже изрыта кабанами, которыхъ много въ дѣйственныхъ лѣсахъ Осетии. Наконецъ, справа показалось селеніе; пройдя его, мы остановились у одного дома и попросили воды, и опять встрѣтили любезное гостепріимство и неизбѣжныя угощенія.

Ночь уже спустилась, когда, наконецъ, мы выѣхали изъ этого селенія; нужно было доѣхать до Кобани въ эту же ночь. Тропинка нерѣдко пересѣкалась болотами, по которымъ лошади шли осторожно, въ темнотѣ находя сухія мѣста, на которыя имъ можно было безопасно поставить ногу; иногда они скользили и падали въ мокрую тину, увязали въ ней копытами и снова съ трудомъ поднимались на сухое мѣсто. Поважуются то справа, то слѣва неопредѣленные силуэты деревьевъ и быстро наклоняешься, чтобы избѣжать удара вѣтви, нависшей надъ дорогой. Затѣмъ, снова подъемы и спуски, то скользкіе и крутые, то отлого спадающіе внизъ въ рѣчамъ.

Нашъ кобанскій хозяинъ, осетинъ, проводящій зиму въ Петербургѣ, пріѣхалъ на лѣто къ себѣ на родину. Его домъ представлялъ смѣсь городского культурнаго дома и горской сагли. Въ одной комнатѣ стоитъ прекрасный письменный столъ съ различными прессъ-папье, бронзовыми подсвѣчниками, заваленный книгами. Въ кунацкой, убранство которой не отличается ничѣмъ отъ прочихъ горскихъ кунацкихъ, виситъ по стѣнамъ шкура медвѣдя, убитаго его братомъ, который за свою удачную охоту и прозванъ „сыномъ Авсати“ (бога охоты). Хозяинъ нашъ, привыкшій въ Петербургѣ къ другой, болѣе роскошной жизни, соблюдалъ у себя на родинѣ дѣдовскіе обычаи; онъ позволялъ себѣ нарушать ихъ настолько, насколько это было необходимо для культурнаго человѣка; такъ онъ завелъ себѣ особый кабинетъ для работы. Въ остальномъ, на первый взглядъ, онъ ничѣмъ не отличался отъ прочихъ осетинъ.

Онъ предложилъ намъ поужинать; мы просили его не принуждать насъ къ ѣдѣ и рассказали ему, какъ часто за эти дни намъ пришлось обѣдать и завтракать; онъ понялъ насъ, вникъ въ наше положеніе и отпустилъ насъ спать.

На слѣдующее утро мы осмотрѣлись въ Кобани; нашъ любезный хозяинъ показалъ намъ всѣ свои владѣнія, свой новый дворъ и новыя постройки, которыя онъ началъ выводить у себя для разныхъ хозяйственныхъ цѣлей. Домъ нашего хозяина находился въ Верхней Кобани; недалеко отъ этого селенія расположена Нижняя Кобань. Эта послѣдняя замѣчательна своимъ могильнымъ полемъ, давшимъ большіе результаты археологамъ. Могилы въ Кобани расположены по уступамъ горы Харудатъ; такъ какъ поверхность горы представляетъ ровное поле, то могилы долго не были замѣчены. Но вслѣдствіе разливовъ рѣки, берегъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сталъ отваливаться и обнаруживать кости и нѣкоторые бронзовые предметы. Это было замѣчено владѣльцемъ поля, Хабомъ Капуковымъ, который и принялся за раскопку могилъ. Она велась довольно хищническимъ образомъ: выбирались изъ могилъ лишь золотыя вещи, бронзовыя бросались. Выкапываемыя вещи продавались любителямъ. Но когда археологи обратили вниманіе на сокровища, хранящіяся въ могилахъ Кобани, то и раскопки стали производиться болѣе правильно. Самыя вещи, даже самыя незначительныя, которыя недавно еще отбрасывались владѣльцемъ поля, какъ негодныя, поднимались до огромной цѣны. Изъ археологовъ, бывшихъ въ Кобани, впервые исследовалъ могилы г. Филимоновъ; кромѣ того раскопки производились гр. Уваровымъ, гг. Антоновичемъ, Вирховымъ и Шантромъ. Много изъ найденныхъ вещей въ могилахъ продано владѣльцемъ г. О-скому, археологу-любителю въ Владикавказѣ, обогатившему этими покупками свою огромную коллекцію; много вещей продано также въ Берлинъ. Предметы, выкапываемые изъ кобанскаго могильника, принадлежать къ бронзовой культурѣ, которая, какъ извѣстно, довольно долго длилась на Кавказѣ. Въ каталогъ собранія древностей гр. Уварова, гдѣ также находится много кобанскихъ вещей, мы видимъ большой перечень разнообразныхъ предметовъ, частью найденныхъ, частью приобретенныхъ покойнымъ гр. Уваровымъ для своей коллекціи: бронзовыя булавы, зеркала, пряжки съ изображеніями оленей, изображенія животныхъ, какъ-то: лошадей, оленей, туровъ бараньихъ головъ (частью дутыя, частью литыя); фибулы дугообразныя, ножныя браслеты, кольца, глиняные сосуды—все это было найдено въ Кобани въ изобиліи. Много

было находимо и поясовъ изъ листовой бронзы, топоровъ бронзовыхъ съ орнаментами, такихъ же кинжаловъ въ два лезвія съ изящными рукоятками, изображавшими иногда фигуры животныхъ, и т. п. Г. Антоновичъ при раскопкахъ въ Кобани нашелъ молотокъ съ изображеніями перевивающейся змѣи, солнца, рыбъ и грифона персидскаго характера. Однимъ словомъ, рѣдкое мѣсто на Кавказѣ давало столь обильные результаты, какъ могильное поле въ Кобани¹⁾.

Мы тронулись въ путь, чтобы къ ночи достигнуть Владикавказа.

Дорога, минуя нѣсколько полянъ и густой орѣшникъ надъ рѣкой, выводитъ въ лѣсъ, гдѣ лошади быстро бѣгутъ, предоставляя всадникамъ искусно уклоняться отъ ударовъ нависшихъ вѣтвей.

За лѣсомъ снова обширная, волнистая поляна; узкая тропа, медленно спускаясь, приводитъ, наконецъ, къ крутому спуску; справа видно иссохшее русло рѣки, покрытое огромными бѣлыми камнями. Эта каменная рѣка извилисто уходитъ въ горы. Весной этотъ потокъ непроходимъ: бурно шумятъ его волны, стремглавъ ватащіяся внизъ съ горъ къ Тереку, сильно вздувая его и безъ того шумящія воды. Но прошла вода, и потокъ мало-по-малу ссыживается и затихаетъ; это лишь узкая струйка. Наконецъ и та пропадаетъ отъ палящихъ лучей солнца, и отъ недавно еще столь бурнаго и грознаго потока остаются только набросанныя другъ на друга глыбы камней.

Еще нѣсколько минутъ, и мы въѣзжаемъ на военно-грузинскую дорогу.

V.

Въ Балкарскомъ обществѣ горскихъ татаръ.

Сытые, крѣпкія лошади быстро несутъ почтовые телѣжки по плоскости отъ станціи желѣзной дороги къ Нальчику. Впереди виденъ весь Кавказскій хребетъ, огромною цѣпью застилающій небосклонъ. Справа и слѣва цѣпь терзается въ безконечномъ пространствѣ плоскости. Надъ нею возвышаются снѣжныя вершины; сколько ихъ—счесть невозможно. Прямо передъ нами Эльбрусъ гигантской снѣжной широкой верхушкой поднимается выше всѣхъ

¹⁾ Каталогъ Собр. Древностей гр. Уварова, 1887; Кавказъ, гр. Уваровой, стр. 77.

окрестныхъ снѣговыхъ вершинъ, кажущихся маленькими и ничтожными сравнительно съ его громадой. Дальше, влѣво, непрерывной цѣпью идутъ снѣжныя вершины однѣ за другими, и далеко влѣво поднимается увѣимъ конусомъ Казбекъ.

Дорога все приближается къ горамъ.

Мы подъѣзжаемъ въ какому-то селенію; бѣлыя, чисто выбѣленные хаты, у которыхъ за изгородью цвѣтутъ подсолнечники; у воротъ волю; изрѣдка у дороги баба, продающая дыни и арбузы; наконецъ, попадаютъ въ селеніи и мужики, одѣтые по-хохлацки. Изумляешься невольно, при видѣ этой малороссійской картины въ глубинѣ кабардинской плоскости.

— Какъ называется деревня? — спрашиваемъ у ямщика.

— А Цигулеевка, всего второй годъ здѣсь, — отвѣчаетъ онъ.

— Какъ же хохлы попали сюда?

Оказывается, нѣсколько семействъ малороссовъ выселились изъ своихъ родныхъ мѣстъ на Кавказъ, купили землю у помощника начальника Нальчинскаго округа г. Цигулеева и основали здѣсь поселокъ, который и былъ названъ въ честь прежняго владѣльца — Цигулеевкой. Несмотря на то, что поселокъ существуетъ только второй годъ, малороссы успѣли уже устроиться, обзавестись огородами и бакчами и, кажется, насколько можно судить на видъ, живутъ порядочно.

Жители были въ полѣ. Проѣзжая дальше, мы встрѣчали сплошь и рядомъ огромные стоги сѣна, у подножія которыхъ мирно спали хохлы. Попадаются справа и слѣва курганы, заросшіе кустарникомъ; это единственно разнообразить ровную мѣстность, да телеграфныя столбы стоятъ по прямой линіи, теряющейся вдали. Вотъ слѣва вытянулась длинная линія кабардинскаго селенія.

Наконецъ, словно оазисъ, показался вдали Нальчикъ, издали кажущійся утопающимъ среди зелени. Встрѣчаются чаще и чаще телѣги, управляемыя то горскимъ евреемъ, то нѣмецкимъ колонистомъ; попадаютъ чаще и гарцующіе кабардинцы. Ближе къ городу видны огромныя скирды хлѣба, словно большія зданія самыхъ разнообразныхъ формъ.

Нальчикъ считается слободой, но онъ постоятъ за любой уѣздный городъ. Въ немъ нѣсколько мощеныхъ улицъ; многія улицы обсажены деревьями; есть садъ, въ которомъ въ опредѣленные дни играетъ музыка. Нальчикъ ведетъ довольно обширную торговлю, которая находится, впрочемъ, въ рукахъ горскихъ евреевъ, живущихъ въ слободѣ въ большомъ количествѣ и имѣющихъ еще свою колонію подлѣ самаго Нальчика. Населеніе сло-

боды крайне смѣшаннаго характера: кромѣ русскихъ (чиновъ администраціи и казаковъ) здѣсь живутъ и кабардинцы, и балкарцы, и евреи, и, наконецъ, нѣмецкіе колонисты. Дома Нальчика одноэтажны и невелики, по большей части деревянные, оштукатурены и окрашены въ бѣлый цвѣтъ. При многихъ домахъ находятся фруктовые сады, иногда довольно обширные. Лавки обывателей невелики: въ нихъ можно найти всѣ предметы первой необходимости, а въ иныхъ и предметы роскоши, понимая, конечно, послѣднее слово относительно.

Мы остановились въ домѣ одного стараго казака, сдающаго двѣ комнаты для проѣзжихъ по очень умѣренной цѣнѣ. Комнаты низки, малы, съ окнами, выходящими на галлерею, построенную надъ небольшимъ грязнымъ дворомъ, въ глубинѣ котораго стоятъ грязные сараи и конюшни. Въ комнатахъ жужжать цѣлыя сотни мухъ. Днемъ, когда крыша дома накаляется, въ комнатахъ до того душно, что оставаться въ ней долго невозможно; выйдешь на галерею — тамъ не такъ душно, зато солнце печетъ немилосердно.

Вечеромъ, осматривая улицы Нальчика, я вышелъ къ соборной церкви, большому бѣлому зданію; еще два шага — и вы уже за предѣлами слободы; берегъ падаетъ къ рѣкѣ отлогимъ склономъ; за рѣкой поляна, на которой возвышаются, стараясь опередить одна другую, массы горъ, покрытыхъ густыми лѣсами; кой-гдѣ среди лѣса выдѣлялись желтыя полосы гранита; все это горѣло и блестѣло при заходящихъ лучахъ солнца; пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня самъ Нальчикъ, еще болѣе пріятное — видъ на горы за чертой его, и мнѣ казалось въ тотъ мигъ, что жить въ Нальчикѣ должно быть не особенно скучно. Я ошибался — впоследствии я узналъ, что жизни здѣсь такъ же мало, какъ и въ большинствѣ нашихъ уѣздныхъ городовъ, что и здѣсь, какъ и вездѣ, почти все объято глубокимъ сномъ. Впрочемъ, небольшая группа интеллигентныхъ людей, заброшенная сюда судьбой изъ разныхъ краевъ Россіи, сумѣла образовать кружокъ тѣсный и дружный.

Нальчикъ принялъ насъ радушно: мы встрѣтили здѣсь самое широкое гостепріимство. Докторъ К. настоялъ на томъ, чтобы мы перебрались къ нему, и благодаря ему время въ Нальчикѣ текло незамѣтно. Познакомились мы и съ семьей доктора Д., и съ балкарской семьей Аб. — вездѣ самый радушный пріемъ; особенно было пріятно встрѣтить этихъ любезныхъ, образованныхъ людей въ мѣстности, гдѣ можно было менѣе всего ожидать ихъ найти. Много пользы приносилъ этотъ кружокъ и Нальчику. Заброшенные

въ глухой уголокъ Кавказа, они изъ всѣхъ силъ работали, каждый по своей специальности.

Мы собирались ѣхать изъ Нальчика въ Балкаръ, почти вовсе не посѣщаемый путешественниками. Намъ говорили и про трудную дорогу, и про извѣстную всему Нальчику „Чортову лѣстницу“.

Помощникъ начальника округа, г. Цигулеевъ, распорядился относительно доставки намъ лошадей и представилъ намъ, въ качествѣ переводчика, Селяха Маныщева, кабардинца, хорошо знающаго Балкаръ и вполне свободно говорившаго по-русски. Селяхъ представлялъ рѣдкое исключеніе изъ всѣхъ переводчиковъ, съ которыми намъ приходилось ѣздить до тѣхъ поръ, именно тѣмъ, что былъ человѣкъ относительно развитой, интересующійся наукой и литературой; кромѣ того въ поѣздѣ онъ былъ еще веселымъ товарищемъ.

Рано утромъ мы сидѣли уже на лошадяхъ. Нѣсколько времени приходится ѣхать по плоскости. Нальчикъ со своими садами и домиками вытягивается въ узкую полосу. Еще нѣкоторое время, и онъ уже кажется снова веселымъ оазисомъ, случайно брошеннымъ сюда среди безлюдья и безмолвія.

Мы спустились къ рѣкѣ.

Дорога, пересѣвши рѣку, поднимается въ гору, оставляетъ въ сторонѣ нѣсколько болотцевъ, покрытыхъ высокой осокой, и входитъ, наконецъ, въ густой буковый лѣсъ. Это одинъ изъ тѣхъ лѣсовъ, который, начинаясь у подошвы какой-нибудь горы, застилаетъ своими вѣковыми деревьями весь ея склонъ до самой вершины, затѣмъ спускается съ противоположной стороны и поднимается снова съ одной горы на другую, все выше и выше, до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ до высоты, выше которой лѣсъ расти не можетъ; здѣсь онъ словно обрывается; за нимъ тянутся уже травяные зеленые скаты вплоть до скалъ, за которыми поднимаются снѣжныя вершины.

Наконецъ, лѣсъ остался позади. Мы уже среди альпійскихъ пастбищъ, раскинувшихся по горамъ на необозримое пространство. Поднимаясь и снова спускаясь, мы достигаемъ, наконецъ, мѣста, за которымъ уже начинается спускъ въ долину, раскинувшуюся зеленымъ ковромъ у нашихъ ногъ. По срединѣ долину прорѣзываетъ широкая лента Балкарскаго Черема; за ней поднимаются снова лѣсистые склоны горъ, вдали, въ глубинѣ долины, виднѣется ущелье, за которымъ лежитъ Балкаръ. Справа склоны горъ то безжизненные, бѣлые, на которыхъ растутъ чахлые дубы, то

покрытые роскошной травой. Внизу селеніе Кашкатау чернѣть группой своихъ невысокихъ домиковъ.

Мы стали спускаться; лошади скользятъ по гладкой, плотной почвѣ; нѣсколько разъ приходится слѣзать и сходить по каменнымъ ступенямъ, извилистой, огромной лѣстницей падающимъ внизъ. Наконецъ, мы въ долину. Быстро несутъ насъ лошади къ Кашкатау. Подъѣзжаемъ къ селенію—оно пусто, лишь кой-гдѣ изъ-за двери выглядываетъ старуха, съ любопытствомъ осматривая неожиданныхъ гостей, да изрѣдка пробѣжитъ черезъ дорогу маленькая дѣвочка или мальчикъ. Оказывается, жители всѣ ушли на работы,—остались въ селеніи только старые и малые.

Не скоро мы нашли старшину, не скоро добыли намъ свѣжихъ лошадей, необходимыхъ для поѣздки въ горы, да и то изъ четырехъ лошадей привели одну хромую, а изъ сѣделъ одно было деревянное.

Кашкатау—поселокъ недавній; онъ основанъ выселившимися сюда вѣрнопослѣдними послѣ освобожденія. Жители бѣдны; они еще не успѣли достигнуть на новомъ мѣстѣ благосостоянія, котораго, впрочемъ, не имѣли и въ бытность свою въ горахъ: постоянные поборы владѣльцевъ тяжело отзывались на экономическомъ положеніи подвластнаго населенія.

Мы двинулись дальше. Нашъ проводникъ, толстый, коренастый человекъ съ окладистой жесткой бородой вокругъ загорѣлаго, краснаго лица, ковылялъ на хромоу лошади, держа въ рукахъ купленнаго нами въ Кашкатау барана; нужно отдать справедливость его лошади: она, несмотря на то, что была хрома, шла быстрѣе нашихъ, которыхъ никакими средствами нельзя было побудить ускорить шагъ.

Мы подвигались по долину, вверхъ по теченію рѣки, все приближаясь къ ущелью.

Солнце уже садилось: доѣхать до Балкара въ этотъ день не было возможности. Красная полоса неба за ущельемъ ярко вырисовывалась на своемъ фонѣ контуры горъ; разнообразныя, причудливыя формы верхушекъ ихъ опредѣленіе и рѣче вычерчивались на ясномъ небосклонѣ.

Пока мы осматривали находящееся у дороги кладбище, потянуль вѣтеръ изъ ущелья и нагналъ на небо густыя свинцовыя облака. Мало-по-малу все небо, недавно еще столь ясное, покрылось тучами, и хлынулъ дождь. Нужно было искать себѣ пристанища на ночь: возвращаться въ Кашкатау взяло бы много времени, да и было бы неудобно, такъ какъ мы отсрочили бы такимъ образомъ нашъ пріѣздъ въ Балкаръ; нашъ проводникъ

сообщилъ намъ, что въ часъ ѣзды отъ Хуламскаго Черева (притока Балкарскаго Черева), рѣки, пересекающей дорогу, по которой мы ѣхали и у которой мы находились въ настоящее время, стоитъ мельница, гдѣ все-таки будетъ намъ лучше, чѣмъ подъ открытымъ небомъ; мы отправились къ мельницѣ; по дорогѣ къ намъ пристало нѣсколько балкарцевъ, которыхъ ночь также застала недалеко отъ ущелья.

Подъ проливнымъ дождемъ прибыли мы къ мельницѣ. Мельникъ, человѣкъ бѣдный, отвелъ насъ въ кунацкую, въ которой вмѣсто обычнаго въ кунацкихъ дивана лежала наклонно поставленная широкая доска.

Развели огонь въ каминѣ. Наши неожиданные спутники зарѣзали нашего барана, чтобы приготовить и для себя, и для насъ ужинъ.

Подложивъ сѣдла подъ головы и накрывшись бурками, мы легли спать. Сырой, холодный воздухъ прорывался черезъ незакрытое ставней небольшое окошечко, широкой струей наполняя собой всю комнату съ такою силой, что теплота отъ тлѣющихъ въ каминѣ угольевъ не была замѣтна.

На слѣдующее утро, напившись свареннаго въ котелѣ чаю, мы тронулись въ путь, сначала по долинѣ, все приближаясь къ ущелью, затѣмъ, поднявшись немного, дорога убѣгала въ лѣсъ. Горы съ обѣихъ сторонъ долины сблизились, оставляя, однако, еще довольно широкой промежутокъ между своими склонами. Здѣсь среди лѣса находится небольшое горное озеро; синія спокойныя воды его отражаютъ, какъ въ зеркалѣ, скалистыя вершины, поднимающіяся за нимъ; деревья на берегу стоятъ недвижно, словно застывшія, отражаясь также ясно до мельчайшихъ подробностей въ чистой водѣ. Вода здѣсь такъ чиста, что если бросить въ нее камень, то долго можно слѣдить за его паденіемъ. Говорятъ, это озеро отличается своей глубиной, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ балкарцевъ, даже совсѣмъ дна не имѣетъ. Это озеро, столь спокойное, имѣетъ въ себѣ что-то особенное, привлекательное, таинственное; его спокойныя воды словно недобро сулятъ тѣмъ, кто рѣшился бы войти въ него для купанья или поплыть по немъ. Народъ считаетъ это озеро почти священнымъ: оно произошло сверхъестественнымъ путемъ; по преданію, наверху горы, поднимающейся за озеромъ, было давно одно большое озеро, потомъ разразилась однажды страшная гроза надъ этою мѣстностью, сотряслись окрестныя горы, и озеро на горѣ раздѣлилось на три части: двѣ части его остались наверху, образовавъ небольшія озера, а третья опустилась внизъ и залегла у

подошвы горы, образовавъ третье озеро. Быть можетъ, народное преданіе сохранило воспоминаніе о нѣкогда бывшемъ здѣсь вулканическомъ переворотѣ. Само озеро сдѣлалось жилищемъ страшнаго чудовища, форму и видъ котораго рассказчикъ не могъ описать; чудовище это сидѣло глубоко въ озерѣ, но стоило только кому-нибудь спуститься въ воду, чтобы искупаться, или даже наклониться, чтобы выпить воды, какъ чудовище быстро поднималось со дна и пожирало смѣльчака, дерзнувшаго нарушить покой его. Впослѣдствіи это чудовище опустилось въ озеро и съ тѣхъ поръ не появлялось уже на поверхности. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, говорилъ рассказчикъ; но несмотря на то, что даже самые древніе старики не запомнятъ, когда чудовище явилось въ послѣдній разъ, все-таки озеро служить для мѣстныхъ жителей, въ томъ числѣ и нашего рассказчика, предметомъ суевѣрнаго страха. За озеромъ дорога, извилинами пересѣкающая лѣсъ, незамѣтно вступаетъ въ ущелье. Справа тотчасъ у дороги падаетъ отвѣсная стѣна внизъ; такая же стѣна поднимается съ противоположной стороны; внизу шумитъ спертая въ гранитныхъ отвѣсахъ рѣка Черекъ. Надъ каменными стѣнами, словно на гигантскихъ пьедесталахъ, возвышаются крутые склоны горъ, поросшіе лѣсомъ. Дорога зигзагами то поднимается вверхъ по склону, то круто спадаетъ внизъ къ самому обрыву.

Дальше все лѣсъ непроглядный, темный, огромными стволами своихъ буковъ обступившій насъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ выѣзжаешь изъ лѣса. Мы на значительной высотѣ; у нашихъ ногъ подъ крутымъ, почти отвѣснымъ склономъ плыветъ и бурлитъ темной полосой Черекъ; внизу виденъ мостъ, перекинутый надъ нимъ, и огромныя черныя пещеры, образуемыя скалами на противоположномъ берегу.

— Вотъ и Чортова лѣстница,—говоритъ Селякъ.

Чортова лѣстница представляетъ собою крутой, длинный спускъ, спадающій съ вершины къ мосту; каменныя огромныя глыбы представляютъ ступенеобразные выступы во всю длину спуска. Эта устроенная природой гигантская лѣстница идетъ надъ отвѣсною пропастью къ Череку; здѣсь самое узкое мѣсто ущелья; глубоко внизу, гдѣ течетъ Черекъ, горы такъ сближаются, что образуютъ лишь крайне узкій проливъ для бурливой рѣки; къ тому же она идетъ извилинами, вслѣдствіе чего и безъ того спертая и кипящая вода рѣки, ударяясь о каменныя стѣны, при постоянно крутыхъ поворотахъ, страшно хлопочетъ и реветъ. Природа здѣсь дикая, подавляющая своимъ величіемъ и красотой: надъ каменными стѣнами возвышаются новыя стѣны, голыя, безъ

пріютныя; по нимъ текутъ десятки большихъ и малыхъ, выбившихся изъ камня, горныхъ ключей, то узкими струями сочащихся по камнямъ, то ниспадающихъ каскадами. Огромныя пещеры, зіяющія своими отверстіями изъ глубины скалъ, еще болѣе усиливаютъ дикій характеръ ущелья. На другой сторонѣ рѣки вздымаются огромныя вершины горъ, по склонамъ которыхъ среди обломковъ скалъ растутъ могучіе буки, своей темной листвою придающіе мрачную окраску горамъ.

На половинѣ Чортовой лѣстницы, спускаться по которой приходится пѣшкомъ, находится въ скалѣ, въ выбоинѣ, довольно высоко отъ спуска, надпись. Кѣмъ и на какомъ языкѣ она была писана, не знаетъ никто. Еще недавно эта надпись была цѣла, такъ какъ каменный навѣсъ сохранялъ ее отъ разрушительнаго дѣйствія непогоды; теперь едва сохранились слѣды нѣсколькихъ буквъ. Дѣло въ томъ, что въ 70-хъ годахъ нѣсколько англичанъ, путешествовавшихъ по Кавказу, поднимавшихся на Эльбурсъ, заѣхали и въ Балкаръ. На Чортовой лѣстницѣ они стали стрѣлять изъ револьверовъ; когда имъ, наконецъ, надобно стрѣлять безъ цѣли, они выбрали себѣ цѣлью эту надпись и испортили ее такъ, что теперь остались лишь незначительныя слѣды ея.

За Чортовой лѣстницей дорога, проходя Черекъ по мосту, минуетъ пещеры и идетъ карнизомъ надъ рѣкой. Нерѣдко надо слѣзать съ лошади, пробираясь по скользкимъ плитамъ, образующимъ то небольшіе подъемы, то спуски; нерѣдко орошаетъ проѣзжаго влажная пыль падающихъ съ горъ каскадовъ; иногда цѣлая узкая струя холодной ключевой воды обдастъ васъ, если вы въ-время не сумѣете отклонить вашу лошадь въ сторону.

Мало-по-малу начинается новый, продолжительный подъемъ по узкой тропинкѣ, вьющейся то надъ отвѣсомъ, то по зеленому скату, то, наконецъ, по усыпанному мелкимъ шиферомъ склону мертвенной сѣрой скалы. Слѣва огромныя, крутыя горы, падающія къ рѣкѣ, справа причудливые утесы; они поднимаются, то словно гигантская колонна, то широкимъ шатромъ, то образуютъ огромный человѣческій профиль, то, наконецъ, острой иглой упираются въ небо.

Горы мало-по-малу расходятся врозь, образуя вдали широкій проходъ. Скоро и Балкаръ.

Сѣрые скаты шиферныхъ горъ мало-по-малу замѣняются покрытыми зеленой травой крутыми откосами. Кой-гдѣ на такихъ откосахъ видны косцы, смѣло работающіе косою надъ такими крутизнами, что непривычный человѣкъ, поставленный на мѣсто косца, не зналъ бы, какъ держаться, а не то что косить сѣно.

Дорога все вьется карнизомъ, огибая подножіе скалъ. Селеній еще не видать. Справа поднимаются прямо надъ дорогой два огромныхъ столба изъ глины и небольшихъ камней; на каждомъ изъ этихъ столбовъ лежитъ по большому гладкому камню. Это интересное явленіе мнѣ приходилось видѣть въ первый разъ. Разъеренныя воды, текущія съ горъ весной, образовали эти два столба, которые являются какъ бы пограничными столбами передъ въѣздомъ въ Балкаръ; дорога, проходящая у ихъ подножья, дѣлаетъ крутой поворотъ, за которымъ виденъ Зими, первый балкарскій аулъ въ горахъ.

Зими по внѣшности ничѣмъ не отличается отъ общаго типа всѣхъ горскихъ ауловъ: тѣ же сакли съ плоскими крышами, построенныя одна подлѣ другой; тѣ же кунацкія, та же тѣснота улицъ и тѣ же крутыя извилины ихъ.

На уступѣ скалы, возвышающейся тотчасъ за ауломъ, сохранилось старинное обширное укрѣпленіе съ башнями и хорошо уцѣлѣвшими стѣнами. Эта крѣпость — обиталище бывшихъ владыкъ Зими въ тѣ времена, когда, господствуя изъ-за стѣнъ крѣпостей надъ туземнымъ, покореннымъ населеніемъ Балкара, они не рѣшались еще сойти внизъ въ незамиренную страну, гдѣ имъ грозила гибель отъ недовольныхъ новыми пришельцами прежнихъ насельниковъ.

Хозяина, у котораго мы хотѣли остановиться и къ которому одинъ изъ балкарцевъ, живущихъ въ Нальчикѣ, далъ намъ рекомендательное письмо, мы встрѣтили у воротъ его дома, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ собирался уѣзжать.

Онъ остановился, слѣзъ съ лошади и ввелъ насъ въ кунацкую; мы просили его не стѣсняться съ нами и продолжать путь, тѣмъ болѣе, что мы остановились лишь на нѣсколько часовъ въ его аулѣ. Хозяинъ объяснилъ намъ, что онъ ѣхалъ въ Нальчикъ, чтобы купить нѣсколько яблоковъ, такъ какъ ихъ во всемъ Балкарѣ найти нельзя; яблоки же ему нужны для его больной матери-старухи. Долго хворала его мать желудкомъ, долго лечили ее знахари, и наконецъ объявили, что больной должны помочь свѣжія яблоки. Для покупки ихъ и предстояло теперь нашему хозяину ѣхать черезъ горы въ Нальчикъ; какъ же былъ радъ онъ, когда мы ему объявили, что яблоки у насъ есть съ собой: мы захватили ихъ изъ Нальчика десятка два.

Хозяинъ повелъ насъ осмотрѣть большіе курганы, возвышавшіеся на крутомъ берегу Черема. Страшно было видѣть эти двѣ огромныя гробницы среди горъ. Курганы эти пользовались особымъ почтеніемъ и даже суевѣрнымъ страхомъ мѣстныхъ жите-

лей. По преданію, въ давнія времена умерло шесть женщинъ въ аулѣ; у каждой изъ нихъ было по ребенку, умершихъ одновременно съ матерями. Ихъ похоронили вмѣстѣ съ дѣтьми въ одномъ изъ этихъ кургановъ; но тѣла ихъ не сгнили, и теперь онѣ и ихъ дѣти лежатъ, какъ будто живыя, въ обширной гробницѣ кургана. Много вокругъ нихъ лежитъ драгоценностей, похороненныхъ вмѣстѣ съ ними. Есть и ходъ въ курганъ, заваленный землей и камнями, но никто не знаетъ, съ какой стороны онъ находится за исключеніемъ старухи, самой пожилой въ аулѣ, которая помнить еще то время, когда на курганъ приносились жертвы.

На восточномъ склонѣ кургана лежатъ въ беспорядкѣ нѣсколько каменныхъ отесанныхъ плитъ. Нѣкогда эти плиты лежали въ порядкѣ одна подлѣ другой. Сюда собирались мѣстные жители для приношенія жертвъ; эти плиты считаются почти священными, взять ихъ съ кургана было бы тяжкимъ грѣхомъ. Одинъ мѣстный житель—разсказывали намъ—покусился на эти плиты; хотѣлось ему взять ихъ себѣ на постройку дома, такъ какъ отесанныхъ плитъ нигдѣ не было въ окрестности. Темною ночью онъ перетащилъ ихъ съ кургана къ себѣ во дворъ; но наказаніе не замедлило: онъ самъ и всѣ его домашніе захворали, и онъ, увидавъ въ этой болѣзни наказаніе за свое преступленіе, обѣщался, что, если онъ и домашніе его поправятся, тотчасъ отнесетъ эти плиты обратно. Онъ выздоровѣлъ и тотчасъ исполнилъ свой обѣтъ. Перетаскивая плиты, онъ, однако, не бралъ ихъ въ порядкѣ, а бросалъ на курганъ, какъ попало; съ тѣхъ поръ эти плиты и не были приведены въ порядокъ. Послѣ такого случая вѣрующіе жители не рѣшаются прикасаться къ святынѣ. Особенно священной считается сѣверный склонъ кургана, но почему именно сѣверный, намъ объяснить не могли.

Напившись чаю и оставивъ яблоки хозяину, мы отправились дальше, чтобы до ночи посидѣть въ аулѣ, въ домѣ Хаджи Шаханова, у котораго мы собирались ночевать.

Тьма быстро надвигалась; лошади рысью ѣжали безошибочно среди темноты по узкой тропинкѣ надъ обрывомъ; изрѣдка попадался подъемъ, усѣянный мелкимъ булыжникомъ, лошади, напрягая силы, выносятъ насъ снова на ровную тропинку; мы слышимъ только, какъ глубоко падаетъ камень, сброшенный копытомъ въ отвѣсъ.

Показалась изъ-за горъ луна; мѣстность, озаряемая ея лучами, измѣнила тотчасъ свой характеръ: засверкала Черекъ внизу,

засвѣтились серебристымъ отгѣнкомъ горы и утесы. Свѣтлой полоской видна и тропинка, извивающаяся по склону горы.

Внизу зачернѣло что-то огромною площадью: это аулъ; онъ расположенъ у подошвы высокой горы, на вершинѣ которой поднимается огромный силуэтъ полуразрушенной башни, господствующей надъ ауломъ; это тоже развалины крѣпости, откуда завоеватели держали въ своихъ рукахъ покоренныхъ туземцевъ.

Мы спустились еще нѣсколько шаговъ вдоль русла небольшого потока, впадающаго въ Черекъ и загороженнаго здѣсь у мельницы; двѣ доски, положенныя черезъ потокъ, составляютъ мостъ; по этому шатковому, узкому мосту лошади, однако, идутъ такъ же смѣло, какъ онѣ это дѣлаютъ и по карнизамъ, возвышающимися надъ пропастями, и по хорошей, ровной дорогѣ.

Нѣсколько поворотовъ по узкимъ улицамъ аула, и мы у дверей кунацкой дома Шахановыхъ, одной изъ наиболѣе родовитыхъ семей въ Балкарѣ. Въ ожиданіи сына хозяина мы сѣли подлѣ кунацкой. Ярko блестятъ мѣсяцъ, обливая лучами окрестныя горы и узкія улицы аула, по которымъ двумъ всадникамъ въ рядъ пройти нельзя. Аулъ уже спалъ; все было тихо, не слышно было даже лая собакъ.

Вошелъ сынъ Хаджи, человѣкъ лѣтъ тридцати, и пригласилъ насъ въ кунацкую, предварительно извинившись, что отецъ его уже спитъ и только поэтому не выходитъ самъ встрѣчать гостей. Несмотря на наши усиленные просьбы, онъ принудилъ насъ поужинать, прежде чѣмъ лечь спать.

На слѣдующее утро мы выѣхали изъ аула, чтобы провести день въ осмотрѣ башенъ въ аулахъ Шеанты и Куннымъ, расположенныхъ нѣсколько дальше.

Мы подѣхали къ Шеанты, расположенному при впаденіи рѣки Иртышки въ Черекъ. Аулъ большой и густо населенный; среди аула возвышается огромная башня семейства Абаевыхъ, на двухъ сторонахъ которой видны углубленные въ стѣнѣ четырехъ-конечные равносторонніе кресты. Въ этомъ аулѣ утвердилась нѣкогда семья Абаевыхъ, одна изъ наиболѣе вліятельныхъ семей въ Балкарѣ. Какъ Шахановы и Абаевы, такъ и нѣсколько другихъ семей балкарскихъ производятъ себя отъ общаго родоначальника Бассіата. До покоренія русскими края и до уничтоженія крѣпостной зависимости, весь Балкаръ былъ подѣленъ между этими семьями, представители которыхъ считались князьями; но русское правительство не оставило за ними этого титула, хотя за такими же владѣтелями въ сосѣднихъ горскихъ обществахъ титулъ князя бывалъ утверждаемъ. Это объясняется тѣмъ, что

тѣ общества, въ которыхъ титулъ князя былъ утвержденъ, были покорены русскими раньше, когда правительство было болѣе щедро на раздачу этого титула мѣстнымъ владѣльцамъ.

Постройка башни Абаевской приписывается преданіемъ какому-то греку. По внѣшнему виду башня ничѣмъ не отличается отъ того типа, который въ столь большомъ количествѣ разсѣянъ по кавказскимъ горамъ: и балкарскія башни, какъ большинство другихъ — четырехугольныя, усѣченныя пирамиды; и въ нихъ также дверь приподнята надъ землею.

Пока З. П. зарисовывалъ видъ башни, успѣла собраться толпа изъ мужчинъ и дѣвушекъ; тѣ и другія смотрѣли съ любопытствомъ какъ на насъ, такъ и на карандашъ З. П., набрасывающій на бумагѣ башню. Мужчины смѣло подходили къ нему и внимательно слѣдили за работой; дѣвушки держались въ отдаленіи, довольствуясь и тѣмъ, что могли, хотъ и не такъ близко, видѣть пріѣзжихъ. Онѣ были одѣты въ ярко-красныя или малиновыя рубахи, шолковыя и ситцевыя, и въ полукафтаны бѣлыя и сѣрыя. Рѣдко можно было встрѣтить такую массу красивыхъ дѣвичьихъ лицъ, какъ здѣсь; трудно представить себѣ болѣе красивую группу, чѣмъ эти дѣвушки, стоявшія на небольшомъ возвышеніи. Положеніе женщинъ здѣсь такое же тяжелое, какъ и въ Чечнѣ. Онѣ пользуются здѣсь гораздо меньшей свободой, чѣмъ у осетинъ, и обычай, обязательный для женщинъ въ Чечнѣ и у ингушей, сходять съ дороги при встрѣчѣ съ мужчиной и наклоняться, не встрѣченный нами въ Осетіи, господствуетъ и въ Балкарѣ.

За ауломъ тянется огромный древній могильникъ, огороженный каменной стѣнкой; посреди небольшихъ возвышеній могилъ простыхъ балкарцевъ поднимаются огромными зданіями три гробницы предковъ Абаевыхъ: двѣ изъ нихъ, крытыя большими куполами, принадлежать двумъ братьямъ: Созрану и Али-Мурзѣ, полусказочнымъ богатырямъ, оставившимъ по себѣ живое воспоминаніе въ народныхъ пѣсняхъ балкарцевъ; третья гробница принадлежитъ одной дѣвушкѣ изъ семейства Абаевыхъ, умершей еще въ молодыхъ годахъ. Могилы Абаевыхъ еще ограждены особой стѣнкой отъ прочихъ могилъ. Владѣтели не желали быть похороненными наравнѣ со своими подвластными, и по преданію приказали тому греческому зодчему, который построилъ для нихъ башни, воздвигнуть и эти гробницы, въ которыхъ подъ каменнымъ поломъ въ обширныхъ склепахъ и покоился долго прахъ ихъ, пока въ недавнее время менѣе благочестивые потомки ихъ бывшихъ подданныхъ не разграбили ихъ могилъ.

На противоположномъ берегу Черека по склону горы под-

нимается амфитеатромъ аулъ Куннымъ, среди котораго возвышается также башня, принадлежащая Абаевымъ.

Куннымъ считается древнѣйшимъ ауломъ. Здѣсь основался Бассіатъ, когда онъ покорилъ Балкаръ. Мы отправились въ Куннымъ, чтобы осмотрѣть башню и надпись, которая, по словамъ нашего проводника, сохранилась въ одной изъ выбоинъ въ скалѣ.

Чтобы добраться до скалы, на которой была надпись, приходилось подниматься въ гору сначала по крутому склону, устланному мелкими, острыми камнями. Проводникъ нашъ снялъ свои чулки и, несмотря на острые камни, быстро поднимался вверхъ, словно его босые ноги не чувствовали никакой боли. Наконецъ склонъ пройденъ, мы у подножья скалы, уступами поднимающихся вверхъ; цѣпляясь за камни, нависая надъ болѣе или менѣе высокими обрывами, мы продолжали подниматься, между прочимъ по небольшимъ карнизамъ, которые бывали такъ узки, что по нимъ можно было пройти только бокомъ, придерживаясь руками за выступы утеса; затѣмъ снова подъемъ по скользкимъ выступамъ скалы. Наконецъ проводникъ нашъ остановился передъ довольно широкой выбоиной въ скалѣ, но надписи не было видно; впрочемъ, при болѣе внимательномъ осмотрѣ можно было еще различить слѣды истершейся надписи бѣлой краской; но время и дожди уничтожили ее настолько, что кромѣ едва видныхъ слѣдовъ нѣкоторыхъ буквъ ничего различить нельзя было. Никто не могъ намъ сказать въ Балкарѣ, на какомъ языкѣ была сдѣлана надпись; мулла, который лѣтъ десять тому назадъ видѣлъ эту надпись, тогда еще довольно цѣлую, увѣрялъ, что она написана не на арабскомъ языкѣ. Балкарцы, по крайней мѣрѣ, не признавали надпись своей; преданія не сохранили даже имени того народа, который начерталъ на Чортовой лѣстницѣ и здѣсь высоко на скалѣ эти загадочныя письма.

Съ высоты, на которой мы находились, былъ видѣнъ почти весь Балкаръ: обширная долина дѣлилась Череконъ на двѣ половины. По обѣимъ сторонамъ его располагались аулы вверхъ по горамъ, образуя то маленькія кучки домовъ, то занимая огромныя площади, какъ Шканты и Куннымъ. Прямо передъ нами видѣлся Шканты съ башней и гробницами; послѣднія казались съ высоты ничтожными. Подъ ногами у насъ Куннымъ съ едва замѣтными фигурами людей. Влѣво снова аулы, большіе и малые; иные лѣпились по склонамъ горъ, иные почти срывались за утесами. А отъ аула до аула роскошныя площади зрѣющихъ полей, волнистыхъ, словно огромное желтое море. Справа вздымались горы, покрытыя вѣчными снѣгами; на нихъ — граница

балкарской земли; по ту сторону живутъ уже сванеты, нерѣдко смѣлыми, неожиданными набѣгами наводившіе ужасъ на балкарцевъ. Противъ нихъ строили нѣсколько крѣпостей на горахъ; на памяти многихъ не особенно старыхъ балкарцевъ, ставили по горамъ сторожевыхъ ратниковъ, которые должны были въ случаѣ опасности заблаговременно предупреждать жителей. Много разсказовъ ходитъ въ устахъ жителей о взаимной враждѣ обоихъ сопредѣльныхъ народовъ; разсказываются и кровопролитные набѣги балкарцевъ на сванетовъ, когда первые, выведенные изъ терпѣнія разбоями своихъ сосѣдей, ополчались на нихъ, переходили черезъ хребетъ и мстили сванетамъ за ихъ набѣги, разоряли ихъ аулы и побѣдоносные возвращались съ добычей и плѣнными въ Балкаръ.

Мы начали спускаться; проводникъ провелъ насъ мимо развалинъ башенъ и построекъ бывшаго нѣкогда здѣсь селенія, уже съ незапамятныхъ временъ оставленнаго; на этомъ-то мѣстѣ среди неприступныхъ скалъ основался Бассіатъ, покоривъ Балкаръ. Впослѣдствіи, когда его потомки достаточно укрѣпились въ покоренной странѣ, они спустились ниже по склону, ближе къ водѣ, и прежнее жилище предка, основателя ихъ могущества, пришло въ забвеніе и мало-по-малу разрушилось.

Въ Куннымъ одинъ изъ мѣстныхъ обитателей пригласилъ насъ къ себѣ и за чаемъ разсказывалъ намъ преданія о Бассіатѣ и его родѣ. Лишь поздною ночью мы вернулись къ Хаджи Шаханову.

На слѣдующее утро явился къ намъ самъ Хаджи, извиняясь, что раньше придти не могъ, такъ какъ онъ старъ и ложится рано, а мы оба дня пріѣзжали къ нему ночью. Хаджи было лѣтъ 90, какъ онъ самъ говорилъ; онъ плохо видѣлъ, но сохранялъ еще бодрость и ходилъ хотя медленно, но прямо. Бѣлая борода красиво обрамляла его худыя щеки; по его чертамъ можно было заключить, что онъ былъ нѣкогда рѣдко красивъ. Онъ носилъ папаху, обернутую бѣлымъ полотенцемъ внизу, въ видѣ тюрбана, въ знакъ того, что онъ былъ въ Меккѣ; на бѣлую черкеску Хаджи надѣвалъ блѣдно-голубой широкій турецкій халатъ. Хаджи былъ человекъ ученый, онъ зналъ коранъ и преподавалъ его толпѣ учениковъ, аккуратно посѣщавшихъ его уроки; славился онъ и тѣмъ, что лучше всѣхъ помнитъ преданія балкарцевъ и знаетъ ихъ адаты, что, какъ я говорилъ уже выше, составляетъ всегда большую долю уваженія среди мѣстнаго населенія.

Онъ сѣлъ съ нами, и послѣ нѣсколькихъ фразъ привѣтствій началъ разспрашивать, зачѣмъ мы пріѣхали, кто насъ послалъ

и т. п. Послѣ такого разговора, длившагося съ полчаса, мы попросили его разсказать намъ о заселеніи Балкара, объ ихъ преданіяхъ. Хаджи не противился; онъ началъ тихо, плавно передавать намъ о томъ, какъ предокъ ихъ Бассіатъ пріѣхалъ изъ Крыма, какъ долго странствовалъ и какъ, наконецъ, онъ основался въ Балкарѣ. Жителей туземцевъ онъ покóрилъ и долго властвовалъ надъ Балкаромъ, пока наконецъ подъ старость не почувствовалъ тоски по родинѣ; тогда, оставивъ сыновей въ новопокоренной имъ землѣ, возвратился самъ въ Крымъ; какъ отъ сыновей его произошли всѣ знатныя семьи балкарцевъ, какъ, прослышавши про славу Балкара, многіе князья изъ Сванетіи и изъ кумыскихъ степей пріѣзжали къ нимъ и увеличивали собой число аристократовъ въ странѣ; разсказывалъ онъ и о томъ, какъ предки его расселяли мѣстныхъ жителей по горамъ, основывая новыя аулы, вслѣдствіе чего разрослось такое число поселковъ.

Затѣмъ старикъ сталъ разсказывать про сословныя отношенія, существовавшія въ странѣ до освобожденія крѣпостныхъ. Несмотря на наши усилія возвратить его къ преданіямъ объ исторіи вѣра—намъ это не удалось; Хаджи попалъ на свое болѣе мѣсто.

Вотъ что сообщалъ намъ Хаджи Шахановъ о сословномъ устройствѣ балкарцевъ. Весь Балкаръ былъ подѣленъ между потомками Бассіата и знаменитыми выходцами изъ Сванетіи, кумыскихъ степей и другихъ мѣстъ, пришедшими въ Балкаръ. Представители этихъ семей были господствующимъ классомъ, это были князья, въ большей или меньшей зависимости отъ которыхъ находились жители. Населеніе дѣлилось на узденей, чагаровъ и касаровъ.

Уздени произошли частью изъ потомковъ тѣхъ дружинниковъ, которые вмѣстѣ съ первыми насельниками балкарцами помогали Бассіату и его потомкамъ въ покореніи страны, и изъ туземцевъ, которые, измѣнивъ своей родинѣ, содѣйствовали тѣмъ покоренію Балкара. Они получали землю отъ князей и несли за то разныя повинности. Одинъ день въ году уздени должны были отдавать свой трудъ на косьбу княжескихъ луговъ; одинъ день для жатвы; кромѣ того каждый былъ обязанъ явиться съ двумя быками на уборку сѣна и также на уборку хлѣба; въ томъ и другомъ случаѣ они отдавали князю только одинъ день. Князь могъ заставить своего узденя пасти барановъ, и узденъ не имѣлъ права отказать. Они должны были также свозить съ горъ для князя лѣсъ, который рубился чагарами. Когда наступала зима, узденъ былъ обязанъ взять къ себѣ на кормъ одну изъ коровъ

князя; когда наступала весна, онъ долженъ былъ въ продолженіе одного дня пахать княжескую землю. Приѣзжалъ ли кто къ князю въ гости, уздени должны были брать къ себѣ лошадей приѣхавшихъ и кормить ихъ. Если князь уѣзжалъ куда-нибудь, одинъ уздень долженъ былъ непременно сопровождать его повсюду; если въ путь отправлялась жена князя или его дочь, также одинъ уздень и одна изъ родственницъ его должны были провожать ее. Далѣе, если князь покупалъ себѣ холоповъ, уздени должны дать князю корову или нѣсколько барановъ съ тѣмъ, чтобы облегчить затрату на покупку холопа. Уздени, наконецъ, были обязаны давать князю одного барана въ годъ со двора, носить ему каждую весну извѣстное число припасовъ и извѣстное количество бузы. Если уздень выдавалъ свою дочь замужъ, онъ платилъ князю двѣ коровы. Когда уздень рѣзалъ барана или варилъ пиво, онъ приносилъ часть реберъ и нѣсколько сосудовъ пива князю.

Отъ всѣхъ этихъ повинностей князь могъ освободить узденя; но случаи освобожденія бывали рѣдко. Иногда въ благодарность за свое освобожденіе, князь требовалъ, чтобы уздени дали ему все свое имѣніе.

Если уздень былъ убитъ кѣмъ-нибудь, то часть выкупа поступала къ князю; выкупъ производился обыкновенно передачей въ семью убитаго трехъ рабовъ, ростомъ первый въ четыре четверти, второй въ пять четвертей и третій шесть четвертей; среднего бралъ себѣ князь. Иногда выкупъ людьми замѣнялся отдачей извѣстнаго числа головъ скота или выдѣла земельного участка; въ томъ и другомъ случаѣ извѣстная доля приходилась князю.

Чагары, какъ и уздени, имѣли свою, данную имъ князьями землю и свои сакли: они несли также цѣлую массу повинностей по отношенію къ князю; они также должны были удѣлять изъ своего времени нѣсколько дней на производство работъ на княжескихъ поляхъ; они высылали своихъ женщинъ (одну отъ cadaго двора) на жатву къ князю. Чагары считались ниже, чѣмъ уздени, и переходъ въ сословіе узденей былъ для нихъ невозможенъ.

Если чагаръ или уздень умиралъ, не оставивъ наслѣдниковъ, то наслѣдовалъ князь. Если княжеская семья дѣлилась, она наравнѣ съ прочимъ имуществомъ дѣлила чагаровъ и узденей, не говоря о холопахъ „касагахъ“, которые собственности не имѣли и жили въ домѣ у князя. Впрочемъ холопъ, если онъ выслуживался у своего господина, могъ быть имъ повышенъ въ званіе чагара; тогда ему давалась земля и сакля. Неисполненіе тѣхъ повинностей, которыя лежали на чагарахъ и узденяхъ, навлекало на нихъ штрафъ, который выплачивался ими князю въ размѣрѣ

10 рублей деньгами или скотомъ за первую вину; за вторую размѣръ штрафа удвоивался.

Понятно, что хорошо жилось князьямъ до освобожденія подданныхъ изъ-подъ ихъ власти. Понятно также, что Хаджи, воспитанный въ извѣстныхъ традиціяхъ, считалъ эту реформу несправедливой. Онъ слишкомъ привыкъ къ беззаботной жизни, чтобы на старости лѣтъ самому думать о своей семьѣ.

Простившись съ Хаджи, мы тронулись въ обратный путь. Вечеромъ мы были въ Кашкатау. На слѣдующее утро до восхода солнца наши лошади быстро несли насъ по плоскости, вдоль по теченію Черека. Съ зарей мы были уже въ кабардинскомъ селеніи, узкой полосой вытянувшемся по берегу рѣки. Далѣе подъемъ на плоскогорье, извилистая дорога среди кустарника, слѣва громада лѣса, который мы оставили на этотъ разъ въ сторонѣ, и передъ нами вытянулся Нальчикъ со своими свѣтлыми, уютными домиками среди зелени.

Николай Харузинъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ К. Θ. РЫЛѢВА.

Въ настоящее время, когда насъ отдѣляетъ отъ 20-хъ годовъ болѣе полувѣка, когда изслѣдователи отечественной исторіи все чаще и чаще начинаютъ обращаться къ изученію Александровской эпохи, столь знаменательной въ судьбахъ нашего общественнаго развитія, когда и собранія сочиненій Рылѣва имѣли у насъ уже два изданія, — въ настоящее время возможно было бы приступить къ разработкѣ біографіи Рылѣва, какъ поэта, и сдѣлать критическую оцѣнку его литературной дѣятельности; но до сихъ поръ, можно сказать, не сдѣлано въ этомъ отношеніи почти ничего, — главнымъ образомъ по скудости біографическихъ матеріаловъ, безъ которыхъ затруднительна и литературная оцѣнка.

Благодаря обязательной любезности Е. А. Шахматовой, у меня во временномъ пользованіи находится значительное собраніе различныхъ бумагъ, большею частью Александровскаго времени, и между ними довольно много черновыхъ рукописей Рылѣва, изъ которыхъ можно извлечь нѣсколько совершенно новыхъ чертъ для дополненія общихъ, уже имѣющихся свѣденій объ его жизни и не мало доселѣ неизвѣстныхъ его стихотворныхъ набросковъ; все это представляетъ значительный интересъ для изслѣдователей исторіи нашей литературы и жизни въ началѣ нынѣшняго вѣка.

Евгенія Александровна Шахматова, разбирая въ своемъ имѣ-

ніи Губаревкѣ (Саратовск. уѣзда), бібліотеку своего покойнаго отца, Александра Алексѣевича, нашла въ ней между книгами связку бумагъ, относящихся по большей части къ первой четверти XIX-го вѣка и состоящихъ главнымъ образомъ изъ переписки лицъ (болѣе 100 писемъ) литературнаго круга двадцатыхъ годовъ, а также изъ разныхъ стихотвореній. Въ общемъ все собраніе весьма интересно и представляетъ не мало данныхъ для исторіи нашей литературы и нашего общества Александровскаго времени; но на этотъ разъ я имѣю въ виду только одну часть этого собранія, именно, черновыя бумаги Рылѣва. Первоначально это собраніе принадлежало Ан. Ан. Ивановскому, который и былъ его первымъ составителемъ и отъ котораго, вѣроятно, оно было получено А. А. Шахматовымъ. Этимъ объясняется нахожденіе, вмѣстѣ съ бумагами Рылѣва, также и нѣкоторыхъ другихъ документовъ: Ан. Ан. Ивановскій служилъ при ген. Бенкендорфѣ и, благодаря своему служебному положенію и благосклонному отношенію къ нему начальника, имѣлъ возможность достать много подлинныхъ бумагъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и Рылѣва.

Начну съ писемъ и прозаическихъ набросковъ, и затѣмъ перейду къ поэзіи Рылѣва. Но прежде всего, однако, я считаю нужнымъ остановиться на спорномъ вопросѣ о годѣ рожденія Рылѣва. Годъ этотъ съ точностью еще не опредѣленъ: въ спискахъ 1-го кадетскаго корпуса, гдѣ учился Рылѣвъ, противъ его имени отмѣчено: „принятъ 23-го января 1801 года, имѣя 12 лѣтъ отъ роду“¹⁾; изъ этой официальной поимѣтки слѣдуетъ, что Рылѣвъ родился въ 1789 году. Затѣмъ есть показаніе Александра Бестужева, сообщающаго, что Рылѣвъ родился въ 1795²⁾; это показаніе особенно важно потому, что А. Бестужевъ былъ весьма близокъ къ Рылѣву; притомъ оно сдѣлано въ „Полярной Звѣздѣ“, альманахѣ, который издавался вмѣстѣ Бестужевымъ и Рылѣвымъ; такимъ образомъ это — почти свидѣтельство самого Рылѣва. Далѣе, въ официальномъ отчетѣ по слѣдствію о дѣлѣ 14-го декабря значитса, вѣроятно на основаніи показанія самого Рылѣва, что ему въ 1825 году было 29 лѣтъ; въ такомъ случаѣ его рожденіе должно быть относимо къ 1796 году³⁾. На-

¹⁾ Сообщение г. Д. Кропотова. „Русск. Старина“, 1872 г., № 11, стр. 60.—604.

²⁾ „Полярная Звѣзда“, 1828 г. Статьи А. Вестужева: „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи“, стр. 29.

³⁾ Списокъ преданныхъ суду по дѣлу 14-го декабря, опубликованный при манифестѣ 1-го іюня 1826 г.,—у Богдановича (Исторія царствованія Александра I), т. VI, приложенія, стр. 62; „Русск. Старина“, 1872 г., № 11, 604.

конецъ, сохранилось еще семейное преданіе, по которому Рыльцевъ родился въ 1797 году ¹⁾).

Несмотря на офіціальный и отчасти документальный характеръ перваго изъ показаній, нами приведенныхъ (запись въ корпусѣ, вѣроятно, должна была дѣлаться по метрическому свидѣтельству), — показаніе это представляется маловѣроятнымъ и заставляетъ предполагать ошибку или въ записи, или въ ея чтеніи, какъ это справедливо уже замѣтилъ П. А. Ефремовъ ²⁾, указавшій, что еслибы Рыльцевъ родился въ 1789 году, онъ не могъ бы въ одномъ изъ писемъ 1823 г. (будучи 36 лѣтъ) категорически заявлять: „я *молодъ*“... ³⁾. Или какъ бы могъ Бестужевъ на 6 лѣтъ ошибиться въ указаніи года рожденія Рыльцева? Какъ бы могъ Рыльцевъ показывать комитету, что ему въ 1825 г. было всего 29 лѣтъ? Ошибка на годъ тутъ или тамъ возможна, но ошибку на шесть, на семь лѣтъ допустить очень трудно. Г. Д. Кротовъ принимаетъ, однако, что Рыльцевъ родился въ 1789 г., такъ какъ онъ сомнѣвается, чтобы мальчика могли отдать въ корпусъ въ 1801 г.: мать Рыльцева, одна изъ добрейшихъ женщинъ, не могла рѣшиться на разлуку съ единственнымъ сыномъ, когда ему было всего три-четыре года отъ роду ⁴⁾. На это сомнѣніе можно отвѣтить, какъ выше замѣчено, сомнѣніемъ въ вѣрности корпусной записи или въ вѣрности ея чтенія: не въ 1807 ли году (вмѣсто 1801) былъ отданъ Рыльцевъ въ корпусъ, какъ это предположилъ г. Ефремовъ? Но если даже принять, что Рыльцевъ поступилъ въ корпусъ (гдѣ было и малолѣтнее отдѣленіе) въ 1801 г., то это можно легко себѣ объяснить тѣмъ, что рассказано самимъ же г. Д. Кротовымъ ⁵⁾: отецъ Рыльцева, Ѳеодоръ Андреевичъ, отличался жестокимъ характеромъ, постоянно билъ своего сына, а жену нерѣдко запиралъ даже въ погребъ; при подобныхъ условіяхъ самая добрая и любящая мать, именно по своей любви къ сыну, конечно, стремилась бы избавить сына отъ истязаній и удалить отъ всей вредной обстановки, даже цѣною разлуки съ нимъ. Къ этимъ соображеніямъ надо присоединить еще одно, которое имѣетъ притомъ и гораздо большее значеніе: извѣстно, что война всегда вызываетъ значительное напряженіе народныхъ силъ; для удовлетворенія ея потребностей прибѣгаютъ къ экстреннымъ средствамъ,

¹⁾ Соч. Рыльцева, стр. VIII (ссылки дѣлаются по второму изданію 1875 г.).

²⁾ Соч. Рыльцева, стр. IX.

³⁾ Письмо къ Булгарину, отъ 7-го сентября 1823 г., соч. Рыльцева, см. стр. 220.

⁴⁾ „Русск. Стар.“ 1872, № 11, стр. 604.

⁵⁾ „Русск. Вѣстн.“, 1869, № 3. „Нѣсколько свѣденій о Рыльцевѣ“.

къ ускоренному выпуску медиковъ, къ ускоренному производству въ офицеры и т. п.; дѣйствительно, въ отечественную войну патріотическое одушевленіе охватило съ великою силою все русское общество, весь русскій народъ, безъ различія пола и возраста; легко было бы указать не мало примѣровъ, что въ рядахъ русской арміи въ 1812 году были мальчики 15—17 лѣтъ. Можно ли при этомъ допустить, чтобы начальство 1-го корпуса задержало въ стѣнахъ заведенія 23-лѣтняго Рылѣева, обучающагося, такимъ образомъ, уже одиннадцать лѣтъ въ корпусѣ, и притомъ задерживало бы въ 1812 и 1813 гг. для того, чтобы въ 1814 г. его, уже двадцатипятилѣтняго, выпустить, наконецъ, офицеромъ? Если даже предположить, что Рылѣевъ былъ крайне неуспѣшенъ въ своихъ учебныхъ занятіяхъ, то все-таки въ 1812 г. (если ему было тогда 23 года) его несомнѣнно отправили бы въ армію. Да и самъ онъ могъ ли бы, будучи въ такомъ возрастѣ и готовясь давно къ военной службѣ, оставаться въ корпусѣ, когда грянула гроза 1812 года, во время безпредѣльнаго патріотическаго одушевленія, охватившаго весь народъ? Извѣстны стихи Пушкина, обращенные имъ къ товарищамъ:

„Вы помните, текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣнь наукъ съ досадою возвращались,
Завидуя тому, кто умираетъ
Шелъ мимо насъ“...

И въ то время, какъ тринадцатилѣтній Пушкинъ и его товарищи-сверстники были проникнуты такими чувствами, двадцатитрехлѣтній Рылѣевъ, при извѣстной пылкости своей души, могъ бы спокойно оставаться въ корпусѣ и быть два года равнодушнымъ свидѣтелемъ отчаянной борьбы со страшнымъ врагомъ? Допустить это совершенно невозможно.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ соображеній мы должны рѣшительно и окончательно откинуть сообщаемую г. Кропотковымъ корпусную помѣтку, изъ которой слѣдуетъ, будто Рылѣевъ родился въ 1789 году, и выбирать изъ трехъ остальныхъ цифръ, столь близкихъ между собою, а потому почти безразличныхъ; наиболѣе достовѣрнымъ, однако, кажется указаніе „Полярной Звѣзды“: современное самому Рылѣеву и идущее изъ компетентнаго источника, оно можетъ быть авторитетнѣе даже семейнаго *преданія*; что же касается до показанія оффиціального списка подсудимыхъ 1-го іюня 1826 г., то тутъ, можно сказать, мы имѣемъ не указаніе на годъ рожденія, а лишь общее опредѣленіе возраста, а при такомъ общемъ опредѣленіи небольшая

ошибка весьма возможна; къ тому же, мы не знаемъ, что собственно означено въ официальномъ списокѣ: быть можетъ, имѣлось въ виду опредѣлить возрастъ подсудимыхъ къ началу 1825 г., т.-е. возрастъ, въ какомъ дѣйствовали члены тайнаго общества большую часть 1825 года, поэтому Рылѣву и указано 29 лѣтъ (его рожденіе, по сообщенію г. Ефремова, приходилось 18-го сентября). Такимъ образомъ, по всѣмъ даннымъ, которыми мы пока располагаемъ, слѣдуетъ признать всего болѣе достовѣрнымъ показаніе Александра Бестужева: Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣвъ родился въ 1795 году.

Обращаюсь теперь къ матеріаламъ.

Въ нашемъ собраніи всего только три письма Рылѣва. Изъ нихъ самое раннее—къ матери ¹⁾ изъ-за границы, во время похода 1814 года. Рылѣвъ былъ въ началѣ 1814 года выпущенъ изъ корпуса прапорщикомъ артиллеріи и тотчасъ же отправился въ армію, бывшую за границей; какъ онъ торопился, видно изъ того, что онъ былъ выпущенъ 10-го февраля 1814 года ²⁾, а слѣдующее письмо его къ матери уже изъ Дрездена помѣчено 28 февраля того же года:

„Городъ Дрезденъ. Февраль, 28 числа, 1814.

„Дражайшая матушка!

„Здѣсь нашель дядюшку Михайла Николаича, который, при семъ, какъ вамъ, такъ и Петру Ѳедоровичу, Катеринѣ Ивановнѣ, господамъ Прево и своей сестрицѣ кланяется. Очень, очень добрый и рѣдкій! все еще страдаетъ раною. Онъ мнѣ довольно подробно объяснилъ дѣло батюшки и очень сожалѣлъ, что я не побѣхалъ черезъ Кіевъ, ибо тамошній полиціймейстеръ, его пріятель, выдалъ (бы) мнѣ лучшія вещи. Что-жъ дѣлать? Мы этого не знали!

На что высокій чинъ, богатства,
На что и множество крестовъ!
Въ нихъ вовсе, вовсе нѣтъ пріятства,
Когда душевно нездоровъ.
Богатъ будь добрыми дѣлами,
И будешь счастливъ завсегда.
Не гнѣзъ за суетой—чинами,
И не спотынешься никогда!

„Вашъ покорнѣйшій сынъ Кондратій Рылѣвъ.

„При семъ вложено письмо въ корпусъ“.

¹⁾ Анастасія Матѣевна Рылѣва, рожд. Эссенъ, ум. въ 1824 г.

²⁾ „Русск. Вѣстникъ“ 1869, № 3, стр. 230.

Дядюшка, котораго нашелъ Рылѣвъ въ Дрезденѣ, — Михаилъ Николаевичъ Рылѣвъ, — близкій родственникъ его отца. На этотъ разъ молодой Рылѣвъ, вѣроятно, недолго оставался въ Дрезденѣ, но затѣмъ въ томъ же году, въ сентябрѣ, уже возвращаясь изъ Франціи, онъ снова встрѣтился въ столицѣ Саксоніи со своимъ дядей, который былъ тогда въ Дрезденѣ комендантомъ и опять обласкалъ племянника, доставилъ ему мѣсто въ Дрезденѣ же при артиллерійскомъ магазинѣ, ссужалъ его деньгами и проч. ¹⁾. Г. Фелькнеръ, женатый на дочери М. Н. Рылѣва, передаетъ со словъ своей тещи, что К. Θ. Рылѣвъ недолго прослужилъ въ Дрезденѣ: при необычайной живости своего характера, онъ своими сатирами и эпиграммами вооружилъ многихъ; на него жаловались саксонскому генералъ-губернатору кн. Н. Г. Репнину, а тотъ просилъ М. Н. Рылѣва удалить безпокойнаго родственника, что и было исполнено ¹⁾. Въ началѣ марта 1815 г. Рылѣвъ пишетъ матери уже изъ минской губерніи, гдѣ онъ въ то время находился при своей артиллерійской ротѣ.

Что касается до дѣлъ отца, о которыхъ говоритъ Рылѣвъ въ этомъ письмѣ, то онѣ уже извѣстны. Ѳеодоръ Андреевичъ Рылѣвъ былъ главноуправляющимъ кн. С. Θ. Голицына; когда князь умеръ, вдова его, княгиня Варвара Васильевна, сдѣлала начеть на Θ. А. Рылѣва и предъявила къ нему крупный искъ въ 80.000 рублей; послѣ смерти Θ. А., случившейся въ самомъ началѣ 1814 года въ Кіевѣ, все движимое имущество его было тамъ заарестовано по этому иску. Впослѣдствіи, за смертью кн. Голицыной, сыновья ея отказались отъ этого иска, но все-таки дѣло это не было еще совсѣмъ кончено до самой смерти К. Θ. Рылѣва. Упомянутое въ концѣ „вложенное письмо въ корпусъ“ показываетъ, что Рылѣвъ поддерживалъ переписку съ товарищами, оставшимися въ корпусѣ.

Второе письмо Рылѣва, имѣющееся въ нашемъ собраніи, относится уже къ 1823-му году. Оно адресовано имъ къ извѣстному польскому писателю и патріоту Нѣмцевичу.

Юліанъ-Урсинъ Нѣмцевичъ былъ адъютантомъ Костюшки; вмѣстѣ съ нимъ, тоже раненый, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и раздѣлялъ съ нимъ его заключеніе въ Петербургѣ. Онъ снова выступилъ на политическое поприще во время плановъ Наполеона относительно восстановленія Польши и затѣмъ одно время находился въ составѣ варшавскаго правительства при имп. Алек-

¹⁾ См. письма Рылѣва къ матери, — Соч. Рыл., стр. 281 и слѣд.

²⁾ „Русск. Старина“, 1872, № 10, 441.

сандръ I, пользуясь большимъ авторитетомъ среди патриотической польской партіи. Во время восстанія 1830 года онъ участвовалъ въ просуществовавшемъ недолго правительствѣ, стараясь воздерживать своихъ соотечественниковъ отъ рѣзкихъ крайностей, и былъ отправленъ съ порученіемъ въ Англію; во время его отсутствія пала Варшава, онъ снова сдѣлался эмигрантомъ и умеръ въ Парижѣ въ 1841 году. Нѣмцевичъ оставилъ намъ изданныя уже послѣ его смерти на французскомъ языкѣ воспоминанія о своемъ невольномъ пребываніи въ Петербургѣ. — Литературная дѣятельность Нѣмцевича началась еще въ концѣ прошлаго вѣка политическими комедіями, а затѣмъ въ 1816 г. онъ издалъ „*Spiewy Historyczne*“. Хотя эти „Историческія пѣсни“, по оцѣнѣ В. Д. Спасовича, „лишены всякой правды и таланта“, но своимъ патриотическимъ направленіемъ онѣ сильно вліяли на польскихъ читателей. Этою же своею стороною онѣ обратили на себя вниманіе Рылѣва, который до извѣстной степени подражалъ имъ въ своихъ „*Думахъ*“. Надо замѣтить, что Рылѣвъ еще въ корпусѣ хорошо изучилъ польскій языкъ. Въ предисловіи, которое Рылѣвъ помѣстилъ при отдѣльномъ изданіи своихъ „*Думъ*“, онъ въ началѣ приводитъ слова Нѣмцевича изъ предисловія его къ „Историческимъ пѣснямъ“. Кромѣ того, дума Рылѣва: „М. Глинскій“, представляетъ близкій переводъ одной изъ пѣсенъ Нѣмцевича. Этотъ переводъ и вызвалъ сношенія Рылѣва съ Нѣмцевичемъ. Напечатавъ свой переводъ въ 1822 году, Рылѣвъ послалъ его при письмѣ Нѣмцевичу. Этого письма у насъ нѣтъ, но въ нашихъ бумагахъ находится подлинное отвѣтное письмо Нѣмцевича, снабженное офиціальнымъ переводомъ, который былъ сдѣланъ въ 1826 году уже въ слѣдственномъ комитетѣ. Привожу именно этотъ офиціальныи переводъ, съ исправленіемъ нѣкоторыхъ неточностей.

„Милостивый Государь!

„Я имѣлъ честь получить письмо ваше съ приложеннымъ отличнымъ переводомъ *Думы Глинскаго*. Честь, оказанная моимъ слабымъ приемамъ переводомъ оныхъ, и похвальные выраженія ваши возбуждаютъ во мнѣ наиболѣешую благодарность. Лестно для меня находить въ единоплеменномъ народѣ сердца и намѣренія, которыя побуждаютъ всѣ предубѣжденія и предразсудки, посвящаясь наукамъ и славѣ отечества. Достойные товарищи ваши и вы, милостивый государь, сами имѣете открытое поле для прославленія въ радостныхъ и поэтическихъ пѣсняхъ. Вы суть сыны обширнѣйшаго на земномъ шарѣ государства;

первые въ могуществѣ и силѣ, вы можете свѣту повелѣвать, а я, житель совершенно исчезнувшаго королевства, по теченію жизни моей, встрѣтившей только огорченія и обманчивыя упованія, нахожу единственно въ протекшихъ вѣкахъ похвальныя, но нынѣ печальныя напоминанія. Послѣдуйте по мнѣ, мужи съ вознесеннымъ челомъ, на славномъ поприщѣ вашемъ, а мнѣ, сѣдому и слабому старцу, возвѣсившему на плачевной вербѣ свою лютю, остается токмо подъ сѣнью древесъ искать защиты и ожидать послѣдняго часа: счастливъ, если передъ кончиною моею узрю озареніе спокойнаго неба на человѣческое поколѣніе.

„Прошу васъ, милостиваго государя, принять паки увѣренія благодарности и высокаго уваженія, съ коими имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга—Юліанъ-Урзинъ Нѣмцевичъ.

„Данъ въ Варшавѣ 30-го октября 1822“.

На это письмо Рылѣвъ отвѣчалъ Нѣмцевичу. Онъ не рѣшался писать прямо по-польски; поэтому мы находимъ въ нашихъ бумагахъ черновое письмо по-русски и дважды переписанный польскій переводъ, сдѣланный самимъ Рылѣвымъ; кромѣ того мы имѣемъ опять офіціальный переводъ этого письма. Привожу его по черновому подлиннику, мало отличающемуся отъ польскаго текста.

„Прекрасныя чувства, которыми исполнено письмо ваше, живо меня тронули... Такъ, отечество ваше несчастно, оно въ наши времена имѣло и недостойныхъ сыновъ,—но безславіе ихъ не могло помрачить чести великодушнаго народа, и изъ среды онаго явились мужи, которые славою дѣлъ своихъ несравненно болѣе возвысили славу Польши, нежели первые предательствомъ своимъ оную омрачили. Такъ,—и вы не одними воспоминаніями славныхъ дѣяній, совершенныхъ въ вѣкахъ минувшихъ, можете утѣшать себя. Къ счастію всего человѣчества, добрая слава дѣлъ нашихъ зависить не отъ одного успѣшнаго окончанія, но также отъ источника ихъ и побужденія,—и славныя имена Костюшки, Колонтая (Малаховскаго) ¹⁾, Понятовскаго, Потоцкаго, Нѣмцевича и другихъ знаменитыхъ патріотовъ, несмотря на то, что успѣхъ не увѣнчалъ ихъ благородныя усилія, никогда не перестанутъ повторяться съ благоговѣніемъ, а дѣянія мужей сихъ будутъ всегда служить для юношества достойными образцами. Сѣмена добра и свѣта уже посѣяны въ отечествѣ вашемъ. Скоро со-

¹⁾ Изъ польскаго текста.

зрѣютъ прекрасные плоды ихъ. Вы были однимъ изъ ревностнѣйшихъ сѣятелей; вы во все продолженіе жизни своей, какъ Тиртей, высокими пѣснями возбуждали въ сердцахъ согражданъ любовь къ отечеству, усердіе къ общественному благу, ревность къ чести народной и другія благородныя чувства. Итакъ, мужъ почтенный, утѣштесь и, снявъ лиру свою съ печальной вербы, подобно лебеди на водахъ Леандра, воспойте на закатѣ дней своихъ высокіе гимны, удвойте, если возможно, завидную славу вашу и порадуите достойное ваше отечество“...

На этомъ кончается русскій текстъ, а въ польскомъ письмѣ идетъ еще такое заключеніе: „Прошу милостиво принять увѣренія въ высокомъ уваженіи и почитаніи, съ которымъ имѣю честь оставаться вашъ, милостивый государь, нижайшій слуга. С.-Петербургъ, января 1823“.

Въ одномъ изъ польскихъ писемъ есть еще приписка: „P. S. Отсутствіе мое изъ Петербурга причиной тому, что я такъ долго былъ лишенъ счастья получить ваше письмо (отъ 30-го октября) и отвѣчать на него“.

Эта переписка между Рылѣвымъ и Нѣмцевичемъ характеризуетъ русско-польскія отношенія того времени. Она важна также и для характеристики Рылѣва: хотя мы видимъ въ его письмѣ выраженіе сочувствія къ патріотизму нѣкоторыхъ польскихъ дѣятелей, но Рылѣвъ вовсе не былъ склоненъ раздѣлять крайности польскихъ взглядовъ, имѣлъ свою точку зрѣнія на вопросъ о положеніи нашихъ западныхъ окраинъ, а въ стихахъ своихъ постоянно говорилъ о притѣсненіи поляками Малороссіи. Это письмо показываетъ намъ его безпристрастіе и преданность своимъ убѣжденіямъ, которая давала ему одну мѣрку для всѣхъ. Собственно говоря, его письмо къ Нѣмцевичу, гдѣ онъ восхваляетъ Костюшку и другихъ польскихъ патріотовъ, и его „Наливайко“ или „Хмельницкій“, проникнутые ненавистью къ „ляхамъ-утѣснителямъ“, несмотря на кажущееся ихъ противорѣчіе, служатъ доказательствомъ послѣдовательности его убѣжденій...

Третье письмо Рылѣва, имѣющееся въ нашемъ распоряженіи, относится къ марту 1826 года, ко времени службы Рылѣва правителемъ дѣлъ Россійско-Американской Компаніи въ Петербургѣ. Извѣстно, какъ дѣятельно работалъ Рылѣвъ въ этой должности, извѣстно, что онъ много оказалъ услугъ Россійско-Американской Компаніи ¹⁾. Наше письмо также показываетъ его добро-

¹⁾ „Русск. Вѣстн.“ 1869, № 3, стр. 287 — 288; „Девятнадцатый Вѣкъ“, изд. П. Бартевельмъ, I, Воспоминанія кн. Оболенскаго, стр. 315.

совѣстное и безкорыстное отношеніе къ дѣлу, за которое онъ взялся. Письмо адресовано въ Москву къ какому-то другу, имя котораго остается неизвѣстнымъ.

„Исполняя твое желаніе, спѣшу увѣдомить, что общее собраніе было 18-го марта, и по обыкновенію весьма шумное и несовсѣмъ разумное. Голосистѣе прочихъ горланили братья Лобановы, исподтишка — Политеовскій ¹⁾. Дѣло шло о балансѣ, который по сіе время не подписанъ еще, потому что Крамеръ ²⁾ не захотѣлъ явиться для разсмотрѣнія онаго. Это рѣшено тѣмъ, чтобы упряма вызвать посредствомъ правительства. Потомъ читали извлеченія изъ депешъ Муравьевскихъ; положено изъяснить ему отъ лица общаго собранія благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его, чтобы онъ остался въ колоніяхъ еще года хоть на два ³⁾. Третье дѣло было о долгѣ Болтона и компаніи, — опредѣлено остальную сумму 6.000 р. и процентъ 20.000 взыскать съ Крамера, какъ съ директора, выдававшего сіи деньги въ отсутствіе одного и безъ согласія другого директора. Мордвиновъ при первомъ дѣлѣ о Крамерѣ сказалъ: „когда онъ къ намъ невѣжливъ, такъ нечего и намъ падить его“. За симъ предложено было о избраніи члена совѣта, и всѣ единогласно избрали В. М. Головнина. Этому выбору я очень радъ. Знаю, что онъ упрямъ, любитъ умничать; зато онъ стоекъ передъ правительствомъ, а въ теперешнемъ положеніи компаніи это нужно. Говорятъ, что онъ за что-то меня не жалуетъ, да я не слишкомъ этимъ занимаюсь: такъ — хорошо; не такъ, такъ... такъ, я и безъ компаніи молодецъ: лишь бы она цвѣла. Последнее дѣло было о прибавкѣ тысячи рублей къ пенсіону Зеленскаго. Большинство голосовъ опредѣлило сію прибавку сдѣлать ему. Хотя онъ по-истинѣ и не заслуживаетъ этого, но я хлопоталъ за него у нѣкоторыхъ акціонеровъ. Занявъ мѣсто этого старца, у меня что-то лежало на совѣсти, особливо, когда онъ жаловался. Теперь я покоенъ ⁴⁾. Вотъ тебѣ возможно подробный отчетъ. Спасибо за письма. Спасибо, что полюбилъ Пущина; я еще отъ этого ближе къ тебѣ. Кто любитъ Пущина, тотъ уже непременно самъ рѣдкій чело-

¹⁾ Гаврило Герасимовичъ Политеовскій, т.-е. сенаторъ, былъ (до 1825 г.) членомъ совѣта Росс.-Ам. Компаніи, а потомъ оставался ея акціонеромъ.

²⁾ Комм.-совѣтникъ Венедиктъ Венедиктовичъ Крамеръ до 1825 былъ членомъ совѣта и членомъ главнаго правленія Рос.-Ам. Компаніи.

³⁾ Флота капитанъ-лейтенантъ, Матвій Ивановичъ Муравьевъ, былъ главнымъ правителемъ всѣхъ колоній и портовъ Компаніи въ Америкѣ.

⁴⁾ Дѣло идетъ объ Ив. Ос. Зеленскомъ, который былъ до Рылѣва правителемъ канцеляріи Росс.-Ам. Компаніи.

вѣкъ. Селивановскій ¹⁾ пишетъ ко мнѣ то же, что онъ говорилъ тебѣ. Морской офицеръ привезъ къ Смирдину экземпляры, съ нимъ посланные, позже полученныхъ имъ съ почтою. Но тоска; пора объ этихъ дрязгахъ забыть. Селивановскому буду писать я первою почтою. Проси его, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ окончательный счетъ. Зачѣмъ онъ отправилъ остальные экземпляры въ контору компаніи, кто его просилъ объ этомъ? Во-первыхъ, я удаляюсь отъ всякихъ расчетовъ денежныхъ съ компаніей; во-вторыхъ, я по сіе время не получилъ экземпляровъ и, вѣроятно, еще дней десять не получу; между тѣмъ я теряю... Опять математика! къ чорту ее... Твой другъ—К. Рылѣвъ.

„У Пушина твой экземпляръ „Звѣзды“. Увѣдоми, будетъ ли довольна Москва“.

Иванъ Ивановичъ Пушинъ, упоминаемый въ письмѣ, одинъ изъ декабристовъ, принадлежитъ также къ числу типическихъ лицъ Александровскаго времени. Онъ послѣ короткаго знакомства очень сблизился съ Рылѣвымъ, и его дѣятельность, какъ надворнаго судьи въ Москвѣ, можетъ быть не только сравниваема съ дѣятельностью Рылѣва, какъ засѣдателя уголовной палаты въ Петербургѣ, но и поставлена съ нею въ прямую связь, и, быть можетъ, даже объясняема вліяніемъ Рылѣва.

Рылѣвъ познакомился съ Пушинымъ около 1823 года ²⁾. Это знакомство имѣло вліяніе на судьбу обоихъ. Рылѣвъ въ это время былъ уже извѣстенъ своими произведеніями, и Пушинъ скоро принялъ его въ тайное общество, прямо въ члены верховной думы. Съ другой стороны, знакомство съ Рылѣвымъ не осталось безъ вліянія и на судьбу Пушина: можно предположить, что именно подъ воздѣйствіемъ Рылѣва Пушинъ перешелъ въ гражданскую службу.

И. И. Пушинъ окончилъ въ 1817 г. курсъ въ царскосельскомъ лицѣѣ (перваго выпуска, товарищъ и близкій другъ Пушкина, авторъ извѣстныхъ воспоминаній о великомъ поэтѣ) и поступилъ въ гвардейскую конную артиллерію, гдѣ и оставался до 1823 года. Около этого времени онъ, какъ уже сказано, познакомился съ Рылѣвымъ, а въ первой половинѣ года уже вышелъ въ отставку. Поводомъ къ оставленію Пушинымъ военной службы было столкновение его съ однимъ изъ начальниковъ; а поступ-

¹⁾ Селивановскій—извѣстный московскій типографъ, у котораго въ 1825 г. напечатаны „Думъ“ Рылѣва. Письмо это, писанное въ мартѣ (сверху помѣта „п. 28-го марта“, т.-е. получено),—безъ обозначенія года; такъ какъ тутъ дѣло идетъ объ изданіи „Думъ“, то письмо и относится къ 1825 году.

²⁾ „Деятели. Вѣкъ“, Бартенева, I, 312.

леніе его въ палату уголовного суда, гдѣ въ это время служилъ и Рылѣевъ, произошло, вѣроятно, не безъ вліянія послѣдняго: примѣръ Рылѣева могъ расположить его къ тому, и Пущинъ въ 1823 году, по выходѣ изъ артиллеріи, поступилъ сверхштатнымъ членомъ въ петербургскую палату уголовного суда, — какъ бы въ науку къ Рылѣеву. Въ 1824 году Пущинъ перешелъ въ Москву судьей надворнаго суда. Его безпристрастіе, какъ судьи, его ревностная дѣятельность — доставили ему, по выраженію Пушкина, всеобщее сочувствіе ¹⁾.

Рылѣевъ, собираясь жениться, вышелъ еще въ 1818 г. въ отставку изъ военной службы. Затѣмъ, послѣ свадьбы, состоявшейся лишь въ началѣ 1820 г., онъ переѣхалъ въ свое петербургское имѣніе ²⁾. Въ томъ же 1820 году онъ былъ избранъ дворянами въ засѣдатели петербургской палаты уголовного суда, гдѣ онъ и оставался на службѣ до 1824 года. Объ этой судейской службѣ Рылѣева Н. А. Бестужевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ слѣдующее: „Состраданіе къ человѣчеству, нелицепріятіе, пылая справедливость, неутомимая защита истины сдѣлали его извѣстнымъ въ столицѣ. Между простымъ народомъ имя и честность его вошли въ пословицу. Однажды, по важному подозрѣнію схваченъ былъ какой-то мѣщанинъ и представленъ бывшему тогда военному губернатору Милорадовичу. Сдѣлали ему допросъ; но какъ степень виновности могла только объясниться собственнымъ признаніемъ, то Милорадовичъ грозилъ ему всѣми наказаніями, ежели онъ не сознается. Мѣщанинъ былъ невиненъ и не хотѣлъ брать на себя напрасно преступленія. Тогда Милорадовичъ, соскуча запирательствами, объявилъ, что отдастъ его подъ уголовный судъ, зная, какъ неохотно русскіе простолюдины вѣряются судамъ. Онъ думалъ, что этотъ человекъ отъ страха суда скажетъ ему истину; но мѣщанинъ вмѣсто того упалъ ему въ ноги и съ горячими слезами благодарилъ за милость. — Какую же милость оказалъ я тебѣ? — спросилъ губернаторъ. — „Вы меня отдали подъ судъ, — отвѣчалъ мѣщанинъ, — и теперь я знаю, что избавлюсь отъ всѣхъ мукъ и привазокъ;

¹⁾ „19-е октября 1825 г.“; ср. въ Запискахъ Пущина, „Атеней“, 1859 г., № 8. См. еще разсказъ кн. Е. П. Оболенскаго въ I томѣ „Деятнадцатаго Вѣка“, стр. 312 и 313. — Даты по службѣ Пущина взяты мною изъ академическихъ мѣсяцеслововъ. Не приводя подробностей, замѣчу только, что изъ Петербурга въ Москву Пущинъ перешелъ какъ разъ около того времени, когда Рылѣевъ тоже оставилъ петербургскую уголовную палату (см. ниже).

²⁾ Сельцо Батово, петерб. уѣзда, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Рождествена, принадлежавшаго царевичу Алексію Петровичу. Рылѣевъ, какъ извѣстно, написалъ думу: „Царевичъ Алексій въ селѣ Рождественѣ“.

знаю, что буду оправданъ! Тамъ есть Рылѣвъ: онъ не дастъ погибать невиннымъ" ¹⁾. — Это происшествіе болѣе всякихъ похвалъ даетъ понятіе о дѣйствіяхъ сего человѣка".

Насколько тяжела была въ тѣ времена борьба съ лихоимствомъ и неправосудіемъ уголовной палаты, можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ Рылѣва къ Булгарину въ 1821 г. изъ острогожскаго уѣзда: „Скоро долженъ я буду оставить мое тихое, безмятежное уединеніе, дабы опять явиться въ сѣверную Пальмиру. Холодъ обдастъ меня, когда я вспомню, что, кромѣ множества разныхъ заботъ, меня ожидаютъ въ оной мучительныя крющотворства неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ...

Когда отъ русскаго меча
Легли монголы въ прахъ, стеноя,
Россію Богъ карать не преставаа,
Столь многочисленный, какъ саранча,
Приказныхъ родъ въ странахъ ея обширныхъ,
Повсюду расселигъ,
Чтобы сердца согражданъ мирныхъ
Онъ навсегда какъ червь точилъ"...

И Рылѣвъ нѣсколько лѣтъ выдерживалъ борьбу съ „ненасытнымъ родомъ приказныхъ“, замѣнившимъ собою монголовъ... Намъ неизвѣстны причины, побудившія Рылѣва и Пущина временно оставить петербургскую палату уголовного суда. Рылѣвъ вышелъ изъ засѣдателей уголовной палаты въ 1824 году (между 29-мъ ноября 1823 года и 1-мъ октября 1824 года) и поступилъ въ томъ же году правителемъ канцеляріи въ Россійско-Американскую Компанію, гдѣ и оставался на службѣ до самаго декабря 1825 г. ²⁾. Ко времени его службы въ компаніи и от-

¹⁾ „Деятельный Вѣстникъ“, I, стр. 389 и 340.

²⁾ Числа о службѣ Рылѣва вѣдны изъ академическаго мѣсяцеслова. Въ мѣсяцесловѣ на 1821 годъ (состояніе чиновъ по 25-ое ноября 1820 г.), во II томѣ, на стр. 9: „(С.-Петербургъ). Палата уголовного суда. Засѣдатели отъ дворянства: кол. сов. О. Т. Поспѣловъ и артил. подпор. *Кондратій Фед. Рылѣвъ*“. Такимъ же образомъ мы встрѣчаемъ имя Рылѣва, какъ засѣдателя слѣд. уголовной палаты, въ мѣсяцесловахъ на 1822, 1823 и 1824 годъ (свѣденія по 29-ое ноября 1823 г.); затѣмъ въ (особомъ) „Прибавленіи къ первой и второй части мѣсяцеслова съ росписью чиновныхъ особъ, изданнаго на 1824 годъ, о переимѣнахъ въ чиновникахъ по 1-ое октября сего года, послѣдовавшихъ и до свѣденія Академіи Наукъ дошедшихъ“, въ прибавленіи ко II части, стр. 87: „(С.-Петербургъ). Палата уголовного суда. *На мѣсто засѣдателя Рылѣва* опредѣленъ ст. сов. и кавалеръ Кроквиусъ“. — Далѣе, въ мѣсяцесловѣ на 1825 годъ, часть I, стр. 369: „Россійско-Американская Компанія. *Совѣтъ. Правитель канцеляріи отставной арт. подпор. К. О. Рылѣвъ*“ (тутъ же онъ вторично названъ какъ правитель канцеляріи Главнаго Правленія), — согласно

носитея, какъ уже сказано, письмо его къ другу въ Москву, приведенное выше.

Вотъ еще небольшая записка Рылѣва къ Дельвигу:

„Потому Тевтоновъ,—сладостно поющему на русскій ладъ и мило на ладъ древнихъ Грековъ, не поэтъ, а гражданинъ желаетъ здоровія, благоденствія и силы духа, лѣнь поборающей! Вмѣстѣ съ симъ увѣдомляетъ онъ о полученіи 500 р., этой прозаической потребности, которая и поэта, и гражданина мучитъ только тогда, когда нечего ѣсть. *Сего* со мною не было, и потому гражданинъ Рылѣвъ не помнилъ о долгѣ поэта—Баратынского. 5 окт.“

Записка эта соединяетъ имена трехъ поэтовъ. Выраженіе: „не поэтъ, а гражданинъ“, относится къ слѣдующему обстоятельству. Въ посвященіи „Войнаровскаго“ А. Бестужеву Рылѣвъ именно такъ и выразился о себѣ: „я не поэтъ, а гражданинъ“. Дельвигъ очень смѣялся надъ такимъ признаніемъ, но изъ этой записки видно, что Рылѣвъ нисколько не оскорблялся насмѣшками Дельвига. Выраженіе: „не поэтъ, а гражданинъ“, даетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность опредѣлить время записки: „Войнаровскій“ вышелъ въ свѣтъ въ мартѣ 1825 года, и записка, стало быть, написана 5-го октября 1825 года.

Рылѣвъ, прежде чѣмъ приняться за самое писаніе какого-либо произведенія, очень часто составлялъ для него планъ. Пушкинъ, какъ извѣстно, тоже не былъ вполне чуждъ этому приему, но все-таки смѣялся надъ Рылѣвымъ, называлъ его „планщикомъ“ и заявлялъ, что болѣе любить стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ ¹⁾. Дѣйствительно, у Рылѣва написанные „планы“ часто оставались безъ исполненія. Въ нашихъ бумагахъ находится нѣсколько подобныхъ плановъ. Такъ, мы находимъ дважды въ разныхъ видахъ составленный планъ о любви какого-то казака на Кавказѣ къ плѣнной черкешенкѣ ²⁾. Изъ „Война-

списку отъ 23-го ноября 1824 г. — Въ мѣсяцесловѣ на 1826 годъ относительно Росс.-Ам. Компаніи повторены тѣ же свѣденія по списку отъ 23-го ноября 1824 г., но только Рылѣвъ совсѣмъ пропущенъ въ обоихъ случаяхъ. Рылѣвъ въ концѣ 1825 г. не успѣлъ доставить въ Академію новый списокъ.

¹⁾ „Клянусь планщику Рылѣву,—какъ говаривалъ покойникъ Платовъ,—но я, право, болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ“. Письмо къ А. Бестужеву отъ 80-го ноября 1825 г., Соч. Пушкина, изд. Лнт. Фонда, VII, стр. 166. И дагѣ вездѣ ссылки на Пушкина дѣлаются по этому изданію.

²⁾ „Смерть лезгинца на груди казака.

Разсказъ казака злодѣя: его любовь, коварство, ...любовники. Его мученія, сонъ. Убийство... Вязтіе...; плѣнная Асіата.

ровскаго“ мы знаемъ, какъ интересовался Рылѣевъ личностью Мазепы. Рылѣевъ собирался, какъ видно изъ нашихъ бумагъ, писать драму изъ жизни Мазепы; предъ нами длинный списокъ дѣйствующихъ лицъ, который можетъ быть тоже названъ планомъ, такъ какъ при нѣкоторыхъ именахъ обозначены характеры лицъ:

Мазепа. Гетманъ Малороссіи. Угрюмый семидесятилѣтній старецъ. Человѣкъ властолюбивый и хитрый; великій лицемеръ, скрывающій свои амбіціи подъ желаніемъ блага къ родинѣ.

Галаганъ. Полковникъ. Человѣкъ обыкновенный.

Зеленскій. Іезуитъ. Другъ Мазепы.

Орликъ. Генеральный писарь. Хитрый честолюбецъ.

Кочубей. Мстительный человѣкъ.

Любовь, жена его. Твердая и благородная женщина.

Матрена, дочь ихъ. Любовница Мазепы. Пылкая дѣвушка.

Искра. Полтавскій полковникъ, своякъ Кочубея.

Святойло. Духовникъ Кочубея.

Глуховецъ. Писарь Кочубея.

Яковлевъ. Перекрестъ.

Чуйкевичъ. Своиакъ Кочубея.

Друзья Кочубея.

Чечель. Полковникъ, преданный Мазепѣ. Отчаянная голова.

Войнаровский. Племянникъ Мазепы. Пылкій, благородный молодой человѣкъ.

Скоронадскій. } Преданный Петру.

Апостолъ. } Полковники.

Чар...

Полувотео, молодой человѣкъ, пылающій любовью къ родинѣ и блугу соотечественниковъ, рѣшительный козаць. Гордый и благородный человѣкъ.

Вельяминовъ-Зерновъ.

Ломиковский, генер. обозный.

А. Галаганъ, генер. асаулъ.

К . . . , асаулъ

Козаки. Сердюки. Русскіе солдаты.

Судьи, друзья Мазепы.

Орликъ—хитрецъ, представляющій при случаѣ Мазепу преданнымъ Россіи.

Онъ влюбляется въ Асіату. Кто она? онъ возвращаетъ ее ея брату.

Обряды; клятва и рѣшеніе его объ Асіатѣ; мужу ея угрозы. Смерть ея.

Онъ любить Асіату, но старается преодолѣть въ себѣ страсть; онъ предназначилъ себѣ славное дѣло, съ которымъ онъ долженъ погибнуть непремѣнно, и все цѣли своей приносить въ жертву; онъ радуется до восхищенія чужою храбростью и добродѣтелью и каждымъ великодушнымъ поступкомъ трогается до слезъ, а самъ совершаетъ чудныя дѣла, вовсе того не замѣчая. Миръ для него пустъ; другъ убить, онъ отомститъ за его смерть; жизнь для него бремя, онъ алчетъ истребительству и живетъ только для цѣли своей; онъ ненавидитъ людей, но любитъ все человѣчество, обожаетъ Россію и всѣмъ готовъ жертвовать ей; онъ презрѣлъ людей, но не разлюбилъ ихъ. Никто болѣе его не имѣетъ враговъ и друзей въ горахъ.

Правн козаковъ; храбрость награждается красотою, трусость наказывается; возвращеніе изъ похода“.

Точки въ этомъ наброскѣ означаютъ неразобранное. Бумага 1824 года.

На оборотѣ листка, гдѣ находится этотъ списокъ, Рыльевъ начиналъ-было и самый планъ драмы, но написалъ всего:

(Разговоръ Кочубея съ Искрой) ¹⁾.

„Дѣйствіе I. Мазепа начинаетъ приводить въ движеніе всѣ пружины для окончанія своего предпріятія“.

Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ еще такую программу: „Для Мазепы, кажется, ничего не было священнымъ, кромѣ цѣли, къ которой стремился: ни уваженіе, оказываемое ему Петромъ, ни самыя благодѣянія, излитыя на него симъ великимъ монархомъ, ничто не могло отвратить его отъ измѣны. Хитрость въ высочайшей степени, даже самое коварство почиталъ онъ средствами, дозволенными на пути къ оной“...

Осталось еще нѣсколько программъ, весьма характерныхъ для Рыльева и для всей эпохи:

- ДУХЪ ВРЕМЕНИ

или

СУДЬБА РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

- I. Человѣкъ отъ дикой свободы стремится къ деспотизму; невѣжество причиною тому.
 1. Первобытное состояніе людей. Дикая свобода.
 2. Покушенія деспотизма. Раздѣленіе политики, нравственности и религій.
 3. Греція. Свобода гражданская, философы, цари.
 4. Римъ. Его владычество. Свобода въ немъ. Цезарь. Духъ времени.
 5. Римъ поработенный.
 6. Христосъ.
- II. Человѣкъ отъ деспотизма стремится къ свободѣ; причиною тому просвѣщеніе.
 1. Гоненія на христіанъ распространяють христіанство. Распри ихъ.
 2. Феодальная система и крестовые походы. Духъ времени.
 3. Лютеръ, свободомысліе въ религій. Духъ времени.
 4. Французская революція. Свободомысліе въ политикѣ.
 5. Наполеонъ. Сверженіе его. Духъ времени.
 6. Борьба народовъ.. Начало соединенія религій, нравственности и политики.

¹⁾ Скобки обозначаютъ зачеркнутое.

Тутъ же программа другого рода:

ПРОМЕТЕЙ.

1. Юпитеръ. Сверженіе Сатурна. Прометей обманутъ.
2. Прометей возмущаетъ Титановъ. Они побѣждены.
3. Прометей, прикованный къ Кавказу. Смерть его.

Или еще:

Промислъ. Духъ времени. Геній Греціи. Геній Рима. Геній Россіи. Геній Германіи. Геній Франціи. Геній Британіи. Геній Америки. Геній Азіи. Геній Африки. Геній Европы. Врагъ человѣческой. Духи зла.

Тутъ же такая историческая программа:

СУДЬБА РОССИИ.

1. Распри въ Новгородѣ: Рюрикъ.
2. Владиміръ. Введеніе христіанства. Удѣлы.
3. Нашествіе Батты.
4. Іоаннъ III. Уничтоженіе удѣловъ.
5. Петръ Великій.
6. Вѣкъ Александра.

Очень возможно, что часть этихъ программъ предназначалась для прозаическихъ статей, напр. послѣдняя изъ нихъ — Судьба Россіи. Первая, „Духъ временъ“, была, кажется, тоже рассчитана на прозаическое изложеніе. У насъ есть нѣсколько прозаическихъ отрывковъ, имѣющихъ отношеніе къ этой программѣ. Слогъ въ нихъ, впрочемъ, таковъ, что они могутъ представлять собою лишь болѣе подробно развитую программу. Кажется, къ началу II части программы относится слѣдующій отрывокъ: „Прежде нравственность была опорою свободы; теперь должно ею быть просвѣщеніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ родъ человѣческой снова должно привести къ нравственности. Прежде она была врожденна, человѣкъ былъ добръ по природѣ; съ просвѣщеніемъ онъ будетъ добръ и добродѣтеленъ по знанію, по увѣренности, что быть таковымъ для его блага необходимо“.

Вотъ отрывокъ, относящійся къ 5 пункту II части, — о Наполеонѣ:

„Тебѣ всѣ средства были равны — лишь бы они вели прямо къ цѣли; каковаго бы цѣта волны ни были ¹⁾, лишь потокъ достигалъ. ²⁾ цѣли. Добродѣтели и пороки, добро и зло въ твоихъ глазахъ не имѣли другого различія, какое имѣютъ между собою цѣта: каждый хорошъ, когда. ³⁾. Ты старался

^{1) 2) 3)} Не разобрано.

быть превыше добродѣтелей и пороковъ: они для (тебя) были разноцвѣтныя тучи, носящіяся около Кавказа, который, недосигаемымъ челомъ своимъ прорѣзывая ихъ, касается неба дѣвственными вершинами.

„Твое могущество захватило всѣ власти и пробудило народы. Цари, уничтоженные тобою, возстали и при помощи народовъ низвергли тебя. Ты палъ — но самовластіе съ тобою не пало. Оно стало еще тягостнѣе, потому что досталось въ удѣлъ *многимъ*“...

Отрывокъ этотъ написанъ на бумагѣ съ клеймомъ 1818 года.

Слѣдующій набросокъ тоже говорить о духѣ времени:

„Человѣкъ святъ, когда согласуетъ поступки свои съ дѣлами Промысла.

„Человѣчество не имѣетъ свободы воли.

„Усовершеніе есть цѣль, къ которой стремится оно по назначенію Промысла; исторія всѣхъ народовъ служить тому неопровержимымъ доказательствомъ. Никакія усилія Омаровъ не въ состояніи остановить его на семъ пути; высокія истины, обнаруженные однажды мудрецами, безсмертны; это такія монеты, штемпель которыхъ отъ времени не изглаживается, но, напротивъ, еще дѣлается явственнѣе. Вотъ почему ни одна истина древнихъ мудрецовъ не пропала для насъ.

„Человѣкъ въ частности одаренъ свободою воли; онъ властенъ дѣлать или не дѣлать то, что внушаютъ ему страсти или разсудокъ; но его дѣянія худы или хороши только въ отношеніи къ нему; на судьбу же всего человѣчества они не имѣютъ никакого вліянія, особенно когда они не согласовались съ видами Промысла. Противорѣчія намѣреній съ послѣдствіями дѣяній человѣческихъ яснымъ служатъ тому доказательствомъ. Брутъ, желая спасти міръ отъ деспотизма, убилъ Цезаря. Дѣяніе это не имѣло вліянія на судьбу человѣчества, ибо не было согласно съ видами Промысла. Такимъ образомъ, принявъ за. . . . ¹⁾ истину, что человѣкъ въ частности свободенъ, а человѣчество нѣтъ, можно и должно будетъ поставить нравственнымъ закономъ для нашихъ дѣяній: поступай такъ, чтобы твои поступки не противорѣчили волѣ Промысла. Но спросятъ: какимъ образомъ распознать волю сію? Воля Промысла изъясняется въ духѣ времени“.

Въ другомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ еще такую историческую программу:

Дворъ Екатерины: Потемкинъ, Зубовъ, Орловы, Лавской и между Суворовъ, Румянцовъ, Дидеротъ, Панинъ, Державинъ, Павелъ съ причетомъ Гат-

¹⁾ Не разобрано.

чинскимъ. Лагарицъ, Александръ, Екатерина—наставница его. Сегюръ, Кобенцель. Делиль. Иосифъ. Таврида. Петербургъ. Москва. Царское Село. Гатчино. Революція во Франціи. Покушенія шведовъ. Польша. Праздникъ Потемкина. Запорожцы, Головатой, и проч.

Кромѣ того, на отдѣльномъ листѣ находимъ замѣтки о переселеніи казаковъ въ слободскую Украину ¹⁾).

Хотя Рылѣевъ былъ старше Пушкина годами, но, выступивъ на литературное поприще позднѣе, когда за Пушкинымъ уже было первенство, когда началось уже сильное вліяніе Пушкинской поэзіи, Пушкинскаго языка, Рылѣевъ, конечно, не могъ не подчиниться до извѣстной степени этому вліянію. Рылѣева, какъ и другихъ поэтовъ, сверстниковъ Пушкина, надо цѣнить, принимая во вниманіе ихъ отношеніе къ Пушкину, не сравнивая, конечно, ихъ произведеній съ твореніями великаго поэта, а лишь опредѣляя степень и характеръ ихъ зависимости. Относительно Рылѣева, это сопоставленіе гораздо выгоднѣе для него, чѣмъ для многихъ другихъ поэтовъ того времени.

Рылѣевъ подчинился Пушкину, былъ его послѣдователемъ и ученикомъ какъ разъ въ томъ, въ чемъ это подчиненіе и послѣдованіе было обязательно, необходимо. Рылѣевъ не повторялъ темъ Пушкина, не заимствовалъ у него образовъ, не подражалъ его приемамъ. Главная зависимость Рылѣева отъ Пушкина — въ языкъ; въ формѣ и въ содержаніи, въ мотивахъ своей поэзіи Рылѣевъ представляется поэтомъ самостоятельнымъ; даже взявъ иногда общую тему, нерѣдко встрѣчающуюся и у Пушкина, онъ умѣетъ сохранить свою полную самостоятельность.

Рылѣевъ, какъ видно изъ его писемъ къ Пушкину, преклонялся передъ великимъ поэтомъ; онъ называетъ его гениемъ, чудотворцемъ, сиреной, онъ восхищается его новыми произведеніями и т. д. Но, несмотря на все чарующее обаяніе Пушкин-

¹⁾ „Первое переселеніе казаковъ въ Рыбинскъ (слободскіе полки) случилось при Богд. Хмельницкомъ изъ Кіевскаго, Бѣлоцерковскаго, Переяславскаго полковъ, по неудовольствію на гетмана.

Второе—при немъ же изъ пограничныхъ съ Польшею мѣстъ, . . . изъ жившихъ околицами и куренями около рѣкъ Стири, Слони, Припяти и Сожи. Они сѣли у Дона и составили Изюмскій полкъ.

Третье—при немъ же: разоренные жители разныхъ мѣстъ Малороссіи при нашествіи Четвертинскаго; они поселились при р. Сулѣ, Псіолу и Ворсклѣ; изъ (нихъ) составились Сумской, Ахтирской и Харьковскій полки. Они впослѣдствіи умножились и другими малороссійскими выходцами.

Четвертое—во время нашествія турокъ на Задніпровіе, многіе, Дорошенко...”

ской поэзіи, подѣ каѣмъ находился Рылѣевъ, онъ ясно опредѣлялъ отношенія между своей поэтической дѣятельностью и гениемъ Пушкина; онъ прямо говорилъ Пушкину: „ты всегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ“ ¹⁾. Вліяніе Пушкина на языкъ Рылѣева дѣйствительно является особенно характерною чертой въ поэзіи Рылѣева. Самъ Пушкинъ такъ же понималъ свое вліяніе на Рылѣева: „очень знаю,—писалъ онъ А. Бестужеву,—что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой“.

Вообще въ письмахъ Пушкина мы находимъ много любопытныхъ отзѣвовъ о поэзіи Рылѣева. Какъ извѣстно, значительную долю произведеній Рылѣева составляютъ его „Думы“. Пушкинъ былъ невысокаго мнѣнія объ этихъ „Думахъ“. Онъ смѣялся, говоря, что по-русски слово: „думы“ ничего не значить, что оно происходитъ не отъ польскаго слова, а отъ нѣмецкаго—*dumpf* ²⁾. Пушкинъ не одобрялъ ихъ однообразнаго характера, ихъ искусственности, по его мнѣнію, морали, и писалъ Жуковскому: „Думы Рылѣева и цѣлать, да все не впопадъ“ ³⁾. Самому Рылѣеву Пушкинъ далъ такой отзывъ о его Думахъ: „Что сказать тебѣ о „Думахъ“? Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые; окончательныя строфы *Петра въ Остроужскѣ* чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ (*loci topici*): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и правоученіе. Национальнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ (исключая Ивана Сусанина — первую думу, по которой началъ я подозревать въ тебѣ истинный талантъ)“ ⁴⁾.

Гораздо выше цѣнилъ Пушкинъ поэмы Рылѣева. Когда въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824 года былъ напечатанъ отрывокъ изъ „Войнаровскаго“, Пушкинъ писалъ брату: „съ Рылѣевымъ мирюсь: Войнаровскій долонъ жизни“. Въ письмѣ Пушкина къ Бестужеву, тоже въ началѣ 1824 года, мы читаемъ: „Рылѣева Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его „Думъ“: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти нѣтъ“ ⁵⁾. Въ слѣдующемъ году Пушкинъ опять пишетъ брату: „Войнаровскій мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно,

¹⁾ Соч. Рылѣева, стр. 208; письмо отъ 20-го марта, 1825 г.

²⁾ Письмо къ брату, 1823 г. 30 янв.; письмо къ Вяземскому, 1825, 25 мая. Соч. Пушкина, VII, 48 и 129.

³⁾ (Май—іюнь) 1825 г., Сочин., VII, 131.

⁴⁾ 1825 г. (конецъ апрѣля); Сочин., VII, 126.

⁵⁾ VII, 69, 71; 1824, январь.

что его здѣсь нѣтъ у меня“. Вяземскому онъ писалъ: Поэма „Чернецъ“ (Козлова) „полна чувства и умиѣ „Войнаровскаго“, но въ Рылѣевѣ есть больше замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ“ ¹⁾.

Когда Рылѣевымъ былъ напечатанъ отрывокъ изъ его поэмы „Богданъ Хмельницкій“, „Палѣй“, Пушкинъ писалъ брату: „Если Палѣй пойдетъ, какъ начать, Рылѣевъ будетъ министромъ“ (на Парнассѣ) ²⁾. Отрывокъ изъ „Наливайка“ понравился Пушкину менѣе. Онъ писалъ Рылѣеву: „объ Исповѣди Наливайки скажу, что мудрено что-нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ; но и тутъ, конечно, наложилъ ты свою печать“ ³⁾.

Въ одномъ изъ писемъ Пушкина къ А. Бестужеву встрѣчаемъ такой общій отзывъ о поэзіи Рылѣева: „Откуда ты взялъ, что я лъщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его „Думахъ“ я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ; но онъ идетъ своею дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасюсь его не на шутку и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай; да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ „Войнаровскаго“ и перешлю ему всѣ мои замѣчанія. Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!“ ⁴⁾.

Кн. П. А. Вяземскій вѣрнѣе оцѣнилъ „Думы“ Рылѣева, чѣмъ Пушкинъ. Вотъ отрывокъ изъ неизданнаго письма Вяземскаго къ А. Бестужеву и Рылѣеву; — онъ благодаритъ ихъ за присылку „Полярной Звѣзды“ и, между прочимъ, пишетъ: „Съ живымъ удовольствіемъ читаю я *думы*, которыя постоянно обращали на себя и прежде мое вниманіе. Онѣ носятъ на себѣ печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлыхъ и *одноличныхъ* или часто *безличныхъ* стихотвореній нашихъ. Чтѣ и въ хорошихъ стихахъ, когда нѣтъ въ нихъ особеннаго характера? Стройные, но несвязные, но ничего не выражающіе аккорды въ поэзіи хороши въ ребячествѣ. Въ зрѣлости лѣтъ нужна цѣль, нужно намѣреніе“.

Всѣ стихотворенія Рылѣева, за весьма немногими исключеніями, дѣйствительно всѣ проникнуты „намѣреніемъ“, написаны „съ цѣлью“. Ошибкою было бы, однако, причислять Рылѣева въ разрядъ такихъ тенденціозныхъ поэтовъ, какихъ потомъ не

¹⁾ VII, 121, 129; 1826, апрѣль и май.

²⁾ VII, 111; 1825 г., февраль.

³⁾ VII, 127; 1826, апрѣль.

⁴⁾ 1826, январь 21, VII, 117.

мало было въ русской литературѣ. Въ поэзіи Рылѣва звучитъ не тенденція, а глубокое искреннее убѣжденіе. Рылѣвъ до того былъ проникнутъ любовью къ родинѣ, что его поэзія всегда бывала только искреннею выразительницею глубокихъ убѣждений поэта. Не придуманная, искусственно выдвинутая тенденція, а убѣжденное чувство характеризуетъ его поэзію.

Съ Пушкинымъ можно согласиться вполне въ известной части его художественной оцѣнки „Думъ“ Рылѣва. Многія изъ нихъ не отличаются ни интересомъ замысла, ни живостью изложенія, ни силою образовъ; онѣ, дѣйствительно, очень однообразны по плану; но всѣ онѣ, особенно взятые въ цѣломъ, проникнуты такою искренностью и такимъ гуманнымъ чувствомъ, которыя не могутъ не вліять на читателя и придаютъ имъ силу и общую цѣлостность, вліяющую и на художественное впечатлѣніе.

Самъ Рылѣвъ свое посвященіе къ „Войнаровскому“ закончилъ такимъ признаніемъ, такой оцѣнкой своихъ стиховъ:

Ты не увидишь въ нихъ *искусства*,
За то найдешь живыя чувства:
Я не поэтъ, а гражданинъ.

Общій характеръ и значеніе поэзіи Рылѣва хорошо представлены самимъ поэтомъ въ слѣдующихъ строкахъ ¹⁾.

Моя душа до гроба сохранить
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!

Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уносить,
На зло врагамъ тотъ всегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ, не проситъ!

Мы видѣли выше, что въ письмѣ Рылѣва къ матери, написанномъ въ началѣ 1814 г., встрѣчается его стихотвореніе. Но у насъ есть раннее его произведеніе: „Кулакіяда“, поэма въ двухъ пѣсняхъ. Въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, бывшемъ шляхетномъ, издавна утвердились литературные вкусы среди воспитанниковъ, изъ которыхъ вышли Сумароковъ, Херасковъ, Озеровъ. „Кулакіяда“ (всего 19 строфъ, 156 стиховъ) написана Рылѣвымъ еще въ корпусѣ; въ ней разсказывается о смерти и похоронахъ

¹⁾ Соч. 164.

главнаго повара въ корпусѣ, Кулакова. По своему содержанію поэма эта совершенно нелюбопытна, по стиху (не всегда соблюдень даже размѣръ), по слогу она очень слаба и представляетъ вообще интересъ только какъ первая проба пера поэта. Вотъ первая строфа:

Шуми, греми, невучна лира
Еще неопытна гѣвца,
Да возглашу въ предѣлы міра
Кончину пироговъ творца,
Да возвѣщу я плачъ ужасный
Трехъ тафелей, всѣхъ поваровъ.
Друзья! ужъ Кулаковъ несчастный
Не суетится средъ котловъ,
Ужъ гласъ его не раздается
Въ обѣихъ кухняхъ здѣсь,
Отъ онаго ужъ не мятется
Соборъ его команды весь.

Г. Д. Кропотковъ ¹⁾ рассказываетъ, какъ Рылѣевъ подшутилъ надъ экономомъ корпуса, А. П. Бобровымъ. Бобровъ ежедневно подавалъ директору корпуса рапортъ о количествѣ и цѣнности припасовъ, отпущенныхъ на кухню; Рылѣевъ переписалъ „Кулакиаду“ на такомъ листѣ, на какомъ писался кухонный рапортъ, и подсунулъ свою поэму Боброву, который такъ и подалъ ее директору вмѣсто рапорта. Надо замѣтить, что въ poemѣ дѣйствуетъ самъ Бобровъ, и изображается его горестъ по случаю смерти Кулакова:

И ахъ! наперсника лишенный
Восплакать, возрыдать Бобровъ;
Такой потерей огорченный,
Онъ перебилъ всѣхъ поваровъ.

Къ раннимъ сравнительно произведеніямъ (но все-таки уже къ петербургскому, вѣроятно, періоду) надо отнести еще: „Путь къ счастью“, — сатира, сочиненная на польскомъ языкѣ Ѳ. В. Булгаринимъ, съ полскаго К. Р.—въ“. Извѣстно, что Булгаринъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ былъ хорошо принятъ въ литературныхъ кружкахъ и былъ друженъ съ Грибоѣдовымъ; онъ былъ близокъ и съ Рылѣевымъ, съ которымъ, впрочемъ, у него были крупныя недоразумѣнія, какъ видно изъ характерной для обоихъ переписки, напечатанной при сочиненіяхъ Рылѣева. „Путь къ счастью“ переведенъ гладкими стихами и читается очень легко:

¹⁾ „Русск. Вѣстникъ“, 1869, № 3, стр. 233.

ПУТЬ КЪ ЩАСТІЮ.

САТИРА.

РАЗГОВОРЫ ПОЭТА СЪ БОГАТОМЪ—СТАРИННЫМЪ ЕГО ЗНАКОМЫМЪ.

Поэтъ.

Придумать не могу, какой достигъ дорогой
 Въ храмъ изобилія пріятель мой убогой?
 Давно ли ты бродилъ пѣшкомъ по мостовой,
 Едва не въ рубищѣ съ поникшей головой?
 Тогда ты не имѣлъ нерѣдко даже пищи,
 Былъ худъ, какъ труженикъ или послѣдній нищій!
 Теперь защеголялъ въ одеждахъ дорогихъ;
 Въ каретѣ щегольской, на четвернѣ гнѣдыхъ
 Летишь, какъ вихрь, и, пыль взвивая за собою,
 Знакомымъ съ важностью киваешь головою!
 Сіяя роскошью владѣтельныхъ князей,
 Твой домъ есть сборище отличнѣйшихъ людей.
 Съ тобою въ дружествѣ министры, генералы,
 Ты часто имъ даешь и завтраки и балы;
 Что прихоть съ поваромъ лишь избобрѣсть могла,
 Все въ дань со всѣхъ сторонъ для твоего стола...
 Межъ тѣмъ товарищъ твой, служитель вѣрный Феба,
 И въ прозѣ, и въ стихахъ бесплодно просить хлѣба.
 Всю жизнь въ ученіи съ дней юныхъ проведя,
 Жить съ щастіемъ въ ладу не научился я...
 Какъ ты достигъ сего, скажи мнѣ ради Бога?

Богачъ.

Умѣть на свѣтѣ жить—одна къ тому дорога!
 И тотъ, любезный другъ, бывалъ уже на ней,
 Кто пользу извлекалъ изъ глупости людей;
 Чьи главны свойства—лесть, уклончивость, терпѣнье,
 И къ добродѣтели холодное презрѣнье...
 Самъ скажешь ты со мной, узнавъ короче свѣтъ:
 Для смертныхъ къ щастію пути другого нѣтъ!

Поэтъ.

Хотя, съ младенчества внимая гласу чести,
 Душъ мелкихъ ремесло я видѣлъ въ низкой лести,
 Но, угнетаемый жестокою судьбой,
 И я къ ней прибѣгалъ съ растерзанной душой;
 И я въ стихахъ называлъ того Катонномъ,
 Кто пресмыкается какъ низкій рабъ предъ трономъ!
 И я Невѣждину, за то что онъ богатъ,

Сказать, не покрасѣвъ: ты русскій Меценатъ!
 И если трепетать душа твоя привыкла
 Въ восторгъ пламенномъ при имени Перикла,
 То подивись! Я такъ забылся, наконецъ,
 Что просвѣщенна врагъ, невѣжда и глупецъ,
 И, словомъ, жалкій Клитъ, равно повсюду славный,
 Воспѣтъ былъ, какъ Периклъ, на лирѣ своеюравной!
 И всякъ, кто только былъ богатъ или знаменитъ,
 У бѣднаго пѣвца былъ Цесарь, Брутъ или Титъ!
 И что-жь? достигъ ли я чрезъ то желанной цѣли?
 Увы! я и теперь, какъ видишь, безъ шинели;
 И столь хвалимое тобою ремесло
 Одно презрѣнне и стыдъ мнѣ принесло!
 Что-жь до терпѣнiя... его, скажу неложно,
 Такъ много у меня, что подѣлиться можно.
 Ко благу нашему, любезный другъ, оно
 Въ удѣлъ писателямъ отъ неба суждено.
 Ахъ! Кто бы могъ безъ сей Всевышняго помощи
 Снести цензуры судъ привязчивый и строгій,
 Холодность публики и колючесть эпиграммъ,
 Злость критикъ, что дають тревожный толкъ словамъ,
 И дерзкихъ крикуновъ недѣльное сужденье,
 И сплетни мелкихъ душъ, и зависти шипѣнье,
 И площадную брань помѣсячныхъ вралей,
 И грозный приговоръ въ кругу невѣждъ-судей,
 И, наконецъ, гнѣвъ тѣхъ, которые готовы
 На разумъ положить протевшихъ лѣтъ оковы!
 И, словомъ, всюду я, куда ни посмотрю,
 Лишь непрiятности и безпокойства зрю,
 Съ терпѣньемъ все сношу, узрѣть плоды въ надеждѣ,
 Но остаюсь безъ нихъ, какъ и теперь, и прежде.

Б о г а ч ъ.

По правиламъ твоимъ, давая ходъ дѣламъ,
 Нельзя успѣха ждать и зрѣть плоды трудамъ.
 Искусно должно лстить, чтобъ быть льстецомъ прiятнымъ;
 Къ чему приписывалъ ты добродѣтель знатымъ,
 Коли ни ея въ нихъ нѣтъ, ни побужденъ къ ней!
 Какъ въ зеркалѣ себя мы зримъ въ душѣ своей,
 И минимыхъ свойствъ хвала вельможъ не восхищаетъ,
 Но чаще ихъ краснѣтъ въ досадѣ заставляеть.
 Не въ дружбѣ жить съ тобой ты самъ принудишь ихъ,
 Но бѣгать отъ тебя и отъ похвалъ твоихъ.
 Когда же думаешь опять за лиру взяться,
 То помни, что всегда долгъ первый твой—стараться
 Не добродѣтели въ вельможахъ выхвалять,
 Но слабостямъ умѣть искусно потакать;
 Грабителю тверди, что наживаться въ модѣ,
 Скажи, что все живетъ добычею въ природѣ;

Красы увядшей видѣ уныніемъ зови,
 Кокетку старую—царицею любви;
 Кто-жъ сластолюбія почти погуби въ пучинѣ,
 Тому изобрази въ прелестнѣйшей картинѣ
 Всѣ ласки нѣжныя прелестницъ записныхъ.
 И ихъ объятія, и подѣлу ихъ,
 И чувства пылкія, и нѣгу сладострастья,
 Прибавь, что только въ немъ искать намъ должно счастья;
 Невѣждамъ повторяй, что просвѣщеніе вредъ,
 Что завсегда оно причиной было бѣдъ,
 Что наши праотцы, хоть книгъ и не любили,
 Но чуть не во стократъ счастливѣй внуковъ жили;
 Творца галиматіа зови красой пѣвцовъ,
 Дивись высокому въ безсмыслицѣ стиховъ...
 Но чтобъ безъ бѣдъ пройти по скользкой сей дорогѣ,
 Подъ-часъ будь глухъ и нѣмъ, и забывай о Богѣ;
 У знатныхъ баръ шути и забавляй собой,
 Въ день другомъ будь для нихъ, а въ сумерки слугой:
 Скрывъ самолюбіе подъ маской униженія,
 Съ терпѣніемъ внимай гласъ гнѣва и презрѣнія,
 И если выдержишь и болѣ что-нибудь,
 Смолчи, припомнивши, что это къ счастью путь.
 Располагаясь такъ, ты будешь всѣмъ пріятенъ,
 И такъ богатъ, какъ я, и точно такъ же знатенъ...

П о э т ѣ.

Нѣтъ, нѣтъ! не уступлю за благо жизни сей
 Ни добродѣтели, ни совѣсти моей!
 Не заслужу того, чтобы писатель юный,
 Бросающій въ порокъ со струнъ своихъ перуны,
 Живыми красками, въ разительныхъ чертахъ,
 Меня изобразилъ и выставилъ въ стихахъ!..
 Судьбой враждующей невольно увлеченный ¹⁾,
 Могъ уклониться я отъ истины священной,
 Но, шествуя льстецовъ презрѣнною стезей,
 Я мученикомъ былъ, гнушаясь самъ собой;
 Съ душою пылкою, младый питомецъ Музы
 Влечить поворныя недолго можетъ узы...
 И я, по прежнему ставъ истины жрецомъ,
 Далъ клятву никогда не быть впередъ льстецомъ.
 Когда путь къ счастью столь нивокъ въ жизни сей,
 Такъ пусть останусь я при бѣдности моей,
 Пусть буду цѣлый вѣкъ скитаться безъ шинели
 Въ осенніе дожди, и въ зимнія мятели;
 Мнѣ лютость непогодъ поможетъ перенести
 Мое сокровище единственное—честь!..

¹⁾ Последующія слова Поэта написаны отдѣльно, но, кажется, относятся къ этому мѣсту.

Б о г а ч ъ.

Такъ думая, мой другъ, ты въ нищетѣ, конечно,
 При провѣ и стихахъ останешься навѣчно!
 Но было семь... прощай! Сенаторъ графъ Глушнѣ
 Просилъ меня къ себѣ пріѣхать на бостонъ!

Въ нашемъ собраніи мало черновыхъ, относящихся къ „Ду-
 мамъ“. На одномъ изорванномъ полулистѣ въ безпорядкѣ написаны
 нѣкоторыя строфы изъ думы „Вадимъ“ (Соч. Рылѣева, стр. 31).
 Тутъ находимъ еще такое описаніе Вадима:

Страсти пылкія рисуются
 На челѣ его младомъ;
 Перси юныя волнуются
 И глаза блестятъ огнемъ.

Слова Вадима продолжаютъ такъ:

Грозенъ князь самовластительный!
 Но наступить мракъ ночной;
 И настанетъ часъ рѣшительный,
 Часъ для гражданъ роковой...

Есть еще такой отрывокъ:

На гордой крутизнѣ береговъ
 Стоитъ во мракѣ холмъ Олеговъ;
 Подъ Киевомъ вокругъ костровъ
 Пируютъ шайки печенеговъ.
 Ограда имъ—гроза набѣговъ,
 Имъ наслажденіе—война;
 На лицахъ варваровъ видна
 Печать свирѣпыхъ, дикихъ нравовъ.
 Среди вождей передъ костромъ
 Ихъ князь сидитъ на пнѣ сѣдомъ,
 И буйную толпу кругомъ
 Обходитъ черепъ Святославовъ
 Съ заморскимъ пѣнистымъ виномъ...

Быть можетъ, къ какой-нибудь думѣ относится и слѣдующій
 набросокъ:

Не тучи на небѣ сдвигались,
 Не дождь шумѣлъ изъ облаковъ:
 Въ степи съ татарами слетались
 Дружины буйныхъ козаковъ.
 Ихъ кони страшно землю роютъ,
 Несутся бурно, чуя бой,
 Поля притоптанныя воютъ,
 Клубится пыль, какъ дымъ густой.

Затѣмъ мы встрѣчаетъ черновую думу, посвященную Державину и составленную совсѣмъ иначе, чѣмъ печатная дума „Державинъ“. Въ послѣдней, какъ извѣстно, молодой пѣвецъ видитъ надгробный памятникъ Державина и вспоминаетъ о немъ; въ этой черновой думѣ, недоѣланной и не всегда разборчивой, представляется самъ Державинъ еще молодымъ солдатомъ преображенскаго полка.

По небу голубому
Плылъ мѣсяцъ молодой;
По валу крѣпостному
Вдоль ходить часовой.
Вокругъ мгновенный трепеть
И шестеть парусовъ,
Невы невнятный лепеть,
И крики рыбаковъ...

Шумить рѣка, но воинъ
Не слышитъ плеску волнъ
И бродить неспокоенъ,
Сердечной думы полнъ.
Кипятъ въ немъ и роятся
Высокія мечты
И вылетить стремятся
Какъ будто изъ тюрьмы.

Лучъ мѣсяца играетъ
На трепетныхъ струяхъ,
Огонь души пылаетъ
У воина въ очахъ.
Съ волненіемъ обычайнымъ
Отрадою дыша,
Томится чѣмъ-то тайнымъ
(Высокая) (гигантская) душа.

Безмолвіе въ природѣ,
Но въ немъ волнуется кровь
И къ правдѣ, и къ свободѣ
Священная любовь.

Свое предназначенье
Узнавъ въ тиши ночной,—
„(Настало) вдохновенье!“
Реке воинъ молодой.

Кто-жъ былъ сей (несравненный),
Сей дивный часовой?
Пѣвецъ нашъ вдохновенный,
Державинъ молодой!

Точками обозначены вѣроятные пропуски.

В. Якушкинъ.

СЦЕНЫ

ИЗЪ

АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ

Соч. Блэвкн Розвельтъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Быль тотъ ранній часъ, когда курьерскій поѣздъ союзной тихо-океанской желѣзной дороги выходитъ изъ Garden-City, какъ называютъ американцы Чикаго, знаменитую столицу запада, раскинувшуюся по берегамъ озера Мичигана, самаго голубого, самаго красиваго, но и самаго коварнаго изъ большихъ озеръ. Поѣздъ былъ биткомъ набитъ народомъ, и пассажировъ набралось столько, что пришлось прицѣпить нѣсколько лишнихъ спальныхъ и столовыхъ вагоновъ, въ великому неудовольствію сбившихся съ ногъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ. Погода въ этотъ ясный сентябрьскій день стояла прохладная, осенняя, и въ то время, какъ поѣздъ катился мимо нескончаемой линіи деревень, развертывающейся за воротами станціи, пассажиры устроивались поудобнѣе, въ виду долгаго переѣзда. Мужчины замѣняли высокіе цилиндры фуражками; женщины вооружались кто вязаньемъ, кто романомъ. Дѣти шумно рѣзвились и громко смѣялись. Одинъ просилъ стаканъ замороженной воды, другой требовалъ пирога на свиномъ салѣ; тотъ непременно хотѣлъ бросить мячомъ въ лицо почтеннаго старца съ длинной бородой, между тѣмъ какъ еще одинъ довр-

чиво сообщать каждому, что его отецъ—самый богатый человекъ въ поѣздѣ, и спрашивалъ, какую цифру составить сумма всѣхъ состояній, представители которыхъ сидятъ въ вагонѣ. И задача, заданная предприимчивымъ мальчишкой, повергала взрослыхъ въ задумчивость. Они съ любопытствомъ переглядывались, спрашивая себя: доѣдетъ ли вотъ этотъ пассажиръ до „Фриско“, или сойдетъ раньше? Кто изъ ихъ спутниковъ путешествуетъ ради развлечения или здоровья, а кто въ погонѣ за презрѣннымъ металломъ?

Наименѣ живописная часть тихо-океанской линіи — та, что проходитъ за воротами Города Садовъ. На протяженіи многихъ и многихъ десятковъ миль тянутся нескончаемыя равнины, и ихъ плоскій горизонтъ сливается съ небомъ; цѣлыхъ двое сутокъ глазамъ представляется это монотонное зрѣлище—и никакихъ другихъ развлеченій, кромѣ встрѣчи стада быковъ или буйволовъ, остановки на маленькой уединенной станціи да созерцанія тонкаго столба свѣтлаго дыма, непрерывно вырывающагося изъ машинъ и сливающагося вдаль съ облакомъ пыли, поднятой ногами одинокаго бизона.

Часы медленно протекали. Послѣ завтрака трое мужчинъ, сидѣвшихъ по сосѣдству другъ съ другомъ въ столовомъ вагонѣ, остались въ немъ и разговорились о томъ, о семъ. Американцы очень сообщительны и, считая все человечество за одну большую семью, охотно разговариваютъ съ первымъ встрѣчнымъ, тѣмъ болѣе, что всякія церемоніи въ обращеніи у нихъ изгнаны. На самомъ дальнемъ концѣ стола сидѣлъ четвертый пассажиръ съ сѣдыми волосами; темные, нѣсколько растерянные глаза его, тонкія и блѣдныя губы, истощенное лицо съ робкимъ и застѣнчивымъ выраженіемъ говорили о жизни, исполненной горя и отчаянія. На грудь спускалась длинная сѣдая борода, и ея кончикъ былъ засунутъ между первой и второй пуговицей потертаго сюртука. Руки его съ когтеобразными пальцами были непомѣрно длинны. Одинокій и угрюмый, онъ печально глядѣлъ на своихъ спутниковъ. Одну минуту, полу-приподнявшись съ мѣста, хотѣлъ было направиться къ ближайшему изъ сосѣдей, но, послѣ нѣкотораго колебанія, опустилсѣ на мѣсто и сталъ разсѣянно глядѣть въ окно, стуча пальцами по столу съ такимъ выраженіемъ скуки и грусти, что одинъ изъ пассажировъ всталъ и, подойдя, заговорилъ съ нимъ, проникательно оглядывая его.

— А монотонный-таки пейзажъ, не правда ли? Вы далеко ѣдете, иностранецъ? Около васъ есть мѣсто... Хорошо, благодарю, я сяду... Я столько разъ ѣздилъ по этой дорогѣ, что она мнѣ опротивѣла. Горы мнѣ все равно, но терпѣть не могу этого пло-

саго края!... Хотите сигару? Кажется, здѣсь не запрещено курить, а это насъ разсѣять... Пожалуйста, не безпокойтесь, мнѣ довольно мѣста. Вы въ первый разъ ѣдете въ Калифорнію?

Меланхолическій человѣкъ слабо улыбнулся, съ живостью отвѣтивъ:

— Да, въ первый разъ. Я ѣду искать счастья.

Тотъ вынулъ сигару изо рта и, издавъ очень выразительное: — ого! — оглядѣлъ собесѣдника съ любопытствомъ и продолжалъ курить съ видомъ человѣка, ожидающаго дальнѣйшихъ признаній.

— Да, я ѣду искать счастья. Я думаю, что вы разсмѣетесь надо мной, потому что найдете, что я недостаточно молодъ для этого. Но возрастъ тутъ не при чемъ. Все дѣло въ удачѣ и къ тому же... повѣрите ли? на меня напало вдохновеніе ѣхать на западъ. Я реализировалъ все свое имущество и собрался въ путь. Чтѣ вы думаете, гм!.. о моемъ вдохновеніи?

— Вы вѣрите въ себя, — отвѣчалъ тотъ спокойно, — и хорошо дѣлаете. Я тоже всегда поступаю по вдохновенію.

— Радъ васъ слышать. Вы, я думаю, удивляетесь моей откровенности; но какъ разъ въ ту минуту, какъ вы ко мнѣ подошли, мнѣ смерть хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поговорить... Я воображалъ, что пустое дѣло добѣжать изъ Вермонта въ Калифорнію, но, Господи! мы еще не сдѣлали и полъ-пути, а мнѣ дорога порядкомъ ужъ надоѣла. Чтѣ вы дѣлаете во время такого долгаго пути? какъ проводите время?

— Довольно пріятно... Курю, разговариваю, играю въ карты...

— Очень хорошо. Но вѣдь я — совсѣмъ одинъ, а пасьянсъ, право, не забава.

— Вы одиноки... Вотъ курьезно, и я тоже одинокъ. Я былъ увѣренъ, что встрѣчу какого-нибудь пріятеля, и вотъ въ первый разъ въ жизни чувствую себя такимъ покинутымъ, какъ бѣдный сирота. Кромѣ васъ я не знаю ни души въ этомъ поѣздѣ. Но вотъ насъ теперь уже двое, чтобы коротать время, и, можетъ быть, мы найдемъ двоихъ добродушныхъ людей, чтобы сыграть въ карточки.

Двое другихъ пассажировъ, какъ разъ въ эту минуту, подняли глаза и всѣ поглядѣли другъ на друга. Человѣкъ съ сѣдой бородой всталъ, какъ бы по наитію, чтобы подойти къ одному изъ нихъ, который тоже всталъ ему на встрѣчу. Они улыбнулись другъ другу, и когда ледъ растаялъ, нашъ знакомецъ обратился съ рѣчью къ новому другу:

— Не хотите ли присоединиться къ намъ? Мы можемъ сыграть партію *emchre* (американское экарте). Это не особенно

весело, но все же поможетъ намъ провести часокъ-другой. Эй, пріятель!—обратился онъ къ проходившему кондуктору:—не можете ли достать намъ двѣ колоды картъ?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ тотъ.

Тогда, обращаясь къ четвертому пассажиру, сѣдобородый прибавилъ:

— А вы не соблазнитесь нашимъ примѣромъ? Въ *euchre* можно играть, какъ и въ вистъ, втроемъ, съ болваномъ, и мнѣ все равно хотъ и такъ; но почему бы намъ не сыграть вчетверомъ? Все же веселѣе.

Пассажиръ вѣжливо всталъ и весело отвѣтилъ:

— Съ большимъ удовольствіемъ.

День медленно проходилъ. Окрестность была все та же; только солнце свѣтило не такъ ярко и легкій туманъ поднимался на горизонтѣ. Мужчины усѣлись вокругъ маленькаго столика и стали играть. По странной случайности, партнеромъ сѣдобородаго оказался тотъ изъ его спутниковъ, который первый заговорилъ съ нимъ. Хотя ставка была назначена невысокая, но игра съ самаго начала приняла такой оборотъ, что стала очень интересной. Фортуна удивительно какъ благопріятствовала партнеру человѣка вдохновенія; онъ шесть разъ подъ-рядъ выигралъ, а въ седьмой сдалъ себѣ такіа карты, что выложилъ ихъ сразу на столъ, говоря:

— Вотъ славная сдача! Игра моя такъ же вѣрна, какъ то, что меня зовутъ Венъ.

— Венъ?—сказалъ сѣдобородый.—Красивое, звучное имя... Но и мое также недурно: Арундель, Джонъ Арундель. Имя—самое старинное въ Зеленыхъ Горахъ, если смѣю сказать, и которое до моего дѣда носили...

— Ваши предки,—перебилъ третій игрокъ,—какъ послѣ васъ, надѣмся, будутъ носить ваши потомки. Но не находите ли вы, что пора бы сдать приличныя карты моему партнеру?—продолжалъ онъ, обращаясь къ побѣдителю.—Увѣряю васъ, что я вовсе не такъ худо играю, да и онъ также, но только, право же, намъ страшно не везетъ... Извините, если спрошу: несмотря на англійскій звукъ вашей фамиліи, вы американецъ?

Венъ рѣшительно кивнулъ головой.

— Ну, вотъ, а я нѣмецъ, съ французской фамиліей... Марси, къ вашимъ услугамъ, господа; долженъ даже прибавить: баронъ де-Марси, хотя не придаю значенія титуламъ.

И онъ обратилъ вѣжливо вопросительный взглядъ на своего партнера, какъ бы замѣчая ему, что онъ еще не сообщилъ, какъ

его зовутъ. Тотъ, съ выраженіемъ скуки, не сходящимъ все время съ его лица, понявъ этотъ вопросъ и отвѣчалъ вѣжливо, но равнодушно:

— Извините... Флорестанъ... Итанъ Флорестанъ.

— Итанъ... Вотъ странное имя,—сказалъ Венъ.—Куплю... Что это за имя такое?

— Полагаю, что мой патронъ—старинный шотландскій святой, славный малый.

— Меня,—сказалъ баронъ,—зовутъ по-просту, безъ затѣй, довольно вульгарнымъ именемъ Фрица, съ присоединеніемъ полудюжины другихъ, какъ это водится у людей знатнаго происхожденія. Извините, если къ слову пришлось... Мы беремъ леве, monsieur Флорестанъ... Я помню, что ребенкомъ игралъ въ садахъ шенбрунскаго дворца съ маленькой дѣвочкой, которую звали Гриззи...

— Гриззи?—перебилъ Арундель.—Вотъ имячко для ребенка!.. Наша взятка, любезный партнеръ, мы взяли послѣднія два леве... Вы говорите Гриззи?.. что она была—брюнетка или блондинка?

— Блондинка,—отвѣчалъ баронъ, мѣшая карты руками, украшенными перстнями:—а настоящее ея имя было Гризельда... Короче сказать, то была эрцгерцогиня Гризельда-Брунгильда. Я былъ такъ съ нею друженъ, что звалъ ее всегда Гриззи или Бруни, а ея отца—Джо... Его величество, Франца-Иосифа, забавляло, когда его такъ звали въ семейномъ кругу.

— Поздравляю васъ, баронъ, съ близостью къ такимъ знатымъ особамъ,—сказалъ Венъ, пристально на него глядя.—Но какъ можете вы, послѣ такого блестящаго дебюта, примириться съ американской жизнью?

— Безъ сомнѣнія, мнѣ сначала было трудненько,—отвѣчалъ баронъ развязно.—Но теперь я совсѣмъ какъ у себя дома въ Америкѣ, и милый Готемъ кажется мнѣ гораздо привлекательнѣе императорскаго дворца.

Готемъ—фамилярное прозвище, какое американцы дали Нью-Йорку.

— Къ тому же,—небрежно продолжалъ онъ,—нью-іорское общество умѣетъ цѣнить то, чѣмъ мы, дворяне, никогда не пренебрегаемъ...

— Вы говорите, вѣроятно, о деньгахъ?—спокойно перебилъ Флорестанъ.

— Совсе нѣтъ... Это само собою разумѣется... Нѣтъ, я говорю о стремленіи Готема ко всему, что благородно и изящно, и въ этомъ стремленіи заключается прелесть нью-іорскаго обще-

ства. Каждый выпутывается какъ умѣетъ, съ тѣми средствами, какія у него есть, и стараясь какъ можно лучше ими воспользоваться! Всего важнѣе, конечно, быть богатымъ, но это еще не все. Впрочемъ, въ салонахъ вашего отечества встрѣчаешь столько титулованныхъ лицъ, что я чувствую себя въ нихъ дома.

— И однако вы больше встрѣчали бароновъ въ Австріи, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ, смѣю думать. Не то чтобы дворянъ у насъ не жаловали, но какъ ни подвинулась цивилизація въ Америкѣ, а намъ еще кажется естественнѣе величать человека господиномъ, нежели графомъ, княземъ или барономъ,—сказалъ Венъ.

— Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе,—съ живостью объявилъ де-Марси,—поэтому совсѣмъ не употребляю своего титула. Я такой же республиканецъ, какъ и всѣ вы, и прошу обращаться со мной какъ съ равнымъ.

Флорестанъ съ улыбкой поглядѣлъ на него, а Джонъ Арундель сказалъ робко и краснѣя:

— Это очень любезно съ вашей стороны, но я предпочитаю звать васъ барономъ: баронъ—такое хорошенькое слово и его пріятно выговаривать.

Де-Марси съ видомъ смущенной скромности собирался отвѣчать, когда Флорестанъ всталъ и, поглядѣвъ на часы, сказалъ холодно:

— Благодарю васъ, господа, за пріятную компанію, но прошу извинить, если я васъ оставлю; я иду въ курительный вагонъ. Но мы еще увидимся.

И, обратившись къ Вену, прибавилъ.

— Очень жаль, что мы играли въ такую скромную игру, потому что у васъ удивительное счастье. Я бы желалъ сыграть съ вами въ *poker* ; я довольно хорошо играю въ эту игру и обыкновенно мнѣ везетъ. Что скажете, не сыграть ли намъ послѣ обѣда? мнѣ пріятно было бы помѣряться съ вами.

— Весьма охотно. Но жаль, что вы не хотите играть теперь же; вы знаете, что счастье мѣняется, когда выйдешь изъ-за карточного стола.

— Да, играйте сейчасъ!—закричалъ Арундель.—Мнѣ любопытно поглядѣть, кто кого побѣдитъ.

Флорестанъ засмѣялся.

— Хорошо, я согласенъ, но только не здѣсь. Я до смерти хочу курить и подышать свѣжимъ воздухомъ.

И всѣ четверо направились въ курительный вагонъ. Легкій осенній вѣтерокъ превратился въ сильный и порывистый вѣтеръ, и они чуть-чуть не растеряли шляпы, переходя по наружнымъ

платформамъ. Солнце стояло очень низко на горизонтѣ, и уже сумерки окутывали равнину синеваой дымкой. Рѣдкія деревца и тщедушный кустарникъ, окаймлявшіе дорогу, пригибались къ землѣ отъ силы вихря, принявшаго характеръ настоящаго циклона.

— Какая буря!—замѣтилъ Флорестанъ. — Чего добраго, поѣздъ кувырнется. Вотъ будетъ удовольствіе! Что-жъ, играемъ?

Утвердительный отвѣтъ Вена затерялся въ вихрѣ, закрутившемся вокругъ вагона, съ такимъ свистомъ, что сердце дрогнуло бы у любого юго-западнаго уроженца. Игра началась подъ злобѣйшій аккомпаниментъ скрипа рельсовъ. Но никакая борьба стихій не смутитъ истиннаго игрока въ *poker* , когда ему везетъ. Сердце его дрогнетъ, если онъ увидитъ четырехъ тузовъ на рукахъ противника въ то время, какъ къ нему пришли четыре короля, но ни циклонъ, ни землетрясеніе не заставятъ его поблѣднѣть. Вентъ и Флорестанъ спокойно играли, несмотря на страшный ураганъ, желавшій, казалось, поднять поѣздъ на воздухъ. Вентъ продолжалъ выигрывать. Затѣмъ они опять сѣли играть вчетверомъ, и на этотъ разъ опять Вентъ былъ партнеромъ Арунделя съ неизмѣннымъ счастьемъ.

— Ну, — холодно сказалъ Флорестанъ, кладя на столъ послѣдній билетъ:—еще одну сдачу, и если я опять проиграю, то на цѣлый годъ откажусь отъ игры въ „ *poker* “. Терпѣть не могу проигрывать, не потому, чтобы мнѣ жалко было денегъ, а потому, что это меня бѣситъ. Поздравляю васъ, господинъ Вентъ, ваша взяла.

— Мнѣ очень жаль, право, и я очень сконфуженъ,—отвѣчалъ тотъ, добродушно смѣясь. — Но если есть такая игра, въ которой вы сильнѣе меня, то я съ удовольствіемъ...

— Благодарю,—довольно сухо перебилъ Флорестанъ.—Послѣ этой сдачи я прекращаю игру.

Вентъ выигралъ, и Флорестанъ всталъ изъ-за стола.

— Ну,—сказалъ онъ,—довольно; предоставляю вамъ продолжать игру съ Арундемъ. Въ жизнь свою не видывалъ такой удачи... Боже мой!

Это восклицаніе вызвано было внезапной перемѣной въ природѣ. Глубокій мракъ окуталъ вдругъ землю, послышался ужасающій трескъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такой ревъ, какъ еслибы на поѣздъ спустили цѣлый звѣринецъ, и вмѣстѣ съ шумомъ разбитыхъ въ окнахъ стеколъ настоящій столбъ воды съ оглушающимъ свистомъ пролился надъ поѣздомъ, потрясая его до самаго основанія. Затѣмъ облако разсѣялось, опять просвѣтлѣло: циклонъ прошелъ.

Венъ, невозмутимый, не снималъ руки съ карты, съ которой онъ ходилъ передъ тѣмъ.

— Что у васъ, Арундель? — сповойно спросилъ онъ. — Ахъ! у васъ однимъ пуаномъ больше, чѣмъ у меня; ну, вотъ я и проигралъ. Партія кончена... Хотите играть дальше?

Арундель былъ радъ какъ ребенокъ, что выигралъ, и, какъ робкій игрокъ, боялся, что счастье переменится, если онъ будетъ продолжать игру. Къ тому же буря разстроила его, и онъ съ нервными подергиваніями въ рукахъ считалъ выигранныя деньги.

— Нѣтъ, благодарю, — сказалъ онъ. — Съ меня довольно. Но потолкуемте. Знаете, о чемъ я думаю? Съ такой удачей, какая намъ выпадаетъ на долю, когда мы играемъ за-одно, намъ бы слѣдовало затѣять какое-нибудь общее дѣло.

Но Флорестанъ небрежно перебилъ его.

— Какъ, г. Арундель, вы боитесь играть дальше? Ну, сыграйте еще разъ, и если вы проиграете, я займу ваше мѣсто. Я сказалъ, что не буду больше играть, но мнѣ хотѣлось бы обыграть г. Вена.

— Слишкомъ много чести, — отвѣчалъ тотъ съ ироническимъ поклономъ, — я къ вашимъ услугамъ.

— Пожалуй, — отвѣчалъ Арундель неохотно, — но только одну игру, и я рискну только половиннымъ выигрышемъ.

— Вы не настоящій игрокъ, — сказалъ Венъ, улыбаясь. — Но какъ вамъ угодно.

Игра завязалась снова, и снова счастье перешло на сторону Вена, а Арундель бросилъ карты, восклицая патетическимъ тономъ:

— Проигралъ! Нѣтъ, видно, мнѣ съ нимъ не справиться. Къ счастью, что я не все поставилъ на карту. Уступаю вамъ мѣсто, — сказалъ онъ Флорестану, вставая.

— Напрасно, — отвѣчалъ тотъ. — Еслибы вы продолжали, вы могли бы выиграть. Ну, хорошо, я попробую.

— Сколько мы поставимъ? — спросилъ Венъ съ улыбкой скромнаго торжества.

Флорестанъ положилъ на столъ книжку съ чеками и, указывая пальцемъ на грудку золота, лежавшаго по правую руку противника:

— Квитъ или вдвое, если угодно!

— Это составить десять тысячъ долларовъ, г. Флорестанъ, — замѣтилъ Венъ.

Флорестанъ кивнулъ головой. Венъ смѣшалъ карты, сдавъ ихъ и проигралъ.

Игроки разошлись. Баронъ вынулъ книгу изъ кармана; Флорестанъ спокойно курилъ, глядя разсѣяннo на облака, сгущавшіяся надъ равниной, окутывасмой сумракомъ ночи. Арундель увелъ Вена въ уголокъ и, продолжая разговоръ, прерванный за минуту передъ тѣмъ Флорестаномъ, сказалъ:

— Увѣряю васъ, что мы такъ счастливо играемъ въ карты, что навѣрное успѣли бы въ общемъ предпріятіи.

— Можетъ быть, — отвѣтилъ Венъ, съ любопытствомъ его разглядывая.

— Надо воспользоваться этимъ указаніемъ. Почему бы намъ не войти въ компанію?

— Съ удовольствіемъ, — спокойно заявилъ Венъ, не спуская глазъ съ своего собесѣдника. — Но у меня нѣтъ свободныхъ денегъ и нѣтъ времени вести новое дѣло. Но все же потолкуемъ.

И оба больше не разставались. Сначала они обмѣнивались картами, а теперь признаніями. Арундель выказывалъ безусловное довѣріе своему новому другу, который платилъ ему тѣмъ же. Весь слѣдующій день прошелъ у нихъ въ тайственныхъ совѣщаніяхъ, между тѣмъ какъ Флорестанъ и баронъ держались другъ друга. Но въ Омегѣ первый нашелъ депешу, призывавшую его обратно въ Нью-Йоркъ, и простился съ спутниками, пожелавъ имъ счастливаго пути и выразивъ надежду снова увидѣться съ ними. Въ городѣ Соленого Озера, въ свою очередь, покинулъ ихъ баронъ, и наши два неразлучныхъ пріятеля одни продолжали путь до Санъ-Франциско.

Когда они расходились на ночь по своимъ комнатамъ въ отелѣ „Бодуинъ“, Арундель, сильно возбужденный, ласково взялъ обѣ руки Вена.

— Это предопредѣлено свыше, — сказалъ онъ: — какъ только вы подошли ко мнѣ, у меня явилось какъ бы предчувствіе. Затѣмъ наша удачная совмѣстная игра и послѣдующія бесѣды — все показываетъ, что это предопредѣлено свыше. Мы созданы, чтобы дѣйствовать за-одно, и надѣюсь, что проживемъ столько, чтобы вознаградить потерянное время. Мы должны имѣть успѣхъ. Я займусь вашимъ планомъ сегодня же вечеромъ, и мы вмѣстѣ исполнимъ его. Завтракать будемъ завтра въ девять часовъ, не правда ли? Я сойду внизъ минута въ минуту, какъ условлено. Повойной ночи и счастливыхъ сновъ!

И онъ вошелъ въ свою комнату, а Венъ остался одинъ въ корридорѣ. Въ ту минуту, какъ онъ направлялся въ свою комнату, онъ столкнулся носомъ къ носу съ кондукторомъ поѣзда, на которомъ они ѣхали. По обычаю желѣзно-дорожныхъ служа-

щихъ въ Америкѣ, кондукторъ остановился на ночь въ одной изъ лучшихъ гостинницъ. По тому же обычаю онъ перезнакомился съ большинствомъ пассажировъ и остановился, чтобы поболтать съ Веномъ такимъ дружески-фамиллярнымъ тономъ, какъ будто тотъ былъ ему давнишній другъ или молочный братъ.

— Чудакъ этотъ Флорестанъ!—сказалъ онъ. — Повѣрите ли, что, сходя съ поѣзда, онъ отдалъ мнѣ всю ту сумму денегъ, которую онъ у васъ выигралъ, прося передать ее отъ его имени въ новую богадѣльню Санъ-Франциско, основанную для осиротѣвшихъ дѣтей служащихъ на союзной тихо-океанской желѣзной дорогѣ. Другого такого чудака поискать ..

— Вы правы!—отвѣтилъ Венъ съ принужденной улыбкой.

Но, войдя къ себѣ въ комнату, пробормоталъ глухимъ голосомъ:

— Ага! Итанъ Флорестанъ,—вы слишкомъ знатный баринъ, а потому брезгаете моими деньгами. Ладно же, я вамъ это со временемъ вымещу.

И послѣ того, быстро раздѣвшись, бросился на кровать и вскорѣ крѣпко заснулъ.

II.

Чикаго—любопытнѣйшій городъ Сѣверной Америки, если не всего міра. Построенный на не особенно высокомъ плоскогорьѣ, онъ южной стороной своей раскинулся вдоль живописнаго, но и предательскаго озера Мичигана. Исторія происхожденія этого города довольно темна. Извѣстно, что въ 1671 г. его посѣтилъ французскій путешественникъ, по фамили Перро; но съ той эпохи и до начала нынѣшняго столѣтія о немъ ничего не было слышно. Названіе его значить по-индѣйски Дикій Лукъ, и, быть можетъ, этому непоэтическому имени обязанъ онъ своими утилитарными тенденціями. Въ 1803 г. былъ построенъ фортъ Дирборнъ, и до 1830 г. Чикаго пребывалъ простымъ пограничнымъ городомъ. Только съ этой эпохи онъ сталъ развиваться съ поразительной и по истинѣ безпримѣрной въ мірѣ быстротой. Люди, создавшіе его, были изъ желѣза и стали. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ окрестныя земли были куплены у семи-тысячнаго индѣйскаго племени Потоватами, вожди котораго, гордо увѣнчанные перьями, продали свою родину, уступая безчисленные акры земли за нѣсколько шерстяныхъ одѣялъ, цѣлыя селенія съ соломенными крышами—за одну бутылку „огненной воды“, прозрач-

ныя и рыбныя рѣчки—за дюжину ожерелій изъ бусъ или поясовъ изъ раковинъ. Затѣмъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, покинувъ берега прекраснаго озера, гдѣ отцы ихъ воздвигали свои виг-амы, и оставивъ на немъ свои челноки изъ древесной коры, эти семь тысячъ потомковъ великаго племени углубились въ преріи, женщины—забравъ на спину дѣтей. Съ тѣхъ поръ Чикаго никогда больше не слышалъ о нихъ.

Когда краснокожіе ушли, бѣлые принялись строиться. Какую несокрушимую энергію, какую неистощимую изобрѣтательность въ отысканіи средствъ выказали тогда эти отважные колонисты, въ крови которыхъ текла точно ртуть и которые въ горячкѣ неутомимаго труда употребляли ночь, чтобы придумывать то, что выполняли днемъ. Сначала городъ имѣлъ очень жалкій видъ, и во многихъ мѣстахъ сообщеніе затруднялось большими пространствами болотистой земли. Извозчики съ тяжелыми фурами, запряженными волами, должны были поворачивать обратно передъ столбами неизящнаго вида, съ крупною надписью: „Здѣсь нѣтъ дна!“ Такія надписи существовали еще въ 1860 г., и можно поэтому представить себѣ, каково было состояніе города въ ту эпоху, когда гордые Потоватами продали его за кусокъ хлѣба. Но городъ постепенно росъ и украшался. Дѣло въ томъ, что онъ обладалъ всѣми естественными преимуществами, которымъ города бывають обязаны своимъ величіемъ. Рѣка, раздѣленная на три рукава, пересѣкала его въ разныхъ направленіяхъ; большое озеро позволяло кораблямъ привозить въ его портъ произведенія всѣхъ четырехъ странъ свѣта; теплый воздухъ и легкій вѣтерокъ сушили ему полное благосостояніе. Все это было въ Чикаго. Чего ему недоставало, то доставили ему смѣлые и предприимчивые піонеры дальняго запада. Чикаго получилъ все, чего только желалъ.

Напримѣръ, воды рѣки, орошающей городъ, были прежде неизвѣстнаго цвѣта, каковаго ни одинъ живописецъ не нашелъ бы для своей кисти, и такія зловонныя, что рыба не могла въ нихъ водиться, а водились тамъ только однѣ крысы. Зловоніе, издаваемое ими послѣ прохода лодки, было таково, что дѣти принимались плавать, а собаки лаять, сами не зная почему. Заболѣлъ одинъ альдерментъ, и кто-то высказалъ мысль, не рѣка ли тому виной, и вотъ жители задались скромнымъ планомъ отвести ея русло. Рѣка впадала въ озеро; Чикаго пожелалъ, чтобы озеро изливалось въ рѣку, чтобы очистить ее, и такъ и сдѣлалъ.

Послѣ того задумали провести туннель подъ рѣкой, для удобствъ сообщенія и торговли. Когда трудъ былъ выполненъ, увидѣли, что вода просачивается черезъ сводъ туннеля; пришлось

увѣрнить его такимъ цементомъ, которому нужна постоянная влажность, чтобы держаться, и туннель устоялъ. Конечно, злощастный пѣшеходъ, проходящій по немъ, все время ругается и идетъ подъ зонтикомъ, потому что въ немъ вѣчно идетъ дождь, а шолковые цилиндры, единственнаго рода шляпа, которую носить во всякое время дня люди всѣхъ профессій въ Чикаго, стоютъ дорого. Конечно, въ немъ дуетъ вѣтеръ съ одного конца до другого, перекрещиваясь съ боковыми отдушниками, продѣланными для вентиляціи, и это, въ связи съ сыростью, позволяетъ сказать, что туннель Чикаго увеличиваетъ въ немъ смертность, если и содѣйствуетъ его безсмертію.

Итакъ, Городъ Садовъ гордится своимъ озеромъ и своимъ туннелемъ, не менѣе, чѣмъ своими торговыми складами и фабриками консервовъ, своими кулачными бойцами, а пуще всего воспитательными заведеніями для мальчиговъ и дѣвочекъ. Самое замѣчательное изъ этихъ послѣднихъ—это „Коллегія для благородныхъ дѣвицъ“, которая считается первымъ изъ училищъ высшего образованія на западѣ, и гдѣ образуется умъ и сердце всѣхъ дѣвицъ съ голубою кровью въ жилахъ города Чикаго.

Эта коллегія помѣщается въ большомъ массивномъ зданіи изъ темнаго камня въ шесть этажей, занимающемъ одну восьмую часть острова или, какъ выражаются въ Америкѣ, „bloc“, находящагся въ центрѣ города. Домъ аристократическаго вида и величественно изолированъ среди построекъ, которыя занимаютъ дрогисты, торговцы консервами и жоками, коммиссіонеры по зерновому хлѣбу и экипажные мастера, такъ какъ этотъ нѣкогда модный кварталъ былъ мало-по-малу завоеванъ торговлей, которая отпугнула аристократію и заставила ее переселиться въ верхнюю часть города. Надо сказать, что аристократію Чикаго составляютъ потомки первыхъ колонистовъ, основателей этой удивительной столицы. То же самое можно сказать и обо всѣхъ городахъ Америки, гдѣ это отличіе передается въ крови всѣмъ тѣмъ, кто сумѣлъ удвоить отцовское наслѣдіе,—первоначально украденное у несчастныхъ краснокожихъ,—продавая зерно выше стоимости или превращая свиней въ сосиски, а кости чистокровныхъ коней въ рыбій клей. Эта благородная династія посылаетъ своихъ дочерей въ *коллегію для благородныхъ дѣвицъ*.

Внутри это заведеніе представляетъ тотъ видъ, какой свойственъ въ Америкѣ всѣмъ заведеніямъ этого рода: обширныя лѣстницы съ перилами изъ стараго дуба покрытыя турецкими коврами, съ восьмиугольными площадками, увѣшенными зеркалами, и съ пріемными, достойными дворцовъ высшей англійской ари-

стократіи. Небольшія комнаты, отведенныя для классовъ и разныхъ занятій—образцы граціозной и нарядной фантазіи; черныя классныя доски задрапированы дорогими персидскими тканями, а ящикъ съ мѣломъ—чистѣйшей греческой формы. Никакихъ скамеекъ, но удобныя кресла, мягкія и обитыя красивой матеріей. На такихъ сидѣньяхъ кто же не справится безъ затрудненій съ самыми сложными спряженіями неправильныхъ глаголовъ?

Одна большая и длинная классная комната особенно внушительна. Несмотря на претензіи на изящество, она все-таки походитъ на классъ. Передъ рядомъ стульевъ съ высокими спинками тянется рядъ прелестныхъ небольшихъ пюпитровъ изъ бѣлой ясени. Эти пюпитры уже сами по себѣ преподають урокъ изъ исторіи искусства, такъ какъ списаны съ знаменитаго століка Буль, принадлежавшаго Маріи-Антуанеттѣ. Напротивъ стульевъ, на высокой эстрадѣ, стоитъ передъ монументальнымъ столомъ нѣчто въ родѣ трона, и на немъ 6-го октября въ лѣто отъ Рождества Христова 1871-е, мы находимъ величественно возсѣдающую миссъ Чандосъ-Кресси, директрису коллегіи благородныхъ дѣвицъ.

Прозванная ученицами „маркизой“ за аристократическія, съ печатью иностраннаго происхожденія, манеры и за благородную и внушительную фізіономію, миссъ Чандосъ-Кресси была небольшого роста, хорошо сложена, одѣта съ безукоризненнымъ вкусомъ, и тѣхъ неопредѣленныхъ лѣтъ, которыя колеблются между тридцатью и шестидесятью. Волосы ея, тщательно завитые и напудренные, образовали родъ естественной короны на головѣ и придавали нѣчто царственное овальному лицу съ низкимъ лбомъ и орлинымъ носомъ. Глаза небесно-голубого цвѣта съ подкрашенными китайской тушью рѣсницами, сверкали, благодаря впущенной каплѣ белладонны, тѣмъ лучезарнымъ свѣтомъ, каковой бываетъ въ глазахъ дѣтей и куртизанокъ. Брови дугой были цѣлою поэмой. Сильно подведенныя вѣстью, онѣ придавали ея лицу торжественное величіе, становившееся грознымъ, когда она сдвигала ихъ съ олимпійскимъ недовольствомъ. Въ эти моменты никто не осмѣлился бы приблизиться къ подножію ея королевскаго престола. Цвѣтъ лица оживлялся розами на щекахъ, яркость которыхъ уподоблялась цвѣту гранаты. Этотъ избытокъ свѣжести никого не вводилъ въ заблужденіе, кромѣ самой миссъ Чандосъ. Кромѣ искусственныхъ розъ, щеки ея были покрыты смѣсью пудры и кольдерема, достигавшей обратной цѣли, чѣмъ та, какая предполагалась, то-есть выдававшей уроны, нанесенные рукою времени, вмѣсто того, чтобы замаскировать ихъ.

Уши миссъ Чандось-Кресси противостояли разрушительному дѣйствию времени, и ихъ изящная форма, равно какъ и нѣжный розовый цвѣтъ затонули бы ротъ каждому, кто вздумалъ бы оспаривать аристократическую генеалогію ихъ обладательницы. Мы пройдемъ молчаніемъ роскошный бюстъ и гибкую талію миссъ Чандось-Кресси и остановимся на ея рукахъ, составлявшихъ гордость миссъ Чандось и предметъ непрестанной заботливости, на рукахъ, точно высѣченныхъ изъ мрамора, съ круглыми длинными пальчиками, съ розовыми ногтями въ формѣ миндалинъ. До полудня миссъ Чандось никогда не носила колець, и когда послѣ рекреаціи они появлялись у нея на рукахъ, то блескъ изумрудовъ, брилліантовъ и опаловъ только усиливалъ впечатлѣніе, производимое этими аристократическими ручьями.

Одѣта была миссъ Чандось-Кресси въ платьѣ изъ тяжелаго чернаго *moire-antique*, украшеннаго жабо и маншетами изъ старыхъ валансьенскихъ кружевъ. Носовой платокъ, тонкій какъ паутина и обшитый драгоцѣнными кружевами, и черепаховый лорнетъ въ золотой оправѣ дополняли ея туалетъ. Не забудемъ и трость изъ чернаго дерева съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, полускрытую въ широкихъ складкахъ юбки, такъ какъ новая Лавальеръ, миссъ Чандось-Кресси, слегка прихрамывала.

Часъ полуденной рекреаціи пробилъ на швейцарскихъ часахъ и былъ повторенъ съ одного конца залы до другого гармоническимъ подражаніемъ крику кукушки. Миссъ Чандось-Кресси встала, опираясь одной рукой на трость, другою поднося лорнетъ къ глазамъ, и, возвышая голосъ, отчетливо и элегантно проговорила:

— Mesdemoiselles, имѣю удовольствіе возвѣститъ вамъ, что вы можете разойтись для полуденной рекреаціи и считаю лишнимъ приглашать васъ не шумѣть, какъ и слѣдуетъ благовоспитаннымъ дѣвицамъ. Тѣ изъ васъ, которыя завтракаютъ дома, могутъ теперь же уйти. Другія отправятся въ голубую столовую, черезъ сѣверный салонъ. *Dio volendo*, мы опять сойдемся въ половинѣ второго. Въ числѣ вопросовъ, стоящихъ въ моемъ спискѣ на сегодняшний день, я съ удовольствіемъ отмѣчаю одинъ вопросъ капитальной важности, способный возбудить интересъ возвышенныхъ умовъ, одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые Лукрецій задавалъ своему учителю Эпикуру и удовлетворительно разрѣшить который не могли до сихъ поръ самые ученые университеты въ мірѣ. Поэтому, чтобы отвѣтить на него съ возможной точностью, я вынуждена попросить три дня сроку. Если я впередъ обозначаю моментъ, когда я буду въ состояніи дать требуемыя пояс-

ненія, то потому, что въ жизни не слѣдуетъ никогда и ничего оставлять неопредѣленнымъ и случайнымъ, и если я прошу три дня, то потому, что значеніе мнѣнія очень увеличивается отъ продолжительности времени, въ какое оно соврѣвало. Если же, по истеченіи трехъ дней, самыя тщательныя и серьезныя изслѣдованія и размышленія не помогутъ мнѣ какъ слѣдуетъ разрѣшить нѣкоторые изъ предложенныхъ мнѣ вопросовъ, то я попрошу у тѣхъ, кто ихъ задасть, новый кредитъ, и на этотъ разъ неограниченный, для продолженія своихъ занятій по этимъ вопросамъ. Сегодня я приму въ своемъ кабинетѣ въ часъ безъ четверти миссъ Алису Стенгопъ и миссъ Флору Грейзонъ. Mesdemoiselles, вы можете удалиться.

Послѣ чего она подняла руку съ величественнымъ жестомъ благословенія.

Стуки отодвигаемыхъ стульевъ, шелестъ шоловыхъ платьевъ, тихій шопотъ голосовъ отвѣчалъ на эту напыщенную рѣчь, и черезъ секунду ученицы коллегіи благородныхъ дѣвицъ разбѣгались на маленькія группы въ различныхъ частяхъ заведенія.

Двѣ изъ нихъ поднимались по величественной лѣстницѣ съ рѣзными перилами, и младшая изъ этихъ дѣвицъ, смѣясь, спросила у подруги, казавшейся сильно не въ духѣ:

— Чтѣ съ вами такое? Вы, кажется, очень сердиты?

— Еще бы не сердиться! Понимаете ли вы, что эта старая крычовка зоветъ меня въ свой кабинетъ потому, что только на мой вопросъ она можетъ отвѣтить. Очень я интересуюсь своимъ вопросомъ. Я ни о чемъ ее никогда не спрашивала, потому что знаю столько же, сколько и она; но на дняхъ она мнѣ говорить: „миссъ Грейзонъ“...

— О! васъ зовутъ Флора Грейзонъ?

— Да. А васъ какъ зовутъ?

— Энильда Розенъ.

— Какое хорошенькое имя! Вы давно уже поступили въ коллегію?

— Мнѣ кажется, что очень давно, — вздохнула Энильда: — три дня.

— Три дня! — повторила Флора. — А я-то уже три года скучаю здѣсь... Но, слава Богу, скоро конецъ моимъ мученіямъ. У васъ много пріятельницъ?

— Ни одной.

— Нѣтъ, одна уже есть. Вы мнѣ нравитесь, я буду вашимъ другомъ.

Энильда, растроганная, взяла протянутую ей хорошенькую

ручку, и обѣ дѣвушки поцѣловались. Онѣ дошли до голубой столовой, гдѣ стояли удобные стулья и маленькіе столики, какъ въ парижскихъ ресторанахъ.

Выбравъ укромный уголокъ, онѣ сняли свои корзинки съ вѣшалки, на которой тѣ висѣли, и покойно усѣлись, чтобы съ прохладой завтракать и болтать. Черезъ секунду Флора Грейзонъ упомянула о матери.

— А теперь вы, душечка, расскажите мнѣ про свою мамашу.

Глаза Энильды наполнились слезами.

— Давно уже,—сказала она,—когда я была совсѣмъ маленькая, въ Нью-Ульмѣ въ Миннесотѣ, краснокожіе перерѣзали бѣлыхъ. Мы жили въ хижинѣ въ лѣсу, и мамаша разъ ушла въ деревню, а меня оставила съ папашей и съ негритянкой Шарлотой Кордэ, моей кормилицей. Она не вернулась вечеромъ, и мы всѣ ее оплакивали. Наконецъ, двое человекъ принесли ее на доскѣ, совсѣмъ мокрую и съ распущенными волосами. Она была мертва. Индѣйцы гнались за ней, а она бѣжала, бѣжала, и въ потемкахъ упала въ рѣку и утонула, такъ что я ее больше не видала, и мы съ папа долго по ней тужили. Съ тѣхъ поръ я жила одна съ нимъ и съ Шарлотой Кордэ... и у меня нѣтъ матери, чтобы любить и ласкать меня...

Голосъ Энильды заглушенъ былъ рыданіями. Флора, тоже вся въ слезахъ, крѣпко обняла ее.

— Бѣдняжка! какъ я жалѣю, что заставила васъ рассказать эту печальную исторію. Ну, успокойтесь. Вы придете къ намъ, и мамаша замѣнитъ вамъ вашу мать. Мой отецъ тоже васъ полюбитъ.

Но Энильда, вытиравшая глаза платкомъ, подняла голову и гордо отвѣтила сквозь слезы:

— Вы очень добры, благодарю васъ... Но у меня есть отецъ... А матери никто не можетъ замѣнить, не правда ли?

Флора согласилась.

— А вашъ отецъ чтò дѣлаетъ?—съ интересомъ спросила она.

— Онъ рудокопъ,—отвѣчала Энильда съ гордостью.—Онъ не богатъ, но непремѣнно разбогатѣетъ. Мы живемъ на западѣ, Шарлота Кордэ и я, и онъ часто къ намъ прїѣзжаетъ. Онъ привезъ меня сюда для окончанія образованія.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Будетъ четырнадцать въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. А вамъ?

— Мнѣ минуло четырнадцать въ мартѣ.

— Вашъ отецъ богатъ?—спросила застѣнчиво Энильда.

— Очень богатъ. Онъ—знаменитый докторъ и ученѣе, чѣмъ

весь остальной городъ, вмѣстѣ взятый. У него куча домовъ, а я единственная дочь, и мамаша дѣлаетъ все, что я хочу.

— Поглядите! — вскричала Энильда: — вонъ тамъ на балконѣ миссъ Стенгопъ, что это она дѣлаетъ?

Флора повернулась и увидѣла молодую особу, о которой шла рѣчь, томно прислонившуюся къ косяку одного изъ оконъ, головой опершись на одну руку, а другою махая бѣлымъ платкомъ, въ видѣ сигнала, и при этомъ жеманясь и кокетничая безъ зазрѣнія совѣсти.

— Ахъ, да, смотрите, смотрите и поучайтесь! — отвѣтила Флора. — Она занимается приготовительными уроками, тѣмъ, что мы зовемъ кокетствомъ носового платка. На этомъ языкѣ можно сказать все, что угодно. Когда она тихонько макаетъ платкомъ, она говоритъ: „да“; когда отбрасываетъ его назадъ на правое плечо, она хочетъ сказать: „слѣдуйте за мной“, а на лѣвое плечо: „берегитесь, небезопасно“. Уронить платокъ значить: „извините меня, мнѣ некогда“, а вертѣть въ рукахъ: „насъ выдали“. А поднести его троевратно ко рту съ легкимъ кашлемъ означаетъ: „очень рада съ вами познакомиться“.

— Не можетъ быть! — вскричала озадаченная Энильда. — Но съ кѣмъ же такъ кокетничаютъ?

— О! молодыхъ людей не мало въ этомъ большомъ зданіи напротивъ насъ: помощники аптекарей, всякіе приказчики. Мы встрѣчаемся съ ними, выходя изъ коллегіи и приходя въ нее. Я-то не обращаю на нихъ особеннаго вниманія, но другихъ это забавляетъ.

— Миссъ Чандосъ-Кресси велѣла кланяться миссъ Грейзонъ и передать, что она ее ждетъ у себя въ кабинетѣ.

Молодые дѣвушки оглянулись и увидѣли передъ собой параднаго и важнаго выѣзднаго лакея, ожидавшаго отвѣта съ невозмутимостью хорошо вышолоеннаго слуги.

— Вотъ наказанье! — прошептала Флора съ досадой. — Миссъ Грейзонъ кланяется миссъ Чандосъ-Кресси и немедленно придетъ къ ней, — прибавила она громко, обращаясь къ лакею, и тотъ ушелъ. — Прощайте, моя душечка, и главное, ни съ кѣмъ не дружитесь безъ моего позволенія, а не то я буду ревновать. А теперь иду къ старухѣ и спрошу у нея... Угадайте что? я выдумала это, чтобы отъучить ее отъ этихъ дурацкихъ вопросовъ, которыми она насъ донимаетъ... Въ ея-то годы, та chère... Подумайте только, какую она скорчить рожу!

И она убѣждала, оставивъ свою юную собесѣдницу положительно сбитою съ толку.

III.

Во время рекреаціи къ Энильдѣ, пребывавшей въ одиночествѣ, подошла одна ученица и спросила:

— Который часъ на вашихъ часахъ?

Энильда покраснѣла, отвѣчая:

— У меня нѣтъ часовъ.

— Неужели? А посмотрите, какіе мнѣ подарилъ отецъ на именины. Они—золотые съ эмалью, а цѣпочка длиной въ полтора аршина.

И она показала маленькую очаровательную игрушку. Энильда спокойно поглядѣла.

— Ну что?—спросила обладательница часовъ.

— А что?

— Какъ вы ихъ находите?

— Очень хорошенькіе часы.

— Еще бы! они стоили триста девяносто долларовъ, кромѣ шифра, который весь усыпанъ брилльянтами, какъ видите: И. Ф. —Ида Форрестеръ. Это настоящіе брилльянты. Ихъ тутъ на двѣсти долларовъ. Какъ васъ зовутъ?

Энильда сказала, между тѣмъ какъ Ида продолжала ее разглядывать съ надменнымъ любопытствомъ.

— Это нѣмецкое имя,—замѣтила она ледянымъ тономъ, — если только не голландское. А браслеты у васъ есть?

И задавая этотъ вопросъ, Ида замахала руками такъ, что изъ-подъ рукавовъ ея полковаго платья выставился широкій браслетъ, усыпанный драгоцѣнными камнями, и два другихъ поуже, но тоже очень богатыхъ и нахально сверкавшихъ.

— Нѣтъ... нѣтъ... я не ношу браслетовъ,—отвѣчала Энильда гордымъ тономъ,—но...

— Но носила бы, еслибы хотѣла,—отвѣтилъ за нее чей-то голосъ.—Отецъ Энильды будетъ со временемъ такъ же богатъ, какъ и вашъ, миссъ Ида. И къ тому же она оставила свои браслеты дома.

— А почему же она ихъ не носить?—обратилась Ида къ вновь прибывшей, которая была не кто иная, какъ миссъ Грейзонъ.

— Потому что не хочетъ, вотъ и все. Сдѣлайте милость, не вмѣшивайтесь въ то, что до васъ не касается, госпожа смутьянка, и оставьте мою подругу въ покоѣ... Сорока, дура!—пробормотала она сквозь зубы.

— Вашу подругу! —фырнула миссъ Форрестеръ.—А съ ка-

кихъ поръ у васъ есть подруги, у которыхъ нѣтъ ни одного шлевого платья? До сихъ поръ я еще не видала, чтобы вы дружились такъ скоро, да еще съ бѣдной дѣвушкой.

Энильда была глубоко обижена, а Флора очень разсердилась и готовилась рѣзко возразить, когда проходившій мимо профессоръ латинскаго языка прервалъ эту бесѣду.

— Ага!—сказалъ онъ съ академической улыбкой:—три дѣвицы разговариваютъ между собой... Это мнѣ напоминаетъ поэта:

*Et conveniunt Camilla, Lucilla et Tersilla,
Et loquuntur ab hoc, et ab hac et ab illa.*

— Прощайте, mesdemoiselles, мы увидимся въ четыре безъ четверти. Не забывайте своихъ уроковъ и *felix vivas*.

Профессоръ ушелъ съ старомоднымъ поклономъ, бросивъ на Энильду взглядъ благосклоннаго любопытства.

Тѣмъ временемъ пробилъ колоколъ, призывавшій дѣвушекъ въ классъ. Флора сѣла рядомъ съ Энильдой, и подѣ предлогомъ ознакомленія послѣдней со всѣми порядками принялась болтать вполголоса, положивъ между собой и подругой большущий и раскрытый томъ географіи.

— Какая ломака, эта Ида!.. Слѣдующій урокъ будетъ объ Южной Америкѣ. Вы умѣете чертить карты? Это не трудно. Стоитъ только намазать масломъ листъ почтовой бумаги, приложить его къ картѣ и обвести всѣ контуры: сойдеть за то, какъ какъ будто бы вы начертили ее самостоятельно. Меня самъ профессоръ научилъ этому... Чему вы здѣсь будете учиться?

— Географіи, ариметикѣ, англійской грамматикѣ...

— Грамматикѣ? къ чему это, Боже мой! Впрочемъ, въ этомъ отдѣленіи коллегіи нѣтъ класса грамматики. Здѣсь мы учимся только танцовать, вышивать по канвѣ, учимся, какъ входить въ гостиную и выходить изъ нея, какъ укладывать платье, когда садимся на стулъ, какъ кружить головы молодымъ людямъ, учимся хорошимъ манерамъ, нѣсколькимъ мертвымъ языкамъ, а главное—астрономіи, чтобы умѣть говорить о звѣздахъ съ молодыми людьми, возвращаясь изъ церкви по воскресеньямъ вечеромъ. Учимся также немножко ботаникѣ, чтобы разговаривать съ ними на языкѣ цвѣтовъ. Миссъ Чандосъ-Кресси...

— Ахъ, кстати!—перебила Энильда:—вы мнѣ не рассказали, что она вамъ сказала по поводу вашего вопроса. Что она васъ очень бранила?

— Бранила? Вотъ еще, и не думала! — Съ улыбкой, отъ которой скислось бы парное молоко, она мнѣ сказала:

„Дитя мое, я васъ благодарю за участіе, выраженное вами мнѣ. Я бы не должна была отвѣчать на вашъ вопросъ, но“... тутъ она опустила глазки и приняла самый сладкій тонъ: „я готова сообщить вамъ, что еще не праздновала своего десятилѣтняго юбилея“.—Тутъ намъ помѣшали, и я осталась въ великомъ недоумѣніи, но вдругъ догадалась, въ чемъ дѣло. Она родилась въ високосный годъ, а четырежды-десять составляютъ извѣстную вамъ цифру...

Послышался крикъ кукушки и затѣмъ голосъ миссъ Чандось-Кресси.

— Ученицы класса латинскаго языка перейдутъ въ залу № 10, которая удобнѣе залы № 9. Дѣвицы, жаловавшіяся на жесткіе стулья, найдутъ въ той залѣ болѣе мягкія сидѣнья, чѣмъ въ этой. Mesdemoiselles, можете идти.

Миссъ Чандось-Кресси, сказавши это, опустилась на свой тронъ, причемъ муаровая юбка ея зашелестѣла, а трость чернаго дерева ударилась о полъ. Въ глубокомъ молчаніи нѣсколько ученицъ пошли къ дверямъ, въ томъ числѣ Ида Форрестеръ и Алиса Стенгопъ. Послѣ минутнаго раздумья Флора, тоже вставшая, повернулась къ Энильдѣ и повела ее за собой.

— Пойдемте, вы должны учиться всему, чему и я учусь. И притомъ классъ латинскаго языка очень занимательный, и вы скоро будете знать столько же, сколько и мы. Идите скорѣй, пока миссъ Чандось-Кресси занята. Я послѣ объясню.

Энильда повиновалась и пошла вслѣдъ за подругой. Онѣ нагнали въ дверяхъ остальныхъ ученицъ и вмѣстѣ отправились въ залу № 10.

Флора, стоявшая во главѣ класса, выбрала мягкое, покойное кресло и усадила Энильду около себя. Но тутъ среди ученицъ поднялся шумъ, заставившій поднять голову профессора, сидѣвшаго за рѣзнымъ, во вкусѣ среднихъ вѣковъ, столомъ.

— Могу я узнать о причинѣ этого шума, mesdemoiselles? —застѣнчиво спросилъ онъ.

Шумъ усилился.

— Нѣтъ, она тамъ не сидеть!—кричалъ одинъ голосъ.

— Я не хочу, чтобы она сидѣла около меня, она слишкомъ бѣдна!—кричалъ другой.

— Я не вожу компаніи съ нищими!—воскликала третій.— Дѣвушка, у которой нѣтъ ни одного золотого браслета, должна сидѣть сзади всѣхъ.

Профессоръ, казалось, былъ весьма раздосадованъ тѣмъ, что

эти юныя аристократки отказывались садиться рядомъ съ новою ученицей, и повторилъ:

— Ну, что же значить весь этотъ шумъ? Пожалуйста, садитесь, *mesdemoiselles*.

Тутъ Ида Форрестеръ рѣшительно заговорила:

— Меня сюда прислали не за тѣмъ, чтобы водиться Богъ знаетъ съ кѣмъ, и я не хочу сидѣть возлѣ Энильды Розенъ.

Энильда была блѣдна какъ платокъ, а Флора вертѣлась на мѣстѣ.

— Стыдъ какой! — съ жаромъ воскликнула она. — Неужели вы воображаете, Ида Форрестеръ, что имѣете право глумиться надъ всѣми только потому, что вашъ отецъ зарабатываетъ много денегъ тѣмъ, что топить сало? Энильда нисколько не хуже васъ и гораздо лучше воспитана. Отецъ ея не варить собачьихъ костей, чтобы готовить патентованный цементъ.

— Что нисколько не хуже продажи пилюль и мазей, — перебила Алиса Стенгопъ.

Флора вспыхнула.

— Это — царское дѣло сравнительно съ зубнымъ слесаремъ, сударыня, и вашему батюшкѣ долго придется ждать чести вырвать зубъ у кого-нибудь изъ моего семейства.

Флора остановилась, чтобы перевести духъ, и тутъ уже поднялся такой гвалтъ, что ничего нельзя было разобрать, такъ какъ всѣ эти дѣвицы кричали разомъ и очень громко. Одна Энильда молчала. Слабое: „Рах, рах, omnes!“ жалобно раздавалось съ профессорской кафедры, но безъ всякаго дѣйствія. Шумъ не унимался и заглушалъ этотъ слабый протестъ. Наконецъ, Энильда встала и выпрямилась во весь ростъ.

— Флора, — сказала она съ достоинствомъ, — я не желаю звучать иностранные языки. Манеры этого класса мнѣ вовсе не нравятся... и я уйду къ себѣ.

— Нашъ классъ вамъ не нравится? — повторила одна изъ ученицъ. — Хорошо; чтобы показать вамъ, что мнѣ рѣшительно все равно, кто вы такая, я сяду рядомъ съ вами. Ну, начнемъ урокъ. Сначала пусть сядетъ Флора, потомъ голландка, потомъ я.

— Это невозможно: мой отецъ богаче всѣхъ послѣ отца Флоры, и я должна сидѣть на второмъ мѣстѣ.

И говоря это, молодая дѣвушка, смуглая и улыбающаяся, положила руку на стулъ Энильды. Въ это время Ида вела переговоры съ профессоромъ, и тотъ нашелъ, наконецъ, нужнымъ вступитья. Онъ всталъ, три разъ кашлянулъ и, прочистивъ горло, послѣ нѣсколькихъ умиротворяющихъ *рах*, рѣшилъ, нае-

нецъ, что такъ какъ миссъ Розенъ поступила позже другихъ, то и должна занять послѣднее мѣсто; что общественная іерархія—священный принципъ, который слѣдуетъ уважать.

— Пустяки, *ma chère*,—проговорила Флора на ухо своей подругѣ, тихонько пожимая ей руку:—завтра мы придумаемъ, какъ быть. Я не виновата, что мой отецъ такъ богатъ, да и онъ также, какъ часто самъ говорить. Я васъ беру подъ свое покровительство и не оставляю, но я забыла о правилахъ, которыя здѣсь очень строги. Здѣсь можно изучать искусство и мертвые языки только тѣмъ, кто богатъ; англійскій языкъ и ариметика пригодны только для бѣдныхъ, и отъ ученицъ этихъ классовъ остальные сторонятся. Но, тс! начинается... я поговорю съ вами послѣ урока.

И Энильда пошла на отведенное ей мѣсто, а всѣ барышни подсмѣивались, когда она проходила, и старательно подбирали юбки, точно боялись прикоснуться къ ней, какъ къ прокаженной. Легкая улыбка скользнула по губамъ Энильды; она сѣла, скромно сложивъ руки на колѣняхъ, и стала слѣдить за урокомъ. Таково, по крайней мѣрѣ, было ея намѣреніе; но профессоръ говорилъ уже болѣе четверти часа—она не слышала ни одного слова. Съ краской на лицѣ, съ стиснутыми руками, она молча переживала горечь своего униженія. У нея нѣтъ шолковыхъ платьевъ, нѣтъ браслетовъ... Никогда она объ этомъ до сихъ поръ не думала, но теперь поняла, какъ эти вещи необходимы и какъ было запущено ея воспитаніе. Ахъ! еслибы у нея были хоть золотые часы съ цѣпочкой!.. И она вздыхала, не слушая профессора. Какое ей дѣло до первыхъ лицъ единственного и множественнаго числа, когда ея умъ занятъ размышленіями объ ея горькой долѣ? Какой демонъ заставилъ ея отца прислать ее сюда, гдѣ она одинока, унижена, гонима за то, что рудники, эксплуатируемые имъ, еще не котированы на биржѣ Чикаго, что у него нѣтъ кучи домовъ, и у нея нѣтъ драгоценностей, и она не носитъ шолковыхъ платьевъ!

Вопросъ профессора, обращенный прямо къ ней, вывелъ ее изъ этихъ грустныхъ думъ, и она покраснѣла, пробормотавъ что-то непонятное.

— Попробуйте отвѣтить мнѣ, миссъ Розенъ,—говорилъ профессоръ благосклонно. — Вотъ фраза: Чикаго богатый городъ. Чикаго по-латыни...

— Извините, господинъ профессоръ, — перебила Флора: — Чикаго—индѣйское слово, и значитъ: дикій лукъ...

— Совершенно вѣрно, миссъ Грейзонъ.—Но я не могу употребить по-латыни дикій лукъ. Я скажу....

— Garlic,—подсказала Ида.

— Вовсе нѣтъ, дорогая миссъ Форрестеръ; я говорю, что могу употребить дикій лукъ...

— Въ супъ, если желаете, г. профессоръ,—перебила опять Флора съ любезнымъ видомъ, и это вызвало въ классѣ сдержанный смѣхъ.

Профессоръ потеръ себѣ руки.

— Ахъ!—вскричалъ онъ:—молодые дѣвицы въ Чикаго такъ рѣзвы!.. Но я не пренебрегаю ни остроуміемъ, ни супомъ, ни дивнымъ лукомъ. Съ помощью перваго можно всегда рассчитывать достать послѣдніе.

Энильда не могла внутренно не разсмѣяться. Какой милый человѣкъ, этотъ профессоръ, и какая пріятная манера изучать классиковъ! Если этой методы придерживаются во всѣхъ отрасляхъ преподаванія въ коллегіи благородныхъ дѣвицъ, то вскорѣ она заткнетъ за поясъ самого Пикъ-де-ла-Мирандола.

Тѣмъ временемъ Алиса Стенгопъ подняла руку. Профессоръ поклонился и съ серьезнымъ лицомъ спросилъ:

— Вы хотите задать мнѣ вопросъ?

— Нѣтъ. Я прошу васъ меня извинить.

— Гм, по основательной причинѣ?

— Очень основательной. Мнѣ нужно переговорить съ пріятельницей, которая находится въ сосѣднемъ классѣ. Я хочу спросить ее, поѣдетъ ли она со мной сегодня вечеромъ въ циркъ, и какое платье она надѣнетъ?

— Очень хорошо; дѣйствительно, нѣтъ серьезнѣе вопроса, какъ циркъ, а тѣмъ болѣе дамскій туалетъ. Идите, миссъ Стенгопъ.

Та поспѣшила выйти. Другія проводили ее глазами, переглянулись, и весь классъ занялся телеграфическимъ разговоромъ. Энильда начинала понимать, что это — не простой пансіонъ, и нисколько бы не удивилась, еслибы Энеиду стали объяснять на языкѣ глухо-нѣмыхъ. Никогда еще не переживала она такъ много, и уже мысленно начала писать письмо отцу объ этомъ, когда Флора, потихоньку вставшая съ мѣста, подошла къ ней и сказала:

— Поняли вы, что мы говорили другъ другу знаками? Нѣтъ. Ну, такъ вотъ что: — Алиса вышла, чтобы идти кокетничать у окна съ своимъ аптекаремъ. М-ръ Протоплазмъ сегодня нестерпимъ, послѣ чего я предложила сняться съ якоря. Отвѣтъ: — да, единодушно. И классъ латинскаго языка конченъ. Вотъ уже три

года, какъ я учусь по-латыни и дошла до шестой страницы моего „Ерітоме“, что вполне достаточно для богатой невѣсты. Профессоръ желаетъ сдѣлать изъ насъ образцовыхъ ученицъ, и онъ правъ; я увѣрена, что ни въ какой другой коллегіи запада не найти болѣе прилежныхъ и знающихъ... Ну... идемъ домой?

— Да я дома,—отвѣчала Энильда.

Она объяснила, что временно отдана на полный пансіонъ къ миссъ Чандосъ-Кресси, пока ея отецъ не устроится на жительство въ Чикаго. Ей было, впрочемъ, здѣсь очень хорошо, но только она чувствовала себя немного одинокой. Тѣмъ временемъ профессоръ, который переговорилъ съ Идой Форрестеръ, объявилъ, что урокъ конченъ. Дѣвицы встали, вѣжливо поклонились ему и, проходя мимо Энильды, оглядѣли ее съ ногъ до головы съ самымъ дерзкимъ видомъ, къ великому смущенію бѣдной дѣвочки.

Флорѣ не пришлось съ ней больше разговаривать въ этотъ день; но, уходя изъ коллегіи, она велѣла передать ей слѣдующую записку:

„Милая Энильда, если у васъ есть шолковое платье, надѣньте его завтра, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. Безъ всякихъ вопросовъ. Не правда ли, что латинскій урокъ—прелесть? Всѣ другіе—такіе же. По окончаніи ихъ, не знаешь хорошенько, чему научился, но чувствуешь, что голова чѣмъ-то набита. До завтра. Любящая васъ Ф. Г.“

IV.

На другое утро Энильда поспѣшила исполнить просьбу подруги, которая была такъ съ нею добра, что ей нельзя было противорѣчить. У Энильды было одно единственное шолковое платье, голубое съ цвѣточками. Это былъ самый парадный ея костюмъ, и она трепетала, какъ бы не разорвать или не запачкать его. Но колебаться было невозможно, и она надѣла драгоценное платье. За завтракомъ она встрѣтилась съ миссъ Чандосъ-Кресси, и та напечатлѣла ей на лбу ледяной поцѣлуй, отъ котораго остался слѣдъ въ видѣ двухъ маленькихъ пятнышекъ кармина, и похвалила ея хорошенькое платье. Но Энильда была не въ своей тарелкѣ. За нѣсколько минутъ до девяти часовъ она уже пришла въ классъ, который быстро наполнялся. Флора появилась въ свою очередь и бросилась къ ней.

— Но вы слишкомъ нарядны, *ma chère!*—закричала она.— Нѣтъ ли у васъ менѣе параднаго платья?.. Ну, да не бѣда. Вы вылитый портретъ Маріи-Антуанетты... А теперь, вотъ, я вамъ принесла кое-что. Закройте глаза... и взгляните-ка къ себѣ на колѣни.

Крикъ вырвался у Энильды.

— О! какая прелесть! И это все ваше?

— И ваше,—мило отвѣтила Флора, цѣлуя ее.—Вы ихъ будете носить сколько угодно. А я ихъ буду доставать изъ шка-тулки мамашы. А теперь увидимъ, кто сядетъ впереди всего класса. Ида Форрестеръ лопнетъ отъ злости, и вы утрете носъ всѣмъ этимъ сорокамъ.

Но Энильда очень покраснѣла и на-отрѣзъ отказалась.

Флора ушамъ своимъ не повѣрила. Она настаивала, сначала ласково, а потомъ съ нетерпѣніемъ, наконецъ закричала:

— Вы гадкая упрямца, а я дура, что хотѣла доставить вамъ удовольствіе!

— Вы совсѣмъ не дура, милочка, и должны понять, почему я отказываюсь. Я знаю, что эти драгоценности мнѣ не принадлежать; я знаю, что отецъ не можетъ мнѣ ихъ дать; если я стану ихъ носить, я къ нимъ привыкну, и мнѣ будетъ тяжело съ ними расставаться. Къ тому же, не честно было бы наряжаться въ то, что мнѣ не принадлежитъ.

— Ба! что за бѣда! Свѣтъ хочетъ только, чтобы вы были хорошо одѣты и ничего болѣе.

— Одной наружности мало.

— Въ Чикаго—это все, и если хотите ходить, поднимъ носъ въ Городѣ Садовъ, то стоитъ вамъ только прослыть богатой, хотя бы вы были и бѣдной. Если у васъ нѣтъ добродѣтелей, притворитесь!

— А если у васъ нѣтъ браслетовъ, то берите ихъ на про-катъ!—засмѣялась Энильда.—Я полагаю, что здѣсь браслетъ—синонимъ добродѣтели... Нѣтъ, милая Флора, я не притронусь къ вашимъ хорошенькимъ вещицамъ, унесите ихъ. Но я все-таки очень вамъ благодарна.

Флора казалась очень раздосадованной и медленно уклады-вала золотыя украшенія въ футляры. Наконецъ, черезъ минуту, она подняла голову и, глядя Энильдѣ въ лицо, сказала:

— Ну, вотъ, хотя я сначала и обидѣлась, но теперь нахожу, что вы правы, и, чтобы доказать вамъ это, сама не буду больше носить золотыхъ вещей въ классѣ. Я мало-по-малу привыкла къ этому, какъ и всѣ другія; я находила, что это проще, чѣмъ

подвергаться насмѣшкамъ. Но такъ какъ вы не хотите послѣдовать моему примѣру, то я послѣдую вашему, вотъ и все. У васъ тутъ только одинъ другъ—это я, и я васъ не выдамъ. Но только предупреждаю, что намъ придется жестоко воевать.

И, громко вздохнувъ, Флора сняла богатыя кольца, сверкавшія у нея на пальцахъ, и опершись руками въ бюпитръ, а голову положивъ на руки, изобразила изъ себя настоящую фигуру отчаянія.

Энильда была очень несчастна. Ей было грустно противорѣчить своей подругѣ и огорчать ее, но, повинаясь инстинкту прямодушія, свойственному молодости, заставляющему ее часто возмущаться противъ общественныхъ условій, съ которыми мирится зрѣлый возрастъ, она чувствовала себя совсѣмъ неловко въ этой обстановкѣ, гдѣ все ей было противно. Ее стѣснало великолѣпіе ея комнаты, гдѣ она едва рѣшалась притрогиваться къ великолѣпному туалетному несессеру, боясь, какъ бы чего-нибудь не разбить. Когда она видѣла свое лицо въ зеркалѣ, оно казалось ей точно лицо восковой куклы. Вѣчный шелестъ шолка и атласа, въ которыхъ были разодѣты эти дѣвчоночки, едва вышедшія изъ дѣтства, блескъ ихъ драгоценныхъ уборовъ—ослѣпляли ее. Все это было красиво, нарядно и роскошно, но она была похожа на дикоростущее растеніе, которое вдругъ перенесли бы въ теплицу и заставили дышать искусственной атмосферой.

Энильда размышляла обо всемъ этомъ, когда Флора оклинула ее и объявила, что намѣрена увезти ее сегодня къ себѣ на субботу и воскресенье; что ея мать ей это позволила, и что она не хочетъ слышать ни о какихъ отговорахъ. Но Энильда и не думала отговариваться. Она, напротивъ, была очень рада и съ чувствомъ благодарила свою подругу. Когда она попросила позволенія у директрисы коллегіи уѣхать съ Флорой, миссъ Чандось-Кресси милостиво разрѣшила ей это. Она ласково простилась съ ней, сказала, что сообщить объ ея успѣхахъ отцу и что надѣется, что ей понравится семья Грейзонъ, самая почтенная и самая богатая въ Чикаго. Энильда была очень рада, но про себя дивилась, въ чемъ могли состоять успѣхи, о которыхъ говорила директриса. Въ продолженіе этой недѣли, которую она провела въ коллегіи, она узнала только, что Чикаго поклоняется Мамону, что истинное назначеніе носового платка—служить для подаванія сигналовъ молодымъ людямъ, что учиться стоитъ только однимъ мертвымъ языкамъ, что Чикаго значитъ дикій лукъ и, наконецъ, что миссъ Чандось-Кресси родилась въ высокосный годъ.

V.

Жилище доктора Грейзона было однимъ изъ самыхъ элегантныхъ и комфортабельныхъ въ Чикаго,—большой деревянный домъ изъ толстыхъ бревенъ, обитый дубовымъ тесомъ съ крышей безъ мансардъ, на отличномъ мѣстѣ между проспектами Вабашъ и Мичиганъ и окруженный великолѣпными деревьями. Когда строили этотъ кварталъ, самый модный въ городѣ садомъ, то посадили росшія тамъ деревья, и благодаря этому образовалось два параллельныхъ проспекта, обсаженныхъ на протяженіи нѣсколькихъ миль старыми дубами, великолѣпными акаціями и громадными сикоморами; отъ этого лѣтомъ было очень пріятно тутъ гулять. Проспекты были настоящія аллеи парка и не уступили бы версальскому парку, — цѣлый океанъ зелени, издававшій неопредѣленный ароматъ, присущій роскошной природѣ. Мичиганскій проспектъ, выстроенный только съ одной стороны, съ другой тянулся вдоль берега озера, раскидывавшагося на неограниченномъ пространствѣ въ спокойной и дерзкой красотѣ, величественнаго и обольстительнаго какъ море, и какъ оно же неизмѣримой глубины на нѣкоторыхъ пунетахъ.

Плотина, возведенная вдоль покатой стороны проспекта, отдѣляла его отъ берега, перерѣзывая перспективу длинной темной линіей, портившей видъ и пугавшей нѣжныхъ маменекъ и хозяекъ маленькихъ собачекъ. Вѣтеръ, дувшій съ озера, пропитанный испареніями, не всегда бальзамическими, сообщалъ Мичиганскому проспекту большую сырость. И поэтому, хотя онъ считался болѣе аристократическимъ, чѣмъ проспектъ Вабашъ, докторъ Грейзонъ предпочелъ поселиться на этомъ послѣднемъ и не совѣтовалъ своимъ кліентамъ разбивать шатеръ на менѣ здоровыхъ берегахъ озера.

Флора объясняла все это подругѣ съ обычной живостью, въ то время, какъ экипажъ быстро катился къ ея дому. Не успѣли лошади остановиться, какъ она уже выскочила изъ кареты, не дожидаясь помощи лакея, и бросилась въ домъ, таща за собой Энильду.

— Вотъ, мамаша,—сказала она, обнимая мать,—моя милая подруга Энильда Розентъ. Поцѣлуйте ее, какъ и меня, чтобы она чувствовала себя совсѣмъ дома.

Миссисъ Грейзонъ встала и мягко сказала Энильдѣ:

— Флора—такой ураганъ, что не даетъ мнѣ духъ перевести... Я очень рада васъ видѣть, моя душечка. Всѣ подруги моей доченьки мнѣ близки, а вы больше всѣхъ.

И, ласково поцѣловавъ ее, она стала спрашивать о впечатлѣніи, какое на нее произвелъ Чикаго, и о томъ, довольна ли она миссъ Чандосъ-Кресси и нравится ли ей въ коллегіи.

Энильда отвѣчала утвердительно на всѣ вопросы, но при послѣднемъ Флора съ живостью перебила ее:

— Ей совсѣмъ тамъ не нравится, и я бы желала, чтобы она переѣхала на житье къ намъ. Хотите, мамаша? Скажите сейчасъ: да или нѣтъ!

И она тотчасъ же приступила къ обычному способу, какимъ она выманивала у матери согласіе, то-есть принялась душить ее ласками и поцѣлуями. Но миссисъ Грейзонъ мягко отстранила ее и сказала, улыбаясь:

— Потихе, душа моя. Энильда будетъ поступать такъ, какъ ей угодно и какъ угодно ея отцу; но, можетъ быть, онъ не пожелаетъ, чтобы она оставила коллегію. Мы объ этомъ еще поговоримъ. Ну, дѣти мои, ступайте завтракать, а затѣмъ пойдете кататься. А мнѣ надо посѣтить моихъ бѣдныхъ, и я вернусь только къ обѣду. Желаю вамъ хорошенько веселиться.

Нѣсколько секундъ спустя карета везла обѣихъ подругъ въ паркъ Линкольна. Энильда восторгалась великолѣпнымъ городомъ, а паркъ привелъ ее въ особенное восхищеніе.

— Это старинное кладбище, — объясняла Флора. — Папаша говоритъ, что въ Чикаго люди такіе непосѣды, что не даютъ даже покоя мертвымъ.

Оглядѣвшись вокругъ себя, Энильда увидѣла дѣйствительно разсѣянные тамъ и сямъ безчисленныя могильныя плиты, обозначающія мѣста, гдѣ покоились бранные останки существъ, которыя были когда-то такими же молодыми и веселыми, какъ и она, а теперь навѣки зарытыми въ землю, ежедневно попираемую ногами равнодушныхъ прохожихъ. Вѣтеръ дулъ съ необыкновенной силой, обрывая послѣдній осенній уборъ съ деревьевъ и усыпая землю листьями самыхъ разнообразныхъ и роскошныхъ оттѣнковъ, превращавшихъ ее въ турецкій коверъ. Облака песку крутились на перекресткахъ аллеи вмѣстѣ съ сухими листьями и мелкими хворостинками. Шляпу Энильды чуть не унесло порывомъ вѣтра.

— Ma chère, — сказала, смѣясь, Флора, — съ Чикаго можетъ случиться то же, что и съ вашей шляпой; вотъ уже пять недѣль, какъ не было дождя, и городъ сухъ, какъ трутъ. Но папаша говоритъ, что это очень здорово. Проносаясь по озеру и по прѣрису вѣтеръ сметаешь міазмы, и у насъ нельзя заболѣть, еслибы мы даже этого и захотѣли.

Молодые дѣвушки вышли изъ кареты, чтобы посмотрѣть на звѣрей, такъ какъ паркъ Линкольна можетъ похвастаться звѣринцемъ, правда, довольно жалкимъ и достойнымъ провинціальнаго города: меланхолическими обезьянами, неповоротливыми медвѣдями, безмолвными птицами, сонными змѣями, непривѣтливыми лебедями на маленькихъ и грязныхъ прудкахъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ въ этомъ городѣ, выросшемъ изъ земли какъ грибокъ, результатъ не соответствовалъ намѣренію. Поэтому обѣ подружки вскорѣ опять усѣлись въ ландо и вѣтели себя къ озеру.

Нѣтъ другого города въ мірѣ съ такимъ великолѣпнымъ естественнымъ гуляньемъ, какъ Чикаго. Громадное пространство воды, подобное внутреннему морю, ясныя волны котораго сверкаютъ на такомъ неизмѣримомъ пространствѣ, какое только можетъ окинуть взглядъ, и разбиваются о берегъ своими серебристыми струями, достойно по своей волшебной красотѣ омывая дивное тѣло Афродиты и отражать цѣломудренный ликъ Діаны. Величественный вѣковой лѣсъ опоясываетъ его зеленымъ поясомъ и осенью пріобрѣтаетъ ту особенно яркую и разнообразную окраску, какая свойственна мѣстностямъ Сѣверной Америки.

Въ этотъ день у озера былъ совсѣмъ особенный видъ. Вѣтеръ все крѣпчалъ, и дѣвушки съ трудомъ держались на берегу, гдѣ собирали раковины. Волны съ бѣлыми гребнями, какъ у морскихъ волнъ, разбивались о берегъ съ глухими раскатами, точно отъ пушечныхъ выстрѣловъ, и, отливая назадъ, обдавали какъ бы ртутнымъ дождемъ поверхность воды, черной, какъ чернила.

Въ эту минуту выѣздной лакей подошелъ къ нимъ.

— Извините, миссъ Флора, — сказалъ онъ, — если я возьму смѣлость замѣтить, что уже поздно и что мы едва успѣемъ вернуться домой къ обѣду.

— Неужели! — воскликнула Флора: — а папаша-то вѣдь терпѣть не можетъ садиться за столъ безъ меня... Спасибо, Джо, вы хорошо сдѣлали, что предупредили меня, и мы сейчасъ же вернемся домой...

VI.

„Мамаша“ въ самомъ дѣлѣ дожидалась, но не „папаша“. Въ тотъ моментъ, какъ надо было садиться за столъ, докторъ Грейзонъ былъ приглашенъ къ больному — обычная участь докторовъ — и долженъ былъ вернуться очень поздно.

Обѣдъ кончался, когда раздался набатъ, возвѣщавшій о пожарѣ. Первымъ движеніемъ Флоры было бѣжать на пожаръ.

— О! мамаша, пойдите посмотрѣть на пожаръ!

И она стала считать удары колокола, обозначающіе кварталъ и улицу. Но хотя пожаръ былъ и неподалеку,—мать и слышать не хотѣла о томъ, чтобы она шла на пожаръ.

— Всѣ дѣвушки и мальчики въ Чикаго будутъ на немъ, кромѣ меня,—настаивала Флора.—Такъ весело глядѣть, какъ бѣгаютъ пожарные и вода бьетъ изъ трубъ! Пойдемте вмѣстѣ на минутку!

— Нѣтъ,—рѣшительно объявила миссисъ Грейзонъ:—объ этомъ нечего и думать. Вы уже достаточно нагулялись, а теперь не мѣшаетъ заняться музыкой, а затѣмъ пора и спать. Вы играете на фортепьяно, Энильда?

— Немножко.

— Ну, такъ пойдите въ гостиную и сыграйте намъ что-нибудь.

Энильда сыграла ноктюрнъ Шопена съ пониманіемъ и чувствомъ, удивительными у такой молоденькой дѣвочки. Миссисъ Грейзонъ спросила ее, у кого она училась музыкѣ.

— Я отъ мамашы наслѣдовала способности къ музыкѣ, а одинъ французъ, работавшій въ одномъ рудникѣ съ отцомъ, давалъ мнѣ уроки въ продолженіе двухъ лѣтъ. Потомъ у меня былъ одно время еще учитель, и всякій разъ, какъ было въ моемъ распоряженіи фортепьяно, я много занималась. Вѣдь я, знаете ли вы это, кочевая дикарка,—прибавила она весело,—и никогда не жила такъ долго на одномъ мѣстѣ, чтобы завести свой собственный инструментъ.

Миссисъ Грейзонъ была слишкомъ деликатна, чтобы разспрашивать, какого рода жизнь вела Энильда ребенкомъ, и ловко перебрала разговоръ. Флора, въ свою очередь, сѣла за фортепьяно, а затѣмъ мать ихъ обѣихъ послала спать.

На слѣдующій день Энильда, католичка по вѣроисповѣданію, пошла утромъ въ церковь, куда Флора послѣдовала за ней. Великолѣпные католическаго собора, пѣніе пѣвчихъ и красное съ бѣлымъ одѣяніе епископа произвели сильное впечатлѣніе на Флору.

— Нашъ пасторъ не одѣвается въ бѣлое,—сказала она,—но онъ славный человѣкъ, и папаша говоритъ, что его реторика безупречна; это много для методиста. Онъ рѣдко говоритъ намъ о Библии. Онъ проповѣдуетъ противъ спектаклей и цирковъ и обсуждаетъ всякаго рода соціальные вопросы. На его проповѣди

ходить рѣшительно все равно, что идти въ театръ или на публичную лекцію. Нельзя представить себѣ, что находишься въ церкви; онъ говоритъ такія ѣдкія и смѣшныя вещи, что время отъ времени всѣ прихожане покатываются отъ смѣха. Ему платятъ двадцать тысячъ долларовъ въ годъ, и четыре года тому назадъ приходъ подарилъ ему въ новый годъ домъ съ мраморнымъ фасадомъ. Онъ—акціонеръ въ предпріятіи по добыванію нефти, заинтересованъ въ торговомъ домѣ консервовъ и вмѣстѣ съ братомъ управляетъ большимъ бакалейнымъ складомъ. Это—модный проповѣдникъ въ Чикаго и столько иностранцевъ собирается, чтобы его послушать, что текстъ его воскресной вечерней проповѣди заранѣе объявляется въ газетахъ и онъ часто бываетъ вынужденъ собирать прихожанъ въ циркъ, потому что церковь его недостаточно велика. Мы поѣдемъ его слушать сегодня вечеромъ, если хотите.

Энильда согласилась. Доктора весь день задержали у пациента, страдавшаго каталепсіей и такого замѣчательнаго „субъекта“, что онъ сбивалъ съ толку всю медицинскую науку въ Чикаго. Миссисъ Грейзонъ провела все утро въ писаніи писемъ, а барышни пробовали-было поѣхать кататься въ открытомъ экипажѣ, но сильный вѣтеръ заставилъ ихъ почти тотчасъ же вернуться назадъ. Однако послѣ обѣда, несмотря на бурю, онѣ отправились слушать моднаго проповѣдника.

У дверей была большая толпа, и Энильду чуть не раздавили при входѣ въ залу. Свободныя мѣста оставались еще только у входа, очень далеко отъ кафедры, и на этомъ разстояніи казалось, что проповѣдникъ точно вылѣзаетъ изъ ящика, какъ марионетка. Аудиторія состояла изъ прихожанъ всѣхъ возрастовъ и сословій: юные и старые грѣшники, бабушки и внуки, молодые люди съ своими невестами тѣснились, чтобы послушать этого служителя алтаря, обращавшагося съ Богомъ очень безцеремонно и фамильярно, какъ съ старымъ товарищемъ дѣтства, къ которому ломишься во всякіе часы дня и ночи безъ доклада.

Въ видѣ исключенія онъ сегодня вечеромъ какъ нарочно выбралъ свой текстъ въ Библіи: „И безмолвіе воцарилось въ небѣ на полчаса“ (Апокалипсисъ, VIII, I). Изложивъ съ большой ясностью, какое толкованіе слѣдуетъ дать этимъ словамъ, онъ пустился въ разсужденія о неудобствахъ слишкомъ большой свободы печати и о томъ благѣ, какое произошло бы для всѣхъ, еслибы чтеніе газетъ было запрещено. Онъ намекнулъ на нѣкоторые ежедневные листы въ Чикаго, въ которыхъ критиковалась его проповѣдь прошлаго воскресенья, и замѣтилъ, что если эти газеты

претендуютъ на милости Всевышняго, то пропустили отличный случай придержать языкъ. Онъ уже кончалъ проповѣдь, когда снова послышался пожарный набатъ.

— Уйдемъ скорѣе до давки!—сказала Флора подругѣ, поспѣшно вставая.

Черезъ минуту, хотя не безъ труда, онѣ очутились на улицѣ.

— Энильда, пойдемъ смотрѣть на пожаръ!—сказала вдругъ Флора.—Это не будетъ непослушаніемъ, такъ какъ мамыши нѣтъ съ нами, чтобы запретить намъ идти.

Энильда колебалась.

— Но какъ вы думаете, еслибы она была съ нами, то позволила бы намъ идти на пожаръ?—застѣнчиво освѣдомилась она.

— Говоря откровенно, я думаю, что нѣтъ, не позволила бы, —отвѣчала наивно Флора,—но тѣмъ хуже, я все-таки пойду на пожаръ. Это намъ по дорогѣ, и, вернувшись домой, я скажу, что мы мимоходомъ поглазѣли на пожаръ. Она не будетъ насъ бранить. Она требуетъ только одного, чтобы всегда говорили правду.

Энильда сдалась, и онѣ отправились. Но не легко было найти мѣсто пожара. Набатный колоколъ звучалъ то въ одномъ кварталѣ, то въ другомъ; Флора рѣшительно ничего не понимала. Можно было подумать, что городъ превратился въ огромную колокольню, съ которой раздавался призывный звонъ, возвѣщавшій о послѣднемъ судѣ. И онѣ бѣжали на зарево то въ одну сторону, то въ другую, прогоняемые клубами черного дыма, пока, наконецъ, не достигли пункта, съ котораго могли глядѣть, не подвергаясь опасности.

Энильда была очень испугана. Улицы были полны народа. Въ нихъ видны были образчики всѣхъ видовъ человѣческаго рода и слышались всѣ нарѣчія, точно въ новой вавилонской башнѣ. Одни кричали, другіе смѣялись, третьи ругались, четвертые жаловались и всѣ съ оживленіемъ разсуждали о причинахъ пожара и объ опасности, которую онъ представлялъ благодаря сильному вѣтру.

— Всему виной несчастливая звѣзда м-съ О'Леари съ ея коровой!—вопилъ одинъ ирландецъ.—Подумайте только, что она вздумала пойти ее доить въ девять часовъ вечера, а надо думать, что эта бестія не любитъ запаха петроля, потому что такъ лягнула лампу, что та разлетѣлась въ дребезги. Хлѣвъ вспыхнулъ какъ спичка, и, честное слово, весь городъ сгоритъ,—это ужъ можно сказать навѣрное.

Взволнованная Флора, таща за собой Энильду, пораженную ужасомъ, забралась на второй этажъ дома, покинутого его обит-

тателями, вслѣдствіе его близости отъ мѣста пожара, и обѣ бросились въ окошечкѣмъ.

Океанъ пламени раскидывался у нихъ передъ глазами. Съ двухъ сторонъ набережной рѣки, катившей потоки горѣвшаго петроля, обрушившіеся доки превратились въ колоссальныя очаги пламени, надъ которыми высокія трубы элеваторовъ вздымались точно костлявыя руки, пересѣкая черной чертой фонъ краснаго огня. Съ одного порыва вѣтра пламя сразу охватило десять или двѣнадцать кучъ домовъ, откуда поднимались облака чернаго и густого дыма, минутами застилавшего это страшное зрѣлище.

— Вернемся скорѣе домой, Энильда! — зарыдала Флора. — Это ужасно. Въ жизнь свою не видывала ничего такого; быть можетъ, это конецъ міра, предсказанный нѣкоторыми сектантами.

Не безъ труда нашла Флора дорогу домой. Она знала Чикаго какъ свои пять пальцевъ, и знала, что для того, чтобы добраться до проспекта, гдѣ стоялъ ея домъ, надо перебраться черезъ мостъ. Но какой выбрать? Мостъ Адамсъ-Стритъ былъ разрушенъ пожаромъ предыдущей ночи, и ничего другого не оставалось, какъ идти на мостъ Ванберенъ-Стритъ. Сжимая судорожно руку Энильды въ своей рукѣ, она направилась въ эту сторону, но не успѣли обѣ дѣвушки съ трудомъ протиснуться на набережную, гдѣ была давка, какъ изъ толпы поднялся вопль:

— Мостъ горитъ!

Тѣмъ не менѣе полисменъ рѣшился перейти черезъ него, и Флора съ Энильдой послѣдовали за нимъ, отчаянно цѣпляясь за его скортукъ и вопреки тысячъ голосовъ, кричавшихъ имъ воротиться. Увидя это, сотни другихъ людей бросились за ними.

— Надо во что бы то ни стало перебраться на ту сторону, Энильда, — пробормотала Флора, стиснувъ зубы, — или же мы погибемъ.

Въ эту минуту Энильда громко вскрикнула. Кусокъ горящаго дерева, оторвавшійся отъ какой-нибудь крыши, долетѣлъ до нея со свистомъ и, задрѣвъ за плечо, поджегъ ея легкую накидку. Флора поспѣшно сорвала ее и бросила въ рѣку, причемъ ни та, ни другая не выпустила изъ рукъ скортукъ полисмена, который, ругаясь на чистѣйшемъ ирландско-чикагскомъ нарѣчій, руководилъ ими, какъ умѣлъ. Небо было темно-багровое, и огонь сыпался на землю такъ густо, какъ снѣгъ въ альпійскую бурю. Жаръ былъ удручающій, и обѣ дѣвушки приподняли юбку платья на голову и прикрыли лицо, чтобы уберечься отъ искръ, падавшихъ вокругъ. Мостъ дрожалъ подъ торопливыми шагами толпы,

которая не достигла и половины его, какъ огненный столбъ поднялся съ самаго моста и послышался зловѣщій трескъ настилки.

— Бѣжимъ! — закричалъ полицменъ: — мостъ подается.

Вторичный трескъ раздался вслѣдъ за первымъ: первая арка моста обрушилась съ страшнымъ свистомъ въ рѣку, откуда поднялся столбъ пара и примѣшался къ огненному столбу, непрерывно усиливавшемуся. Но еще шагъ, одинъ только шагъ — и онѣ спасены.

Энильда чувствовала, что она уже не бѣжить, а что ее волочатъ и какъ бы приподнимаютъ съ земли. Наконецъ, послѣдняя какъ бы ускользнула изъ-подъ ея ногъ, и она полетѣла внизъ головой. Съ большими усиліями высвободила она голову изъ-подъ юбки и увидѣла, что лежитъ на Флорѣ и на полицменѣ. Всѣ они повалились другъ на дружку, но къ счастью не ушиблись и, вставъ на ноги, повернулись къ рѣкѣ. Моста уже не было. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, торчалъ желѣзный скелетъ, окруженный обломками горящаго дерева, плававшими вокругъ. И — ужасающее зрѣлище — на поверхности рѣки, усыпанной огненными облаками, всплывали головы, руки, и неслись раздирающіе вопли! Мало-помалу крики затихли, головы и руки исчезли, и черезъ минуту рѣка катила свои страшныя волны съ зловѣщимъ рокотомъ надъ бездною, поглотившей жертвы.

Что касается тѣхъ, которые достигли берега и спаслись отъ такой жестокой смерти, то они бѣжали какъ полоумные, возсылая къ небу жаркія и восторженные восклицанія въ благодарность за спасеніе. Одни пѣли гимны, другіе затягивали грубыя пѣсни, третьи дѣлали бессмысленные жесты и произносили бессмысленныя слова, подъ вліяніемъ временнаго помѣшательства, часто постигающаго людей, вырванныхъ изъ пасти смерти.

Не раньше полуночи вернулись обѣ дѣвушки въ домъ на Вабашскомъ проспектѣ. Миссисъ Грейзонъ была слишкомъ счастлива, увидя ихъ, чтобы бранить ихъ, и Флора съ обычной болтливостью принялась рассказывать ей обо всемъ, что видѣла и слышала.

— Говорятъ, весь городъ сгоритъ, мамаша. Такого пожара, какъ прошлой ночью, давно уже не бывало. Пожарные работали всю ночь до шести часовъ утра. Поэтому, когда сегодня вечеромъ въ девять часовъ раздался снова пожарный набатъ, люди совсѣмъ съ ногъ сбились отъ усталости и не въ состояніи были тушить. Вы знаете, что уже пять недѣль какъ не было дождя, и теперь больше даже не стараются гасить огня. По телеграфу вытребовали помощь изъ другихъ городовъ, но не знаютъ, удастся ли ей прибыть въ Чикаго, такъ какъ многія желѣзнодорожныя станціи охвачены пламенемъ.

Миссисъ Грейзонъ пришла въ ужасъ. Докторъ еще не вернулся, и она была въ смертельной тревогѣ. Поэтому, не будучи въ силахъ переносить бездѣйствія и неизвѣстности, она сдалась на убѣжденія Флоры, и всѣ три снова вышли на улицу, въ сопровожденіи хорошаго знакомаго, жившаго по сосѣдству.

Они направились къ сѣвернымъ кварталамъ, велѣдъ за безмолвной, какъ бы онемѣвшей отъ ужаса толпой. Никто, повидимому, ясно не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что происходитъ, но всѣ чувствовали, что городъ погибъ. И всѣ бродили изъ улицы въ улицу, безпрестанно мѣняя направленіе, такъ какъ огонь постоянно перекидывался съ одного пункта на другой...

Но когда они дошли до судебной палаты, то еще болѣе трагическое зрѣлище предстало передъ ихъ глазами. Сквозь рѣшетки подвального этажа, служившаго тюрьмой, видѣлись испуганныя лица несчастныхъ заключенныхъ, фальшивыхъ монетчиковъ, убійцъ, воровъ и грабителей, слѣдившихъ расширенными зрачками за приближеніемъ ужаснаго Левіаана, грозившаго имъ самой мучительной смертью. Вдругъ полоса пламени обхватила куполъ зданія.

— Бѣдныя! несчастныя! — вскричалъ голосъ въ толпѣ. — Боже, помоги имъ!

Пораженная голосомъ, который былъ ей нѣсколько знакомъ, Флора живо обернулась и увидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя профессора Протоплазма, но въ какомъ видѣ! — блѣдный, съ подбитымъ глазомъ, съ всклокоченной бородой и волосами, съ запутавшимися въ нихъ соломинками изъ какого-нибудь тюфяка, выброшеннаго въ окошко, съ золотыми очками, сохранившими лишь одну оправу, но утратившими стекла и красовавшимися на лбу въ видѣ какихъ-то странныхъ фестоновъ. Одной рукой онъ сжималъ большой мѣшокъ, а другою поддерживалъ тѣнь бывшей миссъ Чандосъ-Кресси, въ elegantномъ, но очень легкомъ negligé. Но лицо этой дамы было неузнаваемо, потому что хотя одна половина его цвѣла розами и лиліями, зато другая, окаченная потокомъ изъ пожарной трубы, представлялась въ своемъ естественномъ, но никому доселѣ невѣдомомъ, видѣ. Флора собиралась обратить вниманіе матери на этотъ феноменъ, когда вниманіе ея было отвлечено новымъ зрѣлищемъ.

— Пропустите, во имя закона! — раздался громовой голосъ.

И офицеръ прорвался сквозь толпу, въ сопровожденіи отряда солдатъ.

— Ура! — закричали свидѣтели этой сцены: — они идутъ спасать заключенныхъ.

— На здоровье! — ослабился одинъ уличный веришка. — Бьюсь объ закладъ, что Черный Билль воспользуется случаемъ и навестритъ лыжи со всей своей бандой. И отлично сдѣлаетъ.

Между тѣмъ солдаты проникли, выломивъ двери, въ судебную палату, которая уже загорѣлась съ верхушки до основанія. Секунду спустя, банда людей съ мрачными и испуганными лицами стала выходить изъ зданія между двумя рядами штыковъ. Въ этотъ моментъ послышался рѣзкій свистокъ, ряды солдатъ были сняты, и, воспользовавшись смутой и беспорядкомъ, арестанты скрылись въ толпѣ. Огонь распространялся съ страшной быстротой, и горящая головешка ударила въ лицо командира отряда. Стройный и изящнаго вида человѣкъ, съ огненными глазами и пріятнымъ лицомъ, бросился въ нему, чтобы потушить пламя, охватившее его. Но когда офицеръ успѣлъ опомниться, человѣкъ уже исчезъ.

— Гдѣ онъ? — вскричалъ офицеръ... Ахъ! чертъ побери!.. Черный Билль опять убѣжалъ!

Между тѣмъ миссисъ Грейвонъ помышляла о томъ, какъ бы добраться до дому. Съ каждымъ шагомъ паника все усиливалась. Съ балконовъ спускались веревки, связанные простыни, импровизированныя лѣстницы, за которыя цѣплялись живыя существа. Иные спускались по водосточнымъ трубамъ. Другіе, разбуженные среди сна, полуодѣтые выбрасывались въ окна. Наши три дамы съ великимъ трудомъ добрались, наконецъ, до Вабапскаго проспекта.

Сосѣдній съ докторскимъ домъ былъ перворазрядной гостиницей, набитой биткомъ пріѣзжими, растерзанными не менѣе коренныхъ обитателей дома. Между прочими находилась здѣсь одна ирландская примадонна съ дядошкой, подставнымъ или настоящимъ; исполнявшимъ у нея роль повѣреннаго по дѣламъ, и одна дама изъ Нью-Йорка, м-съ Адамъ Хромо, въ сопровожденіи горничной, которая бѣгала, какъ безумная, изъ дому на подъѣздъ и обратно, обращаясь съ воплями и мольбами къ полицейскимъ, которые ихъ не слушали.

— Ахъ! — стонала м-съ Хромо: — еслибы я могла только увести съ собой мой чемоданчикъ... Найдите мнѣ лошадь, тележку! Я заплачу все, что хотите, лишь бы спасти чемоданчикъ. Знаете ли, что въ немъ находится? Мое генеалогическое древо, документы моихъ предковъ съ „Mauflower“ ¹⁾ и маленькая оловянная ча-

¹⁾ „Mauflower“ — небольшое судно, на которомъ прибыли изъ Голландіи въ Америку первые англійскіе пуритане, которыхъ преслѣдовали за вѣру и которые считаются настоящими основателями Соединенныхъ Штатовъ. Американцы считаютъ за великую честь прямое происхожденіе отъ этихъ эмигрантскихъ фамилій.

печка, изъ которой пылъ Вашингтонъ. О! подумать, что жена Адама Хромо, который могъ бы купить всѣхъ лошадей въ Америкѣ, находится въ такой крайности!

Всю ночь свирѣпствовало пламя и, перекинувшись на другую сторону рѣки, охватило и Вабанскій проспектъ.

— Спасайтесь! — заревѣлъ полисменъ и поднялась невообразимая сумятица.

— Мамаша! — закричала Флора: — бѣжимъ черезъ дворъ и перескочимъ черезъ заборъ въ аллею Троицы! Туда огонь не проникъ.

Въ подобныхъ случаяхъ, кто палеу взялъ, тотъ и капралъ. Всѣ послѣдовали совѣту Флоры и во время бѣгства наши знакомые свѣшались съ обитателями сосѣдней гостинницы, тоже спасавшимися, очертя голову. Примадонна выскочила изъ дому въ самомъ странномъ нарядѣ. Въ рукахъ она держала охапку театральныхъ костюмовъ, на шеѣ красовались фальшивыя и настоящія брильянтовые украшения, а на распущенныхъ волосахъ лавровый вѣнокъ съ развѣшавшимися лентами ирландскихъ цвѣтовъ, — патриотическій трофей, поднесенный дивѣ на послѣднемъ концертѣ феями. Рядомъ съ нею бѣжалъ дядюшка. Вдругъ онъ остановился и издалъ крикъ, который могъ бы послужить военнымъ вличемъ какому-нибудь племени краснокожихъ.

— Я забылъ альбомъ съ „мнѣніями прессы“! — завопилъ онъ. — Я оставилъ его на фортепьяно. Я бѣгу за нимъ, мой ангелъ, потому что безъ него ваша карьера погибла!

И онъ бросился назадъ въ гостинницу, откуда валомъ-валили люди, спасаясь отъ пламени...

VII.

Пять лѣтъ прошло со времени великаго пожара въ Чикаго, а Энильда все еще часто говоритъ о немъ съ своей вѣрной негритянкой Шарлоттой Кордэ. Она рассказываетъ ей о своей чудесной встрѣчѣ съ отцомъ, о ночахъ, проведенныхъ на полу въ складѣ консервовъ; о купцѣ, разумъ котораго помутился отъ пожара и который собственноручно поджегъ свой домъ и былъ немедленно повѣшенъ на ближайшемъ фонарѣ. Она объясняетъ ей, какъ прибыли войска и было объявлено военное положеніе въ городѣ, предоставленномъ въ жертву пламени и бѣглымъ ворами, которые грабили пожарниче; какъ въ городѣ нельзя было достать воды, чтобы напиться, и какъ ей приходилось проставать по

цѣлымъ часамъ въ хвостѣ, чтобы получить вспомошествованія, приходившія со всѣхъ концовъ міра и распредѣлявшіяся безъ разбора между бывшими миллионерами и нищими. Она не устаетъ описывать страданія и лишенія ста тысячъ человѣкъ, оставшихся безъ крова и куска хлѣба. Наконецъ, она ей повторяетъ, какъ докторъ Грейзонъ разыскалъ жену и дочь и переселился съ ними навсегда въ Нью-Йоркъ, между тѣмъ какъ она вернулась съ отцомъ на западъ.

— И слава Богу, мое сокровище! — искренно восклицаетъ Шарлотта Кордэ: — такой огонь навѣрное выбѣлилъ бы мою бѣдную черную кожу, право! Но великій Масса на небесахъ не отрывалъ своего ока отъ моей милой Нильды. Не будемъ больше объ этомъ думать, моя крошка; ты теперь въ безопасности у себя дома и, ужъ нѣтъ, больше никуда не уѣдешь безъ своей старой негритянки!

Шарлотта Кордэ всегда была убѣждена, что ея присутствіе въ Чикаго немедленно положило бы конецъ пожару. То была славная, чистокровная негритянка, черная какъ пиковый тузъ. Родившись на одной плантаціи въ штатѣ Георгіи, она была дана въ приданое дочери богатаго плантатора, когда та, влюбившись въ молодого инженера Эриха Розена, руководившаго постройкой сосѣдней желѣзной дороги, дозволила ему себя похитить и вышла за него замужъ. Ставъ вольной послѣ всеобщаго освобожденія невольниковъ, но не зная, что дѣлать съ волей и считая ее не только бесполезной, но отчасти даже какъ бы вредной, Шарлотта осталась при своей госпожѣ безъ всякихъ договоровъ и пребывала ей вѣрна и въ счастіи, и въ несчастіи, повинувая инстинкту черной расы, созданной для повиновенія. Когда мать Энильды умерла, она оросила слезами ея могилу и вся отдалась уходу за сироткой съ той животной преданностью и ревливой любовью, какія проявляетъ только тигрица къ своимъ дѣтенышамъ да рабыня къ дѣтямъ любимыхъ господъ.

Дѣтство Энильды, по смерти матери, проходило сначала въ домѣ различныхъ родственниковъ съ отцовской стороны, затѣмъ у отца, къ которому пріѣхала хозяйничать родная сестра. Когда та отъ него уѣхала, онъ отвезъ Энильду въ пансіонъ въ Чикаго, а послѣ пожара она вернулась въ родительскій домъ, съ которымъ уже больше не разставалась. Въ продолженіе трехъ лѣтъ она вела довольно бродяжническую жизнь, до тѣхъ поръ, пока отецъ не поселилъ ее въ хорошенькомъ домикѣ у воротъ Ларамі, цвѣтущаго городка, расположеннаго по союзной тихо-океанской линіи въ сердцѣ Дальняго Запада. Она жила тамъ уже два года и,

кромѣ нѣсколькихъ рѣдкихъ сосѣдей, пребывала въ обществѣ своей вѣрной негритянки, своего фортепьяно и множества книгъ, которыя она поглощала безъ разбора. Только три раза въ эти два года она видала отца, да и то лишь на нѣсколько дней. При каждомъ посѣщеніи онъ привозилъ ей хорошенькіе подарки, или кольцо съ дорогимъ камнемъ, или браслетъ, и она часто улыбалась, думая, какое бы значеніе придали ей эти драгоценности въ глазахъ ученицъ коллегіи для благородныхъ дѣвицъ въ Чикаго.

Энильда всегда находила нѣчто таинственное въ своемъ отцѣ; то онъ бывалъ шумно веселъ, то сумраченъ и угрюмъ, и одно въ немъ было неизмѣнно—это любовь къ дочери. Она не считала его богатымъ, но было очевидно, что въ послѣдніе два года состояніе ихъ улучшилось. Домъ, въ которомъ она жила, былъ довольно большой коттеджъ, выстроенный среди обширной рощи, въ холмистой мѣстности, и изъ оконъ видѣлась длинная цѣпь горъ на горизонтѣ, вздымавшихъ свои вершины къ облакамъ. Энильда любила слѣдить за ихъ прихотливыми очертаніями.

Такъ жила она изо дня въ день, спокойной, монотонной жизнью, пока, наконецъ, одно событіе не нарушило этого однообразія.

Въ одно апрѣльское утро, когда она, по обыкновенію, читала и размышляла, дверь растворилась и въ нее просунулась курчавая голова Шарлотты Кордэ.

— Господи помилуй, мое сокровище! случилась большая бѣда. Поѣздъ свалился неподалеку отъ станціи. Подбираютъ мертвыхъ и раненыхъ и разносятъ по домамъ. Вотъ и къ намъ несутъ молодого „масса“. Онъ еле живъ и рука у него совсѣмъ раздроблена. Мы будемъ за нимъ ходить, *mad'selle* Нильда, пока онъ не выздоровѣетъ или не умретъ...

Цѣлыхъ десять дней раненый находился между жизнью и смертью, и опасались даже, что придется произвести ампутацію руки. Наконецъ, по истеченіи этого времени, въ продолженіе котораго больной былъ постоянно безъ памяти и въ бреду, онъ объявленъ былъ внѣ опасности.

Энильда ухаживала за нимъ днемъ, а ночью ее смѣняла Шарлотта Кордэ у постели больного.

Когда сознаніе вернулось къ больному, онъ пожелалъ послать телеграмму въ Нью-Йоркъ. Но онъ былъ еще такъ слабъ, что не могъ самъ писать, и Энильдѣ пришлось предложить ему свои услуги.

— Если вы такъ добры, то потрудитесь написать:— „Адамъ Хромо, 91, Бродвэй, Нью-Йоркъ. Крушеніе поѣзда при Шепенѣ. Сломалъ руку съ усложненіемъ. Все идетъ хорошо. Скоро выздоравливаю. Телеграфируйте къ“...

Онъ взглядомъ спрашивалъ Энильду.

— Эриху Розену,—отвѣчала она, продолжая писать: — Риверъ-Банкъ, Ларами, территория Уапоминговъ.

— Благодарю,—и онъ продолжалъ диктовать: — „Пришлите письма и вещи. Мое почтеніе м-те Хромо. Джонъ Клермонтъ“.

— Клермонтъ! — улыбнулась Энильда: — какое хорошенькое имя! А теперь вамъ надо спать.

И не давъ ему времени отвѣтить, она вышла изъ комнаты въ сопровожденіи Шарлотты Кордэ.

VIII.

Когда депеша Клермонта получена была въ домъ Адама Хромо, 19, Бродвэй, то произвела большой переполохъ. Цѣлыхъ три недѣли отъ него не было никакихъ извѣстій, и его пріятель Хромо уже начиналъ опасаться, не случилось ли съ нимъ какой бѣды.

„Люси будетъ въ восторгѣ, узнавъ, что Клермонтъ живъ и здоровъ,—сказалъ онъ самому себѣ.—Захвачу эту депешу съ собой домой и покажу ей; можетъ быть, она станетъ любезнѣе. У нея есть слабость къ Клермонту. Счастливецъ!“

Адамъ Хромо былъ одинъ изъ богатѣй Нью-Йорка. Онъ началъ свою карьеру конюхомъ у одного виргинскаго плантатора, и пятидесяти-двухъ лѣтъ сталъ богатѣйшимъ торговцемъ клея въ Соединенныхъ - Штатахъ. Уже пожилымъ человекомъ онъ женился на дочери бывшаго мельника штата Мэнъ, сдѣлавшагося бумагопрядильщикомъ, и м-съ Хромо, довольно хорошенькая и хитрая женщина, скоро очутилась во главѣ готемскаго бомонда. Никто не могъ бы сказать, сколько ей въ точности лѣтъ, но она была молода, сравнительно съ мужемъ, и вполне оправдывала остроумную французскую поговорку: „женщинѣ столько лѣтъ, сколько кажется“. М-съ Хромо казалось не болѣе двадцати-пяти лѣтъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, у нея было вдоволь того магическаго средства, которое въ Америкѣ даетъ доступъ ко всему: денегъ. Казна ея мужа была неистощима, и она съ утра до ночи старалась ее опустошать, но безуспѣшно, такъ какъ, по мѣрѣ того, какъ она опустошала, онъ ее наполнялъ. Ея обѣды были самыя тонкіе, балы самыя великолѣпныя, ужины самыя роскошныя. Ея five o'clock tea возбуждали зависть во всѣхъ остальныхъ красавицахъ Готема, и въ дни ея „интимныхъ“ приемовъ рядъ экинажей, останавливавшихся у ея дверей, занималъ не только всю

улицу, но и нѣсколько сосѣднихъ. Эти блестящіе экипажи съ блестящими гербами, передъ геральдической росчеркомъ которыхъ поблѣднѣлъ бы гербъ Тюдоровъ, свидѣтельствовали о высокомъ званіи гостей м-съ Хромо. Ея завтраки, любительскіе спектакли, филантропическія сборища сердили до нелзя блѣдныхъ „knickerbockers“¹⁾; которые удостоивали посѣщать, не изъ любопытства, конечно, а изъ состраданія, жену богатаго купца клеемъ. Въ большихъ магазинахъ лучшимъ средствомъ спустить съ рукъ товаръ было сказать: „Сегодня м-съ Хромо купила точно такой“.

И что же? Среди всей этой славы м-съ Хромо не была счастлива. Было нѣчто такое, что отравляло ея существованіе; было терпіе въ ея жизни: Адамъ Хромо все еще не оставлялъ дѣлъ; онъ продолжалъ фабриковать клей и продавать его. Онъ весь по уши завязъ въ клею, и стоило ей только выглянуть изъ оконъ своего великолѣпнаго дома, чтобы увидѣть гигантскій фургоны, раскрашенный яркой краской и на которомъ сверкала золотыми буквами колоссальная надпись: „Покупайте оной клей у Адама Хромо: первый торговый домъ въ Америкѣ“.

Каждый часъ, каждую минуту она должна была испытывать горькое чувство уязвленнаго самолюбія; а онъ, этотъ упрямый и флегматическій мужикъ, безъ всякой искры аристократическаго чувства въ душѣ, ушавъ по уши въ свой клей, да еще имѣлъ наглость хвалиться этимъ, гордась, что онъ самъ пробилъ себѣ дорогу и, начавъ съ нуля, завоевалъ первое мѣсто для себя въ дѣловой, а для жены въ свѣтской сферѣ.

Вотъ что съ утра до ночи терзало м-съ Хромо и звучало въ ея ушахъ, — ушахъ гордой правнучки пассажира „Mayflower“. Жестокая участь! Она навѣрное будетъ хлопотать о разводѣ или, по крайней мѣрѣ, разѣдется съ мужемъ на время. Конечно, онъ очень мало заботится о ней, но, можетъ быть, такое важное рѣшеніе образумитъ его. Подумать только, что послѣ страшнаго пожара въ Чикаго все, что онъ напелъ ей сказать, это:

— Ты спасена, Люси, all right! Но надѣюсь также, что Брайъ и Шнаппъ тоже спаслись, а то мнѣ придется поплатиться здорово карманомъ.

Нѣтъ, Адамъ — рѣшительно мужикъ! Она давно смутно почувствовала эту печальную истину, а теперь въ ней убѣдилась. Интересоваться какой-то дурацкой фабрикой клея! Что значили всѣ краски и всѣ Шнаппы въ мірѣ сравнительно съ тѣмъ, что потеряла она: одиннадцать чемодановъ, платье, одѣланное дѣвнад-

¹⁾ Потомки первыхъ голландскихъ колонистовъ, образующихъ въ Нью-Йоркѣ родъ аристократіи.

пятью метрами стариннаго point de Venise, гребень, осыпанный брильянтами, дорожный несессеръ изъ массивнаго серебра, не говоря уже о фамилныхъ документахъ и чашкѣ Вашингтона— все это на ея глазахъ объято было пламенемъ глупаго пожара на западѣ. И послѣ такой катастрофы, когда счастье видѣть ее спасенной должно было растрогать его сердце и подвинуть на всякія жертвы, Адамъ Хромо не уступилъ ни на іоту и не согласился бросить дѣла и жить на капиталы, которымъ завидовала половина Нью-Йорка. Нѣтъ, она въ самомъ дѣлѣ родилась подъ несчастной звѣздой.

И послѣ такихъ размышленій, отъ которыхъ блѣднѣли розы на ея щекахъ, м-съ Хромо заказывала себѣ платье въ тысячу долларовъ, не считая отдѣлки, или же разсыпала приглашенія на праздникъ, который долженъ стать ей въ двадцать тысячъ. Надо же ей было искать утѣшенія хоть въ чемъ-нибудь.

Послѣдній ея балъ былъ особенно удаченъ. Кромѣ сливокъ нью-іоркскаго общества, его удостоилъ своимъ присутствіемъ молодой англичанинъ съ голубой кровью въ жилахъ, предки котораго помогали Вильгельму-Завоевателю завладѣть Великобританіей. Джонъ Клермонтъ встрѣтилъ случайно Адама Хромо „въ городѣ“, какъ презрительно называютъ въ Нью-Йоркѣ дѣловой кварталъ, и тотъ немедленно пригласилъ его обѣдать. Онъ отказался отъ обѣда, но пріѣхалъ на балъ и съ тѣхъ поръ—странное дѣло—эти двое мужчинъ подружились. Да, изящный, утонченный британскій джентльменъ подружился съ Адамомъ Хромо!.. Люси никакъ не могла этого понять, но это былъ фактъ; во всемъ Нью-Йоркѣ Клермонтъ избралъ себѣ пріятелемъ одного только ея мужа.

Что касается ея самой, то она чувствовала къ молодому англичанину непреодолимое влеченіе. Послѣ бала онъ пріѣхалъ съ церемоннымъ визитомъ; затѣмъ Адамъ привелъ его запросто къ завтраку; затѣмъ онъ обѣдалъ у нихъ въ домѣ и, наконецъ, взялъ привычку приходить пить чай среди дня, когда м-съ Хромо непременно оставалась дома. Сидя въ маленькой темной гостиной, заставленной цвѣтами, около хорошенькой женщины, за которой онъ ухаживалъ по всѣмъ правиламъ искусства, онъ часто говорилъ себѣ: „Я не въ Нью-Йоркѣ, а въ Лондонѣ. Рѣшительно, міръ слишкомъ тѣсенъ“.

Человѣкъ—болѣе или менѣе рабъ привычки, но англичанинъ не что иное, какъ воплощенная привычка. И главная прелесть Нью-Йорка для него въ томъ, что онъ можетъ здѣсь вести приблизительно такую же жизнь, какъ въ Лондонѣ. Во-первыхъ, языкъ одинъ и тотъ же или почти,—такъ какъ часто въ первое

время его съ трудомъ понимаютъ въ Нью-Йоркѣ. Затѣмъ привычки къ опрятности и комфорту почти одинаковы, а по обилію воздуха и воды Нью-Йоркъ не только не уступаетъ Лондону, но еще и превосходить. Наконецъ, пища точно такая же: кровавое мясо, баранина съ мятнымъ соусомъ, овощи, варенье на водѣ и массивные пудинги, тяжелые какъ свинецъ, честерь, хересь, портвейнъ и разнообразные спиртные напитки — все какъ дома.

Въ продолженіе шести недѣль Джонъ Клермонтъ завтракалъ, обѣдалъ, ужиналъ, танцевалъ, ухаживалъ и порхалъ въ готемскомъ бомондѣ, веселясь съ той методичностью, какую чада Альбіона вносятъ даже въ удовольствія, и, самъ не зная, какимъ образомъ, спохватился въ одинъ прекрасный день, что влюбленъ въ м-съ Хромо. Ему вдругъ стало стыдно роли, какую онъ разыгрывалъ; недовольный самимъ собой, Адамомъ Хромо и еще болѣе прекрасною Люси, онъ вдругъ уѣхалъ въ Санъ-Франциско, возвѣстивъ своимъ друзьямъ о своемъ отъѣздѣ депешей изъ Чикаго, когда уже находился на полпути къ Золотымъ Воротамъ, какъ называютъ въ той мѣстности столицу Калифорніи.

Люси поплакала втихомолку и стала еще хуже обращаться съ мужемъ. Затѣмъ, въ утѣшеніе себѣ, назначила у себя два раза въ недѣлю утренніе рауты. Но общество многочисленныхъ знакомыхъ, ихъ болтовня и сплетни не могли вполне ее разсѣять. Сидя у себя въ гостиной, въ свой пріемный день, она ломала голову надъ тѣмъ, что чувствуетъ. Въ половинѣ четвертаго она рѣшила, что любитъ Джона Клермонта; въ четыре безъ четверти она проникалась къ нему презрѣніемъ, какъ и ко всему роду человѣческому, включая и самое себя; а въ четыре ровно она опять впала въ сомнѣніе, когда веселые голоса въ сосѣдней комнатѣ вывели ее изъ задумчивости.

— Миссъ Грейзонъ... г. баронъ де-ла-Марси... г. Флорестанъ, — доложилъ лакей.

— Вотъ пріятный скрипризъ, милая Флора! — вскричала Люси, цѣлуя ее. — Баронъ... я очень польщена... и мистеръ Флорестанъ съ вами; какъ это вы ухитрились пріѣхать вмѣстѣ?

— Похоже на rendez-vous, не правда ли? — засмѣялась молодая дѣвушка.

— Я встрѣтила барона у цвѣточника, онъ проводилъ меня сюда, а у дверей мы сошлись съ мистеромъ Флорестаномъ, который только-что собирался позвонить. Вотъ какимъ образомъ мы вмѣстѣ вошли въ гостиную. Но, та chère, что же вы тутъ дѣлаете? у васъ совсѣмъ темно.

— Сознаюсь, что я было-задремала. Я дочитала вотъ этотъ

томъ Теннисона, и у меня разболѣлась голова; я спустила сторы и отдыхала въ ожиданіи, что кто-нибудь изъ знакомыхъ заглянетъ ко мнѣ.

— Вы нездоровы?—спросилъ Флорестанъ съ участіемъ.

— Нѣтъ... не въ духѣ только.

— Съ такимъ личикомъ и такимъ туалетомъ!—протестовалъ баронъ, развязно усаживаясь въ креслахъ.

Извѣстіе о катастрофѣ, постигшей Джона Клермонта, и о мѣстѣ, гдѣ онъ находился, навело Флору Грейзонъ на мысль, что Эрихъ Розенъ, новоиспеченный миллионеръ, прозванный въ Нью-Йоркѣ „мѣднымъ королемъ“, не кто иной, какъ отецъ ея пансіонской подруги, Энильды Розенъ. Она пожелала узнать его адресъ, и черезъ нѣсколько минутъ вошла два лакея—одинъ принесъ чай, а другой подаль на золотомъ подносѣ требовавшійся адресъ.

— Вотъ, душа моя, вамъ адресъ,—протянула Флоръ карточку миссисъ Хромо:—Эрихъ Розенъ, отель Виндзоръ.

— Какъ я рада,—вскричала Флора,—что могу теперь разыскать мою подругу! Я не видѣла ея съ самаго пожара въ Чикаго...

— Ахъ! пожалуйста, не говорите объ этомъ, Флора!—перебила миссисъ Хромо:—когда я подумаю о томъ, чего лишилась во время этой катастрофы и какъ мало успѣла спасти...

— Вы несправедливы,—вмѣшался Флорестанъ.—Вы спасли самое себя, и это стоило всего города Чикаго.

— Вы еще любезнѣе барона... Вотъ вамъ чай, положите сахаръ сами... Конечно, по возвращеніи въ Нью-Йоркъ, я стала героиней дня, и даже „Times“ посвятилъ краснорѣчивую замѣтку моимъ похождениямъ. Кстати, что вы скажете объ англійскихъ газетахъ, которыя приписывали пожаръ деревянной мостовой, а мостовая-то и не сгорѣла?! Она цѣла до сихъ поръ... Достаточно ли крѣпокъ вашъ чай, милая Флора?

— Мой чай? да вы мнѣ не давали чаю!

— Не можетъ быть! простите! какая я разсѣянная!

Миссисъ Хромо бросилась къ чайному столу; за ней помчались кавалеры, желая прислужиться, впопыхахъ столы опрокинули и послышался трескъ битой посуды.

— Ахъ! какая жалость!—вскринула Флора:—такія прекрасныя севрскія чашки!..

— Я другихъ не употребляю,—спокойно отвѣчала Люси.—Вы не находите звонка, господа? Это тоже моя идея... Видите мой гербъ у камина; пуговица скрыта въ главу у орла, стоитъ только прижать...

— Очень остроумно!—замѣтилъ Флорестанъ.

Съ полдюжины слугъ занялись удаленіемъ всѣхъ слѣдовъ происшедшей катастрофы.

— Принесите еще чаю, Джаксонъ, — приказала миссисъ Хромо величественному мажордому, съ наружностью посланника, наблюдавшему за операціями своихъ подчиненныхъ.

— Да, все здѣсь устроено по моимъ планамъ, — продолжала она. — Когда мы вздумали выстроить себѣ новый домъ, я захотѣла, чтобы все было изъ мрамора; а такъ какъ въ Америкѣ нѣтъ хорошаго мрамора, то мы поѣхали за нимъ въ Италію. Мистеръ Хромо купилъ лучшій каррарскій мраморъ, который употребляется въ скульптурѣ, и хотѣлъ привезти съ собой тамошнихъ рабочихъ для того, чтобы обтесать его на мѣстѣ. Но я замѣтила ему, что это обойдется слишкомъ дорого, и его обтесали здѣшніе рабочіе, мало смыслящіе въ этомъ дѣлѣ, правда; но кто въ Нью-Йоркѣ замѣтитъ разницу!

— Совершенно вѣрно, — подтвердилъ Флорестанъ.

— У Адама былъ свой планъ, а у меня свой; я предоставила ему наружныя стѣны, а сама занялась внутренней отдѣлкой. Намъ попался очень странный архитекторъ. — Ужъ такая наша несчастная звѣзда! — говорила я мужу: — въ Америкѣ нашелся настолько глупый человѣкъ, чтобы быть добросовѣстнымъ, и надо же, чтобы мы какъ разъ попали на него. Представьте, что я хотѣла винтовую лѣстницу въ готическомъ стилѣ, а этотъ дуракъ вдругъ мнѣ говорить: „Миссисъ Хромо, я не могу исполнить чего вы требуете; мои принципы противятся тому, чтобы портить чудный привозной мраморъ, вводя въ постройку разнокалиберные стили. Я честный человѣкъ и знаю свое ремесло: я не стану строить готическую лѣстницу въ домѣ съ дорическимъ фасадомъ, іоническими колоннами въ сѣняхъ и фризами рококо“. — На что я отвѣчала: — Г-нъ Гревсъ, мы платимъ вамъ за трудъ, и это нашъ долгъ. Но развѣ вы будете жить въ этомъ домѣ, а не мы? Если вы будете умничать, то рискуете умереть съ голоду. Деньги — деньгами...

— А мраморъ — мраморомъ. Отлично сказано, миссисъ Хромо.

— Не правда ли, м-т Флорестанъ?.. Подайте чаю Флорѣ, пока я доскажу свою исторію... Архитекторъ подумалъ съ минуту и говорить: „Миссисъ Хромо, вы правы. Я вамъ выстрою изящную наклонную башню въ вашей купальнѣ, если это вамъ пріятно“. Кстати, мистеръ Флорестанъ, какъ здоровье вашего снѣжка?

— Благодарю васъ. Онъ здоровъ.

— Какой душка, вашъ маленькій Кириллъ! Представьте,

что въ первый разъ, какъ онъ у меня былъ, онъ вдругъ спрашиваетъ: „гдѣ же гостиная?“ — Ты въ гостиной, — говорю я. — „Ахъ! вотъ какъ!“ — отвѣчаетъ онъ: — а я думалъ, что это магазинъ“... И подумайте, что ему всего четыре года. А знаете ли, какіе у меня полы? Изъ самой лучшей мозаики. Я сняла рисунки въ Римѣ съ картинъ, какія мнѣ нравились, и заказала ихъ изъ мозаики.

— Гдѣ же они? — спросила Флора.

— У васъ подъ ногами.

Взоры всѣхъ присутствующихъ усталились въ коверъ.

— Ахъ, вотъ опять бѣда! — продолжала миссисъ Хромо. — Мозаика не въ модѣ въ Нью-Йоркѣ. Мои полы производили такую сенсацию, что меня обвиняли въ томъ, что я хвастаюсь богатствомъ, хочу быть законодательницей моды, и это мнѣ создавало тѣмъ враговъ. Но такъ какъ я — самая скромная и простая женщина, то мнѣ этотъ шумъ надоѣлъ, и мы съ Адамомъ условились закрыть полы коврами... Какъ! вы уже убѣждаете, Флора? нѣтъ, та сhère, я васъ не пущу. Мнѣ надо съ вами поговорить. Оставайтесь, я сама отвезу васъ домой.

— Ну, мы оставимъ васъ говорить свои секреты, — сказалъ Флорестанъ.

Баронъ и онъ пожали дамамъ руки и вышли.

— Ахъ! — вскричалъ де-Марси, когда дверь за ними затворилась: — вотъ типъ богатой Америки: фаянсъ Веджвуда въ кухнѣ и сандалъ въ винѣ!

IX.

Джонъ Клермонтъ выздоровѣлъ, но ему предстояло носить руку на перевязи довольно долгое время. Онъ получилъ письма изъ Лондона и Нью-Йорка и отвѣчалъ на нихъ, но тѣмъ не менѣе зажилъ подъ кровлей Эриха Розена.

Причина была ясная: онъ влюбился въ Энильду, и та отвѣчала ему тѣмъ же. Однако словъ любви еще не было произнесено между ними. Чистота и невинность этой дѣвушки скорывали уста износившемуся вивѣру и фату. Что касается того, чтобы жениться на безприданницѣ, дочери какого-то рудокопа, по всей вѣроятности грубаго и необразованнаго, то такая идея не могла сразу уложиться въ головѣ Джона Клермонта.

Не говоря уже о всемъ прочемъ, состояніе его было сильно разстроено беспорядочной жизнью, и единственнымъ спасеніемъ отъ разоренія была женитьба на богатой невѣстѣ. Такая невѣста

и наплась въ лицѣ лэди Мильдредъ Аллисонъ. Джонъ Клермонтъ былъ почти помолвленъ съ нею, и путешествіе въ Америку было придумано невѣстой въ видѣ окончательнаго испытанія твердости его намѣреній и постоянства его привязанности.

Испытаніе грозило полнымъ фіаско матримоніальнымъ планамъ лэди Мильдредъ.

Съ каждымъ лишнимъ днемъ, проведеннымъ въ обществѣ Энильды, Клермонтъ чувствовалъ, какъ чувство, казавшееся сначала мимолетной прихотью, все глубже пускало корни въ его душѣ. Наконецъ, онъ убѣдился, что полюбилъ впервые глубокой и серьезной любовью.

Случай, всесильный въ такихъ случаяхъ, привелъ къ неожиданному и преждевременному, быть можетъ, объясненію, въ результатъ котораго Джонъ Клермонтъ предложилъ Энильдѣ быть его женой — предложеніе, которое та приняла не безъ борьбы, понимая, что женихъ приносить ей, такъ сказать, въ жертву свою карьеру свѣтскаго человѣка.

Джонъ Клермонтъ ничего не сказалъ Энильдѣ о своихъ отношеніяхъ къ лэди Мильдредъ, рассчитывая сначала объясниться и порвать съ этой послѣдней, какъ вдругъ изъ Лондона пришла телеграмма, извѣщавшая, что лэди Мильдредъ упала съ лошади и находится при смерти, и желаетъ съ нимъ проститься передъ своей кончиной.

Не объясняя Энильдѣ, какого рода обстоятельства вынуждаютъ его къ поспѣшному отъѣзду, Джонъ Клермонтъ простился съ нею, какъ женихъ, и уѣхалъ въ Лондонъ съ самыми противорѣчивыми чувствами. Ему жаль было лэди Мильдредъ, и если смерть ея снимала съ него всякія обязательства, зато трагическій и безвременный конецъ молодой и очень любившей его особы не могъ не возбуждать въ немъ мучительныхъ ощущеній.

Въ самый день отъѣзда Джона Клермонта пришло письмо къ Энильдѣ отъ отца, немногорѣчивое, но знаменательное; онъ писалъ, что богатство, долго не дававшееся ему въ руки, наконецъ въ его рукахъ, и звалъ ее немедленно пріѣхать въ Нью-Йоркъ.

Приготовленія къ отъѣзду и мысль, что она больше не бѣдная невѣста, и Джону не придется приносить никакихъ жертвъ, смягчили нѣсколько скуку разлуки съ женихомъ для Энильды. Наскоро уложившись и захвативъ свою вѣрную Шарлотту Кордэ, молодая дѣвушка пустилась въ длинный и утомительный путь, на встрѣчу новой жизни, сулившей блескъ и всякія радости.

Болѣе отважныя сердца, нежели сердце молодой дѣвушки и

ея преданной негритянки, бываютъ смущены шумомъ и гвалтомъ большой центральной желѣзнодорожной станціи Нью-Йорка, озаренной фантастическимъ и таинственнымъ электрическимъ свѣтомъ, въ которомъ бѣснуется толпа существъ, съ бляхами на шляпахъ, выкрикивающихъ оглушительными голосами названія различныхъ гостинницъ. Шель дождь, и капли ударялись съ шумомъ въ стеклянную крышу; воздухъ былъ душной и сырой. Энильда, которую толкали со всѣхъ сторонъ, въ то время, какъ она шла по набережной, машинально слѣдуя за толпой, почувствовала, какъ уныніе овладѣло ея сердцемъ, какъ будто подъ давленіемъ мрачнаго предчувствія. Вдругъ человекъ высокаго роста схватилъ ее за руку.

— Папаша!—вскричала она.

И она бросилась ему на шею. Отецъ осыпалъ ее поцѣлуями. Наконецъ-то они будутъ жить вмѣстѣ! Шарлотта Кордэ подошла въ свою очередь и поклонилась господину съ достоинствомъ, отличающимъ черныхъ слугъ, издавна служащихъ въ домѣ и раздѣляющихъ всѣ его радости и горести. Болѣе обыкновеннаго ворочая глазами и сжала бѣлше зубы, она принялась повѣствовать о дорожныхъ приключеніяхъ и о здоровьѣ мамзель Нильды.

— Папаша, — сказала молодая дѣвушка, идя подъ руку съ отцомъ, — какъ вы перемѣнились!

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ тотъ, смѣясь.

— Да, я удивляюсь, какъ я васъ узнала.

— Сердце подсказало тебѣ, дочка.

— Должно быть. Но, не знаю, у васъ совсѣмъ иначе борода острижена, вы носите усы по новому, и притомъ...

— И притомъ что еще? Но тутъ не мѣсто для объясненій. Гдѣ квитанціи отъ вашего багажа?

— Вотъ, масса Розенъ.

Лакей въ ливреѣ взялъ изъ рукъ негритянки маленькіе мѣдные четырехугольники съ №, которые она вынула изъ кармана ¹⁾, и удалился. Добрая Шарлотта чуть не задохлась и должна была распустить немного косынку, „а мамзель Нильда точно утѣла на водѣ здѣсь“, подумала она...

Ея удивленію предстояло не скоро улечься. Онѣ подошли къ великолѣпной каретѣ, куда она сѣла вмѣстѣ съ своей госпожей.

— Я поняла, въ чемъ дѣло, папаша!—вскричала Энильда:— вы теперь стали настоящій джентльменъ.

¹⁾ *Checks* — родъ контрамарки, въ употребленіи на американскихъ дорогахъ. Ихъ выдаютъ по штукѣ на каждое мѣсто.

Важное обвиненіе для янки! Розенъ перенесъ его довольно добродушно, съ смущеннымъ смѣхомъ поглаживая бороду, но въ душѣ польщенный.

— Ахъ! вотъ и багажъ!—сказалъ онъ.

Карета быстро покатила по широкимъ и нескончаемымъ улицамъ, среди однообразныхъ фасадовъ домовъ изъ темнаго камня, чередовавшихся при рѣзкомъ свѣтѣ газа.

— Кстати, Энильда, а молодой человѣкъ, за которымъ ты ухаживала, куда ты его дѣла? Что, онъ совсѣмъ выздоровѣлъ? Ты мнѣ ничего о немъ не говорила въ послѣднемъ письмѣ.

При этомъ простомъ вопросѣ молодая дѣвушка покраснѣла и сердце ея сжалось. Образъ Клермонта, на минуту изгладившійся изъ памяти, всталъ передъ нею. Неужели же она могла о немъ позабыть? Конечно, нѣтъ. Но усталость и волненія пути, пережбы, радость свиданія съ отцомъ...

— Да! онъ совсѣмъ выздоровѣлъ и уѣхалъ. Онъ былъ очень серьезно раненъ... сложный переломъ руки, знаете... Очень милый молодой человѣкъ, поетъ, играетъ на фортепьяно...

— Гм!.. Надѣюсь, Энильда, что онъ не вскружилъ тебѣ голову? Кокетничай сколько угодно, но я былъ бы въ отчаяніи, еслибы что-нибудь серьезное...

Онъ казался встревоженнымъ, и Энильда собиралась отвѣчать, когда Шарлотта Кордэ нашла нужнымъ вмѣшаться въ дѣло.

— Эхъ! масса Розенъ, я думаю, что онъ былъ неравнодушенъ къ нашему сокровищу, да и какъ же иначе? Но масса Клермонтъ—джентльменъ до кончика ногтей и вамъ бы навѣрное понравился.

— Хорошо, Шарлотта, я вѣрю тебѣ на слово, — засмѣялся Розенъ.—Но вотъ мы и пріѣхали.

Онъ вышелъ изъ кареты, дверцу которой отворилъ безмолвный ливрейный лакей.

— Миссъ Розенъ,—обратился онъ къ дочери съ шутливо церемоннымъ видомъ:—позвольте предложить вамъ руку. Все это твое, Энильда,—прибавилъ онъ растроганнымъ голосомъ въ то время, какъ они поднимались по широкой лѣстницѣ, —и надѣюсь, что тебѣ понравится. Никогда не огорчай своего старика отца, мое дитя, такъ какъ онъ живетъ только для тебя и для того, чтобы сдѣлать тебя счастливой.

Не время было говорить ему теперь про Клермонта.

— О! дорогой папаша, дайте обнять себя!..

— И вотъ что я еще скажу тебѣ, Энильда. Ларами умеръ для тебя, какъ и для меня, и мы начинаемъ новую жизнь въ

Нью-Йоркѣ. Ты—богатая невѣста, я дамъ тебѣ все, что хочешь, и прошу у тебя только одной милости: не говори мнѣ никогда про Дальній Западъ, никогда... Для меня это связано съ воспоминаніями о прошлыхъ заботахъ и лишеніяхъ... Кстати, ты, вѣроятно, голодна?

— Очень. Мы скоро будемъ ужинать?

— Въ Нью-Йоркѣ въ этотъ часъ не ужинаютъ, а обѣдаютъ.

— Боже мой! какой у меня сталъ модный папаша!.. Ну, когда же мы будемъ обѣдать?

— Сейчасъ. Я сначала отведу тебя на твою половину, гдѣ уже насъ навѣрное дожидается Шарлотта Кордэ; негритянка, никогда не покидавшая свою плантацію, сумѣетъ найти дорогу во дворцѣ, точно она въ немъ родилась.

Они пошли вдвоемъ по великолѣпному дому, и у Энильды нѣсколько разъ вырывались восклицанія удивленія и восторга.

— Вотъ твои апартаменты, — сказалъ отецъ, доведя ее до дверей отведенныхъ ей покоевъ. — Тамъ тебя дожидается горничная и поможетъ тебѣ переодѣться къ обѣду.

— Горничная!... а Шарлотта?

— Шарлотта будетъ домоправительницей. Она твоя старая кормилица и принадлежитъ къ фамилінымъ драгоценностямъ. Это наша жемчужина, не правда ли?

Сидя въ покойномъ креслѣ, негритянка присутствовала при туалетѣ своей молодой госпожи, наблюдая за тѣмъ, какъ хлопотала около нея расторопная горничная.

Въ гостиной Энильда нашла отца во фракѣ и бѣломъ галстухѣ и молча послѣдовала за нимъ въ столовую, волоча подолъ бѣлаго платья, отдѣланнаго кружевами... по двѣсти долларовъ за метръ, какъ сообщилъ ей отецъ. Въ корсажѣ ея и въ волосахъ сверкали брильянты.

Черезъ минуту они сидѣли за столомъ, покрытымъ цвѣтами, серебромъ и хрусталемъ, окруженные величественными лакеями, между тѣмъ какъ лысый метрдотель съ торжественнымъ видомъ стоялъ возлѣ рѣзного буфета. Розенъ взялъ графинъ съ шампанскимъ и, наливъ два стакана, сказалъ:

— За твое здоровье, моя дорогая дочка — и дай Богъ, чтобы ты знала однѣ только радости въ своемъ новомъ жилищѣ!

— *Soupe à la tortue!* — возгласилъ за спиною Энильды похоронный голосъ метрдотеля.

А. Э.

НАЧАЛО РУССКАГО ТЕАТРА

— П. О. Морозовъ. Очерки изъ исторіи русской драмы XVII — XVIII столѣтій. Спб. 1888.

Въ обычныхъ представленіяхъ историческіе вопросы о первыхъ началахъ нашей новѣйшей литературы сводятся ко временамъ Петровской реформы, въ которой привыкли видѣть одни—начало нашего правильнаго развитія, другіе—извращеніе истинно-русской національной жизни; но при ближайшемъ изслѣдованіи постоянно оказывается, что новыя формы образованія и литературы, возводимыя къ Петровской эпохѣ, въ дѣйствительности восходятъ гораздо дальше въ старину,—правда, восходятъ самыми слабыми начатками, неловкими, даже грубыми опытами, но во всякомъ случаѣ въ Петровское время вовсе не были абсолютной новизной; какъ съ другой стороны и въ Петровское время попытки новаго образованія и литературы оставались еще крайне несовершенными. Во многихъ отношеніяхъ конецъ XVII-го и начало XVIII-го вѣка полны однородныхъ явленій, которыя дѣлали переходъ старой московской Руси къ новому порядку вещей вовсе не столь рѣзкимъ, какъ обыкновенно думали. Мы не хотимъ вовсе сказать, чтобы Петровская реформа не была сильнымъ переворотомъ, но этотъ переворотъ не былъ внезапно нагрянувшимъ дѣломъ произвола, а, напротивъ, былъ подготовленъ предшествовавшимъ движеніемъ, имѣлъ основу въ мысляхъ и стремленіяхъ просвѣщеннѣйшихъ людей второй половины XVII-го вѣка. Этимъ именно и объясняется, что Петръ съ самаго начала находилъ своимъ нововведеніямъ горячихъ приверженцевъ, покорныхъ испол-

нителей, правда, нерѣдко также и лѣнливыхъ, по старому обычаю туго воспринимавшихъ новый порядокъ вещей и его требованія, иногда даже недовольныхъ слишкомъ крутыми нововведеніями, нарушавшими привычный складъ быта, но вовсе не думавшихъ спорить противъ преобразованій по существу. То, что говорилось о нарушеніи подлинныхъ началъ русской жизни, объ искаженіи русской народности и т. д., сводится собственно къ протесту раскола или близкихъ къ нему понятій патріархальнаго консерватизма; но этотъ протестъ, собственно говоря, возникъ впервые гораздо раньше, еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ до Петровской реформы, и совершался въ средѣ самой московской Россіи, когда онъ направлялся противъ церковныхъ нововведеній, предпринятыхъ въ самую цвѣтущую пору старой Москвы. Этой части русскаго народа Петръ казался только продолжателемъ патріарха Никона,—въ широкомъ смыслѣ это и было совершенно справедливо, хотя съ другой стороны это были двѣ противоположности. Такое отношеніе конца московской Россіи къ Петровской реформѣ особенно бросается въ глаза при изслѣдованіи начатковъ новой русской литературы, которая въ эту пору представляетъ весьма послѣдовательную нить развитія, гдѣ новый тонъ мысли, новыя требованія литературнаго вкуса и любознательности возрастаютъ съ замѣчательною постепенностью, такъ что трудно указать, въ какую именно пору кончается старина и начинается новая литература. Было уже замѣчено, что явное господство новыхъ литературныхъ стремленій, подъ вліяніемъ западнаго образованія, надо отнести уже только къ 50-мъ и 60-мъ годамъ прошлаго вѣка. Новое подтвержденіе всему этому даетъ исторія начатковъ русской драмы, излагаемая въ книгѣ г. Морозова.

Если до сихъ поръ этотъ вопросъ былъ неясенъ, виною этого было то чрезвычайное впечатлѣніе, какое произвела дѣятельность Петра: она какъ будто вдругъ заслонила старину, которая была, однако, не такъ далека и не такъ ей чужда; современники не думали отдавать себѣ точнаго отчета въ совершавшемся; старое преданіе стало потомъ вовсе забываться; сложилась Петровская легенда, которая держалась и росла тѣмъ сильнѣе, что болѣе новые историки долго не могли воспользоваться тѣмъ матеріаломъ, какой въ настоящее время раскапываютъ усердные изыскатели по бібліотекамъ и архивамъ. Въ самомъ дѣлѣ, до недавняго времени, именно до послѣднихъ десятилѣтій, оставались неразслѣдованными многія крупныя историческія явленія конца XVII-го вѣка и Петровской эпохи, изученіе которыхъ могло повести къ болѣе правильному пониманію событій. Подобнымъ обра-

зомъ, неизвѣстна была и судьба перваго русскаго театра. Долгое время единственнымъ источникомъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ была небольшая статья стариннаго академика Штелина, писанная по преданіямъ не весьма точнымъ; впоследствии прибавилось нѣсколько другихъ преданій, еще менѣе точныхъ; даже въ послѣднее время могла явиться „Хроника русскаго театра“ Ив. Носова, гдѣ о старомъ русскомъ театрѣ сообщались просто нелѣпыя выдумки, — между тѣмъ въ архивахъ лежали бумаги, въ которыхъ заключались хотя отрывочныя, но документальныя свидѣтельства о первомъ русскомъ театрѣ, и сохранился даже цѣлый рядъ драматическихъ пьесъ, которыя между прочимъ игрались нѣкогда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и съ Петровскаго времени стали началомъ русской сцены.

Первыя достовѣрныя свѣдѣнія о старомъ русскомъ театрѣ появляются въ тѣхъ новыхъ изслѣдованіяхъ, которыя съ пятидесятихъ годовъ направились на старую бытовую исторію и обратились въ малозвѣстнымъ, а частью недоступнымъ до тѣхъ поръ источникамъ архивнымъ. Почти въ одно время, въ пятидесятыхъ годахъ, стали собираться эти свѣдѣнія въ трудахъ гг. Тихонравова, Забѣлина и Пекарскаго: первый еще въ старомъ своемъ изданіи, „Лѣтописяхъ русской литературы и древности“, сообщалъ весьма важныя свѣдѣнія по исторіи зачатковъ нашего театра; второй коснулся этого предмета въ „Бытѣ русскихъ царей и царицъ“, рассказывая объ устройствѣ „комидійныхъ храминъ“ при старомъ московскомъ дворѣ; третій коснулся стариннаго русскаго театра, готовя свой обширный трудъ о „Наукахъ и литературѣ при Петрѣ Великомъ“ (1861). Позднѣе г. Тихонравовъ посвятилъ особое небольшое, но цѣнное изслѣдованіе „Первому пятидесятилѣтію русскаго театра“ (1872), а затѣмъ приготовилъ обширное изданіе „Русскихъ драматическихъ произведеній 1672—1725 годовъ“ (въ двухъ томахъ, Спб. 1874), которое, не бывъ еще вполне закончено (были допечатаны „примѣчанія“), въ свое время не вышло въ свѣтъ вслѣдствіе банкротства книгопродавца-издателя, долгое время лежало подъ спудомъ и только въ послѣдніе годы появилось въ книжной торговлѣ. Это замѣчательное изданіе есть основной запасъ данныхъ по исторіи перваго русскаго театра, между прочимъ послужившій одною изъ главныхъ опоръ изслѣдованію г. Морозова. Затѣмъ многія объясненія по этому вопросу доставилъ Алексѣй Н. Веселовскій въ своихъ трудахъ о „Старинномъ театрѣ въ Европѣ“ (1870) и въ специальномъ изслѣдованіи: „Deutsche Einflüsse auf das alte russische Theater“ (Прага, 1876), а также г. Петровъ въ его „Очеркахъ изъ исторіи

украинской литературы XVIII-го вѣка“ (1880). Къ этому остается прибавить нѣсколько отдѣльных матеріаловъ, напечатанныхъ въ послѣднее время, чтобы перечислить всю литературу предмета. Авторъ настоящей книги предпринялъ рассмотреть вопросъ въ цѣломъ; онъ воспользовался работами и указаніями своихъ предшественниковъ, но дополнилъ ихъ своими собственными разысканіями, собравъ, между прочимъ, и новый библиотечный матеріалъ, такъ что книга его является первымъ подробнымъ и документально точнымъ изложеніемъ предмета.

Чтобы представить исторію русской сцены съ ея первыхъ элементарныхъ зародышей, автору нужно было начинать *ab ovo*. Первые данныя драмы коренятся въ древнемъ миѳическомъ или бытовомъ народномъ обрядѣ и обычаѣ. Тамъ, гдѣ литература развивалась послѣдовательно безъ внѣшнихъ помѣхъ, нарушающихъ естественный ея ростъ, это происхожденіе драмы обнаруживается весьма ясно, какъ напримѣръ въ древней греческой литературѣ. Въ новыхъ европейскихъ литературахъ дѣло стояло обыкновенно иначе; элементы древняго обычая не развивались въ драму прямо, такъ какъ съ самыхъ раннихъ поръ народная жизнь испытала глубокія вліянія христіанства; обычай или былъ совсѣмъ устраненъ (какъ было, напримѣръ, въ древней Руси), или переработанъ вмѣшательствомъ церковниковъ. Въ западной Европѣ тѣмъ не менѣе широко развилась религіозная и правоучительная драма, въ которую вскорѣ замѣшалась и чисто народная потѣха съ элементами драматической шутки и комедіи. Но обычай, въ которомъ могли бы таиться зачатки драмы, нигдѣ не подвергался такимъ стѣсненіямъ, какъ это было въ нашей древности. „Какъ у всѣхъ другихъ народовъ, такъ и у насъ на Руси,—пишетъ г-нъ Морозовъ,—первыхъ признаковъ появленія драматическаго элемента въ словесности слѣдуетъ искать въ религіозномъ обрядѣ и сопровождающихъ его пѣсняхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ играхъ, въ которыхъ мимическій инстинктъ, всякому человѣку присущій, находитъ выраженіе въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, въ сохранившихся до нашего времени народныхъ обрядахъ, уже утратившихъ, подъ вліяніемъ христіанства, свое старое культовое значеніе, въ народныхъ праздникахъ, гаданьяхъ, хороводныхъ играхъ и т. п., мы видимъ присутствіе болѣе или менѣе значительной доли драматизма, видимъ не только діалогъ (самъ по себѣ еще не составляющій драмы), но діалогъ въ соединеніи съ поясняющею его мимикою, съ дѣйствіемъ, рассчитаннымъ на зрителей. Мало-по-малу изъ этихъ зачатковъ драматической словесности начинала выработываться и могла бы выработаться уже болѣе развитая на-

родная комедія, еслибы не тяжкій запретъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ безпощадно налагавшійся церковью на всякія народныя увеселенія, въ которыхъ строгіе ревнители благочестія видѣли бѣсовскую, душепагубную потѣху. Подъ вліяніемъ этого отрицательнаго отношенія къ народной фантазіи, послѣдняя не находила себѣ выраженія въ свободномъ творчествѣ, и развитіе народной комедіи было задержано надолго, такъ что и въ настоящее время немногія произведенія народной словесности, облеченныя въ драматическую форму, имѣютъ характеръ совершенно элементарный“.

Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго вѣка нашего христіанства и до конца московскаго царства идутъ, не прерываясь, строгія запрещенія, направленные церковными учителями противъ всякихъ проявленій народно-поэтическаго творчества. Въ первое время это была забота объ искорененіи остатковъ язычества, съ которымъ народный обычай былъ отождествленъ почти сполна; впоследствии трудно стало говорить о язычествѣ, но народную повѣю продолжали гнать ради аскетическаго идеала (все-таки, впрочемъ, не упуская называть народный обычай „бѣсовскимъ“), какъ будто цѣлое общество и народъ могутъ быть заключены въ рамки монастырскаго устава. Запрещалось совершать обряды старой народной жизни, даже тогда, когда они уже утратили древній языческій смыслъ и остались развлеченіемъ; запрещалось не только пѣть пѣсни, но и сказывать „небылицы“ сказки; запрещались всякія народныя игры и увеселенія. Замѣчательно, что эти запрещенія—даже съ небывалой прежде строгостью—повторены были еще въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича. Г. Морозовъ припоминаетъ знаменитыя грамоты, которыя разосланы были въ 1648 году по всѣмъ городамъ и въ которыхъ заключались строжайшія запрещенія всякаго рода народныхъ увеселеній, игръ, пѣсенъ, музыки и т. д. По словамъ г. Забѣлина, вся земля святорусская должна была обратиться въ одинъ огромный, безмолвный монастырь съ монашескимъ житіемъ и старческимъ поведеніемъ. По обычной обстоятельности старинныхъ дѣловыхъ бумагъ, въ царской грамотѣ старались не пропустить ничего, требовавшаго запрещеній, и грамота является длиннымъ спискомъ народныхъ увеселеній. Предписывалось именно: въ домахъ, на улицахъ и *въ поляхъ* пѣсенъ не пѣть, по вечерамъ на позорища не сходитьсѣ, не плясать, руками не плескать, въ ладони не бить и игры не слушать; *на свадьбахъ пѣсенъ не пѣть* и не играть глумотворцамъ, органникамъ, смѣхотворцамъ, гусельникамъ, пѣсельникамъ; на святкахъ въ *бѣсовское сонмище* не сходитьсѣ,

игръ бѣсовскихъ не играть, пѣсенъ не пѣть, загадокъ не загадывать, сказокъ не сказывать, празднословіемъ, смѣхотвореніемъ и кощунаніемъ—этими помраченными и беззаконными дѣлами—душъ своихъ не губить, личины (маски) и платье скоморошеское на себя не накладывать, олова и воску (въ гаданьяхъ) не лить, зерню и въ карты и въ шахматы не играть; на святой *на доскахъ не скакать, на качеляхъ не качаться*, скоморохамъ не быть, съ гуслими, бубнами, зурнами, домрами, волынками, гудками не ходить, медвѣдей не водить, съ собаками не плясать, кулачныхъ боевъ не дѣлать, въ лодыги (бабки) не играть,—не говоря о ворожбѣ, чародѣйствѣ и всякомъ мірскомъ суевѣріи.

Запрещеніе было не шуточное. Ослушниковъ въ первый и во второй разъ велѣно бить батоги, а въ третій или въ четвертый—ссылать въ ссылку въ украинные города; музыкальные инструменты—гусли, домры, зурны, гудки и всѣ подобныя бѣсовскіе гудебныя сосуды, а также хари (маски)—велѣно было отбирать, ломать и жечь безъ остатка, что и дѣлалось на улицахъ Москвы. Скомороховъ на первый разъ велѣно бить батоги, въ другой разъ—бить кнутомъ и брать пеню по пяти рублей съ человѣка. Подобныя грамоты разосланы были отъ митрополитовъ, которые грозили ослушникамъ строгими наказаніями и отлученіемъ отъ церкви. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1657, строгій законъ былъ снова подтвержденъ.

Мы не имѣемъ достаточныхъ свѣденій объ исполненіи этого указа. Очевидно, что онъ не могъ быть исполненъ во всей его силѣ: нуженъ былъ бы полицейскій надзоръ не только за каждымъ городомъ и селомъ, но надъ каждымъ домомъ. Обычаи уцѣлѣли и послѣ—пѣсни пѣлись, сказки говорились, загадки загадывались, кулачные бои дожили до нашихъ дней; но надо полагать, что эти запрещенія не остались безъ дѣйствія относительно болѣе широкихъ видовъ народнаго увеселенія: скоморошескія банды именно около этого времени выводятся; старыя музыкальные инструменты пропадаютъ; народное веселье не развивается въ какую-нибудь болѣе широкую форму. Исторически значеніе этихъ грамотъ до сихъ поръ не вполне оцѣнено. Въ самомъ дѣлѣ, если донинѣ продолжаютъ возгласы о нарушеніи народнаго обычая Петромъ Великимъ, о неуваженіи къ старинѣ и быту и т. п., то какъ иначе назвать эти грамоты Алексѣя Михайловича, направленныхъ не только противъ народнаго увеселенія, но и противъ лучшаго созданія быта—народной поэзіи, караемой въ самомъ ея существѣ? Правда, народная поэзія уцѣлѣла, но только наперекоръ власти; а это враждебное и пренебрежитель-

ное отношеніе къ ней, въ средѣ самой московской Россіи, не есть ли не меньшее нарушеніе народнаго обычая?

Вмѣсто народнаго увеселенія и поэзіи предлагался, какъ замѣчаетъ г. Забѣлинъ, монастырскій уставъ, конечно неисполнимый. Семнадцатый вѣкъ въ этомъ случаѣ вѣрно повторялъ старыя поученія одиннадцатаго столѣтія: въ теченіе всего древняго періода нашей исторіи книжники относились къ подлинному народному поэтическому творчеству только съ голымъ отрицаніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не давая народу и школы; не мудрено, что народная поэзія осталась только съ тѣмъ первобытнымъ характеромъ, каковой могла имѣть въ своей исключительной средѣ, что она не была разработана, не дала основъ для дальнѣйшаго развитія въ письменной литературѣ, и не мудрено, что когда явился, наконецъ, запросъ на болѣе широкое содержаніе литературы въ уровень съ возрастающими интересами общества, литературная производительность не обращалась уже къ народной поэзіи, а искала чужихъ формъ и чужихъ образцовъ. Въ укоръ тому псевдо-классицизму, который возобладалъ у насъ въ теченіе XVIII-го вѣка, ставили обыкновенно его отрицаніе старыхъ народныхъ памятниковъ, которые могли бы послужить національнымъ источникомъ литературы; но псевдо-классицизмъ европейскій исходилъ по крайней мѣрѣ изъ школы, которая открывала дѣйствительно драгоцѣнное наслѣдіе античнаго міра; въ до-Петровскую старину у насъ національный источникъ литературы былъ также отвергаемъ, но на его мѣсто не было поставлено и школы: удивительно ли, что новая литература, отвѣчавшая новому періоду общественности, не обратилась къ источникамъ народной поэзіи и пошла по указаніямъ основавшейся теперь школы, которая и привела къ псевдо-классицизму?

Но сила вещей брала свое. Суровыя запрещенія, которыми Алексѣй Михайловичъ завершалъ старыя гоненія противъ народной поэзіи и обычая, были имъ самымъ забыты и нарушены: послѣднимъ годамъ его царствованія принадлежить, въ числѣ другихъ заимствованій съ Запада, и введеніе западнаго театра цѣлкомъ, въ пьесахъ нѣмецкаго сочиненія, въ полной нѣмецкой постановкѣ; церковные учителя, которые все-таки были при этомъ спрошены, не нашли возраженій противъ допущенія нѣмцевъ играть комедію во дворцѣ православнаго царя: духовникъ царскій, протопопъ Савиновъ, далъ на это разрѣшеніе, ссылаясь на примѣръ другихъ христіанскихъ государей, и особливо на примѣръ православныхъ византійскихъ императоровъ, которые устраивали театральныя зрѣлища въ своихъ палатахъ.

Разсказывая исторію того, какъ проникли къ намъ формы и содержаніе западно-европейской драмы, г. Морозовъ, какъ мы сказали, начинаетъ съ тѣхъ драматическихъ зачатковъ, которые заключались въ народномъ мнѣологическомъ и бытовомъ обычаяхъ. Онъ указываетъ драматическій элементъ, во-первыхъ, въ святочныхъ обычаяхъ, которые, какъ діонисіи или сатурналии у древнихъ, послужили у новыхъ европейскихъ народовъ однимъ изъ источниковъ народной драмы, но у насъ до этого не дошли и остались на своей элементарной ступени. Таковы были въ нашей старинѣ обычаи переряживанія, осуждаемые церковью, но сохранившіеся до сихъ поръ въ быту. Авторъ сопоставляетъ нѣкоторыя святочные игры, имѣющія видъ небольшихъ шутовскихъ сценъ, съ подобными обычаями въ западной Европѣ. Другой поводъ къ подобнымъ играмъ представляла масланица, оставленная своими увеселеніями, и другіе періоды народныхъ праздниковъ, какъ проводы зимы, встрѣча весны и т. п. Въ этихъ народныхъ зрѣлищахъ г. Тихонравовъ въ своихъ изслѣдованіяхъ указывалъ уже ясную параллель съ средневѣковыми нѣмецкими *Fastnachtspiele*, съ старыми французскими фарсами и *sotties*, съ импровизаціями итальянской народной комедіи; но разница была въ томъ, что въ западной Европѣ эти элементы народной шутки и юмора рано получили литературную обработку и болѣе широкое примѣненіе къ общественному быту, тогда какъ у насъ остались въ зачаточномъ состояніи; можно было указать лишь на немногія точки соприкосновенія этой народной игры и шутки съ позднѣйшей заимствованной драмой XVII-го вѣка; но, вообще говоря, эти элементы остались чужды развитію нашего театра, и трудно сказать, когда можетъ сложиться у насъ что-либо подобное настоящему народному театру, какой бывалъ въ западной Европѣ, потому что если въ народѣ вовсе нѣтъ недостатка ни въ матеріалѣ для шутки, ни въ охотѣ, то для народной сцены требуется извѣстная доля общественной свободы, которой наша жизнь не представляетъ. Настоящей народной сцены очевидно еще не даютъ ни попытки современнаго театра въ „народномъ“ направленіи, ни балаганы Царицына-Луга. Указаніемъ на возможность развитія сцены изъ народной игры и обряда можетъ служить скоморошество до-Петровской Руси, много разъ упоминаемое въ церковныхъ обличеніяхъ, но мало извѣстное по своему содержанію. Судя по имѣющимся свидѣтельствамъ, эта народная потѣха была нѣкогда очень распространена: скоморохи ходили цѣлыми большими толпами, иногда до ста человѣкъ, давали свои представленія, а при случаѣ и

грабили; представленія ихъ были, повидимому, весьма разнообразны. Церковь направляла противъ нихъ самыя суровыя обличенія, запрещая и осуждая „бѣсовскіе глумы и позоры“, и, въ концѣ концовъ, повидимому, достигала своей цѣли: къ концу XVII-го вѣка, вѣроятно не безъ связи съ упомянутыми выше грамотами царя Алексѣя Михайловича, скоморохи упоминаются все рѣже и, наконецъ, исчезаютъ, какъ особое сословіе, и ихъ представленія размѣнялись на мелкую монету мѣстнаго домашняго шутства.

Въ продолженіе старой русской исторіи до конца XVII-го вѣка это преслѣдованіе народнаго обычая и стѣсненіе народнаго веселья произвело и то, что народнаго театра не выработалось. Но остановиться на этомъ дѣло не могло: въ классѣ болѣе образованномъ потребность театра была такъ сильна, что преодолѣла старыя официальныя запрещенія, и такъ какъ не было своихъ народныхъ основъ для устройства сцены, то сцена была прямо заимствована изъ готовыхъ образцовъ западныхъ. Г. Морозовъ объясняетъ возможность этого явленія тѣмъ, что къ тому времени „старый византійско-церковный авторитетъ, тяготѣвшій надъ народною жизнью, уступилъ свое мѣсто новому авторитету—свѣтской государственной власти, которая стала относиться къ проявленіямъ народнаго веселья уже снисходительнѣе, наблюдая за ними лишь съ точки зрѣнія внѣшняго полицейскаго порядка“.

Введеніе театра произошло не вдругъ. Слѣдя тѣ элементы драмы, которые существовали въ обычаяхъ и которые проникали вновь изъ чужеземнаго источника, авторъ указываетъ, что нѣкоторое подобіе мистеріи, такъ широко разившейся въ западной Европѣ въ средніе вѣка, существовало и въ обычаяхъ православной церкви, какъ напримѣръ обрядъ омовенія ногъ, хожденіе на ослихъ и пещное дѣйство: это были церковныя представленія, однородныя съ мистеріями, но оставшіяся неразвитыми. Напослѣдокъ строгая церковность нашла и эти дѣйства несоотвѣтствующими церковному чину, и въ XVII вѣкѣ эти обряды вышли изъ употребленія. Но драма явилась съ другой стороны—прежде всего въ южной и западной Руси, въ формѣ школьной драмы. Школа основалась впервые въ періодъ подчиненія юго-западной Руси Польшѣ и приняла обычныя тогда формы западнаго церковнаго училища. Этотъ складъ южно-русской школы былъ естественнымъ результатомъ тогдашнихъ отношеній: рядомъ съ политической борьбой двухъ племенъ шла упорная церковная борьба, происходившая на каждомъ шагѣ и, наконецъ, потребовавшая отъ православныхъ равносильнаго оружія. Школа была этимъ оружіемъ:

нужно было усвоить тѣ знанія, какими владѣла противная сторона, и естественно, что онѣ усваивались въ той единственной формѣ, какая была тогда извѣстна и доступна. Школа была латинская, преподаваніе схоластическое; воспринимая всѣ подробности латинско-польской науки, южно-русская церковная школа переняла и школьные обычаи, между ними и церковно-схоластическую драму, съ тѣми особенностями, какія выработала эта литературная форма въ западной Европѣ, особливо въ Польшѣ. Введеніе школьной драмы было бы, по всей вѣроятности, въ то время не такъ легко въ Москвѣ, гдѣ съ суевѣрнымъ страхомъ относились къ малѣйшему признаку „латинства“, а здѣсь образецъ школьной драмы былъ, очевидно, латинскій. Но Кіевъ давно уже стоялъ въ иныхъ условіяхъ культурныхъ, чѣмъ Москва: близкое сосѣдство съ этимъ латинствомъ, большая степень образованности побуждали отличать существо вопроса отъ случайныхъ подробностей; въ школьной драмѣ въ Кіевѣ не только не нашли ничего опаснаго, но увидѣли полезный школьный обычай, нисколько не вредившій интересамъ православія. Школьная драма явилась въ кіевской академіи вмѣстѣ съ курсомъ шиттики, гдѣ она была однимъ изъ практическихъ упражненій, и въ первое время, вѣроятно, сочинялась и разыгрывалась на латинскомъ или польскомъ языкѣ и только позднѣе явилась на языкѣ южно-русскомъ. Это было весьма возможно потому, что польскій языкъ былъ вообще языкомъ образованныхъ людей; это былъ и весьма распространенный языкъ книги; на немъ велась, между прочимъ, церковная полемика и на немъ появилось, напримѣръ, даже первое печатное изданіе Кіево-Печерскаго Патерика. Въ школьной драмѣ, по обычаю этого рода произведеній на Западѣ, рядомъ съ серьезнымъ сюжетомъ церковно-поучительнаго содержанія, вводились такъ-называемыя интермедіи комическаго характера—простонародныя сцены довольно грубаго комизма, не лишеныя теперь историческаго и этнографическаго интереса. Школьная драма, повидимому, была очень распространена въ кіевской академіи и черезъ посредство ея учениковъ, какъ полагаетъ г. Морозовъ (стр. 86), въ южно-русскомъ быту и литературѣ появилось и весьма популярное нѣкогда представленіе „вертепа“. Во второй половинѣ XVII в., школьная драма перешла, наконецъ, и въ Москву. Въ Москвѣ въ это время была уже почувствована настоящая необходимость въ наукѣ. Въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и въ подобныхъ вопросахъ требовалось знаніе, котораго въ Москвѣ не доставало; начали выписывать ученыхъ людей, разумѣется духовныхъ, изъ южной и западной Россіи; нерѣдко относились

къ нимъ недоувѣрчиво, опасаясь, что въ ихъ наукѣ, заимствованной съ Запада, гнѣздится какое-нибудь латинство; недоувѣріе подтверждалось неслыханными для Москвы принадлежностями тогдашней церковно-классической или псевдо-классической науки, напри-мѣръ весьма распространенной манерой цитать изъ „латинскихъ“ (то-есть, древне-римскихъ) авторовъ, ссылками на античную миеологию, что казалось чуть не настоящимъ язычествомъ, когда это было простой литературный приемъ, хотя и нескладный; подтверждалось и нѣкоторыми различіями въ церковномъ обычаѣ. Тѣмъ не менѣе, кievская наука возобладала и въ самой Москвѣ, и „латинская“ форма школьнаго устройства и преподаванія стала потомъ господствующей въ церковныхъ школахъ по всей Россіи. Южные и западные русскіе ученые второй половины XVII-го вѣка стали и проводниками школьной драмы, какъ напри-мѣръ Дмитрій Ростовскій и Симеонъ Полоцкій. Этому послѣднему принадлежатъ двѣ церковно-поучительныя комедіи въ силлабическихъ стихахъ—о Навуходоносорѣ и трехъ отрокахъ, и о Блудномъ сынѣ; по крайней мѣрѣ, первая изъ нихъ была представлена въ присутствіи царя Алексѣя Михайловича. Комедія о Навуходоносорѣ находится въ несомнѣнной связи съ пещнымъ дѣйствомъ: это—подробное изложеніе библейскаго сказанія, и многіе стихи близки слѣдуютъ библейскому тексту, который читался и во время церковнаго пещнаго дѣйства. Комедія о Блудномъ сынѣ представляла автору болѣе просторъ: цѣль ея—чисто поучительная; она рекомендуетъ необходимость науки для юношества и вмѣстѣ необходимость снисхожденія старшихъ къ ошибкамъ юности. Пьеса, повидимому, понравилась современникамъ; по крайней мѣрѣ, она была довольно распространена въ рукописяхъ и раньше другихъ подобныхъ произведеній была напечатана и притомъ съ иллюстраціями. Эти послѣднія взяты были, впрочемъ, изъ готоваго иностраннаго образца, и, отвѣчая главной сущности пьесы, не совсѣмъ сходятся съ ней въ подробностяхъ.

Около того же времени, въ семидесятыхъ годахъ XVII-го столѣтія, явилась новая форма драмы, на этотъ разъ не черезъ посредство южно-русскаго, а прямо изъ иностраннаго, нѣмецкаго источника. Русскимъ людямъ, дипломатическимъ посланцамъ XVII-го вѣка, и еще раньше Авраамію, епископу суздальскому, сопровождавшему митрополита Исидора на флорентинскій соборъ,—случалось не однажды видѣть западный театръ. Авраамій Суздальскій видѣлъ въ Италіи исполненіе мистеріи Благовѣщенія, понималъ, конечно, ея содержаніе и былъ чрезвычайно заинтересованъ представленіемъ; но въ другихъ случаяхъ русскимъ людямъ

иноземный театръ, которому они ничего подобнаго не видѣли дома, оставался мало вразумителенъ. Они, повидимому, не очень заботились понять смыслъ дѣйствія, и, какъ настоящія дѣти природы, поражались только внѣшними подробностями необычайнаго спектакля. Много разъ цитировался рассказъ царскаго посланца дворянина Лихачева, который, между прочимъ, въ 1658 году бывалъ въ театрѣ въ городѣ „Флоренсѣ“: „комидій было при насъ три игры разныхъ“, повѣствуетъ онъ, и одна „комидія“ была, напримѣръ, такая: „объявились палаты, и бывъ палата, и внизъ уйдесть, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилось море, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ... да спускался съ неба на облакѣ сѣдъ человекъ въ коретѣ, да противъ его въ другой коретѣ прекрасная дѣвица; а аргамачки подъ коретами какъ быть живы, ногами подрагиваютъ“. Аргамачки посла заинтересовали, и онъ спросилъ „флоренскаго князя“, кого онъ везуть, „а князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ“.

Царь Алексѣй Михайловичъ, въ началѣ царствованія, какъ мы упоминали, старавшійся ввести по всей Руси благочестивое житіе и употреблявшій для этого самыя суровыя мѣры противъ нарушителей аскетическаго благочинія, не выдержалъ, однако, своей программы. Самъ онъ былъ человекъ живого характера, съ артистическими вкусами, любившій позабавиться и охотою, для которой писалъ шуточные уставы, и имъ же самимъ запрещенною игрою въ „тавлей“; у царя „на верху“ бывали шуты и скоморохи, и т. п. Онъ читалъ и слышалъ рассказы о театральныя увеселенія, какія бывають при дворахъ другихъ государей; иностранныя посольства, бывавшія въ Москвѣ, изрѣдка привозили съ собою музыкантовъ, фокусниковъ и иныхъ занимательныхъ потѣшниковъ; есть извѣстія, что въ посольскомъ домѣ въ Москвѣ давалась настоящая комедія; наконецъ, въ ближайшемъ къ царю боярскомъ кругу были люди, заинтересованные западнымъ образованіемъ, обычаями и, между прочимъ, западнымъ театромъ. Въ домѣ боярина Матвѣева, „отца и друга нѣмцевъ“, какъ его называли, воспиталась вторая супруга царя Алексѣя Михайловича, и ей, безъ сомнѣнія, принадлежитъ доля вліянія на новые вкусы царя. Въ 1772 онъ рѣшилъ, наконецъ, устроить у себя во дворцѣ театральныя зрѣлища, и иноземному полковнику фонъ-Стадену поручено было ѣхать за границу и набрать труппу нѣмецкихъ актеровъ на царскую службу. Стаденъ повелѣ-было дѣло весьма успѣшно и пригласилъ въ Москву одного изъ извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ актеровъ и антрепренеровъ того времени, „магистра“

Фельтена, но напослѣдокъ нѣмецкіе актеры отказались ѣхать въ Москву, напуганные трудностью пути и рассказами о „кнути“ и „Сибири“. Между тѣмъ Алексѣй Михайловичъ горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть театръ, и не дожидаясь конца порученія Стадена, велѣлъ искать въ самой Москвѣ, въ Нѣмецкой Слободѣ, человѣка, который умѣлъ бы устроить театръ. Боярину Матвѣеву указали въ Слободѣ человѣка, который могъ бы сочинить и представить комедіи, именно пастора Грегори. Говорили, что на Грегори указали враги его, ожидая поставить его тѣмъ въ затруднительное положеніе; но Грегори нашелся: на его родинѣ вездѣ были въ ходу школьные театры, въ которыхъ, между прочимъ, принимали участіе и студенты, и Грегори, очевидно, имѣлъ понятіе объ устройствѣ сцены. Въ Россіи, гдѣ онъ былъ уже долго, онъ, наконецъ, отсталъ отъ тогдашняго состоянія нѣмецкаго театра, и дѣйствительно за драматическимъ матеріаломъ обратился въ сборнику таеъ-называемыхъ „англійскихъ комедій“ (1620), которые имѣли большой успѣхъ и распространеніе въ Германіи въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го вѣка, но въ то время уже устарѣли для Германіи, — но не для Москвы. Отсюда взята была имъ „комедія“ объ Эсѣири и высокоумномъ Аманѣ, или „Артаксерксово дѣйство“. Возможно, что Грегори предложилъ на выборъ изъ этого репертуара нѣсколько пьесъ, и самъ Матвѣевъ или царь Алексѣй остановились на Артаксерксѣ и Эсѣири: 4-го іюня 1672, на шестой день по рожденіи Петра Великаго, которое было отпраздновано съ большимъ торжествомъ, „царь указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду (т.-е. пастору Грегори) учинити комедію, а на комедіи *дѣйствовать изъ библіи книгу Эсѣири*“, т.-е. первая пьеса опять какъ бы примыкаетъ къ церковнымъ драматическимъ дѣйствамъ, хотя въ ней, вѣроятно, находился и не церковный комическій элементъ; а съ другой стороны, по предположенію г. Забѣлина, пьеса заключала намеки на современныя придворныя обстоятельства...

Пасторъ Грегори съ своимъ помощникомъ по протестантской школѣ, Рингуберомъ (отъ котораго остались изданныя недавно записки объ этомъ времени), ревностно принялся за сочиненіе пьесы, а тѣмъ временемъ поспѣшно строилась „комидійная хоромина“; въ то же время собраны были 64 человѣка дѣтей разныхъ служилыхъ чиновъ и торговыхъ иноземцевъ, и при помощи русскаго учителя Юрія Михайлова и переводчика посольскаго приказа Гибнера ихъ обучали театральному дѣлу на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ; нашелся иноземецъ живописецъ, который писалъ декорациі; два музыканта-иноземца вмѣстѣ съ дворовыми музыкан-

тами боярина Матвѣева составили оркестръ. Дѣло было поведено такъ быстро, что уже 17-го октября того же 1672 года дано было первое представленіе „Артаксерсова дѣйства“. Сохранилось извѣстіе, что царь Алексѣй былъ такъ увлеченъ невиданнымъ зрѣлищемъ, что слѣдилъ за ходомъ пьесы, не вставая съ мѣста, въ теченіе десяти часовъ. Царь остался, повидимому, очень доволенъ: по крайней мѣрѣ, пасторъ Грегори и его сотрудники были вскорѣ щедро вознаграждены: въ январѣ 1673 года Матвѣевъ объявилъ царское распоряженіе „взять въ посольскій приказъ сорокъ соболей во сто рублей, да пару въ восемь рублей, а изъ посольскаго приказа отдать тѣ соболи его, великаго государя, на жалованье магистру Ягану Готфриду за комедійное строеніе, что объ Артаксерсовѣ царствованіи“.

Эта первая пьеса театра Грегори до насъ не дошла, но зато дошли другія четыре пьесы (хотя не всѣ въ полныхъ спискахъ); кромѣ того, есть извѣстія о представленіи одного балета и заглавія двухъ пьесъ. Такъ, представлена была комедія о Юдиѣ и Олофернѣ, „малая прохладная комедія“ объ Іосифѣ, малая комедія „Баязетъ и Тамерланъ“ и „жалостная комедія“ объ „Адамѣ и Евѣ“, и пр. Пьесы представлялись частью въ селѣ Преображенскомъ, частью въ Кремлѣ, безъ сомнѣнія на русскомъ языкѣ, причемъ только актеры-иноземцы, быть можетъ, употребляли нѣмецкій языкъ.

Г. Морозовъ подробно разсматриваетъ содержаніе сохранившихся пьесъ и объясняетъ, по указаніямъ г. Тихонравова, что источникомъ ихъ былъ, безъ сомнѣнія, тотъ репертуаръ „англійскихъ комедій“ или ихъ нѣмецкихъ обработокъ, который господствовалъ въ Германіи еще въ началѣ XVII-го столѣтія. По свѣдѣніямъ о нашемъ первомъ придворномъ театрѣ (представленія Грегори продолжались до 1675 года) видно, что „комедійныя дѣйства“ этого времени имѣли обычныя принадлежности „англійскихъ“ пьесъ: кромѣ серьезнаго дѣйствія, здѣсь обыкновенно вмѣшивались комическія и шутовскія сцены, пѣніе, танцы, музыка, фокусники и т. п. Очевидно, это было нѣчто весьма непохожее на позднѣйшій правильный театръ, какъ мы понимаемъ его и теперь: драматическія формы не были обособлены въ специальную трагедію, комедію, драму, фарсъ, оперу и т. д.; одинъ спектакль часто, если не всегда, совмѣщалъ разные элементы, долженствовавшіе дѣйствовать на зрителя тѣмъ или другимъ способомъ: и трагическимъ эффектомъ, и церковнымъ поученіемъ, и шутовствомъ, обыкновенно довольно грубоватымъ, и, наконецъ, фокусничествомъ.

Языкъ этихъ пьесъ, переведенныхъ обыкновенно съ нѣмецкаго, очень любопытенъ, какъ та переходная ступень, гдѣ нашъ литературный языкъ находился на перепутьѣ между старымъ тяжеловѣснымъ книжнымъ изложеніемъ и живою рѣчью, которая требовала себѣ мѣста въ простыхъ бытовыхъ сценахъ, въ разговорѣ живыхъ людей, явившихся передъ зрителемъ. Нѣмецкій подлинникъ явно отзывается въ переводахъ множествомъ германизмовъ; съ другой стороны, попадаются иногда выраженія южнорусскія, по которымъ можно предполагать въ переводчикѣ малорусскаго уроженца. Въ числѣ германизмовъ есть не мало словъ, напримѣръ, изъ военной терминологіи, введеніе которыхъ приписывалось обыкновенно Петровскому времени и которыя, однако, являются здѣсь уже совершенно привычными (напримѣръ: капитанъ, ротмистръ, шанцы, генеральный смотръ и т. п.); другія свидѣтельствуютъ какъ о неловкости переводчика, такъ и о трудности на первый разъ находить соответствующее выраженіе для обычныхъ терминовъ чужого языка (окомгноеніе—Augenblick; безпутныя горы—weglose; похождение (т.-е. потомство)—Nachkommenschaft; мертвостуденой—todtkalt; предвступленіе—Vortritt; клянуса *при* Навуходоносоровѣ мечѣ—bei dem Schwerte и т. под.).

Историческое значеніе этого перваго театра г. Морозовъ опредѣляетъ такъ: комидійная хранина царя Алексѣя не была результатомъ ясно сознательной потребности общества; это было только исполненіе прихоти царя и ближайшихъ къ нему лицъ; репертуаръ былъ взятъ готовый, чужой; его смыслъ заключался вообще въ правоучительной идеѣ о возвеличеніи смиренія и наказаніи за гордыню, такъ что онъ подходилъ подъ общій тонъ тогдашней литературы; театръ могъ бы продолжаться, еслибы въ немъ нуждались,—но онъ просуществовалъ только три года и не имѣлъ продолженія до временъ Петра. „Единственнымъ результатомъ его существованія можно считать признаніе совѣстимости комидійной потѣхи съ общимъ складомъ русской жизни, въ ту пору уже во многомъ отошедшей отъ завѣтовъ старины“ (стр. 379). Можно было бы, пожалуй, сказать, что и въ этомъ отношеніи заслуга была не очень велика, потому что Петръ Великій, въ свое время также позаботившійся о театрѣ, не остановился бы надъ вопросомъ о совѣстимости театра со складомъ русской жизни, какъ не остановился передъ многими, гораздо болѣе крупными нововведеніями. Но, въ связи съ другими современными фактами, появленіе театра при дворѣ царя Алексѣя, хотя и не повело тотчасъ въ дальнѣйшему развитію, остается

весьма знаменательно, какъ большая уступка со стороны московскаго бытового преданія. Это были тѣ самые „глумы и позоры“, которые провливались въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, противъ которыхъ самъ царь Алексѣй издавалъ свои суровыя запрещенія и которые, однако, прививались теперь при его собственномъ дворѣ. Это было „переставливанье обычаевъ“, начатое собственною инициативой старой консервативной Москвы. Наконецъ, устройство настоящаго театра было дѣло трудное; оно могло въ тѣ года состояться только при вмѣшательствѣ власти, между тѣмъ, какъ и самъ авторъ замѣчаетъ, послѣднія десятилѣтія XVII-го вѣка были для этого слишкомъ неспокойны. Тѣмъ не менѣе, традиція театра не была все-таки совсѣмъ порвана: пьесы ходили въ рукописяхъ, и школьная драма продолжала существовать.

Новыя заимствованія по театру начались при Петрѣ Великомъ. Во время своихъ путешествій ему случалось не разъ бывать въ театрахъ, и для введенія новыхъ нравовъ онъ считалъ нужнымъ устроить сцену, какъ устраивалъ другія народныя и общественныя увеселенія, военныя торжества, иллюминаціи, ассамблеи и т. п. По обычаю, отдавши приказъ о приглашеніи иностранныхъ актеровъ и о постройкѣ надлежащей „хоромины“, еще въ Москвѣ, Петръ торопилъ исполнителей, не забывая о театрѣ за всѣми своими дѣлами и поѣздками. Иноземные актеры были найдены и на этотъ разъ принесли съ собой тѣ пьесы, какія были въ то время въ ходу въ Германіи. Нѣмецкая труппа не знала, разумѣется, русскаго языка; поэтому нѣмецкому антрепренеру (который назывался „царскаго величества комедіантскій правитель“) велѣно было дать въ ученики десять человѣкъ „изъ русскихъ робятъ, какихъ чиновъ сыщутся, еъ тому дѣлу удобныхъ“. Распоряженіе было сдѣлано въ октябрѣ, а въ началѣ слѣдующаго года эти робята, отданные въ ученіе къ нѣмцу, подавали уже челобитную, что они, „ходя въ Нѣмецкую Слободу по всѣ дни, платьемъ и обувью обносились и испортились“; царь велѣлъ выдать имъ жалованье, но, какъ всегда у него бывало, съ разборомъ: „смотря по персонамъ: за кѣмъ дѣла больше, тому дать больше, а за кѣмъ дѣла меньше, тому меньше“. Комедіантскій правитель былъ не совсѣмъ доволенъ своими учениками, именно относительно прилежанія и бережливости.

Едва театръ основался и начались представленія (кажется, на святки 1702—1703 гг.), „комедіантскій правитель“ умеръ; его замѣнилъ другой антрепренеръ, и театръ дѣйствовалъ нѣсколько лѣтъ, потомъ закрылся и „уборство“ его перевезено было въ село Преображенское, гдѣ былъ домашній придворный

театръ царевны Натальи Алексѣевны, большой любительницы, а потомъ царицы Прасковьи. Впослѣдствіи театръ устроенъ былъ въ Петербургѣ, съ представленіями на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Мало-по-малу число любителей возрастало; устраивались сцены частныхъ любителей—въ Москвѣ въ большомъ госпиталѣ, гдѣ давали представленія ученики хирургической школы; въ Петербургѣ служители конюшеннаго вѣдомства устроили свою сцену и давали пьесы въ родѣ балаганныхъ фарсовъ. Репертуаръ этого театра Петровскихъ временъ былъ довольно пестрый: отъ духовныхъ драмъ до пьесъ тогдашней нѣмецкой сцены и до шутовскихъ интермедій.

Внѣшняя постановка московскаго театра у „комедіантскаго правителя“ была по тому времени роскошна: было много декораций, машинъ, костюмовъ и т. п. Сохранились немногія свѣденія о посѣщеніи театра публикой. Мѣста для зрителей были четырехъ разрядовъ: въ 10, 6, 5 и 3 копѣйки; ярлыки или входные билеты продавались сторожами въ особыхъ „чуланахъ“. Въ теченіе 1703 года собрано было „съ комидійной хранины смотрящихъ людей“ 406 рублей 23 алтына; въ слѣдующемъ году съ 15 мая по 10 ноября—388 рублей 9 алтынъ 4 деньги, и такъ какъ спектакли давались только два раза въ недѣлю, то за шесть мѣсяцевъ 1704 года было 48 спектаклей, а средній сборъ за спектакли составлялъ 8 рублей 9 копѣекъ; а принявъ среднюю цѣну билета въ 6 коп., среднее число зрителей получается въ 135 человекъ. Въ иные дни сборы бывали гораздо больше, такъ что число зрителей должно было доходить до 400 человекъ.

Мы приводили выше образчики языка въ первыхъ опытахъ русской переводной драмы. Въ новомъ, болѣе позднемъ репертуарѣ онъ остается такъ же тяжелъ и переполненъ германизмами, малорусскими и польскими выраженіями ¹⁾. „Русскій языкъ того времени,—замѣчаетъ г. Морозовъ,—совершенно неприспособленный къ передачѣ патетическихъ монологовъ и изысканныхъ любовныхъ объясненій, при всей добросовѣстности переводчиковъ посольскаго приказа, былъ въ ихъ рукахъ слишкомъ грубымъ и тупымъ орудіемъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ XVII-го вѣка поэтический языкъ былъ

¹⁾ Напр., въ комедіи „О честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона арцухъ (герцогъ) Фридрихъ фонъ-Пошлей“ (начала 1700 хъ годовъ): кавалеръ *отъ* высокихъ достоинствъ; живи здраво (*lebe wohl*); огородъ (*ogrôd*, садъ); укусиѣ; шкодитъ; вполѣ (на половину) и т. д. Въ одномъ мѣстѣ арцухъ говоритъ о своей женѣ: *mein Schatz*; переводчикъ поставилъ—было „казна моя“, но потомъ спохватился и поправилъ: „сокровище мое“ (Тихонравовъ, Р. драмат. произведенія, II, стр. 208).

доведенъ до крайней утонченности и вычурности. Вслѣдствіе этого неустрашимого противорѣчія переводъ очень часто оказывался совершенно непосильною, невозможною работой, и чѣмъ изысканнѣе былъ оригиналъ, тѣмъ топорнѣе выходила его русская передача. Высоко комическое впечатлѣніе производятъ, напримеръ, сентиментальныя рѣчи „арцуга“ къ своей супругѣ, въ родѣ слѣдующихъ: „Удовольствованія полное время, когда мы веселость весны безъ препятія и овощъ любви безъ зазрѣнія употреблять могли. Прииди, любовь моя! Поволь чрезъ смотрѣніе нашихъ цвѣтовъ очеса и чрезъ изрядное воненіе чувствованія нашего наполнить“ и т. д. Иногда въ подобныхъ случаяхъ русскій переводъ обращался въ полнѣйшую бессмыслицу. Зато „издѣвочныя“ рѣчи и грубо-комическія выходы шутовскихъ персонъ передавались обыкновенно съ замѣчательнымъ искусствомъ: видно, что здѣсь переводчикъ вполне овладѣвалъ и оригиналомъ, и собственнымъ языкомъ“ (стр. 253).

Не будемъ останавливаться на дальнѣйшемъ изложеніи г. Морозова, гдѣ онъ говоритъ о другихъ пьесахъ свѣтскаго театра и духовной драмы XVIII-го вѣка. Эта послѣдняя продолжалась въ Кіевѣ, заведена была въ Москвѣ и вмѣстѣ съ новыми духовными школами проникла и въ провинціальныя города. Мы упоминали выше отзывъ автора о театрѣ временъ Алексѣя Михайловича. Школьная драма духовныхъ академій и семинарій также была „иноземнымъ цвѣтомъ, пересаженнымъ на русскую почву“. „Не изъ народной среды, не изъ народной жизни развилась она, а навѣяна пришлою литературою западной Европы и Польши. Особенно сильное вліяніе на нее имѣла школьная драма польско-іезуитская; образцы этой послѣдней всегда были передъ глазами нашихъ кіевскихъ драматурговъ, и первоначальныя пьесы кіевского репертуара были не болѣе какъ воспроизведеніемъ этихъ чужихъ образцовъ. Подобно іезуитскимъ дѣйствамъ, эти пьесы отличаются строго церковнымъ и нравоучительнымъ характеромъ... Это же вліяніе чувствуется и въ позднѣйшихъ кіевскихъ дѣйствахъ: оно сказывается и въ выборѣ сюжетовъ, и въ самомъ построеніи дѣйства, ихъ стилѣ и языкѣ. Кіевскіе драматурги рабски шли по слѣдамъ іезуитовъ; независимо отъ другихъ условій и обстоятельствъ, этому, конечно, не мало содѣйствовала и та официальность, какою было обставлено сочиненіе и исполненіе школьныхъ дѣйствъ“ (стр. 371—372).

Въ концѣ концовъ, однако, эта школьная драма и другія формы тогдашняго театра не остались совсѣмъ чужды русской дѣйствительности, и на первыхъ его опытахъ можно наблю-

дать отраженія быта и времени. Авторъ приводитъ слова г. Тихонравова о школьномъ театрѣ Петровскаго времени: „Въ архаическихъ формахъ московской школьной драмы Петрова времени выражалось живое сочувствіе просвѣтительной дѣятельности царя; авторитетомъ церкви старалась академія оправдать начинанія и реформы, въ которыхъ старина думала видѣть вѣяніе нечистаго духа. Ея сцена вводила въ умы молодого поколѣнія „политичныя мнѣнія“ образованныхъ народовъ. Она зародилась „при начатіи рожденія російской славы и введенія добрыхъ порядковъ“; она не только привѣтствовала это „рожденіе“ и „добрые порядки“, но и усиленно имъ содѣйствовала“¹⁾.

Въ малорусской драмѣ XVIII-го вѣка авторъ отмѣчаетъ среди ея школьныхъ элементовъ вліяніе живой дѣйствительности. Племенная и религіозная борьба южно-русскаго народа сильно возбуждала народное и общественное сознаніе, и это отразилось въ драмѣ. „Останавливаясь съ особенною любовью на сюжетахъ историческаго и бытового характера, кievская школьная драма первой половины XVIII-го столѣтія спускается иногда и въ міръ простонародный. Отъ возвышенныхъ аллегорическихъ разглагольствованій, насквозь пропитанныхъ затхлою учебною моралью, она обращается къ дѣйствительной жизни и въ формѣ интермедій нисходитъ къ изображенію украинскаго мужика, приспособляясь къ его міросозерцанію, къ его духу и тону. Таковы интермедіи Митрофана Довгалева и Георгія Конисскаго, въ которыхъ передъ нами проходятъ знакомые и популярныя украинскіе типы (угнетенный хлопецъ, кичливый и запальчивый, но трусливый ляхъ, эксплуататоръ еврей, доблестный „лицарь“-запорожець и помогающій ему москаль), и содержаніе которыхъ иногда воспроизводитъ народную сказку или анекдотъ. Здѣсь представляется яркая и живая картина южно-русскаго „крѣпацтва“ и безчеловѣчныхъ отношеній польскаго пана къ своему хлопцу, отношеній, основанныхъ на правѣ сильнаго; здѣсь мы видимъ энергическій и рѣшительный протестъ противъ крѣпостного права,—протестъ, подобнаго которому мы тщетно стали бы искать въ тогдашней сѣверно-русской литературѣ, проникнутой еще грубымъ сервиллизмомъ; здѣсь мы видимъ, наконецъ, отраженіе той борьбы за православіе и русскую народность, представителемъ и вождемъ которой было козацество. Словомъ, въ эту эпоху высшаго своего развитія кievская школьная драма была готова перейти въ чисто-народную комедію, съ живыми народными типами, и сдѣлаться,

¹⁾ Въ разборѣ „Исторія р. слов.“ Галахова, въ присужденіи Увар. премій, Спб. 1878, стр. 87!

слѣдовательно, посредствующимъ звеномъ между искусственною литературою и народною словесностью" (стр. 374).

Но этого не случилось вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, окружившихъ народную жизнь Малороссіи во второй половинѣ XVIII-го вѣка; авторъ называетъ уничтоженіе Запорожской Сѣчи и введеніе крѣпостного права. Это были крайнія и относительно позднія явленія; но вообще малорусская жизнь и раньше стала терять свою обособленность, и начинавшееся сліяніе съ великорусскими порядками должно было отражаться упадкомъ стараго обычая, а также и болѣе или менѣе свободныхъ порывовъ общественнаго чувства и фантазіи.

Подобнымъ образомъ народные элементы начинали-было проницать и въ великорусскую школьную драму. Чрезвычайно любопытны въ этомъ отношеніи интермедіи или интерлюдіи первой половины прошлаго столѣтія, изданныя г. Тихонравовымъ, гдѣ на мѣсто книжныхъ правоучительныхъ сюжетовъ являются типы, взятые изъ народной жизни и изображенные очень вѣрно: раскольникъ, ставленникъ, подъячій, мошенники и т. п. Раскольникъ жалуется, что „нынѣ люди увязли глубоко“ и видитъ признаки антихристовыхъ прішествій: русскіе люди ходятъ въ кургузомъ платьѣ, сбиваютъ свои бороды, ходятъ какъ „облезляны“, вмѣсто своихъ волосъ носятъ „паруки“, какъ поганые нѣмцы; раскольникъ не терпитъ также латинскихъ школъ, изъ-за которыхъ „нѣтъ воли учить простой народъ по улицамъ“ и т. п. Интерлюдія сводитъ раскольника съ жидомъ, который называетъ себя человекомъ „старого закона“; раскольникъ считаетъ его поэтому за единомышленника, и между ними происходитъ комическій диспутъ. Дьячовъ оплакиваетъ своихъ ребятъ, которыхъ берутъ въ проклятую семинарію, и взываетъ ко всѣмъ близкимъ и сродникамъ, чтобы они раздѣлили его горе, и т. п. Все это излагается довольно тяжелыми виршами, но это не мѣшало неизвѣстному автору подмѣтить характерныя черты лицъ и положеній... Но и это начинавшееся движеніе не имѣло дальнѣйшаго хода—и „стало аняхронизмомъ, когда на смѣну ему явились иныя формы драматической литературы, болѣе соотвѣтствовавшія новому времени и характеру просвѣщенія. Учрежденіе московскаго университета лишило (духовную) академію ея прежняго значенія; она перестаетъ быть единственнымъ очагомъ высшаго образованія въ Россіи и замыкается въ тѣсныя рамки специально-духовнаго учебнаго заведенія; вниманіе общества обращается въ другую сторону, въ литературѣ начинается поворотъ къ чисто свѣтскому ложно-классическому направленію, школьная пѣтика уступаетъ мѣсто кодексу

Буало, и на обломках стараго театра возникает новый, съ новою драматическою литературою, во главѣ которой становится Сумароковъ" (стр. 375).

Мы напѣтили нѣкоторыя стороны въ возникновеніи нашего театра, которыя не лишены своего важнаго историческаго значенія. Авторъ настоящей книги, какъ мы видѣли, считаетъ эти зачатки нашей сцены очень слабыми, поверхностно заимствованными, не проникавшими глубоко въ жизнь, и это справедливо съ специально сценической точки зрѣнія; недостатки драмы бросаются въ глаза; репертуаръ—чужой, нерѣдко мало доступный, неумѣло передаваемый, съ тяжелымъ, неуклюжимъ языкомъ и т. д. Но въ болѣе широкомъ историческомъ разсчетѣ эта нескладная сцена получаетъ гораздо болѣшій интересъ; нужно представить себѣ ту почву, на которой являлось это нововведеніе, почву полу-церковной книжности, стараго обычая, гдѣ господствовалъ „Домострой“, гдѣ развилась крайняя нетерпимость ко всему иноземному, гдѣ поэтическіе инстинкты были подавляемы, хотя искали себѣ пищи и выраженія,—нужно представить все это, чтобы увидѣть всю необычность такого явленія, какъ первый придворный театръ со всѣми его нѣмецкими затѣями, „глумами и позорами“. Это была явная побѣда лукаваго Запада и одинъ изъ фактовъ пробужденія въ русскомъ обществѣ обще-европейскихъ образовательныхъ и эстетическихъ интересовъ: царь, какъ говорятъ, въ теченіе десяти часовъ, не вставая съ мѣста, смотрѣлъ представленіе—такъ сильна была, удовлетворяемая въ первый разъ, потребность въ поэтической иллюзіи. Сцена была доступна только немногимъ, однимъ приближеннымъ царя, какъ и надолго послѣ театръ оставался придворнымъ увеселеніемъ и принадлежалъ только верхнему образованному классу; но это была судьба всего нашего „просвѣщенія“, которое и до сихъ поръ стремятся сдѣлать исключеніемъ и привилегіей. Причина ограниченности распространенія новаго эстетическаго и общественнаго интереса лежала въ общихъ условіяхъ нашего внутренняго политическаго быта.

Внѣшняя незначительность этого движенія, литературная слабость произведеній, грубость языка и т. д. не измѣняютъ историческаго значенія факта; существенное было въ томъ, что старое, официально охраняемое, преданіе отказывалось отъ своей исключительности въ пользу нововведенія, источникъ котораго лежалъ въ чужихъ нравахъ и образованіи. Сдѣлана была уступка въ принципѣ; за этимъ началомъ могли послѣдовать, и послѣдовали, другія уступки. Собственно говоря, это нововведеніе само не было первымъ фактомъ этого рода, а лишь однимъ изъ при-

мѣровъ давно начавшагося движенія въ смыслѣ усвоенія европейскихъ знаній, искусствъ, обычаевъ, — движенія, первые начатки котораго даже трудно услѣдить. Несомнѣнно только, что они идутъ далеко въ глубь московскаго царства, не только въ XVII, но еще въ XVI вѣкѣ. Все это были предваренія и подготовленія Петровской реформы.

Намъ остается сказать объ исполненіи книги г. Морозова.

Указавши отрывочность и неполноту матеріала, какой существуетъ нынѣ для исторіи предмета, авторъ думалъ, что на основаніи его возможенъ, однако, болѣе или менѣе цѣльный очеркъ возникновенія русской сцены до той поры, когда она успѣла, наконецъ, прочно установиться въ половинѣ прошлаго вѣка. „Систематическій *сводъ* этого матеріала, какъ стараго, такъ и новаго, и строгая фактическая *проверка* прежнихъ свѣдѣній, которая дала бы возможность устранить произвольныя сужденія и основать общіе выводы на несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, — такова главная задача предлагаемыхъ очерковъ“ (стр. 4).

Въ предисловіи авторъ указываетъ главный источникъ своего труда преимущественно въ печатныхъ и рукописныхъ текстахъ старыхъ драматическихъ произведеній. „Болѣе всего, — говоритъ онъ, — я обязанъ превосходному, но, къ сожалѣнію, незаконченному сборнику Н. С. Тихонравова, и главная моя задача заключалась въ томъ, чтобы представить подробный литературно-историческій и бытовой комментарий къ текстамъ этого сборника и другимъ однороднымъ произведеніямъ, въ него не вошедшимъ“. Задача была нелегка по отрывочности матеріала, но авторъ старался не упускать изъ виду ни одной подробности въ этой исторической картинѣ. „Прежде всего и больше всего, — говоритъ авторъ, — я руководился требованіемъ самой строгой документальности, возможно болѣе точной проверкѣ наличныхъ свѣдѣній: по моему убѣжденію, въ исторіи литературы, какъ и въ исторіи вообще, факты сомнительной достовѣрности не должны имѣть мѣста. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось пользоваться чужими работами, я всегда старался проводить должную грань между несомнѣнностью и предположеніемъ, ничего не принимая на вѣру и устраняя все, что противорѣчило источникамъ. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ моего труда найдется не мало подробностей, уже давно извѣстныхъ въ научной литературѣ; но мнѣ казалось, что, назначая книгу не исключительно для спеціалистовъ, невозможно обойтись безъ подобныхъ повтореній“.

Противъ послѣдняго ничего нельзя имѣть, потому что въ на-

шей литературѣ еще не было достаточно подробнаго и общедоступнаго изложенія этого предмета, и если надо было желать, чтобы такое изложеніе явилось, оно должно было собрать факты, добытые прежними изслѣдователями.

Авторъ внимательно изучилъ прежнюю литературу предмета и, устранивъ многое изъ ходившихъ до сихъ поръ неточныхъ или прямо фальшивыхъ свѣдѣній о первой порѣ нашего театра, подробно рассматриваетъ тѣ данныя, какія доставляются первыми источниками, и обстоятельно излагаетъ содержаніе драматическихъ произведеній, уцѣлѣвшихъ отъ конца XVII и начала XVIII-го вѣка. Главнымъ основаніемъ для него было здѣсь, какъ онъ и самъ указываетъ, изданіе этихъ произведеній, сдѣланное г. Тихонравовымъ въ книгѣ, имѣвшей, какъ мы выше упоминали, такую странную судьбу. Въ этой книгѣ собрано было почти все, что только осталось изъ старѣйшаго русскаго репертуара; въ обширномъ введеніи къ изданію и въ другихъ болѣе раннихъ изслѣдованіяхъ г. Тихонравова по этому предмету даны были весьма существенныя указанія объ источникахъ этой старой драматической литературы и намѣченъ путь дальнѣйшихъ разысканій. По этому пути и направились разысканія г. Морозова. Изъ его цитатъ можно видѣть, что указанія московскаго профессора были для него весьма важнымъ руководствомъ; но и, кромѣ того, по выходѣ своей книги, г. Морозовъ счелъ нужнымъ относительно этого сдѣлать въ газетѣ особое заявленіе для устраненія недоразумѣній, могущихъ возникнуть при сужденіяхъ о его книгѣ ¹⁾. Его собственная

¹⁾ Заявленіе состоитъ въ слѣдующемъ: „Какъ указано мною въ предисловіи, — говоритъ г. Морозовъ, — всего болѣе я обязанъ сборнику русскихъ драматическихъ произведеній XVII-го и XVIII-го в., изданному проф. Н. С. Тихонравовымъ. Сборникомъ этимъ я пользовался въ полномъ его объемѣ, т.-е. со включеніемъ и тѣхъ листовъ „примѣчаній“, которые хотя не были допечатаны и не выпущены въ свѣтъ, однако имѣются въ антикварной книжной торговлѣ и довольно извѣстны лицамъ, занимающимся старою русскою литературою. На этихъ изслѣдованіяхъ Н. С. Тихонравова, главнымъ образомъ, и основаны мои заключенія о репертуарѣ Кунста (въ главѣ VI) и о школьной драмѣ въ московской академіи (въ главѣ VIII); но, не считая возможнымъ цитировать „примѣчанія“, такъ какъ дѣло шло объ источникахъ, номинально несуществующихъ, я ограничился лишь общимъ указаніемъ на зависимость своей работы отъ изслѣдованій уважаемаго московскаго профессора, и такимъ образомъ допустилъ неточность, которую необходимо исправить“.

Недоразумѣніе дѣйствительно возможно: доступнымъ для пользованія сочиненіе бываетъ лишь въ томъ видѣ, въ какомъ оно обыкновенно существуетъ въ книжной торговлѣ, а полный объемъ изданія г. Тихонравова въ ней неизвѣстенъ. Читатель, незнакомый съ этою, невыходившею въ свѣтъ, такъ сказать, рукописною частью сочиненія, не въ состояніи судить, насколько пользовался ею писатель, въ рукахъ котораго она случайно была. Мы въ этомъ случаѣ находимся въ положеніи такого читателя: мы не знаемъ этихъ „примѣчаній“, хотя изданіе у насъ имѣется. Автору слѣдовало просто указать, что было имъ отсюда заимствовано.

работа, кромѣ подробнаго документальнаго изложенія и разъясненія историческихъ данныхъ, устраненія указаній сомнительныхъ, заключалась также въ новыхъ поискахъ въ рукописной литературѣ и въ изученіи новѣйшихъ иностранныхъ изслѣдованій о западномъ театрѣ отъ среднихъ вѣковъ до XVIII-го столѣтія. Изъ русскихъ рукописей авторъ сдѣлалъ извѣстными двѣ пьесы: комедію объ Индрикѣ и Мелендѣ (по рукописи археографической комиссіи) и „актъ о царѣ перскомъ Кирѣ и о царицѣ смирской Тамирѣ“ (въ рукописи собранія кн. Оболенскаго, въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ). Изъ латино-польскихъ рукописей Публичной Библіотеки авторъ привелъ много интересныхъ сближеній со старыми русскими текстами.

А. В-нъ.

* * *

Бываютъ дни, когда въ воспоминаньѣ
Воскреснетъ вдругъ плѣнительная даль,—
И снова дороги забытыя названья,
И мучить вновь минувшая печаль.

И все, что было мной оплакано, забыто,
Все то, чему давно я вѣрить пересталъ,
Все оживаетъ вновь, очищено, омыто,
Возведено на новый пьедесталъ.

И слезы радости, и слезы вдохновенья
Нахлынуть вдругъ горячею волной...
Какъ я далекъ отъ тягостныхъ сомнѣній,
Какъ я смѣюсь надъ прежнюю тоской!

Но день пройдетъ,—отрадные видѣнья
Исчезнутъ вновь въ заманчивую даль;
Мучительно всѣ прежнія сомнѣнья
Разбудятъ старую, заснувшую печаль.

Сны лучезарные, сны беззаботные,
Чудные юности сны,
Васъ не знавалъ я въ тѣ дни мимолетные,
Дни моей первой весны.

Муки безвѣрія, муки сомнѣнія,
Боль за страданья другихъ,
Вы пробудили мое вдохновеніе,
Вы напечатали мнѣ стихъ!

Влад. К.

НОВЫЙ ОПЫТЪ

ПОСТРОЕНИЯ

НАУЧНОЙ КРИТИКИ

— *Emile Hennequin, la Critique Scientifique. Paris, 1888.*

Въ области французской критики замѣтна, съ нѣкоторыхъ поръ, усиленная работа, съ результатами которой наши читатели отчасти уже знакомы. Мы говорили, въ прошедшемъ году ¹⁾, о Леметрѣ и Полѣ Буржэ, о Брюнетьерѣ и Фагэ, представляющихъ собою различныя направленія современной критической мысли; мы видѣли критика-дилеттанта и критика-психолога, критика-доктринера и критика-портретиста. Общая ихъ черта заключается въ томъ, что они ограничиваются изученіемъ отдѣльных писателей или отдѣльных литературныхъ явленій. Теоретическая подкладка, лежащая въ основаніи ихъ сужденій, только подразумевается, но не высказывается прямо, не становится предметомъ самостоятельной разработки. Иначе поступаетъ Эмиль Геннекенъ, книга котораго: „*la Critique Scientifique*“ вышла въ свѣтъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Едва прелюдировавъ немногими очерками, онъ берется за построение цѣлой критической системы. Передъ его глазами носятся очертанія новой науки, которую онъ предлагаетъ назвать „эстопсихологіей“; пока это названіе не получитъ право гражданства, онъ готовъ довольствоваться терминомъ: „научная критика“, какъ антитезой критики „литературной“. Его главная цѣль—намѣтить приемы и задачи,

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, 1887, № 6 и 10.

поставить вѣхи и верстовые столбы, облегчающіе движеніе впередъ по мало извѣданной дорогѣ. Своимъ предшественникомъ и образцомъ Геннекенъ считаетъ Тэна—но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ претендуетъ на пополненіе его пробѣловъ и исправленіе его ошибокъ. Этопсихологія, какъ ее понимаетъ Геннекенъ, не беретъ на себя *оцѣнку* художественныхъ произведеній; это—дѣло чистой эстетики и литературной критики. Научная критика видитъ въ произведеніи исключительно выраженіе или признакъ извѣстныхъ психологическихъ и соціологическихъ отношеній. *Эстетика* служитъ для нея только исходной точкой, какъ механика—для физики; она черпаетъ свои данныя изъ *психологіи*, потому что изучаетъ личность художника, и изъ *соціологіи*, потому что изслѣдуетъ группы, типическимъ выразителемъ которыхъ служатъ художники. Отсюда составныя части научной критики: эстетическій анализъ, психологическій анализъ и соціологическій анализъ, завершеніемъ которыхъ является общій синтезъ. Всего больше новыхъ и оригинальныхъ замѣчаній Геннекенъ посвящаетъ соціологическому анализу. Изложенію этой части его труда мы предпошлемъ только самый общій очеркъ первыхъ двухъ отдѣловъ.

Назначеніе художественнаго произведенія—вызвать въ читателяхъ или слушателяхъ рядъ *эстетическихъ* впечатлѣній, особенность которыхъ состоитъ въ томъ, что они служатъ цѣлью сами по себѣ, не выражаясь въ дѣйствіяхъ, и чрезвычайно сходны между собою, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ. Чувство, остающееся въ душѣ послѣ прочтенія „Гамлета“, вовсе не далеко отъ чувства, остающагося послѣ прочтенія одной изъ Шекспировскихъ комедій; разница между тѣмъ и другимъ, коренясь не столько въ свойствѣ, сколько въ тембрѣ и тонѣ, до крайности непропорціональна громадной разницѣ въ содержаніи произведеній. Различны *степени* возбужденія, но самое возбужденіе всегда нейтрально и даже пріятно. Если въ сферѣ искусства патетическое, жалобное, трагическое дѣйствуетъ съ особенной силой, то это объясняется именно тѣмъ, что потрясеніе отъ него глубже, а настоящей боли оно все-таки не причиняетъ. Мы ощущаемъ соприкосновеніе съ страданіемъ, но не испытываемъ ни его ужаса, ни его горечи. Эстетическія впечатлѣнія и средства, благодаря которымъ эти впечатлѣнія получаются—вотъ область эстетическаго анализа; онъ можетъ либо восходить отъ впечатлѣній къ средствамъ, либо нисходить отъ средствъ къ впечатлѣніямъ. Геннекенъ избираетъ, въ видѣ примѣра, первый изъ этихъ двухъ путей. Точность въ измѣреніи впечатлѣній,—говоритъ онъ,—немыслима,

но возможно приблизительно установить ихъ интенсивность; нужно только условиться, послѣ неоднократно повторенныхъ наблюдений надъ разными категоріями читателей и слушателей, насчетъ значенія эпитетовъ, теперь употребляемыхъ каждымъ по своему, какъ попало („слабый“, „средній“, „сильный“, „глубокій“, „чрезвычайный“ и т. п.). Возможно, далѣе, опредѣлить, какія именно душевныя струны затрoгиваются всего сильнѣе даннымъ произведеніемъ или даннымъ авторомъ. Такъ напримѣръ, Поэ апеллируетъ къ любопытству и ужасу; Зола вызываетъ чувство напряженной воли, симпатіи и пессимизма; Моцартъ обладаетъ прелестью счастливой доброты. Около центральныхъ пунктовъ группируются менѣе рельефныя черты, дополняющія картину. Деликатно подбирая краски и оттѣнки (*à force de délicatesse et de nuances*), можно возстановить во всей полнотѣ серію душевныхъ движеній, вызываемыхъ художникомъ. Каждое изъ нихъ находится въ зависимости отъ причинъ, изученіе которыхъ и составляетъ вторую часть задачи, разрѣшаемой эстетическимъ анализомъ. Возьмемъ, для примѣра, впечатлѣніе, производимое романомъ. Оно обуславливается, прежде всего, „словаремъ“ (*vocabulaire*) писателя, т.-е. тѣми выраженіями, которыя онъ преимущественно употребляетъ. Много значать, дальше, его синтаксисъ и его реторика; вмѣстѣ съ словаремъ, они опредѣляютъ собою *тонъ* произведенія. Затѣмъ идетъ композиція отдѣльныхъ сценъ, композиція главъ, композиція цѣлаго. Во главѣ угла лежитъ, наконецъ, самое дѣйствіе, съ его театромъ и его актерами. Съ незначительными измѣненіями все это примѣнимо и къ лирикѣ, къ историческому разсказу, къ эпосу, къ драмѣ; въ меньшей степени—къ дидактической поэзіи, къ литературной критикѣ, къ произведеніямъ ораторскаго искусства, къ философскимъ и научнымъ сочиненіямъ. Здѣсь на первый планъ выступаютъ идеи, руководящія авторомъ,—но это не исключаетъ возможность эстетическаго анализа, потому что діалектическое развитіе идеи сломъ и рядомъ становится источникомъ эстетическихъ впечатлѣній. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только назвать Демосфена или Боссюэ, Тэна или Ренана.

Эстетическій анализъ разсматриваетъ дѣйствіе художественнаго произведенія и непосредственныя причины этого дѣйствія; *психологическій анализъ* видитъ въ художественномъ произведеніи отраженіе того, кто его создалъ. Изучать автора психологическій анализъ долженъ, по мнѣнію Геннекена, только на основаніи его произведеній; примѣшивать сюда исторію его жизни, свѣденія о наслѣдственныхъ его свойствахъ, о вліяніяхъ, кото-

рымъ онъ подвергался—это несомнѣнная ошибка. Отъ эстетическихъ особенностей художника, достаточно раскрытыхъ и правильно освѣщенныхъ, можно прямо заключать къ его психологическимъ особенностямъ, потому что свойства созданнаго непременно должны соответствовать свойства создаващаго. Идеаль художника — это образное выраженіе его основныхъ душевныхъ силъ. Правда, есть художники, старающіеся быть безстрастными, исключать изъ своихъ произведеній все личное, все характеристичное для внутренней ихъ жизни; но это только затрудняетъ задачу психологическаго анализа, не дѣлая ее неисполнимой, потому что угадать скрытыя симпатіи и антипатіи автора все-таки возможно. На нихъ указываетъ выборъ типовъ, частое возвращеніе той или другой общей мысли, невольное подчеркиванье того или другого слова. Не препятствуетъ изслѣдованію и подражательность автора, потому что въ такомъ случаѣ знаменателенъ самый выборъ образцовъ для подражанія. Неискренность, напускное чувство, предвзятую цѣль, чуждую требованіямъ искусства, всегда можно отличить отъ того, что вылилось прямо изъ натуры художника... Въ характеристикѣ автора, выводимой изъ его произведеній, не должно быть ничего смутнаго, неяснаго; необходимо употреблять при этомъ термины научной психологіи. Между обыкновенными критическими отзывами и эстопсихологическими выводами должно быть столь же мало общаго, какъ между опредѣленіями, обращающимися въ общезнѣніи, и опредѣленіями, устанавливаемыми геометріей. Благодаря трудамъ Спенсера, Вундта, Тэна, Бена, Маудсли, слова: „воля“, „чувство“, „идея“, „образъ“ и др. имѣютъ совершенно точный смыслъ, котораго и слѣдуетъ держаться въ эстопсихологіи. По мѣрѣ развитія науки, для психологической гипотезы о душевной организаціи художника найдется, быть можетъ, точка опоры въ фізіологической гипотезѣ объ устройствѣ его головного мозга. Эстопсихологія, въ свою очередь—выѣстъ съ психологіей великихъ людей,—можетъ оказывать такія же услуги общей психологіи, какія вскрытіе труповъ оказало и оказываетъ медицинѣ.

Глава о *соціологическомъ анализѣ* начинается разборомъ извѣстной теоріи Тэна о вліяніи расы, среды и момента. Нѣтъ расы,—замѣчаетъ Геннекенъ,—которая была бы совершенно чиста и однородна; вездѣ господствуетъ смѣшеніе элементовъ и соответствующее ему разнообразіе типовъ. Еще болѣе это примѣнимо къ *націи*, всегда образующейся изъ осколковъ нѣсколькихъ расъ. Различны между собою не только соотечественники, но и соплеменники — члены одной изъ небольшихъ группъ, входящихъ

въ составъ великаго цѣлаго. Кого, на примѣръ, слѣдуетъ признать истымъ бретонцемъ — Шатобріана или Ренана? Кто настоящій нормандецъ — Флоберъ или Барбе д'Орвилли ¹⁾?.. Расовыми особенностями нельзя объяснить ни одну литературу — ни нѣмецкую, многіе представители которой (Лессингъ, Гёте, Гейне) совершенно чужды свойствъ, обыкновенно приписываемыхъ германскому племени; ни французскую, которая съ XVI-го вѣка непрерывно имѣетъ свои корни въ Франціи, въ творчествѣ другихъ народовъ; ни английскую, новѣйшія теченія которой не заключаютъ въ себѣ ничего національнаго. Можно ли говорить о постоянствѣ расоваго характера, если нравственно несходными между собою весьма часто оказываются даже близкіе родные, даже родители и дѣти? А перемѣны, происходящія во времени? Много ли общаго между Пруссіей Шлейермахера и Пруссіей Бисмарка, между Италіей Бенвенуто Челлини и Италіей, которую любилъ Стендаль? Франція школьныхъ баталіоновъ, гимнастическихъ обществъ, женскихъ лицеевъ — уже теперь далеко не Франція второй имперіи, которая, въ свою очередь, была далеко не одна и та же въ Парижѣ и въ глубинѣ Бретани. Столь же преувеличеннымъ кажется Геннекену мнѣніе Тэна о вліяніи среды и момента. Конечно, это вліяніе существуетъ, но оно не для всѣхъ одинаково, для нѣкоторыхъ совершенно ничтожно. Если въ французскихъ классикахъ XVII-го вѣка отражается довольно точно элегантная, изящная жизнь тогдашняго двора, то въ этой же эпохѣ принадлежатъ писатели совершенно другого закала — Паскаль и Сень-Симонъ. Въ такомъ же отношеніи стоитъ Рембрандтъ къ большинству современныхъ ему голландскихъ живописцевъ. Можно ли объяснить вліяніемъ среды мрачный геній Эсхила, въ виду начинающагося развращенія Аѣинъ, или кротость Виргилія, въ виду суровыхъ нравовъ, созданныхъ періодомъ междоусобныхъ войнъ? Эврипидъ былъ современникомъ Аристофана, Лукрецій — Цицерона, Гёте — Шиллера, Гейне — Уланда, Левъ Толстой — Достоевскаго; при однородныхъ условіяхъ возникали и постоянно возникаютъ самыя противоположныя художественныя дарованія. Шелли былъ такимъ же анахронизмомъ въ Англіи первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка, какъ Стендаль — въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ,

¹⁾ Мало извѣстный у насъ въ Россіи, Барбе д'Орвилли довольно популяренъ во Франціи, какъ критикъ и романистъ. И въ томъ, и въ другомъ качествѣ онъ составляетъ прямую противоположность съ Флоберомъ. Барбе д'Орвилли — воинствующій клерикалъ и меньше всего художникъ; Флоберъ — индифферентъ въ политикѣ и объективистъ, влюбленный въ красоту слова.

Бальзакъ и Делакруа — въ эпоху іюльской монархіи. Вліяніе среды уменьшается по мѣрѣ развитія цивилизаціи; личность оказывается все болѣе и болѣе устойчивою, потому что все легче и легче становится для нея противодѣйствіе всему окружающему. Въ большихъ центрахъ культуры — въ древнихъ Аѳинахъ, въ современномъ Лондонѣ или Парижѣ — разнородность отдѣльныхъ группъ и наслоеній такъ велика, что оставляетъ мѣсто для всякой оригинальности, даетъ просторъ всякому таланту. Рядомъ съ Фелье и Онэ, въ области романа, процвѣтають Гонкуръ и Зола; въ области критики Тэнъ не исключаетъ Сарсэ, въ области музыки успѣхъ достается одновременно Гуно и Оффенбаху. Отсюда невозможность заключать отъ произведенія къ обществу, въ средѣ котораго оно создано. Еще меньше значенія имѣетъ мѣстность, въ которой родился или жилъ художникъ; Раблэ, Декартъ, Альфредъ де-Виньи, Бальзакъ — всѣ четверо были родомъ изъ Ту-рени.

Гораздо важнѣе, по мнѣнію Геннекена, изученіе вліяній, исходящихъ отъ художника или отъ художественнаго произведенія. Отъзывчивость на впечатлѣнія обуславливается способностью ихъ испытывать. Любить писателя, увлекаться его сочиненіями — значитъ имѣть съ нимъ кое-что общее, значитъ раздѣлять его склонности, его вкусы, соприкасаться, такъ или иначе, съ его душевной организаціей. При отсутствіи этихъ условій немислимо общеніе между читателемъ и авторомъ. Понимать, въ сферѣ искусства, можно только то, что чувствуешь; художественное произведеніе дѣйствуетъ только на тѣхъ, чѣмъ выраженіемъ оно служить (*une oeuvre d'art n'émeut que ceux dont elle est le signe*). Между умственнымъ складомъ художника и умственнымъ складомъ его поклонниковъ существуетъ аналогія, позволяющая судить о послѣднихъ на основаніи извѣстнаго о первомъ, т.-е. на основаніи произведеній, въ которыхъ отразились типическія черты его натуры. Конечно, творческая способность выше воспринимающей; но этимъ не исключается ихъ близость, ихъ взаимная связь. Конечно, сходство между художникомъ и его публикой можетъ быть иногда общимъ, неглубокимъ; но въ той или другой мѣрѣ оно неизбѣжно. Съ особенною яркостью гармонія вкусовъ и способностей выступаетъ на видѣ у крупныхъ писателей. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, Стендаль былъ такъ пристрастенъ къ Чимарозѣ и къ стариннымъ итальянскимъ рассказчикамъ, Меримэ — къ Стендалю, Мюссэ — къ Байрону, Бодлэръ — къ Поэ и Теофилю Готье, Огюстенъ Тьерри — къ Шатобриану и В. Скотту. Есть авторы, особенно дорогіе

для цѣлыхъ категорій читателей; таковы, напримѣръ, Гейне и Мюссе—для молодежи, Горацій—для людей пожилыхъ. У любителей Зола другой темпераментъ, чѣмъ у любителей В. Гюго или Меримэ. Трудно представить себѣ читателя, который бы одинаково восхищался В. Гюго и Ламартиномъ, Бальзакомъ и Дюма, высшей и низшей литературой (*la basse et la haute littérature*). Перемѣнами въ настроеніи публики объясняются перемены въ судьбѣ авторовъ, при жизни ихъ и послѣ смерти. Паскаль и Сент-Симонъ достигли славы только по прошествіи двухъ столѣтій, потому что только нашему времени свойственна тоска одного и непочтительная проницательность другого. Есть писатели, цѣнимые только соотечественниками—и есть, наоборотъ, писатели, лучше понимаемые на чужбинѣ. Мольеру и Лафонтену не удалось перешагнуть ни черезъ Рейнъ, ни черезъ Ламаншъ; Гейне популярнѣе во Франціи, чѣмъ въ Германіи; Поэ, благодаря Бодлеру, вѣрнѣе оцѣненъ въ Парижѣ, чѣмъ въ Америкѣ или Англіи. Внутреннимъ сродствомъ обуславливается подражательность въ литературѣ, совершенно не поддающаяся объясненію съ точки зрѣнія Тэна. Не раса и не среда заставили латинскихъ писателей взять за образецъ греческую литературу, французскихъ классиковъ „великаго вѣка“—поклоняться древней трагедіи, французскихъ лириковъ XIX-го столѣтія—искать вдохновенія въ англійской и германской поэзіи... Выдающійся художникъ самъ создаетъ свою среду; центръ тяжести—въ личности, а не въ массѣ. Литературная и художественная исторія страны—если отбросить произведенія, не имѣвшія успѣха—представляетъ собою рядъ психологическихъ эволюцій, совершившихся въ средѣ народа, рядъ душевныхъ организацій, для него типичныхъ. По „Путешествію пилигрима“ безспорно можно судить объ Англіи конца XVII-го вѣка, по пѣснямъ Беранже—о Франціи тридцатыхъ годовъ; но почему? Не потому, что эти произведенія *написаны тамъ-то* и тогда-то, а потому, что ими зачитывались, потому что они проникали въ сердца и воспламеняли умы. При другомъ настроеніи общества, Бёнианъ и Беранже прошли бы безслѣдно, и изъ написаннаго ими нельзя было бы извлечь никакихъ соціологическихъ выводовъ. Они не слѣдуютъ за движеніемъ, а предшествуютъ ему, вызывая его и резюмируя его отличительныя свойства. „Ретроспективное изслѣдованіе успѣха, выпавшаго на долю каждаго художника“—вотъ главное требованіе, вытекающее изъ теоріи Геннекена. Нужно привести въ ясность продажную цѣну картинъ, число изданій книги, число представленій пьесы, сумму вознагражденія, полученнаго авторомъ; нужно прослѣдить коле-

банія этихъ величинъ, нужно опредѣлить степень распространенія авторской славы не только на родинѣ автора, но и за ея предѣлами. Такую же точно систему Геннекенъ рекомендуетъ, мимоходомъ, для изученія другихъ великихъ людей—основателей религій, законодателей, учителей нравственности и т. п. Подобно эстопсихологін, это изученіе должно слагаться изъ трехъ частей: анализа дѣятельности великаго человѣка, опредѣленія его индивидуальной организаціи и раскрытія душевныхъ аналогій, въ силу которыхъ онъ нашелъ послѣдователей и достигъ извѣстныхъ результатовъ. Такимъ образомъ понимаемая, эстопсихологія и психологія великихъ людей могутъ служить лучшей основой для исторіи и для психологін народовъ.

Тремъ видамъ анализа соотвѣтствуютъ, по Геннекену, три вида синтеза. Эстетическій синтезъ—это парафраза произведенія, восстанавливающая его нарушенную цѣлость, воссоздающая общее впечатлѣніе. Образцы такой парафразы можно найти въ нѣкоторыхъ фельетонахъ Теофиля Готье и Барбе д'Орвилли, въ нѣкоторыхъ этюдахъ Гонкуровъ и Банвилля, въ нѣкоторыхъ описаніяхъ картинъ у Тэна („Путешествіе по Италіи“); но всему этому недостаетъ предшествовавшаго аналитическаго изученія, которое одно только можетъ дать синтезу научную цѣнность. Психологическій синтезъ—это полное изображеніе личности художника, основанное уже не только на его произведеніяхъ, но и на всемъ, что извѣстно о немъ самомъ, о его семьѣ, о лицахъ ему близкихъ, объ условіяхъ и обстоятельствахъ его жизни. Здѣсь настоящее мѣсто для біографическаго метода Сентъ-Бёва и его преемниковъ (къ которымъ Геннекенъ относитъ и Брандеса). Соціологическій синтезъ исполняетъ ту же задачу по отношенію къ цѣлой общественной группѣ, слѣдующей за художникомъ или восхищающейся художественнымъ произведеніемъ; онъ можетъ, напримѣръ, воспроизвести аѳинянь, поклонявшихся Аристофану, и аѳинянь, чувствовавшихъ свое внутреннее родство съ трагедіями Эврипида,—итальянцевъ, чуткихъ къ строгой красотѣ флорентинской школы, и итальянцевъ, покоренныхъ роскошнымъ колоритомъ Тиціана и Тинторета... Располагая всѣми этими орудіями, научная критика можетъ поправить ошибку, въ которую слишкомъ часто впадаютъ современные историки. Реакція противъ прежней исторической манеры, интересовавшейся только отдѣльными — и притомъ высоко поставленными — лицами, привела къ другой крайности: къ преувеличенію значенія толпы. Истина по срединѣ; центръ тяжести всего совершающагося—въ взаимодействіи личности и массы. Съ этой точки зрѣнія слава

художника и побѣда героя—явленія однородныя. И та, и другая разлагаются на личную инициативу, реализующую типъ, и на подражаніе, согласіе, одобреніе, удивленіе, въ силу которыхъ къ этому типу примыкаетъ все родственное съ нимъ и ему подчиненное. Художникъ и герой служатъ въ одно и то же время причиной и типомъ вызываемаго ими движенія; они его направляютъ, сообщаютъ ему всѣ отличительныя его свойства—толпа его исполняетъ. Можно пойти еще дальше, сдѣлать еще болѣе смѣлое обобщеніе; можно утверждать, что всякое развитіе имѣетъ типомъ *звукъ* (vibration) и *созвучіе* (consonnance), изъ которыхъ первый—рождается, второе—повторяетъ и продолжаетъ.

Будучи сходными, явленія эстетической и героической агрегации замѣняются одни другими. Преданность герою (активное преклоненіе, admiration active) и преданность книгѣ (пассивное преклоненіе, admiration passive) рѣдко существуютъ рядомъ, въ одно и то же время. Большею частью одно изъ нихъ исключаетъ другое, потому что ими приводится въ движеніе одинъ и тотъ же психологическій механизмъ; различны только достигаемые результаты. Въ жизни народа, какъ и въ жизни общественной группы или отдѣльнаго лица, любовь къ литературѣ и искусству никогда не предшествуетъ крайнему напряженію энергіи, практическому энтузіазму; праздное удовольствіе вкуса несомнѣнно съ усиленіемъ. Творчество искусства быстро истощаетъ Аэины; утонченность нравовъ, наступающая послѣ взятія Коринѳа, обезсиливаетъ римскую знать въ борьбѣ противъ диктатуры. Возрожденіе въ Италіи знаменуетъ собою конецъ республикъ. Въѣвъ Людовика XIV-го и слѣдующій за нимъ готовятъ легкую побѣду горсти революціонеровъ надъ французской аристократіей и высшей буржуазіей. Пруссія, не имѣющая литературы, спасаетъ Германію Шиллера и Гёте. У Испаніи временъ „конкистадоровъ“ (Кортеса и Пизарро?) не было артистовъ; нѣтъ ихъ и у современной Германіи. Отсюда, по мнѣнію Геннекена, вытекаетъ сама собою поправка къ опредѣленію эстетическаго впечатлѣнія, предложенному имъ въ началѣ книги. *Непосредственно, немедленно*, эти впечатлѣнія не выражаются въ дѣйствіяхъ—но, повторяясь и накопляясь, они приводятъ къ несомнѣннымъ практическимъ результатамъ. Они уменьшаютъ сумму энергіи, уменьшаютъ стремленіе къ дѣятельности. Возбуждая преимущественно инстинктивныя, первобытныя страсти, они являются поддержкой атакизма и противодействуютъ нравственному прогрессу, приспособленію къ новымъ общественнымъ порядкамъ. Таково вредное вліяніе искусства; но оно уравнивается

смягченіемъ нравовъ, развитіемъ чуткости къ чужому страданію и горю. Кто привыкъ сочувствовать имъ въ произведеніяхъ искусства, тотъ невольно станетъ избѣгать причиненія ихъ въ дѣйствительности. Общее благорасположеніе къ людямъ, какова бы ни была ихъ національность, ослабляетъ патріотическое чувство, обратная сторона котораго — ненависть къ чужеземцамъ. На всѣхъ этихъ пунктахъ искусство соприкасается съ нравственностью, индивидуальною и общественною. Формула: „искусство для искусства“, справедливая и полезная, пока рѣчь идетъ о свободѣ и достоинствѣ художника, должна быть признана опасной, какъ только мы вспомнимъ, что художественныя произведенія существуютъ не въ пустомъ пространствѣ. Для художественнаго критика нѣтъ критериума, въ силу котораго изъ двухъ произведеній, равныхъ по силѣ впечатлѣнія и по совершенству формы, одно могло бы быть поставлено выше другого. Иное дѣло — законодатель или антропологъ; они не могутъ не обращать вниманія на чувства, возбуждаемыя художественнымъ произведеніемъ — чувства благопріятныя или неблагопріятныя здоровому развитію человѣка, племени, государства. Равное съ точки зрѣнія красоты можетъ быть далеко неравнымъ съ точки зрѣнія добра и нравственной гігіены.

Сознавая, что для оцѣнки метода примѣръ важнѣе разсужденій, Геннекенъ присоединилъ къ своей книгѣ подробную программу „эстопсихологическаго“ этюда о В. Гюго. Для нашей цѣли достаточно познакомить читателей съ тою частью программы, которая касается соціологическаго анализа. Она перечисляетъ сначала категоріи поклонниковъ В. Гюго (во Франціи 1830-88 г.), различая при этомъ его поэмы, драмы и романы. Къ поклонникамъ поэмъ, между обыкновенными читателями (*liseurs*), принадлежитъ значительная часть образованной молодежи, а между людьми, спеціально занимающимися наукой или литературой (*lettrés*) — всѣ романтики, всѣ такъ-называемые „парнасцы“ (*parnassiens* — поэты, культивирующіе исключительно форму), журналисты, нѣсколько естествоиспытателей, немногіе изъ числа романистовъ-идеалистовъ; ни одного выдающагося критика. Поклонники драмъ: изъ среды первой группы — небольшая часть *очень* молодыхъ образованныхъ людей; изъ среды второй группы — романтики, не всѣ парнасцы, немногіе романисты-идеалисты, большая часть журналистовъ, ни одного естествоиспытателя, ни одного критика. Затѣмъ является на сцену еще третья группа — свѣтскихъ людей, и изъ ея среды къ поклонникамъ драмъ В. Гюго причисляются наиболѣе воспріимчивые къ литературнымъ удоволь-

ствіямъ, парижане-ревностные посѣтителѣ театра. Поклонники романовъ: изъ среды первой группы — громадное большинство, женщины, народъ, изъ среды второй — болѣе или менѣе тѣ же, что и по отношенію къ поэмамъ, съ прибавкой нѣсколькихъ критиковъ, большинства романистовъ-идеалистовъ и всѣхъ романистовъ-фельетонистовъ. Матеріальный успѣхъ поэмъ (т.-е. число проданныхъ экземпляровъ) — средній сравнительно съ романами того же автора, большой сравнительно съ стихотвореніями вообще. Матеріальный успѣхъ романовъ — громадный, для „Misérables“ до сихъ поръ продолжающійся въ средѣ народа, для „L'Homme qui rit“ — въ средѣ образованныхъ читателей. Матеріальный успѣхъ драмъ (т.-е. число представленій) — постоянно уменьшающійся. За границей Франціи произведенія В. Гюго, вообще говоря, остаются непонятыми и не имѣютъ успѣха; исключеніе, до известной степени, составляютъ только Англія (гдѣ одинъ подражатель — Скинбернъ) и Італія. Черта, общая Гюго и его поклонникамъ — *вербализмъ*, т.-е. преобладаніе слова надъ мыслью, увлеченіе громкой фразой, наклонность къ преувеличеніямъ въ выраженіи; при этомъ — скудный запасъ такихъ идей, которыя не исчерпывались бы словами (*idées non verbales*). У литературныхъ поклонниковъ Гюго эта черта всего болѣе замѣтна, потому что и поклоненіе ихъ самое восторженное. По отношенію къ драмамъ слѣдуетъ прибавить еще отсутствіе реализма, страсть ко всему декоративному; по отношенію къ романамъ — неопредѣленный, непрактичный гуманитаризмъ и социализмъ. Всѣ эти психологическіе факты — такъ заключаетъ Геннекенъ — имѣютъ національное значеніе; нетрудно было бы отыскать ихъ въ исторіи современной Франціи — въ умственномъ упадкѣ высшихъ классовъ, въ политической неспособности рабочаго населенія, въ романтическомъ характерѣ, свойственномъ, въ болѣе или меньшей степени, всей французской литературѣ XIX-го вѣка.

Таково содержаніе книги Геннекена. Можно соглашаться или не соглашаться съ его основными тезисами, но интереснаго они, во всякомъ случаѣ, представляютъ немало. Остановимся, прежде всего, на опредѣленіи эстетическихъ впечатлѣній ¹⁾. „Эстетическое впечатлѣніе не выражается въ дѣйствіяхъ“, — читаемъ мы въ главѣ объ эстетическомъ анализѣ. Въ концѣ книги въ этой фор-

¹⁾ Замѣтимъ, что подъ именемъ эстетическаго впечатлѣнія Геннекенъ понимаетъ вообще впечатлѣніе, производимое художественнымъ произведеніемъ, а не одну только сторону впечатлѣнія, прямо затрагивающую эстетическое чувство.

мудъ прибавляется существенно важная оговорка: эстетическое впечатлѣніе не выражается въ дѣйствіяхъ *непосредственно, немедленно*, но можетъ быть косвенною ихъ причиною. Эта оговорка очень похожа на отступленіе. Она ступенькаетъ демаркаціонную черту, и безъ того уже не отличающуюся большою яркостью. Вовсе не переходить въ дѣйствіе могутъ и другія впечатлѣнія, кромѣ эстетическихъ — и наоборотъ, эстетическое впечатлѣніе можетъ, хотя и рѣдко, прямо приводить къ дѣйствію. Безплоднымъ можетъ оказаться чувство, вызванное разсказомъ о реальномъ горѣ, даже зрѣлищемъ этого горя — и наоборотъ, побудить къ дѣятельности можетъ художественное изображеніе несуществующаго (въ данной формѣ) страданія. Многое, очень многое зависитъ здѣсь отъ почвы, на которую падаетъ впечатлѣніе. Человѣка черствого, сухого, до мозга костей пронизнутаго сословными предразсудками, созерцаніе бѣдствій и лишеній, сопряженныхъ съ продолжительною стачкою рабочихъ, можетъ оставить совершенно равнодушнымъ. Онъ можетъ сказать самому себѣ, что несчастные сами заслужили свою участь, что поддержать хотя бы одного изъ нихъ — значило бы идти наперекоръ интересамъ промышленности, правамъ фабрикантовъ, законамъ политической экономіи. Человѣка мягкаго, сострадательнаго, не предубѣжденнаго противъ „низшихъ классовъ“, картина тѣхъ же бѣдствій поразитъ и тронетъ до глубины души, хотя бы она предстала передъ нимъ не въ дѣйствительности, а въ романѣ Диккенса или мистриссъ Гаскелль. Не довольствуясь платоническимъ сожалѣніемъ о страждущихъ, онъ почувствуетъ потребность придти къ нимъ на помощь, лишь только къ тому представится реальный поводъ. Если такой поводъ окажется на лицо при самомъ чтеніи романа, то *непосредственнымъ* результатомъ чтенія будетъ дѣйствіе или цѣлый рядъ дѣйствій... Допустимъ, однако, что въ большинствѣ случаевъ между эстетическимъ впечатлѣніемъ и его практическими послѣдствіями нѣтъ *непосредственной* связи; развѣ нельзя сказать того же самаго о множествѣ другихъ впечатлѣній, вовсе не эстетическихъ? Развѣ сюда нельзя отнести, напримѣръ, большинство впечатлѣній, оставляемыхъ воспитаніемъ — впечатлѣній, воспринимаемыхъ почти пассивно, но подготовляющихъ и до извѣстной степени предвѣщающихъ будущую дѣятельность воспитываемаго? Развѣ не близки къ эстетическимъ впечатлѣніямъ, по характеру реакціи, всѣ тѣ, которыя накаплиются медленно и незамѣтно — напримѣръ, всѣ впечатлѣнія ежедневной, привычной обстановки?.. Впечатлѣнія отражаются не только въ дѣйствіяхъ, но и въ *настроеніи*, составляющемъ, въ свою очередь, возможный,

хотя и отдаленный источникъ дѣйствій. Съ этой точки зрѣнія различіе между впечатлѣніемъ трагическаго и впечатлѣніемъ комическаго должно быть признано гораздо болѣе глубокимъ, чѣмъ его представляетъ Геннекенъ. Изъ того, что чтеніе „Гамлета“, какъ и чтеніе „Виндзорскихъ кумушекъ“, не влечетъ за собою, большею частью, никакихъ „поступковъ“, нельзя еще вывести сходство душевныхъ состояній, обусловливаемыхъ чтеніемъ обѣихъ пьесъ. Эти состоянія различны не только по „тембру“ и „тону“, но и по вызываемымъ ими ассоціаціямъ идей, по направленію и свойству колебаній, производимыхъ ими въ душевной жизни. Самъ Геннекенъ обмолвился въ одномъ мѣстѣ нѣсколькими словами, опрокидывающими всю теорію однородности эстетическихъ впечатлѣній. „Нѣтъ книги,—говоритъ онъ,—чтеніе которой было бы сопряжено съ истиннымъ страданіемъ, съ настоящею печалью, *развѣ если читатель примѣняетъ читаемое къ самому себѣ*“ (sauf par un retour sur soi). Въ томъ-то и дѣло, что такое примѣненіе встрѣчается на каждомъ шагѣ, то въ формѣ воспоминанія, то въ формѣ опасенія или предчувствія, то въ формѣ возвращенія къ давно наболѣвшей, гнетущей мысли... Геннекенъ совершенно правъ, констатируя могучее дѣйствіе—въ области искусства—печальнаго, трогательнаго, патетическаго (припомнимъ знаменитые стихи Мюссэ: les plus mélancoliques sont les chants les plus beaux, et j'en sais d'immortels qui sont de purs sanglots). Сомнительнымъ кажется намъ только объясненіе этого факта, предлагаемое Геннекеномъ. Дѣло, думается намъ, не въ томъ, что мрачныя картины больше свѣтлыхъ щекочутъ наши нервы, столь же мало, въ сущности, возмущая нашъ душевный покой; дѣло скорѣе въ томъ, что вліяніе трагическаго въ искусствѣ прямо пропорціонально вліянію его въ реальной жизни. Въ художественныхъ образахъ всего сильнѣе поражаетъ насъ—при равенствѣ другихъ условій—именно то, что всего сильнѣе поразило бы насъ въ дѣйствительности.

Помимо опредѣленія эстетическихъ впечатлѣній, глава объ эстетическомъ анализѣ заключаетъ въ себѣ мало выдающагося. Разсужденія Геннекена о средствахъ и эффектахъ большею частью справедливы, но не новы; иллюстраціи, которыми онъ ихъ подкрѣпляетъ, далеко не всегда удачны. Трудно, напримѣръ, согласиться съ тѣмъ, что Зола „вызываетъ чувство напряженной воли, симпатіи и пессимизма“; трудно даже понять, что именно хотѣлъ сказать здѣсь авторъ—то ли, что это чувство возникаетъ въ читателяхъ Зола, или то, что они невольно предполагаютъ его присутствіе въ самомъ авторѣ. Неясность увеличивается тѣмъ,

что рядомъ съ Зола упоминается, съ одной стороны, о Поэ, *апеллирующемъ* къ любопытству и ужасу (т.-е. сознательно вызывающемъ ихъ въ читателяхъ), съ другой—о Моцартѣ, *обладающемъ* прелестью счастливой доброты (т.-е. владѣющемъ ею безсознательно, помимо намѣренія и воли). Провозглашая необходимость и возможность болѣе точности въ измѣреніи и квалифікаціи ощущеній, Геннекенъ, по извѣстному французскому выраженію, не *grêche pas d'exemple*; онъ не переходитъ отъ слова къ дѣлу, не примѣняетъ самъ рекомендуемыхъ имъ приемовъ и не даетъ опредѣленныхъ указаній относительно ихъ примѣненія. То же самое можно сказать и о его проповѣди въ пользу употребленія научныхъ психологическихъ терминовъ. Въ главѣ о психологическомъ анализѣ бросается въ глаза только одно положеніе, до крайности парадоксальное; это—ограниченіе анализа одними произведеніями изучаемаго автора, съ устраненіемъ всего того, что можно узнать о немъ изъ другихъ источниковъ. Къ чему такое ограниченіе и на чемъ оно основано—этого Геннекенъ не объясняетъ; онъ утверждаетъ только, что настоящее мѣсто для біографическихъ данныхъ и другихъ свѣдѣній этого рода—въ психологическомъ синтезѣ. Итакъ, рѣчь идетъ собственно о системѣ, которой удобнѣе держаться, о порядкѣ, въ которомъ должны слѣдовать одна за другою отдѣльныя части научной критики. Общихъ, обязательныхъ правилъ здѣсь, очевидно, быть не можетъ; одной и той же цѣли можно достигнуть нѣсколькими путями, и выборъ между ними долженъ быть предоставленъ свободному усмотрѣнію писателя. Требованіе Геннекена должно быть сведено на степень совѣта—и притомъ такого совѣта, цѣлесообразность котораго подлежитъ большому сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, опредѣленіе психологическихъ особенностей художника, построенное *только* на изученіи его произведеній, слагается изъ догадокъ, гипотезъ, болѣе или менѣе правдоподобныхъ, но во всякомъ случаѣ нуждающихся въ повѣркѣ. Не проще, не естественнѣе ли прямо перейти къ этой работѣ, не откладывая ее до другого времени? Самъ критикъ, въ своемъ кабинетѣ, конечно, дѣйствуетъ именно такимъ образомъ; нельзя же допустить, что онъ заканчиваетъ главу о психологическомъ анализѣ, не позаботившись сличеніемъ своихъ выводовъ съ дѣйствительностью и предоставляя себѣ заняться этимъ впоследствии, когда будетъ начата глава о психологическомъ синтезѣ. Зачѣмъ же разъединять для читателей неразрывно связанное въ умѣ самого автора? Зачѣмъ утомлять ихъ повтореніями, неизбежными при двукратномъ возвращеніи къ одной и той же темѣ?.. Въ болѣе или менѣе степени все сказанное выше

относится и къ другимъ видамъ анализа и синтеза. Геннекену не удалось доказать, что анализъ долженъ быть безусловно отдѣленъ отъ синтеза, что переходить къ послѣднему можно только тогда, когда совершенно исчерпанъ первый. Противъ системы перегородокъ и строгихъ разграниченій говоритъ примѣръ всѣхъ лучшихъ критиковъ нашего времени. Сентъ-Бѣвъ, Тэнъ, Брандесъ не впадали въ ошибку, когда вели параллельно анализъ и синтезъ, когда черпали матеріалъ для своихъ выводовъ *одновременно* изъ произведеній автора и изъ постороннихъ источниковъ. Одно оружіе даетъ противъ себя самъ Геннекенъ; это—примѣрная программа „эстопсихологическаго“ этюда о В. Гюго. Насколько подробны и обстоятельны тѣ части программы, которыя касаются анализа, настолько скудно и неопредѣленно все относящееся къ синтезу. Психологическому анализу, на примѣръ, посвящено четыре страницы, психологическому синтезу — *три слова*: *synthèse biographique finale*. Не ясно ли, что самъ Геннекенъ затрудняется наполнить рамки синтеза, искусственно отдѣленного отъ анализа?

Въ соображеніяхъ Геннекена о соціологическомъ анализѣ одинаково интересна и отрицательная сторона—полемика съ Тэнномъ, и положительная—собственные предложенія автора. Полемика съ Тэнномъ основана, отчасти, на явномъ недоразумѣніи. Возраженія Геннекена были бы совершенно справедливы, еслибы Тэнъ приписывалъ расѣ, средѣ и моменту вліяніе абсолютное, всегда и для всѣхъ одинаковое. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, и многіе аргументы Геннекена могутъ быть названы *des coups d'épée dans l'eau*—ударами въ воздушное пространство. Напрасно, на примѣръ, Геннекенъ указываетъ на различіе между Пруссіей Шлейермахера и Пруссіей Бисмарка, между Италіей временъ Бенвенуто Челлини и Италіей временъ Стендала. Измѣненіе характера расы, подѣ вліяніемъ времени и обстоятельствъ, вполне признаетъ самъ Тэнъ; иллюстраціей этой темы служить вся его „Исторія англійской литературы“. Никто не изобразилъ нагляднѣе его различіе между Англійей Шекспира и Англійей Мильтона, между Англійей Мильтона и Англійей Драйдена и Конгрева. Не можетъ служить орудіемъ противъ Тэна и подчеркиваемый Геннекеномъ параллелизмъ разнородныхъ силъ—одновременное появленіе Эврипида и Аристофана, Лукреція и Цицерона, и т. п. Раса, среда, моментъ—все это понятія не простыя; каждое изъ нихъ разлагается на составныя части. Преобладать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, можетъ то одна изъ этихъ частей, то другая, соотвѣтственно чему не могутъ не измѣняться и получаемые результаты. До безконечности разнообразны, наконецъ, могутъ быть комбинаціи трехъ

основныхъ элементовъ—сочетанія расовыхъ вліяній съ вліяніями среды, вліяній среды съ вліяніями момента и т. п. Этого разнообразія не могъ, конечно, игнорировать Тэнъ, которому пришлось объяснять Свифта—рядомъ съ Аддисономъ, Ричардсона—рядомъ съ Фильдингомъ, Байрона—рядомъ съ В. Скоттомъ. На одной и той же почвѣ, въ одномъ и томъ же воздухѣ растутъ весьма различныя растенія, но развѣ это исключаетъ зависимость ихъ отъ воздуха и почвы, и развѣ правъ былъ бы натуралистъ, который сталъ бы разсматривать ихъ отдѣльно отъ этихъ условий? Геннекенъ впадаетъ именно въ такую ошибку, утверждая, напримѣръ, что Лессингъ и Гёте были совершенно чужды свойствъ, обыкновенно приписываемыхъ германской расѣ. И тотъ, и другой были, наоборотъ, кровными германцами; не даромъ же такъ очевидно родство Лессинга съ Лютеромъ, не даромъ же Гёте былъ современникомъ великаго движенія въ области нѣмецкой философіи. Само собою разумѣется, что душевный міръ такихъ людей не исчерпывается двумя-тремя чертами, служащими для внѣшней, поверхностной характеристики „нѣмца“; но если эти черты подмѣнены вѣрно, то что-нибудь, ихъ напоминающее, отыщется и въ Лессингѣ, и въ Гёте... Той или другой стороною своей натуры, своего творчества принадлежать своему времени даже такіе писатели, которымъ слѣдовало бы, повидимому, родиться нѣсколькими столѣтіями раньше или позже. Таковы, напримѣръ, Паскаль и Сень-Симонъ, на которыхъ ссылается Геннекенъ. Развѣ Паскаль не внесъ въ свои „Провинціальныя письма“ все увлеченіе борьбы между янсенизмомъ и іезуитизмомъ? развѣ Сень-Симонъ, въ своей страстной защитѣ аристократическихъ привилегій, въ своихъ лстивыхъ рѣчахъ передъ королемъ, не былъ настоящимъ французскимъ дворяниномъ конца XVII-го вѣка?.. Менѣе замѣтно, но едва ли менѣе реально вліяніе племенныхъ особенностей, даже вліяніе мѣстности, въ которой родился или долго жилъ писатель. На вопросъ Геннекена, кого слѣдуетъ признать бретонцемъ—Шатобріана или Ренана, мы отвѣтили бы: обоихъ. О Шатобріанѣ это разумѣется само собою—но и у Ренана впечатлѣнія бретонской родины отражаются иногда совершенно ясно ¹⁾. Рабла, Де-

¹⁾ „Одна изъ самыхъ распространенныхъ бретонскихъ легендъ—говорить Ренанъ въ предисловіи къ своимъ *Souvenirs d'enfance et de jeunesse*—повѣствуетъ о городѣ, когда-то поглощенномъ морскими волнами. Вершины его колоколенъ до сихъ поръ, во время бури, возвышаются надъ водою; при тихой погодѣ слышится звонъ его колоколовъ. Мнѣ часто кажется, что въ глубинѣ моего сердца сохранился такой же городъ, колокола котораго упорно и напрасно признавать къ молитвѣ“. Развѣ въ этихъ словахъ не слышится бретонецъ?

картъ, Альфредъ де-Виньи и Бальзакъ, — говоритъ Геннекенъ, — всѣ четверо родились въ Турени. Но вѣдь между Раблэ и Бальзакомъ существуетъ несомнѣнное сходство; Декартъ дѣйствовалъ на совершенно другомъ поприщѣ, исключаящемъ возможность сравненія — а семья Альфреда де-Виньи происходила не изъ Турени.

Если вліяніе расы, среды, момента велико и неизбѣжно, если не подлежитъ сомнѣнію заслуга Тэна, освѣтившаго его особенно яркимъ свѣтомъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы однимъ этимъ вліяніемъ все предрѣшалось и предопредѣлялось, чтобы въ немъ одномъ можно было найти ключъ къ пониманію писателя или художника. Такою односторонностью не грѣшитъ и самъ Тэнъ. Вотъ чтó онъ говоритъ, напримѣръ, въ своемъ этюдѣ о Сень-Симонѣ: „мы состоимъ изъ двухъ частей; одну мы получаемъ отъ міра, другую приносимъ съ собою въ міръ; одна пріобрѣтается нами, другая намъ врожденна; одна идетъ отъ обстоятельствъ, другая — отъ природы“. Значеніе индивидуальности, личности признано здѣсь совершенно ясно — и если Тэнъ настаиваетъ на немъ не такъ часто и не такъ упорно, какъ на другой сторонѣ медали, то этому есть очень простая причина. Новаторъ въ критикѣ, какъ и въ наукѣ, какъ и въ жизни, всегда отдѣляется съ особенною любовью именно то, чтó принадлежитъ лично ему, чѣмъ онъ отличается отъ своихъ предшественниковъ. У Тэна такую роль играетъ теорія вліяній. Другая основная черта его доктрины — идея преобладающей силы, господствующей способности (*faculté maîtresse*) — также заставляла его останавливаться больше на общемъ, чѣмъ на частномъ, потому что „господствующее свойство“ рѣдко можетъ быть независимымъ или мало зависимымъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Какъ бы то ни было, взгляды Тэна нуждаются въ дополненіи, въ развитіи; это было указано и Брандесомъ, въ лекціи о литературной критикѣ, прочитанной въ Петербургѣ весной прошлаго года и напечатанной затѣмъ въ нашемъ журналѣ (1887 г., № 10). Геннекенъ совершенно правъ, стараясь расширить область научной критики, усовершенствовать ея приемы; онъ ошибается лишь тогда, когда идетъ слишкомъ далеко въ возраженіяхъ Тэну и когда преувеличиваетъ значеніе собственной своей теоріи. Конечно, художникъ не только испытываетъ вліянія среды, но и самъ дѣйствуетъ на нее, съ болѣею или меньшею силою; конечно, это дѣйствіе продолжается иногда и послѣ смерти художника, переживая вѣка и распространяясь далеко за предѣлы одной страны, одного народа. Изученіе его представляетъ, безъ сомнѣнія, большой интересъ, большую важность, но оно сопряжено съ затрудненіями, которыхъ Геннекенъ какъ будто бы не

видить—да и результатамъ изученія, даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ, едва ли принадлежитъ та абсолютная цѣнность, которую онъ имъ приписываетъ.

Начнемъ съ затрудненій. Мѣриломъ вліянія Геннекенъ признаетъ внѣшній успѣхъ художника, выражающійся, въ свою очередь, въ числѣ изданій или представленій, въ продажной цѣнѣ картинъ, въ размѣрахъ авторскаго гонорара, и т. п. Этого мѣрила критика совершенно лишена по отношенію къ начинающимъ художникамъ, не успѣвшимъ еще занять опредѣленное положеніе и найти свою собственную публику. По отношенію ко многимъ другимъ художникамъ, еще живущимъ или недавно сошедшимъ со сцены, мѣрило можетъ оказаться совершенно ошибочнымъ; успѣхъ можетъ быть достигнутъ не сразу — или, наоборотъ, его быстротѣ можетъ соответствовать его эфемерность. Представимъ себѣ, что критикъ, раздѣляющій мнѣнія Геннекена, приступилъ бы къ оцѣнкѣ Зола—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ оцѣнкѣ французскаго общества—въ 1876 г. передъ самымъ выходомъ въ свѣтъ седьмой части ругонъ-маккаровской эпопеи („L'Assommoir“). Онъ легко могъ бы найти, что между Зола и громадной массой читателей нѣтъ достаточныхъ точекъ соприкосновенія, что толпѣ противенъ откровенный и прямолинейный реализмъ, что она не поддается даже обаянію чувственности, широко разлитой въ романахъ Зола, что Зола пишетъ для небольшого кружка знатоковъ, представителемъ котораго онъ только и можетъ считаться. Много ли уцѣлѣло бы изъ этого отзыва послѣ колоссальнаго успѣха „Бойни“? А между тѣмъ не измѣнился же, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, самъ Зола, не измѣнилось же, въ тотъ же промежутокъ времени, французское общество. Недостатки и достоинства писателя остались тѣ же; тѣ же остались и вкусы читающей публики. Пали только случайныя преграды, мѣшавшія извѣстности „Ругонъ-Маккаровъ“; паступила комбинація обстоятельствъ, необходимая для того, чтобы привести въ движеніе весь Парижъ. Къ текущей критикѣ система Геннекена оказывается, такимъ образомъ, мало подходящей. Быть можетъ, настоящее ея мѣсто—въ исторіи литературы? Здѣсь мы встрѣчаемся на каждомъ шагѣ съ препятствіемъ другого рода—съ отсутствіемъ или недостаткомъ достовѣрныхъ данныхъ, опредѣляющихъ степень успѣха. Различнымъ эпохамъ свойственны, притомъ, различныя формы и выраженія успѣха; не всегда же существовали авторскій гонораръ, не всегда существовали *изданія*, въ современномъ смыслѣ этого слова. Еще важнѣе трудность, съ которою сопряжено раскрытіе причинъ успѣха, разложеніе его на составныя

части. Она растетъ пропорціонально промежутку времени, отдѣляющему изслѣдователя отъ изслѣдуемаго—но это еще не значитъ, чтобы она была незначительна по отношенію къ современникамъ. Большая близость съ этой точки зрѣнія иногда почти столь же неудобна, какъ и большая отдаленность. Возьмемъ, напримеръ, несомнѣнный успѣхъ „Nana“, разошедшейся въ 150 тысячъ экземпляровъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ чрезвычайно сложнымъ. Въ его составъ входитъ и жажда пряныхъ впечатлѣній, и разнузданность животныхъ инстинктовъ, и сочувствіе къ смѣлости, опрокидывающей обычные барьеры, и увлеченіе модой, и страсть къ скандалу, и преклоненіе передъ новой силой. Какъ произвести количественный и качественный анализъ этихъ элементовъ, какъ выдѣлить роль, принадлежащую каждому изъ нихъ? Для загадокъ всякаго рода поле здѣсь до безконечности широко—для ихъ поѣрки матеріаловъ чрезвычайно мало. Ошибки почти неизбежны—и притомъ ошибки до крайности серьезныя. Самый фактъ успѣха—единственное, что можно опредѣлить съ нѣкоторою точностью (говоримъ: *нѣкоторою*, потому что по числу покупателей книги еще нельзя судить о числѣ читателей, по числу читателей—о числѣ поклонниковъ)—ничего не доказываетъ уже потому, что онъ достается одновременно на долю противоположныхъ явленій, на долю писателей, между которыми нѣтъ ничего общаго. Романы Она расходятся въ еще большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ романы Зола, подобно тому, какъ успѣхъ Э. Сю превосходилъ, въ свое время, успѣхъ Ж. Занда, или успѣхъ Понсонъ-дю-Террайля—успѣхъ Флобера.

Въ сказанномъ до сихъ поръ заключается другое, еще болѣе радикальное возраженіе противъ разбираемой нами системы. Исходной точкой Генневена служитъ предположеніе, что связь между авторомъ и читателями, внѣшнимъ признакомъ которой является успѣхъ, коренится въ аналогіи натуръ и душевныхъ организацій, въ гармоніи наклонностей и вкусовъ. Это справедливо, до *извѣстной степени*, только по отношенію къ настоящимъ поклонникамъ писателя; но поклонники и читатели—далеко не одно и то же. Усердіе, съ которымъ читаютъ Зола французы и нефранцузы, не даетъ еще права видѣть въ авторѣ „Nana“ типичнаго представителя современнаго образованнаго общества. Всего раньше и быстрѣ, какъ извѣстно, Зола приобрѣлъ популярность у насъ въ Россіи; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что между русскими читателями „золаизмъ“, въ специфическомъ смыслѣ слова, нашелъ наиболѣе подготовленную почву?... Самое поклоненіе пи-

сателю можетъ быть весьма различнаго свойства. Одни, напримѣръ, могутъ цѣнить въ Зола оригинальность манеры, богатство сравненій, вѣрность въ воспроизведеніи деталей; другіе могутъ интересоваться имъ какъ наблюдателемъ, какъ коллекціонеромъ „человѣческихъ документовъ“; третьи могутъ видѣть въ немъ преимущественно новатора, вносящаго научныя приемы въ сферу искусства, или лѣтописца общественной жизни, клеймящаго заслуженнымъ клеймомъ „эпоху безумія и позора“¹⁾. Не зная сравнительной численности этихъ группъ—а знать ее почти невозможно—нельзя опредѣлить, по методу Геннекена, социологическаго значенія симпатій, возбуждаемыхъ Зола у себя дома и за предѣлами Франціи. Гораздо вѣрнѣе противоположный, старый путь; гораздо надежнѣе изучить условія, создавшія самого Зола, и изъ нихъ уже вывести причины его успѣха, чѣмъ заключать, наоборотъ, отъ успѣха къ состоянію умовъ, сдѣлавшему его возможнымъ. Возьмемъ другой примѣръ—нашего Достоевскаго. Много ли общаго между многочисленными категоріями его поклонниковъ? Въ страстномъ увлеченіи его произведеніями сходятся люди самыхъ различныхъ направленій и убѣжденій, самыхъ различныхъ темпераментовъ и складовъ—реакціонеры и радикалы, вѣрующіе и невѣрующіе, идеалисты и реалисты, сторонники чистаго искусства и защитники тенденціозности, больные и здоровые, старики и молодые, русскіе и иностранцы. За нимъ идетъ до сихъ поръ такая же смѣшанная, разношерстная толпа, какая слѣдовала за его гробомъ. Всѣ ея отгѣнки такъ или иначе затронуты имъ за живое—но затронуты различными сторонами его таланта, его авторской личности... Разнородность поклонниковъ признаетъ и самъ Геннекенъ; это видно изъ программы этюда о В. Гюго, отдѣляющей *liseurs* отъ *lettrés* и подраздѣляющей тѣхъ и другихъ еще на нѣсколько категорій. Основную свою ошибку Геннекенъ, однако, этимъ не исправилъ. Все различіе между поклонниками онъ видитъ только въ ихъ профессіи, общественномъ положеніи и степени литературнаго образованія, *а не въ отношеніи ихъ къ произведеніямъ поэта*. Важно не то, что поклоняются Виктору Гюго парнасцы и романтики, женщины и молодежь; важно то, *чему именно* поклоняются въ немъ разныя группы читателей,—группы, отличающіяся одна отъ другой не какими-нибудь внѣшними признаками, а самымъ душевнымъ складомъ. Возможно ли допустить, въ самомъ дѣлѣ, что въ основаніи симпатій къ поэмамъ Гюго лежитъ всегда и у всѣхъ *вербализмъ* этихъ поэмъ? Неужели

¹⁾ Такъ называетъ Зола, въ предисловіи къ „*La fortune des Rougon*“, эпоху второй имперіи.

въ нихъ нѣтъ ничего трогаящаго сердце, покоряющаго воображеніе?.. Въ высшей степени произвольны, притомъ, отдѣльныя положенія Геннекена. Откуда онъ взялъ, напримѣръ, что романами В. Гюго увлекаются всѣ романисты-фельетонисты? Какимъ путемъ онъ убѣдился въ томъ, что драмы В. Гюго не нравятся и не нравились ни одному натуралисту?.. Есть у Геннекена и явныя ошибки. Онъ увѣряетъ, напримѣръ, что поэмъ В. Гюго не хвалилъ ни одинъ выдающійся французскій критикъ; а Сентъ-Бѣвъ, а Эмиль Монтегю, а Фагэ? Онъ утверждаетъ, что за предѣлами Франціи В. Гюго имѣлъ нѣкоторый успѣхъ только въ Англіи и Италіи—и забываетъ Россію, гдѣ у В. Гюго всегда было и до сихъ поръ остается немало поклонниковъ.

Выдающійся писатель—говорить Геннекенъ—самъ создаетъ свою среду; онъ не слѣдуетъ за движеніемъ, а предшествуетъ ему, вызывая его и резюмируя его отличительныя свойства. Бѣніанъ и Беранже характеристичны для своего времени не потому, что они отъ него зависятъ, а потому, что оно ими увлекалось. Этотъ примѣръ говорить не въ пользу, а противъ теоріи Геннекена. Развѣ Бѣніанъ, родившійся въ началѣ царствованія Карла I, „предшествовалъ“ развитію англійскаго пуританизма? Развѣ онъ не былъ, наоборотъ, его созданіемъ? развѣ онъ не заимствовалъ изъ него свои лучшія вдохновенія, свои образы, отчасти даже свою писательскую манеру? Основаніемъ протестантизма,—читаемъ мы у Тэна,—служить доктрина спасенія путемъ благодати—а въ наглядномъ изображеніи этой доктрины ни одинъ артистъ не можетъ сравниться съ Бѣніаномъ“. Безспорно, въ другое время и въ другомъ мѣстѣ книга Бѣніана прошла бы безслѣдно (или, лучше сказать, вовсе не могла бы быть написана); но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы изученіе ея популярности было важнѣе изученія ея источниковъ. Беранже, точно также, не былъ творцомъ Наполеоновской легенды; онъ только способствовалъ ея распространенію, дѣйствуя самъ подъ давленіемъ тѣхъ условій, которымъ она была обязана своимъ существованіемъ... Пріемъ, рекомендуемый Геннекеномъ, далеко не безполезенъ; въ болѣе или меньшей мѣрѣ безъ него не обходилась и до сихъ поръ ни одна обширная, исчерпывающая критическая работа—но онъ не можетъ наполнить всю область соціологическаго анализа, не можетъ замѣнить собою методъ, указанный Тэномъ. *Взглядъ на личность и массы, провозглашаемое самимъ Геннекеномъ, предполагаетъ обоюдность вліяній.* Крупная личность накладываетъ свою печать на массу—но и сама носитъ на себѣ печать массы, т.-е. печать своей эпохи и своего народа.

Недостаточно обработанъ заключительный отдѣлъ книги Геннекена. Вопросы, здѣсь затронутые, чрезвычайно важны — но они именно только затронуты или разрѣшены мимоходомъ, безъ тщательной мотивировки. Сюда относятся, напримѣръ, вопросъ объ отношеніи искусства къ жизни и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ о регламентаціи или свободѣ искусства. Геннекенъ слишкомъ поспѣшно признаетъ доказанною несовмѣстимость вкуса съ усиліемъ, эстетическаго наслажденія съ энергіей. Еслибы „активнымъ преклоненіемъ“ дѣйствительно исключалось „пассивное“, то невозможно было бы, прежде всего, одновременное развитіе искусства и политической силы; а мы видимъ его въ Аѳинахъ V-го вѣка до Р. Х., въ Англіи временъ Елизаветы, во Франціи Людовика XIV. „Преданность герою“ — Кимону или Периклу, Кондэ или Тюренню, идетъ рука объ руку съ „преданностью книгѣ“ — Геродоту или Софоклу, Расину или Корнелью. Объяснять быструю побѣду французской революціи предшествующимъ процвѣтаніемъ литературы можно только по формулѣ: *post hoc, ergo propter hoc*. Пруссія, спасая „Германію Шиллера и Гёте“, вовсе не была лишена литературы; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только назвать Лессинга, театромъ дѣятельности котораго долго служили Бреславль и Берлинъ. Далеко не чужды противорѣчій, вслѣдствіе той же поверхностности и торопливости, разсужденія Геннекена о практическомъ вліяніи искусства. Ему приписываются, въ одно и то же время, прямо противоположные результаты — содѣйствіе и противоудѣйствіе прогрессу, смягченіе нравовъ и возбужденіе „инстинктивныхъ, первобытныхъ страстей“. Неясными остаются, наконецъ, основанія и предѣлы допускаемой Геннекеномъ законодательной регламентаціи искусства. Мы не послѣдуемъ примѣру французскаго автора и не станемъ выражать въ двухъ словахъ нашего мнѣнія о вопросѣ, одинаково трудно разрѣшимомъ и въ теоріи, и въ практикѣ.

Общій нашъ выводъ таковъ: полную, стройную систему „научной критики“ Геннекену построить не удалось, не удалось даже подготовить для нея фундаментъ; но многое въ его книгѣ возбуждаетъ работу мысли, требуетъ пересмотра установившихся понятій, благоприятствуетъ углубленію и расширенію критическихъ приемовъ. Для перваго опыта и этого довольно. Когда Геннекенъ приступитъ къ примѣненію своей доктрины, онъ замѣтитъ, быть можетъ, ея слабыя стороны; лучшей повѣркой плана служить его исполненіе.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

НАША МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

ВЪ НЕДАЛЕКОМЪ ПРОШЛОМЪ.

— *Ф. Ф. Мартенсъ*. Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Т. VIII. Трактаты съ Германіею. 1825—88. Спб. 1888.

Часто приходится намъ слышать и читать „патріотическія“ жалобы на бездѣйствіе и слабость нашей дипломатіи по отношенію къ западной Европѣ. Почему, — спрашиваютъ „патріоты“, — Россія не поднимаетъ своего голоса въ такомъ-то международномъ вопросѣ, имѣющемъ для нея первостепенную важность? Почему она довольствуется пассивною политикою ожиданія и молчанія, вмѣсто того, чтобы твердо и смѣло дѣйствовать въ духѣ истинно-національныхъ традицій и стремленій? Если намъ мѣшаетъ могущество Германіи, то не мы ли создали это могущество, и не обязанъ ли намъ нѣмецкій народъ вѣчной благодарностью? Не печально ли видѣть, что вражда и недоувѣріе служатъ отвѣтомъ Запада на великодушіе и безкорыстіе Россіи? Ставя эти и подобные имъ вопросы, сторонники энергической вѣйшей политики вспоминаютъ тѣ „счастливыя“ времена, когда русская дипломатія играла руководящую роль въ Европѣ, и когда судьбы великихъ европейскихъ державъ зависѣли отъ рѣшеній петербургскаго кабинета. Съ эпохою блестящихъ политическихъ успѣховъ связывается обыкновенно мысль о господствѣ національнаго, „чисто-русскаго направленія въ нашихъ международныхъ дѣлахъ“; и образцомъ этого направленія ставится дѣятельность императора Николая I... Многія изъ иллюзій, ка-

сающихся нашего прошлаго, разсыяны безпристрастнымъ освѣщеніемъ дѣйствительныхъ фактовъ; но коренныя недоразумѣнія относительно свойствъ и условій національной политики, равно какъ и относительно причинъ современнаго нашего положенія въ Европѣ, продолжаютъ еще господствовать въ значительной части нашей публицистики.

Національная политика можетъ имѣть двоякій смыслъ: или она національна потому, что соотвѣтствуетъ преобладающему настроенію и желаніямъ народа,—или она является вѣрнымъ выраженіемъ реальныхъ потребностей и интересовъ націи; въ первомъ случаѣ она можетъ быть названа политикою національнаго чувства, во второмъ—политикою интересовъ или реальною. Политика, не имѣющая почвы ни въ народномъ чувствѣ, ни въ интересахъ страны, называется авантюристскою или династическою, смотря по обстоятельствамъ; таковы были, напримѣръ, предпріятія Наполеона III—крымская война и мексиканская экспедиція. Общественное настроеніе, выражаемое въ печати и въ представительныхъ собраніяхъ, можетъ возбуждаться искусственно въ ту или другую сторону, по желанію правительства, такъ какъ въ рукахъ послѣдняго находятся всѣ нити международныхъ сношеній, и странѣ сообщаются только тѣ свѣденія, которыя желательно разглашать министрамъ; поэтому ссылки на народное чувство и настроеніе служатъ нерѣдко лишь для прикрытія и оправданія произвольныхъ честолюбивыхъ плановъ, личныхъ взглядовъ и увлеченій. Гдѣ мало способовъ для проявленія народныхъ желаній, тамъ національное чувство поддѣлывается вполне безпрепятственно; всякій можетъ приписывать народу или обществу какія угодно мнѣнія и симпатіи, и кто кричитъ громче и рѣзче другихъ, при вынужденной сдержанности противниковъ, тотъ и принимается за глашатая истиннаго національнаго патріотизма. Мнимый націонализмъ, не провѣряемый ничѣмъ, становится орудіемъ узкихъ своекорыстныхъ цѣлей и мелкой партійной борьбы; онъ дѣлается достояніемъ небольшой группы лицъ, отличающихся беззащитною смѣлостью и неразборчивостью въ средствахъ. Добросовѣстные націоналисты сознаютъ всю лживость указаній на предполагаемыя народныя чувства, обязательно скрытыя въ глубинѣ народнаго молчанія; вмѣсто желаній и настроеній, болѣе или менѣе фиктивныхъ и неувидимыхъ, выдвигаются на сцену положительные интересы государства и народа, подлежащіе точному опредѣленію и обсужденію. Разумная національная политика—единственно лишь та, которая имѣетъ въ виду удовлетвореніе политическихъ потребностей и

интересовъ населенія при помощи наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ дѣйствія, не поддаваясь мимолетнымъ чувствамъ, симпатіямъ и антипатіямъ. О національной политикѣ въ этомъ широкомъ смыслѣ не могло быть и рѣчи у насъ, пока значительная часть народа находилась въ крѣпостномъ состояніи; тогда принимались въ расчетъ только выгоды государства, какъ чего-то отдѣльнаго отъ народа, и интересы отдѣльныхъ классовъ, преимущественно землевладѣльческаго и торговаго.

Съ этой точки зрѣнія легко убѣдиться, что международная политика Россіи, съ конца прошлаго вѣка до крымской войны, только слабо и рѣдко отражала въ себѣ дѣйствительныя нужды страны; болѣею частью она была продуктомъ отвлеченныхъ соображеній, случайныхъ впечатлѣній и мотивовъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ государственными или народными потребностями. Мало того: русская политика прежняго времени была по существу своему антинаціональна, отдавая русскія силы и средства въ распоряженіе чуждыхъ и даже враждебныхъ намъ интересовъ, вслѣдствіе дружбы къ тому или другому монарху или подъ вліяніемъ сочувствія къ извѣстнымъ идеямъ и принципамъ. Этотъ характеръ русской политики выступаетъ наглядно, за весьма немногими исключеніями, во всѣхъ европейскихъ событіяхъ, въ которыхъ участвовала Россія при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I. Никто не скажетъ теперь, что русскій народъ имѣлъ хотя бы малѣйшую надобность жертвовать своею кровью и достоинствомъ въ пользу Пруссіи и Австріи, въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Могущественное русское вліяніе употреблялось на то, чтобы содѣйствовать туркамъ въ кровавомъ подавленіи православной Греціи, боровшейся за свою независимость отъ мусульманскаго ига; въ Россіи запрещено было даже собирать деньги на выкупъ христіанъ изъ турецкаго плѣна. Когда въ 1821 году въ Италіи вспыхнуло возстаніе противъ невыносимаго гнета туземныхъ правительствъ, возникъ вопросъ о мѣрахъ для охраны итальянскихъ интересовъ Австріи. Пруссія выражала только нравственную солидарность съ Австріею, хотя была тѣсно связана съ нею союзными договорами и отношеніями; военное вмѣшательство она отклоняла, такъ какъ не желала „налагать на своихъ подданныхъ военныя тягости“, пока того не требуютъ собственные интересы страны. Иначе поступила Россія, не имѣвшая, повидимому, никакихъ собственныхъ интересовъ и готовая „налагать на своихъ подданныхъ военныя тягости“ безъ всякаго уважительнаго повода, по первому заявленію чужой державы. Императоръ Александръ сказалъ императору Францу: „Мои

войска въ распоряженіи вашего величества, если вы считаете ихъ содѣйствіе полезнымъ для себя“. Австрійскій императоръ принялъ это предложеніе съ благодарностью, и стотысячная русская армія получила приказаніе выступить въ походъ для водворенія австрійскаго авторитета и порядка въ Италіи,—какъ будто русскіе солдаты составляли даровую, ничего не стоящую силу, которую можно было тратить по произволу, безъ дѣли и разсчета. То же самое повторилось относительно Испаніи, когда тамъ произошли народныя волненія, вызванныя самовластнымъ режимомъ короля Фердинанда: Пруссія сочувствовала вмѣшательству европейскихъ кабинетовъ, но отказывалась отъ дѣятельнаго участія въ предположенныхъ мѣрахъ, ссылаясь на интересы своего народа,—а Россія энергичнѣе всѣхъ настаивала на военной экзекуціи; даже Меттерниховская Австрія не обнаруживала наклонности жертвовать чѣмъ-либо для насильственнаго возстановленія нарушенныхъ правъ (т.-е. злоупотребленій) Бурбонской фамиліи въ Испаніи. „Одинъ русскій императоръ,—говоритъ историкъ Соловьевъ,—объявилъ, что онъ подастъ Франціи (противъ испанцевъ) и нравственную, и матеріальную помощь, въ какой она будетъ нуждаться, безъ всякихъ ограниченій и условій“¹⁾. Россія, конечно, не имѣла ни малѣйшаго интереса въ испанскихъ дѣлахъ, какъ и въ итальянскихъ; она вмѣшивалась въ постороннія предпріятія просто потому, что тогдашняя русская дипломатія не сознавала за собою никакихъ обязанностей по отношенію къ своему собственному народу.

Эти политическія традиціи неуклонно сохраняли свою силу и въ царствованіе императора Николая I; къ такому выводу приходитъ даже восторженный панегиристъ этого царствованія, авторъ обширнаго изслѣдованія о Николаевской внѣшней политикѣ, С. С. Татищевъ. „Вы можете смѣло увѣрить императора Франца,—говорилъ императоръ Николай австрійскому посланнику въ Петербургѣ, по вступленіи своемъ на престолъ,—что какъ только онъ испытаетъ нужду въ моей помощи, силы мои будутъ постоянно въ его распоряженіи, какъ то было при покойномъ братѣ“. За Австрію и Пруссію признаны были всѣ права нашихъ союзниковъ, и Россія взяла „исключительно на себя исполненіе истекавшихъ изъ союза обязанностей“. По мнѣнію г. Татищева, „такое неравномѣрное распредѣленіе между тремя державами союзническихъ долей было послѣдствіемъ личнаго взгляда

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Императоръ Александръ I, Спб., 1877, стр. 465 и 538; Н. v. Treitschke, Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert, III, Th., Lpz., 1887, стр. 181 и 274.

императора Николая на отношенія Россіи къ сосѣднимъ государствамъ,—взгляда, въ которомъ проявлялось столько же великодушія, сколько и гордости, почерпнутой имъ въ сознаніи своего могущества и достоинства“¹⁾. Великодушіе относительно императора Франца и короля Фридриха-Вильгельма III не было, разумѣется, великодушіемъ относительно русскаго населенія, которому приходилось выносить на себѣ бремя военныхъ и финансовыхъ тягостей, проистекавшихъ изъ щедрыхъ обѣщаній и ненужныхъ международныхъ обязательствъ Россіи. Специальною заботливостью русскаго правительства пользовалась почему-то Австрія. Во время конституціоннаго движенія въ Италіи въ 1847 г., австрійскій канцлеръ „все упованіе свое возложилъ на Россію. Онъ былъ увѣренъ, что русскій государь не останется глухъ къ призыву на помощь, во имя союзническихъ обязательствъ, продолжавшихъ связывать три сѣверные двора. И дѣйствительно, снисходя на его просьбу, императоръ Николай приказалъ отпустить заимообразно австрійскому правительству шесть милліоновъ рублей изъ нашего государственнаго казначейства“; онъ обѣщалъ также въ случаѣ надобности „направить всѣ находящіеся въ его распоряженіи силы“ на защиту австрійскаго владѣчества въ Ломбардіи, противъ Сардиніи и Франціи. По поводу милліоновъ, снисходительно отданныхъ австрійцамъ, нельзя было даже сказать того, что выражено было позднѣе о французахъ,—что русскій народъ достаточно богатъ, чтобы платить за свою славу. Посылая русскую армію для „усмиренія“ Венгріи и возвращенія ея подъ власть Австріи, императоръ Николай „не только не предъявилъ при этомъ молодому своему союзнику (Францу-Іосифу) никакихъ требованій, не только не упомянулъ о какомъ бы то ни было вознагражденіи, но не захотѣлъ даже, чтобы Австрія приняла на себя расходы по продовольствію и содержанію нашихъ войскъ“. И это растрачиваніе народныхъ силъ и средствъ, вытекавшее изъ полнаго пренебреженія къ нуждамъ и бѣдствіямъ собственной страны, выдается г. Татищевымъ за доказательство возвышенныхъ свойствъ внѣшней политики. Россія принимала сторону Австріи въ спорахъ ея съ Пруссіею изъ-за германскихъ дѣлъ, грозила берлинскому кабинету вступленіемъ русскихъ войскъ въ прусскія прибалтійскія области, готовилась занять Силезію одновременно съ нападеніемъ французовъ на прирейнскія провинціи, обѣщала вѣнскому двору не только нравственную под-

¹⁾ С. С. Татищевъ, Внѣшняя политика императора Николая I. Спб., 1886, стр. 14, 34—5.

держку, но и матеріальное содѣйствіе въ вопросѣ шлезвигъ-голландинскомъ, и заставила, наконецъ, прусское правительство отречься отъ національно-патріотическихъ попытокъ, чѣмъ возбудила противъ себя понятное негодованіе нѣмецкаго общественнаго мнѣнія. Что все это не имѣло даже отдаленной связи съ реальными интересами русскаго государства—объ этомъ было бы странно спорить въ настоящее время. Превозносить, подобно г. Татищеву, эту своеобразную политическую систему, сѣявшую повсюду вражду и недовѣріе, разорительную и вредную для Россіи, — значить понимать государственныя задачи наизусть. Названный авторъ восхищается русскимъ могуществомъ и величіемъ той эпохи; но весь вопросъ именно въ томъ, на чтѣ тратилось это могущество, — на пользу ли народа или во вредъ ему, для выгодъ ли Россіи или для чего-нибудь другого. „Не разъ, со своего воцаренія, — восторгается г. Татищевъ, — ставилъ онъ (императоръ Николай) всѣ свои силы въ распоряженіе Австріи и Пруссіи, а въ 1849 г. доказалъ, что предложенія его не были пустою фразою, рассчитанною на эффектъ. И не однихъ, такъ сказать, ближайшихъ союзниковъ своихъ готовъ онъ былъ защищать русскою кровью. Совокупность поземельнаго status quo Европы, установленнаго договорами, имѣла, по его убѣжденію, право на его покровительство. Онъ одинаково былъ расположенъ послать русскія войска на помощь Голландіи, противъ возставшей Бельгіи въ 1830 г., и этой же самой Бельгіи, узаконенной обще-европейскимъ признаніемъ, противъ завоевательныхъ замысловъ Франціи въ 1852 году“. На вопросъ англійскаго правительства, „какъ далеко будетъ простираться наше участіе къ Бельгіи, императоръ Николай приказалъ отвѣтить, что... онъ по первому сигналу, возвѣщающему войну, готовъ двинуть на защиту этого государства 60.000 человекъ, а въ случаѣ надобности привести въ движеніе и всѣ свои силы“.

Предпріимчивая и расточительная въ дѣлахъ, которая въ сущности совсѣмъ не касалась Россіи, наша политика того времени оказалась вполне несостоятельною въ единственномъ международномъ вопросѣ, затрогивавшемъ національные русскіе интересы, — въ вопросѣ восточномъ. Кровавыя жертвы приносились безъ ясно поставленной цѣли, и успѣхи русскаго оружія отчасти оставались безплодными или приводили къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Для Греціи много сдѣлала Англія, послѣ „добровольнаго отреченія нашего отъ результатовъ, добытыхъ русскими побѣдами по ту сторону Балканъ“, какъ говорить г. Татищевъ. Въ результатѣ, какъ и слѣдовало ожидать, „та самая Греція, которая

должна была дополнить собою систему политическаго преобладанія нашего на Востоѣ, оказалась державой не только намъ не дружественною, но и прямо враждебною. Первый опытъ учрежденія независимаго христіанскаго государства на Балканскомъ полуостровѣ обратился въ явный намъ ущербъ. Различныя балканскія народности поочередно испытали на себѣ практическое значеніе нашей неопредѣленной, неустойчивой и забывчивой политики. „Черногорцы явились нашими союзниками во время Наполеоновскихъ войнъ, въ 1805 году осаждали вмѣстѣ съ нами Дубровникъ, а въ 1815 г. прогнали французовъ изъ Боки Которской, которую потомъ, покоряясь волѣ императора Александра I, они, скрѣпя сердце, передали австрійцамъ“; но „русская дипломатія мало принимала Черногорію въ расчетъ при своихъ политическихъ соображеніяхъ“ (Татищевъ, стр. 309, 310). Неудачны были также наши отношенія къ Сербіи, въ виду „постоянной заботы о томъ, какъ бы не задѣтъ и не встревожить вѣнскій дворъ“. Дунайскія княжества, которыя сама Порта предлагала присоединить къ русскимъ владѣніямъ, были оставлены нами изъ снисхожденія къ Австріи, „покорной и притворявшейся намъ искренно дружественною“. Такимъ образомъ, по словамъ г. Татищева, „существенный русскій интересъ, самымъ императоромъ Николаемъ признанный за таковой, былъ принесенъ въ жертву“ чисто-личному чувству, которое авторъ напрасно связываетъ съ „соображеніями общей политики“. По свидѣтельству барона Брунова, приведенному г. Татищевымъ, полное освобожденіе дунайскихъ княжествъ отъ турецкой власти „отнюдь не согласовалось бы съ намѣреніями императора. Напротивъ, его величество пользуется всякимъ случаемъ, чтобы подавить тайную надежду молдаванъ и валаховъ на достиженіе совершенной независимости“. Неудивительно поѣтому, что „русское вліяніе не усилилось ни въ дунайскихъ княжествахъ, ни въ Сербіи, и если оно не упало тамъ окончательно, какъ въ Греціи, то благодаря исключительно той внѣшней зависимости, въ которую области эти были поставлены трактатами относительно русскаго двора“. „Не было сдѣлано, — продолжаетъ цитируемый нами хвалитель тогдашнихъ идей, — ни малѣйшей попытки связать ихъ интересы нравственные и матеріальные съ нашими, развить и упрочить тѣ задатки общенія, которые заключались въ единствѣ вѣры, отчасти въ племенномъ родствѣ, наконецъ, въ историческихъ преданіяхъ“. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ побѣдоносной войны съ Турціею, Россія предлагала уже свои войска въ распоряженіе султана, подобно тому, какъ она ранѣе отдавала свою армію всѣмъ монархамъ

Европы. Для защиты оттоманской имперіи отъ египетскаго вице-короля, Портѣ обѣщано было предоставить „необходимое число сухопутныхъ и морскихъ силъ и содержать ихъ на свой (русскій) счетъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ заключена была съ Австріею конвенція о поддержаніи цѣлости и неприкосновенности Турціи; мотивы этого австро-русскаго соглашенія 1833 года, даже по отзыву г. Татищева, „не выдерживаютъ и самой снисходительной критики“. Еще въ сороковыхъ годахъ русское правительство высказывало рѣшимость „не поощрять стремленій христіанскаго населенія Турціи освободиться изъ-подъ ея власти“; мы вызывались „честно поддержать Порту въ усиліяхъ ея къ усмирению своихъ мятежныхъ подданныхъ“. Мало-по-малу, безъ всякой къ тому надобности, мы отрекались отъ положенія, пріобрѣтеннаго на востокѣ рядомъ тяжелыхъ войнъ; мы отталкивали отъ себя естественныхъ нашихъ кліентовъ на Балканскомъ полуостровѣ, вовлекались въ самыя непопулярныя и ненавистныя народамъ комбинаціи, примѣшивали переменчивыя личныя чувства къ политикѣ и затѣмъ, по обыкновенію, жаловались на судьбу. Къ концу царствованія императора Николая I сказались уже плоды долгой политической путаницы, основанной на безпочвенномъ блужданіи среди чуждыхъ намъ принциповъ и интересовъ. Г. Татищевъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ общіе итоги восхваляемой имъ системы: „По собственному признанію нашихъ дипломатовъ, выражаясь вычурнымъ ихъ языкомъ, въ Лондонѣ была „дѣйствующая пружина“ русской политики, въ Вѣнѣ—ея „нравственный рычагъ“. Признавъ наши интересы одинаковыми съ австрійскими на Востокѣ, намъ ничего уже не стоило провозгласить ихъ тождественность и съ англійскими. Чтобы поддержать эту фикцію, мы тщательно устраняемъ все, что ей противорѣчитъ. Объ единовѣріи съ восточными христіанами, о племенномъ съ нами родствѣ, объ общихъ историческихъ преданіяхъ, о русской крови, пролитой за ихъ освобожденіе, — обо всемъ этомъ нѣтъ больше и помина. Хуже того: стремленія ихъ къ возрожденію мы приравниваемъ къ проявленіямъ всемірной революціи, обвиняемъ ихъ въ связяхъ съ польскою эмиграціей, вызываемся подавить ихъ возстаніе во имя верховныхъ правъ султана. Между тѣмъ въ Константинополѣ мы паскуемъ предъ Англіей и ея представителемъ, сами признаемъ за нею право руководить „европейскимъ концертомъ“ въ восточныхъ дѣлахъ. И все напрасно. Лондонскій кабинетъ продолжаетъ не довѣрять намъ, ибо лучше насъ знаетъ и понимаетъ нашу исторію. Скоро одиночество наше становится полнымъ. Франція съ нами въ разрывѣ. Излюбленные наши

союзницы, Австрія и Пруссія, обнаруживаютъ тяготѣніе, первая — къ Парижу, вторая — къ Лондону. Таковы были плоды нашихъ стараній возстановить европейскій концертъ“. Напрасно г. Татищевъ пытается взвалить отвѣтственность за эти неудачи на отдѣльныхъ совѣтниковъ императора и особенно на „дипломатическаго Молчалина, сорокъ лѣтъ управлявшаго вышними сношеніями Россіи“¹⁾; по меньшей мѣрѣ наивно утверждать, что графъ Нессельроде или кто-либо другой могъ проводить политику, несогласную съ воззрѣніями и волей императора Николая I. Вина была именно система, которая въ концѣ концовъ привела къ безцѣльной войнѣ съ европейскою коалиціею и къ севастопольскому погрому.

Новые и чрезвычайно любопытные матеріалы для характеристики международныхъ отношеній Россіи того времени приведены профессоромъ О. О. Мартенсомъ въ послѣднемъ (VIII) томѣ редактируемаго имъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“. Обширныя историческія введенія къ напечатаннымъ актамъ составлены на основаніи документовъ, хранящихся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; въ числѣ этихъ дипломатическихъ документовъ видное мѣсто занимаютъ письма и записки императора Николая по текущимъ политическимъ вопросамъ, особенно переписка съ прусскими королями Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и IV. Собранный авторомъ матеріалъ доказываетъ неопровержимо, что „императоръ Николай I былъ единственнымъ руководителемъ русской политики и никакому постороннему вліянію не подчинялся“; что вообще онъ „былъ свой собственный министръ иностранныхъ дѣлъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ принималъ серьезныя рѣшенія вопреки возраженіямъ своего ближайшаго совѣтника, графа Нессельроде (напр., въ бельгійскомъ вопросѣ). Историческіе очерки проф. Мартенса развертываютъ передъ нами картину тѣсныхъ сношеній нашихъ съ Пруссіею до парижскаго конгресса 1856. Двѣ главныя черты этой политической дружбы выясняются теперь съ полною очевидностью: во-первыхъ, подчиненность и услужливость Пруссіи, охотно оказывавшей намъ важныя услуги, которыя не разъ торжественно признавались русскимъ правительствомъ, — тогда какъ съ нашей стороны отдавалось предпочтеніе австрійскимъ интересамъ передъ прусскими; во-вторыхъ, постоянное давленіе, производимое Россіею на внутреннюю жизнь Пруссіи и Германіи въ духѣ реакціи и политическаго застоя. Русская дипломатія до-

¹⁾ Татищевъ, стр. 192, прим., стр. 685 и др.

бывалась тогда, напимѣръ, стѣсненія нѣмецкой печати даже по поводу такого вопроса, какъ испанскій. Въ 1825 году, еще при жизни императора Александра, графъ Нессельроде писалъ посланнику при берлинскомъ дворѣ, графу Алопеусу, что „направленіе газетъ, печатающихся на глазахъ прусскаго правительства и въ самой столицѣ, значительно разнится отъ политики берлинскаго кабинета“. „Могутъ сказать, — прибавлялъ вице-канцлеръ, — что правительство короля раздѣляетъ въ существѣ эти идеи (направленныя противъ образа дѣйствій союзныхъ державъ), такъ какъ цензура, учрежденная имъ, позволяетъ частую и широкую ихъ публикацію. Очевидно, что пагубный духъ господствуетъ въ теперешнемъ редактированіи прусскихъ газетъ“. Посланнику поручено было обратить серьезное вниманіе прусскаго правительства на такое зловерное направленіе періодической печати въ Пруссіи, объясняемое исключительно недостаточностью существующаго за нею надзора. Графъ Алопеусъ добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученіе; онъ указалъ на газеты, которыя позволяли себѣ „дерзко критиковать политику правительства и въ частности русскаго“, и предлагалъ министрамъ „воспретить прусскимъ газетамъ перепечатывать статьи изъ иностранныхъ изданій“. Прусскій министръ, графъ Бернсторфъ, благодарилъ за это сообщеніе и отвѣтилъ, что „послѣ назначенія новаго цензора берлинскія газеты исправились, но на будущее время онъ обѣщаетъ наблюдать за ними еще строже“. Самъ король велѣлъ спросить посланника, какія газетныя статьи вызвали неудовольствіе государя ¹⁾. Преемникъ Алопеуса въ Берлинѣ, Рибопьеръ, старался, согласно своимъ инструкціямъ, „противодѣйствовать всякимъ вообще либеральнымъ стремленіямъ, въ какой бы формѣ они ни проявлялись“. Онъ жаловался на то, что прусскія либеральныя газеты не перестаютъ оплакивать судьбу усмиренной Польши (послѣ 1831 г.). „Не изъ сочувствія къ польскимъ повстанцамъ и не изъ ненависти къ Россіи, — пишетъ посланникъ, — прусскіе либералы защищаютъ этихъ бунтовщиковъ, но корифеи революціонной партіи проникнуты желаніемъ очернить вообще всякую мѣру, принятую державою, которую они справедливо признаютъ представительницею и самую крѣпкою опорою законности“. Прусское правительство дѣлало видъ, что сочувствуетъ этому походу противъ либерализма. Министръ Ансильонъ выра-

¹⁾ Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. VIII (трактаты съ Германіею за 1825—1848 г.), Спб., 1888, стр. 21—2. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не придерживаемся буквально русскаго текста проф. Мартенса, а слѣдуемъ больше французскому тексту, приводимому параллельно съ первымъ.

зиль нашему посланнику желаніе, чтобы союзныя державы приняла самыя рѣшительныя мѣры противъ „такъ-называемой либеральной партіи, которая должна быть увѣрена, что дворы петербургскій, берлинскій и вѣнскій не сдѣлаютъ ни малѣйшей уступки или поблажки революціонному духу, гдѣ бы ни обнаруживалъ онъ свое пагубное вліяніе“. Но императоръ Николай I вовсе „не намѣренъ былъ ограничить борьбу противъ либераловъ и революціонеровъ только платоническимъ воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе Германіи и Европы. Онъ желалъ, послѣ усмиренія Польши, принять общія и положительныя мѣры прежде всего противъ поляковъ, а затѣмъ противъ либераловъ и революціонеровъ вообще“. Въ этомъ смыслѣ состоялось между тремя державами соглашеніе 1833 года, которымъ признаны „истинныя начала права вмѣшательства“, заключающіяся только въ правѣ и обязанности государей оказывать другъ другу помощь и содѣйствіе въ политическихъ кризисахъ. Между прочимъ, предполагалось торжественно потребовать отъ французскаго правительства „прекращенія революціонной пропаганды, которая не перестаетъ устраивать новыя заговоры противъ установленнаго порядка, сохраненія престоловъ и спокойствія народовъ“. Послѣ 1833 года, „внутреннія дѣла Германіи обращали на себя особенное вниманіе русскаго правительства, которое неоднократно заявляло въ Берлинѣ, что оно во всякое время готово, по первому же требованію прусскаго правительства, придти ему на помощь для борьбы противъ мятежниковъ. Но прусское правительство этой помощи не потребовало. Оно признавало только полезнымъ постоянно доводить до свѣденія петербургскаго кабинета о серьезныхъ безпорядкахъ и о мѣрахъ для ихъ подавленія въ Пруссіи. Такъ, весною 1834 г. Рибопьеръ препроводилъ въ Петербургъ весьма объемистое слѣдственное дѣло относительно революціоннаго движенія въ Пруссіи и вообще въ Германіи. Въ бумагахъ, переданныхъ посланнику самимъ министромъ Витгенштейномъ, заключались допросы нѣмецкихъ студентовъ, которые въ качествѣ членовъ студенческихъ корпорацій стремились къ „самой преступной цѣли“, а именно, „къ объединенію Германіи“. Въ обвинительномъ актѣ было изложено, что нѣмецкія студенческія общества, въ лицѣ арестованныхъ коноводовъ, преданы суду за то, что они „ставили себѣ открытою цѣлью создать свободную и національную жизнь всего германскаго отечества и соединить весь нѣмецкій народъ въ одно цѣлое“. Ознакомившись съ этимъ слѣдственнымъ дѣломъ, русскій посланникъ также пришелъ къ убѣжденію, что упомянутыя корпораціи дѣйствительно преслѣдовали весьма преступную цѣль.

„Такимъ образомъ, — замѣчаетъ проф. О. О. Мартенсъ, — въ 1834 г. считались преступными стремленія германскаго народа къ единству, а въ 1871 году это единство обратилось въ прославленный совершившійся фактъ. Тогда противъ „свободной и національной жизни нѣмецкаго отечества“ составлялись обвинительные акты; теперь творцамъ этого единства ставятся при жизни памятники объединенною Германіею“. Пруссія чувствовала себя какъ бы въ вассальной зависимости отъ Россіи; „русскій представитель въ Берлинѣ занималъ совершенно особенное положеніе: онъ былъ довѣреннымъ лицомъ и короля, и его министровъ; передъ нимъ оправдывались часто въ принятыхъ правительствомъ мѣрахъ и еще чаще обращались къ нему за совѣтомъ и содѣйствіемъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ“.

Наблюдая за внутреннимъ состояніемъ и спокойствіемъ въ Пруссіи, посланникъ императора Николая не могъ, однако, не замѣтить, что административные порядки этой страны гораздо выше нашихъ отечественныхъ, несмотря на старость и бездѣйствіе короля и на неспособность нѣкоторыхъ его министровъ: „администрація дѣйствуетъ съ точностью и твердостью, которая предупреждаетъ злоупотребленія; машина, хорошо придуманная и хорошо управляемая, идетъ сама собою; правосудіе отправляется скоро и безпристрастно; экономія и порядокъ господствуютъ въ финансахъ, земледѣліи, промышленности и торговлѣ“. Прямо противоположныя качества представляла наша администрація того времени; и довольно странно было видѣть, что правительство дореформенной крѣпостной Россіи заботилось главнымъ образомъ о внутреннемъ благоустройствѣ чужихъ и даже отдаленныхъ европейскихъ государствъ, поставленныхъ въ несравненно болѣе благоприятныя условія культурнаго развитія. Много заботъ и огорченій причиняло русскому правительству конституціонное движеніе въ Пруссіи, которое, въ сущности, нисколько не касалось Россіи. Наши дипломаты не скрывали отъ себя, что официальныя сферы Берлина тяготеютъ русскою опекою, что „прусскіе общественные дѣятели болѣе всего боятся показать видъ, что они находятся подъ вліяніемъ Россіи и слѣдуютъ внушеніямъ изъ Петербурга“; что „господствующее мнѣніе среднихъ классовъ“ относится къ намъ враждебно. По словамъ барона Мейендорфа, назначеннаго посланникомъ на мѣсто Рибоьера, въ Берлинѣ „не желаютъ быть ни австрійцами, ни русскими, но пруссаками“; тамъ думаютъ, что Пруссія „должна быть управляема какъ молодое и сильное государство, а не какъ разлагающаяся монархія“, и что она „должна имѣть свою собственную систему для своей

внѣшней политики, какъ и для своего внутренняго управленія“. „Но,—прибавляетъ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ,—политика прусскаго двора не скоро еще сдѣлалась настолько прусскою, чтобы стать совершенно независимою: вліяніе на нее императора Николая было еще много лѣтъ подавляющее“. Баронъ Мейендорфъ держался того взгляда, что „невозможно ввести въ Пруссіи конституцію, не ввергая ее въ неурядицу и анархію“; это было въ 1839 году, а годъ спустя произошла перемѣна царствованія, и вопросъ о конституціи сильнѣе чѣмъ когда-либо волновалъ нѣмецкое общественное мнѣніе. Въ началѣ казалось, что новый король, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, питаетъ большія симпатіи къ либеральнымъ идеямъ, и монархическая партія опасалась уже за сохраненіе стараго порядка. Однако общее положеніе дѣлъ въ Пруссіи представлялось русскому посланнику „довольно удовлетворительнымъ“; оно „могло бы оказаться опаснымъ, еслибы король сдѣлалъ какія-нибудь уступки либеральной партіи“, и „лучшимъ средствомъ для избѣжанія этой опасности была бы національная и славная война“. Опасность наступила скорѣе, чѣмъ ожидалъ представитель Россіи; конституціонный духъ постепенно овладѣвалъ Пруссіею, и торжество его задерживалось только упорнымъ и тяжелымъ противодѣйствіемъ русскаго правительства. Позднѣе конституція была введена въ Пруссіи, и Пруссія не только не погибла, а напротивъ окрѣпла, поднялась на степень естественной руководительницы разрозненныхъ нѣмецкихъ народностей и выросла въ могущественнѣйшее государство материка. Эти великіе результаты были достигнуты именно благодаря серьезному и расчетливому политическому устройству, обезпеченному необходимымъ публичнымъ контролемъ и участіемъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV на первыхъ порахъ соглашался лишь на созваніе провинціальныхъ сеймовъ, считая нужнымъ дать населенію возможность высказываться о своихъ мѣстныхъ дѣлахъ и потребностяхъ; онъ признавалъ также настоятельность созыва государственныхъ чиновъ для обсужденія проекта новаго займа, но онъ не хотѣлъ давать конституцію въ настоящемъ смыслѣ этого слова. „Внутреннія и секретныя причины, вліяющія на рѣшенія короля, какъ и на принца Вильгельма, и заставляющія ихъ отказывать въ малѣйшей уступкѣ либерализму,—писалъ баронъ Мейендорфъ въ 1842 году,—коренятся въ секретномъ политическомъ завѣщаніи Фридриха-Вильгельма III, которое написано было по мысли императора Николая и рукою князя Витгенштейна“. Въ одномъ изъ пунктовъ этого „завѣщанія“, которое въ дѣйствительности было только „наброскомъ проекта семейнаго закона“, король выразилъ

„твердое намѣреніе сохранить во всей ихъ неприкосновенности права верховной власти, унаслѣдованныя имъ отъ предковъ, и передать ихъ нетронутыми своимъ преемникамъ“. Только въ случаѣ необходимости заключить заемъ—требуется созваніе сословныхъ представителей. Король считалъ этотъ актъ обязательнымъ для себя и рѣшился не идти далѣе образованія „постоянныхъ комитетовъ провинціальныхъ чиновъ“, для обсужденія финансовыхъ законовъ. Русская дипломатія принимала дѣятельное участіе во всѣхъ предположеніяхъ берлинскаго кабинета; она подавала свой голосъ даже въ вопросахъ о назначеніи того или другого лица на должность прусскаго министра. Берлинскому кабинету сообщалось, напримѣръ, что русскій „государь вообще одобряетъ взгляды новаго прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ“, но при этомъ давалось нѣсколько дополнительныхъ указаній и совѣтовъ „нашимъ добрымъ пруссакамъ“.

Требованія крутыхъ мѣръ противъ неудобныхъ нѣмецкихъ газетъ часто повторялись въ сообщеніяхъ графа Нессельроде. Въ 1842 году, по поводу статьи, напечатанной въ „Кенигсбергской Газетѣ“ и „весьма оскорбительной для Россіи“, русскій вице-канцлеръ высказываетъ свое удивленіе, что „такія статьи могутъ появляться въ Пруссіи, на глазахъ правительства, связаннаго столькими тѣсными узами съ нашимъ, и съ разрѣшенія цензуры, которая можетъ позволять доброжелательную и умѣренную критику правительственныхъ дѣйствій, но не должна была бы допустить нападокъ на иностранное правительство“. „Еслибы у насъ,—продолжаетъ вице-канцлеръ,—какой-нибудь цензоръ былъ настолько неостороженъ, что пропустилъ бы хоть одну ругательную статью противъ Пруссіи или ея правительства, то навѣрное не избѣгъ бы всей строгости законовъ“. Пруссаки не стремились, однако, достигнуть такого совершенства цензуры и довести свою печать до уровня нашей печати, которая тогда едва существовала и была обречена на жалкое прозябаніе и безсиліе. Пруссія не воспользовалась авторитетнымъ примѣромъ, на который сослался русскій министръ; но она должна была принять въ соображеніе настойчивыя русскія жалобы. Барону Мейендорфу поручалось „обратить конфиденціальнымъ образомъ серьезнѣйшее вниманіе прусскаго министерства на безотлагательную необходимость положить предѣлъ излишествамъ періодической прессы“. Вслѣдствіе энергическихъ протестовъ русскаго посланника, берлинскій кабинетъ обязался „издать распоряженіе, запрещающее газетамъ обсуждать отношенія между обоими правительствами, въ особенности по вопросамъ, касающимся интересовъ торговли“. Русскіе министры

снисходительно указывали на „коренные недуги“ прусскаго правительства, которое будто бы страдало полнымъ отсутствіемъ определенной системы и твердыхъ принциповъ; впрочемъ баронъ Мейендорфъ все-таки признавалъ за министерствомъ ту заслугу, что „оно пользуется довѣріемъ короля и не даетъ полной свободы пылкому воображенію его величества“. Въ устахъ представителя Россіи это допущеніе возможности ограничивать „пылкое воображеніе“ монарха не совсѣмъ понятно; каковы бы ни были личныя желанія короля, они должны были бы имѣть обязательную силу для его министровъ, съ точки зрѣнія самого представителя Россіи. Заслуги прусскихъ министровъ признавались и императоромъ Николаемъ I, тѣмъ болѣе, что „конституціонныя и демократическія тенденціи“ обнаруживались все сильнѣе и ставили правительство въ затруднительное положеніе. „Весьма желательно, — писалъ графъ Нессельроде въ ноябрѣ 1842 года, — чтобы прусскіе министры вполне прониклись сознаніемъ необходимости составить однородное и сильное правительство. Это тѣмъ болѣе необходимо, что прусская періодическая печать позволяетъ себѣ слишкомъ много вольностей, и что нападки ея на русское правительство становятся просто нестерпимыми“. Такъ какъ однороднаго министерства не было и въ Россіи, гдѣ отдѣльныя вѣдомства ничѣмъ не были связаны между собою, то эти русскія заботы объ установленіи однороднаго кабинета въ Пруссіи казались не вполне логичными. Что касается нѣмецкой печати, то русскій посланникъ не уставалъ приносить на нее жалобы за малѣйшую неточность въ передачѣ извѣстій о Россіи. Прусское правительство постоянно заставляло газеты печатать опроверженія сообщенныхъ ими свѣдѣній о русскихъ дѣлахъ и неоднократно налагало на редакторовъ чувствительныя взысканія. Наконецъ, въ послѣдніе мѣсяцы 1842 года, „баронъ Мейендорфъ съ торжествомъ извѣстилъ свое правительство, что проектированы новыя весьма строгія правила о печати въ Пруссіи, и что въ скоромъ времени они уже будутъ введены въ дѣйствіе“.

Нечего и говорить, что нѣмецкое общество не могло быть намъ благодарно за эти хлопоты о стѣсненіи прусской журналистики и литературы. „Когда адъютантъ военнаго министра, Циммерманъ, — рассказываетъ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, — издалъ сочиненіе объ англійской кампаніи въ Афганистанѣ, въ которомъ (т.-е. сочиненіи) не совсѣмъ дружелюбно отзывался о русской арміи, представитель Россіи немедленно обратился къ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ съ вопросомъ, не раздѣляетъ ли военный министръ, генералъ Бойенъ, мнѣнія своего адъютанта, книга кото-

раго издана подъ его покровительствомъ. На другой же день явился къ посланнику самъ военный министръ съ извиненіемъ за тѣ мѣста въ сочиненіи его адъютанта, которыя вызвали неудовольствіе барона Мейендорфа. Генералъ Бойенъ добавилъ, что онъ далъ строгій выговоръ автору и даже намѣренъ отослать его обратно въ полкъ, но онъ надѣется, что императорское правительство не сомнѣвается въ привязанности его, министра, къ Россіи и въ чувствахъ удивленія его къ русской арміи. Посланникъ благодарилъ за чувства, выраженные военнымъ министромъ, но не сдѣлалъ ничего для предупрежденія отставки Циммермана, который потерялъ свое мѣсто адъютанта". Предупредительность доходила тутъ уже до полного подчиненія чужой державѣ; русскій посланникъ смотрѣлъ на Пруссію какъ на вассальную страну, и благосклонно принималъ заявленія покорности отъ прусскихъ министровъ. Иногда и прусское правительство дѣлало какія-нибудь робкія представленія по поводу суровыхъ мѣръ относительно торговли или по случаю жестокаго обращенія съ прусскими подданными со стороны пограничныхъ русскихъ властей; но эти представленія большею частью не имѣли успѣха или брались обратно послѣ дипломатическихъ отвѣтовъ Россіи. Такъ, напримѣръ, Пруссія интересовалась узнать, дѣйствительно ли русское правительство отправляетъ въ Сибирь прусскихъ подданныхъ, не имѣющихъ при себѣ паспортовъ; берлинскій кабинетъ отказывался вѣрить въ существованіе подобнаго распоряженія, но все-таки просилъ русскаго посланника разъяснить недоразумѣніе. Въ прусской нотѣ по этому предмету было заявлено, что Пруссія никогда не уклонялась отъ приѣма прусскихъ подданныхъ, высланныхъ изъ иностранной территоріи, все равно, снабжены ли они бумагами или нѣтъ, если только можно было констатировать, что подлежащее лицо не потеряло права прусскаго подданства. Баронъ Мейендорфъ тотчасъ же успокоилъ прусскаго министра Бюлора; онъ объяснилъ ему, что никогда такая мѣра не была принята русскимъ правительствомъ, и что ссылка въ Сибирь угрожаетъ исключительно субъектамъ, которые задерживаются за бродяжничество и подданство которыхъ оказалось бы невозможнымъ опредѣлить. Баронъ Бюловъ принялъ съ благодарностью такое объясненіе русскаго посланника и не настаивалъ на своемъ заявленіи. Между тѣмъ объясненіе Мейендорфа въ сущности ничего не объясняло и не опровергало, такъ какъ къ разряду бродягъ причислялись также люди, не имѣющіе документовъ о своей личности и нигдѣ не записанные, а именно въ подобномъ положеніи находились безпаспортные иностранцы; притомъ ссылка въ

Сибирь могла быть назначаемъ административнымъ порядкомъ, безъ судебного разсмотрѣнія виновности или невинности задержанныхъ лицъ и безъ точной провѣрки ихъ показаній. Поэтому самый фактъ ссылки прусскихъ подданныхъ, очутившихся въ Россіи безъ паспортовъ, могъ быть совершенно вѣренъ, но прусскій министръ не только удовлетворился чисто-формальнымъ отвѣтомъ русскаго дипломата, но еще благодарилъ его за любезное сообщеніе. Такова была придавленность официальной Пруссіи относительно Россіи при императорѣ Николаѣ I.

Усилія Фридриха-Вильгельма IV смягчить русское правительство въ конституціонномъ вопросѣ и удовлетворить желанія своего народа безъ обиды для могущественнаго союзника и покровителя — имѣли въ себѣ нѣчто трогательное. Еще въ эдиктъ 1810 года было высказано намѣреніе дать Пруссіи „цѣлесообразное народное представительство, какъ областное, такъ и общегосударственное“. Обѣщаніе было повторено въ 1815 году. Въ видахъ поддержанія государственнаго кредита признано было необходимымъ постановить, что „для заключенія новыхъ займовъ требуется согласіе и гарантія со стороны государственныхъ чиновъ“ (эдиктъ 1820 года). Это постановленіе, какъ свидѣтельствуеъ Ранке, имѣло чрезвычайно важныя и благотворныя послѣдствія для устройства и укрѣпленія прусскихъ финансовъ. Тревожныя политическія обстоятельства и общее положеніе дѣлъ въ Европѣ отдалили осуществленіе конституціонныхъ проектовъ въ Пруссіи. Фридрихъ-Вильгельмъ IV стоялъ за развитіе провинціальныхъ земствъ и за объединеніе ихъ въ той или другой формѣ, но онъ былъ рѣшительный врагъ идеи народовластія или всеобщаго народнаго голосованія въ смыслѣ французской демократіи. По личному почину, несмотря на сомнѣнія и возраженія окружающихъ, несмотря на протесты Россіи и Австріи, король рѣшился устроить сословное представительство и созвать соединенный земскій сеймъ. Обнародованъ былъ патентъ 3-го февраля 1847 года, и черезъ два мѣсяца сеймъ былъ открытъ тронною рѣчью, въ которой изложены были взгляды, принципы и ожиданія короля. Король хотѣлъ „возстановить естественное отношеніе между государемъ и народомъ, но не давать конституціи въ духѣ времени, ибо прусская королевская власть не можетъ подчиняться мнѣяющемуся большинству“ ¹⁾. Но прежде чѣмъ предпринять этотъ серьезный шагъ, вызванный общественнымъ настроеніемъ Пруссіи и

¹⁾ *L. v. Ranke, Zur Geschichte Deutschlands und Frankreichs im neunzehnten Jahrhundert. Lpz., 1887, стр. 411 и слѣд.*

всей Германіи, король долженъ былъ выдержать трудную дипломатическую борьбу. Въ 1845 году русскій посланникъ въ Берлинѣ находилъ еще, что „монархическій принципъ могъ бы быть спасенъ, еслибы желали употребить надлежащую твердость“; король выказалъ твердость въ другую сторону и въ концѣ того же года счелъ долгомъ сообщить императору Николаю I всѣ доводы, оправдывавшіе задуманную крупную реформу въ государственномъ устройствѣ Пруссіи. „Наканунѣ новаго 1846 года король отправилъ въ Петербургъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ генерала Рауха, которому передалъ письмо къ императору, написанное отъ начала до конца собственною его рукою. Въ этомъ весьма подробномъ письмѣ Фридрихъ-Вильгельмъ IV старается предусмотрѣть всѣ возраженія, которыя могъ бы сдѣлать Николай I противъ предполагаемаго преобразованія. Король заявляетъ рѣшимость „докончить зданіе, заложенное отцомъ, которое безъ хорошей крыши можетъ разрушиться“; онъ признаетъ себя связаннымъ закономъ 1820 года о государственныхъ долгахъ. „Изданіе этого закона, по словамъ короля, было великою ошибкою и большимъ несчастіемъ; оно имѣло своимъ непосредственнымъ результатомъ болѣзненное состояніе прусскаго общества. Либеральная партія чувствуетъ подъ собою твердую и легальную почву положительнаго закона. Настала минута для радикальнаго врачеванія болѣзни, посредствомъ совершенія хирургической операціи. Для этого нуженъ актъ, который надлежащимъ образомъ уничтожилъ бы заблужденія всѣхъ партій и объявилъ бы мертвымъ и погребеннымъ все, что не можетъ быть сохранено изъ законодательства Гарденберга. Но благоразуміе требуетъ, чтобы дано было что-нибудь взаимнѣе и притомъ что-нибудь такое, что не являлось бы призракнымъ“. Потому король задумалъ соединить восемь провинціальныхъ собраній въ одинъ общій сеймъ, который, однако, „вовсе не будетъ собираться періодически“. Далѣе указываются всѣ выгоды и преимущества этой государственной мѣры. „Прежде всего, — пишетъ король, — я выигрываю то, что выигрываетъ каждый смертный, совершая справедливое дѣло“. Кромѣ того, онъ долженъ признать безспорное право германскихъ сословныхъ чиновъ участвовать въ установленіи налоговъ, податей и всякаго рода сборовъ. Наконецъ, соединяя провинціальные сеймы въ одно собраніе, король этимъ самымъ устраняетъ созваніе общихъ земскихъ чиновъ. Письмо Фридриха-Вильгельма IV приведено О. О. Мартенсомъ не цѣликомъ, а только въ извлеченіяхъ; но и по этимъ выдержкамъ можно судить о томъ чувствѣ страха, которое испытывалъ король при мысли о разногласіи съ

имп. Николаемъ. Сбивчивая и запутанная аргументація, внушенная этимъ чувствомъ, была рѣзо и категорически отвергнута въ замѣчательномъ отвѣтѣ императора. Припоминая неоднократныя прежнія разсужденія короля на ту же тему, императоръ пишетъ прусскому монарху слѣдующее: „Вы припомните, что, отдавая справедливость вашему сердцу и благородству вашихъ чувствъ, я *всегда* позволялъ себѣ сомнѣваться въ практической пользѣ вашихъ проектовъ. Мало того: въ качествѣ хранителя священной воли и намѣреній вашего покойнаго отца, я старался доказать вамъ, что эти намѣренія совершенно противорѣчили тому, что вы замышляете“. Николай I убѣждаетъ своего царственного шурина, что передъ нимъ открылась пропасть, въ которой „погибнетъ Пруссія и съ нею вся Европа, если онъ осуществитъ свой планъ собранія соединенныхъ провинціальныхъ сеймовъ“. „Оставаясь вѣрнымъ,—заявляетъ далѣе императоръ,—началамъ унаслѣдованнѣмъ отъ моего покойнаго брата и отъ вашего отца, я отъ нихъ никогда не отрекись и буду сражаться на бреши до послѣдняго моего вздоха“. Прусскій король, для котораго тѣсная дружба съ Россіею была и политической необходимостью, и твердою семейною традиціею, и, наконецъ, личною потребностью, долженъ былъ оправдываться самымъ униженнымъ образомъ. „Вы говорите,—отвѣчаетъ онъ,—что учрежденія, которыя я нашелъ полезнымъ даровать моей странѣ, измѣнили наши политическія отношенія, и что они уже не прежнія! На это я скажу: нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Знаетъ Богъ, что я говорю правду; я ничего не сдѣлалъ такого, что давало бы вамъ поводъ измѣнить ваши политическія отношенія съ Пруссіею. Я не ослабилъ моей короны и не нарушилъ своихъ верховныхъ правъ; я не измѣнилъ стараго естественнаго и патримоніальнаго строя моего государства; я не далъ ни современной конституціи, ни обѣщанія конституціи, ни вообще какаго бы то ни было обѣщанія, которое связывало бы мнѣ руки“.

Въ скоромъ времени Фридриху-Вильгельму IV пришлось на дѣлѣ убѣдиться, что русско-прусскія отношенія дѣйствительно измѣнились. Событія 1848 года заставили короля ожидать вооруженной борьбы между „доброю, лойальною и старою Пруссіею“ съ одной стороны, и „германскою революціею“—съ другой. Въ виду этой печальной перспективы король вынужденъ былъ обратиться къ императору Николаю съ запросомъ, можетъ ли онъ разсчитывать на его помощь въ случаѣ надобности. „И если,—спрашивалъ король,—я долженъ буду покинуть Берлинъ вслѣдствіе общаго возстанія, окажете ли вы мнѣ поддержку, когда я

буду просить о ней? Если партія народной толпы во франкфуртскомъ парламентѣ также объявитъ Пруссіи войну при содѣйствіи Франціи, то пойдетъ ли Россія на помощь Пруссіи? „Безпощадно строгій отвѣтъ императора разрушилъ послѣднія иллюзіи мечтательнаго и добродушнаго Фридриха-Вильгельма IV. „Знать,—пишетъ государь,—что старая прусская монархія, наша близкая союзница, и ея король доведены до такой крайности, что только посредствомъ кровавой внутренней борьбы можно будетъ спасти ихъ,—это одна изъ тѣхъ страшныхъ истинъ, которыя возмущаютъ душу“. Императоръ предвидѣлъ этотъ результатъ политики короля, — „съ того времени, какъ Пруссія должна была отречься, по вашей волѣ, отъ традицій, доставившихъ ей славу, силу и благоденствіе въ продолженіе столѣтій“. Николай I болѣе не знаетъ этой „старой Пруссіи“, развѣ только если она воскреснетъ. „Эта старая Пруссія перестала существовать, чтобы распутиться въ Германіи, и нашъ древній близкій союзъ исчезъ вмѣстѣ съ нею. Россія не можетъ придти на помощь державѣ, которая отказалась отъ своихъ традицій и должна теперь биться во всей путаницѣ конституціонныхъ формъ,—державѣ, находящейся подъ господствомъ революціонныхъ учреждений... Но Россія будетъ всегда вѣрною союзницею своего стараго друга,—доброй, старой и лойальной Пруссіи, какъ вы ее называете,—когда она воскреснетъ. Если когда-нибудь старое прусское знамя соединитъ около себя старыхъ пруссаковъ, а не нѣмцевъ подъ знаменемъ баррикады, русскій орелъ окажется возлѣ него, потому что Россія умѣетъ забывать оскорбленія, она не нарушаетъ своихъ трактатовъ и не отрекается отъ своихъ традицій. Богъ знаетъ, доживемъ ли еще когда-нибудь до этого счастья!“ Наконецъ, если въ Пруссіи королевская власть будетъ замѣнена республикою, императорское правительство только сочтетъ долгомъ принять мѣры для обезпеченія неприкосновенности границъ имперіи. „Еслибы русская армія была вынуждена перейти границу, то, разумѣется, она дѣйствовала бы не для возстановленія конституціонной Пруссіи, а „для возстановленія такой Пруссіи, какою она была подъ славнымъ владычествомъ вашихъ предковъ и какою передалъ вамъ ее вашъ покойный отецъ“. Королю оставалось вынести терпѣливо это новое униженіе и подчиниться властному духу реакціи. Въ октябрѣ было образовано реакціонное министерство графа Бранденбурга, и внутреннее умиротвореніе Германіи было надолго отсрочено.

Для чего нужно было намъ это систематическое и настойчивое внимательство въ жизнь сосѣдняго дружественнаго народа, съ какою цѣлью мы создавали себѣ непримиримыхъ враговъ во

всѣхъ классахъ европейскаго населенія, и почему мы брали на себя роль опекуновъ надъ чужими дѣлами, когда наши собственные внутреннія дѣла находились въ плачевномъ состояніи—это одна изъ тѣхъ историко-психологическихъ загадокъ, которыя, къ несчастью, разрѣшаются иногда убійственнымъ пробужденіемъ, подъ ударами неожиданныхъ кризисовъ и тягостныхъ разочарованій, —чѣмъ и была крымская война.

Извлекались ли нами по крайней мѣрѣ какія-либо внѣшнія политическія выгоды изъ преобладанія Россіи въ Европѣ? Дѣятельность русской дипломатіи въ царствованіе императора Николая I, какъ видно изъ матеріаловъ, собранныхъ Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ, всегда стояла выше русскихъ и всякихъ иныхъ реальныхъ интересовъ; она большею частью слѣдовала внушеніямъ вѣнскаго кабинета и безсознательно служила одной лишь Австріи. Пруссія, при всей своей услужливости и подчиненности относительно русскаго правительства, оставалась въ полномъ пренебреженіи и не разъ подвергалась враждебнымъ мѣрамъ и угрозамъ,—такъ что наше предполагаемое право на благодарность пруссаковъ основано на явномъ недоразумѣніи.

Тотчасъ послѣ вступленія своего на престолъ, императоръ Николай I, постарался разсѣять надежды, основанныя на близкомъ родствѣ его съ прусскимъ королевскимъ домомъ; онъ счелъ необходимымъ деликатно заявить своему тестю, Фридриху-Вильгельму III, что семейныя связи нисколько не повліяють на отношенія петербургскаго двора къ Пруссіи. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ русская дипломатія стремилась привлечь Пруссію къ непосредственному участию въ разрѣшеніи греческаго вопроса; но, вѣрный своему правилу—не вмѣшиваться въ постороннія дѣла, берлинскій кабинетъ уклонился отъ подписанія лондонской конвенціи 1827 года, хотя и выражалъ безусловное свое сочувствіе всѣмъ начинаніямъ императора Николая. Русскій посланникъ въ Берлинѣ долженъ былъ добиваться отъ Пруссіи „формальнаго обѣщанія оставаться въ союзѣ съ нами и оказывать намъ помощь противъ тѣхъ державъ, которыя вознамѣрились бы напасть на насъ на европейскомъ континентѣ“. Не принимая на себя такого обязательства, Пруссія тѣмъ не менѣе высказалась достаточно ясно въ пользу требованій Россіи на Востокѣ. Во время начавшейся русско-турецкой войны „русское правительство не могло не признать добросовѣстности берлинскаго кабинета въ защитѣ русскихъ интересовъ“. Это чувство призна-

тельности выражается часто въ депешахъ къ графу Алопеусу. Когда осенью 1828 года вѣнскій дворъ предложилъ нейтральнымъ великимъ державамъ вмѣшаться въ войну между Россією и Турцією, съ цѣлью предотвратить разрушеніе владычества турокъ въ Европѣ, берлинскій кабинетъ категорически отказался присоединиться къ этому шагу. „Изъ всѣхъ нашихъ союзниковъ, — писалъ графъ Алопеусъ изъ Берлина, — Пруссія наиболѣе тѣсно привязана къ Россіи: она будетъ отстаивать наши интересы, когда представится случай, если только не потребуютъ отъ нея употребленія военныхъ силъ или значительныхъ жертвъ“. Адрианопольскій мирный трактатъ былъ заключенъ при непосредственномъ участіи генерала Мюффлинга, посланнаго прусскимъ королемъ въ Константинополь, по особому желанію императора Николая, для содѣйствія скорѣйшему принятію русскихъ мирныхъ условій со стороны Порты. Фридрихъ-Вильгельмъ IV искренно обрадовался заключенію мира, что и выразилъ въ восторженномъ письмѣ къ русскому государю: „съ адрианопольскаго мира, — по его словамъ, — начнется новая эра для Европы, которая, наконецъ, можетъ лѣстить себя сознаниемъ, что ей удалось закрыть послѣднія раны, причиненныя многими годами войнъ и замѣшательства, и она мирнымъ образомъ станетъ наслаждаться плодами своей цивилизаціи“.

Предсказаніе короля не сбылось; іюльская революція 1830 года, за которою послѣдовало возстаніе въ Бельгіи, возбудила общій политическій кризисъ и едва не привела къ европейской войнѣ. Имп. Николай полагалъ, что невозможно дѣлать никакихъ уступокъ революціоннымъ правительствамъ Франціи и Бельгіи; при этомъ, конечно, могла быть рѣчь только объ уступкахъ совершенно отвлеченныхъ и воображаемыхъ, такъ какъ французы и бельгійцы ничего отъ насъ не просили. Въ Берлинъ командированъ былъ графъ Дибичъ-Забалканскій съ секретнымъ порученіемъ выработать, посредствомъ личныхъ переговоровъ, планъ совмѣстныхъ дѣйствій; онъ сообщалъ оттуда, что, по его мнѣнію, нельзя будетъ избѣгнуть „всеобщей и кровопролитной борьбы между законною властью и революціонною гидрою, желающею подъ маской общественнаго блага низвергнуть все и построить кровавый свой престолъ на могилахъ и развалинахъ!“ Вице-канцлеръ, графъ Нессельроде, не соглашался съ своимъ государемъ во взглядѣ на бельгійскій вопросъ, который для Николая I былъ исключительно вопросомъ о побѣдѣ революціи надъ законнымъ правительствомъ. „Не Бельгію, — писалъ императоръ на докладѣ своего министра, — думаю я побороть тамъ,

а всеобщую революцію, которая все ближе и скорѣе угрожаетъ намъ самимъ, если увидать, что мы трепещемъ предъ нею". Графъ Нессельроде находилъ, съ своей стороны, что для Россіи лучше не впутываться въ бельгійскія дѣла, имѣющія для нея только второстепенное значеніе. „Это они, союзники, нуждаются въ нашей помощи, и не намъ грозятъ первыя опасности. Наблюдая приближеніе послѣднихъ, мы ставимъ себя въ гораздо болѣе благопріятныя условія для всѣхъ переговоровъ относительно субсидій, прохода и содержанія нашихъ войскъ, и, можетъ быть, даже въ отношеніи вопросовъ высокой политической важности, которые могутъ возникнуть въ будущемъ. Мы лишились бы всѣхъ этихъ выгодъ совершенно даромъ, еслибы приняли на себя инициативу, которая естественно должна быть предоставлена державамъ, наиболѣе заинтересованнымъ, по своему географическому положенію, въ настоящихъ замѣшательствахъ“.

Личные мотивы, которыми руководствовался императоръ Николай I въ своей тогдашней политикѣ, изложены въ весьма интересной запискѣ, написанной имъ собственноручно осенью 1830 года и напечатанной цѣликомъ въ сборникѣ *Θ. Θ. Мартенса* (стр. 167—170). „Географическое положеніе Россіи,—говорится въ этомъ документѣ,—настолько счастливо, что оно дѣлаетъ ее почти независимою, въ области собственныхъ ея интересовъ, отъ всего происходящаго въ Европѣ. Россія не имѣетъ никакой надобности искать союзниковъ, потому что ей нечего бояться; она довольна своими границами и не можетъ ничего желать въ этомъ отношеніи, и, слѣдовательно, она ни въ комъ не должна бы вызывать беспокойства“. Эта реальная оцѣнка истинной роли Россіи заключаетъ въ себѣ, повидимому, прямое осужденіе той системы союзовъ и вѣйшнихъ предпріятій, которой неуклонно придерживался императоръ Николай. Критикуются, однако, не союзы, ненужные намъ и вредные, а союзники, нарушающіе вѣрность разъ установленнымъ принципамъ. Благодаря недостатку поводовъ, „не было явнаго разногласія между тремя державами, до позорной іюльской революціи“. „Уже давно,—сказано далѣе,—предвидѣли мы это ужасное событіе, и мы исчерпали при Карлѣ X и его министрахъ всѣ средства убѣжденія, допускаемыя дружбою и хорошими нашими отношеніями. Все было тщетно. Тогда мы не замедлили открыто осудить незаконныя мѣропріятія Карла X; но могли ли мы въ то же время признать законнымъ государемъ Франціи другого, а не того, кто имѣлъ на это всѣ права? Мы исполняли лишь свой долгъ, оставаясь вѣрными началамъ, руководившимъ дѣйствіями союзниковъ въ продолженіе пятнадцати

лѣтъ. Между тѣмъ наши союзники, не условившись съ нами насчетъ такого серьезнаго и рѣшительнаго шага, поспѣшили своимъ признаніемъ увѣнчать революцію и узурпацію;—это былъ шагъ роковой, непостижимый, и съ него начинается рядъ бѣдствій, которыя съ того момента не перестали обрушиваться на Европу. Мы сопротивлялись, потому что были къ тому обязаны; я уступилъ исключительно для сохраненія союза“. Указавъ на трусливыя колебанія союзниковъ, императоръ продолжаетъ: „Развѣ это, Боже великій, тотъ союзъ, который созданъ былъ безсмертнымъ императоромъ? Сохранимъ неприкосновеннымъ этотъ священный огонь и не будемъ безчестить его передъ постыдными и несправедливыми поступками державъ; сохранимъ священный огонь для того торжественнаго момента, котораго никакая человеческая сила не устранить и не отсрочить,—когда должна возгорѣться борьба между справедливостью и адскимъ началомъ. Эта минута близка, и мы пребудемъ тѣмъ знаменемъ, къ которому вновь примкнуть по необходимости и для собственнаго своего спасенія трепещущіе нынѣ!.. Въ минуту опасности насъ всегда увидать готовыми придти на помощь тѣмъ изъ нашихъ союзниковъ, которые возвратятся къ нашимъ старымъ началамъ; но въ противномъ случаѣ никогда Россія не пожертвуетъ ни своими средствами, ни драгоцѣнною кровью своихъ солдатъ!“ Можно было сдѣлать еще другіе выводы изъ „постыднаго“ поведенія союзниковъ. Можно было усомниться въ необходимости проливать „драгоцѣнную кровь русскихъ солдатъ“ даже въ пользу такихъ иностранныхъ государствъ, которыя обратились бы на путь истины. Можно было замѣтить, что отвлеченные принципы служатъ лишь прикрытіемъ для практическихъ цѣлей союзныхъ кабинетовъ, и что Россія не имѣла основанія жертвовать собою изъ-за признанія или нарушенія извѣстныхъ идей чужими правительствами. Записка оканчивается словами: „Кто посмѣетъ на насъ напасть? И если осмѣлятся, я буду увѣренъ въ поддержкѣ народа, потому что онъ оцѣнитъ свое положеніе и сьумѣетъ, съ Божьею помощію, наказать нападающихъ“. Конечно, о народѣ упоминается только иносказательно, такъ какъ русскому населенію, на половину крѣпостному, вовсе не предложено было „оцѣнивать свое положеніе“ и оказывать или отклонять поддержку чему бы то ни было. Независимо отъ этого обстоятельства, самый вопросъ объ оборонѣ не соответствуетъ всему содержанію записки и не вытекаетъ изъ событій того времени: дѣло шло не о защитѣ Россіи отъ нападенія, которое нисколько намъ не угрожало, а, напротивъ, о нападеніи Россіи

на Францію, пережившую у себя короля, и на Бельгію, отпавшую отъ Голландіи. Когда осенью 1830 года король Нидерландовъ опять настоятельно требовалъ помощи для усмиренія бельгійцевъ, императоръ отвѣтилъ указаніемъ на Пруссію и Англію, какъ на державы непосредственно заинтересованныя въ дѣлѣ. Но послѣ того, какъ графу Дибичу-Забалканскому не удалось подвинуть прусскаго короля на отдѣльные дѣйствія противъ Бельгіи, императоръ Николай I, вопреки представленіямъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, рѣшилъ самостоятельно принять энергическія мѣры, помимо союзныхъ державъ. На докладѣ графа Нессельроде, отъ 30 октября 1830 года, императоръ написалъ слѣдующую собственноручную резолюцію: „Нѣтъ больше возможности отступать; наше достоинство предписываетъ намъ взять на себя инициативу; поэтому нужно приготовить поту къ тремъ правительствамъ, съ объясненіемъ необходимости употребить военную силу противъ революціи, угрожающей всѣмъ намъ“. Такимъ образомъ Россія, вѣроятно, втянулась бы въ ненужную европейскую войну изъ-за интересовъ нидерландскаго короля, еслибы вслѣдъ затѣмъ не вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ, которое направило заботы русскаго правительства къ болѣе близкимъ дѣламъ.

Покончивъ съ польскимъ возстаніемъ, императоръ Николай возымѣлъ мысль отдать часть польской территоріи до Вислы и Нарева двумъ сосѣднимъ державамъ; этотъ любопытный проектъ подробно мотивированъ въ собственноручной запискѣ, составленной около 1831 года и сообщенной проф. Мартенсомъ безъ пропусковъ. Заключительные выводы записки выражены въ слѣдующемъ: „Россія — держава сильная и счастливая сама по себѣ; она никогда не должна быть угрозою ни для своихъ сосѣдей, ни для Европы. Но ея оборонительное положеніе должно быть настолько внушительно, чтобы всякое нападеніе сдѣлалось невозможнымъ. Бросая взглядъ на карту, страшно становится видѣть, что граница польскихъ земель имперіи доходитъ почти до Одера, тогда какъ на флангахъ она отступаетъ за Нѣманъ и Бугъ, чтобы упереться близъ Полацгена въ Балтійское море и у устьевъ Дуная въ Черное море. Въ этой выдающейся полосѣ находится населеніе, существенно враждебное Россіи, и потому требуется армія для удержанія его въ подчиненіи. Эта страна ничего не приноситъ государству; напротивъ, она можетъ существовать только при помощи постоянныхъ жертвъ, которыя должна дѣлать имперія для удовлетворенія нуждъ ея управленія. Ясно, что выгоды отъ этого безпокойнаго владѣнія ничтожны, между тѣмъ

какъ неудобства велики и даже опасны. Остается рѣшить, какъ пособить этому. Я вижу тутъ одно только средство: объявить, что русская честь вполне удовлетворена завоеваніемъ королевства польскаго; что Россія не имѣетъ никакого интереса въ обладаніи провинціями, неблагодарность которыхъ была столь очевидна; что истинные ея интересы побуждаютъ установить и утвердить границу по Вислѣ и Нареву; что она предоставляетъ остальное, какъ недостойное принадлежать ей, своимъ союзникамъ, которые могутъ распорядиться имъ по своему усмотрѣнію; что вѣрная своимъ началамъ, Россія сохранила бы за тою частью королевства, которая за нею осталась, пользованіе его законами и учрежденіями, насколько они были бы совмѣстимы съ безопасностью ея въ будущемъ; что титулъ королевства польскаго будетъ связанъ съ этою страню, чтобы предупредить усвоеніе его въ другомъ мѣстѣ и чтобы не образовалось новое, враждебное Россіи, государство". Изъ нѣмецкихъ источниковъ извѣстно, что проектъ не встрѣтилъ сочувствія въ Берлинѣ или къ нему не отнеслись серьезно, такъ что императоръ Николай долженъ былъ убѣдиться въ практической невозможности отказаться отъ значительной части Польши. Но мысль сама по себѣ была несостоятельна по многимъ причинамъ. Если даже допустить, что крѣпостная, до-реформенная Россія была „счастливою“ державою, и что польскія области только нарушали ея благополучіе, то почему нужно отдавать нѣмцамъ завоеванный край? Для чего тогда тратились силы на водвореніе русскаго владычества въ странѣ, которую можно было и прежде съ такою легкостью бросить союзнымъ державамъ? Значить, вся предшествующая политика Россіи въ Польшѣ была одною сплошною ошибкою? Удобно ли было торжественно признаться въ этомъ послѣ кровавой расправы, стоявшей потоковъ крови обѣимъ сторонамъ? И не странно ли, что желаніе отдать взятую штурмомъ Варшаву пруссакамъ возникло и обсуждалось въ то самое время, когда Пушкинъ въ извѣстныхъ стихахъ съ негодованіемъ отвергалъ всякое постороннее вмѣшательство въ нашъ „домашній, русскій споръ"? Понятно, что государство не можетъ располагать своею терри-торіею, какъ частное лицо, и дарить ее сосѣдямъ; но оно могло измѣнить и усовершенствовать систему управленія въ краѣ, дать странѣ автономію безъ особой мѣстной арміи и стараться смягчить старинный антагонизмъ между двумя родственными народностями. Пруссаки и австрійцы сумѣли избѣгнуть возстаній въ ихъ польскихъ провинціяхъ; если по этой причинѣ предлагать имъ управленіе царствомъ польскимъ, вмѣсто того, чтобы на-

учиться у нихъ культурнымъ способамъ воздѣйствія на населеніе, то пришлось бы раздать нѣмцамъ многія изъ нашихъ областей, которыя также управлялись дурно и не приносили пользы государству. Упомянутый проектъ свидѣтельствовалъ лишь объ отсутствіи сознательныхъ національныхъ цѣлей и расчетовъ въ русской политикѣ той эпохи.

Въ польскомъ вопросѣ Пруссія дѣйствовала за-одно съ Россіею и исполняла съ большою готовностью русскія требованія и желанія, если они не выходили за предѣлы возможности; но существенныя разногласія продолжались по поводу Бельгій, которая по прежнему сильно озабочивала императора Николая. Берлинскій кабинетъ не видѣлъ надобности въ формальномъ подтвержденіи тройственного союза для болѣе согласныхъ дипломатическихъ дѣйствій противъ „революціонныхъ“ правительствъ; онъ считалъ союзъ и безъ того достаточно крѣпкимъ и неразрывнымъ. Но императоръ былъ другого мнѣнія и не отказывался отъ него даже послѣ 1831 года. „Еслибы этотъ взглядъ былъ основателенъ, — возражалъ имп. Николай, — то іюльская революція и, еще болѣе, бельгійская должны были заставить насъ друзьями, готовыми поддерживать права законности и сохраненіе порядковъ, созданныхъ въ 1815 году. Я былъ готовъ; но дѣло не состоялось; вспыхнуло польское возстаніе, и Провидѣніе позволило его потушить, какъ я желалъ бы видѣть подавленными другія революціи. Все происходившее въ Бельгій и между Франціею и Англіею доказывало наглядно, что если у этихъ двухъ державъ есть мужество открыто провозглашать возмущеніе и низверженіе всего установившагося, у насъ должно остаться право и смѣлость поддерживать божественное право, отъ котораго мы не отреклись. Поэтому, въ настоящій моментъ я вижу нашъ долгъ въ заключеніи торжественнаго, громко возвышеннаго союза: въ немъ — спасеніе Европы и сохраненіе мира“. Въ Берлинѣ опасались, что подобный союзъ послужилъ бы сигналомъ для войны съ Франціею и, быть можетъ, даже съ Англіею; эти понятныя опасенія принимались за трусость нашею воинственной дипломатіею. Чтобы успокоить Пруссію, ей дано было знать, что „Россія всегда готова будетъ послѣдить всѣми своими силами на помощь своему старому и вѣрному союзнику, но что это будетъ только до тѣхъ поръ, пока одинъ и тотъ же принципъ будетъ управлять обѣими націями“. Предполагалось устроить предварительное военное соглашеніе, чтобы облегчить вступленіе русской арміи въ 200.000 человекъ въ чужую землю, отдаленную болѣе чѣмъ на 400 миль отъ центра Россіи. Это пред-

принималось черезъ годъ послѣ трудной и кровопролитной борьбы въ Польшѣ, и только благодаря такъ-называемой „нерѣшительности“ берлинскаго кабинета русская армія избавлена была отъ тяжелаго похода въ чужіе края и отъ новыхъ, никому ненужныхъ, кровавыхъ жертвъ. Бельгійцамъ оставленъ былъ избранный ими король Леопольдъ, и въ его лицѣ „революціонная гидра“ оказалась впослѣдствіи столь же невинною и почтенною, какъ и въ лицѣ Луи-Филиппа во Франціи.

Какъ далека была русская политика отъ положительныхъ интересовъ Россіи, можно видѣть изъ исторіи присоединенія вольнаго города Кракова къ австрійскимъ владѣніямъ въ 1846 году, по спеціальному личному желанію императора Николая. Чтобы добиться согласія Пруссіи на такое безпричинное расширеніе предѣловъ Австріи, посланъ былъ въ Берлинъ генералъ Бергъ для секретныхъ переговоровъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV долженъ былъ признать, что „невозможно сохранить въ Краковѣ постоянный очагъ революціи“, и дѣло уладилось. Прежде чѣмъ подписать протоколъ по этому вопросу, генералъ Бергъ, по собственной инициативѣ, обратился къ австрійскому уполномоченному съ письмомъ, въ которомъ требовалъ включенія въ договоръ статьи, обязывающей Австрію на вѣчныя времена не укрѣплять города Кракова. Государь, — писалъ Бергъ, — по своему рыцарскому великодушію, „не колеблется передать во власть своего старѣйшаго и вѣрнѣйшаго друга стратегическій пунктъ такой важности“; но онъ не можетъ, ради уничтоженія революціоннаго гнѣзда, „создать на будущее время новое военное неудобство для своихъ владѣній“. „Я скорѣе подписалъ бы свой смертный приговоръ, — добавлялъ русскій уполномоченный, — чѣмъ такой актъ, который могъ бы представлять малѣйшую опасность для моего отечества“. Это разумное предложеніе, по словамъ г. Мартенса, не было принято австрійскимъ представителемъ, отчасти по недостатку необходимыхъ инструкцій; но вѣнскій дворъ, по всей вѣроятности, уступилъ бы, еслибы русскій уполномоченный настаивалъ на своемъ требованіи. Однако самъ генералъ Бергъ долженъ былъ, по предписанію государя, взять назадъ свое предложеніе. Императоръ благодарилъ Берга за выказанныя имъ патріотическія чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что, „говоря объ уступкѣ Кракова Австріи, онъ никогда не имѣлъ намѣренія требовать отъ этой державы, чтобы она не превращала его въ укрѣпленный пунктъ“. Мысль о новой комбинаціи относительно краковской области „принадлежала самому государю, который вовсе не думалъ соединять съ этой сдѣлкою предположенное Бергомъ

условіе. При такихъ обстоятельствахъ генераль Бергъ лишень былъ возможности поддерживать свое требованіе и взялъ его обратно". Территорія бывшей краковской республики была присоединена къ Австріи безъ всякихъ условий и ограниченій, которыя, однако, казались бы необходимыми въ интересахъ будущаго.

Отношенія Россіи съ Пруссією испортились въ 1848 и 1849 годахъ не только по тѣмъ внутреннимъ причинамъ, о которыхъ мы говорили выше, но и подъ вліяніемъ тогдашнихъ европейскихъ событій и международныхъ замѣшательствъ. Прусское правительство допускало нѣкоторую свободу поляковъ въ Познани и не принимало крутыхъ мѣръ противъ возбужденія умовъ въ этой провинціи; по этому поводу баронъ Мейендорфъ откровенно предостерегалъ прусскихъ министровъ, что они сами вызываютъ войну съ Россією. Императоръ Николай выражалъ удивленіе, что король освобождаетъ отъ казни явныхъ бунтовщиковъ, позволяетъ князю Чарторыйскому жить въ Пруссіи и не останавливаетъ польскаго движенія въ Познани. Для своего оправданія Фридрихъ-Вильгельмъ IV отправилъ въ Петербургъ особаго уполномоченнаго съ порученіемъ „сдѣлать государю подробный докладъ, какъ еслибы онъ дѣлалъ его своему королю“. Король надѣялся убѣдить императора, что „прусское правительство вовсе не потворствуетъ національнымъ стремленіямъ поляковъ и желаетъ только преобразовать управленіе познанскою областью, съ единственною цѣлью связать ее тѣснѣе съ прусскимъ королевствомъ“. Николай I напелъ, однако, на основаніи сообщенныхъ ему прусскимъ уполномоченнымъ свѣдѣній, что „поляки, будучи самыми низкими орудіями возмущенія и анархій, не перестаютъ все-таки пользоваться поддержкою и покровительствомъ въ своей такъ-называемой національности, и что безнаказанность, повидимому, обезпечена за ними навсегда. Передавая это свое впечатлѣніе въ письмѣ къ королю, государь замѣчаетъ, между прочимъ, что онъ тогда только повѣритъ осужденію Мѣрославскаго, когда узнаетъ, что его повѣсили. Въ томъ же письмѣ, для устраненія всякихъ сомнѣній насчетъ готовности Россіи употребить въ дѣло оружіе, вычислены въ точности военныя силы, собранныя въ пограничныхъ губерніяхъ: всего было выставлено 420.000 человекъ, кромѣ 100.000 резерва. Параллельно съ этою перепискою о польскихъ дѣлахъ идутъ переговоры о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи и о возникшемъ спорѣ между Пруссією и Данією изъ-за Шлезвигъ-Гольштиніи. При первомъ извѣстіи о паденіи Луи-Филиппа импера-

торъ Николай предложилъ прусскому королю „немедленно принять мѣры для сосредоточенія на Рейнѣ сильной арміи, которая была бы въ состояніи дать энергическій отпоръ нашествію французовъ“; съ своей стороны, государь рѣшился поставить на военную ногу армію въ 350.000, которая должна быть готовой выступить тотчасъ же на помощь Пруссіи. „Мужайтесь,—заключаетъ императоръ свое письмо (писанное въ началѣ марта, нов. ст., 1848 г.), дѣйствуйте—и Богъ будетъ съ нами, ибо мы защищаемъ самое святое дѣло, и мы христіане“. Относительно германскихъ дѣлъ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV считалъ себя обязаннымъ „вырвать изъ рукъ нѣмцевъ демагоговъ опасное и роковое оружіе германской національности“ и стать во главѣ законныхъ стремленій различныхъ нѣмецкихъ племенъ къ лучшему и болѣе могущественному объединенію. Въ письмахъ къ императору онъ доказывалъ свое право на занятіе Шлезвигъ-Голштиніи, принадлежащей къ германскому союзу и незаконно включенной датскимъ королемъ въ составъ Даніи. Имп. Николай находилъ, что военное вмѣшательство Пруссіи не можетъ быть оправдано въ этомъ случаѣ, такъ какъ берлинскій кабинетъ, заступаясь за голштинцевъ, заступался собственно за бунтовщиковъ, возставшихъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ своего законнаго государя—датскаго короля. По мнѣнію императора, прусскія притязанія были незаконны и вполнѣ противорѣчили постановленіямъ вѣнскаго конгресса; поэтому онъ поручилъ барону Мейендорфу увѣдомить прусское правительство, что Россія не можетъ относиться равнодушно къ начатой имъ войнѣ. Отъ Пруссіи было формально потребовано „немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій“, съ предупрежденіемъ, что, если она не исполнитъ этого требованія и двинетъ свои войска въ предѣлы датской территории, разрывъ съ Россіею будетъ неизбеженъ. „Будучи связаны актами гарантіи,—писалъ графъ Нессельроде русскому посланнику въ Берлинѣ,—мы принуждены нынѣ же довести до свѣденія прусскаго правительства, что такое поведеніе его должно неминуемо привести къ войнѣ между Россіею и Пруссіею“. Эти категорическія заявленія и угрозы заставили Пруссію въ августѣ 1848 года заключить перемиріе съ Даніею. Болѣе серьезный кризисъ произошелъ въ отношеніяхъ между тремя союзными дворами по поводу проектовъ новаго устройства Германіи. Императоръ Николай имѣлъ твердое намѣреніе не допустить германскаго объединенія подъ главенствомъ Пруссіи, усматривая въ этой комбинаціи очевидную уступку революціонерамъ. Въ возникшемъ спорѣ между Пруссіею и Австріею Россія открыто приняла

сторону этой послѣдней державы. „Пруссія,—заявлялъ баронъ Мейендорфъ графу Бранденбургу, — не имѣетъ права стать во главѣ Германіи, и такая претензія была въ сущности совершенно несостоятельна, какъ по праву, такъ и фактически, и даже противна собственнымъ интересамъ Пруссіи“. Но король Фридрихъ-Вильгельмъ IV и его министры, по замѣчанію проф. Мартенса, иначе понимали интересы Пруссіи и никакъ не могли согласиться съ русскимъ посланникомъ, что идея германскаго единства есть химера и исчадіе духа революціи. Представитель Россіи подкрѣплялъ свои доводы аргументами, противъ которыхъ возражать было трудно и совершенно бесполезно; онъ давалъ понять, что „отъ Австріи зависитъ увлечь насъ на путь, которому она будетъ слѣдовать относительно Пруссіи, и что русское внимательство въ дѣла Германіи—такая случайность, которую прусскіе министры должны имѣть въ виду; въ противномъ случаѣ, для Пруссіи готовить такой же неожиданный сюрпризъ, какимъ былъ для многихъ венгерцевъ походъ русскихъ войскъ въ Венгрію“. Другими словами, съ Пруссіею и съ ея королемъ грозили поступить какъ съ „матешниками“, которыхъ придуть усмирять русскія войска. Осенью 1850 года ожидался со дня на день открытый разрывъ между Австріею и Пруссіею; прусскіе отряды стояли лицомъ къ лицу съ австрійскими въ Гессенѣ. Преемникъ Мейендорфа въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ, передалъ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, Радовицу, категорическое требованіе, чтобы немедленно отдано было приказаніе прусскимъ войскамъ возвратиться въ прусскіе предѣлы и не наступать на Гессенъ. Министръ съ негодованіемъ отвѣтилъ посланнику, что „это значить попираетъ Пруссію ногами, ставя ей такія унижительныя условія; что Пруссія не можетъ позволить, чтобы ей диктовали законы, даже не соглашаясь ее выслушать; что ея самыя справедливыя предложенія не были даже удостоены отвѣта, и что она скорѣе предпочтетъ быть уничтоженною, нежели терпѣть такія униженія“. Послѣ октябрьскаго сѣзда въ Варшавѣ, гдѣ императоръ Николай рѣшительно отстаивалъ австрійскую точку зрѣнія и доказывалъ безусловную необходимость для Пруссіи примириться съ Австріею, берлинскій кабинетъ по-неволѣ подчинился обстоятельствамъ, и энергическій Радовицъ вышелъ въ отставку. Въ письмахъ прусскаго короля за это время, по свидѣтельству Ө. Ө. Мартенса, выражаются чувства глубокаго разочарованія и душевной горечи, въ виду настойчиваго заступничества Россіи за австрійскіе интересы и враждебнаго отношенія ея къ Пруссіи; въ этихъ письмахъ „чувствуются слезы, вызванныя униженіемъ

Пруссіи передъ вѣковымъ ея врагомъ—Австріею“. Между тѣмъ вѣнскій кабинетъ, по обыкновенію, нарушилъ свои обѣщанія и направилъ баварскія войска въ курфиршество гессенское, когда ушли оттуда пруссаки. Король напоминаетъ императору, что „всѣ уступки въ пользу Австріи, до полнаго самоуниженія Пруссіи, сдѣланы были единственно по совѣту государя; король побѣдилъ свое чувство справедливаго недовѣрія къ вѣнскому кабинету только потому, что этого желать имп. Николай. Въ настоящую минуту онъ долженъ положиться только на свои собственные силы, и потому онъ подписалъ приказъ о мобилизаціи всей прусской арміи“. Русская дипломатія пустила въ ходъ все свое вліяніе, чтобы предупредить войну; наконецъ, Пруссія сдалась и подвергла себя такъ-называемому ольмюцкому „позору“, подъ непосредственнымъ давленіемъ Россіи и при ближайшемъ участіи ея представителей. Конвенція, заключенная въ ноябрѣ 1850 года въ Ольмюцѣ, была тяжкимъ ударомъ для общественнаго мнѣнія Пруссіи и Германіи, и главная виновница этого акта сдѣлалась предметомъ сильнѣйшей и вполнѣ понятной вражды со стороны нѣмецкихъ патріотовъ. Таковы наши права на благодарность нѣмецкаго народа вообще и пруссаковъ въ особенности за сравнительно недавнее прошлое.

Во время крымской войны, Пруссія соблюдала дружественный нейтралитетъ относительно Россіи. Коснувшись вопроса объ отношеніи берлинскаго кабинета къ печальнымъ событіямъ 1855—56 годовъ, Э. Э. Мартенсъ говоритъ слѣдующее: „На основаніи подлинныхъ актовъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, разъясненіе этого вопроса не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія. Императоръ Николай I неоднократно въ собственноручныхъ письмахъ къ своему другу, Фридриху-Вильгельму IV, и еще на смертномъ одрѣ, выражалъ искреннѣйшую свою признательность за то, что Пруссія оставалась вѣрною дружбѣ и союзу съ Россіею, несмотря на всѣ угрозы Австріи, Франціи и Англіи. Эта признательность была торжественнымъ образомъ подтверждена императоромъ Александромъ II, въ самый моментъ его вступленія на престолъ“. Такимъ образомъ, положительные архивные документы не допускаютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, „несмотря на нерѣшительный характеръ прусскаго короля и на крайне трудное положеніе самой Пруссіи во время этой войны, несмотря на всѣ происки внутреннихъ партій и иностранныхъ дипломатовъ въ Берлинѣ, все-таки Пруссія не вышла изъ своего „сувереннаго“ и доброжелательнаго нейтралитета. Въ продолженіе всей войны, когда русскіе порты и гавани были блокированы

союзными флотами, русская торговля могла свободно поддерживаться сухимъ путемъ черезъ Пруссію, и русское правительство могло получать всѣ матеріалы, необходимыя для военныхъ дѣйствій“. Пока продолжались переговоры, предшествовавшіе войнѣ, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV неустанно хлопоталъ о сохраненіи мира. Въ длинномъ и горячемъ письмѣ отъ 20-го марта 1854 года онъ высказываетъ свою радость по поводу принятаго султаномъ рѣшенія даровать равноправность христіанскимъ подданнымъ Турціи; онъ убѣждаетъ императора воспользоваться этимъ моментомъ и предотвратить кровопролитіе. „Утромъ и вечеромъ,—пишетъ онъ въ заключеніе,—я на коѣнныхъ молю Бога благословить это письмо и ваши рѣшенія. Нашъ Спаситель сказалъ: „блаженны миротворцы; они будутъ наречены сынами Божиими“. Въ дружественной политикѣ Пруссіи за это время играетъ уже весьма замѣтную роль энергическій молодой дипломатъ, уполномоченный при германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, искренній сторонникъ тѣснаго союза съ Россією, какъ свидѣлствуютъ о томъ любопытныя донесенія русскаго представителя при сеймѣ, Д. Г. Глинки (стр. 440—45 и 453—55). Императоръ Николай поручилъ даже выразить Бисмарку свою монаршую признательность за его образъ дѣйствій. Передъ смертью государь сказалъ: „Dites à Fritz de rester toujours le même pour la Russie et de ne pas oublier les paroles de papa!“ Когда эти слова были по телеграфу переданы въ Берлинъ, прусскій король тотчасъ отвѣтилъ, что „слова императора, завѣщанныя имъ Фрицу, для него священны“¹⁾. По вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Александръ II писалъ Фридриху-Вильгельму IV: „Да останемся мы навсегда друзьями и да испросимъ благословеніе Всевышняго на нашъ двойственный союзъ. Будьте, дорогой дядя, увѣрены, что я на вѣчныя времена буду вамъ признателенъ за столь блестящее положеніе, которое вы сумѣли сохранить для Пруссіи въ теченіе всего этого кризиса, и которое было намъ столь полезно. Да воздастъ вамъ за это Богъ!“ При такихъ отношеніяхъ къ намъ со стороны Пруссіи, мыслимо ли было для Россіи поступить въ 1870 году иначе, чѣмъ поступило русское правительство?

Коренные недостатки русской международной политики завісьли въ тѣ времена отъ совершеннаго ея несоотвѣтствія съ внутреннимъ состояніемъ и жизненными потребностями Россіи. Государство, страдавшее у себя дома недугами беззаконія и крѣпост-

¹⁾ Собраніе трактатовъ, предисловіе проф. Мартенса, стр. VII.

ничества, брало на себя задачу водворенія законности въ чужихъ странахъ, и притомъ въ такихъ, какъ Пруссія, Бельгія или Франція. Каждый великій народъ имѣетъ свою пору энергическихъ внѣшнихъ предпріятій, столкновений и войнъ; повсюду, въ великихъ центрахъ европейской жизни, бывали увлеченія чисто-идеиною, безкорыстною борьбою съ сосѣдними отдаленными державами, во имя понятныхъ всѣмъ интересовъ и чувствъ. Французы стремились одарить человѣчество новыми политическими понятіями и учрежденіями; они съ оружіемъ въ рукахъ распространяли въ мірѣ свободу. Англичане уничтожали рабство, помогали освобожденію Греціи, содѣйствовали устраненію или преобразованію устарѣлыхъ государственныхъ порядковъ въ различныхъ краяхъ. Германская нація искала единства для себя и достигла своей цѣли. Но во имя чего боролись мы въ Европѣ и какихъ результатовъ добились съ начала текущаго столѣтія? Намъ до сихъ поръ выпадало на долю играть мало симпатичную роль простой физической силы относительно европейскихъ народовъ и государствъ, исполняющей свою безпощадную и самоотверженную функцію великодушно и безкорыстно, изъ одной любви къ искусству. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы поднимались въ ту эпоху на защиту турецкихъ христіанъ, войны велись какъ будто для чего-то другого, подъ прикрытіемъ постороннихъ дипломатическихъ комбинацій, безъ самостоятельнаго твердаго плана, и дѣло никогда не доводилось до конца и разрѣшалось лишь робкими полумѣрами. Нашею спеціальностью въ европейской политикѣ было, какъ будто, умирять, водворять наружное благочиніе и тишину, смотрѣть за соблюденіемъ установленнаго договорнаго порядка въ Европѣ; даже освободительныя предпріятія кончались обыкновенно „усмиреніемъ“ или толками объ усмиреніи. Не даромъ въ нашемъ простонародіи сложился оригинальный взглядъ на каждую войну какъ на послѣдствіе чьего-либо бунта: воинственные слухи всегда объясняются въ народѣ тѣмъ, что „австріякъ“ или „французъ—бунтуетъ“. Желаніе укрощать чужіе народы, правда, исчезло у насъ со времени восточной войны, и оно не можетъ болѣе руководить нашей внѣшней политикою, но и положительныхъ международныхъ идеаловъ пока еще не существуетъ, а потому для современной нашей дипломатіи самою лучшею и благотворною программою оказывается въ наше время—бездѣйствіе, какъ естественное состояніе отъ прежнихъ своеобразныхъ понятій о внѣшней политикѣ и ея дѣйствіяхъ.

Л. Слонимскій.

ОСОБЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫКЪ

— Иеронимъ Анонимъ. Повѣсти и рассказы. Томъ I—IV. Юбилейное изданіе общ. „Академическій Кружокъ“. Львовъ, 1882—1887.

У насъ болѣе или менѣе извѣстно существованіе Галиціи, сопредѣльной австрійской провинціи, населенной въ большинствѣ чисто русскимъ (южно-русскимъ) народомъ; изъ исторіи помнятъ, что это было нѣкогда русское галицкое княженіе, которое съ половины XIV-го вѣка подпало подъ власть Польши и затѣмъ, послѣ долгой бурной судьбы въ составѣ Рѣчи-Посполитой, по раздѣламъ Польши досталось Австріи; въ послѣднее время до русскаго общества доходили, впрочемъ, болѣе или менѣе отрывочныя, извѣстія о внутренней борьбѣ, совершавшейся въ Галиціи, о стремленіяхъ галицкихъ патріотовъ поднять положеніе русскаго народа, о ихъ спорахъ съ поляками, которые по преданію стараго господства и сословныхъ преимуществъ не хотѣли слышать объ уступкахъ,—и вмѣстѣ о домашнихъ спорахъ самихъ русскихъ галичанъ. Одни изъ нихъ, создавая себѣ идеальное представленіе о единомъ русскомъ народѣ отъ Карпатъ до Камчатки, стремились къ нравственно-національному единству съ этимъ народомъ, а другіе, (какъ это надо признать) не сочувствуя политическому быту великаго русскаго народа, ограничиваютъ свои симпатіи болѣе тѣсной средой своего собственнаго народа и его ближайшихъ единоплеменниковъ — южной вѣтви русскаго народа, малороссіянъ, которая по ихъ теоретическому взгляду составляетъ отдѣльное этнологическое цѣлое и имѣетъ право особаго культурнаго и литературнаго существованія. Въ послѣднее время русское общество получило и болѣе близкія свѣденія о нашихъ единоплеменникахъ галичаныхъ: нѣкоторые изъ нихъ

(именно изъ первой упомянутой группы) приняли извѣстное участіе въ дѣлѣ новѣйшаго воссоединенія уніатовъ, наконецъ переселялись въ Россію, какъ недавно умершій Головацкій, какъ гг. Наумовичъ и Площанскій, или какъ тѣ учителя латинской и греческой грамматики, которые создали себѣ довольно опредѣленную репутацію.

Но у насъ почти абсолютно неизвѣстны подробности внутренней жизни этого галицкаго народа, и та небольшая, но довольно оживленная литература, въ которой выражается и бытъ народа, и стремленія его болѣе образованнаго класса. И въ русской, и въ галицкой печати (въ послѣдней, у людей первой категоріи) было очень много говорено о глубокихъ національныхъ началахъ, соединяющихъ или долженствующихъ соединять оба племени или великое племя — съ его небольшою отраслюю, оторванной отъ цѣлаго внѣшними насиліями исторіи; не мало было брошено укоровъ тѣмъ, которые недоумѣвали о необходимости и самой возможности этого единства и думали только о своемъ галицео-русскомъ народѣ, который при всѣхъ историческихъ связяхъ съ древнею восточною Русью оставался особымъ народомъ, мало имѣющимъ общаго съ тѣмъ, чѣмъ развилось приблизительно съ XIV-го вѣка на русскомъ сѣверо-востокѣ, и связаннымъ по ближайшимъ историческимъ преданіямъ, обычаю и языку только съ южно-русскимъ народомъ имперіи; — при всемъ томъ наше братство и единство съ галичанами остается весьма проблематическимъ или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно слабымъ и зачаточнымъ. Галичане очень мало знаютъ современную русскую литературу — и, какъ прочіе братья-славяне, начинаютъ узнавать ее только потому, что о ней въ послѣднее время стали много говорить сами нѣмцы.

Это незнаніе, происходящее ближайшимъ образомъ отъ обоюднаго недостатка сношеній, довольно понятно, но оно имѣетъ и свои болѣе глубокія историческія причины. Прежде всего, жизнь русскаго государства и громаднаго русскаго народа такъ далека отъ небольшого галицкаго племени, издавна живущаго въ предѣлахъ чуждыхъ государствъ, что здѣсь не можетъ быть непосредственнаго близкаго интереса; умственная жизнь русскаго общества и въ старыя времена московскаго царства, и особливо съ XVIII-го вѣка и въ новѣйшее время, имѣла такъ мало общаго съ тѣмъ, чѣмъ дѣлалось въ Галиціи, что многое въ ней не только чуждо галичанамъ, но безъ настоящаго, почти спеціальнаго изученія будетъ просто непонятно; въ настоящее время складъ русскаго общества и народа еще больше осложнился, такъ что пониманіе становится еще труднѣе; самыя формы русскаго быта для галича-

нина чужды и необычны; наконецъ и русскій языкъ, образовавшійся въ условіяхъ, опять неизвѣстныхъ Галиціи, и притомъ діалектически различный для галичанина, не учившагося ему особо, долженъ быть не вполне вразумителенъ. То же самое въ обратную сторону долженъ испытывать русскій читатель, обращаясь къ галицко-русской жизни и литературѣ: этотъ край такъ удаленъ отъ насъ исторіей, что жизнь его становится понятна только путемъ изученія; его современное положеніе, племенные и политическія отношенія не имѣютъ ничего общаго съ нашими привычными понятіями. Если мы можемъ болѣе или менѣе удобно осваиваться съ особенностями нашей Малороссіи, то это весьма естественно послѣ политическаго и образовательнаго объединенія, начавшагося еще съ половины XVII-го вѣка,—но ничего этого не было у насъ съ Галиціей: она осталась въ тѣхъ условіяхъ польскаго (прежде политическаго, нынѣ культурнаго) господства, которыя для нашей Малороссіи прекратились уже болѣе двухсотъ лѣтъ назадъ; она остается съ унией и многими старыми бытовыми порядками, которые давно прошли для Малороссіи и тѣмъ менѣе понятны для насъ.

Книжный языкъ современной галицкой Руси до сихъ поръ остается въ переходномъ положеніи, въ родѣ того, въ какомъ былъ южно-русскій языкъ въ XVII столѣтіи, на полѣ-пути между народнымъ и школьно-церковнымъ, или нашъ литературный языкъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка, когда въ немъ сталкивались самые разнородные элементы: и живая народная рѣчь, и формы и слова церковно-славянскія, и цѣлый запасъ словъ иностранныхъ изъ школы, изъ техники и изъ латино-нѣмецкой канцеляріи. Когда въ эпоху галицко-русскаго возрожденія, съ 1830-хъ годовъ, возникъ по необходимости вопросъ о литературномъ языкѣ, которымъ должна была говорить начинающаяся литература, этотъ вопросъ представилъ чрезвычайныя и, кажется, едва одолимыя трудности. Дѣйствительно, въ эту эпоху всеобщаго славянскаго оживленія дѣло шло о томъ, чтобы поднать угнетенное до тѣхъ поръ чувство своей народности: начались усердные этнографическіе поиски, собирались историческія преданія, изслѣдовался народный бытъ, предпринимались заботы о пробужденіи сознанія въ массахъ, и понятно, что къ народу надо было обратиться на томъ языкѣ, какой былъ бы ему роднымъ и понятнымъ; дѣйствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ нашей Малороссіи, гдѣ параллельное движеніе вызвало небольшую литературу на чисто народномъ языкѣ; но чувствовалось также, что средства народнаго языка недостаточны для произ-

веденій научнаго характера, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ старыхъ памятникахъ южно-русской литературы и въ хранившемся церковномъ употребленіи привычны были элементы церковно-славянскаго языка (въ ихъ сѣверно-русской и южно-русской модификаціи), — и въ результатъ всего этого сталъ складываться тотъ особый русскій языкъ, который съ тѣхъ поръ и донинѣ отличается галицко-русскую литературу.

Нельзя сказать, однако, чтобы этотъ языкъ установился во что-нибудь определенное даже теперь, по истеченіи полу-вѣка съ начала новѣйшаго галицко-русскаго возрожденія. Разнообразные элементы языка, какимъ пользуются галицко-русские писатели, до сихъ поръ находятся въ состояніи броженія и — настоящей борьбы. Намъ случалось говорить объ этомъ положеніи вещей, о „твердыхъ“ русинахъ, которые настаиваютъ на единствѣ русскаго племени и языка отъ Карпатъ до Камчатки и *желаютъ* писать на нашемъ русскомъ литературномъ языкѣ, и партіи народнической, которая стоитъ за отдѣльность южно-русскаго племени и языка и держится послѣдняго въ своихъ литературныхъ трудахъ. Такимъ образомъ, немногочисленные литературныя силы небольшой народности (въ предѣлахъ Австріи) раздѣлены на два лагеря, относящіеся другъ къ другу весьма враждебно. Притомъ въ каждомъ лагерѣ его литературное орудіе далеко не прочно, не представляетъ ясной, для всѣхъ обязательной системы. Языкъ „твердыхъ“ русиновъ есть вообще нѣчто странное и путанное: когда они думаютъ, что пишутъ (и говорятъ?) на русскомъ языкѣ, нашему читателю ихъ писанія напоминаютъ — вовсе не нашъ нынѣшній языкъ, языкъ Пушкина, Тургенева, языкъ современной научной литературы, а скорѣе языкъ прошлаго вѣка — Ломоносова, Сумарокова и т. п.: такъ онъ старомоденъ, искусственъ, тяжеловѣсенъ, а вмѣстѣ и пересыпанъ мѣстными особенностями. Съ другой стороны языкъ народной партіи также не всѣми выдерживается въ предполагаемой чистотѣ: когда одни, повидимому, привыкли къ изложенію на южно-русскомъ (галицкомъ) языкѣ, другіе колеблются въ его формахъ и дѣлаютъ заимствованія формъ, словъ и оборотовъ изъ книжнаго русскаго языка. Наконецъ, тѣ и другіе встрѣчаются съ вышними условіями, которыя неодолимо дѣйствуютъ на литературный языкъ, придавая ему специальную мѣстную складку, и отдѣляютъ его одинаково и отъ литературнаго великорусскаго, и отъ нашего малорусскаго языка. Дѣло въ томъ, что въ то время какъ „твердые“ русины не знаютъ хорошо нашего русскаго языка (которымъ желаютъ писать), ихъ противники на-

ходятся также въ затруднительномъ положеніи: чистый народный языкъ можетъ быть выдержанъ развѣ только въ поэзіи и беллетристичѣ, въ повѣстяхъ изъ народнаго быта и тому подобномъ; но онъ оказывается недостаточнымъ въ литературѣ научной и политической, какъ и для поэтическихъ произведеній болѣе сложнаго содержанія. Наука требуетъ развитія цѣлой терминологіи, которая едва ли можетъ образоваться безъ обширной, между прочимъ, университетской научной работы на этомъ языкѣ; съ другой стороны, жизнь политическая, которая въ послѣднія десятилѣтія становится важнымъ интересомъ галицко-русскаго общества, идетъ по преимуществу не на русскомъ, а на нѣмецкомъ и польскомъ языкѣ. Читая галицко-русскія газеты, въ ихъ политическомъ отдѣлѣ, русскій читатель встрѣчается съ цѣлою массою терминовъ и выраженій общественно-политической жизни, прилаженныхъ съ нѣмецкаго или повторенныхъ съ польскаго и совершенно неизвѣстныхъ русскому языку въ обѣихъ нашихъ его отрасляхъ. Это доходитъ иногда до такой степени, что инныя фразы (надо думать, не въ особенно умѣлыхъ рукахъ) кажутся какъ будто польскими, переписанными по-русски.

Состояніе языка бываетъ въ большей степени отраженіемъ самой жизни. Галицко-русскій бытъ всего больше подлиннаго русскаго (т.-е. южнаго) сохранилъ, конечно, въ низшихъ народныхъ слояхъ, сохранилъ не въ силу того полу-мистическаго представленія, что „народъ“ есть вѣрный хранитель истиннаго преданія, а „интеллигенція“ и т. д., а просто въ силу того, что бытъ народнаго слоя, съ его элементарнымъ трудомъ, въ его обыкновенно экономически стѣсненномъ и въ Галиціи нерѣдко бѣдственномъ положеніи, съ его недостаткомъ и даже невозможностью сколько-нибудь широкаго школьнаго образованія,—что этотъ бытъ всего меньше испытываетъ тѣ культурныя вліянія, какимъ гораздо легче поддаются городскіе, болѣе достаточные и болѣе образованные слои. Въ этихъ послѣднихъ слояхъ галицко-русскаго общества издавна складываются бытовые черты чисто мѣстнаго характера, опять несходныя съ общественной жизнью Россіи, и сѣверной, и южной. Это было вполне естественно; долгіе годы сожителства съ польскимъ обществомъ и нравами, а въ последнее столѣтіе вліянія нѣмецкаго управленія, школъ и канцелярій, наконецъ свѣтскихъ обычаевъ и модъ, не могли не отражаться на галицко-русскомъ бытѣ, особенно въ томъ городскомъ населеніи, которое всего чаще вступаетъ въ соприкосновеніе съ элементомъ польскимъ и нѣмецкимъ. Сопровиженіе почти немыслимо: еслибы существовалъ въ галицко-русскомъ на-

родъ свой аристократическій высшій классъ, онъ могъ бы имѣть руководящее вліяніе по своему общественному положенію и богатству, но въ Галиціи этотъ классъ, старое боярство, еще съ XIV-го вѣка сталъ подпадать польскому вліянію и давно уже превратился въ польскую аристократію; городское мѣщанство въ прежнее время довольно упорно держалось старыхъ русскихъ преданій, но въ концѣ концовъ его энергія была сломлена; политическое господство Польши и унія, затѣмъ нѣмецкое господство разорвали его связь съ восточными единоплеменниками и предоставили его самому себѣ, безъ патріотическаго центра и руководства. Въ послѣднія десятилѣтія въ галицко-русской жизни начинается развиваться политическое сознаніе: повидимому оно дѣлаетъ успѣхи, но исторія такъ запутала отношенія этого осколка русскаго племени, что не мудрено, что его представители въ новѣйшее время не въ силахъ были разрѣшить фатальнаго недоумѣнія: чтѣ они такое, гдѣ ихъ отечество, къ кому имъ примкнуть и куда стремиться?

Очевидно, отсюда должна была вырастать масса трудныхъ положеній, недоумѣній и противорѣчій,—изъ которыхъ только немногое достигаетъ до нашего свѣденія. Предоставленные своимъ скуднымъ силамъ, ведя борьбу на тѣсномъ пространствѣ, галицкіе патріоты становятся тѣмъ нетерпимѣе и исключительнѣе, доводятъ до крайности свои положенія, а также и—сбиваются съ пути. Инымъ „твердымъ“ русинамъ казалось, наконецъ, единственнымъ выходомъ—буквальный выходъ изъ своего отечества, какъ это сдѣлалъ Головацкій; иные изъ своей пропаганды единого русскаго отечества дѣлали выгодную аферу, въ концѣ концовъ дискредитируя дома и самихъ себя, и свою „идею“, а мы, не зная ихъ похожденій, привѣтствуемъ ихъ какъ заслуженныхъ славянскихъ братьевъ. Другая сторона, полагая, что ведетъ чисто народное дѣло, доходитъ до другой крайности, проповѣдуя отдѣльность и исключительность южно-русскаго племени, отвергая солидарность съ русской литературой и давая фантазіи гораздо болѣе мѣста, чѣмъ слѣдуетъ по положенію вещей и по исторіи. Если они (какъ и ихъ противники) кончаютъ тѣмъ, что не знаютъ русской литературы, то-есть того лучшаго, чтѣ было ею создано, и тѣмъ, конечно, стѣсняютъ запасъ нравственно-образовательнаго содержанія, какой могъ бы быть почерпнуть изъ этого столь близкаго источника, то мы, съ своей стороны, въ сущности оттапливаемъ эту литературу родственнаго народа, — которую должны были бы знать и которой могли бы принести помощь, —когда встрѣчаемъ ее цензурными запрещеніями...

Въ настоящемъ случаѣ мы хотимъ остановиться на одномъ писателѣ этой литературы.

Вѣроятно, только очень немногимъ людямъ, которые интересуются у насъ галицко-русской словесностью, извѣстно имя писателя, заглавіе сочиненій котораго мы выше поставили; между тѣмъ это—имя весьма популярное между русскими галичанами, и Іеронимъ Анонимъ считается однимъ изъ лучшихъ современныхъ представителей ихъ литературы. Изданіе его повѣстей и рассказовъ сдѣлано „академическимъ кружкомъ“, то-есть обществомъ русскихъ студентовъ во Львовѣ, на память десятилѣтней годовщины этого кружка. Приводимъ нѣсколько словъ изъ предисловія „кружка“, чтобы показать, какое значеніе придается въ самомъ молодомъ поколѣніи произведеніямъ Анонима, а вмѣстѣ —какимъ языкомъ пишутъ въ Галиціи по-русски.

„Много у насъ пишутъ и говорятъ объ успѣхахъ сдѣланныхъ въ послѣдніи времена на поприщѣ возбужденія русско-народной жизни въ Галичинѣ. Мы далеки отъ пессимизма, признаемъ, что много, очень много смѣнилось въ лучшее, но не лзя замолчать, что надежды, оживлявшіи первыхъ поборниковъ святой нашей sprawy, еще далеко не осуществлены. Правда, интеллигенція наша, съ изъятіемъ людей запродавшихъ свое народное достоинство, не стыдится теперь роднаго слова, но чи стается ¹⁾ она тѣмъ самымъ русскою? Нѣтъ! Только рѣчь у нея русская, а мысли, чувства, идеалы—чужды!

„Познавати свой народъ учатся у насъ изъ Крашевскихъ, Захарьясевичевъ, Сахеръ-Масоховъ и проч.—не позоръ ли то? Не отдаляетъ ли насъ тое чѣмъ разъ болѣе отъ того народа, который одинъ сумѣлъ сохранить всѣ памятники великой минувшести?

„Крайняя отже ²⁾ потреба ширенія родной беллетристики, которая могла бы освободити насъ отъ чужихъ, такъ вредныхъ произведеній—наглядна. Тожь думаемъ, что не могли мы почтити десятилѣтней годовщины основанія „Академическаго Кружка“ полезнѣйшимъ отечеству дѣломъ, якъ изданіемъ повѣстей самаго лучшаго нашего новелиста“.

„Теперь передаемъ ихъ Вамъ, Отцы наши, которые учили насъ любви къ всему родному, да будетъ тое для Васъ доказомъ, что труды Ваши не были безуспѣшными; передаемъ ихъ Вамъ, русскіи красавицы, изъ нихъ увѣдаете, что и родное слово въ состояніи поднести духа, загрѣти сердце; наконецъ, передаемъ ихъ и Вамъ, юныи русскіи братья, крѣпѣтся родною мыслью, бо поприще для Вашей будущей дѣятельности великое!

„Съ вѣрою напередъ!“

Настоящее имя Анонима есть Хилякъ (Владиміръ Игнатъе-

¹⁾ Становится ли.

²⁾ Поэтому.

вить). Краткая біографія, приложенная къ четвертому тому. настоящаго изданія, такъ говоритъ о началѣ и развитіи его литературной дѣятельности (приводимъ опять слова подлинника, для образчика языка).

„Среди умственного застоя, вызваннаго главно политическими неудачами и среди породившейся вслѣдствіе того апатіи, отзывался постоянно голосъ изъ-подъ Лемковскаго Бескида, который подъ видомъ прехорошихъ повѣстей и разсказовъ стремѣлся разбудить духа спящей блаженнымъ сномъ Галицкой Руси. Голосъ тотъ приобрѣлъ себѣ вскорѣ большую популярность. Кому же у насъ неизвѣстны повѣсти и разсказы: „Шибеничный верхъ“, „Польскій патриотъ“, „Влеченіе сердцемъ“, „Повѣсть въ пору“, „Русская доля“ и прочія? Читались они на разхватъ; каждый чувствовался ободреннымъ и спрашивалъ: Кто ихъ авторъ? Но имя автора скрывалось долшее время подъ разными псевдонимами; вскорѣ же узнали любопытныи, что авторомъ тѣхъ чрезвычайно занимательныхъ и многоцѣнныхъ повѣстей и разсказовъ есть: о. Владиміръ Игнатьевичъ Хиліякъ, приходскій священникъ въ Бортномъ, горлицкого повѣта, извѣстный подъ псевдонимами: *Іеронимъ Анонимъ, Нелаяъ В., Я Самъ, Нѣкій*“.

Біографія Хиліака есть скромная біографія галицкаго униатскаго священника. Онъ родился въ 1843 г., въ такъ-называемой Лемковщинѣ, на западной границѣ Галиціи съ Венгріей. Сюда заходятъ отроги Карпатъ, называемыхъ здѣсь Бескидомъ или Бескидами; этотъ край заселенъ особою вѣтвью галицео-русскаго народа, которая называется „лемками“. Край очень бѣдный, и на изображеніи его много разъ останавливается Хиліякъ въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ. Отецъ Хиліака—также приходскій священникъ, еще жившій въ 1887 году. Хиліякъ былъ младшимъ изъ дѣтей Игнатія; окончивши образованіе въ шести-классной гимназіи въ Новомъ-Сандецѣ, онъ прошелъ седьмой и восьмой классъ въ „каѳолической“ высшей гимназіи въ Пряшевѣ, въ сосѣднемъ словацкомъ краю въ Венгріи. Потомъ онъ посѣщалъ три года лекціи богословскаго факультета во львовскомъ университетѣ, и четвертый годъ въ епархіальномъ заведеніи въ Перемышлѣ. По окончаніи курса, онъ женился на дочери священника, имѣвшаго приходъ въ Избахъ—мѣстности, въ которой происходитъ дѣйствіе его большой исторической повѣсти „Шибеничный верхъ“.—и въ 1866 году получилъ рукоположеніе. Его пастырская дѣятельность съ тѣхъ поръ и, кажется, донинѣ проходить въ этомъ родномъ его краѣ, среди бѣднаго населенія и въ крайне скромной его собственной обстановкѣ. Вскорѣ по рукоположеніи

ему поручено было завѣдываніе приходомъ (т.-е. пока исправленіе должности приходскаго священника), гдѣ до него въ теченіе десяти лѣтъ смѣнилось двѣнадцать священниковъ; въ этомъ приходѣ, который называется собственно Долина, но имѣетъ также не безъ причины прозвище „Голодовки“, Хилиакъ пробылъ два года, и послѣ него этотъ приходъ не былъ замѣщенъ вовсе по отсутствію желающихъ его занять. Затѣмъ года два онъ завѣдывалъ еще другимъ приходомъ и, наконецъ, въ 1871 году сдѣлался „дѣйствительнымъ приходникомъ“, то-есть получилъ настоящій приходъ въ селѣ Бортномъ; повидимому, приходъ былъ также незавидный, потому что онъ одинъ явился желающимъ получить его. Біографъ Хилиака удивляется, что, живя въ такомъ бѣдномъ приходѣ, обремененный большимъ семействомъ и своими церковными обязанностями, почтенный священникъ находитъ время, чтобы посвящать свой трудъ и литературѣ. „Слѣдуетъ удивляться громадному таланту о. Владиміра, — замѣчаетъ біографъ, — таланту, который при такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ не потерялъ ни своей живучести, ни силы; есть то, однако, участію всѣхъ даровитѣйшихъ галицко-русскихъ писателей, что они принуждены бороться со всякими противностями и превратностями судьбы“.

Съ тѣхъ поръ, какъ его жизнь установилась, наконецъ, въ селѣ Бортномъ, началась литературная дѣятельность Хилиака. Съ 1872 года и до 1887, онъ написалъ цѣлый рядъ повѣстей и рассказовъ, которые печатались главнымъ образомъ въ газетѣ „Слово“, а также въ „Новомъ Проломѣ“, „Временникѣ“ Ставропигійскаго института и другихъ изданіяхъ. Галицкіе критики, какъ и біографъ Хилиака, Ив. Левицкій, ставятъ очень высоко его произведенія. „Повѣсти и рассказы о. Владиміра, — говоритъ Левицкій (одинъ изъ лучшихъ южно-русскихъ писателей), — въ которыхъ онъ не пропустилъ ни одного важнѣйшаго вопроса, касающагося нашей народной жизни, не коснувшись его, отличаются чрезвычайно легкимъ слогомъ, поэтичностью, юморомъ съ примѣсью ироніи и сарказма, являясь также художественнымъ переведеніемъ не только поодинокихъ дѣйствій, но цѣлая акція дѣйствующихъ лицъ выходитъ изъ-подъ пера его оконченною такъ полно, что, читая которую-нибудь изъ его повѣстей или рассказовъ, кажется намъ, что находимся среди дѣйствующихъ лицъ и смотримъ на нихъ собственными глазами“.

Критикъ значительно преувеличилъ, сказавши, что Хилиакъ не пропустилъ ни одного важнаго вопроса, касающагося галицко-русской народной жизни: еслибы это было такъ, мы имѣли бы

передъ собой въ высшей степени интересное литературное явленіе. На дѣлѣ, содержаніе его произведеній не такъ широко, но и въ настоящемъ ихъ объемѣ они въ разныхъ отношеніяхъ заслуживаютъ вниманія и могли бы поинтересовать и русскихъ читателей. Изданные теперь труды Хиляка заключаютъ, кажется, полное собраніе его беллетристики (кромѣ, можетъ быть, еще болѣе новыхъ): мы находимъ здѣсь одну большую историческую повѣсть изъ второй половины прошлаго столѣтія и рядъ рассказовъ изъ современной галицко-русской жизни, которые отчасти касаются образованнаго круга общества и воспоминаній студенческаго быта, отчасти сельской народной жизни. Историческая повѣсть, „Шибеничный верхъ“, построенная частью на документальныхъ свѣдѣніяхъ, частью на мѣстныхъ преданіяхъ, относится къ 1768 году и рассказываетъ о хозяйничаньи польскихъ конфедератовъ (передъ первымъ раздѣломъ Польши) въ той самой Лемковщинѣ, которая составляетъ родину и мѣсто жительства самого писателя. На главной сценѣ — отношенія поляковъ къ мѣстному русинскому населенію; эти отношенія авторъ изображаетъ самыми мрачными красками. Конфедераты не только разоряли народъ реквизиціями, но совершали и другія насилія, соединенныя съ коварствомъ. Военные нравы, и въ военное время, не отличаются мягкостью; авторъ, кажется, это знаетъ, но онъ именно рисуетъ коварное злодѣйство, которое губить ничѣмъ неповинную крестьянскую семью: глава семьи гибнетъ на висѣлицѣ (шибеницѣ), дочь-дѣвушка теряетъ рассудокъ, и т. д. Въ концѣ концовъ порокъ наказывается, и главный виновникъ, польскій ротмистръ, преслѣдуемый мстителями, казнитъ себя самоубійствомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было совершено его злодѣяніе. Сами галицкіе критики, высоко цѣня повѣсть, находятъ въ ней недостатки, именно нѣкоторую искусственность; на нашъ взглядъ эти недостатки покажутся, вѣроятно, еще значительнѣе; ея манера нѣсколько старомодная, мелодраматическая, но при всемъ томъ есть въ ней и положительныя достоинства — въ особенности въ картинахъ народнаго быта, написанныхъ всегда съ любовью и хорошимъ знаніемъ.

Въ исторической повѣсти Хиляка уже сказывается одна черта галицкой жизни — племенная и политическая вражда къ польскому элементу. Мы не разъ встрѣтимъ ее и въ другихъ рассказахъ, напр. въ „Польскомъ патріотѣ“ и „Русской долѣ“. Въ первой изъ этихъ повѣстей изображенъ ловкій бродяга, который, принявъ на себя видъ повстанца, сражавшагося (въ 1863—64) за отечество, обманываетъ своихъ и чужихъ и попадаетъ, наконецъ,

въ руки правосудія. Изображаемый здѣсь „патріотъ“ не можетъ быть принятъ за обычное явленіе, и жертвою обмановъ бродяги становятся и сами соотечественники мнимаго пана Коморницкаго; но польско-русскія отношенія рисуются, напр., тѣмъ, что бродяга, очевидно предлагающій себя на всякія услуги, является агентомъ польской партіи при выборахъ, обманываетъ русскихъ поселянъ-избирателей, и т. п. Въ „Русской долѣ“ русскому челоуѣку, прямому, скромному и достойному, приходится терпѣть людскую несправедливость, которую олицетворяютъ особенно поляки. Вообще, польско-русскія отношенія рисуются приблизительно въ томъ тонѣ, какъ изображала ихъ русинская публицистика, причемъ на сторонѣ русскихъ оазывается добродѣтель, на сторонѣ поляковъ—порокъ. Бѣда, однако, въ томъ, что изъ этихъ же рассказовъ можно видѣть, что русскіе часто бываютъ сами виноваты въ своихъ бѣдахъ—недостаткомъ солидарности и пониманія своихъ дѣлъ.

Наилучшіе рассказы Хиляка тѣ, которые посвящены народному быту. Онъ съ любовью описываетъ картины дикой, экономически скудной, но и величественной природы своихъ Бескидовъ; онъ знаетъ народный бытъ, любитъ изображать его поэтическія стороны, но знаетъ и слабыя стороны народного характера; онъ скорбитъ о бѣдственномъ положеніи своего горнаго сельскаго люда въ трудной борьбѣ съ негостепріимной природой и исполненъ желаніями его улучшенія нравственнаго и экономического. Чтобы характеризовать эти произведенія Хиляка, не легко было бы найти въ русской литературѣ параллель, которая объяснила бы ихъ свойства нашему читателю; это — не нашъ новѣйшій рассказъ изъ народного быта, такъ часто доводящій до крайности предполагаемый „реализмъ“, и въ существѣ часто слишкомъ сухой и нравственно безцвѣтный; галицко-русской литературѣ, какъ и вообще литературѣ нашихъ западныхъ братьевъ, этотъ реализмъ мало извѣстенъ; мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что въ манерѣ Хиляка замѣтно вліяніе нѣмецкаго и польскаго чтенія; это—популярныя повѣсти, отчасти съ правоучительной тенденціей и отгѣнкомъ сентиментальности¹⁾. Еслибы все-таки искать нѣкоторой параллели, то въ нашей мало-русской литературѣ всего ближе было бы сравненіе съ повѣстями Квитки, съ тою разницею, что въ настроеніи галицко-русскаго новеллиста сентиментальность въ большей степени сглаживается

¹⁾ Нѣкоторые изъ своихъ путливыхъ рассказовъ онъ называетъ, на нѣмецкій ладъ, „гуморесками“.

юморомъ и болѣе серьезной рефлексіей: мимоходомъ, въ шути-вой формѣ, онъ касается нерѣдко общаго положенія своего на-рода, видитъ его мрачныя стороны, хотя, впрочемъ, не выска-зывается яснѣе, въ чемъ бы состояли его желанія для своего народа, кромѣ общаго желанія, чтобы народу жилось легче, чѣмъ теперь. Мы указывали одну черту его общественно-политическихъ взглядовъ—враждебное отношеніе къ польской несправедливости; въ самомъ народѣ не все ему нравится; онъ видитъ недостатки его быта, видитъ также въ немъ запасъ неиспорченныхъ силъ, добраго нравственнаго содержанія, но въ обоихъ случаяхъ остается неяснымъ—гдѣ выходъ и гдѣ средства политическаго улучшенія.

Мы говорили о его юморѣ. Это, повидимому, не только черта личнаго дарованія и настроенія; на писателѣ какъ будто отра-жается вліяніе самого народнаго характера; не разъ въ его кар-тинахъ сельской жизни могутъ припомниться инныя подробности изъ малорусскихъ повѣстей Гоголя, какъ самый бытъ и люди не разъ напомнятъ бытъ и людей нашей Малороссіи.

Было бы долго останавливаться на подробностяхъ разсказовъ Хизяка; мы ограничимся нѣсколькими выдержками, которыя мо-гутъ дать понятіе объ его манерѣ и его языкѣ. Въ предисловіи къ „Шибеничному верху“ онъ бросаетъ взглядъ на тотъ край Га-лиціи, который всего чаще бываетъ мѣстомъ дѣйствій его народ-ныхъ разсказовъ.

„Нужденная Лемковщина не имѣетъ ничего, чѣмъ бы могла при-надити ¹⁾ къ себѣ якого туриста; окрестность всяда стереотипна, гора и лѣсъ, лѣсъ и гора, а одна и другая однообразны. И села, между ними положенныя, почти ничѣмъ не различаются. Всяда тѣ же хаты однообразны, тягнушіяся вдоль потока, всяда церковца деревяна, съ трема червонными куполами, одна управа полева, овесъ рѣдонькій, картофля низенькая, дуги скупенькіи“...

Одинъ изъ высшихъ пунетовъ въ Бескидахъ есть гора Лацкова.

„Круглый верхъ ея господствуетъ по-надъ всѣ селенія окрестныя, казалъ бы ты—она стоитъ на стражѣ между двумя свѣтами, между славянскимъ и гунскимъ ²⁾, но съ одной и другой стороны прижи-маются русскія села къ ней, казалъ бы ты—просятъ у ней, чтобы не раздѣляла людей одной вѣры и народности, которыхъ полити-ческія границы отчужили...“

„Изъ ней увидишь только безконечную цѣпь горъ, которыя крыють между собою селенія, а дальшую окрестность дѣлають невидимую,—едва бѣлая церковца села Блихнарки и нѣсколько хатъ угорско-рус-

¹⁾ Привлечь.

²⁾ Подразумѣвается венгерскій.

скаго села Пѣтровою выскользнулось изъ-подъ ихъ ослоны. Только одно селъце, Бѣлична, простирающееся у сѣвернаго подножья Лацковой, представляется твоему взору въ цѣлости. Если обратимъ наши очи въ западно-сѣверномъ направленіи, увидимъ червонны куполы церкви и нѣсколько соломенныхъ крышей. То село Избы. Спустившись съ горы, встрѣчаемъ въ западной сторонѣ той же мѣсто, значно возвышенное по-надъ уровень долины. обмеженное заросшимъ уже рвомъ, въ видѣ эллиптической звѣзды. То, повидимому, не дѣло природы, а дѣло рукъ человѣческихъ, — то таборъ когда-то барскихъ конфедератовъ. Нынѣ оретъ то мѣсто спокойно юноша, одѣтый въ короткій сѣракъ особеннаго кроя и накрытый капелюхомъ ¹⁾ съ такъ широкими крысами ²⁾, что изъ-подъ нихъ невозможно лица узнать, та только дымъ, вертящійся изъ-подъ капелюха, велитъ заключати, что подъ нимъ мѣстится люлька и необходимый къ ней — ротъ съ головою. Въ близи сидитъ старикъ въ шапцѣ съ чернымъ бараньимъ околишкомъ, изъ-подъ котораго длинный сивый волосъ на рамена падаетъ, и хотя весеннее солнце лагоднымъ тепломъ землю надѣлило, таки старикъ тотъ обвинулъ крѣпко въ сѣрую „чугу“, чтобы огрѣти старыи застуденѣлыи кости... Онъ слѣдитъ внимательно каждую борозду, сдѣланную плугомъ, — не вырываются ли гроши, повѣренныи по преданію землѣ когда-то конфедератами... Покинъ пустую надежду, бѣдный старикъ! Если конфедераты съумѣли гроши сбити, то — повѣрь мнѣ — съумѣли они ихъ такожь хорошо скрыти... Если же когда случилось, что невинный плугъ выкинулъ изъ святой землицы заржавѣлую подкову или мѣдный грошъ съ подобіемъ послѣдняго щеголоватаго короля, — повѣрь мнѣ: то все, что оставили вамъ конфедераты въ заплату за столько понесенныхъ вами обидъ и пониженій...

„Слѣдуя за поточкомъ, истекающимъ въ Бескидѣ, въ западной сторонѣ Лацковой, зайдемъ впростъ въ село Избы. Середъ него красуется церковь, принадлежащая нынѣ къ старшимъ сей окрестности, ибо еще въ 1775 году созданная. Внѣшность ея — то зданіе крестообразное, въ верху котораго пять круглыхъ куполовъ стремятъ. Во внутри церковь та, хотя обновлена въ недавнихъ временахъ, несутъ на себѣ печать древности, надѣляющей насъ якою-то сродною уютною тишиною, которая насъ въ богоговѣнію мимовольно влечетъ. Въ каплицѣ по правой сторонѣ находится икона Покрова Пресвятой Богородицы. Въ обществѣ святыхъ угодниковъ божіихъ возносится Царица небесъ съ вознесенными руками въ небо, но очи ея сочувственно обращены на ту нужденную землю, изъ которой громада несчастныхъ людей (а среди нихъ и тогдашній пресвитеръ избянскій, о. Іоаннъ Ропскій, вмѣстѣ съ своею супругою) призываютъ покровъ непогрѣшимой Заступницы... На противоположной стѣнѣ изображена гора Лацкова съ лагеремъ конфедератовъ...

„За иконостасомъ принадной структуры мѣстится престолъ — не греческій и не римскій, а такъ по половинѣ изъ каждаго. Живая то характеристика среднихъ временъ уніи“.

¹⁾ Шляпой.

²⁾ Полами.

Въ разсказѣ „Русская Доля“ онъ рисуеъ еще картинку изъ быта своихъ земляковъ.

„Вопроси, пчт. читатель, нашего Лемка о дорогу въ село Лѣсне, а онъ отвѣтитъ тебѣ на тое дивною якою-то улыбкою. Что за причина тому?...“

— О! паноньку, до Лѣснаго каждый трафитъ, кто лемъ здоровни очи ма,—извиняется Лемко.—Якъ лемъ¹⁾ перейдете тотъ горбокъ (хорошій мѣъ горбокъ, то настоящая гора!), то на граничномъ концѣ подыблете²⁾ столпъ, а на томъ столпѣ привязанный кусень сыра!..

— Сыра?.. зачѣмъ же то?—спросишь удивленный.

— Та сыра, паноньку... бо въ Лѣсномъ уже така установка. Въ каждый скоромный день завѣшаетъ войтъ при дорогахъ на столпъ, или на деревъ—якъ попало—кусниъ сыра, а люди, „кой“ идутъ на работу въ поле, отерають свою овсянную адзимку³⁾ о тотъ сыръ, чтобы ее обмастити⁴⁾, иначе они бы и на Великдень постили.

„Тую насмѣшку о своихъ сусѣдахъ разскажетъ тебѣ Лемко съ врожденною ему флегмою, и съ добродушною улыбкою, будто бы разсказывалъ что-то обще извѣстное, повседневное, а не вѣрный образъ нужды, или радше—карикатуру нужды.“

„Село Лѣсне лежитъ на самой границѣ Угоръ, на галицкомъ склонѣ Бескидовъ.“

„Войдешъ тамъ, то убѣдишся, что Лемко въ своемъ судѣ былъ правъ и не много преувеличилъ. На каждомъ шагу стрѣтишся съ доказательствами вселившей ся нужды. Ее вычитаешь изъ исхудалыхъ лицъ селянъ, изъ запавшихъ ся глубоко очей селянокъ, изъ дрянной чуги мушницъ, изъ грязной сорочки женщинъ, изъ босыхъ ногъ хлопцевъ, изъ непричесанныхъ головъ дѣвчатъ, а даже изъ обветшалои шабасовой юпки мѣстнаго жида-шинкаря. Нужда выглянетъ къ тебѣ изъ каждаго, въ половинѣ шибами⁵⁾, а въ половинѣ дощечками залатаннаго окна, заколышется на кичкахъ⁶⁾ лихо пошитой крыши, заскрипитъ въ разваленныхъ воротахъ, вышкирится⁷⁾ ребрами худыхъ козъ и коровъ, заплачетъ хрыплымъ голосомъ голоднаго дѣтвѣка⁸⁾, или поразитъ тя воемъ ненакормленной собаки!..“

„Такой образъ представляло тое село тогда, когда то было непогрѣшимымъ догматомъ лѣцкого вѣроисповѣданія, что Богъ сотворилъ душу хама для пана, а шкуру его для экономскаго внута. Улучшилася ли доля тамошнихъ жителей сегодня? Не знаю. Я не былъ въ Лѣсномъ якъ въ 1839 году.“

¹⁾ „Только“,—спеціальное мѣстное слово, отъ котораго объясняютъ и самое имя лемковъ.

²⁾ Увидите.

³⁾ Сухарь изъ некавашенаго тѣста, азуптов,—какъ объясняетъ авторъ.

⁴⁾ Помазать.

⁵⁾ Нѣмецкое Scheibe.

⁶⁾ Должно быть, дощечкахъ.

⁷⁾ Вышкирити—ощерить, оскалить, т.-е. зубы.

⁸⁾ Ребенокъ.

Мы упоминали о содержаніи разсказа „Русская Доля“. Пріятель автора (говорится въ „эпилогѣ“) такъ выразилъ свое мнѣніе о смыслѣ этой повѣсти:

„Ты отчерталъ въ твоёмъ проѣ образецъ настоящаго Русина. Онъ любить свою мать-Русь хоть драхлю, ободранную старушку неизмѣнно и не хочетъ ея отречися, не стыдится ея нищеты, хоть за то приходится ему отречися благосклонности гордой Полоніи, ея покровительства и съ ними различныхъ выгодъ!.. Подъ его сестрою я не могу что иного разумѣти, лишь нашъ родной языкъ, за честь котораго приходится ему драться съ такими Шварцами, безхарактерными перекичиками. Помимо своей благородной души, помимо горячаго чувства онъ принуждёнъ отъ молодости до старости бороться съ неудачами, препятствіями, гоненіями, и не находитъ иной нагороды ¹⁾, лишь въ своей совѣсти, что исполнялъ свои обязанности, и въ надеждѣ, что за то спокойно умреть въ родинной хатѣ—на лонѣ матери Руси...

— За что принуждёнъ безталанный Русинъ страдати, когда инны народы благосостояніемъ наслаждаются?—продолжалъ мой сусѣдъ, прохаживаясь быстро по комнатѣ, что и было ознакою найвысшей степени его витійскаго жара.—Каждый мыслящій человекъ спрашиваетъ: Кто се согрѣши? За что наказуетъ насъ провидѣніе?.. За грѣхи ли нашихъ князей, или нашихъ лѣнливыхъ отцевъ, за нерадѣніе ли нашихъ народныхъ предводителей, или за наши собственные грѣхи?.. А можетъ быти, русскіи дѣти страдаютъ, чтобъ на нихъ явился дѣла Божіи, чтобъ“...

Авторъ прервалъ своего пріятеля и рѣшилъ, что печальная повѣсть будетъ называться „Русская Доля“.

Въ своихъ разсказахъ Анонимъ не разъ выводитъ быть сельскаго священника, всегда скромный, часто бѣдный; церковъ бываетъ обыкновенно маленькая, деревянная, облаченія и инны принадлежности церкви скудныя; но священникъ—человѣкъ благочестивый, заботящійся о нравственномъ благѣ своей паствы и близкій къ народу, но повидимому въ настоящемъ положеніи вещей все-таки безсильный принести столько пользы, сколько бы желалъ. Въ одной изъ повѣстей изображается и та самая „Голодовка“, которую писатель зналъ по своему личному опыту. Въ разсказѣ: „Мой блаженной памяти дядя“ и въ другомъ: „Лихо на свѣтѣ!“ выведены низшіе церковные служители, въ ихъ сельской обстановкѣ: здѣсь есть черты неподдѣльнаго юмора и характерныя подробности сельскаго быта, — опять напоминающія о нашей Малороссіи.

Въ повѣсти: „Великій перекичикъ въ маломъ размѣрѣ“,

¹⁾ Награда.

авторъ приводитъ образчикъ той метаморфозы, какую испытываетъ русскій парень, проводя урочные годы въ военной службѣ. Перекинчикъ ¹⁾ — отступникъ, ренегатъ, что называется по-малорусски „перевертень“. На сценѣ такой молодой парень, „урлѣпникъ“ ²⁾, солдатъ, приходящій домой въ отставку или на побывку, со всѣми ухватками нѣмецкаго солдата, съ ломаннымъ языкомъ, пересыпаемымъ нѣмецкими и польскими словами (напр. онъ называетъ мать „мутерка“ и т. п.), гордящійся своими новыми манерами и пренебрегающій деревенскою необразованностью; въ трактиръ, куда онъ ходитъ, его хотятъ перетянуть на польскую сторону, чему онъ начинаетъ поддаваться; но онъ влюбляется въ деревенскую дѣвчину, которая не хочетъ слышать его любезностей и смѣется надъ нимъ, пока не заставила его обратиться изъ перекинчика въ прежняго хорошаго деревенскаго хлопца и сдѣлаться изъ „ледачины“ человекомъ. Авторъ кончаетъ воззваніемъ къ „русскимъ красавицамъ“, чтобы онѣ стали опорой противъ этихъ измѣнъ своей народности.

„Если простая, сельская дѣвчина сумѣла перетворити въ настоящаго русскаго человека такого перевертня, якимъ Гаврилко изъ войска вышелъ, зачѣмъ же Вы, русскія красавицы, не могли бы стать опорой противъ реченнаго народнаго недуга?.. Васъ приукрашилъ Богъ красотой, яко лишь кринъ польный славится. Противъ вашихъ прелестей и дарованій сердца не устоитъ ни одинъ мужчина. Если-жъ вамъ такъ легко возбудити любовь къ своей личности, о сколько легче могли бы вы возбудити ту любовь къ матери-Руси, къ той „небозѣ“, просящей съ краснѣющимъ отъ стыда лицомъ подаянія у чуждыхъ, понеже власны дѣти выпераются ³⁾ ея!.. Вы сможете то, если лишь схочете. Вы въ силѣ сдѣлать даже чудо, воскресити къ жизни тѣхъ мертвецовъ, которые наслѣдили, правда, русское тѣло и русскую кровь по своей матери, но не живутъ, бо потеряли русскую душу!.. И якъ-же? Вы не схотѣли бы статись непоборимою силою и помощію Руси?.. Если нѣтъ, то не оається мнѣ ничъ иное, якъ лишь съ негодованіемъ бросити перо подъ лаву, одагнути въ веретище ⁴⁾, посыпати голову пепеломъ, и такъ заспѣвати лебединую пѣснь, которой сумнымъ ⁵⁾ рефреномъ будетъ стихъ: „Русь то гнилая колода“?

Приведенныхъ цитатъ довольно, чтобы читатель получилъ понятіе объ языкѣ Анонима. Это нѣчто странное, искусственное,

¹⁾ Польское слово.

²⁾ Отъ нѣмецкаго Urlaub, Urlaubert.

³⁾ Отрекаются, отираются отъ нея.

⁴⁾ Одѣться во вретѣще.

⁵⁾ Печальнымъ.

пестрое. Судя по тому, что, кажется, всё до одного произведенія Анонима печатались въ изданіяхъ „твердыхъ“ русиновъ, его литературныя, а можетъ быть и политическія сочувствія принадлежать этой партіи: онъ выбралъ и тотъ языкъ, какой они указываютъ для галицко-русской литературы. Предполагается, что это—нашъ литературный языкъ; и дѣйствительно въ томъ сложномъ языкѣ, какимъ пишетъ Анонимъ, наибольшая доля формъ и выраженій принадлежать нашей литературной рѣчи. По всему вѣроятію, знаніе этой рѣчи могло быть приобрѣтено только изъ книгъ,—и это знаніе не малое: Анонимъ владѣетъ ею довольно свободно, такъ какъ употребляетъ много специально русскихъ выраженій. Но это все-таки не его родная рѣчь, и читатель видѣлъ, что формы нашего языка переименованы—отчасти на южно-русскій ладъ, отчасти на ладъ церковный, знакомый по богослужбнымъ книгамъ, отчасти на польскій.

Рядомъ съ этимъ, въ разсказахъ Анонима читатель встрѣтитъ и чистый южно-русскій (галицко-русскій) языкъ, которымъ говорятъ дѣйствующія лица изъ народной среды. Эти рѣчи проведены большею частію весьма живо, и народный языкъ, вѣроятно, выдержанъ хорошо. Галицкія особенности выразились нѣкоторыми словами и оборотами, которые взяты съ нѣмецкаго и польскаго ¹⁾ и которыхъ не имѣетъ нашъ малорусскій.

Наконецъ, эти два языка соединяются, сколько мы замѣчали, весьма неравномѣрно: тамъ, гдѣ авторъ ведетъ разсказъ отъ себя или выводитъ лицъ образованнаго круга,—онъ употребляетъ обыкновенно нашъ книжный языкъ, но въ этомъ языкѣ въ однихъ случаяхъ больше, въ другихъ меньше южно-русскихъ (галицкихъ) примѣсей; лучше выдержаны разговорныя рѣчи лицъ изъ народа, гдѣ авторъ употребляетъ почти исключительно мѣстный южно-русскій. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ ²⁾, въ *русскомъ* изложеніи автора встрѣчаются такіа слова *южно-русскія*, которыя производятъ *по-русски* очень странную двусмысленность.

Какъ же надо понимать подобный характеръ литературнаго языка? Мы ничего не имѣли бы противъ варіацій языка, производимыхъ мѣстными условіями народной жизни на обширномъ пространствѣ русской рѣчи: это пространство такъ велико, что варіаціи существуютъ и имѣли бы право появляться въ произведеніяхъ, предназначаемыхъ для народныхъ книжекъ той или

¹⁾ Напр. „урлѣнникъ“, „файка“ (Pfeife, трубка), „шиба“, „штанье сл“, „жондно“ (стѣснительно; французское слово, зашедшее черезъ нѣмецкій или польскій языкъ), „зампоновати“ и т. д., и т. д.

²⁾ Укажемъ, напр., т. III, стр. 248, 304.

другой частной мѣстности. Надо признать полную правоспособность не только книжной рѣчи малорусской, но и возможность книжки на бѣлорусскомъ нарѣчїи или на иномъ мѣстномъ отгнѣѣ русскаго языка; но въ такомъ случаѣ логически требовалось бы, чтобы эта мѣстная рѣчь была выдержана, чтобы она представляла дѣйствительно *живой* говоръ. Но именно этого мы не видимъ въ разсказахъ Анонима, какъ вообще въ подобныхъ произведенїяхъ галицкой литературы. Ихъ языкъ, напротивъ, представляетъ нѣчто обоюдное, не выясненное, колеблющееся между двумя разными элементами, не принадлежащее ни тому, ни другому, однимъ словомъ искусственное. Тѣ произведенїя Анонима, въ которыхъ преобладаетъ русскій литературный языкъ, какъ намъ кажется, могутъ быть въ Галиціи доступны только такимъ читателямъ, которые наравнѣ съ авторомъ успѣли настолько освоиться съ этимъ языкомъ, чтобы понимать употребляемый имъ матеріалъ словъ и оборотовъ, существующій въ нашемъ литературномъ языкѣ, но не существующій въ народномъ южно-русскомъ. Съ другой стороны эти разсказы будутъ поражать нашего русскаго читателя всѣми непонятными ему элементами галицко-русской народной рѣчи, которыхъ онъ не знаетъ. Можно было бы помириться съ этимъ, еслибы мы знали, что все галицко-русское общество вслѣдствіе особыхъ условій своей литературы и образованія привыкло уже къ этому двойственному, на нашъ взглядъ, сочиненному языку: можно было бы помириться съ нимъ какъ съ провинціализмомъ; но мы упоминали, что этого русскаго языка держится только одна часть галицко-русскаго общества, такъ-называемые „твердые“ русины, между тѣмъ какъ другіе стоятъ за полное господство въ книгѣ языка южно-русскаго, — и насколько эти разсказы Анонима могутъ служить для простыхъ галицкихъ читателей изъ народа, мы недоумѣваемъ. Такимъ образомъ и въ своей собственной средѣ этотъ провинциализмъ не встрѣчаетъ полного признанія.

Чѣмъ можетъ быть примирено это противорѣчіе? Трудно сказать. Мы привѣтствовали бы широкое распространеніе нашего русскаго литературнаго языка въ Галиціи, потому что это было бы сильнымъ орудіемъ для искомаго сближенія, и потому что это дало бы въ руки галицко-русскаго общества сбширную литературу, при всѣхъ ея недостаткахъ богатую, однако, и высокими произведенїями искусства, и научнымъ запасомъ: то и другое могло бы съ пользой послужить родственному народу, — особливо, еслибы въ нашей литературѣ данъ былъ также (отсутствующій теперь) просторъ для литературной дѣятельности нашего мало-

русскаго языка, какъ посредствующаго элемента. Русскій языкъ распространяется въ Галиціи; писатели, какъ Анонимъ, пользуются его средствами, но это знаніе неполное и случайное; видимо, что русская жизнь, исторія и весь широкій объемъ нашего языка не вполне доступны нашему автору ¹⁾).

Какъ пойдетъ это дальше, не беремся рѣшать; но нельзя не пожалѣть, что въ этомъ неясномъ и искусственномъ положеніи остаются писатели несомнѣнно даровитые, какъ Анонимъ; писатели, проникнутые горячею любовію къ своей родинѣ, желающіе работать для развитія ея сознанія, прекрасно знающіе ея жизнь и нерѣдко весьма оригинальные. Весь тонъ произведеній Анонима, проникнутый теплымъ отношеніемъ къ своему народу, хорошимъ нравственнымъ чувствомъ, нерѣдко шуткой и юморомъ, иногда и печальнымъ размышленіемъ о судьбѣ своего отечества, имѣетъ много привлекательнаго. Если мы припомнимъ еще, что авторъ — священникъ бѣднаго деревенскаго прихода въ горномъ захолустѣ, слѣдовательно оторванный отъ общества и литературнаго круга и ограниченный тѣсными предѣлами своей ближайшей обстановки, то его дѣятельность внушаетъ тѣмъ большее уваженіе (въ нашей литературѣ намъ припоминается только одинъ дѣятель подобнаго рода). Чѣмъ могла бы она быть въ лучшихъ условіяхъ народной жизни и въ лучшей постановкѣ мѣстной литературы, когда этотъ писатель и теперь, въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ своего труда, съ неудобнымъ, такъ сказать изломаннымъ орудіемъ его языка, можетъ достигать сильнаго впечатлѣнія, какое производитъ онъ на своихъ соотечественниковъ? — онъ могъ бы производить это впечатлѣніе гораздо дальше предѣловъ своей родины, еслибы чужого читателя не останавливало этотъ особый русскій языкъ, и онъ могъ бы расширить предѣлы своего содержанія, еслибы предъ нимъ открылась гораздо болѣе людная аудиторія.

А. Пыпинъ.

¹⁾ Странно встрѣтить, напримѣръ, что Анонимъ называетъ Суверова „Суваромъ“, на нѣмецко-французскій ладъ.

ГДѢ ЛЕЖАТЪ ГЛАВНЫЯ ПРИЧИНЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ КРИЗИСОВЪ?

Окончаніе.

IV *).

Для изученія причины кризисовъ и изысканія мѣръ, способныхъ предотвращать ихъ или заглаживать производимыя ими бѣдствія, нужно отрѣшиться отъ единичныхъ условій, которыя могутъ вызывать обостреніе хозяйственного застоя,—и подвергнуть оцѣнкѣ весь складъ экономической жизни.

Во время, отдаленное отъ насъ тремя и даже двумя столѣтіями, европейская жизнь не давала условій, которыя дѣлали бы возможнымъ широкое развитіе хозяйственныхъ кризисовъ. Каждое общество представляло сѣбѣ мелкихъ единицъ, члены которыхъ, сравнительно рѣдко выступая за предѣлы своихъ союзовъ, стояли другъ къ другу въ прочныхъ, ясно опредѣлившихся отношеніяхъ. Таково было, во-первыхъ, все населеніе деревень. Крестьянство, закрѣпощенное или уже получившее личную свободу, жило почти исключительно жизнью натурального хозяйства: большая часть предметовъ, необходимыхъ для домашняго быта, производились въ предѣлахъ семьи; немного поступало въ продажу и еще меньше покупалось въ городѣ. Средоточіемъ этихъ мелкихъ единицъ служили помѣщичьи усадьбы, которыя также переживали періодъ натурального хозяйства: все нужное для пищи, кромѣ нѣкоторыхъ иноземныхъ товаровъ, чая, кофе, табаку, пряностей, большая часть предметовъ одежды и утвари, изго-

*) См. окт., 780 стр.

товлялись барщиннымъ трудомъ или доставлялись оброкомъ. Тѣ массы сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которыя оставались сверхъ личнаго потребленія помѣщика, поступали на рынокъ. Высокая цѣна ихъ позволяла расширить потребленіе покупаемыхъ товаровъ, низкая цѣна заставляла суживать его; но выручка большей или меньшей суммы изъ продажи не приносила крупныхъ измѣненій въ хозяйственный оборотъ этихъ единицъ, такъ какъ, производя почти все нужное для жизни, они въ приобрѣтеніи матеріаловъ и орудій не зависѣли отъ состоянія рынка. Городская промышленность, развитая на мелкія группы, жила по цеховымъ уставамъ и правиламъ; постояннымъ рынкомъ сбыта служили для нея тѣ заказчики, которые жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ, размѣры и характеръ запроса которыхъ могли быть предусмотрѣны и точно опредѣлены. Войны, эпидеміи, чрезвычайныя податныя тягости умалали отъ времени до времени доходы городского населенія, уменьшали запросъ на ремесленные издѣлія и ставили производителей въ стѣсненное положеніе. Но эти затрудненія не были однородны съ промышленными кризисами новаго времени; переполненія рынка товарами не было, такъ какъ почти всѣ товары производились на заказъ, умаленіе доходовъ потребителей уменьшало запросъ на товары, а какъ скоро положеніе первыхъ удучшалось, такъ увеличивался спросъ и измѣнялся къ лучшему быть производителей. Натуральное хозяйство и мелкіе размѣры производства исключали возможность широкаго развитія кредита. Весь сельскій классъ, отъ бѣднѣйшаго крестьянина и до крупнаго помѣщика, стоялъ внѣ сферы кредитныхъ отношеній, за исключеніемъ случаевъ, когда неожиданная нужда заставляла искать займа у ростовщиковъ. Былъ, такимъ образомъ, кредитъ для потребленія: кредита для производства не было, и денежные суммы, которыя выручались сельскими классами отъ продажи на рынокъ произведеній земли, поступали въ ларцы, кубышки и прятались въ потаенныхъ углахъ подваловъ. Но и въ городахъ не было широкаго поля для развитія кредита: обычай, закрѣпленный цеховымъ укладомъ, удерживалъ ремесленные заведенія въ опредѣленныхъ размѣрахъ, которые уже исключали сколько-нибудь значительное пользованіе чужими капиталами. А разъ не было широко развитаго кредита, промышленность не могла выходить далеко за предѣлы, которые ей ставилъ запросъ. Не забудемъ, однако, что уже въ самой отдаленной древности существовала международная торговля, и что съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество живетъ исторической жизнью, не легко найти страну, которая была бы, въ отношеніи хозяйственномъ, исполнѣ замкнутымъ цѣлымъ. Такимъ образомъ, была извѣстная группа производителей, стоявшихъ лицомъ къ лицу съ отдаленными и неизвѣстными

рынками. Однако, что бы ни было писано о размѣрахъ и разнообразіи международной торговли древнихъ грековъ, венеціанцевъ, генуэзцевъ, ганзейцевъ, голландцевъ и т. д., размѣры торговыхъ сношеній были ничтожны, сравнительно съ тѣмъ, что представляетъ намъ новое время ¹⁾. Итакъ, группы населенія отдѣльныхъ странъ, поставленныя въ зависимость отъ отдаленнаго рынка и неизвѣстныхъ потребителей, не были многочисленны. Но вѣроятность застоя въ сбытѣ и разоренія для производителей, снабжавшихъ иностранные рынки, была невелика еще и по другой причинѣ. При чрезвычайномъ развитіи техники во всѣхъ отрасляхъ производства, накопленіи знаній и умѣньѣ пользоваться многими благоприятными условіями внѣшней природы, — что служить характернымъ признакомъ нашего времени, — различные народы легко выступаютъ соперниками другъ друга на мировомъ рынкѣ: благодаря постояннымъ сношеніямъ между народами, промышленное искусство отличается космополитичностью, и въ любой странѣ капиталъ изъ года въ годъ проникаетъ въ новыя отрасли производства. Поэтому каждый народъ долженъ быть всегда готовъ встрѣтить на мировомъ рынкѣ новыхъ и опасныхъ соперниковъ ²⁾. Совсѣмъ иное замѣчаемъ мы въ отдаленномъ прошломъ. Слабое развитіе знаній, незнакомство со многими силами природы заставляли каждый народъ сосредоточиваться на тѣхъ отрасляхъ производства, для которыхъ есть особенно благоприятныя условія; къ этимъ отраслямъ тяготѣлъ промышленный трудъ страны; въ этихъ предѣлахъ изготовлялись товары для вывоза, и боязнь соперничества не могла быть значительна. И вотъ мы видимъ, что въ теченіе долгихъ періодовъ времени Италія снабжала международный рынокъ шелковыми тканями, Англія — шерстяными, Германія — льняными, и т. д. Воспроизводя передъ собой въ этихъ общихъ чертахъ картину хозяйственнаго быта предыдущихъ вѣковъ, мы легко поймемъ, что имъ не могли быть извѣстны тѣ продолжительные и всеобъемлющіе застои въ промышленности, которые отличаютъ наше время. Хроническій упадокъ производства обуславливался войнами, внутренними смутами, эпидеміями, словомъ, — причинами, лежащими внѣ сферы хозяйственной жизни, а острые потрясенія, въ родѣ, напр., извѣстной тильпоманіи, съ которой экономисты охотно начинаютъ исторію кризисовъ, или даже кризиса Джона Ло, оказывали вліяніе на от-

¹⁾ Насколько развилась международная торговля, можно видѣть уже изъ того, какъ возросла она въ отдѣльныхъ странахъ: въ Англіи стоимость ввезенныхъ и вывезенныхъ товаровъ составила въ 1801 г. до 40 милл. фунт., а въ 1886 — до 562 милл. — увеличилась въ 14 разъ.

²⁾ См. по этому вопросу интересную статью *Нейманна-Спалларта*: „Перемѣщеніе центра тяжести всемірнаго хозяйства“ („Юридич. Вѣстникъ“ 1886, IX).

дѣльные кружки и не имѣли дѣйствія на все народное хозяйство.

Съ половины прошлаго вѣка во всемъ экономическомъ строѣ стали совершаться крупныя перемѣны. Отступленіе натурального хозяйства передъ денежнымъ повело къ закрѣпленію связи между отдѣльными группами народа, жившими, каждая, своею особою жизнью. Не только помѣщикъ, утратившій крѣпостной трудъ, былъ приведенъ въ постоянное соотношеніе съ рынкомъ, какъ покупатель и продавецъ, но въ зависимость отъ рынка былъ поставленъ и крестьянинъ. Изъ замкнутыхъ, самоцѣльныхъ союзовъ, какими были раньше помѣщичьи и крестьянскія хозяйства, производившія прежде всего для удовлетворенія собственныхъ потребностей и отдававшія рынку только избытки, эти группы стали членами одной огромной единицы—всего народнаго или даже международнаго хозяйства, съ производствомъ многихъ цѣнностей для обмѣна и съ приобрѣтеніемъ на рынокъ многихъ предметовъ, которые изготовлялись ранѣе въ домашнемъ быту. Паденіе ремесла подъ напоромъ первостепенныхъ техническихъ изобрѣтеній и замѣна во многихъ отрасляхъ мелкаго производства крупнымъ повели къ разложенію цехового строя, къ освобожденію городской промышленности отъ путъ, которыя стѣсняли ее, и къ ослабленію связи между производителями и потребителями. Если техническія измѣненія выводили промышленность изъ мелкихъ мастерскихъ въ мануфактуры и фабрики, то порваніе связи между производителемъ и потребителемъ создавало еще одно условіе для безостановочнаго развитія крупнаго производства: пока промышленникъ можетъ обзрѣть размѣры сбыта, пока онъ поддерживаетъ ближайшую связь съ потребителями, до тѣхъ поръ онъ робко расширяетъ предѣлы своего предпріятія. Онъ смотритъ на всю массу потребителей, стоящихъ внѣ круга его заказчиковъ, какъ на область, снабженіе которой закрѣплено за его сосѣдами. Разъ связь производителя съ потребителемъ порывается и первый изготовляетъ не на заказъ, а для неизвѣстнаго рынка, онъ испытываетъ сильное искушеніе расширить размѣры своихъ оборотовъ: вся масса потребителей представляется ему теперь уже не разбитою на отдѣльныя группы, приуроченныя къ единичнымъ производителямъ, а однимъ обширнымъ цѣлымъ, откуда онъ можетъ привлечь къ себѣ тѣмъ большую часть, чѣмъ лучше онъ откликается на вкусъ публики, чѣмъ дешевле и прочнѣе его товары. Надѣясь одержать побѣду надъ соперниками, онъ безостановочно расширяетъ свое предпріятіе. Такъ стоитъ дѣло внутри отдѣльныхъ странъ. Но передъ промышленникомъ есть еще другой, менѣе извѣстный рынокъ—рынокъ всемірный. Непрерывное усовершенствованіе путей сообщенія, созданіе во всѣхъ ча-

ствахъ свѣта колоній европейской культуры и открытіе европейскимъ товарамъ доступа во многія нецивилизованныя страны, которыя еще недавно были за семью замками, соблазняютъ каждаго предприимчиваго промышленника перспективой новаго обширнаго рынка и подстрекають къ дальнѣйшему увеличенію производства, съ надеждой побѣдить соперниковъ, туземныхъ и иностранныхъ. Параллельно съ этимъ движеніемъ, какъ бы въ отвѣтъ ему, идетъ и развитіе кредита: какъ бы ни были велики денежные запасы, они теперь могутъ быть поглощены расширяющимся производствомъ. Чѣмъ болѣе развито производство, тѣмъ легче могутъ быть оплодотворены денежные капиталы, и вотъ капиталъ жадно ищетъ помѣщенія, предлагается промышленности на условіяхъ все болѣе и болѣе выгодныхъ, и такимъ образомъ еще усиливаетъ склонность къ расширенію производства, которая вызывается отдаленіемъ рынка. Но параллельное развитіе общественныхъ явленій обнаруживается и въ той формѣ, которую все чаще принимаютъ предпріятія. Единосличныя предпріятія, связанныя съ полнымъ рискомъ, часто могутъ служить естественной преградой для расширенія производства. Акціонерная форма, распредѣляя рискъ, сдвигаетъ послѣднія препятствія; она позволяетъ владѣльцамъ незначительныхъ денежныхъ капиталовъ участвовать въ самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ. Но акціонерная форма не была бы законченной, еслибы размѣры предпріятія ограничивались только средствами участниковъ: необходимо усиливать собственный капиталъ кредитными цѣнностями, и привлеченіе этихъ цѣнностей основывается на томъ же началѣ, какъ составленіе акціонерныхъ капиталовъ; облигаціонные капиталы собираются путемъ публичной подписки, и владѣльцы самыхъ мелкихъ сбереженій могутъ поддерживать своими взносами акціонерное предпріятіе.

Итакъ, въ новое время цѣлый рядъ техническихъ изобрѣтеній способствовалъ привлеченію къ рынку всѣхъ слоевъ населенія, замѣнивъ мелкой промышленности крупную, развитію кредита, порванію связи между производителемъ и потребителемъ; онъ вызвалъ къ жизни условія, неудержимо соблазняющія предпринимателей расширять производство. Эти перемѣны въ хозяйственномъ быту вызвали замѣтныя перемѣны въ нравахъ, которые оказываютъ, въ свою очередь, огромное вліяніе на экономическую жизнь.

Быть можетъ, страсть къ наживѣ, стремленіе возможно полно удовлетворить потребности и увеличить хозяйственную силу, — равно присущи людямъ на разныхъ ступеняхъ развитія; но такъ какъ условія для ея проявленія не всегда одинаково благоприятны, то человѣкъ не всегда обнаруживаетъ ее и совершаетъ извѣстныя хозяйственныя дѣйствія для ея удовлетворенія. Въ прошломъ, повальному

проявленію этой страсти мѣшала весь юридико-экономическій бытъ. Сельскій классъ, сдавленный тѣсными рамками крѣпостного права, видѣлъ предъ собою помѣщика, человѣка болѣе высокаго общественнаго положенія, болѣе утонченнаго образованія, человѣка, окруженнаго разнообразными удобствами и роскошью жизни, но привыкъ считать себя отдаленнымъ отъ него пропастью столь глубокой, что никакія усилія не помогли бы ее переступить. Быть можетъ, онъ почти всегда завидовалъ, часто ненавидѣлъ; но это чувство, при опредѣленности всѣхъ отношеній и ограниченной гражданской свободѣ, не могло вызывать въ сельскомъ классѣ стремленія выйти изъ той колеи, по которой шли отцы и дѣды. Городъ со своей цеховой промышленностью ставилъ предъ младшими членами цеховъ — подмастерьями — одинъ идеалъ: сдѣлаться мастеромъ; а достиженіе этого идеала лежало въ самомъ человѣкѣ, въ его трудолюбіи и рабочемъ искусствѣ. Рядовая промышленность городовъ увѣнчивалась отдѣльными крупными торговыми и банкирскими предпріятіями, которыя требовали значительныхъ капиталовъ, переходили изъ рода въ родъ и представлялись для ремесленниковъ недостижимыми величинами. Тѣмъ полемъ, гдѣ человѣкъ могъ достигнуть многого безъ труда, гдѣ жажда къ приобрѣтенію внѣшнихъ благъ могла получить широкое проявленіе, была государственная служба дворянства и духовное званіе. Здѣсь можно было нерѣдко стать сильнымъ, именитымъ, богатымъ не чрезъ упорный трудъ, не въ силу личныхъ заслугъ, а съ помощью интригъ, происковъ и разныхъ иныхъ неблаговидныхъ приѣмовъ конкуренціи. Такимъ образомъ, тотъ кругъ, въ которомъ могла съ полной силой проявляться жажда улучшить свой бытъ безъ труда, былъ довольно тѣсенъ. Новое время разбило всѣ рамки, въ которыя прежде были втиснуты отдѣльныя группы населенія. Ростъ производительности труда и богатства увеличилъ абсолютно и относительно число членовъ общества, не занимающихся матеріальнымъ трудомъ. Помимо тѣхъ группъ, которыя исполняютъ необходимыя для страны функціи въ государственной службѣ, литературѣ, медицинской, адвокатской и другихъ профессіяхъ, въ современномъ обществѣ есть значительныя массы людей, живущихъ рентами малыми, а иногда и большими, людей, не имѣющихъ опредѣленныхъ и необходимыхъ для общества занятій; эти люди часто живутъ только на тѣ доли народнаго дохода, которыя они могутъ урвать безъ труда, вслѣдствіе счастливыхъ рыночныхъ сопряженій. Главнымъ полемъ для дѣятельности этихъ группъ служатъ большіе города; главнымъ источникомъ ихъ доходовъ служитъ биржа, исполняющая столь разнообразныя функціи въ жизни народной. Блескъ, пышность, которые украшаютъ жизнь богатѣйшихъ горожанъ, возбуждаютъ тѣмъ боль-

шую зависть, что многіе денежные короли быстро поднялись на вершины лѣстницы изъ самаго скромнаго общественнаго положенія. Приобрѣсти хотя небольшую частицу этого блеска — вотъ лозунгъ многихъ тысячъ людей, не лишенныхъ дарованій, но имѣющихъ отвращеніе къ непрерывному полезному труду. Удобнымъ полемъ для легкой и быстрой наживы служить биржа. Она привлекаетъ къ себѣ массой цѣнностей, которыя могутъ быть покупаемы и продаваемы лицами, не имѣющими денегъ, чтобы покупать, и самихъ цѣнностей, чтобы продавать. Торговля предполагаетъ храненіе приобретаемыхъ товаровъ, устройство помѣщеній; спекулянтъ же, играя на разность, всегда можетъ сказать вмѣстѣ съ древнимъ философомъ: „все свое ношу съ собой“. Но биржа не потому служитъ источникомъ обильнаго обогащенія, что представляетъ изъ года въ годъ къ услугамъ желающихъ наживать безъ труда все большую и большую массу бумажныхъ цѣнностей; причина лежитъ въ томъ, что биржа служитъ регуляторомъ отношеній между двумя огромными, обнимающими почти весь земной шаръ и мало извѣстными величинами — производителями и потребителями, размѣры предложенія и спроса которыхъ не могутъ быть точно опредѣлены. Чѣмъ болѣе велика неизвѣстность, тѣмъ больше простора для преувеличеній, и биржа легко поддается самымъ тонкимъ и, повидимому, незначительнымъ влияніямъ. Нѣтъ вопроса въ области международной политики, который не способенъ былъ бы оказывать влияніе на биржу и вести для однихъ къ неожиданнымъ потерямъ, а для другихъ — къ незаслуженнымъ выгодамъ. Такъ какъ факты, оказывающіе эти влиянія, не поддаются сколько-нибудь точнымъ вычисленіямъ (можно ли, напр., предугадать, какое влияніе на европейскую политику будетъ имѣть президентскій кризисъ во Франціи, побѣда либераловъ надъ консерваторами въ Англіи или перемѣна въ особѣ монарха какой-либо изъ великихъ державъ?), то здѣсь представляется полный просторъ для догадокъ, соображеній, а также вымысловъ, намѣреннаго и даже систематическаго обмана. Въ самомъ дѣлѣ, если впечатлѣніе, произведенное даннымъ фактомъ или вымысломъ, слабо, то биржевая цѣна процентныхъ бумагъ колеблется вверхъ или внизъ, положимъ, на 2—3%; если оно сильно, то колебаніе достигаетъ 7—8—10% и болѣе. Поэтому, лица, группирующіяся около биржи, прямо заинтересованы въ томъ, чтобы усиливать впечатлѣніе, преувеличивать значеніе фактовъ и, за отсутствіемъ фактовъ, прибѣгать къ обману. Но современное общество въ лицѣ тѣхъ членовъ своихъ, интересы которыхъ могутъ особенно страдать отъ вымысла, обладаетъ средствами противодѣйствовать ложнымъ слухамъ. Вотъ почему этотъ источникъ даетъ, сравнительно, немного условій для быстрого и легкаго обогащенія.

Совсѣмъ иное вліяніе имѣютъ тѣ событія, значеніе которыхъ неоспоримо велико, и еще многократно увеличивается вслѣдствіе легковѣрія большинства людей и злонамѣренности многихъ. Такими фактами служатъ: открытіе новыхъ и обширныхъ рынковъ сбыта, отысканіе новыхъ мѣсторожденій золота, крупныя техническія изобрѣтенія, политическое преобладаніе одного государства и связанное съ нимъ матеріальное обогащеніе, важныя внутреннія реформы въ обширной странѣ. Исторія хозяйства въ теченіе настоящаго вѣка даетъ множество примѣровъ, подтверждающихъ это положеніе. Первые годы въ исторіи развитія желѣзныхъ дорогъ, калифорнское и австралийское золото, приливъ французскихъ милліардовъ на германскій рынокъ были условіями, если не вызвавшими, то сильно обострившими кризисы 1836, 1857, 1873 годовъ. Жажда наживы, скованная ровнымъ теченіемъ дѣлъ, обнаруживается теперь съ полной силой: всѣ—стоящіе во главѣ предпріятій, огромныя массы людей, имѣющихъ только незначительныя сбереженія, тузы денежнаго и товарнаго рынковъ и фабричныя работники, богатые землевладѣльцы и мелкіе чиновники, генералы и домашняя прислуга— всѣ считаютъ себя тѣми избранныками, на которыхъ падутъ крупныя выигрыши отъ наступившаго оживленія дѣлъ. Кому изъ соревнователей достанутся выигрыши, объ этомъ никто не думаетъ, какъ не думаютъ объ этомъ играющіе въ карты или берущіе билетъ въ лотерею. Всѣ поражены размѣрами даннаго явленія, и всѣ считаютъ неисчерпаемыми выгоды, которыя оно обѣщаетъ. Развѣ не довольно для сельскихъ хозяевъ, винокуровъ, сахарозаводчиковъ, владѣльцевъ каменноугольныхъ копей знать, что, напр., въ Калифорніи, въ началѣ 50-хъ годовъ, яйца стоили 5 шиллинговъ за дюжину, вино—отъ 2 до 5 фунт. стерл. за бутылку, кофе—16 шиллинговъ за 1 фунтъ и т. д., чтобы огромное большинство производителей старалось всѣми мѣрами расширить свои предпріятія до переполненія рынка товарами? Развѣ не довольно было знать о приливѣ въ Германію 5 милліардовъ, изъ которыхъ $\frac{1}{4}$ поступила золотомъ, знать о чрезвычайномъ излишествѣ денегъ, позволившемъ государству освободить себя отъ долговъ, чтобы всколыхать все общество, раздражить воображеніе обѣщаніемъ огромныхъ барышей и вызвать ту предпринимательную горячку, которая завершилась крушеніемъ 1873 года?

Могущественной силой во всѣхъ общественныхъ движеніяхъ, а въ частности и экономическихъ, служить временная печать. Человѣкъ, привыкшій мыслить объ окружающемъ и сознательно давать себѣ отчетъ о явленіяхъ, которыя происходятъ изо дня въ день, не можетъ составить даже слабое понятіе о бездѣятельности ума средняго человѣка. Весь размѣнявшись на привычки слѣдовать тому

образу дѣйствій, который исходитъ отъ авторитетныхъ круговъ, подчинивъ опредѣленнымъ шаблонамъ всѣ мелочи жизни, онъ ищетъ руководства и для своей хозяйственной дѣятельности. Если онъ малограмотенъ или, по крайней мѣрѣ, не приобрѣлъ навыка читать газеты, то слѣдуетъ тому пути, который прокладываетъ его сосѣдъ, дѣйствующій болѣе самостоятельно. Если онъ получилъ привычку читать газету, то она и служить для него руководствомъ. Изъ нея онъ почерпаетъ свѣденія о цѣнахъ; отъ нея онъ узнаетъ о выгодахъ, которыя обѣщаетъ открытіе новыхъ рынковъ; она же передаетъ ему о барышахъ, доставляемыхъ тѣмъ или другимъ помѣщеніемъ капиталовъ. Поэтому: разсужденіе, что „Times“ — шестая великая держава, что, какъ говорилъ Джонъ Лемуанъ во время своего вступленія во французскую академію, и періодическая печать получила извѣстное признаніе передъ солнцемъ, все это — не пустыя фразы, а положенія, полныя глубокаго смысла. Повременная печать, подобно каплѣ, протачивающей камень, изо дня въ день дѣйствуетъ на умъ средняго человѣка и безповоротно подчиняетъ его: она пробуждаетъ въ немъ любовь къ однимъ политическимъ дѣятелямъ и вызываетъ ненависть къ другимъ; она закрѣпляетъ въ немъ извѣстные общественные идеалы; она раздражаетъ его жажду стяжанія соблазнительными картинами того, какъ и гдѣ люди въ короткое время удвоивали свое состояніе. Эта власть повременной и, особенно, ежедневной печати надъ толпой служить ко благу, поскольку органы печати сосредоточиваются въ рукахъ людей мыслящихъ, просвѣщенныхъ и видящихъ въ своемъ дѣлѣ общественное служеніе: тогда образъ дѣйствій средняго человѣка, имѣющаго подобное руководство, направляется къ его личному благополучію и общественной пользѣ. Однако подобныя явленія представляются только отрадными исключеніями; огромное большинство изданій ведется людьми, которые, по количеству и качеству знаній, непригодны быть руководителями толпы, которые, по нравственнымъ достоинствамъ, видятъ въ своемъ занятіи не важное общественное служеніе, а промыселъ, служащій только источникомъ доходовъ. Недостатокъ первыхъ условій, конечно, ведетъ читателей и послѣдователей къ частымъ ошибкамъ; недостатокъ же нравственныхъ качествъ, переходя въ беззащѣтную лживость и подкупность прессы, — и чѣмъ болѣе вліятельны эти органы, тѣмъ хуже, — совершенно сбиваетъ съ позицій средняго человѣка современнаго общества и толкаетъ на тѣ пути, которые ведутъ его къ потерямъ и невыгодны для всего народнаго хозяйства. Лживость, безчестность печати въ каждую данную минуту могутъ быть доказаны множествомъ примѣровъ. Но особенно ярко выступаютъ эти качества въ эпохи политическаго и хозяйственнаго оживленія: въ такіа эпохи

нѣкоторыя лица и группы могутъ разсчитывать на исключительныя выигрыши, а потому и отбрасываются послѣднія нравственныя задержки, которыя еще дѣйствуютъ въ обычное время. Можно утверждать, что острота кризисовъ 1857 и, особенно, 1873 гг. была бы далеко не такъ велика, еслибы вліятельные органы печати западноевропейскихъ странъ и Америки не были заинтересованы въ барышахъ многихъ предпріятій, не превозносили ихъ организаціи, не прославляли искусства въ веденіи ихъ дѣлъ на основаніи подтасованныхъ цифръ и не завлекали легковѣрнаго люда въ сѣти искусныхъ дѣльцовъ. Все это дѣлали они, и все это увеличивало размѣры крушеній.

Но если широкая личная свобода привлекла почти все населеніе культурныхъ странъ ко всемірному рынку, если разложеніе старыхъ замкнутыхъ круговъ раздѣлило производителя съ потребителемъ до полной невозможности для перваго слѣдить за размѣрами запроса втораго, если развитіе кредита и упроченіе акціонерной формы создало главныя условія для чрезвычайнаго расширенія промышленныхъ предпріятій, а биржа выработала особые способы создавать благосостояніе отдѣльныхъ лицъ безъ труда, если широкое развитіе ежедневной печати и обиліе въ ней темныхъ силъ усиливаютъ вліяніе различныхъ политическихъ и хозяйственныхъ факторовъ на экономическую жизнь, то всѣ указанныя явленія объясняютъ только острые кризисы. Съ помощью ихъ нельзя, однако, объяснить застои въ промышленности, наступающіе среди политическаго міра, вѣтъ крупныхъ измѣненій въ техникахъ, безъ новыхъ выдающихся хозяйственныхъ факторовъ. Перечисленными явленіями нельзя объяснить упорные хроническіе кризисы. Мы познаемъ причину только тогда, когда остановимся на изслѣдованіи двухъ параллельныхъ и не гармонирующихъ между собою теченій—теченія въ производствѣ цѣнностей и ихъ распредѣленій.

V.

Возьмемъ за точку отправленія какой-нибудь 18⁸⁸ годъ, отличенный въ исторіи хозяйства даннаго народа какъ годъ благопріятный, съ хорошими цѣнами, успѣшнымъ сбытомъ товаровъ, небольшимъ числомъ свободныхъ рабочихъ рукъ, рѣдкими банкротствами и т. д., и начнемъ отъ него нашъ анализъ.

Этотъ благополучный годъ отличается нѣсколькими крупными успѣхами техники: въ земледѣліи, машиностроительномъ дѣлѣ, хлопчатобумажной промышленности. Улучшеніе способовъ добычи сырья или его переработка увеличили производительность труда на

$\frac{1}{2}$, такъ что 100 работниковъ могутъ произвести теперь въ теченіе того же рабочаго года не 300, а 400 единицъ товара: холста, сукна, пшеницы, желѣза. Такой ростъ производительности труда повлечетъ за собой прежде всего пониженіе цѣнности товаровъ и ихъ доступность для болѣе широкаго круга потребителей. Эти факты уже давно подмѣчены наукой и нашли себѣ мѣсто въ учебникахъ въ видѣ тѣхъ избитыхъ примѣровъ, что 500 лѣтъ тому назадъ такая-то королева имѣла деѣ-три пары чулокъ, какъ предметы роскоши, а теперь чулки вошли въ ежедневный обиходъ лицъ даже бѣднѣйшихъ классовъ. Но ростъ производительности труда дѣлаетъ желательнымъ и другое условіе: вся масса товаровъ, возросшая на $\frac{1}{2}$, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, должна быть поглощена потребителями. На пути къ полному поглощенію могутъ стоять два препятствія: 1) родъ производимыхъ товаровъ и характеръ потребностей человека, и 2) недостатокъ покупательной силы въ отдѣльныхъ группахъ населенія. Первое препятствіе не имѣетъ первенствующаго значенія: потребности людей допускаютъ чрезвычайное расширеніе количественно и качественно, и только потребность въ пищѣ имѣетъ естественные предѣлы, которые нельзя переступать. Но и здѣсь предѣлы стоятъ гораздо дальше, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, когда обсуждаютъ вопросъ о промышленномъ застоѣ. Предположимъ, что разные сорта хлѣба произведены въ изобиліи; за удовлетвореніемъ потребности населенія въ пищѣ остается еще избытокъ въ 1.000.000 четвертей ржи и ячменя. Этотъ миллионъ четвертей, не говоря о цѣлесообразности образовать запасы въ виду возможныхъ неурожаевъ, не является бесполезнымъ излишкомъ: онъ можетъ быть затраченъ на выкуриваніе спирта, изготовленіе пива и послужить въ другой формѣ на пользу населенія. Но предѣлъ потребностей въ пищѣ можетъ быть отодвигаемъ въ другомъ направленіи: положимъ, что въ избыткѣ произведены овесъ, ячмень, картофель; за удовлетвореніемъ потребностей, остается излишекъ. Тогда часть труда можетъ быть направлена на производство болѣе цѣнныхъ сортовъ пищи, которые болѣе полно удовлетворяютъ человека и требуютъ, для своего добыванія, болѣе массы труда. По такомъ переходѣ, излишекъ труда, затраченнаго въ земледѣліе, выразится цифрою не 1.000, а можетъ быть только 500 или 300 рабочихъ дней. Но за всѣми этими ограниченіями можно отыскать естественный предѣлъ, дальше котораго не могутъ быть расширяемы потребности въ пищѣ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе роста производительности труда, предметы пищи могутъ быть изготовляемы въ количествѣ излишнемъ, а въ связи съ этимъ можетъ быть излишекъ въ издѣліяхъ и тѣхъ отраслей промышленности, которыя производятъ орудія труда для земледѣлія:

плуги, бороны, молотилки. Можетъ оказаться излишнимъ также извѣстное количество труда, затрачиваемое на приготовленіе орудій перевозки для земледѣльческихъ продуктовъ, на добываніе желѣза и т. д. Но теперь огромныя массы населенія почти во всѣхъ странахъ питаются такъ, что далеко нельзя считать достигнутымъ естественный предѣлъ въ потребности пищи. Въ потребности этого класса нельзя найти такія, которыя имѣли бы естественныя границы: переписи большихъ городовъ обнаруживаютъ, что огромное большинство семей живетъ въ квартирахъ, не превышающихъ 1—2 комнаты, а часто и $\frac{1}{2}$ комнаты; конечно, никто изъ этой многочисленной массы не отказался бы имѣть жилище въ 3—4—5 комнатъ. А для удовлетворенія потребности въ жилищахъ только въ этихъ предѣлахъ—они не превосходятъ того, что принято называть скромнымъ достаткомъ для среднихъ классовъ—нужно было бы удвоить массу труда, затрачиваемую въ строительномъ промыслѣ. Огромные слои населенія, даже въ богатѣйшихъ странахъ, удовлетворяютъ свою потребность въ одеждѣ лишь настолько, что имѣютъ одно приличное праздничное платье, а въ будни ходятъ почти въ рубищѣ. Кто будетъ отрицать, что удовлетвореніе этой потребности въ 2—3 раза лучше превзошло бы предѣлы необходимаго и желательнаго? Съ еще большею увѣренностью можно утверждать это относительно убранства жилища, утвари, развлеченій и т. д. Поэтому, необходимы еще значительныя успѣхи производительности труда, чтобы въ человѣческомъ обществѣ могло накопиться больше жилыхъ домовъ, тканей, одежды, обуви, нежели потребности въ этихъ предметахъ.

Инымъ характеромъ отличается другое препятствіе—недостатокъ покупательныхъ средствъ. Какъ бы ни были широки потребности человѣка, какъ бы ни была велика его рабочая сила, въ обществѣ, основанномъ на обмѣнѣ, возможность удовлетворять потребности обуславливается покупательными средствами, той долей продуктовъ, которую человѣкъ получаетъ изъ общественнаго дохода въ свое распоряженіе. Сбытъ всѣхъ изготовленныхъ товаровъ, при возрастаніи производительности труда, можетъ совершиться безпрепятственно только подъ условіемъ, что покупательныя средства всѣхъ потребителей этихъ товаровъ возросли въ опредѣленной пропорціи. Если покупательныя средства отдѣльныхъ группъ потребителей не увеличиваются въ извѣстной пропорціи, то всѣ произведенные товары не могутъ найти сбытъ. Въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ предпріятія сосредоточиваются на произведеніи товаровъ, удовлетворяющихъ потребности отдѣльныхъ группъ населенія: одни производители изготовляютъ предметы необходимыя, поступающіе въ обиходъ всѣхъ частныхъ хозяйствъ или преимущественно въ обиходъ бѣднѣйшихъ

классовъ; другіе производятъ исключительно предметы комфорта или роскоши. Соответственно съ производствами, налагающими на матеріалъ послѣднюю руку, распределяется трудъ и между тѣми отраслями промышленности, которыя изготовляютъ сырые и вспомогательные матеріалы и орудія. Производство можетъ развиваться безпрепятственно только подъ условіемъ, что поддерживается правильное соотношеніе между отраслями всѣхъ классовъ. А это осуществимо только тогда, когда всѣ предметы потребленія находятъ сбытъ. Положимъ, что изъ всей массы ежегодно производимыхъ продуктовъ половина поступаетъ въ заработную плату, а другая половина — въ прибыль и ренту. Такое распределеніе осязательно выражается въ томъ, что половина всѣхъ товаровъ по своему качеству соответствуетъ болѣе простымъ, грубымъ потребностямъ, а другая половина — потребностямъ болѣе утонченнымъ. Или, переводя это въ денежную форму, мы скажемъ, что изъ 12 милліоновъ рублей, которыхъ стоятъ ежегодно производимые товары, 6 милл. поступаютъ работникамъ, а остальные 6 милл. — капиталистамъ, землевладѣльцамъ и другимъ. Если производительность труда возросла на $\frac{1}{2}$, то излишекъ въ 4 милл. руб. долженъ распределиться согласно съ прежнимъ порядкомъ: 2 милл. должны поступить работникамъ и 2 же милліона — всѣмъ остальнымъ группамъ населенія. Если распределеніе совершится на такихъ началахъ, то уровень благосостоянія всего народа повысится, и производство будетъ идти такъ же плавно, какъ прежде. Представимъ себѣ иное распределеніе добавочныхъ 4 милліоновъ: 1 милліонъ изъ нихъ поступаетъ въ заработную плату, а 3 милліона — въ прибыль и ренту. Въ этомъ случаѣ благосостояніе работниковъ нѣсколько повысится, капиталисты и рентьеры получаютъ возможность сдѣлать свои потребности болѣе утонченными, но произойдетъ затрудненіе въ сбытѣ всѣхъ произведенныхъ товаровъ. Въ излишкѣ, стоящемъ 4 милліона, для потребностей работниковъ произведено товаровъ на 2 милліона, но въ ихъ обиходъ поступила только половина. Другая половина составляетъ долю прибыли и ренты; но такъ какъ эта половина — товары простого качества, удовлетворяющіе грубыя потребности, то она не найдетъ себѣ сбыта. Застой въ сбытѣ этихъ товаровъ отразится и на предпріятіяхъ, которыя производятъ товары для потребленія богатыхъ классовъ. Въ самомъ дѣлѣ, капиталисты, прикосновенные къ отраслямъ промышленности, которыя изготовляютъ простѣйшіе товары, будучи затруднены въ сбытѣ, должны сократить свое потребленіе и тѣмъ поставить въ невыгодное положеніе и многія предпріятія, которыя не производятъ для потребностей рабочихъ классовъ. Кредитныя отношенія, опутывающія своей сѣтью все производство, быстро обнаружатъ критическое положеніе

дѣлъ: не имѣя возможности исполнить долговые обязательства въ срокъ, многіе становятся несостоятельными должниками. Въ этотъ моментъ и начинаютъ раздаваться громкіе вопли о чрезмѣрномъ производствѣ; въ это время и требуютъ принятія мѣръ, которыя, исходя отъ государственной власти или группъ предпринимателей, направлены были бы къ уменьшенію промышленности. Требуется нормированіе производства; усердно заботятся о томъ, чтобы иностранцамъ былъ затрудненъ доступъ на туземный рынокъ и тѣмъ обезпеченъ сбытъ издѣліямъ своей промышленности. Все чаще и чаще обсуждается вопросъ о необходимости поднять технику отечественнаго производства; проектируется выдача вывозныхъ премій и т. д. Съ другой стороны, общественное хозяйство изъ себя, независимо отъ государственнаго вѣдѣтельства, выдвигаетъ условія, способствующія устраненію застоя: вслѣдствіе крушенія многихъ предприятий, размѣры производства суживаются, запасы товаровъ поглощаются потребленіемъ, и хозяйственная жизнь, повидимому, входитъ въ свое обычное русло. Но достигнутые результаты могутъ удовлетворять только тѣхъ, кто относится къ окружающему съ непростительнымъ оптимизмомъ; равновѣсіе достигается вслѣдствіе того, что многочисленныя массы работниковъ выкинуты изъ рядовъ производителей, ввергнуты въ нищету; притомъ же равновѣсіе устанавливается на очень непродолжительное время: новыя успѣхи техники производятъ такое же дѣйствіе и снова ведутъ къ промышленному кризису.

Переходя отъ этого условнаго примѣра къ даннымъ дѣйствительной жизни, мы должны припомнить и оцѣнить всѣ осложняющія обстоятельства; они, обостряя или смягчая хозяйственныя потрясенія въ отдѣльныхъ странахъ или отдѣльныхъ отрасляхъ производства, привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе и заставляютъ однихъ не замѣчать главной причины, а другихъ—намѣренно о ней умалчивать. Частныхъ причинъ очень много, и мы укажемъ только на болѣе могущественныя. Первое мѣсто занимаетъ обиліе или скудость жатвы. Это условіе потому привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе, что, независимо отъ важности его самого по себѣ, даетъ многимъ удобный случай приписать бѣдствіе кризиса не общественному настроенію, а игрѣ стихійныхъ силъ и волѣ Божіей. А обиліе или скудость урожая могутъ оказывать такое вліяніе: въ то время, какъ, подъ давленіемъ перечисленныхъ условій, народному хозяйству грозитъ застой, наступившій богатый урожай, непосредственно увеличивая покупательныя силы сельскихъ классовъ и косвенно всѣхъ остальныхъ, можетъ вести къ усиленному потребленію фабрикатовъ и отсрочить полное обнаруженіе кризиса. Скудость жатвы имѣетъ вліяніе противоположное: она уменьшаетъ покупа-

тельные средства и ускоряет обостреніе кризиса. Среди частныхъ причинъ важная роль принадлежитъ также тѣмъ условіямъ, которыя создаетъ для отдѣльныхъ странъ состояніе международнаго рынка, именно въ то время, когда рынокъ переживаетъ крупныя измѣненія, когда ко всемірному обмѣну привлекаются страны, доселѣ въ немъ не участвовавшія. Положимъ, что въ народномъ хозяйствѣ Россіи наступили всѣ условія, которыя должны вызвать кризисъ; если въ это время для русской торговли открываютъ рынки Персіи, Малой Азіи, то извѣстная масса товаровъ можетъ найти себѣ сбытъ, извѣстное число туземныхъ предприятий, уже колебавшихся, можетъ быть спасено отъ крушенія, и наступленіе кризиса можетъ быть отдалено. Противоположныя явленія на иностранныхъ рынкахъ, напр. новѣйшая хлѣбная политика Германіи, могутъ оказывать усиливающее дѣйствіе на промышленный застой Россіи. Состояніе международнаго рынка, погоня государствъ, имѣющихъ развитую промышленность, за новыми колоніями, новыми покупателями, настолько привлекаютъ къ себѣ вниманіе правящихъ круговъ, промышленниковъ, временной печати, что затѣняютъ дѣйствіе главной силы и заставляютъ забывать, что состояніе международнаго рынка можетъ только отсрочить наступленіе кризиса, но неспособно его предотвратить. Предположимъ, что Россія открыла новый рынокъ для произведеній своего сельскаго хозяйства: вывоза тотъ запасъ, который обременилъ-бы туземный рынокъ, она получаетъ, взамѣнъ его, извѣстную массу заграничныхъ товаровъ. Среди нихъ будутъ предметы потребленія всѣхъ классовъ народа, а также орудія производства для расширенія уже существующихъ отраслей и для образованія новыхъ предприятий. На нѣкоторое время наступитъ оживленіе промышленности. Но разъ международныя отношенія вошли въ опредѣленное русло, не открывается новыхъ рынковъ, не ввозится новыхъ товаровъ, то иностранная торговля уже неспособна вліять на замедленіе кризиса. Немалое значеніе имѣетъ и финансовая политика: введеніе новыхъ налоговъ, обременяющихъ бѣднѣйшіе классы населенія, которые и безъ того крайне стѣснены въ покупательныхъ средствахъ, суживаетъ ихъ потребленіе и подрываетъ тѣ отрасли промышленности, которыя производятъ предметы, не крайне необходимыя для жизни. Войны, внутреннія смуты, эпидеміи, неизвѣстность будущаго также отягчаютъ положеніе дѣлъ. Но забывать, въ виду этихъ причинъ, главную—непараллельное движеніе производительности труда и распредѣленія общественнаго дохода—значитъ уподобляться тому врачу, который лечитъ отдѣльные признаки болѣзни безъ вниманія къ измѣненіямъ въ организмѣ, служащимъ главною причиною страданія.

Европейско-американскій міръ представляетъ намъ за послѣднее столѣтіе всѣ условія, перечисленные на предыдущихъ страницахъ. Онъ даетъ намъ рядъ неурожаевъ, войнъ, внутреннихъ смутъ, разнообразныхъ сочетаній въ международномъ обмѣнѣ и т. д., словомъ, даетъ все, что обостряло кризисы. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ даетъ намъ непараллельное движеніе производительности труда и распредѣленія общественнаго дохода. Каждый учебникъ приводитъ примѣры того, насколько быстро возрастала производительность труда со времени великихъ техническихъ изобрѣтеній прошлаго вѣка. Этимъ обуславливается увеличеніе общественнаго дохода и появленіе многихъ потребностей, которыя не были извѣстны нашимъ предкамъ. Однако ростъ производительности труда не оказывалъ равномернаго вліянія на доли народнаго дохода: рента и, частію, прибыль возрастали относительно гораздо быстрее, чѣмъ заработная плата.

Попытаемся поддѣржнть наши положенія фактами изъ исторіи хозяйства.

Каждому извѣстны примѣры, доказывающіе ростъ производительности труда ¹⁾. Многіе изъ нихъ свидѣтельствуютъ о поразительности этого роста: искусная вязальщица дѣлаетъ въ 1 минуту 80—100 петель, тогда какъ машина дѣлаетъ болѣе 1.000. Въ 1880 году на земномъ шарѣ было въ дѣйствиіи 5 милліоновъ швейныхъ машинъ, которыя могли сработать столько же, какъ 60 милліоновъ женщинъ, и т. д. Съ 50-хъ годовъ цѣна стали упала до $\frac{1}{3}$. Съ 1850 до 1880 года приложеніе пара въ промышленности увеличилось въ такой степени, что 5 человекъ могутъ выполнить столько работы, сколько могли сдѣлать 8. За это же 30-лѣтіе развитіе желѣзнодорожной сѣти уменьшило расходы по перевозкѣ товаровъ на 50 шиллинговъ съ каждой тонны, т.-е. понизило цѣну товаровъ на 9%. ²⁾ Скажемъ, не боясь преувеличеній, что съ начала XVIII-го вѣка производительность труда возросла не менѣе чѣмъ въ 5, 6, быть можетъ, 10 разъ.

Какую же картину даетъ намъ движеніе заработной платы? Особенно интересное поле для наблюденій представляетъ Англія: точныя данныя о хозяйственномъ бытѣ восходятъ въ ней до мрака среднихъ вѣковъ; стоя во главѣ всѣхъ странъ по уровню производительности труда, она должна представить намъ, повидимому, картину наиболѣе благоприятнаго положенія рабочаго класса. Роджерсъ, такъ много сдѣлавшій для исторіи народнаго хозяйства Англіи, рисуетъ довольно подробно бытъ рабочихъ классовъ съ половины XIII-го

¹⁾ См. *Марксъ*, Капиталъ, I, а также *Roscher*, System der Volkswirtschaft, III.

²⁾ *Mulhall*, назв. соч., 51—57 и дал.

вѣка. Отъ этой отдаленной эпохи, въ теченіе трехъ столѣтій, англійскій работникъ, имѣя доступъ къ землѣ, пользовался скромнымъ довольствомъ. Съ половины XVI-го и вплоть до начала XVIII-го вѣка положеніе все болѣе ухудшалось; затѣмъ началось улучшеніе, длившееся до Наполеоновскихъ войнъ; отъ этого времени оно было очень угнетеннымъ до второй четверти нашего вѣка, когда снова началось постепенное его улучшеніе. Насколько положеніе ухудшилось отъ XIII-го вѣка и до конца XVIII-го, видно изъ того, что около 1260 года молотильщикъ получалъ за свой трудъ $\frac{1}{8}$ вымолоченной пшеницы, а около 1760—только $\frac{1}{21}$; при молотьбѣ овса въ первомъ случаѣ $\frac{1}{11}$, а во второмъ— $\frac{1}{21}$. Но нѣкоторыя отрасли промышленности имѣютъ и теперь заработную плату ниже, чѣмъ въ концѣ среднихъ вѣковъ. Сравнивая плату каменщиковъ около Лондона въ 1449—50 годахъ и 1887 г., Роджерсъ опредѣляетъ ее для перваго періода по 4 шиллинга въ недѣлю, а для второго— $42\frac{3}{4}$; а такъ какъ цѣна главныхъ предметовъ потребленія увеличилась въ 12 разъ, то для второго періода плата, чтобы не понизиться, должна составлять 48 шиллинговъ ¹⁾. Изъ области сельско-хозяйственнаго труда мы имѣемъ такіе факты: недѣльная плата отъ 1770 до 1880 г. поднялась съ $7\frac{1}{4}$ на 14 шиллинговъ, а расходы на квартиру увеличились съ 8 на 24 пенса, мясо—съ $3\frac{1}{4}$ на 9 пенсовъ за 1 ф., масло—съ 6 на 20 пенсовъ ²⁾. Цѣлый рядъ подобныхъ данныхъ заставляетъ Роджерса сказать, что „современную цивилизацію нужно судить не по тому, что она успѣла сдѣлать, но по тому, чего она не сдѣлала“ ³⁾. Но обратимся къ писателямъ, которые, страдая неисправимымъ оптимизмомъ, въ обширныхъ трактатахъ прославляютъ величіе современной цивилизаціи и на всѣ лады перетасовываютъ цифры, чтобы доказать, какъ поднялось благосостояніе рабочихъ классовъ. Изъ англичанъ, пользующихся значительной извѣстностью, укажемъ прежде всего на Мелголла и Джиффена. Первый, сравнивая заработную плату въ 1780 и 1880 годахъ, приходитъ къ заключенію, что она въ разныхъ отрасляхъ промышленности увеличилась въ своей денежной формѣ вдвое, а по своей покупательной силѣ—на 44%. Второй въ своемъ изслѣдованіи о прогрессѣ рабочаго класса Англіи за послѣднія 50 лѣтъ вычисляетъ увеличеніе денежной платы слишкомъ на 40%. Другимъ доказательствомъ выгоднаго положенія рабочихъ классовъ является тотъ фактъ, что за 50 лѣтъ доходы отъ капитала возросли въ меньшей пропорціи, нежели заработки лицъ, живущихъ физиче-

¹⁾ *Rogers, Six centuries of work and wages. 1884, 172 и далѣе, 522—39.*

²⁾ *Reitzenstein и Nasse, Agrarische Zustände in Frankreich und England, 1884, 160.*

³⁾ *Rogers, т.-ж. 186.*

скимъ трудомъ ¹⁾. Однако данныя о подоходномъ налогѣ Англіи, приводимыя въ статьѣ того же Джиффена, обнаруживаютъ совсѣмъ иное явленіе: съ 1843 до 1881 года доходъ съ капитала, подлежащаго налогу, возросъ съ 188¹/₂ милл. на 407 милл. фунт., т.-е. на 116⁰/₁₀₀, а доходъ отъ заработной платы съ 93¹/₂—на 177 милл., т.-е. на 90⁰/₁₀₀. ²⁾ Исчисленіе же дохода отъ заработной платы тѣхъ лицъ, которые не подлежатъ налогу, основывается только на предположеніяхъ. Въ концѣ декабря прошлаго года въ торжественномъ засѣданіи англійскаго королевскаго статистическаго общества предсѣдатель (онъ же и министръ финансовъ) Гошенъ произнесъ рѣчь, которая, повидимому, опровергаетъ всѣ сдѣланные нами расчеты. Онъ показалъ, что за 10-лѣтіе съ 1877 до 86 года число плательщиковъ подоходнаго налога въ Англіи, отнесенныхъ къ классу Д (занимающіеся промыслами, торговлей и разными профессіями), увеличилось почти на 60.000; но число плательщиковъ различныхъ имущественныхъ группъ потерпѣло неоднородныя измѣненія: число плательщиковъ съ доходами средними, отъ 500 до 1000 фунтовъ въ годъ, не измѣнилось, выше 1000 фунтовъ—уменьшилось на 2,40⁰/₁₀₀, а съ небольшими доходами, отъ 150 до 500 фунтовъ, возросло на 21,4⁰/₁₀₀. Число плательщиковъ, отнесенныхъ къ классу Е (государственные чиновники, а также приказчики и надсмотрщики въ торговыхъ предпріятіяхъ), увеличилось за 10 лѣтъ съ 78.224 почти до 116.000, среди которыхъ 104.000 имѣютъ доходъ отъ 150 до 400 фунтовъ въ годъ ³⁾. Отсюда Гошенъ дѣлаетъ выводъ, что средніе доходы возросли въ большей пропорціи, чѣмъ крупныя. Не отрицая самихъ фактовъ, мы скажемъ, что они вовсе не служатъ признакомъ того, будто бы Англія вступила на путь болѣе равномернаго распредѣленія богатствъ. Десятилѣтіе 1877—86 года представляетъ всѣ данныя для уменьшенія крупныхъ состояній и пониженія доходовъ. Рѣзкое паденіе цѣнъ всѣхъ товаровъ, пониженіе прибыли во всѣхъ предпріятіяхъ до половины средняго уровня и болѣе, огромное число банкротствъ (до 1877 г. въ среднемъ 8¹/₂ тысячъ банкротствъ въ годъ, а съ 1877 до 84 г.—болѣе 12.000)—все повело къ тому, что множество лицъ богатыхъ, имѣвшихъ въ половинѣ 70 г. дохода 1000—2000 фунтовъ, сохранили въ 80 г. едва 500—1000 фунтовъ, а имѣвшіе довольство, болѣе 500 ф., спустились въ низшую группу, въ группу плательщиковъ съ доходомъ въ 150—

¹⁾ *Mulhall*, назв. соч., 188. *Giffen*, 'Progress of the working classes in the last half century. Journ. of the Statistic. Society, 1886, 23—91.

²⁾ Статя *Giffen*'а въ Journ. of the Statist. Soc. 1883, 618 и дал.

³⁾ *Goschen*, The increase of moderate incomes. Journal of the Statistic. Society 1887, December.

500 ф. Угнетенное состояніе англійскаго хозяйства за послѣдніе годы выразилось въ томъ, что народное имущество, возраставшее за каждое 5-лѣтіе между 1860 и 1875 гг., слишкомъ на 800 милл. фунтовъ, увеличилось въ 1875-80 г. на 450 миллионѣвъ ¹⁾. Вотъ почему, свѣдѣнія, сообщенныя Гошеномъ, не колеблютъ нашихъ положеній, Какъ бы то ни было, мы стоимъ передъ двумя несомнѣнными фактами: въ теченіе 100 лѣтъ производительность труда увеличилась ²⁾, по крайней мѣрѣ, въ 3 раза, а покупательныя средства работниковъ возросли только на 40—50%. Значитъ, весь избытокъ поступилъ на долю прибыли, а главное, ренты. Всѣмъ извѣстно, насколько поднялась цѣнность и доходность земли за послѣднія 100 лѣтъ. Сошлемся для примѣра на Францію, гдѣ съ 1879 до 1859 года плата сельскаго рабочаго увеличилась въ 2, а рента — въ 2½ раза. Съ 1867 до 1877 г. средній доходъ гектара поднялся отъ 63 на 73½ фр., т.-е. на 16% и продажная цѣна 1 гектара съ 1840 до 1880 гг. увеличилась отъ 500 до 2000 франковъ ³⁾.

Совершенно сходную съ этимъ картину представляетъ народное хозяйство нашего отечества. Вещественные остатки старины говорятъ не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ свѣдѣтельства письменныхъ источниковъ. Каждому знакомъ находящійся въ Москвѣ, на Варваркѣ, боярский домикъ XVI-го вѣка, и никто не усомнится, что между этимъ домикомъ и жилищемъ простолюдина была гораздо меньшая разница, нежели теперь между домашней обстановкой крестьянина и царской пышностью крупнаго землевладѣльца, заводчика, торговца. Богатство высшихъ классовъ увеличилось многократно, а низшихъ—или не измѣнилось, или даже понизилось. Сохранившіяся описанія крестьянскихъ дворовъ XVI-го вѣка заставляютъ думать, что нынѣшній крестьянинъ имѣетъ менѣе удобное жилище, чѣмъ его предки, а тотъ фактъ, что рабочему въ княженіе Василя III было довольно работать по найму 3—5 лѣтъ, для скопленія средствъ, необходимыхъ на веденіе самостоятельнаго хозяйства ⁴⁾, показываетъ, насколько положеніе крестьянъ было болѣе благопріятно, чѣмъ нынѣ. Но обратимся ко

¹⁾ *Neumann-Spallart*, т. ж., 12 и дал.

²⁾ О ростѣ производительности труда можно заключить и изъ слѣдующихъ фактовъ: въ бумагопряденіи приходится въ Англіи 83 веретена на 1 работника, а въ Россіи и Австріи—по 20; въ Соединенныхъ Штатахъ 1 рабочий извлекаетъ въ годъ 374 тонны каменнаго угля, а въ Австріи—149. Если даже въ Россіи и Австріи производительность труда возросла за 100 лѣтъ въ 2—3 раза, то въ Англіи ростъ еще гораздо значительнѣе. *Jeans, Comparative efficiency and earnings of labour at home and abroad. Journal of the Statistic. Society, 1884, 614—655.*

³⁾ *Léonce de Lavergne, Economie rurale de la France. 1877, 57, и Butzenstein и Nasse, назв. соч., 98.*

⁴⁾ *Сokolovskій, Экономическій бытъ земледѣльч. населенія Россіи, 1878. 27—9.*

времени, не столь отдаленному отъ насъ, и къ другой области труда — труду фабричному. Въ первыхъ годахъ настоящаго вѣка въ Россіи было 130 посессионныхъ фабрикъ, на которыхъ работало около 32.000 человекъ. Свѣденія, собранныя въ 1803 г. мануфактуръ-коллегіей, показываютъ, что положеніе этихъ рабочихъ было немногимъ хуже, чѣмъ положеніе современныхъ намъ работниковъ. Рабочій день длился 12 часовъ. Средній работникъ на суконныхъ фабрикахъ получалъ 60 рублей. Теперь же на фабрикахъ московской губ. рабочій день составляетъ 12—14 часовъ, а нерѣдко достигаетъ и 18. Заработная плата на суконныхъ фабрикахъ не превышаетъ 180 руб. въ годъ; ¹⁾ но эта денежная плата, въ три раза большая, превышаетъ покупательной силой только въ 1¹/₂ раза денежную плату закрепощеннаго рабочаго. Отсюда слѣдуетъ, что доходъ поднялся, быть можетъ, на 50%, а производительность труда въ нашемъ отечествѣ многократно возросла за этотъ 80-лѣтній періодъ.

Итакъ, мы считаемъ доказаннымъ, что въ заработной платѣ работникъ получаетъ все меньшую долю продукта своего труда.

VI.

Разъ познана основная причина общественнаго явленія, можно найти способы устранить его или смягчить вліяніе, которое оно оказываетъ. Мы уже рассмотрѣли многія изъ предлагаемыхъ мѣропріятій. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть полезны для всего народнаго хозяйства — укажемъ, напр., на сокращеніе непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ, на поднятіе промысловаго искусства, — но ни одно не способно предотвращать кризисы съ ихъ неблагоприятными послѣдствіями, такъ какъ ни одно не дѣйствуетъ на главную причину, не способствуетъ болѣе равномерному распредѣленію общественнаго дохода. Для того, чтобы отыскать средства исцѣленія, необходимо разсматривать кризисы съ двухъ точекъ зрѣнія — какъ совокупность явленій, которыя выражаются въ избыточномъ производствѣ товаровъ и затрудненіяхъ къ ихъ сбыту, и какъ рядъ матеріальныхъ лишеній и нравственныхъ страданій, которыя становятся удѣломъ многихъ членовъ общества. Эти двѣ точки зрѣнія тѣмъ болѣе могутъ быть раздѣлены, что каждый кризисъ въ своемъ естественномъ развитіи послѣдовательно проходитъ оба періода: пере-

¹⁾ Семейскій, Крестьяне при Екатеринѣ II, 1881, 474—84. *Джисулъ*, Фабричныя бѣды московск. губ., 1884.

полненіе рынка товарами и—уже позднѣе—періодъ лишеній, которыя онъ причиняетъ многимъ людямъ.

При благопріятномъ теченіи хозяйственной жизни, промышленность работаетъ на всѣхъ парахъ. Но уже и здѣсь являются дурные признаки: хотя сбытъ товаровъ идетъ успѣшно, однако, отстаетъ отъ быстро расширяющагося производства; съ каждымъ мѣсяцемъ въ складахъ накапливаются все большіе запасы. Абсолютная успѣшность сбыта не даетъ рѣзкихъ напоминаній о приближающемся крушеніи, а выгодныя условія, на которыхъ предприниматели пользуются кредитомъ, позволяютъ продолжать производство въ неуменьшенныхъ размѣрахъ и тѣмъ промышленникамъ, которые опутаны цѣлой сѣтью кредитныхъ отношеній. Еслибы кризисъ выражался только въ этомъ, то, не причиняя лишеній кому-либо изъ членовъ общества, онъ, конечно, съ точки зрѣнія благополучія людей, былъ бы явленіемъ безразличнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая бѣда отъ того, что въ складахъ накопилось миліонъ лишнихъ аршинъ сукна, миткала, пудовъ хлопка или желѣза, если предпріятія идутъ по проложенному руслу, промышленники не становятся несостоятельными должниками, а работники получаютъ плату въ неуменьшенныхъ размѣрахъ. Кризисъ, по скольку онъ выражается только въ этихъ явленіяхъ, будетъ возможенъ всегда: нѣтъ такихъ условій виѣшней природы, нѣтъ такой высоты знаній, нѣтъ такого общественнаго порядка, при которыхъ не могло бы быть чрезмѣрнаго производства товаровъ. Представимъ себѣ какую-либо изъ странъ Европы достигшею чрезвычайной высоты знаній и замѣнившею право частной собственности на землю и капиталъ правомъ собственности государственной. И при такомъ порядкѣ возможно чрезмѣрное производство: обильная жатва, крупное техническое изобрѣтеніе, которое, дѣлаясь сразу общественнымъ достояніемъ, не позволяло бы тотчасъ же опредѣлить размѣры, въ какихъ должно быть уменьшено приложеніе труда въ данной отрасли—все это нерѣдко вело бы въ излишнему производству. А такъ какъ кризисы въ этихъ предѣлахъ, будучи неустранимы, не причиняютъ кому-либо крупныхъ неудобствъ, то все стараніе должно быть направлено на ограниченіе кризиса именно этими явленіями. Достиженіе цѣли—ограниченіе кризиса этими предѣлами и полная невозможность для него причинить страданіе хотя бы одному члену общества—сочетается только съ государственной собственностью на орудія производства.

Могутъ быть безконечно-долгіе споры о томъ, какая высота знаній и нравственныхъ качествъ необходима для того, чтобы осуществился этотъ порядокъ; можно теряться въ догадкахъ о частностяхъ этого общественнаго строя, но не можетъ быть сомнѣнія относительно

основаній, на которыхъ, при господствѣ такого порядка, будетъ покоиться производство цѣнностей и ихъ распредѣленіе. Неравенство вознагражденія за отдѣльные виды труда будетъ удержано—равное вознагражденіе, мы убѣждены, требуетъ столь высокаго уровня нравственныхъ качествъ, что можетъ быть достигнуто развѣ въ безконечно далекомъ будущемъ, стоящемъ за предѣлами самой крайней прозорливости. — но по размѣрамъ доходовъ не можетъ быть тѣхъ рѣзкихъ различій, которыя представляются теперь между богатѣйшими людьми и бѣднѣйшими. Большая равномерность не только позволитъ всѣмъ людямъ имѣть необходимое и удобства жизни, но и будетъ оставлять въ распоряженіи общественной власти изъ года въ годъ крупныя доли доходовъ, для поддержанія членовъ тѣхъ промышленныхъ группъ, которые испытываютъ невыгоды вслѣдствіе чрезмѣрнаго производства. Положимъ, что склады завалены миткалемъ. Естественнымъ исцѣленіемъ отъ этого излишка будетъ суженіе хлопчатобумажной промышленности въ теченіе 1—2 лѣтъ, пока потребленіе не поглотитъ сдѣланныхъ запасовъ. Разъ суженіе стало необходимо, то или нѣкоторые изъ участниковъ должны вовсе прекратить работу, или же всѣ должны работать уменьшенное число часовъ; съ уменьшеніемъ количества труда будетъ связано для многихъ участниковъ въ производствѣ и уменьшенное вознагражденіе. Очень вѣроятно, что многіе изъ нихъ, при уменьшенной платѣ, не будутъ въ состояніи удовлетворить свои потребности въ привычныхъ размѣрахъ. Тогда-то государство, приходя со своими запасными фондами на помощь этимъ лицамъ, и будетъ поддерживать ихъ до тѣхъ поръ, пока поглощеніе накопленныхъ продуктовъ не позволитъ расширить въ данныхъ отрасляхъ производство и привлечь къ нему большее число работниковъ. Существованіе запаснаго государственнаго фонда и будетъ ограничивать кризисы только накопленіемъ излишнихъ запасовъ безъ возможности для кого-либо изъ членовъ общества терпѣть чрезъ это ущербъ. Но этого мало: при такомъ порядкѣ и первые періоды въ развитіи кризисовъ будутъ поставлены въ довольно тѣсныя предѣлы. Введеніе новыхъ машинъ и усовершенствованіе приемовъ производства должны служить выгодамъ всего человѣчества двумя сторонами: 1) удешевлять продукты, болѣе полно удовлетворять потребности, и 2) уменьшать матеріальный трудъ чловека, оставлять ему болѣе досугъ для развитія духа и для наслажденія. Первая цѣль до извѣстной степени достигается и при современномъ порядкѣ вещей: разнообразныя продукты становятся дешевле и доступнѣе для болѣе широкихъ круговъ населенія. Вторая же цѣль не достигается даже въ самой слабой степени: не даромъ Дж. Ст. Милль, основываясь на исторіи англійской промышленности,

выразить сомнѣніе въ томъ, чтобы машины облегчили трудъ хотя одного человѣческаго существа. Лицомъ къ лицу съ этимъ фактомъ — ростомъ производительности труда — стоятъ двѣ группы населенія: капиталисты и работники. Послѣдніе заинтересованы въ томъ, чтобы каждое улучшеніе процессовъ производства облегчало ихъ трудъ; первые же видятъ въ этихъ усовершенствованіяхъ новый источникъ прибыли. Борьба, возникающая между сторонами, оканчивается въ пользу сильнѣйшей тѣмъ, что увеличеніе производительности труда въ 2, 5, 10 разъ и болѣе не ведетъ къ уменьшенію количества работы или ея облегченію. Намъ возразятъ, что государственная власть оказываетъ, посредствомъ фабричнаго законодательства, извѣстное содѣйствіе интересамъ работниковъ. Да, фабричные законы требуютъ исполненія гигиеническихъ правилъ, открываютъ для малолѣтнихъ доступъ къ начальному образованію, даже сокращаютъ трудъ дѣтей и женщинъ, но не дѣлаютъ ничего для уменьшенія количества труда согласно съ ростомъ его производительности. То, что они дѣлаютъ, только въ слабой степени удовлетворяетъ интересы работника. Можно предвидѣть, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи фабричное законодательство будетъ требовать ограниченія мужского рабочаго дня 8 часами въ сутки, въ удовлетвореніе того положенія Эммануила Канта, по которому сутки распадаются на 3 равныя части: 8 часовъ для работы, 8 — для сна, 8 — для всѣхъ другихъ отправленій. Сравнительно съ порядками, которые господствуютъ нынѣ даже въ передовыхъ странахъ, это будетъ большимъ шагомъ впередъ. Но рабочіе классы имѣютъ неоспоримое право желать и большаго. 8 часовъ, проведенныхъ въ занятіи наукой, искусствомъ, общественной дѣятельностью, даже ремесломъ нѣкоторыхъ разрядовъ, могутъ быть признаваемы лучшей частью жизни. Но тѣ же 8 часовъ, проведенные за трудомъ чисто механическимъ, въ качествѣ придатка машины, отнюдь не заслуживаютъ такого признанія. Огромное большинство операций въ промышленности принадлежитъ къ этому разряду, и группамъ населенія, занятымъ въ этой средѣ, естественно желать, чтобы механическій трудъ уменьшился до 7—6 часовъ ¹⁾. Такое уменьшеніе массы матеріальнаго труда вовсе не будетъ потакать наклонности многихъ людей облѣниться: оно только оставитъ имъ болѣе досугъ, который будетъ затраченъ частію на развитіе духа въ научномъ и художественномъ отношеніяхъ, частію

¹⁾ Тѣмъ, которые возразятъ, что такое уменьшеніе матеріальной работы затруднитъ удовлетвореніе всѣхъ потребностей общества, мы посоветуемъ прочесть интересную книгу Герцки (*Hertska, Die Gesetze der Socialen Entwicklung. 1886*). Онъ вычисляетъ, что въ Австріи изъ всего мужского населенія въ рабочемъ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ матеріальнымъ трудомъ занято только около 20%. Стр. 57—60.

на семейныя радости, частію на тѣ ремесленныя работы, которыя, обогащая отдѣльных лицъ въ ихъ домашнемъ обиходѣ матеріальными цѣнностями, позволяютъ работающему проявить свою изобрѣтательность и искусство рукъ. Но такое уменьшеніе количества труда возможно будетъ только съ переходомъ орудій производства въ собственность государства. Интересы капиталистовъ, усматривающихъ въ каждомъ усовершенствованіи орудій производства новый источникъ прибыли, перейдутъ къ государству; тогда оно, т.-е. всѣ граждане, будутъ заинтересованы въ изготовленіи возможно большей массы матеріальныхъ цѣнностей. А такъ какъ въ этомъ будетъ заинтересовано государство, то будетъ выступать ярко освѣщенной и другая цѣль — сокращеніе того труда, который, по механичности своихъ операций, не только не дѣйствуетъ развивающимъ образомъ на духъ работника, но даже не способствуетъ многостороннему упражненію его тѣла. Вотъ почему каждое крупное техническое изобрѣтеніе будетъ связано не только съ умноженіемъ количества продуктовъ, но и съ сокращеніемъ въ данной отрасли прилагаемаго труда, сокращеніемъ, которое будетъ охватывать равномѣрно всѣхъ участниковъ въ данной отрасли производства, а потому будетъ умѣряться и несоотвѣтствіе между потребностями и массой производимыхъ предметовъ.

VII.

Пока существуетъ современный порядокъ съ правомъ частной собственности на орудія производства, до тѣхъ поръ въ самомъ общественномъ хозяйствѣ нѣтъ силъ, которыя предупреждали бы развитіе кризисовъ, а тѣмъ болѣе предотвращали бы причиняемыя ими бѣдствія. Но государственная власть можетъ воздѣйствовать на кризисы посредствомъ одного коренного мѣропріятія — *умноженія тѣхъ классовъ, доли которыхъ изъ общественнаго дохода увеличиваются съ ростомъ производительности труда*. Весь общественный доходъ распределяется между заработной платою и прибылью, со всѣми ея подраздѣленіями въ видѣ рентъ, процента и т. п. Итакъ, задача государства сводится къ тому, чтобы увеличивать число гражданъ, получающихъ, кромѣ заработной платы, прибыль и ренту.

Къ этой цѣли можно идти двумя путями: или образованіемъ артелей въ разныхъ отрасляхъ производства, или расширеніемъ площади самостоятельнаго труда только въ отрасляхъ, представляющихъ наиболѣе данныхъ для успѣха. Положимъ, что государство образовало артельныя фабрики въ хлопчатобумажной, сукнодѣльной, чугуново-плавильной и другихъ отрасляхъ промышленности и разнѣ-

стило по этимъ отраслямъ 200.000 работниковъ, взявъ ихъ изъ дѣйствующей или запасной рабочей арміи. Получая, какъ члены артели, заработную плату и прибыль, они будутъ сполна пользоваться ростомъ производительности труда; соразмѣрно съ нимъ будетъ увеличиваться и доля каждаго изъ нихъ въ общемъ доходѣ. Или же всѣ усилія могутъ быть направлены въ умноженію класса мелкихъ землевладѣльцевъ, получающихъ отъ земли заработную плату, прибыль и ренту. Въ обоихъ случаяхъ уменьшатся тѣ классы, доля дохода которыхъ отстаетъ въ своемъ движеніи отъ роста производительности труда. А потому кризисы и не будутъ достигать нынѣшнихъ размѣровъ.

Мы считаемъ эти мѣры единственнымъ кореннымъ средствомъ противъ кризисовъ. Теоретически безразлично, увеличиваетъ ли государство число лицъ, получающихъ прибыль, въ машино-строительномъ или сахароваренномъ дѣлѣ, сельскомъ хозяйствѣ или горномъ промыслѣ. Но практически между этими направленіями можно замѣтить существенную разницу.

Классы, занятые въ обрабатывающей промышленности, производятъ исключительно для обихъна и нуждаются сами только въ небольшой долѣ производимыхъ издѣлій. Въ этой сферѣ, какъ показываетъ исторія промышленности, и какъ можно вывести посредствомъ апріорныхъ заключеній, производительность труда растетъ наиболѣе быстро, а потому есть особенно много данныхъ, благоприятствующихъ чрезмѣрному производству. Совсѣмъ иную сферу представляетъ земледѣліе: какъ далеко оно ни ушло въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ, люди, занятые въ сельскомъ хозяйствѣ, близко стоятъ къ своимъ важнѣйшимъ потребностямъ: не только мелкій, но и крупный землевладѣлецъ, печетъ хлѣбъ изъ своей пшеницы, варитъ супъ изъ своего мяса, пьетъ свое молоко. Важнѣйшая часть потребностей, составляющая для цѣлыхъ классовъ 60% — потребности въ пищѣ — удовлетворяются землевладѣльцемъ внѣ всякой связи съ рынкомъ. Приобщимъ сюда потребность въ жилищѣ, которая поглощаетъ 15—20% расходовъ, и мы получимъ 75—80% потребностей, независимыхъ отъ рынка. Укажемъ также на особенность земледѣльческой техники — усовершенствоваться довольно медленно сравнительно съ техникой въ промышленности. Меньшая способность къ усовершенствованію зависитъ отъ большаго вліянія силъ внѣшней природы на земледѣльческій трудъ, отъ невозможности точно регулировать дѣйствіе этихъ силъ. Отсутствие рѣзкихъ пережвѣтъ, которыя отъ времени до времени совершаются въ промышленности обрабатывающей, служатъ также тормазомъ для чрезмѣрнаго производства. Но и въ этой области есть условія, соответствующія крупнымъ промышлен-

нимъ изобрѣтеніямъ—переходъ къ почвѣ лучшаго качества. Именно въ послѣднія десятилѣтія мы испытываемъ вліяніе этого перехода, который особенно облегчается проложеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ плодородныя и рѣдко населенныя мѣстности. Получается явленіе вполне аналогичное: ручнаяковка гвоздей дѣлается невозможной съ распространеніемъ машиннаго производства; и многіе сельскіе хозяева Европы, сидящіе на худшихъ участкахъ земли, отрѣзываются отъ рынка, когда съ нимъ приводятся въ связь милліоны черноземныхъ десятинъ въ Остѣ-Индіи, Америкѣ, Австраліи. Но эта аналогичность не ведетъ къ одинаковымъ невыгодамъ: скажемъ еще разъ, и скажемъ съ удареніемъ, что, какъ бы ни было невыгодно положеніе землевладѣльца на рынкѣ, какъ бы ни былъ затрудненъ сбытъ его произведеній, онъ можетъ удовлетворять путемъ натурального хозяйства 75% всѣхъ своихъ потребностей, а въ крайнемъ случаѣ можетъ удовлетворять и больше. Вотъ почему умноженіе земледѣльческаго класса является наилучшей формой, въ которой государство можетъ уменьшать площадь, испытывающую невыгоды отъ слишкомъ быстрого роста производительности труда. Пусть же, изыскивая отрасли производства, гдѣ можно съ успѣхомъ развивать артельное начало, государство прежде всего напряжетъ свои силы для умноженія земледѣльческихъ классовъ.

VIII.

Посмотримъ на практическую сторону дѣла. Мы имѣемъ передъ собою государство двухъ разрядовъ. Во-первыхъ, тѣ, которыя располагаютъ незначительными площадями казенныхъ земель, гдѣ право частной собственности охватило почти всю территорію. Этимъ государствамъ предстоитъ или захватывать области, стоящія внѣ европейской культуры и почти ненаселенныя (такой, напр., характеръ получаетъ новѣйшая политика Германіи), и туда направлять переселеніе, или же подвергнуть ограниченіямъ права частныхъ собственниковъ, организуя, напр., принудительное отчужденіе земли, какъ то внесено въ программу многими аграрными партіями, или какъ то изъ иныхъ, чисто военнополитическихъ, побужденій проводится прусскимъ правительствомъ въ восточныхъ провинціяхъ королевства. Эти обѣ мѣры встрѣчаютъ на практикѣ довольно крупныя препятствія. Первое — основаніе обширныхъ колоній—предполагаетъ значительный флотъ, вообще довольно большое политическое могущество страны, и не всегда можетъ быть подъ силу малому государству. Но къ этому присоединяется еще то соображеніе, что колонія, куда направляется переселеніе въ широ-

кихъ размѣрахъ и съ крупными затратами со стороны государства, можетъ отдѣлиться и, тѣмъ уязвляя національную гордость, причинить метрополіи и матеріальный ущербъ. Второе мѣропріятіе, сопряженное съ крупной ломкой правового порядка, не скоро займетъ видное мѣсто въ хозяйственной политикѣ европейскихъ государствъ. Дабы создать многочисленный земледѣльческій классъ, нужно примѣнять это средство въ широкихъ размѣрахъ; а для этого недостаточно пользоваться случаемъ и скупать земли, поступающія въ продажу за долги, для раздѣла между наслѣдниками, продаваемыя добровольно: необходима и принудительная покупка, т.-е. постановление, напр., о томъ, что владѣльцы определенной площади земли должны продать, по требованію правительства, столько-то и за такую-то цѣну.

Не таково положеніе странъ, которыя имѣютъ обширныя площади государственныхъ земель. Сюда мы отнесемъ Россію, Англію, съ ея колоніями, Соединенные Штаты и государства Южной Америки. Мы опускаемъ Турцію, Персію и другія страны нецивилизованнаго міра. Такъ какъ общія начала, которыми должна руководиться политика въ этихъ государствахъ, одни и тѣ же, то мы ограничимся рассмотрѣніемъ вопроса въ примѣненіи только въ Россіи.

Наше отечество имѣетъ всѣ благопріятныя данныя для рѣшенія этого вопроса въ полнотѣ, которая требуется самой важностью изслѣдуемаго явленія. Прежде всего обширность государственныхъ земель. Эта площадь въ Европѣ измѣряется 152 милліонами десятинъ; если откинемъ даже пѣлую треть на земли, неудобныя для заселенія, то останется земельный фондъ въ размѣрѣ 100 милліоновъ. Въ Азіи площадь эта неизвѣстна; но если принять ее только за $\frac{1}{4}$ всѣхъ азіатскихъ владѣній, то получимъ не менѣе 400 милліоновъ десятинъ. Въ итогъ мы имѣемъ площадь, гдѣ, при самомъ экстенсивномъ хозяйствѣ, могутъ съ широкимъ раздольемъ размѣститься 20 милліоновъ семей, равныхъ всему настоящему населенію имперіи. И эти 500 милліоновъ десятинъ свободной земли даютъ на поверхности и въ нѣдрахъ своихъ гораздо больше, чѣмъ нужно для матеріальнаго благополучія человѣка. На-ряду съ песчаными и глинистыми участками, которые все-таки могутъ вознаграждать трудъ, мы имѣемъ тучный черноземъ Сибири и тѣ лѣса средне-азіатскихъ владѣній, которые даютъ урожай въ самъ-соть. Богатая древесная растительность отъ сосны и лиственницы до орѣховыхъ и миндальныхъ деревьевъ; неисчерпаемое минеральное царство отъ желѣза до золота и драгоценныхъ камней; многочисленныя озера, ключи, ручьи, рѣчки, огромные водные протоки, прорѣзывающіе половину Азіи съ бассейнами въ сотни тысячъ квадратныхъ верстъ. Словомъ, при-

рода дать все, что только можетъ измыслить самое пылкое воображеніе. Но къ этому присоединяется и другая первостепенная выгода: большая часть нашего народа сохранила общинное начало во всей своей чистотѣ. За послѣдніа десятилѣтія научная мысль сдѣлала очень много для точнаго познанія земельной общины: не выдвигая этого начала, какъ самобытнаго явленія славянской жизни, она раскрываетъ причины, сохранившія у насъ общину, и доказываетъ, что общинное землевладѣніе не только имѣетъ благотворное вліяніе на распредѣленіе общественнаго дохода, но и примиряется съ безостановочными успѣхами производства. Нашъ народъ, повторяемъ, сохранилъ то великое начало, которое служить залогомъ возможности широко развить общинный трудъ. Господствуетъ ли мелкое частное землевладѣніе или общинное—пока не примѣняется общій трудъ, до тѣхъ поръ сельское хозяйство ведется въ малыхъ размѣрахъ и не можетъ достигнуть той степени производительности, какая обуславливается широкими размѣрами хозяйства. Это обстоятельство и ведетъ къ постепенному вытѣсненію мелкаго землевладѣнія крупнымъ. Для мелкаго частнаго поземельнаго собственника переходъ къ крупному производству до чрезвычайности затрудненъ вѣковой привычкой дѣйствовать обособленно отъ сосѣдей. Нуженъ очень долгій періодъ времени, нужно очень высокое умственное развитіе, чтобы общій, артельный трудъ получилъ господство въ мѣстностяхъ, населенныхъ мелкими землевладѣльцами. Совсѣмъ иную перспективу представляетъ намъ община. Вѣковая связь между членами по землѣ, привычка подчинять многія стороны хозяйственной дѣятельности міру, совмѣстное исполненіе разнообразныхъ работъ среди нихъ и артельныхъ запашекъ, — все это подаетъ надежду, что общинное землевладѣніе можетъ изъ нынѣшняго его типа—обособленія хозяевъ при пользованіи землей — перейти въ форму болѣе совершенную—общаго владѣнія, связаннаго съ общимъ земледѣльческимъ трудомъ. Могутъ возразить на это, что теперь эгоистическія побужденія стремятся разложить общину, что нужны слишкомъ высокія нравственныя качества для перехода къ артельной формѣ производства. Къ этой формѣ общину приведемъ, скажемъ мы, не платоническая любовь къ артели, не погоня за идеалами, а сознаніе, что нѣтъ иного способа увеличить успѣшность труда и возвысить благосостояніе. Запрещеніе отчуждать надѣлы, препятствуя дальнѣйшему индивидуализированію поземельной собственности, наложить узду на эгоистическія побужденія, которыя теперь разрушаютъ общину, а вѣковыя, привычныя, разнообразныя связи между членами міра облегчать замѣну единоличнаго сельскаго хозяйства артельнымъ. Такимъ образомъ, есть

полное основаніе надѣяться, что и новыя населенія усвоятъ ту форму труда, которая обезпечиваетъ наибольшую его производительность.

Какъ ни важно общинное землевладѣніе, какъ ни плодотворно его вліяніе на многія стороны общественнаго быта, государственная власть должна подняться на еще болѣе возвышенную точку зрѣнія. Сельскія общины, доставляя крупныя выгоды своимъ членамъ, являются въ отношеніяхъ къ третьимъ лицамъ полными эгоистическихъ побужденій; это всего лучше доказывается упорной борьбой, которую въ Сибири новоселы должны выдерживать со старожилами, и тѣми препятствіями, которыя старожилы ставятъ водворяющимся переселенцамъ. Измѣненія, происходящія въ общинѣ, могутъ обнаруживать это эгоистическое начало съ особенной рельефностью и особеннымъ ущербомъ для общегосударственныхъ интересовъ: положимъ, что изъ общины, за смертью или по другимъ причинамъ, вышло много членовъ, и на остающихся приходится очень большая площадь земли. Государство было бы заинтересовано въ томъ, чтобы поселить извѣстное число семей въ предѣлахъ земли этой общины, а послѣдняя была бы склонна рѣзко противиться этому намѣренію. Каждое новое дѣло, ведущее къ великой цѣли, должно быть съ самаго начала созидаемо на широкихъ основаніяхъ; поэтому мы считаемъ необходимымъ удержаніе права собственности государства на всѣ эти земли и привлеченіе переселенцевъ на началахъ долгосрочной или наслѣдственной аренды.

Для того, чтобы политика переселеній могла имѣть замѣтное вліяніе на народный бытъ, она должна быть ведена не въ тѣхъ гомеопатическихъ дозахъ, какъ то дѣлалось до сихъ поръ, а въ обширныхъ размѣрахъ и, конечно, на счетъ государства. Мы полагаемъ, что необходимыя для этого денежныя капиталы, приблизительно въ 100.000.000 рублей ежегодно, позволили бы передвигать 200.000—300.000 семей, т.-е. 1—1½% населенія всей Имперіи, что составляетъ приблизительно (въ 1885 г. 13,3 на 1000) ежегодный приростъ населенія. Первостепенная важность цѣли и незначительность суммы позволяютъ оправдать ежегодное увеличеніе государственнаго долга 100 милліонами. А капиталы для этой цѣли могутъ быть добываемы на особенно выгодныхъ условіяхъ тогда, когда замѣчается переполненіе денежнаго рынка, какъ напр. въ настоящее время.

Гдѣ же тѣ общественныя группы, которыя должны быть переселяемы? Таковыми будутъ, конечно, бѣднѣйшіе граждане, но какіе именно? Мы полагаемъ, что населеніе нашихъ городовъ даетъ для этого мало матеріала. Коренное городское населеніе посвящаетъ себя всецѣло тѣмъ отраслямъ дѣятельности, которыя не имѣютъ ничего

общаго съ земледѣіемъ. Но, кромѣ коренного населенія, всѣ наши большіе и средніе города имѣютъ массы пришлаго люда, который группируется около различныхъ отраслей ремесленной, заводской и фабричной промышленности, который, происходя изъ деревни и не утративъ своего навыка, представляетъ отличный матеріалъ для переселенія. Но главную массу переселенцевъ должны составлять крестьяне, которые не занимаются отхожими промыслами и имѣютъ крайне малые надѣлы, затрудняющіе веденіе хозяйства. Велика ли эта масса? Изъ источниковъ, которые можно считать устарѣвшими¹⁾, оказывается, что только меньшинство крестьянъ владѣетъ достаточными надѣлами. Говоря о „достаточности“, мы разумѣемъ не тѣ размѣры надѣла, при которыхъ доходъ отъ земли покрываетъ всѣ потребности населенія, но такіе, которые занимаютъ всю рабочую силу, въ теченіе временъ года, самой природой отводимую на сельскохозяйственный трудъ. Если мы, наслѣдуя дѣйствительность, будемъ считать достаточнымъ надѣлъ только въ 4 десятины на ревизскую душу (его нужно считать отъ 5 или даже 6 десятинъ), то мало-земельными окажутся 29, 1% государственныхъ—около 3 милліоновъ ревизскихъ душъ и 70, 9%—болѣе 7 милліоновъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, т.-е. около 20 милліоновъ душъ обоого пола или до 4 милліоновъ семей. Если, понижая наши требованія до крайнихъ предѣловъ, мы будемъ говорить, какъ о главномъ матеріалѣ для переселеній, только о тѣхъ, которые имѣютъ до 2 десятинъ на 1 ревизскую душу, то получимъ до 400.000 душъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и до 2 милліоновъ бывшихъ помѣщичьихъ, т.-е. около 1 милліона семей. Обширное поле для плодотворной, хозяйственной политики! Важность дѣла требуетъ передачи его особому, самостоятельному вѣдомству—назовемъ его *министерствомъ переселеній*. Рядомъ съ переселеніями должна идти расширяющаяся дѣятельность крестьянскаго банка по содѣйствію крестьянамъ въ приобрѣтеніи частновладѣльческихъ земель въ ихъ ближайшемъ сосѣдствѣ.

Отвлечение 200.000—300.000 семей, ежегодно, будетъ имѣть могущественное вліяніе на все наше народное хозяйство, а въ частности на возможные въ будущемъ кризисы. Нельзя сомнѣваться, что при правильномъ веденіи дѣла вся эта масса устроится и достигнетъ благосостоянія, неизвѣстнаго ей на родинѣ. Интересна и другая сторона—вліяніе на остающихся. Переселеніе будетъ процессомъ, отвлекающимъ съ рынка излишнія рабочія руки, а потому и поддерживающимъ равновѣсіе между спросомъ на трудъ и его предло-

¹⁾ Статистика поземельной собственности, изданная централн. стат. комитетъ; данныя для нея собирались съ 1878 года.

женіемъ. Представимъ же себѣ, что наступило условіе, побуждающее промышленниковъ къ расширенію ихъ предпріятій; усиленный запросъ на товары можетъ быть удовлетворенъ небольшимъ расширеніемъ предложенія. Теперь наличность большой запасной рабочей арміи позволяетъ расширять производство гораздо дальше дѣйствительнаго запроса, что и ведетъ къ переполненію рынка. Уменьшеніе же запасной арміи будетъ держать предпріятіе въ извѣстныхъ предѣлахъ, т.-е. препятствовать столь большому производству. Положимъ, что сдѣлано крупное промышленное изобрѣтеніе. По закону соотношенія между ростомъ производительности труда и распределеніемъ общественнаго дохода, наступитъ указанное явленіе,—относительно большее увеличеніе ренты и прибыли, нежели заработной платы. Безъ переселенія это вліяніе коснулось бы, напр., 30-ти миллионѣвъ людей, а теперь оно коснется только 20, можетъ быть 15,—т.-е. будутъ уменьшаться условія благопріятныя для чрезмѣрнаго производства. Но является, повидимому, другая опасность. Занявъ плодородныя земли, переселенцы произведутъ такую массу хлѣба и другихъ продуктовъ, что значительная часть ихъ не найдетъ сбыта на рынкѣ. Положимъ, что, удовлетворяя вѣсь всякой связи съ рынкомъ $\frac{3}{4}$ или $\frac{4}{5}$ своихъ потребностей, они легче перенесутъ это затрудненіе, чѣмъ фабричныя работники. Однако избытокъ земледѣльческихъ продуктовъ, замѣчаемый и теперь, станетъ еще болѣе ощутителенъ и будетъ способствовать усиленію сельско-хозяйственнаго кризиса, который за послѣдніе годы удручаетъ Россію.

Это—опасность только кажущаяся. Мы много говоримъ объ этой опасности потому, что среди нашихъ практиковъ и въ извѣстной части печати преобладаетъ грубое, близорукое отношеніе къ хозяйственнымъ явленіямъ, которое препятствуетъ и ихъ познанію, и врачеванію разныхъ недуговъ нашего народнаго хозяйства. Сельское хозяйство Россіи страдаетъ отъ кризиса; но когда изучаютъ его причины и отыскиваютъ средства къ его устраненію, то имѣютъ въ виду отпускъ нашего хлѣба за границу, сѣтуютъ на недостаточность отпуска и совершенно забываютъ о *первоклассномъ значеніи внутренняго рынка*. Мы утверждаемъ, что еслибы покупательныя силы большинства многомилліоннаго русскаго народа были хотя на $\frac{1}{10}$ выше настоящаго уровня, то обнаружился бы не избытокъ, а чрезвычайный недостатокъ въ продуктахъ, производимыхъ земледѣльческимъ трудомъ. Вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ за 1886 годъ былъ гораздо ниже вывоза за 1882 и 1883 гг., и недовыручка составляла 150—200 миллионѣвъ рублей. Обратимся къ такому приближительному разсчету. Изъ 20-ти миллионѣвъ семей, составляющихъ русскій народъ, едва ли 2 милліона настолько удовлетворяютъ свои

потребности въ пищу, что можно не желать ея улучшенія. Остальныя $\frac{9}{10}$ питаются гораздо хуже того, что соотвѣствовало бы требованіямъ гігіены, что было бы необходимо для поддержанія здоровья и силы населенія. Пусть каждая семья, состоящая въ среднемъ изъ 5—6 членовъ, хотя немного увеличитъ свое потребленіе мяса, молока, сахару, пшеничнаго хлѣба; пусть каждая увеличитъ расходы на пищу только 25-ю рублями въ годъ, и внутренній рынокъ потребуетъ отъ сельскаго хозяйства продуктовъ на 450 милліоновъ больше сравнительно съ массой, которую онъ теперь поглощаетъ. Пусть потребленіе возрастетъ только 15-ю рублями на семью и тогда потребуются излишекъ въ 270 милліоновъ,—гораздо больше недовручки по нашему хлѣбному вывозу. Возьмемъ для примѣра мясо. Потребленіе его въ Россіи составляетъ на 1 жителя 48 фунтовъ въ годъ. Для того, чтобы Россія сравнялась въ этомъ отношеніи съ Франціей (мы уже не говоримъ объ Англіи или Соединенныхъ-Штатахъ) съ ея 74 фунтами на душу, она должна произвести ежегодно 70 милліоновъ пудовъ сверхъ массы, производимой нынѣ (108.000.000 душъ \times на 26 фунт.), т.-е. при цѣнѣ 1 пуда мяса только въ $2\frac{1}{2}$ руб., на сумму 175 милліоновъ. Годичное потребленіе сахару въ Россіи не превышаетъ 7 фунтовъ на 1 жителя. Дабы въ этомъ отношеніи достигнуть уровня Франціи и Германіи, съ ихъ потребленіемъ по 21 фунту на жителя, нужно утроить размѣры сахаровареннаго производства, въ 3 раза увеличить площадь, занятую культурой свекловицы, надо засѣвать, вмѣсто 300.000 до 900.000 десятинъ, и на добрую сотню милліоновъ увеличить цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ связи съ потребленіемъ сахару. Расширяя только двѣ потребности до предѣловъ, въ какихъ онѣ удовлетворяются въ странахъ средняго благосостоянія, мы сознаемъ необходимость увеличить многими милліонами массу производимыхъ въ Россіи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Какіе же получимъ результаты, если примемъ въ расчетъ и другія потребности и поставимъ цѣлью удовлетворять ихъ въ объемѣ англичанъ или сѣвероамериканцевъ? Переселеніе, скажемъ мы, увеличитъ массу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; но, *поднимая покупательную силу внутренняго рынка, оно въ высокой степени увеличитъ и ихъ потребленіе.*

Новыя поселенія сослужатъ метрополию крупную службу еще тѣмъ, что откроютъ для нашей обрабатывающей промышленности гораздо болѣе обширный рынокъ, нежели тотъ, который даютъ теперь милліоны мало или безземельныхъ крестьянъ. Не притязая на точность вычисленій, мы можемъ сдѣлать приблизительно такой расчетъ.

Средняя крестьянская семья расходуетъ въ годъ 400 рублей ¹⁾), изъ которыхъ около 150 рублей затрачиваются на произведенія фабричной и заводской промышленности—вино, сахаръ, освѣщеніе, одежду, орудія, посуду и т. д. Болѣе благоприятныя условія хозяйства на новыхъ мѣстахъ позволяютъ каждой семьѣ переселенцевъ расширить покупки этихъ товаровъ, положимъ, на 150 рублей, а освобожденіе земельныхъ надѣловъ увеличить покупательную силу тѣхъ, которые останутся на родинѣ. Еслибы ежегодно на новыхъ мѣстахъ устраивались 200.000 семей, то для туземной промышленности открывался бы ежегодно новый внутренній рынокъ на сумму до 60 мил. рублей и этимъ обезпечивалось бы безостановочное ея расширеніе.

Вотъ въ немногихъ словахъ мѣропріятія, способныя всего лучше противодѣйствовать хозяйственнымъ кризисамъ. Эти мѣры, служа интересамъ большинства населенія, составили бы истинно національную политику.

Андрей Исаевъ.

¹⁾ Ср. *Щербина*. Крестьянское хозяйство по острогжскому уѣзду, 1887, глава XVIII.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1888 г.

Общіе вопросы, возбуждаемые по поводу мѣстной реформы.—Отношеніе земскаго положенія и судебныхъ уставовъ къ общему государственному строю.—Розыскъ „либерализма“ въ прошедшемъ и въ настоящемъ.—Возможны ли у насъ самостоятельныя и независимыя учрежденія?—Пolemическіе приемы реакціонной печати.

Въ многочисленныхъ замѣткахъ, посвященныхъ нами административной и земской реформѣ, мы не касались вовсе или касались только мимоходомъ одного существенно важнаго вопроса, все больше и больше выдвигаемаго нѣкоторыми органами печати на первый планъ—вопроса о тѣсной внутренней связи между проектируемыми преобразованіями и основными чертами нашего государственнаго строя. Съ особенною ясностью этотъ вопросъ поставленъ въ той статьѣ „Русскаго Вѣстника“, о которой мы начали говорить въ предыдущемъ обзорѣни. „Въ государствѣ монархическомъ и самодержавномъ,—такова аргументація возражающаго намъ журнала,—не можетъ быть государственныхъ установленій, самостоятельныхъ въ своей дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, независимыхъ отъ верховной власти по характеру и источнику своихъ полномочій. Всѣ государственныя установленія должны состоять въ постоянной преемственной связи съ верховнымъ вождемъ народа. Связь эта можетъ выражаться различно, смотря по роду установленій и свойству дѣлъ, которыми они призваны завѣдывать. Въ учрежденіяхъ судебныхъ она проявляется въ порядкѣ опредѣленія судей, которое можетъ зависѣть только отъ произволенія державной воли, непосредственно отъ нея исходящаго или же обнаруживающагося черезъ посредство центральныхъ органовъ, на то уполномоченныхъ; въ учрежденіяхъ административныхъ зависимость выступаетъ еще нагляднѣе, ибо выражается, кромѣ того, въ порядкѣ инстанціоннаго подчиненія“. Въ другомъ отдѣлѣ статьи, polemизирующемъ противъ присвоенія земскимъ учрежденіямъ исполнительныхъ полномочій, мы

читаемъ слѣдующее: „мѣра эта не только не можетъ сблизить дѣйствующихъ въ губерніи административныя и земскія власти, но, напротивъ, должна еще болѣе расширить лежащую между ними бездну. Онѣ по прежнему будутъ оставаться въ органическомъ противоположеніи (?) представителей монархическаго начала и принципа народнаго суверенитета; но вмѣстѣ съ тѣмъ каждая изъ нихъ получитъ свою полицейскую силу. Не окажутся ли, затѣмъ, земскія учрежденія настоящимъ *status in statu*? Не появится ли въ губерніи и уѣздѣ, рядомъ съ правительствомъ государевымъ, особое земское правительство, зависящее отъ одного лишь произволенія избирателей? Къ какимъ смутамъ, къ какому внутреннему хаосу могли бы привести недоразумѣнія или столкновения между этими двумя правительствами?.. Проведеніе принципа раздѣленія властей до самыхъ послѣднихъ его выводовъ въ мѣстномъ управленіи составляло бы рѣшительный шагъ по наклонной плоскости, которая неминуемо привела бы къ примѣненію того же принципа въ управленіи общегосударственномъ. Ставъ однажды на этотъ скользкій путь, нѣтъ уже болѣе возврата. Монархическое правительство, отчуждающее всю совокупность принадлежащихъ ему прежде функций по обширной отрасли мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ пользу учреждений, построенныхъ исключительно на выборномъ началѣ, правительство, создающее, рядомъ съ своими мѣстными органами, самостоятельную и даже въ матеріальныхъ способахъ дѣйствія отъ него независимую силу мѣстнаго представительства, едва ли можетъ остановиться на такой полумѣрѣ. Оно роковымъ образомъ вынуждено будетъ раздѣлить и остальные свои функціи по законодательству, государственному хозяйству и верховному управленію съ народнымъ представительствомъ“.

Тенденція, враждебная самостоятельному земству, доведена здѣсь, по видимому, до крайнихъ предѣловъ; оказывается, однако, что можно идти еще дальше. Реакціонной газетѣ удалось перещеголять реакціонный журналъ. Главную опасность „Русскій Вѣстникъ“ видитъ впереди, въ дальнѣйшемъ развитіи земскаго самоуправления; „Московскія Вѣдомости“ считаютъ ее уже наступившей, уже давно висящей надъ Россіей. Съ точки зрѣнія „Русскаго Вѣстника“, составителей земскаго положенія можно упрекнуть только въ недомыслии, упустившемъ изъ виду необходимость согласованія земскихъ и государственныхъ учреждений; съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“, они виновны въ политическомъ преступленіи. „Въ шестидесятыхъ годахъ, — утверждаетъ московская газета, — были пересажены къ намъ изъ западной Европы учрежденія, построенныя на принципахъ, впервые провозглашенныхъ великою французскою революціей. Творцы судебныхъ уставовъ и земскаго положенія вполнѣ

искренне и наивно думали, что введеніе у насъ представительнаго образа правленія есть лишь вопросъ недалекаго будущаго, и что народовластіе есть единственное начало, способное прогрессировать. Они смотрѣли на свою работу какъ на подготовительную къ будущему переустройству нашего государственнаго зданія, вслѣдствіе чего и созданныя ими учрежденія оказались въ большемъ согласіи съ усвоенными ими политическими идеалами, нежели съ существовавшею въ то время и, благодаря Бога, существующею донныи самодержавною царскою властью". Въ другой статьѣ проводится та же самая мысль, но вмѣсто „наивности" дѣятелямъ шестидесятыхъ годовъ приписывается уже сознательная злонамѣренность. Они „дѣйствовали искусно, послѣдовательно и беззащитно, одни только вполне понимая чего хотѣли". „Эксплуатируя общее убѣжденіе въ необходимости органическихъ реформъ — читаемъ мы дальше, — наши передовики внесли въ эти реформы лишь то, что соответствовало заимствованнымъ съ запада доктринамъ, преимущественно тѣмъ, которыя расплодились на зыбкой революціонной почвѣ 1848 года. Подъ знаменемъ псевдо-либеральныхъ доктринъ открылся у насъ походъ противъ авторитета правительственной власти, завершившійся въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ почти совершеннымъ ея упраздненіемъ. Объектомъ главныхъ мѣръ для достиженія цѣлей похода было избрано не центральное правительство, противъ котораго дѣйствовать прямо было бы трудно, а мѣстное управленіе, т.-е. та сфера, гдѣ было гораздо легче поколебать авторитетъ власти". Въ такой же хитрой механикѣ обвиняются и нынѣшніе сторонники земскаго положенія и судебныхъ уставовъ, не желающіе „выпустить изъ своихъ рукъ подиальное знамя шестидесятыхъ годовъ". Эти „корифеи либерализма", будучи безсильны „толкнуть Россію на путь политическихъ экспериментовъ въ духѣ своихъ утопій, очень ловко умѣютъ эксплуатировать мнимое общественное мнѣніе и пользуются всѣми средствами, чтобы тормазить все, что затрагиваетъ ихъ любимые принципы. Укрываясь за высокими фортами, изъ которыхъ главные воздвигнуты 1-го января и 20-го ноября 1864 г., они до сихъ поръ съ успѣхомъ отражаютъ всѣ нападенія". Нужно взять и срыть эти форты; иначе „всѣ отправления государственной жизни будутъ парализованы, и всѣ попытки поддержать принципъ власти будутъ безплодны". Сохраненіе „судебной республики и автономнаго земства" устраняетъ возможность укрѣпленія самодержавной власти. Реформа мѣстнаго управленія, въ глазахъ московской газеты — это „тотъ вопросъ, вокругъ котораго сосредоточивается въ настоящую минуту борьба важнѣйшихъ политическихъ принциповъ. Исходъ этой борьбы рѣшить, чѣмъ мы будемъ и куда мы пойдѣмъ. Останется ли Россія вѣчно плохою по-

дражательницею Франціи и Германіи, связанная по рукамъ и ногамъ въ области мысли и дѣла, или она будетъ страной свободной и начнетъ жить своимъ умомъ"?... На этомъ пунктѣ совершенно сходится съ „Московскими Вѣдомостями“ и „Русскій Вѣстникъ“. Ему кажется, что отъ ожидаемой земской реформы „зависитъ направленіе всей государственной жизни нашего народа“. „Въ настоящее время—говоритъ „Русскій Вѣстникъ“, — обрисовались вполне ясно два теченія: одно возвращаетъ насъ къ тѣмъ кореннымъ національнымъ началамъ, которыми жила и крѣпла русская земля, и частныя, въ послѣднія двадцать пять лѣтъ допущенныя отступленія отъ которыхъ привели мѣстное наше управленіе въ состояніе разстройства. Другое направляется къ формамъ и идеямъ, до послѣдняго времени намъ чуждымъ, но, по мнѣнію многихъ, обязательнымъ для всякаго цивилизованнаго народа. Какъ сказочный богатырь, Россія стоитъ на перепутьѣ, гдѣ скрещиваются двѣ дороги; на столбѣ на одной сторонѣ начертано: *конецъ конституціоннымъ мечтамъ*; на другой, мнится нашимъ либераламъ, стоитъ надпись: *конецъ нашему историческому строю*“...

Читатели не посѣтуютъ на насъ, надѣмся, за эти длинныя выписки; онѣ были необходимы для выясненія вопроса, къ обсужденію котораго мы теперь переходимъ. Нескрываемая цѣль нашихъ противниковъ заключается въ томъ, чтобы заподозрить, въ одно и то же время, благонадежность ненавистныхъ учреждений и благонамеренность ихъ сторонниковъ. Центръ тяжести спора переносится въ такую сферу, гдѣ всего менѣе возможна равноправность спорящихъ сторонъ; реформѣ мѣстнаго управленія придается рѣзко-политическая окраска, затемняющая истинный ея смыслъ. Наравнѣ съ настоящимъ искажается и прошедшее. Историкъ эпохи реформъ и контръ-реформъ не легко будетъ повѣрить, что государственные люди первой половины шестидесятыхъ годовъ выставлялись, четверть вѣка спустя, приверженцами „народовластія“, піонерами конституціонныхъ порядковъ. До этихъ геркулесовыхъ столбовъ не доходилъ даже ретроградный романъ, когда изображали, въ вымышленныхъ краскахъ, періодъ „преобразовательныхъ вакханалій“. Въ „Переломѣ“ Маркевича Павановъ, Ягичъ, Анисьевъ и др. являются фразерами или трусами, оторванными отъ почвы, но не маленькими Макиавелями, „последовательно и беззащитно“ подкапывающимися подъ наиболее слабый пунктъ вѣренной имъ твердыни. Авторское право на эту фантастическую картину принадлежитъ всецѣло современнымъ реакціоннымъ публицистамъ. Чтобы понять всю ея чудовищность, стоить только сличить ее съ дѣйствительностью, сравнить портреты съ оригиналами. Кто жилъ сознательною жизнью въ мо-

ментъ, слѣдовавшій за освобожденіемъ крестьянъ, и не совсѣмъ утратилъ память—или желанье пользоваться ея указаніями,—тотъ знаетъ, что въ тогдашнихъ правящихъ сферахъ меньше всего было мѣста для чего-либо похожаго на политическій либерализмъ. Перемѣна въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, происшедшая весной 1861 г., была именно тѣмъ, что и потомъ повторялось неоднократно въ продолженіе минувшаго царствованія: изъятіемъ только-что начатаго дѣла изъ рукъ, его подготовившихъ и совершившихъ. Колесо, только-что пущенное въ ходъ, признавалось ватящимся слишкомъ быстро, и къ нему приспособлялся тормазъ. Понятно, что лицо, которому вѣрялось управленіе тормазомъ, не было и не могло быть расположено къ ускоренію движенія. Уже въ 1862 году принимается цѣлый рядъ мѣръ рѣшительно-консервативнаго свойства; 1863 годъ оказывается еще менѣе благопріятнымъ для теченій, показавшихся—было на поверхности нашей общественной жизни. И все-таки, въ теченіе этого года заканчивается подготовительный фазисъ земской реформы, приближается къ концу составленіе судебныхъ уставовъ, проектируется законъ о безцензурной печати. Объясняется это мнимое противорѣчіе какъ нельзя болѣе просто. Отдѣльныя реформы, по мысли самого Государа и исполнителей его воли, не должны были имѣть и не имѣли политическаго значенія; онѣ должны были быть введены въ составъ существующаго государственнаго строя, какъ нѣчто вполне совмѣстное съ его основами. О разложеніи традиціонныхъ порядковъ никто изъ участниковъ преобразовательной работы не думалъ; предметомъ надеждъ и усилій было, наоборотъ, ихъ обновленіе и укрѣпленіе. Вотъ почему министръ, подписавшій земское положеніе, закрываетъ, три года спустя, петербургское земство; вотъ почему введеніе земскихъ учрежденій идетъ рука объ руку съ строгими мѣрами, вызванными извѣстнымъ адресомъ московскаго дворянства; вотъ почему законъ 6-го апрѣля не исключаетъ экстра-легальнаго запрещенія журналовъ,—и вотъ почему, съ другой стороны, открытіе новыхъ судовъ въ Петербургѣ и Москвѣ не приостанавливается ни на одинъ день покушеніемъ 4-го апрѣля. Убѣжденіе въ томъ, что частными перемѣнами не нарушается неприкосновенность общихъ началъ государственнаго строя, переживаетъ даже эпоху реформъ; доказательствомъ этому служить городское положеніе 1870 г. Или, быть можетъ, прикосновеннымъ къ политическому макиавелизму московская газета считаетъ не только гр. П. А. Валуева, но и генерала А. Е. Тимашева? Подозрительнымъ, въ ея глазахъ, является, быть можетъ, не только Д. Н. Замятинъ, но и графъ К. И. Паленъ? До крайности смѣшнымъ обвиненіе въ конституціонализмѣ представляется уже въ

примѣненіи къ министру юстиціи 1862—67 г., служаеъ стараго покроя, чуждому какиѣ бы то ни было политическихъ увлеченій; что же сказать о распространеніи этого обвиненія на министра 1867—78 г., призваннаго къ власти именно для того, чтобы остановить, умѣрить, поворотить назадъ — и во многомъ исполнившаго свое призваніе? А между тѣмъ „судебная республика“ пережила регрессъ семидесятихъ годовъ — и слѣдовательно министр, цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ ее терпѣвшій, не можетъ быть освобожденъ отъ нареканій, возводимыхъ „Московскими Вѣдомостями“ на „творцовъ судебныхъ уставовъ“... Вотъ къ какимъ абсурдамъ приводитъ исходная точка, изобрѣтенная заднимъ числомъ, pour les besoins de la cause.

Намъ могутъ возразить, что обвиненіе въ наивномъ или злостномъ служеніи конституціонализму упадаетъ не на руководящихъ министровъ шестидесятихъ годовъ, а на второстепенныхъ ихъ сотрудниковъ — второстепенныхъ по официальному положенію, но не по дѣйствительному участію въ законодательныхъ работахъ. Сведенное къ этимъ разбѣрамъ, обвиненіе много проигрываетъ въ послѣдовательности, ничего не выигрывая въ вѣроятности. До крайности неправдоподобнымъ представляется не только успѣхъ такого систематическаго обмана, но и самое его существованіе. Какимъ образомъ онъ могъ столь долго оставаться нераскрытымъ, даже незаподозрѣннымъ, и какимъ образомъ онъ могъ пустить столь глубокіе корни, вездѣ и во всѣхъ встрѣчая только сообщниковъ или укрывателей?! Мы не хотимъ говорить о живыхъ; но гдѣ основанія думать, что двойственную роль играли Николай Милютинъ ¹⁾, Буцковский, Зубовъ, Плавскій, Сергѣй Зарудный?.. Сочинительство московской газеты идетъ въ разрѣзъ не только съ исторіей вообще: оно идетъ въ разрѣзъ съ исторіей самой газеты. Поднимая руку на враговъ, она угрожаетъ своему собственному кумиру. Еслибы всеобщій заговоръ, провозглашаемый теперь настоящимъ источникомъ реформъ, не былъ вымысломъ разстроеннаго воображенія, то однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ нужно было бы признать... М. Н. Каткова. Въ самомъ дѣлѣ, „эксплуататорами общественнаго мнѣнія“, „передовиками“, „корифеями либерализма“ были, очевидно, не только тѣ, кто писалъ или проводилъ проекты „либеральныхъ“ законоположеній, но и тѣ, кто поддерживалъ ихъ въ печати; а въ послѣдней категоріи далеко не маловажную роль играли тогдашніе редак-

¹⁾ Хотя Николай Милютинъ и не принималъ участія въ составленіи земскаго положенія, но мѣстная реформа, въ смыслѣ расширенія самоуправленія, была рѣшена въ принципѣ еще въ бытность его вліятельнымъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

торы „Московскихъ Вѣдомостей“. Они поклонялись именно тому, что сожигаютъ или хотятъ сжечь ихъ преемники—и упорствовали въ этомъ поклоненіи весьма долго, даже по окончаніи шестидесятихъ годовъ. Корень зла усматривается теперь въ *самостоятельности* и *независимости* земскихъ и судебныхъ учреждений; а вотъ что говорилось по этому поводу, восемнадцать лѣтъ тому назадъ, въ передовыхъ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“: „для успѣха земскихъ учреждений необходимо, чтобы въ кругѣ дѣлъ, имъ предоставленныхъ, они дѣйствовали *самостоятельно*. Въ этой самостоятельности заключается основа мѣстнаго самоуправленія, ручательство его успѣшности и пользы. Можетъ ли земство способствовать устойчивости государственнаго организма и вообще чувствовать себя дѣломъ серьезнымъ, если его будутъ держать подъ непрестанною бюрократическою опекой?“ (1870 г., № 32). „Чѣмъ безспорнѣе національное или, что тоже, государственное единство страны, тѣмъ безпрепятственнѣе можетъ быть она децентрализована въ административномъ отношеніи, тѣмъ полнѣе и *самостоятельныѣе* можетъ развиваться въ ней мѣстное самоуправленіе“ (1870 г., № 39). „Необходимое условіе успѣха земскихъ учреждений есть ихъ *самостоятельность* въ кругѣ дѣлъ, порученныхъ имъ вѣденію. Иначе земскія учрежденія должны обратиться въ говорильни, которыя поведутъ не къ добру, а ко всеобщему недовольству и раздраженію. Лучше вовсе уничтожить земскія учрежденія и избавить землю отъ лишнихъ налоговъ, чѣмъ оставлять однѣ формы безъ сущности“ (1870 г., № 70). „Только судъ, основанный на твердомъ законѣ и вполнѣ *независимый*, можетъ обезпечивать права и законные интересы отъ произвольныхъ нарушеній“ (ibid.). Одно изъ двухъ: или Катковъ, когда писалъ или печаталъ эти слова, участвовалъ въ „походѣ противъ авторитета власти“ и стремился къ измѣненію нашихъ основныхъ законовъ,—или въ отстаиваніи самостоятельности и независимости земскихъ и судебныхъ учреждений нѣтъ ничего несомнѣннаго съ политическою „благонамѣренностью“. Для „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ выборъ между обѣими частями дилеммы предрѣшенъ заранее; нельзя же имъ отречься отъ своего патрона и причислить его къ совѣту нечестивыхъ...

Съ первой позиціи, всего дальше выдвинутой впередъ, враги самостоятельнаго земства и независимаго суда могутъ, какъ намъ кажется, считаться сбитыми, въ виду авторитетнаго для нихъ загробнаго слова; послѣдуемъ за ними на вторую позицію, менѣе угрожающую по отношенію къ *лицамъ*, но столь же опасную для *дѣла*. Вопросъ о макиавелизмѣ уступаетъ мѣсто вопросу о добросовѣстной ошибкѣ. Составители земскаго положенія и судебныхъ уставовъ предполагаются

дѣйствовавшими bona fide, не предвидѣвшими послѣдствій, къ которымъ должно было привести затѣянное ими дѣло. Розовымъ иллюзіямъ, подѣ властью которыхъ они находились, противопоставляется мрачный реализмъ двадцатипятилѣтняго опыта. И здѣсь, конечно, не совсѣмъ удобнымъ является то обстоятельство, что къ числу заблуждавшихся принадлежалъ *самъ* Катковъ; но „великій публицистъ“ такъ блистательно вѣдь загладилъ свое заблужденіе, такъ много способствовалъ снятію маски съ обманувшихъ его учреждений! Не единственный же это, наконецъ—и даже не самый главный—поворотъ въ дѣятельности Каткова; не привыкать же къ тому, что онъ самъ опровергалъ самого себя... Съ нашей точки зрѣнія, однако, прежнія консервативныя симпатіи къ земскимъ и судебнымъ учреждениямъ не такъ легко поддаются эскамотажу (употребляемъ это не совсѣмъ вѣжливое выраженіе только за недостаткомъ въ русскомъ языкѣ эквивалента для непереводаимаго нѣмецкаго слова: Wegexplizieren). Остается, во всякомъ случаѣ, тотъ несомнѣнный фактъ, что въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ люди самыхъ высокопробныхъ консервативныхъ взглядовъ признавали самостоятельное земство и независимый судъ чѣмъ-то вполне нормальнымъ въ монархическомъ самодержавномъ государствѣ. Не такъ ужъ непреложенъ, слѣдовательно, противоположный тезисъ, выставляемый теперь въ видѣ какой-то математической аксіомы: „въ государствѣ самодержавномъ не можетъ быть государственныхъ установленій, самостоятельныхъ по своей дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ независимыхъ отъ верховной власти по характеру и источнику своихъ полномочій“. Почему не можетъ быть? Потому ли, что этого никогда и нигдѣ не было? Еслибы и такъ, то отсюда нельзя еще было бы сдѣлать рѣшительнаго вывода. Прошедшее не исчерпываетъ собою всѣхъ мыслимыхъ видоизмѣненій того или другого основного принципа; число политическихъ комбинацій до безконечности велико, каждая изъ нихъ имѣетъ свое начало, и небывалое вчера сплошь и рядомъ является завтра вполне осуществимымъ и цѣлесообразнымъ. Въ данномъ случаѣ мнимо-невозможное оказывается, впрочемъ, исторически-дѣйствительнымъ. Въ самодержавной Пруссіи XVIII-го вѣка существовалъ, какъ всѣмъ извѣстно, независимый судъ; въ началѣ XIX-го вѣка къ нему прибавилось самостоятельное городское самоуправленіе. Вотъ что мы читаемъ по этому поводу въ „Deutsche Geschichte“ извѣстнаго Трейтшке (I, 284—5): „города (по закону 19-го ноября 1808 г.) получили въ свое самостоятельное завѣдываніе (selbstständige Verwaltung) городское хозяйство, городскія школы, заботу о бѣдныхъ; они были поставлены почти совершенно независимо (fast ganz unabhängig) отъ государственной власти и облечены даже автономіей въ дѣлѣ

обложеніи налогами". Далекое не „либеральный" историкъ называетъ эту реформу „достойною удивленія" (bewunderungswürdig) и видитъ въ ней не ослабленіе, а укрѣпленіе центрального правительства. И въ самомъ дѣлѣ, прусская монархія оставалась неограниченной, *de facto* и *de jure*, еще сорокъ лѣтъ послѣ эманципации городовъ и сдѣлалась конституціонной подъ вліяніемъ обстоятельствъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Städteordnung Штейна пережила эпоху реакціи, хотя при самомъ изданіи закона раздавались уже, въ средѣ бюрократіи и юнкерства, вопли о „республиканскомъ" его характерѣ (tout comme chez nous!). Когда въ началѣ двадцатыхъ годовъ возникъ вопросъ о расширеніи правительственнаго контроля надъ городскимъ самоуправленіемъ, коммиссія, состоявшая изъ лучшихъ представителей высшей администраціи, рѣшила заключить этотъ контроль въ возможно-тѣсныя границы; она исходила изъ того убѣжденія, что „лучше ошибки со стороны городскихъ общинъ, чѣмъ произволъ со стороны правительства" (Трейтшке, III, стр. 110). Въ прусскихъ провинціяхъ Пруссіи съ самаго 1815 г. непрерывно дѣйствовалъ судъ присяжныхъ, завѣщенный имъ французскимъ управленіемъ; его не коснулась неограниченная власть двухъ прусскихъ королей, хотя противъ него говорили и національныя страсти, и соображенія государственнаго единства.

Итакъ, въ монархическомъ самодержавномъ государствѣ существовали и могутъ существовать, безъ нарушенія коренныхъ его свойствъ, *самостоятельныя* и *независимыя* учрежденія. Нужно только опредѣлить точнѣе значеніе словъ: „самостоятельность" и „независимость". Въ формулѣ „Русскаго Вѣстника", приведенной нами выше, говорится объ учрежденіяхъ, „независимыхъ отъ верховной власти по характеру и источнику полномочій". Такихъ учрежденій въ самодержавномъ государствѣ дѣйствительно не бываетъ, но почему? Потому что первоисточникомъ *всякаго* полномочія неизбѣжно служить здѣсь воля монарха, прямо выраженная или подразумеваемая. Земскіе гласные, напримѣръ, получаютъ свое полномочіе непосредственно отъ избирателей—но получаютъ его въ силу закона, утвержденного верховною властью и дѣйствующаго лишь до тѣхъ поръ, пока она того желаетъ. Въ ея рукахъ отиѣна этого закона, а слѣдовательно и прекращеніе полномочій, на немъ основанныхъ. *Независимость* является, такимъ образомъ, не безусловной, а существующей лишь въ силу однажды даннаго и продолжающагося согласія монарха. То же самое слѣдуетъ сказать и о самостоятельности дѣйствій; и она не абсолютна, и она можетъ быть ограничена, заключена въ болѣе узкія рамки. Аргументація „Русскаго Вѣстника" имѣла бы смыслъ только въ такомъ случаѣ, еслибы кто-либо сталъ доказы-

вать неотмѣнимость земскаго положенія или судебныхъ уставовъ; но ни о чемъ подобномъ никогда, сколько намъ извѣстно, не было и рѣчи. Неправильна, впрочемъ, не только исходная точка реакціоннаго журнала—неправильны и заключенія, которыя онъ изъ нея выводитъ. „Связь между государственными установленіями и верховнымъ вождемъ народа“—говоритъ „Русскій Вѣстникъ“—„можетъ выражаться различно, смотря по роду установленій и свойству дѣлъ, которыми они призваны завѣдывать“. Подъ это опредѣленіе подходит и та связь, которая несомнѣнно существуетъ между верховною властью и независимымъ судомъ (назначеніе, перемѣщеніе и повышеніе судей, руководство судебнымъ управленіемъ, право помилованія и т. п.), между верховною властью и самостоятельными земскими учрежденіями (утвержденіе извѣстныхъ категорій земскихъ постановленій, утвержденіе въ должности предсѣдателей земскихъ управъ, разсмотрѣніе земскихъ ходатайствъ, возможность доведенія разногласій между земствомъ и администраціей до государственнаго совѣта и т. п.). Вся бѣда въ томъ, что черезъ-чуръ усердный публицистъ не остается вѣрнымъ своему собственному опредѣленію; онъ спѣшитъ взять его назадъ, сводя все *разнообразіе* связи... къ различнымъ формамъ назначенія. Кто не призванъ къ публичной дѣятельности непосредственно верховною властью или уполномоченными отъ нея центральными органами, того „Русскій Вѣстникъ“ признаетъ несвязаннымъ съ верховною властью. Но вѣдь если разсуждать такимъ образомъ, то несвязаннымъ съ нею придется признать не только земскихъ гласныхъ, мировыхъ судей, присяжныхъ засѣдателей (последніе два института „Русскій Вѣстникъ“ предназначаетъ къ „упраздненію“), но и предводителей дворянства, и отдѣльныхъ членовъ дворянскихъ собраній, избирающихъ предводителя. Намъ возразятъ, быть можетъ, что дворянскія собранія—учрежденія сословныя, а не *государственныя*; но несостоятельность этого возраженія едва ли требуетъ доказательствъ, въ виду несомнѣнно-государственнаго значенія должности предводителя дворянства. Обратимся опять къ исторіи,—и мы увидимъ, что въ самодержавномъ государствѣ существовали, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, властныя, несомнѣнно „государственныя“ учрежденія, члены которыхъ получали свои мѣста по праву наслѣдства. Это — французскіе до-революціонные парламенты, пощаженные деспотизмомъ Ришельё, Людовика XIV-го и Людовика XV-го. Мы далеки отъ мысли защищать наслѣдственность судебныхъ должностей; намъ нужно только показать, что изъ понятія о самодержавіи вовсе не вытекаетъ необходимость *прямо* перехода власти отъ государя или его министровъ ко *всѣмъ* другимъ органамъ управленія. Достаточной инвеститурой можетъ служить и

выборъ, произведенный на точномъ основаніи закона, т.-е. согласно съ заранѣе выраженной волей верховной власти. Распространяется ли эта воля, въ видѣ общаго правила, на цѣлыя категоріи *будущихъ* случаевъ, или относится непосредственно къ одному конкретному, уже наступившему случаю—это, съ занимающей насъ точки зрѣнія, одно и то же; область дѣйствій верховной власти не становится отъ того болѣе или менѣе широкой. Утверждать, что въ самодержавномъ государствѣ не можетъ и не должно быть другого способа передачи государственныхъ функцій, кромѣ назначенія свыше—это все равно, что признавать самодержавіе упраздняющимъ потребность въ законѣ, за возможностью разрѣшить всякое отдѣльное дѣло отдѣльнымъ указомъ или отдѣльнымъ административнымъ распоряженіемъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ вывести, съ неуклонною прямолинейностью, все логически заключающееся въ извѣстномъ началѣ, — но нѣтъ, зато, и работы болѣе безплодной и опасной, разъ что она примѣняется къ политической жизни. Можно, конечно, рассуждать такъ: „сущность самодержавія состоитъ въ томъ, что къ нему все сходится и отъ него все исходитъ. Для него все возможно, и притомъ возможно въ каждую данную минуту, безъ малѣйшаго замедленія, безъ малѣйшей препоны или преграды. Чего монархъ не можетъ исполнить лично, то должно быть исполняемо исключительно органами его власти, полномочія которыхъ, идущія исключительно сверху, также могутъ быть увеличены, уменьшены или взяты назадъ въ каждую данную минуту“. Съ самодержавною властью, такимъ образомъ опредѣляемою, несовмѣстно, безъ сомнѣнія, все ненавистное нашимъ газетнымъ и журнальнымъ реакціонерамъ: срочность служебныхъ полномочій, несмѣняемость судей, неотмѣняемость судебныхъ рѣшеній, судъ присяжныхъ, выборныя городскія и земскія управы, полноправныя земскія собранія и городскія думы. Но совмѣстенъ ли съ нею какой бы то ни было правильный порядокъ, достойный этого имени? Совмѣстно ли съ нею избраніе земскихъ и городскихъ гласныхъ, хотя бы и не полноправныхъ, но все же облеченныхъ (какъ это предполагается проектомъ земской реформы) нѣкоторою долею участія въ мѣстномъ управленіи? Совмѣстно ли съ нею какое бы то ни было твердое, неизблемое личное право? Совмѣстно ли съ нею самое понятіе о законѣ, какъ о нормѣ, для *всѣхъ* одинаковой и обязательной, пока она не отмѣнена или не замѣнена другою? Опредѣленіе самодержавной власти, вытекающее изъ требованій реакціонной печати, относится, собственно говоря, не къ самодержавію, а къ деспотизму, и не имѣетъ для себя точекъ опоры ни въ нашемъ прошедшемъ, ни въ нашемъ настоящемъ. У насъ издавна существовало мѣстное самоуправленіе, издавна дѣйствовали выборныя

власти. Не кто другой, какъ Иванъ Грозный, повелѣлъ „во всѣхъ городѣхъ и волостѣхъ учинити старость *излюбленнѣхъ*, кому междѣ крестьянъ управу чинити“. И это повелѣніе, по словамъ такого знатока русской исторіи, какъ покойный Калачовъ, не было чѣмъ-то новымъ, случайнымъ; оно знаменовало собою официальное признаніе порядка, коренившагося въ глубокой древности ¹⁾. Возвращеніемъ къ этому порядку, въ измѣненномъ только видѣ, были многія преобразованія прошедшаго царствованія. Еще раньше, въ первомъ десятилѣтіи нашего вѣка, начинается упорядоченіе законодательной дѣятельности, созданіе для нея правильныхъ формъ и точныхъ условій (учрежденіе государственнаго совѣта). Все лучшее, все наиболѣе цѣнное въ нашей новѣйшей исторіи было отступленіемъ отъ идеала, восхваляемаго реакціонной прессой.

Если справедливо сказанное нами до сихъ поръ, то съ почвы общихъ принциповъ спорный вопросъ долженъ быть перенесенъ на почву болѣе близкую къ жизни. Дѣло вовсе не въ томъ, *могутъ ли существовать* въ самодержавномъ государствѣ самостоятельныя и независимыя, *до известной степени*, судебныя и земскія учрежденія; эта возможность не подлежитъ никакому сомнѣнію, она доказана историческимъ опытомъ, чужимъ и нашимъ. Дѣло въ томъ, *желательно ли, полезно ли* ихъ существованіе, при данныхъ условіяхъ и въ данное время. Мы утверждаемъ, что у насъ, въ современной Россіи, оно какъ нельзя болѣе желательно и какъ нельзя болѣе полезно. Реакціонная пресса усиливается доказывать, что самоуправленію и суду предоставленъ въ Россіи болѣе просторъ, чѣмъ на западѣ Европы, и усматриваетъ въ этомъ явную и вредную несообразность. Мы несогласны съ основнымъ тезисомъ нашихъ противниковъ,—но еслибы онъ и былъ совершенно правиленъ, невѣрнымъ оставалось бы, все-таки, выводимое изъ него заключеніе. Независимый судъ и дѣятельное участіе общества въ мѣстномъ управленіи цѣнны вездѣ и всегда—но особенно цѣнны они именно въ самодержавномъ государствѣ, хотя они и не могутъ въ немъ достигнуть полнаго своего развитія. Съ перваго взгляда это мнѣніе можетъ показаться парадоксальнымъ—но только съ перваго взгляда. Если въ центрѣ государства кипитъ политическая жизнь, она неизбежно проникаетъ въ самыя отдаленныя окраины, вноситъ свѣтъ въ самыя глухіе уголки, облегчаетъ раскрытіе и изобличеніе злоупотребленій, устраняетъ возможность неподвижности и застоя. Всякое неправильное распоряженіе мѣстной власти, всякое пристрастное рѣшеніе суда

¹⁾ Сжатое, но рельефное изображеніе „историческихъ основъ мѣстнаго самоуправления въ Россіи“ дано было недавно г. Василіемъ Юрьевымъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 256).

можетъ сдѣлаться предметомъ запроса съ парламентской трибуны, предметомъ полемики въ печати. Произволу должностныхъ лицъ со всѣхъ сторонъ противопоставлены преграды; имъ одинаково трудно застыть въ бездѣйствіи и апатіи—и выйти, въ избытокъ усердія, за предѣлы благоразумія и законности. Только этимъ (въ связи, конечно, съ національными свойствами и историческимъ наслѣдствомъ), можно объяснить, напримѣръ, сравнительное равнодушіе французовъ къ развитію мѣстнаго самоуправленія. Но гдѣ нѣтъ могучаго корректива политической свободы, тамъ ничто не можетъ восполнить недостатка самостоятельныхъ и независимыхъ учреждений. Чѣмъ былъ нашъ до-реформенный судъ, какъ велось наше до-реформенное земское хозяйство—это слишкомъ хорошо извѣстно и не будетъ забыто, сколько бы ни старались отбить у насъ память реакціонные органы печати. Нужно быть совершенно слѣпымъ или считать слѣпыми всѣхъ другихъ, чтобы проповѣдывать, какъ это дѣлаетъ „Русскій Вѣстникъ“, „возвращеніе къ тѣмъ кореннымъ національнымъ началамъ, которыми жила и крѣпла русская земля, и частныя, въ послѣднія двадцать пять лѣтъ допущенныя отступленія отъ которыхъ привели мѣстное наше управленіе въ состояніе разстройства“. А до этихъ „частныхъ отступленій“—т.-е. до земской и судебной реформы—наше мѣстное управленіе развѣ было въ состояніи благоустройства? Рѣшимость измѣнить его основы была простымъ капризомъ, не имѣвшимъ достаточной причины? Неужели русская земля „жила“ и „крѣпла“ *благодаря* зависимому суду и отсутствію самоуправленія, а не *вопреки* тому или другому? Да и какъ она жила, какъ крѣпла? Жила—съ язвами крѣпостного права, продажнаго суда, продажной администраціи; крѣпла, т.-е. казалась крѣпкой, впредъ до перваго серьезнаго испытанія, какимъ была война 1853-56 гг.

Учрежденія, „пересаженныя“ къ намъ изъ западной Европы, построены, если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ“, „на принципахъ, впервые провозглашенныхъ великою французскою революціей“; въ преобразованія шестидесятихъ годовъ внесено лишь то, что „соотвѣтствовало заимствованнымъ съ Запада доктринамъ — преимущественно тѣмъ, которыя расплодились на зыбкой революціонной почвѣ 1848 года“. И здѣсь „Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1888-го года можно противопоставить, прежде всего, „Московскія Вѣдомости“ 1870 года. „По мысли законодателя,—говорила тогда газета М. Н. Каткова (№ 32),—наши земскія учрежденія стоятъ на совершенно иной почвѣ, чѣмъ подобныя учрежденія во Франціи... Французскіе генеральныя и муниципальныя совѣты, имѣющіе право разсуждать о всякихъ вопросахъ, но до крайности ограниченные въ своей дѣятельности, *должны послужить для насъ предостереженіемъ*. Отнюдь не желательно, чтобы

веденіе дѣлъ, предоставленныхъ земству, перешло въ руки губернаторскихъ канцелярій, а земскія учрежденія, отсутствуя отъ дѣлового принятія или направленія, превратились въ говорильни". Итакъ, восемнадцать лѣтъ тому назадъ наши земскія учрежденія признавались самобытными, ни откуда незаимствованными,—и эта самобытность вмѣнялась имъ въ достоинство. Съ тѣхъ поръ они не измѣнились, но измѣнилось господствующее теченіе—и вмѣстѣ съ нимъ направление „Московскихъ Вѣдомостей"... Любопытно было бы знать, какія именно изъ числа „доктринъ", расплодившихся „на зыбкой почвѣ 1848 года", отразились у насъ въ земскомъ или городскомъ положеніи? Развѣ февральская революція была совершена во имя мѣстнаго самоуправленія, развѣ она подвинула его впередъ во Франціи, въ Пруссіи, въ Австріи, въ небольшихъ германскихъ государствахъ? Первые шаги къ административной децентрализаціи (правда, понимаемой весьма своеобразно) были сдѣланы во Франціи при Наполеонѣ III, а серьезнымъ расширеніемъ своихъ правъ французскіе генеральные совѣты обязаны монархическому большинству національнаго собранія 1871 г. Въ Пруссіи реформа окружныхъ и провинціальныхъ учреждений состоялась четверть вѣка спустя послѣ февральской революціи, значительно позже введенія въ дѣйствіе нашихъ земскихъ учреждений. О городскомъ самоуправленіи мы уже говорили; его дала Пруссіи неограниченная королевская власть. Неблагопріятной для развитія мѣстнаго самоуправленія была и революція 1789 г., съ своимъ стремленіемъ къ безусловному единству, съ своей враждой ко всему похожему на партикуляризмъ. Или, можетъ быть, въ нашемъ земскомъ положеніи слышатся отголоски извѣстной формулы: *liberté, égalité, fraternité?*.. Что касается до судебныхъ уставовъ, то нѣкоторыя существенныя ихъ черты—судъ присяжныхъ, публичность засѣданій, устность и состязательность процесса, защита въ дѣлахъ уголовныхъ—дѣйствительно стали распространяться по Европѣ послѣ революціи 1848 года; но видѣть въ нихъ что-либо революціонное—значило бы разсуждать по формулѣ: *post hoc—ergo propter hoc*. Не слѣдуетъ забывать, что французскій кодексъ уголовного судопроизводства, во многомъ послужившій образцомъ для другихъ западно-европейскихъ законодательствъ, составленъ при деспотическомъ правительствѣ Наполеона I и уцѣлѣлъ, какъ мы уже говорили, въ прирейнскихъ провинціяхъ Пруссіи, при самодержавныхъ короляхъ Фридрихъ-Вильгельмъ III и Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

Если независимый судъ и самостоятельное мѣстное самоуправленіе свободны отъ прирожденнаго революціоннаго грѣха, если они не заключаютъ въ себѣ ничего безусловно противнаго природѣ неограниченной монархической власти, если они дѣйствовали и дѣйствуютъ

въ самодержавныхъ государствахъ, нисколько не подрывая основъ самодержавія, то разрѣшеніе вопроса о контръ-реформѣ—т. е. о поворотѣ назадъ въ областяхъ земской и судебной—очевидно не должно зависѣть отъ политическихъ соображеній. Можно быть защитникомъ земскаго положенія и судебныхъ уставовъ, не желая никакой перемѣны въ существующемъ государственномъ строѣ—и наоборотъ, можно весьма мало дорожить первыми, относясь непріязненно ко второму. Безспорно, возможна и другая комбинація, — но намъ достаточно доказать, что она не неизбѣжна. За разногласіемъ о мѣстной реформѣ нѣтъ ни основанія, ни надобности предполагать непремѣнно и разногласіе относительно политическихъ учреждений. Gedanken sind zollfrei,—говорятъ нѣмцы; нашимъ газетнымъ реакціонерамъ пора было бы усвоить себѣ эту истину и отказаться отъ попытокъ чтенія чужихъ мыслей—въ особенности такихъ, которыя не могутъ быть предметомъ всесторонняго обсужденія въ печати. Пускай каждый *думаетъ* что хочетъ; то, что онъ *говоритъ*, должно быть оцѣняемо по своему внутреннему содержанію, а не по догадкамъ о томъ, что остается, можетъ быть, невысказаннымъ. „Московскія Вѣдомости“ поступаютъ иначе; онѣ хотятъ проникнуть въ чужую душу—и прочесть въ ней именно то, что имъ нужно. Рѣшено и подписано, что для „корифеевъ либерализма“,—къ сонму которыхъ безъ дальнѣйшаго розыска причисляется каждый сторонникъ реформъ,—независимый судъ и самостоятельное земство составляютъ только передовые „форты“, занятіемъ которыхъ облегчается взятіе главной крѣпости. Рѣшено и подписано, что приверженцамъ учреждений, предназначенныхъ на сломъ, всегда присуща задняя мысль, всегда свойственна злостная „эксплуатація общественнаго мнѣнія“... Таковъ пріемъ борьбы, употребляемый тѣмъ болѣе охотно, чѣмъ бѣднѣе коллекція боевыхъ орудій. Онъ падаетъ самъ собою, если признать, что защита независимаго суда и самостоятельнаго земства можетъ имѣть свою собственную raison d'être, можетъ служить цѣлью, а не средствомъ. Макиавелизмъ, вездѣ предполагаемый московскою газетою, столь же мало распространенъ въ настоящее время, какъ и двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Чтобы объяснить себѣ образъ дѣйствій людей, отстаивающихъ лучшіе завѣты минувшаго царствованія, не зачѣмъ брать на себя роль полицейскихъ агентовъ, вездѣ предполагающихъ и ищущихъ преступный умыселъ.

Допустимъ то, что теперь мало вѣроятно: предположимъ, что земскія учрежденія не только сохраняютъ свою самостоятельность, но и получаютъ дальнѣйшее, правильное развитіе. При одной мысли объ этомъ „Русскій Вѣстникъ“ бьетъ отчаянную тревогу. Передъ его воображеніемъ проносится цѣлый рядъ ужасныхъ картинъ —

но стоитъ только присмотрѣться къ нимъ поближе, чтобы онѣ обратились въ уродливо-смѣшныя каррикатуры. Въ самомъ дѣлѣ, не забавна ли уже исходная точка журнала, заставляющая его видѣть въ нынѣшнихъ земскихъ дѣятеляхъ... „представителей принципа народнаго суверенитета“?! Насколько съѣзды цензовыхъ землевладѣльцевъ и сходы выборщиковъ отъ сельскихъ обществъ далеки отъ мысли считать себя народомъ-обладателемъ верховной власти (*le peuple souverain*), настолько же гласные земскихъ собраній и члены земскихъ управъ чужды претензіи представлять собою кого бы то ни было, кромѣ мѣстныхъ жителей, и что бы то ни было, кромѣ скромныхъ мѣстныхъ интересовъ. Столкновенія земства съ администраціей такъ же мало похожи на борьбу принциповъ, какъ гражданскій споръ двухъ сосѣдей о нѣсколькихъ десятинахъ—на войну двухъ государствъ изъ-за пограничной провинціи. Взаимное отношеніе обоихъ элементовъ нисколько не измѣнилось бы отъ того, что одинъ изъ нихъ получилъ бы недостающіе ему теперь исполнительные органы. „Земская полицейская сила“, вступающая въ составленіе съ нынѣшней полиціей, „земское правительство“, бросающее перчатку „правительству государеву“, проистекающій отсюда „хаосъ“—все это скорѣе темы для водевиля, чѣмъ предметы серьезныхъ опасеній. Трагическою—по намѣренію, комическою—по впечатлѣнію является и „наклонная, скользкая плоскость“, сочиненная „Русскимъ Вѣстникомъ“. Почему раздѣленіе властей въ мѣстномъ управленіи непременно *должно* повлечь за собою такое же раздѣленіе ихъ въ управленіи центральномъ—это тайна консервативнаго журнала. И въ мѣстномъ управленіи, притомъ, никто не предлагаетъ довести раздѣленіе властей „до самыхъ послѣднихъ его выводовъ“; никто не требуетъ передачи мѣстнымъ выборнымъ учрежденіямъ „всей совокупности правительственныхъ функцій по обширной отрасли мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ“. Самостоятельность земства, даже при наличности земскихъ исполнительныхъ органовъ, не исключаетъ ни введенія его въ общую систему государственныхъ учрежденій, ни подчиненія его контролю центральной администраціи, ни сохраненія за послѣднею дѣятельнаго участія въ мѣстномъ хозяйствѣ. Страхи „Русскаго Вѣстника“ оказываются лишенными всякаго повода, предсказанія его — висящими на воздухѣ. Пускай онъ приведетъ намъ хоть одинъ примѣръ самодержавнаго монарха, „роковымъ образомъ“ доведеннаго, путемъ уступокъ въ области *мѣстнаго* управленія, до раздѣленія власти съ народнымъ представительствомъ. А между тѣмъ случаевъ противоположныхъ, т. е. такихъ, когда водвореніе конституціонныхъ началъ предшествовало развитію мѣстнаго самоуправленія — исторія представляетъ немало.

Мы придаемъ большое, очень большое значеніе вопросу о мѣстной реформѣ—но все-таки не можемъ не признать, что реакціонная печать намѣренно преувеличиваетъ его важность. Отъ рѣшенія его въ томъ или другомъ смыслѣ зависитъ многое, но далеко не все. Россія дѣйствительно стоитъ на перепутьѣ, но на подорожныхъ столбахъ мы читаемъ не то, чтó видить на нихъ „Русскій Вѣстникъ“. Одинъ изъ нихъ указываетъ въ сторону законности, равноправности, мирнаго развитія, другой—въ сторону произвола, привилегій и застоя; но съ обоихъ путей возможенъ возвратъ, и выборъ одного изъ нихъ окончательно и безповоротно ничего не предрѣшаетъ. Остановка движенія не равносильна его прекращенію. Конечно, далеко не безразлична продолжительность и интенсивность перерыва; чѣмъ меньше та и другая, тѣмъ больше основаній для спокойнаго отношенія къ будущему—но даже въ самомъ неблагоприятномъ случаѣ неизбежно возобновленіе прерванной работы. Въ этой работѣ—чтó бы ни говорили наши газетные реакціонеры—не было ничего механически-заимствованнаго, навѣяннаго извнѣ; не даромъ же—несходство нашего земства съ соотвѣтствующими французскими учрежденіями признавалось, какъ мы видѣли, покойнымъ Катковымъ. „Плохою подражательницею Франціи и Германіи“ Россія оказывается не тогда, когда она идетъ впередъ по дорогѣ, общей всѣмъ цивилизованнымъ государствамъ, а тогда, когда она обращается за примѣрами къ давно пережитому ихъ прошедшему. Такое подражаніе имѣли въ виду прежнія „Московскія Вѣдомости“, когда давали мѣсто слѣдующимъ прекраснымъ словамъ, до сихъ поръ сохранившимъ свою силу (1870 г., № 88): „уроки исторіи не должны быть для насъ безполезны, и нашимъ дѣйствующимъ людямъ не худо, мы думаемъ, припомнить себѣ старыя порядки Франціи. Во Франціи сословія были глубоко разобщены, и государство приводило все къ единству только усиленнымъ развитіемъ бюрократіи... Намѣстникамъ интенданта предоставлена была такая же власть надъ крестьянскимъ управленіемъ, какую наши консерваторы (курсивъ въ подлинникѣ) прочли для окружныхъ администраторовъ (по теперешней терминологіи—земскихъ начальниковъ), долженствовавшихъ замѣнить посредниковъ... Интендантъ былъ единственный представитель всѣхъ видовъ правительства въ провинціи. Возможно ли въ нашъ вѣкъ, послѣ столькихъ опытовъ, повтореніе этой исторіи?“ Не знаемъ, окажется ли оно возможнымъ на самомъ дѣлѣ—но оно усердно рекомендуется той же газетой, которая, восемнадцать лѣтъ тому назадъ, столь энергично противъ него возставала... Статья, написанная или одобренная Катковымъ, заканчивалась восклицаніемъ, къ которому мы можемъ только присоеди-

наться: „нѣтъ, мы твердо надѣемся, что Россія не вступитъ на злополучный путь старой Франціи!“.

„Не обрѣтаться въ авантажъ“ — все равно, что находится hors la loi. Этого убѣжденія неуклонно держатся у насъ повлонники силы и успѣха—и примѣняютъ его всего усерднѣе и всего чаще къ „либераламъ“ и „либерализму“. Приведемъ тому еще нѣсколько примѣровъ, довольно характеристичныхъ.

„Таково ли положеніе дѣлъ въ современной русской деревнѣ,—спрашивали мы себя въ предыдущемъ Внутреннемъ Обозрѣніи,—что для нея не нуженъ судъ, а нужно одно начальство?..“ „Еслибы это было такъ,—сказано было у насъ дальше,—то достаточно было бы постановить, что земскій начальникъ во всѣхъ дѣлахъ аграрнаго свойства принимаетъ, по своему усмотрѣнію, всѣ зависящія отъ него мѣры къ огражденію помѣщичьяго интереса, а нарушителей этого интереса, дѣйствительныхъ или возможныхъ, подвергаетъ взысканію. *Само собою разумѣется, что для такого радикальнаго рѣшенія современная русская жизнь не представляетъ не только основаній, но и предлоговъ.* Общественный порядокъ нигдѣ у насъ не нарушенъ, повиновеніе властямъ вездѣ въ полной силѣ, примѣненіе законовъ не встрѣчаетъ ни прямого, ни пассивнаго противодѣйствія. Нѣтъ ни малѣйшаго повода ни къ созданію множества мелкихъ мѣстныхъ диктатуръ, ни къ объявленію внѣ закона девяти-десятихъ населенія Россіи“. Что дѣлаетъ съ этимъ мѣстомъ нашей статьи московская реакціонная газета? Она начинаетъ выписку съ подчеркнутыхъ нами словъ, предпосылая имъ отъ себя слѣдующее вступленіе: „*Вѣстникъ Европы* никакъ не можетъ понять, зачѣмъ собственно намъ нужно преобразовать наше мѣстное управленіе, когда у насъ, именно въ мѣстномъ управленіи, все такъ идеально хорошо“. Благодаря этому приему, дѣло принимаетъ такой видъ, какъ будто подъ именемъ *радикальнаго рѣшенія* мы разумѣемъ вообще *преобразование мѣстнаго управленія*, а не предположенное нами, въ видѣ *reductio ad absurdum*, совершенное изъятіе деревни изъ сферы дѣйствій суда. Изъ этого перваго передергиванья сами собою вытекаютъ другія. Мы говоримъ, что у насъ повинуются властямъ и не нарушаютъ общественного порядка — а намъ приписываютъ мысль, что въ мѣстномъ управленіи все идеально хорошо, что все вообще обстоитъ благополучно. Итакъ, для идеальнаго благополучія и благоустройства достаточно одного повиновенія властямъ и соблюденія внѣшняго порядка? Отрицать необходимость диктатуры надъ сельскимъ населеніемъ — значитъ утверждать, что tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes

possibles?.. Смотрѣть на современную дѣйствительность въ розовые очки мы расположены менѣе чѣмъ кто бы то ни было — но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы мы должны были видѣть въ ней ту систематическую борьбу народныхъ массъ противъ личной безопасности, частной собственности и общественного порядка, ежечаснымъ, будто бы, распространеніемъ и обостреніемъ которой мотивируется потребность въ „властной рукѣ“ и ежовыхъ рукавицахъ. Мѣстное управленіе и въ нашихъ глазахъ не идеально и даже не хорошо, преобразование его и мы признаемъ въ высшей степени желательнымъ — только не такое, за какое стоятъ „Московскія Вѣдомости“.

Петербургская реакціонная газета, остановясь на томъ же мѣстѣ нашего обозрѣнія, оказалась, на этотъ разъ, нѣсколько добросовѣстнѣе московской; она перетолковала наши слова, но выписала ихъ цѣликомъ, предоставляя своимъ читателямъ возможность возстановить ихъ истинный смыслъ. Возражать на ея измышленія мы, конечно, не будемъ; приведемъ только одно изъ нихъ, потому что оно даетъ намъ поводъ къ фактическому подтвержденію нашей мысли. „Можно ли утверждать, — замѣтили мы въ прошлый разъ, — что мировые судьи подчинены только *товарищескому самосуду*, когда надъ ними существуетъ весьма реальный и серьезный контроль (прокуратуры, сената и министерства юстиціи), *часто имѣющій послѣдствіемъ привлеченіе мировыхъ судей къ дисциплинарной или судебной отвѣтственности*“. Доказательствъ этому послѣднему положенію мы не привели, по той простой причинѣ, что считали его общеизвѣстнымъ и безспорнымъ. Петербургской реакціонной газетѣ эта причина кажется слишкомъ простою; она убѣждена, что „умисель другой тутъ былъ“. „Вѣстникъ Европы“ — по ея мнѣнію — „осторожно воздерживается отъ приведенія хотя бы *одного* факта въ подкрѣпленіе мысли о привлеченіи мирового судьи къ отвѣтственности за безобразія — осторожно потому, что знаетъ, что такихъ фактовъ столько же мало, сколько много фактовъ безотвѣтственности мировыхъ судей“ (какова правильность языка! по ней одной можно было бы угадать, изъ какой газеты заимствованы эти слова). Отвѣтомъ на смѣлое обвиненіе пускай послужатъ цифры, заимствуемыя нами изъ достовѣрнаго источника: въ 1885 г. соединеннымъ присутствіемъ кассационныхъ и перваго департаментовъ сената было предано суду двадцать мировыхъ судей, въ 1886 г. — *сорокъ-восемь*, въ 1887 г. — *пятьдесятъ-шесть*. Полагаемъ, что это не мало — или мало только для тѣхъ, въ чьихъ глазахъ достаточнымъ доказательствомъ виновности каждаго мирового судьи служить уже самый фактъ его существованія.

Еще одно, послѣднее сказанье. Со времени изданія закона 1879 г., отиѣвившаго узаконенные проценты, ростовщичество перестало быть преступленіемъ; теперь опять предполагается подвести его подъ дѣйствіе уголовного закона, иначе только опредѣливъ условія преступности. Въ проектъ уголовного уложенія, составляемаго особою правительственною комиссіею, включена статья, опредѣляющая наказаніе за ростовщическія сдѣлки. Отдѣлъ объ имущественныхъ преступленіяхъ, въ составъ котораго входитъ эта статья, законченъ уже давно, осенью 1886 г., и періодическія изданія тогда же получили возможность приступить къ его разбору. Одна изъ петербургскихъ газетъ воспользовалась этою возможностью только на дняхъ, подвергнувъ довольно обстоятельной критикѣ статью о ростовщическихъ сдѣлкахъ. Къ ея замѣчаніямъ поспѣшили присоединиться „Московскія Вѣдомости“, но не для того, чтобы высказаться *sine ira et studio* по интересному юридическому вопросу, а для того, чтобы совершить обычный наѣздъ на „либеральный“ лагерь. Главными обвиняемыми являются, на этотъ разъ, члены правительственной комиссіи. „Наши ученые юристы“, — говоритъ московская газета, — „отличаются, какъ извѣстно, самымъ широкимъ „либерализмомъ“ и большою снисходительностью къ самымъ уродливымъ формамъ „прогресса“. Строго карать ростовщичество — „не либерально“, а потому наша ученая комиссія по составленію уголовного уложенія отнеслась къ ростовщикамъ съ очевиднымъ желаніемъ облегчить имъ ихъ трудное ремесло“. За этимъ предисловіемъ слѣдуетъ довольно обширная выписка изъ статьи петербургской газеты, съ которою „Московскія Вѣдомости“ вполне согласны. Комиссіи ставится въ вину слишкомъ узкое опредѣленіе понятія о ростовщическихъ сдѣлкахъ; слишкомъ высокій размѣръ процента (15%), при которомъ сдѣлка можетъ быть признана ростовщическою; недостаточная строгость наказанія, къ которому непремѣнно слѣдовало бы прибавить денежный штрафъ; непризнаніе обстоятельствомъ, увеличивающимъ мѣру вины и наказанія, повторенія преступленія и обращенія его въ ремесло; освобожденіе отъ отвѣтственности третьихъ лицъ, прикосновенныхъ къ ростовщическимъ сдѣлкамъ. „Отсутствіе отвѣтственности, — замѣчаетъ, по этому послѣднему поводу, московская газета, — составляетъ, какъ извѣстно, одинъ изъ догматовъ нашего либерализма“. Итакъ, виновнымъ и здѣсь, по обыкновенію, оказывается „либерализмъ“. Но вотъ что курьезно: всѣ вышеприведенныя возраженія — за исключеніемъ тѣхъ, которыя основаны на недоразумѣніи ¹⁾, но съ

¹⁾ Недоразумѣніе состоитъ въ томъ, что усиленіе наказанія за обращеніе ростовщичествомъ въ ремесло, равно какъ и привлеченіе къ отвѣтственности лицъ, при-

прибавкой многихъ другихъ, еще менѣе благопріятныхъ для ростовщиковъ,—были предъявлены противъ проекта комиссіи, ровно два года тому назадъ, во Внутреннемъ Обзорѣи нашего журнала (1886 г., № 11, стр. 381—385). Мы вполне вѣримъ, что авторъ замѣтки, напечатанной въ петербургской газетѣ, пришелъ къ одному выводу съ нами совершенно независимо отъ насъ, вовсе не зная нашего мнѣнія; вопроса о плагиатѣ мы и не думаемъ поднимать—насъ интересуютъ только смѣшное положеніе, въ которое попали „Московскія Вѣдомости“. Онѣ смѣшали, очевидно, политическій „либерализмъ“, „либерализмъ“ въ широкомъ смыслѣ этого слова, съ узкимъ экономическимъ ученіемъ, которое замыкалось въ формулу: *laissez faire, laissez passer*, и также называлось „либеральнымъ“. Между этимъ ученіемъ и „либеральнымъ доктринерствомъ“ (которое также далеко не одно и то же, что „либерализмъ“) существовала, правда, нѣкоторая внутренняя связь—но это было давно и преимущественно не на русской почвѣ. У насъ никогда не достигалъ широкаго развитія случайный союзъ, прекратившійся вмѣстѣ съ условіями, вызвавшими его къ жизни. Наша „либеральная“ пресса доказывала много разъ, что она не идетъ по старой колесѣ, не отождествляетъ свободу съ невмѣшательствомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить отношеніе ея къ новѣйшимъ экономическимъ реформамъ—напримѣръ, къ желѣзнодорожному или фабричному законодательству. Московская реакціонная газета ничего объ этомъ не знаетъ или знать не хочетъ,—и вотъ почему она такъ грубо ошиблась, поставивъ снисходительность къ ростовщичеству въ пассивъ „либерализма“... Намъ неизвѣстенъ, конечно, образъ мыслей членовъ комиссіи, составляющей проектъ уголовного уложенія; мы не знаемъ, въ какой степени они „либеральны“ или нелиберальны,—но намъ вовсе и не нужно этого знать, чтобы объяснить недостатки статьи о ростовщическихъ сдѣлкахъ. Анализируя, въ свое время, проектъ комиссіи, мы имѣли случай указать на противорѣчіе между текстомъ статьи и ея мотивами. Послѣдніе идутъ гораздо дальше, чѣмъ первый; не всѣ общія положенія, установленныя комиссіею, получили практическое примѣненіе въ редакціи закона. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ крайнею осторожностью, съ боязнью зайти слишкомъ далеко на мало извѣданной дорогѣ, но отнюдь не съ научными предубѣжденіями, усматривающими въ ростовщичествѣ одно изъ проявленій экономической свободы. Эти предубѣжденія отразились бы прежде всего на мотивировочныхъ къ ростовщической сдѣлкѣ, не требовало особой оговорки въ специальной статьѣ закона. И то, и другое разумѣется само собою, въ силу основныхъ началъ, выраженныхъ въ общей части уложенія.

ровѣ закона; комиссія постаралась бы опредѣлить ростовщичество, какъ преступленіе, такими чертами, которыя заранѣе бы предвѣстили заключеніе его въ самые тѣсные предѣлы... Болѣе чѣмъ вѣроятно, что „Московскія Вѣдомости“ познакомились съ проектируемымъ за-прещеніемъ ростовщическихъ сдѣлокъ только изъ статьи петербургской газеты — и вовсе не познакомились съ другими отдѣлами труда, исполненнаго комиссіею; иначе онѣ не стали бы утверждать, что комиссія, вслѣдствіе „либерализма“ своихъ членовъ, исповѣдуетъ догматъ „отсутствія отвѣтственности“. Имъ было бы извѣстно, что комиссія значительно расширяетъ кругъ дѣяній, запрещаемыхъ подѣ страхомъ наказанія; имъ было бы извѣстно, что комиссія признаетъ наказуемость не только шантажа (за безнаказанность котораго едва ли подали бы голосъ даже самые ревностные приверженцы теоріи *laissez faire*), но и такихъ дѣйствій, правомѣрность которыхъ прямо вытекаетъ изъ доктрины неограниченной экономической свободы. Сюда относится, напримѣръ, фиктивная передача акцій, съ цѣлью подтасовки общаго собранія акціонеровъ, или попытка продолжать, *скрывая истину*, разстроенное или колеблющееся акціонерное дѣло ¹⁾.... Кто не имѣетъ понятія о работѣ, тому слѣдовало бы, по меньшей мѣрѣ, воздержаться отъ рѣзкихъ сужденій о занимающихся ею лицахъ. Впрочемъ, въ глазахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ члены „ученой комиссіи“ виновны уже тѣмъ, что они — „ученые юристы“. — „Ученость, — вотъ чума, ученье — вотъ причина!“ Составленіе проекта уголовного уложенія слѣдовало бы, безъ сомнѣнія, возложить на „практиковъ“, признающихъ только одинъ источникъ отвѣтственности — неисполненіе приказаній начальства.

¹⁾ Подробности объ этомъ см. во Внутреннемъ Обзорѣи № 10 „Вѣстника Европы“ за 1886 г.

ИСПОЛНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ

1887 года.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по поводу напечатанной въ „Вѣстникѣ финансовъ, промышленности и торговли“, статьи: „Доходы и расходы за 1887 годъ“, мы говорили, что можно ожидать,—„дефицитъ не выйдетъ изъ предѣловъ, отведенныхъ ему росписью (36½ мил. руб. по обыкновенному бюджету, 43½, мил. руб. по чрезвычайному, если не считать въ числѣ поступлений займовъ и наличныхъ остатковъ); при болѣе же удачномъ сравнительно поступленіи доходовъ онъ можетъ оказаться даже еще нѣсколько меньше“¹⁾. Повторяемъ, что подъ дефицитомъ мы всегда разумѣемъ не оскудѣніе платежныхъ средствъ въ государственномъ казначействѣ, а *несоотвѣстность* между повторяющимися изъ года въ годъ потребностями государственнаго организма и постоянными, изъ года въ годъ доставляемыми народомъ средствами къ ихъ удовлетворенію. Подтвержденіе или опроверженіе высказаннаго нами выше, конечно, можно ожидать только отъ предстоящаго скорѣ выхода отчета государственнаго контроля, который компетентно разрѣшить, кто правъ: безусловные ли панегиристы исполненія государственной росписи 1887 года, или тѣ, кто думаетъ, что и относительно этого исполненія еще многого пожелать можно. Но къ самому вопросу намъ приходится возвратиться нѣсколько ранѣе, нежели мы рассчитывали. Отчетъ государственнаго контроля, какъ извѣстно, выходитъ въ печати и дѣлается доступнымъ обществу лишь въ самомъ концѣ года, слѣдующаго за отчетнымъ, въ концѣ ноября или даже въ декабрѣ. О результатахъ же исполненія государственной росписи за 1887 годъ въ этомъ году стало извѣстно двумя мѣсяцами ранѣе, благодаря посредничеству министерства финансовъ, напечатавшему въ своемъ полуофициальномъ органѣ, „Вѣстникѣ финансовъ, промышленности и торговли“ (№ 40-й, 2 октября), „Извлеченіе изъ отчета государственнаго контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1887 годъ“, представленнаго къ 1-му октября государственному совѣту.

Нужно замѣтить, что отчетъ государственнаго контроля обыкновенно заключается въ трехъ томахъ, объемомъ до 1.000 страницъ. Въ

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1888 г., май, стр. 361 и 362.

первомъ томѣ двѣ части: 1-я часть — „исполненіе общей государственной росписи доходовъ и расходовъ“, составляющая выводъ изъ части 2-й — „исполненіе финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій“. Второй томъ составляютъ „приложенія къ отчету“, заключающія подробное изложеніе нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ отраслей государственнаго хозяйства и нѣкоторыхъ казенныхъ операцій. Томъ третій — „объяснительная къ отчету записка“ — содержитъ не только комментаріи къ отдѣламъ отчета, но и сравненія съ цифрами предыдущихъ лѣтъ, указанія на составившіяся въ теченіе года законоположенія въ финансовой и экономической сферѣ, на благопріятныя и неблагопріятныя экономическія вліянія и т. п. Къ 1-му октября выходитъ въ печати только 1-й томъ отчета и сообщается высшимъ государственнымъ чинамъ, какъ необходимое пособие при разсмотрѣніи финансовыхъ смѣтъ разныхъ вѣдомствъ, начинающемся съ октября. Законченный же отчетъ отпечатывается не ранѣе 1-го ноября и публикуется, какъ сказано выше, не ранѣе конца того мѣсяца. Изъ сдѣланнаго нами перечня содержанія отчета видно, какъ важны всѣ его части для точнаго уразумѣнія степени успѣшности исполненія росписи. Извлеченіе же „Вѣстника финансовъ“ сдѣлано только изъ 1-й части (до 30 страницъ) 1-го тома. Представляя несомнѣнно точныя общія цифры бюджета, извлеченіе не даетъ, однако, къ оцѣнкѣ ихъ ключа, заключающагося въ отчетѣ государственнаго контроля, въ тѣхъ многочисленныхъ примѣчаніяхъ, которыя сопровождаютъ обыкновенно цифровыя данныя второй части 1-го тома. Пока мы должны довольствоваться лишь немногими комментаріями, которыя „Вѣстникъ“ отъ себя присоединяетъ къ печатаемому имъ извлеченію.

Общія цифры по исполненію государственной росписи за 1887 годъ представляются въ такомъ видѣ:

Обыкновенныхъ доходовъ (прямыхъ и оборотныхъ), исчисленныхъ по росписи въ суммѣ 796.369.000 рублей, въ дѣйствительности поступило 829.661.000 р., болѣе противъ росписи на 33.293.000 рублей.

Обыкновенныхъ расходовъ (прямыхъ и оборотныхъ) было назначено по росписи 832.928.000 р.; дѣйствительно же израсходовано 835.850.000 р., болѣе росписи на 2.922.000 рублей. Такимъ образомъ, дефицитъ по обыкновенному бюджету, опредѣленный по росписи въ размѣрѣ 36 1/2 мил. рублей, нивелился до 6 мил. рублей съ небольшимъ. Результатъ этотъ достигнутъ значительнымъ увеличеніемъ, противъ росписи, поступленій по большей части доходныхъ статей и весьма незначительнымъ, сравнительно со смѣтнымъ назначеніемъ, усиленіемъ расходовъ. Наибольшее увеличеніе оказалось въ питейномъ доходѣ на 21 мил. руб. противъ росписи и почти на такую же

сумму противъ поступленія 1886 года; на 4^{1/2} мил. рублей, сравнительно съ росписью, увеличился табачный доходъ, и на 3^{1/2} мил. руб. — сахарный; затѣмъ увеличеніе оказалось: въ гербовомъ сборѣ (на 1.722.000 р.), отъ желѣзныхъ дорогъ (на 3 мил. руб.), въ поступленіи платежей по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ (на 3.703.000 р.), въ возвратѣ ссудъ (на 2.627.000) и въ доходахъ разнаго рода (на 5^{1/2} м. р.); уменьшились доходы: таможенный на 8 мил. руб. слишкомъ; выкупные платежи съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ почти на 7^{1/2} м. р., и прибыли отъ принадлежащихъ казѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій на 5 мил. рублей. Расходы увеличились по системѣ государственнаго кредита (на 2.316.000 р.) и по министерству финансовъ (на 4 м. р. съ небольшимъ); затѣмъ на нѣсколько сотъ тысячъ рублей по министерствамъ иностранныхъ дѣлъ, военному, морскому и путей сообщенія. Расходы уменьшились на 1.421.000 р. по министерству внутреннихъ дѣлъ, на 180.000 р. по министерству народнаго просвѣщенія, и на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей по министерствамъ государственныхъ имуществъ, юстиціи и государственному контролю.

Чрезвычайныхъ ресурсовъ было исчислено по росписи 84.973.000 рублей; дѣйствительное поступленіе ихъ составило на 59.570.000 р. болѣе, т.-е. 144.542.000 рублей. Изъ нихъ поступило: наличныхъ средствъ ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій 9.799.000 рублей, военнаго вознагражденія 2.504.000 р. (вмѣсто ожидавшихся 3.464.000 р.); суммъ, реализованныхъ посредствомъ кредитныхъ операцій (т.-е. займа) 81.068.000 р., изъ государственнаго банка въ счетъ суммъ, причитающихся по выпущенной пятипроцентной непрерывно доходной ренты (также займа) 50 мил. р., и мелкихъ суммъ 1.171.000 рублей; сверхъ того причислено 2.944.000 р. остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ, съ которыми чрезвычайныя поступленія составятъ 147.486.000 р. *Чрезвычайныхъ расходовъ* предполагалось по росписи 48.414.000 рублей; дѣйствительно произведено ихъ 95.093.000 рублей, а именно: на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и устройство портовъ 45.093.000 р., и по ликвидаціи долга государственному банку за выпущенные во время восточной войны билеты 50.000.000 рублей.

Въ общемъ исполненіе государственной росписи за 1887 годъ сводится къ слѣдующимъ цифрамъ: поступленій 977.148.000 рублей; расходовъ 930.943.000 р.;—превышеніе поступленій надъ расходами 46.205.000 рублей.

Такова сущность извлеченій, сдѣланныхъ „Вѣстникомъ финансовъ“ изъ отчета государственнаго контроля. Но, повторяемъ, точно оцѣнить исполненіе росписи за 1887 годъ на основаніи этихъ извлеченій было бы нѣсколько рисковано. Одна изъ газетъ, указывая на

недоборъ противъ росписи въ выкупныхъ платежахъ особенно съ государственныхъ крестьянъ (до $7\frac{1}{2}$ мил. р.), приписывала это запоздавшей разсылкѣ окладныхъ листовъ и даже обвиняла составителей смѣты въ томъ, что ими не былъ предусмотрѣнъ такой случай. Очень можетъ быть, что вслѣдствіе указываемаго обстоятельства выкупныхъ платежей поступило меньше, чѣмъ поступило бы безъ него, но былъ ли недоборъ—пока неизвѣстно. Въ цифру поступленій по рубрикамъ росписи окладныхъ сборовъ входятъ какъ поступления окладовъ текущаго года, такъ и недоимокъ прежнихъ лѣтъ, т.-е. не поступаетъ часть платежей отчетнаго года,—взамѣнъ поступають зато прежніе недоборы; но дѣло въ томъ, что выкупные платежи съ государственныхъ крестьянъ установлены вновь, взамѣнъ отиѣденныхъ съ нихъ въ 1887 г. подушной и оброчной податей; при взносѣ же крестьянами платежей они прежде всего идутъ на пополненіе прежнихъ недоимокъ, которыя на этотъ разъ зачитывались не по выкупнымъ платежамъ, а по другой рубрикѣ. А такая рубрика есть: *недоимки прежнихъ лѣтъ по отиѣденнымъ сборамъ* въ составѣ „доходовъ разнаго рода“, которыхъ въ 1887 году поступило на $5\frac{1}{2}$ м. р. болѣе противъ росписи, несмотря на то, что и цифра росписи значительно превосходила цифру предшествовавшаго года ¹⁾. Въ концѣ концовъ можетъ оказаться—и это очень вѣроятно вслѣдствіе двухъ-лѣтняго урожая, значительно улучшившаго экономическое положеніе населенія, что окладныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ, подъ прежнимъ ли названіемъ подушной и оброчной подати, или новымъ—выкупныхъ платежей, поступило не меньше, а больше противъ росписи. Такъ ли это, или нѣтъ—несомнѣнно будетъ видно изъ отчета государственнаго контроля ²⁾. Мы привели этотъ примѣръ, чтобы показать, какъ шатки могутъ быть выводы, дѣлаемые на основаніи недостаточныхъ данныхъ, какія находятся въ настоящую минуту въ распоряженіи печати по исполненію государственной росписи. Вопросовъ, подобныхъ приведенному, при чтеніи цифръ, приводимыхъ „Вѣстникомъ финансовъ“, рождается много, и только по разъясненіи ихъ окажется возможнымъ сдѣлать надлежащую оцѣнку результатамъ исполненія государственнаго бюджета минувшаго года.

¹⁾ Во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1887 годъ именно было указано на увеличеніе, сравнительно съ 1886 годомъ, цифры „доходовъ разнаго рода“ въ виду ожидаемаго поступленія въ размѣрѣ 4.660.000 р. въ уплату недоимокъ прежнихъ лѣтъ по подушной и оброчной податямъ.

²⁾ Статья наша была уже набрана, когда относительно недобора выкупныхъ платежей съ государственныхъ крестьянъ появилось въ „Вѣстникѣ финансовъ“, № 42, разъясненіе, вполне совпадающее съ нашимъ предположеніемъ, что это недоборъ, записанный лишь отъ приѣмовъ счетоводства. Это разъясненіе какъ нельзя лучше подтверждаетъ нашу мысль о невозможности правильно оцѣнить исполненіе государственной

Но относительно общихъ цифръ и до появленія отчета государственнаго контроля мы получили возможность провѣрить, насколько въ майской книгѣ „Вѣстника Европы“ мы могли ошибиться въ нашемъ заключеніи о вѣроятныхъ результатахъ исполненія государственной росписи 1887 года. Тѣ, кто шесть мѣсяцевъ тому назадъ поднялъ полемику противъ высказаннаго нами тогда мнѣнія, теперь, послѣ статьи „Вѣстника финансовъ“, находятъ, что отчетъ государственнаго контроля, „словно избѣгая задѣть амбицію кого-либо изъ спорившихъ о дефицитѣ 1887 года, опредѣлилъ результатъ исполненія росписи за этотъ годъ такимъ образомъ, что всѣ спорившіе оказываются неправы“. Но намъ, повидимому, отказываться и теперь не отъ чего. Мы говорили, что дефицитъ не превзойдетъ цифры, исчисленной по росписи, и даже, быть можетъ, будетъ нѣсколько меньше; другими словами, что онъ будетъ близокъ къ цифрамъ, указаннымъ росписью: 36 мил. р. по обыкновенному бюджету и 43 мил. р. по чрезвычайному, всего около 80 мил. р. Еслибы теперь мы захотѣли просто остановиться на общихъ результатахъ росписи, то были бы безусловно правы. По вычетѣ изъ общей суммы поступлений 1887 года, 977.148.000 рублей—131.068.000 р. (81 мил. р.+50 мил. р.), полученныхъ займомъ, остается доходовъ 846.080.000 рублей, менѣе суммы расходовъ (930.943.000 р.) на 84.863.000 р., которыми и опредѣляется недоборъ по росписи 1887 года. Но это было бы не совсѣмъ вѣрно: 50 мил. р. уплаты банку за выпущенные во время восточной войны кредитные билеты мы не считаемъ расходомъ. Это бухгалтерскіе счета между собою двухъ казенныхъ вѣдомствъ, не имѣющіе даже практическихъ финансовыхъ результатовъ въ виду того, что, несмотря на Высочайшій указъ 1-го января 1881 года, оплаченные кредитные билеты не предаются уничтоженію въ полной суммѣ.

Исчисляя дефицитъ и недоборы, мы никогда не думали соединять въ одно бюджетовъ *обыкновеннаго* и *чрезвычайнаго* ¹⁾, а потому и теперь скажемъ о каждомъ изъ нихъ отдѣльно.

Бюджетъ обыкновенный сведенъ въ отчетъ государственнаго контроля съ дефицитомъ въ 6 мил. рублей. Но это дефицитъ, выведенный формально, только по цифрамъ доходныхъ и расходныхъ рубрикъ, безъ разбора значенія этихъ цифръ. Изъ объясненій же министерства финансовъ, напечатанныхъ въ 12 № „Вѣстника финансовъ“ и нынѣ повторенныхъ при извлеченіяхъ изъ отчета государственнаго контроля (объясненій государственнаго контроля мы пока не имѣемъ), росписи по однимъ извлеченіямъ изъ отчета государственнаго контроля, не ознаменовавшихся съ подлинникомъ.

¹⁾ См. стр. 362 „Вѣстника Европы“ за май.

видно, что часть некоторых доходов никакъ не можетъ считаться принадлежностью доходной росписи 1887 года. Такъ, 7.180.000 р. акциза съ вина поступили въ 1887 году, согласно точному расчету министерства финансовъ, лишь потому, что винные заводчики хотѣли избѣжать дополнительнаго съ 1888 года акциза на вино въ $\frac{1}{4}$ в. съ градуса; 4.845.000 р. акциза съ сахара причитались за 1886 годъ, но были отсрочены сахарозаводчикамъ и только поэтому поступили въ 1887 году; наконецъ, въ доходахъ 1887 г. значатся 14 мил. р. изъ прибылей государственнаго банка за прежніе годы 1883—1885. Всего, слѣдовательно, ненадлежаще попавшихъ въ доходы 1887 года оказывается 26 мил. рублей, съ исключеніемъ которыхъ дефицитъ по исполненію росписи 1887 года возрастаетъ до 32 мил. рублей. Впрочемъ относительно прибылей банка должна быть сдѣлана оговорка. Прибыли эти несомнѣнно составляютъ принадлежность обыкновеннаго государственнаго бюджета, и если до 1887 года въ него не заносились, то лишь потому, что шли на пополненіе недочетовъ по операціямъ бывшихъ (старыхъ) кредитныхъ установленій, возложенныхъ на государственный банкъ. Съ 1887 года операціи эти переведены непосредственно на государственное казначейство, вслѣдствіе чего и всѣ остатки, оказавшіеся по этимъ операціямъ, поступили въ казну и зачислены по исполненію росписи 1887 года: наличныя средства ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій, 9.799.000 р., въ чрезвычайныя ресурсы, а 14 мил. р. неизрасходованныхъ прибылей банка—въ обыкновенные доходы. Повторяемъ,—прибыли государственнаго банка несомнѣнно составляютъ обыкновенный государственный доходъ, если принадлежность росписи одного года должны составлять доходы также за одинъ годъ,—если не за тотъ же, по невозможности перечисленія, то за ближайшій предшествующій, т.-е. для росписи 1887 года за 1886 г. Между тѣмъ, указанные 14 мил. р. составляютъ прибыли 1883, 1884 и часть 1885 годовъ; прибыли же за 1886 г. въ нихъ не вошли. Исключивъ изъ доходовъ 14 мил. р., необходимо внести въ эти доходы прибыль 1886 г., которая, по удостовѣренію министерства финансовъ, составляетъ 4.598.000 р., вслѣдствіе чего и дефицитъ по исполненію государственной росписи уменьшится до 27 мил. рублей, при условіи—разумѣть подъ дефицитомъ недостатокъ обычныхъ, періодически поступающихъ въ государственное казначейство средствъ на удовлетвореніе обычныхъ же государственныхъ расходовъ.

Такимъ образомъ, мы не ошиблись въ маѣ въ опредѣленіи цифры предстоящаго дефицита по исполненію росписи ¹⁾, которое мно-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, май, стр. 362.

гимъ, неизвѣстно почему, непремѣнно хотѣлось признавать бездефицитнымъ ¹⁾; еще менѣе ошиблись составители росписи ²⁾, такъ какъ уменьшеніе дефицита противъ росписи на 9 мил. р. объясняется отчасти хорошимъ урожаемъ 1887 г., значительно улучшившимъ экономическое положеніе населенія, — чего нельзя было предвидѣть при составленіи росписи въ концѣ 1886 года, — отчасти возвышеніемъ размѣра нѣкоторыхъ налоговъ, состоявшимся въ срединѣ 1887 г. уже при новомъ составѣ финансоваго управленія.

Переходимъ къ *бюджету чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ*. Замѣтимъ, что для насъ не совсѣмъ понятны тѣ основанія, по которымъ, особенно въ расходахъ, происходитъ дѣленіе бюджетовъ на обыкновенный и чрезвычайный. Предоставляя себѣ въ другой разъ возвратиться къ этому вопросу, теперь остановимся лишь на цифрахъ.

Въ спискѣ чрезвычайныхъ ресурсовъ дѣйствительными доходами значатся слѣдующія суммы: 9.799.000 р. наличныхъ средствъ ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій; 2.504.000 р. военнаго вознагражденія; 348.000 р. въ возвратъ отъ желѣзныхъ дорогъ, и 98.000 р. изъ еврейскаго поселенническаго капитала; всего 12.749.000 рублей. При расходѣ въ 45.093.000 р. (за исключеніемъ 50 мил. р., уплаченныхъ банку) это приводитъ къ недобору въ 33 мил. р. съ небольшимъ, менѣе противъ предполагавшагося по росписи на 10 мил. р. Но, какъ это было оговорено нами, для опредѣленія дефицита и недоборовъ, не должны засчитываться ни займы, ни наличные остатки, а 9.799.000 р. именно и составляютъ таковой остатокъ, накопившійся въ прежнее время. По росписи онъ былъ показанъ, въ суммѣ 9 1/2 мил. р., вмѣстѣ съ „свободною наличностью государственнаго казначейства“, какъ источникъ для покрытія дефицита по обыкновенному бюджету. Такимъ образомъ, и по чрезвычайному бюджету недоборъ опредѣлится въ цифрѣ 43 мил. р., тождественной съ росписью, а по вычетѣ изъ нея 2.944.000 р. остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ 1883 года приводится къ 40 мил. рублей.

Въ общемъ, по всей росписи, недоборъ за 1887 годъ, т.-е. перевѣсъ въ средствахъ къ удовлетворенію государственныхъ въ этомъ году потребностей надъ причитающимися за этотъ годъ доходами, составитъ 67 мил. рублей — цифру, весьма близкую къ той, какая была опредѣлена нами въ майской книгѣ „Вѣстника Европы“.

Предполагая возвратиться къ болѣе полной оцѣнкѣ исполненія

¹⁾ Только не министерству финансовъ, которое само неоднократно указывало на суммы, составляющія принадлежность не росписи 1887 г., а росписей другихъ лѣтъ.

²⁾ Роспись была представлена къ Высочайшему докладу бывшимъ министромъ финансовъ Н. К. Бунге.

государственной росписи тогда, когда будемъ имѣть возможность ознакомиться въ подлинникѣ и in extenso съ отчетомъ государственнаго контроля, теперь замѣтимъ только то, что если мы полгода тому назадъ не слишкомъ ошиблись въ заключеніи о вѣроятныхъ результатахъ исполненія бюджета 1887 года, то обязаны этимъ исключительно тому, что отнесли къ росписи только какъ къ росписи, безъ всякихъ псевдо-патріотическихъ задачъ, безъ пристрастій и антипатій того или другого характера.

О.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1888.

Пребываніе германскаго императора въ Австріи и Италіи.—Значеніе тройственного союза и возможные его результаты.—Симптомы международнаго кризиса.—Конституціонный вопросъ во Франціи.—Проектъ Флюке и его недостатки.—Юбилей Н. К. Гирса.

Германскій императоръ окончилъ свои посѣщенія дружественныхъ и союзныхъ европейскихъ дворовъ; теперь должно ожидать политическихъ результатовъ его путешествія. Пребываніе Вильгельма II въ предѣлахъ Австріи, продолжавшееся цѣлую недѣлю, съ 3-го октября до 10-го (нов. ст.), придадо еще больше интимности официальному австро-германскому союзу; но при этомъ указываютъ на „инциденты“, которые ослабляли впечатлѣніе торжественныхъ встрѣчъ и говорили о существованіи темныхъ точекъ на свѣтломъ горизонтѣ тѣсной политической дружбы. Союзъ дворовъ и правительствъ, конечно, не есть еще союзъ народовъ, особенно если онъ не вполне соответствуетъ дѣйствительнымъ интересамъ послѣднихъ; это обстоятельство было замѣчено при посѣщеніи Австріи германскимъ императоромъ. Населеніе Вѣны, обыкновенно столь пріятливое и впечатлительное, выказало нѣкоторую холодность относительно Вильгельма II; оно воздержалось отъ сочувственныхъ манифестацій, признаваемыхъ обязательными въ подобныхъ случаяхъ, и эта сдержанность получала особенное освѣщеніе въ непріятной полемикѣ газетъ. Австрійскіе нѣмцы какъ будто стѣснялись выражать свои чувства къ Германіи, чтобы не быть заподозрѣнными въ недостаткѣ патріотизма или даже въ измѣнническихъ помыслахъ по отношенію къ ди-

насти; неловкія полицейскіи мѣры заранѣе предполагали такое толкованіе и содѣйствовали тому натянутому общественному настроенію, которое могло удивить союзнаго монарха и его свиту. Славянская печать Австро-Венгріи, понятно, высказывалась противъ солидарности съ берлинскою политикою; а славянскій элементъ занимаетъ очень много мѣста и играетъ весьма значительную роль въ судьбахъ монархіи. Австрійскіе патріоты также не забыли еще пораженія при Садовой; они не могли забыть, что Пруссія возвысилась на счетъ Австріи и что недавно еще Габсбурги стояли гораздо выше Гогенцоллерновъ. Нынѣшній союзъ между обоими государствами имѣетъ въ себѣ какой-то обидный оттѣнокъ для австрійцевъ; все-таки центръ политическаго вліянія и могущества находится въ Берлинѣ, а Австрія остается лишь однимъ изъ спутниковъ германскаго свѣтила. Императоръ Вильгельмъ II прибылъ въ Вѣну послѣ визитовъ къ южно-германскимъ дворамъ, и это сопоставленіе невольно напоминало австрійцамъ, что ихъ великая имперія очутилась какъ бы въ вассальной зависимости отъ Германіи, наряду съ Баваріею или Вюртембергомъ, но, конечно, она тѣмъ самымъ сдѣлалась менѣе стѣсненною въ другихъ отношеніяхъ. Вѣнская дипломатія, впрочемъ, давно уже подчиняется авторитетному руководству князя Бисмарка; внутреннія отношенія Австро-Венгріи также не вполне свободны отъ косвеннаго давленія и покровительства Германіи. Вильгельмъ II далъ понять довольно ясно, что онъ не одобряетъ правительственной системы графа Таафе; онъ не удостоилъ своимъ вниманіемъ ближайшаго совѣтника Франца-Иосифа, пользующагося его неограниченнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Цислейтанскій министръ-президентъ старается по возможности проводить на практикѣ принципъ равноправности австрійскихъ народностей; онъ не поощряетъ одностороннихъ нѣмецкихъ притязаній и потому издавна служитъ предметомъ вражды нѣмецкой партіи въ Австріи. Австрійскіе нѣмцы всегда имѣли опору въ общественномъ мнѣніи и въ журналистикѣ Германіи: но официальное, хотя и молчаливое неодобреніе политики графа Таафе со стороны могущественнаго союзника имѣло на этотъ разъ характеръ вмѣшательства во внутреннія дѣла монархіи и не могло понравиться даже противникамъ министерства. Замѣчено было также, что при обмѣнѣ тостовъ въ честь „товарищескихъ“ арій императоръ австрійскій назвалъ германскія войска „доблестными и славными“, тогда какъ Вильгельмъ II не употребилъ подобныхъ лестныхъ эпитетовъ въ примѣненіи къ австрійскимъ войскамъ. Всѣ эти мелочи, усердно комментируемыя независимою и оппозиціонною печатью, мѣшали полной гармоніи въ общей картинѣ австро-германской дружбы; онѣ несо-

мнѣнно свидѣтельствовали о томъ, что нѣтъ еще полного равенства въ отношеніяхъ между союзниками, и что далеко не всѣ элементы австрійскаго населенія чувствуютъ себя удовлетворенными тѣснымъ союзомъ съ Германіею. Но тѣмъ не менѣе союзъ стоитъ теперь крѣпче, чѣмъ когда-либо, и при современномъ международномъ состояніи Европы онъ не можетъ быть замѣненъ никакою другою политическою комбинаціею. Положительное содержаніе переговоровъ, происходившихъ въ Вѣнѣ между графомъ Кальноки и Гербертомъ Бисмаркомъ, остается неизвѣстнымъ; никому не удалось также проникнуть въ тайну совѣщанія обоихъ императоровъ, имѣвшаго мѣсто 4-го октября (22-го сентября). Восторженный тонъ офиціозной австрійской печати убѣждаетъ насъ, что вѣнская дипломатія въ высшей степени довольна результатами свиданія, и что она приобрѣла твердую увѣренность въ безусловной поддержкѣ Германіи на случай внѣшнихъ замѣшательствъ, которыя прежде всего могутъ возникнуть для Австріи на востокѣ. Быть можетъ, состоялось какое-нибудь соглашеніе относительно Болгаріи, но въ чемъ оно заключается—сказать трудно. Говорили, что Вильгельмъ II взялъ на себя устранить или смягчить разногласія между Россіею и Австріею въ области балканскихъ дѣлъ; если таково было его намѣреніе, то онъ едва ли достигъ своей цѣли, насколько можно судить по отзывамъ и намекамъ компетентныхъ австрійскихъ газетъ.

Гораздо большій внѣшній успѣхъ имѣла поѣздка въ Италію: тамъ императора Вильгельма привѣтствовали не только офиціальныя сферы, но и шумныя народныя массы, живое участіе которыхъ придавало встрѣчѣ характеръ обще-національный. Общественное мнѣніе и независимая печать усматривали въ пріѣздѣ Вильгельма II великое торжество итальянской политики. Чувство патріотическаго удовлетворенія выражалось съ чисто-южною горячностью. Императоръ пробылъ въ Италіи ровно недѣлю, отъ 11-го до 19-го октября (нов. ст.), и все это время занято было непрерывнымъ рядомъ празднествъ и овацій, среди которыхъ совершенно терялись отдѣльныя попытки протестовъ противъ „лиги мира“. Въ первый разъ объединенная Италія видѣла въ своей столицѣ могущественнаго европейскаго монарха, который своимъ прибытіемъ какъ будто подтвердилъ международное признаніе Рима законнымъ политическимъ центромъ королевства. Германская дипломатія должна была разрѣшить щекотливую задачу — поддержать близкія отношенія съ правительствомъ короля Гумберта, не нарушивъ дружбы съ папою Львомъ XIII. Вильгельму II предстояло, по прибытіи въ Римъ, побывать въ Квириналѣ и этимъ формально признать „вѣчный городъ“ столицею Италіи, а затѣмъ побывать въ Ватиканѣ, при такой обстановкѣ, чтобы можно было

заклѣчить о непризнаніи имъ законности отторженія Рима отъ папскихъ владѣній. Этотъ трудный вопросъ долго обсуждался дипломатами, прежде чѣмъ предпринято было путешествіе въ Италію, и, наконецъ, найдено было рѣшеніе, примирившее обѣ стороны: Вильгельмъ II отправился къ папѣ не изъ королевскаго дворца и не изъ квартиры посланника при королѣ Гумбертѣ, а изъ скромнаго помѣщенія представителя Германіи при папскомъ дворѣ, пользуясь экипажами и лошадьми, специально доставленными для этой цѣли изъ Берлина. Свиданіе съ папою въ Ватиканѣ, 12-го октября, устроено было такъ, чтобы не могли быть затронуты неудобныя темы о свѣтской власти папы и о правѣ ихъ на обладаніе Римомъ; но принятія мѣры оказались не совсѣмъ удачными и были исполнены съ явнымъ нарушеніемъ этикета: во время разговора между папою и императоромъ въ залу вошелъ безъ доклада, вопреки представленіямъ церемоніймейстера, принцъ Генрихъ Прусскій, въ сопровожденіи графа Герберта Бисмарка, и этимъ прервана была бесѣда, принимавшая уже затруднительный оборотъ. На замѣчаніе папы о необходимости обезпеченія независимости церкви предоставленіемъ ей власти надъ Римомъ императоръ ограничился отвѣтомъ, что, будучи гостемъ короля, онъ не можетъ возбуждать вопроса объ его столицѣ. Щекотливый вопросъ могъ быть легко отклоненъ въ такой формѣ, и не было повидимому надобности условливаться о заранѣе намѣренномъ перерывѣ бесѣды появленіемъ другихъ лицъ, такъ какъ уклончивыя дипломатическія фразы всегда имѣются въ запасѣ въ подобныхъ случаяхъ, и никакой вообще опасности не представляло дальнѣйшее продолженіе разговора. Католическая печать видитъ въ поступкѣ графа Герберта Бисмарка доказательство явнаго неуваженія къ особѣ римскаго папы, и хотя на слѣдующій день нѣмецкій министръ въ особой аудіенціи пытался загладить впечатлѣніе сдѣланнаго промаха, но отношенія Ватикана къ Германіи замѣтно измѣнились: вмѣсто прежнихъ надеждъ и восхваленій, обнаруживается скрытое недовольство и раздраженіе. Зато правительство и патріоты Италіи не могутъ нахвалиться пребываніемъ императора въ Римѣ; а скрѣпленіе союза съ Италіею и было главною цѣлью его поѣздки. Итальянскій министръ-президентъ Криспи достигъ самаго блестящаго успѣха, какого онъ могъ ожидать; онъ приобрѣлъ дружбу князя Бисмарка и уваженіе императора Вильгельма II, сдѣлавъ свое отечество союзникомъ двухъ первоклассныхъ имперій и заставилъ всѣхъ въ Европѣ интересоваться дѣйствіями римской дипломатіи, игравшей еще недавно весьма второстепенную и скромную роль. Имѣетъ ли подъ собою реальную почву этотъ внѣшній блескъ, и извлечетъ ли итальянская нація дѣйствительныя выгоды изъ союза съ Германіею—это вопросъ будущаго;

но нельзя отрицать, что дальновидная расчетливость составляет характеристическую черту итальянских политических дѣятелей, и что они скорѣе создадутъ разочарованія для союзниковъ, чѣмъ увлекутся сами въ ущербъ своимъ интересамъ. Итальянцы стремятся утвердить и расширить свое положеніе въ Средиземномъ морѣ; они надѣются въ случаѣ новой франко-германской войны получить обратно Ниццу и Савойю, съ присоединеніемъ Корсики и, быть можетъ, также Туниса. Они постараются достигнуть этихъ приобрѣтеній безъ особенныхъ жертвъ, при помощи чужой державы, подобно тому, какъ въ 1859 и 1866 годахъ они дѣлали завоеванія, не одержавъ ни одной побѣды, а, напротивъ, подвергшись значительнымъ неудачамъ при Кустодцѣ и Лиссѣ. Въ 1870 году они присоединили Папскую Область почти безъ всякихъ усилій, благодаря паденію имперіи во Франціи; такъ же точно теперь они думаютъ округлить владѣнія Италіи и увеличить ея могущество на счетъ французовъ, не вступивъ даже въ серьезную борьбу съ ними, а ограничиваясь лишь выжиданіемъ рѣшительныхъ успѣховъ германскаго оружія. Даже на такихъ основаніяхъ союзъ безспорно выгоденъ и желателенъ для Германіи, ибо онъ отвлекаетъ значительную часть военныхъ силъ Франціи и облегчаетъ свободу дѣйствій нѣмецкихъ армій; прусскій главный штабъ вѣроятно и не ожидаетъ энергическаго наступленія итальянскихъ войскъ, которыя едва ли будутъ искать рискованной встрѣчи съ такими врагами, какъ французы. Для Италіи такъ-называемая „лига мира“ есть прежде всего лига смѣлыхъ международныхъ ожиданій и приобрѣтеній,—лига войны, а не мира. Еслибы европейскій миръ былъ дѣйствительно и окончательно обезпеченъ тройственнымъ союзомъ, то итальянцы не имѣли бы расчета участвовать въ этомъ союзѣ и не связывали бы съ нимъ широкихъ патріотическихъ плановъ; правда, они имѣютъ на своей сторонѣ полезное содѣйствіе германской дипломатіи и могутъ лучше защищать свои интересы, опираясь на вліяніе Берлина,—но они такимъ же образомъ охраняли бы свои политическія и коммерческія выгоды, оставаясь въ дружбѣ съ Франціею и не отказываясь отъ полной независимости во внѣшней политикѣ, еслибы Франція не сдѣлала такъ много ошибокъ по отношенію Италіи въ близкомъ прошедшемъ, и еслибы ея современное положеніе не представляло никакихъ вопросовъ въ ближайшемъ будущемъ.

Возвратившись изъ Италіи въ Берлинъ, императоръ Вильгельмъ II черезъ нѣсколько дней, 29-го (17-го) октября, отправился въ резиденцію своего канцлера, Фридрихсруэ, чтобы сообщить ему свои впечатлѣнія и обсудить съ нимъ результаты путешествія, совершеннаго „въ интересахъ имперіи“. Это исключительное вниманіе къ

личности князя Бисмарка, выражающееся въ побѣдкахъ къ нему въ деревню, вмѣсто обычнаго вызова его въ столицу, достаточно объясняется естественными чувствами молодого монарха къ главному руководителю политическихъ судебъ Германіи за послѣднюю четверть вѣка; оно объясняется также преклоннымъ возрастомъ канцлера, и преувеличенные комментаріи нѣмецкихъ газетъ по поводу этихъ повторяющихся визитовъ императора въ Фридрихсруэ казались бы совершенно излишними.

Въ чемъ же можетъ заключаться политическая программа берлинскаго кабинета, выработанная послѣ личнаго ознакомленія Вильгельма II съ настроеніемъ, желаніями и интересами трехъ великихъ державъ въ Европѣ? Офиціозные органы увѣряютъ, что ничего, кромѣ упроченія мира, не могутъ имѣть въ виду правительства Германіи и союзныхъ съ нею государствъ. Но необходимо ли было такъ много хлопотать о мирѣ, которому, повидимому, никто не угрожаетъ и угрожать не можетъ, внѣ тройственнаго союза, при современной группировкѣ великихъ европейскихъ державъ? Франція готовится къ всемірной выставкѣ 1889 года, и никто не заподозритъ ее въ намѣреніи разстроить начатое грандіозное дѣло воинственнымъ внѣшнимъ предпріятіемъ. О Россіи и говорить нечего; она не повторитъ опыта послѣдней турецкой войны, имѣя противъ себя Австрію и Англію. Пока Германія проникнута миролюбіемъ, до тѣхъ поръ спокойны прочія государства Европы. Но официальное нѣмецкое миролюбіе все болѣе усваиваетъ себѣ черты, внушающія невольную боязнь за будущее. Способъ дѣйствія „лиги мира“ относительно Франціи оставляетъ просторъ непріятнымъ предчувствіямъ и догадкамъ. Органъ германскаго канцлера, „Сѣверо-Германская Газета“, почти ежедневно помѣщаетъ враждебныя выходы противъ французовъ, отзываясь о нихъ какъ о „дикомъ народѣ, исключившемъ себя изъ среды просвѣщенныхъ націй“; каждый мелкій фактъ оскорбленія германскихъ подданныхъ на французской территоріи, несмотря на всегдашнюю готовность республиканскаго правительства удовлетворить потерпѣвшихъ, приписывается цѣлой Франціи и всему французскому народу, съ очевиднымъ намѣреніемъ довести взаимныя отношенія съ соседнею страной до нестерпимой натаанутости. Забывая о многихъ случаяхъ нарушенія французскихъ правъ со стороны пограничныхъ нѣмецкихъ властей, упуская изъ виду такіе недавніе еще „инциденты“, какъ захватъ французскаго комиссара Шнебеле и убійство охотившагося француза нѣмецкимъ солдатомъ на французской территоріи, офиціозная печать Берлина во всемъ обвиняетъ Францію и употребляетъ относительно этой державы такой вызывающій языкъ, что даже умѣренные національ-либералы начинаютъ возражать и

тревожиться. Нужно удивляться тому поразительному хладнокровію, съ какимъ французскія серьезныя газеты сообщаютъ эти берлинскія заявленія, въ отдѣлѣ телеграммъ и заграничныхъ извѣстій, безъ всякихъ комментариевъ и не прибавляя отъ себя ни единого слова. Что было бы, еслибы французская печать принимала бросаемыя ей вызовы, и еслибы общественное мнѣніе Франціи почувствовало себя оскорбленнымъ систематическими грубостями берлинскихъ офиціозныхъ газетъ? Къ счастью, французы мало интересуются иностранными газетами, даже правительственными, и мало слѣдятъ за отзывами и статьями спеціального органа князя Бисмарка. Единственный отвѣтъ Франціи на непрерывныя безтактности и вызовы нѣмецкой прессы—неустанныя вооруженія для охраны страны отъ опасностей, предвѣстникомъ которыхъ служить воинственный, оскорбительный тонъ „Сѣверо-Германской Газеты“ и ея соратниковъ. Истинное миролюбіе не выражалось бы въ постоянной задирающей полемикѣ съ Франціею, не дающей ни малѣйшаго повода къ нападкамъ; миролюбіе искало бы скорѣе смягченія установившейся холодности и скрытой вражды между двумя сосѣдними націями, а не разжигало бы взаимную ненависть несправедливыми вылазками, цѣль которыхъ можетъ заключаться только въ постепенномъ подготовленіи нѣмецкаго общества къ мысли о неизбежной войнѣ. Признаки эти тѣмъ серьезнѣе, что молодой императоръ, по своему темпераменту и по своимъ воззрѣніямъ, разнится существенно отъ своего дѣда, котораго онъ считаетъ для себя обязательнымъ и высшимъ образцомъ: онъ нетерпѣливъ и энергиченъ, предприимчивъ и увѣренъ въ себѣ, не признаетъ ничего выше военной славы и относится довольно равнодушно къ мнѣніямъ и интересамъ „толпы“. Онъ не разъ давалъ уже чувствовать нѣмецкой толпѣ, что ему чуждо снисходительное добродушіе и простота Вильгельма I. Послѣ возвращенія въ Берлинъ, принимая депутацію столичнаго городского управленія, съ Форкенбекомъ во главѣ, императоръ, — какъ рассказываютъ нѣмецкія газеты, — съ нахмуреннымъ видомъ выслушалъ высокопарное привѣтствіе городского головы и выразилъ свое крайнее неудовольствіе по поводу того, что въ его отсутствіе берлинскія газеты позволяли себѣ слишкомъ свободно обсуждать его семейныя дѣла; въ заключеніе предложено было депутаціи позаботиться о томъ, чтобы впредь этого не было, — хотя городская дума не имѣетъ въ сущности прямого отношенія къ берлинской независимой печати. Эта виѣшняя суровость, для которой газеты подыскиваютъ потомъ какіе-нибудь таинственные мотивы, отражаетъ въ себѣ коренной взглядъ Вильгельма II на истинную роль правителя. Идеаломъ правителя считается иногда полководецъ, отдающій рѣзкія приказанія, дающій строгіе выговоры и смущающій

подчиненныхъ своимъ озабоченнымъ, гнѣвнымъ видомъ. Вильгельмъ II съ особенною любовью готовился къ военной дѣятельности, къ управленію войсками на полѣ битвы, и едва ли онъ удовлетворится тою выжидательною, консервативною внѣшнею политикою, которою довольствовался его знаменитый дѣдъ со времени франко-прусской войны. Но не слѣдуетъ забывать, что наиболѣе вліятельная часть нѣмецкаго населенія дѣйствительно миролюбива, и что большинство народа нисколько не раздѣляетъ шовинизма берлинскихъ оффиціозовъ; а такъ какъ общественное мнѣніе въ Германіи имѣетъ возможность поднимать свой голосъ въ вопросахъ политики, то опасность войны, исходящая отъ специально-военной партіи, можетъ быть нейтрализована другими вліяніями, которыя пока имѣютъ еще перевѣсъ при дворѣ императора Вильгельма II. Въ этомъ направленіи дѣйствуетъ несомнѣнно и князь Бисмаркъ, и при его жизни едва ли разыграется военная буря, которой многіе ждутъ въ Европѣ—одни со страхомъ, другіе—съ надеждой на славу и добычу.

Парламентская сессія открылась во Франціи, 15-го (3) октября, внесеніемъ общаго правительственнаго проекта по вопросу о пересмотрѣ конституціи. Министръ-президентъ Флоке прочиталъ въ палатѣ длинную объяснительную записку, въ которой удѣлено много мѣста указаніямъ на опасность диктатуры и на шумную дѣятельность генерала Буланжэ и его партіи. Главнымъ мотивомъ для пересмотра конституціи выставляется необходимость предупредить враговъ республики и вырвать изъ ихъ рукъ оружіе, которымъ они пользуются для своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Флоке признаетъ, что въ народѣ существуетъ недовольство, которое выразилось въ послѣдовательныхъ избраніяхъ людей, провозгласившихъ своимъ девизомъ „распущеніе и пересмотръ“. Требованіе серьезныхъ конституціонныхъ реформъ должно быть своевременно удовлетворено правительствомъ, по мнѣнію министра-президента, такъ какъ въ противномъ случаѣ начавшееся общественное движеніе можетъ принять размѣры, опасные для республики. Удѣливъ первое мѣсто партійнымъ соображеніямъ, съ точки зрѣнія республиканскихъ интересовъ, Флоке останавливается затѣмъ на реальныхъ недостаткахъ конституціи 25-го февраля 1875 года, составленной преимущественно монархистами въ ожиданіи возстановленія королевской власти. Французское общество жалуется, во-первыхъ, на медленность законодательныхъ работъ и на невозможность достигнуть желательныхъ преобразованій при нынѣшней парламентской системѣ, такъ какъ каждая палата депутатовъ, при окончаніи своихъ полномочій, хоронитъ

вѣстѣ съ собою всѣ свои законодательные проекты, рѣшенія и предположенія; эти работы, оставшіяся незаконченными, обязательны для новой палаты, которая должна начинать дѣло сызнова. Жалуются, далѣе, на преобладаніе вопросовъ чисто-политическихъ въ парламентѣ, тогда какъ серьезныя задачи, касающіяся положительныхъ интересовъ населенія, оставляются безъ должнаго вниманія и не находятъ достаточнаго числа компетентныхъ дѣятелей и работниковъ въ палатѣ депутатовъ. Наконецъ, страна недовольна частыми перемѣнами министровъ, частыми кризисами и колебаніями власти, а также неправильными отношеніями между палатою депутатовъ и сенатомъ. Флоке ссылается на то, что необходимость пересмотра конституціи была признана Гамбеттою еще въ 1882 году и что частичныя измѣненія, произведенныя въ 1884 году при министерствѣ Жюля Ферри, не могли удовлетворить республиканцевъ. Для устраненія недостатковъ, указанныхъ министромъ-президентомъ, предлагаются три существенныя реформы. Обѣ палаты должны быть обновляемы на треть своего состава черезъ каждые два года, такъ что не будетъ перерывовъ въ законодательной дѣятельности, и парламентскіе выборы не будутъ вносить внезапныхъ перемѣнъ и замѣшательствъ въ политическую жизнь страны. Подготовка законопроектовъ возлагается на спеціальныя отдѣленія государственнаго совѣта, члены котораго должны быть назначаемы обѣими палатами; для защиты проекта передъ парламентомъ командированы отъ государственнаго совѣта особые комиссары. Министры назначаются президентомъ республики на срокъ обновленія третьей части состава палаты, т.-е. на два года, съ тѣмъ, что ихъ можно понудить къ оставкѣ формальнымъ заявленіемъ палаты депутатовъ объ уtratѣ ими довѣрія народныхъ представителей; сверхъ того, министры могутъ быть предаваемы суду сената по рѣшенію палаты. Сенатъ сохраняетъ лишь право общаго контроля по вопросамъ законодательнымъ и финансовымъ; онъ дѣлаетъ свои возраженія противъ проектовъ и рѣшеній палаты, предоставляя послѣдней принять во вниманіе эти возраженія или отвергнуть ихъ. Право распушенія палаты отнимается у сената; оно становится излишнимъ, когда и безъ того палата депутатовъ обновляется по частямъ въ установленные сроки. На первый взглядъ проектъ конституціонной реформы, выработанный Флоке, вноситъ весьма значительныя улучшенія въ политическое устройство республики. Периодическое обновленіе состава палатъ по частямъ имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ системою общихъ выборовъ, подвергающихъ страну настоящему политическому кризису и могущихъ сразу измѣнить взаимное положеніе партій; напримѣръ, буланжистамъ гораздо труднѣе добиться большинства постепенно, пу-

темъ отдѣльныхъ изъбранныхъ, чѣмъ воспользоваться возбужденіемъ умовъ въ данный моментъ для одержанія побѣды одновременно во многихъ департаментахъ. Но возбужденіе умовъ во время избирательной агитаціи не ослабляется отъ того, что дѣло будетъ идти о замѣщеніи двухъ сотенъ депутатскихъ вакансій, а не шестисотъ; недавніе частные выборы, приведшіе къ тройному избранію Буланже, доказали довольно убѣдительно, что даже голосованіе въ одномъ избирательномъ округѣ можетъ сосредоточить на себѣ напряженное вниманіе всей Франціи. Притомъ частичные выборы, точно такъ же, какъ и общіе, могутъ перенести большинство отъ одной партіи къ другой, ибо достаточно приобрести полтораста мѣстъ въ палатѣ, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить относительную численность парламентскихъ группъ. Въ этомъ отношеніи проектъ не устраняетъ опасности, но только смягчаетъ ее. Что касается новыхъ функцій государственнаго совѣта, то онѣ едва ли ускорятъ разсмотрѣніе законопроектовъ въ палатахъ; приготовленіе проектовъ и раньше не входило въ кругъ обязательныхъ парламентскихъ занятій, а возлагалось на спеціальныя коммиссіи по назначенію министерствъ. Палатамъ придется, какъ и теперь, обсуждать законопроекты во всѣхъ подробностяхъ, а для этого нужно спокойное, дѣловое настроеніе, которое рѣдко выпадаетъ на долю французскихъ парламентскихъ дѣятелей. Наконецъ, назначеніе министровъ на извѣстный срокъ не упрочитъ власти и не устранитъ министерскихъ кризисовъ, пока кабинеты зависятъ непосредственно отъ палаты депутатовъ; вмѣсто одного способа низверженія министерствъ установится другой, болѣе открытый и формальный, который, быть можетъ, будетъ рѣже примѣняться, но который все-таки будетъ постоянною угрозою для правительства. Американская система, по которой министры подчинены лишь президенту и не находятся въ зависимости отъ мѣняющагося большинства въ палатахъ, заслуживала бы, повидимому, предпочтенія; но она, по мнѣнію Флоке, не соответствуетъ политическимъ нравамъ и традиціямъ французской демократіи. Въ Америкѣ президентъ выбирается представителями всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ союза; онъ отвѣтственъ передъ народомъ, и этотъ способъ избранія оказался совершенно безопаснымъ для общественной свободы, тогда какъ назначеніе французскаго президента посредствомъ всеобщаго народнаго голосованія (хотя бы по системѣ двойныхъ выборовъ, при участіи спеціальныхъ избирателей) привело бы неизбежно къ диктатурѣ. Въ Америкѣ исполнительная власть не располагаетъ миллионною арміею, какъ во Франціи; притомъ федеральное устройство не даетъ президенту тѣхъ административныхъ силъ и средствъ, которыя находятся въ рукахъ французскаго правительства. Какъ бы то ни было, проектъ Флоке пред-

ставляеть серьезную реформаторскую попытку, осуществленіе которой могло бы принести свою долю пользы. Палата отнеслась вообще сочувственно къ предложенію министра-президента, за исключеніемъ только умѣренно-консервативной группы оппортунистовъ, которые не переставали нападать въ печати на мнимый радикализмъ Флоке. Отъ имени этой группы возражалъ правительству депутатъ Рибб; но и онъ долженъ былъ отказаться отъ мысли вызвать министерскій кризисъ ранѣе обсужденія проекта по существу. Палата большинствомъ 299 голосовъ противъ 167 постановила, согласно желанію Флоке, передать проектъ въ комиссію, рассматривающую конституціонные проекты другихъ лицъ и въ томъ числѣ генерала Буланже. Такъ какъ съ принятіемъ или непринятіемъ министерскаго предложенія связанъ былъ вопросъ о довѣріи, то рѣшеніе палаты укрѣпило положеніе кабинета, которому оппортунисты грозили неминуемою отставкою.

Конституціонная реформа, предложенная Флоке, не можетъ замѣтно обезсилить буланжизмъ уже потому, что она не затрагиваетъ тѣхъ вопросовъ, которые особенно волнуютъ общественное мнѣніе Франціи въ настоящее время. Буланжисты общаются французамъ твердую правительственную власть при сохраненіи республиканской свободы; эта перспектива соблазняетъ многихъ искреннихъ патріотовъ, убѣжденныхъ почему-то, что постоянство власти есть достоинство независимо отъ качествъ и отвѣтственности тѣхъ лицъ, которыя облечены властью. Проектъ не даетъ правительству ни твердости, ни постоянства; напротивъ, онъ еще болѣе сокращаетъ полномочія президента и ставитъ его въ совершенно подчиненное положеніе относительно палаты; стоитъ только большинству отказать въ довѣріи всѣмъ министрамъ, которыхъ назначаетъ президентъ, — чтобы побудить послѣдняго выйти въ отставку. Палата депутатовъ становится единственною дѣйствительною силою въ государствѣ; слабыя преграды, какія поставлены были ея могуществу, въ лицѣ сената и президента, утратили бы свое значеніе, а между тѣмъ французское общество имѣетъ наиболѣе поводовъ жаловаться именно на палату депутатовъ, на ея увлеченія и ошибки, на господствующій въ ней узко партійный духъ, на исключительныя заботы ея членовъ о будущихъ выборахъ, объ интересахъ вліятельныхъ избирателей, о личномъ обогащеніи. Вся притягательная сила буланжизма заключается въ открытой и смѣлой кампаніи противъ господствующихъ парламентскихъ партій, преслѣдующихъ свои частныя выгоды въ ущербъ потребностямъ населенія; главною приманкою для простодушныхъ поклонниковъ Буланже является обѣщаніе его устроить одну національную партію, которая будто бы объединитъ собою всѣ политическія направленія.

Флоке не коснулся тѣхъ недуговъ, которые обнаружили столь ярко въ дѣлѣ Вильсона, и изъ которыхъ составили себѣ капиталъ сомнительные дѣятели буланжизма; онъ не только не указалъ способовъ противодѣйствія этимъ недугамъ, но косвенно склоненъ усилить ихъ расширеніемъ депутатскихъ правъ въ ущербъ сенату и президенту. Конечно, не всякія общественныя слабости могутъ быть излечиваемы государственными учрежденіями и законами; послѣдствія общественнаго темперамента, какъ и особенности національнаго характера, не подлежатъ конституціонному пересмотру,—и только шарлатаны предлагаютъ чудодѣйственныя средства, исцѣляющія будто бы отъ всевозможныхъ болѣзней. Непрочность и переменчивость власти, частые кабинетныя кризисы, увлеченія партійной борьбы, погоня за богатствомъ,—все это зависитъ прежде всего отъ природныхъ національныхъ свойствъ и наклонностей французовъ. При монархіи и имперіи оппозиція противъ прочной власти выражалась въ періодическихъ волненіяхъ, возстаніяхъ и переворотахъ; при республикѣ она выражается безопаснѣе и проще—въ переменѣхъ министровъ, въ требованіяхъ пересмотра конституціи и распушенія палатъ, въ легальной агитаціи какаго-нибудь Буланже. Противъ этой природы вещей не поможетъ никакая конституція.

Одно изъ больныхъ мѣстъ республики—колоссальное возрастаніе бюджета—оставлено также въ сторонѣ проектомъ Флоке, хотя бюджетный вопросъ даетъ много матеріала для популярныхъ нападеній на господствующую республиканскую партію. Палата депутатовъ занялась обсужденіемъ бюджета на будущій годъ, представленнаго министромъ финансовъ Пейтралемъ. Сумма предполагаемыхъ расходовъ опредѣляется въ три милліарда и одиннадцать милліоновъ; но, сверхъ того, существуетъ чрезвычайный военный бюджетъ, который на этотъ разъ доходитъ до грандіозной цифры. Военный министръ Фрейсина, объѣхавъ и осмотрѣвъ старательно важнѣйшіе укрѣпленные пункты страны, особенно вдоль нѣмецкихъ и итальянскихъ границъ, приготовилъ смѣту „необходимыхъ“ экстраординарныхъ затратъ въ размѣрѣ болѣе милліарда—милліарда и 65 милліоновъ; пока онъ требуетъ ассигнованія 800 милліоновъ, которые будутъ израсходованы, впрочемъ, не сразу, а въ теченіе ближайшихъ лѣтъ. Республиканцы ссылаются на эти ужасающія военныя надобности, которыхъ не предложитъ сократить или урѣзать ни одинъ французскій патріотъ; въ этомъ военномъ бюджетѣ заключается, по ихъ мнѣнію, важнѣйшая причина чрезмѣрнаго увеличенія государственныхъ расходовъ. Несомнѣнно, что ни одно монархическое министерство не могло бы рѣшиться представлять палатамъ такія баснословныя цифры необходимыхъ расходовъ, ибо оно рисковало бы возбудить противъ себя

недовѣріе и вражду,—теперь этого недовѣрія нѣтъ, и военный министр можетъ ставить свои требованія вполне откровенно, безъ всякихъ стѣсненій, основываясь исключительно на высшихъ интересахъ національной обороны. Этой легкости бюджетныхъ требованій на военные нужды могъ бы позавидовать князь Бисмаркъ, которому приходится ради какихъ-нибудь десятковъ милліоновъ вести борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ и пугать народы призракомъ войны. Весьма вѣроятно, что колоссальная сѣта Фрейсина будетъ принята палатою безъ особенныхъ возраженій, въ виду угрожающаго положенія европейской „лиги мира“. Но какъ ни тяжелы эти военные издержки—не въ нихъ, однако, лежитъ причина ненормальнаго состоянія французскихъ финансовъ. Ораторы оппозиціи, Д'Альеръ, Субейранъ, доказали это неопровержимымъ образомъ; и доводы ихъ признаны вполне основательными умѣренной республиканскою печатью. Краснорѣчивая защитительная рѣчь по поводу бюджетовъ республики произнесена была докладчикомъ бюджетной комиссіи, Жюлемъ Рошемъ; рѣчь имѣла блестящій успѣхъ въ палатѣ, но не могла ослабить прозаическіе аргументы цифръ. Чтобы увеличить государственные доходы соотвѣтственно возрастающимъ потребностямъ, министръ финансовъ внесъ проектъ закона о подоходномъ налогѣ, по которому съ частныхъ доходовъ, превышающихъ двѣ тысячи франковъ въ годъ, будетъ взиматься одинъ процентъ, а съ заработковъ, начиная съ того же годичнаго размѣра—полъ-процента. Этотъ новый налогъ не будетъ обременительнѣе многихъ другихъ, уже существующихъ; но онъ безспорно основанъ на вполне справедливомъ началѣ соотвѣтствія податного обложенія съ средствами плательщиковъ. Горячая полемика умѣренныхъ газетъ противъ этого умѣреннаго налога, падающаго на зажиточные и богатые классы населенія, не можетъ, разумѣется, поддержать популярности оппортунистовъ въ народѣ.

При такомъ общемъ неопредѣленномъ ходѣ дѣлъ во Франціи, безпреступно растетъ своеобразная партія Буланже, которой открыто содѣйствуютъ не только бонапартисты, но и орлеанисты, и реакціонеры всѣхъ оттѣнковъ. Бывшій генералъ старается постоянно обращать на себя вниманіе; о каждомъ шагѣ своемъ онъ заранѣе сообщаетъ газетамъ, чтобы подать поводъ къ уличнымъ демонстраціямъ. Его сторонники устраиваютъ шумныя сходки, на которыхъ во имя новаго политическаго порядка заводятъ серьезные безпорядки, кончающіеся общою свалкою, какъ это было въ залѣ Ваграмъ 26 (14) октября. Самъ Буланже продолжаетъ вести себя какъ честолюбивый искатель власти; вызванный въ парламентскую комиссію для объясненій по вопросу о пересмотрѣ конституціи, онъ давалъ уклончивые,

загадочные отвѣты, а отчасти совершенно отказывался отвѣчать, изъ боязни компрометтировать себя передъ тою или другою партією. Онъ не могъ или не хотѣлъ высказать свои мысли о важнѣйшихъ основахъ конституціонной реформы, которой самъ же требовалъ, и это поведеніе его, какъ говорятъ, объясняется просто тѣмъ, что никакихъ своихъ мыслей у него нѣтъ по этимъ не-военнымъ вопросамъ. Но, очевидно, не нужно имѣть много мыслей для приобрѣтенія преданныхъ поклонниковъ изъ разныхъ слоевъ общества; неустанная реклама достигаетъ цѣли вѣрнѣе самыхъ остроумныхъ разрѣшеній конституціоннаго вопроса.

Незадолго до открытія палаты, министерство Флоке обнародовало декретъ, возбудившій не мало толковъ и казавшійся специально направленнымъ противъ нѣмцевъ, проживающихъ во Франціи. Значеніе декрета 2-го октября было сильно преувеличено газетами; о серьезныхъ стѣснительныхъ мѣрахъ противъ иностранцевъ не могло быть и рѣчи наканунѣ всемірной выставки. Дѣло шло, повидимому, только о томъ, чтобы доставить правительству возможность имѣть точныя свѣдѣнія о количествѣ, національности и родѣ занятій иностранцевъ, живущихъ въ предѣлахъ французской территоріи. Право надзора за иностранцами, сдѣлавшееся необходимою при обострившихся международныхъ отношеніяхъ, существуетъ во всѣхъ континентальныхъ государствахъ; оно практикуется съ особенною строгостью въ Пруссіи, такъ что берлинскія офиціозныя газеты имѣютъ наименѣе основаній нападать на мѣру французскаго правительства.

Юбилей нашего министра иностранныхъ дѣлъ, Н. К. Гирса, праздновался 13-го (25) октября и послужилъ предметомъ сочувственныхъ статей большинства европейскихъ газетъ, не той или другой страны, а всѣхъ безъ различія, одинаково въ Германіи, какъ и во Франціи. Пятьдесятъ лѣтъ государственной службы безъ перемѣны поприща—этотъ срокъ уже самъ по себѣ внушаетъ невольное уваженіе; тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія и сочувствія полувѣковая дѣятельность на такомъ трудномъ поприщѣ, какъ дипломатическое. Впрочемъ, ни въ одной странѣ Европы нѣтъ такого постоянства въ составѣ руководителей дипломатіи, какъ у насъ: со времени вѣнскаго конгресса, въ продолженіе болѣе семидесяти лѣтъ, какъ справедливо напомнилъ по этому случаю парижскій „Temps“, мы имѣли всего трехъ министровъ иностранныхъ дѣлъ—графа Нессельроде, князя Горчакова и Н. К. Гирса. Нѣкоторыя наши газеты упрекнули министра за его миролюбіе, которое кажется имъ чрезмѣрнымъ, и за его склонность къ односторонней дружбѣ съ дворами нѣмецкихъ державъ.

Но самымъ лучшимъ отвѣтомъ на подобныя упреки могутъ служить слова, сказанныя Н. К. Гирсомъ на привѣтствіе одной изъ депутацій, въ день юбилея: онъ является только „исполнителемъ, вѣрнымъ исполнителемъ предназначеній Его Императорскаго Величества, и такова была, есть и будетъ всегда его роль“. То же повторено и въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя Н. К. Гирса, по случаю его юбилея: „Имѣя въ васъ съ того времени (1882 г.) ближайшаго сотрудника и точнаго исполнителя Моихъ предназначеній по предмету международной политики, Я могъ убѣдиться въ вашихъ неусыпныхъ трудахъ по управленію дѣлами внѣшнихъ сношеній, въполнѣ соотвѣтствующему достоинству и пользамъ имперіи“. Наши министры иностранныхъ дѣлъ не имѣютъ и не могутъ имѣть своей собственной политики, которую имъ усиливаются навязать нѣкоторые изъ нашихъ газетъ; въ этомъ — отличіе ихъ отъ западно-европейскихъ политическихъ дѣятелей, обязанныхъ имѣть свою самостоятельную программу и отвѣчающихъ за свои дѣйствія передъ общественнымъ мнѣніемъ страны. Объ этомъ преимуществѣ нашихъ министровъ забываютъ отечественные критики дѣятельности нашей дипломатіи. Въ помѣщенной у насъ выше статьѣ: „Наша международная политика въ недалекомъ прошломъ“ (стр. 320), эти критики могутъ найти не мало фактовъ и данныхъ, которые, вѣроятно, умѣрятъ требованія, предъявляемыя ими нашимъ министрамъ иностранныхъ дѣлъ, безъ всякаго на то основанія.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября, 1888.

— *Н. Бржескій*, Податная реформа. Французскія теоріи XVIII-го столѣтія. Сиб., 1888.

Полгода тому назадъ, разбирая книгу г. Александренко объ англійскомъ тайномъ совѣтѣ, мы сказали нѣсколько словъ въ защиту тѣхъ молодыхъ нашихъ ученыхъ, которые избираютъ для своихъ работъ по всеобщей исторіи ¹⁾ темы, не имѣющія прямого отношенія къ русской дѣйствительности. Мы замѣтили, что подобный выборъ вовсе не заслуживаетъ порицанія, если только самыя работы не слишкомъ спеціальны, не слишкомъ переполнены мелкими подробностями, и если притомъ способъ исполненія дѣлаетъ ихъ доступными не для одного лишь тѣснаго кружка ученыхъ. Всѣмъ этимъ условіямъ книга г. Бржескаго вполне удовлетворяетъ, и мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ официальнымъ оппонентомъ, который (на магистерскомъ диспутѣ автора) призналъ ее бесполезной для *русской* публики. Предметъ, выбранный г. Бржескимъ, чрезвычайно интересенъ. Громадная лабораторія идей, какою была Франція въ XVIII-мъ вѣкѣ, пустила въ оборотъ много новыхъ взглядовъ и въ области финансоваго права. Эти взгляды слѣдовали одинъ за другимъ не случайно, а параллельно съ различными фазисами французской государственной жизни и французской политической мысли. Они бросаютъ яркій свѣтъ на одно изъ самыхъ важныхъ умственныхъ движеній и затрогиваютъ массу вопросовъ, до сихъ поръ не сошедшихъ со сцены. Не ограничиваясь изложеніемъ теорій, смѣнявшихъ одна другую, г. Бржескій представляетъ обстоятельный ихъ анализъ. Онъ приурочиваетъ ихъ къ четыремъ главнымъ теченіямъ: гуманитарному, политическому и экономическому — до революціи, — социальному — во время революціи.

¹⁾ Выраженіе: „всеобщая исторія“ мы употребляемъ здѣсь въ широкомъ смыслѣ, подводя подъ него исторію права, исторію государственныхъ учрежденій, исторію политическихъ и философскихъ ученій, и т. п.

Главные представители гуманитарнаго теченія — Буагильберъ и Вобанъ, писавшіе въ концѣ царствованія Людовика XIV-го; они стремились къ облегченію низшихъ классовъ, подавленныхъ безжалостною податною системою, но мало касались податнаго права, т.-е. способа установленія налоговъ и употребленія государственныхъ доходовъ. Представители политическаго теченія — Монтескьё, Руссо, Мирабо (отецъ) — разрабатывали, наоборотъ, преимущественно эту сторону вопроса. Представители экономическаго теченія — физиократы (Кенэ, Лермонъ, Тюрго и др.) — выдвинули на первый планъ интересы средняго сословія; они превозносили свободу труда, наиболѣе выгодную для буржуазіи, и стояли за единый поземельный налогъ, какъ за средство сломить могущество привилегированныхъ классовъ, въ рукахъ которыхъ находилась большая часть поземельной собственности. Представители социальнаго теченія (Лекиню, Кондорсэ), не отрицая частной собственности, видѣли въ переустройствѣ налоговъ могущественное средство къ болѣе равномерному ея распредѣленію. Чтобы судить о томъ, сколько жизненной силы сохранилось до сихъ поръ даже въ самыхъ отдаленныхъ отъ насъ, по времени, финансовыхъ теоріяхъ XVIII-го вѣка — въ системахъ Вобана и Буагильбера, — достаточно замѣтить, что эти современники Людовика XIV-го стояли за общій подоходный налогъ, еще теперь составляющій *impôt desirerium* для Франціи (и не для одной Франціи), а продолжатель ихъ Форбонэ вводилъ въ этотъ налогъ даже начало прогрессивности. „Многіе возражаютъ, — говоритъ Вобанъ, — противъ обложенія дохода съ государственныхъ долговыхъ обязательствъ, полагая, что это должно повести къ ихъ обезцѣненію. Большая ошибка! Такой доходъ представляется гораздо болѣе пріятнымъ, удобнымъ и менѣе зависящимъ отъ риска и всевозможныхъ хлопотъ, чѣмъ, напримѣръ, доходъ отъ земли“. Развѣ эти слова не могли бы быть сказаны у насъ, и весьма кстати, три года тому назадъ, въ возраженіе противникамъ налога на процентныя бумаги? „Обложеніе доходовъ отъ жалованья, пенсій и т. п., — продолжаетъ Вобанъ, — тѣмъ болѣе основательно, что они достаются своимъ обладателямъ совершенно готовыми, безъ всякаго риска съ ихъ стороны. Платить здѣсь должны всѣ, начиная съ наслѣдника престола и кончая самыми мелкими служащими“. Подчеркнутыя нами слова объясняются тѣмъ, что во времена Вобана еще не получила права гражданства мысль о податной свободѣ мелкихъ доходовъ; но все остальное до сихъ поръ нимало не устарѣло. Вобанъ опередилъ свое время, хотя, впрочемъ, и не въ такой степени, какъ полагаетъ г. Бржескій. Совершенно несогласованнымъ съ условіями времени и мѣста г. Бржескій признаетъ, между прочимъ (стр. 61), желаніе Вобана подчинить податной обязанности даже принцевъ

крови, даже наслѣдника престола; между тѣмъ, еще за десять лѣтъ до появленія книги Вобана, въ 1695 г., поголовная подать (capitation) была распространена на всѣхъ безъ изъятія подданныхъ короля, начиная съ дофина. Самъ г. Бржескій приводитъ этотъ фактъ въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 19). Правда, поголовная подать была скоро отмѣнена; но, во-первыхъ, ее опять пришлось возстановить, а во-вторыхъ, достаточно было и самого кратковременнаго ея существованія, чтобы требованіе Вобана не являлось висящимъ на воздухѣ. Не совсѣмъ точнымъ кажется намъ еще одно замѣчаніе г. Бржескаго. „Философы,—говоритъ онъ на стр. 95,—относятся съ полнымъ отрицаніемъ не только къ дѣйствовавшей податной системѣ, но и ко всему вообще государственно-общественному порядку, сложившемуся исторически“. Изъ трехъ представителей философскаго теченія это примѣнимо только къ одному Руссо; ни Монтескьё, ни Мирабо-отецъ ¹⁾, не были безусловными врагами существовавшаго государственно-общественнаго строя. „Когда Монтескьё думалъ о Франціи,—читаемъ мы въ новѣйшей біографіи великаго писателя, составленной Сорелемъ,—онъ никогда не имѣлъ въ виду ни демократію, ни республику. Онъ находилъ истинный духъ монархіи въ старинныхъ французскихъ учрежденіяхъ и хотѣлъ только возвратить основные законы Франціи къ ихъ настоящему принципу“. Болѣе чѣмъ спорны, наконецъ, нѣкоторыя обобщенія г. Бржескаго, мало связанные съ главнымъ содержаніемъ его книги. „Слабая сторона реформаторства,—говоритъ авторъ въ началѣ второй главы,—заключается въ его односторонности. Выступая во имя идей, еще не нашедшихъ себѣ примѣненія въ дѣйствительной жизни, реформаторы съ полнымъ отрицаніемъ относятся къ послѣдней, не находя въ ней ничего, что заслуживало бы въ ихъ глазахъ право на существованіе“. Безъ оговорокъ этого нельзя сказать даже о революціонерахъ, тѣмъ болѣе о реформаторахъ, для которыхъ орудіемъ въ борьбѣ противъ однихъ сторонъ дѣйствительности часто служатъ другія ея стороны. Примѣромъ этому могутъ служить именно тѣ реформаторы, работами которыхъ вызвано вышеприведенное замѣчаніе г. Бржескаго: Вобанъ и Буагильберъ. Они рассчитывали, для проведенія излюбленныхъ ими преобразованій, не на что иное, какъ на главную силу тогдашней Франціи—на неограниченную королевскую власть. Сказанное г. Бржескимъ на стр. 60 опровер-

¹⁾ Г. Бржескій вездѣ называетъ его просто Мирабо, подвергая читателей опасности смѣшать отца съ гораздо болѣе знаменитымъ сыномъ. Отмѣтимъ, кстати, небольшую ошибку автора. Онъ говоритъ (на стр. 25) о „Труа-Эвеша“, какъ будто это было собственное имя одной изъ французскихъ провинцій; между тѣмъ дѣло идетъ очевидно о трехъ епископствахъ или епархіяхъ (trois évêchés)—Мецѣ, Тулѣ и Верденѣ,—отторгнутыхъ Франціей отъ Германіи при Генрихѣ II.

гается имъ самимъ на стр. 95, гдѣ отрицателями дѣйствительности являются уже философы, а о реформаторахъ гуманитарнаго направленія говорится такъ: „основныя начала государственно-общественнаго строя гуманисты оставляютъ нетронутыми, а матеріалъ для составленія своихъ проектовъ черпаютъ *частью въ существовавшей системѣ, частью въ традиціяхъ прошлаго*“. Гдѣ же тутъ реформаторская „односторонность“ и прямолинейность?.. Эти немногія возраженія не мѣшаютъ намъ признать книгу г. Бржескаго цѣннымъ приобрѣтеніемъ для нашей литературы. Кое-гдѣ желательна была бы нѣсколько болѣшая сжатость, но она рѣдко дается начинающимъ авторамъ, и г. Бржескій грѣшитъ противъ нея сравнительно рѣдко и немного. Всего больше излишнихъ деталей въ главѣ четвертой; обзоръ финансовой политики регента и Людовика XV (стр. 97—117) могъ бы быть значительно сокращенъ безъ всякаго ущерба для основной темы автора.

— *Н. А. Осокинъ*, Исторія среднихъ вѣковъ, съ приложеніемъ очерка средневѣковой исторіографіи. Томъ первый (до XIII столѣтія). Казань, 1888.

Появляясь почти одновременно съ переводомъ тѣхъ томовъ всеобщей исторіи Вебера, которые относятся къ среднимъ вѣкамъ, и съ учебникомъ средней исторіи г. Трачевскаго, книга г. Осокина (воспроизводящая его лекціи въ казанскомъ университетѣ) тѣмъ не менѣе представляется далеко не излишней. У Вебера изложеніе событій болѣе пространно, у г. Трачевскаго — болѣе кратко; г. Осокинъ, въ этомъ отношеніи, занимаетъ средину. Большую его заслугу составляетъ заботливость, съ которою онъ выдвигаетъ на первый планъ литературу предмета. Средневѣковой исторіографіи (т.-е. лѣтописцамъ и историкамъ, писавшимъ во время среднихъ вѣковъ) онъ посвящаетъ особый очеркъ, напечатанный въ концѣ книги; о писателяхъ позднѣйшаго времени онъ упоминаетъ въ примѣчаніяхъ къ тексту, „стараясь“, по его выраженію, „не забыть ни одной русской книги“, но отводя широкое мѣсто и иностраннымъ историкамъ. Характеристики его отличаются полнотою, не исключая сдержанности. Мы не узнаемъ отъ г. Осокина, какъ отъ другого русскаго автора, что Карлъ Великій былъ „красивый блондинъ, съ величавой осанкой, длинными кудрями и живыми глазами“; но зато получаемъ ясное понятіе объ основныхъ чертахъ его умственнаго и нравственнаго склада. Былъ ли Магометъ красивъ и сколько верблюдовъ онъ получилъ въ наслѣдство отъ родителей — этого г. Осокинъ не сообщаетъ; но зато мы находимъ у него обстоятельное изслѣдованіе вопроса объ иллюзіяхъ и галлюцинаціяхъ основателя исламизма. Сравнительно мало

г. Осокинъ говоритъ объ исторіи просвѣщенія и культуры; но это объясняется отчасти тѣмъ, что многіе важные отдѣлы внутренней жизни среднихъ вѣковъ (рыцарство, народная поэзія, цехи и т. п.) отнесены авторомъ, какъ видно изъ предисловія, во второму тому, еще не появившемуся въ свѣтъ. Есть у г. Осокина и несомнѣнные пробѣлы; такъ напр., излагая исторію IV-го вѣка, онъ не упоминаетъ о двухъ новѣйшихъ сочиненіяхъ, относящихся къ этой эпохѣ — „Geschichte der römischen Kaiserzeit“, Германа Шиллера (доведенной до Θεодосія Великаго), и „Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidenthums“, Виктора Шульце. Они помогли бы ему, быть можетъ, въ характеристикѣ Юліана, и въ настоящемъ своемъ видѣ, впрочемъ, свободной отъ односторонности и обычныхъ предразсудковъ. Вполнѣ правильными кажутся намъ тѣ соображенія, въ силу которыхъ г. Осокинъ возражаетъ противъ совершеннаго игнорирования исторіи славянъ. „Автору извѣстно,—говоритъ онъ въ предисловіи,—что славяне рѣдко играли активную роль въ судьбахъ западной Европы; ихъ историческая дѣятельность въ большинствѣ явленій отличается пассивнымъ характеромъ. Но даже съ точки зрѣнія романо-германской нельзя отрицать, что племя, которое своимъ участіемъ въ гуннскомъ движеніи вліяло на распредѣленіе западныхъ народовъ въ эпоху великаго переселенія,—племя, которое нѣсколько разъ проявляло попытки, хотя неудачныя, сложиться въ политическую федерацію, племя, которое сперва благодаря богомиламъ, потомъ вслѣдствіе усиленія гусситизма (гусситизма?) въ средней Европѣ повліяло косвенно на развитіе церковнаго протеста въ нѣдрахъ католической церкви, такое племя заслуживало бы болѣе широкаго мѣста на страницахъ всемірной исторіи. Всѣ племена и народы имѣютъ одинаковое право на участіе въ ходѣ исторіи, и доля вниманія, оказываемаго судьбамъ того или другого этнографическаго элемента, обуславливается его дѣйствительными заслугами европейской цивилизаціи“. Оставаясь вѣрнымъ этимъ общимъ началамъ, г. Осокинъ не забываетъ о славянахъ, но и не нарушаетъ въ ихъ пользу пропорціональности между различными частями книги.—К. К.

— Свобода и либерализмъ. Кн. Д. Н. Цертелсва. Москва, 1886.

Заглавіе этой брошюры можетъ ввести читателей въ заблужденіе: въ ней говорится собственно о весьма разныхъ предметахъ, и въ томъ числѣ о свободѣ и либерализмѣ, но существенные вопросы, выражающіеся въ двухъ послѣднихъ словахъ, оставлены почти совершенно въ сторонѣ. Только мимоходомъ авторъ упоминаетъ о „ли-

беральныхъ доктринахъ“, — но и то какъ о чемъ-то нестоющемъ вниманія и разбора. Вообще разсужденія князя Цертелева примыкаютъ къ той пренебрежительной манерѣ, съ какою обсуждаются теперь предметы первостепенной важности въ извѣстной части нашей журналистики. Съ большою самоувѣренностью авторъ берется двумя-тремя фразами опровергнуть политическія идеи, давно господствующія въ западной Европѣ и раздѣляемыя лучшими передовыми дѣятелями культурныхъ народовъ, — идеи, имѣющія не только свою исторію, но и свою обширную спеціальную литературу. Мы останавливаемся на мысляхъ кн. Цертелева главнымъ образомъ потому, что въ наше время подобныя мысли многими выдаются нерѣдко за политическую мудрость.

Авторъ начинаетъ съ вопроса о „свободѣ воли въ философскомъ значеніи“ и, поговоривъ нѣсколько на эту обширную тему съ неизбѣжнымъ упоминовеніемъ именъ Спинозы, Канта, Шеллинга и Шопенгауера, прерываетъ себя слѣдующею тирадою: „Но чтѣ общаго между метафизическимъ, спорнымъ вопросомъ о свободѣ воли, который никого или почти никого не интересуетъ, и тою политическою свободою, которая въ либеральной доктринѣ (sic) должна составлять едва ли не послѣднюю цѣль человѣческаго развитія? Въ сущности, очень мало, хотя ясно (?), что политическая свобода, если только это дѣйствительно свобода, не имѣетъ никакого смысла безъ первой, такъ какъ изъ милліона нулей больше нуля все-таки не выйдетъ“ (стр. 6). Авторъ дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ различія между внутреннею свободою воли и внѣшнею свободою отъ насилія, принужденія и произвола со стороны представителей власти. Прилагая какую-то странную философію къ вопросамъ чисто-практическимъ, не трудно уже было дойти до оригинальнаго вывода, что „такъ-называемая политическая свобода“ есть „искусственное, безсодержательное понятіе“ (стр. 48), такъ что, напримѣръ, политическія права и вольности англійскихъ гражданъ суть только „безсодержательныя понятія“, не дающія имъ никакихъ реальныхъ преимуществъ передъ подданными турецкаго султана. Авторъ не хочетъ понимать также, чтѣ значить терминъ: „свободныя учрежденія“; онъ утверждаетъ, что подъ свободою разумѣется здѣсь полная самостоятельность и автономія извѣстныхъ учреждений, и притомъ даже такихъ, какъ „губернское правленіе или земельный банкъ“ (стр. 49). Оказывается, что люди, толкующіе о „свободныхъ учрежденіяхъ“, переносятъ свободу, „вопреки здравому смыслу“, въ „совершенно чуждую ей сферу и смѣшиваютъ ее съ автономіею“, которая вовсе неосуществима при взаимной связи различныхъ вѣдомствъ въ государствѣ. Указавъ на такое странное заблужденіе западной Европы, авторъ рѣшаетъ, чтѣ „поли-

тическая свобода въ смыслѣ избирательныхъ, законодательныхъ и другихъ правъ ничего не значила бы, еслибы не служила болѣе звучнымъ и торжественнымъ выраженіемъ другого понятія, ничего общаго съ свободою неимѣющаго“,—а именно, дѣло идетъ объ „участіи въ государственной власти“. „Вообще,—продолжаетъ князь Церетелевъ,—словами: „политическая свобода“, прикрываются понятія и стремленія, не имѣющія ничего общаго съ свободою индивидуальною, которая одна только и имѣетъ опредѣленный смыслъ. Но, въ сущности, либеральнымъ доктринамъ до этого дѣла нѣтъ: онѣ гораздо тѣснѣе связаны съ понятіемъ равенства, чѣмъ съ понятіемъ свободы, хотя и заимствуютъ свое названіе отъ послѣдней“ (стр. 50—1). Затѣмъ, послѣ возраженій противъ принципа равенства и противъ владычества „толпы“, авторъ замѣчаетъ мимоходомъ, что „съ точки зрѣнія отвлеченнаго права, безразлично, кому она (власть) принадлежитъ“, и что „форма правленія въ этомъ отношеніи не имѣетъ значенія, только бы (!) ею достигалось возможно полное огражденіе правъ каждаго при наименьшемъ стѣсненіи его личной свободы“ (стр. 96). Другими словами, для народовъ безразлично, управляютъ ли ими по системѣ шаха персидскаго или по „бесодержательнымъ“ политическимъ понятіямъ Англіи, и принадлежитъ ли власть какому-нибудь безотвѣтственному сатрапу, или парламентскому министерству Гладстона или Солсбюри; нужно лишь маленькое „только бы“, которое присоединяется въ видѣ побочной оговорки, и въ которомъ лежитъ, однако, вся сущность вопроса. Въ самомъ концѣ брошюры сказано уже слѣдующее: „Это не значитъ, чтобы то, что разумѣется обыкновенно подъ словами „политическая свобода“, было лишено значенія. Въ нихъ выражается, хотя односторонне, стремленіе къ наилучшему государственному устройству, но не слѣдуетъ забывать, что это вопросъ пользы, а не права“, и т. д. (стр. 106). Почему же авторъ съ самаго начала не взглянулъ на дѣло съ этой стороны? Тогда онъ, быть можетъ, натолкнулся бы на ту простую и общеизвѣстную истину, что именно государственная польза руководитъ сторонниками публичнаго участія и контроля въ области управления и законодательства, такъ какъ требованія „политической свободы“ сводятся прежде всего къ установленію гарантій, обеспечивающихъ страну отъ злоупотребленій и произвола. Объ этой главнѣйшей основѣ „либеральныхъ доктринъ“ на Западѣ авторъ не обмолвился ни однимъ словомъ; для него всякое государство, какъ бы оно устроено ни было—по-турецки ли, или по-европейски, —имѣетъ одинаковыя задачи и одинаковую возможность ихъ осуществленія. Государство,—говоритъ онъ,—„должно препятствовать злой волѣ отдѣльныхъ гражданъ проявляться во вредъ остальнымъ и, кромѣ того, охранять свободу

и права этихъ гражданъ отъ внѣшнихъ враговъ: этимъ и ограничиваются всѣ существенныя функціи государства" (стр. 16). Но чѣмъ гарантируется такое ограниченіе государственной дѣятельности и что служить порукою тому, что эта дѣятельность будетъ направлена на охрану „свободы и правъ гражданъ“, а не на угнетеніе и эксплуатацію народа, какъ это бываетъ въ Турціи и какъ это было прежде въ дореформенной Европѣ, не зараженной еще „либеральными доктринами“?

Съ точки зрѣнія отвлеченнаго государства, авторъ бѣгло, на немногихъ страницахъ, затрогиваетъ различные виды гражданской свободы и высказывается большею частью двусмысленно и неопредѣленно, причемъ старается брать вопросы съ самой мелкой ихъ стороны. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что авторъ допускаетъ, напримѣръ, свободу совѣсти и мнѣній. „Для государства,—говоритъ онъ,—нѣтъ и не можетъ быть высшихъ цѣлей, ради которыхъ оно могло бы жертвовать неотъемлемымъ правомъ каждаго. Никто не въ правѣ требовать у человѣка отчета въ томъ, что онъ думаетъ, а тѣмъ болѣе преслѣдовать его за невысказанныя убѣжденія. Помимо другихъ соображеній, преслѣдованіе убѣжденій безцѣльно и возмутительно уже потому, что человѣкъ, у котораго они дѣйствительно есть, не въ состояніи измѣнить ихъ, даже еслибы и хотѣлъ, пока самъ не увидитъ ихъ ошибочности; заставить его силою считать ложью то, что ему кажется истиной, такъ же невозможно, какъ заставить его видѣть краснымъ то, что ему представляется зеленымъ“ (стр. 18, 20—21). Однако, государство „имѣетъ право и обязанность въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ какихъ?) ограничивать пропаганду убѣжденій, которыя признаетъ вредными“ (стр. 24); а такъ какъ вреднымъ можно признать что угодно, то исчезаетъ всякая мѣра для этихъ ограниченій, и свобода убѣжденій можетъ быть сведена къ нулю. Въ принципѣ, напримѣръ, государство не должно было бы вмѣшиваться въ разрѣшеніе спорныхъ научныхъ вопросовъ; „но,—прибавляетъ авторъ:—нельзя отрицать и того, что, подъ видомъ науки, нерѣдко подносятся публикѣ вещи, совершенно ей чуждыя и имѣющія чисто-практическія и не всегда законныя цѣли; въ такихъ случаяхъ не подлежитъ сомнѣнію, что степень законности этихъ цѣлей можетъ и должна быть оцѣниваема государственною властью“. Опять-таки опредѣленіе того, что чуждо наукѣ и что свойственно ей, ставится въ зависимость отъ административнаго усмотрѣнія, и свобода научныхъ изслѣдованій дѣлается весьма условною. То же самое и относительно печати вообще: выраженіе мнѣній могло бы быть свободно; „но если ложь и истина идутъ въ перемену, если ими затрогиваются другія лица (?), тогда совсѣмъ иное дѣло“. Авторъ

представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ еслибы свобода печати заключалась въ безнаказанности клеветы и диффамаци; поэтому онъ распространяется особенно объ этихъ проступкахъ, а „что касается права печати высказываться по вопросамъ общимъ“, то въ этомъ отношеніи онъ повторяетъ лишь своими словами сущность дѣйствующихъ у насъ законовъ. Съ такою же легкостью разсматриваются вопросы о правѣ преподаванія и объ университетахъ, о гражданской равноправности, о семьѣ и о женщинахъ, о сословныхъ привилегіяхъ, о воинской повинности и о присяжныхъ засѣдателяхъ, о братствѣ и демократіи. Насколько же авторъ близко знакомъ съ предметами, о которыхъ онъ судить, можно видѣть изъ одного примѣра, взятаго нами наудачу: онъ полагаетъ, повидимому, что присяжные засѣдатели, постановляя обвинительный или оправдательный приговоръ, приводятъ тѣ соображенія, которыми они при этомъ руководствовались (стр. 71). Насколько вообще уклончивъ способъ разсужденій князя Цертелева, можно видѣть изъ другого примѣра. По поводу французской идеи „братства“, онъ входитъ въ такіа соображенія: „братьями и сестрами называются дѣти однихъ родителей; но какой смыслъ имѣетъ это слово въ примѣненіи къ цѣлому государству или ко всему человѣчеству? Если для опредѣленія кровнаго родства намъ придется восходить до Адама или до Ноя, степень его окажется уже весьма отдаленною; если же общихъ предковъ мы станемъ искать между гориллами и орангутангами, то такого рода связь едва ли дастъ сколько-нибудь прочное основаніе для человѣческихъ чувствъ и обязанностей“, и т. д. (стр. 94). Вмѣсто политическаго „братства“ въ смыслѣ солидарности интересовъ и стремленій, авторъ подставляетъ нѣчто совсѣмъ другое—кровное родство,—какъ, вмѣсто свободы мнѣній въ печати, онъ подставилъ идею безнаказанности клеветы и диффамаци,—какъ понятіе личной и общественной свободы онъ подмѣнилъ вопросомъ о свободѣ воли.

Все это до того безыскусственно, что даже читатели „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ первоначально напечатаны были очерки князя Цертелева, едва-ли могли удовлетвориться его „мыслями“. Иногда авторъ, думая оставаться вполне благонамѣреннымъ, попадаетъ совсѣмъ не въ ту цѣль, въ которую онъ, очевидно, мѣтилъ; такъ, въ одномъ мѣстѣ своей брошюры онъ отзывается неодобрительно о порядкахъ „нѣкоторыхъ странъ“, гдѣ „адвокаты становятся военными министрами, а генералы занимаются политикою“ (стр. 82). Единственный адвокатъ, бывший военнымъ министромъ—Гамбетта, спасшій военную честь Франціи послѣ Седана; „генералы“ же по-неволѣ должны заниматься политикою тамъ, гдѣ изъ нихъ однихъ рекрутируется почти весь высшій персоналъ государственнаго управленія.

О какихъ же „генералахъ“ говорить князь Цертелевъ?—Конечно, не о генералѣ Буланже, уволенномъ въ отставку именно за его вѣдѣтельность въ политическую дѣятельность, вполне слѣдовательно согласна идеямъ князя Цертелева.

— П. Н. Подлигайловъ. Национальныя задачи Россіи и мѣры къ ихъ осуществленію. Спб., 1888.

Князь Цертелевъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ грамотно; онъ можетъ свободно разсуждать о философіи и о свободѣ воли и о многомъ другомъ; но что сказать объ авторѣ, который двухъ мыслей связать правильно не можетъ и, однако, берется не только опредѣлить „національныя задачи Россіи“, но и предложить „мѣры къ ихъ осуществленію“? Г. Подлигайловъ придумалъ какое-то особое „международное право“, которое онъ понимаетъ въ смыслѣ отвѣченной справедливости, и отъ имени этого фантастическаго „права“ предлагаетъ обуздать европейскую „лигу мира“, съ Германіею во главѣ. Г. Подлигайловъ придаетъ своему труду большое значеніе; онъ чувствуетъ себя не просто авторомъ брошюры въ 64 страницы, а чѣмъ-то въ родѣ политическаго бойца, призваннаго указывать Россіи „мѣры къ осуществленію“ его идей, какъ это прямо выражено въ предисловіи. „Чрезвычайная важность трактуемаго предмета,—заявляетъ онъ торжественно,—сопровождается и тяжелою отвѣтственностью (для кого?). Сознаніе ея наличности (?) обязываетъ автора быть совершенно безпристрастнымъ въ сужденіяхъ, осторожнымъ въ выборѣ доказательствъ и пользованіи литературою предмета (что совершенно отсутствуетъ въ брошюрѣ). Какъ всякое твореніе рукъ человѣческихъ, предлагаемый трудъ, конечно, не можетъ быть чуждъ извѣстныхъ погрѣшностей (!)—*homo sum* и т. д. И горечь этого тяжелаго сознанія находитъ себѣ слабое утѣшеніе лишь въ чувствахъ, которыя руководили авторомъ въ его трудѣ—въ любви къ родинѣ, въ преданности къ истинѣ (*sic*) и правдѣ, въ благоговѣніи къ международному праву, душу котораго составляетъ разумъ (?). Непосильное бремя взялъ на себя г. Подлигайловъ и взялъ совершенно напрасно. Ему показалось, что Россія вынуждена теперь „бороться во имя своего государственнаго достоинства и общей, грозящей всему славянскому племени, опасности“, такъ какъ мы-молъ еще не „достигли своихъ національныхъ задачъ“ (достигли задачъ!). На этомъ основаніи г. Подлигайловъ совѣтуетъ нашей дипломатіи устроить „лигу народнаго блага“, въ видѣ „личной (!) безопасности“ европейскихъ государствъ, не находящихся въ союзѣ съ Германіею. Въ эту спасительную лигу должны войти великія и малыя державы, въ томъ числѣ, „по всей вѣроятности“, и

Бельгія, Голландія и Швейцарія (стр. 44), которыя въ другомъ мѣстѣ (стр. 27) признаны неимѣющими „рѣшительно никакого законнаго права предъявлять какія бы то ни было требованія къ Европѣ насчетъ новыхъ территоріальныхъ приобрѣтеній“ и пр. Новая лига, къ которой отнесены и Сербія, и Румынія, и Греція, и Данія, легко разгромить Германію и ея союзниковъ, а результаты борьбы заранѣе намѣчены уже г. Подлигайловымъ. Пруссія совсѣмъ исчезнетъ; она „должна остаться безъ замѣщенія“ (II). Австрія развалится на части, которыя или „отойдутъ къ своимъ роднымъ (?) государствамъ“, или „составятъ одинъ общій всеславянскій союзъ“; „Венгрія же, буде пожелаетъ, можетъ пребывать въ вѣрности дому Габсбурговъ; въ противномъ случаѣ ей предоставится право провозгласить республику“. Италія будетъ раздѣлена между Франціею, Швейцаріею и Ватиканомъ, и „цѣлкупная Италія обратится въ прежній географическій терминъ“. Изложенный планъ, по увѣренію г. Подлигайлова, „согласуется съ требованіями національно-реальной (?) политики и международнаго права (I) и чуждъ всякаго эгоизма“ (II). Авторъ предусматриваетъ, впрочемъ, возможность неудачи затѣяннаго предпріятія; тогда побѣдоносная лига мира „можетъ получить только (?) денежные контрибуціи, да небольшія территоріальныя приобрѣтенія“, такъ какъ „численное превосходство военныхъ силъ и ихъ концентраціи“ (?) остаются все-таки на сторонѣ противниковъ Германіи. Если-же, сверхъ ожиданія, торжество „лиги мира“ будетъ полное и рѣшительное, и если побѣдители передѣлаютъ по-своему карту Европы, „разорвавъ всѣ трактаты и совершенно пренебрегая международнымъ правомъ“ (о трактатахъ авторъ вспоминаетъ только при предположеніи неудачи), то пострадавшія государства, завоеванныя или сильно урѣзанныя, будутъ утѣшаться ожиданіемъ неизбежной гибели новыхъ колоссальныхъ монархій, причемъ „самая скорость ихъ разрушенія будетъ прямо пропорціональна разности нашей цивилизаціи съ минувшей“ (?). Такимъ образомъ,—заключаетъ г. Подлигайловъ,—„мы видимъ (I), что всѣ выгоды и отсутствіе опаснаго риска на сторонѣ лиги народнаго блага“. Если эта комбинація не понравится, то авторъ имѣетъ на-готовѣ другую, противоположную. Пруссія, которую онъ только-что оставилъ „безъ замѣщенія“, можетъ, напротивъ, вступить съ нами въ союзъ, ибо Германія и Россія „рѣшительно не изъ-за чего ссориться, нечего дѣлать, и онѣ могутъ существовать, сохраняя вѣчный миръ и неразрывную взаимную дружбу“ (стр. 48). Русская дипломатія должна только серьезно и рѣшительно поговорить съ Германіею, чтобы побудить ее отказаться отъ „антинаучной (I) и противоестественной политики эгоизма“; тогда въ Германіи „заговорить голосъ совѣсти, страхъ отвѣтствен-

ности и чувство самосохраненія“, и она бросить свою „лигу мира“ и примкнетъ къ лигѣ г. Подлигайлова. Пруссія сдѣлаетъ важныя уступки и, изъ уваженія къ намъ, обсудить вновь съ Франціею вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи; а наши интересы, „конечно, должны быть удовлетворены во всемъ своемъ объемѣ“, причемъ жертвою новыхъ комбинацій сдѣлается Австрія. Наконецъ, на случай несогласія Пруссіи, можно поступить еще иначе: спасти и возвеличить Австрію, поставивъ ее на мѣсто „безпокойнаго“ прусскаго государства (стр. 52). Если понадобится, г. Подлигайловъ придумаетъ еще другія комбинаціи, „одинаково доступны осуществленію и одинаково благотворны“, руководствуясь „искреннимъ желаніемъ по возможности уменьшить размѣры предстоящихъ неизбѣжныхъ войнъ“. Брошюра оканчивается воинственнымъ полуграмотнымъ воззваніемъ „къ русской дипломатіи“.

Авторъ постоянно щеголяетъ иностранными словами, повторяя ихъ встать и нестать (какъ напр., „ad libitum“); онъ даже разсуждаетъ о „субстанціи“ государства и на одной полустраничкѣ упоминаетъ все болѣе дюжины ученыхъ именъ (стр. 6); онъ цитируетъ Аристотеля, который будто бы сказалъ, что государство есть „общеніе родовъ и мѣстъ (?) для жизни совершенной и самодовольной“ (?), и при всемъ томъ онъ обнаруживаетъ очевидное незнаніе элементарнѣйшихъ вещей и полное отсутствіе здравой логики. Г. Подлигайловъ, не понимающій такого общеупотребительнаго выраженія, какъ „международное право“, и смѣшивающій его съ какою-то предполагаемою справедливостію, берется съ крайнею самоувѣренностію разрѣшать труднѣйшіе политическіе вопросы и обращаться съ наставленіями къ нашей дипломатіи. Не имѣя понятія о томъ, что значитъ національная политика, г. Подлигайловъ толкуетъ вкривъ и вкосъ о „національныхъ задачахъ Россіи“ и проповѣдуетъ какую-то бессмысленную войну во имя невѣдомыхъ ему цѣлей, прикрываемыхъ громкими и пустыми словами. Не лучше ли было-бы г. Подлигайлову заняться чѣмъ-нибудь болѣе для него подходящимъ, вмѣсто того, чтобы сочинять невѣроятныя политическія комбинаціи и высказывать нѣчто невозможное о предметахъ ему совершенно чуждыхъ? Но очень можетъ быть, что авторъ увлекся одностороннимъ чтеніемъ „патріотическихъ“ газетныхъ статей по внѣшней политикѣ, и плодомъ этого увлеченія явилась брошюра о „національныхъ задачахъ Россіи и мѣрахъ къ ихъ осуществленію“; въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ для себя смягчающія обстоятельства.—Л. С.

— *Сочиненія Н. В. Гоголя*. Изданіе десятое. Текстъ сѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ. V. Москва, 1889. Изданіе книжн. маг. В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдники бр. Салаевыхъ“.

Передъ нами начало изданія, которое обѣщаетъ стать лучшимъ изъ всѣхъ, какія были до сихъ поръ, изданіемъ сочиненій нашего великаго писателя. Вышедшій теперь V-й томъ, заключающій „Юношескіе опыты“, „Арабески“ и другія произведенія, отрывки и наброски изъ молодой поры Гоголя, даетъ образчикъ того, какъ поставленъ въ настоящемъ изданіи вопросъ редакціи сочиненій Гоголя. Первые работы надъ текстомъ Гоголя, дополненіе его сохранившимися произведеніями и отрывками сдѣланы были въ изданіи племянника Гоголя, Трушковскаго (1855 г.), и въ изданіи г. Кулиша (1857 г.); съ тѣхъ поръ, въ теченіе тридцати лѣтъ, текстъ Гоголя оставался пересмотрѣннымъ. Нельзя не порадоваться, что фирма, владѣющая теперь правомъ изданія Гоголя, сочла, наконецъ, нужнымъ сдѣлать изданіе, отвѣчающее давно созрѣвшей потребности въ критическомъ изученіи текста, и обратилась съ этимъ вопросомъ къ лицу столь компетентному, какъ г. Тихонравовъ. Два года тому назадъ г. Тихонравовъ издалъ первоначальный сценическій текстъ „Ревизора“ къ пятидесятилѣтнему юбилею пьесы; во введеніи была самымъ внимательнымъ образомъ изслѣдована исторія созданія „Ревизора“. Теперь мы имѣемъ начало полного изданія Гоголя.

Для новой редакціи его, въ распоряженіи г. Тихонравова находятся всѣ бумаги Гоголя, сохранившіяся въ рукахъ семейства, и тѣ, какія существуютъ въ общественныхъ книгохранилищахъ, какъ напр. въ Публичной бібліотекѣ. Много было извѣстно Трушковскому и Кулишу; но многое должно явиться теперь въ первый разъ. Какъ видно изъ настоящаго, V-го, тома, г. Тихонравову пришлось и въ томъ, что было до сихъ поръ напечатано изъ рукописей Гоголя, очень часто исправлять своихъ предшественниковъ, которые не бывали довольно внимательны ко всѣмъ подробностямъ ихъ матеріала. Пересматривая за-ново бумаги Гоголя, г. Тихонравовъ не только достигалъ болѣе правильнаго чтенія текстовъ, но и новыхъ фактовъ для исторіи литературныхъ работъ и плановъ Гоголя.

Дѣло представляло немалыя трудности. Черновыя рукописи Гоголя были вообще до чрезвычайности небрежны, а почеркъ крайне неровенъ и неразборчивъ, до того, что иной разъ люди, которые могли близко знать почеркъ Гоголя, считали его рукопись „написанною неизвѣстно чьей рукой“ (г. Тихонравовъ приводитъ такой примѣръ съ И. С. Аксаковымъ; стр. 547). Нужно было не мало труда,

чтобы ориентироваться въ массѣ Гоголевскихъ бумагъ, состоящихъ то изъ переписанныхъ, то исполненныхъ разновременными поправками рукописей, то изъ черновыхъ, крайне нечеткихъ набросковъ; не мало труда представляетъ одно чтеніе рукописей, многа мѣста которыхъ не поддаются разбору самыхъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей. Между тѣмъ, въ этихъ бумагахъ заключаются данныя, представляющія немалый интересъ для изученія Гоголя: открываются слѣды его чтенія, собранія матеріаловъ, планы предполагаемыхъ работъ; разъясняются приемы его литературнаго и стилистическаго труда; въ рукописяхъ видна первоначальная форма многихъ произведеній, иначе явившихся въ печати не только по волѣ писателя, но и противъ его воли.

Какого труда стоила г. Тихонравову эта редакціонная работа, можно видѣть уже изъ того, что въ настоящемъ томѣ примѣчанія редактора и варианты занимаютъ 541—682 страницы. При каждой статьѣ Гоголя, г. Тихонравовъ излагаетъ исторію ея написанія и появленія въ печати, отношеніе ея текста къ рукописямъ; когда рукописи являлись уже въ печати — въ изданіяхъ Трушковскаго и Кулиша — или позднѣе, онъ провѣряетъ чтеніе, причемъ не однажды прежнія чтенія оказываются весьма неточными, провѣряетъ выводы, какіе дѣлались на основаніи рукописей, и эти выводы также оказываются иногда ошибочными; иногда мелкія подробности черновыхъ набросковъ и замѣтокъ Гоголя, въ сличеніи съ его перепиской и другими фактами, открываютъ возможность хронологическаго опредѣленія работъ Гоголя; въ вариантахъ указаны всѣ малѣйшія различія текстовъ въ печатныхъ изданіяхъ и въ рукописяхъ, и изъ послѣднихъ приведено все, что до сихъ поръ не было извлечено изъ нихъ въ печати. Понятно, что тотъ же приемъ изслѣдованія текстовъ и рукописей будетъ примѣненъ и ко всѣмъ остальнымъ произведеніямъ Гоголя.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ изданіи мы получимъ Гоголя, изданнаго по всѣмъ требованіямъ историко-литературной критики, съ внимательнымъ изученіемъ текстовъ и того матеріала, какой только могъ быть разысканъ въ рукописяхъ. Для этого потребовался настойчивый трудъ, вниманіе ко всѣмъ мельчайшимъ подробностямъ, но въ результатѣ получается впервые изданіе, достойное великаго писателя: онъ явится передъ нами сохраненный во всѣхъ, какія только уцѣлѣли, подробностяхъ его дѣятельности. Эти подробности интересны у него болѣе, чѣмъ у другого писателя: его творчество совершалось медленно; форма его произведеній, а вѣроятно иногда и самая идея, вырабатывались долгимъ, упорнымъ трудомъ, подвергались множеству передѣлокъ, пока, наконецъ, удовлетворяли писателя. Зато въ концѣ этого труда являлись произведенія, какимъ

подобныхъ мало въ русской литературѣ. Высокія требованія, какія ставилъ себѣ писатель и достиженіе которыхъ давалось ему нерѣдко послѣ мучительныхъ приступовъ недовѣрія къ самому себѣ, вознаграждены были необычайнымъ впечатлѣніемъ, какое произвели его созданія на современниковъ, и глубокимъ вліяніемъ на всю послѣдующую литературу. Дѣятельность Гоголя составила въ развитіи нашей литературы знаменательную эпоху: очевиденъ историческій интересъ изслѣдованія ея внутреннихъ процессовъ, для чего новое изданіе его произведеній обѣщаетъ дать новыя и обильныя матеріалы.

Съ окончаніемъ его, мы надѣемся дать о немъ обстоятельный отчетъ. — А. П.

Въ теченіе октября мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія книги и брошюры:

Алексѣевъ, В. М. Тулій Цицеронъ. Вып. 1-й. Рѣчь противъ Катилины. Спб., 1888. Стр. 99. Ц. 35 к.

Алексѣевъ, д-ръ. П. С. По Америкѣ. Поѣздка въ Канаду и Соединенные Штаты. Съ 40 рис. 3 карт. Москва, 1888. Стр. 334.

Анучинъ, Д. Кто вводитъ въ науку большія недоразумѣнія? Москва, 1888. Стр. 28.

Баронъ, проф. Система римскаго гражданскаго права. Перев. Л. Петражицкій. Вып. 1-й. Книга I: Общая часть. Вып. 2-й. — Книга II: Владѣніе. — Книга III: Вещныя права. Кіевъ, 1888. Стр. 168—114. Ц. обоихъ выпусковъ 2 р. 50 к.

Башикирцева, М. Изъ дневника. Съ франц. перев. К. Плавинскій. Спб., 1888. Стр. 126. Ц. 1 р. 25 к.

Березинъ, В. П. Сочиненія. Т. II и III: Романы, повѣсти и разсказы. Спб., 1888. Стр. 527 и 402. Ц. 5 р.

Бутковский, Н. О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата (практическія замѣтки командира роты). Т. II. Спб., 1888. Стр. 140. Ц. 85 к.

Веберъ, Гейнрихъ. Популярныя лекціи о гальваническомъ токѣ и его примѣненіяхъ, съ прибавл. лекціи о „вѣчномъ движеніи“. Перев. съ нѣм. Н. С. Дрентельнъ, съ 86 рис. въ текстѣ. Спб. 1888. Стр. 153. Ц. 1 р. 20 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. X. Перев. Андреевъ. Москва, 1888. Стр. 501. Ц. 4 р.

Венеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 13-й. Спб., 1888. Стр. 46. Ц. 35 к.

Винаверъ, М. Изслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права XIII-го вѣка, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ. Варшава, 1888. Стр. 254. Ц. 2 р.

Витевскій, В. Н. И. И. Неплюевъ въ Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Вып. 1-й. Казань, 1889. Стр. 176. Ц. 1 р. 60 к.

Гилларовъ, А. Н. Греческіе софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общею политическою и культурною исторіей Греціи. Критическое изслѣдованіе. Москва, 1888. Стр. 207. Ц. 2 р.

Дамскій, А. В. Равенство химическихъ превращеній. Повторительный курсъ по неорганической химіи. Спб., 1888. Стр. 136. Ц. 1 р.

Засодимскій, П. Бывальщины и сказки. Спб. 1888. Стр. 243.

Картевь, Н. Историческій очеркъ польскаго сейма. Москва, 1888. Стр. 162.

Ц. 1 р.

Козловъ, А. А. Свое слово. Философско-литерат. сборникъ. № 1-й. Кіевъ, 1888. Стр. 144. Ц. 2 р.

Колесникъ-Кулевичъ, М. О противопожарныхъ средствахъ. Динабургъ, 1888. Стр. 84. Ц. 70 к.

Колловичъ, М. М. Повѣсти и рассказы. Спб., 1888. Стр. 160. Ц. 1 р.

Леманъ, Анат. Рассказы. Спб., 1888. Стр. 229. Ц. 80 к.

Мамшиевскій, И. Сказаніе о посѣщеніи русской страны св. ап. Андреемъ. Кіевъ, 1888. Стр. 51.

— Рѣчь, сказанная въ торжественномъ собраніи кіевской духовной академіи 14-го іюля 1888 г., по случаю исполнившагося девятисотлѣтія со времени крещенія Руси. Кіевъ, 1888. 16 стр.

Мей, Л. А. Полное собраніе сочиненій. Въ пяти томахъ. Съ портретомъ автора. Спб., 1887. Цѣна за пять томовъ 12 р. 50 к. Каждый томъ отдѣльно 3 руб.

Оржешко, Элиза. Миртала. Историч. повѣсть. Перев. съ польскаго А. И. Онуфровича. Спб., 1888. Стр. 239. Ц. 1 р. 25 к.

Осокинъ, Н. А. Исторія среднихъ вѣковъ, съ приложеніемъ очерка средне-вѣковой историографіи. Т. I (до XIII ст.). Казань, 1888. Стр. 608, 115 и XXXI. Ц. 3 р. 50 к.

— Общая генеалогическая таблица Каролинговъ. Казань, 1888.

Панаевъ, И. И. Полное собраніе сочиненій. Т. VI. Спб., 1888. Стр. 419.

Пшенинъ, А. Н. Для любителей книжной старины. М., 1888. Стр. 74. Ц. 1 р.

Скадовскій, Г. Отвѣтъ на отзывъ г. Мечникова о бѣлозерской прививкѣ сибирской язви. Одесса, 1888. Стр. 34.

Скальковскій. Новыя путевыя впечатлѣнія. Спб., 1889. Стр. 286.

Снѣжинъ, О. Е. Инна, романъ. Спб., 1888. Стр. 387. Ц. 1 р.

Станюковичъ, К. М. (М. Костинъ). Морскіе рассказы. Спб., 1888. Стран. 287. Ц. 1 р. 50 к.

Сокальскій, П. П. Русская народная музыка. Харьковъ, 1888. VII, 368. Ц. 3 р.

Толстой, гр. А. Е. Полное собраніе стихотвореній, въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора. Спб., 1888. Стр. 366 и 331. Ц. 3 р.

Уоллесъ, Льюисъ. Во время оно. Историч. романъ (Ben-Hur). Спб., 1888. Стр. 496. Ц. 1 р. 50 к.

Ферриери, Пю. Лекціи по теоріи искусства вообще и поэзіи въ частности. Пер. съ итальянскаго В. А. Яковлева. Спб., 1888. Стр. 101. Ц. 75 к.

Цертелевъ, кн. Д. Н. Свобода и либерализмъ. М., 1888. Стр. 107. Ц. 50 к.

— *Чюмина, О. Н. (Михайлова).* Стихотворенія. 1884—88. Спб., 1888. Стр. 346.

Шмурло, Е. Библиографическій списокъ литературныхъ трудовъ кіевского митрополита, Евгенія Болховитинова. Вып. 1-й. Спб., 1888. Стр. 76. Ц. 40 к.

— Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы его жизни. 1767—1804. Спб., 1888. Стр. 455. Ц. 2 р.

— Извѣстія Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству. Вып. XXX. Москва, 1888. Стр. 163.]

— Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ таврической губерніи за 1887 г. Составленъ директоромъ народныхъ училищъ. Съ приложеніемъ краткой исторической записки В. Штейна объ евпаторійскомъ уѣздномъ училищѣ съ 1852 по 1887 г. Бердянскъ, 1888. Стр. 178.

- Отчетъ Маріинскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ, за 1887 г. Спб., 1888. Стр. 109 и 27.
- Отчетъ Общества для распространенія св. писанія въ Россіи, за 1887 г. Спб., 1888. Стр. 88.
- Отчетъ по саратовскому учебно-исправительному пріюту за 1887 годъ. Саратовъ, 1888. Стр. 31.
- Протоколы Петровскаго общества изслѣдователей астраханскаго края, съ 1874—1887 г. Астрахань, 1888. Стр. 164.
- за январь—апрѣль 1888 года. Астрахань, 1888. Стр. 44.
- Сельскій календарь на 1889 годъ. Спб., 1889. Стр. 162. Ц. 20 к.
- Уставъ русскаго литературнаго Общества. Спб., 1888. Стр. 18.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го ноября 1888.

Желѣзнодорожная катастрофа 17-го октября. — Постепенное оскуднѣніе историко-филологическаго факультета и вѣроятныя причины того. — Программа испытаній въ историко-филологической комиссіи. — Послѣдніе отчеты петербургскаго университета. — Кое-что о церковно-приходскихъ школахъ. — Новая теорія „необходимой обороны“. — Юбилей г. Шеллера (Михайлова).

Катастрофа 17-го октября, постигшая царскій поѣздъ, на обратномъ его пути въ Петербургъ, вблизи г. Харькова, грозила безпримѣрнымъ всеобщимъ бѣдствіемъ, какое только могло обрушиться на насъ; она останется надолго въ памяти, и притомъ не однихъ тѣхъ, кому пришлось быть ея физически или душевно пострадавшими очевидцами. Размѣры и глубина угрожавшаго въ тотъ день рокового бѣдствія живо представлялись и представляются каждому вполне ясно; но только по одной безграничной всенародной радости, при извѣстии о спасеніи жизни Государя Императора и Государыни Императрицы, а также Государя Наслѣдника и всей царской Семьи, можно было судить и о томъ безпредѣльномъ ужасѣ, какимъ былъ бы объять весь народъ, еслибы первая и тяжкая случайность, искомая въ настоящее время и приведшая къ катастрофѣ, — не была парализована въ самую рѣшительную минуту, или, вѣрнѣе сказать, въ послѣднее мгновеніе ока, — другою, необыкновенно счастливою случайностью — уклоненіемъ въ сторону вагона, непосредственно слѣдовавшаго за тѣмъ, гдѣ собралась въ моментъ катастрофы вся царская Семья, за исключеніемъ одной шестилѣтней дочери Государя Императора, великой княжны Ольги Александровны: она находилась именно въ томъ ближайшемъ вагонѣ, который весьма счастливо и вовремя уклонился въ сторону, какъ о томъ сообщалось въ первыхъ газетныхъ описаніяхъ катастрофы, всѣмъ уже хорошо извѣстныхъ. Начатое слѣдствіе, надобно надѣяться, скоро возобновитъ все проис-

шедшее 17-го октября въ его послѣдовательной и причинной связи, и тогда только явится возможность правильно судить о настоящемъ значеніи первой случайности, повлекшей за собою такую ужасную катастрофу, а пока—можно только безусловно и беззавѣтно предаваться радости по поводу другой,—остановившей такъ счастливо и своевременно размѣры самой катастрофы!..

Мы говорили недавно о крайней недостаточности свѣта, проникающаго въ область нашего учебнаго міра. Оффиціальныя данныя, относящіяся къ этой области, публикуются во всеобщее свѣденіе рѣдко и поздно. Слишкомъ годъ тому назадъ, напримѣръ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ были помѣщены извлеченія изъ отчета министерства народнаго просвѣщенія еще за 1884 годъ; всѣ дальнѣйшіе отчеты, особенно интересные въ виду введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, до сихъ поръ остаются вовсе необнародованными. Отчеты отдѣльныхъ университетовъ печатаются, быть можетъ, и своевременно, но не поступаютъ въ продажу и не для всякаго доступны. И въ министерскихъ отчетахъ (насколько они оглашены въ печати), и въ университетскихъ, можно найти, притомъ, далеко не все то, что необходимо для полнаго изученія предмета. Въ министерскомъ отчетѣ за 1884 г. не означено, напримѣръ, ни число студентовъ въ каждомъ университетѣ (за исключеніемъ двухъ—варшавскаго и дерптскаго), ни распредѣленіе ихъ между курсами. Отчеты петербургскаго университета, съ которыми намъ удалось познакомиться за послѣднія шесть лѣтъ (1882—87), состояются, къ сожалѣнію, не по одному, разъ навсегда установленному, образцу, которымъ бы обнимались всѣ стороны дѣла. Въ однихъ отчетахъ число студентовъ показано отдѣльно по каждому курсу cadaго факультета, въ другихъ—по каждому курсу, безъ различія факультетовъ, и по каждому факультету, безъ различія курсовъ; въ третьихъ вовсе нѣтъ свѣденій, приуроченныхъ къ курсамъ (или семестрамъ). Понятно, до какой степени это затрудняетъ пользованіе отчетами, съ цѣлью выясненія того или другого отдѣльнаго вопроса. Мы хотѣли прослѣдить вліяніе новыхъ порядковъ, хотя бы по отношенію къ одному историко-филологическому факультету петербургскаго университета,—но въ виду вышеуказанной системы (или, лучше сказать, отсутствія системы) составленія отчетовъ, это оказалось возможнымъ только отчасти. Наибольшую полноту отличаются отчеты за 1882 и 1883 г.; позже—т.-е. именно тогда, когда полнота становится особенно желательною—она постепенно уменьшается. Въ 1882 г. всѣхъ студентовъ въ петербургскомъ университетѣ было 2.052, и изъ нихъ на долю историко-филологическаго факультета приходилось 227 (11, 06%); въ 1883 г.—2.246 и 253 (11, 26%); въ 1884 г.—2.282 и 263 (11, 56%); въ 1885 г.—

2.280 и 252 (11, 05%); въ 1886 г.—2.525 и 224 (8, 77%); въ 1887 г.—2.053 и 184 (8, 96%). Эти цифры уже сами по себѣ весьма характеристичны. До введенія въ дѣйствіе университетскаго устава. число студентовъ на историко-филологическомъ факультетѣ растетъ и абсолютно, и относительно; въ 1885 г., вслѣдъ за обнародованіемъ правилъ объ экзаменныхъ требованіяхъ, повышение уступаетъ мѣсто небольшому пониженію; въ 1886 и 1887 г., когда значеніе нововведеній успѣло уже обнаружиться съ достаточною ясностью, пониженіе становится быстрымъ, и если въ 1887 г. *относительная* цифра студентовъ-филологовъ чуть-чуть больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, то это зависитъ только отъ громаднаго паденія общей цифры студентовъ. Чрезвычайно важно было бы, конечно, дополнить только-что приведенныя нами данныя свѣденіями о распредѣленіи студентовъ-филологовъ, за шесть лѣтъ, по курсамъ или семестрамъ, но этому мѣшаетъ указанная нами неполнота бѣльшей части отчетовъ. Въ 1882 г. изъ 227 студентовъ-филологовъ на первомъ курсѣ были 81; на второмъ—59; на третьемъ—41; на четвертомъ—46; въ 1883 г. изъ 253 студентовъ-филологовъ на первомъ курсѣ было 107; на второмъ—60; на третьемъ—51; на четвертомъ—35. Позднѣйшіе отчеты намъ ничего на этотъ счетъ не сообщаютъ; но если принять во вниманіе, что въ 1886 г. окончило курсъ по историко-филологическому факультету 37 лицъ (изъ 81, бывшихъ за четыре года передъ тѣмъ на первомъ курсѣ), въ 1887 г.—50 (изъ 107), то мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что на высшихъ курсахъ студентовъ-филологовъ по прежнему вдвое или слишкомъ вдвое меньше, чѣмъ на низшихъ. Между тѣмъ въ текущемъ 1888 году число студентовъ, вступившихъ на историко-филологическій факультетъ, не превышаетъ, какъ мы слышали, *тридцати одного*; можно предположить, слѣдовательно, что изъ нихъ окончатъ курсъ человѣкъ пятнадцать или еще меньше. Такое положеніе дѣлъ кажется намъ до крайности ненормальнымъ. Въ петербургскомъ университетѣ училось, въ 1884 г., нѣсколько меньше одной пятой (18,85%) общаго числа студентовъ; такая же, приблизительно, пропорція существовала тогда между студентами-филологами петербургскаго университета и всѣхъ прочихъ. Если предположить, что отношенія эти не измѣнились, то можно ожидать, что въ 1892 г. во *всѣхъ* русскихъ университетахъ окончатъ курсъ, по историко-филологическому факультету, отъ 75 до 80 студентовъ. Цифра эта едва ли возрастетъ до сотни, если прибавить къ ней оканчивающихъ курсъ въ своихъ историко-филологическихъ факультетахъ (петербургскомъ и нѣжинскомъ). На всю Россію сто человѣкъ, оканчивающихъ въ годъ, курсъ историко-филологическихъ наукъ—это, можно сказать, безъ преувеличенія, странно мало, въ особенности, если принять въ соображеніе, что бѣльшая часть этой цифры должна пасть на долю

разныхъ специальностей, и только меньшая—на долю общаго образованія. Словесныя науки и прежде обрѣтались у насъ не въ авантажѣ, сравнительно съ точными. Въ германскихъ университетахъ число изучающихъ филологію и исторію значительно превышало и превышаетъ число изучающихъ математику и естественныя науки (хотя съ теченіемъ времени пропорція и становится болѣе благоприятной для послѣднихъ); у насъ число студентовъ физико-математическаго факультета и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ было гораздо больше, чѣмъ число студентовъ историко-филологическаго факультета ¹⁾. А между тѣмъ историко-филологическому факультету слѣдовало бы служить у насъ, какъ въ Германіи, разсадникомъ не однихъ только специалистовъ, но и общеобразованныхъ людей, въ которыхъ Россія все еще чувствуетъ большой недостатокъ. Сюда должны были бы по преимуществу стеваться тѣ, кто видитъ въ знаніи не одно только обезпеченіе матеріальнаго существованія, и въ университетскомъ курсѣ—не одно только необходимое условіе для выбора профессіи. Теперь молодой человѣкъ, не имѣющій призванія ни къ математикѣ (съ прикладными науками), ни къ естествознанію, ни къ медицинѣ, поступаетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, на юридическій факультетъ. Въ 1882 г. студентовъ-юристовъ въ петербургскомъ университетѣ числилось 805 (39, 23% общаго числа студентовъ); въ 1883 г.—834 (37, 13%); въ 1884 г.—906 (39, 7%); въ 1885 г.—981 (43, 02%); въ 1886 г.—1170 (46, 34%); въ 1887 г.—1010 (49, 19%). Мы видимъ здѣсь нѣчто противоположное тому, что мы наблюдали въ историко-филологическомъ факультетѣ. До введенія въ дѣйствіе новаго устава число студентовъ-юристовъ, слабо повышаясь абсолютно, уменьшается относительно; въ годъ введенія въ дѣйствіе устава оно начинаетъ повышаться въ обоихъ отношеніяхъ, и это повышение становится особенно сильнымъ послѣ обнародованія экзаменныхъ требованій. *Относительно* оно продолжается даже въ 1887 г., при паденіи абсолютной цифры, вслѣдствіе общаго уменьшенія числа вступающихъ въ университетъ. Приписать это явленіе растущей потребности въ юристахъ никакъ нельзя. Въ юридической профессіи замѣтенъ скорѣе перевѣсъ предложенія надъ спросомъ; всѣ дороги загромождены чающими движеніями, масса молодыхъ людей подолгу остается безъ должности и безъ занятій. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что избытокъ учащихся на юридическомъ факультетѣ находится въ прямой связи съ оскудѣніемъ историко-филологическаго факультета. Оттапливаемые отъ послѣдняго, молодые люди идутъ на

¹⁾ Въ 1884 г., когда число студентовъ на историко-филологическомъ факультетѣ достигло высшей точки (268), на физико-математическомъ факультетѣ студентовъ было почти четверо больше (1037). Въ 1883 г. на 184 студента первой категоріи приходилось 677 второй, такъ что отношеніе осталось почти то же.

первый, именно вслѣдствіе того, что изученіе юридическихъ наукъ возможно безъ особой къ тому способности и охоты. Ущербъ для общества и государства получается здѣсь двоякій: распространяется механическое отношеніе къ знанію и уменьшается число лицъ, глубоко преданныхъ избранному ими дѣлу. Какъ источникъ общаго образованія, юридическія науки значительно уступаютъ словеснымъ; онѣ меньше расширяютъ умственный горизонтъ, меньше способствуютъ пониманію прошедшаго и настоящаго. Есть основаніе думать, что между молодыми людьми, поступающими *теперь* на историко-филологическій факультетъ, значительно большая часть рассчитываетъ на то, что нѣмцы называютъ Brotstudium. Кто стремится къ общему развитію, тотъ предпочитаетъ юридическій факультетъ—или, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, — въ естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета ¹⁾.

Причину указанныхъ нами явленій опредѣлить не трудно. Историко-филологическій факультетъ обращается все больше и больше въ специальную школу для изученія древнихъ языковъ; для всѣхъ другихъ предметовъ, составляющихъ главную его силу и главную его прелесть, остается все меньше и меньше мѣста. Мы говорили объ этомъ при разборѣ экзаменныхъ требованій, при разборѣ правилъ объ испытаніяхъ въ правительственныхъ комиссіяхъ ²⁾; теперь намъ приходится повторить то же самое по поводу обнародованныхъ недавно программъ испытанія въ комиссіи историко-филологической. Наши читатели припомнятъ, что къ общеобязательнымъ предметамъ историко-филологическаго факультета отнесено *только* все касающееся классическаго міра: классическая филологія, греческія и римскія государственныя древности, исторія греческой и римской литературы, исторія греческая и римская, греческая философія. Требованія по всѣмъ этимъ предметамъ безусловно одинаковы для всѣхъ испытуемыхъ, какая бы ими ни была избрана спеціальность, и чѣмъ бы они ни предполагали заняться по окончаніи курса. Присмотримся поближе

¹⁾ Замѣчательно, что со времени введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, и въ особенности со времени обнародованія экзаменныхъ требованій, уменьшается не только число студентовъ-филологовъ, но и число студентовъ-естественниковъ. Въ 1882, 1883 и 1884 г. естественниковъ было больше, чѣмъ математиковъ; съ 1885 г. наблюдается обратное отношеніе. Математиковъ было въ 1882 г.—448; въ 1883 г.—534; въ 1884 г.—485; въ 1885 г.—531; въ 1886 г.—618; въ 1887 г.—439; естественниковъ, въ тѣ же годы, было 529, 568, 552, 437, 426 и 298. Объясненіе этого факта не входитъ въ составъ задачи, которою мы теперь заняты; замѣтимъ только, мимоходомъ, что нѣкоторую роль здѣсь, вѣроятно, играетъ желаніе скорѣе кончить съ университетомъ и избѣжать экзамена въ правительственной комиссіи (многіе математики переходятъ, со второго или третьяго курса, въ институтъ инженеровъ путей сообщенія).

²⁾ См. Обществ. Хронику въ № 10 „Вѣстника Европы“ за 1885 г. и Внутр. Обзоръ въ № 10 за 1887 г.

къ содержанію и объему требованій. „*Интерпретація греческихъ и римскихъ авторовъ*—таковы первыя слова программы—*составляетъ главное основаніе всего историко-филологическаго испытанія*“. Каждый испытуемый долженъ „обнаружить начитанность“ преимущественно въ четырехъ авторахъ—двухъ латинскихъ и двухъ греческихъ, двухъ поэтахъ и двухъ прозаикахъ, заранее имъ избранныхъ. Одинъ авторъ, по каждому языку, долженъ принадлежать къ числу тѣхъ, которые читаются въ старшихъ классахъ гимназій. Въ знаніи этихъ авторовъ устанавливаются различныя степени. Нѣкоторые ихъ сочиненія (или части сочиненій) должны быть предметомъ „особенно тщательнаго, всесторонняго изученія“; здѣсь испытуемый долженъ доказать, что „ему извѣстны основанія и приемы филологической критики и экзегетики“. Для письменнаго истолкованія избираются отрывки именно изъ этихъ, специально разработанныхъ испытуемымъ сочиненій; съ нихъ же начинается и устное испытаніе, но потомъ оно переходитъ къ другимъ сочиненіямъ тѣхъ же авторовъ и заканчивается, по усмотрѣнію комиссіи, „переводомъ и истолкованіемъ текстовъ изъ другихъ авторовъ“. Предлагаемые тексты, откуда бы они ни были взяты, испытуемый долженъ объяснять со стороны грамматики (латинскіе, сверхъ того, и со стороны стилистики, поэтическіе—со стороны метрики), исторіи литературы, древностей и міеологіи. При объясненіи произведеній Гомера, Геродота и лирическихъ мѣстъ греческихъ трагедій испытуемый долженъ уметь объяснять особенности древне-греческихъ діалектовъ сравнительно съ аттическимъ. По отношенію ко всѣмъ авторамъ, читаемымъ въ гимназіяхъ, обязательно знаніе лучшихъ ихъ изданій и знакомство съ выдающимися о нихъ учеными трудами. Впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ требованій—если забыть на минуту о ихъ общеобязательности—получается такое, что они установлены исключительно для людей, посвятившихъ себя всецѣло классической филологіи, для будущихъ учителей или профессоровъ древнихъ языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не чѣмъ-то безусловно спеціальнымъ отзываются эти концентрическіе круги, къ которымъ приурочиваются знанія испытуемыхъ; сначала кругъ наименьшій—одно сочиненіе или часть сочиненія, потомъ кругъ съ большимъ радіусомъ—всѣ сочиненія одного автора (или значительная ихъ часть, если онъ написалъ очень много); наконецъ, кругъ самый обширный—всѣ вообще классическіе автсры. Именно такими слоями располагаются сами собою, даже безъ всякаго вѣшняго побужденія, знанія спеціалиста. Историкъ, напримѣръ, не можетъ не быть знакомъ со всею областью исторіи, но онъ чувствуетъ себя особенно привольно въ одномъ или нѣсколькихъ ея отдѣлахъ, а въ личную свою собственность отмежевываетъ пространство еще болѣе тѣсное. Свѣденія спеціалиста—хотя бы онъ былъ еще спеціалистомъ начи-

нающимъ, специалистомъ en herbe, можно повѣрить съ помощью тѣхъ приемовъ, которые предписываются программой, но *именно и только* свѣденія *специалиста*. Какъ только извѣстный предметъ является, для даннаго лица, не главнымъ, не центральнымъ, не сосредоточивающимъ на себѣ его помыслы и вкусы, изученіе этого предмета невольно принимаетъ другой характеръ, которому долженъ соответствовать и другой способъ повѣрки знаній. Нельзя быть специалистомъ по двумъ разнороднымъ предметамъ (не говоримъ объ исключеніяхъ, крайне рѣдкихъ и только подтверждающихъ правило); нельзя проникнуть одинаково далеко и глубоко въ двѣ сферы, даже не сопредѣльныя между собою. Будущій специалистъ по исторіи, по литературѣ, по языкознанію, по философіи (а подготовка такихъ специалистовъ несомнѣнно составляетъ одну изъ задачъ историко-филологическаго факультета) не можетъ быть въ то же время специалистомъ по классической филологіи. Одно изъ двухъ: или обязательная специальность помѣшаетъ развиваться добровольно-избранной, и молодой человѣкъ выйдетъ изъ университета недостаточно подготовленнымъ къ дѣятельности, для которой онъ себя предназначилъ; или добровольно-выбранная специальность возьметъ верхъ надъ обязательною, и тогда развѣ счастливый случай сдѣлаетъ возможнымъ успешное окончаніе испытанія.

Замѣтимъ, что требованія программы весьма высоки и по такъ-называемымъ дополнительнымъ предметамъ. Послѣдніе раздѣлены, какъ извѣстно, на двѣ группы, выборъ между которыми предоставленъ усмотрѣнію учащагося. Къ первой группѣ принадлежитъ сравнительное языковѣденіе, санскритскій языкъ, славянское языкознаніе, русскій языкъ, русская литература, исторія западно-европейскихъ литературъ; во второй — всеобщая исторія, русская исторія, исторія славянскихъ народовъ, исторія христіанской церкви. Къ избранному первую группу программа предъявляетъ, между прочимъ, слѣдующія требованія: онъ долженъ хорошо знать одинъ изъ эпизодовъ „Махабхараты“ или нѣсколько разсказовъ „Хитопадесы“; онъ долженъ уметь переводить легкіе отрывки съ одного изъ западно-славянскихъ и съ одного изъ южно-славянскихъ нарѣчій, имъ самимъ избранныхъ; онъ долженъ тщательно изучить какой-либо изъ главныхъ памятниковъ древней русской литературы или русской письменности (со стороны языка); онъ долженъ познакомиться въ подлинникъ съ однимъ изъ величайшихъ произведеній западно-европейскихъ литературъ. Избравшій вторую группу долженъ доказать, что занимался специально или исторіей Востока, или исторіей среднихъ вѣковъ, или новой исторіей. Если онъ избралъ среднюю исторію, — приводимъ этотъ случай въ видѣ примѣра, — онъ долженъ обстоятельно изучить одинъ изъ выдающихся средневѣковыхъ источниковъ, въ связи съ новѣйшей лите-

ратурой и исторіей эпохи, имѣтъ хоть общее знакомство съ ходомъ научной разработки средневѣковыхъ источниковъ и съ характеромъ главныхъ по этой части изданій, и знать важнѣйшія мѣтнія, существующія въ наукѣ по тому или другому крупному вопросу средневѣковой исторіи. По русской исторіи требуется „болѣе обстоятельное знаніе одной изъ ея эпохъ, при непосредственномъ знакомствѣ съ главными источниками“; по исторіи славянскихъ народовъ— „болѣе обстоятельное знакомство“ съ исторіей одного изъ нихъ; по исторіи христіанской церкви— „болѣе близкое знакомство съ одною изъ эпохъ ея“. Итакъ, спеціализація занятій обязательна, до извѣстной степени, въ каждомъ изъ дополнительныхъ предметовъ; тѣмъ труднѣе совмѣстить съ нею еще гораздо болѣешую спеціализацію въ области классической филологіи. Не странно ли, что отъ будущаго учителя русской словесности требуется „обстоятельное знаніе“ только *одного* памятника древне-русской литературы и *четыре*хъ древнихъ авторовъ? Не странно ли, что будущій учитель исторіи можетъ вовсе не изучать ни русскую, ни западно-европейскія литературы, но долженъ знать Арата, Бобрія и Нонна, Симмаха, Макробія и Пристіана? Еще болѣе бросается въ глаза *внутреннее* различіе между спеціализаціей въ примѣненіи къ классической филологіи и спеціализаціей въ примѣненіи къ другимъ предметамъ. Последняя не идетъ дальше болѣе подробнаго, сравнительно, изученія одного нарѣчія, одной эпохи, одного писателя; она не вдается въ мелочи, не останавливается на пунктахъ наиболѣе трудныхъ, не требуетъ отъ cadaго усилій, возможныхъ только для меньшинства. Совершенно иною является спеціализація въ области классической филологіи. Здѣсь идетъ рѣчь уже не о томъ, чтобы приобрѣсти, на ограниченномъ и именно потому хорошо изслѣдованномъ опытномъ полѣ, ясное пониманіе извѣстной науки и умѣнье владѣть свойственными ей выработанными ею приемами; здѣсь требуется *мастерство*, хотя бы вполнѣдствіи времени и не пришлось ни разу пустить его въ дѣло. Мы понимаемъ, что будущему руководителю суконной фабрики весьма полезно познакомиться, въ главныхъ чертахъ, съ способами производства, принятыми въ другихъ отрасляхъ мануфактурной промышленности; но мы не думаемъ, чтобы ему необходимо было изучить во всѣхъ деталяхъ приготовленіе мыла или писчей бумаги. Мы понимаемъ, что будущему историку Россіи или западной Европы весьма полезно читать въ подлинникъ лучшихъ древнихъ авторовъ; но мы не думаемъ, чтобы ему нужно было знать особенности древне-греческихъ діалектовъ, сравнительно съ аттическимъ, или различіе между ферекратаями и дохміями. Уменьшить число лицъ, вступающихъ на историко-филологическій факультетъ, программа испытаній въ историко-филологической комиссіи (въ связи съ экзаменными требованіями и съ

правилами о зачетѣ полугодій) неизбежно должна по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что она значительно затрудняетъ успѣшное окончаніе ученія; во-вторыхъ, потому, что она заставляетъ *есть* посвящать болѣшую часть своего времени предмету интересному для *немногихъ*. Положеніе дѣлъ, угрожающее весьма печальными послѣдствіями для русскаго образованія, создано не университетскимъ уставомъ, а дополненіями къ нему, исходящими отъ министерства народнаго просвѣщенія; отъ него, слѣдовательно, зависитъ и перемѣна къ лучшему. Будемъ надѣяться, что въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, не останется безплодной недавняя поѣздка министра въ Москву, Казань, Харьковъ, Кіевъ и Одессу.

Возвратимся къ отчетамъ петербургскаго университета. Недостатокъ прочной системы чувствуется не только по вопросу о распределеніи студентовъ между курсами или семестрами, но и по многимъ другимъ. Такъ, напримѣръ, не во всѣхъ отчетахъ содержатся свѣденія о происхожденіи и вѣроисповѣданіи студентовъ, а также о числѣ студентовъ, освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій, о числѣ студентовъ, перешедшихъ съ курса на курсъ или не выдержавшихъ испытанія. Свѣденія о происхожденіи студентовъ имѣются только въ трехъ отчетахъ (1884, 1886 и 1887 г.). Въ 1884 г. дѣтей дворянъ и чиновниковъ было между студентами 1.338 (58,64%); происходящихъ изъ духовнаго званія—183 (8,02%); изъ прочихъ сословій—761 (33,34%). Въ отчетахъ за 1886 и 1887 г. свѣденія о происхожденіи студентовъ отличаются нѣсколько болѣшею специализаціей; рубрика: „прочія сословія“—раздѣлена на нѣсколько отдѣльныхъ частей. На первомъ мѣстѣ по прежнему стоятъ дѣти дворянъ и чиновниковъ, которыхъ въ 1886 г. было 1.389 (55,01%); въ 1887 г.—1.183 (57,62%); духовному званію принадлежали въ 1886 г. 195 студентовъ (7,72%); въ 1887 г.—141 (6,87%); къ крестьянскому сословію—90 (3,56%) и 94 (4,58%); къ иностранцамъ 20 (0,79%) и 18 (0,88%). Остальныя двѣ рубрики именуются въ обоихъ отчетахъ неодинаково, вслѣдствіе чего нельзя утверждать, что подъ ними разумѣется одно и то же. Въ отчетѣ за 1886 г. идетъ рѣчь, съ одной стороны, о сыновьяхъ почетныхъ гражданъ и купцовъ, съ другой—о сыновьяхъ мѣщанъ и разночинцевъ; въ отчетѣ за 1887 г. соответствующія двѣ группы названы такъ: „сыновья почетныхъ гражданъ и купцовъ первой гильдіи“ и „сыновья купцовъ второй гильдіи, мѣщанъ и ремесленниковъ“. Цифры, относящіяся къ этимъ группамъ: въ 1886 г.—336 (13,31%) и 495 (19,61%); въ 1887 г.—226 (11,01%) и 391 (19,04%). Причисляя къ привилегированнымъ классамъ, кромѣ дворянъ и чиновниковъ, духовенства, купечества и почетныхъ гражданъ, мы получимъ для 1886 г. общую цифру 1.920

(76,04%); для 1887 г.—1.550 (75,5%). Другими словами, лица привилегированных классовъ составляли и въ 1886, и въ 1887 г. болѣе *трети четвертой* общаго числа студентовъ. Во что обращаются, въ виду этихъ цифръ, вопли о демократизаціи нашихъ университетовъ? Процентное отношеніе студентовъ, принадлежащихъ къ дворянской и чиновнической средѣ, остается, притомъ, почти неизмѣннымъ; въ 1886 году оно немного ниже, чѣмъ въ 1884-мъ, но въ 1887 г. опять повышается почти до прежняго уровня. Мало измѣняется и число студентовъ-иновѣрцевъ, сравнительно съ православными: послѣднихъ за четырехлѣтіе съ 1884 по 1887 г. было отъ 68 до 65³/₄% (въ 1887 г.—67,02%). Процентное отношеніе евреевъ, ни разу не поднимавшееся до 12%, понизилось въ 1887 г. до 10,42%. Число студентовъ, освобождаемыхъ отъ платы за ученіе, колеблется весьма сильно, но вообще клонится къ пониженію. Въ 1882 г. ихъ было, въ среднемъ выводѣ за оба полугодія, 522 (около 25¹/₂%); въ 1883 г.—470 (менѣе 21%); въ 1884 г. 412 (около 18%); въ 1886 г.¹⁾—495 (почти 20%); въ 1887 г.—356 (около 17¹/₂%, о). Въ отчетѣ за 1887 г. интересны свѣденія о 316 студентахъ, выбывшихъ изъ университета до окончанія курса. Исключено, согласно предложеніямъ министра народнаго просвѣщенія, 93 студента (72—въ іюлѣ, 21—въ декабрѣ); уволено, на основаніи такихъ же предложеній, 79 студентовъ (56—въ іюлѣ, 23—въ декабрѣ); уволены по постановленію правленія: за невзносъ платы—24; уволены вслѣдствіе обвиненія въ государственномъ преступленіи—17; выбыли изъ университета по разнымъ причинамъ—103. Изъ числа исключенныхъ и уволенныхъ по предложеніямъ министра вновь приняты въ петербургскій университетъ—17, въ другіе университеты—43; неотмѣненной карательная мѣра осталась, слѣдовательно, для 112 студентовъ. Изъ числа уволенныхъ за невзносъ платы принято обратно 15, т.-е. больше половины.

Когда, года два или три тому назадъ, въ земской средѣ въ первый разъ проявилось стремленіе сбросить съ себя дальнѣйшую заботу о народномъ образованіи, передавъ ее, съ возможно болѣею экономіей для земства, приходскому духовенству, однимъ изъ первыхъ—и немногихъ—собраній, въ которыхъ это стремленіе увѣнчалось нѣкоторымъ успѣхомъ, было вольское, въ саратовской губерніи. Двадцать-девять земскихъ школъ были обращены въ церковно-приходскія, съ условіемъ содержанія ихъ въ прежнемъ видѣ и съ назначеніемъ пособія изъ земскихъ суммъ по 5.000 рублей въ годъ (т.-е., среднимъ числомъ, по 172 рубля на школу). Что же изъ этого

¹⁾ За 1886 г. свѣденій въ отчетѣ нѣтъ.

вышло? Вотъ что мы читаемъ въ отчетѣ о засѣданіи вольскаго уѣднаго земскаго собранія, происходившемъ 22-го минувшаго сентября („Саратовскій Листокъ“, № 204): „Гласный Сенотовъ заявилъ, что хотя расходъ въ пять тысячъ рублей для земства теперь и обязательнъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не констатировать тотъ фактъ, что большинство изъ 29 церковно-приходскихъ школъ, прежде бывшихъ земскими, существуютъ, къ сожалѣнію, только на бумагѣ; обученіе въ нихъ или вовсе не производится, или же очень плохо и неаккуратно, такъ что населеніе остается фактически безъ школъ. То же самое подтвердилъ гласный Фроловъ (бывшій предводитель дворянства), добавивъ, что священники, въ силу лежащихъ на нихъ обязанностей, и не могутъ заниматься въ школахъ, по недостатку времени. Поэтому гласный Фроловъ полагалъ, что земству нужно вернуться къ прежнему порядку, открывая постепенно земскія школы рядомъ съ церковно-приходскими“. Приведенныхъ двумя гласными фактовъ никто, повидимому, не отрицалъ; гласный Столыпинъ выразилъ только надежду, что дѣло надвора за церковно-приходскими школами пойдетъ успѣшнѣе, когда будетъ открыто уѣздное отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта. О допущеніи въ это отдѣленіе членовъ отъ земства собраніе постановило ходатайствовать предъ епархіальнымъ начальствомъ, а вопросъ объ открытіи вновь земскихъ школъ переданъ въ особую комиссію. Нужно надѣяться, что примѣръ вольскаго земства послужитъ предостереженіемъ для другихъ земскихъ собраній. Пускай земство поддерживаетъ, насколько можетъ, церковно-приходскія школы; но зачѣмъ же ограничивать добровольно сферу своей дѣятельности, зачѣмъ отказываться отъ драгоценнаго права, широкое пользованіе которымъ составляло до сихъ поръ главную заслугу земскихъ учреждений?

Односторонніе приверженцы церковно-приходской школы не перестаютъ утверждать, что она, и только она одна, удовлетворяетъ потребностямъ и желаніямъ народа. Въ этомъ смыслѣ объясняется всякое пожертвованіе на пользу церковно-приходской школы, всякое содѣйствіе, встрѣчаемое ею со стороны частныхъ лицъ, и въ особенности со стороны крестьянъ. Упускается тутъ изъ виду только одно—что такое содѣйствіе давно уже, и въ громадныхъ размѣрахъ, оказывается земской свѣтской школѣ, оказывается ей и теперь, когда существуетъ рядомъ съ нею церковно-приходская школа. Приведемъ этому одинъ примѣръ, весьма наглядный. 11-го минувшаго сентября въ селѣ Синенькихъ, саратовскаго уѣзда, торжественно открыто новое школьное зданіе, построенное на средства синенькихъ крестьянъ, безъ всякаго пособія отъ земства. Всего больше способствовалъ этому, по словамъ „Саратовскаго Листка“ (№ 199), попечитель школы, *крестьянинъ* Рже-нинъ. Чтобы достигнуть цѣли, ему нужно было вести энергическую

борьбу съ несочувствовавшими и боявшимися расходовъ крестьянами. Добиться ихъ согласія на постройку школы можно было только благодаря особому довѣрію, которымъ Ржехинъ давно пользуется между крестьянами. Такую же борьбу, если не большую, пришлось выдержать Ржехину, года два тому назадъ, при открытіи земской школы въ деревнѣ Широкомъ-Буеракѣ, гдѣ онъ также состоитъ попечителемъ. Тутъ онъ уже прямо пожертвовалъ значительную сумму, а остальные деньги, необходимыя для открытія школы, ссудилъ крестьянамъ. Еслибы Ржехинъ трудился такимъ образомъ для церковно-приходскихъ школъ, его труды навѣрное были бы внесены въ активъ этой формы начального обученія; мы не видимъ причины, почему нельзя сдѣлать того же самаго по отношенію къ земской школѣ.

Одно изъ самыхъ крупныхъ достоинствъ и одна изъ самыхъ великихъ заслугъ земской школы—это гуманность созданной ею школьной дисциплины. Она сѣмѣла упразднить тѣлесныя наказанія, сѣмѣла сдѣлать ученье не каторгой, къ которой нужно принуждать, а занятіемъ, къ которому можно пристраститься. Любопытно было бы знать, какіе порядки установились или устанавливаются, въ этомъ отношеніи, въ церковно-приходской школѣ. Преданія „часословной“ школы, какъ и традиціи бурсы, не благопріятствуютъ мягкому обращенію съ учениками. Старинные „педагогическіе приемы“, если вѣрить орловскому (вятской губерніи) корреспонденту „Недѣли“ (№ 41), практикуются даже законоучителемъ земской школы, надъ учениками, живущими у него на квартирѣ. Исключительный ли это фактъ, или перенесеніе обычаевъ одной сферы въ другую, сопредѣльную? Если вѣрить „Одесскому Вѣстнику“, въ одной изъ церковно-приходскихъ школъ города Херсона учительница ¹⁾ нанесла учащейся дѣвчкѣ жестокіе побои, причинившіе смерть. Болѣзнь дѣвочки продолжалась шесть недѣль, но предписаніе о разслѣдованіи дѣйствій учительницы было дано епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ только наканунѣ смертельнаго исхода болѣзни. „Очевидно,—говоритъ одесская газета,—епархіальный совѣтъ не особенно торопился раскрытіемъ этого вопіющаго дѣла, хотя учительница и была удалена отъ занятій въ школѣ. Нужно думать, что дѣлу будетъ данъ надлежащій ходъ и раскроется много изъ того, что дѣлается въ нашихъ, далеко не образцовыхъ, школахъ“. Конечно, звѣрскій поступокъ одной учительницы, если онъ и подтвердится слѣдствіемъ, не можетъ быть поставленъ въ вину цѣлой категоріи церковно-приходскихъ школъ; но самой лучшей гарантіи противъ подобныхъ ужасовъ несомнѣнно нужно искать въ та-

¹⁾ Учительница названа „Одесскимъ Вѣстникомъ“ и „Новымъ Временемъ“, откуда мы заимствуемъ это извѣстіе (№ 4590), по имени, но мы не хотимъ повторять его, все еще надѣясь, что ужасающее сообщеніе окажется несправедливымъ или хотя бы преувеличеннымъ.

кихъ школьныхъ правахъ, при которыхъ вовсе не могла бы развиваться склонность къ вулканной расправѣ. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, двадцатилѣтняя, слишкомъ, исторія земской школы не представляетъ, кажется, ни одного случая, аналогичнаго съ тѣмъ, о которомъ мы только-что упомянули. Значительно большая часть начальныхъ школъ находится въ глуши, внѣ постоянного контроля, среди населенія, привыкшаго къ „физическому воздействию“. Злоупотребленія всякою властью, въ томъ числѣ и учительскою, въ такой обстановкѣ особенно возможны и особенно опасны; тѣмъ важнѣе здѣсь правильная обстановка школьной дисциплины.

Было время, когда жизнь человѣка цѣнилась различно, смотря по сословію или званію. Къ этому времени очень охотно бы возвратились нѣкоторые органы нашей печати. Одно и то же дѣйствіе представляется ими то какъ величайшее изъ преступленій, заслуживающее смертной казни, то какъ несчастье, заслуживающее только страданія. Въ ярославской губерніи произошло недавно, по словамъ „Московского Листка“, слѣдующее событіе: одинъ изъ рабочихъ въ помѣстьѣ г. К. ¹⁾, выпивъ, по случаю деревенскаго праздника, нѣсколько лишнихъ рюмокъ водки, охмелѣлъ, сталъ бушевать и браниться передъ усальбой помѣщика. Помѣщикъ приказалъ другимъ рабочимъ удалить подгулявшаго; но тотъ, вырвавшись изъ ихъ рукъ, повторилъ передъ окномъ своего хозяина нѣсколько черезъ-чуръ энергическихъ фразъ. Тогда г. К. вышелъ на крыльцо съ револьверомъ и объявилъ во всеуслышаніе, что онъ хорошій стрѣлокъ. „Если не уйдешь отъ меня, негодяй, я застрѣлю тебя!“ — Не смѣешь, баринъ! — хвалился пьяненькій рабочий, но упалъ, не договоривъ фразы. Пуля попала ему въ лѣвый глазъ и убила его на-повалъ. Приведя этотъ разсказъ, петербургская реакціонная газета прибавляетъ къ нему такое замѣчаніе: „по всей вѣроятности, несчастному К. придется теперь плохо, а между тѣмъ что же ему было дѣлать, какъ ограждать себя и свою семью отъ всякихъ нагледцовъ у себя же дома?“ Мы вовсе не беремся судить о поступкѣ самого К.; у насъ нѣтъ для этого достаточныхъ данныхъ, да и дѣло находится, должно быть, въ судебномъ производствѣ. Намъ интересуется только новая теорія необходимой обороны, проводимая реакціонною газетою. И по нашему законодательству, и по иностраннымъ, и по здравому смыслу, необходимая оборона предполагаетъ, во-первыхъ, серьезную опасность, угрожающую жизни, здоровью, свободѣ или женской чести. Оказывается, что наравнѣ съ этими высшими благами слѣдуетъ по-

¹⁾ Не называя фамилію г. К., — въ „Московскомъ Листкѣ“ и въ „Гражданинѣ“ пропечатанную en toutes lettres, — по той же причинѣ, по которой не назвали выше фамилію учительницы, обвиняемой въ нанесеніи смертельныхъ побоевъ.

ставить и спокойствіе дворянина-землевладѣльца, нарушаемое шумомъ и бранью подъ окнами усадьбы. Чести г-на К. неприличныя слова, произнесенныя его рабочимъ, очевидно, не затрогивали и затронуть не могли; для кого же могутъ быть обидны ругательства „пьяненькаго“ человѣка, выпившаго лишнее по случаю церковнаго праздника? Правда, оскорбленія такого же рода бывали иногда поводомъ къ убійству, но только тогда, когда обиженнымъ былъ офицеръ, считавшій нужнымъ защитить „честь мундира“ ¹⁾. Въ лицѣ г. К. не было задѣто сословіе, не была унижена корпорация, и съ этой стороны, такимъ образомъ, не было повода хвататься за револьверъ. Вторымъ условіемъ необходимой обороны является невозможность избѣжать опасности другимъ путемъ, болѣе мирнымъ и законнымъ. Въ данномъ случаѣ не было на-лицо и этого условія потому, что въ распоряженіи г. К. находились другіе рабочіе, однажды уже схватившіе буна; нѣтъ причины думать, что они отказались бы сдѣлать то же самое во второй разъ. Характеръ обороны долженъ, наконецъ, соответствовать обстоятельствамъ, ее вызвавшимъ. Еслибы отвѣтомъ на бранныя слова послужилъ выстрѣлъ изъ ружья, заряженнаго солью, то объ извинительности его могли бы еще, пожалуй, быть разныя мнѣнія; но выстрѣлъ изъ револьвера, направленный прямо въ глаза! Мы говоримъ: *направленный*, потому что г. К. объявилъ себя хорошимъ стрѣлкомъ, и результатъ выстрѣла былъ, слѣдовательно, не случайный. А между тѣмъ образъ дѣйствій г. К. возводится на степень *примѣра*; насъ увѣряютъ, что *ему больше нечего было дѣлать*! Иными словами—пускай точно такъ же поступаетъ и всякій другой, поставленный въ тѣ же условія (и принадлежащій къ тому же общественному классу). На вѣсахъ реакціонной газеты жизнь простолюдина оказывается не тяжелѣе, чѣмъ самолюбіе помѣщика. Трудно измѣрить количество вреда, вводимаго въ нашу жизнь ежедневною проповѣдью подобныхъ глубоко-безнравственныхъ взглядовъ! Безъ крайняго отвращенія не могутъ относиться къ ней даже тѣ, у которыхъ есть—или, по крайней мѣрѣ, недавно были — точки соприкосновенія съ реакціоннымъ лагеремъ. „Какъ это ни странно, — восклицаютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ въ своемъ отвѣтѣ „Гражданину“, — но черезъ триста слишкомъ лѣтъ (послѣ опричнины Ивана Грознаго) у насъ опять народились своего рода опричники. Имъ, конечно, не позволяютъ гарцовать, съ собачьими головами и метлами у сѣдла, по мирнымъ улицамъ; но точка зрѣнія у нихъ совершенно такая же, какъ у вромѣшниковъ XVI-го вѣка. Они точно такъ же считаютъ *земщину*, т.-е. всю остальную Россію, чѣмъ-то *отричь себя*, и совершаютъ на

¹⁾ См. въ ноябрьской общественной хроникѣ 1887 года дѣло объ убійствѣ крестьянина Мосалова корнетомъ Гогелемъ.

нее наѣзды съ гикомъ и посвистомъ. Они покрываютъ все русское общество однимъ всеобъемлющимъ извѣтомъ, вывеливаютъ свое ежедневное *слово и дѣло* и воображаютъ, что волочатъ за своимъ конскимъ хвостомъ на расправу всякаго, кто не принадлежитъ къ ихъ братству и не посылаетъ безграмотныхъ корреспонденцій въ ихъ безграмотную газету". Негодованіе противъ возмутительныхъ приѣмовъ выразилось въ газетѣ съ силой, заслуживающей полного сочувствія.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ праздновался двадцатипятилѣтній юбилей литературной дѣятельности А. К. Шеллера, написавшаго, подъ псевдонимомъ Михайлова, не мало романовъ, повѣстей и другихъ сочиненій. Не входя на этотъ разъ въ разборъ его работъ, мы хотимъ только сказать нѣсколько словъ по поводу симпатичнаго письма, написаннаго г. Шеллеромъ въ отвѣтъ на полученныя имъ поздравленія. „Моя роль,—говоритъ почтенный писатель,—роль второстепеннаго литературнаго дѣятеля, дѣлающаго по мѣрѣ силъ и разумѣнія свое дѣло. Я никогда не огорчался, какъ бы ни цѣнили размѣры моего таланта; но я всегда стремился къ тому, чтобы меня не могли упрекнуть за то, что я потакалъ дурнымъ инстинктамъ, пробуждалъ злыя чувства или мѣнялъ свои взгляды и убѣжденія, и съ этой стороны меня едва ли могутъ упрекать даже тѣ, кому вовсе не симпатична моя дѣятельность. По моему убѣжденію, къ этому—и *только къ этому*—долженъ стремиться каждый второстепенный литературный дѣятель, такъ какъ единственно въ этомъ и состоятъ его сила и его значеніе. Не краснѣть въ старости ни за одну написанную въ молодости строку—вотъ высшее благо подобныхъ дѣятелей". Въ подчеркнутыхъ нами словахъ заключается преувеличеніе, съ которымъ трудно согласиться. Они опредѣляютъ задачу второстепеннаго литературнаго дѣятеля одними отрицательными чертами, между тѣмъ какъ и въ его работахъ должно же быть какое-нибудь положительное содержаніе, и онѣ могутъ имѣть свою силу и свое значеніе. Но если стремленіе, о которомъ идетъ рѣчь, и не должно быть *единственнымъ*, оно несомнѣнно имѣетъ громадную важность—и благо тѣмъ, кто съ этой точки зрѣнія можетъ, какъ г. Шеллеръ, спокойно оглянуться на свое прошедшее. Особенно драгоцѣнна эта возможность въ наше время, когда въ такомъ ходу и „потаканье дурнымъ инстинктамъ", и легкомысленная или навѣрняка рассчитанная „перемѣна убѣжденій".

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Вспомогательная история Георга Вебера. Перев. съ 2-го изд., пересмотр и переработ. специалистами. Т. X. Перевелъ Андреевъ. Изд. К. Т. Соловьевъ. М. 1888. Стр. 591. Ц. 4 р.

Новый выпускъ перевода классическаго труда Г. Вебера весь посвященъ вѣду реформации въ западной Европѣ, въ связи ея съ великимъ умственнымъ движеніемъ той эпохи, открывающей собою исторію нашего времени. Къ сожалѣнію, изъ предисловія оказывается, что русскій переводчикъ только въ первыхъ шести томахъ остался вѣрнымъ своимъ простымъ обязанностямъ переводчика; но уже съ 6-го тома онъ самъ возложилъ на себя новую обязанность — исправлять недостатки Вебера, который, по его мнѣнію, „поддается увлеченіямъ, господствующимъ въ нѣмецкой литературѣ“, и „очищать“ его. Но въ такомъ случаѣ и на заглавіи книги слѣдовало бы обозначить вовсе не то, что мы тамъ находимъ; тамъ сказано — „перевелъ Андреевъ“, а на дѣлѣ оказывается, что мы имѣемъ дѣло не только съ трудомъ извѣстнаго Вебера, но и — г. Андреева. Во всякомъ случаѣ, благодаря такому приску переводчика, мы получимъ Вебера, „очищеннаго“ г. Андреевымъ, и все-таки не будемъ имѣть Вебера. Едва ли можно быть признательнымъ г. Андрееву за подобный переводъ съ „переодѣваньемъ“ автора, и притомъ столь авторитетнаго, какъ Веберъ.

Система римскаго гражданскаго права профессора бернскаго университета Барона, Переводъ Л. Петражицкаго. Выпускъ I и II. Киевъ. 1888.

Классическій трудъ извѣстнаго романиста Барона представляетъ замѣчательную полноту содержания при крайней сжатости изложенія, и, несмотря на то, что у насъ существуетъ превосходное сочиненіе бывшаго профессора Муромцева: „Гражданское право древняго Рима“, является весьма полезнымъ пособіемъ для тѣхъ, кто пожелаетъ заняться внимательнымъ изученіемъ римскаго права. Языкъ перевода не оставляетъ желать ничего лучшаго, а обильныя цитаты и ссылки на источники представляютъ богатое подспорье для подробнаго ознакомленія со стройнѣйшею системою права, которая когда-либо существовала. — Два шестидесяти выпуска обнимаютъ собою общую часть, владѣніе и вещныя права.

Новый путевый вѣстникъ, К. Скальковскаго. Сиб. 285. In 16°.

Самъ авторъ, извѣстный уже по прежнимъ его путевымъ вѣстникамъ, о которыхъ мы давали спороверенно отзывъ, не претендуетъ ни на полноту, ни на точность своихъ описаній. Но скользя по поверхности политической и бытовой жизни различныхъ имъ странъ (а какихъ странъ онъ не видѣлъ?), онъ остроумно подмѣчаетъ выходящіе черты этой жизни, и, не вдаваясь въ ихъ глубокой разборъ, живо и талантливо рисуетъ ихъ въ своихъ замѣткахъ, написанныхъ бойко и нередко съ большимъ юморомъ. Настоящая книга въ значительной степени наполнена воспоминаніями объ Испаніи и Марокко. Объ Испаніи уже столько писано, что нужно имѣть способность гадать на вещи съ новой и

оригинальной точки зрѣнія, чтобы отвѣтъ о такомъ путешествіи выходилъ столь интересенъ, какъ именно выходитъ онъ у автора.

Овъ иностранцахъ въ Россіи. Сборникъ узаконеній, трактатовъ и конвенцій, съ относящимися къ нимъ правительственными и судебными разъясненіями. Составилъ присяжный поверенный М. И. Митя. Сиб., 1888. Стр. XXXII и 532. Цѣна 3 р.

Настоящій сборникъ обнимаетъ все дѣйствующее у насъ законодательство объ иностранцахъ, распределенное въ систематическомъ порядкѣ, съ присоединеніемъ всѣхъ международныхъ договоровъ, правительственныхъ распоряженій и судебныхъ разъясненій по этому предмету. Книга составлена съ тою тщательностію и съ тѣмъ знаніемъ дѣла, какими отличаются прочія извѣстныя изданія г. Митя — „Городовое положеніе“ и „Земскія учрежденія“. Вступительный „общій обзоръ юридическаго положенія иностранцевъ въ Россіи“ даетъ краткія свѣдѣнія о правительственныхъ мѣрахъ относительно иностранцевъ, отъ Петра I до настоящаго времени. Къ книгѣ приложено четыре указателя, значительно облегчающіе пользованіе обширнымъ ея матеріаломъ; сверхъ того, помѣщены списки иностранныхъ посольствъ и консульствъ, пребывающихъ въ Россіи, а также русскихъ посольствъ и консульствъ, пребывающихъ за границей.

По Америкѣ. Поѣздка въ Канаду и Соединенные Штаты, д-ра П. С. Алексѣева. Съ 40 рисунками и 3 картами. Москва, 1888. 334 и V.

Книга доктора Алексѣева, написанная живо, интересно и дѣловито, чуждая излишней субъективности и прекрасно изданная, можетъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ между существующими въ нашей литературѣ путешествіями въ Америку. Она во многихъ отношеніяхъ не уступаетъ извѣстному путешествію по Америкѣ въ 1869 и 1870 гг. Циммермана, превосходя его областью политическаго, наглядно рисующихъ природу и жизнь оригинальной страны, величье которой особенно рельефно выступаютъ въ личныхъ воспоминаніяхъ и замѣткахъ д-ра Алексѣева. Страницы, посвященныя описанію Канады вообще и въ особенности Квебека — стоящаго на самомъ рубежѣ послѣднихъ изобрѣтеній и приспособленій западной цивилизаціи и почти первобытной культуры кочующихъ въ пустынныхъ степяхъ племенъ, — читаются съ особымъ интересомъ.

Юридическій ежегодникъ за 1887 г. В. Марквичя. Сиб., 1888. Ц. 2 р. Стр. V и 215.

Настоящее изданіе заключаетъ въ себѣ значительное количество напечатаннаго доселѣ матеріала, относящагося къ разъясненію законодательнаго практика кассационнаго сената и циркулярами министерства юстиціи, а также опредѣленіями 4 департамента сената по дѣламъ торговымъ и вексельнымъ. Постатейные и алфавитные указатели, приложенные въ концѣ книги, очень облегчаютъ пользованіе этимъ матеріаломъ, во многихъ отношеніяхъ необходимымъ для практиковъ — въ виду неслыханнаго печатанія кассационныхъ рѣшеній.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ въ 1889 г.

(Двадцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюль	Янв.	Апр.	Іюль	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . .	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Высто разерочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январь и іюль, и по четвертямъ года, въ январь, апрѣль, іюль и октябрь, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго сентября открыта подписка на послѣднюю четверть 1888 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лин., 7; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гостин. Двора;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Барбасникова, на Меховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровский лин. — *Иногородные и иностранцы*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамицію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго изъ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (28) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія изъ самыхъ мѣстожителствъ подписчика. — 2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе поднастники, переходя въ иногородные, должны заплатить 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на получение журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приносятъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыхъ марками.

Надатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Апалемъ пер. 7.

DEC 31 1888

ХРНИЗ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРА.

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-я.

ДЕКАБРЬ, 1888.

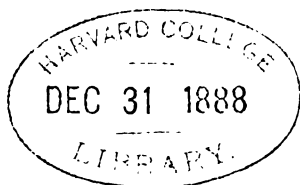
ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1888.

Сод.

I.—ПОМЕХОХОНСКАЯ СТАРИНА.—Жизнь и приключения Никанора Батра- ветского.—XXI-XXV.—И. Щедрина	481
II.—СОНЪ, КАКЪ ТРЕТЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА.—IV.—Психология сна.— Описание.—М. М. Манассеин	525
III.—НАСЛЕДНИКЪ.—Очерк.—И. В. Яковлев	563
IV.—ИЗЪ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.—Новые матеріалы для биографии К. О. Рылска.—Описание.—В. Якушина	581
V.—ИЗЪ СЮЛЛИ ПРЕДОМА.—Сток. О. М.	697
VI.—ПРОТЕКЦИОНИЗМЪ ПРЕДЪ СУДОМЪ НОВЫХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ЭКО- НОМИСТОВЪ.—А. А. Писева	699
VII.—ДУМОВАЯ БОРА.—Изъ записной книжки старика туриста.—I-III.—Котъ- Мурлыка	619
VIII.—ВОПРОСЪ ОБЪ ИНОСТРАНЦАХЪ ВО ФРАНЦІИ.—М. К.—ль	639
IX.—СЦЕНЫ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.—Соч. Бланка Розельера.—Часть вторая и послѣдняя.—А. Э.	646
X.—НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ ПОЭТИЧЕСКОЙ СТАРИНѢ.—А. П. Пыпина	710
XI.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Озарена послѣдними лучами.—К. М.—скій	748
XII.—ДОРЕФОРМЕННАЯ РОССІЯ въ перепискѣ Н. С. Ансимова.—Б. К. Арсеньева	744
XIII.—НОВЫЙ ОПЫТЪ НАУЧНОЙ ИСТОРИИ.—Л. З. Слонимскаго	781
ПОЧТУ.—СТАРИННЫЕ СКОМОРОХИ.—А. В.—въ	797
С.—ХРОНИКА.—Изъясненіе государственной росписи 1887 года.—О.	806
Примѣч.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отношеніе земскихъ начальниковъ къ крестьян- скому управленію и самоуправленію.—Расширеніе ихъ функций, сравне- тельно съ кругомъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ.—Основная черта же- лательной и необходимой административной реформы.—Слишкомъ усиліе защитники новыхъ законопроектовъ	820
—II.—СОВРЕМЕННЫЕ БЮДЖЕТЫ.—L'année économique, par Ar. Naubawitch.—I.	841
VIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Современное состояніе Франціи.—Прекраще- ніе республиканской слабости.—Многія разоблаченія.—Министерство и мини- стры.—Вѣдѣнія французская политика.—Третья рѣчь имп. Вильгельма II. —Нѣмецкія партіи.—Англо-германское соглашеніе и внутреннія дѣла Англіи.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ	852
ПОД ОСТЪ IX.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Очеркъ исторіи Польши, М. Бобринскаго, перев. Н. И. Карцева, т. I.—Записки капитана Мордвинова.—Народная нѣсча, запис. Н. Пальчиковымъ и З. Радченко, и сельскіе юридическіе обычаи, А. А. Титова.—А. П.—Новыя книги и брошюры	868
XX.—ЗАМѢТКА.—Новая книга о Китаѣ г. Георгиевскаго.—Гр. Н. Толстого	882
XXI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Занедобренная телеграмма агентства Рейтера и „либеральная шутка".—Попытка тенденціозной эксплуатаціи народныхъ чувствъ.—Теорія ответственности „по делу службы".—Письмо гр. Л. Н. Толстого о ручномъ трудѣ.—Неожиданное покаяніе.—В. Я. Сто- янина †.	896
XXII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Общества „Благо Кресту"	911
XXIII.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы" за 1888 г.	919
XXIV.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы" за 1888 годъ	915
XXV.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.—Практическое руководство для судебныхъ сѣдователей при окружныхъ судахъ, М. А. Горавовскаго.—О способѣ обученія и воспитанія солдатъ, Н. Бутовскаго.—Полное собраніе сочиненій Н. Н. Панаева, т. VI.—Исторія французской литературы, состав. И. В. и А. К.—Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. Венгеровъ, вып. 14.—Гипнотизмъ въ практической медицинѣ, Б. М. Бродовскаго.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XXIV стр.

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго *).

XXI. — Продолженіе портретной галереи домочадцевъ. — Кононъ.

Кононъ не отличался никакими особенными качествами, которыя выдѣляли бы его изъ общей массы дворовыхъ, но такъ какъ въ немъ эта послѣдняя нашла полное олицетвореніе своего сокровеннаго міросозерцанія, то я считаю нелишнимъ посвятить ему нѣсколько страницъ.

Мужская комнатная прислуга была доведена у насъ до минимума, а именно, сколько мнѣ помнится, для всего дома полагалось достаточнымъ не больше двухъ лакеевъ, изъ которыхъ одинъ, Степанъ, исполнялъ обязанности камердинера при отцѣ, а другой, Кононъ, заведывалъ буфетомъ. Но, само собой разумѣется, эти спеціальности не мѣшали обоимъ исполнять и всякія другія лакейскія обязанности. Матушка считала лакеевъ, даже по сравненію съ женской прислугой, дармоедами по преимуществу, и потому нещадно сокращала штатъ ихъ. Еще я помню время, когда въ передней толпилась порядочная масса мужской прислуги, но, мало-по-малу, стая старыхъ слугъ рѣдѣла, и выбывавшіе изъ строя люди не замѣнялись новыми.

Кононъ зналъ твердо, что онъ природный малиновецкій дворовый. Кромѣ того, онъ помнилъ, что первоначально его обучали и ортному мастерству, но такъ какъ портной изъ него вышелъ плохой, то сдѣлали лакеемъ и приставили къ буфету. А завтра, или вообще когда вздумается, его приставятъ стадо пасти—онъ и пастухомъ пойдетъ. Въ этомъ заключалось все его міросозерцаніе, то сокро-

*) См. ноябрь, 5 стр.

венное міросозерцаніе, которое не формулируется, а само собой залагается въ тайникахъ человѣческой души, не освѣщаемой лучомъ сознанія.

Факты представлялись его уму безповоротными, и причина появленія ихъ въ той или другой формѣ, съ тѣмъ или инымъ содержаніемъ, никогда не пробуждала его любознательности. Баринъ въ кабинетѣ сидитъ, барыня приказываетъ или гнѣвается, барчуки учатся, дѣвушки въ пальцахъ шьютъ или коклюшки перебираютъ, а онъ, Кононъ, ножи чиститъ, на столъ наврываетъ, кушанье подаетъ, зимой печки затопляетъ, смотритъ, какъ бы слишкомъ рано или слишкомъ поздно трубу не закрыть. Вотъ и все. Ежели въ промежуткахъ этихъ преходящихъ явленій случайно выпадетъ свободная минута, онъ пойдетъ въ лакейскую, сядетъ на ларь, разставитъ ноги и чуточку подремлетъ.

— Что ты, Кононъ, дремлешь?—скажетъ ему кто-нибудь:—ты бы лучше посмотрѣлъ, что сала на столѣ въ буфетѣ накопилось, да вычистилъ бы.

— И то пойти вычистить,—молвитъ онъ, возьметъ скребокъ и черезъ полчаса большую-большую грудку сальныхъ оскребковъ несетъ въ фартукъ на дѣвичье крыльцо.

Ежели по дорогѣ увидитъ этотъ ворохъ матушка, то непременно замѣтитъ:

— Давно бы пора, лежебокъ, догадаться! ишь до чего довелъ! Смотрѣть тошно.

На что онъ также непременно возразитъ:

— Не одно, сударыня, дѣло!

Это возраженіе какъ будто свидѣтельствовало, что резонирующая способность не совсѣмъ еще въ немъ угасла; но и оно, пожалуй, не было результатомъ самодѣятельной внутренней работы, а слышалъ онъ, что другіе такъ говорятъ, и машинально повторялъ съ чужихъ словъ.

Вообще, вся его жизнь представляла собой какъ бы непрерывное и притомъ безсвязное сновидѣніе. Даже когда онъ настоящимъ манеромъ спалъ, то видѣлъ сны, соотвѣтствующіе его должности. Либо печку топить, либо за стуломъ у стараго барина, во время обѣда, стоитъ съ тарелкой подъ мышкой, либо комнату мететь. По временамъ случалось, что вдругъ, среди ночи, онъ вскочитъ, схватитъ съ-просонокъ вочергу и начнетъ въ холодной печкѣ мѣшать.

— Это въ тебѣ, Кононъ, нечистая сила дѣйствуетъ,—подтрунить кто-нибудь надъ нимъ.

— И то лукавый попуталъ!

Плана въ занятіяхъ своихъ онъ не соблюдалъ и передѣлывалъ въ разбивку вообще все, что требовалось по лакейской должности. А ежели что и еще, сверхъ того, прикажутъ, то и это сдѣлаетъ. Вообще, никакой личной инициативы не зналъ, ничего, кромѣ заведеннаго, такъ сказать, вопедшаго ему въ плоть и кровь порядка и дѣйствительно случайнаго сторонняго импульса. И никогда не интересовался знать, что изъ его работы вышло, и все ли у него исправно, какъ будто выполненная формальнымъ образомъ лакейская задача сама по себѣ составляетъ нѣчто самостоятельное, не нуждающееся въ провѣрѣ съ практическими результатами.

— Срамъ смотрѣть, какіе ты ставаны на столъ подаешь!— чуть не каждый день напоминали ему. На что онъ, съ убѣжденнымъ видомъ, неизмѣнно давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Кажется, перетираю...

Молчальникъ онъ былъ изумительный. Рѣдко-рѣдко съ его языка слеталъ какой-нибудь неожиданный вопросъ въ родѣ: „прикажете на столъ накрывать?“ Или: „прикажете сегодня печки топить?“—на что обыкновенно получалось въ отвѣтъ: „одурѣлъ ты, что-ли, о чемъ спрашиваешь?“ Въ большинствѣ случаевъ, онъ или безусловно молчалъ, или ограничивался односложными отвѣтами самаго первоначальнаго свойства.

— Холодно сегодня?—спросить, напримѣръ, матушка за утреннимъ чаемъ.

— Не замѣтилъ-съ.

— Ишь шкура-то у тебя...

— Извѣстно, зима, а не лѣто.

Даже изъ прислуги онъ ни съ кѣмъ въ разговоры не вступалъ, хотя ему почти вся дворня была родня. Иногда, проходя мимо кого-нибудь, вдругъ остановится, словно вспомнить о чемъ-то хочетъ, но не вспомнить, вымолвить: „здорово, тѣтка!“—и продолжаетъ путь дальше. Впрочемъ, это никого не удивляло, потому что и на остальной дворнѣ, въ громадномъ большинствѣ, лежала та же печать молчанія, обусловившая своего рода общій *modus vivendi*, которому всѣ безсознательно подчинялись.

По временамъ, онъ заходилъ вечеромъ въ дѣвичью (разумѣется, въ отсутствіе матушки, когда больше досуга было), садился гдѣ-нибудь съ краю на ларѣ и слушалъ рассказы Аннушки о подвижникахъ первыхъ временъ христіанства. Но производили ли они на него какое-нибудь впечатлѣніе, и дѣйствительно ли онъ что-нибудь слышалъ—этого никто опредѣлить не могъ. Слушаетъ-слушаетъ, и вдругъ на самомъ интересномъ мѣстѣ зѣвнетъ, перекреститъ ротъ, вымолвить: „Господи Іисусе Христе!“—и уйдетъ дре-

мать въ лакейскую, покуда господа не разойдутся на ночь по своимъ угламъ.

Какое-то гнетущее равнодушіе было написано на его лицѣ, но въ чемъ заключалась тайна этого равнодушія, это даже ему самому едва ли было извѣстно. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ не видать на этомъ лицѣ луча не только радости, но даже самаго зауряднаго удовольствія. Точно это было не лицо, а застывшая маска. Глядить, моргаетъ, носомъ шевелить, волосами встряхиваетъ, а какой внутренній процессъ скрывается за этими движеніями—отгадать невозможно.

Нѣкоторое время онъ былъ приставленъ, въ качествѣ камердинера, къ старому барину, но отецъ не могъ выносить выраженія его лица, и самого Конона не иначе звалъ, какъ каменнымъ идиоломъ. Что касается до матушки, то она не обижала его, и даже въ приказаніяхъ была болѣе осторожна, нежели относительно прочей прислуги одного съ Конономъ сокровеннаго міросозерцанія. Такъ что можно было подумать, что она какъ будто его опасается.

— Лѣпшій его знаетъ, чтѣ у него на умѣ,—говаривала она,—все равно, какъ солдатъ по улицѣ со штыкомъ идетъ. Кажется, онъ и смирно идетъ, а тебѣ думается: чтѣ, ежели ему въ голову вступитъ—возьметъ да заколетъ тебя. Судись, поди, съ нимъ.

Впрочемъ, она видѣла, что Кононъ, по мѣрѣ разумѣнія, свое дѣло дѣлаетъ, и понимала, что человѣкъ этотъ не что иное, какъ машина, которую сбивать съ однажды намѣченной колеи безнаказанно нельзя, потому что она, пожалуй, и совсѣмъ перестанетъ дѣйствовать. Но внутренне онъ былъ ей несимпатиченъ. Какъ женщина, по природѣ ретивая, она и въ прислугѣ главнѣе всего цѣнила ретивость, и любила только тѣхъ, у кого дѣло, какъ говорится, въ рукахъ горитъ. Поэтому, глядя, какъ Кононъ, болтая руками и вращая недоумѣвающими глазами, бродитъ со щеткой по комнатамъ, не столько выметая ихъ, сколько поднимая пыль столбомъ, она выражалась:

— Ишь, олухъ, бродитъ! словно во снѣ веревки вьетъ! Кажется, такъ бы взяла да щеткой тебя, да щеткой...

Но чтѣ всего больше досадовало матушку—это показывавшаяся по временамъ на лицѣ Конона улыбка, не настоящая улыбка, а какое-то подобіе, точно на портретахъ, писанныхъ неискусной рукой крѣпостного живописца:

— Стало быть, есть у него разсудокъ, стало быть, онъ чему-нибудь да смѣется!—ворчала она, съ любопытствомъ наблюдая,

какъ это загадочное подобіе улыбки то мелькнетъ, то опять пропадетъ на тонкихъ обезцвѣченныхъ губахъ „олуха“.

Можно ли было считать Конона „вѣрнымъ“ слугою — этотъ вопросъ никому не приходилъ въ голову. Несомнѣнно, онъ никогда ничего не укралъ, никого не продалъ и даже никому не нагрубилъ, но все это были качества отрицательныя, въ которыхъ внутреннее его существо не принимало никакого участія, и которыхъ, поэтому, никто въ заслугу ему не ставилъ. Поручить ему все-таки ничего было нельзя, потому что въ такомъ случаѣ потребовалось бы войти въ такія мелкія подробности, предугадать которыя заранѣе совсѣмъ невозможно. Ежели же всего до послѣдней мелочи ему впередъ не пересказать, то онъ, при первой же непредвидѣнности, или совсѣмъ станетъ втупишь, или такъ напутаетъ, что и мудрецу распутать не подѣ силу. Ничего *отъ себя* онъ придумать не былъ въ состояніи, ни малѣйшей сообразительностью не обладалъ. Онъ былъ лакей въ буквальномъ смыслѣ этого слова — и ничего больше.

Поэтому, его постоянно держали въ лакейской, не давая, внѣ ея, никакого хода. И матушка, которая очень дорожила усердными и честными слугами, очень вѣрно выражалась о немъ, говоря:

— Вотъ онъ и честный, да что въ немъ!

И наружность онъ имѣлъ такую, что, несмотря на несомнѣнно лакейскій типъ, представительнымъ лакеемъ его все-таки назвать было нельзя. Средняго роста, узкій въ плечахъ, поджарый, съ впалой грудью, онъ имѣлъ очень жалкую фигуру, прислуживая за столомъ, и едва-едва держался нетвердыми ногами, стоя въ ливреѣ на запяткахъ за возкомъ и рискуя при первомъ же ухабѣ растаянуться на снѣгу. Въ Москвѣ, когда начались выѣзды, это сдѣлалось въ особенности замѣтнымъ, и сестрица отчасти ему приписывала свои неудачи въ поискахъ за женихами. Ни прислужить по столичному, ни возвѣститъ, какъ слѣдуетъ, пріѣздъ гостя онъ не умѣлъ, беспощадно перевиралъ фамиліи, перепутывалъ названія улицъ и въ довершеніе всего перенесъ въ московскую квартиру ту же нестерпимую неопратность, которая отличала его въ деревнѣ. Словомъ сказать, только привычка и крайняя неприхотливость объясняли присутствіе въ большомъ городѣ подобнаго деревенскаго увальня, даже среди такой скромной обстановки, какова была наша.

Ходилъ онъ въ деревнѣ, по буднямъ, въ широкомъ синемъ затрапезномъ сюртукѣ, въ сѣрыхъ нанковыхъ штанахъ и въ туфляхъ на босу ногу. Такова была общая обмундировка муж-

ской прислуги въ нашемъ домѣ. Но по праздникамъ надѣвалъ синюю суконную пару и выростковые сапоги, и гоголемъ выступалъ въ этой одеждѣ по комнатамъ, заглядывая мимоходомъ въ зеркала и чаще, чѣмъ въ будни, посѣщая дѣвичью. Очевидно, въ немъ таилась въ зародышѣ слабость къ щегольству, но и этотъ зародышъ, подобно всѣмъ прочимъ качествамъ, тускло мерцавшимъ въ глубинахъ его существа, какъ-то не осуществился, такъ что если кто изъ дѣвушекъ замѣчалъ: „Э! да какой ты сегодня франтъ!“—то онъ, какъ и всегда, оставлялъ замѣчаніе безъ отвѣта, или же отвѣчалъ кратко:

— Извѣстно... праздникъ!

По воскресеньямъ, онъ аккуратно ходилъ къ обѣднѣ. Съ первымъ ударомъ благовѣста выйдетъ изъ дома и взбирается въ одиночку по пригорку; но идетъ не по дорогѣ, а сбоку по травѣ, чтобы не запылить сапогъ. Придетъ въ церковь; станетъ сначала передъ царскими дверьми, поклонится на всѣ четыре стороны и затѣмъ пріютится на лѣвомъ клиросѣ. Тамъ положить руку на перила, чтобы всѣ видѣли рукавъ его скюртука, и въ этомъ положеніи неподвижно стоитъ до конца службы.

— Ты что-жъ это, олухъ, цѣлую обѣдню лба не перекрестилъ!—прикрикнетъ на него матушка, возвратясь изъ церкви.

— Такъ словно...

— „Такъ словно“! смотрите, какой резонъ выдумалъ! вотъ я тебя, „такъ словно“, въ будущее воскресенье въ церковь не пушу! Сиди дома, любуйся собой... щеголь!

Но никакія вразумленія не дѣйствовали, и въ слѣдующій праздникъ та же исторія повторялась съ буквальною точностью. Не разъ, въ виду подобныхъ фактовъ, матушка заподозрѣвала Конона въ затаенной строптивости, но, по размышленіи, оставила свои подозрѣнія и убѣдилась, что гораздо проще объяснить его поведеніе тѣмъ, что онъ природный „олухъ“. Эта кличка была какъ разъ ему въ пору; она вполне исчерпывала его внутреннее содержаніе и опредѣляла всѣ поступки.

Конечно, постоянно имѣть передъ глазами „олуха“ было своего рода божескимъ наказаніемъ; но такъ какъ всѣ кругомъ такъ жили, всѣ такими же олухами были окружены, то приходилось мириться съ этимъ фактомъ. Все одно: хоть ты ему говори, хоть нѣтъ,—ни слова, ни даже наказанія, ничто не подѣйствуетъ, и олухъ, самъ того не понимая, поставитъ—таки на своемъ. Хорошо, хоть вина не пьетъ—и за то спасибо.

— Сказывали мнѣ, что за границей машина такая выдмана,—завидовала нерѣдко матушка:—она и на столъ накрыв-

ваетъ, и кушанье подаетъ, а господа садутъ за столъ и кушаютъ! Вотъ кабы въ Москву такую машину привезли, кажется, ничего бы не пожалѣла, а ужъ купила бы! И сейчасъ бы всѣхъ этихъ олуховъ съ глазъ долой!

Но машину не привозили, а доморощенный олухъ мозолил да мозолил глаза властной барыни. И каждый день приколапывалъ новые слои сала на буфетномъ столѣ, каждый день плевалъ въ толченый кирпичъ, служившій для чищенія ножей, и дышалъ въ чашки, изъ которыхъ „господа“ пили чай...

— Пёсъ ты безчувственный! долго ли я отъ тебя надругательства буду терпѣть!—выговаривала матушка, заставляя его въ подобныхъ занятіяхъ.

— Это какъ вамъ, сударыня, будетъ угодно.

Кононъ былъ холостъ, но вопросъ о томъ, какъ онъ относился къ женскому полу, составлялъ его личную тайну, которою никто не интересовался, какъ и вообще всѣмъ, что касалось его внутреннихъ побужденій. Хранилъ ли онъ что-нибудь въ глубинахъ своего существа, или тамъ было пустое мѣсто—кому какое до этого дѣло? Извѣстны были, впрочемъ, два факта: во-первыхъ, что въ лѣтописяхъ малиновецкой усадьбы, достаточно-таки обильныхъ сказаніями о послѣдствіяхъ тайныхъ дѣвичьихъ вожделѣній, никогда не упоминалось имя Конона въ качествѣ соучастника, и во-вторыхъ, что, за всѣмъ тѣмъ, онъ, какъ я сказалъ выше, любилъ въ праздничные дни, одѣвшись въ суконную пару, заглянуть въ дѣвичью, и, стало быть, стремленіе къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода не совсѣмъ ему было чуждо.

Во всякомъ случаѣ, ежели съ молоду, и когда притомъ браки между дворовыми разрѣшались довольно свободно, онъ ни разу не выказалъ желанія жениться, то тѣмъ менѣе можно было предположить въ немъ подобное намѣреніе въ такомъ возрастѣ, когда онъ уже считалъ, по малой мѣрѣ, пятьдесятъ лѣтъ. Но чего никто не ждалъ, то именно и случилось.

Однажды утромъ, одѣвшись въ праздничную пару (хотя были будни), онъ безъ доклада явился въ матушкину комнату и всталъ передъ ея письменнымъ столомъ, заложивъ руки за спину.

— Опомнись! куда пришелъ? зачѣмъ?—удивилась матушка.

— Имѣю желаніе въ законъ вступить, — молвилъ онъ, не теряя словъ для предварительныхъ объясненій.

— Въ какой законъ? что ты, мелево, мелешь?

— Извѣстно, въ законъ... какъ прочіе, такъ и я... жениться позвольте.

— То-то, я смотрю, ты въ суконную пару вырядился... Что вдругъ приспичило?

— Желаніе имѣю-сь.

— А ты бы на себя въ зеркало посмотрѣлъ... женихъ! Кого же ты осчастливить собой задумалъ?

— Матрена, стало быть, пойдетъ.

— „Стало быть“... Ишь вѣдь, олухъ, словно во снѣ бредить! Спрашивалъ ты ее, что ли?

— Никакъ нѣтъ-сь. Все равно изъ господской воли не выйдетъ.

— Держи карманъ! Такъ я за тебя дѣвку силкомъ замужу и выдала!

— Все равно-сь. Матрена не пойдетъ—Катюшка пойдетъ!

Матушка даже вскочила: до такой степени ее въ одну минуту вывело изъ себя неизреченное остоупство, съ которымъ Кононъ, безъ всякаго признака мысли, переходилъ отъ одного предположенія къ другому.

— Уйди! — крикнула она на него: — эй, дѣвки! кто тамъ? Кто его ко мнѣ смѣлъ пустить?

Кононъ молча ретировался. Ни малѣйшаго чувства не отразилось на застывшемъ лицѣ его, точно онъ совершилъ такой же обрядъ, какъ чищеніе ножей, метеніе комнатъ и проч. Сдѣлавъ свое дѣло—и съ плечъ долой.

Тѣмъ не менѣе, матушка задумалась. Хотя очень часто Кононъ сердилъ ее своею безтолковостью, но въ то же время онъ былъ безотвѣтенъ и никогда ни о чемъ не просилъ. Какъ-то совѣстно было отказать въ первой просьбѣ человѣку, который съ утра до вечера маялся на барской службѣ, ни однимъ словомъ не заявляя, что служба эта ему надѣла или трудна. Поэтому, она не только не подняла Конона на зубокъ, какъ это обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ дѣлала, но никому не сообщила о случившемся и вообще рѣшила держать себя сдержанно. И я увѣренъ, что еслибы Кононъ возобновилъ свою просьбу, то несомнѣнно разрѣшеніе было бы ему дано.

Но прошла недѣля, прошла другая—Кононъ молчалъ. Очевидно, намѣреніе жениться явилось въ немъ плодомъ той же путаницы, которая постоянно бродила въ его головѣ. Въ короткое время эта путаница настолько уже улеглась, что онъ и самъ не помнилъ, точно ли онъ собирался жениться, или видѣлъ это только во снѣ. По прежнему, продолжалъ онъ двигаться изъ лакейской въ буфетъ и обратно, не выказывая при этомъ даже тѣни неудовольствія. Это нелѣпое спокойствіе до того заинтересовало матушку, что она рѣшилась возобновить прерванную бесѣду.

— Видно, ты, Кононъ, ужъ отдумалъ жениться?—спросила она его однажды.

— Это какъ вамъ угодно.

— Подумай! Тебѣ ужъ всѣ пятьдесятъ стукнуло—не поздно ли о женѣ думать?

— Извѣстно...

— Задумалъ жениться, а спросить тебя, пойдеть ли за тебя кто изъ дѣвушекъ,—ты и самъ не отвѣтишь.

— Отчего не пойти—пойдуть.

— Кто пойдеть?—говори!

— Изъ господской воли ни одна не выйдетъ. Которую сами изволите назначить, та и пойдеть.

— А ежели я никого не назначу?

— Это какъ вамъ угодно.

— Такъ вотъ чтò. Черезъ три мѣсяца мы въ Москву на всю зиму поѣдемъ, я и тебя съ собой взять собралась. Если ты женишься, придется тебя здѣсь оставить, а самой въ Москвѣ безъ тебя, какъ безъ рукъ, маяться. Посуди, по-божески ли такъ будетъ?

Блѣдная улыбка скользнула на мгновение на губахъ Конона: слова матушки „безъ тебя, какъ безъ рукъ“, повидимому, польстили ему. Но черезъ секунду лицо его опять затанулось словно паутиной, и съ языка слетѣлъ обычный загадочный отвѣтъ:

— Извѣстно...

— Ну, ступай. Брось эту блажь, не думай о ней.

На этомъ и кончились матримоніальныя поползновенія Конона. Но семья наша не успѣла еще собраться въ Москву, какъ въ дѣвичьей случилось происшествіе, которое всѣхъ заставило смотрѣть на „олуха“ совсѣмъ другими глазами. Катюшка оказалась съ прибылью, и когда объ этомъ произведено было изслѣдованіе, то выяснилось, что соучастникомъ въ Катюшкиномъ прегрѣшеніи былъ... Кононъ!

Матушка такъ и ахнула.

Кононъ служилъ въ нашемъ домѣ съ двадцатилѣтняго возраста (матушка уже застала его лакеемъ), изю дня въ день дѣлая одно и то же лакейское дѣло и не измѣняясь ни внутренне, ни наружно. Даже черные волосы его не сѣдѣли и густою прядью, словно парикъ, прилипли къ головѣ, съ висками, зачесанными къ угламъ глазъ. Эта неизмѣняемость въ значительной степени упрощала отношенія къ нему. Проходили годы, десятки лѣтъ, а Кононъ былъ все тотъ же Кононъ, котораго не совѣстно было назвать Конькой или Коняшкой, какъ и въ старину, когда ему было двадцать лѣтъ. Никому не приходило на мысль, что онъ

старѣется, подобно прочимъ, и что лакейская суетолака, быть можетъ, ему ужъ не подѣ силу...

Между тѣмъ, вокругъ все старѣлось и ветшало. Толпа старыхъ слугъ рѣдѣла; однихъ снесли на погостъ; другіе, лежа на печи, ждали очереди. Умеръ староста Ѳедотъ, умеръ кучеръ Алемпій; отпросилась умирать въ Заболотье влючница Акулина; дѣвчонки, еще такъ недавно мелькавшія на побѣгушкахъ, сдѣлались перезрѣлыми дѣвами...

Наконецъ, скончался и старикъ-отецъ, достигнувъ глубокой старости, а вскорѣ послѣ его смерти въ народѣ пронеслись слухи о предстоящей волѣ...

Матушка затосковала. Ей тоже шло подѣ шестьдесятъ, и она чувствовала, что бразды правленія готовы выскользнуть изъ ея слабѣющихъ рукъ. По временамъ, она догадывалась, что ее обманываютъ, и сознавала себя безсильною противъ ухищреній невѣрныхъ рабовъ. Но, разумѣется, всего болѣе ее смутила молва, что крѣпостное право уже взяло все, что могло взять, и близится къ неминуемому расчету...

— Такъ, чай, языки по пустому чешутъ! И прежде брехали, и теперь то же самое брешутъ! — утѣшала она себя, но въ то же время тайный голосъ подсказывалъ ей, что на этотъ разъ брехотня похожа на правду.

Не будучи въ состояніи утомонить этотъ тайный голосъ, она безцѣльно бродила по опустѣлымъ комнатамъ, вглядывалась въ церковь, подѣ сѣнью которой раскинулось сельское кладбище, и припоминала. Старикъ-мужъ въ могилѣ, дѣти разбрелись во всѣ стороны, старые слуги вымерли, къ новымъ она примѣниться не можетъ... не пора ли и ей очистить мѣсто для другихъ?..

И вдругъ, на встрѣчу идетъ Кононъ и докладываетъ, что подано кушать. Онъ такъ же бодръ, какъ былъ въ незапамятныя времена, и съ такою же регулярностью продолжаетъ дѣлать свое лакейское дѣло.

— И ему, поди, семьдесятъ лѣтъ есть, — мелькаетъ у матушки въ головѣ: — а вотъ онъ еще какой!

Однакожъ, очередь и его не минула. Смерть, впрочемъ, застигла его совершенно случайно. Шелъ онъ, однажды, по лѣстницѣ, поскользнулся и переломилъ ногу. Костоправъ попался плохой, сростилъ ногу небрежно; обнаружилась костоуда, и Кононъ слегъ.

Вѣроятно, боль была очень мучительна, потому что только тутъ догадались, что и Кононъ можетъ чувствовать и страдать.

Однажды матушкѣ доложили, что Кононъ отходитъ. Она

поспѣшила въ каморку, гдѣ онъ лежалъ, распростертый на войлокѣ, служившемъ вмѣсто постели, и наклонилась надъ нимъ.

— Что, Кононъ? тяжело?—спросила она.

— Извѣстно... смерть.

XXII. — БѢЗСЧАСТНАЯ МАТРѢНКА.

Я не разъ упоминалъ, что когда отецъ былъ холостъ, и даже лѣтъ пятнадцать спустя послѣ его женитьбы, покуда матушка была молода, браки между дворовыми совершались безпрепятственно. Еще въ моей памяти живы (хотя я былъ тогда очень малъ) дѣвичники, которые весело справлялись въ домѣ наканунѣ свадьбы. Вечеромъ, часовъ съ шести, въ залѣ накрывали большой столъ и уставляли его дешевыми сластями и графинами съ медовой сытѣю. Въ головѣ стола сажали жениха съ невестой, кругомъ усаживались сѣнныя дѣвушки; но участвовала ли въ этомъ праздникѣ мужская прислуга — не помню. Дѣвушки пѣли пѣсни и величали нареченныхъ; господа, отъ времени до времени, заглядывали въ залъ и прохаживались кругомъ стола. Часамъ къ десяти всѣ расходились.

Но чѣмъ глубже погружалась матушка въ хозяйственные интересы, тѣмъ сложнѣе и придирчивѣе становились ея требованія къ труду дворовыхъ. Дворня, въ ея понятіяхъ, представлялась чѣмъ-то въ родѣ опричины, которая должна быть чужда какому бы то ни было интересу, кромѣ господскаго, и браки при такомъ взглядѣ являлись *невыгодными*. Семейный слуга — не слуга, вотъ афоризмъ, который она себѣ выработала и которому рѣшилась слѣдовать неуклонно. Отецъ называлъ эту систему системой прекращенія рода человѣческаго, и на первыхъ порахъ противился ей; но матушка, однажды принявъ рѣшеніе, проводила его до конца, и возраженія старика-мужа, на этотъ разъ, какъ и всегда, остались безъ послѣдствій.

Съ тѣхъ поръ малиновецкая дѣвичья сдѣлалась ареною тайныхъ вождельнѣй и сомнительнаго свойства исторій, совершенно непригодныхъ въ домѣ, въ которомъ было много дѣтей.

Съ Матрѣнкой, когда она въ первый разъ оказалась „съ прибылью“, поступили, сравнительно, довольно милостиво.

— Солдатику бѣглый въ лѣсу... въ ту пору ходили по ягоды... — безсвязно лепетала она, стараясь оправдать свой поступокъ.

— Не вѣтромъ ли надуло?—рѣзко оборвала ее матушка.

Тѣмъ не менѣе, на первый разъ она рѣшилась быть снисхо-

дительною. Матрѣнку сослали на скотную, и, когда она оправилась, возвратили въ дѣвичью. А приблуднаго сына окрестили, назвали Макарѡмъ (всѣхъ приблудныхъ называли этимъ именемъ) и отдали въ деревню къ бездѣтному мужику „въ дѣти“.

— Жаль тебѣ, Матрѣнка, ребеночка? — спрашивали мы ее.

— Чего жалѣть! Тамъ ему, у мужичка, хорошо, — отвѣчала она тономъ, изъ котораго явствовало, что рѣчь идетъ о глухомъ фактѣ, которому предстояло только безусловно покориться.

— А будешь ты къ нему ходить?

— Развѣ маменька ваша позволить!

— Да ты украдкой. Вотъ, маменька въ Заболотье уѣдетъ, ты и сходи...

— Нѣтъ ужъ... чтò!

Но когда она во второй разъ оказалась виноватою, то было рѣшено не допускать никакихъ послабленій. Она, впрочемъ, и сама это предчувствовала; до послѣдней крайности скрывала свой грѣхъ, словно надѣялась, что совершится какое-нибудь чудо. Но въ то же время она понимала, что чуда никакого не будетъ, и бродила задумчивая, сосредоточенная. Примѣры были у нея въ памяти, примѣры настолько жестокіе и неумолимые, что при одной мысли о нихъ становилось жутко. Въ виду этихъ примѣровъ, она, быть можетъ, нѣчто обдумывала. Но за ней уже пристально слѣдили, опасаясь, чтобы она чего-нибудь надъ собой не сдѣлала, и въ то же время не допуская мысли, чтобы виноватая могла ускользнуть отъ заслуженнаго наказанія. Съ этою цѣлью матушка заранѣе написала старостѣ въ отцовскую украинскую деревнюшку, чтобы выслалъ самаго что ни на есть плохого мальчишку-гадѣнка, лишь бы законныя лѣта имѣлъ. Она не забыла, что однажды ужъ помирволила Матрѣнкѣ и рѣшилась поступить съ неблаго-дарною со всею неумолимостью.

Матрѣнкѣ восемнадцать лѣтъ. Взяли ее въ господскій домъ еще крохотною, когда она, лишившись отца и матери, коренныхъ малиновецкихъ дворовыхъ, очутилась круглою сиротой. Тутъ она, въ дѣвичьей, на пустыхъ щахъ да на толокнѣ, и выросла. Это добрая, покорная и ласковая дѣвушка, которую не только товарки, но и господскія дѣти любили. Красивою ее нельзя назвать, но, при невысокомъ уровнѣ красоты среди малиновецкой женской прислуги, она можетъ нравиться. Характеръ у нея веселый, отзывчивый, чтò очень рѣзко выдѣляется на общемъ фонѣ унынія, господствующемъ въ дѣвичьей. Но уже когда она въ первый разъ сдѣлалась матерью, веселость съ нея какъ рукой сняло, а теперъ, когда ее во второй разъ грѣхъ попуталъ, она

съ первой же минуты, какъ убѣдилась, что бѣды не миновать, совсѣмъ упала духомъ.

И точно, бѣда надвигалась. Несомнѣнные признаки убѣдили Матрѣнку, что вина ея всѣмъ извѣстна. Товарки взглядывали исподлобья, когда она проходила; ключница Акулина сомнительно покачивала головой; барыня, завидѣвши ее, никогда не пропускала случая, чтобы не назвать ее „бѣглою солдаткой“. Но никто еще прямо ничего не говорилъ. Только барчукъ Степанъ Васильевичъ однажды остановилъ ее и съ свойственнымъ ему безсердечіемъ кривнулъ:

— Что, Матрѣнка, опять вѣтромъ надуло?

Такъ-таки въ упоръ и сказалъ, не посовѣстился... А она, между тѣмъ, ничего Степану Васильичу дурного не сдѣлала. Напротивъ, даже жалѣла его, потому что никто въ домѣ, ни матушка, ни гувернантки, его не жалѣли и всѣ называли бал-бесомъ.

Новый грѣхъ напомнилъ Матрѣнкѣ и о старомъ грѣхѣ. Проснулось чувство матери. Сынъ у нея былъ, хоть и не „настоящій“, а все-таки сынъ... Гдѣ-то онъ теперь, Макарка несчастный? лежить, чай, мокрый, въ зыбѣ, да сосетъ соску изъ ржаного хлѣба... Правда, что Ненила, которой его въ дѣти отдали, доброй бабой слыла, да вѣдь и у добрыхъ людей по чужомъ ребенкѣ сердце развѣ болить? Добра-добра, а все-таки не родная мать. Узнаетъ ли когда-нибудь Макарка, что у него своя, кровная мать была? Или, быть можетъ, она такъ и умретъ, не сказавшись сыну!

Что побудило ее пойти на грѣхъ? склонность ли сердечная, или просто молодая кровь заговорила? Думается, что послѣднее предположеніе вѣрнѣе. Въ той средѣ, въ которой она жила, въ той каторгѣ, которая не дала ни минуты свободной, не существовало даже условій, при которыхъ могла бы развиться настоящая сердечная склонность. Дворян представляла собой сборище подъяремныхъ звѣрей, которые и вождѣли какъ звѣри. Вождѣли урывками, озираясь по сторонамъ, не дозволяя себѣ лишней ласки и разбѣгаясь, какъ только животный инстинктъ былъ удовлетворенъ. Встрѣтился Ермолай-шорникъ—инстинктъ устремился въ нему; но еслибы, вмѣсто Ермолая, явился ткачъ Дмитрій—инстинктъ не отвернулся бы и отъ него. Одна разница со звѣрями: послѣдніе вождѣляютъ безнаказанно, а она, „дѣвка“ Матрѣнка, должна за свои вождѣлнія ждать кары.

То ли дѣло господа! Живутъ какъ вздумается, ни на что имъ запрета нѣтъ. И таится имъ не въ чемъ, потому что они

въ свою пользу законъ отмежевали. А рабамъ нѣтъ закона; въ беззаконіи они родились, въ беззаконіи и умереть должны, и если, по временамъ, пытаются окольнымъ путемъ войти въ заповѣдную область, осѣняемую закономъ, то господа не находятъ достаточной казни, которая могла бы искупить дерзновенное посягательство.

Увы! нѣтъ для раба иного закона, кромѣ беззаконія. Съ печатью беззаконія онъ явился на свѣтъ, съ нею промаячилъ постылую жизнь и съ нею же обязывается сойти въ могилу. Только за предѣлами послѣдней, какъ увѣряетъ Аннушка, возсіяетъ для него присносушій свѣтъ Христовъ... Ахъ, Аннушка, Аннушка!

Наконецъ, все выяснилось. Матрѣнка созналась, что находится въ четвертомъ мѣсяцѣ беременности, но при этомъ до такой степени была увѣрена въ неизбѣжности предстоящей казни, что даже слова о пощадѣ не вымолвила.

— Ну, теперь жди жениха и собирайся въ дальній путь, — сказала ей матушка.

Матрѣнку одѣли въ затрапезное платье, вывороченное наизнанку, и сняли съ нея передникъ, чтобы беременность для всѣхъ была очевидна (въ числѣ этихъ „всѣхъ“ были и господскія дѣти). Вѣроятно, этимъ хотѣли дѣйствовать на дѣвичій стыдъ, забывая, что имѣли дѣло съ существами, которыя отъ рожденія были фаталистически отмѣчены печатью звѣринаго образа. Сверхъ того, виноватой запретили показываться на глаза старому барину, отъ котораго, вообще, скрывали подобного рода происшествія, изъ опасенія, чтобы онъ не „взбунтовался“ и не помѣшалъ Немезидѣ выполнить свое дѣло.

Чувствовала ли Матрѣнка стыдъ? На этотъ вопросъ можно скорѣе отвѣтить отрицательно. Но несомнѣнно, что перспектива, которая, какъ можно было догадаться изъ словъ матушки, ждала впереди, заставила ее сильно задуматься. Какого жениха ей готовить? Куда, въ какой дальній путь снаряжаться велятъ? Ежели, напримѣръ, въ вологодскую деревню, то, говорятъ, тамъ мужики исправные, и дѣвушка Наташа, которую туда, тоже за такія дѣла, замужъ выдали, писала, что живетъ съ мужемъ хорошо, ѣстъ до-сыта и зѣвсе зимой въ лисьей шубѣ ходить. Но матушка въ подобныхъ случаяхъ хранила свои распоряженія въ такой тайнѣ, что проникнуть въ ея намѣренія было невозможно. Извѣстно было одно: что она не только строга, но и изобрѣтательна.

Женихъ, между тѣмъ, не являлся, а матушку вызвали въ

губернскій городъ, гдѣ въ сотый разъ слушалось одно изъ многихъ тяжёбныхъ дѣлъ, которыя она вела. Матрёнка временно повесѣла, дворовые уже не ограничивались шопотомъ, а открыто высказывали сожалѣніе, и это ободрило ее.

Но вотъ, однимъ утромъ, пришелъ въ дѣвичью Оедотъ и сообщилъ Акулинѣ, чтобъ Матрёнка готовилась: изъ Украйны пріѣхалъ женихъ. Распорядиться, за отсутствіемъ малушки, было некому, но общее любопытство было такъ возбуждено, что Оедота упросили показать жениха, когда баринъ, послѣ обѣда, ляжетъ отдыхать. Даже мы, дѣти, высыпали въ дѣвичью посмотреть на жениха, узнавши, что его привели.

Женихъ былъ такъ малъ ростомъ, до того глядѣлъ мальчишкой, что никакъ нельзя было дать ему больше пятнадцати лѣтъ. На немъ былъ новенькій съ иголочки азамъ сѣраго крестьянскаго сукна; на ногахъ—новыя лапти. Атмосфера господскихъ хоромъ до того отуманила его, что онъ, какъ окаменѣлый, стоялъ, разинувъ ротъ, у входной двери. Даже Акулина, какъ ни свыклась съ сюрпризами, которые всегда были на-готовѣ у матушки, ахнула, взглянувъ на него.

— Тебѣ который же годъ? — спросила она его, внезапно проникаясь глубокимъ состраданіемъ къ Матрёнкѣ.

— Объ Рождествѣ осьмнадцать минуло, — отвѣтилъ онъ робко.

— Ну, признаться...

Матрёнка совсѣмъ взволновалась.

— Ни за что въ свѣтъ я за тебя, за гадѣнка, не пойду! — кричала она, подступая къ жениху съ кулаками: — такъ и въ церкви попу объявлю: не согласна! А ежели силѣмъ выдадутъ, такъ я, и до мѣста доѣхать не успѣемъ, тебя изведу!

Жениха слегка передернуло; онъ исподлобья взглядывалъ на Матрёнкинъ животъ и молчалъ.

— Слышишь! — продолжала волноваться невѣста: — такъ ты и знай! Лучше добромъ уѣзжай отсюда, а ужъ я что сказала, то сдѣлаю! не пойду я за тебя! не пойду!

— Да и мнѣ неохота, — пробормоталъ мальчишка мрачно.

— Зачѣмъ же ты ѣхалъ, постылый?

— Староста велѣлъ... оттого...

— Ступай съ моихъ глазъ! ступай!

Мальчишка повернулся и вышелъ. Матрёнка заплакала. Всего можно было ожидать, но не такого надругательства. Ей не приходило въ голову, что это надругательство гораздо мучительнѣе настагаетъ ничѣмъ неповиннаго мальчишку, нежели ее. Цѣлый день она ругалась и проклинала, непрерывно ударяя себя живо-

томъ о столъ, съ намѣреніемъ произвести выкидышъ. Товарки старались утѣшить ее.

— Небось, еще выровняется! — говорила Акулина: — годка два пройдетъ, гренадеръ будетъ. Ему еще долго расти...

— Ихняя сторона — хлѣбная! — увѣряли дѣвушки: — скирдовъ, скирдовъ, сказываютъ, наставлено столько, словно городъ у околицы выстроентъ!

— Гусей мужички держатъ, утокъ, свиней, перепелокъ ловятъ. Убойну круглый годъ во щахъ ѣдятъ.

— Гадёнокъ! гадёнокъ! гадёнокъ! — вопила въ отвѣтъ Матрёнка, заливаясь слезами.

На другой день, однако, она какъ будто притихла. Убѣжденія и утѣшенія возобновились и начали оказывать дѣйствіе.

— Слушай-ка ты меня! — уговаривала ее Акулина. — Все равно тебѣ не миновать замужъ за него выходить, такъ вотъ что ты сдѣлай: сходи ужъ къ нему, да и поговори съ нимъ ладкомъ. Каковы у него старики, хорошо ли живутъ, простятъ ли тебя, нѣтъ ли въ домѣ снوخъ, зятевей. Да и къ нему самому подластись. Онъ только ростомъ невеликъ, а мальчишечка — ничего.

— Въ па-нѣ-вѣ буду ходить... — всхлипывала въ отвѣтъ Матрёнка.

— Что-жъ, что въ панёвѣ! И всѣ бабы такъ ходятъ. Будешь баба, по-бабьему и одѣваться будешь. Станешь бабью работу работать, по домашеству старикамъ помогать — вотъ и обойдется у васъ. Неужто-жъ лучше, съ утра до вечера, не разгибаячи спины, за пальцами сидѣть?

— Извѣстно, хуже, — подтверждала вся дѣвица.

— Эй, послушайся, Матрёнка! Онъ вѣдь тоже человѣкъ подневольный; ему и во снѣ не снилось, что ты забеременѣла, а онъ, ни дай, ни вынеси за что, долженъ чужой грѣхъ на себя взять. Можетъ, онъ и сейчасъ сидитъ въ застойной да плачетъ!

— Они меня смертнымъ боемъ будутъ бить...

— Ничего, не убьютъ. Извѣстно, старики поучатъ сначала, а потомъ увидятъ, что ты имъ не супротивница — и оставятъ. Сходи-ка, сходи!

Матрёнка послушалась. Послѣ обѣда пошла въ застойную, въ которой, на ея счастье, никого не было, кромѣ кухарки. Женѣхъ лежалъ, растанувшись на лавкѣ, и спалъ.

— Егорушко! — окликнула она его, стараясь отыскать въ своемъ голосѣ ласковые тоны.

Егорушка всталъ и недоумѣвающими глазами уперся въ ея животъ, точно ничто другое въ ней не интересовало его.

— Господи! да никакъ онъ все тотъ же, что и вчера! — мельнуло въ ея головѣ, но она перемогла себя и продолжала: — Я съ тобой, Егорушка, говорить пришла...

— Пришла? — машинально повторилъ онъ за нею.

— Пришла прощенья у тебя выпросить. Хотя и не своей волей я за тебя замужъ иду, а все-таки, кабы не грѣхъ мой, ты бы по своей волѣ невѣсту за себя взялъ, на людей смотрѣть не стыдился бы.

— Неохота мнѣ тебя брать; нечестная ты. Буду у господъ милости просить.

— Все одно; барыня что сказала, то безпремѣнно сдѣлаетъ. Лучше ужъ прости ты меня.

— Не въ чемъ мнѣ тебя прощать; нечестная ты — вотъ и все. Прѣпаста на васъ, дѣвокъ, нѣтъ: бѣгаете, высуня языкъ, да любовниковъ ищите... Какъ я тебя съ такимъ горбомъ къ старикамъ своимъ привезу!

— А люты у тебя старики?

Матрѣнка съ тоскою глядѣла на жениха, ища уловить въ его глазахъ хоть искру сочувствія. Но Егорушка даже не отвѣтилъ на ея вопросъ и угрюмо промолвилъ:

— Была ужъ у насъ такая — Варварой звали... тоже съ кузовомъ привезли... Не долго выжила.

— Извели?

— Сама догадалась, извелась.

— Стало быть, ты меня не простишь?

— Сказалъ: не въ чемъ мнѣ тебя прощать. Горькій я!..

Егорушка положилъ голову на столъ и заплакалъ...

— Любить тебя буду, — шептала Матрѣнка, присаживаясь къ нему: — беречь буду. Вѣтру на тебя вѣнуть не дамъ; всякую твою вину на себя приму; что ни прикажешь, все исполню!

Слезы жениха окончательно разбудили ее. Она поняла, что, ради нея, этотъ человѣкъ, еще почти ребенокъ, погибнуть долженъ, и эта горькая мысль, словно электрическій токъ, болѣзненно пронизывала все ея существо.

— Тяжко мнѣ, мочи нѣтъ, тяжело! — продолжала она: — какъ я къ твоимъ старикамъ такая явлюсь!

Она все ближе тѣснилась къ жениху, пытаясь обнять его, но онъ, не перемѣняя положенія, грубо оттолкнулъ ее локтемъ.

— Не вѣсни! не трогай! — сказалъ онъ брезгливо.

— Порѣши ты меня! убей! лучше теперь убей, нежели тамъ меня каждый день изводить будутъ!

Онъ поднялъ голову и взглянулъ на нее. Ей показалось, что

онъ вдругъ на нѣсколько лѣтъ постарѣлъ: до такой степени молодое лицо его исказилось ненавистью и злобой.

— Такъ неужто-жъ тебя жалѣть... поскуду! — прошипѣлъ онъ, и съ этими словами всталъ и вышелъ изъ горницы.

Попытка примиренія упала сама собой; не о чемъ было дальше рѣчь вести. Выводъ представлялся во всей жестокой своей наготѣ: ни той, ни другой сторонѣ не предстояло иного выхода, кромѣ того, который отравлялъ оба существованія. Надъ обоими тяготѣла загадка, которая для Матрѣнки называлась „виною“, а для Егорушки являлась одною изъ тѣхъ неистовыхъ случайностей, которыми до краевъ переполнено было крѣпостное право.

Матрѣнка уже не дѣлала дальнѣйшихъ попытокъ къ сближенію съ женихомъ. Она воротилась въ домъ, когда уже засвѣтили огонь, и молча, вмѣстѣ съ другими, сѣла за пряжу. По лицу ея товарки сразу увидали, что она „прощенья“ не принесла.

— Не смыслить еще онъ, стариковъ боится... Ты бы опять... —начала было Акулина, но поняла, что ждать больше нечего, и прибавила:—вотъ вѣдь какой узелъ вышелъ, и не сообразишь, какъ его развязать!

Раздумывая объ участи, ожидавшей Матрѣнку, въ дѣвичьей шопотомъ поминали имя Ермолая-порника, который жилъ себѣ припѣваючи, точно и не его грѣхъ. Это имя, конечно, могло бы разрѣшить все, но установленные властной рукой порядки не допускали и мысли объ естественной развязкѣ. Порядки эти были на руку мужской прислугѣ и обрушивались всею тяжестью исключительно на дѣвичей. Несчастное существо, называвшееся „дѣвкой“, не только въ безмолвіи принимало брань и побои, не только изнывало съ утра до ночи надъ непосильной работой, но и единолично выносило на себѣ всѣ послѣдствія пробудившагося инстинкта.

Матрѣнка, повидимому, совсѣмъ позабыла объ Ермолаѣ. Какъ я уже сказалъ выше, она пала, какъ сама звѣря, безсознательно, въ чадъ, которымъ до боли переполнила ее внезапно взбунтовавшаяся плоть. Встрѣчаясь съ нимъ теперь, когда суровое будущее уже вполне обрисовалось передъ нею, она не отворачивалась отъ него, а вела себя такъ, какъ бы онъ вовсе для нея не существовалъ. Ей даже не было досадно, когда онъ, проходя мимо, смѣючись, на нее посматривалъ и нагло посвистывалъ, словно подманивая на новый грѣхъ. Но когда до нея дошло, что Ермолай называетъ Егорку крестнымъ сыномъ и вообще вышучиваетъ его, это до такой степени взволновало ее, что однажды она, какъ разъяренная, бросилась на своего случайнаго

любownika. Но онъ шутя отвелъ ея безсильныя руки, и ничего изъ этого порыва не вышло.

Ермолай былъ такой же безсознательно-развращенный чело-вѣкъ, какъ и большинство дворовыхъ мужчинъ; стало быть, дру-гого и ждать отъ него было нельзя. Въ Малиновцѣ онъ появ-лялся рѣдко, когда его работа требовалась по дому, а большую часть года ходилъ по оброку въ Москвѣ. Скука деревенской жизни была до того невыносима для московскаго лодыря, что потребность развлечения возникала сама собой. И онъ отыски-валъ эти развлечения, гдѣ могъ, не справляясь, какія поствѣд-ствія можетъ привести за собой удовлетвореніе его прихоти.

Все было проклято въ этой средѣ; все ходило ощущею въ мракѣ безнадежности и отчаянья, который окутывалъ ее. Одни были развращены до мозга костей, другіе придавлены до потери человеческого образа. Только безсознательность и помогала жить въ такомъ чадѣ.

Время шло. Надъ Егоркой открыто измывались въ застоль-ной и безпрестанно подстрекали Ермолая на новыя выходы, такъ что Ѳедотъ, наконецъ, догадался и отдалъ жениха на село къ мужичку въ работники. Матрѣнка, съ своей стороны, чувствовала, какъ съ каждымъ днемъ въ ея сердце все глубже и глубже впи-вается тоска, и съ нетерпѣніемъ выслушивала сожалѣнія това-ровъ. Не сожалѣнія ей были нужны, а развязка. Не та раз-вязка, которой всѣ ждали, а совсѣмъ другая. Одно желаніе все-цѣло овладѣло ею: погибнуть, пропасть!

И развязка не заставила себя ждать. Въ темную ночь, когда на дворѣ бушевала вьюга, а въ дѣвичьей все улеглось по мѣ-стамъ, Матрѣнка въ одной рубашкѣ, босикомъ, вышла на крыльцо и сѣла. Снѣгъ хлесталъ ей въ лицо, стужа пронизывала все тѣло. Но она не шевелилась и безстрашно глядѣла въ глаза развязкѣ, которую сама придумала. Смерть приходила не вдругъ, и процессъ ея не былъ мучителенъ. Скорѣе это былъ сонъ, кото-рый до тѣхъ поръ убаюкивалъ виноватую, пока сердце ея не застыло.

Утромъ, на крыльцѣ нашли окоченѣвшій Матрѣнкинъ трупъ.

Похоронили виноватую на сельскомъ кладбищѣ, по христиан-скому обряду, не доводя до полиціи и приписавъ ея смерть про-стому случаю. Егорку, котораго миссія кончилась, въ тотъ же день отправили въ украинскую деревню.

Матушка воротилась домой, когда все было кончено.

XXIII.—САТИРЪ-СКЕТАЛЕЦЪ.

— Сатирка-то воротился.

Этимъ извѣстіемъ докончили однажды староста Федотъ свой вечерній докладъ матушкѣ.

— Врешь?

— Въ сѣняхъ дожидается.

— Зови.

Въ дѣвичью вошелъ высокій и худой мужчина лѣтъ тридцати, до такой степени блѣдный, что, казалось, ему цѣлый мѣсяцъ каждый день сряду кровь пускали. Одѣтъ онъ былъ въ черный демикотоновый балахонъ, спускавшійся ниже колѣнъ и напоминавшій покроемъ поповскій подрясникъ; на ногахъ были туфли на босу ногу.

— Гдѣ побывалъ?—спросила его матушка.

— И самъ не знаю. Гдѣ ночь, гдѣ день — не спрашивалъ.

— Бродяга ты; святымъ прикидываешься. На воловольт-то набиралъ ли?

— Принесъ-съ. Три бѣленькихъ, да мелочи рублей съ десять.

Сатиръ вынулъ изъ-за пазухи кошель и высыпалъ на столъ деньги.

— Маловато. Не по прежнему.

— Строго нынче, сударыня. Надо дозволенья просить, а приди-ка безъ паспорта, анъ, вмѣсто дозволенья, пожалуй, въ кутузку посадятъ. Да, признаться сказать, и обокрали въ дорогѣ. Оволо сотни слишкомъ, пожалуй, пропало.

— А ты бы больше зѣвалъ!

— Ежели въ другой разъ... — началъ-было Сатиръ, но матушка на первомъ же словѣ гнѣвно его прервала.

— Не успѣлъ воротиться, а уже опять лыжи наострить собираешься? И не думай, привяжу тебя на веревку... сиди!

— Не беспокойтесь, сударыня, это я только къ слову. Нынче я и самъ не уйду... Надо подумать, куда себя настоящимъ манеромъ опредѣлить...

— Ладно, думай, а я за тебя передумаю... Ишь думальщикъ выискался... „подумать надо“! Ты прежде узнай, что господа о тебѣ думаютъ, а потомъ ужъ и самъ думай. Ступай къ барину, снеси деньги. Пускай старостѣ церковному отдастъ.

Сатиръ уже три раза былъ въ бѣгахъ. Походитъ года два, три, набираетъ денегъ на церковное строеніе и воротится. Онъ и балахонъ себѣ сшилъ такой, чтобъ на сборщика походитъ, и

книжку съ воззваніемъ къ христілюбивымъ жертвователямъ за- велъ, а пелену на книжку тетеньки-сестрицы ему спили. А такъ какъ въ нашей церкви колоколъ былъ малъ и плохъ, то достав- ляемый имъ сборъ присовокуплялся къ общей суммѣ пожертво- ваній на покупку новаго колокола.

Съ молодыхъ лѣтъ, Сатиръ рѣзко выдѣлялся изъ общей массы дворовыхъ. Въ дѣтствѣ, онъ урывками научился церковную печать разбирать, и пристрастился къ чтенію божественныхъ книгъ. Кромѣ этого, онъ ни къ какому другому занятію призванія не чувствовалъ. Свезли его лѣтъ десяти въ Москву и отдали въ ученіе къ переплетчику; но хозяинъ безъ всякаго прока возился съ нимъ шесть лѣтъ и былъ радъ-радѣшенекъ, когда срокъ контракту кончился. Не сидѣлось ему за верстакомъ, все по церквамъ хо- дить. Уйдети съ утра и пропадетъ до ночи. На оброкъ идти онъ на-отрѣзъ отказался, а когда возвратился въ Малиновецъ, то и тамъ оказался лишнимъ. Мысли его, казалось, витали вездѣ, но только не около работы, которую ему поручали. Глубокая задумчивость охватывала все его существо, сердце рвалось и то- сковало, хотя онъ и самъ не могъ опредѣленно объяснить, куда и о чемъ. А кромѣ того, и хворь въ немъ какая-то загадоч- ная таилась, такъ что онъ нѣтъ-нѣтъ да и слегаетъ. Какъ ни строга была матушка, но и она, видя, какъ Сатиръ, убирая ком- наты, вдругъ бросить на полъ щетку и начнетъ Богу молиться, должна была сознаться, что изъ этого человѣка никогда путнаго лакея не выйдетъ. Такъ его и бросили; отъ работы не увольняли, но и не принуждали.

И въ образѣ жизни онъ мало походилъ на своихъ собратій. Не ѣлъ ни мясного, ни даже овощей, потому что послѣднія употреблялись въ застольной исключительно въ соленомъ и ква- шеномъ видѣ. Выпросить кринку снятого, совсѣмъ синяго мо- лока, покрошить хлѣба, и сытъ; а не дадутъ молока, и съ водой тюри поѣстъ. Въ одеждѣ соблюдалъ опрятность, ходилъ медленно, чуть слышно ступая по полу въ туфляхъ, говорилъ тихо, тонень- кимъ теноромъ, и праздныхъ словъ никогда не употреблялъ. Набоженъ былъ чрезвычайно, и когда въ домѣ случались всенощ- ния, то замѣтно одушевлялся. Не отрывалъ глазъ отъ образовъ, вздыхалъ и вообще выказывалъ признаки идеальной страстности, совершенно несвойственной той средѣ, которая его произвела.

Въ дворѣ его считали блаженнымъ. Почти такого же взгляда держались отецъ и тетеньки-сестрицы. Матушка, хотя внутренно негодовала, что онъ только лбомъ объ полъ стучить, однако терпѣла.

— Долго ли съ тобой маяться? День-деньской ты безъ дѣла шатаешься!—говаривала она ему.

— Имѣю желаніе Богу послужить.

— А ты господамъ хорошо служи—вотъ и Богу этимъ послужишь. Богъ-то, ты думаешь, приметъ твою службу, коли ты о господахъ не радѣешь?

Въ то время, ходили слухи о сектѣ „бѣгуновъ“, которая переходила изъ деревни въ деревню, *выскакивая* *выскакивая* и скрываясь отъ преслѣдованія властей въ овинахъ и подпольяхъ крестьянскихъ домовъ. Помѣщики называли эту секту „павостною“, потому что однимъ изъ ея догматовъ было непризнаніе господской власти. Подозрѣвали, что Сатиръ находится въ общеніи съ „бѣгунами“, а матушка даже положительно утверждала, что онъ „павостникъ“. Но это было несправедливо, потому что онъ не только не скрывался, а, напротивъ, открыто появлялся среди бѣлаго дня въ самыхъ людныхъ мѣстахъ и, держа въ рукахъ книжку, выпрашивалъ подаяніе. Случалось, что его лавливали и сажали въ кутузку, но дѣло оканчивалось тѣмъ, что мѣстная власть отнимала у него сборъ и отпускала.

Бѣгать онъ началъ съ двадцати лѣтъ. Первый побѣгъ произвелъ общее изумленіе. Его ужъ оставили въ покоѣ: живи, какъ хочешь; казалось, чего еще нужно! И вотъ, однаковъ, онъ этимъ не удовольствовался, скрылся совсѣмъ. Впрочемъ, онъ самъ объяснилъ загадку, приславъ съ дороги къ отцу письмо, въ которомъ уведомлялъ, что бѣжалъ съ тѣмъ, чтобы послужить церкви Милостиваго Спаса, что въ Малиновцѣ.

— Скатертью дорога!—сказала матушка:—по крайности, на глазахъ не будетъ, да и съ господскаго хлѣба долой!

— А можетъ, и пользу для нашей церкви принесетъ,—отозвался отецъ.

— Дожидайся!

Пробывши въ безвѣстной отлучкѣ три года, онъ воротился домой. Предсказаніе отца сбылось: бѣглецъ принесъ въ пользу церкви около трехсотъ рублей. Это всѣхъ обрадовало и даже отчасти примирило съ нимъ матушку. Все равно, не минешь новый волоколъ покупать, и если не достанетъ церковныхъ денегъ, придется своихъ собственныхъ добавлять, такъ вотъ Сатировъ-то сборъ и пригодится...

— Да ты бы паспортъ взялъ, да съ нимъ бы свободно и ходилъ!—убѣждала его барыня.

— Не возьму, сударыня, паспорта. Не слуга я Богу, коли у меня паспортъ въ рукахъ!—упорствовалъ Сатиръ.

Цѣлую зиму послѣ этого онъ выжилъ въ Малиновцѣ. Его не тревожили и даже отвели въ нижнемъ этажѣ господскаго дома особую каморку, гдѣ онъ и сидѣлъ, словно осужденный на оди-ночное заключеніе. Тамъ онъ, покуда было свѣтло, занимался переписываніемъ „цвѣтничковъ“ (молитвенныхъ сборниковъ), рас-полагая, повидимому, продавать ихъ въ пользу церкви; вече-ромъ, сидя безъ огня, пѣлъ духовныя пѣсни, отголоски которыхъ нерѣдко проникали и въ господскія комнаты. Отецъ, не безъ удовольствія, прислушивался къ этому пѣнію, но матушка, при первыхъ же звукахъ, нетерпѣливо восклицала: „ну, завылъ... пѣ-сельникъ!“ Къ пасхѣ онъ выпросилъ у тетеньки нѣсколько кра-шенныхъ яицъ, вырѣзалъ по скорлупѣ перочиннымъ ножомъ „Христосъ воскресъ“ и роздалъ домочадцамъ.

Съ наступленіемъ весны онъ опять исчезъ. На этотъ разъ хотя ужъ не удивлялись, но безъ тревоги не обошлось. Родилось опасеніе, какъ бы его, въ качествѣ безпаспортнаго, въ Сибирь не угнали: чего добраго, такимъ родомъ онъ и совсѣмъ для „господъ“ пропадетъ.

— Тебѣ-то что! все равно, безъ пользы здѣсь жилъ! — убѣж-далъ матушку отецъ.

— Съ пользой или безъ пользы, а все-таки... — упорство-вала матушка, не высказывая своей мысли вполнѣ.

Возвратившись изъ второго побѣга, Сатиръ опять внесъ въ церковь хорошій вкладъ, но прожилъ дома еще менѣе прежняго и снова исчезъ. Послѣ этого, о немъ подали въ земскій судъ явку и затѣмъ перестали думать.

Теперь, онъ явился изъ третьяго побѣга. Черезъ часъ послѣ объясненія съ матушкой, на вопросъ ея, куда дѣвался Сатиръ, доложили, что онъ въ свою каморку ушелъ.

— Ишь вѣдь, святоша, такъ прямо и претъ! „Своя комната“, вишь, у него есть! точно ему зараньше въ господскомъ домѣ квартира припасена! Не давать ему дровъ, пускай въ холодной комнатѣ живетъ!

Но это были только праздныя слова. На дворѣ стоялъ сентябрь въ концѣ, и сострадательныя души, не спрашиваясь барыни, на-таскали въ Сатирову каморку щены и истопили печку.

— Небойсь, опять, Сатиръ, весной убѣжишь? — любопытство-вали дворовые.

— Нѣтъ ужъ, будетъ. Надо себя настоящимъ манеромъ опредѣлить, — повторилъ онъ тотъ же загадочный отвѣтъ, который только-что передъ тѣмъ далъ барынѣ.

Этотъ отвѣтъ заставилъ матушку задуматься. Куда еще

бродяга загадываетъ опредѣлить себя? Можетъ быть, къ дѣлу какому-нибудь... хорошо, кабы такъ!.. Какъ же! держи карманъ! Привыкъ человѣкъ шалберничать, такъ до конца жизни, хоть ты его расказни, — онъ пальцемъ о палецъ не ударить! Нѣтъ, вѣрно, у него на умѣ что-нибудь другое... ужасное! Вотъ, сказываютъ, одному такому же втемяшилось въ голову, что ежели рабъ своего господина убьетъ, такъ всѣ грѣхи съ него снимутся... и убилъ! Кто его душу знаетъ! можетъ быть, и Сатиръ... Бѣда съ этими богомолами! бродятъ по бѣлу свѣту, всякаго вздору наслушаются—смотришь, анъ изъ него злодѣй выплелъ. Онъ-то себя на каторгу „настоящимъ манеромъ опредѣлить“, а господа, между прочимъ...

Матушка волновалась, а Сатиръ жилъ себѣ втихомолку въ каморѣ, занимаясь своимъ обычнымъ дѣломъ. Чтобы пребываніе его въ Малиновцѣ было не совсѣмъ безъ пользы для дома, матушка посылала ему бумагу и приказывала ему тетрадки для дѣтей списывать и разлиновывать. Но трудъ былъ такъ ничтоженъ, что не только не удовлетворялъ барыню, но еще болѣе волновать ее.

— Ничего-то ты не дѣлаешь, какъ только одурь тебя не возьметъ! — упрекала она бродягу, призывая его отъ времени до времени къ себѣ.

— Неможется мнѣ. Тяжелой работы не въ силахъ работать,— неизмѣнно давалъ онъ одинъ и тотъ же отвѣтъ.

— Ты бы хоть въ комнатахъ послужилъ, Бонону бы помогъ! Кажется, не тяжелая это работа!

— Гдѣ ужъ, сударыня, мнѣ; я и ступить-то въ барскихъ хоромахъ не умѣю. Вотъ кабы Богу послужить!

Проходили дни и недѣли въ безплодныхъ переговорахъ, а Сатиръ продолжалъ стоять на своемъ. Между тѣмъ, сосчитали церковныя деньги; оказалось, что на колоколь собрано больше тысячи рублей, изъ которыхъ добрыхъ двѣ трети внесены были усердіемъ Сатира. Еще рублей двѣсти, и можно было бы купить колоколь пудовъ въ тридцать, что для Малиновца считалось очень приличнымъ. Матушкѣ пришло на мысль выполнить это дѣло немедленно. Съ этою цѣлью, она написала въ Москву Стрѣлькову, чтобъ теперь же приобрѣлъ колоколь, а деньги, ежели недостача будетъ, попросилъ бы заводчика отсрочить. Затѣмъ, призвала Сатира и сказала ему:

— Хвалился ты, что Богу послужить желаешь, такъ вотъ я тебѣ службу нашла... Ступай въ Москву. Я ужъ написала Силантью (Стрѣлькову), чтобъ купилъ колоколь, а по первопутѣ

подводу за нимъ пошлю. А такъ какъ, по расчету, рублей двухсотъ у насъ недостасть, такъ ты повуда походи по Москвѣ да посбирай. Между своими мужичками походишь, да Силантій на купцовъ знакомыхъ укажешь, которые къ божьей церкви радѣльны. Шутя недохватку покроешь.

Такъ все и сдѣлалось. Дня за три до зимняго Николи привезли изъ Москвы колоколъ, а съ нимъ вмѣстѣ явился и Сатиръ. Онъ не только съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе, но, за уплатой заводчику, на рукахъ у него оказалась даже остаца.

Но онъ пришелъ уже совсѣмъ больной, и съ большимъ трудомъ присутствовалъ при церемоніи поднятія колокола. Вѣроятно, къ прежней хворости прибавилась еще простуда, такъ какъ его и теплой одеждой на дорогу не снабдили. Когда торжество кончилось и колоколъ загудѣлъ, онъ воротился въ каморку и окончательно слегъ.

И дни, и ночи отдавался въ нашей образной (какъ разъ надъ каморкой Сатира) глухой кашель больного, до такой степени тяжкій, словно онъ отъ внутренностей освободиться силился. Ухода за нимъ не было. Отданный въ жертву недугу, онъ мучительно метался на своемъ одрѣ, въ одиночествѣ разрѣшая задачу, къ какому дѣлу себя настоящимъ манеромъ опредѣлить. Отецъ едва ли даже зналъ о его болѣзни, а матушка разсуждала такъ: „ничего! отлежится къ веснѣ! этакіе-то еще дольше здоровыхъ живутъ!“ Поэтому, хотя дворовые и жалѣли его, но, въ виду равнодушія господъ, боялись выказывать дѣятельное сочувствіе. Изрѣдка кто-нибудь забѣгалъ, подбрасывалъ въ печь щепокъ, приносилъ пищу и исчезалъ.

Только тѣтеньки-сестрицы вспоминали о Сатирѣ и присылали къ нему Аннушку съ мѣшочкомъ сухой малины, горсточкой липоваго цвѣта и чашечкой меда. Аннушка раздобывалась горячей водой и поила больного.

— Ну что, Сатирушко, каково?—спрашивала она.

— Кашлять тяжко. Того гляди, сердце соскочитъ. Чего добраго, на тотъ свѣтъ въ рабскомъ видѣ предстанешь.

— Такъ что-жъ что въ рабскомъ—прямѣе въ рай попадешь. И Христосъ въ рабскомъ видѣ на землю сходилъ и за рабовъ пострадалъ.

— Оно такъ, да въ ту пору рабы другіе были, извѣчные...

— А мы какіе же?

— А мы прежде вольные были, а потомъ сами свою волю продали. Изъ-за денегъ господамъ въ кабалу продались. За это вотъ и судить насъ будутъ.

— Не мы, чай, продались. Напи-то и родители, и дѣдушки всѣ споконъ вѣку рабами были.

— Все равно, ежели и въ старину отцы продались, мы за ихъ грѣхъ отвѣчать должны. Нѣтъ того грѣха тяжеле, коли кто волю свою продалъ. Все равно что душу.

— Не пойму я тебя. Какъ же съ этимъ быть?

— Кругомъ насъ неволя окружила, влѣщами сжала. Райскія двери на вѣки передъ нами закрыла.

Сатиръ высказывалъ эти слова съ волненіемъ, спѣша, точно не довѣрялъ самому себѣ. Очевидно, въ этихъ словахъ заключалось своего рода міросозерцаніе, но настолько не установившееся, беспорядочное, что онъ и самъ не былъ въ состояніи свести концы съ концами. Едва ли онъ могъ бы даже сказать, что именно оно, а не другой, болѣе простой, мотивъ, въ родѣ, напримѣръ, укоренившейся въ русской жизни страсти къ скитальчеству, руководилъ его дѣйствіями.

— Грѣхъ, Сатирушка, такъ говорить; ну, да ужъ ради долго-терпѣнія твоего, Богъ тебя проститъ. Чтѣ же ты съ собою дѣлать будешь?

— Тяжко мнѣ... видѣнія вижу! Намеднись, всталъ я ночью съ ларя, сѣлъ, ноги свѣсилъ... Смотрю, а вонъ въ томъ углу смерть стоитъ. Черепъ голый, ребра съ боковъ выпятились... ровно шкилетъ. „За мной, что ли?“ говорю... Молчить. Три раза я ее окликнулъ, и все безъ отвѣта... Наконецъ, не побоялся, пошелъ прямо къ ней—смотрю, а ея ужъ нѣтъ. Только безпримѣнно это она приходила.

— А приходила, да опять ушла—тѣмъ еще лучше; значитъ, время тебѣ не пришло... Небось къ веснѣ выправишься. Пойдутъ свѣтлые дни, солнышко играть будетъ, и въ тебѣ душа заиграетъ. Нехорошо тебѣ здѣсь въ каморкѣ; темно, сыро; хоть бы господа когда заглянули...

— Ничего, привыкъ. Я, тетенька, знаешь ли, чтѣ надумалъ. Ежели Богъ меня помилуется, уйду, по просухѣ, въ пустынь на Сольбу ¹⁾, да тамъ и останусь.

— У господъ дозволенія просить надо.

— Дадутъ. Пользы-то отъ меня не сколько. А въ монастырѣ-то съ меня рабскій образъ снимутъ, я въ ангельскомъ чинѣ на вышній судъ и явлюсь.

¹⁾ Сольбинская пустынь, если не ошибаюсь, находится въ кашинскомъ уѣздѣ тверской губерніи. Семья наша ѣзжала туда на богомолье; но такъ какъ я былъ въ то время очень малъ, то никакихъ опредѣленныхъ воспоминаній объ этомъ фактѣ не сохранилъ.

— Ну, вотъ и славно. А покуда я тебѣ деревянненькимъ маслицемъ грудь вытру... Кашель-то, можетъ, и уймется.

Аннушка натирала Сатиру грудь и уходила, оставляя больного въ добычу мучительнымъ приступамъ кашля.

Однажды она явилась къ „старому барину“ и доложила, что Сатиръ проситъ навѣстить его. Отецъ, однако, самъ собой идти не рѣшился, а сообщилъ о желаніи больного матушкѣ, которая сейчасъ же собралась и спустилась внизъ.

Придя въ Сатинову каморку, она нѣсколько смутилась: до такой степени ее поразили и страдальческое выраженіе лица больного, и обстановка, среди которой онъ умираетъ.

— Да ты тутъ въ грязи да въ вони задохнешься,—молвила она,—дай-ка я въ людскую тебя переведу!

— Спасибо, сударыня. Точно, что тамъ посуше будетъ. Только вотъ кашель меня долить, покою тамъ отъ меня никому не будетъ.

— Ничего; потерпѣть. Сейчасъ же пойду и распоряджусь. Ты, я слышала, за старымъ бариномъ посылаешь; открыться, что ли, ты ему хотѣлъ?

— Богу я послужить желаю... въ монастырь бы...

Матушка на минуту задумалась. Не то, чтобы просьба больного удивила ее, а все-таки... „Стало быть, онъ такъ-таки и пропадетъ!“—мелькало у нея въ головѣ. Однако, колебанія ея были непродолжительны. Стоило взглянуть на Сатира, чтобы сразу убѣдиться, что высказанное имъ желаніе—послѣднее.

— Въ монастырь, такъ въ монастырь,—рѣшила она:—доброму желанію господа не помѣха. Выздоровливай, а лѣтомъ, какъ дорога просохнетъ, выдадимъ тебѣ увольненіе—и съ Богомъ! Ты въ какой монастырь надумалъ?

— Да на Сольбу хотѣлось бы...

— И прекрасно. Тихо тамъ, спокойно... словно въ раю! И монахи простые, въ шелки да въ парчи не рядятся, какъ разъ по тебѣ. Съ Богомъ, Сатирушка, выздоравливай!

— Спасибо вамъ, сударыня! Пошли вамъ Царица Небесная!

— Давно бы ты такъ сказалъ! Всѣ-то вотъ вы таковы: отъ господъ скрываетесь, да на нихъ же и ропщете...

— Въ ангельскомъ чинѣ на вышній судъ явлюсь, и за васъ молитвенникомъ буду.

— Вотъ и хорошо. Лежи-ка, лежи, а я сейчасъ за тобой пришло.

Сатира перенесли въ застольную и положили на печку. Подъ вліяніемъ тепла, ему стало какъ будто полегче. Въ обыкновенное время, въ застольной находилась только кухарка съ помощницей,

но во время обѣдовъ и ужиновъ собиралась вся дворня, и шумъ, который она производила, достаточно-таки тревожилъ больного. Однако, онъ вѣршился, старался не слышать празднаго говора, и, въ свою очередь, сдерживалъ, сколько могъ, кашель, разрывавшій его грудь.

Наступилъ мартъ; солнышко заиграло; съ горъ полились ручьи, дороги почернѣли. Сатиръ продолжалъ лежать на печи, считалъ дни и надѣялся.

Однажды привидѣлся ему сонъ. Стоитъ будто онъ въ ангельскомъ образѣ, окутанный свѣтлымъ облакомъ; въ ушахъ раздается сладкогласное ангельское славословіе, а передъ глазами Присно-сущій свѣтъ Христовъ горитъ... Всѣ земныя болѣсти съ него какъ рукой сняло; кашель улегся, грудь дышетъ легко; все существо устремляется въ высь и въ высь...

— Инокъ Серапіонъ!—слышится ему голосъ, исходящій изъ сіяющей глубины.

Такъ, во снѣ, и предсталъ онъ въ ангельскомъ чинѣ передъ вышній судъ Божій.

XXIV. — Довро пожаловать.

— Сергѣичъ въ дѣвичей дожидается, — докладываетъ матушкѣ ключница Акулина.

— Выпросталась, что ли, Аксиныя?

— Стало быть, выпросталась; мальчишечку, слышь, принесла.

Иванъ Сергѣичъ — главный садовникъ, и матушка дорожитъ имъ. Во-первыхъ, она купила его и заплатила довольно дорого; во-вторыхъ, онъ можетъ, пожалуй, оставить господъ безъ фруктовъ и безъ овощей, и, въ-третьихъ, несмотря на преклонныя лѣта, у него цѣлая куча дѣтей, начиная съ двадцатилѣтняго сына Сеньки, который ужъ ходитъ въ Москвѣ по оброку, и кончая груднымъ ребенкомъ. Поэтому, за нимъ, въ видѣ исключенія, оставлена мѣсячина, и Аксиныю, его жену, тоже немолодую женщину, рѣдко употребляютъ на господскую работу, оставляя управляться дома. На Аксиныю матушка любила ссылаться въ оправданіе своей системы безбрачія дворовыхъ.

— Чтѣ въ ней!—говорила она:—только слава, что крѣпостная, а куда ты ее повернешь! Знаешь таскаетъ ребятъ, да кормитъ, да обмываетъ ихъ, вотъ и вся отъ нея польза! Плоха та раба, у которой не господское дѣло, а свои дѣти на умѣ!

— Дѣти за нее служатъ, — возражалъ на это отецъ: — Сенька ужъ по оброку ходитъ, да двѣ дѣвки за пальцами сидятъ.

— Дѣти само по себѣ, а и она должна бы...

Садовникъ является одѣтый по праздничному, въ сюртукъ темно-синяго мохнатого сукна; въ рукахъ у него блюдо, на которомъ лежитъ пирогъ изъ пшеничной муки.

— Долго ли твоя хрѣнówka рожать будетъ?—встрѣчаетъ его матушка:—срамъ сказать, шестой десятокъ бабъ пошелъ, а она, что ни годъ, дѣтей таскаетъ!

— Стало быть, такъ Богъ...

— Мальчика родила?

— Мальчика. Сергѣемъ назвали. Пришелъ васъ просить, сударыня, не окрестите ли?

— Ладно. А отцомъ крестнымъ кто будетъ?

— Да изъ дѣтей кто-нибудь...

Матушка выбираетъ меня, и дѣло улаживается ¹⁾.

Дня черезъ три въ столовой ставятъ купель и наполняютъ тепловодою. Приходитъ попъ съ причтомъ, приносятъ младенца, закутаннаго въ конецъ новины. Я заглядываю ему въ лицо и нахожу, что онъ очень неавантаженъ: красный каберакъ и покрытъ сыпью, цвѣтомъ. Въ сторонѣ, на столѣ, положена рубашонка и серебряный крестикъ на розовой ленточкѣ—подарокъ крестной матери. Матушка беретъ новорожденнаго на руки, становится сзади купели; я становлюсь возлѣ нея, держа въ рукахъ свѣчу. Все время, пока совершается обрядъ, кума учитъ меня: „дунь и плюнь!“; „я пойду вокругъ купели, а ты за мной иди!“ При погруженіи младенецъ немилосердно кричитъ, что даетъ поводъ къ разнымъ замѣчаніямъ, изъ которыхъ далеко не всѣ въ пользу новорожденнаго.

Наконецъ, все совершилось. На свѣтъ прибавилось больше не только однимъ рабомъ, но и христіаниномъ. Батюшкѣ заплатили двугривенный и позвали Сергѣича изъ дѣвичьей. Послѣдній, съ своей стороны, подноситъ два полотенца, изъ которыхъ одно предназначается священнику, другое—матушкѣ.

— Слуга, сударыня, будетъ вамъ!—говоритъ Сергѣичъ, влянаясь матушкѣ въ ноги.

— Дай Богъ! Кононъ, скажи Акулинъ, чтобъ Сергѣичу водки поднесли!

Черезъ нѣсколько часовъ о Серезжѣ уже никто въ домѣ не упоминаетъ, а затѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ глубже погружается онъ въ пучину забвенія. Извѣстно только, что Алексиня кормитъ

¹⁾ Хотя я былъ малолѣтній, но въ то время еще не существовало закона, запрещающаго лицамъ, не достигшимъ совершеннолѣтія, воспринимать младенцевъ отъ купели.

его грудью и раза два приносила въ церковь подь причастіе. Оба раза, проходя мимо крестной матери, она замедляла шагъ и освобождала голову младенца отъ пеленовъ, стараясь обратить на него вниманіе „крестной“; но матушка оставалась равнодушною и въ разспросы не вступала.

Года черезъ два, Сережку уже видятъ около флигеля, въ которомъ живетъ Сергѣичъ. Въ лѣтнее время, по поясъ задравши рубашонку, онъ бродитъ нетвердыми ногами по близости крыльца и старается попасть въ лужу, которая образовалась вслѣдствіе постоянно выливаемыхъ помоевъ. Онъ одинокъ и присмотрѣтъ за нимъ некому, потому что мать ужъ успѣла родить другого ребенка и пѣствуетъ его. Дѣти тоже въ разбродѣ. Однихъ господа взяли въ „мальчишки“, или роздали въ Москвѣ въ ученье; другихъ, самыхъ маленькихъ, Аксиныя усала въ лѣсъ по грибы. По временамъ, Сережка пытается всползти наверхъ по ступенямъ крыльца, но ушибается и начинаетъ реветъ. На крики его, однакожъ, никто не является, и онъ мало-по-малу самъ собой утихаетъ и опять начинаетъ карабкаться и бродить. Наконецъ, около обѣда, является старикъ Сергѣичъ, беретъ Сережку на руки и уноситъ въ домъ. Онъ гладитъ сына по головѣ и вообще, кажется, любитъ его. Навѣрное, онъ принесъ изъ сада въ карманѣ огурецъ или нѣсколько стручковъ сахарнаго гороху и отдастъ ихъ Сережкѣ, когда увидитъ себя вѣдъ посторонняго наблюденія.

Проходитъ еще года три, Сережка ужъ начинаетъ показываться на красномъ дворѣ. Сплетаясь руками съ другими ровесниками-мальчишками, онъ несется вскачь изъ одного конца въ другой, изображая изъ себя то коренную, то пристажную, и предается этому удовольствію до тѣхъ поръ, пока матушка, выведенная изъ терпѣнья, не крикнетъ изъ окна:

— Вотъ я васъ, пострѣлята!

Заслышавъ этотъ окрикъ, ребята, въ глазахъ сердитой барыни, пропадаютъ такъ ловко, что она не можетъ понять, куда они скрылись. Вѣроятно, тутъ же гдѣ-нибудь притаились — много ли мѣста маленькому нужно? — и выглядываютъ.

Около этого же времени, Сергѣичъ и Аксиныя считаютъ полезнымъ напомнить „крестной“ о Сережкѣ. Его одѣваютъ въ чистую рубашку, даютъ въ руку завязанную въ платокъ тарелку съ пшеничной лепешкой и посылаютъ къ барынѣ.

— Это, крестненька, вамъ! — произноситъ Сережка заранее затверженную фразу и ставитъ гостинецъ на столъ.

— Спасибо, голубчикъ, спасибо! — благодаритъ матушка: — поди ко мнѣ, я на тебя посмотрю!

Сережка не робокъ, и довольно развязно подходитъ къ „крестной“. Матушка разсматриваетъ его, но хорошаго находитъ мало. Лицо широкое, красное, скулы выдались, глаза узенькіе, носъ какъ пуговица. Какъ есть калмыкъ. Да и ростомъ малъ не по лѣтамъ.

— Придется въ портные отдать! — мелькаетъ въ головѣ у матушки, отъ взора которой не укрывается, что ноги у крестника короткія и выгнутыя колесомъ, точно сама природа еще въ колыбели осудила его на верстахъ коротать жизнь.

По восьмому году, Сережку взяли въ господскій домъ и опредѣлили въ мальчики по буфетной части. Кононъ научилъ его дышать въ стаканы, стоять съ тарелкой подъ мышкой за столомъ у кого-нибудь изъ господъ, и проч., а самъ онъ собственнымъ инстинктомъ научился слизывать языкомъ съ тарелокъ остатки соуса. За это его порядкомъ трепали, а такъ какъ, сверхъ того, онъ билъ много посуды и вообще „озорничалъ“, то, отъ времени до времени, призывали старика Сергѣича и заставляли сѣчь сына розгами. Вообще, съ первыхъ же шаговъ по лавейской части, онъ такъ неблагонадежно зарекомендовалъ себя, что сразу для всѣхъ сдѣлалось яснымъ, что никогда изъ него настоящаго лакея не выйдетъ.

Поэтому, не успѣло ему минуть десяти лѣтъ, какъ Москва уже поглотила его. Отдали его, какъ заранѣе рѣшила матушка, въ обученіе къ знакомому портному Велифантьеву, который содержалъ мастерскую на Солянкѣ. И началъ Сережка утюги грѣть, въ трактиръ за кипяткомъ бѣгать и получать въ носъ щелчки. Всю горькую чашу существованія мастерового ученика онъ выпилъ до дна, на собственныхъ бокахъ убѣждаясь, что попалъ въ глухой мѣшокъ, изъ котораго некуда выбраться, и что, стало быть, самое лучшее, что ему предстояло, — это притупить въ себѣ всякую чувствительность, обтерпѣться.

И онъ, дѣйствительно, очень скоро обтерпѣлся. Колотушки, пощечины, щипки градомъ сыпались на него со всѣхъ сторонъ, и онъ, повидимому, даже не чувствовалъ боли. Мало того, бродячая жизнь мастерового-ученика до того пришлась ему по сердцу, что онъ былъ безконечно доволенъ собой, когда въ загаженномъ сѣромъ халатѣ расхаживалъ по тротуару, посвистывая и выдѣлывая ногами зигзаги. Веселонравіе неистощимымъ ключомъ било въ его сердцѣ и поминутно подмывало совершить какое-нибудь удалство, озорство или мистификацію. Удалство проявлялось въ томъ, что онъ съ разбѣга ударялся головой въ спину или въ животъ случайному прохожему, и, разумѣется, тутъ же

получалъ нещадное избіеніе. Или набѣгалъ на лотокъ зазѣвашагося разносчика, мгновенно слизывалъ пирогъ или стопку маковниковъ и мгновенно же исчезалъ, словно пропадалъ сквозь землю. Но въ особенности любилъ онъ всякаго рода мистификаціи. Подмѣтитъ на тротуарѣ простофилю и развязно къ нему подбѣжить.

— Васъ Иванъ Андреичъ къ себѣ зоветъ!

— Какой Иванъ Андреичъ?

— Не знаю. Иду сейчасъ по Таганкѣ, а онъ меня остановилъ: „увидишь, говоритъ, господина Простофилина, скажи, что Иванъ Андреичъ зоветъ“.

— Я не Простофилинъ, а Тузовъ.

— Такъ точно; онъ такъ и сказалъ, а это я ужъ отъ себя...

И начинается простофиля припоминать, какой такой Иванъ Андреичъ выказываетъ желаніе видѣться съ нимъ. Припоминаетъ, припоминаетъ, да, пожалуй, и припомнитъ. Бросить нужное дѣло и пойдетъ Ивана Андреича разыскивать.

Или остановится на бѣгу посреди тротуара, закинетъ голову и начнетъ въ самую высь всматриваться. Идутъ мимо простофили, видятъ, что человекъ, должно быть, что-нибудь достопримѣчательное высматриваетъ, и тоже останавливаются и закидываютъ головы. Смотрятъ, смотрятъ—ничего не видятъ.

— Да, что ты, лѣпшій, тамъ видишь?

— А то же самое, что и ты, домовой, высматриваешь!

Разумѣется, трѣпка.

Вообще, онъ до того свылся съ мыслью о необходимости трѣпокъ, что ужъ не уклонялся, а даже какъ бы напрашивался на нихъ.

Но независимо отъ озорливости, которая развивалась все больше и больше, въ немъ начали проявляться и пороки. Сталъ онъ попивать, поворовывать и вообще обѣщать представить изъ себя образцоваго ѣрника. Разнузданная и безпризорная ученическая среда нещадно точила и развращала молодое сердце, а личная воспримчивость открывала портъ безпрепятственный доступъ. Дѣйствовать на него разумнымъ путемъ было некому, да и некогда; но такъ какъ въ воспитательной практикѣ все-таки чувствовалась потребность, то сумма побоевъ, постепенно увеличиваясь, достигла, наконецъ, такихъ размѣровъ, что Сережка не выходилъ изъ синяковъ. Билъ его хозяинъ, били мастера, били товарищи-ученики. Не было той руки, той плетки, той палки, которая не побывала бы на немъ. Но ни одной слезинки не показывалось на его глазахъ, ни малѣйшаго сокращенія

мышцъ не замѣчалось въ лицѣ: стоитъ какъ каменный, ни однимъ мускуломъ не дрогнуть.

Больно ли сердце старика Сергѣича о погибающемъ сынѣ—я сказать не могу, но, во всякомъ случаѣ, ему было не безызвѣстно, что съ Сережкой творится что-то неладное. Можетъ быть, онъ говорилъ себѣ, что въ „ихнемъ“ званіи всегда такъ бываетъ. Бросать человѣка, еще несмыслѣннѣе, въ омутъ, онъ и крутится тамъ. Иной случайно вынырнетъ, другой такъ же случайно погибнетъ—ничего не подѣлаешь. Ежели идти къ барынѣ, просить ее, она скажетъ: о чемъ ты просишь? самъ посуди, чтожь тутъ подѣлаешь?.. Пускай ужъ...

Ученье, между тѣмъ, шло своимъ чередомъ. По шестнадцатому году, Сережка уже сидѣлъ на верстаѣ и беспорядочно тыкалъ иглою въ суконные лоскутки, на которыхъ его приучали къ настоящей работѣ. Черезъ годъ, черезъ два, онъ сдѣлается, пожалуй, заправскимъ портнымъ, а тамъ, благослови Господи, и на оброкъ милости просимъ. Уйдетъ Сережка отъ портного Велифантьева и начнетъ по Москвѣ изъ мастерской въ мастерскую странствовать.

Сидитъ онъ, скрючившись, на верстаѣ, а въ головѣ у него словно молоты стучать. Опохмѣлиться бы надобно, да не на что. Вспоминаетъ Сережка, что давеча у хозяина въ комнатѣ (черезъ сѣни) на кіотѣ онъ мѣдную гривну видѣлъ, встаетъ съ верстака и, благо хозяина дома нѣтъ, исчезаетъ изъ мастерской. Но главный подмастерье пристально слѣдитъ за нимъ, и въ то мгновеніе, какъ онъ притворяетъ дверь въ хозяйскую комнату, вцѣпляется ему въ волоса.

— Ты это что, подлецъ! воровать собрался?

Трѣпса.

Искры сыплются изъ глазъ Сережки, но онъ не возражаетъ. Ему даже кажется, что колотушки до извѣстной степени опохмѣлили его. Спокойно возвращается онъ на верстаѣ, и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ тыкать иглою въ лоскутки.

И всѣ кругомъ хохочутъ, всѣ рады, что въ ихъ глазахъ разыгралось побоище.

Но, вотъ, срокъ условію, заключенному съ Велифантьевымъ, кончился. Изъ Малиновца получается приказъ: обложить Сережку оброкомъ, на первый разъ легкимъ, въ двадцать рублей (ассигнаціями). Сережка немедленно оставляетъ мастерскую, въ которой получилъ воспитаніе, и отправляется на поиски за мѣстомъ. Съ недѣлю онъ слоняется по Москвѣ, проводя гдѣ день, гдѣ ночь, и такъ какъ у него достаточно пріятелей, то, наконецъ, ему

удается пріютиться въ одной изъ большихъ мастерскихъ, гдѣ кипима-кипитъ цѣлая масса мастеровыхъ. Благодаря этому многоялюдству, надзоръ не такъ придирчивъ, и Сережка, разумѣется, очень этому радъ. Онъ выпрашиваетъ у хозяина денегъ на оброкъ, и на первый разъ полностью относитъ ихъ Стрѣлкову (довѣренный матушки, см. XIV-ю главу): пускай, дескать, барыня знаетъ, каковъ таковъ есть Сережка портной!

Годъ проходитъ благополучно. На другой годъ наступаетъ срокъ платить оброкъ—о Сережкѣ ни слуху, ни духу. Толкнулся Стрѣлковъ къ послѣднему хозяину, у котораго онъ жилъ, но тамъ сказали, что Сережка, нѣсколько недѣль тому назадъ, ушелъ къ Троицѣ Богу молиться и съ тѣхъ поръ не возвращался. Искать, искать его Стрѣлковъ по Москвѣ, на извозчиковъ разорился, но такъ и не нашелъ.

— Вотъ и опять солдатики на очередь высочили!—молвила матушка, когда до нея дошла вѣсть объ исчезновеніи крестнаго сына.—И ждать нечего; безъ разговоровъ надо хамово отродье истреблять!

Стрѣлкову подтвердили стеречь Сережку, и, какъ только появится, не высылая въ деревню, представить въ Москвѣ въ рекрутское присутствіе и сдать въ солдаты, разумѣется, въ зачетъ. Но матушка не ограничилась этимъ и призвала къ допросу старика Сергѣича:

— Сказывай, гдѣ Сережка?—прикрикнула она на него.

— А я почему знаю!

— Ты отецъ; долженъ знать. А коли ты отъ родного сына отказываешься, такъ вотъ что: напиши своему Сенькѣ, что если онъ черезъ мѣсяцъ не представитъ брата Стрѣлкову, такъ я ему самому лобъ забрюю.

— Вся ваша воля,—началь-было Сергѣичъ, но спохватился, и рѣзко, но резонно отгѣтилъ:—вы, сударыня, только, не знаю за что, народъ изводите. Сенька-то, можетъ, и во снѣ не видалъ, гдѣ братъ у него находится... Нечего ему и писать.

И матушка должна была смолкнуть.

Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ не могли устеречь Сережку. Самые разнородные слухи ходили о немъ. Одни говорили, что онъ поступилъ въ шайку воровъ и промышляетъ по Москвѣ мелкими кражами; другіе утверждали, что онъ удалился въ одинъ изъ пустынныхъ монастырей и опредѣлился тамъ послушникомъ. Были даже такіе, которые за вѣрное сообщали, что онъ перешелъ въ расколъ, что его перекрестили въ Халиловскомъ пруду и потомъ увезли далеко „въ Зырянъ“ (въ сѣверной части перм-

ской губерніи), въ скиты. Изъ этихъ предположеній вѣрнымъ оказалось первое: Сережка дѣйствительно скрывался въ Москвѣ и воровалъ.

Едва успѣвши встать на ноги, онъ уже погибалъ. Ремесла у него не было, а то небольшое, чему онъ успѣлъ научиться у Велифантьева, въ теченіе двухъ лѣтъ празднопатательства окончательно позабылось. Воровство представлялось единственнымъ выходомъ, чтобы существовать. Существовать, т.-е. пить, потому что вино, какъ лекарство, давало его организму тѣ элементы, которыхъ послѣднему не доставало. Это былъ своего рода „порочный кругъ“, въ которомъ онъ вращался, ругаясь и проклиная, но малѣйшее уклоненіе отъ котораго производило въ немъ мучительный переполохъ. Подъ вліяніемъ виннаго угара, онъ ожидалъ; какъ только угаръ проходилъ, такъ со всѣхъ сторонъ обступалъ рой сѣрыхъ призраковъ, наполнявшихъ сердце щемящей тоской. Двадцати лѣтъ онъ уже смотрѣлъ застарѣлымъ пьяницей; лицо опухло и покрылось красными пятнами; все тѣло дрожало, какъ въ лихорадкѣ.

Постояннаго угла у него не было. Днемъ онъ бродилъ по окраинамъ города, не рискуя проникать въ центральныя части; съ наступленіемъ ночи, уходилъ за заставу, и лѣтомъ ночевалъ въ канавѣ, а зимой зарывался въ сѣнной стогъ. Воровалъ онъ въ одиночку, потому что настолько ужъ отупѣлъ и одичалъ, что ни одна шайка его не принимала. Почти ежедневно ловили его въ воровствѣ; но такъ какъ кражи были мелкія, и притомъ русскій человѣкъ вообще судиться не любитъ, то дѣло рѣдко доходило до сѣзжей и кончалось кулачной расправой. Но побои настолько превышали размѣръ кражъ, что всѣ кости у него болѣли и ныли.

Какъ бы то ни было, но вино поддерживало въ немъ жизнь, и въ то же время приносило за собой забвеніе жизни. Я не утверждаю, что онъ сознательно добивался забытья, но оно приходило само собой, а это только и было нужно.

Наконецъ, Стрѣлковъ узналъ достоверно, что Сережка содержится на сѣзжей въ одной изъ отдаленныхъ частей города. На этотъ разъ онъ попался въ довольно крупномъ воровствѣ, и о немъ шло слѣдствіе. Задача предстояла трудная; надо было потушить дѣло и во что бы ни стало вызвать Сережку. Затѣмъ, надлежало вытрезвить его и сдать въ солдаты, хотя малый ростъ и кривыя ноги дѣлали предпріятіе крайне сомнительнымъ. Но матушка не даромъ называла Стрѣлкова золотымъ человѣкомъ. При помощи знакомствъ и сравнительно небольшихъ рас-

ходовъ, ему удалось исполнить приказаніе барыни съ буквальною точностью. Сережку подвели подъ мѣру и вытянули такъ ловко, что онъ въ самый разъ угодилъ.

— Лобъ!—провозгласилъ предсѣдатель присутствія.

— Лобъ! лобъ! лобъ!—перекатилось, какъ эхо, по всѣмъ камерамъ до послѣдней, гдѣ принатыхъ ожидалъ циркульникъ. Свершилось. Сережка пересталъ существовать въ качествѣ двороваго человѣка и вступилъ въ новую жизнь.

Матушка не безъ удовольствія получила извѣстіе объ этой развязкѣ, но, разумѣется, еще больше была довольна тѣмъ, что извѣстіе сопровождалось зачетной рекрутской квитанціей.

Но когда она прятала эту квитанцію въ денежный ящикъ, то ей невольно пришли на память слова, сказанныя Сережкой въ тотъ разъ, когда онъ, еще пятилѣтній мальчишка, явился къ ней съ пшеничной лепешкой.

— Это, крѣстненька, вамъ!

XXV.—СМЕРТЬ ФЕДОТЫ.

Третій мѣсяцъ Федотъ ужъ не вставалъ съ печи. Хотя ему было за шестьдесятъ, но передъ тѣмъ онъ смотрѣлъ еще совсѣмъ бодро, и потому никому не приходило въ голову, что эту сильную, исполненную труда, жизнь ждетъ скорая развязка. О причинахъ своей болѣзни онъ отзывался неопредѣленно: „въ нутрѣ будто оборвалось“.

— Въ ту пору возъ съ сѣномъ плохо навили, — говорилъ онъ, — и началъ онъ, по дорогѣ, на сторону валиться. Мужикъ-то лошадь подъ уздцы велъ, а я сбоку шелъ, плечомъ подпиралъ. Ну, и случилось.

Изъ всей малиновецкой вотчины это былъ единственный человѣкъ, въ которому матушка была искренно расположена. Старостой его назначили лѣтъ двѣнадцать назадъ, и все время онъ такъ разумно и честно распоряжался, что про него безъ ошибки можно было сказать: вотъ человѣкъ, который во истину вѣрой и правдой служить! Попивалъ онъ, правда, но только по большимъ праздникамъ, когда и Богъ простить. Но всего дороже въ немъ было то, что, соблюдая господскій интересъ, онъ и за крестьянъ заступался. И хотя матушка, по временамъ, называла его за это потакѣвщикомъ, но внутренне сознавала, что Федотова политика избавляетъ ее отъ цѣлой массы мелкихъ неудобствъ.

И Федотъ, и матушка, какъ говорится, сердцами сошлись. Каждый вечеръ старикъ появлялся въ стѣнахъ дѣвичьей и по долгу бесѣдовалъ съ барыней. Оба проникли въ самую суть сельско-хозяйственнаго дѣла, оба понимали другъ друга. Матушка съ неослабвающимъ вниманіемъ выслушивала старосту, который неторопко и обстоятельно докладывалъ ей исторію цѣлаго дня. Потому, они, общими силами, обсуждали каждый отдѣльный вопросъ, и почти всегда слагивались. Матушка была дальновиднѣе, зато Федотъ бралъ верхъ по части подробностей. А такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ подробности играютъ наиболѣе вѣскую роль, то, въ большинствѣ случаевъ, разногласія разрѣшались въ пользу старости. Даже старый баринъ нерѣдко заходилъ въ дѣвичью во время этихъ диспутовъ и съ любопытствомъ въ нихъ вслушивался. Наговорившись до-сыта и проектировавши завтрашній рабочій день (всегда на-двое: на случай вѣдра и на случай дождя), матушка приказывала подать Федоту рюмку водки и спокойная уходила въ свою комнату.

И вдругъ этотъ вѣрный и честный слуга—даже другъ—заболѣлъ. Заболѣлъ безнадежно, какъ это всегда въ крестьянскомъ быту водится. Не любятъ мужички задаромъ бога пролеживать, а если который слегъ, то такъ и жди неминуемаго конца. Хорошо еще, что это случилось глубокой осенью, а еслибъ лѣтомъ, въ самый развалъ страды—просто хотъ пропадай безъ Федота. Жалко Федота: „другъ“ онъ; но другъ само по себѣ, а и о господскомъ интересѣ нельзя не подумать. Вотъ и теперь: молотьбѣ и конца еще не видать, а какъ она идетъ—поди, услѣди! При Федотѣ, всякое зерно было на счету; безъ него—того и гляди, десятого зерна не досчитаешься. Особенно бабы. Хитра крѣпостная баба, не догадывается, какъ она мѣшочекъ съ пупиной унесетъ. Одна мѣшочекъ, другая мѣшочекъ — посчитай-ка, анъ и многонько выйдетъ.

Словомъ сказать, смѣсь искренняго жалѣнія объ умирающемъ слугѣ съ не менѣе искреннимъ жалѣніемъ о господинѣ, котораго эта смерть застигала врасплохъ, въ полной силѣ проявилась тутъ, какъ проявлялась вообще во всей крѣпостной практикѣ. Это было не лицемеріе, не предательство, а естественное двоегласіе, въ которомъ два теченія шли рядомъ, не производя никакого переполоха въ человѣческомъ сознаніи.

Матушка по цѣлымъ часамъ прочитывала Енгальчевскій лечебникъ, отыскивая подходящее средство. Напавши на какой-нибудь недугъ, схожій, по ея мнѣнію, съ тѣмъ, которымъ страдалъ Федотъ, она прибѣгала къ домашней аптекѣ, совѣтовалась

съ горничной дѣвушкой, которая считалась специалисткою по всякимъ болѣзнямъ, и обѣ общими силами приготавливали лекарства. Черезъ день, а иногда и чаще, она брала съ собой дѣвушку-лекарку, садилась на долгушу-трясучку и, несмотря на осеннюю слякоть, тащилась за двѣ версты въ Измалково — деревню, въ которой жилъ Ѳедотъ. Но ни лекарство ласковой барыни, ни присутствіе ея не помогали больному. Лежалъ онъ какъ пласть, на печи, исхудалый, какъ скелетъ. И животъ у него сильно вздулся — должно быть, именно тамъ и крылась причина недуга.

— Напрасно, сударыня, беспокоитесь, — говорилъ онъ задвленнымъ голосомъ, силясь приподняться.

— Лежи, лежи! не говори, коли трудно! — приказывала матушка и садилась къ столу, чтобы подробно разспросить домашнихъ и дать необходимыя наставленія.

— Хорошо ли онъ спитъ?

— Гдѣ ужъ! чутьчку задремлетъ, и опять стонать примется.

— Ёсть ли?

— Гдѣ ужъ! чутьчку поѣстъ — все вонъ! все вонъ!

— Ну, такъ вотъ что. Сегодня я новыхъ лекарствъ привезла; вотъ это — майскій бальзамъ, животъ ему чаще натирайте, а на ночь скатайте катышѣкъ и внутрь принять дайте. Вотъ это — гофманскія капли, тоже, коли чтѣ случится, давайте; это — настойка звѣробоя, на ночь полстакана пусть выпьетъ. А ежели давно онъ не облегчался, промывательное поставьте. Богъ дастъ, и полегче будетъ. Я и лекарку у васъ оставлю, пускай за больнымъ ходитъ, а завтра утромъ придетъ домой и скажетъ, коли чтѣ еще нужно. И опять что-нибудь придумаемъ.

— Дай-то, Господи! Пошли вамъ Царица Небесная! — хоромъ благодарили Ѳедотовы домохадцы.

— Ну, Ѳедотушка, покуда прощай! никто какъ Богъ! — говорила матушка, подходя къ Ѳедоту: — а я за тебя въ воскресенье твоему ангелу свѣчку поставлю! Еще такъ-то съ тобой поживемъ, что любо!

— Молотъба-то какъ? — тоскливо бормоталъ больной, желая хоть этимъ вопросомъ отблагодарить барыню за участіе.

— Чтѣ молотъба! былъ бы ты здоровъ, а молотъба своимъ чередомъ сойdetъ... Ну, Христосъ съ тобой! лежи!

— Дай вамъ Богъ! пошли Царица Небесная!

Матушка уѣзжала, а Ѳедоту усердно терли животъ и вливали въ ротъ звѣробойную настойку.

Матушку сильно волновалъ вопросъ, кого на мѣсто Ѳедота въ старосты выбрать. Сына своего, Аеоньку, старикъ не реко-

мендоваль: загаду ховайскаго у него нѣтъ, да и на вино слабѣ. А сельскій Архипъ, на котораго указывалъ Ѳедотъ, не по праву былъ матушкѣ. Начнешь съ нимъ говорить—слова въ отвѣтъ не получишь. И при работахъ догадки у него нѣтъ. Смотрить прямо, а что по сторонамъ дѣлается—не видитъ. Сущій вахлакъ, никакой самостоятельности отъ него не жди. А матушка любила, чтобъ начальники, которымъ она довѣряетъ, возражали ей (но, разумѣется, чтобъ возражали дѣлю, а не лотошили зря), чтобъ они имѣли глаза не только спереди, но и съ боковъ и сзади. Правда, что у Архипа собственное хозяйство было въ исправности, да вѣдь барское хозяйство не чета крестьянскому. Поручика ему большое колесо—онъ сразу растеряется.

Въ господскомъ домѣ, за обѣдомъ, за чаемъ, когда бы ни собрались господа, только и было рѣчи, что о Ѳедотѣ. На смерть его смотрѣли какъ на бѣдствіе.

— Да, задать Ѳедотунѣа загадку!—жаловалась матушка:—кажется, и концовъ не сыщешь, какого онъ кавардаку надѣлалъ!

— На все Божья воля,—смирненно отзывался отецъ.

— Тебѣ что! Ты заперся у себя въ кабинетѣ, и горюшка мало! сидишь, да по лямкамъ похлопываешь... А я цѣльный день какъ въ огнѣ горю... Куда я теперь безъ Ѳедота поспѣла!

— Ну, найдешь чего-нибудь.

— Ищи ты, а я ужъ устала искавши. Брошу все, уѣду отъ васъ; живите какъ знаете.

Взглянетъ матушка въ окошко, а на дворѣ дождь. И опять у ней по Ѳедотунѣа сердцу щемить начнетъ.

— Льетъ да поливаетъ!—ропщетъ она:—который ужъ день эта канитель идетъ, а все конца краю тучамъ не видать. Намолотили съ три пропасти, а вороха невѣянные стоятъ ¹⁾. Кабы Ѳедотъ—онъ что-нибудь да придумалъ бы.

— Что тутъ придумаешь! Какъ противъ воли Божьей пойдешь!

— Божья воля сама по себѣ, а надо и мѣры принимать. Подъ лежащій камень и вода не бѣжитъ. Вотъ какъ зерно-то сопрѣетъ, тогда и увидимъ, какъ ты о Божьей волѣ разговаривать будешь!

Но всего больше беспокоила перспектива: растащутъ! разворуютъ! Давно ужъ въ малиновецкой барщинѣ о расхищеніи господскаго добра слуховъ не было, да вѣдь это все-таки Ѳедотъ завелъ. Онъ не былъ строгъ съ крестьянами, но воровство пре-

¹⁾ Въ то время ни молотилокъ, ни вѣялокъ не было; вѣяли съ лопаты на открытомъ гумнѣ, при благоприятномъ вѣтрѣ.

слѣдовалъ неумолимо. Взглядъ у него на эти дѣла тонкій былъ: подойдетъ и сейчасъ угадаетъ. По началу, какъ его въ старосты опредѣлили, только, бывало, и видишь: идетъ Оедотъ и бабу съ мѣшочкомъ съ колосьями или съ пущиной на конюшню водить. Водилъ, водилъ, да такъ-то отъучилъ, что подѣ конецъ и подозрѣній ни на кого ужъ не возникало. А на Архипа (онъ ужъ временно замѣщалъ Оедота) развѣ можно положиться? Это таковой, прости Господи, рохля, что изъ-подъ носу у него утащутъ—онъ и не увидитъ. И о чемъ только онъ думаетъ! Передъ глазами господское дѣло, а въ мысляхъ: „что-то, молъ, дома у меня дѣлается?“ А вотъ взять да и раскатать этотъ „домъ“ по бревнышку—и думай тогда о немъ!

— Нужно бы въ ригу подослать, да посмотрѣть, что тамъ дѣлается; кого я пошлю?—опять начинается матушка.

— Архипъ доглядитъ.

— Доглядчикъ!

— Ну, Акулину пошли, сама сходи.

— У Акулины своего дѣла по горло; а сама и сходила бы, да ходилки-то у меня ужъ не прежнія. Да и что я на васъ за работница выискалась! ишь, командиръ командуетъ: сходи да сходи! Уѣду отсюда, вотъ тебѣ крестъ, уѣду! Выстрою въ Быковѣ усадьбу, возьму дѣтей, а ты живи одинъ съ милыми сестрицами, любуйся на нихъ!

Отецъ вздыхалъ и смирялся. Давно ужъ, при каждой встрѣчѣ, по каждому случаю, эта суতোка идетъ, и не вспомнишь, когда она началась. Всякая неприятность, какая ни случится въ домѣ, непременно на немъ обрушивается. „Это все ты! Это все ты!“—только и словъ. А иногда и такъ еще скажетъ: „скоро ли ты, старый хрѣнь, на тотъ свѣтъ отправишься!“ Было время, когда онъ, въ отвѣтъ на эти окрики, раздражался грубою бранью и бунтовалъ; но, наконецъ, усталъ. Старчество все глубже и глубже втягивало его въ свои нѣдра, а за старостью, сама собой, пришла безпомощность. И не одна безпомощность—это бы куда ни шло!—но и сознаніе полнѣйшей личной бесполезности. Онъ и самъ какъ будто понимаетъ, что бросаемые ему въ лицо упреки вполнѣ имъ заслужены, только форма ихъ словно черезчуръ безсовѣстна. Дѣйствительно, онъ не только лишній, но и помѣха въ домѣ. Какъ ни сокращаетъ онъ свои требованія, какъ ни прячется отъ живыхъ людей, все-таки онъ еще дышетъ, и этимъ однимъ напоминаетъ, что за нимъ нуженъ уходъ...

Оедота онъ, кажется, любилъ, даже больше, нежели матушка. Почему-то у него сложилось убѣжденіе, что старый слуга ко-

свѣннымъ образомъ ограждаетъ его. Покуда Ѳедотъ распоряжался барщиной, меньше встрѣчалось поводовъ для шума и крика. Рѣже кричали: „это все ты! все ты!“ Рѣже напоминали, что ему давно очистить мѣсто пора, что съ его стороны безсовѣстно праздно проводить время, бременить землю, тогда какъ все кругомъ работаетъ, въ котлѣ кипитъ. Но вотъ и Ѳедотъ умираетъ—всѣ старики умерли—всѣ! только одинъ онъ, старый малиновецкій владыка, ждетъ смерти и дожидаться не можетъ.

Матушка хоть на короткое время старается позабыть о постигшей ея невзгодѣ.

Она внимательно выслушиваетъ вечерній докладъ Архипа и старается ввести его въ кругъ своихъ хозяйственныхъ взглядовъ. Но Архипъ непривыченъ и робѣетъ передъ барыней. Къ несчастію, матушка окончательно утратила всякое чувство самообладанія и не можетъ сдерживать себя. Начавши съ молчаливаго выслушиванія, она переходитъ въ поученія, а изъ поученій въ крикъ. Ошеломленный этимъ крикомъ, Архипъ уже не просто робѣетъ, но дрожитъ. Вслѣдствіе этого, вопросы остаются неразрѣшенными, и новый староста уходитъ, оставленный на произволъ судьбы.

— Ничего-то онъ не смыслить!—жалуется матушка Авулинѣ.

— Очень ужъ вы, сударыня, кричите на него.

— Отчего же Ѳедотъ съ одного слова понималъ?

— На то онъ и Ѳедотъ былъ. Ѳедотъ-то лучше вашего всю подноготную зналъ, а этотъ вновь. Съ Ѳедотомъ-то вы, небойсь, тихимъ манеромъ разговаривали.

Матушка начинаетъ припоминать. Дѣйствительно, никогда она Ѳедоту худого слова не сказала, никогда на него не прикрикнула. Съ самаго начала у нихъ какъ-то скоро наладилось. Кто знаетъ?—можетъ быть, и изъ Архипа что-нибудь путное выйдетъ, если ладкомъ къ нему подступить? Матушка задумывается надъ этимъ вопросомъ, и общаетъ себя *завтра* во что бы ни стало сдержать себя. Но является на другой день Архипъ, и принятое наканунѣ рѣшеніе сейчасъ же улетучивается. Онъ, по-вчерашнему, робокъ и ненаходчивъ, и, по-вчерашнему же матушка, кромѣ бессодержательныхъ криковъ, ничего не находитъ сказать ему въ назиданье.

Охваченная одной и той же мыслью, матушка всѣ дѣла запустила. Примется за счеты—ничего не понимаетъ; задумается кому-нибудь изъ бурмистровъ приказъ написать—ничего порядкомъ сообразить не можетъ. Придетъ въ дѣвичью—ко всему придирается; повару обѣдъ заказывать перестала: чѣмъ хочешь, тѣмъ

и корми! Даже денегъ путемъ счесть не можетъ: то ли всѣ цѣлы, то ли разворовали. Повсюду ей мерещутся неисправности, порухи, ущербы... Разумѣется, всѣ эти порухи и ущербы существуютъ только въ ея воображеніи, потому что заведенные Ѳедотомъ порядки у всѣхъ еще въ памяти, и дѣло, покаявшись, идетъ своимъ чередомъ. Но разъ воображеніе взбудоражено, она ужъ не можетъ справиться съ нимъ.

— Хоть бы ужъ поскорѣе... одинъ конецъ! — частенько мелькаетъ въ ея головѣ.

И сны ей снятся такіе, что не разберешь. То приснится, что Ѳедотъ ужъ умеръ, то будто онъ пришелъ въ дѣвичью и говоритъ: „а вѣдь я, сударыня, всталъ!“

„Вотъ кабы“... — начинаетъ она мечтать, въ просонкахъ, и ждетъ не дождется утра, когда должна явиться дѣвушка-лекарка съ докладомъ изъ Измакова.

— Ну что? — выбѣгаетъ она на встрѣчу ей.

— Да все то же. Не долго, должно быть.

Матушка въ волненіи скрывается въ свою комнату и начинаетъ смотрѣть въ окно. Слякоть по дорогѣ невылазная, даже траву на красномъ дворѣ затопило, а дождикъ продолжаетъ лить да лить. Она сердито схватываетъ колокольчикъ и звонить.

— Архипа!

Приходитъ Архипъ и заранѣе ужъ дрожитъ, предчувствуя барынины гнѣвъ.

— Сегодня не вѣяли?

— Какъ же въ такую погоду вѣять!

— Ступай вонъ... ротозѣй!

Архипъ уходитъ, но черезъ минуту, уже по собственному почину, возвращается.

— Вы бы меня, сударыня, уволили! — говоритъ онъ, стараясь придать своему голосу твердость.

— Это чтò за новости! Безъ году недѣля палку въ руки взялъ, а ужъ поговаривать началъ! Захочу отпустить — и сама догадаюсь. Знать ничего не хочу! Хоть на ладоняхъ у себя вывѣйте зерно, а чтобъ было готово!

Архипъ уныло уходитъ; матушка опять звонить.

— Бѣгите къ попу! скажите, чтобъ завтра чуть свѣтъ молебень объ вѣдрѣ отслужилъ, да и объ Ѳедотѣ встати помолился бы. А Архипкѣ ротозѣю прикажите, чтобъ всю барщину въ церковь согналъ.

Однако, и молебень не поднялъ недужнаго съ одра. Ѳедотъ видимо приближался къ роковой развязкѣ, а дождь продолжалъ

лить какъ изъ ведра. Матушка самолично явилась въ ригу и даже руками всплеснула, увидѣвши громадныя вороха обмолоченнаго и невывѣяннаго хлѣба.

— А вы, голубчики, все молотите да молотите! — крикнула она на молотильщиковъ, и тутъ же, обратясь къ Архипу, грубо распорядилась: — покуда ненастье на дворѣ, пусть мужики на себя работаютъ. Нечего баловать. А какъ только выйдетъ ведренный день — всѣхъ людей поголовно на барщину гнать.

Наконецъ, смерть утомилась ждать. Позднимъ вечеромъ Аеонъка прискакалъ верхомъ и доложилъ, что Ѳедотъ кончается. Несмотря на тѣмень, матушка сейчасъ же отправилась въ Измаево.

Ѳедотъ умиралъ. Въ избѣ было душно и смрадно; цѣлая толпа народа — не только домашніе, но и сосѣди — скучилась у подножія печки, на которой лежалъ больной, и громко гуторила.

— Уйдите всѣ! — крикнула матушка: — пусть остаются только Лукерья (Ѳедотова жена) да Аеанасій.

Съ помощью Аеанасыя, она влѣзла на печь и сѣла возлѣ умирающаго. Ѳедотъ лежалъ съ закрытыми глазами; грудь уже не вздымалась, такъ что трудно было разобрать, дышетъ ли онъ. Но старый слуга, даже окутанный облакомъ агоніи, почуялъ приближеніе барыни и коснѣющимъ языкомъ пробормоталъ:

— Молотьба...

Это было послѣднее его слово. Ѳедотъ пересталъ существовать. Матушка заплакала и наклонилась къ нему...

— Распоряженіе передъ смертью сдѣлать? — спросила она домашнихъ, когда все было кончено.

— Все, матушка, сдѣлать. И скотинку, и одежду свою... двадцать рублей денегъ было... все раздѣлилъ.

— Такъ и сдѣлайте, какъ онъ приказалъ.

Черезъ три дня, Ѳедота схоронили. Вся вотчина присутствовала на погребеніи, и не было человѣка, который помянулъ бы покойника лихомъ. Отецъ до земли поклонился праху вѣрнаго слуги; матушка всю паникиду проплакала.

Прошло еще нѣсколько дней; погода разгулялась, и молотьба пошла своимъ чередомъ. Вмѣстѣ съ погодой повеселѣлъ и Архипъ. Смерть Ѳедота какъ будто развязала его, и онъ всѣ свои помыслы устремилъ къ тому, чтобъ оправдать рекомендацію покойнаго.

Но, со смертью Ѳедота, Малиновецъ уже опостылѣлъ матушкѣ.

Заканчивая этимъ разсказомъ портретную галерею домо-
чадцевъ, образы которыхъ уцѣлѣли въ моей памяти съ наиболь-
шею живостью, я считаю нелишнимъ оговориться. Читателю мо-
жетъ показаться страннымъ, что я не упомянулъ здѣсь о нянь-
кахъ, которыя обыкновенно занимаютъ довольно значительное
мѣсто въ семейныхъ воспоминаніяхъ. На это отвѣчаю слѣдующее:
нянька, какъ профессиональное званіе, почти не существовала
въ нашемъ домѣ. Матушка понимала, что обычай присвоиваетъ
этой должности извѣстный почетъ, который ставить няньку въ
льготное положеніе. А такъ какъ общая система ея управленія
не допускала никакихъ льготъ, то прислуга, которой поручались
дѣти, мѣнялась безпрестанно.

Н. ЩЕДРИНЪ.

СОНЪ

КАКЪ

ТРЕТЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА

Окончаніе.

IV *).

Психологія сна.

Во время сна головной мозгъ, какъ мы уже объяснили выше, спать не весь, а преимущественно только тѣ части его, которыя служатъ анатомическимъ субстратомъ сознанія. Въ виду этого, конечно, у спящаго человѣка должна существовать своего рода душевная жизнь, на которой мы и остановимся теперь—въ заключеніе нашего изслѣдованія.

Еще Кантъ говорилъ, что наяву каждый изъ насъ живетъ одною общею жизнью съ другими людьми, съ которыми онъ такъ или иначе соединенъ въ одну общую группу, а во снѣ, напротивъ того, каждый изъ насъ уходитъ въ свой собственный міръ. Въ этихъ словахъ, какъ мы вскорѣ убѣдимся, высказана глубокая истина, хотя Кантъ былъ чистый метафизикъ, а не естествоиспытатель.

Какъ извѣстно, основная разница естественно-научныхъ и метафизическихъ способовъ изслѣдованія состоитъ въ томъ, что первые, т.-е. естественно-научные способы изслѣдованія изучаютъ

*) См. выше: ноябрь, 84 стр.

человѣка въ качествѣ объективнаго явленія, тогда какъ метафизики старались изучать его въ качествѣ явленія субъективнаго, т.-е. въ томъ видѣ, въ какомъ человѣкъ познаетъ самого себя въ своей внутренней душевной жизни, т.-е. въ своемъ сознаніи. Примѣняя свои естественно-научные способы изслѣдованія къ изученію человѣка, анатомы, гистологи, фیزیологи опредѣляли какъ положеніе и форму различныхъ органовъ, такъ и строеніе ихъ и своеобразныя особенности ихъ составныхъ элементовъ; они указали химическій составъ различныхъ тканей и соковъ, опредѣлили, какіе физическіе законы управляютъ тѣми или иными процессами, протекающими въ нашемъ организмѣ, и, гордые добытыми результатами, стали мечтать о томъ, что имъ удастся объяснить не только физическую, но и духовную жизнь человѣка на основаніи чисто механическихъ условій (Бонне, Съченовъ и др.).

На основаніи своихъ естественно-научныхъ способовъ изслѣдованія, фیزیологи и психо-фیزیологи опредѣлили намъ быстроту, съ которой различныя ощущенія распространяются по нервнымъ путямъ; они опредѣлили также и время, необходимое на воспріятіе, на волевое движеніе, наконецъ, за послѣднее время, стали опредѣлять быстроту и численность ассоціацій между различными представленіями, между различными понятіями (Гальтонъ, Траутшольдъ и др.); но чѣмъ дальше подвигалось изслѣдованіе, тѣмъ больше приобрѣталось цѣнныхъ знаній и фактовъ, тѣмъ все больше и больше крѣпло убѣжденіе въ умахъ серьезныхъ изслѣдователей, что путемъ всѣхъ этихъ естественно-научныхъ способовъ мы можемъ изучить только внѣшнюю сторону человѣка и никогда не можемъ дойти до выясненія самой сути, самаго ядра. Такъ, напр., мы знаемъ въ настоящее время, что кровь при своемъ движеніи управляется законами гидростатики и гидродинамики; далѣе, мы въ точности знаемъ все строеніе сердечной мышцы, иннервацію ея, и все же мы не можемъ объяснить первичную основную причину сердечныхъ сокращеній, или сокращеній сосудистыхъ стѣнокъ. То же самое примѣнимо и къ процессамъ пищеваренія и усвоенія. Мы знаемъ въ настоящее время, что прежнія стремленія свести все питаніе на явленія эндосмоса, диффузіи и экзосмоса — невѣрны, что при этихъ процессахъ дѣятельную роль играютъ также различнаго рода клѣточные элементы, которые, напр., производятъ положительный выборъ между веществами, находящимися въ пищеварительныхъ путяхъ, а вѣроятно также и между веществами, приносимыми къ нимъ кровью; но почему это происходитъ, почему они выбираютъ и поглощаютъ, напр., капли жира и оставляютъ зерна пигмента, остается

и до сихъ поръ еще невыясненнымъ. И даже еслибы удалось объяснить это элективное свойство, еслибы удалось доказать, что при подобномъ кажущемся выборѣ въ клѣточкахъ дѣйствуютъ законы, положимъ, химическаго сродства, то это все же не объяснило бы дѣла, а только передвинуло бы, такъ сказать, загадочность явленія на одинъ шагъ дальше.

Что касается нервной и особенно мозговой дѣятельности, то эта неспособность естественно-научныхъ способовъ изслѣдованія давать намъ объясненія относительно самой сути явленій выступаетъ еще рѣзче. Мы можемъ изучать быстроту распространенія возбужденія по нерву; мы можемъ опредѣлить время, необходимое на появленіе сознательнаго ощущенія, сознательнаго волевого акта; мы можемъ даже измѣрить размѣры нашего сознания (Дитце); но все это нисколько не подвинетъ насъ въ дѣлѣ пониманія того, что именно составляетъ главную причину нашей душевной жизни, т.-е. какимъ образомъ изъ нервнаго возбужденія, изъ дѣятельнаго состоянія опредѣленныхъ нервныхъ ячеекъ получается сознательная, живая мысль. И попытки поверхностныхъ умовъ объяснить всю сложную душевную жизнь человѣка чисто матеріалистически, т.-е. дѣйствіемъ извѣстныхъ механическихъ условій, кажутся, при настоящемъ развитіи нашихъ естественно-научныхъ знаній, крайне нелогичными.

Серьезные ученые уже сознали недостаточность естественно-научныхъ способовъ изслѣдованія для разрѣшенія коренныхъ вопросовъ о жизни вообще и о психическомъ мірѣ человѣка въ частности, и соотвѣтственно съ этимъ они указываютъ на необходимость самонаблюденія, на необходимость субъективныхъ методовъ изслѣдованія (Фолькельтъ, Вундтъ и др.). Проф. физиологической химіи въ Базелѣ, д-ръ Бунге, въ своемъ недавно вышедшемъ руководствѣ прямо указываетъ на необходимость внутренняго самонаблюденія, на необходимость изучать человѣка въ томъ видѣ, какъ всякій изъ насъ познаетъ его въ своемъ собственномъ сознаніи. Такимъ образомъ, слѣдовательно, старая метафизика снова начинаетъ попадать въ почетъ. Спрашивается теперь: удастся ли человѣчеству путемъ самонаблюденій разрѣшить загадку жизни, удастся ли ему понять суть самого себя, свое сокровенное ядро? На это отвѣтить трудно; но думаемъ, что Кантъ былъ правъ, говоря, что отвѣтъ на всѣ подобныя основныя вопросы можетъ дать намъ одна только религія. Тутъ начинается область вѣры, безъ которой немислимъ никакой прогрессъ, никакая, достойная человѣка, жизнь. Даже въ самыхъ точныхъ, въ самыхъ положительныхъ наукахъ, всякое движеніе впередъ идетъ

рука объ руку съ вѣрой, такъ какъ обыкновенно всѣ великіе открытія являются результатомъ того, что извѣстный человѣкъ или группа людей, иногда даже нѣсколько поколѣній людей, вѣрятъ въ ту или иную гипотезу, высказанную на основаніи болѣе или менѣе теоретическихъ, апріористичныхъ сужденій. Возьмемъ, напр., хоть Фарадея: всѣ его открытія совершались именно подобнымъ путемъ; онъ вѣрилъ въ извѣстную гипотезу и, стараясь доказать ее, производилъ свои открытія; теоретическая отвлеченная мысль всегда предшествовала у него фактическому открытію (Барраклофъ, Тиндаль). Да оно и немислимо иначе, такъ какъ всякій идеалъ долженъ явиться прежде, чѣмъ возможны станутъ самыя стремленія къ фактическому осуществленію его, и это одинаково примѣнимо ко всѣмъ областямъ человѣческаго знанія, человѣческой душевной жизни...

Итакъ, мы видѣли, что въ настоящее время даже представители естественныхъ наукъ и тѣ начинаютъ признавать необходимость субъективныхъ самонаблюденій, и слѣдовательно психическая сторона сна должна во всякомъ случаѣ представляться особенно важной, такъ какъ во время сна человѣкъ, по совершенно вѣрному замѣчанію Канта, уходитъ или погружается въ свой собственный міръ, отдѣльный отъ міра другихъ людей. Всѣ тѣ сложныя условія соціальной жизни, съ которыми человѣку приходится считаться, а подчасъ и бороться во время своей бодрствующей жизни, оказываются во время сна устраненными, несуществующими. Между тѣмъ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти условія, которыми окружена жизнь каждаго человѣка, въ средѣ другихъ людей нерѣдко являются тяжелымъ бременемъ, являются поводомъ къ борьбѣ.

Во снѣ человѣкъ освобождается отъ всѣхъ условныхъ оковъ; онъ становится, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ природой. Во время сна, — говоритъ фізіологъ-мыслитель Бурдахъ, — исчезаютъ всѣ сословныя различія; во время сна устанавливается равенство всѣхъ людей, о которомъ люди такъ много мечтаютъ наяву.

Что же можемъ мы сказать о душевной жизни человѣка во время сна? Для того, чтобы понять сущность психической жизни во время сна, мы должны, прежде всего, ознакомиться съ тѣмъ, что на языкѣ психо-фізіологовъ начала настоящаго столѣтія называлось собственной жизнью нервовъ, собственной жизнью нашихъ органовъ чувствъ или хаосомъ дремотныхъ грѣзъ (Йоганнесъ Мюллеръ, Пуркинѣ, Грютгуйзенъ, Гершель), а также субъективными зрительными явленіями. Въ чемъ же состоитъ эта собствен-

ная жизнь различныхъ нервно-мозговыхъ приборовъ и имѣть ли она какое-нибудь серьезное значеніе?

Въ настоящее время извѣстно, что каждое нервное возбужденіе, каждое ощущеніе, представленіе, мысль, душевное движеніе оставляютъ болѣе или менѣе глубокой или слабой слѣдъ въ нашей нервно-мозговой системѣ, и что всѣ подобнаго рода слѣды могутъ вполнѣ временно оживать подъ вліяніемъ или требованіемъ нашего сознанія, или также и самопроизвольно, подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ намъ моментовъ, быть можетъ вслѣдствіе большого притока крови или какихъ-нибудь другихъ причинъ. Въ силу этой способности нашей нервно-мозговой организаціи мы получаемъ возможность сравнивать различныя во времени ощущенія и представленія, и на основаніи этого дѣлать различнаго рода обобщенія, путемъ которыхъ человѣкъ приобрѣтаетъ все болѣе число разнообразныхъ понятій, все болѣе число идей.

Въ основѣ этой способности несомнѣнно лежитъ память, присущая не только каждому (Генле) изъ нашихъ органовъ чувствъ, но также и каждой ткани, каждой клѣткѣ нашего тѣла. Именно этой-то памятью, присущей каждой ячѣйкѣ нашего тѣла, нѣкоторые авторы и объясняютъ сохраненіе типа каждаго вида животныхъ въ теченіе безконечной смѣны различныхъ поколѣній, и слѣдовательно они объясняютъ ею и наслѣдственную передачу какъ тѣлесныхъ, такъ и умственныхъ особенностей отъ самыхъ отдаленныхъ предковъ самымъ отдаленнымъ потомкамъ.

Само собой понятно, что чѣмъ болѣе накопится подобныхъ слѣдовъ въ той или иной системѣ волоконъ, въ той или иной системѣ клѣточекъ, тѣмъ богаче должна быть и субъективная жизнь этихъ волоконъ или клѣточекъ, или, другими словами, тѣмъ энергичнѣе будетъ ихъ способность, и при отсутствіи вѣшнихъ возбужденій и раздраженій, творчески изъ собственныхъ наличныхъ запасовъ создавать различныя образы, различныя ощущенія и даже различныя чувства и идеи.

Что же такое эта собственная жизнь нервно-мозговыхъ приборовъ? Въ большей или меньшей степени каждый изъ насъ знакомъ съ нею, такъ какъ у каждаго изъ насъ раздаются, звучатъ иногда въ ухѣ различныя мелодіи, многимъ изъ насъ приходилось, вѣроятно, хоть разъ въ жизни, слышать голосъ, зовущій насъ, хотя въ дѣйствительности никто и не думалъ насъ звать и, наконецъ, уже навѣрное каждому приходилось испытывать ощущеніе шума или звона въ ушахъ при полной вѣшной тишинѣ. Всѣ эти и тому подобныя слуховыя ощущенія, появляющіяся у насъ

при полномъ отсутствіи внѣшнихъ раздраженій, суть проявленія собственной самодѣятельности слуховыхъ приборовъ. Подобныя же явленія наблюдаются, конечно, и въ сферѣ всѣхъ остальныхъ органовъ чувствъ, но зрительныя субъективныя явленія представляются наиболѣе изученными, и это вполне понятно въ виду того преобладающаго значенія, которое имѣетъ органъ зрѣнія въ нашей жизни, и потому мы остановимся на нихъ дольше.

Самымъ удобнымъ временемъ для наблюденія субъективныхъ зрительныхъ явленій служитъ время, предшествующее засыпанію. Тутъ обыкновенно передъ нашими глазами проходитъ цѣлый рядъ зрительныхъ образовъ; у нѣкоторыхъ людей преобладаютъ свѣтовые явленія или человѣческія лица; у другихъ, напротивъ того, мелькаютъ цвѣты или ландшафты; у третьихъ, наконецъ, передъ глазами развивается цѣлая игра самыхъ причудливыхъ фигуръ, своего рода арабески. Эти-то зрительныя субъективныя явленія и обратили на себя вниманіе Іоганнеса Мюллера, Пуркинѣ, Грюнтгейзена, Гершеля и другихъ. На основаніи ихъ наблюденій было выяснено, что не всѣ люди сознаютъ присутствіе у себя этихъ дремотныхъ или субъективныхъ зрительныхъ образовъ, хотя они имѣются у всѣхъ, и даже было выяснено, что эти субъективные зрительные образы бываютъ особенно сильно выражены у молодыхъ субъектовъ, а въ старости они начинаютъ слабѣть. Нѣкоторые люди видятъ ихъ только при закрытыхъ глазахъ и вечеромъ; другіе, напротивъ того, обладаютъ способностью видѣть субъективные зрительные образы также и при открытыхъ глазахъ и днемъ или вечеромъ; у однихъ людей эти субъективныя явленія представляютъ всевозможныя цвѣтовые окраски, у другихъ же они бываютъ сѣрыя на сѣромъ же фонѣ. Наконецъ, замѣчено было, что эти субъективныя зрительныя явленія требуютъ извѣстнаго умѣнья наблюдать, и потому они чаще встрѣчаются у интеллигентныхъ людей. Всякое сосредоточеніе вниманія на этихъ образахъ ведетъ къ ихъ исчезновенію (Мори, Байлярже); хотя они въ слабой степени и зависятъ отъ воли, потому что, по наблюденіямъ Бурдаха, характеръ этихъ образовъ удается иногда измѣнить по желанію. Такъ напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда у него передъ глазами мелькали уродливыя и страшныя рожи, то онъ старался сосредоточить свое вниманіе на архитектурическихъ фигурахъ и подъ вліяніемъ этого у него передъ глазами появлялись совершенно такія же фигуры, какія мы видимъ въ калейдоскопахъ.

Эти образы находятся въ постоянномъ движеніи: только-что появившись болѣе или менѣе отчетливо передъ нашими глазами,

они снова уступаютъ свое мѣсто другому образу; при этомъ зачастую кажется, что изъ одного лица выходитъ другое, изъ второго третье, и такъ безъ конца. Если передъ глазами является букетъ цвѣтовъ, то нерѣдко изъ этого букета начинаетъ выпсывать безконечное число цвѣтовъ, цѣлый дождь цвѣтовъ. Впрочемъ, обыкновенно эти субъективные зрительные образы состоятъ изъ человѣческихъ фигуръ и особенно лицъ, и притомъ, по совершенно вѣрному замѣчанію Гершеля, между ними очень рѣдко попадаются красивыя и милыя, а по большей части непріятныя, странныя и даже уродливыя. Почему? Очевидно потому, что условія жизни нашей таковы, что некрасивыя формы преобладаютъ надъ красивыми и вслѣдствіе этого оставляютъ и болѣе стойкіе слѣды.

Одна, извѣстная намъ, очень молодая особа, которая уже въ ранніе годы дѣтства (трехъ лѣтъ) замѣтила эти субъективные зрительные образы, желая избавиться отъ появленія непріятныхъ лицъ, сама придумала для этого средство, а именно, передъ отходомъ ко сну она всегда выбирала себѣ какую-нибудь картину, изображающую красивое или пріятное человѣческое лицо, и старалась всматриваться въ него.

По наблюденіямъ Шредеръ-ванъ-деръ Колька эти субъективные зрительные образы исчезаютъ, если человѣкъ мѣняетъ свое положеніе въ постели, т.-е. если онъ переворачивается на другой бокъ; кромѣ того онъ же замѣтилъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда эти зрительные образы являются въ особенно большомъ числѣ и съ особенною отчетливостью, наложеніе на лобъ холодныхъ компрессовъ вызываетъ болѣе или менѣе быстрое поблѣднѣніе ихъ, а наконецъ и полное исчезаніе. Фактъ этотъ указываетъ, конечно, на извѣстную зависимость этихъ субъективныхъ зрительныхъ явленій отъ большого или меньшаго прилива крови. Кромѣ того наблюденіе Гершеля надъ тѣмъ, что у него при каждомъ хлороформированіи являлись и однѣ и тѣ же фигуры передъ глазами, доказываетъ, что одинаковыя условія даютъ и одинаковыя субъективные зрительныя явленія.

Кромѣ того не подлежитъ сомнѣнію, что подобнаго рода субъективные зрительныя явленія въ однихъ случаяхъ развиваются въ периферическихъ частяхъ зрительнаго прибора, а въ другихъ, напротивъ того, мѣстомъ ихъ образованія служатъ внутри-мозговые зрительные приборы, и соотвѣтственно съ этимъ въ первомъ случаѣ всякое движеніе глазъ ведетъ къ ихъ передвиженію и исчезновенію, а въ послѣднемъ, напротивъ того, движенія глазъ нисколько не вліяютъ на нихъ (Юг. Мюллеръ, Бурдахъ). Впрочемъ, подобная разница въ зрительныхъ представленіяхъ замѣ-

чается также и прямо по ощущенію, а именно, если мы думаемъ о какомъ-нибудь предметѣ и стараемся представить себѣ его, то мы, по большей части, закрываемъ глаза; но при этомъ намъ не всегда удается вызвать образъ желаемого предмета прямо передъ глазами; иногда мы сознаемся, что онъ является у насъ, но только въ головѣ. Периферически появляющійся субъективный зрительный образъ всегда бываетъ болѣе отчетливый, нежели центральный.

Относительно слуховыхъ субъективныхъ явленій наблюдается то же самое; а именно, иногда извѣстныя слова, извѣстныя мелодіи звучатъ у насъ въ ухахъ, иногда же мы ихъ ощущаемъ въ самой головѣ. Сумасшедшіе тоже, въ однихъ случаяхъ, слышатъ голоса внутри головы, а въ другихъ, напротивъ того, они кажутся имъ идущими извнѣ, т.-е. обычнымъ путемъ.

Въ связи съ этими различными локализациями субъективныхъ слуховыхъ явленій очень интересными представляются опыты съ телефонами, показавшіе, что если въ оба уха падаютъ черезъ два телефона совершенно одинаковые по силѣ звуки, то человѣкъ слышитъ ихъ не въ ухахъ, а прямо въ центрѣ головы; при ослабленіи же звука въ одномъ телефонѣ получаемое человѣкомъ ощущеніе передвигается все больше и больше въ сторону того уха, которое воспринимаетъ болѣе сильный звукъ (Тархановъ). Каждый, кому приходилось испытывать на себѣ этотъ опытъ, можетъ увѣриться, что всякій звукъ, раздающійся внутри головы, производитъ на насъ крайне тяжелое и непріятное впечатлѣніе, и мы можемъ только благодарить судьбу за то, что уши расположены у насъ такимъ образомъ, что въ нихъ никогда не могутъ попадать одновременно совершенно тождественные и по силѣ, и по качеству, звуки.

Тѣ субъективныя звуковыя явленія, которыя появляются иногда у здоровыхъ людей центрально, т.-е. въ головѣ, не производятъ такого тяжелаго впечатлѣнія именно потому, что они всегда бываютъ болѣе или менѣе слабыя и мало отчетливыя.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и слуховыя и зрительныя субъективныя явленія могутъ быть, съ одной стороны, периферическими, съ другой внутри-черепными. Спрашивается теперь: чтъ происходитъ въ нашихъ нервно-мозговыхъ приборахъ при подобныхъ субъективныхъ явленіяхъ, т.-е. спрашивается: сопровождаютъ ли они тѣми же самыми процессами въ нервно-мозговой ткани, съ какими соединена бываетъ всякая нервно-мозговая дѣятельность, вызванная внѣшними, падающими на наши органы чувствъ, раздраженіями? Мы смѣло можемъ отвѣчать утвердительно

на этотъ вопросъ; потому что въ основѣ всей нашей организаціи лежитъ тотъ законъ, по которому всякое повтореніе, всякое воспоминаніе однажды бывшихъ движеній или ощущеній вызываетъ въ соотвѣтственныхъ тканяхъ и органахъ измѣненія и процессы, аналогичные тѣмъ, которые происходили въ нихъ при первичныхъ ощущеніяхъ или движеніяхъ. Эразмъ Дарвинъ доказалъ вѣрность этого положенія крайне остроумнымъ опытомъ. Извѣстно, что всякій болѣе или менѣе полный покой нашихъ органовъ чувствъ ведетъ къ усиленію ихъ раздражительности, т.-е. къ усиленію ихъ воспримчивости. Этимъ-то фактомъ и воспользовался Дарвинъ для провѣрки того, дѣйствительно ли наши представленія или, другими словами, наши воспоминанія о различныхъ однажды бывшихъ у насъ ощущеніяхъ сопровождаются извѣстною работою соотвѣтственныхъ нервныхъ приборовъ. Опытъ его есть чисто субъективный и состоитъ изъ слѣдующаго приема, который каждый можетъ исполнить. Закрывъ глаза, Дарвинъ совѣтуетъ сосредоточить все свое вниманіе на какой-нибудь пѣснѣ, мелодіи и затѣмъ, внезапно открывъ глаза, тщательно замѣтить, насколько свѣтъ будетъ рѣзать ихъ; затѣмъ снова закрыть глаза и думать о какомъ-нибудь зрительномъ предметѣ, хотя бы, напр., о знакомой мѣстности, лицѣ и т. д., и затѣмъ, открывъ ихъ, замѣтить, насколько свѣтъ будетъ рѣзать глаза на этотъ разъ. По словамъ Дарвина, мы сами неоднократно убѣждались въ вѣрности этого: глаза оказываются гораздо менѣе чувствительными къ свѣту въ тѣхъ случаяхъ, когда мы, закрывъ ихъ, сосредоточиваемъ свое вниманіе на зрительныхъ представленіяхъ, чѣмъ когда мы думаемъ о слуховыхъ ощущеніяхъ. Тотъ же самый опытъ можно продѣлать и надъ другими органами чувствъ: такъ напр., холодная вода кажется намъ гораздо холоднѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда мы передъ погруженіемъ руки въ воду думаемъ объ ощущеніяхъ тепла, или о чемъ-нибудь, не имѣющемъ никакой связи съ температурными ощущеніями, и, напротивъ, впечатлѣніе холода, получаемое нами, бываетъ отчетливо смягчено въ тѣхъ случаяхъ, когда мы передъ погруженіемъ уже думали о томъ, что сейчасъ погрузимъ свою руку въ холодную воду.

Какъ у органовъ зрѣнія и слуха, такъ и у всѣхъ остальныхъ органовъ чувствъ имѣются точно также свои субъективныя явленія, своя субъективная жизнь. Такъ напр., термическіе нервы зачастую даютъ намъ ощущенія субъективнаго холода или субъективнаго жара; осязательные нервы тоже даютъ цѣлый рядъ субъективныхъ явленій, хотя бы, напр., то ощущеніе легкаго покалыванія или щекотанія, которое мы ощущаемъ въ концахъ на-

шихъ пальцевъ, когда сосредоточимъ на нихъ вниманіе (Джонъ Гейтеръ); но, конечно, зрительныя субъективныя явленія оказываются наиболѣе разнообразными и многочисленными именно потому, что органъ зрѣнія играетъ первенствующую роль въ развитіи нашей психической жизни.

Итакъ, каждое представленіе о какомъ-нибудь ощущеніи или воспоминаніе ощущенія вызываетъ въ соотвѣстныхъ приборахъ и тканяхъ нашего тѣла такого рода измѣненія и процессы, которые, быть можетъ, только количественно, но никакъ не качественно разнятся отъ тѣхъ процессовъ, которые протекали въ нихъ при первичныхъ подобныхъ же ощущеніяхъ. Такимъ образомъ, уже прямыми опытами (Спирро, Бирдъ) доказано, что стоить человѣку подумать о какомъ-нибудь мышечномъ движеніи — и въ соотвѣстной мышечной группѣ являются соотвѣстныя легкія сокращенія; такъ напр., когда мы думаемъ словами, то у насъ въ соотвѣстныхъ мышечныхъ приборахъ пробѣгаютъ, такъ сказать, легкіе слѣды тѣхъ сокращеній, которыя нужны для произнесенія данныхъ словъ, и такъ во всемъ. Этою особенностью нашей нервно-мышечной организаціи ловко пользуются такъ-называемые спеціалисты чтенія мыслей. Само собой разумѣется, что тѣмъ слабѣе развита сознательная сторона въ человѣкѣ, тѣмъ слабѣе его самообладаніе, тѣмъ сильнѣе выступаютъ подобныя субъективныя слѣды, какъ въ мышцахъ, такъ и въ нервахъ, и такимъ образомъ становятся понятными какъ привычка нѣкоторыхъ людей думать вслухъ, такъ и подражательность дѣтей и дикарей.

Это своеобразное свойство нашей нервно-мозговой и мышечной организаціи оказывается крайне важнымъ для развитія всей нравственной стороны въ человѣкѣ; потому что нельзя сомнѣваться въ томъ, что главной основой всей нравственности служить чувство состраданія (Шопенгауеръ). Чувство состраданія такъ важно въ дѣлѣ развитія всѣхъ человѣческихъ отношеній, что это отразилось даже на рѣчи, а именно всѣ цивилизованные народы употребляютъ слово *безчеловѣчный* для обозначенія такихъ поступковъ, которые указываютъ на полное отсутствіе всякаго чувства состраданія, тогда какъ слово *человѣчный* зачастую употребляется вмѣсто сострадательный.

Между тѣмъ едва ли сомнительно, что чувство состраданія было бы для насъ немислимо и невозможно, еслибы по самой организаціи нашей нервно-мышечной и нервно-мозговой системы мы не испытывали при каждомъ видѣ какого-либо движенія или представленіи о немъ тождественныхъ импульсовъ и раздраженій въ нервно-мозговыхъ и нервно-мышечныхъ приборахъ нашего тѣла.

Такимъ образомъ, то же самое свойство нашей нервно-мышечной организаціи, которое, съ одной стороны, заставляетъ дѣтей повторять невольно каждое движеніе, каждую гримасу, которую они видятъ, съ другой стороны, ведетъ къ развитію въ человѣкѣ того альтруистическаго чувства, которое служитъ главной основой всякой нравственности, всякой морали, т.-е. состраданія. Кальдеронъ прямо сказалъ, что для насъ нѣтъ разницы въ томъ, самимъ ли страдать, или видѣть страданіе другихъ. Жанъ-Жакъ Руссо тоже указывалъ на важное значеніе состраданія для нравственности; но чтобы представить фактическое доказательство того, какъ сильно можетъ отражаться чужое страданіе на людяхъ, принимающихъ въ нихъ горячее участіе, позволимъ себѣ привести слѣдующій случай. Отецъ, возвращаясь, домой увидать, какъ его малютка-сынъ ущемилъ себѣ пальцы лѣвой руки въ дверяхъ; онъ страшно испугался и тотчасъ же почувствовалъ сильнѣйшую боль въ соотвѣтственныхъ пальцахъ своей лѣвой руки. Боль эта мучила его въ теченіе трехъ сутокъ. Случай этотъ передаетъ д-ръ Мейеръ, и подобныхъ случаевъ можно было бы привести нѣсколько. Упомянемъ еще о томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что видѣ чужой зѣвоты или рвоты нерѣдко вызываетъ и у насъ аналогичныя явленія, а д-ръ Тревиранусъ признаетъ даже возможность развитія воспаления глазъ или какой-нибудь другой части тѣла подъ вліяніемъ того, что человѣкъ увидѣлъ подобное воспаление на другомъ субъектѣ. Д-ръ Динъ передалъ слѣдующій случай: Мать видѣла, что ребенокъ ея провелъ острое лезвіе перочиннаго ножа между губъ, и она тотчасъ же почувствовала боль въ губахъ, которыя затѣмъ сильно опухли. Этимъ же объясняются и случаи такъ-называемой стигматизаціи, т.-е. появленіе красныхъ пятенъ на тѣхъ мѣстахъ рукъ и ногъ, на которыхъ у Спасителя были вбиты гвозди. Подобныя стигматизаціи наблюдались у экзальтированныхъ, истеричныхъ женщинъ въ католическихъ странахъ. Еслибы каждое представленіе о какомъ бы то ни было ощущеніи не вызывало въ нашихъ нервно-мозговыхъ приборахъ извѣстнаго болѣе или менѣе сильнаго отвѣта, то мы никогда бы не могли понимать чужого горя, чужого страданія, никогда бы не могли сочувствовать своимъ ближнимъ, а безъ этого немислимо бы было и самое ученіе о нравственности, о долгѣ.

Вообще первичной основой всѣхъ нашихъ чувствъ и страстей служитъ рефлексъ, и вслѣдствіе этого-то всѣ наши чувства, по совершенно вѣрному замѣчанію Бэна, отличаются сильной наклонностью къ распространенію, къ диффузіи, такъ что каждое чувство легко осложняется другимъ болѣе или менѣе похожимъ

на него по своимъ сосудодвигательнымъ эффектамъ. Такъ, напр., испугъ часто сопровождается гнѣвомъ, вѣроятно вслѣдствіе того, что вызванное имъ сокращеніе периферическихъ сосудовъ обусловливаетъ тѣмъ самымъ болѣе значительный приливъ крови къ внутреннимъ органамъ, а замедленные или даже пріостановленные на время дыханіе и дѣятельность сердца ведутъ къ застойной гипереміи мозга; затѣмъ стремленіе организма уравновѣсить нарушенныя отправленія различныхъ органовъ вызываетъ учащенное дыханіе и усиленную дѣятельность сердца, и такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, получаютъ нѣкоторые изъ фیزیологическихъ условій чувства гнѣва. Въ старину очень въ ходу было у нѣжныхъ родителей наказывать дѣтей вслѣдъ за какимъ-нибудь опаснымъ и напугавшимъ ихъ паденіемъ, и это дѣлалось вовсе не ради педагогическихъ соображеній, а просто потому, что испугъ, причиненный имъ паденіемъ любимаго ребенка, переходилъ у нихъ, вслѣдствіе диффузіи чувства, въ гнѣвъ.

Съ другой стороны, дѣти и истеричныя особы легко переходятъ отъ смѣха къ плачу. Какъ объяснить это, повидимому, противорѣчивое явленіе? При всякомъ сильномъ хохотѣ дыхательная дѣятельность сильно нарушается; поэтому оттокъ крови отъ головы затрудняется, лицо краснѣетъ, круговыя мышцы глазъ судорожно сокращаются, появляется обильное отдѣленіе слезъ, такъ что лицо сильно хохочущаго человѣка нельзя бываетъ, по вѣрному замѣчанію Дарвина, отличить отъ сильно плачущаго. То-же самое говоритъ и Рейнольдсъ, указывая на сходство выраженія въ лицѣ плачущей Маріи-Магдалины и неистово смѣющейся вакханки. При этомъ вслѣдствіе затрудненнаго оттока крови отъ мозга нервная ткань лишена бываетъ необходимаго для ея нормальной дѣятельности количества кислорода, является подавленность нервной дѣятельности, сказывающаяся непріятными ощущеніями, однимъ словомъ состояніе мозга становится аналогичнымъ съ тѣмъ, которое наблюдается при сильномъ горѣ и тяжелой печали. А такъ какъ нервные приводы увѣдомляютъ мозгъ о сокращеніи мышцъ глазъ и такъ какъ всѣ нервно-мозговые и нервно-мышечные приборы, управляющіе этимъ сокращеніемъ, уже возбуждены къ усиленной дѣятельности, то понятно, что вслѣдствіе диффузіи и ассоціаціи нервныхъ ощущеній случайное, чисто механическое отдѣленіе слезъ легко можетъ перейти въ настоящій плачъ. Дарвинъ указывалъ уже, что именно этимъ-то и слѣдуетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, объяснять переходъ судорожнаго хохота въ рыданія у истеричныхъ.

Итакъ, если первоначальная схема каждаго чувства состоитъ

изъ рефлекса, т.-е. изъ опредѣленнаго ощущенія и вызываемаго имъ рефлекторно-мышечнаго движенія, то неудивительны подобные переходы одного чувства въ другое, т.-е. подобная обобщаемость ихъ, такъ какъ всѣ рефлексы вообще легко обобщаются и легко распространяются также и на мышечныя группы, все одно какъ на мышцы послушныя волѣ, такъ и на мышцы сердца и сосудовъ, которыя почти вовсе недоступны вліянію воли.

Само собой понятно, что тѣмъ сильнѣе развито бываетъ сознание у того или иного человѣка, тѣмъ обильнѣе бываетъ запасъ представленій, тѣмъ многостороннѣе, разнообразнѣе будетъ ассоціація его нервно-мозговыхъ клѣточекъ, слѣдовательно тѣмъ слабѣе будетъ рефлекторная сторона каждаго чувства и тѣмъ полнѣе будетъ самообладаніе даннаго лица. Представимъ себѣ, что у дикаря вся нервная сила, затрачиваемая на вспышку гнѣва, распределяется только на тѣ нервно-мозговые приборы, которые управляютъ движеніями извѣстныхъ мышечныхъ группъ, тогда какъ у насъ въ то же самое время являются представленія о необходимости овладѣть собою, о вредныхъ послѣдствіяхъ гнѣва, о возможности сдѣлаться смѣшнымъ, являются воспоминанія о различныхъ случаяхъ, о различныхъ дѣйствующихъ въ настоящее время законахъ и т. д. Понятно, что у перваго должно явиться сильнѣйшее мышечное сокращеніе въ видѣ толчка, удара или тому подобнаго движенія, а у насъ все дѣло ограничится, быть можетъ, быстрой игрой краски на лицѣ и блескомъ глазъ. У идиотовъ вспышка гнѣва нерѣдко ведетъ къ взрыву общихъ судорогъ (Маудсли). Косвеннымъ подтвержденіемъ только-что сказаннаго, можетъ служить тотъ общеизвѣстный фактъ, что у людей, пораженныхъ параличемъ одной половины тѣла, т.-е. гемиплегіей, всякое душевное волненіе вызываетъ сокращеніе мышцъ только въ больной, недоступной сознательному волевому импульсу сторонѣ.

Итакъ, суммируя все сказанное, мы приходимъ къ тому заключенію, что исходной точкой, основной схемой каждаго чувства служить рефлексъ, и что высшее чувство человѣческой души—чувство состраданія—мыслимо, возможно только въ силу того психофизиологическаго закона нашей организаціи, по которому всякое представленіе о чемъ-нибудь, всякій видъ чужого страданія, чужого горя вызываетъ у насъ къ дѣятельности соотвѣтственныя ткани и приборы нашего тѣла. На основаніи этой способности нашей нервно-мозговой системы мы не можемъ видѣть зѣвоты безъ того, чтобы и самимъ не начать зѣвать, не можемъ видѣть веселыхъ, смѣющихся лицъ безъ того, чтобы и самимъ не при-

нять въ этомъ весельѣ хотя какого-нибудь участія. Только благодаря этой особенности своей организаціи человечество и можетъ наслаждаться различными драматическими представленіями; безъ способности нашей сопровождать все, что мы видимъ или слышимъ, аналогичными иннерваціями соотвѣтственныхъ двигательныхъ и чувствующихъ нервовъ, мы никогда не могли бы понимать драматическаго искусства.

Въ доказательство того, что эта способность человѣка радоваться чужою радостью и плакать и мучиться чужимъ горемъ основана на рефлексѣ, можно привести слѣдующій интересный случай изъ воспоминаній г-жи Пассекъ. Она какъ-то сидѣла у г-жи Герценъ въ то время, когда туда явился Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Хозяйка дома держала на рукахъ своего глухонѣмого сына. Щепкинъ, чтобы позабавить ребенка, сдѣлалъ веселое лицо и принялся хохотать такъ заразительно, что и глухонѣмой ребенокъ принялся радостно прыгать и смѣяться. Тогда Щепкинъ вдругъ измѣнилъ лицо на печальное и заплакалъ настоящими слезами—мальчикъ удивился, серьезно посмотрѣлъ на него, нахмурился и заплакалъ что есть мочи. Щепкинъ снова сдѣлалъ веселое лицо, и Коля тоже, и такъ повторилось раза три. Ребенокъ былъ малолѣтній и во всему этому еще глухонѣмой, слѣдовательно Щепкинъ передавалъ ему то или иное настроеніе только путемъ мимики, т.-е. извѣстныхъ мышечныхъ сокращеній.

Само собой разумѣется, что все это было бы немислимо, еслибы наши нервно-мозговые приборы не были одарены субъективной, собственной жизнью, т.-е. еслибы они могли возбуждаться исключительно только подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій. Еслибы собственная жизнь нервно-мозговыхъ приборовъ была лучше изучена, то и основная разница между чувствованіями и мышленіемъ была бы лучше понята, потому что едва ли сомнительно, что эта разница сводится на то, что въ основѣ всевозможныхъ чувствъ всегда лежитъ субъективное возбужденіе периферическихъ нервныхъ приборовъ и соотвѣтственно съ этимъ болѣе или менѣе сильныя сосудодвигательныя измѣненія, связывающіяся поблѣднѣніемъ, покраснѣніемъ лица, учащеніемъ или замедленіемъ пульса и т. д.; тогда какъ въ основѣ мысли лежитъ такая же субъективная дѣятельность, но только не периферическихъ, а однихъ центральныхъ, черепно-мозговыхъ приборовъ, за исключеніемъ развѣ, быть можетъ, тѣхъ периферическихъ приборовъ, которые связаны съ нашей рѣчью, такъ какъ мышленіе зачастую сопровождается какъ бы отраженіемъ, отзвукомъ тѣхъ словъ, изъ которыхъ складывается мысль,

какъ въ ухѣ, такъ и въ органахъ рѣчи, и слѣдовательно тамъ должны, очевидно, происходить извѣстнаго рода функціональныя измѣненія.

Мы нѣсколько дольше остановились на субъективной, или собственной, жизни нервно-мозговыхъ приборовъ потому, что она лежитъ въ основѣ не только чувствованій и мышленія, но также и въ основѣ нашего воображенія. Наконецъ, понятно, что вся психическая жизнь человѣка во время сна выстроивается именно на основаніи этой субъективной жизни нашихъ нервно-мозговыхъ приборовъ. Безъ нея у насъ никогда бы не могли являться ни сновидѣнія, ни галлюцинаціи.

Такимъ образомъ, мы пришли къ выводу, что основой нашихъ сновидѣній служатъ тѣ же самые процессы, которые обуславливаютъ также и появленіе галлюцинацій; далѣе, что вся субъективная жизнь нервно-мозговыхъ приборовъ находится въ прямой зависимости отъ болѣе или менѣе богатаго запаса слѣдовъ въ той или иной нервно-мозговой области. Слѣдовательно, если наши заключенія вѣрны, то сновидѣнія должны встрѣчаться по преимуществу со стороны тѣхъ нервно-мозговыхъ приборовъ нашего организма, которые всего болѣе работаютъ во время бодрствующей жизни. Что же мы видимъ въ дѣйствительности? У всѣхъ нормальныхъ людей сновидѣнія состоятъ, по большей части, изъ зрительныхъ образовъ; такъ напр., если во снѣ видятъ грозу, то она, по большей части, ограничивается одною молніею, грома же не бываетъ слышно. Прямими наблюденіями уже доказано, что зрительныя сновидѣнія составляютъ всегда главную канву сновидѣній, которая только дополняется ощущеніями со стороны другихъ органовъ нашихъ чувствъ. Послѣ зрительныхъ сновидѣній всего чаще наблюдаются у насъ слуховыя, тогда какъ сновидѣнія въ области осязанія, обонянія, вкуса, мышечнаго чувства и температурнаго встрѣчаются еще рѣже. Чисто слуховыя сновидѣнія, т.-е. при которыхъ человѣку снятся только одни звуки безъ всякихъ зрительныхъ образовъ, наблюдаются только у людей музыкальныхъ, т.-е., другими словами, у людей съ сильно развитымъ слухомъ, но и при этомъ они все-таки составляютъ только 3,5% всѣхъ сновидѣній. Осложненія зрительныхъ сновидѣній звуковыми встрѣчаются въ 60% всѣхъ сновидѣній; въ 35% сновидѣнія осложняются также и ощущеніями изъ области осязанія, температурнаго и мышечнаго чувства; тогда какъ обонятельныя и вкусовыя ощущенія присоединяются къ зрительнымъ и слуховымъ всего только въ 5% всѣхъ сновидѣній.

Аналогичные результаты получены были при опредѣленіи

частоты галлюцинацій, бывающихъ у психическихъ больныхъ; при этомъ тоже оказалось, что самыми частыми галлюцинаціями бываютъ зрительныя и слуховыя, а затѣмъ идутъ осязательныя, обонятельныя и вкусовыя (Макаріо). Подобная аналогія не удивительна, если мы знаемъ, что какъ сонныя грёзы или сновидѣнія, такъ и галлюцинаціи слагаются изъ тѣхъ слѣдовъ, которые въ теченіе жизни накопились въ нервно-мозговыхъ приборахъ нашего тѣла. Впрочемъ справедливость требуетъ упомянуть, что уже Аристотель указывалъ на это, говоря, что сновидѣнія слагаются изъ тѣхъ слѣдовъ, которые оставляютъ въ насъ бывшія у насъ во время бодрствующей жизни ощущенія.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что субъективная жизнь нашихъ нервно-мозговыхъ приборовъ должна оказаться тѣмъ богаче и содержательнѣе, чѣмъ выше стоитъ по своему развитію тотъ или иной человекъ. Изъ наблюденій, которыя мы производили въ общей сложности въ теченіе пяти лѣтъ на 37 субъектахъ различнаго возраста и развитія, прямо вытекаютъ слѣдующіе факты: во-первыхъ, чѣмъ неразвитѣе, необразованнѣе человекъ, тѣмъ меньше оказывается у него число сновидѣній, и наоборотъ, чѣмъ дѣятельнѣе идетъ мозговая жизнь у того или иного лица, тѣмъ чаще оно видитъ сновидѣнія и тѣмъ разнообразнѣе бываютъ онѣ по своему содержанію. Во-вторыхъ, чѣмъ неразвитѣе, необразованнѣе бываетъ тотъ или иной субъектъ, чѣмъ бѣднѣе оказывается его умственная жизнь, тѣмъ чаще сновидѣнія повторяютъ то, что было пережито подобнымъ субъектомъ наяву въ теченіе нѣсколькихъ предшествующихъ дней (въ 80% всѣхъ сновидѣній); тогда какъ у интеллигентныхъ, живущихъ мозговымъ трудомъ людей, сновидѣнія почти никогда не повторяютъ того, что было пережито подобными людьми наяву, а, напротивъ, у нихъ и въ сновидѣніяхъ сказывается творческая сила ихъ мозга, и притомъ наблюдаются по большей части такого рода сновидѣнія, которыя создаютъ небывалыя положенія, небывалую обстановку. Число сновидѣній, въ которыхъ у интеллигентныхъ людей появлялись знакомыя лица, знакомая обстановка и, вообще, въ которыхъ замѣчались какіе бы то ни было отзвуки ихъ бодрствующей жизни со всѣми ея заботами и интересами, оказалось составляющимъ всего только 15% всѣхъ сновидѣній. Въ-третьихъ, въ большинствѣ случаевъ замѣчалось уменьшеніе частоты сновидѣній съ приближеніемъ старости, такъ что молодые люди и люди среднихъ лѣтъ видятъ больше сновидѣній, нежели пожилые (въ связи съ этимъ припомнимъ, что то же самое опредѣлено было и по отношенію къ субъективнымъ зрительнымъ образамъ). Въ-четвертыхъ, то, что

особенно сильно занимало человѣка наяву, что поглощало его вниманіе, никогда не входитъ въ составъ сновидѣній; вслѣдствіе этого въ случаѣ смерти дорогихъ намъ людей мы почти постоянно видимъ ихъ въ первое время послѣ ихъ смерти во снѣ живыми и здоровыми, и это мѣняется только тогда, когда горе наше, съ теченіемъ времени, ослабѣетъ и исчезнетъ. Въ-пятыхъ, кровотеченія, всѣ истощающія болѣзни, а также всѣ подавляющія, гнетущія чувства уменьшаютъ количество сновидѣній. Здѣсь опять необходимо припомнить, что и субъективныя зрительныя явленія, по словамъ знаменитаго Іоганнеса Мюллера, наблюдаются особенно хорошо и часто въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ чувствуетъ себя совершенно здоровымъ и покойнымъ. Въ-шестыхъ, словесная рѣчь въ видѣ отдѣльныхъ фразъ и словъ встрѣчается въ сонныхъ грѣзахъ не болѣе какъ въ 8,5% всѣхъ сновидѣній каждаго лица, и то если въ одну группу отнести какъ собственную рѣчь, такъ и рѣчь другихъ приснившихся лицъ; если же отдѣлить слышанную рѣчь отъ произнесенной, то на первую приходится всего только 1%; тогда какъ на зрительныя представленія во снѣ приходится 85% всѣхъ сонныхъ грѣзъ.

Необходимо еще упомянуть о томъ, что въ сновидѣніяхъ мы зачастую подбираемъ слова по созвучію (Мори), подобно тому, какъ это дѣлаютъ сумасшедшіе больные, идіоты и дѣти. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и въ этомъ отношеніи сонъ представляетъ извѣстную аналогію съ тѣмъ, что наблюдается вообще при слабомъ или ослабленномъ сознаніи.

Здѣсь нелишне будетъ упомянуть о томъ, что въ нашихъ сновидѣніяхъ мы почти никогда не видимъ своего лица, своей фигуры, а если и видимъ, то только послѣ того, когда мы почему-либо очень долго рассматривали себя наканунѣ въ зеркалѣ. Фактъ этотъ наводитъ невольно на предположеніе о томъ, что красавицы, много смотрящіяся въ зеркало, должны чаще видѣть свое лицо и свою фигуру во снѣ, нежели обыкновенные смертные. Относительно галлюцинацій наблюдается тотъ же самый законъ, а именно: дейтероскопія, т.-е. галлюцинація, при которой люди видятъ самихъ себя, наблюдается очень рѣдко. Правда, Гёте имѣлъ подобную галлюцинацію днемъ, среди поля, но зато извѣстно, что онъ былъ очень занятъ собою въ свои молодые годы. Чтобы наглядно представить, какъ сильно частота сновидѣній зависитъ отъ большаго или меньшаго развитія мозговой жизни, приводимъ нѣкоторые цифровыя данныя, полученные нами путемъ пятилѣтнихъ наблюденій. У людей, работающихъ головой (профессора, писатели, ученые) и находящихся въ полномъ здоровьѣ, число ночей, во

время которыхъ сновидѣнія отсутствовали, колебалось между тремя и десятью въ теченіе мѣсяца; но стоить появиться какому-нибудь истощающему вліянію, и число ночей безъ сновидѣній увеличилось отъ 10 до 20; съ другой стороны, у людей, принадлежащихъ къ низшимъ слоямъ общества (кухарки, горничныя, швеи, кучера, разсыльные, солдаты), сновидѣнія при условіяхъ полного здоровья отсутствовали обыкновенно отъ 8 до 25 разъ въ мѣсяцъ. смотря по индивидуальнымъ особенностямъ отдѣльных лицъ. Однимъ словомъ, чѣмъ богаче мозговая жизнь, тѣмъ больше сновидѣній.

Спрашивается теперь: чѣмъ же отличается душевная жизнь во время сна отъ такой же жизни наяву, во время дѣятельнаго состоянія сознанія? Существуетъ ли подобная разница, и если существуетъ, то не можемъ ли мы на основаніи ея выяснить себѣ нѣкоторые вопросы относительно условій нашей психической жизни? Во снѣ, во время сновидѣній, мы зачастую являемся, такъ сказать, простыми зрителями тѣхъ образовъ и сценъ, которые проносятся передъ нами, и лишь сравнительно рѣдко мы участвуемъ въ сновидѣніи въ качествѣ опредѣленной личности, своего я. Вообще во время сновидѣній представленіе о своей личности бываетъ выражено крайне слабо, а то и вовсе отсутствуетъ, какъ на это указывали уже нѣкоторые авторы (напр. Шписъ). Для насъ этотъ фактъ имѣетъ особенную важность, такъ какъ понятно, что представленіе о своей личности бываетъ тѣмъ отчетливѣе, чѣмъ сильнѣе бываетъ развито сознаніе челоуѣка, и наоборотъ, при слабомъ сознаніи это представленіе бываетъ до-нельзя смутное и неопредѣленное. Въ поясненіе этого напомнимъ о маленькихъ дѣтяхъ, у которыхъ въ первые годы ихъ жизни сознаніе бываетъ завѣдомо слабое, неразвитое, и соотвѣтственно съ этимъ мы видимъ, что дѣти не могутъ даже понять значеніе слова я, и вмѣсто того, чтобы говорить я, они произносятъ гораздо болѣе трудныя для ихъ дѣтскаго говора слова, а именно свои имена, и толкуютъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. То же самое явленіе наблюдается и на идиотахъ (Бруссе), и на нѣкоторыхъ психическихъ больныхъ. Однимъ словомъ, при ослабленіи, при исчезаніи сознанія у людей, исчезаетъ также и представленіе о самомъ себѣ, о своемъ собственномъ я. Слѣдовательно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда у насъ въ сновидѣніяхъ начинается выступать представленіе о нашемъ собственномъ я, то это уже служить признакомъ чрѣстичнаго пробужденія нашего сознанія. Во время глубокаго сна сознаніе спитъ, и всякое представленіе о нашемъ собственномъ я отсутствуетъ, и сонныя грѣзы проходятъ передъ

нами какъ нѣчто постороннее, до насъ вовсе не касающееся. О подобныхъ сновидѣніяхъ мы или ничего не запоминаемъ, или если запоминаемъ, то воспоминаніе о нихъ приходитъ къ намъ послѣдовательно во время того легкаго утренняго сна, когда наше сознание уже успѣло отчасти проснуться; иногда, впрочемъ, подобное воспоминаніе бывшихъ у насъ сновидѣній совершается также днемъ, во время нашей бодрствующей жизни. Это воспоминаніе бывшихъ и несознанныхъ нами сновидѣній совершается въ силу того же психо-физиологическаго закона, по которому мы слышимъ иногда послѣдовательно уже замолкнувшіе звуки человеческой рѣчи, или музыкальной мелодіи, или боя часовъ, т.-е. слышимъ тѣ звуки, на которые мы не обратили вниманія, когда они раздавались около насъ, потому что все наше сознание было сосредоточено на чемъ-нибудь другомъ. Подобное послѣдовательное воспоминаніе возможно только потому, что каждое ощущеніе оставляетъ въ нашей нервно-мозговой системѣ болѣе или менѣе глубокій слѣдъ, а каждый слѣдъ обладаетъ способностью снова оживать и при отсутствіи всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній подъ вліяніемъ, такъ сказать, волевого импульса, посылаемаго сознаниемъ. Наше сознание въ этихъ случаяхъ походитъ на хозяина, который, вернувшись въ свои владѣнія послѣ временной отлучки, внимательно всматривается во всѣ измѣненія, прибавленія, перемѣщенія, происшедшія въ его владѣніяхъ за время его отсутствія, и принимаетъ ихъ къ свѣденію.

Каждый знакомъ болѣе или менѣе съ подобными слѣдами, оставляемыми различными ощущеніями въ нашихъ нервно-мозговыхъ приборахъ. Напомнимъ, напр., о тѣхъ случаяхъ, когда, прослушавъ какую-нибудь музыкальную пьесу, мы продолжаемъ еще слышать мотивъ ея въ нашемъ ухѣ въ теченіе нѣкотораго болѣе или менѣе долгаго времени. Еще чаще приходится наблюдать въ себѣ зрительные слѣды, потому что глаза наши являются наиболѣе дѣтельными среди всѣхъ нашихъ органовъ чувствъ. Извѣстно, напр., что если мы внимательно вглядимся въ какую-нибудь мѣстность или вообще въ какой-нибудь предметъ, то, и закрывъ глаза, и отвернувшись, мы продолжаемъ еще нѣкоторое время видѣть данную мѣстность, данный предметъ, иногда въ томъ видѣ, съ тѣми окрасками, съ какими мы видѣли его въ дѣйствительности (это называется положительнымъ слѣдомъ), иногда же измѣненнымъ такъ, что существовавшія въ дѣйствительности окраски замѣнились другими, т.-е. дополнительными: всѣ свѣтлыя части представляются намъ темными, а темныя, наоборотъ, представляются свѣтлыми (что называется негативнымъ слѣдомъ).

Каждый изъ насъ пробовалъ, вѣроятно, когда-нибудь въ дѣтствѣ смотрѣть на солнце, и помнить, вѣроятно, тотъ темный шаръ, который затѣмъ довольно долгое время носится передъ глазами.

Хорошо, — скажутъ намъ, — подобные слѣды остаются отъ дѣйствительныхъ ощущеній, вызванныхъ внѣшними раздраженіями, внѣшними предметами; но сновидѣнія, которыя сами слагаются изъ подобныхъ слѣдовъ прежнихъ ощущеній, развѣ онѣ могутъ оставлять, въ свою очередь, слѣды въ нашей нервно-мозговой системѣ? Что это дѣйствительно возможно и что наши субъективные ощущенія тоже оставляютъ положительные и отрицательные слѣды — доказывается, съ одной стороны, наблюденіями Мейера надъ субъективными зрительными образами, а съ другой, также тѣми случаями, когда человекъ видѣлъ что-нибудь во снѣ и затѣмъ, проснувшись, продолжалъ съ открытыми глазами видѣть ту же самую фигуру. Д-ръ Мейеръ вызвалъ у себя при закрытыхъ глазахъ появленіе въ темномъ полѣ зрѣнія образа серебрянаго стремени; затѣмъ, когда онъ открылъ глаза, то фигура стремени продолжала находиться у него передъ глазами, но только не свѣтлая, а темная. Примѣръ этотъ доказываетъ, что субъективно вызванное наяву зрительное представленіе способно оставлять слѣдъ также, какъ и дѣйствительно видимые нами предметы. Относительно сновидѣній можемъ привести слѣдующіе примѣры: д-ру Мейеру снилось, что онъ шелъ по берегу какого-то темнаго канала, и на него вдругъ напалъ небольшой свѣтло-желтый мопсъ, который лаялъ отчаянно и старался укусить его. Онъ проснулся и продолжалъ при этомъ видѣть фигуру мопса, но только не свѣтло-желтаго цвѣта, а совершенно чернаго. Проф. Бурдахъ видѣлъ во снѣ, что умершая дочь его возносится на небо, и, проснувшись при этомъ, продолжалъ нѣкоторое время и наяву видѣть еще фигуру дочери, поднимающейся по воздуху. Грюнтгуйзену снилось, что онъ видитъ молнію; проснувшись въ это мгновеніе, онъ продолжалъ видѣть полосу слабого свѣта, затѣмъ мѣсто, на которомъ она находилась, стало представляться ему темнѣе всего остального. Въ другой разъ ему снилось, что онъ ищетъ на полкахъ библіотеки одну книгу; онъ проснулся, и корешки книгъ продолжали и наяву бѣжать передъ его глазами слѣва направо. Подобный же случай приведенъ проф. Штрюмпелемъ: во снѣ одна дама видѣла гробъ, стоящій на печи, и массу голубыхъ цвѣтовъ, вылетающихъ изъ одѣяла; — проснувшись, она продолжала видѣть и то, и другое.

Приведенныхъ примѣровъ, мы думаемъ, достаточно для того, чтобы показать, что и сонныя грѣзы оставляютъ болѣе или ме-

нѣе глубокіе слѣды въ нашей нервно-мозговой системѣ, и по этимъ-то слѣдамъ сознание наше при своемъ пробужденіи возстановляетъ бывшія у насъ сновидѣнія. Работа сознания въ этомъ отношеніи значительно облегчается закономъ ассоціаціи, по которому всѣ связанныя во времени или въ пространствѣ ощущенія и представленія, понятія и чувства сохраняютъ наклонность взаимно вызывать другъ друга при своихъ повторныхъ появленіяхъ. Итакъ, воспоминаніе или, вѣрнѣе, послѣдовательное сознаваніе сновидѣній возможно только въ силу того, что субъективная дѣятельность нашихъ нервно-мозговыхъ приборовъ оставляетъ, въ свою очередь, опредѣленные слѣды, и что слѣды эти могутъ ожить по закону ассоціаціи ощущеній и представленій и подъ вліяніемъ направленного на нихъ вниманія. Далѣе мы видѣли, что представленіе о своемъ собственномъ я бываетъ если и не уничтожено во время сна, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе ослаблено. Дальнѣйшей особенностью психической жизни во время сна является то, что вниманіе перестаетъ быть произвольнымъ, а становится снова чисто рефлекторнымъ, т.-е. оно останавливается на томъ представленіи или ощущеніи, которое окажется сильнѣе другихъ. Въ этомъ отношеніи спящій человѣкъ опять оказывается похожимъ на маленькихъ дѣтей, на дикарей и на идиотовъ, у которыхъ вниманіе тоже оказывается чисто рефлекторнымъ и почти вовсе недоступнымъ волевымъ импульсамъ. Все, что мы видимъ во снѣ, представляется намъ во времени и въ пространствѣ, такъ что эти двѣ основныя и прирожденные намъ формы мышленія оказываются вполне дѣятельными и во время сна, т.-е. во время отсутствія сознания; зато другой основной законъ нашей душевной жизни, т.-е. тотъ законъ, по которому человѣку свойственно искать для каждаго дѣйствія, для каждаго явленія достаточной причины, оказывается во время сна совершенно почти отсутствующимъ, такъ какъ во время сновидѣній мы имѣемъ по большей части извѣстную послѣдовательность во времени и въ пространствѣ, но почти вовсе не замѣчаемъ въ сонныхъ грѣзахъ причинной связи.

Спрашивается: почему законъ достаточной причины оказывается по большей части бездѣйствующимъ во время сна? Именно потому, что этотъ законъ, по вѣрному замѣчанію Гельмгольца, есть чисто логическій прирожденный намъ законъ мышленія, и слѣдовательно онъ немислимъ безъ сознания. Въ предыдущихъ главахъ мы не разъ упоминали о томъ, что всякая способность нашей души развивается постепенно и крѣпнеть подъ вліяніемъ упражненія и работы. Въ то же время

намъ уже приходилось говорить о томъ, что цѣлныя народныя массы проводятъ свою жизнь въ какихъ-то вѣчныхъ просонкахъ именно вслѣдствіе слабаго развитія въ нихъ сознанія. Слѣдовательно, разъ сознаніе въ человѣчествѣ вообще находится еще на болѣе или менѣе низкой степени развитія, то понятно, что и законъ достаточной причины долженъ быть слабо выраженъ, если только предположеніе о томъ, что законъ этотъ немислимъ безъ сознанія, вѣрно. Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Даже въ самыхъ цивилизованныхъ слояхъ общества намъ нерѣдко приходится встрѣчаться съ тѣмъ явленіемъ, что люди связываютъ въ качествѣ причины и слѣдствія самыя разнородныя, но слѣдующія другъ за другомъ явленія, и каждый изъ насъ можетъ нерѣдко ловить самого себя на этой же логической ошибкѣ. И это встрѣчается не только въ обществѣ, но даже и въ научныхъ изслѣдованіяхъ и трудахъ. Post hoc, ergo propter hoc! Сколько заблужденій, а слѣдовательно и безцѣльныхъ страданій вынесло человѣчество изъ-за этого невѣрнаго примѣненія закона достаточной причины. Какъ сильно распространено извѣстное и донинѣ представленіе, что если дитя захворало послѣ того, какъ его похвалили или посмотрѣли на него, то болѣзнь приписываютъ дурному глазу, и если затѣмъ больного ребенка спрыскивали съ уголька и если онъ выздоравливалъ, то исцѣленіе его приписывалось именно цѣлебному дѣйствію воды съ углемъ, и затѣмъ примѣняли эту воду и въ другихъ случаяхъ къ вреду больныхъ. При такомъ же ошибочномъ примѣненіи закона достаточной причины, въ современномъ обществѣ возможны такъ-назыв. гомеопаты, которые свято вѣрятъ и исповѣдуютъ, что если больной выздоровѣетъ вслѣдъ за приѣмомъ ихъ нигилистическихъ крупинокъ, то, слѣдовательно, онъ выздоровѣлъ именно отъ этихъ крупинокъ, а не отъ дѣйствія цѣлебныхъ силъ самой природы, самого организма. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи наблюдаются признаки нѣкотораго прогресса: правило *similia similibus curantur* не есть что-нибудь новое, придуманное гомеопатами. Въ доброе старое время вообще лекарства назначались по сходству съ болѣзнью, но не по сходству въ дѣйствіи, а по внѣшнему сходству. Напримѣръ, желтую часть моркови прописывали при желтухѣ, потому что тутъ и лекарство, и болѣзнь отличались однимъ цвѣтомъ; отъ болѣзней сердца прописывали плодъ *limosagrus anascardium*, потому что онъ по формѣ своей напоминалъ человѣческое сердце; противъ болѣзней почекъ прописывали сѣмена, по формѣ своей походившія на почки, и т. д. (Фразеръ). Въ настоящее время все это кажется смѣшнымъ и

дѣтскимъ, и потому приверженцы ученія о томъ, что болѣзни должны излечиваться схожими съ ними средствами, ищутъ этого сходства не во внѣшнихъ свойствахъ, а въ самомъ дѣйстви.

Спрашивается теперь: откуда взялось самое убѣжденіе, что лекарство должно отличаться сходствомъ съ болѣзью? Мнѣ кажется, что при этомъ ложномъ заключеніи люди руководились тѣмъ же стремленіемъ, которое заставляетъ ихъ ассоціировать во снѣ и вообще при ослабленномъ состояніи сознанія все такъ или иначе схожее, напр. слова по созвучію, различные образы, на основаніи какого-нибудь чисто случайнаго и внѣшняго сходства. Такая же точно склонность соединять совершенно несовмѣстимое на основаніи одного только внѣшняго сходства замѣчается также и у необразованныхъ людей и особенно у душевно-больныхъ. Такъ напримѣръ, очень многія повѣрья и примѣты сложились именно на основаніи одного какого-нибудь сходства. Для примѣра укажемъ на слѣдующее: при отгѣваніи покойниковъ ставятся двѣ свѣчи въ головахъ и одна въ ногахъ, всего три — отсюда суевѣріе, что если зажгутъ три свѣчи на столѣ, то это къ покойнику и т. д. Въ сновидѣніяхъ и въ галлюцинаціяхъ люди дѣлаютъ еще болѣе неожиданныя сопоставленія: одного какого-нибудь сходства въ цвѣтѣ или въ формѣ оказывается достаточнымъ для соединенія совершенно разнородныхъ образовъ.

Такимъ образомъ, въ сонныхъ грѣзахъ все протекаетъ во времени и пространствѣ, но законъ достаточной причины почти вовсе отсутствуетъ, и это понятно съ нашей точки зрѣнія, по которой сонъ есть время отдохновенія сознанія, — между тѣмъ законъ достаточной причины немислимъ безъ сознанія, а потому и не управляетъ вовсе міромъ нашихъ сновидѣній.

Въ связи съ этимъ находится также и тотъ фактъ, что въ сновидѣніяхъ мы по большей части ничему не удивляемся (Винтеръ), и это естественно, такъ какъ при отсутствіи сознательной логической мысли удивленіе невозможно, потому что оно появляется только тогда, когда какое-нибудь явленіе противорѣчитъ всѣмъ законамъ логическаго мышленія и въ особенности закону достаточной причины. По той же причинѣ дѣти и необразованные, неразвитые люди легко вѣрять всякой небылицѣ: при слабо развитомъ сознаніи они и не замѣчаютъ, если то или иное явленіе, тотъ или иной мнимый фактъ оказываются въ полномъ противорѣчій съ закономъ достаточной причины и вообще съ требованіями логической мысли. Для нихъ достаточно случайнаго сходства для того, чтобы соединить несовмѣстимое, доста-

точно извѣстной послѣдовательности для того, чтобы признать совершенно разнородныя явленія за причину и слѣдствіе.

Наконецъ, прежде, чѣмъ покончить съ затронутыми нами вопросами, мы должны еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ сновидѣніяхъ, гдѣ главную роль играютъ не образы, а слова, человѣческая рѣчь. Уже д-ръ Филиппъ справедливо указывалъ на то, что въ сновидѣніяхъ мы никогда не говоримъ такой бессмыслицы, какая намъ грезится въ образахъ. Это вполне понятно, если вспомнить, что рѣчь по преимуществу бываетъ орудіемъ логической мысли.

Нерѣдко въ сновидѣніяхъ людямъ снятся также разговоры, споры съ другими людьми, и притомъ зачастую мнимые противники поправляютъ ошибки и вообще высказываютъ болѣе сильныя и убѣдительныя доводы, нежели сами спящіе, которые и не сознаютъ, что они сами высказываютъ и за, и противъ. Этими сновидѣніями нѣкоторые авторы пользовались для того, чтобы доказывать двойственность нашего мозга, т.-е. ту теорію, которую впервые высказалъ Виганъ, а затѣмъ защищали и многіе другіе авторы, какъ-то Фехнеръ, Браунъ Секаръ, Самуэль Уильямсъ, Верити и другіе.

Подобнаго рода сновидѣнія болѣе или менѣе близко подходятъ, конечно, къ случаямъ двойственного сознанія, о которыхъ мы говорили въ нашей второй лекціи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и при изученіи нашихъ сновидѣній мы опять приходимъ къ заключенію, что сонъ есть время отдохновенія нашего сознанія. Сознаніе засыпаетъ, спитъ, и потому во время сна человѣкъ забываетъ всѣ свои горести и печали, забываетъ всѣ свои обиды.

Послѣ всего изложеннаго о характерѣ нашего сна и сновидѣній мы уже поймемъ, что Кантъ былъ правъ, говоря, что безъ сна и безъ надежды человѣкъ былъ бы самымъ несчастнымъ существомъ на землѣ. Сонъ это и есть та Лета, въ которую вѣрили древніе греки, но найти которую они надѣялись только по ту сторону гроба. Между тѣмъ, если намъ и нужно забвеніе, то уже, конечно, здѣсь на землѣ.

Выше намъ уже приходилось упоминать о томъ, что иногда при пробужденіи люди продолжаютъ видѣть передъ собою тѣ образы, которые входили въ составъ ихъ сонныхъ грѣзъ. Съ другой стороны, извѣстно также, что тѣ субъективные зрительныя образы, которые мелькаютъ передъ людьми въ моменты, предшествующіе засыпанію, зачастую затѣмъ появляются также и въ сновидѣніяхъ (Мори). Наконецъ, мы пришли къ тому за-

ключенію, что какъ сновидѣнія, такъ и галлюцинаціи имѣютъ въ основѣ своей одно и то же, а именно субъективную жизнь нервно-мозговыхъ приборовъ. Послѣ всего этого неудивительно, что дремотные образы и самыя сновидѣнія могутъ переходить въ галлюцинаціи и что между сновидѣніями и сумасшествіемъ существуетъ извѣстная связь, какъ на это уже указывали многіе (Льебо, Эскироль, Винслоу, Моро, Байлярже и др.). Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ какое-нибудь сновидѣніе повторяется болѣе или менѣе часто, и затѣмъ представленія, образы подобнаго сновидѣнія овладѣваютъ вниманіемъ человѣка наяву и въ концѣ концовъ порабащаютъ его. Въ поясненіе приводимъ слѣдующій случай: 22-лѣтній мужчина ѣхалъ съ женой въ экипажѣ, когда вслѣдствіе несчастной случайности подъ колеса ихъ экипажа попалъ ребенокъ. При видѣ разможенной головки дитяти человѣкъ этотъ былъ потрясенъ до-нельзя, и въ ту же ночь онъ во снѣ поднялся съ постели съ крикомъ: „О, спасите ребенка!“ Бредъ этотъ сталъ повторяться каждую ночь, иногда даже по два, по три раза. Больной кричалъ очень громко и пугалъ собственныхъ дѣтей. Разбудить его бывало иногда очень трудно, а проснувшись—онъ ничего не помнилъ. Впрочемъ онъ все-таки говорилъ женѣ, что его преслѣдуютъ страшныя сновидѣнія и что несчастный малышъ не выходитъ у него изъ головы. Такъ дѣло шло въ теченіе двухъ лѣтъ; затѣмъ ночью же стали появляться приступы падучей болѣзни и больной быстро впалъ въ полное слабоуміе. Въ другомъ случаѣ человѣка начали преслѣдовать тяжелыя сновидѣнія, во время которыхъ ему казалось, что его кто-то душить: онъ сталъ обвинять жившихъ съ нимъ товарищей въ томъ, что они каждую ночь душатъ его; когда же его помѣстили въ отдѣльную комнату, которую онъ запиралъ на ключъ, то онъ сталъ обвинять во всемъ чорта, т.-е. именно того, кого человѣчество вообще привыкло обвинять во всѣхъ своихъ ошибкахъ и напастяхъ. Молодой человѣкъ этотъ сошелъ съ ума. И такихъ случаевъ можно бы было привести множество. На связь эту указывалъ уже Дидро.

Такимъ образомъ, сновидѣнія могутъ даже стать источникомъ сумасшествія; при этомъ всегда почти наблюдается, что сновидѣнія подобнаго рода повторяются по нѣскольку разъ къ ряду и, оставляя каждый разъ болѣе и болѣе глубокіе слѣды, наконецъ совершенно порабащаютъ сознаніе. Кромѣ того люди, подпадающіе такимъ образомъ подъ гнетъ сновидѣній, обыкновенно трудно просыпаются и отличаются своею наклонностью къ просонкамъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что подобнаго рода люди съ самаго начала обладаютъ крайне слабымъ и вялымъ сознаниемъ, и слѣдовательно для подобнаго сознанія нужны постоянно извѣстныя (объективныя) ощущенія изъ вѣшняго міра, для того, чтобы оно могло отличать образы, созданныя вслѣдствіе субъективной жизни нервно-мозговыхъ приборовъ, отъ тѣхъ, которые складываются въ немъ вслѣдствіе ощущеній, получаемыхъ извнѣ. И дѣйствительно, вѣрность такого заключенія подтверждается клиническими наблюденіями; такъ напр., д-ръ Кринтонъ прямо указываетъ, что лихорадящіе больные, т.-е. люди, у которыхъ сознаніе ослаблено болѣзнью, начинаютъ бредить или при затемненіи комнаты, или когда они закрываютъ глаза, и бредъ прекращается при освѣщеніи комнаты и когда они открываютъ глаза. Д-ръ Мори передалъ свое наблюденіе надъ своей служанкой, которая всегда спитъ съ зажженной свѣчей, говоря, что свѣтъ ей необходимъ, такъ какъ при немъ она не видитъ тѣхъ противныхъ фигуръ, которыя начинаютъ мелькать передъ нею въ темнотѣ. Д-ръ Брахъ былъ очень подверженъ дремотнымъ галлюцинаціямъ со стороны общаго чувства и осязанія, при этомъ тѣло его казалось ему необычайно большимъ и тяжелымъ, способнымъ вытягиваться до самыхъ отдаленныхъ звѣздъ, а вслѣдъ затѣмъ оно представлялось ему до того малымъ, что, повидимому, умѣщалось въ одной точкѣ. И въ этихъ случаяхъ опять достаточно было зажечь свѣчу, и всѣ подобныя ложныя ощущенія исчезали безслѣдно, слѣдовательно свѣтъ устраняетъ не только одні зрительныя галлюцинаціи, но также и галлюцинаціи, относящіяся къ области другихъ чувствъ.

Это вліяніе ощущеній изъ вѣшняго міра сказывается даже на сумасшедшихъ: такъ напр., Байлярже замѣтилъ, что галлюцинаціи, мучающія больныхъ, исчезаютъ при всемъ томъ, что нарушаетъ однообразіе ихъ жизненной обстановки, хотя бы, напр., при обходѣ врачами палатъ. Еще интереснѣе случай, описанный у Треля: 200 человѣкъ помѣшанныхъ должны были быть перевезены изъ Сальпетриеры и Бисетра въ другія больницы. По этому поводу всѣмъ больнымъ выдано было новое платье, и все это, вмѣстѣ съ хлопотами отъѣзда, до того заинтересовало больныхъ, что они на время забыли о своихъ галлюцинаціяхъ и болѣзненныхъ идеяхъ, и вліяніе новыхъ ощущеній и впечатлѣній было такъ сильно, что даже маниакальные приступы, повторявшіеся въ теченіе 10—15 лѣтъ всегда въ опредѣленные сроки, теперь не появились у больныхъ, хотя переѣздъ пришелся какъ разъ на то время, когда должны были появиться эти приступы бѣшенства.

Съ другой стороны, извѣстно также, что и у совершенно нормальныхъ людей появлялся болѣе или менѣе сильный бредъ, когда ихъ, ради леченія болѣзни глазъ, помѣщали въ темную комнату и притомъ еще съ завѣшенными или завязанными глазами. Проф. Шмидтъ - Ришлеръ замѣчаетъ, что подобный бредъ наблюдался при совершенно нормальной температурѣ тѣла, и притомъ только у людей, принадлежавшихъ къ необразованнымъ, низшимъ слоямъ общества или же у стариковъ, находившихся между 60—80 годами жизни, однимъ словомъ, у людей со слабымъ, неразвитымъ сознаниемъ или у такихъ, у которыхъ сознание ослабло подъ вліяніемъ возраста. Бредъ этотъ объясняется внезапнымъ устраненіемъ привычныхъ свѣтовыхъ раздраженій, которыя, доставляя мозгу цѣлый рядъ ощущений, поддерживаютъ сознание въ дѣятельномъ состояніи и не даютъ ему засыпать. Бредъ этотъ бывалъ буйный, и больные обыкновенно совершенно забывали, гдѣ они и что съ ними. Когда имъ снимали повязку съ глазъ и переводили въ свѣтлую комнату, то бредъ тотчасъ прекращался. При обсужденіи случаевъ подобнаго рода слѣдуетъ всегда помнить, что впечатлительность нервно-мозговыхъ приборовъ возрастаетъ соотвѣтственно съ продолжительностью покоя. Такъ напр., въ случаѣ проф. Гарлея впечатлительность органа зрѣнія возросла послѣ 72-часового покоя до того, что слѣдъ отъ фиксированныхъ имъ обоевъ длился у него въ теченіе 25-ти минутъ.

Кромѣ того, такъ какъ субъективная жизнь нервно-мозговыхъ приборовъ тоже находится въ извѣстной зависимости отъ кровообращенія, то мы и видимъ далѣе, что появленіе и исчезаніе галлюцинацій, дремотныхъ образовъ и вообще бреда, зависятъ также и отъ положенія. Такъ напр., знаменитый Пинель описалъ одну больную, у которой слуховыя галлюцинаціи появлялись, когда она ложилась, и исчезали, когда она садилась; а проф. Шредеръ-ванъ-деръ-Кольеъ прямо указывалъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы по желанію можемъ вызывать бредъ у больныхъ: для этого стоитъ только положить ихъ голову болѣе или менѣе низко. Такимъ образомъ, мы по необходимости приходимъ къ тому обязательному, въ виду приведенныхъ фактовъ, заключенію, что всѣ наши дремотные образы, всѣ галлюцинаціи и явленія бреда, словомъ, всѣ проявленія субъективной жизни нервно-мозговыхъ приборовъ зависятъ отъ состоянія, въ которомъ находятся опредѣленные тѣни нашего организма.

Такимъ образомъ, если извѣстная группа людей будетъ поставлена въ опредѣленные одинаковыя условія, то и сновидѣнія окажутся у нихъ одинаковыми. Въ литературѣ имѣются описанія подоб-

наго рода общихъ, одновременныхъ сновидѣній; такъ напр., Нудовъ рассказываетъ, что во время ночной бури почти всѣмъ путешественникамъ, ночевавшимъ въ одной гостинницѣ въ Данцигѣ, приснилось, что къ дверямъ гостинницы съ грохотомъ и шумомъ подъѣхала карета, и на слѣдующее утро всѣ они стали, каждый, въ свою очередь, спрашивать служанку о томъ, кто именно пріѣхалъ ночью. Еще интереснѣе слѣдующее наблюдение: баталіону, состоявшему изъ 800 солдатъ, пришлось ночевать въ оставленномъ аббатствѣ, о которомъ имъ рассказывали передъ тѣмъ, что въ немъ ходятъ привидѣнія въ видѣ черной собаки. Всѣмъ 800 солдатамъ приснилось около полуночи, что чортъ въ видѣ черной собаки бѣгаетъ по ихъ груди и душитъ ихъ, и всѣ они въ паническомъ страхѣ бросились бѣжать изъ аббатства. На слѣдующую ночь назначено было дежурство изъ офицеровъ для того, чтобы успокоить взволнованные умы солдатъ. Они спокойно заснули, но въ полночь всѣ снова повскакали съ своихъ мѣстъ вслѣдствіе того же самаго кошмара. Дежурившіе офицеры, конечно, не видали ни чорта, ни собаки. Мѣсто ночевки пришлось пережвѣнить. Случай этотъ объясняли предположеніемъ, что въ аббатствѣ воздухъ могъ быть загрязненъ примѣсью какого-нибудь непригоднаго для дыханія газа, а настроенное разсказами о привидѣніяхъ воображеніе солдатъ объяснило чувство удушья вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ силъ.

Разобравъ, такимъ образомъ, тѣ случаи, когда сновидѣнія и различные дремотные или субъективные образы переходятъ, наконецъ, въ галлюцинаціи и обуславливаютъ полное разрушеніе здороваго сознанія, т.-е., другими словами, обуславливаютъ развитіе душевной болѣзни, мы должны теперь остановиться нѣкоторое время на противоположныхъ случаяхъ, т.-е. на отсутствіи сновидѣній, и постараться уяснить себѣ значеніе подобнаго отсутствія. Послѣ всего изложеннаго нами выше, мы уже прямо можемъ заключить, что такъ - называемое отсутствіе сновидѣній имѣетъ неблагоприятное значеніе, такъ какъ оно всегда указываетъ на слабость слѣдовъ, съ одной стороны, и на слабость ассоціацій—съ другой, и, слѣдовательно, всякое сколько-нибудь значительное отсутствіе сновидѣній всегда можетъ служить признакомъ несоотвѣтственной слабости всей умственной жизни. Наши наблюденія убѣдили насъ, что отсутствіе сновидѣній перѣдко служитъ предвѣстникомъ развитія душевной или нервной болѣзни. Макаріо указывалъ также, что при слабоуміи сновидѣнія почти совершенно отсутствуютъ. Кромѣ того, извѣстно, что у стариковъ сновидѣнія по большей части вертятся на воспоминаніяхъ изъ ихъ

дѣтскихъ и молодыхъ лѣтъ, и это понятно, такъ какъ мы знаемъ, что при разрушеніи умственныхъ силъ человѣка всегда прежде всего гибнуть его послѣднія приобрѣтенія, прежде всего исчезаютъ тѣ слѣды, которые были оставлены въ сравнительно недавнее время.

Мы указывали уже на связь всей субъективной жизни нашей нервно-мозговой системы, а слѣдовательно и сновидѣній, съ имѣющимся у каждаго изъ насъ запасомъ различныхъ ощущеній, и потому естественно задаться вопросомъ о томъ, что именно наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда у людей уничтоженъ бываетъ тотъ или иной изъ органовъ чувствъ, или когда у нихъ, напр., отсутствуетъ одна изъ конечностей ихъ тѣла. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ работа Германа, который наблюдалъ болѣе ста слѣпыхъ и опредѣлялъ у нихъ какъ характеръ сновидѣній, такъ и частоту ихъ; при этомъ выяснилось, что у слѣпыхъ вообще сновидѣнія встрѣчаются рѣже, нежели у совершенно нормальныхъ людей; затѣмъ, субъективныя зрительныя представленія и ощущенія оказались совершенно отсутствующими у тѣхъ слѣпыхъ, которые потеряли зрѣніе до пятилѣтняго возраста.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда зрѣніе было уничтожено между 5 и 7 годами жизни, субъективныя зрительныя представленія, а вмѣстѣ съ ними и зрительныя сновидѣнія оказывались сохраненными, но притомъ онѣ сохранялись тѣмъ лучше и изъ тѣмъ болѣе молодого возраста, тѣмъ выше стояли тѣ или иные слѣпые по своимъ умственнымъ способностямъ; и наоборотъ, онѣ утрачивались тѣмъ скорѣе, чѣмъ тупѣе оказывались данные субъекты, такъ что наименѣе интеллигентные никогда не имѣли зрительныхъ образовъ въ своихъ сновидѣніяхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣпота поражала ихъ въ семилѣтнемъ возрастѣ.

Само собой разумѣется, что сохраненіе зрительныхъ образовъ, зрительныхъ представленій было возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда центральныя части зрительнаго прибора оставались еще сохраненными; иначе у больныхъ исчезали даже всякіе слѣды зрительныхъ ощущеній и представленій. Чтобы дать понятіе о той стойкости, съ которою могутъ сохраняться слѣды прежнихъ ощущеній и представленій въ центральныхъ частяхъ зрительныхъ приборовъ, упомянемъ о двухъ слѣпыхъ, у которыхъ зрительныя сновидѣнія длились 52 и 54 года послѣ разрушенія периферическихъ частей органа зрѣнія, и только по прошествіи этихъ долгихъ лѣтъ онѣ, наконецъ, исчезли.

Изъ наблюденій надъ оглохшими и онѣмѣвшими вслѣдствіе этого людьми оказалось также, что, если глухота развивается

ранѣе 5 лѣтъ, то больные постоянно забываютъ разговорную рѣчь; возрастъ 5—7 лѣтъ оказался и въ этомъ отношеніи критическимъ, и опять оказалось, что чѣмъ значительнѣе были умственные силы подобныхъ больныхъ, тѣмъ лучше и тѣмъ ранѣе оказывались они способными сохранять разговорную рѣчь, несмотря на появленіе глухоты; напротивъ того, при слабыхъ умственныхъ силахъ появленіе глухоты даже въ 6, 7 лѣтъ ведетъ все же къ потерѣ разговорной рѣчи, и больные становятся глухонѣмыми.

Рядомъ съ этими наблюденіями интересно было наблюденіе надъ сновидѣніями уродца, который родился безъ рукъ и безъ ногъ и который никогда не видалъ себя во снѣ съ нормальными конечностями. У другихъ подобныхъ уродовъ наблюдалось обратное явленіе, а именно: они представляли себя во снѣ съ нормальными конечностями; слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи, очевидно, все зависитъ отъ того, участвовали ли хоть отчасти соотвѣтственные нервно-мозговые приборы, а также и отъ состоянія умственныхъ силъ того или иного субъекта.

Спрашивается теперь: какъ мѣняются сновидѣнія у людей, подвергнутыхъ искусственному удаленію той или иной конечности, путемъ операціи? Наблюденія, произведенныя въ этомъ направленіи, показали, что ампутированные никогда не видятъ себя во снѣ ходящими на костыляхъ, а всегда съ нормальными конечностями, которыя съ теченіемъ времени только начинаютъ представляться имъ все болѣе и болѣе укороченными. Далѣе было выяснено, что и назву подобные больные представляютъ себѣ удаленную конечность цѣльной и нормальной, и особенно отчетливо они чувствуютъ у себя присутствіе отсутствующихъ пальцевъ. Затѣмъ, съ теченіемъ времени конечность, удаленная операціей, начинаетъ казаться имъ все короче и короче, пока, наконецъ, пальцы не соединятся въ ихъ представленіи съ культию, т.-е. съ оставшейся послѣ операціи частью. Кроме того, было замѣчено, что эта галлюцинація бываетъ особенно отчетливо выражена въ тѣхъ случаяхъ, когда рана послѣ операціи зажила быстро и безъ хлопотъ; напротивъ того, если заживленіе раны сопровождалось нагноеніемъ и болями, то галлюцинаціи о цѣлости ноги могутъ и вовсе отсутствовать. Очевидно, эта разница объясняется тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ человѣкъ получаетъ массу ощущеній съ того мѣста, гдѣ произведенъ былъ разрѣзъ, и при помощи этихъ ощущеній успѣваетъ освоиться съ измѣненной формой своей конечности. Наблюденій надъ людьми, у которыхъ конечность была удалена въ очень ранніе годы жизни, произве-

дены не были, и потому мы ничего не можемъ сказать относительно того, съ какихъ лѣтъ начинаются только-что описанныя галлюцинаціи.

По всему сказанному, сновидѣнія раздѣляются на внутри-черепныя, или центральныя, и на периферическія, или внѣ-черепныя. Первые зависятъ отъ дѣятельности заложенныхъ въ черепномъ мозгу нервно-мозговыхъ приборовъ, а вторыя—отъ дѣятельности тѣхъ нервныхъ приборовъ, которые размѣщены внѣ черепа. Кромѣ того, сновидѣнія могутъ быть раздѣлены на такія, которыя зависятъ отъ собственной жизни нервно-мозговыхъ приборовъ, и такія, которыя вызываются раздраженіями, падающими на спящаго человека извнѣ. Этого рода сновидѣнія могутъ быть названы также наведенными. Такъ напр., грѣлки, приложенныя къ ногамъ, могутъ навести спящаго на представленіе о хожденіи по горячей лавѣ, о Везувіи или Этнѣ, и тому подобное.

Въ настоящей главѣ мы уже не разъ указывали, что количество сновидѣній прямо пропорціонально силѣ сознанія, а это послѣднее находится въ тѣсной зависимости отъ стойкости и глубины слѣдовъ, оставляемыхъ различными ощущеніями и представленіями въ нашей нервно-мозговой системѣ. Спрашивается: когда появляются первые сновидѣнія у дѣтей? Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что сновидѣнія бываютъ у дѣтей съ первыхъ дней жизни, но только сновидѣнія эти по необходимости вертятся на томъ скудномъ запасѣ ощущеній и представленій, который имѣется у новорожденного ребенка. Въ доказательство можно указать на то, что сосательныя движенія во время сна наблюдаются у дѣтей уже въ первыхъ недѣли ихъ жизни. Болѣе сложныя сновидѣнія, сопровождаемыя хохотомъ, мы встрѣчали у шестимѣсячныхъ дѣтей. Сознательные рассказы о бывшихъ сновидѣніяхъ являются, конечно, только тогда, когда ребенокъ овладѣетъ разговорной рѣчью. Впрочемъ въ этомъ отношеніи наблюдаются большія индивидуальныя различія, такія же различія, какія наблюдаются во времени появленія рѣчи у различныхъ дѣтей, а также и во времени, къ которому относятся первые воспоминанія дѣтства. Обыкновенно люди помнятъ событія своего дѣтства съ 5—7-лѣтняго возраста, но въ отдѣльных случаяхъ воспоминаніе заходитъ гораздо раньше, а именно, взрослые люди помнятъ нѣкоторыя событія, бывшія съ ними въ возрастѣ двухъ, трехъ лѣтъ. Самое раннее воспоминаніе относилось, сколько намъ извѣстно, къ 11 мѣсяцамъ; въ этомъ случаѣ человекъ запомнилъ всю обстановку и лица, бывшія при его первой самостоятельной ходьбѣ. Подобная память мы-

слима, конечно, только при замѣчательно счастливой организаціи центральной нервной системы.

Итакъ, при воспитаніи дѣтей должно обращать серьезное вниманіе на ихъ сонъ и на характеръ бывающихъ у нихъ сновидѣній и на частоту ихъ. Дѣло въ томъ, что въ медицинской литературѣ имѣется уже достаточно указаній на то, что тяжелыя, безпокойныя сновидѣнія зачастую служатъ предвѣстниками близкой болѣзни. Слѣдовательно, если дѣти стонуть, плачутъ во снѣ, если они пробуждаются ночью въ безумномъ испугѣ и страхѣ и не могутъ придти въ себя (такъ-называемые ночные страхи дѣтей), то все это указываетъ на серьезное нарушеніе здороваго равновѣсія и требуетъ внимательнаго отношенія и помощи со стороны разумнаго врача. Точно также и отсутствіе или значительная рѣдкость сновидѣній у дѣтей служить неблагоприятнымъ признакомъ и потому требуетъ серьезнаго вниманія. Не должно забывать, что мозговое переутомленіе, которымъ такъ часто страдаютъ и дѣти, и взрослые люди современной эпохи, прежде всего начинаетъ сказываться на сновидѣніяхъ.

Кромѣ этой, такъ сказать, косвенной пользы, сновидѣнія приносятъ человѣчеству еще и прямую пользу, а именно тѣмъ, что онѣ даютъ возможность дѣятельности такимъ приборамъ головного мозга, которые наяву остаются безъ всякаго употребленія. Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы уже упоминали о вредѣ всякаго однообразія въ чувствахъ и въ мысляхъ, и вотъ въ этомъ-то отношеніи сновидѣнія оказываются особенно полезными, такъ какъ онѣ вносятъ извѣстное разнообразіе въ самую монотонную, въ самую безсодержательную жизнь. Для неимущихъ людей сновидѣнія замѣняютъ собою развлеченія и удовольствія, какъ на это указывали уже неоднократно, между прочимъ, Давидсонъ, Бурдахъ, Новались и др. Новались прямо говорить, что сновидѣнія являются оплотомъ противъ слишкомъ однообразной правильности и тривіальности бодрствующей жизни, и далѣе основательно указываетъ, что мы старѣлись бы гораздо быстрее, если бы у насъ отсутствовали сновидѣнія. И не только старѣлись бы, но и тупѣли бы быстрее, прибавимъ мы отъ себя.

Чтобы наглядно представить эту сторону вліянія сновидѣній, припомнимъ тотъ общезвѣстный фактъ, что всѣ явленія старчества выступаютъ тѣмъ скорѣе и рѣзче, чѣмъ ниже по своему развитію и своимъ мозговымъ силамъ стоялъ тотъ или иной человѣкъ. Сильно развитыя, а потому могучія умственныя силы идутъ всегда рука объ руку съ энергичнымъ сознаніемъ; а оно оказывается лучшей броней противъ разрушительнаго дѣйствія вре-

мени. И дѣйствительно, біографіи выдающихся личностей указываютъ, что онѣ и въ преклонные, старческіе годы жизни отличаются такими душевными качествами, которыя у обыкновенныхъ смертныхъ встрѣчаются только въ счастливую пору молодости и полного расцвѣта силъ.

Кромѣ того, для надлежащей оцѣнки пользы сновидѣній слѣдуетъ помнить, что жизнь цѣлой массы людей проходитъ среди такой сѣренькой будничной обстановки, что, проживъ долгую жизнь, они не выносятъ изъ нея даже воспоминаній, заслуживающихъ вниманія. Намъ пришлось видѣть старуху 60 лѣтъ, у которой самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ изъ всей жизни было воспоминаніе одного сновидѣнія: какъ она оживлялась, когда она принималась кому-нибудь рассказывать свой завѣтный сонъ о томъ, какъ она, бѣдная женщина, попала въ гости во дворецъ, къ самому царю! Она никогда не уставала рассказывать этотъ сонъ со всѣми его подробностями, и сновидѣніе это положительно скрасило ея сѣрую будничную жизнь, придало ея жизни поэтической отгѣнь!

Наконецъ, каждому, вѣроятно, приходилось испытывать, что мысли, съ которыми мы никакъ не могли справиться наяву, напр. когда намъ приходилось принять какое-нибудь рѣшеніе, принимали исполнѣ определенную форму послѣ спокойно проведенной ночи. Это вліяніе сна замѣтилъ уже и народъ, и отсюда-то явилась извѣстная поговорка: „утро вечера мудренѣе“. У нѣмцевъ есть аналогичное выраженіе, заключающееся въ совѣтъ ничего не рѣшать, пока не проспипь, послѣ появленія того или иного вопроса, одной ночи. Изъ заявленій различныхъ ученыхъ, писателей и музыкантовъ мы знаемъ, что многія мысли, планы для новыхъ работъ, новыя мелодіи появлялись у нихъ впервые во время сновидѣній (Бурдахъ, Лотце, Вольтеръ, Тартини, Макаріо и др.), и потому многіе авторы прямо утверждаютъ, что и въ нашей литературѣ, и въ нашей наукѣ есть много такого, что является прямо результатомъ мозговой дѣятельности во время сна (Ланге, Гельмгольцъ, Гризингеръ, Броди, Маудсли, Бенеке, Гербартъ, Фехнеръ и т. д.) и вообще результатомъ безсознательной мозговой дѣятельности. Особенно интереснымъ представляется, въ связи со всѣмъ высказаннымъ нами, слѣдующее наблюденіе проф. Макаріо: молодая учительница музыки, принимаясь разучивать какую-нибудь трудную пьесу, вынуждена бывала зачастую прерывать это изученіе прежде, чѣмъ она успѣвала одолѣть всѣ трудности. При этомъ она замѣтила, что если въ сновидѣніяхъ ей грезилось, что она разучиваетъ недоученную пьесу, то

на другой день послѣ пробужденія она всегда оказывалась вполне способной разыграть недоученную пьесу съ полнымъ совершенствомъ. Проф. Макаріо самъ убѣдился, кажется, въ вѣрности этого факта.

Для полноты нашего очерка мы должны также остановиться нѣкоторое время на такъ-называемыхъ вѣщихъ или пророческихъ сновидѣніяхъ. Сновидѣнія этого рода распадаются, въ сущности, на двѣ группы: во-первыхъ, на сновидѣнія, въ которыхъ человѣкъ во снѣ видитъ, что у него болитъ та или иная часть тѣла, и при пробужденіи дѣйствительно убѣждается въ вѣрности этого сновидѣнія, и во-вторыхъ, на сновидѣнія, въ которыхъ человѣкъ получаетъ указанія или на то, что ему слѣдуетъ дѣлать, или вообще на то, что ему предстоитъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: человѣкъ во снѣ видитъ, что его укусила въ ногу бѣшеная собака; проснувшись, онъ ничего не чувствуетъ, но дня два спустя у него появляется язва на томъ мѣстѣ, гдѣ его въ сновидѣніи укусила бѣшеная собака. Проф. Макаріо видитъ во снѣ, что разбойникъ ударилъ его кинжаломъ въ область сердца и при пробужденіи онъ находитъ у себя острую боль въ прекардіальной области. Въ другихъ случаяхъ больнымъ снится громъ, который оглушаетъ ихъ, и при пробужденіи они, дѣйствительно, оказываются оглохшими. Всѣ эти и тому подобныя сновидѣнія объясняются, конечно, тѣмъ, что во время сна сонныя грезы облекаютъ въ опредѣленные образы тѣ измѣненія въ самочувствіи человѣка, которыя обуславливаются уже начавшимся болѣзненнымъ процессомъ, но наяву проходятъ незамѣченными, потому что ихъ заглушаетъ цѣлая масса разнообразныхъ ощущений, представленій и чувствъ, пробуждаемыхъ въ человѣкѣ впечатлѣніями внѣшняго міра.

Примѣрами сновидѣній второго типа могутъ служить слѣдующія. Аберкромби въ теченіе нѣсколькихъ дней старался вспомнить, какой именно стихъ св. Писанія былъ заданъ ему вмѣстѣ съ цѣлымъ классомъ въ видѣ наказанія въ то время, когда ему еще было всего только 7 лѣтъ отъ роду. Всѣ старанія его оказались тщетными; но, заснувъ, онъ въ сновидѣніи увидалъ этотъ самый стихъ и при этомъ увидалъ также ту главу Іереміи, въ которой находился нужный ему стихъ. Тотъ же авторъ передаетъ намъ слѣдующую исторію съ чиновникомъ банка, у котораго при подведеніи суточного счета оказался недочетъ въ 6 фунтовъ стерлинговъ. Какъ онъ ни напрягалъ свою память, онъ никакъ не могъ объяснить себѣ этого недочета. Ночью въ сновидѣніи онъ увидалъ заикающагося человѣка, который торопиль

его и получилъ не въ очередь 6 фунтовъ. При пробужденіи онъ провѣрилъ, и все оказалось совершенно вѣрнымъ. Д-ръ Лѣбо сообщилъ слѣдующее наблюденіе: одна изъ его больныхъ видѣла во снѣ, что она тонетъ и ее спасаетъ человѣкъ по фамиліи Ольри. Нѣсколько лѣтъ спустя въ ней входитъ незнакомецъ, котораго она тотчасъ же признаетъ за героя своего сновидѣнія, и, не давъ ему произнести ни слова, она спрашиваетъ его: „Вы Ольри?“—Да, я Ольри,—отвѣчаетъ ей знакомый по сновидѣнію незнакомецъ. Лѣбо прямо замѣчаетъ, что подобное сновидѣніе могло бы быть признано за чудо, но при ближайшемъ разслѣдованіи оказалось, что г. Ольри жилъ недалеко отъ сказанной дамы, а именно всего на разстояніи 12 километровъ, и слѣдовательно она должна была встрѣчать его раньше, но, очевидно, забыла это также, какъ и его фамилію. Проф. Мори передаетъ слѣдующій аналогичный случай: господинъ М. за 25 лѣтъ до разсказа воспитывался и жилъ въ Монбризонѣ. Въ описываемое время онъ рѣшилъ посѣтить Монбризонъ, и наканунѣ отъѣзда онъ видитъ во снѣ свой пріѣздъ въ Монбризонъ, видитъ, что онъ встрѣчаетъ какого-то господина, который называетъ свою фамилію и говоритъ, что онъ былъ старымъ другомъ его отца. На другое утро онъ уѣхалъ, и когда пріѣхалъ въ Монбризонъ, то увидаль совершенно ту же мѣстность, какую видѣлъ во снѣ, и вскорѣ затѣмъ встрѣтилъ и господина, видѣннаго имъ во снѣ, который въ дѣйствительности оказался только старше, чѣмъ какимъ онъ его видѣлъ во снѣ. Фамилія этого господина оказалась той самой, какую онъ слышалъ во снѣ, и онъ дѣйствительно оказался другомъ его отца. Очевидно, что и въ этомъ сновидѣніи все зависѣло отъ невольнаго воспоминанія во время сна. Къ такимъ же вѣщимъ снамъ, основаннымъ на оживаніи старыхъ, заглохшихъ болѣе или менѣе слѣдовъ, принадлежитъ также и слѣдующій, приведенный у проф. Макаріо: сынъ, получившій въ наслѣдство послѣ отца землю, помнилъ, что отецъ уплатилъ за нее всю необходимую сумму сполна; но документовъ онъ представить не могъ, и ему, вслѣдствіе этого, грозила потеря процесса, а слѣдовательно и земли. Наканунѣ окончательнаго рѣшенія дѣла сынъ видитъ во снѣ отца, который говоритъ ему, что документы онъ найдетъ у прекраснѣйшаго свои дѣла нотаріуса. Проснувшись, сынъ отыскалъ указаннаго ему нотаріуса, досталъ необходимые документы и выигралъ процессъ.

Есть ли въ наукѣ доказательства того, чтобы память во снѣ могла оказаться болѣе дѣятельной, нежели наяву? Раньше мы

видѣли, что память зависитъ отъ слѣдовъ, оставляемыхъ въ нашихъ клѣточкахъ и тканяхъ различными ощущеніями, чувствами, представленіями, однимъ словомъ, различными процессами. Кроме того, мы видѣли, что всѣ галлюцинаціи и всѣ сонныя грѣзы слагаются именно изъ подобныхъ слѣдовъ, а относительно слѣдовъ такой точный изслѣдователь, какъ Гельмгольцъ, указалъ уже, что на нихъ онъ зачастую замѣчалъ такія подробности, такія особенности, которыхъ онъ не замѣчалъ при изслѣдованіи соотвѣтственныхъ дѣйствительныхъ предметовъ. На то же самое указывалъ и Брентано. Слѣдовательно, субъективная жизнь нашихъ нервно-мозговыхъ приборовъ, имѣющая своимъ матеріаломъ слѣды, накопившіеся у насъ въ теченіе нашей жизни, можетъ иногда указать намъ такого рода свойства и особенности, на которыя мы не обратили вниманія при разсматриваніи и изученіи дѣйствительныхъ предметовъ.

Этимъ и исчерпываются всѣ такъ-называемыя вѣщія сновидѣнія, пророческіе сны. Другихъ вѣщихъ сновъ допустить невозможно; хотя, правда, случается иногда, что намъ снится, что то или иное лицо обращается къ намъ съ опредѣленной, *неожиданной* просьбой, и затѣмъ по прошествіи нѣсколькихъ дней нашъ сонъ исполняется почти съ буквальною точностью. Подобнаго рода сновидѣнія объясняются или тѣмъ, что у насъ имѣлись всѣ необходимыя послышки для того, чтобы ожидать опредѣленнаго дѣйствія со стороны опредѣленнаго лица, но мы не сознавали ихъ, не обращали на нихъ вниманія, или же они объясняются простымъ совпаденіемъ и случайностью.

Итакъ, сонъ немыслимъ безъ сознанія, и всѣ измѣненія сознанія отражаются также и на снѣ. Въ заключеніе нашего очерка скажемъ нѣсколько словъ о томъ особомъ состояніи сознанія, которое извѣстно подъ названіемъ „чувства предсуществованія“: такъ, по крайней мѣрѣ, оно было впервые названо Вальтеромъ Скоттомъ. Это особое состояніе сознанія состоитъ въ томъ, что окружающая насъ новая обстановка, никогда не виданная мѣстность или впервые переживаемая нами сцена кажутся намъ внезапно чѣмъ-то давно знакомымъ, уже прежде пережитымъ. При этомъ замѣчено было, что въ подобныхъ случаяхъ намъ всегда кажется, что мы все это видимъ *во второй* разъ, и никогда не кажется, что мы переживаемъ это въ третій или четвертый разъ. Подобное ощущеніе всегда производитъ на наше сознаніе какое-то странное впечатлѣніе; оно, такъ сказать, пугаетъ насъ своею загадочностью. Мы знаемъ, что никогда не видали, не испытывали ничего подобнаго, а наше сознаніе гово-

рить намъ, что все это уже было однажды. Въ медицинской литературѣ уже обратили вниманіе на подобныя состоянія, и одни авторы (Гессенъ) старались объяснить это тѣмъ, что мы когда-нибудь читали описанія чего-нибудь подобнаго, или видѣли на картинахъ, или въ сновидѣніяхъ; другіе (Виганъ) объясняли это явленіе тѣмъ, что одно полушаріе успѣваетъ схватить всѣ подробности даннаго пейзажа или обстановки, тогда какъ другое мозговое полушаріе бываетъ совершенно поглощено какими-нибудь соображеніями или просто бываетъ временно утомлено и невоспримчиво; а когда оно начинаетъ сознательно воспринимать всѣ подробности окружающей его сцены, обстановки, то находитъ въ мозгу уже соответственные слѣды, и отсюда заключеніе чловѣка, что онъ все это видитъ или испытываетъ уже во второй разъ. Конечно, подобныя ошибки сознанія возможны: такъ напр., извѣстно, что Бетховенъ, придя въ ресторанъ, спросилъ карту обѣда, заказалъ его и затѣмъ принялся писать на оборотѣ той же карты начало одной изъ своихъ безсмертныхъ симфоній; когда же кельнеръ принесъ ему супъ, то Бетховенъ заплатилъ деньги за обѣдъ въ полной увѣренности, что онъ уже пообедалъ, и, не слушая возраженій и увѣреній, ушелъ домой. Очевидно, что поглощенное музыкальнымъ творчествомъ сознаніе, найдя въ мозгу слѣды, оставленные прочитанной картой обѣда и заказомъ его, вынесло ложное убѣжденіе относительно того, что обѣдъ уже былъ поданъ и съѣденъ.

Ошибки сознанія возможны, и объясненія вышеприведенныхъ авторовъ были бы вполне вѣроятны, еслибы только у насъ не было фактовъ, доказывающихъ, что подобнаго рода чувство предсуществованія можетъ появляться одновременно у двухъ людей, но всегда только у двухъ близкихъ родственниковъ, т.-е. у двухъ сестеръ или братьевъ, и никогда оно, сколько намъ извѣстно, не появляется у двухъ постороннихъ другъ другу, но знакомыхъ лицъ. Какъ объяснить себѣ этотъ фактъ? Намъ кажется, что самымъ вѣроятнымъ объясненіемъ является въ подобныхъ случаяхъ предположеніе о томъ, что въ подобныя минуты жизни мы мгновеніями сознаемъ то, что было пережито, перечувствовано кѣмъ-нибудь изъ нашихъ, болѣе или менѣе близкихъ или болѣе или менѣе отдаленныхъ родичей. Современная наука уже признаетъ, что въ основѣ наслѣдственной передачи всевозможныхъ особенностей душевнаго и физическаго склада, всевозможныхъ уродствъ и болѣзней, лежитъ непрерывность зародышевой плазмы (Вейсманнъ) или идіоплазмы (Негели). Мы знаемъ, что наши формы мышленія, т.-е. необходимость представлять себѣ все во времени, въ про-

странствѣ, все имѣющимъ извѣстную достаточную причину, передаются намъ наслѣдственно; мы знаемъ далѣе, что по мѣрѣ развитія и упражненія всякая наша душевная способность крѣпнеть и растетъ. Мы знаемъ также, что характерные жесты, особые таланты, особые способы выраженія, особенности почерка и самой мысли передаются по наслѣдству отъ родителей потомкамъ, но, правда, бессознательно; мы знаемъ все это, и на основаніи этого позволяемъ себѣ заглянуть мысленно въ будущее и предположить, что настанетъ, наконецъ, такое время, когда сознаніе наше разовьется до того, что мы будемъ, такъ сказать, обратно сознать то, что было пережито, перечувствовано нашими предками и что они передали намъ по наслѣдству. И слѣдовательно теперешніе отдѣльные случаи такъ-называемаго чувства предсуществованія суть не что иное какъ слабыя вспышки той предразсвѣтной зари, которая указываетъ намъ, что близится, хотя и издалека, свѣтлый день полного разсвѣта человѣческаго сознанія! И тогда, рядомъ съ непрерывностью зародышевой плазмы, людямъ науки придется изучать также и великую тайну непрерывности сознанія въ набѣгающихъ и смѣняющихся другъ друга волнахъ человѣческихъ поколѣній!

М. Манакина.

НАСЛѢДНИКЪ

О Ч Е Р КЪ.

Владиміръ Павловичъ Казаровъ долженъ былъ сознаться, что съ нѣкоторыхъ поръ ему чертовски везло: служебная волна подняла его на верхъ, общество имъ дорожило, дядя оставилъ наслѣдство, и даже то, чего ему недоставало, тотъ изъять въ его семейной жизни, о которомъ онъ такъ глубоко скорбѣлъ, даже этотъ изъять былъ теперь пополненъ, или почти пополненъ: послѣ семнадцати-лѣтняго супружества Владиміръ Павловичъ ждалъ въ первый разъ наслѣдника. Какъ бы для довершенія благополучія, именно въ тотъ самый день, когда предстоящее радостное событіе было констатировано мѣстной медицинской знаменитостью, онъ получилъ извѣстіе о своемъ переводѣ въ Петербургъ.

Владиміръ Павловичъ Казаровъ и у себя въ глуши сидѣлъ на первомъ мѣстѣ, распоряжаясь территоріей, равной по своему объему какому-нибудь Липпе-Детмольдъ-Зондербургскому княжеству, но то была дѣйствительно глушь; ни желѣзныхъ дорогъ, ни электричества, ни асфальта, ни даже оперетки... Онъ сидѣлъ, давалъ предписанія, ѣздилъ на ревизію, читалъ донесенія, доносилъ самъ—и вдругъ: „милости просимъ на сѣверъ“. Это было не просто повышение за выслугу лѣтъ, не послѣдовательный шагъ съ одной ступеньки на другую по лѣстницѣ служебной іерархіи; это былъ неожиданный прыжокъ черезъ нѣсколько ступенекъ сразу,—и это послѣдовательное благополучіе начинало его тревожить; когда его поздравляли—онъ благодарилъ, жалъ руки и кланялся, но въ глубинѣ души онъ не былъ ни счастливъ этимъ повышеніемъ, ни доволенъ предстоящимъ родомъ дѣятельности. Конечно, Владиміръ Павловичъ зналъ, что съ своего новаго поста

онъ можетъ вліять не только на свою, но и на всѣ другія губерніи въ извѣстномъ направленіи; онъ зналъ, что его личное значеніе, какъ и объемъ его дѣятельности—расширяются, что самая дѣятельность будетъ видная и почетная; но онъ зналъ также и то, что петербургская жизнь не дастъ ему и сотой доли нравственнаго удовлетворенія, которое онъ получалъ у себя въ глуши отъ зрѣлища непосредственно добытыхъ имъ самимъ результатовъ. Здѣсь, у себя въ губерніи, онъ былъ инициаторомъ по всѣмъ отраслямъ общественной жизни; здѣсь все—отъ дѣлъ благотворительности до дѣлъ тюремнаго комитета, отъ сбора податей до дѣйствій какого-нибудь ссудо-сберегательнаго товарищества—все требовало его вниманія, его санкции, его разносторонней компетентности. Тамъ онъ будетъ сидѣть замураваннымъ въ четырехъ стѣнахъ своего департамента и вѣдать одинъ только свой отдѣлъ. А все-таки, когда сверху раздается: „милости просимъ!“—снизу остается только отвѣтить благодарностью на призывъ.

Владиміръ Павловичъ сталъ собираться въ путь.

Узнавъ о назначеніи на высшій постъ своего излюбленнаго человѣка, городъ пришелъ въ волненіе и захотѣлъ выразить ему свою признательность. Никогда не было видано большаго единодушія; забывъ обычную славянскую рознь, сошлись въ общемъ чувствѣ всѣ сословія—потомственное дворянство, именитое купечество, даже безыменное разночинство—всѣ сошлись въ единодушномъ стремленіи сказать свое слово, внести свою лепту въ общую сокровищницу обывательскихъ чувствъ. Пока въ ихъ выраженіи не было надобности, обыватели молчали; теперь, когда подошелъ удобный случай, никому не хотѣлось молчать. Результатомъ этихъ совокупныхъ усилій явились блюдо и солонка отъ Хлѣбникова, альбомъ съ городскими видами отъ Овчинникова и образъ св. Владиміра отъ Грачева. Только въ глуши, только тамъ, гдѣ нѣтъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни электричества, ни асфальта, ни оперетки, только тамъ еще возможны подобныя проявленія обывательскихъ чувствъ. Проводы вышли сердечны и торжественны, многолюдны и задушевы. О нихъ писали въ газетахъ... Въ воздухѣ еще стояли рѣчи и тосты, когда Владиміръ Павловичъ сѣлъ въ экипажъ и, провожаемый „всѣми сословіями“ до заставы, а нѣкоторыми и далѣе, отправился къ своему новому посту.

Конечно, было бы лучше подождать, пока Мими... но развѣ можно подчинять общегосударственныя дѣла соображеніямъ семейнаго характера? Между общественными дѣателями это не водится.

Владиміръ Павловичъ смотрѣлъ впередъ, но всѣ мысли его

были назади, и съ первой же станціи онъ началъ переговариваться съ Мими по телеграфу. Смотри на тянувшуюся проволоку, онъ видѣлъ въ ней связь между купе, въ которомъ сидѣлъ одиноко, и тѣмъ изящнымъ уголкемъ въ зелени и цвѣтахъ, гдѣ тосковала, — конечно, тосковала! — его Мими. Путь былъ далекій, проволока казалась безконечной, и чтобы какъ-нибудь унять свою тревогу, Владиміръ Павловичъ *faisait jouer le télégraphe*. О себѣ онъ не сообщалъ ничего; онъ только спрашивалъ, здорова ли она? Она, къ счастью, была здорова, и телеграфъ безъ усталости твердилъ одно и то же.

Владиміръ Павловичъ женился по любви, и что еще лучше, продолжалъ любить и быть счастливымъ въ теченіе слишкомъ семнадцати лѣтъ. Это былъ бракъ вторичный, и Мими была его Рахилью.

— *C'est effrayant ce qu'ils ont employé d'amour!* — выражалась про нихъ, dans son intimité, его теща, вдовствующая княгиня Мукомолова.

У Владиміра Павловича была теща, и это было единственное, быть можетъ, темное пятнышко въ его жизни. Теща его была еще не старая свѣтская женщина, которая показывалась изрѣдка на балахъ; строго держалась моды, ѣздила по курортамъ и рассказывала, что сама была еще совсѣмъ ребенкомъ, когда у нея родилась Мими. Она наивно удивлялась, какъ это могло случиться, и когда Мими выросла, она опять удивлялась, какимъ образомъ могло случиться, что она такъ быстро поднялась. Теперь Мими готовилась ей подарить внука — о, конечно, внука! — и Владиміръ Павловичъ сильно сомнѣвался, чтобы подарокъ доставилъ ей удовольствіе; въ титулѣ *grand'maman* есть что-то отпѣтое, похоронное, невыносимое для слуха свѣтской женщины, qui veut plaire et peut encore séduire.

Первое лицо, встрѣтившее Владиміра Павловича на дебаркадерѣ Николаевской дороги, была его теща; Мими ее увѣдомила по телеграфу о днѣ его прибытія, и *belle-maman*, нарушивъ обычный порядокъ дня раннимъ вставаньемъ, явилась привѣтствовать зятя въ это холодное декабрьское утро. Закутанная въ пышную тибетскую ротонду, княгиня Мукомолова казалась еще выше въ своей высокой модной шляпѣ. Гуляя взадъ и впередъ по платформѣ, она пожималась отъ холода и, смотря вдаль на убѣгающій московскій путь, съ наслажденіемъ думала, что дома, у растопленного камина, ее ждетъ une bonne tasse de son *mocha*... Когда курьерскій поѣздъ, который возить по преимуществу дѣловыхъ людей, выгрузилъ нѣсколько важныхъ особъ въ бобрахъ

и соболяхъ—зоркій взглядъ тещи тотчасъ же отыскалъ между ними высокую, плотную фигуру зятя.

— *Enfin vous voilà!*—произнесла она, когда Владиміръ Павловичъ вѣжливо приложился къ ея сѣрой шведской перчаткѣ.

— Какъ вы узнали?—спросилъ онъ, удивляясь, какъ всегда, ея свѣжему виду, розовымъ щекамъ и мелкимъ буклямъ на лбу.

„Да когда же она, наконецъ, состарѣется?“ думалъ онъ почти съ досадой.

Вмѣсто отвѣта княгиня подала ему полученную наканунѣ вечеромъ телеграмму.

— Мими!..—могъ онъ только выговорить.—Свиданіе съ тещей его не особенно обрадовало, но вниманіе Мими—что-то она дѣлаетъ въ эту минуту?—его тронуло.

— Ну что она? какъ? *comment supporte-t-elle sa position?*—говорила княгиня, кутаясь граціозно въ свой волнистый тибетъ, съ видомъ особы, привыкшей обращать на себя вниманіе.

— Оставилъ здоровой... Въ Москвѣ и Твери было по телеграммѣ.

— *Une correspondance suivie alors!*—улыбнулась она и мысленно прибавила:—*Très drôles tout de même avec leurs anciennes amours!*—Да! васъ можно вдвойнѣ поздравить, *mon cher! un avancement et puis cet autre événement...*—Вы знаете,—продолжала она дѣловымъ тономъ:—ваши тамошнія оваціи здѣсь уже извѣстны: *c'est très bien vu d'en haut...* Мнѣ вчера на раутѣ у Барышниковыхъ говорилъ Валеріанъ Александровичъ... *enfin le bon Dieu vous comble!*

— Ахъ, все это...—Владиміръ Павловичъ чуть не сказалъ: „пустяки!“ но во-время остановился.

— Воронинъ, говорить, изъ себя выходилъ, узнавъ про ваше назначеніе... *Pensez donc, lui, qui attend depuis des siècles dans son trou!* Рѣшительно вы самый счастливый человѣкъ!—продолжала *belle-maman*, не замѣчая производимаго впечатлѣнія,—а теперь вотъ Мими готовить вамъ свой подарокъ. *A quand la grande affaire?*

Онъ, краснѣя, сказалъ, что не знаетъ. Ему было досадно, что она выставляетъ какъ бы на видъ это таинственное и великое событіе. Ея свѣтское легкомысліе казалось ему непростительнымъ; можно ли говорить въ такомъ тонѣ и въ такомъ мѣстѣ о томъ, что онъ берегъ какъ святыню въ глубинѣ своей души? Онъ почти съ ненавистью взглянулъ на ея букли и подумалъ: „она потому и легкомысленна, что дѣлаетъ у себя на лбу завитки“.

Продолжая разговаривать, они вышли на подъездъ, тѣснимые со всѣхъ сторонъ расходящейся толпой.

— Вы ко мнѣ?—спросила княгиня, сходя съ крыльца.—У меня карета...

Онъ поблагодарилъ и, взявъ извозчика, поѣхалъ въ Hôtel d'Europe.

Владимиру Павловичу показалось, что теща осталась недовольна его отказомъ, что въ ея „*comme vous voudrez, mon cher!*“ звучало раздраженіе, но какое ему было дѣло до радостей и огорченій его моложавой belle-mère? Ему важно, чтобы была здорова Мими... И онъ въ сотый разъ требовалъ отвѣта на свой вѣчный вопросъ.

Есть люди, которые родятся avec la bosse de la paternité, у которыхъ больше всего развитъ инстинктъ продолженія рода, любовь къ семейнымъ добродѣтелямъ. Такимъ родился Владимір Павловичъ; ему нуженъ былъ во что бы то ни стало наслѣдникъ, продолжатель рода, представитель династіи Казаровыхъ; онъ ждалъ его пришествія, какъ ждутъ событія, долженствующаго опредѣлить собою весь жизненный смыслъ, и вотъ дождался: Мими собиралась осчастливить его на закатѣ дней; Владиміру Павловичу было уже около пятидесяти—еще немножко, и пожалуй было бы поздно. Но, слава Богу, счастье теперь почти уже въ рукахъ; какихъ-нибудь три-четыре мѣсяца—и у него явится наслѣдникъ. Владимір Павловичъ до такой степени былъ увѣренъ, что это будетъ, что, закрывъ глаза, видѣлъ передъ собой что-то маленькое, красноватое, сморщенное... Это *что-то* пищать, шевелится, не можетъ ни сидѣть, ни держать головы, но все равно! Это представитель рода, продолжатель династіи Казаровыхъ, дофинъ, инфантъ, все, что хотите... Его еще нѣтъ, но онъ придетъ, и Владимір Павловичъ чувствуетъ къ этому невѣдомому существу, къ этому миеу, къ этой мечтѣ, неизъяснимую нѣжность.

Даже сидя въ департаментѣ, среди массы охватившихъ его дѣлъ, бумагъ, прошеній, жалобъ, донесеній, проектовъ, запросовъ и докладовъ, онъ поминутно ловилъ себя на такихъ представленіяхъ и мысляхъ, которыя не имѣли ничего общаго ни съ докладами, ни съ запросами. Слушая чтеніе секретаря о земскихъ постановленіяхъ, о министерскихъ шеолахъ, о городскихъ единицахъ, объ обязательномъ страхованіи скота, онъ думалъ: „а какова-то будетъ кормилица? Кого позвать въ акушеры: Этлингера?.. Красовскаго?.. Сутугина?..“ Онъ былъ весь въ томъ будущемъ моментѣ, котораго ждалъ всѣми силами своей души, и если рѣшалъ земскіе вопросы исполнѣ обстоятельно и какъ слѣдуетъ,

если не смѣшивалъ председателей управъ съ кормилицами и акушерками, то единственно потому, что земскіе вопросы сидѣли въ его головѣ такъ неизбѣжно и прочно, такъ созрѣли и опредѣлились, что отвѣты на нихъ являлись готовыми какъ резолюціи, для подписи которыхъ нѣтъ надобности читать дѣло съ начала до конца.

Съ перваго же дня прибытія Владиміръ Павловичъ принялся устроить свое будущее гнѣздо. Онъ хотѣлъ, чтобы къ пріѣзду Мими все было готово. Вырвавшись изъ департамента, онъ ѣздитъ по городу, читалъ объявленія, осматривалъ квартиры, заказывалъ мебель, мѣрялъ двери, окна, толковалъ съ обойщиками, покупалъ ковры, лампы, посуду. Наконецъ, съ помощью belle-maman и безчисленныхъ кузинъ, квартира была отыскана на углу Ивановской и Кабинетской, въ кварталѣ, застроенномъ тяжеловѣсными громадами въ четыре, пять и даже больше этажей. Угольный домъ какъ будто его ждалъ. Это былъ бель-этажъ со всѣми петербургскими удобствами: съ паркетными полами, воздушными звонками, съ массивной дверью, обитою простеганной клеенкой, съ двумя швейцарами и цѣлой стаей дворниковъ, всегда готовыхъ на услуги. На лѣстницѣ, гдѣ между чаклыми цѣнтами стояли толстые амурь, висѣло зеркало въ простѣлкѣ и снизу поднимался вверхъ испотанный коверъ съ малиновой каймой.

Такъ какъ теперь цѣлая квартира принадлежала одному дофину, то всѣ заботы Владиміра Павловича были сосредоточены на дѣтской. Столовая, гостиная и кабинетъ, все это было ничто въ сравненіи съ той комнатою, куда ждали его, этого будущаго владыку и тирана,—и дѣтская вполнѣ отвѣчала всѣмъ условіямъ современной гігіены: въ ней было просторно, свѣтло, тепло, уютно, ее одобрили кузины, докторъ, акушерка и даже belle-maman, которая вообще рѣдко одобряла распоряженія beaux-fils'a.

Когда былъ вбитъ послѣдній гвоздь и столяръ съ обойщиками перестали стучать молотками, Владиміръ Павловичъ сталъ ждать свою Мими. „Она выѣхала“, „она ѣдетъ“, „она теперь близко“... Онъ не выпускалъ изъ рукъ путевода, и изъ своего узенькаго, похожаго на вагонъ, кабинета слѣдилъ за поѣздомъ, который везъ Мими и вмѣстѣ съ ней его... Мими ѣхала съ почтовымъ, находя курьерскій для себя утомительнымъ. Поѣздъ былъ еще между Любанью и Ушаками, а Владиміръ Павловичъ уже боялся опоздать. Онъ пріѣхалъ, когда еще не совсѣмъ разсвѣло, волнуясь какъ какой-нибудь влюбленный юноша. Онъ безпрестанно вынималъ часы прислушивался къ сигналамъ, готовъ былъ

бѣжать на встрѣчу паровозу. Но вотъ надъ собравшейся толпой пронесся какой-то неумовимый трепетъ, раздался рожокъ стрѣлочника, ему отвѣтилъ другой, какая-то фигура въ полубубѣ съ мѣдной бляхой торопливо пропшыгнула подъ стоявшими на запасномъ пути вагонами, подъ колоколомъ появился сторожъ, мелькнула красная фуражка—и вдали, словно извивающееся чудовище, показалась окутанная паромъ темная масса вагоновъ. Еще минута, и поѣздъ, замедля ходъ, грузно остановился передъ вокзаломъ.

Владиміръ Павловичъ бросился въ первый классъ, въ попыткахъ налетѣлъ на какую-то барыню, столкнулся въ дверяхъ съ нагруженнымъ артельщикомъ, чуть не увязъ въ узенькомъ проходѣ и, вырвавшись благополучно изъ тисковъ, заключилъ въ объятія Мими.

— Ну что? Здорова? пойдѣмъ!—говорилъ онъ, стараясь угадать по лицу, какъ она себя чувствуетъ.

Въ купѣ было почти темно отъ мрачнаго навѣса, отъ замерзшихъ стеколъ, отъ толпившихся передъ окнами людей. Отдаваясь привычнымъ ласкамъ, Мими отвѣчала торопливо:— Хорошо, хорошо! какъ ты тутъ? Чтѣ таман?..—и въ то же время заботливо указывала носильщику свои вещи. Она еще пополнила, и, смотря на ея фигуру и особенно, какъ ему казалось, выраженіе лица, онъ подумалъ: „теперь скоро!“ И снова испугался этого избытка благополучія. Нѣтъ, нѣтъ, такъ не бываетъ, что-нибудь да случится!

Съ этого дня началось усиленное ожиданіе грядущаго событія. Теперь Владиміръ Павловичъ ждалъ вдвоемъ и съ такимъ напряженіемъ, точно прислушивался къ чему. Въ такомъ же ожиданіи былъ весь домъ, всѣ родные, знакомые.

— Ça me donne sur les nerfs,—говорила belle-maman, находя все это tout de même très ridicule.—Право, можно подумать, что у нихъ это у первыхъ случилось. Они опоздали немножко, mais cela ne change rien à la situation. Lui surtout il est vraiment drôle!

Вообще belle-maman была разочарована: она мечтала, что съ переездомъ Казаровыхъ въ Петербургъ у нея будетъ лишнее intérieur, куда она станетъ заѣзжать изъ магазиновъ, отъ обѣдни, послѣ оперы, поболтать, выпить чашку чая, сообщить анекдотъ, услышать новость, показать туалетъ, и вдругъ вмѣсто удовольствія, на которое рассчитывала, увидѣла обузу, о которой не думала.

— Eh bien, Мими, faut être raisonnable, mon enfant,—го-

ворила она, когда Мими, dans une crise nerveuse, боялась, какъ бы чего не случилось.

— Я чувствую, что умру,—говорила она печальнымъ голосомъ,—ça m'arrive si tard...

— Помилуй! тебѣ всего тридцать семь лѣтъ! Еслибы со всѣми что нибудь случилось, еслибы всѣ отъ этого умирали, le genre humain n'existerait plus!

Мими была хорошенькая блондинка, маленькая, нѣжная, ласковая, иногда капризная. Elle supportait sa position avec beaucoup de patience et de résignation; по природѣ и воспитанію, Мими любила разсѣянную жизнь, свѣтскія удовольствія, туалеты, hautes nouveautés выѣзды; но такъ какъ, благодаря своему настоящему положенію, всего этого была лишена, не могла ни выѣзжать, ни одѣваться, она отдалась попеченіямъ о своей особѣ. Она ѣла только то, что ей позволяли, избѣгала высокихъ лѣстницъ, громкихъ разговоровъ, сильныхъ ощущеній и быстрыхъ движеній. Мими была очень терпѣлива, très patiente et très résignée, но этотъ постоянный самонадзоръ начиналъ ей надоедать. Она жалѣла, что не успѣла составить себѣ круга знакомства, что принуждена ограничиваться тѣсными предѣлами родственныхъ связей. Каждый день одно и то же: шаман, кузины, мужъ, доктора...

— Ахъ, хотя бы поскорѣе кончилось! — мысленно говорила маленькая и нѣжная Мими.

О томъ существѣ, котораго такъ страстно ждалъ Владиміръ Павловичъ, она почти не думала. Она знала, что будетъ его любить, когда онъ явится — такъ бываетъ со всѣми матерями, c'est dans la nature — и не хотѣла anticiper ses sentiments. Ей только хотѣлось поскорѣе отдѣлаться, освободиться изъ оковъ, se délivrer... „Онъ мнѣ связываетъ руки“, думала ласковая Мими, смотря въ зеркало на свое подурившее лицо, на тусклые глаза, на фигуру, которая теперь такъ непохожа на ея фигуру годъ тому назадъ.

Мими никогда не противорѣчила мужу, но у нея были свои идеи, и теперь она была недовольна. Мими находила, что Владиміру Павловичу не слѣдовало перемѣнять мѣста, qu'il a plus perdu qu'il n'a gagné! Особенно многого лишилась она; тамъ, въ глуши, она чувствовала себя царицей. У нея были свои пріемные дни, свои лошади, свой экипажъ; а тутъ Герасимъ бѣжалъ на биржу и, поторговавшись, привозилъ карету, въ которой, быть можетъ... но Мими не хотѣла даже думать объ этой каретѣ! Тамъ, у себя въ глуши, она была первой дамой, покровитель-

ствовала наукамъ и искусствамъ, разыгрывала лотереи, давала аудіенціи, председательствовала на всѣхъ собраніяхъ; ея здоровье интересовало цѣлую губернію, ея модамъ подражали, ея словечки повторяли. Когда она, маленькая и граціозная, съ своимъ дѣтскимъ лицомъ и важнымъ видомъ первой дамы, входила въ освѣщенный залъ, украшенный дворянскими гербами въ овальныхъ медальонахъ, мужчины почтительно передъ нею разступались, дамы спѣшили на встрѣчу, оркестръ ждалъ сигнала. Безъ нея не начинали ни обѣдни, ни бала, и маленькой Мими было просторно даже тамъ, гдѣ всѣмъ другимъ было тѣсно. Это сознание первенства, дѣлая ее взыскательной, сообщало въ то же время ей ту свободу движеній и самоувѣренность, которая, являясь атрибутомъ ея власти, прибавляла одно лишнее обаяніе къ ея личнымъ преимуществамъ. Но и это еще было не все: тамъ, у себя въ глуши, Мими была доброй феей, могла дѣлать добрыя дѣла, выводить въ люди, открывать таланты, награждать добродѣтели; — здѣсь даже въ благотворительности всѣ мѣста были заняты, и обѣдной Мими только и оставалось, что безвѣстно пропадать на углу Ивановской и Кабинетской. Мими Казарова не была честолюбива, нѣтъ! но когда, вмѣсто цѣлой губерніи, получаешь всего одинъ этажъ, да и тотъ приходится еще дѣлить съ адвокатомъ на „сонъ“ и страховымъ агентомъ на „штейнъ“, это, какъ хотите, обидно! *Ce n'est pas un avancement, c'est un déclassement.* Одинъ этажъ! но въ настоящую минуту она и этого сказать не могла, потому что во всемъ этажѣ она — *jusqu'au moment de sa délivrance* — имѣла право только на одну спальню. *Oh! c'est à n'en pas tenir!* Спальня Мими была изящнымъ гнѣздышкомъ, ничуть не хуже ея губернаторской спальни, *une vraie bonbonnière*, какъ говорила отдѣливавшая ее кузина, извѣстная своимъ неподражаемымъ вкусомъ, но Мими задыхалась въ этой бонбоньеркѣ.

Въ послѣднее время Мими ужасно измѣнилась: горничная не умѣла ничего подать; Владиміръ Павловичъ вертѣлся слишкомъ часто передъ глазами; докторъ прописывалъ *des drogues*, которыхъ она не могла принимать; тамапа распространяла запахъ духовъ, которыхъ она не могла выносить.

— А ты опять надушилась этимъ твоимъ противнымъ *ilang-ilang!* — говорила она, дѣлая гримасу.

Никто не могъ ей угодить, и менѣе всѣхъ самъ Владиміръ Павловичъ. — Въ то же время она скучала и жаловалась, что всѣ ее бросили. *Je me meurs, et l'on m'abandonne!* — твердила она, лежа на кушеткѣ въ своемъ розовомъ будуарѣ. Но когда Владиміръ Павловичъ, оторвавшись отъ своихъ дѣлъ и бумагъ, приходилъ

ее развлечь, она говорила:—Ты смотришь, какъ я подурнѣла? Ахъ, уйди, уйди, ради Бога!

Вкусы у нея сдѣлались какіе-то необычайные: то ей вдругъ хотѣлось сладкаго хлѣба, который пекли на углу Невского и Адмиралтейства, то бѣлевской пастилы и калужскаго тѣста. Владиміръ Павловичъ бросался за тѣстомъ и за пастилой; но когда онъ привозилъ то и другое, Мими успѣла расхотѣть. Владиміръ Павловичъ былъ безконечно терпѣливъ; но бывали минуты, когда онъ находилъ, что состояніе, которое почему-то зовутъ „интереснымъ“, слѣдовало бы назвать какъ-нибудь иначе.

Особенно терзала его *belle-maman*: то она требовала, чтобы онъ выписалъ Снегирева изъ Москвы и отца Іоанна изъ Кронштадта, то,—чтобы съѣздитъ въ Невскую Лавру за святой водой и въ какую-то пустынь за просфорой.

— Нѣтъ, ужъ ѣздите куда хотите сами!—воскликнулъ онъ, услыхавъ про пустынь, и ушелъ отъ нея въ свой вагонъ.

Акушерка вызывала безконечныя пренія. Владиміръ Павловичъ хотѣлъ непременно взять ту, которую рекомендовалъ докторъ; теща находила, что она слишкомъ молода, неопытна, можетъ ошибиться, надѣлать бѣды.

— Почему вы не хотите взять Марью Егоровну? Она приняла у Ферейзенъ, у Крюковыхъ; а эти нынѣшнія—*que le bon Dieu vous en préserve!*—толкуютъ о двѣнадцатиперстной кишкѣ и не умѣютъ ребенка выкупать!

За двѣ недѣли до событія *belle-maman* взяла одну изъ кузинъ и поѣхала провѣдать „*cette pauvre Мими*“.

Былъ конецъ марта и великаго поста. Гіацинты были въ полномъ цвѣтѣ, но ландыши уже отцвѣли и санный путь прервался.

Мими „*se mourait*“ въ голубомъ кашемирѣ, съ „*Nouvelle Revue*“, которую лѣниво перелистывала. Въ просторной, высокой залѣ горѣла всего одна лампа, гостиная была совсѣмъ темна, и жизнь всего дома сосредоточивалась въ будуарѣ и примыкавшей къ нему дѣтской. Тамъ было свѣтло, весело; кровать, бѣлье, ванна—все было готово къ принятію желаннаго гостя. Удивительно занималъ много мѣста этотъ еще не родившійся человѣкъ!

— А ты опять надушилась!—произнесла, по обыкновенію, Мими, поцѣловавъ мать и махая своимъ батистовымъ платкомъ.

— Да нѣтъ же, *mon enfant!*

— Ну вотъ еще! развѣ я не слышу? *Je t'en prie! ça m'agace les nerfs!* Этотъ твой *ilang-ilang* для меня хуже ладана! Подожди, пожалуйста, меня обкуривать, пока я умру...

— Ну хорошо! я брошу свой платокъ. Владиміръ Павловичъ, суньте его, пожалуйста, въ карманъ моей ротонды. Et tu m'en donneras un autre, n'est-ce pas?

Когда вопросъ съ духами былъ исчерпанъ, перешли къ обсужденію приданого bébé, les layettes. По обычаю, все было сдѣлано бабушкой, но Мими этого казалось мало, и она потребовала двойного комплекта.

— Ну что же ты была у Florand? Мнѣ кое-что принесли отъ Артюра, но это все si mesquin: valenciennes убійственны, ленты точно бумажныя, пикé ни на что не похоже... Mais c'est surtout les taies d'oreiller qui font pitié... Я говорила, чтобы строчка была севозная, а они сдѣлали простую!

Florand, Arthur, Merciot, Карльсонъ, даже нашъ родной Копейкинъ — belle-maman побывала у всѣхъ и теперь отдавала Мими отчетъ. Всѣ эти кружевные распашонки стоили ужасныхъ денегъ, но кто же объ этомъ думалъ? Важно, чтобы все въ-время было готово.

Владиміръ Павловичъ слушалъ въ восторгѣ: чтó значила въ эту минуту вся земская Россія, всѣ смѣты, окладные листы и натуральныя повинности передъ этими пеленками, распашонками, чепчиками, свивальниками, одѣяльцами и покрывальцами?! Уже если заговорили объ одѣяльцахъ, значить вотъ-вотъ. Цѣлый вечеръ за чаемъ и послѣ чая говорили о немъ. Его еще не было; но онъ наполнялъ весь домъ своимъ присутствіемъ; его еще не было, но онъ былъ несомнѣненъ какъ совершившійся фактъ.

За нѣсколько дней до срока, рядомъ со спальней Мими, водворилась акушерка, та самая Марья Егоровна, которая принимала у Ферейзенъ, у Крюковыхъ и другихъ. Дородная, пожилая, съ краснымъ носомъ и бѣлыми пухлыми руками, одѣтая по чужому вкусу, такъ какъ акушеркамъ рѣдко приходится покушать что-либо самимъ, Марья Егоровна распоряжалась цѣлымъ домомъ на правахъ хозяйки, вооруженной всѣми полномочіями диктатора. Она безпрестанно заглядывала на кухню, въ ванную, дѣтскую; она помыкала самимъ Владиміромъ Павловичемъ и каждую минуту чего-нибудь требовала.

Въ роковой день, когда, по расчету извѣстнаго акушера, Мими должна была разрѣшиться, Марья Егоровна съ утра обошла всѣ свои владѣнія и сдѣлала нужныя распоряженія: изъ кухни выгнала дворника, который вдумалъ курить; велѣла приготовить ванну; въ дѣтской посмотрѣла на термометръ и приказала открыть трубу. Потомъ напилась кофе, сложила тамъ, гдѣ у нея когда-то была талія, свои пухлыя руки и стала мечтательно

смотрѣть на сосѣдную стѣну. Несмотря на тучность и свое ремесло, Марья Егоровна любила иногда помечтать; вмѣстѣ съ тѣмъ, она любила покойную жизнь и терпѣть не могла, когда ее будили по ночамъ. Она находила, что для работы достаточно дня и ночью гораздо приличнѣе спать, нежели бодрствовать. Но въ этотъ день ее не потревожили ни днемъ, ни ночью: знаменитостямъ вѣдь тоже случается порою ошибаться.

До праздника оставалось всего четыре дня, „et Мими continuait à se traîner“, говорила съ маленькимъ отбѣнкомъ досады княгиня Мукомолова одной изъ кузинъ, вмѣстѣ съ которой ѣздила по магазинамъ.—Rien n'est ennuyeux comme de ne pas savoir à quoi s'en tenir.

„Неужели она мнѣ помѣшаетъ быть у заутрени?“ думала, оставшись наединѣ, belle-maman, которая не менѣе акушерки Марьи Егоровны досадовала, когда нарушался обычный строй ея жизни. „Мими никогда не умѣла ничего сдѣлать во-время“, продолжала она размышлять, смотря на изящное платье ivoire, которое готовила для почтамтской церкви. И она вспомнила, какъ эта самая Мими заболѣла скарлатиной какъ разъ въ тотъ годъ, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ Alexandre Dumas, и помѣшала ей быть на вечерѣ у графини Батыевой. Тогда у нея тоже былъ прелестный туалетъ цвѣта распускающейся березы, который ей стоилъ сумасшедшихъ денегъ... Мими, слава Богу, выздоровѣла, но Dumas уѣхалъ, и туалетъ пропалъ... Ah! c'était un souvenir cuisant!

Belle-maman, жившая на Сергіевской, безпрестанно посылала своего лакея Василя на уголъ Ивановской и Кабинетской. Василий надѣвалъ барашковую шапку, вскакивалъ возлѣ арсенала на конку и, потолкавшись въ кухнѣ Казаровыхъ, докладывалъ, возвратившись, съ важностью чрезвычайнаго посла:

— Все еще ходять-сь.

— Да ты у кого спрашивалъ?

— Самое Марью Егоровну видѣлъ: засучивши рукава, зачѣмъ-то въ кухню приходила. „Скажи, говорить, ихъ сіятельству, что чуть, говорить, чтѣ, безпремѣнно въ тотъ самый часъ уѣдомить“.

Пятница прошла безъ всякихъ сношеній между двумя улицами, а въ субботу была такая ужасная погода — и снѣгъ, и дождь, и вѣтеръ — что, выглянувъ на улицу, belle-maman тотчасъ же съ негодованіемъ отвернулась.

— Неужели Мими рѣшится въ такой день и въ такую погоду? — какъ будто говорилъ ея негодующій взглядъ.

Но такъ какъ Мими ничего не умѣла дѣлать во-время, то она именно выбрала эту ужасную погоду и этотъ неподходящій день.

Было одиннадцать часовъ вечера; карета, нанятая Василиемъ для заутрени, стояла у подъѣзда; оставалось только приколотъ кружево, положить въ карманъ свѣтлую пару *suède à six boutons*, спрыснуть *lipon* духами и ждать перваго удара. Но только-что *belle-maman* взялась за хрустальный флаконъ, какъ у подъѣзда загремѣлъ и остановился экипажъ, по лѣстницѣ раздалися шаги, стали отворяться двери, чей-то голосъ торопливо произнесъ:

— Доложите скорѣе!— и въ комнату княгини вошла съ испуганнымъ лицомъ ея горничная Матреша.

— Ихъ превосходительство просятъ пожаловать ваше сіятельство!— проговорила она дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Кто пріѣхалъ?

— Дворникъ ихній, Тимоѣей.

— Что же тамъ?..

— Ничего, говорить, не слышать... Докторъ съ утра... Къ Тимоѣею сами баринъ выходили. Только и сказали: „Ступай, говорить, скорѣе, проси пожаловать и возвращайся“.

— Вотъ Мими всегда такъ!..

И надѣвъ, вмѣсто наряднаго *ivoire*, простой *toilette de circonstance*, *belle-maman* вмѣсто Почтамтской отправилась на Ивановскую.

Къ заутренѣ еще не благовѣстили, но праздникъ уже начался: отъ зажженныхъ огней стояло надъ городомъ зарево; народъ толпами двигался по направленію къ церквамъ; кареты обгоняли одна другую и въ сыромъ холодномъ воздухѣ стоялъ праздничный гулъ. И вдругъ надъ этимъ моремъ движущихся людей и экипажей, надъ свѣтлыми линіями фонарей, раздался въ вышинѣ первый ударъ колокола. Княгиня Мукомолова вздрогнула и перекрестилась: *que le bon Dieu te prenne en sa sainte garde!* Быть можетъ, въ эту самую минуту...

Бель-этажъ на углу Ивановской и Кабинетской былъ тоже освѣщенъ, но звонокъ у парадной двери былъ снятъ, и ожидавшій на подъѣздѣ Герасимъ, взбѣжавъ впередъ по лѣстницѣ, неслышно отворилъ дверь. Княгиня вошла и тотчасъ же почувствовала, что совершающееся еще не совершилось. Въ домѣ было тихо, свѣтло и какъ-то жутко, какъ бываетъ передъ разрѣшеніемъ какого-нибудь рокового вопроса. Она стояла среди залы, снимая перчатки, не зная, пройти ли ей къ Мими, или подождать, какъ вдругъ дверь изъ гостиной отворилась и, оттуда, съ иска-

женнымъ отъ ужаса лицомъ, почти выбѣжалъ Владиміръ Павловичъ. Онъ схватилъ тещу за руку и, не здороваясь, проговорилъ, смотря на нее блуждающими глазами:—Все кончено... она не вынесетъ... Съ утра продолжается.

И, бросившись въ кресло, онъ закрылъ лицо руками.

— Полноте, мой милый! Это всегда такъ бываетъ,—сказала княгиня, садясь съ нимъ рядомъ и не зная, что прибавить къ своей обычной фразѣ.

Издали доносился благовѣстъ; теперь ужъ звонили на всѣхъ колокольняхъ, и въ эту торжественную минуту, среди тишины притаившагося въ ожиданіи дома, раздался громкій мучительный крикъ, потомъ онъ слабо повторился, и тотчасъ же мужской пріятный голосъ изъ-за двери произнесъ:

— Ну, вотъ и кончено... Владиміръ Павловичъ, пожалуйста! Княгиня...

Они вошли оба.

— Ну, что же не спросите: кого?—продолжалъ докторъ:—мальчика... мальчика. Поздравляю!

Но Владиміръ Павловичъ не могъ выговорить ни слова: послѣ безумнаго отчаянія это была радость, похожая на испугъ.

— Наслѣдникъ... — говорить весело докторъ. — Посмотрите, какой молодецъ! да и задай же онъ намъ хлопотъ!

Засучивъ рукава, акушерка что-то дѣлала съ молодымъ.

Мими лежала блѣдная и счастливая.

— Mon cher, je vous félicite! — произнесла торжественно belle-тама, протягивая зятю руку, которую тотъ догадался поцѣловать. — Я вамъ говорила, что всегда такъ бываетъ!

И всѣмъ сдѣлалось легко, и всѣ чувствовали, что страшная минута прошла и больше не вернется; всѣ были довольны, и, надѣвая перчатки, belle-тама съ удовольствіемъ подумала, что, пропустивъ заутреню, она еще поспѣетъ къ обѣднѣ. Вслѣдъ за княгиней взялся за шапку докторъ, въ присутствіи котораго не было, къ счастью, уже никакой надобности.

— Ложитесь-ка, да постарайтесь уснуть,—говорилъ докторъ, надѣвая шубу, провожавшему его Владиміру Павловичу.

Уснуть!.. развѣ онъ можетъ спать, чувствуя себя до такой степени счастливымъ? Нѣтъ, никогда, во всю свою жизнь не встрѣчалъ Владиміръ Павловичъ такъ радостно Пасху! Праздникъ былъ у него въ душѣ, благовѣстъ проникалъ въ самое сердце, раздавался у него внутри.

Когда Марья Егоровна выпроводила его безъ церемоніи изъ спальни, онъ покорно легъ у себя въ вагонѣ на диванъ и пре-

дался размышленіямъ. Право, онъ начиналъ думать, что чѣмъ-нибудь угодилъ Богу. Конечно, Владиміръ Павловичъ не зналъ за собой ни какихъ-нибудь подвиговъ, ни добрыхъ дѣлъ, онъ не жертвовалъ на храмы, не содержалъ ни вдовъ, ни сиротъ — но почему знать? можетъ, въ его лицѣ Господь награждалъ заслуги его дѣда, прадѣда, какого-нибудь отдаленнаго предка. Если грѣхъ карается до третьяго поколѣнія, какъ еще недавно увѣрялъ его соборный батюшка — первый въ ихъ церкви проповѣдникъ, — то почему на такомъ же разстояніи не награждать за подвигъ или доброе дѣло? Этимъ бы только уравнивались принципъ возмездія. Дѣйствительно, счастье его какъ будто преслѣдовало; одного не доставало: не было связи съ будущимъ, не для кого было хлопотать, устроить свои дѣла, умножать капиталы, упрочивать положеніе, заботиться о карьерѣ; теперь и это есть: родъ Казаровыхъ упроченъ, родословное древо обогащено новой вѣтвью, въ спискѣ людскихъ именъ явилось новое имя: Александръ Владиміровичъ Казаровъ... „Саша Казаровъ... Саша... Сашурка!“ — твердилъ, услаждая свой собственный слухъ, Владиміръ Павловичъ. Жизнь вдругъ получила особый, глубокой смыслъ. Теперь онъ знаетъ, зачѣмъ живетъ, ходитъ въ департаментъ, дѣлаетъ визиты, пишетъ циркуляры, предлагаетъ мѣры, сочиняетъ проекты. Все это для того молодца, который, по словамъ этого милѣйшаго доктора, надѣлалъ имъ всѣмъ столько хлопотъ! Теперь будетъ передъ кѣмъ похвалиться своими заслугами, любовью общества, блюдомъ, альбомомъ, образомъ... „У меня сынъ... я ѣду съ сыномъ... сынъ такъ хочетъ“... — говорилъ Владиміръ Павловичъ, радостно волнуясь. Чего онъ только въ эту ночь ни передумалъ, какихъ плановъ ни настроилъ, куда ни забѣжалъ въ своихъ мечтахъ, лежа на своемъ сафьянномъ диванѣ! Онъ даже обдумывалъ систему воспитанія, перебиралъ программы, собирался идти слушать чьи-то лекціи о воспитаніи дѣтей до школьнаго возраста. Чтѣ-то выйдетъ изъ этого молодца: юристъ? медикъ? инженеръ? технологъ? путешественникъ, въ родѣ Пржевальскаго, или изобрѣтатель, въ родѣ Эдиссона? Владиміръ Павловичъ не могъ лежать: онъ то-и-дѣло вставалъ и разъ десять подходилъ на цыпочкахъ къ двери дѣтской, боясь, чтобы его не застали, и не имѣя силъ дожидаться, пока его позовутъ.

Въ томъ же блаженномъ состояніи, въ какомъ провелъ безсонную ночь, отправился Владиміръ Павловичъ дѣлать визиты. Онъ радостно глядѣлъ на пеструю толпу, любовался выставленными въ кондитерскихъ тортами и буличами и, надѣвая пальто, совалъ кредитныя бумажки швейцарамъ и курьерамъ съ такимъ

чувствомъ, какъ-будто ихъ благодарилъ. Но онъ думалъ не о швейцарахъ и курьерахъ, не о тортахъ и куличахъ,—онъ думалъ о томъ народившемся человѣкѣ, котораго будутъ величать Александръ Владиміровичъ Казаровъ. Какое чудесное, красивое имя! Въ немъ звучитъ что-то многообщающее, сильное, почти великое.

Владиміръ Павловичъ былъ очень счастливъ.

Вернувшись домой и не чувствуя усталости ни отъ ночныхъ тревогъ, ни отъ дневныхъ визитовъ, Владиміръ Павловичъ занялся раздачей праздничныхъ подарковъ; такъ какъ радостное событіе, подобно взошедшему солнцу, должно было освѣтить своими лучами всѣхъ ему такъ или иначе причастныхъ, то всѣ въ домѣ, начиная съ акушерки Марьи Егоровны, игравшей главную роль, до кухоннаго мужика Агаеона, обреченнаго помогать каждому, не ожидая помощи ни отъ кого—всѣ получили двойные подарки.

Три дня сряду наслаждался Владиміръ Павловичъ *de son état de paternité*, какъ говорила, навѣщая Мими, *belle-maman*; три дня сряду переходилъ онъ отъ постели, гдѣ въ голубыхъ бантахъ и кружевахъ лежала томная Мими, къ колыбели, гдѣ подъ такими же бантами и кружевами проводилъ первыя минуты своего бытія маленький *bébé*, и думалъ, что его блаженству не будетъ конца,—но... какъ все земное, блаженство оказалось непрочнымъ, и если нужно было цѣлыхъ девять мѣсяцевъ, чтобы его дожидаться, то достаточно было нѣсколькихъ часовъ, чтобы его разрушить.

Къ вечеру на третій день *bébé* вдругъ переменялся: поразительна была та быстрота, съ какою онъ вдругъ сталъ совсѣмъ другой, точно завялъ и свернулся, какъ листикъ, тронутый морозомъ.

— Что, что съ нимъ такое? — въ ужасѣ воскликнуть Владиміръ Павловичъ, видѣвшій его всего нѣсколько минутъ тому назадъ здоровымъ, розовымъ и спокойно спящимъ.

Bébé горѣлъ, метался, по временамъ слабо вскрикивалъ и закрывалъ глаза.

— Что случилось? что съ нимъ такое сдѣлалось?—твердилъ въ отчаяніи Владиміръ Павловичъ, которому казалось, что его мальчика подмѣнили.

Никто не могъ ему отвѣтить, ни акушерка, ни ея помощница, ни кормилица, румяная деревенская баба въ красномъ вокошникѣ съ бусами и пышной кисейной рубашкѣ съ широкими рукавами. Никто!

Посинѣвшаго *bébé* вынули изъ колыбельки, растирали, сдѣлали ему ванну, послали за докторомъ на Сергіевскую и, не дождавшись, бросились къ другому на Фурштатскую. Разослали

по аптекамъ дворниковъ, бухонныхъ мужиковъ, лакеевъ... Къ несчастью, у докторовъ тоже были праздники: одни поѣхали въ гости, у другихъ были свои гости, и когда, наконецъ, отыскали и привели извѣстнаго дѣтскаго врача, было уже поздно: ни ванны, ни компрессы, ни капли, ни припарки—ничто не могло спасти заболѣвшаго ребенка, и потомокъ Казаровыхъ умеръ такъ же непонятно, скоропостижно и мучительно, какъ умираютъ тысячи дѣтей богатыхъ и бѣдныхъ, единственныхъ наслѣдниковъ и такихъ, которымъ не предстоитъ никакого наслѣдства.

Да! маленькій бѣбѣ умеръ, и какъ никто не зналъ, отчего онъ вдругъ сталъ кричать и посинѣлъ, такъ никто не зналъ, отчего онъ закрылъ глазки и навсегда замолчалъ. Онъ ушелъ, и ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не могъ сказать, куда онъ ушелъ и зачѣмъ на такой короткій срокъ приходилъ.

Владиміръ Павловичъ былъ пораженъ, ударъ его ошеломилъ. Серьезный, степенный и разсудительный, онъ потерялъ всякое самообладаніе. Онъ не могъ видѣть ни доктора, ни акушерки, ни кормилицы съ ея пышными рукавами. Ему казалось, что они погубили талантъ, геній, отняли у міра какого-нибудь величайшаго героя... Онъ чувствовалъ, что кто-то тутъ виноватъ, быть можетъ онъ самъ, быть можетъ всѣ до одного человѣка. Владиміръ Павловичъ заперся въ своемъ вагонѣ и то ложился на диванъ, то ходилъ изъ угла въ уголъ, какъ помѣшанный.

— Видно, счастливымъ-то быть нельзя,—говорилъ онъ самъ съ собою, тупо смотря на поднесенное ему всеми сословіями блюдо.—Видно, милосердный Богъ находитъ, что человѣкъ можетъ эдакъ избаловаться. Надо что-нибудь да отнять: не жену, такъ ребенка, не состояніе, такъ здоровье! Зачѣмъ было давать, если, давши, тотчасъ понадобилось отнять? Зачѣмъ было дразнить?—Боже мой! давно ли онъ лежалъ на этомъ самомъ диванѣ, и мечты одна другой радужнѣе смѣнялись въ его возбужденномъ мозгу? А теперь? Но и въ вагонѣ ему не сидѣлось: посреди залы на столѣ стоялъ розовый гробикъ, а въ немъ между зеленой миртой и бѣлыми розами—единственный наслѣдникъ Казаровыхъ.

Въ четвергъ Владиміръ Павловичъ отвезъ маленькій гробикъ на кладбище. Въ церквахъ, передъ открытыми царскими дверями, гдѣли: „Христосъ Воскресе!“ а у него въ душѣ звучало „Со святыми упокой!“ и веселый звонъ колоколовъ казался погребальнымъ трезвонкомъ. Никогда не былъ онъ такъ одинокъ, такъ обиженъ, такъ незаслуженно и жестоко наказанъ. Владиміръ Павловичъ не хотѣлъ слышать никакихъ утѣшеній, не хотѣлъ никого видѣть. Но особенно его раздражала belle-maman: когда она являлась, шурша

своими юбками, и, распространяя запахъ ilang-ilang, произносила на французскомъ языкѣ: — „Comptez, mon cher, le fait comme non avenu; les enfans, c'est tout ce qu'il y a de plus précaire... le temps, mon cher, vous savez“. — Или говорила по-русски: — „Богъ далъ, Богъ и возьмётъ!“ — онъ готовъ былъ ее вытолкать за дверь, несмотря на то, что она была княгиня и его belle-mère. Какъ онъ могъ считать „le fait comme non avenu“, когда этотъ фактъ былъ у него въ рукахъ, когда онъ имъ три дня наслаждался? Только пустыя свѣтскія женщины могутъ болтать такія пустыя, глупыя фразы! и кого онѣ думаютъ ими обмануть?

Мими была долго больна, опасались разныхъ осложнений, но опасенія оказались, въ счастью, преувеличенными, и Мими начала поправляться. Когда она поправилась совсѣмъ, рѣшено было искать другую квартиру: Владиміру Павловичу опротивѣлъ его вагонъ, Мими не могла видѣть пустую дѣтскую. Они были въ состояніи позволить себѣ эту роскошь и перѣехали съ угла Ивановской и Кабинетской на Гагаринскую набережную. Новая обстановка и связанная съ нею хлопоты нѣсколько ихъ развлекали, и маленькій bébé, котораго заслоняло столько реальныхъ вещей, уходилъ съ каждымъ днемъ все дальше. Теперь онъ казался скорѣе какимъ-то видѣніемъ изъ призрачнаго міра, нежели существомъ, облеченнымъ когда-то плотию, мечтой, очертанія которой становились съ каждымъ днемъ туманнѣе, блѣднѣе, пока, наконецъ, не исчезли вовсе, какъ исчезаетъ съ горизонта Богъ въѣсть куда уплывшее облако.

— Такъ всегда бываетъ, c'est dans la nature des choses, — говорила belle-maman, довольная тѣмъ, что домъ Казаровыхъ приобрѣлъ равновѣсіе, которое Владиміръ Павловичъ чуть было не нарушилъ avec ses idées de paternité.

Н. Яковлева.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ К. Θ. РЫЛѢВА.

*Окончаніе *).*

Изъ „Войнаровскаго“ и изъ приведеннаго выше плана драмы видно, что Рылѣвъ, признавая въ Мазепѣ честолюбца, на многихъ его сторонниковъ смотрѣлъ какъ на искреннихъ патріотовъ, а изъ собственноручнаго списка „Думъ“ ¹⁾ можно заключить, что Рылѣвъ собирался написать или писалъ думу о Мазепѣ; можетъ быть, къ этой думѣ и относится слѣдующій набросокъ, которому предшествуютъ два отрывочные стиха:

Что ты задумалъ, хитрый Мазепа,
Что ты замыслилъ, Гетманъ сѣдой..

А затѣмъ идетъ пѣсня тѣхъ сторонниковъ Мазепы, которые, дѣйствительно, возстали изъ патріотизма:

Съ самопаломъ и булатомъ,
Съ пылкой храбростью въ сердцахъ,
Смѣло, други! братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ коняхъ!
Смѣло грянемъ за свободу,

*) См. выше: ноябрь, 195 стр.

¹⁾ Русск. Стар. 1871, № 1, стр. 73.

Оградивъ себя крестомъ!
 Возвратимъ права народу
 Иль со славою умремъ!
 Пусть гремѣщей, быстрой славою
 Разнесетъ вездѣ молва,
 Что мечемъ въ битвѣ кровавой
 Приобрѣлъ козакъ права!
 Смѣло, други! въ бой свирѣпой!
 Жаждегъ битвы вѣрный конь!
 Смѣло, дружно за Мазепой,
 На мечи и на огонь!

Въ произведеніяхъ Рылѣева вообще мы очень часто встрѣчаемся съ Малороссіей, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ.

По возвращеніи изъ заграничнаго похода, конно-артиллерійская № 11 рота, гдѣ служилъ Рылѣевъ, стояла сначала въ минской губ., а съ 1817 г. была переведена на квартиры въ острогожскій уѣздъ воронежской губерніи. Рылѣеву пришлось стоять въ селѣ Подгорномъ, гдѣ онъ познакомился съ семьей помѣщика М. Г. Тевяшева, на дочери котораго, Натальѣ Михайловнѣ, онъ потомъ женился (въ началѣ 1820 года), послѣ чего онъ и переехалъ жить въ Петербургъ; въ отставку изъ военной службы онъ вышелъ еще въ концѣ 1818 года, по требованію отца своей невѣсты. Потомъ изъ Петербурга Рылѣевъ опять не одинъ разъ ѣздилъ въ Острогжскъ; онъ былъ въ Подгорномъ лѣтомъ 1821, 1822 и 1824 годовъ. Изъ его писемъ мы видимъ, какъ онъ любилъ свое „счастливое, тихое, безмятежное уединеніе“ на Украинѣ. Въ одномъ изъ писемъ къ Пушкину Рылѣевъ говорить: „Петербургъ тошениъ для меня, онъ студитъ вдохновеніе: душа рвется въ степи“ ¹⁾... Малороссія дѣйствительно вдохновляла Рылѣева. Онъ писалъ на Украинѣ и писалъ объ Украинѣ. Во многихъ его произведеніяхъ мы встрѣчаемся съ темами изъ малороссійской исторіи. Такъ, единственная конченная поэма Рылѣева („Войнаровскій“) и двѣ начатыя („Наливайко“ и „Б. Хмельницкій“) касаются малороссійской исторіи; „Богдана Хмельницкаго“ онъ предполагалъ написать въ шести пѣнахъ: „иначе не все выскажешь“, писалъ онъ Пушкину. Кромѣ того, мы встрѣчаемъ думу „Б. Хмельницкій“, а въ думѣ „Петръ Великій въ Острогжскъ“ дѣйствующимъ лицомъ, героемъ, является Мазепа, къ которому Рылѣевъ обращается нѣсколько разъ. Въ послѣд-

¹⁾ Соч. Рыл., стр. 211. Ср. приведенное выше письмо къ Булгарину, Соч. стр. 216. Несмотря на свою любовь къ малороссійскому уединенію, Рылѣевъ съ негодованіемъ отвергъ мысль остаться тамъ навсегда; см. его посланіе къ Каховскому (1821, стр. 168), очень важное для характеристики поэта.

нихъ строфахъ этой думы, которыя Пушкинъ признавалъ чрезвычайно оригинальными, Рылѣевъ съ особенною любовью рисуетъ картину острогужскаго края, съ которымъ онъ такъ сроднился. Пушкинъ не одобрялъ „Исповѣди Наливайки“, но „Исповѣдь Наливайки“ проникнута искреннимъ чувствомъ, дающимъ всему отрывку цѣльность и силу. Въ нашихъ бумагахъ мы встрѣчаемъ нѣсколько черновыхъ набросковъ изъ „Наливайки“, и въ нихъ почти во всѣхъ мы видимъ глубокое чувство поэта, придающее имъ силу даже въ неотдѣланномъ, черновомъ видѣ.

Между прочимъ, мы находимъ такую программу: „Сельская картина. Нравы Малороссіянъ. *Кіевъ. Чувства Наливайки. Картина Украйны.* Уніаты, евреи, поляки. Притѣсненія и жестокость поляковъ... ¹⁾ *Смерть старосты.* Восстаніе народа. Наливайко—гетманъ. Новая жестокость поляковъ. *Походъ.* Сраженіе. Тризна. Миръ. Лобода и Наливайко въ Варшавѣ. Казнь ихъ. Эпилогъ“. Тутъ же добавлено: „Наливайко въ темницѣ“, и еще: „Церковь. Пещера. *Походъ козаксвъ. Молитва Наливайки.* Онъ можетъ и не хотеть бѣжать“. Въ этой программѣ отмѣчено курсивомъ то, что было изъ нея исполнено. Кромѣ того, нѣкоторые отрывки, извѣстные намъ, не подходятъ подъ эту программу, какъ напр. самая Исповѣдь Наливайки, — о ней въ программѣ не говорится. Приведемъ имѣющіеся у насъ отрывки, доселѣ неизвѣстные, по возможности въ томъ порядкѣ, какъ они должны бы были слѣдовать въ самой поэмѣ.

Прежде всего отрывокъ, представляющій „картину Украйны“ подъ гнетомъ поляковъ:

Блеститъ весна; ея дыханьемъ,
Какъ бы волшебнымъ врачеваньемъ,
Край утѣсенный оживленъ;
Все отрясаетъ зимній сонъ:
Пестрѣетъ степь, цвѣтетъ долина,
Одѣся глѣсъ, стада бѣгутъ,
Тяжелый плугъ поселянина
Волы послушны влекутъ;
Кружится жаворонокъ звонкій,
Лазурный тихій небосклонъ,
И воздухъ чистый, воздухъ тонкій
Благоуханьемъ напоенъ.

Всѣ веселятся, всѣ ликуютъ,
Веснѣ цвѣтущей каждый радъ;
Полякъ, еврей и уніатъ

¹⁾ Не разобрано.

Безпечно, буйственно пируютъ.
 Всѣ радостью оживлены,
 Одни украинцы тоскуютъ
 И имъ не въ праздникъ пиръ весны.
 Чтò за веселье безъ свободы,
 Чтò за весна—весна рабовъ!
 Имъ чужды всѣ красы природы,
 Въ душахъ ихъ вѣчный мракъ гробовъ.
 Печали облако не сходитъ
 Съ ихъ истомленного лица;
 На души ихъ, на ихъ сердца
 Все новую тоску наводитъ.
 Лазурь небесъ, цвѣты полей
 (Имъ не отрады, имъ не дивны)
 Глядятъ уныло на дѣтей,
 Всѣ радости для нихъ противны,
 И пѣсни дѣвъ ихъ заунывны,
 Какъ заунывень звукъ цѣпей ¹⁾.

Но Наливайко всѣхъ сильнѣй
 Томится душою и страждетъ;
 Его душа чего-то жаждетъ,
 Онъ чтò-то на сердцѣ таитъ;
 Друзей, родныхъ, семьи бѣжить,
 Одинъ въ степи пустынной бродитъ
 Нерѣдко онъ по цѣлымъ днямъ:
 Ему отрадно, сладко тамъ,
 Тамъ грусть душевную отводитъ
 Въ бесѣдѣ онъ съ самимъ собой,
 И изъ глуши въ Чигиринъ свой
 Назадъ спокойнѣе приходитъ.

Въ другой черновой чувства Наливайки въ степи описаны такъ:

Въ степи душѣ его просторъ,
 Въ степи свободѣе онъ дышетъ,
 Тамъ ляховъ не встрѣчаетъ взоръ
 И воплей земляковъ не слышитъ...

Наливайко не тотчасъ рѣшился на возстаніе противъ ляховъ; его мучило сомнѣніе, не ухудшитъ ли неудачное возстаніе положенія его земляковъ. Вотъ его разговоръ съ какимъ-то другомъ:

¹⁾ Послѣ этого въ одной черновой слѣдуетъ недоконченное продолженіе:

О, какъ несносно, какъ ужасно
 Подъ иго чуждое подпасть
 (И послѣ вольности прекрасной)
 Враговъ насильственную власть...

Ты правъ, мой другъ, люблю родныхъ;
 Мнѣ тяжело видѣть ихъ въ неволѣ,
 Всѣмъ жертвовать готовъ для нихъ,
 Но родину люблю я болѣ.
 Нѣтъ, не одна къ женѣ любовь
 Мой умъ быть осторожнѣй учить,
 Нерѣдко дума сердце мучить,
 Не тщетно ли прольется кровь?
 Чтѣ, если снова неудача?
 Вотъ я чего, мой другъ, боюсь:
 Тогда, тогда святая Русь
 Навѣкъ страною будетъ плача.

Наливайко все болѣе и болѣе убѣждается въ необходимости
 возстанія. Онъ въ этомъ смыслѣ и говоритъ своему другу Лободѣ:

„Ты другъ давно мнѣ, Лобода,
 Давно твои я чувства знаю,
 Твою любовь къ родному краю
 Я уважалъ, я чтить всегда;
 Ты ненавидишь, какъ злодѣевъ,
 И дервскихъ ляховъ и евреевъ;
 Но ты отецъ, но ты супругъ,
 А ужъ давно пора, мой другъ,
 Быть не мужьями, а мужами“.
 Всѣхъ оковалъ какой-то страхъ,
 Всѣ пресмыкаются рабами
 И дерзостно надменный ляхъ
 Ругается надъ коваками.

Прежде чѣмъ окончательно рѣшиться на возстаніе, Наливайко,
 убивъ уже чигиринскаго старосту (Соч. Рылѣва, стр. 142 —
 143), отправляется въ Кіевъ, чтобы говѣть въ Печерской лаврѣ:

Протяжный звонъ колоколовъ
 Въ Печерской лаврѣ раздавался;
 Съ разсвѣтомъ изъ своихъ домовъ
 Народъ къ заутренѣ стекался.
 Одинъ, поодаль отъ другихъ,
 Шелъ Наливайко...
 Къ жилищу мертвецовъ святыхъ,
 И непритворное смиренье
 Въ очахъ яснило голубыхъ.
 Какъ чтила ревностный закона,
 Къ вратамъ ограды подойдя,
 Крестомъ онъ осѣнилъ себя
 И слѣбалъ три земныхъ поклона.
 Вотъ въ церкви онъ. Идетъ служенье,
 Съ кадильницъ вьется еиміамъ,
 Сребромъ и золотомъ блещетъ храмъ,
 И кротко-сладостное пѣнье

Возноситъ души къ небесамъ.
 Въ углу, отъ всѣхъ уединенно.
 Колѣни преклоня смиренно,
 Онъ сталъ. Въ богатыхъ жемчугахъ
 Предъ нимъ Маріи ликъ сіяетъ;
 Объ угнетенныхъ землякахъ
 Онъ къ ней молитвы возсылаетъ;
 Лицо горитъ, и, какъ алмазъ,
 Какъ драгоценный перлъ, изъ глазъ
 Слеза порою упадетъ.
 Такъ для него прошло семь дней;
 . . . молитвъ не пропуская,
 вѣтъ страстнаа...

Въ другой черновой этого же отрывка въ концѣ читаемъ:

Такъ цѣлый постъ его встрѣчали
 На каждой службѣ въ церкви сей...

Послѣ этого должна слѣдовать исповѣдь Наливайки (Соч. Рылѣва, стр. 43).

Наконецъ, возстаніе поднято. Козацкое войско выступаетъ въ походъ, Наливайко предается радостной надеждѣ:

Вѣтъ, вѣтъ, повѣваетъ
 Тихій вѣтръ съ Днѣпровскихъ водъ,
 Войско храбрыхъ выступаетъ
 Съ шумной радостью въ походъ.
 Полкъ за полкомъ безбрежной степью
 Иль тянутся лѣсистой цѣпью,
 Или несутся на рысяхъ.
 По сторонамъ на скакунахъ
 Гарцуютъ удалцы лихіе;
 То быстро, какъ орлы степные.
 Изъ глазъ умчатся, то порой,
 Дразня другъ друга, ѣдутъ тихо,
 То вскачь опять, опять стрѣлой
 И вдоль полковъ несутся лихо.
 Вослѣдъ за войскомъ идутъ вьюки,
 Свирѣлей, трубъ, суремокъ звуки,
 И гаркъ летящихъ удалцовъ,
 И шумъ, и пѣнье козаковъ,
 Все Наливайку веселило,
 Все добрымъ предвѣщаньемъ было.
 „Смотри,—онъ Лободѣ сказалъ,—
 Какъ измѣнилось все. Давно ли
 Козакъ съ печали увядалъ,
 Стоналъ и подъ ярмомъ неволи
 Въ себѣ всѣ чувства подавлялъ?
 Возьмутъ свое права природы:
 Безсмертна къ родинѣ любовь,

Раздастся гласъ святой свободы,
И рабъ проснется къ жизни вновь.

Противъ козаковъ выступили поляки подъ начальствомъ Жолкевскаго. Оба войска расположились лагерями около Чигирина. Поэтъ описываетъ оба лагеря въ ночь передъ сраженіемъ:

Глухая ночь. Молчатъ рѣка.
Луна сокрылась въ облака,
И Чигиринъ, и оба стана
Обвиты саваномъ тумана.

Вокругъ костровъ шумятъ и пьютъ
Толпами буйные поляки;
Ихъ души яростныя ждуть,
Какъ праздника, кровавой драки.
Одни враговъ своихъ клануть,
Другіе спорятъ, тѣ поютъ,
Тотъ, богохульствуя, хохочетъ,
Тотъ хвалится лихимъ конемъ,
Тотъ саблю дѣдовскую точитъ
И дерзостно надъ ковакомъ
Побѣду землякамъ пророчитъ.

Въ кунтушѣ пышномъ, на коврѣ
Жолкевскій спитъ въ своемъ шатрѣ.
Надъ нимъ летаетъ страшный сонъ ¹⁾:
Въ Варшавѣ площадь видитъ онъ,
На площади костеръ высокій,
Въ срединѣ столбъ. Палачъ жестокой
Кого-то въ саванѣ влечетъ;
Вослѣдъ ему народъ толпами
Изъ улицъ медленно идетъ
И головы свои несетъ
Окровавленными руками,
Поднявъ ихъ страшно надъ плечами...
Вотъ неизвѣстный съ палачомъ
Къ костру подходитъ безъ боязни.
Взошли.. безмолвіе кругомъ...
Вотъ хладный исполнитель казни
Его къ столбу ужъ привязалъ,
Зажегъ костеръ, костеръ вскипалъ,
И надъ высокими домами
Понесся черный дымъ клубами.
Вдругъ въ небесахъ раздался гласъ:
„Свершилось все! на васъ, на васъ,
Страдальца кровь и шумъ проклятій!
Погибъ, но онъ погибъ за братій!“

¹⁾ Описание сна сохранилось въ четырехъ рукописяхъ, почти не отличающихся другъ отъ друга. См. дальше конецъ одной изъ нихъ.

Народъ ужасно застоналъ,
 Кругомъ костра толпиться сталъ
 И, головы бросая въ пламень,
 Назадъ по площади бѣжалъ
 И упалъ на хладный камень...
 Ручьями кровь текла изъ шей,
 Дрова и головы пылали...
 Вдругъ все сокрылось изъ очей,
 Палатъ, востеръ и всѣ...

Межъ тѣмъ, потонувшій въ туманахъ ¹⁾,
 Ковачій таборъ на курганахъ
 Спокойно дремлетъ вдоль рѣки;
 Какъ звѣзды въ небесахъ пустынныхъ,
 Кой-гдѣ чуть свѣтатъ огоньки;
 Вкругъ нихъ у коневязей длинныхъ
 Лежатъ рядами коваки.
 Сны благодатные надъ ними
 Летаютъ рѣввою толпой:
 Тотъ зрѣть себя между родными
 Подъ кровомъ хижины родной;
 Сей, по Днѣпру раскинувъ сѣти,
 Обратно къ берегу плыветъ,
 Вотъ сотни рыбъ на ставъ влечетъ...

Напрасно Тамсинъ быстры воды,
 Шумя, въ очеретахъ струить,
 Напрасно, вѣстникъ непогоды,
 Вѣтръ буйный по стени шумить:
 Снять сладко ратники свободы,
 Ихъ сна ничто не возмутить...

Сонъ Жолкевскаго встрѣчается въ четырехъ черновыхъ рукописяхъ, мало отличающихся другъ отъ друга; только въ одной изъ нихъ сонъ (переписанный отдѣльно, съ заглавіемъ) кончается такъ:

И упалъ на хладный камень...
 Все тихо... только кровь шумить...
 Во снѣ Жолкевскій страшно стонетъ,
 Трепещетъ, молится... вдругъ зрѣть,
 Что онъ въ волнахъ кровавыхъ тонетъ...
 Душа невольно обмерла;
 Сонъ отлетѣлъ; въ шатрѣ лишь мгла,
 Но онъ, но онъ еще не знаетъ,
 Чтѣ въ крупныхъ капляхъ упадетъ—
 Иль кровь, иль потъ съ его чела...

¹⁾ Описаніе ковацкаго лагеря сохранилось въ двухъ редакціяхъ; начало общее въ обѣихъ, стихи 8—14 находятся только въ одной, а въ другой они только были начаты и зачеркнуты, зато въ ней находятся послѣдніе шесть стиховъ.

Въ противоположность страшному сну Жолковского посреди польскаго шумнаго лагеря Рылѣвъ, кажется, хотѣлъ представить тихую молитву Наливайки среди спящихъ козаковъ:

Ты зришь, о Боже всемогущій!
Злодѣйствамъ ляховъ нѣтъ числа;
Какъ дубъ на темѣ горъ растущій,
Тирановъ дерзость возросла.
Я невиновенъ, Боже правый,
Когда здѣсь хлынетъ кровь рѣкой;
Войну водвигъ я не для славы,
Я подыалъ мечъ за край родной;
Ты лицемѣровъ ненавидишь,
Ты грозно обличаешь ихъ;
Ты съ высоты небесъ святыхъ
На днѣ морскомъ песчинку видишь;
Ты проникаешь, мой Творецъ,
Въ изгибы тайные сердцецъ...

Всѣ отрывки изъ „Наливайки“ проникнуты стремленіемъ къ козацкой вольности. Въ бумагахъ мы находимъ еще нѣсколько набросковъ, особенно ярко выражающихъ то же чувство; нѣкоторые изъ нихъ стоятъ въ прямой связи съ „Наливайкой“ и исторіей борьбы Малороссіи съ Польшею за независимость:

Забывъ вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть можетъ, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вѣковыя оскорбленія
Тиранамъ родины прощать
И стыдъ обиды оставлять
Безъ справедливаго отмщенія
Не въ силахъ я; одинъ лишь рабъ
Такъ можетъ быть и подлѣ, и слабъ.
Могу ли равнодушно видѣть
Порабощенныхъ земляковъ?..
Нѣтъ, нѣтъ! мой жребій: ненавиждѣть
Равно тирановъ и рабовъ.

Или:

Нѣтъ, нѣтъ, невольники не въ силахъ
Пылатъ огнемъ высокихъ думъ;
Не кровь, вода течетъ въ ихъ жилахъ,
Ихъ чувства спать, ихъ дремлетъ умъ.

Еще:

Нѣтъ примиренія, нѣтъ условій
Между тираномъ и рабомъ;
Тутъ надо не чернилъ, а крови,
Намъ должно дѣйствовать мечемъ.

Сбоку при черновомъ описаніи скитаній Наливайки по степи набросано четверостишіе, встрѣчающееся въ другомъ листѣ и отдѣльно:

Вражда къ тиранамъ непримѣтна;
Спокойны гордые умы;
Но такъ порой спокойна Эгна
Подъ хладнымъ черепомъ зимы.

Въ печати извѣстно посланіе Рылѣева къ NN: „Ты посѣтитъ, мой другъ, желала“ ¹⁾. Въ черновой рукописи мы находимъ эту элегію съ другимъ совершенно концомъ: вмѣсто двухъ послѣднихъ куплетовъ слѣдуютъ еще шесть, придающихъ совсѣмъ другой тонъ всей пьесѣ:

Ты посѣтитъ, мой другъ, желала
Уединенный уголъ мой,
Когда душа нѣмогала
Въ борьбѣ съ богѣвнью роковой.

Твой милый взоръ, твой взоръ волшебный
Хотѣлъ страдальца оживить,
Хотѣла ты покой цѣлебный
Въ вволюванную душу влить.

Твое отрадное участіе,
Твое вниманье, милый другъ,
Мнѣ снова возвращаютъ счастье
И исцѣляютъ мой недугъ.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить,
Я отвѣчать не въ силахъ ей,
Моя душа твоей не стоитъ.

Полна душа твоя всегда
Однихъ прекрасныхъ ощущеній,
Ты бурныхъ чувствъ моихъ чужда,
Чужда моихъ суровыхъ мнѣній.

Прощаешь ты врагамъ своимъ,
Я незнакомъ съ симъ чувствомъ нѣжнымъ
И оскорбителямъ моимъ
Плачу отмищеньемъ неизбѣжнымъ.

Лишь временно кажусь я слабъ,
Движеніемъ души владѣю,
Не христіанинъ и не рабъ,
Прощать обидъ я не умѣю.

¹⁾ Соч., стр. 179.

Мнѣ не любовь (теперь) нужна,
Занятія нужны мнѣ нынѣ,
Отрадна мнѣ одна война,
Однѣ тревоги боевыя.

Любовь никакъ нейдетъ на умъ.
Увы! моя отчизна страждетъ;
Душа въ волненіи тяжкихъ думъ
Теперь одной свободы жаждетъ.

.

Въ бумагахъ находится еще одно стихотвореніе Рылѣва, напечатанное въ 1828 году, безъ имени автора; хотя и сохранилось преданіе о принадлежности этихъ стиховъ Рылѣву ¹⁾, но доказательствъ этой принадлежности никакихъ не было; теперь подлинная рукопись доказываетъ ее несомнѣнно.

Печатная исторія этого стихотворенія довольно интересна. Выше уже было сказано, что наше собраніе принадлежало прежде Ан. Ан. Ивановскому, который служилъ при ген. Бенкендорфѣ; но Ивановскій вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и литераторомъ. Въ 1828 году онъ издалъ альманахъ: „Альбомъ Сѣверныхъ Музъ“, скрывъ свое имя подъ буквами А. И. Альманахъ начинается повѣстью самого издателя, тоже подписанною А. И. Въ отдѣлѣ прозы мы встрѣчаемъ имена Сомова, Булгарина, Старожилова, Сенковского, а въ отдѣлѣ стиховъ—имена Пушкина (Талисманъ), Вяземскаго, Туманскаго, Языкова, Глинки, Подолинскаго, Козлова, Олина, Щастнаго, гр. Хвостова, Ознобишина и нѣкоторыхъ другихъ; тутъ, между прочимъ, мы находимъ и пьесу „На смерть Байрона“, подписанную ^{***} и помѣченную 1825 г. Надо замѣтить, что Ивановскій въ 1828 г. находился еще на службѣ при гр. Бенкендорфѣ, когда онъ для своего альманаха взялъ это стихотвореніе Рылѣва (Ивановскій вышелъ въ отставку въ 1829 году). Но для того, чтобы напечатать стихи даже безъ имени Рылѣва, ихъ пришлось нѣсколько измѣнить и смягчить: издателю приходилось быть очень осторожнымъ, чтобы какъ-нибудь не обратили вниманія на стихотвореніе и не стали доискиваться имени автора. Поэтому подлинный текстъ отличается нѣсколько отъ печатнаго, а подлинная рукопись сохранила на себѣ слѣды этой смягчающей передѣлки. Сначала издатель ²⁾ думалъ ограничиться нѣсколькими смягчающими поясненіями; такъ напр.,

¹⁾ „Русск. Старина“, 1872, стр. 440, замѣтка Любителя старины.

²⁾ Не зная почерка Ивановскаго, не можемъ сказать, кѣмъ были сдѣланы въ рукописи измѣненія; поправки тутъ двухъ разныхъ почерковъ, одни крупно, карандашомъ, другія мелко, чернилами.

при стихѣ— „властей не признавалъ“ —сдѣлана выноска: „въ поэзіи“, или при словахъ— „тираны и рабы“ —пояснено: „турки“. Но такія поясненія, казалось, были недостаточны для того, чтобы смягчить тонъ пьесы, и издатель счелъ за лучшее измѣнить нѣкоторые стихи: въ рукописи мы находимъ поправки чернилами, не принадлежащія Рылѣву; впрочемъ иногда поправки сдѣланы и не изъ цензурныхъ видовъ. Я приведу всю пьесу по оригинальному тексту, а въ примѣчаніяхъ укажу карандашныя и чернильныя поправки рукописи, а также отличія печатнаго текста по „Альбому Сѣверныхъ Музъ“.

НА СМЕРТЬ БАЙРОНА.

О чемъ средь ужасовъ войны
Тоска и трауръ погребальный?
Куда бѣгутъ на зовъ печальный
Священной Греціи сыны?
Давно отъ слезъ и крови измокла
Эллада средь ¹⁾ святой борьбы;
Какою-жъ вновь бѣдой судьбы
Грозятъ отчизнѣ Ѳемистокла?

Чему на шаткомъ тронѣ радъ
Тиранъ ²⁾ роскошнаго Востока,
За что благодарить Пророка
Слѣзять въ Стамбулѣ старъ и младъ?
Зрю: въ Миссолонгѣ гробъ средь храма
Предъ алтаремъ святымъ стоитъ,
Весь ³⁾ катафалкъ огнемъ блеститъ
Въ прозрачномъ дымѣ ениміама.

Рыдая, вокругъ его кипятъ
Толпа шумящаго народа,
Какъ будто въ гробѣ томъ свобода
Воскресшей Греціи лежитъ,
Какъ будто цѣпи вѣковыя
Готовы вновь тягчить ее ⁴⁾,
Какъ будто идутъ на нее
Султанъ и грозная Россія...

Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,

¹⁾ Попр.: въ дни.

²⁾ Альб. Сѣв. М.: Султанъ.

³⁾ Попр.: и.

⁴⁾ Альб.: Влечь опять она должна,
И вновь ярмомъ отягчена
Возникнувшей Эллады воля...

Но прочной славою гражданской,
И доблестью своихъ дѣтей.
Парящій умъ, свѣтило вѣка,
Твой сынъ, твой другъ и твой поэтъ,
Увянуль Байронъ въ цвѣтъ лѣтъ
Въ святой борьбѣ за вольность грека.

Изъ океана своего
Текутъ лѣта съ чудесной силой:
Нѣтъ ничего уже, что было,
Что есть, не будетъ ничего.
Грядой возлагаютъ на твердыни
Почить усталые вѣка,
Ихъ безпощадная рука
Преобразить поля въ пустыни.

Исчезнуть порты въ тѣмъ времяхъ,
Падутъ и запустѣютъ грады,
Погибнуть страшныя Армады,
Возникнетъ новый Кароагенъ...
Но сердца подвигъ благородной
Пребудетъ для души молодой ¹⁾
Къ могилѣ Байрона святой
Всегда звѣздой путеводной.

Британецъ дряхлый позднихъ лѣтъ
Придетъ, могильный холмъ уважить,
И гордымъ внукамъ гордо скажетъ:
Здѣсь спитъ возвышенный поэтъ!
Онъ жилъ для Англіи и міра,
Былъ къ удивленію вѣка онъ
Умомъ Сократъ, душой Катонъ
И побѣдителемъ Шекспира.

Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ,
Къ гоненьямъ рока равнодушенъ,
Онъ гению лишь былъ послушенъ,
Властей ²⁾ другихъ не признавалъ.
Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
Судьба предъ нимъ людей сердца,

¹⁾ Альб.: Не истребится никогда!
Къ могилѣ Байрона всегда
Звѣздой онъ будетъ путеводной.

²⁾ Карандашомъ сдѣлано примѣчаніе: „въ поэзіи“. Затѣмъ чернилами приписано:
И дара музъ не унижалъ

Или:

Священный огонь въ груди питаль.

Первый изъ этихъ стиховъ и напечатанъ въ Альб. С. Музъ.

Томъ VI.—Декабрь, 1888.

38/.

Но пылая душа гѣвца
Презрительныхъ не разлюбила ¹⁾.

Когда онъ кончилъ юный вѣкъ
Въ странѣ отъ родины далекой,
Убитый грустію жестокой
Объ немъ сказалъ Европѣ грекъ:
Друзья свободы и Элады ²⁾
Вездѣ въ слезахъ въ укоръ судьбы;
Одни тираны и рабы ³⁾
Его внезапной смерти рады.

Это стихотвореніе для насъ интересно отношеніемъ Рылѣева къ Байрону. Рылѣевъ выдвигаетъ на первый планъ участіе Байрона въ борьбѣ за грековъ и вообще гордое свободолюбіе его генія. Вліяніе Байрона на русскую поэзію было очень сильно, но у нашихъ поэтовъ обыкновенно замѣчается именно недостатокъ пониманія общественнаго значенія Байрона, недостатокъ сочувствія къ этой сторонѣ его поэзіи. Въ этомъ отношеніи за Рылѣевымъ несомнѣнное преимущество, несомнѣнная заслуга ⁴⁾.

Обращаюсь еще къ „Альбому Сѣверныхъ Музъ“. Въ немъ кромѣ стихотворенія „На смерть Байрона“ еще тѣми же звѣздочками ^{***} помѣчены двѣ прозаическія статьи: „Тоска“ (стр. 121) и „Мысли и замѣчанія“ (стр. 325), а также стихотвореніе „Андрей, князь Переяславскій“, отрывокъ изъ повѣсти. Въ рукописяхъ (принадлежавшихъ прежде Ивановскому) нѣтъ ничего подходящаго для этихъ произведеній. Обѣ прозаическія статьи ничѣмъ не напоминаютъ Рылѣева, но стихотвореніе, и по темѣ, и отчасти по стику, похоже нѣсколько на думы Рылѣева. Впрочемъ, въ такомъ видѣ, какъ оно напечатано, оно представляетъ неясный и неполный отрывокъ.

Рылѣевъ, какъ мы видѣли, зналъ и любилъ Малороссію. Но въ своихъ стихотвореніяхъ онъ обращался еще къ другой части

¹⁾ Карандашомъ сдѣлано примѣчаніе: „его оскорбителей“; чернилами подчеркнуто слово: презрительныхъ, и приписано:

Людей не вовсе разлюбила..

Такъ и напечатано въ Альб. С. Музъ (безъ курсива).

²⁾ Альб.: Друзья терзаемой Элады.

³⁾ Карандашомъ замѣчено: „турки“, а внизу приписано:

Султана гордые рабы

Одни его кончили рады.

Въ Альбомѣ Сѣв. Музъ предпоследній стихъ:

Лишь Магометовы рабы.

⁴⁾ См. статью Н. И. Стороженка: „Рус. Вѣд.“ 1888, № 34.

Россіи, къ ея великой восточной Украинѣ, къ Сибири. Въ описаніяхъ дикой и суровой сибирской природы у Рылѣва слышится извѣстное сочувствіе къ „странѣ мятежей и снѣговъ“, къ странѣ, которую потомъ такъ полюбили пережившіе его товарищи...

Извѣстно, что все дѣйствіе поэмы „Войнаровский“ происходитъ въ Сибири, въ этой „обширной узниковъ тюрьмѣ“; дума „Смерть Ермака“ переноситъ насъ ко времени завоеванія Сибири, и Ермакъ говоритъ, что онъ и его товарищи не праздно въ мірѣ жили: присоединеніемъ Сибири они заслужили благословеніе отчизны. Къ Сибири обращается Рылѣвъ еще въ недоконченныхъ отрывкахъ: „Будь ласковъ, дѣдушка, ко мнѣ“, и „Въ краю, гдѣ солнце рѣдко блещетъ“ ¹⁾. Черновые наброски, сохранившіеся въ бумагахъ, показываютъ, что оба отрывка принадлежать къ одному замыслу.

Въ странѣ угрюмой и глухой ²⁾,
Гдѣ Сосва съ бурей часто воетъ
И берегъ дикій и крутой
Шумящею волною роетъ,
Между кудрявымъ тальникомъ,
Близъ церкви, осѣненной боромъ,
Чернѣетъ обветшалый домъ
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

Будь ласковъ, дѣдушка, ко мнѣ ³⁾:
Скажи, надъ чьей простой могилой
Стоитъ подъ елью, въ сторонѣ,
Къ землѣ склонившись, крестъ унылый?
Сугробы снѣга занесли
Пустынный холмъ и все кладбище,
Тамъ церковь новая вдали,
Тутъ обветшалое жилище.
Съ могилки двѣ стези бѣгутъ:
Одна бѣжитъ по косогору
Въ убогій нищеты пріютъ,
Другая змѣйкой вьется съ бору...

¹⁾ Соч. стр. 180 и 188.

²⁾ Ср. Соч. Рылѣва, стр. 183.

³⁾ Такъ, эти оба отрывка написаны одинъ за другимъ на одной страницѣ: они относятся къ одной и той же задуманной пьесѣ. Отрывокъ: „Будь ласковъ“ написанъ еще и отдѣльно, полюбѣ и разборчивѣе: въ этой редакціи я его и привожу. Надо еще прибавить, что этотъ отрывокъ (первыя 12 стиховъ) написанъ тутъ (отдѣльно) сначала въ этой редакціи, какъ онъ напечатанъ (Соч. Рыл., 180), но затѣмъ сдѣланы поправки: онъ и помѣщается здѣсь въ такомъ исправленномъ видѣ.

Не въ сихъ мѣстахъ мнѣ край родной:

Я на чужбинѣ здѣсь, я въ снымѣ;

Скажи мнѣ, дѣдушка сѣдой!

Чей прахъ почіеть въ той могилѣ?

— Какъ ты, изъ дальней стороны

Въ сей край изгнанный судьбою,

Подъ той могилою простою

Отецъ и дочь схоронены...

Отецъ, какъ здѣсь болтали тайно,

Былъ другомъ мудраго Петра...

Любилъ уединенье онъ ¹⁾:

Склоняся на руку главой,

Угрюмый, мрачный и безмолвный,

Онъ часто, поаднею порой,

Сидѣлъ на паперти церковной...

(Тутъ познакомился я съ нимъ,

Онъ подалъ мнѣ на дружбу руку)...

Этотъ „другъ мудраго Петра“ — кн. А. Д. Меншиковъ, умершій въ 1723 году въ Березовѣ и похороненный тамъ вмѣстѣ со своею старшею дочерью, бывшею невѣстою Петра II.

Въ бумагахъ есть еще отрывокъ, касающійся Сибири:

Такъ за мечтою легкокрылой

Отъ шумныхъ Невскихъ береговъ

Перелеталъ пѣвецъ унылой

Въ страну изгнанья и сибирь

(Суровый край! краса природы)...

Другіе отрывки и черновые наброски, сохранившіеся въ бумагахъ, весьма отрывочны и неотдѣланы, потому не представляютъ никакого интереса и не могутъ имѣть значенія для литературной біографіи поэта.

В. Якушкинъ.

¹⁾ Эти отрывочныя строки написаны отдѣльно.

ИЗЪ СЮЛЛИ ПРЮДОМА.

I.

Буйный вѣтеръ степей, въ дальней цѣли стремясь,
Буйный вѣтеръ, могучій и смѣлый,
Встрѣтивъ пышный цвѣтникъ, затоскуеть, вкружась
Надъ высокою лилею бѣлой.

—О, останься со мной!—тихо шепчетъ она;
— Отдохни отъ скитаній—со мною!

Я тоскою любви и желанья полна
Подъ холодной моею бѣлизною.—

—„Я блуждать осужденъ, я мечтою гонимъ:
Видишь тучу вдали грозовую?
Подожди же, пока дуновеньемъ своимъ
Жизнь и свѣтъ въ эту массу вдохну я“.—

—Возвращайся ко мнѣ, буду вѣрить и ждать.
Ты—въ пространствѣ небесномъ витаешь,
Я прикована здѣсь—мы сойдемся опять,
Лишь затихнетъ гроза, отлетая.—

—„Я вернусь“,—шепчетъ онъ, исчезая во мглѣ,
Ароматомъ любви напоенный,
А она, колыхаясь на тонкомъ стеблѣ,
Головой понижаетъ склоненной.

Свѣтлой грѣзѣ своей вся она отдалась,
Онъ—борьбы увлеченъ на волѣ.—
Но когда, затихая, гроза пронеслась
И насталъ заповѣдный свиданія часъ—
Ихъ обоихъ ужъ не было болѣ.

II.

Въ сосудахъ грубаго и крѣпкаго закала
Обильно пѣнится дешевое вино,
Но для изящнаго граненаго бокала
И грубымъ, и простымъ казалось бы оно.

И чаша съ высоты рѣзного пьедестала
Напитка чистаго напрасно ждетъ давно,
Достойнаго красы и цѣнности металла:—
Ей одиночество судьбою суждено.

Напитокъ для него найдется тѣмъ скорѣе,
Чѣмъ формою сосудъ и проще, и грубѣе—
И тщетно ждетъ его лишь кубокъ золотой.

Такъ въ жизни: тѣ сердца бываютъ одиноки,
Чьи помыслы чисты, стремленія высоки—
Они пренебрегли любовію земной.

О. М.

ПРОТЕКЦИОНИЗМЪ

ПРЕДЪ СУДОМЪ

НОВЫХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ЭКОНОМИСТОВЪ.

I.

Всякій, знакомый съ движеніемъ научной мысли и законодательства европейскихъ странъ въ 50-хъ и 60-хъ гг., не могъ бы предугадать поворота въ экономической политикѣ, который мы переживаемъ. По почину Англіи, отказавшейся отъ охранительныхъ тарифовъ, и другія страны Европы, не исключая и Россія, замѣтно направлялись на этотъ путь. Идея покровительства не была оставлена, но и законодательство и научная мысль склонны были видѣть въ этой политикѣ явленіе временное, преходящее: оно можетъ быть оправдано только до тѣхъ поръ, пока наиболѣе важныя отрасли туземной промышленности не созрѣютъ до полной возможности соперничать съ иностранными, ранѣе преуспѣвшими, производителями.

Прошло 20 лѣтъ, и передъ нами развертывается совсѣмъ не та картина, которую, повидимому, обѣщало недавнее прошлое. У насъ теперь чаще, чѣмъ когда-либо, взываютъ къ покровительственной политикѣ. Но и западныя страны, гораздо дальше насъ двинувшіяся по пути промышленнаго развитія, пользуются охранительными тарифами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ:— всѣмъ извѣстна новѣйшая таможенная политика Германіи, Италіи, Франціи и другихъ странъ. Наконецъ, и наука ярко отражаетъ въ себѣ это движеніе: недавно изъ-подъ пера довольно извѣстнаго экономиста, Рихарда фонъ-Кауфманна, вышелъ планъ образовъ

среднеевропейскій таможенный союзъ, который защищалъ бы себя непроницаемой броней отъ ввоза продуктовъ Россіи, Англіи, Америки.

Литература по вопросу о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ огромна, почти неисчерпаема. Въ теченіе 50 лѣтъ приведено такое множество теоретическихъ доводовъ за и противъ, что едва ли можно прибавить къ сказанному что-либо существенно новое. Но большой интересъ представляютъ тѣ изслѣдованія, которыя, кромѣ апріорныхъ доказательствъ, приводятъ и рядъ фактовъ изъ новѣйшей жизни различныхъ странъ, фактовъ, помогающихъ оцѣнить значеніе покровительственной политики. Наиболѣе обширное поле для наблюденія и поучительныхъ выводовъ представляютъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки. На эту страну принято указывать, какъ на лучший примѣръ благотѣльных послѣдствій, которыя приносятъ охранительные тарифы. Если, поэтому, американскій экономистъ—а они составляютъ огромное большинство—восхваляетъ мудрое таможенное законодательство своего отечества, то онъ намъ мало интересенъ: мы давно слышали все то, что онъ можетъ сказать намъ. Если же онъ приглашаетъ насъ отрѣшиться отъ укоренившагося предразсудка, будто Америка обязана своимъ процвѣтаніемъ, главнымъ образомъ, запретительной системѣ, если онъ ярко освѣщаетъ много неблагоприятныхъ вліяній этой системы, то мы все же узнаемъ отъ него что-нибудь новое, если не въ области идей, то въ области фактовъ. Къ числу новыхъ экономистовъ этого направленія принадлежатъ Уэльсъ, Сомнеръ и Генри Джорджъ¹⁾.

II.

Познакомимся въ сжатомъ очеркѣ съ развитіемъ американской покровительственной системы.

Въ первые годы послѣ войны за независимость, Соединенные Штаты, какъ и до войны, поддерживали торговые сношенія почти исключительно съ Англіей, причемъ ввозъ ихъ изъ Англіи далеко превышалъ вывозъ: въ 1770 году они привезли товаровъ на 8^{1/2} милліоновъ, а вывели только на 4^{1/2} милл. доллар.; въ 1785 г. они вывели на 3,9 милл., а привезли на 10 милл. Разница покрывалась золотомъ, которое въ изобиліи доставлялось рудни-

¹⁾ Wells, Practical Economics, 1887.—Sumner, Protectionism, 1887.—Его же, Lectures on the History of Protection in the United States. 1888.—George, Free trade or protection, 1886.

ками. Англія была довольна торговымъ балансомъ, обыкновенно склонявшимся въ ея пользу; хотя, какъ колонія, Америка была потеряна, однако англійскій торговый людъ радовался прекращенію войны, снова отрывавшему для британскаго купечества выгодный рынокъ сбыта. Но у Англіи неожиданно явился опасный соперникъ.

Геройская война потребовала напряженія всѣхъ силъ народа; страна обременила себя государственными долгами; налоги поступали только съ большими затрудненіями, и даже не было денегъ для своевременной уплаты процентовъ по займамъ. Надо было создать новый источникъ доходовъ, и на такой источникъ указали отрасли промышленности, возникшія во время войны.

Почти отрѣзанная отъ всемірнаго рынка, Америка успѣла развить во время войны нѣкоторыя отрасли производства; началась значительная разработка рудниковъ желѣза, возникли стекольные заводы, писчебумажныя и другія фабрики. Какъ только былъ заключенъ миръ, на американскомъ рынкѣ появились англійскіе товары, побивавшіе дешевизной туземныя издѣлія, и промышленники подняли вопль „о гибели, которую Англія, не имѣвшая успѣха на войнѣ, несетъ имъ теперь въ формѣ мирныхъ торговыхъ сношеній“. Эти вопли привели къ таможенному тарифу 1789 года. Въ преніяхъ, которыя предшествовали этому закону, и въ законодательныхъ собраніяхъ, и въ печати, ярко обнаружались различія интересовъ отдѣльныхъ мѣстностей страны и различныя побужденія, заставлявшія ихъ желать покровительственныхъ законовъ. Пенсильванія, ссылаясь на развитіе своихъ мануфактуръ по переработкѣ желѣза, требовала налога на желѣзные издѣлія; южные штаты, исключительно земледѣльческіе, противились податямъ на желѣзо и сталь, которыя должны были удорожить сельскому хозяину машины и орудія. Но южные штаты, въ свою очередь, требовали налога на пеньку, ссылаясь на невыгодность воздѣлыванія риса и индиго, — а Пенсильванія возставала противъ этого налога, какъ сырого матеріала для бичевы и корабельныхъ снастей, и требовала ихъ обложенія. Новая же Англія вопила противъ обложенія бичевы, дававшей сырой матеріалъ для ея корабельнаго дѣла, и ходатайствовала о налогѣ на привозныя суда. Предметомъ ожесточенныхъ споровъ было обложеніе рома. Весь югъ, за исключеніемъ Георгіи, требовалъ высокаго налога на ромъ для пополненія государственнаго казначейства; срединные штаты также хотѣли его, но уже въ интересахъ противодѣйствія пьянству; а восточные — видѣли въ немъ мѣру покровительства ихъ заводамъ, изготовляющимъ ромъ. Георг-

гія же противилась этому налогу, такъ какъ она покупала и потребляла огромное количество рома. Новая Англія и Виргинія, развивавшія у себя кораблестроеніе, требовали навигаціоннаго акта, который способствовалъ бы туземному судостроенію, а другіе штаты, не имѣя въ средѣ своей собственниковъ кораблей, а только плательщиковъ фрахтовъ, возставали противъ него. Такъ стояло дѣло по отношенію и ко всѣмъ другимъ статьямъ таможеннаго тарифа.

И вотъ явился на свѣтъ тарифъ 1789 года. Въ предисловіи въ закону было сказано, что установленіе цѣлаго ряда таможенныхъ налоговъ вызывается необходимостью уплатить государственные долги и поддержать туземную промышленность. Этотъ законъ, имѣя временное значеніе, долженъ былъ дѣйствовать только до 1796 года. А размѣры налоговъ, установленныхъ *ad valorem*, были опредѣлены въ $8\frac{1}{2}\%$. Законодатель былъ очень возвышеннаго мнѣнія о гражданскихъ доблестяхъ американцевъ: высказывалось, напр., убѣжденіе, что налогъ не будетъ поощрять контрабанды, такъ какъ „добродѣтели американскихъ гражданъ слишкомъ закалены, чтобъ бояться искушенія“ ¹⁾.

Но законодатель, обѣщая черезъ нѣсколько лѣтъ отмѣнить таможенные налоги, не имѣлъ яснаго представленія о сферѣ своей дѣятельности: онъ забывалъ, что однѣ льготы, дарованныя въ этомъ направленіи, должны повлечь за собой цѣлый рядъ дальнѣйшихъ льготъ, что правительство, разъ ступивъ на путь покровительства промышленности, никогда не съумѣетъ устоять передъ натискомъ туземныхъ производителей. Такъ и случилось: уже въ слѣдующемъ году налоги были подняты до 11% , а въ 1792—до $13\frac{1}{2}\%$. Въ теченіе 27 лѣтъ, съ 1789 до 1816 года, было издано 17 законовъ, которые касались таможенныхъ налоговъ и обыкновенно увеличивали ихъ.

Промышленники, склонявшіе въ эту сторону отечественное законодательство, нашли могущественную поддержку въ лицѣ Гамильтона, который далъ покровительственной политикѣ научное оправданіе. Гамильтонъ выступалъ съ упрочившимся авторитетомъ мудраго государственнаго мужа. Патріотизмъ его стоялъ внѣ сомнѣній. Его экономическія воззрѣнія были полны ошибокъ, относительно вопросовъ о деньгахъ, кредитѣ, но онъ говорилъ просто, ясно и подкупалъ массы согражданъ своимъ страстнымъ желаніемъ на всѣхъ пунктахъ охранить интересы отечества. Гамильтонъ не отрицалъ многихъ доводовъ, обыкновенно приводимыхъ сторонни-

¹⁾ Lectures, 25.

ками свободной торговли, но признавалъ ее непригодною для Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ другіе народы держатся покровительственной системы. Отстаивая необходимость этой системы для Америки, Гамильтонъ видѣлъ въ ней средство привлечь въ свое отечество европейскихъ колонистовъ, поддержать еще неокрѣпшія отрасли промышленности, понизить цѣны туземныхъ товаровъ и открыть иностранные рынки для американскихъ производителей. Уяснивъ цѣли, къ которымъ стремится покровительство, онъ выработалъ цѣлую систему мѣръ, на основаніи готовыхъ образцовъ, завѣщанныхъ Европѣ еще меркантилистами: таковы, по его мнѣнію, налоги на ввозимые товары, запрещеніе ввоза, преміи, возвратъ акциза при вывозѣ туземныхъ продуктовъ, и т. п. Ученіе Гамильтона, не представлявшее ничего новаго для европейца того времени, имѣло для американца и прелесть новизны, и важность системы, которая объединила и формулировала мнѣнія и пожеланія, наиболѣе распространенныя въ юномъ американскомъ обществѣ. Ясно, что, при всѣхъ послѣдующихъ законодательныхъ работахъ надъ таможеннымъ тарифомъ, книга Гамильтона была источникомъ, откуда государственные люди, публицисты и промышленники почерпали свои важнѣйшіе доводы.

Въ 1816 г. былъ полный пересмотръ тарифа, доведшій налоги до 30% съ цѣны ввозимыхъ товаровъ. 1824 годъ принесъ новый пересмотръ таможеннаго законодательства. Пренія въ конгрессѣ обнаружили, что нѣкоторые депутаты, отстаивая покровительство одной отрасли промышленности, послѣдовательно и краснорѣчиво развивали воззрѣнія фритредерства по отношенію къ другимъ отраслямъ. Нѣкто Уэбстеръ, руководимый узко-мѣстными интересами, требовалъ покровительства кораблестроенію, но энергически возставалъ противъ обложенія иностраннаго желѣза. „Говорятъ, что нашему народу ничего не будетъ стоить добываніе желѣза изъ нашей руды; — говорятъ, что мы не должны уступать крѣпостнымъ Россіи или Швеціи прибыль, которая можетъ быть получена отъ снабженія нашего рынка желѣзомъ. Я же заявляю, что эти крѣпостные, именно потому, что они — крѣпостные, зарабатываютъ не болѣе 7 центовъ въ день. Чтò же, спрашиваю я соотечественниковъ, неужели въ нашей странѣ есть рабочія руки, которыя не могутъ быть употребляемы за болшую плату, чѣмъ семь центовъ въ день? Главная причина, въ силу которой неполитично было бы заставлять нашихъ гражданъ производить собственное желѣзо, — та, что они могутъ имѣть гораздо болѣе выгодную работу... Будемъ же покупать иностранное желѣзо, а сосредоточимъ свои силы на другихъ отрасляхъ, дающихъ лучшее

вознагражденіе нашему труду“ ¹⁾. Но эти отдѣльные голоса имѣли тѣмъ менѣе вліянія, что исходили отъ лицъ, въ другихъ случаяхъ проникнутыхъ вождѣльніями протекціонизма, и таможенный тарифъ 1824 года поднялъ налоги до 37⁰/о. Но и это не удовлетворило промышленниковъ: въ дружномъ хорѣ протекціонистовъ особенно громко раздавались требованія производителей шерстяныхъ издѣлій, и законодательство, уступая давленію, повысило тарифъ до 41⁰/о.

Съ 30-хъ гг. въ печати началось замѣтное движеніе въ пользу свободной торговли. Въ 1829 г. Рагетъ сталъ издавать журналъ „Защитникъ свободной торговли“. Журналъ велся очень талантливо и имѣлъ довольно много читателей. Но масса американскаго народа не могла быть склонена въ эту сторону: цѣлое поколѣніе гражданъ, дорожащихъ свободой почти во всѣхъ сферахъ частной и общественной жизни, было воспитано подъ вліяніемъ запретительной таможенной политики: понятно, что протекціонисты Нильсъ и особенно Кэри давали тонъ и служили дѣлу протекціонизма въ той же мѣрѣ, какъ Гамильтонъ служилъ ему для предыдущаго поколѣнія. Фритредеры имѣли могущественныхъ соперниковъ: Кэри, со свойственнымъ ему искусствомъ строить блестящіе парадоксы, ссылаясь на Турцію и Остъ-Индію, благосостояніе которыхъ было въ корнѣ подорвано свободнымъ ввозомъ англійскихъ товаровъ, или на мѣтуенскій торговый договоръ между Португаліей и Англіей, нанесшій первой непоправимый ущербъ. Кэри увлекалъ читателей своей искусной діалектикой, однако фритредерство сдѣлало небольшія завоеванія, и въ 1857 году тарифъ былъ пониженъ въ среднемъ до 20¹/₄⁰/о.

Началась междоусобная война; нужно было пополнить государственное казначейство, и вотъ въ 1862—65 гг. тарифъ подвергался нѣсколько разъ пересмотрамъ и достигъ средней высоты въ 50, а затѣмъ и 90⁰/о. Съ 70-го года началось пониженіе, которое довело въ 1875 г. среднюю высоту налоговъ до 38¹/₂⁰/о. Но и теперь нѣкоторые издѣлія (железные, хлопчатобумажные) платятъ болѣе 50⁰/о.

III.

Американская экономическая литература соврѣла подъ замѣтнымъ вліяніемъ меркантилизма. Гамильтонъ и Кэри—вотъ наи-

¹⁾ Тамъ же, 42.

богѣ вліятельные ея вожди. Обоснованный теоретически, взлѣбанный и упроченный самой американской жизнью, протекціонизмъ былъ воспринятъ и большинствомъ позднѣйшихъ писателей; назовемъ только извѣстнѣйшихъ: Гримъ, Томсонъ, Перри. Но вліяніе Адама Смита, подкрѣпленное дѣятельностью Кобдена и Брайта, съ одной стороны, и Милля и Бастіа, съ другой, не прошло безслѣдно и для Америки. За послѣдніе годы вліяніе это сдѣлало чрезвычайные успѣхи, сказавшись въ трудахъ даровитѣйшихъ американскихъ экономистовъ—Сомнера, Уэльса и особенно Генри Джорджа. Эти писатели, въ своей борьбѣ съ покровительственной политикой, держатся двухъ приемовъ: 1) они приводятъ аргументы старыхъ и новыхъ англійскихъ и французскихъ теоретиковъ (нѣмецкая литература очень мало знакома американскимъ экономистамъ)—Смита, Рикардо, Сеньора, Сэя, Бастіа и другихъ, нерѣдко дополняя или поясняя ихъ своими, обыкновенно остроумными соображеніями, и 2) оцѣнивая американскій хозяйственный бытъ, доказываютъ вредное вліяніе протекціонизма на разныхъ явленіяхъ изъ жизни Соединенныхъ Штатовъ.

Въ кругѣ вопросовъ о протекціонизмѣ, однимъ изъ важнѣйшихъ является тотъ, можетъ ли законодатель, проникнутый началами покровительственной политики, имѣть для своей дѣятельности какою-нибудь твердую точку опоры: можетъ ли онъ точно намѣтити тѣ отрасли промышленности, которыя нуждаются въ покровительствѣ, и предѣлы, дальше которыхъ покровительство оправдано быть не можетъ? Въ этихъ обоихъ отношеніяхъ законодатель бродитъ совершенно во тьмѣ. Пока правительство не стало на этотъ путь, — всѣ производители (благопріятно ихъ положеніе или невыгодно) находятся въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Но вотъ нашли нужнымъ поощрить желѣзодѣлательную промышленность и для этого обложить податью желѣзные издѣлія, привозимыя изъ-за границы. Желѣзо въ сыромъ видѣ еще остается свободнымъ и даетъ дешевый матеріалъ для производства, которое первое стало предметомъ нѣжнѣйшихъ попеченій законодателя. Однако несовершенство способовъ добыванія желѣзной руды и ея выплавки не позволяетъ туземному желѣзу соперничать съ иностраннымъ: владѣльцы рудниковъ и доменныхъ печей несутъ убытки, осаждаютъ правительство съ ходатайствами оказать и имъ такую же поддержку и получаютъ пріятный подарокъ—налоги на ввозимыя желѣзную руду и желѣзо не въ дѣлѣ. Теперь эти обѣ отрасли удовлетворены: рудники и заводы работаютъ на всѣхъ парахъ, а владѣльцы ихъ собираютъ съ потребителей обиль-

ную жатву. Тогда вся эта компанія образуетъ одинъ тѣсно-сплоченный кружокъ и не можетъ нарадоваться, что цѣны издѣлій поднялись, а каменный уголь дешевле. Но радость ихъ непродолжительна: барыши владѣльцевъ каменно-угольныхъ копей достигали 20—30%, теперь же вдругъ понизились до 8—10: за границей поставляютъ на туземный рынокъ болѣе дешевый уголь. Опять заскрипѣли перья, и опять къ правительству полился цѣлый потокъ ходатайствъ, въ которыхъ владѣльцы копей, заботясь прежде всего „о судьбахъ отечества, о заработкахъ бѣднѣйшаго люда“, просятъ удорожить для своихъ соотечественниковъ уголь установленіемъ таможенного налога. И этимъ отказать нельзя: они такъ любятъ свое отечество и такъ заботятся о нуждахъ своихъ рабочихъ! Послѣдніе просители удовлетворены, а владѣльцы желѣзодѣлательныхъ заводовъ и рудниковъ видятъ, что ихъ ликованія были преждевременны. „За что это? чѣмъ мы хуже ихъ? отчего только они заслужили такую льготу?“ Такъ кричатъ фабриканты бумажныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ издѣлій, сахаровары, кожевники, портные, сапожники, парикмахеры и др. На повѣрку оказывается, что всѣ эти господа и не худшіе патріоты, чѣмъ владѣльцы рудниковъ желѣза или угля, и не хуже послѣднихъ служатъ дѣлу развитія отечественнаго производства, и не хуже ихъ „заботятся о судьбахъ бѣднѣйшихъ классовъ“. Словомъ, на сторонѣ этихъ господъ есть все, побуждающее законодателя удовлетворить ихъ ходатайство. И такъ тянется до безконечности: законодателю нѣтъ иного выхода, какъ со словаремъ въ рукахъ устанавливать налоги на всѣ иностранныя издѣлія. Онъ развертываетъ словарь и, начиная съ буквы *а*, устанавливаетъ таможенные подати на *апельсины, абрикосы, арбузы, аспидныя доски*, и т. д. Но законодатель не имѣетъ точки опоры при установленіи высоты налога: высота, конечно, можетъ быть опредѣлена не канцелярскимъ путемъ, не правительственными чиновниками, а только самими заинтересованными лицами; но послѣднія имѣютъ въ виду исключительно свои частныя интересы: одинъ, ведя свой промыселъ болѣе или менѣе удачно, готовъ довольствоваться таможенными налогами въ 20% *ad valorem*; промышленникъ не столь удачный въ дѣлахъ требуетъ уже 40%. Это сказалось съ полной ясностью въ американскомъ конгрессѣ при пересмотрѣ таможенного тарифа въ 1882 году; проекты, облагавшіе ввозные товары всего 10%, претерпѣвали поправки, которыя доводили налоги, въ отдѣльныхъ случаяхъ, до 40—50—80% ¹⁾.

1) Ср. *George*, назв. соч., и *Somner*, *Protectionism*, 29—30.

Въ какой же мѣрѣ покровительственная политика способствуетъ развитію естественныхъ богатствъ данного народа? Въ отвѣтъ на это Сомнеръ даетъ намъ такую картину съ натуры. Положимъ, американецъ нашелъ желѣзную руду, а привозное желѣзо не подлежитъ налогу. Американецъ начинаетъ не съ того, чтобъ приобрести машины, орудія и приступить къ разработкѣ руды; нѣтъ: онъ ѣдетъ въ Вашингтонъ, направляется къ министру и заводитъ съ нимъ такую рѣчь. *Нашедшій*.— „Г. министръ, я нашелъ на своей землѣ желѣзную руду“. *Министръ*.— „Въ самомъ дѣлѣ? вы приносите добрыя вѣсти: значитъ, наше отечество имѣетъ больше естественныхъ богатствъ, чѣмъ предполагали“. *Нашедшій*.— „Да, и я хочу приступить къ разработкѣ“. *Министръ*.— „Прекрасно, совѣтую вамъ не медлить; мы будемъ очень рады услышать, что вы разбогатѣли“. *Нашедшій*.— „Это возможно; но теперь я получаю доходъ отъ труда на поверхности земли, и боюсь, что разработка руды дастъ мнѣ меньше, чѣмъ сельское хозяйство“. *Министръ*.— „Это другое дѣло; хорошенько рассмотрите всѣ условія и не мѣняйте лучшаго промысла на менѣе выгодный“. *Нашедшій*.— „Однако я хотѣлъ бы добывать желѣзо; мнѣ кажется нецѣлесообразнымъ оставлять его въ нѣдрахъ земли, когда мы ввозимъ иностранное желѣзо; но, при теперешнихъ цѣнахъ заграничнаго желѣза, нельзя съ прибылью разрабатывать найденную руду. Хорошо было бы установить налогъ на все ввозимое желѣзо; тогда я имѣлъ бы достаточную прибыль и могъ бы оставить сельское хозяйство, чтобъ исключительно заняться разработкой открытой руды“. *Министръ*.— „Вы сами не знаете, чего просите: исполнить ваше желаніе—значитъ установить въ вашу пользу налоги на вашихъ сосѣдей и заставить ихъ нести тотъ рискъ, который вы не хотѣли принять на себя“. *Нашедшій* (въ сторону).— „Я говорилъ съ этимъ господиномъ не тѣмъ языкомъ, который необходимъ въ этихъ случаяхъ; начну сызнова (громко):—Г. министръ, естественныя богатства страны должны быть развиваемы. Нужно оказывать покровительство американской промышленности. Надо избавить американскаго работника отъ необходимости соперничать съ дешевымъ трудомъ Европы“. *Министръ*.— „Теперь я понимаю васъ: дѣльно сказано. Почему вы прямо этого не сказали? Какихъ размѣровъ налогъ нуженъ вамъ?“—И вотъ, въ ближайшемъ будущемъ послѣ этой задушевной бесѣды, потребитель узнаетъ, что тонна желѣза стоитъ тридцать бушелей пшеницы вмѣсто двадцати. „Почему? что случилось?“—спрашиваетъ онъ. „Развѣ вы не слыхали?“—отвѣчаютъ ему:—въ Пенсильваніи нашли новые

рудники; мы имѣемъ новыя естественныя богатства“ ¹⁾.—И Сомнеръ, приводя этотъ остроумный разговоръ, ссылается на американскую жизнь, которая изо дня въ день приноситъ подобные сюрпризы. По мѣрѣ того, какъ открывались въ Америкѣ рудники мѣди, никкеля, эти металлы вносились въ списокъ подлежащихъ таможеннымъ налогамъ. „Теперь свободно ввозится изъ-за границы только одинъ металл—олово. Но говорятъ, что открыты рудники олова въ Западной Виргиніи и Дакотѣ. Будемъ надѣяться, что эти слухи ложны, такъ какъ иначе въ ближайшемъ будущемъ насъ ожидаетъ 40%-ный налогъ на олово“ ²⁾.

Въ тѣсной связи съ этимъ несостоятельнымъ доводомъ протекціонисты прибѣгаютъ и къ другому: ихъ система, говорятъ они, насаждаетъ промышленность. Но подъ промышленностью разумѣется такое соединеніе труда и капитала, которое служитъ къ удовлетворенію какихъ-либо нуждъ обществія. Человѣкъ создаетъ новую промышленность, если открываетъ какую-нибудь ранѣ неизвѣстную силу природы или изобрѣтаетъ новое орудіе, или изыскиваетъ болѣе удобные способы воздѣлывать растенія или воспитывать животныхъ и т. п. Словомъ, новая отрасль промышленности создается дѣятельностью мозга. Но какъ можетъ налогъ выполнить этотъ трудъ? Наблюдая различныя мѣстности и разныя общественныя группы, мы видимъ, что населеніе часто мѣняетъ одно занятіе на другое, именно потому, что послѣднее болѣе выгодно. Въ такихъ случаяхъ вовсе нѣтъ надобности во вмѣшательствѣ протекціонизма; но когда перемѣна невыгодна, тогда только нужно искусственное насажденіе. Такимъ образомъ, творчество, которымъ гордится протекціонизмъ, созданіе новыхъ промысловъ, есть не болѣе, какъ наслоеніе отрасли промышленности, менѣе выгодной, сверхъ той, которая развивалась естественно. Можно искусственно насаждать дома для умалишенныхъ, для призрѣнія бѣдныхъ, темницы; но всѣ эти учрежденія имѣютъ только отрицательное значеніе въ хозяйствѣ. Фабрики же, заводы и рудники всего успѣшнѣе развиваются помимо правительственнаго вмѣшательства.

Совсѣмъ такое же значеніе имѣетъ доводъ, будто протекціонизмъ поднимаетъ заработную плату. Спросите по этому поводу отдѣльныхъ промышленниковъ и рабочихъ, и они, имѣя въ виду одну только сторону дѣла, признаютъ за налогомъ такое вліяніе. Сапожникъ скажетъ, что онъ получаетъ, благодаря налогу, болѣ-

¹⁾ Protectionism, 49—51.

²⁾ Тамъ же, 58.

шую сумму за обувь, портной—за платье; но если принять въ расчетъ положеніе этихъ лицъ, какъ потребителей, то окажется, что они теряютъ въ той же мѣрѣ, какъ раньше выигрывали при продажѣ издѣлій, ибо, какъ покупатели, они за множество товаровъ, быть можетъ за всѣ товары, переплачиваютъ на всю сумму налога.

Опровергая, такимъ образомъ, главные доводы протекціонистовъ, американскіе писатели выдвигаютъ цѣлый рядъ новыхъ аргументовъ, для построенія которыхъ Соединенные Штаты даютъ особенно обильный матеріалъ. Національныя или государственныя единицы, — утверждаютъ Сомнеръ и Джорджъ, — не совпадаютъ съ хозяйственными единицами. Чѣмъ болѣе государство, какъ цѣльное политическое тѣло, обособляется отъ другихъ въ своей хозяйственной дѣятельности, тѣмъ менѣе оно имѣетъ данныхъ для экономическаго развитія: китайцы изобрѣли порохъ и компасъ, но не сумѣли дѣлать ружья и развитъ кораблестроеніе. Разсматривая составныя части одного обширнаго государства, мы видимъ, что каждая имѣетъ свои особенности экономическаго быта, которыя рѣзко отличаютъ ее отъ сосѣднихъ мѣстностей той же страны. Покровительственная политика, ограждающая, напр., провинціи, которыя обрабатываютъ желѣзо, въ высшей степени тягостна для другихъ, которыя не имѣютъ этого производства.

Протекціонисты боятся обыкновенно переполненія рынка иностранными товарами. Эта наивная боязнь можетъ вызывать только улыбку. Естественно бояться эпидеміи, пожара, наводненія; но какъ бояться избытка товаровъ, избытка богатства, которое и есть главная цѣль всѣхъ нашихъ хозяйственныхъ усилій? Какъ бояться, что у меня будутъ лишніе часы, у жены моей лишнее платье, у дѣтей моихъ лишнія игрушки? Если иностранцы запрудятъ нашъ рынокъ своими товарами даромъ, то можно только поблагодарить ихъ, такъ какъ они сэкономятъ намъ извѣстное количество труда. Въ дѣйствительности этого, однако, не бываетъ: они навезутъ намъ товаровъ въ обмѣнъ на наши товары, ввозу будетъ соответствовать вывозъ; значитъ, переполненіе нашего рынка заграничными издѣліями не можетъ сократить туземную промышленность ¹⁾.

Но, быть можетъ, покровительственная политика полезна для промышленности въ періодѣ ея младенчества? Факты показываютъ, что покровительствуемыя отрасли остаются младенцами всю жизнь. Можно смѣло утверждать, что еслибы въ Америкѣ вовсе не былъ

¹⁾ George, тамъ же, стр. 136.

извѣстенъ протекціонизмъ, такая обширная страна, какъ Соединенные Штаты, не могла бы быть исключительно земледѣльческимъ государствомъ, а развила бы у себя разныя отрасли обрабатывающей промышленности. Въ каждой мѣстности упрочились бы тѣ производства, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ ея естественнымъ условіямъ: при господствѣ свободной торговли, въ странѣ образовались бы округа хлопчатобумажной промышленности, желѣзодѣлательной, шерстяной; несомнѣнно, мы вывозили бы многіе изъ этихъ товаровъ. Но допустимъ даже, что, при господствѣ свободной торговли, Америка была бы исключительно земледѣльческой страной. Развѣ это служило бы къ непремѣнному нашему ущербу? Думать, что страна, имѣющая, кромѣ земледѣлія, и мануфактуры, непремѣнно процвѣтаетъ, равносильно убѣжденію, что всѣ люди высокаго роста пользуются и хорошимъ здоровьемъ. Благосостояніе не связано непремѣнно съ какой-либо отраслью производства. Задача состоитъ не въ томъ, чтобы умножать, разнообразить отрасли промышленности, но чтобы разнообразить удобства и наслажденія жизни: не важно производить обувь, одежду, утварь, но важно имѣть къ своимъ услугамъ всѣ эти предметы въ должномъ количествѣ и разнообразнаго качества; а если это можетъ быть скорѣе достигнуто сведеніемъ промышленности къ немногимъ отраслямъ, тѣмъ внесеніемъ въ нее большаго разнообразія, то и слѣдуетъ предпочесть первое. Этотъ вопросъ, примѣнительно къ отдѣльнымъ странамъ, можетъ быть рѣшаемъ только въ связи со всѣми мѣстными условіями. Возьмемъ, напр., Пенсильванію. Она имѣетъ три главныхъ промысла: сельское хозяйство, рудное дѣло и нефтяные источники. Теперь источники нефти такъ обильны, что этотъ штатъ посвящаетъ нефтяному дѣлу главную массу труда своего населенія; но когда источники изсякнутъ, тогда будетъ въ промышленности большее дифференцированіе. Съ этимъ вопросомъ связанъ и предразсудокъ, будто мануфактуры поднимаютъ цѣну земли. Мануфактуры, развившіяся естественнымъ путемъ, конечно, имѣютъ такое вліяніе; но тѣ, которыя создаются покровительственной политикой, только насильственно перетягиваютъ капиталъ изъ одной мѣстности страны въ другую. Подобное явленіе можно наблюдать во всѣхъ промышленныхъ штатахъ Америки, особенно въ Коннектикутѣ: таможенная политика отвлекаетъ населеніе деревень въ города, уменьшаетъ цѣну сельско-хозяйственныхъ участковъ и увеличиваетъ стоимость городской земли.

Какъ же отнестись къ аргументу, будто протекціонизмъ, увеличивая число рабочихъ въ обрабатывающей промышленности,

уменьшаетъ число ихъ въ земледѣліи и тѣмъ освобождаетъ сельскихъ хозяевъ отъ излишнихъ соперниковъ? Къ Америкѣ это положеніе потому непримѣнимо, что сюда ежегодно вселяется гораздо больше эмигрантовъ (которые посвящаютъ себя земледѣлію), нежели число туземцевъ, отливающихъ отъ сельскаго хозяйства въ разныя отрасли обрабатывающей промышленности.

Доводъ протекціонизма, что отказъ отъ покровительственной политики погубить промышленность Америки, принадлежитъ къ нелѣпостямъ, которымъ могутъ вѣрить только дѣти да глупцы. Если промышленность исчезнетъ съ лица земли, то что же будутъ дѣлать американцы? Подъ „гибелью промышленности“ слѣдуетъ разумѣть исчезновеніе тѣхъ отраслей, которыя теперь искусственно поддерживаются тарифомъ, и замѣну ихъ другими, которыя могутъ развиваться безъ всякихъ внѣшнихъ затрудненій. Когда меня спрашиваютъ, удержалось ли бы въ нашей странѣ производство стали, еслибъ ввозная не подлежала налогу, я отвѣчаю, что не знаю, а увѣренъ только въ томъ, что безъ обложенія мы имѣли бы гораздо больше стали.

Защитники протекціонизма нерѣдко подкрѣпляютъ свое положеніе пожеланіями свойства филантропическаго или патріотическаго. Говорятъ, напр., что полезно создавать новыя отрасли промышленности, даже съ убыткомъ для себя, чтобы доставлять занятіе всѣмъ ремесленникамъ; что только протекціонизмъ даетъ такое развитіе всѣмъ отраслямъ народнаго труда, что государство, имѣя возможность „довлѣть самому себя“, становится вполне независимымъ отъ другихъ народовъ. Я отрицаю филантропію въ дѣлѣ развитія промышленности. Филантропія должна имѣть мѣсто при созданіи такихъ учрежденій, какъ больницы, пріюты, тюрьмы; нужно относиться съ сожалѣніемъ и любовью къ бѣднымъ, престарѣлымъ, преступникамъ и стараться облегчить ихъ участь. Но разумно ли такое отношеніе къ промышленной жизни, которая вся вытекаетъ изъ присущихъ человѣку потребностей и стремленія ихъ удовлетворить?

Нельзя отстаивать протекціонизмъ и съ той точки зрѣнія, будто онъ необходимъ для юныхъ народовъ въ ихъ хозяйственной борьбѣ съ народами старой культуры. Преимущество въ этой борьбѣ даетъ не большая или мѣньшая древность культуры, а необходимость для рынка товаровъ, которые поставяетъ данная страна. Если она производитъ сырые матеріалы, на которыхъ зиждутся главныя отрасли обрабатывающей промышленности, то ея положеніе особенно выгодно: на эти товары есть почти всегда болѣе сильный запросъ, чѣмъ на фабрикаты. Америка, снабжаю-

щая многія страны пшеницей и другими средствами продовольствія, хлопчатой бумагой, питающей одну изъ главныхъ вѣтвей фабричнаго труда, керосиномъ, который вытѣснилъ многіе освѣтительные матеріалы, и, наконецъ, табакомъ, этимъ излюбленнымъ и общераспространеннымъ предметомъ прихоти, — Америка стоитъ на рынкѣ такъ прочно, что не можетъ завидовать какому-либо народу.

Американскіе писатели возстаютъ и противъ положенія (защищаемого и нѣкоторыми новѣйшими англійскими экономистами, напр. Сиджвикомъ), будто таможенные налоги уплачиваются иностранцами производителями; такимъ образомъ, эти налоги и защищаютъ туземную промышленность, и вознаграждаютъ страну за расходы, которые причиняетъ ей покровительство. Это положеніе можетъ быть пояснено слѣдующимъ примѣромъ. Допустимъ, что установленъ на иностранныя шелковые ткани таможенный налогъ въ размѣрѣ 10⁰/₀ съ цѣны, и что этотъ налогъ поднялъ цѣну туземныхъ шелковыхъ издѣлій на 5⁰/₀. Положимъ, что все годовичное потребленіе составляетъ 1 милліонъ аршинъ. Если $\frac{1}{2}$ милліона доставляется внутренними производителями, а другая половина — ввозными тканями, то потребители переплатятъ 5⁰/₀, но будутъ за это вознаграждены суммами отъ 10⁰/₀ таможенного налога, которыя, поступая въ государственную казну, послужатъ также для потребностей населенія. Этотъ примѣръ обставленъ столь многими условіями, что не можетъ точно соответствовать дѣйствительной жизни. Дабы излишній расходъ потребителей шелковыхъ тканей былъ покрытъ суммами налога, необходимо, чтобы: 1) повышеніе цѣны не уменьшило потребленія; 2) налоги могли понизить цѣну шелковыхъ товаровъ, привозимыхъ въ данную страну, въ мѣстахъ ихъ производства; 3) чтобы товаръ, по пониженіи цѣны, не былъ худшаго качества, и т. п. Всѣ эти предположенія не соответствуютъ дѣйствительности. Если согласиться съ предположеніемъ, что въ конечномъ итогѣ эти налоги уплачиваются не туземцами, а иностранцами, то надо заключить, что Англія, отказавшаяся отъ покровительственнаго тарифа съ 1850 г., но ввозящая свои товары въ страны съ покровительственными налогами, сама уплачиваетъ эти налоги и быстро идетъ къ окончательному разоренію.

Съ особенной энергіей возстаютъ названные писатели противъ положенія, что протекціонизмъ оказываетъ на гражданъ воспитательное вліяніе. Получается, повидимому, такая мораль: фритредеры, совѣтующіе людямъ дѣлать то, что легче, портятъ ихъ нравственность; а протекціонисты, приучая гражданъ къ болѣе

тяжелой работѣ, дисциплинируютъ ихъ. Ученіе протекціонистовъ, изложенное на общепонятномъ языкѣ, можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: „Если у меня отнимутъ мой заработокъ и дадутъ его моему сосѣду, который истратитъ его на себя, то общество получить крупную нравственную выгоду; — эта выгода будетъ утрачена, если я удержу мой заработокъ и употреблю его для себя“ ¹⁾. Развѣ факты не опровергаютъ на каждомъ шагу этого положенія? Развѣ человекъ не отличается умѣренностью, добропорядочностью и трудолюбіемъ, когда живетъ на собственный заработокъ, и развѣ онъ не становится лѣнивымъ, расточительнымъ, склоннымъ къ роскоши, когда живетъ на заработки другихъ? Нѣтъ, протекціонизмъ не можетъ быть оправданъ отъ упрека въ развращающемъ влияніи, которое онъ имѣетъ на массу народа. Онъ дѣлаетъ для многихъ издѣлиемъ достиженіе въ промыслѣ значительнаго искусства; онъ внушаетъ довѣріе къ монополіямъ и запрещеніямъ, вмѣсто того, чтобъ поддерживать вѣру въ свободную предпримчивость и личную энергію. А потому, умъ людей часто направляется не на полезныя изобрѣтенія, а на составленіе въ торговлѣ и промышленности разныхъ искусственныхъ комбинацій.

III.

Наряду съ общими положеніями, фритредеры вооружаются противъ утвержденія протекціонистовъ, будто процвѣтаніе Соединенныхъ Штатовъ должно быть приписано запретительной системѣ. Съ цифрами въ рукахъ, относительно возрастанія населенія, оборотовъ по внѣшней торговлѣ, фабрикъ, заводовъ и желѣзныхъ дорогъ, стараются доказать, что Америка процвѣтаетъ при покровительственной политикѣ больше, чѣмъ то было бы при полной свободѣ внѣшней торговли. При этомъ строятъ софизмъ на софизмъ и обнаруживаютъ полную нелогичность мышленія.

Слѣдуетъ помнить, что Соединенные Штаты получили въ наслѣдство нетронутымъ цѣлымъ материкъ. Нынѣ живущее поколѣніе, въ значительной массѣ своей, воздѣлываетъ землю, на которой отъ начала міра не была собираема жатва. Населеніе рѣдко: въ Бельгіи плотность составляетъ 481 душу на квадратную милю, въ Англіи и Уэльсѣ—446, во Франціи—180, а въ Америкѣ—только 15. Статистика вычисляетъ, что мелкій сельскій хо-

¹⁾ Somner, T. ж., 145.

зяннѣ, для удовлетворенія потребностей своей семьи, долженъ имѣть въ лучшей части Англіи $4\frac{1}{2}$ —6 акровъ, а въ худшей—9—45. Вся земля Англіи и Уэльса, раздѣленная поровну между жителями, дала бы 7 акровъ на семью, а въ Соединенныхъ Штатахъ—на семью пришлось бы 215 акровъ. Къ изобилію земли нужно присовокупить и другіе дары природы, которыми надѣлены Соединенные Штаты: превосходный климатъ, горы, богатые каменнымъ углемъ и разнообразными рудами, естественные пути по многоводнымъ озерамъ и рѣкамъ, морской берегъ, изобилующій гаванями, среди которыхъ многія должны быть отнесены къ лучшимъ въ мірѣ. Прибавимъ къ этому, что американскій народъ имѣетъ много качествъ, особенно важныхъ для успѣховъ въ хозяйствѣ. Науки и искусства пользуются общимъ признаніемъ и почетомъ. „Мы,—говоритъ Уэльсъ,—процвѣтаемъ сравнительно со старыми народами. Какъ же при всемъ этомъ отнестись къ словамъ государственнаго мужа, который заявляетъ, что причиной нашего благосостоянія служатъ не всѣ перечисленные условія, а только покровительственный тарифъ? Въ отвѣтъ на такое заявленіе нужно замѣтить, что мы въ чрезвычайной степени превосходимъ благосостояніемъ тѣ народы, которые имѣютъ, подобно намъ, покровительственный тарифъ, но наши преимущества очень мало замѣтны сравнительно съ тѣми странами, которыя усвоили систему свободной торговли и, благодаря ей, въ значительной степени смягчили невыгоды слишкомъ густого населенія. А если такъ, то наши успѣхи слѣдуетъ приписывать тѣмъ свойствамъ, которыми надѣлили насъ Богъ и природа, которыя дѣйствовали бы еще болѣе могущественно, еслибы законодатель не ослаблялъ этого вліянія. Пока рабство не было уничтожено, Соединенные Штаты все-таки процвѣтали; почему же не видѣть въ рабствѣ источника нашего процвѣтанія? Наше богатство, какъ и богатство вообще, есть слѣдствіе цѣлесообразнаго пользованія трудомъ и капиталомъ. Народъ работаетъ, а сборщики податей урываетъ кое-что отъ этой работы. Употребляютъ ли съ пользой доли народнаго богатства, оторванныя податями, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ онѣ уменьшаютъ богатство. Поэтому можно называть богатствомъ народа все то, что онъ произвелъ, за исключеніемъ доли которую у него отняли налоги. Но члены нашихъ законодательныхъ собраній имѣютъ очень невысокій идеалъ необходимаго и достижимаго для человѣка благосостоянія. Они довольствуются тѣмъ, что мы лучше удовлетворяемъ свои потребности, чѣмъ европейцы. Но развѣ это соотвѣтствуетъ представленію объ идеалѣ? Каково бы, однако, ни было представленіе законодателей о нормальномъ среднемъ благосостояніи людей, какъ бы много

ни обѣщали странѣ протекціонисты отъ принятія или сохраненія покровительственной политики, всѣ эти пожеланія такъ же мало способны увеличить богатство народа, какъ самыя искреннія желанія писателя не могутъ сдѣлать миллионерами его читателей“.

Эта аргументація подкрѣпляется и указаніями на тѣ потери, которыя Соединенные Штаты несли и продолжаютъ нести отъ протекціонизма. Особенные удары нанесла покровительственная политика судостроенію. Удорожаніе матеріаловъ для кораблестроительнаго дѣла крайне неблагоприятно подѣйствовало на развитіе торговаго флота, который совершенно ничтоженъ. Въ 1885 г. по вывозу и ввозу товаровъ Англія имѣла судовъ подъ своимъ флагомъ вмѣстимостью въ 46½ милл. тоннъ, а подъ иностранными—18 милл. (72 и 28%), а Америка имѣла въ томъ же году первыхъ на 6½ милл. тоннъ, а вторыхъ на 25½ милл. (20 и 80%). Другой важной отраслю, также стонущей подъ бременемъ охранительнаго тарифа, является хлопчато-бумажная промышленность. По мнѣнію многихъ англійскихъ промышленниковъ, американское хлопчато-бумажное производство еще нѣсколько уступаетъ англійскому, но недалеко то время, когда Америка будетъ въ этой отрасли страшнымъ соперникомъ Англіи: Соединенные Штаты имѣютъ для этой промышленности туземное сырье, дешевое топливо и т. д. И только таможенные налоги на иностранныя машины и желѣзо удорожаютъ американскія издѣлія и облегчаютъ соперничество англичанамъ. То же можно сказать про американское производство швейныхъ машинъ: швейныя машины были изобрѣтены въ Соединенныхъ Штатахъ и начали съ 50-хъ гг. распространяться по всему свѣту. Однако американцы были скоро вытѣснены со всемірнаго рынка: имѣя дорогое желѣзо и сталь, они не могли продавать машины такъ дешево, какъ англичане и даже нѣмцы, которые и сдѣлались главными поставщиками этихъ товаровъ. Всѣ эти и многіе подобныя примѣры становятся особенно краснорѣчивыми при напоминаніи объ острыхъ и хроническихъ кризисахъ, которые, не взирая на всѣ обѣщанія протекціонистовъ, часто посѣщаютъ Америку и оставляютъ безъ работы нѣсколько сотъ тысячъ людей въ возрастѣ полной рабочей силы. Уэльсъ дѣлаетъ интересное вычисленіе той доли американской промышленности, которая держится по милости покровительственныхъ тарифовъ. По переписи 1880 г., все рабочее населеніе Соединенныхъ Штатовъ достигало 17.400.000. Въ отрасляхъ промышленности, защищаемыхъ таможенными налогами, занято всего 124.000 душъ, т.-е. 7%. Изъ остальной массы на классы, занятые торговлей, личными услугами и вольными профессіями, приходится 33%, а 60%—на классы, занятые произ-

водствомъ матеріальныхъ цѣнностей, не защищенныхъ налогами. Итакъ, въ интересѣ искусственнаго поддержанія промысловъ, которые занимаютъ $\frac{1}{14}$ населенія, облагаются тяжелыми податями 93% и затрудняется сбытъ издѣлій 60% производителей ¹⁾).

IV.

Мы изображаемъ только въ самомъ сжатомъ очеркѣ тѣ доводы, которыми новѣйшіе американскіе экономисты борются съ заблужденіями протекціонизма. Наше отечество представляетъ много сходнаго съ условіями жизни огромнаго заатлантическаго государства. Обширность, разнообразіе климатовъ, обиліе водныхъ путей и т. д., даютъ намъ большое сходство между обоими народами въ условіяхъ физико-географическихъ. Оба народа, какъ поставщики, главнымъ образомъ, сырыхъ матеріаловъ, занимаютъ сходныя мѣста на всемірномъ рынкѣ. Можно указать на сходство и въ томъ отношеніи, что въ обѣихъ странахъ—въ Америкѣ за послѣднія 100 лѣтъ, въ Россіи отъ временъ Петра Великаго — послѣдовательно, за небольшими отклоненіями, проводятся начала покровительственной политики. Но, отмѣчая сходства, нужно указать и на чрезвычайныя различія въ судьбахъ обоихъ народовъ. Помимо рѣзкой разницы въ условіяхъ чисто политическихъ, мы обобщимъ, съ точки зрѣнія хозяйственной, всѣ различія такимъ образомъ: *американцы дѣлали и дѣлаютъ многое для пользованія естественными дарами своей земли; мы же въ этомъ направленіи дѣлаемъ мало и неумѣло.*

Благодаря полной свободѣ передвиженія, американцы заселяютъ тѣ мѣста своего отечества, которыя имѣютъ наиболѣе плодородную почву, а потому и могутъ поднимать производительность земледѣльческаго труда; работая усиленно надъ сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ, они дѣлаютъ многое и для улучшенія водныхъ системъ, которыя въ такой мѣрѣ служатъ нуждамъ хозяйства; съ неослабной заботливостью относится весь американскій народъ къ усовершенствованіямъ техники во всѣхъ отрасляхъ производства; правительство затрачиваетъ значительную долю своихъ доходовъ на развитіе промышленнаго образованія; частныя лица сооружаютъ дворцеобразныя ремесленныя училища, и умъ промышленника, получающій правильное воспитаніе, изощряется для дальнѣйшихъ техническихъ изобрѣтеній. Съ грустью нужно сознаться, что наша общественная жизнь представляетъ совер-

¹⁾ Wells, Practical Economics, 142 и далѣе.

шенно иную картину. Не только въ глубинѣ Сибири, но и на восточныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ европейской Россіи пустуютъ огромныя пространства плодородной земли, тогда какъ населеніе тѣснится во многихъ срединныхъ губерніяхъ съ неблагоухарной почвой; затрачены значительныя капиталы (хотя и безъ одного общаго плана для всей страны) на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, а водныя пути находятся въ столь непростительномъ пренебреженіи, что многіе стали непроѣздными; при огромномъ государственномъ бюджетѣ, расходы на народное образованіе вообще ничтожны, а ремесленное или промышленное образованіе представлено только единичными училищами. Понятно, что при такихъ условіяхъ производительность труда русскаго челоуѣка возрастаетъ очень медленно, и умъ его не воспитывается для технической изобрѣтательности.

Эти различія объясняютъ, почему въ нашемъ отечествѣ покровительственная система дѣйствуетъ гораздо болѣе губительно, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ она вызвала къ жизни и развила многія отрасли промышленности; но залогомъ ихъ преуспѣанія, помимо выгоднаго таможеннаго тарифа, служилъ и ростъ производительности труда, которому способствовали перечисленныя условія. Американскій производитель не засыпалъ за щитомъ охранительныхъ налоговъ; онъ не останавливался на устарѣлыхъ техническихъ приѣмахъ, а старался вводить всѣ новыя изобрѣтенія. Хотя онъ и отсталъ отъ англичанъ или бельгійцевъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, но во многомъ уже сравнялся съ ними. Еслибъ, подѣ напоромъ научныхъ идей и движенія, которое обнаруживается въ законодательствѣ, американцы отказались отъ покровительственной политики, то не разстроили бы этимъ народнаго хозяйства; быть можетъ, временно закрылись бы довольно многія заведенія, но сомнительно, чтобы хотя одна отрасль промышленности перестала существовать. Но даже и закрывшіяся заведенія были бы только временно оставлены за флагомъ: неутомимая энергія и изобрѣтательность американцевъ достигли бы наибольшаго напряженія, сдѣлали бы много новыхъ завоеваній въ области техники и дали бы туземной промышленности новыя, *естественно* благопріятныя условія взаимнѣ искусственныхъ, создаваемыхъ таможеннымъ тарифомъ. Такимъ образомъ, эта политика, быть можетъ, ослабляла самостоятельность американцевъ, но не парализовала ея.

Въ нашемъ отечествѣ покровительственный тарифъ служить тѣмъ всецѣлебнымъ средствомъ, отъ котораго промышленники ожидаютъ всякой благодати. Эта увѣренность до такой степени вошла къ намъ въ плоть и кровь, что даетъ особый складъ

мышленію нашихъ производителей. Припомнимъ бывшій въ истекшемъ мѣсяцѣ въ Харьковѣ съѣздъ углепромышленниковъ. На этомъ съѣздѣ не было и намека на то, что слѣдуетъ развить личную инициативу, поднять производительность труда и т. п.: „правительство должно запретить, разрѣшить, поддержать, предписать“ и т. д. Припомнимъ высокопарныя ходатайства купечества, всего чаще приурочиваемыя къ нижегородской ярмаркѣ: въ нихъ прямо высказываются пожеланія, чтобы правительство наложило свое „veto“ на ростъ производительности труда, напр. запретило бы устройство нефтепровода. Словомъ, наша промышленность, и въ цѣломъ, и въ частяхъ, создана охранительнымъ тарифомъ. Нашу промышленность называютъ „молодою“. Да, она молода, но развѣ такъ, какъ тѣ юные старцы, которыми изобилуютъ въ особенности большіе города, съ безжизненнымъ взоромъ, морщинистыми лицами, съ дряблыми мышцами, малокровные, безъ воли, безъ энергіи, могущіе существовать только потому, что есть отцовское или материнское наслѣдство. Конечно, рѣзкій переходъ отъ покровительственной политики къ свободной торговлѣ у насъ былъ бы связанъ съ катастрофой для многихъ отраслей промышленности: производители, почивая на лаврахъ, лишеныя технической подготовки, невоспитанные къ самостоятельности, должны были бы пасть подъ ударами иностранныхъ соперниковъ; многія отрасли перестали бы существовать.

Разъ мы признаемъ это, не играемъ ли мы въ руку протекціонистамъ? не даемъ ли имъ права сказать, что покровительственная политика, въ виду такого положенія дѣлъ, должна быть удержана въ Россіи на вѣчныя времена? Нѣтъ, такое положеніе дѣлъ обязываетъ направить всю заботливость на развитіе естественныхъ силъ страны и поднятіе производительности народнаго труда. Съ каждымъ годомъ потребности общегита возрастаютъ, труду населенія ставится все большій запросъ, а оно, придерживаясь стародавнихъ приемовъ производства, будетъ все менѣе способно удовлетворять его. Дабы идти по вѣрному пути, развивать самостоятельность въ нашихъ производителяхъ, нужно непрерывно умѣрять охранительные тарифы и поддерживать въ гражданахъ убѣжденіе, что ихъ знанія и трудолюбіе—гораздо большій залогъ успѣховъ, чѣмъ благосклонная готовность правительства ограждать все болѣе высокими стѣнами отъ предприимчивыхъ соудей.

А. ИСАЕВЪ.

ДУБОВАЯ КОРА

(Изъ записной книжки стараго туриста.)

I.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, а можетъ быть и больше, мнѣ привелось прожить одинъ день въ мѣстечкѣ Бѣльцы, въ одной изъ южныхъ губерній.

День былъ лѣтній, жаркій, праздничный. Я остановился въ небольшой гостинницѣ, которая выходила на базарную площадь. На площади толкалась и сновала толпа народа, и его несмолкаемый говоръ сливался съ звономъ колокола съ ближайшей церкви.

Былъ крестный ходъ. На церковной паперти тоже толпился народъ. Повсюду яркими пятнами сверкали на солнцѣ желтые, красные платки и бѣлые свитки.

Колокола загудѣли сильнѣе, торжественнѣе, и образа вынесли изъ церкви. Впереди несли хоругви, старья, закопченныя. За ними слѣдовали кресты и образа. Передъ мѣстной чудотворной иконою густо толпился народъ. Праздникъ былъ въ честь ея, и на этотъ праздникъ собрались богомольцы изъ дальнихъ и близкихъ мѣстъ. Крестьянки—молодыя и старыя, убогіе старики и маленькіе ребятишки бросались на землю и ложились ничкомъ, стараясь, чтобы икону пронесли надъ ними.

Среди площади поставили столикъ, покрыли его покровомъ, положили на него крестъ, Евангеліе, поставили чашу съ длиннымъ кропиломъ. Люди съ образами обступили его полукругомъ, сзади нихъ расположились кресты и хоругви, и молебень начался.

Я смотрѣлъ на полную фигуру сѣдого протопопа, съ краснымъ, лоснящимся лицомъ, на фигуру такого же полнаго рыжаго дьякона, съ окладистой бородой, на молящіяся фигуры крестьянъ.

„Вотъ это настроеніе, — думалось мнѣ, — подъемъ души, который умягчаетъ чувство и дѣлаетъ человѣка изъ звѣря“.

Послѣ молебна кресты и образа понесли дальше, въ ближайшую деревню, и весь народъ повалилъ за ними, поднимая густыя облака пыли.

На площади остались кое-гдѣ отдѣльныя кучки. Они смотрѣли вслѣдъ за удалявшейся толпой и крестились.

Около самыхъ воротъ гостинницы стояло трое. Одинъ въ сѣрой свиткѣ, съ длинными сѣдыми усами и такимъ же чубомъ. Другой, въ кумачной рубахѣ, молодой парень, съ гармоничной подъ мышкой, и третій, который сидѣлъ на скамеечкѣ у воротъ, толстый, коренастый, здоровый мужчина, съ черной окладистой бородой. На немъ была какая-то синяя чуйка съ подборомъ. Онъ говорилъ басомъ.

— Новѣ Владычица... того... — проговорилъ онъ, — недолго у насъ прогостила. Къ Здвиженью унесли.

— Отецъ Еремѣй, сказываютъ ребята, больно торопился. У Здвиженья, сказываютъ, химандрить изъ Слуца будетъ.

— Такъ, такъ, — проворчалъ третій, куря носогрилку и поплеывая.

— Владычицу унесли, черезъ недѣлю Никола Гусинскій будетъ.

— И то Николу принесутъ изъ Гусина. Это вѣрно! Такъ, такъ!

Ко мнѣ въ нумеръ вошелъ половой, въ бѣлой рубахѣ, узорчато вышитой по воротнику и на рукавахъ.

— А вы бы, сударь, погуляли у насъ. Тутъ недалеко, за городомъ, хорошія мѣста, дубровы, надъ рѣчкой.

— А что это у васъ тамъ за зданіе на концѣ площади, длинное, каменное?

— А это школа. Помѣщикъ Чупрынко выстроилъ на свой коштъ.

— И много учениковъ?

— Ничего, не очень дивно, но порядочно.

Дѣлать мнѣ было нечего. Я послушалъ совѣта, взялъ зонтикъ и пошелъ; но прежде всего я пошелъ къ школѣ. Большое, новенькое, каменное, одноэтажное, нештукатуренное зданіе стояло на углу улицы. Окна въ немъ были небольшія и далеко одно отъ другого. Ворота были на запорѣ. У калитки на лавочкѣ сидѣлъ „москаль“ въ сѣрой свиткѣ, съ огромными бакенами и усами.

— Чтѣ, — спрашиваю, — можно школу посмотреть?

— Чего въ ней видать? Ничего нѣтъ. Школяры распущены и ученія нѣтъ.

Я заглянулъ въ окна. Новенькія, крашенныя подъ дубъ лавочки; класная доска, на стѣнахъ ландкарты и разныя таблицы въ рамочкахъ. Какъ быть школа.

— Много у васъ, — спрашиваю, — учениковъ?

Сторожъ не вдругъ отвѣтилъ. Онъ посмотрѣлъ на меня исподлобья пристально, какъ бы соображая, отвѣчать или нѣтъ.

— Достаточно.

— А сколько?

— Да сорокъ-три будетъ.

— Все изъ деревень?

— Изъ деревень.

И вдругъ совершенно неожиданно онъ поднялся съ лавочки, отряхнулся, крикнулъ, юркнулъ въ калитку и захлопнулъ ее.

„Нелюбезно, — подумалъ я, — а все-таки хорошо, что школа каменная въ мѣстечкѣ! И сорокъ-три ученика! Изъ нихъ хоть половина выйдетъ добрыхъ деревенскихъ людей. Хорошо!“ и я пошелъ переулочкомъ.

Переулокъ былъ на краю поля и упирался въ зелень. Издали манилъ къ себѣ кудравый лѣсокъ, кусты и деревья черешни, дубовъ, граба. Мѣстность была дѣйствительно живописная, такъ что художникъ нашелъ бы здѣсь много матеріала для прелестнѣйшихъ этюдовъ. Вонъ среди луговинки стоятъ громадныя три дуба, могучіе, съ искривленными, узловатыми вѣтвями, одинъ красивѣе другого, а около нихъ кустятся грабы и черешни. Подъ однимъ изъ дубовъ сидѣлъ сѣдой старичокъ и усердно плелъ какую-то коробейку, угрюмо ворча что-то себѣ подъ носъ. Я хотѣлъ подойти и разспросить, кому принадлежитъ этотъ живописный уголокъ, городу или какому-нибудь пану, и почему онъ стоитъ неогороженный, какъ вдругъ въ сторонѣ, на лужайкѣ раздался протяжный, жалобный стонъ. Я оглянулся: на луговинѣ сидѣла небольшая собачонка и жалобно выла. Я подошелъ къ ней. Собака метнулась въ сторону и сильнѣе завывала. Она силилась уйти, но переступала только передними ногами, а заднія волочились по землѣ безъ движенія. Черная, запекшаяся кровь пятнала ея кудлатую бѣлую шерсть. Собачонка вся дрожала, жалобно выла и взвизгивала.

Я подошелъ къ старику.

— Что это, дѣдушка, — говорю, — собаку-то задавили, переѣхали, что ли?

— Переѣхали? Ни! ни! Школяры, бисовы дѣти, замордовали.

— Какіе школяры?

— Ото, туточка... въ школѣ учатся, лайдаки! Добра собака, хороша собака була... Билькой зовутъ... Эй! фьюю! Билька! Бисова дочь! У-у!.. бисова дочь!

Собака сильнѣй завывла, услыхавъ знакомый голосъ. Она изъ всѣхъ силъ поползла къ намъ, но, сдѣлавъ два-три шага, застонала и упала.

— Добра собака, да забили лодари! Всѣхъ собакъ у насъ перебили, шибеники! Добре было собакъ, всѣхъ перебили... Сегодня одну забьютъ, завтра другу забьютъ. Всѣхъ перебили, бисовы внуки!

— Да какъ же они собакъ бьютъ? Кто же имъ позволяетъ?— удивился я.

— А такъ же... заманять и забьютъ! Всѣхъ псовъ у насъ замордовали. Ворота на дворъ школьный отворютъ, хлѣбца альбо мясца набросаютъ... ну, песъ, дурень, и бѣжить на прикормку. Какъ забѣжить на дворъ, тутъ сейчасъ ворота запрутъ и мордуютъ. Боже ты мой милостенькій! Начнутъ его всѣмъ гуртомъ травить: и камнями швырять, и вилами ему брюхо прободуть, и полѣньями, палками колотють. Визжить, визжить дурень, ажно душенькѣ не мочно! А его бьютъ... Какъ забьютъ, вытащутъ въ поле и кинутъ... Вотъ! Вишь! И Бильку вчера замордовали, да видно не совсѣмъ... Ожила, бисова дочь! Билька! Билька! фьюю!

— Да какъ же,—спросилъ я,—вѣдь за школярами же смотреть? Вѣдь тамъ учителя есть.

— А то бисовы диты! Они перво учать, какъ псовъ забивать, капкановъ, западней наставлятъ, усякаго звѣря изводить, усяку птицу загублятъ... Нехай ихъ чортъ у пекли у дыхло полиномъ пихает!

Собака опять жалобно застонала.

— Ей бы помочь чѣмъ-нибудь—можетъ быть, она выздоровѣетъ.

Старикъ вздохнулъ и взглянулъ на Бильку.

— Унучьина была собачка. Добрый песикъ бувъ, ласковый, усе за Маруськой бигавъ. Куды Маруська, и винъ туды такъ слидомъ и бѣжить, хвостомъ вилае. А учбра здуривъ, да до школяровъ и побигъ. Отъ тамъ и замордовали. Билька! Билька! Фьюю! у... бисова дочь! Чтобъ тобѣ чортъ узялъ!

И старикъ, кряхтя, быстро поднялся и, подпираясь толстой, здоровой палкой, скоро пошелъ къ собачонкѣ.—Я смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Дойдя до собаки, онъ широко размахнулся и треснулъ ее по головѣ палкой. Собака упала.

— Эй! эй! Что ты дѣлаешь?!—закричалъ я.

Но онъ снова размахнулся и гулко щелкнулъ ее, а затѣмъ, съ видимымъ озлобленіемъ, началъ колотить ее по головѣ, какъ бабы колотятъ бѣлье вальеомъ.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ нему и остановился: затѣмъ я пойду?

Онъ, очевидно, убилъ ее, убилъ, чтобы не видать ея страданія. Дикарь добръ по-своему. Если онъ не надѣется помочь жертвѣ, то онъ даритъ ей *суп де грѣсе*. Но школяры! школяры! Признаюсь, это меня возмутило до глубины души. А главное—учителя! Просвѣтителѣ, умягчителѣ звѣря въ человѣкѣ! Вотъ, думаю, провинція, какъ далека ты отъ центровъ цивилизаціи, человѣчности!..

И, продолжая соображать на ту же тему, я шелъ лѣскомъ. Народъ, думалось мнѣ, самъ по себѣ добръ, хоть его и зовутъ звѣремъ. Притомъ здѣсь, на благословенномъ югѣ, на границѣ Украйны, гдѣ природа сама такъ щедра и привѣтлива, здѣсь человѣкъ по-неволѣ дѣлается мягче. Чувство глубоко и широко звучитъ въ его пѣснѣ. Сама природа учитъ его человѣчнымъ отношеніямъ ко всему окружающему: и къ звѣрю, и къ птицѣ, и къ человѣку.

Задумавшись, я потерялъ дорожку, по которой шелъ. Лѣсъ и кусты стали гуще. Я продирался сквозь ихъ чашу, перепрыгивалъ черезъ колоды и вдругъ остановился. Далѣе идти было некуда. Былъ обрывъ, который круто спускался въ оврагъ. Мѣстность была удивительно живописная. Исполинскіе грабы заросли дикимъ хмелемъ, который гирляндами висѣлъ на ихъ длинныхъ здоровыхъ сучьяхъ, а внизу, по обрыву и склонамъ оврага, шли кусты боярышника, жимолости и черешенъ. Я пошелъ по краю оврага. Деревья становились еще красивѣе. Въ одномъ мѣстѣ торчалъ погорѣлый дубъ, и его голые сучья всѣ были густо и прихотливо убраны дикимъ хмелемъ. Полюбовавшись на него, я пошелъ далѣе. Легкій, теплый вѣтерокъ нанесъ какой-то тяжелый, удушливый запахъ.

Здѣсь, должно быть, падалъ, — подумалъ я, и только-что сдѣлалъ два-три шага, какъ передо мной, у моихъ ногъ, развернулась безобразная картина. Нѣсколько конскихъ костяковъ ярко бѣлѣло среди кустовъ темной зелени; впереди виднѣлся трупъ свѣже-ободранной лошади, весь въ крови. Стайка воронъ съ крикомъ поднялась изъ оврага. Двѣ-три черныхъ собаки пробѣжали по его скату. И вдругъ ободранный трупъ лошади ожилъ. Несчастная приподняла окровавленную голову и ощерила зубы.

Не вѣря своимъ глазамъ, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Дѣйствительно, передо мною была живая, ободранная лошадь. Она вздрагивала всѣми мышцами своего кроваваго тѣла, страшно ворочала воспаленными глазами и скрежетала своими зубами. Какіе-то глухіе, дикіе стоны вылетали изъ ея горла.

Не помня себя, я бросился дальше отъ этого мѣста. Пораженный неслыханной жестокостью, я инстинктивно шагаль, не зная, гдѣ и какъ, и опомнился только тогда, когда подходилъ къ воротамъ гостиницы.

У воротъ сидѣли тѣ же три человѣка. Мальчишка игралъ на гармоникѣ „Барню“.

— Что это у васъ?! — вскричалъ я. — Живыхъ лошадей обдираютъ? Тамъ въ оврагѣ лежитъ живая ободранная лошадь.

— А это такъ... такъ! — заговорили сѣдые усы: — кожевники, ма бутъ, пошутковали, да ѣ ободрали живую. Тагъ! это хлопцы шутвуютъ.

— Она умереть, не сумлѣвайтесь, — успокаивалъ меня синяя чуйка. — Ей теперь ужъ не жить... Шабашъ!

— Это Данилка Довеунъ потѣшался вчера, — началъ мальчишка съ хохотомъ. — Вчера, знашь, гнѣдка Дядькова привели, еле ноги волочить. Данилко и говорить: „давай, веди въ оврагъ, я его живого обдеру духомъ“. Спуталъ ему ноги, повалилъ и давай драть. Гнѣдко-то, слышь, пишпшитъ, зубами скрежетъ, а мы мрѣмъ-хочемъ. „Теперь ужъ, говоритъ Данилко, въ лѣту дѣло. На что тебѣ шкура-то? И такъ проходишь, не холодно!“ Ха-ха-ха!

— Это у насъ здѣсь, значить, живодерня, — началъ мнѣ толковать дидактически синяя чуйка. — Со всѣхъ, значить, деревень сюда ведутъ лошадей обдирать — ну, здѣсь, значить, и шкурамъ складъ. Купцы наѣзжаютъ.

— Да какъ же это съ живой кожу драть?! — вскричалъ я.

— А оно, значить, лучше, легче снимать-то. Шкура теплая, потная, она сама отстаетъ. Обыкновенно мы такъ дѣлаемъ: коня дубиной хлопнемъ, значить, его затуманить. Онъ и лежитъ смирно, не дыргать, а все, значить, живъ. Потому что кто-жъ теперь, напримѣръ, станетъ съ дохлой лошади шкуру драть. Шкура теперь пристанетъ, ее и ножемъ не возьмешь, а коли со свѣжей, потной... оно духомъ сдерешь.

Я тутъ только началъ понимать, что мы говоримъ на разныхъ языкахъ.

— Да вѣдь какъ же! — протестовалъ я: — еслибы съ тебя вдругъ начали, съ живого, кожу драть?!

Чуйка вытаращилъ на меня глаза. Свитка вынула носогрилку, раскрыла ротъ, посмотрѣла и залилась хохотомъ.

— Отъ чуешь, що бреше. Съ чоловика шкуру дерги. Хибажъ мы турки чи бусурманы яки!

— Человѣкъ, значить, особъ статья, а скотина, значить, другая, — началъ внушительно чуйка. — Теперича вы, на примѣръ, челоѣку не будете горло рѣзать, а барану перерѣжете, потому, значить, что у челоѣка душа, а у барана ничего — паръ.

— Да какъ же это вамъ не толкуютъ, что надо быть со-страдаельнымъ и къ животнымъ? Какъ же это не учать васъ въ проповѣдяхъ, не внушаютъ вамъ на исповѣди?

Но тутъ я и самъ почувствовалъ, что зашелъ далеко. Собесѣдники мои посмотрѣли другъ на друга и уставились на меня.

— Попы? що попы?! Ха! Попы! — прохрипѣла свитка. — Звистно, попь спытае: чи ходишь у церкву, чи молишься Богу, чи держишь посты, чи святкуешь, може не работаешь ли у праздни-къ? Ну, и усе тамъ... Боронъ Боже, що до церкви, а тутъ... Э! панычу! панычу! усе то дурость една, казнащѣ!..

Въ тотъ же вечеръ я долженъ былъ уѣхать изъ Бѣльцовъ, но живая ободранная лошадь долго мерещилась мнѣ. Да и теперь еще иногда вечеромъ, когда я стану засыпать, то вдругъ передъ глазами поднимется кровавая лошадиная голова, со страшными, налитыми кровью, глазами, ощеренными зубами. Я весь вздрогну и проснусь.

II.

Въ 1857 году позднимъ лѣтомъ или, лучше сказать, ранней осенью я путешествовалъ по пермской губерніи. Въ концѣ августа я былъ на сѣверной ея окраинѣ, въ чердынскомъ и соликамскомъ уѣздахъ.

Порученье, которое я исполнялъ, было официальное, и мнѣ по-неволѣ приводилось имѣть дѣло съ станowymi, исправниками и всѣми держащими властями. О моей поѣздкѣ заранѣе были разосланы разныя предписанія съ повелѣніемъ оказывать надлежащее содѣйствіе. Вслѣдствіе этого, въ чердынскомъ уѣздѣ меня взялся сопровождать становой.

Мнѣ необходимо было осмотрѣть берега Колвы, взглянуть на первобытныя письмена на одной скалѣ, которыя были описаны Бабстомъ, осмотрѣть камень Вѣтланъ и Дивью пещеру. Я хотѣлъ ѣхать прямо водой, но становой убѣдилъ, что ѣхать будетъ лучше сперва сухимъ путемъ до села Чѣгори.

Я ѣхалъ впереди, на легонькой телѣжкѣ на дрожинахъ, а сзади меня катилъ становой и уѣздный докторъ. Они по пути

ѣхали въ Чигорь осмотрѣть одного скоропостижно умершаго. Докторъ былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 22 или 23-хъ.

Въ Чигорь мы пріѣхали къ ночи. Остановились въ большой, просторной двухъ-этажной избѣ. Сейчасъ же явился чай, пироги съ яйцами, яйца и неизмѣнный ямайскій, разумѣется, російскаго произведенія. Собесѣдники мои оживились, но только-что мы сѣли благодушествовать, какъ въ избу вошли два сѣдобородыхъ мужика.

— А!—вскричалъ становой:—други сердечные! Какъ поживаете?

— Къ твоей милости пришли, Софронъ Яковличъ!

— Къ моей милости!? А что же до сихъ поръ не извоили жаловать... благодѣтели!

Мужики ничего не отвѣчали и переминались съ ноги на ногу.

— Мы пришли... то-ись, какъ бы выборные, значить...

— Какіе выборные? Отъ кого выборные? Знать ничего не знаю, не вѣдаю. Объясните, объясните, выборные, объясните, кто васъ выбралъ. Это любопытно!

— Мы, то-ись, Софронъ Яковличъ, отъ нашихъ, то-ись, отъ нашихъ... отъ всѣхъ...

— Любопытно! любопытно!.. А гдѣ вы скрывались лѣтомъ? Ась?.. Лѣтомъ-то гдѣ были?

Мужики ничего не отвѣчали и только переминались съ ноги на ногу.

— Вотъ я васъ, „выборные“!—и онъ застучалъ кулакомъ по столу.—Я васъ! А теперь пошли вонъ! Вонъ! Не до васъ теперь. А завтра чѣмъ свѣтъ, чтобы быть здѣсь... здѣсь быть... „выборные“!..

Мужики повлонились чуть не въ ноги и медленно удалились.

— Р-ракаліи! Пріѣдешь лѣтомъ подать собирать — въ лѣсъ сбѣгутъ. Съ собаками не отыщешь. А теперь пришли, какъ пріѣхалъ гнѣздо ихъ опечатывать.

— Какое гнѣздо?—спросилъ я.

— А часовню. Тоже вѣдь здѣсь старообрядскую часовню поставили... И какъ они учуютъ это, ракаліи! Никому не говорилъ—нѣтъ, пронюхали.—И онъ долилъ стаканъ чаю ямайскимъ и закурилъ новую трубку.

— Лѣтъ пять тому назадъ,—началъ онъ, выпустивъ цѣлый облака дыма,—тоже вотъ пришлось мнѣ возжаться въ верхотурскомъ уѣздѣ съ этою сволочью.—Я, знаете ли, служилъ тогда въ верхотурскомъ уѣздѣ.—Разъ, вдругъ, бацъ ко мнѣ бумага отъ исправника. Что такое? „До свѣденія нашего дошло,—пишетъ,—

что въ селѣ Нилово въ пещерахъ скрываются тайно два сектанта, бѣглецы, и многихъ совращаютъ изъ православія въ свою ересь. Свѣденія сіи доставлены г. губернатору, который въ строгости предписываетъ оныхъ сектантовъ разыскать и къ нему представить. Что такое? думаю, — никогда не слыхалъ. Сейчасъ тройку и маршъ въ Нилово. Приѣзжаю, начинаю допрашивать того, другого, третьяго: говорите! Ну, сначала было прималчивали, отпѣкивались. Но я, знаете ли, всегда на бабъ сперва. Поведешь атаку этакъ бодро. Выпорешь одну, другую, третью. Ну, и повинятся... Повалялись и рассказали, что съ мѣсяцъ или поболѣе живутъ у нихъ въ Искорскихъ пещерахъ „два святыхъ мужа“. Пришли, молъ, не вѣсть изъ какихъ странъ, и поучаютъ истинной вѣрѣ. Днемъ, молъ, скрываются въ пещерахъ, а вечеромъ, молъ, вытѣзаютъ и народъ поучаютъ. Ну! собралъ я, значить, понятыхъ, сотскихъ, десятскихъ. Идемъ, говорю, указывай, гдѣ скрываются ваши „святые мужи“. А тамъ, надо вамъ сказать, въ горахъ это, страсть какія пещеры. Чуть не подо всѣмъ Ураломъ идутъ. Пришли мы. Дѣло было ужъ въ вечеру, но солнце еще не садилось. Привели, и вижу я, дыра чернѣетъ, какъ вамъ сказать... вотъ коли согнуться до поясницы, такъ ничего, свободно пролѣзешь. Ну! говорю сотскимъ: лѣзь и зажигай свѣчи! — Свѣчъ съ собой захватили и маканцевъ. — Полѣзли, зажгли. Вошелъ и я. Ничего не видать. Темень. Вышина — страсть! На землѣ все камень этакъ наваленъ, и только одинъ уголъ расчищенъ, и въ немъ стоитъ наложъ и крестъ деревянный. Вотъ, указываютъ, тамо-тка еще пещера. Вижу, чуть-чуть въ потьмахъ что-то мерещится. Думаю, какъ туда лѣзть? Но тутъ, спасибо, сотскій надоумилъ. „Надо бы здѣсь не маканцевъ, говоритъ, а пальниковъ“. — Что такое, говорю, пальницы? — „А этакъ, знаешь, говоритъ, суха лѣсина, да въ смолу обмазнута“. — Давай ее сюда, говорю, тащи твои пальницы. Они было-начали мяться, да у меня немного вытанцуешь. Сейчасъ установленнымъ порядкомъ бацъ въ ухо, въ другое, въ третье! Принесли пальниковъ. Зажгли это пальницы и вошли въ другую пещеру. Какъ только вошли, освѣтили... Батюшки свѣты! Повѣрите ли, видимо-невидимо этой нечисти — летучихъ мышей. Какъ примутся летать, крестить во всѣ стороны, пищать, снуютъ, прямо въ глаза лѣзутъ и всѣ пальницы погасили. А надо вамъ сказать, что я страсть боюсь этой погани. Выскочилъ я въ первую пещеру. Думаю, что дѣлать?! Не возьмешь никакимъ зубомъ этихъ „святыхъ мужей“. И вдругъ, въ эту самую минуту, знаете ли, этакъ, такъ сказать, вдохновеніе меня осѣнило. Повернулся я къ сотскимъ и десятскимъ и закры-

чалъ на нихъ такъ свирѣпо:—Я, молю, васъ, такіе, сякіе. Тащите духомъ лѣсу, тащите бурелому, валежнику, рубите живо лѣсины!—Пошли, застучали по лѣсу. Натаскали всякаго бревна и дерева. Навалили чуть не до половины первую пещеру. Цѣлый, знаете ли, этакій заваль устроили. Взлѣзъ я на этотъ заваль и кричу:—Эй, молю, отцы святые, не знаю, какъ васъ звать! Если вы сейчасъ не выйдете, то мы выкуримъ васъ, какъ лисъ или зайцевъ.—Подождалъ, постоялъ, и вдругъ слышу какъ бы изъ-подъ земли такой глухой голосъ: „Воля Господа вседержащаго да будетъ надъ нами и надъ Духомъ Его. Амины!“... Такъ, знаете ли, меня отъ этого голоса даже въ ознобъ прошибло. Обернулся я, смотрю, а всѣ мои дураки, десятскіе и сотскіе, безъ шапокъ стоятъ, крестятся.—Ахъ вы!..—и при этомъ я соскочилъ внизъ:—Зажигай,—говорю,—сейчасъ! Я, молю, имъ, такимъ-сякимъ, выкурю ихъ какъ нечисть поганую!—Ну, подожгли, знаете ли лѣсъ, понатыкали въ него пальниковъ. Затрепалъ, запыхалъ, дымъ повалилъ такой.. страсть! Вышелъ я изъ пещеры, присѣлъ на камушекъ. Подлѣ меня писарь стоитъ. „Чай не выйдутъ,—говорить.—Гдѣ имъ скрость этакій дымъ выйтить!“ А огонь тамъ такъ и деретъ. Знаете ли, въ дыру-то его поддуваетъ, и весь дымъ въ пещеру тянетъ. Ну, прогорѣло. Снялъ я шапку, перекрестился: слава, молю, Господу, изжилъ бѣду!.. И на другой же день настроилъ донесеніе: „Имѣю, молю, честь донести, что оныя сектанты истребили сами себя въ Искорской пещерѣ самосожженіемъ“.

— Какъ такъ?! Вѣдь вы ихъ сожгли!—вскричалъ я.

— Какъ сожогъ!! Развѣ я ихъ жогъ? Я ихъ просто выкуривалъ... Я даже благодарность получилъ.

— За что?—удивился я.

— За это самое... за быстроту, за сообразительность. .

Я молча поторопился допить стаканъ чаю и завалился скорѣе спать. Мнѣ постлали за перегородкой, на хозяйской кровати. Спутники мои улеглись въ избѣ на сѣнѣ.

Я хотѣлъ разстаться съ ними на другой день и уѣхать пораньше на Колву, гдѣ меня ожидала лодка.

Но „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“.

Проснулся я часовъ въ семь. Въ избѣ говорили два голоса полупопотомъ. Одинъ былъ голосъ доктора, другой незнакомый мнѣ. Я долженъ, замѣтить, что въ первый разъ мы встрѣтились съ этимъ докторомъ въ Чердынѣ. Онъ только-что два года какъ былъ выпущенъ изъ в-го университета, гдѣ и я воспитывался. Мы вспоминали съ нимъ объ университетахъ, о старыхъ профессорахъ,

изъ которыхъ онъ уже многихъ не засталъ. Я спрашивалъ его, много ли у него здѣсь практики, и какъ вообще идетъ жизнь его.

— Какая же здѣсь практика, помилуйте! Здѣсь нѣтъ ни помѣщиковъ, ни крупныхъ чиновниковъ, ни купцовъ, а жалованьишко плохое.

Я сказалъ, что подъ практикой я разумѣлъ помощь больнымъ.

— Здѣсь,—говорю,—условія гигиеническія плохія. Заразительныя болѣзни сильно распространены.

— Да! Есть! есть!—и онъ принялся усиленно сосать трубку.

Глядя на его опухшее, покраснѣвшее, сильно лунившееся лицо и носъ также красный, который началъ на копчикѣ уже лосниться, я подумалъ: пришибетъ тебя заскорузлая жизнь—не выкарабкаешься. И дѣйствительно, вечеромъ онъ подливалъ усерднѣе становаго въ „чай китайскій ромъ ямайскій“, пилъ стаканъ за стаканомъ, отчаянно ерошилъ волосы, согнѣлъ немилосердно и на всѣхъ смотрѣлъ какъ-то сосредоточенно, большими сѣрыми глазами на выкатѣ.

Проснувшись поутру и услыжавъ голоса, я заглянулъ за перегородку, отодвинувъ ситцевую занавѣску, которою была занавѣшена дверь. Докторъ стоялъ посреди избы въ полушубкѣ и сосалъ трубку; передъ нимъ стоялъ небольшой мужичокъ съ добродушной, унылой фізіономіей.

— Смиласердуйтесь, ваше благородіе!... упрашивалъ вполголоса мужичокъ.—Вотъ какъ передъ Богомъ... кромѣ трешницы... на подушное припасъ... разрази меня громъ... Жена и ребятки и теперь ничего не ѣвши... Вѣдь не родился хлѣбъ-то. Смиласердуйся! Не потроши!

— Не кричи, тебѣ говорятъ!—перебилъ сердитымъ шопотомъ докторъ.

„Господи! — подумалъ я: — никакъ онъ торгуется и даже съ вымогательствомъ!“

Я кашлянулъ, и въ то же мгновеніе докторъ быстро выдернулъ трешницу изъ рукъ мужика и, взглянувъ на меня вполглаза,—закричалъ на него:

— Ну! Пошелъ, пошелъ вонъ! Тамъ увидимъ... Пошелъ!

Мужичокъ покорно вышелъ вонъ.

— А вы ужъ никакъ проснулись?—обратился ко мнѣ докторъ.

— Да! А вы ужъ какія-то дѣла обдѣлываете?

Онъ очевидно смутился.

— Нѣтъ! Это такъ, знаете... Ну! разумѣется, пристають.

— Кто пристаётъ?

— Нѣтъ... такъ... Вѣдь вы понимаете, здѣсь все мужичье.

Край дикій, необразованный... предрасудковъ это тамъ, суевѣрій, не оберешься.

И онъ принялся рассказывать, какіе здѣсь суевѣрія и предрасудки, но о томъ, о чемъ я спрашивалъ, умолчалъ. Мимо объѣхалъ.

Я всталъ. Лошади мнѣ были давно уже запряжены. Вошелъ Софронъ Яковлевичъ.

— А! — закричалъ онъ: — вотъ и вы поднялись! А хотѣли раньше насъ уѣхать. Не уѣдете, батюшка! Не родился еще тотъ человѣкъ, кто раньше станowego на мѣсто поспѣеть.

Но я сказалъ ему весьма серьезно и внушительно, что я сейчасъ же ѣду и ни въ какихъ дальнѣйшихъ услугахъ его не нуждаюсь.

— Какъ вамъ будетъ угодно! Ваша воля! — сказалъ онъ.

Я наскоро выпилъ стаканъ чаю и отправился.

Мнѣ необходимо было сдѣлать только 20 верстъ къ берегу Колвы, около котораго ждала меня лодка. На лодкѣ былъ лоцманъ и четыре гребца-женщины. Подлѣ этой лодки стояла другая, также съ рулевымъ и шестью бабами. Онѣ громко разговаривали, и голосистый, „прищюкивающий“, протяжный говоръ ихъ далеко раздавался. Когда же показался мой тарантасъ, онѣ смолкли.

— А что, развѣ Софронъ Яковлевичъ не поѣдутъ? — спросилъ меня одинъ изъ рулевыхъ.

— Нѣтъ! должно быть, не поѣдетъ.

— Валите клажу-то. Цего тутъ баяться! — прокричала одна бойкая, курносая бабенка.

И всѣ бабы пошли въ тарантасику, въ которомъ клажи было очень немного. Я былъ налегкѣ. Въ одинъ мигъ въ лодку были уложены сакъ, подушки, постланъ коверъ. Бабы усѣлись, рулевой былъ у руля, и мы отправились.

Кто не ѣзжалъ по русскимъ сѣвернымъ порожистымъ рѣкамъ и любить дикія, скалистыя мѣстности, тому я совѣтую пробѣхать по Колвѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалистый берегъ поднимался на нѣсколько сотъ футовъ. Скалы, какъ отвѣсныя сѣрыя стѣны, прямо торчатъ надъ водою, въ которой отражаются ихъ вершины, поросшія зеленью. Теперь эта зелень уже сильно пожелтѣла. Вездѣ чувствовалось приближеніе холодной ранней осени.

Я осмотрѣлъ и камень Вѣтланъ, и Дивью пещеру, снялъ вѣрную копію съ іероглифической надписи. При входѣ въ пещеру, мнѣ невольно вспомнился рассказъ станowego, и когда рулевой зажегъ нѣсколько пальниковъ и роздалъ ихъ бабамъ, когда яркій свѣтъ отъ смолы, горѣвшей съ трескомъ и копотью, освѣтилъ

стѣны пещеры, то я невольно вздрогнулъ. Мнѣ живо представилось, какъ задыхались отъ дыма несчастные сектанты.

Полюбовавшись на прихотливые узоры сталактитовъ и подумавъ, что такая пещера привлекала бы массу любопытныхъ, если бы была среди цивилизованнаго, населеннаго края, я расстался съ этимъ дивомъ природы, и мы отправились въ обратный путь.

Солнце уже близко опускалось къ землѣ, и его косые холодные лучи освѣщали пятнами высокія ели, пихты и лиственницы, росшія по берегамъ.

Вдругъ вдаль раздалось пѣніе. Пѣли визгливые женскіе голоса. Рулевой зорко всматривался въ даль.

— Никакъ становой ѣдетъ,—сказалъ онъ.

Пѣнье приближалось, и скороѣ показалась большая лодка. Она быстро плыла. Шесть бабъ гребли и распѣвали плясовую пѣсню. Докторъ подыгрывалъ имъ на гармоникѣ. Становой сидѣлъ или лежалъ подъ навѣсомъ лодки. Какъ только наша лодка подъѣхала къ ихъ лодкѣ, онъ вылѣзъ изъ-подъ навѣса и закричалъ:

— Уррра! Вваше выскродіе... ваше прев—ство! Прошу милости гулять... съ деревенскими бабатухами... Уррра!

Докторъ тоже поднялся и, снявъ картузъ, раскланивался низко, размахивалъ гармоникой и повалился. Мы проплыли мимо. Ихъ лодка повернула вслѣдъ за нашей. Они довольно долго провожали насъ. Становой кричалъ и приглашалъ насъ изо всѣхъ силъ своихъ легкихъ.

Въ „Росной Пущѣ“, небольшомъ селѣ, гребцы хотѣли остановиться, но я велѣлъ проѣхать мимо. Лодка станowego причалила, и вся веселая компанія осталась тамъ.

Переночевавъ въ небольшой деревушкѣ, Иркизѣ, я на другое утро, до восхода солнца, отправился зъ Чигорь. Приземистый мужичокъ съ маленькими подслѣповатыми глазками сѣлъ, въ качествѣ ямщика, на козлы моего тарантасика, который окружала толпа.

— Ты, мотри, хворостькой, не цурвай, валяй, валяй! не замедлай!—кричала толпа.

— Ладно! ладно!—соглашался „хворостькой“, взобравшись на козлы, и началъ нахлестывать лошадей, которыя скороѣ напоминали телятъ. Дорога отъ проливныхъ дождей, которые шли цѣлую недѣлю, сильно испортилась. Тарантасикъ принялся прыгать по ямамъ и рытвинамъ. Грязь летѣла во всѣ стороны и заблѣпала глаза. Я остановилъ „хворостькаго“ и велѣлъ ему ѣхать осторожнѣе.

— Ладно! ладно!—согласился онъ. — Мы по-маненечку.

Черезъ пять минутъ онъ обернулъ ко мнѣ свое подслѣпозатое лицо.

— А Софронъ-то гулять! Ха!

— Какой Софронъ?

— А свѣтъ-же Яковлitch!.. Вчера, слышь, порѣшилъ часовню-то, припечаталъ... Деньжищъ что ему натащили... у-у! страсть! Все взялъ. „Мало“, говорить, и припечаталъ. Правильный целовѣкъ! А Степана Бурчатку испотрошилъ. Семень-то у него въ ногахъ валялся.

— Какой Семень?

— А сынъ-то. Извѣстно дѣло, кому кровь родительская дорога. Сдѣлай милость, не трожь ты его, говорить. Доктору трешницу далъ, самому синюху далъ. Не плѣнилъ! Трешницу взялъ и синюху взялъ и всего распотрошилъ. Вотъ и поди ты!

— Да за что же?

— А такъ изъ лютости. Онъ вѣдь во хмелю даже лютой бывать. Во какой звѣрь!!.. Ведмѣдь!.. Правильный целовѣкъ!.. А Бабулиху изъ избы вытолкалъ. Тутъ у насъ есть стара на стара солдатка, Бабулиха прозывается. Ту и съ внукой изъ избы вытурилъ. „За недоимокъ“, говорить, и въ избѣ цусового приставилъ. „Теперь, говорить, она, слышь, въ казну пойдетъ“... изба-то! Цортъ гулявий!.. Онъ съ живого шкуру сдеретъ! Пра, сдеретъ, цо-о-о-ртъ!

Пообѣдавъ по-дорожному въ Читгорѣ, я вздумалъ, ради моціона, пройтись немного и, разспросивъ, гдѣ лежитъ путь, пошелъ впередъ, приказавъ лошадямъ ѣхать за собой.

На углу улицы молча стояла толпа. Я подошелъ. У небольшой покривившейся избенки сидѣла сѣденькая старушка и держала на рукахъ дѣвочку лѣтъ шести или семи. Она укачивала ее и причитала надъ ней, посматривая на всѣхъ дикими, блуждающими глазами.

— Мертву качать,—пояснила мнѣ шопотомъ баба, которая стояла возлѣ меня.—Повредила, значить, болѣзная,—и баба вытерла глаза кончикомъ платка на головѣ.

— Отчего же она умерла?—спросилъ я ее также шопотомъ.

— Да была, значить, больна, а становой ее вытурилъ изъ избы и съ Бабулихой. Дѣвоцка-то кричала, кричала, да такъ и померла. Вонъ она и повредила, Бабулиха-то. Одна какъ персть была у ней внуцка-то... Ни семьи, никого у ней нѣтъ!.. Болѣзная!..—И баба заплакала.

А дребезжащій голосъ старухи, не умолкая, глухо, монотонно причиталъ надъ мертвой:

Я постельку постелю,
Мою Дуню уложу.
Баю-баюшки-баю
Дуню милую мою.

Я отошелъ и быстро запагалъ по дорогѣ, стараясь идти по окраинѣ, гдѣ земля еще не размокла.

Къ вечеру, когда уже солнце сѣло, я подѣхалъ къ селу Вис-корскому. Въ воздухѣ сильно похолодѣло, и выпалъ первый снѣгъ. Это было въ концѣ августа. У избы, куда меня подвезли, стоялъ мужичокъ у длинныхъ дрогъ, въ которыя была впряжена тощяя лошадевка. Она тяжело дышала, и густой паръ шелъ отъ нея. На дрогахъ стоялъ новый, некрашенный гробъ.

Лицо мужичка было какъ будто знакомо. Я вспомнилъ, что это онъ утромъ упрашивалъ доктора не потрошить.

— Куда-жъ я теперь его повезу?—допрашивалъ онъ стоявшихъ подлѣ мужиковъ.—Грязища страсть! Вишь, какъ даже умаялся конь-то. Вести нѣшто назадъ. Ево, цорта, на дорогѣ встрѣнешь. Онъ во-какъ укатить!

Оказалось, что становой не далъ ему бумаги на похороны, а священникъ не хочетъ хоронить безъ разрѣшенія.

Вечерѣло. Среди сумерекъ ярко бѣлѣлъ снѣгъ. Онъ лежалъ патномъ подъ дорогами, и на этомъ яркомъ бѣломъ пятнѣ было другое—коровое. Кровь тихо капала изъ гроба.

— А ты, дядя, зацѣмъ гробъ-то не сколотилъ?—сказалъ высокій сѣдой мужикъ.—Гляди-во-сь. Родителеву кровь проливаешь. Нехорошо!

Я поторопилъ скорѣй лошадей и уѣхалъ въ Чердынъ. Но вечеромъ долго не могъ уснуть, и какъ только сталъ засыпать, то вдругъ поднялась передъ глазами живая окровавленная лошадь...

III.

Въ 1863 году я прожилъ полтора лѣтнихъ мѣсяца на южномъ берегу Крыма. Я пріѣхалъ туда юго-восточнымъ воднымъ путемъ по Волгѣ и Дону. Въ Таганрогѣ, часа за два до отъѣзда, привезли на пароходъ больного, полного старика, небольшого роста. Онъ задыхался, постоянно стоналъ. Его привезъ молодой лакей и сейчасъ же уложилъ на койку 2-го класса.

При первомъ взглядѣ на старика, я тотчасъ же узналъ его. Это былъ знаменитый московскій или, вѣрнѣе, русскій актеръ,

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Не довѣряя глазамъ, я подошелъ къ лакею, который, уложивъ больного, остановился у при-
толки, въ дверяхъ каюты.

— Вѣдь это Михаилъ Семеновичъ?—спросилъ я его.

— Да-съ!

— Скажите, пожалуйста, что съ нимъ?

— Больны-съ. Вотъ въ Крымъ веземъ. Доктора указали.

Когда пароходъ отѣхалъ, часа черезъ два, больной проснулся, всталъ. Его подвели къ общему столу. Онъ посидѣлъ за нимъ нѣсколько минутъ, тяжело дыша, затѣмъ всталъ и опять улегся.

Вечеромъ мы приѣхали въ Керчь, и я счелъ первымъ долгомъ, какъ только пароходъ присталъ къ пристани, отправиться на Митридатову гору посмотрѣть памятникъ Стемпковскому и между обломками греческой посуды, которыми заваленъ весь юго-восточный склонъ горы, поискать какого-нибудь характернаго черепка, или ручки съ греческой надписью отъ древней стеклянной амфоры. Проходя мимо города, на одномъ изъ фонарныхъ столбовъ я увидалъ наклеенную большую афишу, на которой крупными буквами стояло имя Щепкина. Афиша объявляла, что онъ будетъ участвовать въ спектаклѣ, въ пьесѣ „Москаль Чаривникъ“.

„Какъ же это,—подумалъ я,—будетъ участвовать больной, еле живой, задыхающійся старикъ!“

Я вернулся на пароходъ часовъ въ десять. Михаилъ Семеновичъ по прежнему лежалъ на койкѣ и стоналъ. Въ каютѣ за столомъ сидѣло нѣсколько пассажировъ и тихо разговаривали.

— Помилуйте, — говорилъ одинъ вполголоса: — вѣдь это нужно быть деревянкой, чтобы сзывать публику смотрѣть на умирающаго старика. Онъ еле дышетъ.

— Да въ театрѣ-то онъ былъ?—спросилъ другой пассажиръ.

— Былъ. Возили. Только растревожили. Вонъ теперь стонетъ. Видно опять хуже сдѣлалось.

Чтобы не слышать этихъ стоновъ, я вышелъ на палубу, на которой собрались почти всѣ пассажиры. Вечеръ былъ тихій. Полная луна стояла невысоко надъ моремъ. Теплый, южный воздухъ, южное, глубокое, темно-фіолетовое небо. Одна изъ чудныхъ картинъ Айвазовскаго развернулась передъ нами. Только здѣсь всѣ краски были живѣе, и луна ярко свѣтила, и тихо колыбался, какъ растопленное золото, ея отблескъ въ темно-синихъ волнахъ моря.

Но я не могъ любоваться этой восхитительной картиной. Тамъ, внизу, изъ каюты постоянно доносились тихіе стоны. Я

вспоминать тѣ роли, въ которыхъ я наслаждался игрой великаго комика. Вспомнилъ, что одинъ разъ, по желанію государя Николая Павловича, были устроены два спектакля рядомъ, изъ которыхъ въ одномъ игралъ Мартыновъ, а въ другомъ Щепкинъ въ роли „Скупого“ Мольера, и публика и цѣнители не могли рѣшить, кто изъ нихъ выше. Каждый былъ неподражаемъ въ своемъ родѣ. Вспомнилъ незабвеннаго Фамусова; вспомнилъ слезливую мелодраму „Матроса“, въ которой вся публика, весь театръ плакалъ отъ игры Щепкина. И вотъ!.. Теперь этотъ великій русскій талантъ играетъ собственную—послѣднюю, грустную роль „въ долигѣ плача и печали“.

Мы пріѣхали въ Ялту.

На берегу толпились народъ, и стояла щегольская четверомѣстная коляска. Лавей въ ливреѣ протолкался сквозь толпу пассажировъ и вошелъ на пароходъ. Они, вмѣстѣ съ лакеемъ Щепкина, вывели его бережно изъ каюты и усадили въ коляску.

— Это Б—въ прислалъ за нимъ,—сказалъ кто-то изъ пассажировъ.—Везетъ его къ себѣ.

— Ну! и слава Богу! Ему тамъ будетъ покойно, — проговорилъ другой голосъ.

„Слава Богу!“ подумалъ и я.

На берегу прямо противъ пристани стоитъ низенькое, двухъ-этажное деревянное зданіе. Въ то время это была почти единственная гостинница въ Ялтѣ (другая была еще не устроена). Содержалъ ее какой-то аферистъ французъ. Я остановился въ этой гостинницѣ и на другой же день отправился въ Гурзуфъ, гдѣ пробылъ около мѣсяца. Черезъ мѣсяцъ я снова долженъ былъ вернуться въ Ялту.

Въ первый же день я встрѣтился съ моимъ добрымъ старымъ знакомымъ Николаемъ Ивановичемъ Пазриковымъ. Нервный, больной, онъ постоянно разъѣзжалъ по всѣмъ европейскимъ и русскимъ водамъ. Разумѣется, мы другъ другу обрадовались. Усѣлись на дворѣ той же деревянной гостинницы, подъ тощими деревьями, и спросили себѣ какого-то пойда. Когда мы поразсказали другъ другу о томъ, какъ жили послѣдніе годы, я вспомнилъ о Щепкинѣ и спросилъ Николая Ивановича, не знаетъ ли онъ, чтѣ съ нимъ?—Николай Ивановичъ заволновался.

— Умеръ!—отвѣтилъ онъ коротко и рѣзко и тутъ же вскочилъ со стула и началъ размахивать руками.—Нѣтъ! вы представьте себѣ, каковы эти господа!..

— Да кто такой? Что такое? Вѣдь его увезъ къ себѣ Б.?

— Ну да, на одну ночь.

— Какъ на одну ночь?

— Такъ-съ. Вѣдь вы знаете, привезли его больного, еле живого.

— Ну да!.. Я самъ ѣхалъ съ нимъ на пароходѣ.

— Ну вот! привезли, а Б. тотчасъ же пригласилъ его къ себѣ. Тамъ вѣдь у него, понимаете, комфортъ, роскошь, домъ-дворецъ, свой докторъ, своя аптека. Ну-съ! пріѣхалъ Михайлъ Семеновичъ, полежалъ, отдохнулъ, легче ему стало. Одышка отпустила, за обѣдомъ, знаете ли, разговорился, повеселѣлъ. Вечеромъ пріѣхали и гости какія-то. Ну и Б. сейчасъ устроилъ для нихъ литературный вечеръ! „Садись, Михайла Семенычъ, читай!“ Дали ему второй томъ „Мертвыхъ Душъ“. Бѣдный старикъ читалъ добросовѣстно; какъ и всегда, всю душу вложилъ въ дѣло. Читалъ онъ до 12 часовъ, а тамъ задохнулся, заохалъ, застоналъ, и его увели, уложили, позвали доктора. Докторъ немного поговорилъ съ нимъ и ушелъ, а на другой день говорить хозяину: „онъ вѣдь очень плохъ и можетъ вдругъ умереть“. — „Какъ?!“ хозяева ужасно перепугались: „Какъ! у насъ умереть? у насъ въ домѣ!“ Хозяйка кричитъ: „Ахъ! я такъ боюсь мертвецовъ! Нельзя ли какъ-нибудь... И вотъ, ничего худого не говоря, живо велѣли заложить карету и вмѣстѣ съ докторомъ отправили умирающаго въ Ялту. А? Какъ вамъ это нравится?

— Что же они? „чертоваго тѣла“ испугались?

— Да-съ! Испугались. Нѣтъ, вы представьте себѣ. Самъ пригласилъ къ себѣ жить. Пріѣзжаетъ больной, съ дороги. Вѣдь чтѣ бы догадаться, послать за докторомъ, осмотрѣть, дать хоть бы первый день отдохнуть... Вѣдь по человѣчеству, не правда ли? Нѣтъ, читать заставили!

— И что же онъ скоро умеръ?

— Позвольте! Сейчасъ расскажу. Привезли его сюда и положили вотъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ, на солнцѣ,—и онъ показалъ на одно изъ оконъ нижняго этажа гостинницы.—Нумера на другой-то половинѣ дороже... Но вы послушайте, какъ несчастный скончался... Вѣдь это ужасно! И въ этой исторіи честь инициативы принадлежитъ вашей тетушкѣ, Н. С. Вотъ субъектъ! Коли бы власть была, сейчасъ бы я съ ней распорядился безъ всякой жалости... ей Богу, правда!

— За что же?

— А за то же.

Но чтобы объяснить такой жестокой взглядъ Николая Ивановича на мою тетушку, я долженъ сказать два-три слова о ней. Моя тетушка, Н. С., была сорока-трехъ-лѣтняя „львица“. Высокая

стройная *belle femme*, брюнетка, съ живыми черными глазами. Сорока лѣтъ, уже вдовой, она вышла за 70-лѣтняго старика, моего дядю, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, управлявшаго однимъ изъ округовъ на восточной окраинѣ Россіи. Вѣрнѣе сказать, она женила его на себѣ и проводила на кладбище черезъ два года. При немъ и безъ него она продолжала вести великосвѣтскую бойкую жизнь. Энергичная, ловкая, разбитная, она постоянно вертѣлась въ кругу высшаго общества и эксплуатировала встрѣчнаго и поперечнаго въ свою пользу. Въ провинціальномъ обществѣ она всегда занимала мѣсто первой дамы, распорядилась и повелѣвала. Въ домашней деревенской жизни она также повелѣвала и пользовалась самымъ безцеремоннымъ и жестокимъ образомъ крѣпостнымъ правомъ.

— Представьте себѣ, — продолжалъ Николай Ивановичъ, — что эта госпожа устроила балъ по подпискѣ въ нумерахъ этой гостиницы наверху, какъ разъ надъ тѣмъ нумеромъ, гдѣ лежалъ умирающій.

— Да что же развѣ другого мѣста въ городѣ не было? — замѣтилъ я.

— Было! Да если бы даже и не было, то вы поймите, что изъ одного того, чтобы не беспокоить умирающаго, должно было отказаться отъ бала. Нѣкоторые такъ и сдѣлали. И вѣдь ей говорили, ее усовѣщевали.

— Что же она?

— Ничего-съ! „Михайлу Семеновичу, — говорить, — веселѣе будетъ, когда мы здѣсь танцовать будемъ“. Каково?!

— Ну и устроила?

— Какъ же! устроила.

— Хорошо общество! — сказалъ я, пожимая плечами.

— Нѣтъ! скажите: хорошъ этотъ Б., сплавляющій „мертвое тѣло“ отъ себя подальше, и эта безшабашная „львица“, устраивающая пиръ надъ умирающимъ человѣкомъ.

— Что же? — спросилъ я: — и танцовали?

— Какъ же!.. Всѣ эти, стѣхавшіяся со всѣхъ концовъ Россіи, важныя особы обоюго пола, всѣ плясали до упаду.

— А больной?

— Умирающій! — поправилъ Николай Ивановичъ. — Что же, поневолѣ терпѣлъ, хоть и было не втерпѣжь. Ваша тетушка попляшетъ наверху, пропляшетъ какую-нибудь кадрили или польку и сбѣжитъ внизъ къ Михайлу Семеновичу прохладиться. „Ну что, Михайл Семеновичъ? Какъ вамъ... немножко лучше? Да?“ Ну, а онъ, несчастный, едва лепечетъ, стонетъ, задыхается. По-

править у него подушку, дать лекарство, повертится, помашетъ вѣтромъ... Заиграютъ наверху, и она опять наверхъ. Пригласили, знаете ли, военный оркестръ, выписали изъ Ливадіи. Труды дудятъ, барабаны грохочутъ, вся гостинница ходуномъ ходитъ, дрожить, и все это надъ Щепкинымъ, въ его послѣднія минуты...

— Что-жъ, онъ такъ и умеръ?

— На разсвѣтѣ скончался, когда разѣзжаться стали. Бѣдная душа не выдержала... И знаете ли, какъ я подумаю, какъ я только подумаю объ этой смерти, мнѣ невольно представляется „Невольничій бригъ“ Гейне. Помните:

И все дребезжить, и гудитъ, и гремитъ,
На палубѣ свачка, круженье.

Бѣдный, бѣдный! думаю. Никто ни родной, ни дорогой не закрылъ твоихъ глазъ. Сколько добрыхъ чувствъ ты возбуждалъ въ насъ, сколько юныхъ душъ воспиталъ!.. Тяжела была твоя крѣпостная молодая жизнь и покончилъ ты тяжело твою старость подъ гулъ и громъ музыки, подъ топотъ безпечныхъ нашихъ гуляющихъ людей!..

Коть-Мурлыка.

ВОПРОСЪ

ОБЪ

ИНОСТРАНЦАХЪ ВО ФРАНЦІИ

I.

Четвертаго октября н. с. въ „Journal Officiel“ появился декретъ президента республики, по которому всѣ иностранцы, проживающіе во Франціи или приѣзжающіе на продолжительное время, обязаны явиться въ полицію и тамъ заявить о своемъ званіи, положеніи и т. д., словомъ, доставить всѣ свѣденія, которыя обыкновенно фигурируютъ въ нашихъ паспортахъ, и при этомъ удостовѣрить свою личность какою-нибудь официальной бумагой.

Въ своемъ докладѣ президенту республики министръ внутр. дѣлъ г. Флокé мотивируетъ необходимость испрашиваемаго имъ декрета тревожными размѣрами, которые принимаетъ наплывъ иностранцевъ во Францію.

И дѣйствительно, число иностранцевъ возросло до 3⁰/₀ всего населенія. По опубликованной переписи 1886 г., во Франціи, на населеніе въ 39 милліоновъ душъ, иностранцевъ числилось 1.126.531 ч. Въ 1851 году, на 35-ти-милліонное населеніе, иностранцевъ было только 380.831 ч. Число ихъ утроилось въ 35 лѣтъ. Государственные люди Франціи беспокоятся въ виду такого факта и заботятся объ уменьшеніи числа чужеземцевъ въ ихъ странѣ, особенно если оказывается, что эти чужеземцы — люди вредные или даже бесполезные. Но поможетъ ли дѣлу новый декретъ? Уменьшитъ ли онъ число иностранцевъ? Это — вопросъ. При нынѣшнихъ демографическихъ условіяхъ чужеземный эле-

ментъ во Франціи непремѣнно будетъ увеличиваться, и декретъ г. Флокэ этому не помѣшаетъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно рассмотреть причины влекущія во Францію иностранныхъ выходцевъ. Отыскать такія причины не трудно. За день до появленія вышеупомянутаго декрета, „Journal Officiel“ опубликовалъ отчетъ министерства торговли и промышленности о ростѣ населенія во Франціи за 1887 годъ. Отчетъ заключаетъ нѣсколько весьма интересныхъ данныхъ: во-первыхъ, мы видимъ изъ отчета, что населеніе Франціи, если исключить вновь прибывшихъ иностранцевъ, увеличилось только на 56.536 душъ, составляющихъ перевѣсъ рожденій надъ кончинами. Такой ростъ населенія весьма невеликъ. Онъ составляетъ только 0,15% приблизительно. Въ Германіи онъ въ восемь или девять разъ больше.

Во-вторыхъ, мы видимъ, что число рожденій, почти не измѣнявшееся отъ 1881 до 1884 года, уменьшалось за послѣдніе три года, среднимъ числомъ, ежегодно на 12.808 душъ. Въ 1887 году это число, сравнительно съ 1886 годомъ, доходитъ даже до 13.505 душъ; такъ что если населеніе увеличилось въ прошломъ году на 3.920 душъ, больше чѣмъ въ предшествующемъ 1886 году, то это только благодаря уменьшенію смертности, благодаря тому, что число смертей уменьшилось на 17.425.

Мы оставляемъ въ сторонѣ другія интересныя данныя, какъ напр. тотъ фактъ, что число незаконныхъ рожденій остается неизмѣннымъ, тогда какъ уменьшается только число законныхъ рожденій,—это не касается занимающаго насъ вопроса.

Итакъ, приростъ населенія Франціи очень слабъ, а за послѣднія 7 лѣтъ онъ уменьшился почти вдвое: излишекъ рожденій надъ смертностью упалъ съ 108.229 (1881) душъ на 56.536 (1887 г.). Самый фактъ такого чрезмѣрно слабого прироста населенія уже давно обратилъ на себя вниманіе ученыхъ статистиковъ и государственныхъ людей Франціи. Уже давно, послѣ каждой переписи, вся пресса, указывая на печальное явленіе „пустѣнія Франціи“ (dépeuplement de la France), требуетъ принятія противъ него законодательныхъ мѣръ. Законъ о „седьмомъ ребенкѣ“, изданный года три тому назадъ, по которому седьмой ребенокъ въ семьѣ имѣетъ право на казенное воспитаніе, былъ одной изъ такихъ мѣръ.

Явленіе, о которомъ мы говоримъ, пріобрѣтаетъ еще болѣе печальное значеніе, если вспомнить, что чужеземные элементы населенія все увеличиваются и, естественно, вмѣстѣ съ тѣмъ

ростеть число приходящихъ на ихъ долю рожденій, такъ что вся убыль рожденій падаетъ на коренное французское населеніе.

Обусловливается указанное явленіе цѣлымъ рядомъ соціологическихъ факторовъ, — случайныхъ, временныхъ, какъ большая или меньшая урожайность года, вызывающихъ временныя колебанія прироста населенія, — или дѣйствующихъ постоянно и потому гораздо болѣе опасныхъ. Между послѣдними, какъ уже давно указываютъ, главную роль играетъ законъ о наслѣдствѣ.

Законодатели первой французской революціи уничтожили законы о первородствѣ и уравниали, относительно наслѣдства, права обоихъ половъ. Принципъ равноправности всѣхъ дѣтей обоего пола вошелъ потомъ въ кодексъ Наполеона, нынѣ дѣйствующій во Франціи, и, благодаря этому, въ теоріи собственность можетъ дѣлиться до безконечности. На практикѣ же, богатые французы, зажиточные крестьяне, богатые буржуа, а еще болѣе земельная аристократія всячески стараются не дробить своихъ земель и своихъ богатствъ и прибѣгаютъ ко всякимъ искусственнымъ мѣрамъ для ограниченія численности своего потомства.

Французскіе крестьяне смотрятъ на это дѣло какъ-то совершенно просто. Лѣтомъ, во время путешествія, или живя въ деревнѣ, намъ часто случалось бесѣдовать съ крестьянами о малочисленности ихъ наслѣдниковъ. Они очень просто заявляютъ, что не желаютъ оставлять послѣ себя людей бѣдствующихъ, а предпочитаютъ ограничить потомство, такъ чтобы каждому наслѣднику осталось достаточно средствъ къ жизни.

Въ прилагаемой къ упомянутому выше отчету статистической таблицѣ движенія населенія по департаментамъ мы видимъ, что въ 37 департаментахъ на 1887 населеніе уменьшилось: число рожденій ниже числа смертей, и департаменты эти принадлежатъ къ богатымъ земледѣльческимъ, какъ Côte-d'Or, Eure, Manche, Né-gault, Seine-et-Oise, или къ департаментамъ съ многочисленнымъ городскимъ населеніемъ: напр., Rhône (Лионъ), Bouches-du-Rhône (Марсель), Gironde (Бордо). Въ бѣдныхъ департаментахъ Бретани, гдѣ первобытное населеніе не успѣло еще ознакомиться съ новѣйшими мѣрами для ограниченія числа наслѣдниковъ, населеніе растеть нормально. Особенно сильно размножаются тамъ моряки — люди, большею частью, бѣдные, которымъ дѣлится нечего. На всемъ побережьи Бретани въ рѣде встрѣтите пожилую женщину, которая бы не родила 10, 12, часто 15 дѣтей. Правда, тамъ и смертность дѣтей очень большая.

Въ Парижѣ за пятилѣтній періодъ 1881—1886 г., періодъ между двумя переписями, населеніе города увеличилось исключи-

тельно на счетъ чужеземныхъ элементовъ, — число французовъ, за этотъ періодъ времени, осталось неизмѣннымъ. И въ Парижѣ менѣе всего размножаются зажиточные буржуа; бѣдняки, болѣею частью, плодятся безъ всякихъ расчетовъ.

Предусмотрительность французскихъ крестьянъ и буржуа, ихъ забота о благосостояніи своихъ наслѣдниковъ, сами по себѣ, можетъ быть, понятны, но вмѣстѣ съ тѣмъ выказываютъ недостатокъ предприимчивости. У Франціи много колоній; изъ нихъ двѣ — Алжиръ и Тунисъ — у дверей страны, и излишекъ населенія легко могъ бы туда выселиться и тамъ оплодотворять богатыя африканскія земли. Къ сожалѣнію, объ этихъ колоніяхъ крестьянинъ не думаетъ, и между колонистами сыновей крестьянъ-земледѣльцевъ очень мало. И вотъ какимъ образомъ принципъ равноправности, самъ по себѣ вполне, можетъ быть, справедливый, привелъ къ послѣдствіямъ весьма неутѣшительнымъ. Они пріобрѣтаютъ особенную важность въ политическомъ отношеніи. Уже теперь, если допустить, что ростъ населенія Франціи и Германіи не измѣнится, легко вычислить, черезъ сколько лѣтъ у Германіи будетъ, благодаря правильно увеличенному населенію, вдвое болѣе войска, чѣмъ у Франціи, — и тогда послѣдней мечтать о реваншѣ будетъ очень смѣло.

II.

Первымъ, самымъ непремѣннымъ, слѣдствіемъ такого медленнаго роста населенія является постоянно возрастающая иммиграція иностранцевъ. Иначе и быть не можетъ. Коренное населеніе увеличивается въ численности чрезвычайно медленно; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, потребности Франціи растутъ въ такой же пропорціи, можетъ быть даже въ болѣе, какъ и потребности всѣхъ народовъ вообще. Желѣзныя и шоссейныя дороги, телеграфъ строятся во Франціи съ такимъ же усердіемъ, какъ и въ другихъ странахъ. Промышленность также развивается здѣсь не менѣе быстро. Удовлетвореніе же всѣхъ этихъ потребностей требуетъ рабочихъ рукъ. Но при медленномъ ростѣ коренного населенія непремѣнно почувствуется недостатокъ въ такихъ рукахъ, и волей-неволей придется ихъ выписывать извнѣ.

Оно такъ и случилось.

По опубликованнымъ статистическимъ даннымъ, относительно проживающихъ во Франціи иностранцевъ, оказывается, что больше всего бельгійцевъ: ихъ около полумилліона (482.261). Въ одномъ Сѣверномъ департаментѣ ихъ около 300.000; они тамъ составляютъ 18% всего населенія. Сѣверный департаментъ — самый

богатый и самый населенный во всей Франціи. Благодаря обилію каменнаго угля, его промышленность сильно развилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ это одинъ изъ богатѣйшихъ департаментовъ и по земледѣлію. Бельгійцы, живущіе тамъ, преимущественно рабочіе: въ такомъ промышленномъ департаментѣ, естественно, нуждаются въ рабочихъ рукахъ (въ этомъ же департаментѣ—наибольшій перевѣсъ рожденій надъ смертями (14.397); интересно было бы знать, какую роль въ этомъ излишѣ играютъ бельгійцы).

Послѣ бельгійцевъ, первое мѣсто по численности занимаютъ итальянцы (ихъ около 260 т.). Они тоже главнымъ образомъ составляютъ рабочую силу. Большая часть французскихъ желѣзныхъ дорогъ послѣдняго времени построены итальянскими землекопами. Значительную, если не большую, часть каменщиковъ и землекоповъ (особенно послѣднихъ) составляютъ во Франціи итальянцы.

Третье мѣсто занимаютъ нѣмцы: ихъ сто тысячъ, изъ которыхъ 36 т. въ Парижѣ. И нѣмцы также составляютъ рабочую силу. Значительная часть прислуги, особенно въ гостинницахъ и кофейняхъ — нѣмцы. Много также нѣмецкихъ приказчиковъ въ торговыхъ домахъ, даже французскихъ (о нѣмцевъ и говорить нечего: тамъ всегда всѣ служащіе—нѣмцы), гдѣ ихъ берутъ, несмотря на всю ненависть къ нимъ, берутъ потому, что они не такъ требовательны, какъ французы, довольствуются гораздо меньшимъ заработкомъ, и, что часто очень важно для коммерсантовъ, почти всегда владѣютъ двумя или тремя языками.

За нѣмцами, по численности, слѣдуютъ испанцы (79 т.), затѣмъ швейцарцы (60 т.), голландцы (37 т.), англичане (36 т.), австрійцы (11 т.), американцы (10 т.), и т. д.

Итакъ, медленный ростъ кореннаго населенія вызвалъ сильный притокъ иностранцевъ, главнымъ образомъ рабочихъ, въ которыхъ Франція, въ сущности, нуждается. Она даже сама ихъ призываетъ. Ежегодно, лѣтомъ, во время жатвы хлѣбовъ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ выписываютъ жнецовъ изъ Бельгіи. Французскіе строители желѣзныхъ дорогъ, предприниматели частныхъ и общественныхъ работъ, сами призываютъ землекоповъ и каменщиковъ изъ Италіи.

Кромѣ положенія рабочаго, коммерсанта или челоуѣка, живущаго для своего удовольствія своей рентой (*rentier*), иностранецъ никакого другого положенія занять не можетъ. Оффиціальныя мѣста, т.-е. штатныя государственныя или городскія должности, иностранцамъ *абсолютно* недоступны. Иностранецъ не можетъ служить на желѣзной дорогѣ; желѣзно-дорожныя компаніи иностранцевъ на службу не принимаютъ.

Во Франціи нѣтъ профессоровъ-иностранцевъ, и подавно на французской службѣ нѣтъ иностранцевъ, хотя бы великихъ ученыхъ, которые бы ни слова не знали по-французски.

Въ теоріи, иностранецъ можетъ быть преподавателемъ иностранныхъ языковъ въ государственныхъ заведеніяхъ. На практикѣ же это почти невозможно, и во всякомъ случаѣ бываетъ очень рѣдко. Экзамены такъ обставлены, что иностранецъ ихъ выдержать не можетъ, если онъ не рожденъ во Франціи и не владѣетъ французскимъ языкомъ, какъ литературно-образованный французъ. Отъ кандидата, кромѣ безукоризненнаго знанія французскаго языка, требуется еще обширное знакомство съ французской литературой, и главное вниманіе экзаменаторовъ обращено на это послѣднее. Французскій языкъ играетъ въ экзаменѣ большую роль, нежели иностранный, который придется кандидату преподавать: онъ можетъ не умѣть бѣгло изъясняться на этомъ языкѣ, но по-французски онъ долженъ говорить бѣгло и безошибочно.

Иностранецъ во Франціи не имѣетъ даже права быть преподавателемъ въ частныхъ заведеніяхъ, если ему не даны гражданскія права (*s'il n'est pas admis à la jouissance des droits civils*), или, какъ выражаются обыкновенно, если онъ не имѣетъ права жительства (*s'il n'est pas „admis à domicile“*). Полученіе же этихъ гражданскихъ правъ обставлено довольно сложной процедурой, потому что оно составляетъ обыкновенно первый шагъ къ натурализаціи—формальности весьма затруднительной во Франціи. Вотъ черезъ какую процедуру приходится пройти иностранцу, желающему получить гражданскія права или совершенно натурализоваться. Начинается, понятно, прошеніемъ на имя министра юстиціи, —прошеніемъ о доставленіи только гражданскихъ правъ: сразу натурализоваться невозможно. Дѣло передается полиціи, которая начинаетъ длинное слѣдствіе. Къ иностранцу является агентъ, которому нужно дать всякія свѣденія, между прочимъ адреса всѣхъ домовъ, гдѣ онъ проживалъ за все пребываніе въ Парижѣ. Вездѣ наводятся справки: и на квартирахъ, и въ консульствѣ, а иногда и на родинѣ. Длится это мѣсяца три, и тогда только, если ничего предосудительнаго не окажется, иностранецъ приглашается уплатить 175 фр. По внесеніи этой суммы, въ „*Journal Officiel*“ публикуется декретъ, что такой-то „*est admis à la jouissance des droits civils*“.

Одно это уже составляетъ для иностранца нѣкоторую гарантію: министръ внутреннихъ дѣлъ не имѣетъ права собственнымъ постановленіемъ выслать его изъ предѣловъ Франціи, какъ нѣ можетъ распорядиться совершенно безконтрольно со всякимъ

иностранцемъ, не имѣющимъ во Франціи гражданскихъ правъ; пользующагося такимъ правомъ можно выслать только рѣшеніемъ комитета министровъ. Кромѣ того, иностранецъ „*admis à domicile*“, какъ мы уже сказали, имѣетъ нѣкоторыя права, какъ напр. право преподавать въ частныхъ заведеніяхъ (такіе иностранцы избавлены отъ выполнения формальностей, установленныхъ для иностранцевъ послѣднимъ декретомъ).

Но къ государственнымъ должностямъ иностранецъ, даже пользующійся гражданскими правами, еще не допускается. Чтобы получить штатное мѣсто, онъ долженъ быть натурализованъ, что возможно только черезъ три года по полученіи гражданскихъ правъ; срокъ, правда, считается со дня подачи перваго прошенія. Такъ что, сколько бы лѣтъ иностранецъ ни прожилъ во Франціи до прошенія о гражданскихъ правахъ, это все равно, — нужно ждать три года. Исключеніе дѣлается только для ученыхъ, оказавшихъ своими трудами услуги Франціи, для изобрѣтателей, развившихъ въ странѣ отрасль промышленности, и т. п. Но эти исключенія очень рѣдки. Мы знаемъ примѣръ англичанина, учителя англійскаго языка, одного изъ лучшихъ въ Парижѣ, состоявшаго около 20-ти лѣтъ на государственной службѣ, въ качествѣ преподавателя въ трехъ лицеяхъ (гимназіяхъ), которому все-таки пришлось ждать три года до своей натурализаціи. По истеченіи этихъ трехъ лѣтъ можно просить о натурализаціи. Тутъ справокъ уже меньше, зато снова нужно внести 175 фр.

Такая сложная процедура дѣлаетъ то, что на сѣверѣ Франціи, въ Сѣверномъ департаментѣ, живетъ масса бельгійцевъ-рабочихъ, которыхъ дѣды уже родились во Франціи, а они продолжаютъ оставаться бельгійскими подданными. Для бѣднаго рабочаго 350 фр. — крупная сумма; къ тому же натурализація ему никакихъ особенныхъ выгодъ не доставляетъ: онъ все равно останется рабочимъ.

Вмѣсто того, чтобы издать декретъ, который, какъ мы видимъ, наплыву иностранцевъ не помѣшаетъ — онъ можетъ развѣ избавить страну отъ иностранныхъ бродягъ, — французское правительство поступило бы гораздо благоразумнѣе, если бы оно облегчило иностранцамъ возможность получать права французскаго гражданина. Значительная часть иностраннаго элемента натурализовалась бы, и Франція нашла бы въ этомъ „ростъ извнѣ“ компенсацію крайне медленнаго приращенія — можетъ быть, даже убыли — своего коренного населенія.

М. К — лѣ.

Парижъ, (21) 9-го октября.

СЦЕНЫ

ИЗЪ

АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ

Соч. Бланки Роввельтъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ и ПОСЛѢДНЯЯ *).

I.

Энильда вскорѣ стала царицей Нью-Йорка — „мѣдной царицей“, какъ ее называли, намекая на отцовскіе рудники. Розенъ такъ отлично сѣумѣлъ подготовить почву для пересадки своего дорогого цвѣтка, что все лучшее, — измѣряемое, по-американски, на золотой аршинъ, — раскрыло настежъ двери передъ гостѣй.

Кромѣ богатства отца, красота Энильды была настолько замѣчательна, даже въ этой классической странѣ хорошенькихъ женщинъ, что могла оправдать ея свѣтскіе успѣхи. А ея нравственныя качества тоже привлекали къ ней людей. Кротость ея нрава, простота манеръ, оригинальная и прелестная смѣсь врожденной непринужденности и пріобрѣтенной граціи вскорѣ завоевали всѣ сердца. Не будь она даже умна, такъ показалась бы умной, будучи такой привлекательной; но къ довершенію всего она дѣйствительно была умна, и, поговоривъ съ нею съ часть времени, люди забывали про ея красоту. Поэтому господство

*) См. выше, ноябрь, 223 стр.

Энильды совсѣмъ и не оспаривалось: личность дѣвушки покорила Нью-Йоркъ, а ея обстановка упрочила побѣду.

Но когда улеглось возбужденіе первыхъ дней, Энильда увидѣла, что богатство и всѣ удовольствія, какія оно даетъ, не могутъ наполнить жизни, и что существованіе, слагающееся изъ суетности и внѣшности, очень пусто.

Душа ея вся безраздѣльно принадлежала Клермонту. Она невольно сравнивала съ нимъ всѣхъ мужчинъ, которыхъ видѣла въ Нью-Йоркѣ, и сравненіе было не въ пользу послѣднихъ. Она думала о немъ непрерывно; вѣра ея въ него была безпредѣльна, и она писала ему съ каждой почтой, не дожидаясь отвѣта. Въ первомъ же письмѣ она сообщила о перемѣнѣ въ ея обстоятельствахъ и о переселеніи въ Нью-Йоркъ.

Между тѣмъ дни и недѣли проходили, не принося извѣстій изъ Англіи, и въ ея сердцѣ заронилось горькое предчувствіе. Она считала дни, слѣдила за прибытіемъ и отходомъ пароходовъ; книга ея жизни болѣе походила на записную книжку арматора, чѣмъ на дневникъ молодой дѣвушки. Вліяніе душевной тревоги начинало сказываться на ея наружности: лицо ея поблѣднѣло, глаза омрачились. А писемъ все не было. Чтѣ бы это значило?

Послѣ пріѣзда въ Нью-Йоркъ, она рѣшила дожидаться письма отъ Клермонта, чтобы довѣрить свою тайну отцу и умолять его о согласіи на ея бракъ, и это рѣшеніе придавало ей силу глядѣть отцу въ лицо, несмотря на то, что она таила отъ него такое важное обстоятельство. Она ждала съ искреннимъ нетерпѣніемъ момента, когда ей можно будетъ избавиться отъ тайны, удручавшей ея душу. Ей казалось, что отецъ читаетъ на ея лицѣ то, чтѣ она отъ него скрываетъ.

Наконецъ, наступилъ день, который долженъ былъ положить конецъ этому испытанію. Два мѣсяца прошло со времени отъѣзда изъ Ларами, когда въ одно прекрасное утро Шарлотта Кордэ подала своей госпожѣ письмо съ англійскимъ штемпелемъ. Быстро разорвавъ конвертъ, молодая дѣвушка пробѣжала жадными глазами письмо, но уже съ первыхъ строкъ глаза ея отуманились, письмо выскользнуло изъ рукъ, и она упала на руки вѣрной кормилицы.

— Ахъ, Шарлотта! — вскричала Энильда вся въ слезахъ: — я чувствую, что умру.

Со слезами и рыданіями повѣдала она истину огорченной негритянкѣ. Письмо Клермонта не оставляло никакихъ сомнѣній. Вотъ чтѣ онъ писалъ:

„Была минута въ моей жизни, когда я былъ достоинъ васъ, Энильда, но эта минута не долго длилась. Случай свелъ

меня съ вами, и мое желаніе приковало бы меня къ вамъ на вѣки, еслибы судьба не рѣшила иначе. Когда я прибылъ въ Ларамы, я былъ женихомъ лэди Мильдредъ Аллизонъ; къ ней призывала меня депеша изъ Лондона. Прибывъ туда, я нашелъ ее на краю могилы, вслѣдствіе паденія съ лошади. Послѣднимъ ея желаніемъ было обвѣнчаться со мною передъ смертью. Я согласился на это, и теперь вамъ пишетъ тройной клятвопреступникъ, такъ какъ я любилъ васъ всѣмъ сердцемъ и всей душой, когда согласился стать мужемъ другой женщины. Я знаю, что вы возненавидите меня за то, что я вамъ пишу, но видитъ Богъ, что я не тотъ, когда былъ съ вами. Но сообразите весь ужасъ моего положенія. Вы знаете, что такое честь; если она налагала на меня обязанности относительно васъ, то налагала также и относительно ея... и я былъ у одра смерти. Что сказать вамъ еще? Я слѣпо довѣрился судьбѣ съ безумной и преступной надеждой, что обстоятельства выручатъ меня. По странной ироніи смертельныхъ болѣзней, жена моя выздоровѣла... Прощайте, Энильда. Отнынѣ вы будете думать обо мнѣ съ ненавистью; я же всегда буду вспоминать васъ съ любовью, и клянусь, что если когда-нибудь случай сведетъ насъ снова, вы увидите, что чувства мои къ вамъ нисколько не измѣнились. Не считайте этихъ словъ оскорбленіемъ вашей добродѣтели, но данью воспоминанія о васъ. Вы молоды, забудете меня и полюбите другого; я же не такъ уже молодъ; я всегда буду помнить васъ и не полюблю никакой другой женщины. Осмѣлюсь ли просить васъ объ одной милости, которую только вы и можете мнѣ оказать, такъ какъ у меня нѣтъ матери? Молясь Богу, просите Его и за меня, чтобы Онъ послалъ мнѣ мужество и покорность. А пока еще разъ прощайте. Джонъ Клермонтъ“.

Вотъ и все. Послѣ перваго взрыва горести, слезы Энильды внезапно высохли; ей казалось, что сердце ея разбилось отъ напряженной тоски.

— Конечно... я его больше не увижу... а я такъ его любила... и еще люблю!

Шарлотта Кордэ осыпала свою госпожу тѣми знаками безмолвной симпатіи, которые только и могутъ служить цѣлебнымъ бальзамомъ для великихъ горестей. День уже подходилъ къ вечеру, когда въ дверь Энильды постучались.

Она вздрогнула и встала.

— Это папа, — сказала она твердымъ голосомъ. — Оставь насъ, Шарлотта, я хочу быть съ нимъ одна.

Розенъ вошелъ съ улыбающейся фizioноміей человѣка, кото-

рый знаетъ, что приходу его обрадуются, но при первомъ же взглядѣ на дочь измѣнился въ лицѣ.

— Боже мой, что случилось? — спросилъ онъ съ тревогой, обнимая ее,

— Папа, — отвѣчала она, потупивъ глаза, — я должна сказать вамъ нѣчто такое, что васъ огорчитъ... Но, пожалуйста, не сердитесь на меня. Это дѣло кончено теперь.

И глухимъ голосомъ, прижимаясь къ широкой груди отца, она пересказала ему о томъ, что намъ уже извѣстно.

Съ мрачнымъ лицомъ и грознымъ взглядомъ прочиталъ онъ полученное Энильдою письмо и хотѣлъ разорвать его, когда она инстинктивнымъ жестомъ удержала его.

— Ты права, — сказалъ онъ тогда: — такія письма слѣдуетъ беречь, но только чтобы оно мнѣ не попалось больше на глаза!

Потомъ съ невыразимымъ чувствомъ онъ прибавилъ:

— Итакъ, онъ жалуется на свою судьбу. Я же счастливъ, потому что пошелъ ей на встрѣчу и взялъ ее въ союзницы. Ну, полно, мое дитя, — моя любовь сильнѣе любви этого человѣка и никогда тебѣ не измѣнитъ.

Недѣли три спустя послѣ катастрофы, разрушившей счастье его дочери, Розенъ вошелъ къ ней и вдругъ спросилъ:

— Хочешь ѣхать путешествовать, Энильда?.. побывать въ Европѣ?

Кровь бросилась въ блѣдное лицо молодой дѣвушки.

— Въ Европу? — проговорила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Не въ Англію, конечно... въ Парижъ. У меня есть тамъ дѣла, которыя хорошо было бы уладить лично.

— О, да! мнѣ пріятно будетъ увидѣть Парижъ. Когда мы ѣдемъ?

— Хоть завтра, если хочешь.

На слѣдующій день они сѣли на пароходъ, въ сопровожденіи вѣрной Шарлотты Кордэ. Энильда вскорѣ увидѣла, что отецъ поймалъ ее на удочку, и что „дѣла“ вовсе не занимали его во время ихъ пребыванія въ Парижѣ. Они объѣздили весь континентъ. Энильда увидѣла чудную Италію и ея вѣковѣчные памятники искусства и красоты природы; она проплыла по пыли исчезнувшихъ цивилизацій среди развалинъ вѣчнаго города.

И мало-по-малу время, этотъ великій утѣшитель, взяло свое. Натура Энильды была вѣрная и здоровая; перемѣна, интересъ и возбужденіе путешествія, наслажденіе художественными произ-

веденіями, а главное, искреннее желаніе справиться съ собой— произвели благотѣльное дѣйствіе. Когда, послѣ четырехъ-мѣсячнаго отсутствія, они вернулись въ Америку, рана была залечена. Она все еще думала о Клермонтѣ, но уже не съ такой горечью. Она все еще любила его, но уже не съ такой страстью. Ея любовь могла питаться только воспоминаніемъ и сожалѣніемъ, а это недостаточная пища для молодого сердца.

II.

Быль уже десятый часъ утра, а миссисъ Хромо еще не сходила съ завтраку. Стоя передъ каминомъ, поставивъ одну ногу на рѣшетку изъ полированной мѣди, Адамъ Хромо поглядывалъ на часы, и досада выражалась на его лицѣ, помятомъ заботами и тревоженіями трудовой жизни. Утро было холодное и ясное. Первый ноябрьскій морозъ развеялъ чудные серебряные арабески на большихъ стеклахъ оконъ.

Адамъ Хромо, наскучивъ ждать, отошелъ отъ камина и, подойдя къ окну, сталъ разглядывать арабески.

— Вотъ, по крайней мѣрѣ, украшенія, которыя мнѣ ничего не стоятъ,—сказалъ онъ самому себѣ.—Лишь бы стекла не лопнули. Богу извѣстно, въ какую баснословную сумму они обошлись мнѣ... Двадцать минутъ десятого... Люси, право, злоупотребляетъ... Я спрошу себѣ завтракать.

И онъ прижалъ электрическую пуговку. Трое слугъ явились на зовъ.

— Тристрамъ, завтракать мнѣ, сейчасъ. И сегодняшнія газеты подать.

— Какія прикажете?

— Всѣ.

Въ Нью-Йоркѣ ихъ издается ни болѣе, ни менѣе какъ штукъ сорокъ. М-ръ Хромо любилъ проглядывать ихъ всѣ, для возбужденія аппетита.

Тристрамъ былъ камердинеръ м-ра Хромо, его мажордомъ, фактотумъ, и очень былъ озабоченъ въ настоящее время очевиднымъ разладомъ, существовавшимъ между его господиномъ и женой послѣдняго. Въ гостиной происходили тревожныя сцены, находившія отголосокъ въ кухнѣ. Ходили слухи о разгнѣдѣ, даже о разводѣ, и любопытство было такъ сильно возбуждено между прислугой, что каждое слово, сказанное мужемъ женѣ и обратно, немедленно записывалось у Тристрама шифромъ, стенографиро-

валось Зиновіей, первой камеръ-фрейлиной м-съ Хромо, и комментировалось въ подвальномъ этажѣ дома.

Тристрамъ вернулся съ газетами; завтракъ внесенъ былъ въ другую дверь, а м-съ Хромо появилась въ третью, въ сопровожденіи Зиновіи.

— Вы опоздали, м-съ Хромо,—замѣтилъ Адамъ.

И Тристрамъ давай скорѣе царапать шифръ.

— Да, дѣйствительно, немного,—отвѣчала Люси высокомернымъ тономъ.

Зиновія поспѣшила стенографировать.

— Немного, м-съ Хромо? По вашему, это немного—двадцать минутъ?.. Завтракъ испорченъ, рыба подсохла, жаркое подгорѣло, а шифръ остыл... Двадцать минутъ—да это треть часа.

— Совершенно вѣрно.

Тристрамъ и Зиновія записали.

— Развѣ вы нездоровы?.. Немного жареной ветчины, Матьюсъ, свѣжее яйцо, отварного картофеля и цыпленка. Поставьте все это на столъ... Мнѣ ѣсть не хочется, но, можетъ, что-нибудь и возбудитъ аппетитъ... Я вижу вонъ тамъ на буфетѣ пирогъ и анчоусы. Подайте и ихъ. Принесите мнѣ кофе; шоколадъ слишкомъ сладокъ... И такъ, я говорилъ, что, можетъ быть, вы устали?

— Устала? разумѣется, устала. Наше вчерашнее собраніе окончилось поздно, и мысль о щекотливыхъ вопросахъ, которые обсуждались на немъ, не давала мнѣ спать до утра... Мартинъ, дайте другого чая; этотъ простылъ... Но я не столько устала, сколько деморализирована.

— Могу васъ спросить, почему?

— Разумѣется. И я вамъ отвѣчу, хотя и знаю, что это вамъ все равно. Ну вотъ: есть вещи, которыхъ я не знаю, и это незнаніе огорчаетъ меня. Вчера вечеромъ, на примѣръ, профессоръ Протоплазмъ задалъ сложныя и глубокія задачи, которыхъ никто не могъ разрѣшить. Что другіе не разрѣшили—бѣда невелика. Но я-то? вѣдь мы самые богатые люди въ Нью-Йоркѣ? а между тѣмъ печальная истина несомнѣнна: мнѣ чужда греческая культура.

„М-съ Хромо чужда греческая культура“, стенографировала Зиновія.

— Такъ, я ничего не знаю о Гомерѣ.

— Ба! — перебилъ Адамъ: — я увѣренъ, что ты знаешь столько же, сколько и другіе.

— Богъ вѣсть. Какіе другіе? Вы, на примѣръ?

— О! я знаю о немъ все, что мнѣ нужно знать... Матьюсъ, дайте мнѣ еще жареныхъ устрицъ.

— М-ръ Хромо, мнѣ стыдно васъ слушать. Но дѣйствительно вы ничего не знаете и не хотите знать, кромѣ клея. Фабриковать клей и продавать его — вотъ вся ваша забота. Троянская лошадь могла бы очутиться здѣсь, и вы бы поспѣшили ободрать ее, разрѣзать на части, сварить и продали бы выварки въ банкахъ съ этикетками. Подумать, что я на всю жизнь связана съ человѣкомъ бездушнымъ!.. Мартинъ, еще бисвитовъ!

— На всю жизнь? Кто знаетъ, м-съ Хромо? есть столько средствъ отдѣлываться отъ людей, и мы потолкуемъ еще о нашемъ проектѣ... Къ тому же сегодня человѣкъ живъ, а завтра умеръ... Вотъ, напримѣръ, я думалъ, что никогда не избавлюсь отъ своей тещи...

— Адамъ Хромо, это ужасно! — вскрикнула Люси въ слезахъ. — Оскорбляйте меня сколько хотите, но оставьте въ покоѣ прахъ моего семейства!

Тутъ Зиновіи пришлось прервать редакцію своихъ замѣтокъ, чтобы подать своей госпожѣ платокъ, вытканый изъ ананасныхъ нитокъ.

— Право, милостивый государь, когда моя бѣдная матушка въ могилѣ...

— Да гдѣ же ей и быть, душа моя, какъ не тамъ, гдѣ всѣ мы будемъ, когда умремъ? Развѣ ты хотѣла бы подражать тому дураку-европейцу, который всюду возилъ за собою кости своей жены?.. Кстати, мнѣ приходитъ въ голову, что это вовсе не такъ глупо, и что и я, быть можетъ, со временемъ... Матюсъ, дайте мнѣ жареныхъ почекъ!

— Довольно, милостивый государь, довольно!.. Такія рѣчи уместны у васъ въ лавкѣ или на фабрикѣ. Но здѣсь не срамите себя хоть въ глазахъ прислуги! Что касается деликатнаго напоминанія о моей смерти, то помните одно, Адамъ Хромо: если вы воображаете, что уморите меня своимъ недостойнымъ поведениемъ, то очень ошибаетесь, и не скоро еще придется вамъ путешествовать съ моимъ трупомъ въ чемоданѣ. Впрочемъ, человѣкъ, способный такъ говорить съ женой, долженъ знать, какъ я о немъ думаю...

— Ну, какъ знать! — перебилъ Адамъ.

— Милостивый государь, еще не наступила минута высказать вамъ то, что я о васъ думаю, — отвѣтила м-съ Хромо съ достоинствомъ.

— Но наступила минута мнѣ идти въ контору, — сказалъ мужъ, вставая, — если только ваши уши могутъ вынести это слово.

М-съ Хромо поднесла къ губамъ салфетку, и на послѣдней появилось кровавое пятнышко. Зиновія бросилась къ ней.

— Ахъ, сударь,—проговорила она рѣзкимъ тономъ:—вотъ послѣдствія несчастія, которое вчера случилось съ барыней! Когда она возвращалась съ литературнаго вечера, ея карету зацѣпилъ одинъ изъ вашихъ фургоновъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Люси?—спросилъ Адамъ тономъ искренняго участія, подходя къ женѣ, у которой нашлось достаточно силы, чтобы устранивъ его жестомъ.

— Да, сударь,—продолжала горничная,—барыню опрокинули.

— Ахъ, Боже мой!—вскричалъ Хромо, поблѣднѣвъ.—Но почему же вы мнѣ не сказали раньше, что карету опрокинули?

— Не карету, сударь, а барыню. Барыня, совсѣмъ разстроенная, пріѣхала къ миссъ Грейзонъ, гдѣ происходило собраніе. А сегодня утромъ, послѣ дурно проведенной ночи, высунувъ голову изъ окна, чтобы освѣжиться, она увидѣла девять фургоновъ, проѣзжавшихъ гуськомъ по улицѣ. Это былъ послѣдній ударъ, сударь... у барыни пошла кровь горломъ, и она должна была опять лечь въ постель.

— И поэтому ты опоздала къ завтраку?—спросилъ мужъ.

— Да, поэтому. Но теперь мнѣ лучше, и я скоро совсѣмъ оправлюсь, Адамъ, если только ты пообѣщаешь мнѣ, что удалишься отъ дѣлъ...

— Все, что вамъ угодно, м-съ Хромо, только не это. Клей—нашъ хлѣбъ насущный, и я буду ему вѣренъ.

М-съ Хромо встала съ достоинствомъ.

— Вы можете жить клеємъ, если вамъ угодно, но я не согласна,—проговорила она надменно,—и я вамъ объявляю, что черезъ полгода мы будемъ разведены: вотъ мое послѣднее слово. Мой возвышенный умъ презираетъ торгашескія соображенія, и клей убилъ всю мою любовь къ вамъ. Зиновія, дайте руку! Ступайте въ свою контору, милостивый государь, имѣю честь кланяться.

И она величественно ушла, оставивъ Хромо наединѣ съ сигарой въ два доллара за штуку.

III.

Было четыре часа пополудни. Шумъ достигъ апогея въ большомъ запылавшемся городѣ, гдѣ на улицахъ толпился дѣловой народъ среди оглушительнаго треска каретъ и omnibusовъ, катив-

шихся по мостовой, восклицаній и брани кучеровъ и всяческаго гвалта, производимаго тысячной толпой.

Съ утра Джонъ Арундель бродилъ безъ цѣли въ этомъ аду. Онъ очень измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы его видѣли; пять истекшихъ лѣтъ тяжело пронесли надъ его головой; онъ еще больше исхудалъ; сѣдые волосы стали совсѣмъ бѣлыми, а растерянное и смущенное выраженіе, очевидно, уже не сходило съ его лица. Поглаживая длинную бороду, развѣвающуюся по вѣтру, и махая зонтикомъ съ безпорядочными и нервными жестами, онъ идетъ впередъ, возвращается назадъ, сворачиваетъ въ сторону, потомъ въ другую, какъ человѣкъ, окончательно потерявшій голову.

— Не поѣхать ли мнѣ въ Акваріумъ?—разсуждаетъ онъ на углу Союзнаго сквера, видя направляющійся въ ту сторону омнибусъ.

Онъ подаетъ знакъ; тяжелая карета останавливается, онъ подходитъ къ ней, но вдругъ сказалъ съ любезной улыбкой:

— Ступайте, я передумалъ.

— Чортъ бы васъ побралъ!—реветъ возбѣшенный кондукторъ.

— Не пойти ли мнѣ къ подъѣзду оперы поглядѣть, какъ выходитъ публика изъ театра? Мнѣ очень хотѣлось бы послушать, какъ поетъ Нильсонъ, еслибы только было чѣмъ заплатить за мѣсто... Ахъ! негодный злодѣй, когда же это я разыщу его?!

И, размахивая зонтикомъ съ мстительнымъ жестомъ, онъ сбиль шляпу съ головы прохожаго, занятаго чтеніемъ газеты и который выругался какъ ломовой извозчикъ.

— Простите, пожалуйста, я задумался,—живо проговорилъ Арундель.

— Совсѣмъ помѣшанный, болванъ!—пробормоталъ тотъ, поднимая шляпу.

Арундель продолжалъ путь и дошелъ до площади Ирвингъ. Публика поспѣшно выходила изъ оперы, и на тротуарѣ толпился цѣлый рой хорошенекъ женщинъ, кокетливо пожимавшихся отъ холода въ мѣховыхъ пальто и восклицавшихъ:

— Прелестно! восхитительно! ахъ, какой божественный голосъ! А костюмы-то, ма chère? А ея волосы? —Крашенные, милая. А Капуль-то, какой восторгъ!

И среди этихъ восклицаній произнесено было имя, отъ котораго кровь бросилась въ лицо Арунделю и замерло сердце.

— Вонъ она съ своей неразлучной миссъ Грейзонъ!—говорилъ бѣлокурый человѣкъ:—Ее зовутъ „мѣдная королева“. Отецъ ея настоящій набобъ. Вы знаете торговый домъ Венъ и К°?

— Венъ! извините, милостивый государь,—проговорилъ Арун-

дель сдавленнымъ голосомъ, конвульсивно сжимая руку говорившаго.

— Не тискайте такъ сильно, пожалуйста! — сказалъ тотъ. — Что вамъ угодно?

— Вы сейчасъ произнесли имя... Вентъ... Эта молодая дѣвица—его дочь?

— Вовсе нѣтъ. Это миссъ Энильда Розентъ, дочь компаньона Вена. Откуда вы пріѣхали, любезный? Но извините... Какъ поживаете, милая миссъ Розентъ? Не могу ли чѣмъ служить вамъ?

Прислонясь къ стѣнѣ, Арундель пристально глядѣлъ на Энильду, не въ силахъ оторвать отъ нея глазъ. Но, мгновеніе спустя, вниманіе его было привлечено другимъ именемъ.

— Итанъ Флорестанъ—самый милый человѣкъ въ Нью-Йоркѣ, и если бы мнѣ когда-нибудь понадобилась какая услуга, я бы обратился къ нему.

Омраченная память старика снова какъ бы прояснилась.

— Флорестанъ, — пробормоталъ онъ:—я уже слышалъ это имя, но гдѣ?.. когда?.. И, боюсь, сейчасъ опять его забуду.

Въ эту минуту омнибусъ заворачивалъ въ другую улицу, и слова, ярко горѣвшія золотыми буквами надъ дверью, снова вывели его изъ задумчивости. На этотъ разъ онъ не грезилъ; онъ видѣлъ какъ разъ ненавистное ему имя, призракъ, омрачавшій его жизнь. Однимъ прыжкомъ онъ очутился у двери.

— М-ръ Вентъ?—спросилъ онъ у молодого человѣка, хладнокровно глядѣвшаго на него съвозъ рѣшетку, у которой онъ сидѣлъ.

— Уѣхалъ въ Европу!

— Неужели?—вскричалъ Арундель отчаяннымъ голосомъ.— Нѣтъ, онъ здѣсь, но не хочетъ меня видѣть.

— Его нѣтъ здѣсь, любезнѣйшій,—отвѣчалъ привратникъ съ убійственнымъ спокойствіемъ:—но еслибы онъ и былъ, то, по всей вѣроятности, не принялъ бы васъ.

— А компанія... компаньоны?

— Есть м-ръ Розентъ... но онъ ушелъ отсюда въ три часа.

— Когда мнѣ можно его увидѣть?—спросилъ Арундель весь блѣдный.—Я вернусь.

— Лучше напишите ему, чтобы онъ назначилъ вамъ время, когда его можно видѣть.

— Хорошо, напишу.

И онъ уходилъ обезкураженный, какъ вдругъ мысль пронеслась у него въ умъ:—Не пойти ли мнѣ къ нему на квартиру? можетъ быть, мнѣ удастся увидѣть его сегодня же?

Онъ вошелъ въ аптеку и спросилъ адресъ-календаръ и нашелъ въ немъ только одного Розена: „Эрикъ Розенъ, проспектъ Мадейсона“.

Онъ вскочилъ въ омнибусъ. Ночь уже давно наступила, и, проѣзжая мимо часовщика, онъ удивился, увидя, что уже около семи часовъ вечера. Минуту спустя онъ уже стоялъ у дома Розена и позвонилъ. Онъ выбился изъ силъ отъ усталости; ноги у него подгибались и голова кружилась.

Лакей, отворившій дверь, окончательно сразилъ его извѣстiемъ, что м-ръ Розенъ уѣхалъ въ Филадельфію. Несчастный пошатнулся, но повернулся, чтобы уйти, какъ вдругъ его измученное лицо поразило слугу, и тотъ удержалъ его.

— Вамъ, кажется, дурно. Войдите и выпейте чего-нибудь, чтобы оправиться.

Арундель опустился на стулъ въ сѣняхъ, между тѣмъ какъ услужливый лакей пошелъ за предложеннымъ напиткомъ, и обѣими руками ухватился за голову. Безъ сомнѣнія онъ боленъ. Но онъ хочетъ во что бы то ни стало побѣдить слабость и умереть не прежде, какъ пробьетъ часъ мести.

Не успѣлъ онъ проглотить рюмку воды, которую принесъ ему слуга, вмѣстѣ съ бисквитомъ, какъ почувствовалъ, что кровь у него въ жилахъ согрѣлась и огонь загорѣлся въ глазахъ.

— Ахъ!—пролепеталъ онъ, потирая дрожащей рукой исхудалую грудь:—я чувствую, что оживаю... и клянусь, вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, преслѣдовать свою цѣль безъ отдыха и срока, пока не умру самъ или пока онъ не умретъ!

Онъ размахивалъ зонтикомъ, а борода разлеталась въ безпорядкѣ и въ лицѣ его было что-то до того страшное, что слуга отступилъ назадъ.

— Онъ помѣшанъ, бѣднякъ,—пробормоталъ онъ сквозь зубы.

— Помѣшанъ? никогда еще, напротивъ того, не было чело-вѣка болѣе здравомыслящаго, — отвѣтилъ Арундель съ обычной ему кротостью.—Благодарю васъ, мой другъ, я еще вернусь.

Въ то время какъ этотъ странный посѣтитель уходилъ изъ дома Эрика Розена, Энильда возвращалась къ себѣ въ большихъ попыхахъ, такъ какъ ее задержала одна встрѣча въ магазинѣ на Бродвѣй и нескончаемый разговоръ о хромо-литературномъ обществѣ и о проектируемомъ на слѣдующей недѣлѣ посѣщеніи театра цѣлымъ обществомъ, послѣ чего послѣдуетъ ужинъ у Дельмонико.

Чтобы избѣжать толкотни большихъ улицъ, кучеръ свернулъ въ мало посѣщаемую аллею. Въ ту минуту какъ онъ сдерживалъ

лошадей на мѣстѣ, гдѣ чинили шоссѣ, молодую дѣвушку поразили жалобные дѣтскіе крики, которые неслись изъ темнаго угла. Она остановила экипажъ, вышла изъ него въ сопровожденіи Арнольда, довѣреннаго слуги, всегда сопровождавшаго ее въ поѣздѣ, и открыла маленькаго мальчика, лѣтъ четырехъ или пяти, сидѣвшаго въ уголку тротуара и горько плакавшаго. Она попыталась добиться отъ него имени и адреса его родителей, но безуспѣшно.

— Я возьму его съ собой,—сказала она Арнольду,—и мы дадимъ знать полиціи. Бѣдняжка!.. Можетъ быть, его мама теперь въ отчаяніи.

Слово мама поразило ребенка, и онъ пересталъ плавать.

— Мама тамъ,—показалъ онъ на небо,—и не любитъ маленькихъ мальчиковъ, когда они плачутъ. Кирилль пошелъ ее отыскивать и заблудился. Папа любитъ Кирилла, и бабушка тоже, а Кириллу нужна его мама.

— Хочешь ѣхать со мной, крошка?—спросила Энильда ласковымъ голосомъ.—Хочешь ѣхать въ красивой каретѣ?—прибавила она, чтобы побѣдить его сопротивленіе.

Видъ элегантнаго экипажа, повидимому, занялъ ребенка.

— У папа двѣ такихъ лошади,—сказалъ онъ,—и у Кирилла есть пони; онъ сѣрый... Кирилль озябъ,—прибавилъ онъ послѣ минутнаго размышленія...—Онъ поѣдетъ съ хорошенькой дамой.

И дѣйствительно, мальчикъ весь дрожалъ и промокъ отъ дождя, который шелъ уже нѣкоторое время. Энильда взяла его на руки и посадила въ карету.

— Я васъ очень люблю,—важно объявилъ онъ,—и хочу, чтобы вы покатали меня на колѣняхъ, какъ дѣлала мама.

— Изволь, Кирилль,—сказала она, цѣлуя его,—но съ условіемъ, что ты мнѣ скажешь, какъ зовутъ твоего папу и гдѣ онъ живетъ?

— Его зовутъ Флорестанъ,—гордо отвѣчалъ малявка,—и онъ живетъ въ большомъ, большомъ домѣ.

Это имя ничего не сказала Энильдѣ, потому что Нью-Йоркъ—цѣлый міръ. Но она велѣла кучеру ѣхать домой, а Арнольду приказала поскорѣе достать адресъ м-ра Флорестана, а сама пошла одѣваться къ обѣду, разсчитывая завести по дорогѣ ребенка въ домъ его отца. Пока она поручила его заботамъ Шарлотты Кордэ. Маленькій мальчикъ, разумно замѣтивъ, что она черная, а онъ бѣлый, согласился отдаться ея попеченіямъ.

Энильда уже кончала туалетъ, когда негритянка вошла съ растеряннымъ видомъ

— Малютка навѣрное боленъ, *mad'zelle* Нильда, — сказала она. — Онъ растянулся на диванѣ, не хочетъ играть, не глядитъ на конфекты, которые вы ему дали, и просится къ вамъ. А вотъ адресъ его папаши. Только одинъ Флорестанъ и есть во всемъ Нью-Йоркѣ.

— Хорошо, — сказала Энильда, — я сейчасъ же отвезу его домой и пошлю сказать, чтобы меня не ждали къ обѣду. Этотъ Флорестанъ живетъ на краю свѣта, и я ни за что къ обѣду не поспѣю.

Когда она сообщила адресъ Арнольду, тотъ сдѣлать многозначительную гримасу, но Энильда притворилась, что ее не замѣтила.

Дѣйствительно, ѣхать приходилось далекомъ: въ десятую улицу западнаго квартала, и во время пути маленькій Кирилль свернулся калачикомъ на колѣняхъ у своей покровительницы и молчалъ. Карета остановилась передъ большимъ, стариннымъ квадратнымъ, въ римскомъ стилѣ домомъ, съ крышей, съ широкимъ карнизомъ; домъ окруженъ былъ большимъ садомъ съ высокими деревьями и обнесеннымъ стѣной.

При свѣтѣ фонарей кареты, въѣхавшей въ садъ черезъ ворота и катившейся по широкой аллеѣ, Энильда увидѣла фонтанъ, гротъ, прикрытый вьющимися растеніями, густые боскеты и облыя статуи и удивлялась, что въ центрѣ Нью-Йорка есть паркъ, о существованіи котораго она даже и не подозрѣвала. Но тутъ она вспомнила, что находится въ старомъ аристократическомъ кварталѣ города, гдѣ *knickerbockers* гордо держатся вдали отъ шума дѣлъ и гвалта моды.

Энильда чувствовала, какъ неопредѣленное, смутное волненіе овладѣваетъ ея сердцемъ при видѣ жилища, до такой степени непохожаго на все, что она до сихъ поръ видѣла. Она бы не сумѣла объяснить, что собственно ее волнуетъ, да ей и некогда было разбираться въ своихъ ощущеніяхъ, такъ какъ приходилось объясняться съ слугой, явившимся на звонокъ, и совѣмъ, повидимому, сбитымъ съ толку.

— У барона обѣдаютъ гости, — сказалъ онъ, наконецъ. — Я снесу м-ра Кирилла въ его комнату... Но какъ же это Летти выпустила его изъ дому?

— Она заснула, — сказалъ ребенокъ слабымъ голосомъ, — а тогда Кирилль и ушелъ, одинъ-одинешенекъ. Онъ хочетъ, чтобы хорошенькая дама снесла его въ дѣтскую и раздѣла.

— Вотъ выдумалъ!—вскричала Энильда, смѣясь.

Но малютка дергалъ ее за руку и тащилъ къ лѣстницѣ, и слуга, все еще не опомнившійся, попросилъ:

— О! еслибы вы согласились, сударыня, будьте такъ добры... сдѣлайте милость! а не то м-ръ Кирилль примется вричать, а у барона двадцать человѣкъ гостей... и я не смѣю его безпозвоить.

Растроганная настойчивостью ребенка и забавляясь оригинальностью своего положенія, она рѣшилась взойти по лѣстницѣ и пришла въ комнату, слабо освѣщенную газомъ, пущеннымъ не во весь огонь, и заваленную саблями, барабанами, лошадаками, локомотивами и всѣми животными Ноева ковчега изъ дерева и гуттаперчи. Но зато нигдѣ не видно было и слѣда беззаботной Летти.

— Ну,—сказала весело Энильда,—дѣлать нечего, надо слушаться.

И отпустивъ лакея, приказала ему не беспокоить м-ра Флорестана, говоря, что сама расскажетъ ему о случившемся. Послѣ того стала раздѣвать утомленнаго ребенка, глядѣвшаго на нее большими, кроткими и ясными глазами, взглядъ которыхъ проникалъ ей въ душу.

Материнскій инстинктъ, присущій всѣмъ женственнымъ натурамъ, какою была Энильда, замѣнялъ опытъ, и она очень ловко справлялась съ своимъ дѣломъ. Любопытно было видѣть, какъ она, въ бѣломъ со шлейфомъ, нарядномъ платьѣ, въ кружевныхъ облакахъ котораго сіяли брилліанты, разстегивала пуговицы, развязывала шнурки, снимала башмаки и чулочки съ ребенка, съ большимъ удовольствіемъ на нее поглядывавшаго. Въ ту минуту, какъ она хотѣла положить его въ кроватку, онъ сказалъ:

— Кирилль сначала помолится.

И сложивъ ручонки, и глядя ей прямо въ лицо, произнесъ:

— Господи помилуй папу и маму на небѣ, и бабушку, и Кирилла, чтобы онъ былъ всегда послушный, и Летти... нѣтъ, Летти не нужно... она гадкая... А какъ васъ звать?

— Энильда Розентъ.

— Какое хорошенькое имя, и вы сами хорошенькая, и я бы хотѣлъ, чтобы вы были моей мамашей... я о васъ тоже помолюсь... Господи помилуй Энильду!.. Кирилль усталъ,—прибавилъ онъ со вздохомъ,—онъ хочетъ спать. Богъ знаетъ остальное.

Она поцѣловала его, улыбаясь, и хотѣла положить въ кроватку, но онъ заупрямился какъ балованный ребенокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Кирилль хочетъ, чтобы вы его покачали на колѣняхъ, а то онъ не уснетъ.

Она опять уступила. Ослабивъ свѣтъ газа, чтобы ребенокъ поскорѣе заснулъ, она взяла его на руки и стала качать, напѣвая колыбельную пѣсенку, подъ которую сама засыпала въ дѣтствѣ. Малютка Кириллъ не замедилъ уснуть, и странное дѣло, подъ вліяніемъ теплой атмосферы комнаты, полу-темноты, усталости и монотоннаго пѣнія, успокоившаго ея нервы, какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, она почувствовала, какъ мало-по-малу ее охватывало физическое и нравственное оцѣпенѣніе, заставившее позабыть всю аномалію ея теперешняго положенія. Настоящее исчезло для нея, и въ томъ смутномъ состояніи, полу-дремотномъ, полу-мечтательномъ, она переживала всю прошлую жизнь, начиная съ отдаленныхъ воспоминаній о дѣтствѣ и матери, до того ароматнаго и теплаго вечера, когда голосъ Клермонта впервые прошепталъ ей на ухо нѣжныя слова любви и признанія.

Она и теперь слышала чей-то голосъ, но онъ былъ ей чуждъ и незнакомъ; вдругъ рѣзкій свѣтъ упалъ ей въ глаза, и она очнулась.

Передъ нею стоялъ человѣкъ, повернувшій газовый рожекъ и изображавшій собой статую удивленія.

— Ахъ!—сказала она, улыбаясь:—м-ръ Флорестанъ, безъ сомнѣнія? Тс! не разбудите его... Я сейчасъ вамъ все объясню.

IV.

Итанъ Флорестанъ былъ влюбленъ. Съ того вечера, когда передъ нимъ предсталъ восхитительный образъ Энильды Розенъ, державшей на рукахъ его уснувшаго сына, его малютку Кирилла, мысль о ней неотступно его преслѣдовала. Само собой разумѣется, онъ разсыпался въ благодарности и просилъ позволенія быть представленнымъ ея отцу, но услышалъ, что тотъ находится въ отсутствіи. Случайно онъ узналъ при этомъ отъ Энильды, что у нихъ есть общіе знакомые, и въ первый разъ, какъ встрѣтился съ нею у м-съ Хромо, былъ представленъ ей послѣднею по всѣмъ правиламъ искусства. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно встрѣчался съ нею въ обществѣ и непремѣнно ухаживалъ за Энильдой, которая дружески обращалась съ нимъ, но нисколько не поощряла его любви.

Въ одно прекрасное утро, послѣдовавшее за баломъ въ домѣ Розена, на который, конечно, былъ приглашенъ и Флорестанъ, послѣдній, вопреки своему обыкновенію, заспался поутру и не вставалъ еще съ постели, хотя уже пробило десять часовъ.

Онъ плохо провелъ ночь и чувствовалъ себя утомленнымъ и не въ духѣ. Онъ перебиралъ въ умѣ послѣдній разговоръ съ Энильдой и все ея обращеніе съ нимъ. Какъ она къ нему относится? И онъ вздыхалъ при мысли, что, можетъ быть, она зачисляетъ его въ ряды своихъ банальныхъ поклонниковъ, къ которымъ во всемъ относится съ одинаковымъ равнодушіемъ.

Его размышленія были прерваны приходомъ камердинера.

— Въ чемъ дѣло, Вальтеръ?—спросилъ онъ съ досадой.— Визитная карточка? неужели кто-нибудь пріѣхалъ такъ рано?

— Точно такъ, сударь. Старый господинъ, очень странный на видъ. Очень желаетъ васъ видѣть. Остался ждать въ сѣняхъ.

— Арундель?—пробормоталъ Флорестанъ, взглянувъ на карточку.—Гдѣ-то я слышалъ это имя, но когда? Хоть убей, не помню. Ну, просите его. Боже мой, какъ я усталъ!

Вальтеръ ввелъ ранняго посѣтителя.

— Садитесь, пожалуйста, м-ръ Арундель, кажется. Извините, что принимаю васъ въ постели, но вчера я вернулся очень поздно домой и чувствую себя не совсемъ здоровымъ.

— Быть можетъ, у васъ лихорадка?—спросилъ мягко Арундель, садясь на краешекъ стула, положивъ около себя свой вѣрный зонтикъ и вертя въ рукахъ шляпу.—Хининъ очень хорошо помогаетъ въ такомъ случаѣ, но употребленіе его такъ же вредно, какъ и опіума или мышьяка. Я много принималъ его, но долженъ былъ прекратить, потому что хининъ отшибаетъ память, а мнѣ нужна память,—ахъ, какъ нужна, еслибы вы знали!

Флорестанъ съ состраданіемъ поглядѣлъ на старика.

— Извините, — ласково сказалъ онъ, — но позвольте васъ спросить, какое у васъ до меня дѣло?

— Очень простое. Я старъ и разбитъ жизнью, какъ видите, и у меня нѣтъ ни одного друга въ мірѣ; я довѣрился человѣку, который меня обманулъ, обокралъ и разорилъ, и я теперь разыскиваю этого человѣка. Я знаю, что онъ находится въ Нью-Йоркѣ; но какъ быть, когда нѣкому помочь. На дняхъ я услышалъ въ omnibusъ разговоръ о томъ, что вы очень добры, и вотъ, простите меня, я подумалъ, что, можетъ быть, вы согласитесь подать мнѣ добрый совѣтъ, потому что мнѣ не къ кому обратиться.

Онъ опустилъ глаза и съ унылымъ видомъ сталъ разсматривать дно своей шляпы. Флорестанъ приподнялся на изголовьѣ и спрашивалъ себя, не сумасшедшій ли передъ нимъ.

— Еслибы вы были такъ добры высказаться подробнѣе; можетъ быть, мы бы и выяснили что-нибудь.

Неужели Джонъ Арундель напелъ, наконецъ, добраго человѣка? Тонъ, съ какимъ были сказаны эти слова, заставилъ его этому повѣрить, потому что онъ вдругъ приподнялъ голову, провель рукой по глазамъ, какъ бы утирая слезы, и проговорилъ растроганнымъ голосомъ:

— Боже благослови васъ за вашу доброту, каковъ бы ни былъ исходъ моего дѣла! Я вамъ все расскажу и такъ кратко, какъ только можно. Меня зовутъ Джонъ Арундель, какъ вамъ извѣстно; я уроженецъ штата Вермонта. Мой отецъ былъ зажиточный земледѣлецъ. Когда онъ умеръ и мать моя также—упокой Господи ихъ души! — то имѣніе раздѣлилось между тринми дѣтьми. Мои дѣла не особенно процвѣтали, когда, однажды, ночью мнѣ приснился сонъ... Вы слушаете меня?

— Продолжайте.

— Мнѣ два раза снился все тотъ же сонъ: разъ отецъ и мать, другой разъ братъ и сестра совѣтовали мнѣ идти искать счастья на западѣ. Я реализировалъ свое имущество, получилъ за него около трехъ тысячъ долларовъ, уложился и отправился въ Фриско. Въ вагонѣ желѣзной дороги я познакомился съ однимъ человекомъ и тутъ же съ нимъ подружился. Ну, вотъ, этотъ-то человекъ меня и разорилъ. Это величайшій негодяй, какой когда-либо заслуживалъ быть повѣшеннымъ, и я рѣшился разыскивать его до послѣдняго издыханія. Короче сказать, этотъ человекъ и я, мы составили компанію для разработки мѣдныхъ рудниковъ; мы должны были изслѣдовать область мѣдныхъ рудниковъ, только-что открытую въ нижней Калифорніи; я вносилъ капиталъ, а онъ—свою опытность.

— Да, понимаю,—сказалъ Флорестанъ,—старая исторія.

— Ахъ! вы знакомы съ такого рода дѣлами. Я знаю, что на свѣтѣ не мало мошенниковъ, но никогда бы я не заподозрилъ этого человѣка въ томъ, что онъ плутъ. Итакъ, мы подписали контрактъ... Это было... позвольте... это было въ 1871 г., въ годъ большого пожара въ Чикаго, помните. Я далъ ему пятьсотъ долларовъ, и онъ поѣхалъ дѣлать первыя развѣдки въ то время, какъ я старался составить компанію на акціяхъ. Я зналъ въ „Городѣ Садовъ“ человѣка, на котораго надѣялся, что онъ подпишется на большую сумму, но пріѣхалъ въ Чикаго какъ разъ въ день пожара. Мнѣ съ трудомъ удалось спастись самому, а человѣка этого я такъ и не видѣлъ. Мы продолжали наши работы. Вы знаете, какимъ образомъ эти дѣла дѣлаются: какъ только руда будетъ найдена, опыты сдѣланы, эксплуатація намѣчена, такъ мы сейчасъ должны были пустить въ ходъ наши

акціи и реализовать большія суммы. Ну, вотъ, онъ изслѣдовалъ и писалъ мнѣ время отъ времени очень краснорѣчивыя письма, въ которыхъ сулилъ золотыя горы, и требовалъ еще и еще денегъ. Въ одномъ письмѣ онъ извѣщалъ меня, что его мастеръ бѣжалъ вмѣстѣ съ кассой, и что ему нужно еще тысячу долларовъ, чтобы пробить новую шахту. Я послалъ деньги. Нѣсколько времени спустя, онъ написалъ мнѣ, что дѣла идутъ великолѣпно, что мы будемъ миллионерами, но что ему нужно еще тысячу долларовъ. Такъ какъ у меня уже не было больше денегъ, то я набралъ ихъ съ помощью нѣсколькихъ акціонеровъ, которыхъ уже успѣлъ найти. Ну, вотъ, сударь, какъ бы вы думаете, чтó затѣмъ произошло?

— Онъ ничего не нашелъ и растратилъ всѣ ваши деньги.

— Ахъ! еслибы только это! Онъ былъ бы несчастливъ или неловокъ, не его вина, и я бы пенялъ только на себя, что довѣрилъ ему деньги. Но слушайте дальше. Я не получалъ отъ него никакихъ вѣстей; у меня не было ни гроша денегъ; я жилъ въ долгъ въ меблированныхъ комнатахъ, больной, измученный, и уже предвидѣлъ день, когда буду на улицѣ безъ куска хлѣба. И все-таки я еще надѣялся наперекоръ всему, какъ вдругъ получаю такое письмо: „Я въ отчаяніи. Я потерялъ время и ваши деньги, и мы разорены. Я рѣшилъ застрѣлиться; простите меня и забудьте, если можете. Я говорю вамъ голую правду и бесполезно разыскивать меня, потому что когда вы получите это, меня уже не будетъ въ живыхъ“. И посудите о той привязанности, какую мнѣ внушилъ этотъ человѣкъ! Получивъ это письмо, повергавшее меня въ нищету, я плакалъ о немъ, считая его умершимъ. Компанія разстроилась, я заболѣлъ горячкой, и меня снесли въ госпиталь.

— Но почему же вы думаете, что онъ не умеръ? — спросилъ Флорестанъ. — До сихъ поръ я не вижу, чѣмъ могу служить вамъ.

— Вы все можете! — закричалъ Арундель, вскакивая съ мѣста. — Развѣ вы не видите, что все это была низкая комедія? Онъ не убитъ, онъ живъ, онъ — одинъ изъ королей биржи, и мои деньги обогатили фирму Венъ и Комп.

— Венъ и Комп.! — воскликнулъ Флорестанъ, привскакивая въ свою очередь. — Не можетъ быть! Вы не хотите сказать, что Венъ...

— Да, да, этотъ самый Венъ. Люди, знавшіе его, встрѣтили его въ Нью-Йоркѣ годъ тому назадъ. Они сказали мнѣ объ этомъ, и я поклялся его выслѣдить. Но только у меня сдѣлалась

нервная горячка, и я пролежалъ полгода въ больницѣ. Выздоровѣвъ, я пустился въ путь нищимъ, такъ сказать, и приобрѣлъ изъ Сантъ-Франциско сюда.

— Знаете ли вы, г. Арундель, что это страшное обвиненіе противъ человѣка въ его положеніи, и что если у васъ нѣтъ доказательствъ...

Вся эта исторія была очень странная, очень невѣроятная и безсвязная, и однако Флорестанъ невольно заинтересовался ею, и его вниманіе поощряло Арунделя. Но при словѣ „доказательства“ лицо послѣдняго омрачилось.

— У меня есть доказательства, — отвѣтилъ онъ, — письма, записки, счеты, а также изложеніе дѣла, которое я напечаталъ.

И онъ вынулъ изъ кармана портфель, а оттуда бумаги.

— Вотъ доказательства, хорошія доказательства, но по правдѣ вамъ сказать, г. Флорестанъ, — и вотъ почему я нуждаюсь въ вашемъ содѣйствіи — я совѣщался съ адвокатами, и они сказали мнѣ, что доказательства эти недостаточно убѣдительны.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ Вальтера, принесшаго на подносѣ завтракъ.

— Уже поздно, — сказалъ Флорестанъ, — но могу я предложить вамъ чашку кофе?

Взглядъ старика отвѣчалъ за него.

— Да? Очень хорошо. Вальтеръ, оставьте насъ и не приходите, пока я не позвоню. Ну, г. Арундель, покажите мнѣ ваши бумаги.

— Милостивый государь, — смиренно проговорилъ Арундель, кладя руку на руку Флорестана, который наливалъ кофе, — позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой. Вы добры, и Богъ васъ наградитъ; прежде чѣмъ мы позавтракаемъ вмѣстѣ, позвольте мнѣ позать вашу руку.

Флорестанъ покраснѣлъ и, поставивъ кофейникъ, крѣпко пожалъ руку бѣдняку.

— А еще, г. Флорестанъ, — продолжалъ тотъ съ смущеніемъ: — если вамъ все равно, то позвольте мнѣ чѣмъ-нибудь закусить, прежде чѣмъ выпить кофе. Я еще ничего не ѣлъ сегодня.

Флорестанъ былъ глубоко тронутъ. Голосъ этого человѣка глубоко проникалъ ему въ душу, и онъ чувствовалъ, что тотъ исполнѣ искрененъ. Онъ — такой богачъ! неужели же онъ не поможетъ такому бѣдному человѣку! И однако онъ прямой дорогой попадетъ въ нищіе, если будетъ раскрывать кошелекъ для всѣхъ, кто захочетъ запустить въ него руку!

— Разумѣется, г. Арундель, — живо отвѣчалъ онъ, — и если вамъ еще чего-нибудь угодно...

— Благодарю васъ, — важно произнесъ старикъ: — я нуждаюсь въ симпатіи еще больше, нежели въ пищѣ. Я привыкъ жить малымъ, а теперь мнѣ еще меньше нужно, когда у меня есть надежда.

Флорестанъ принялся читать документы, переданные ему Арунделемъ, въ то время, какъ тотъ намазывалъ себѣ хлѣбъ масломъ, и на минуту молчаніе воцарилось въ комнатѣ, нарушаемое только шелестомъ бумаги и стукомъ чайныхъ ложечекъ.

Наконецъ Флорестанъ поднялъ голову.

— Ну? — спросилъ Арундель съ тревогой.

— Ну, мнѣ очень жаль огорчать васъ, но тутъ нѣтъ ни одного вѣскаго доказательства.

Арундель поблѣднѣлъ.

— Ради Бога, не лишайте меня послѣдней надежды!

И онъ поднималъ руки съ отчаяніемъ.

— Ахъ! сколько разъ я проклиналъ эту несчастную партію въ карты на союзной тихоокеанской дорогѣ!

Документы выскользнули изъ рукъ Флорестана, который хлопнулъ себя по лбу.

— Помню! — вскричалъ онъ. — Неужели же вы меня не узнаете? Я игралъ съ вами и выигралъ у Вена всѣ его деньги. Помните?

Арундель сжалъ голову обѣими руками.

— Не знаю, — пробормоталъ онъ, — я совсѣмъ теряюсь... Послѣ нервной горячки я многое позабылъ, и когда мнѣ приходится много говорить, какъ сегодня, и я волнуясь, голова моя идетъ кругомъ... все путается... Я ничего больше не помню и долженъ пойти отдохнуть. Я оставляю вамъ свои бумаги, и, если позволите, приду переговорить объ этомъ въ другой разъ.

— У васъ есть адвокатъ?

— Нѣтъ.

— Куда вы теперь идете?

— Къ себѣ... то-есть въ одно водолечебное заведеніе, директоръ котораго знавалъ меня прежде, а теперь приютилъ и лечить. Вотъ мой адресъ. Прощайте, и да наградитъ васъ Господь! Вамъ не придется раскayаться въ вашей добротѣ ко мнѣ.

„Бѣдняга! — думалъ Флорестанъ, провожая его глазами. — Отъ несчастія у него умъ помутился... Но все же какая странная исторія!“...

V.

Шарлотта Кордэ не была счастлива въ своемъ новомъ жилищѣ и среди величія часто вспоминала про скромный коттеджъ въ Ларами, гдѣ она царила какъ хозяйка, тогда какъ здѣсь была просто лишь служанкой и негритянкой. Никогда до сихъ поръ цвѣтъ кожи такъ ее не мучилъ, и, будучи единственной чернокожей въ домѣ, она страдала отъ своей изолированности, хотя Энильда строго приказывала остальнымъ слугамъ повиноваться Шарлоттѣ и обращаться съ нею съ величайшимъ уваженіемъ.

Вначалѣ Шарлотта облечена была даже должностію экономки, но остальные слуги взбунтовались и на-отрѣвъ отказались быть подъ началомъ цвѣтной женщины. Большинство служанокъ въ Нью-Йоркѣ—ирландки, а никогда еще дочери Зеленаго Эрина не удостоивали являться съ арапками. Непопулярность Шарлотты усилилась еще отъ ея честныхъ попытокъ обличить передъ господами злоупотребленія, плутни и воровство остальной прислуги, ея нахальство и лганье. Честную Шарлотту все это глубоко возмущало, и она не могла безъ негодованія присутствовать при допросахъ, какимъ подвергали Энильду вновь поступавшія служанки.

— Есть ли ванна для прислуги? Изъ чего ванна барышни: изъ серебра или изъ цинка? Серебро въ домѣ массивное или же есть и мельхіоръ? Какого вѣроисповѣданія господа? Принадлежитъ ли она къ верхней или къ нижней церкви? Въ которомъ часу обѣдаютъ? Какія знакомства у фамиліи? На какія воды ѣздятъ лѣтомъ? Могутъ ли слуги приглашать знакомыхъ къ обѣду? Сколько вечеровъ дается въ мѣсяцъ для посѣщенія оперы? и т. д. и т. д.

Въ Новомъ Свѣтѣ приходится подчиняться этому и отвѣчать покорно на всѣ эти вопросы, такъ какъ слуги тамъ сами себя господа и считаютъ себя даже выше тѣхъ господъ, которымъ служатъ. Но честная негритянка не могла сдерживать своего негодованія при такомъ извращеніи общественной іерархіи, и ея отношенія съ остальной прислугой стали такими натянутыми, что Розенъ вынужденъ былъ вступиться. Онъ отвелъ вѣрному созданію отдѣльное помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ и спеціальные часы для завтрака и обѣда. Поваръ, который, въ качествѣ парижанина, былъ чуждъ всякихъ предразсудковъ насчетъ чернокожихъ, согласился на такую комбинацію подъ условіемъ отдѣльной платы за такія экстренныя услуги, не предусмотрѣнныя въ его контрактѣ.

И все-таки этотъ распорядокъ не устранилъ вполне возможности столкновений. Разъ, когда господъ не было дома, Шарлотта Кордэ застала старшую горничную Агнесу за фортепьяно въ большой гостиной, въ голубомъ бархатномъ платьѣ, скопированномъ съ платья госпожи, и въ обществѣ поклонника, молодого, многообщающаго политика, члена муниципального совѣта въ Нью-Йоркѣ, спокойно курившаго сигару, задравъ ноги на выложенный мозаикою столъ. На замѣчаніе, которое позволила себѣ Шарлотта, горничная отрѣзала ей:

— Оставьте насъ въ покоѣ, старая обезьяна! Какъ смѣете вы соваться съ разговорами къ человѣческимъ существамъ, горилла вы этакая!

Къ счастью при Шарлоттѣ Кордэ не было ножа; въ противномъ случаѣ она пошла бы навѣрное по слѣдамъ своей знаменитой тѣзки-убійцы. Но тѣмъ не менѣе миръ былъ нарушенъ ссорой, поднявшей весь домъ на ноги, и изъ которой щеголиха Агнеса вышла съ подбитымъ глазомъ и исцарапаннымъ лбомъ, и съ этими украшеніями ей и пришлось убраться вечеромъ изъ дому.

Вслѣдствіе этого инцидента, негритянка отдалась неусыпному наблюденію за домомъ, и не было такого укромнаго и потаеннаго уголка въ немъ, куда бы она не заглядывала по нѣскольку разъ въ день. Она проникла даже во внутренніе покои Розена и взялась-было за уборку на его письменномъ столѣ, но получила строжайшій приказъ барина больше этого не дѣлать. Со всѣмъ тѣмъ, считая своимъ долгомъ быть неусыпно на стражѣ, она продолжала свой ежедневный обходъ, стараясь только не входить въ покои барина, если онъ дома. Такимъ образомъ она бродила весь день по громадному дому, печальная и угрюмая, избѣгая общества бѣлыхъ, не считавшихъ ее за человѣка, никогда не жалуясь и безъ всякихъ радостей, кромѣ мимолетной ласки или нѣжнаго слова молодой госпожи, одинъ видъ которой возвращалъ блескъ ея темнымъ глазамъ и улыбку толстымъ губамъ.

Разъ, когда Энильда уѣхала изъ дому на цѣлый день, а отецъ ея отправился по обыкновенію на биржу, Шарлотта воспользовалась этимъ, чтобы войти въ покои барина, занимавшаго цѣлый рядъ небольшихъ комнатъ въ первомъ этажѣ, соединенныхъ между собой арками, которыя задрапированы были портьерами и обиты коврами и шолковыми обоями, точно дамскій будуаръ, потому что у Розена былъ такой чуткій сонъ, что онъ не переносилъ не только уличнаго шума, но даже стука часовъ, и всѣ стѣнные и столовые часы у него стояли, такъ какъ монотонный стукъ маятника безпокоилъ его глубоко потрясенную нервную систему.

По окончаніи дозора, негритянка уже собиралась уйти, какъ вдругъ ей захотѣлось взглянуть на миниатюрный портретъ своей покойной госпожи, находившійся, какъ ей было извѣстно, въ одномъ изъ ящиковъ письменнаго стола. Для нея было большимъ утѣшеніемъ въ ея теперешнихъ печаляхъ любоваться милымъ лицомъ матери Энильды, напоминавшимъ ей другія, болѣе счастливыя времена. Не найдя портрета на обычномъ мѣстѣ, она отырала второй ящикъ, затѣмъ третій, какъ вдругъ услышала въ сосѣдней комнатѣ голоса, и въ одномъ изъ нихъ признала голосъ барина. Задрожавъ отъ страха, что ее застанутъ въ кабинетѣ и такимъ образомъ обнаружится непослушаніе, она успѣла только прошмыгнуть въ уборную, отдѣлявшую спальню отъ кабинета. Тяжелыя портьеры служили ей защитой отъ постороннихъ взглядовъ, тѣмъ болѣе, что ночь уже наступала. Присѣвъ на полу и закрывшись складками тяжелой матеріи, скрывавшей отъ нея видъ комнаты, она задерживала дыханіе и ждала, что дальше будетъ

Не безъ угрызенія совѣсти очутилось вѣрное созданіе въ такомъ ненормальномъ положеніи, такъ какъ принадлежало къ рѣдкой, нынѣ быть можетъ уже исчезнувшей, породѣ слугъ, не имѣвшихъ обыкновенія подслушивать у дверей. Она сожалѣла теперь, затѣмъ по-просту не осталась въ комнатѣ, сославшись на хозяйственныя хлопоты, въ чемъ не было ничего худого. Но было уже поздно. У негра существуетъ инстинктъ, неудержимо заставляющій его прятаться за столы и диваны, какъ обезьяну лазить по деревьямъ; заговорите съ нимъ, и вы тотчасъ же увидите, какъ онъ ищетъ глазами убѣжища, куда бы могъ спрятаться.

— Наконецъ-то, — сказалъ Розень, входя, — здѣсь по крайней мѣрѣ намъ можно переговорить съ полною безопасностью.

Бѣдная Шарлотта! Она покраснѣла, если только позволено такое метафорическое выраженіе относительно чернолицатаго чело-вѣческаго существа.

— Я долженъ васъ предупредить, — продолжалъ Розень сухимъ тономъ, — что я не въ духѣ. Я васъ слишкомъ часто вижу въ послѣднее время. Что вамъ еще отъ меня нужно?

— Что мнѣ нужно? — повторилъ другой мужской голосъ. — Я хочу узнать: что вы съ ума сошли, или же вамъ нравится играть съ огнемъ? Развѣ вы не видите, что Флорестанъ сталъ патрономъ и покровителемъ Арунделя?

Шарлотта вздрогнула при имени Флорестана, котораго хорошо знала.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ Розенъ.—Если такъ, то это дѣло м-ра Вена.

Незнакомецъ засмѣялся,—потомъ произнесъ шопотомъ нѣсколько словъ, которыхъ негритянка не разслышала.

— О! вы можете говорить громко,—сказалъ Розенъ.—У этихъ стѣнъ нѣтъ ушей, и онѣ не выдадутъ дикаго бреда бѣшеннаго дурака.

Разговоръ продолжался обычнымъ тономъ, но вскорѣ, однако, перешелъ въ громкій и сердитый споръ.

Что слышала Шарлотта Кордэ изъ убѣжища, куда укрылась терзаемая стыдомъ за то, что попала невольнo въ домашнiе шпионы? Слова, отъ которыхъ она поledenѣла отъ ужаса, а сердце у нея такъ сильно забилося, что, казалось, оно разорвется въ груди. Должно быть у нея вырвался вздохъ, потому что она услышала, какъ господинъ ея вдругъ вскрикнулъ:

— Гм! мнѣ кажется, я слышу какой-то шорохъ.

Негритянка чуть не умерла отъ страха, когда услышала приближающiеся шаги и почувствовала, что занавѣсъ раздвинутъ.

— Нѣтъ, никого нѣтъ,—сказалъ Розенъ и отошелъ.

Шарлотта была спасена. Но Розенъ задвинулъ драпировку не вплотную, и въ узенькую щель, оставшуюся между двумя половинками, негритянка могла теперь видѣть изъ своего уголка сосѣднюю комнату.

Она увидѣла сначала своего барина, ходившаго взадъ и впередъ по комнатѣ, мрачнаго, съ искаженнымъ лицомъ, нервно покусывая сигару. Затѣмъ лицо посѣтителя появилось ей при полномъ освѣщенiи, красивое, блѣдное, гладко выбритое и незнакомое Шарлоттѣ, хотя у нея было смутное ощущенiе, что она какъ будто его уже видѣла, и ужъ, конечно, больше не забудетъ и узнать изъ тысячи другихъ лицъ. Въ то время, какъ она это думала, взглядъ незнакомца внезапно устремился въ ея сторону, и такой блестящiй, пронизательный и острый, что у нея кровь застыла въ жилахъ, а на лбу выступилъ холодный потъ. Ее, безъ сомнѣнiя, открыли, и при этой мысли ужасъ охватилъ бывшую рабыню, хотя теперь, будучи вольной женщиной, ей нечего было такъ опасаться послѣдствiй господскаго гнѣва. Но она заблуждалась: ея не замѣтили, разговоръ продолжался, и вскорѣ негритянка забыла страхъ за самое себя отъ ужаса, внушаемаго открытiями, какiя ей приносилъ подслушиваемый разговоръ. Говорилъ Розенъ и съ страшнымъ гнѣвомъ, наконецъ умолкъ, а незнакомецъ, по прежнему невозмутимый и спокойный, сказалъ:

— Ну, успокойтесь и дайте мнѣ сигару. Къ чему всѣ эти

переворы? Развѣ вы ребенокъ, что не умѣете владѣть собой? Прошлое—прошло; оставимъ его въ покоѣ и будемъ думать о будущемъ. Вы топчетесь на одномъ мѣстѣ и не приходите ни въ какому заключенію. Вопросъ въ томъ: что сдѣлаетъ Вентъ?

— Не произносите этого имени! — закричалъ Розенъ раздраженнымъ тономъ: — и скажите мнѣ только, чего вы хотите, и кончимъ скорѣе.

— Подпишите мнѣ чекъ въ пятьдесятъ тысячъ долларовъ и переведите вашу послѣднюю спекуляцію безусловно на мое имя.

— Только всего? — иронически спросилъ Розенъ.

— Это не все. Есть человекъ, отъ котораго намъ надо во что бы то ни стало сдѣлаться.

— Арундель? — спросилъ Розенъ нетвердымъ голосомъ.

— Нѣтъ, не Арундель, но вы хорошо знаете это. Неужели мнѣ надо называть Флорестана?

— О, воплощенный демонъ! — заревѣлъ Розенъ: — неужели же я такъ низко упалъ, что долженъ выслушивать васъ, презрѣнный грабитель и убійца? Однако надо же, чтобы это когда-нибудь кончилось. Почему бы не сегодня? Почему бы мнѣ не выбросить васъ за дверь сію минуту?

Незнакомецъ всталъ, отряхнулъ ногтемъ пепель съ сигары и тяжело опустилъ руку на плечо собесѣдника.

— Почему? — холодно повторилъ онъ. — Почему вы меня не выгоняете, м-ръ Розенъ? А потому что вы не дуракъ. Въ свою очередь спрошу васъ: почему вы упорно видите во мнѣ врага, когда я желаю вамъ только добра? Послушайте, mon cher, будемъ говорить о дѣлѣ. Разъ навсегда, хотите избавиться отъ Флорестана?

— Нѣтъ.

— Хотите перевести на мое имя вашу послѣднюю спекуляцію?

— Нѣтъ.

— Мой милый другъ, вы съ ума сошли. Безъ сомнѣнія, наши интересы солидарны, но лишь до извѣстной степени... и если вникнуть въ дѣло, то вы больше проиграете, нежели я, еслибы мнѣ вздумалось изобличить нашъ договоръ...

— Что вы не преминете сдѣлать, если вамъ не удастся выманить у меня денегъ, не правда ли? Слушайте, вы просили у меня пятьдесятъ тысячъ долларовъ, — продолжалъ Розенъ, вынимая изъ кармана книжку съ чеками, — вотъ они; возьмите ихъ и помните, что у васъ остается на текущемъ счету...

— Гораздо болѣе, нежели вы думаете, м-ръ Розенъ, — сухо перебилъ незнакомецъ. — Вы сказали свое, теперь моя очередь.

И споръ возобновился съ новою рѣзкостью. Угрозы слѣдовали за угрозами, и несчастная Шарлотта, полу-живая отъ страха, не могла отвести глазъ отъ лица человѣка, который смѣлъ говорить такимъ тономъ съ ея бариномъ. Наконецъ Розенъ произнесъ раздраженнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жалобнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, въ послѣдній разъ говорю, нѣтъ. Берите свой чекъ и оставьте меня. Я признаю истину того, что вы говорите; я чувствую, что вашъ совѣтъ спасителенъ; я его смертельно ненавижу... Но ради нея не хочу стать еще преступнѣе, чѣмъ былъ до сихъ поръ.

— Ну, если вы такъ малодушны, то предоставьте это дѣло мнѣ... а сами уѣзжайте.

— Это возможно,—живо сказалъ Розенъ, какъ бы облегченный отъ большой тяжести.—Ей какъ разъ хочется ѣхать въ Лондонъ нынѣшней весной... и если вы говорите правду о томъ, что готовится, то чѣмъ скорѣе она уѣдетъ, тѣмъ лучше.

— Ну вотъ, наконецъ, вы стали разсудительны!—отвѣчалъ незнакомецъ.—Я ухожу и предоставляю вамъ поразмыслить надъ моими словами. Мы еще увидимся.

И взявъ шляпу и перчатки, не забывъ и чека, онъ быстро вышелъ, точно растаявъ во мракѣ, мало-по-малу сгустившемся на дворѣ и въ комнатѣ. Розенъ подошелъ къ окну, раздвинулъ занавѣсы и довольно долго стоялъ, какъ будто хотѣлъ удостовѣриться, что посѣтитель ушелъ. Затѣмъ, подойдя къ столу, онъ взялъ шляпу, которую на него бросилъ, входя, и пробормоталъ:

— Я долженъ пойти на воздухъ освѣжиться. Всякій разъ, какъ онъ выйдетъ отсюда, мнѣ кажется, я дышу преступленіемъ. И однако, пока я его не встрѣтилъ, я былъ честнымъ человѣкомъ.

Онъ вышелъ въ свою очередь. Черезъ секунду, увѣрившись, что никого нѣтъ, Шарлотта Кордэ выбралась изъ своего убѣжища, вся окоченѣлая, съ затекшими отъ неподвижности членами, съ помутившейся головой, шатаясь какъ пьяная, и побрела въ свою комнату. Но въ ту самую минуту, какъ она проходила мимо двери Энильды, выходившей какъ разъ изъ нея, силы оставили ее, и она упала бы на полъ, еслибы ее не поддержала Энильда.

— Боже мой! что съ тобой, Шарлотта? Ты больна?

— Да... мой ангель... мнѣ... кажется... что я... умираю.

И негрятенка лишилась чувствъ.

VI.

Три недѣли спустя послѣ этого происшествія большой атлантическій пароходъ вступалъ въ портъ Ливерпуля. Среди многочисленныхъ пассажировъ всѣхъ племенъ, болѣе или менѣе цивилизованныхъ, превращающихъ въ настоящую вавилонскую башню эти пловучіе города и гдѣ преобладаетъ англо-саксонскій элементъ, находились наши юныя пріятельницы—Энильда Розенъ и Флора Грейзонъ, въ сопровожденіи вѣрной Шарлотты Кордэ. Палуба представляла собой настоящій человѣческій муравейникъ, гдѣ сновали взадъ и впередъ люди, охваченные волненіемъ, сопровождающимъ всякое отбытіе и прибытіе путешественниковъ; одни суетились и хлопотали о своемъ багажѣ; другіе жадно всматривались въ набережную, на которую имъ предстояло сойти.

Англичане обоихъ половъ, въ неизбѣжномъ дорожномъ *complet* изъ шевіота самыхъ фантастическихъ рисунковъ, съ изумленіемъ созерцали своихъ американскихъ братьевъ и сестеръ, появившихся въ самыхъ блистательныхъ нарядахъ, дамы въ полковыхъ и бархатныхъ платьяхъ, нарядныхъ шляпкахъ, мужчины въ черныхъ сюртукахъ, цилиндрахъ и безукоризненныхъ перчаткахъ. „*Dimmi con chi tu vai e ti diro chi sei*“, говорятъ итальянцы, а въ Соединенныхъ Штатахъ эта поговорка переводится вольно такъ: „покажи мнѣ, какое платье ты носишь, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ“.

Высаживаясь на берегъ Англіи, одни въ первый, другіе во второй, а третьи въ сотый разъ, наши американцы претендуютъ, ступая на землю бывшей метрополіи, показать этой непогрѣшимой для нихъ мѣркой, чего каждый изъ нихъ стоитъ.

Не менѣе элегантная, чѣмъ всѣ ея соотечественницы, Энильда находилась на палубѣ вмѣстѣ со всѣми и разговаривала съ молодой англичанкой, съ которой познакомилась только наканунѣ, когда на корму выползли жертвы морской болѣзни, скрывавшіяся до тѣхъ поръ въ каютахъ. Случай столкнулъ двухъ молодыхъ женщинъ, и онѣ почувствовали инстинктивную симпатію другъ къ другу и подружились, прежде нежели сказали другъ другу, какъ ихъ зовутъ. Въ моментъ разставанья Энильда жарко выразила своей дорожной спутницѣ желаніе увидѣться съ нею въ Лондонѣ, и та охотно откликнулась на эти авансы. Обѣ пріятельницы хотѣли обмѣняться съ этою цѣлью визитными карточками, какъ вдругъ англичанка замѣтила, что у нея нѣтъ съ собой карточекъ.

— Я дамъ вамъ карточку мужа, который придетъ сейчасъ на пароходъ за мной; онъ не могъ сопровождать меня въ Канаду, куда я ѣздила къ родственникамъ. Мнѣ будетъ очень пріятно представить его вамъ тутъ же. Но во всякомъ случаѣ не забудьте моего имени: лэди Мильдредъ Клермонтъ, Аллизонъ-Гаузъ, Гросвеноръ-сверъ.

Лэди Мильдредъ, жена Джона Клермонта... Энильда почувствовала, какъ сердце ея перестало биться отъ мучительной боли. Итакъ, онъ, быть можетъ, въ двухъ шагахъ отъ нея... этотъ человекъ, котораго она не хотѣла бы вовсе видѣть... и жена его подружилась съ нею... Ахъ! судьба, право, слишкомъ жестока!

Но тутъ гордость ея возмущилась тѣмъ, что человекъ, такъ низко измѣнившій ей, можетъ все еще волновать ея душу. Но ей некогда было углубляться въ эти мысли.

— Какъ вы блѣдны!—сказала ей съ участіемъ лэди Мильдредъ.—Вы вѣроятно очень устали? Присядемъ на минутку; таможенный осмотръ длится нестерпимо... Клермонтъ долженъ сейчасъ явиться, и если онъ можетъ быть вамъ полезенъ...

— Благодарю, — живо перебила Энильда. — У меня есть курьеръ и горничная, и я сама справлюсь со всѣмъ. Не беспокойтесь обо мнѣ, пожалуйста.

— Мильдредъ!—произнесъ въ эту минуту за ея спиной мягкій и серьезный голосъ, отъ котораго она вздрогнула.

— О! вотъ и ты, Джонъ. Ты очень любезенъ, что пріѣхалъ мнѣ на встрѣчу!

— Твой багажъ въ порядкѣ и уже осмотрѣнъ? — спросилъ Клермонтъ, цѣлуя жену, но безъ увлеченія.

— Ты даже не спросишь о моемъ здоровьѣ? — упрекнула лэди Мильдредъ, полу-шутя, полу-серьезно. — Знай, что я все время плаванія не выходила изъ каюты.

— Этого нельзя думать, поглядѣвъ на тебя. Ты такъ свѣжа! — галантно замѣтилъ Клермонтъ.

— Ахъ, Джонъ, позволь представить тебя молодой дѣвицѣ, съ которой я совершила плаваніе и которая навѣститъ насъ въ Лондонѣ.

И какъ будто не замѣчая выраженія глубокой скуки, съ какою ея мужъ принималъ эти слова, она повернулась къ Энильдѣ, все еще не пришедшей въ себя и не догадавшейся даже уйти, чтобы избѣжать роковой встрѣчи.

— Миссъ Розенъ, лордъ Клермонтъ.

Въ эту минуту кто-то толкнулъ лэди Мильдредъ, и она отвернула голову, почему и не замѣтила мертвенной блѣдности, раз-

лившейся по лицу мужа, ни того, что онъ вздрогнулъ и невольно отступилъ назадъ. Но это смущеніе мелькнуло какъ молнія, и пламя, сверкнувшее въ глазахъ Энильды, вернуло ему весь его апломбъ.

— Я, кажется, не ошибаюсь... Мильдредъ, знаешь ли, кому ты меня представила? Доброй самаритянкѣ, которой я обязанъ жизнью и въ домѣ которой за мной такъ заботливо ухаживали послѣ желѣзно-дорожной катастрофы, случившейся со мной въ Америкѣ. Я тебѣ часто говорилъ объ этомъ, и не забылъ, чѣмъ я ей обязанъ.

Не забылъ, чѣмъ ей обязанъ! Протестъ поднялся въ душѣ Энильды при этихъ словахъ; но такъ какъ онъ былъ такъ нахаленъ, то и она рѣшила быть такой же хладнокровной.

— Надо сознаться, что мѣръ очень тѣсенъ,—проговорила она безпечнымъ тономъ:—кто бы могъ подумать, что мы снова встрѣтимся!

Лэди Мильдредъ очень обрадовалась такой встрѣчѣ и была необыкновенно экспансивна для англичанки, тѣмъ болѣе для дочери пэра.

— Мы въ самомъ дѣлѣ часто говорили про васъ,—сказала она,—или, вѣрнѣе сказать, я говорила, такъ какъ мужъ, надо сказать, очень несообщителенъ касательно своихъ американскихъ друзей, точно онъ проводилъ тамъ свои дни среди краснокожихъ. И однако я всегда подозрѣвала, что, за исключеніемъ тѣхъ недѣль, когда онъ былъ боленъ, онъ проводилъ время въ удовольствіяхъ и отчаянно ухаживалъ за всѣми хорошенькими, какихъ встрѣчалъ. Послушайте, миссъ Розенъ, скажите мнѣ правду, вы должны знать.

Лицо Клермонта омрачилось, и онъ отвернулся и сталъ глядѣть на море.

— Что-жъ, лэди Мильдредъ, я думаю, что вы правы,—спокойно отвѣчала Энильда,—и лордъ Клермонтъ отчаянно ухаживалъ за хорошенькими. Но въ Америкѣ, вы знаете, этому не придаютъ значенія.

— Извини, мой другъ,—обратился поспѣшно Клермонтъ къ женѣ,—не пора ли намъ сойти съ парохода? Почти всѣ пассажиры уже перебрались на берегъ. Не могу ли я быть вамъ полезнымъ, миссъ Розенъ?—вѣжливо прибавилъ онъ.

— Благодарю,—надменно отвѣтила молодая дѣвушка:—со мной мои люди.

— И Шарлотта Кордъ?—спросилъ Клермонтъ.

Голосъ Клермонта невольно задрожалъ при этомъ имени.

— И Шарлотта Кордъ,—холодно отвѣтила Энильда.

VII.

Флорестанъ добросовѣстно исполнилъ обѣщаніе, данное Арунделю, помочь ему насколько было возможно. Онъ свелъ его съ молодымъ адвокатомъ, который только-что начинать входить въ славу въ Нью-Йоркѣ, м-ромъ Гаркинсомъ. Лично Флорестанъ не сомнѣвался больше въ виновности Вена и былъ увѣренъ, что Розенъ, не колеблясь, разойдется съ своимъ компаньономъ, когда узнаетъ истину.

М-ръ Гаркинсъ, дѣятельный и предприимчивый, охотно брался за самыя трудныя дѣла. Изъ тѣхъ немногихъ доказательствъ, какия у него имѣлись, онъ началъ дѣло, которое вскорѣ внесено было въ судъ. М-ръ Венъ, находившійся непрерывно въ отсутствіи, въ Европѣ, былъ представленъ своимъ адвокатомъ, получившимъ полную довѣренность на веденіе дѣла. М-ръ Розенъ не присутствовалъ на судебныхъ преніяхъ, но въ качествѣ компаньона фирмы Венъ и К^о долженъ былъ тоже прислать своего представителя адвоката для простой, впрочемъ, юридической формальности. Съ самаго начала судебныхъ преній, м-ръ Гаркинсъ понималъ, что дѣло проиграно, такъ какъ противная сторона очень ловко съумѣла породить сомнѣніе насчетъ умственного состоянія истца и добилаь отъ предсѣдателя, чтобы произведена была публичная экспертиза на этотъ счетъ. Адвокатъ Арунделя, зная болѣзненную впечатлительность своего кліента и разстройство его нервной системы, старался только объ одномъ, чтобы какъ-нибудь успокоить своего кліента. Но Арундель обманулъ его ожиданія и былъ все время очень спокоенъ и приличенъ. Только въ послѣднюю минуту, когда судъ призналъ его искъ бездоказательнымъ, онъ сорвался съ мѣста и, конвульсивно сжимая одной рукой руку своего защитника, а другою указывая на противную сторону, громко закричалъ:

— Какой скандалъ! вы побѣдили меня сегодня, но я васъ еще изловлю.

Среди ропота, возбужденнаго этимъ инцидентомъ, раздался крикъ судебного пристава, вопившаго громовымъ голосомъ: „молчать на скамьѣ защиты!“ — а изъ публики, въ видѣ эхо, отвѣтилъ другой возгласъ: — „арестуйте его за оскорбленіе суда!“

Это коварное предложеніе было какъ бы душемъ холодной воды, отъ котораго стихло волненіе Арунделя, и адвокатъ увлекъ его подъ шумокъ изъ залы; Арундель самъ не зная, какъ очутился на улицѣ и былъ втолкнутъ въ карету Флорестаномъ и увезенъ послѣднимъ домой.

На другой день, подъ рубрикой: „Судебныя извѣстія“, утренніе журналы сообщили дѣло въ короткихъ словахъ, намекая, что богатый м-ръ Венъ, постоянное отсутствіе котораго, говоря мимоходомъ, оплакиваетъ весь Нью-Йоркъ, былъ жертвой попытки шантажа. Другіе намекали, что подъ этимъ скрывается женская месть, и только самые снисходительные утверждали, что истецъ страдаетъ умственнымъ разстройствомъ.

Дѣло Арунделя казалось совсѣмъ проиграннымъ, какъ вдругъ, по счастливому стеченію обстоятельствъ, онъ вспомнилъ, что оставилъ въ Санъ-Франциско въ гостинницѣ, въ которой заболѣлъ и изъ которой его привезли въ больницу, чемоданъ съ важнѣйшими бумагами. Болѣзнь, притупившая его память, заставила забыть о такомъ важномъ обстоятельствѣ.

— Не глядите на меня съ такимъ недоумѣніемъ, я не сумасшедшій, — говорилъ онъ Флорестану, который дѣйствительно подумалъ въ первую минуту, не бредитъ ли его протеже. — Я теперь отлично все помню. Хозяйка оставила у себя мой чемоданъ, въ обезпеченіе уплаты за мое содержаніе. Выйдя изъ больницы, я совсѣмъ забылъ про него и уѣхалъ изъ Санъ-Франциско, не хватившись чемодана. Ахъ! еслибы только мнѣ его найти! я буду имѣть всѣ нужныя мнѣ доказательства: письма, документы по компанейскому договору, подписи, все, все тамъ имѣется.

— Если такъ, то не можете ли сообщить имя хозяйки и адресъ гостинницы?

— Ее зовутъ м-съ Саймонсъ, — отвѣтилъ Арундель, вдругъ стихая, — и она живетъ, или по крайней мѣрѣ жила два года тому назадъ, на Монгомерри-Стритъ, №... кажется, 53.

Флорестанъ записалъ имя и адресъ, и оба отправились немедленно на телеграфъ. Черезъ нѣсколько часовъ пришла отвѣтная телеграмма:

„Саймонсъ удовлетворена. Чемоданъ въ полной цѣлости и сохранности высланъ съ первымъ курьерскимъ поѣздомъ въ Нью-Йоркъ. Письмо слѣдуетъ“.

Старикъ, весь блѣдный, конвульсивно мялъ телеграмму въ длинныхъ, худыхъ и трясущихся рукахъ.

— Ахъ! м-ръ Флорестанъ, — сказалъ онъ наконецъ, спустя секунду, голосомъ, сдавленнымъ отъ волненія: — я зналъ, что съ вами мнѣ непременно будетъ удача.

И, слабо улыбаясь, онъ прибавилъ:

— Мнѣ припоминается фраза, прочитанная мною у Эмерсона, когда я еще былъ въ коллегіи: „когда богъ захочетъ связать, то нѣтъ такого камушка, который бы не могъ послужить

ему конемъ". Я тогда не понималъ этого выраженія, но теперь...

— Теперь я умираю съ голода, да и вы, вѣроятно, тоже, — перебилъ, смѣясь, Флорестанъ, болѣе взволнованный, нежели показывалъ. — Идемъ завтракать къ Дельмонико.

VIII.

Въ одно прекрасное утро американская почта привезла три письма изъ Нью-Йорка въ элегантное жилище въ Паркъ-Лэндъ, въ которомъ обитали двѣ молодыя пріятельницы: одно письмо было отъ м-съ Хромо къ Флорѣ, два другихъ къ Энильдѣ отъ отца и отъ Флорестана. Розенъ писалъ дочери, что онъ очень скучаетъ въ разлукѣ съ нею, которая притомъ должна продлиться еще довольно долго, по причинѣ тысячи дѣлъ, сильно озабочивающихъ его. Что касается посланія Флорестана, то въ немъ не было ни одной фразы, которая бы по формѣ своей выражала что-либо кромѣ очень нѣжной и очень почтительной дружбы, но въ общемъ оно было заряжено такимъ любовнымъ электричествомъ, что должно было подѣйствовать на самую нечувствительную изъ женщинъ. Но если Энильду оно и поразило невольно, то она не дала себѣ труда читать между строкъ, потому что въ то время, какъ она разсѣянно мяла письмо въ рукахъ, мысль ея была занята другимъ.

Послѣ неожиданной встрѣчи съ Клермонтомъ она была въ такомъ душевномъ состояніи, какого сама не хотѣла ясно опредѣлять, съ досадою сознавая жестокую истину, что Клермонтъ сильнѣе интересуется ею, чѣмъ бы слѣдовало. Первое время она старалась избѣгать его, и въ каждый визитъ Клермонта Флорѣ приходилось занимать его, такъ какъ Энильда, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, сваливала эту обязанность на нее. Но случай какъ будто нарочно мѣшаетъ исполненію разумныхъ, героическихъ и добродѣтельныхъ намѣреній. А теперь къ тому же у него сообщницей была лэди Мильдредъ, которая, въ невѣденіи истиннаго положенія вещей и въ желаніи выразить Энильдѣ свою симпатію и благодарность, умножала встрѣчи, отъ которыхъ молодой дѣвушкѣ невозможно было уклониться. И молодая дѣвушка все сильнѣе и сильнѣе поддавала обаянію, отъ котораго хотѣла предохранить себя. До сихъ поръ, однако, ей еще не доводилось быть *en tête-à-tête* съ Клермонтомъ, чего она опасалась и невольно желала. Если когда нибудь такой *tête-à-tête* произойдетъ,

то что изъ этого выйдетъ? Вотъ вопросъ, надъ которымъ она не разъ уже задумывалась.

Въ настоящую минуту смѣхъ Флоры вывелъ ее изъ задумчивости. Радуюсь этой диверсії, она пожелала узнать причину смѣха, и желаніе было удовлетворено чтеніемъ слѣдующаго посланія:

„Дорогая Флора!

„Если я не совершила плаванія вмѣстѣ съ вами, какъ мы сначала было-условились, то не безъ причины, будьте въ этомъ увѣрены, и причину, по которой я не сдержала слово, я теперь сообщу. Вотъ уже годъ, какъ я твердо рѣшилась, если м-ръ Хромо будетъ продолжать пачкаться въ своемъ клѣѣ, требовать развода, чтобы жизнь моя не отравлялась долѣе видомъ проклятыхъ разноцвѣтныхъ фургоновъ, съ утра до ночи разѣвжающихъ по проспекту. Но, не желая посвящать весь Нью-Йоркъ въ свои домашнія дѣла, я условилась съ мужемъ ничѣмъ не выдавать нашего разлада. Но между нами разладъ былъ полнѣйшій. Всѣ перекоры, которыми мы услаждали другъ друга, старательно записывались для меня моей вѣрной Зиновіей, а для него—преданнымъ ему Тристрамомъ, съ цѣлью предъявить ихъ на процессѣ, который начнется въ первой половинѣ сентября. Мой адвокатъ, м-ръ Гаркинсъ, прелестный человѣкъ, съ ангельскимъ терпѣніемъ выслушалъ перечисленіе моихъ многочисленныхъ обидъ. Онъ вполне согласенъ со мной, что Адамъ Хромо грубый человѣкъ, что я выиграю процессъ и насъ разведутъ по причинѣ полного несходства характеровъ. Да и какъ могло бы царствовать согласіе между женщиной изъ рода Mauflower и человѣкомъ, хвастающимся тѣмъ, что началъ жизнь конюхомъ, и повторяющимъ это всякому встрѣчному и поперечному?! Запахъ конюшни совсѣмъ не у мѣста въ будуарѣ порядочной женщины. Ахъ, Флора! никогда не выходите замужъ за американца, лично пробившагося въ люди, упрямаго какъ осель. Изъ всего мужского рода, такого грубаго, такого пошлаго и такого эгоистическаго, это худшій видъ, потому что другіе могутъ быть доступны полезному вліянію, а этотъ—никогда. Короче сказать, я намѣрена провести послѣдніе мѣсяцы своей супружеской жизни въ Англіи по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что я желаю быть представленной ко двору, а это, кажется, было бы невозможно послѣ развода, хотя, по моему, это довольно смѣшно и глупо. Во-вторыхъ, мое финансовое положеніе совершенно измѣнится. Моя вдовья часть простирается всего лишь до шести милліоновъ долларовъ. Съ этимъ, конечно, можно жить прилично, но экономно, и мнѣ придется отказывать себѣ въ ты-

саять вещахъ. Поэтому я прибуду съ слѣдующимъ пароходомъ и совершу плаваніе въ обществѣ друзей: графа де-Марси, м-ра Флорестана, тенора Керубини и миссъ Чандось-Кресси, которая ѣдетъ въ гости къ племянницѣ, дочкѣ пэра, замужемъ за Джономъ Клермонтомъ, однимъ изъ моихъ бывшихъ поклонниковъ“...

— Чтò ты говоришь, Энильда?—спросила Флора, переставъ читать.

— Я? ничего; я рта не открывала.

— Ахъ! мнѣ показалось. Ну, продолжаю:— „одинъ изъ моихъ бывшихъ поклонниковъ, къ которому, признаться сказать, я была не совсѣмъ равнодушна. Ахъ, какой это былъ восхитительный человекъ! и какія у него были манеры! совсѣмъ не такія, какъ у нашихъ американцевъ! Словомъ, насъ, какъ видите, цѣлая компанія, не считая профессора Протоплазма, — онъ по всей вѣроятности послѣдуетъ за миссъ Чандось-Кресси, безъ которой рѣшительно не можетъ жить. Многое могла бы вамъ еще сказать, но оставляю до личнаго свиданія. Я видѣла на дняхъ м-ра Розена, и онъ мнѣ показался утомленнымъ и озабоченнымъ, безъ сомнѣнія, по случаю дурацкаго процесса его компаньона Вена, которымъ ему надо заниматься. Итакъ, до скорого свиданія, мои дорогія. И въ особенности не думайте, что я жалѣю о принятomъ мною великомъ рѣшеніи. Безъ сомнѣнія, я такъ глупа, что еще чувствую къ Адаму не то чтобы любовь, но какую-то прищечку, которая сразу не изглаживается, когда проживешь столько лѣтъ вмѣстѣ. Я даже порою со страхомъ спрашиваю себя: чтò съ нимъ будетъ безъ меня? Но это—его вина, тѣмъ хуже для него.

„Я буду телеграфировать изъ Квинстоуна. Любящая васъ
„Люси Хромо“.

— Ну, душа моя, — сказала Флора, — ты не находишь, что Люси совсѣмъ помѣшалась? Если только она не влюбилась въ другого, не глупо ли бросать такое богатство и добряка Адама, приличнѣйшаго вдобавокъ изъ американскихъ мужей! Но ты меня не слушаешь. О чемъ ты думаешь?

— Объ отцѣ, — отвѣчала Энильда, слегка покраснѣвъ. — Право, меня безпокоитъ, что онъ такъ озабоченъ. Ужъ не боленъ ли онъ, не скрываетъ ли чего-нибудь отъ меня?

— Ну, полно! — весело отвѣтила Флора. — Во всемъ виновата биржа; всѣ дѣловые люди таковы. Повышеніе фондовъ или ихъ пониженіе... все дѣло въ этомъ. Если только онъ не влюбился...

— Флора!

— Эхъ, Боже мой, развѣ этого не бываетъ! Онѣ, можетъ быть, хочеть жениться. Но не будемъ говорить объ этомъ, если это тебѣ непріятно. Я пошутила.

Тѣмъ временемъ пришла телеграмма изъ Ливерпуля, возвѣщающая о прїѣздѣ въ Лондонъ м-съ Хромо какъ разъ въ этотъ самый день. Молодымъ дѣвушкамъ пришлось приготовить для нея квартиру, послѣ чего онѣ въ-время поспѣли къ поѣзду, чтобы принять въ свои объятія Люси Хромо и миссъ Чандосъ-Кресси.

Онѣ тотчасъ же замѣтили отсутствіе графа де-Марси, чему Энильда была очень рада, такъ какъ чувствовала къ нему антипатію. Флорестанъ сопровождалъ обѣихъ дамъ, и Энильда встрѣтила его спокойно и дружески.

— Чтѣ мой дружокъ Кирилль? — спросила она. — Вы не привезли его съ собой? Очень жаль. Я по немъ соскучилась.

IX.

Великій день представленія королевѣ прошелъ, и это было великимъ облегченіемъ для нашихъ трехъ американокъ, которыхъ осаждали важныя заботы, пока эта торжественная формальность не была выполнена. Надо было сначала брать у танцмейстера уроки, какъ дѣлать придворный реверансъ. Это потребовало нескончаемыхъ репетицій, во время которыхъ подруги попеременно играли роль королевы, жены посланника Соединенныхъ-Штатовъ и жертвы. Энильда отличалась граціей, Флора апломбомъ, Люси достоинствомъ. Наконецъ, профессоръ имъ объявилъ, что онѣ готовы къ церемоніи, и галантно прибавилъ, что онѣ рождены для придворной жизни.

Однако, когда имъ пришлось просидѣть не менѣе часа въ каретѣ, попавшей въ длинную цѣпь парадныхъ экипажей у воротъ Бокингемскаго дворца, съ голыми руками и плечами на холодномъ вѣтрѣ, отъ котораго кожа ихъ прошла всю гамму тоновъ между розовымъ и синимъ, застывъ въ неподвижной позѣ, чтобы не нарушить равновѣсія прически и не смять платья; когда затѣмъ, войдя въ святилище, онѣ должны были стоять еще цѣлый часъ въ ожиданіи появленія королевы, то невольно подумали, что льстивыя слова танцмейстера не совсѣмъ справедливы. У нихъ вырвался даже ропотъ, пока, наконецъ, появленіе ея величества королевы Великобританіи и императрицы Индіи, окруженной блестящей свитой принцевъ и принцессъ королевскаго дома, не заставило ихъ забыть перенесенныя невзгоды.

Наступилъ роковой моментъ: миссъ Розенъ, первая вызванная, величественно выступила впередъ; шлейфъ ея несъ пажъ, и сама она шла точно на иголкахъ и дрожала какъ листъ. Какъ она сдѣлала реверансъ, какъ протянула руку, чтобы поймать ту, которая ей любезно была протянута, какъ она ее поцѣловала и какъ вернулась на мѣсто, этого она сама не знала. Сама отважная Флора, въ тотъ моментъ, какъ собиралась тронуться съ мѣста, шепнула на ухо Люси:

— Чувствую, что произойдетъ нѣчто ужасное!

Вопреки своему зловѣщему предчувствію, она отлично выпуталась изъ дѣла, и наступилъ чередъ м-съ Хромо. Дотошъ величественная и надменная, до того, что можно было опасаться, какъ бы не лопнуть корсажъ ея платья, она вдругъ почувствовала, что важность измѣняется ей какъ разъ въ ту минуту, какъ она ей была всего нужнѣе. Она запуталась въ роскошныхъ складкахъ своего платья и, плохо разсчитавъ разстояніе, нагнулась слишкомъ рано и поцѣловала пустое пространство вмѣсто руки государыни, славящейся добродѣтелью столь же, какъ и тройной короной! Но это еще не все. Къ ужасу своему, нагибаясь, она почувствовала роковой трескъ въ спинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прическа на головѣ у нея заколыхалась и шпильки съѣхали съ мѣста. Она вся похолодѣла отъ ужаса. Что такое случилось, великій Боже?!—спрашивала она себя, медленно выпрямляясь, не смѣя поднять глазъ изъ страха прочесть на лицахъ окружающихъ роковое извѣстіе. Но нѣтъ: швы ея корсета оказались выносливѣе ея нервовъ и не измѣнили въ роковую минуту. Но только волненіе оказалось выше силъ впечатлительной Люси, и она заключила обморокомъ свои подвиги въ этотъ торжественный день.

Послѣ этого необходимаго таинства, наши прелестныя американки предавались веселостямъ свѣтской лондонской жизни. Энильда скоро стала „красавицей сезона“. Прозвище „мѣдная царица“ послѣдовало за ней и въ Англію и не мало содѣйствовало ея прославленію. Хорошенькое личико, привлекательныя манеры докончили остальное. Сливки high life раскрыли передъ нею двери; принцы ухаживали за нею, и дни ея проходили точно волшебная сказка: рауты, балы, пикники, ужины и обѣды, катанье по морю, концерты и благотворительные базары чередовались безъ остановки.

А что же Джонъ Клермонтъ? Она видѣла его почти ежедневно, хотя онъ какъ будто и не искалъ случаевъ встрѣтиться съ нею.

Лэди Мильдредъ была слишкомъ умна, чтобы не замѣтить,

что мужъ ея съ каждымъ днемъ отдалялся отъ нея все болѣе и болѣе. Положимъ, онъ и никогда не казался особенно влюбленнымъ, но онъ всегда былъ холоденъ по манерамъ, если не по темпераменту, и его особенная манера ухаживать за женщинами, по крайней мѣрѣ въ свѣтѣ, была какъ разъ одной изъ его привлекательныхъ чертъ. Поэтому даже въ періодъ ихъ помолвки онъ не приучилъ невѣсту къ особенной нѣжности.

Поездка въ Америку не сдѣлала его экспансивнѣе, хотя драматическія условія его возвращенія и поспѣшной женитьбы помѣшали его женѣ замѣтить въ немъ особенную перемену. Къ тому же со дня свадьбы онъ не переставалъ окружать жену заботами и вниманіемъ, хотя и не проявлялъ особенной любви.

Лэди Мильдредъ читала въ душѣ мужа и хорошо понимала, что, побѣжденный судьбой, Клермонтъ покорился ей и принималъ жизнь какъ она есть, безъ печали, какъ и безъ радости. Въ такомъ положеніи находился Клермонтъ до пріѣзда Энильды въ Лондонъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее снова увидѣлъ, съ тѣхъ поръ, какъ она вновь заняла въ его душѣ прежнее мѣсто, жизнь стала ему невыносима, а равнодушіе къ женѣ переходило порою въ ненависть. Лэди Мильдредъ къ тому же дѣлала ему частыя сцены ревности въ послѣднее время, довольно безразсудныя, такъ какъ онѣ были совершенно немотивированныя. Всѣ подозрѣнія лэди Мильдредъ устремлялись въ ложную сторону, и она, съ свойственной въ этихъ случаяхъ слѣпотой, не подозрѣвала только одного, а именно взаимныхъ чувствъ Энильды и Клермонта. Правда, что поведеніе ихъ не давало ни малѣйшаго на то намека.

Въ концѣ іюля Аллизонъ-Гаузъ былъ предоставленъ въ руки декораторовъ, обойщиковъ, садовниковъ и пр., которые приготовляли его для послѣдняго сезоннаго праздника, который давали Клермонты въ честь красавицы сезона, молодой „мѣдной королевы“.

Въ это утро Клермонтъ проснулся въ особенно тягостномъ настроеніи духа. Тотъ родъ страданій, какія онъ испытывалъ, легко побѣждается людьми, ведущими трудовую жизнь и которыми некогда позволять себѣ такую роскошь. Но пустое и праздное существованіе свѣтскихъ людей особенно предрасполагаетъ ихъ къ этого рода страданіямъ.

Клермонтъ съ утра рѣшилъ, что любовь Энильды составляетъ для него вопросъ жизни и смерти, и что онъ не отступитъ ни передъ какими жертвами. Онъ предложилъ Энильдѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ похитить ее. Возможность отказа со стороны Энильды, правда, мелькнула у него въ умѣ, но со свойственнымъ мужчинамъ самомнѣніемъ онъ не придавалъ ей особеннаго значенія, ни

мало не сомнѣваясь, что съумѣетъ побѣдить сопротивленіе молодой дѣвушки.

Рѣшивъ это, Клермонтъ вдругъ успокоился и захотѣлъ перечитать письма, которыя писала ему Энильда изъ Америки до рокового извѣстія о его женитьбѣ. Онъ вынулъ ихъ изъ укромнаго мѣстечка въ письменномъ столѣ, гдѣ они хранились болѣе года, и съ наслажденіемъ перечитывалъ. Вдругъ лэди Мильдредъ постучалась къ нему въ дверь. Клермонтъ успѣлъ только захлопнуть ящикъ письменнаго стола и сунуть въ карманъ то письмо, которое держалъ въ рукѣхъ.

Лэди Мильдредъ пришла попросить мужа помочь ей въ необходимыхъ приготовленіяхъ къ предстоящему торжеству. Клермонтъ пошелъ за женой и въ хлопотахъ не замѣтилъ, какъ, вынимая платокъ изъ кармана, выронилъ письмо. Когда онъ пошелъ одѣваться къ обѣду, лэди Мильдредъ, обходя домъ въ послѣдній разъ, чтобы видѣть, все ли въ порядкѣ, увидѣла бѣлую бумажку въ зимнемъ саду. Поднявъ ее, съ тѣмъ, чтобы выбросить, она вдругъ замѣтила, что это письмо. Съ инстинктивнымъ любопытствомъ поглядѣвъ на адресъ, она увидѣла почеркъ миссъ Розенъ. Послѣ того она уже сознательно развернула его, думая, какимъ образомъ она могла занести въ оранжерею письмо своей юной пріятельницы. Первые слова, бросившіяся ей въ глаза, были: „Мой милый, дорогой другъ“. Она не стала дальше читать. Бровь прилила ей въ голову, въ глазахъ ея потемнѣло, а сердце больно сжалось. Но она не успѣла убѣдиться въ истинности своихъ подозрѣній: послышались голоса, и въ дверяхъ появилась м-съ Хромо въ сопровожденіи миссъ Грейзонъ.

— Я была увѣрена!—весело вскричала послѣдняя.—Какъ истыя американки, мы являемся какъ разъ въ назначенное время, и не только мы первыя гости, но даже и хозяйка дома еще не на своемъ посту, чтобы принять насъ. Вотъ она, легендарная неаккуратность лондонцевъ!

Лэди Мильдредъ поспѣшно засунула письмо за корсажъ и извинилась довольно коротко, но съ стереотипной улыбкой свѣтской женщины, привыкшей таить самыя мучительныя ощущенія. Какъ Флора и предвидѣла, за столъ сѣли получасомъ позже. Такъ какъ обѣдъ давался въ честь Энильды, то, по американскимъ правиламъ, ей бы слѣдовало сидѣть по правую руку отъ хозяина дома; неумолимый англійскій этикетъ не допускалъ этого, но Клермонтъ ничего отъ этого не проигралъ, такъ какъ она оказалась по его лѣвую руку. Флорестану досталось почетное мѣсто рядомъ съ лэди Мильдредъ.

Откудашла эта послѣдняя въ себѣ силы играть роль во весь длинный обѣдъ, но только то былъ одинъ изъ тѣхъ свѣтскихъ героическихъ поступковъ, представляющихся, можетъ быть, болѣе, чѣмъ всякій другой, торжествомъ человѣческой воли. Но она исподтишка наблюдала за мужемъ, сидѣвшимъ, по британскимъ обычаямъ, на противоположномъ отъ нея концѣ, и въ концѣ обѣда поймала его въ конфиденціальной, повидимому, бесѣдѣ съ Энильдой. Онъ о чемъ-то какъ будто упрасивалъ; она видимо колебалась; наконецъ, рѣшилась и кивнула головой.

Точно завѣса спала съ глазъ лэди Мильдредъ. Въ одну секунду она все поняла: тайну, какою окружалъ Клермонтъ свое пребываніе въ Америкѣ, и секретъ его холодности къ ней, еще усилившейся послѣ появленія въ ихъ домѣ миссъ Розенъ.

Если до сихъ поръ обѣдъ казался ей дологъ, то теперь она находила его нескончаемымъ. Роковое письмо, спрятанное у нея на груди, жгло ее. Ее пожирало желаніе прочесть его и измѣрить всю глубину своего несчастья. Наступилъ, наконецъ, моментъ, когда она могла подать знакъ вставать изъ-за стола. Въ Америкѣ, какъ и во Франціи, мужчины выходятъ изъ-за стола вмѣстѣ съ дамами и сопровождаютъ послѣднихъ въ гостиную, и только послѣ кофе исчезаютъ, чтобы выкурить сигару. Такъ какъ въ гостепріимномъ домѣ Клермонтовъ царствовала полная свобода, то Флорестанъ послѣдовалъ обычаямъ своей страны. Лэди Мильдредъ подумывала о томъ, какъ бы ей удалиться къ себѣ въ комнату, когда миссъ Чандосъ-Кресси облегчила ей отступление.

— Вы очень блѣдны и утомлены, душа моя; вы совсѣмъ выбьетесь изъ силъ сегодня. Вамъ бы слѣдовало пойти отдохнуть; дамы извинятъ васъ.

— Разумѣется!—вскричали онѣ хоромъ.

Флора прибавила:

— А вы, м-ръ Флорестанъ, не боитесь оставаться среди насъ единственнымъ представителемъ своего пола, точно Даніилъ во рву львиномъ?

— Не могу сказать, чтобы вовсе ужъ не трусить, — отвѣтилъ тотъ, — и во избѣжаніе опасности пойду поброжу по заламъ. Въ нихъ сегодня чувствуешь себя точно въ сказочномъ царствѣ, и я мечтаю въ какомъ-нибудь уголку найти лампу Аладдина.

Дрожащей рукой и съ страшнымъ біеніемъ сердца раскрыла лэди Мильдредъ, въ уединеніи своей спальни, письмо, въ которомъ боялась найти подтвержденіе своихъ подозрѣній. То было любовное письмо и нѣжнѣйшее, но безъ числа, писанное Энильдою и подписанное ея именемъ. Лэди Мильдредъ три раза прочтала

его и не нашла ни малѣйшаго признака, по которому было бы видно, что письмо адресовано ей мужу. И однако, кто же другой могъ потерять такого рода письма въ ея домѣ, въ такомъ мѣстѣ, куда входили только рабочіе?

Вдругъ точно лучъ свѣта озарилъ ея голову, и она догадалась, въ чемъ дѣло.

— Хорошо же,—сказала она,—я подстерегу ихъ; спрячусь въ оранжерею и буду ждать. Если письмо писано къ нему, то онъ непременно придетъ, и я узнаю то, что мнѣ нужно.

Оранжерея была совсѣмъ безлюдна, когда лэди Мильдредъ прошла въ нее внутреннимъ корридормъ, сообщавшимся только съ ея покоями. Для настоящаго праздника она была раздѣлена тяжелыми драпировками, какъ бы на три отдѣльныхъ будуара. Флорестанъ, прохаживаясь по дому, нашелъ мѣсто удобнымъ для мечтаній, которымъ любилъ иногда предаваться, и лѣниво растянулся на диванѣ, замаскированномъ зелеными растеніями и кустами розъ. Онъ не услышалъ шаговъ лэди Мильдредъ, заглушаемыхъ толстымъ ковромъ, когда она вошла съ другого конца галлерей, поспѣшно остановилась, заслышавъ голосъ мужа, и спряталась въ зелени.

Клермонтъ вошелъ въ галлерею черезъ третью дверь. Оглядывшись, онъ сказалъ невидимому собесѣднику:

— Можете войти. Здѣсь никого нѣтъ.

Горькая улыбка скользнула по губамъ лэди Мильдредъ, когда она увидѣла входящую Энильду Розенъ.

Клермонтъ, взявъ ее за обѣ руки, усадилъ почти насильно на диванъ и самъ сѣлъ рядомъ, вскричавъ голосомъ, дрожащимъ отъ страсти:

— Наконецъ-то мнѣ можно сказать вамъ все то, чего вы такъ слѣпо не примѣчаете... что я люблю, обожаю васъ болѣе, чѣмъ когда-либо!

— Какъ смѣете вы говорить мнѣ это,—отвѣчала Энильда, отворачиваясь отъ него,—послѣ того, что между нами было?!

— Послѣ того, что было между ними!—повторила про себя лэди Мильдредъ.—О, Боже! дай мнѣ силы не выдать себя прежде времени!

Между тѣмъ шумъ шаговъ и голоса разбудили вздремнувашаго-было Флорестана. Открывъ глаза, онъ собирался пошевелиться и тѣмъ выдать свое присутствіе, какъ вдругъ точно приросъ на мѣстѣ при видѣ Клермонта и Энильды.

— Ради Бога, Энильда, выслушайте меня! — продолжалъ Клермонтъ, осыпая поцѣлуями руки молодой дѣвушки: — клянусь вамъ всѣмъ, что есть святого въ мірѣ, что я люблю васъ, только васъ одну и никого больше. Жестокая судьба стала между нами... Но пусть буду я проклятъ, если я виновенъ передъ вами!

Она тщетно старалась высвободить свои руки.

— Молчите, — говорила она измѣнившимся голосомъ. — Вы забываетесь. Вы забываете уваженіе и къ себѣ, и къ женѣ, и ко мнѣ... Оставьте меня!

— Не прежде, чѣмъ выскажу то, что у меня на сердцѣ. Неужели вы забыли прошлое, Энильда? Неужели вы меня больше не любите?

— По какому праву вы меня объ этомъ спрашиваете?

— По праву любви въ прошломъ и обожанія въ настоящемъ и глубокой, слѣпой преданности въ будущемъ. Я вапъ тѣломъ и душой. Располагайте мною!

— Я тоже была ваша, — съ горечью отвѣтила она, — я тоже отдала вамъ всю душу. И что же? вы меня оставили и женились на другой женщинѣ!.. И вы хотите, чтобы я опять повѣрила вашимъ клятвамъ?.. Ахъ, то письмо, которое вы мнѣ написали, вѣдь я его сохранила, и когда чувствую, что готова повѣрить словамъ мужчины, я перечитываю его... Лекарство дѣйствуетъ неотразимо.

— Энильда, пощадите!

— А вы развѣ пощадили меня? Нужно было вамъ забраться на крайній Западъ и тамъ смутить душу смиренной дѣвочки, единственная вина которой была только въ томъ, что она полюбила васъ и повѣрила вамъ...

— Забудьте прошлое; простите, вернемся въ Ларамы, я заплачу свою вину. Настоящее будетъ стерто, мы вернемъ прошлое, а будущее въ нашихъ рукахъ.

Онъ говорилъ съ жаромъ и мольбой, но, странное дѣло, его горячность дѣйствовала совсѣмъ обратно на Энильду, которая становилась все хладнокровнѣе и сдержаннѣе, по мѣрѣ того какъ Клермонтъ все сильнѣе волновался. Вдругъ она оттолкнула его и, вставъ съ мѣста, выпрямилась во весь ростъ въ презрительной и надменной позѣ:

— Не говорите мнѣ больше о прошломъ, — сказала она, — потому что я о немъ не жалѣю.

— Что вы хотите сказать?

— Что я васъ больше не люблю и не хочу слушать рѣчей, въ которыхъ каждое слово оскорбляетъ вашу жену. Что было,

то прошло... Но знайте одно, Джонъ Клермонтъ, что я питаю нѣжную дружбу къ вашей женѣ, которая васъ слѣпо любитъ, и что еслибы даже дѣло шло о счастья моей жизни, то я слишкомъ много выстрадала сама, чтобы согласиться купить счастье цѣною чужого горя. Но, повторяю, я васъ больше не люблю... Все кончено между нами. Ступайте къ женѣ, которой вы вѣрили быть вѣрнымъ, и расскажите ей...

— О томъ, что тутъ произошло?—съ яростью перебилъ онъ.

— Это было бы бесполезно, потому что она это уже знаетъ, — проговорилъ голосъ, отъ котораго они вздрогнули.

И, раздвинувъ занавѣсъ, позади котораго она скрывалась, лэди Мильдредъ появилась передъ ними.

Они точно приросли къ мѣсту, но у Энильды вырвался невольный крикъ. Инстинктивнымъ движеніемъ и не спрашивая себя, прилично ли ему вмѣшиваться, Флорестанъ бросился впередъ, чтобы летѣть ей на помощь; но волненіе, охватившее участниковъ этой семейной драмы, было такъ велико, что Флорестана никто не замѣтилъ.

— Мое присутствіе здѣсь не случайно, — пояснила лэди Мильдредъ. — Письмо, нечаянно попавшее мнѣ въ руки, заронило во мнѣ предчувствіе моего несчастья... Это письмо вамъ, конечно, знакомо, миссъ Розенъ, потому что вы писали его чело-вѣку, за котораго я вышла замужъ...

— Ради Бога, Мильдредъ!—перебилъ Клермонтъ, блѣдный какъ смерть.

Въ этотъ моментъ Флорестанъ не въ состояніи долѣе оставаться безучастнымъ зрителемъ, подошелъ къ Энильдѣ, которой показалось, что она игрушка злого сновидѣнія. Клермонтъ повернулся къ нему, готовясь спросить, какъ онъ попалъ сюда, какъ вдругъ раздались звуки веселой бальной музыки: играли вальсъ „An dem blauen Donau“. Лэди Мильдредъ поднесла руку ко лбу.

— Да, правда, у насъ балъ, — сказала она съ горькимъ смѣхомъ: — я объ этомъ совсѣмъ забыла... Женщина должна уступить мѣсто хозяйкѣ дома... Не я первая, не я послѣдняя...

Флорестанъ сказалъ Энильдѣ:

— Извините, миссъ Розенъ, но вамъ здѣсь не мѣсто. Позвольте мнѣ довести васъ до кареты.

Энильда машинально послѣдовала за нимъ, но лэди Мильдредъ жестомъ остановила ихъ.

— Миссъ Розенъ, — сказала она взволнованнымъ голосомъ, — позвольте мнѣ заявить вамъ, что мое уваженіе, дружба и благо-

дарность принадлежать вамъ на-вѣки. Вы такъ же мало виноваты, какъ и я, въ томъ, что произошло сегодня вечеромъ... быть можетъ, даже и мой мужъ не такъ виновенъ, какъ кажется. Онъ, какъ и мы, жертва неумолимой судьбы. Я должна сказать вамъ правду. Я прибѣгла къ хитрости, преступной, еслибы ее не оправдывала любовь. Та опасность смерти, посредствомъ которой я убѣдила м-ра Клермонта жениться на мнѣ, въ дѣйствительности никогда не существовала. Не зная о его любви къ вамъ, я надѣялась, что разъ мы соединены узами брака, я съумѣю привлечь его къ себѣ. Судьба наказала меня... А теперь, миссъ Розенъ, я прошу у васъ одной милости: если вы имѣете хоть каплю дружбы ко мнѣ, то не уѣзжайте изъ моего дома. Прежде всего надо избѣжать скандала, а для этого намъ всѣмъ приходится разыграть роль еще нѣсколько часовъ. Потомъ, увидимъ...

Не въ силахъ произнести ни слова, Энильда поклонилась въ знакъ согласія и, положивъ дрожащую руку на руку Флорестана, серьезнаго и молчаливаго, направилась съ нимъ въ залы, отсюда доносился гулъ праздника.

Лэди Мильдредъ пропустила ее; потомъ она повернулась къ мужу съ мрачнымъ взглядомъ:

— Лордъ Клермонтъ, — сказала она ледянымъ тономъ: — угодно вамъ въ послѣдній, быть можетъ, разъ взять меня подъ руку?

Х.

Хотя волненія этого вечера могли бы смутить менѣе энергическую душу, но для Энильды это было лишь новымъ случаемъ доказать, что она была не изъ малодушныхъ. Тѣмъ не менѣе, она почувствовала большое облегченіе, когда, сыгравъ, какъ автоматъ, роль свѣтской женщины въ салонахъ лэди Мильдредъ, она могла, наконецъ, сѣсть въ карету, которая повезла ее домой. Хотя было еще только около полуночи, но улицы казались особенно мрачны и унылы. Свѣтъ газовыхъ фонарей не могъ осилить синеватаго тумана, которымъ часто бываетъ окутанъ Лондонъ, точно траурнымъ крепомъ, и который придаетъ фантастическій видъ мрачнымъ фасадамъ домовъ.

Энильда была сильно взволнована. Жгучія слова Клермонта, неожиданное, необъяснимое появленіе Флорестана, внезапное появленіе лэди Мильдредъ, а главное — неожиданное открытіе, сдѣланное ею въ своемъ сердцѣ, а именно, что она незамѣтно для

самой себя полюбила Флорестана, и поняла это только тогда, когда слухала объясненія въ любви другого мужчины—все это не могло не потрясти ее до глубины души. Она еще не успѣла привести въ порядокъ свои мысли, какъ карета доѣхала до дому, гдѣ ее, по обыкновенію, ждала Шарлотта Кордэ. Энильда была слишкомъ поглощена собственными тревоженіями, чтобы замѣтить перемѣну въ лицѣ негритянки, и ея вниманіе было привлечено только тогда, когда та сказала тревожнымъ тономъ:

— Слава Богу, что ты вернулась, мое сокровище, потому что тутъ безъ тебя пришла депеша.

— Ко мнѣ депеша?—переспросила Энильда съ мрачнымъ предчувствіемъ.

— Нѣтъ, мой ангелъ, ко мнѣ. Но нужно, чтобы и ты прочитала. Депеша отъ господина.

Молодая дѣвушка не дала ей договорить и выхватила у нея депешу изъ рукъ:

„Скажите Энильдѣ, что я разоренъ и опозоренъ. Приготовьте ее къ этому удару и привезите со слѣдующимъ пароходомъ“.

— Только-то!—сказала она, блѣдная, какъ смерть, машинально складывая депешу:—слава Богу!.. я думала, что онъ умеръ. Разоренъ... что за бѣда? Эти проклятыя деньги принесли намъ только одно несчастіе. Опозоренъ... этого не можетъ быть! Ахъ! вернемся поскорѣе, поскорѣе оставимъ этотъ Лондонъ, гдѣ я задыхаюсь, и поспѣшимъ къ нему!

И она упала на грудь вѣрной негритянки.

— Успокойся, успокойся, мое солнышко!—ласкало ее вѣрное созданіе, глотая слезы.—Твоя вѣрная кормилица съ тобой, да и папаша тоже... Все устроится... Надо сказать миссисъ Люси и миссъ Флорѣ.

— Миссъ Флора! вотъ она сама! Какъ, Энильда, ты еще не ложишься? Что случилось? Я искала тебя какъ сумасшедшая на балѣ, и лэди Мильдредъ сказала мнѣ, что ты устала, и, кажется, раньше уѣхала домой, чѣмъ думала. Она даже сообщила это мнѣ съ страннымъ видомъ, знаешь—тѣмъ англійскимъ видомъ, отъ котораго человѣкъ кажется такимъ же общительнымъ и любезнымъ, какъ гибралтарская скала... Но что же такое случилось, наконецъ?

— Прочитайте вотъ это, миссъ Флора; вамъ можно, потому что вы нашъ другъ,—и негритянка подала ей депешу.

— Ба!—спокойно отвѣтила Флора, прочитавъ депешу:—это значитъ, что намъ надо укладываться. Говорю: намъ, потому что я, конечно, не отпущу тебя, Энильда, безъ себя. Правда,

что я хотѣла поглядѣть на Тоуэръ, на коронные брилліанты, на мѣсто, гдѣ былъ воздвигнутъ эшафотъ Джэнь Грей и кое-что еще, но я видѣла музей Тиссо, а это существенное... Ну, Энильда, не теряй бодрости! Чтò значить банкротство въ Америкѣ? Это ступень къ богатству. Я знаю только одного папа, который никогда не разорился, потому что онъ всегда умѣлъ довольствоваться скромнымъ состояніемъ, и, кромѣ того, ему особенно везетъ. Разореніе, позоръ — все это пустяки: вотъ два слова, которыя слѣдуетъ вычеркнуть изъ американскаго словаря.

Съ помощью ласкъ и болтовни, Флорѣ удалось вызвать улыбку на губахъ подруги.

На десятый день послѣ того, какъ наши знакомыя, въ сопровожденіи неизмѣннаго Флорестана, сѣли на атлантическій пароходъ, послѣдній прибылъ въ гавань Нью-Йорка, гдѣ, однако, долженъ былъ, согласно таможеннымъ и санитарнымъ условіямъ, простоять еще двѣнадцать часовъ; такая отсрочка высадки, въ виду города, особенно несносна для нетерпѣливыхъ янки, считающихъ, что время — деньги, но дѣлать нечего, и приходится такъ или иначе убивать часы, которые остается провести на морѣ.

На слѣдующее утро, очень рано, пароходъ причалилъ къ набережной Нью-Йорка. Ни Флора, ни Энильда не подумали телеграфировать домой и предупредить о своемъ пріѣздѣ, но, съ помощью Флорестана выпутались изъ затрудненія, и, по минованіи пытки таможеннаго осмотра, были посажены имъ въ карету съ горничною и чемоданами. Флорестанъ занялся послѣ того собственнымъ багажемъ, какъ вдругъ кто-то ударилъ его по плечу. Оглянувшись, онъ очутился лицомъ къ лицу съ Арунделемъ, но какимъ Арунделемъ! Помолодѣвшимъ лѣтъ на двадцать, веселымъ, сіяющимъ и до того непохожимъ на прежняго, что его трудно было узнать.

— Какъ! любезный Флорестанъ, это вы! — вскричалъ онъ, бросаясь на шею путешественнику. — Я пріѣхалъ съ пріятелемъ, который ждетъ родственниковъ съ этимъ пароходомъ, и никакъ не ожидалъ васъ встрѣтить. Но что же вы меня не поздравите? Развѣ вы не знаете новости? Побѣда, мой дорогой другъ, побѣда по всей линіи!..

Флорестанъ глядѣлъ на него во всѣ глаза.

— Но вы, значитъ, не читали газетъ? — продолжалъ тотъ, въ веселомъ упоеніи. — Но отойдемте въ сторону, а то всѣ на меня глазѣютъ... Я въ нѣкоторомъ родѣ герой дня, и всѣ иллюстрированные журналы печатаютъ мой портретъ... И я богатъ, наконецъ, у меня миллионы!

— Значить, процессъ выигранъ? — спросилъ Флорестанъ съ интересомъ.

— Выигранъ, выигранъ. — Но надо мнѣ вамъ разсказать все по порядку. — Тотъ явился, разумѣется, какъ свидѣтель. Въ послѣдній день, какъ онъ давалъ свое показаніе, я гляжу на него, гляжу во всѣ глаза... эти черты лица, этотъ голосъ... этотъ ростъ, наконецъ... да я гдѣ-то видѣлъ этого человѣка!.. Вдругъ точно молнія озаряетъ меня... Я вскакиваю, и кричу громко въ судъ: — Это онъ! Я узнаю его! это предатель, обманувшій меня! — Всѣ удивляются; я говорю нѣсколько словъ Гаррису... Онъ вынимаетъ изъ дѣла письмо Розена и подаетъ суду, чтобы сличить съ документами... знаете, тѣми, что лежали въ знаменитомъ чемоданѣ... Почеркъ одинъ и тотъ же... Ахъ! долженъ сознаться, что онъ нисколько не потерялся... сначала только какъ будто смутился, но затѣмъ сказалъ, крутя усы: „Ну, ладно, пусть буду я! что же дальше?“ — Но у меня были доказательства, непреложныя доказательства, и въ какихъ-нибудь десять минутъ приговоръ былъ составленъ противъ него, и онъ обязывался возвратить мнѣ немедленно вмѣстѣ съ процентами всѣ барыши, полученные имъ въ продолженіе пяти лѣтъ въ предпріятіи съ мѣдными рудниками и во всѣхъ, съ нимъ связанныхъ, и, кромѣ того, протори и убытки, и судебныя издержки, и все... И онъ разоренъ, обезцѣненъ... Подумайте, какого шума надѣлала эта исторія! Ни о чемъ другомъ не говорятъ... Вы прочитайте газеты, курьезно просто... Въ нихъ говорится и о васъ, о вашей великодушной помощи, благодаря которой я выигралъ дѣло... Но какъ бы то ни было, а вотъ отчаянный человѣкъ, надо отдать ему справедливость...

Флорестанъ не понималъ или, вѣрнѣе сказать, боялся понять.

— О комъ вы говорите? кто такой?

— Какъ о комъ? Да о Розенѣ же, о негодяѣ Розенѣ... Вы, значить, не понимаете, какое вѣроломство онъ придумалъ... Никакого компаньона у него нѣтъ... Розенъ — это Венъ, а Венъ — это Розенъ...

— Ступайте, — сказалъ Флорестанъ отчаяннымъ голосомъ, — и никогда больше не показывайтесь мнѣ на глаза! Вы заставили меня участвовать въ разореніи и позорѣ отца женщины, которую я люблю!

И онъ ушелъ поспѣшно, оставивъ бѣднаго Арунделя съ разинутымъ ртомъ и выпученными глазами.

XI.

Эрикъ Розенъ поставилъ крупную ставку и проигралъ ее. Но съ той минуты, какъ въ судѣ Арундель сорвалъ съ него маску и опозорилъ его въ глазахъ цѣлаго Нью-Йорка, только одна мысль жила въ немъ: объ отмщеніи. И не Арунделю хотѣлъ онъ мстить, а человѣку, который игралъ всю жизнь роль злого генія съ той первой минуты, какъ онъ съ нимъ встрѣтился. Никогда Розенъ не могъ простить Флорестану первой обиды, какую тотъ нанесъ ему, пожертвовавъ въ больницу деньги, выигранныя у него въ карты. Настоящія событія довели эту ненависть до маніи. Къ разоренію своему онъ относился какъ философъ—онъ привыкъ ставить на карту все свое имущество. Къ позору онъ уже давно готовился и выработалъ себѣ мѣдный лобъ. Только мысль о дочери точила его, да еще досада, что сорвалось. Но послѣднее только сильнѣе поощряло желаніе отомстить.

Первое свиданіе между отцомъ и дочерью было коротко. Приѣхавъ домой, Энильда вбѣжала къ нему въ кабинетъ и бросилась отцу на шею. Тутъ впервые послѣ рокового дня онъ былъ тронутъ и, положивъ къ ней голову на плечо, произнесъ разбитымъ голосомъ:

— Дитя мое, я не стою твоихъ ласкъ. Ты все знаешь, конечно, ты читала газеты.

— Я читала только вашу депешу и ничего больше не хочу ни читать, ни знать. Я знаю только, что вы—мой отецъ, и не мнѣ судить васъ...

Послѣ этого свиданія Розенъ получилъ письмо отъ Флорестана, который сообщалъ, что желалъ бы переговорить съ нимъ о дѣлѣ. Флорестанъ, дѣйствительно, обдумавъ все слышанное отъ Арунделя, пришелъ къ заключенію, что ему необходимо объясниться съ Розеномъ, выяснить тому, что онъ былъ вполнѣ невольнымъ орудіемъ его разоренія, и предложить свои услуги для возстановленія его состоянія и общественнаго положенія. Лишь бы были деньги, а въ Америкѣ всѣ раны скоро заживаютъ и время слишкомъ дорогоцѣнно, чтобы тратить его на воспоминанія о томъ, что было. Флорестанъ не сомнѣвался, что ему удастся спасти Розена.

Письмо Флорестана застало послѣдняго въ кабинетѣ, мрачнаго и угрюмаго; мрачное выраженіе только усилилось при чтеніи лаконическаго посланія, оканчивавшагося словами: „не оставьте безъ вниманія моего предложенія“.

— Не оставлю, пусть успокоится!—пробормоталъ Розенъ съ дурнымъ взглядомъ.—Сама судьба того хочетъ.

И, запершись въ кабинетѣ, онъ сталъ писать. Въ шесть часовъ прибралъ всѣ аккуратно бумаги въ письменномъ столѣ, всталъ, прошелъ въ уборную, одѣлся какъ бы въ дорогу и, вынувъ изъ ящика револьверъ, сунулъ его въ карманъ.

Проходя въ сѣняхъ дома, онъ услышалъ, какъ его окликнула Шарлотта Кордэ, подбѣжавшая къ нему. Она подала ему письмо, которое только-что принесла. При видѣ почерка онъ вздрогнулъ и перемѣнился въ лицѣ; потомъ позвалъ уходившую-было негритянку.

— Я ухожу, Шарлотта,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Скажи Энильдѣ, что я не хотѣлъ мѣшать ей, а потому ушелъ, не попрощавшись... И я думалъ сейчасъ о тебѣ, моя добрая Шарлотта... Я знаю, что ты всегда вѣрно служила мнѣ и моимъ... и я хотѣлъ бы, чтобы ты мнѣ общала — еслибы со мной что случилось... кто знаетъ, мало ли что бываетъ! — не покидать Энилду во всю свою жизнь.

— Ахъ! масса Розенъ,—отвѣчала съ удивленіемъ честная негритянка:—что же можетъ случиться? Конечно, вы какъ будто не по себѣ, масса... но вѣдь вы вернетесь къ обѣду, не правда ли?

— Къ обѣду?—повторилъ онъ страннымъ тономъ:—да, да... конечно, Шарлотта... такъ или иначе, а вернусь.

И онъ вышелъ. Но онъ и не замѣтилъ, что негритянка вышла вслѣдъ за нимъ и издали слѣдовала позади его. Добрая Шарлотта! Ее не удивила катастрофа, разразившаяся надъ домомъ, такъ какъ съ того знаменательнаго дня, когда она невольнo сыграла роль домашняго шпиона, она постоянно ждала бѣды. Привыкнувъ слушаться мрачныхъ предчувствій, она и теперь была поражена странными словами Розена и съ инстинктомъ вѣрной собаки пошла за нимъ, чтобы быть около него въ минуту опасности.

На ходу Розенъ читалъ только-что полученное письмо. Оно было очень лаконично, и когда онъ его дочиталъ, то смаялъ въ рукахъ.

— Неужели я никогда не отдѣлаюсь отъ него?—пробормоталъ онъ:—онъ уже погубилъ меня, и не понимаю, чего ему еще отъ меня надо?.. Ну, пойду все-таки, теперь мнѣ ужъ не долго остается жить... а когда меня не станетъ, свѣтъ забудетъ, какой негодяй отецъ былъ у моей бѣдной Энилды.

Дойдя до угла своей улицы, онъ очутился лицомъ къ лицу

съ человѣкомъ, который что-то шепнулъ ему на ухо; Розенъ кивнулъ головой, и человѣкъ пошелъ впередъ, а Розенъ за нимъ, не думая, повидимому, о томъ, куда тотъ его ведетъ. И дѣйствительно, ему было все равно. Онъ не боялся смерти; давно уже онъ закалилъ себя отъ всякаго страха; къ тому же честный человѣкъ, которымъ онъ былъ когда-то и который все еще не окончательно замеръ въ немъ, былъ утомленъ отъ притворствъ, уловокъ и всякихъ лукавыхъ изворотовъ. Онъ усталъ жить. Машинально дошелъ онъ до парка, куда его привели, и тамъ другой человѣкъ появился на тропинкѣ въ мѣстѣ, которое мало посѣщалось гуляющими. То былъ де-Марси, и онъ, улыбаясь, протянулъ ему руку.

Розенъ не взялъ руки и засунулъ обѣ свои въ карманы.

— Вотъ какъ!—замѣтилъ тотъ: — мы, значить, опять напустили на себя важность! Ну, мнѣ долго съ вами толковать некогда. Объявляю, что мнѣ нужно сегодня къ вечеру двѣсти тысячъ долларовъ.

Розенъ засмѣялся и еще глубже запустилъ руки въ карманы.

— Двѣсти тысячъ долларовъ!—повторилъ онъ. — А откуда же я ихъ возьму? Развѣ вы не знаете, что я разоренъ?

— Разоренъ? вотъ еще! акціи въ рудникахъ Лидвила, ваши паи въ угольныхъ копяхъ Питсбурга, всѣ ваши новыя акціи...

— Все это одна ничего нестоящая бумага теперь, когда мой кредитъ лопнулъ. Къ тому же я исполнилъ относительно васъ всѣ свои обязательства, и намъ больше нечего вмѣстѣ дѣлать. Ступайте своей дорогой, а я пойду своей.

— Это ваше послѣднее слово?

— Безусловно...

Но едва онъ проговорилъ это, какъ де-Марси набросился на него какъ тигръ, сдавилъ ему горло руками и всадилъ въ сердце bowie-knife, страшное оружіе пионеровъ Новаго Свѣта. Но Розенъ успѣлъ-таки выхватить револьверъ и выстрѣлить. На выстрѣлъ изъ чащи деревьевъ показались двѣ человѣческихкія фигуры и стали громко звать на помощь: то были Шарлотта Кордэ и Флорестанъ. Послѣдній бросился на де-Марси, который пустился-было бѣжать. Въ то время какъ Флорестанъ не безъ труда держалъ его въ сильныхъ рукахъ, негритянка подбѣжала къ своему господину, который, опустившись на скамейку, твердой рукой вырвалъ ножъ изъ раны и, проговоривъ слабымъ голосомъ: „Шарлотта... Энильда... умираю“, упалъ безъ чувствъ къ ея ногамъ.

Въ одно мгновеніе въ боскетъ набрался народъ и полисмены, сбѣжавшіеся на мѣсто убійства и взявшіе изъ рукъ Флорестана

убійцу, который впрочемъ не оказывалъ ни малѣйшаго сопротивленія. Онъ ограничился только тѣмъ, что энергически заявилъ, что пользовался правомъ законной обороны отъ нападенія самаго близкаго изъ пріятелей, дѣйствовавшаго, по всей вѣроятности, подѣ влияніемъ умопомѣшательства, и съ большой надменностью объявилъ свой титулъ. Но ни его увѣренія въ невинности, ни перечисленіе громкихъ титуловъ не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на агентовъ. Полицейскій отрядъ въ Нью-Йоркѣ набирается почти исключительно изъ ирландцевъ, и эти господа, по большей части фенія и социалисты, не чувствуютъ ни малѣйшаго почтенія къ знатымъ особамъ. Они его увели безъ особыхъ церемоній.

Докторъ, призванный къ раненому, привелъ его въ чувство и далъ ему поддерживающаго лекарства. У раненаго послѣ этого хватило силъ объявить слѣдующее:

— Клянусь передъ вами и прошу васъ служить свидѣтелями, что я не угрожалъ этому человѣку... Я не хотѣлъ причинить ему зла... Я самъ противился его попыткамъ шантажа, и онъ убилъ меня... Графъ де-Марси, говорите вы?.. Не знаю, графъ ли онъ... но мнѣ онъ извѣстенъ какъ злоумышленникъ, воръ, плутъ и фальшивый монетчикъ, которому, каюсь, я помогъ убѣжать изъ тюрьмы Чикаго въ ночь большого пожара.

— Блэкъ Билль! — вскричалъ Флорестанъ: — неужели это Блэкъ Билль?

Звукъ его голоса сильно взволновалъ раненаго.

— Кто это говорилъ сейчасъ? Итанъ Флорестанъ?

— Я самый, — живо отвѣчалъ тотъ. — И будьте увѣрены, что злодѣй не останется безнаказаннымъ. Чѣмъ могу я служить вамъ, мой бѣдный другъ?

— Мой другъ? — повторилъ Розень съ страннымъ взглядомъ: — вы... мой другъ? Нѣтъ, нѣтъ... Но гдѣ же Шарлотта? а моя дочь? я хочу ее видѣть..

— Я здѣсь, масса, — отвѣчала, рыдая, негритянка: — а вотъ и Энильда.

При видѣ дочери силы на минуту вернулись къ раненому. Онъ приподнялся на локтѣ и обвилъ рукой шею Энильды.

— Не плачь, мое дитя, я все равно долженъ былъ бы когда-нибудь умереть. Лучше для меня, что я умираю теперь. На бѣду свою я встрѣтилъ негодая, который звалъ себя барономъ и предложилъ мнѣ ассоціацію... Позднѣе я узналъ, что это никто иной какъ извѣстный Блэкъ Билль, но дѣло было сдѣлано, и я не могъ уже отступить. Я былъ въ его рукахъ... Онъ заставилъ меня принять имя Вена... Онъ же придумалъ и эксплуатацію Арунделя.

Голосъ измѣнилъ Розену, слова все труднѣе и труднѣе сходили съ его языка.

— Тогда мы стали играть въ карты... въ вагонѣ... и Флорестанъ... оскорбилъ меня... онъ всегда былъ моимъ врагомъ.

Энильда подняла голову и только тутъ замѣтила присутствіе Флорестана. Тотъ подошелъ къ умирающему, и съ глубокимъ чувствомъ опустился на колѣни, рядомъ съ Энильдой.

— Не говорите этого, не говорите, что я вашъ врагъ, и простите невольное зло, какое я вамъ причинилъ! Клянусь вамъ, что я вашъ другъ и буду вашимъ сыномъ, если хотите. Вы меня понимаете? Я люблю вашу дочь, и мое величайшее желаніе стать ея мужемъ... Поняли вы меня? отвѣчайте знакомъ!

— Простите, простите меня!—прошепталъ умирающій прерывающимся голосомъ: — Энильда, гдѣ ты? я тебя не вижу... мнѣ холодно... и какъ темно... ахъ, да! это лѣсъ... индѣйцы гонятся за нею... Вотъ и я, моя милая, иду, иду! Мы бѣдны, Энильда, да... мы бѣдны, но честны... честны... честны...

Голова его упала на подушку, и съ этимъ словомъ онъ испустилъ послѣдній вздохъ.

ХІІ.

Отголоски цивилизованнаго міра передавали о скандалѣ Вень-Розена съ одного конца Америки до другого; иллюстрированные журналы печатали портреты „мѣдной экс-королевы“ и ея отца. Отъ штата Мэнъ и до Калифорніи, отъ Нью-Йорка и до Мехико газеты соперничали въ біографическихъ подробностяхъ. Въ чужихъ краяхъ шумъ, поднятый этимъ дѣломъ, былъ не меньше, и въ особенности британская печать проливала потоки чернилъ, предостерегая общество отъ слишкомъ большой его доступности для случайныхъ богачей Новаго Свѣта. Едва улеглись эти толки, какъ пришло новое и поразительное извѣстіе объ умерщвленіи развѣнчаннаго короля мнимымъ графомъ де-Марси. Въ Нью-Йоркѣ это извѣстіе всѣхъ сразило. Подумать только, что этотъ благородный иностранецъ, баловень салоновъ, образецъ изящества и щегольства—никто иной, какъ вульгарный убійца! Самолюбію Готема былъ нанесенъ жестокій ударъ.

Когда наступилъ день, назначенный для разбирательства въ судѣ ассизовъ дѣла барона де-Марси, alias Блэкъ Билля, то съ этого момента жизнь пріостановилась въ Готемѣ. Даже биржа была заброшена и спекуляціи забыты. Дамы заказывали себѣ спеціально для этого случая шляпки и платья; зала засѣданія была

избрана пунктомъ для сборищъ эlegantнаго общества, являвшася туда точно на пикникъ.

Особенная промышленность процвѣтала у дверей суда, гдѣ можно было покупать по умѣренной цѣнѣ входные билеты, лорнетки и вѣера, флаконы съ солями и букеты, брошюры, содержавшія подробности о составѣ жюри, біографіи, фотографіи и автографы жертвы и убійцы, и, наконецъ, тамъ же каждый часъ прибывались бюллетени, съ отчетомъ о всѣхъ словахъ и дѣйствіяхъ послѣдняго.

Чудеснымъ, яснымъ, осеннимъ днемъ, открыто было первое засѣданіе суда, въ залѣ, биткомъ набитой всѣми, кто только имѣлъ малѣйшій вѣсъ въ Готемѣ. Старательно завитой и напомаженный, съ длинными усами, закрученными побѣдоноснымъ образомъ, щеголяя шотландскимъ complet по послѣдней модѣ, съ клѣтками новаго узора, съ вытянутыми изъ-подъ рукавовъ манжетками, чтобы видны были запонки изъ oeil-de-chat, съ рѣдкостной орхидеей въ петличкѣ, засѣдалъ предсѣдатель за своимъ столомъ, улыбающійся и веселый, съ великолѣпной, эмальированной плевальницей у ногъ. Присяжные на своей скамѣ возбуждали мысль о веселомъ собраніи третейскихъ судей, фигурирующихъ на скачкахъ или на гонкахъ. Эти господа безпечно болтали другъ съ другомъ. Засѣдая за своимъ столомъ, генераль-атторней и адвокат-истецъ, который былъ ни кто иной, какъ м-ръ Гарейнсъ—занимались одинъ небрежной очинкой перьевъ, другой болтовней съ хорошенькой миссъ Грейзонъ, сидѣвшей неподалеку отъ него. Энильда, подъ густымъ вуалемъ, занимала мѣсто рядомъ, окруженная друзьями и свидѣтелями, приглашенными по ея просьбѣ: Флорестаномъ, Адамомъ Хромо, профессоромъ и миссъ Чандосъ-Кресси. М-съ Хромо сочла долгомъ воздержаться отъ появленія въ судѣ, но ея отсутствіе не мѣшало ей очень интересоваться судебными преніями, причемъ симпатіи ея дѣлились между дочерью жертвы и подсудимымъ, въ которому она питала нѣжность и не сомнѣвалась, что его невинность будетъ доказана передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Наконецъ послышался шумъ на дворѣ, сообщившійся вскорѣ и публикѣ, собранной въ залѣ суда, и раздался крикъ:

— Вотъ онъ!—и подсудимый появился.

Улыбаясь и по своему обыкновенію щеголяя изяществомъ, баловень Готема шелъ твердой поступью между двумя полицейскими, сопровождаемый эскадрономъ молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ, оспаривавшихъ другъ у друга счастье прикоснуться къ его бѣлой, жирной ручкѣ и услышать отъ него привѣтствіе или сорвать улыбку съ его устъ.

Дойдя до своего мѣста, подсудимый отвѣсилъ низкій поклонъ предсѣдателю, который отвѣчалъ вѣжливостью на вѣжливості, такъ какъ въ сущности кто-жъ его зналъ, виновенъ ли подсудимый, или нѣтъ. Послѣ того подсудимый поклонился присяжнымъ, обвинителю и адвокатамъ, и тѣ тоже не остались передъ нимъ въ долгу. Наконецъ онъ усѣлся передъ маленькимъ столикомъ, буквально заваленнымъ цѣтami, ароматъ которыхъ наполнялъ залу, и грудami писемъ съ заявленіями симпатіи, съ просьбами объ автографахъ, съ объясненіями въ любви и съ предложеніями отъ различныхъ Барнумовъ, рекомендовавшихъ свои услуги для объѣзда по штатамъ Союза по заключеніи судебныхъ преній. Подсудимый помѣщался напротивъ прокурора, по правую руку отъ суда и рядомъ съ своимъ адвокатомъ, роль которому предстояла довольно невидная, такъ какъ подсудимый пожелалъ воспользо-ваться правомъ, которое даетъ англо-саксонскій законъ подсудимому защищаться самому. Когда всѣ разсѣлись по мѣстамъ, шумъ улегся, и среди глубокаго безмолвія судебный приставъ провозгласилъ традиціонную формулу:

— Слушайте, слушайте! слушайте всѣ, кто причастенъ этому дѣлу; подойдите и васъ выслушаютъ, какъ и вы будете слушать.

Послѣ того предсѣдатель объявилъ засѣданіе открытымъ, и генераль-атторней началъ обвинительную рѣчь, въ которой доказывалъ, что подсудимый предательски убилъ Розена и что самъ онъ никто иной, какъ знаменитый злоумышленникъ Блэкъ Билль. Это заявленіе вызвало громъ ироническихъ или угрожающихъ восклицаній въ залѣ, и шумъ былъ таковъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ генераль-атторней не могъ говорить. Наконецъ шумъ стихъ, и онъ заключилъ рѣчь, прося судъ допустить показанія свидѣтелей, долженствующихъ разрушить систему защиты, принятую подсудимымъ.

Первымъ свидѣтелемъ вызванъ былъ Флорестанъ. Послѣ присяги онъ описалъ сцену убійства, происшедшую на его глазахъ. Когда онъ кончилъ, подсудимый заговорилъ въ свою очередь:

— М-ръ Флорестанъ, всѣмъ извѣстно, что вы не терпѣли моего покойнаго друга. Позвольте васъ спросить, съ какою цѣлью вы просили у него свиданія въ паркѣ?

Флорестанъ покраснѣлъ.

— Я долженъ отвѣчать на этотъ вопросъ?—спросилъ онъ у предсѣдателя.

Тотъ отвѣчалъ утвердительно, и Флорестанъ пустился въ нѣсколько запутанныя объясненія, но подсудимый перебилъ его со смѣхомъ: — Mon cher, должна же была быть у васъ причина за-

влетъ его въ паркъ. Правда, что, будучи влюбленнымъ въ его дочь...

Въ залѣ раздались негодующія восклицанія.

— Молчать! — заревѣлъ приставъ.

— Ладно, я не стану настаивать на этомъ пунктѣ, — объявилъ подсудимый.

Но перекрестный допросъ продолжался, и въ виду неслыханной дерзости подсудимаго, Флорестанъ долженъ былъ призвать на помощь все свое терпѣніе. Всякое его показаніе, какъ бы ни было оно невыгодно для подсудимаго, вызывало со стороны послѣдняго такіе ловкіе извороты и такъ искажалось, что невольно являлось сомнѣніе въ его истинности. Такое хладнокровіе и такая ловкость подсудимаго производили видимое впечатлѣніе на аудиторію, между тѣмъ какъ Флорестанъ смущался, путался и говорилъ совсѣмъ противное тому, что хотѣлъ сказать.

Шарлотта Кордэ смѣнила Флорестана у рѣшетки свидѣтелей, и какъ это обыкновенно бываетъ въ Нью-Йоркѣ каждый разъ, какъ на сцену выступаетъ чернокожій, появленіе Шарлотты Кордэ встрѣчено было традиціонными насмѣшками: „Какъ поживаешь, тетенька? — А небо-то хмурится, сейчасъ громъ загремитъ. — Раскройте зонтики, въ воздухѣ пахнетъ грозой!“ — и тому подобныя сомнительнаго вкуса шутки.

Когда воцарилась тишина не безъ труда, негритянка присагнула съ такой важной торжественностью и умиленіемъ, что набожное настроеніе сообщило и толпѣ. Не успѣвъ обвинитель задать ей нѣсколько вопросовъ, какъ подсудимый, неизмѣнно хладнокровный, сталъ въ свою очередь разспрашивать ее, стараясь изъ всей мочи сбить съ толку и смутить, какъ это ему и удалось съ Флорестаномъ. Но Шарлотта отвѣчала такъ спокойно, такъ толково пересказала о той сценѣ, какой она стала невольной свидѣтельницей въ домѣ, и о подслушанныхъ ею угрозахъ и денежныхъ требованіяхъ подсудимаго, что подсудимый заскрежеталъ зубами.

— Господа присяжные, не вѣрьте этой чертовкѣ; она черна — это еще невелика бѣда; но она помѣшанная, что уже совсѣмъ для свидѣтеля не пристало.

Подсудимаго попросили быть сдержаннымъ въ своихъ выраженіяхъ, и допросъ Шарлотты продолжался при взрывахъ хохота со стороны подсудимаго. Генераль-атторней требовалъ, чтобы негритянка сообщила нѣкоторыя подробности о свиданіи ея господина съ подсудимымъ, и негритянка заявила съ большой твердостью:

— Онъ звалъ господина „масса Вентъ“ и очень сердилъ его. А потомъ вдругъ потребовалъ пятьдесятъ тысячъ долларовъ; господинъ сказалъ: „это все?“—А онъ отвѣчалъ: „нѣтъ! есть еще чело-вѣкъ, отъ котораго надо избавиться“...

— Молчать!—заревѣлъ приставъ въ отвѣтъ на ропотъ ужаса, пронесшійся по залѣ при этомъ заявленіи.

— Это ложь!—протестовалъ подсудимый:—ложь чернѣе даже, чѣмъ ея кожа.

Онъ поблѣднѣлъ и лихорадочно стучалъ пальцами по столу.

Шарлотта невозмутимо продолжала свои показанія, и тонъ ея звучалъ такой искренностью, что никто не сомнѣвался въ правдивости ея показаній, и сенсация, произведенная ея показаніями, была большая.

Подсудимый не переставалъ перебивать ее, но это ни къ чему не приводило. Шарлотта стояла на своемъ.

— Наконецъ онъ взялъ ножъ и бросился на господина и ударилъ его вотъ сюда...

Дрожь пробѣжала по аудиторіи.

— Онъ говорить, что убилъ господина защищаясь. Это неправда... Масса Эрикъ не тронулъ бы пальцемъ червяка... а графъ убилъ его потому, что тотъ не хотѣлъ дать ему денегъ... Но Богъ накажетъ васъ!—торжественно заключила она, грозя подсудимому кулакомъ.—Можетъ быть, кожа моя и черна, но ваша душа еще чернѣе, это вѣрно!

Послѣднія слова вызвали аплодисменты публики, и нѣсколько голосовъ прокричали страшную угрозу:—Линчъ! Линчъ! примѣнить къ нему Линчъ!..

Мнимый графъ измѣнился въ лицѣ, а председатель, чтобы успокоить волненіе, велѣлъ очистить залу.

На слѣдующій день погода стояла такая же чудная, и зала суда съ утра наполнилась нарядной толпой; публика весело болтала, точно въ гостиной, и время отъ времени веселые взрывы смѣха проносились подъ строгими сводами храма правосудія. Тишина воцарилась при появленіи подсудимаго, такого же элегантнаго и улыбающагося, какъ и наканунѣ.

Пока судебный приставъ исполнялъ предварительную процедуру, онъ принялся нюхать различные букеты, которыми былъ заваленъ его столъ, и читать письма, многозначительно подмигивая и гримасничая. Окончивъ это занятіе, онъ опрокинулся на спинку стула съ довольнымъ видомъ и сталъ разговаривать съ

сосѣдами, пустилъ нѣсколько сарказмовъ по адресу генералъ-атторней и адвоката-истца, и все это съ такой непринужденной и заразной веселостью, что она сообщила толпѣ, какъ взрывъ пороха. Предсѣдатель смѣялся, самъ не зная чему; женщины шептались; присяжные покатывались со смѣха; генералъ-атторней казался особенно довольнымъ и подчеркивалъ каждую остроту подсудимаго:—Послушайте-ка его!—Каковъ молодецъ!—Вотъ потѣха-то!

Когда открыто было засѣданіе и выслушаны показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей, говорившихъ въ пользу подсудимаго, а симпатія явно росла вокругъ него, обвинитель и адвокат-истецъ, наканунѣ почти увѣренные въ побѣдѣ, стали въ ней сомнѣваться.

Главнымъ свидѣтелемъ въ этотъ день былъ нѣкій Рикаръ, служившій въ компаніи Венъ-Розенъ. Когда онъ появился у рѣшетки и ему поднесена была Библія, подсудимый такъ громко захохоталъ, что помѣшалъ судебному приставу произносить священную формулу присяги. Смѣхъ опять оказался заразительнымъ, и самъ судебный приставъ съ улыбкой ждалъ, чтобы публика успокоилась.

— Подсудимый знаетъ свидѣтеля?—спросилъ обвинитель.

— Знаю ли я его? еще бы!—отвѣтилъ тотъ, держась за бока. —Мнѣ слишкомъ часто приводилось выпихивать его за дверь пинками... знаете куда?.. Простите мой безумный смѣхъ, но видѣть, что этому шуту гороховому подносить Библію для присяги... нѣтъ, это уже слишкомъ нелѣпо! Чтобы онъ присягалъ на священномъ писаніи!.. Ужъ если вы хотите заставить его присягать, такъ пускай это будетъ надъ старымъ платьемъ... Да взгляните на него—развѣ вы не видите по первому взгляду, что онъ изъ тѣхъ, которые распяли Спасителя?!

И онъ сѣлъ на мѣсто среди невыразимаго гвалта самыхъ дивныхъ восклицаній, самыхъ рѣзкихъ возгласовъ.

Когда, наконецъ, свидѣтель получилъ возможность говорить, онъ заявилъ, что хотя и родился евреемъ, но крещенъ въ католическую вѣру и имѣетъ право присягать на Евангеліи. Шумъ утихъ и начался допросъ.

Атторней.—Какъ давно вы знаете подсудимаго?

Свидѣтель.—Болѣе давно, чѣмъ мнѣ это пріятно.

Подсудимый (иронически).—Чортъ возьми, еще бы!

Атторней.—Когда и гдѣ вы его встрѣтили впервые?

Свидѣтель (смущенный).—Я обязанъ на это отвѣтить?

Атторней.—Безусловно.

Подсудимый.—Вотъ видите ли, я отвѣчу за него, если это его смущаетъ. Этотъ болванъ служилъ у меня лакеемъ въ Гамбургѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но я его прогналъ за глупость. Послѣ того онъ разыскалъ меня въ Америкѣ и пришелъ просить помочь ему.

Адвокатъ-истецъ.—Свидѣтель, правда ли, что вы получили помощь отъ подсудимаго?

Подсудимый.—Послушайте, Гаркинсъ, прошу не принимать этого тона со мной... Вы забываете, съ кѣмъ имѣете дѣло, честное слово... Получилъ ли онъ отъ меня помощь? чортъ побери, не я ли помѣстилъ его въ контору Розена? Развѣ это не правда, негодная тварь? Отвѣчай, выложи поскорѣй все, что собирався выложить, и убирайся, чтобы я не видѣлъ больше твоей постной рожи!

Въ залѣ хохотъ. Приставъ требуетъ тишины громовымъ голосомъ.

Адвокатъ-истецъ.—А теперь, м-ръ Рикаръ, будьте такъ добры сказать намъ все, что вамъ извѣстно про подсудимаго, когда вы знавали его въ Гамбургѣ.

Рикаръ блѣднѣетъ, потираетъ руки и украдкой озирается, точно ищетъ у публики поощренія. Наконецъ, робко отвѣчаетъ:

— Онъ звалъ себя тогда барономъ де-Менси и очень шибко жилъ. Я, дѣйствительно, былъ у него въ услуженіи. Разъ его арестовали за участіе въ мошеннической продѣлкѣ, осложненной убійствомъ...

Подсудимый (въ бѣшенствѣ).—Вы отчаянный лжець, и еслибы попались мнѣ въ руки, то не повторили бы вторично этой клеветы...

Предсѣдатель.—Прошу подсудимаго замолчать. М-ръ Рикаръ, продолжайте.

Свидѣтель.—Я говорилъ про убійство...

Подсудимый.—Лжешь!

Свидѣтель.—За которое его судили...

Подсудимый.—Опять лжешь!

Предсѣдатель вынужденъ объявить подсудимому, что если онъ не будетъ вести себя приличнѣе, то его выведутъ. Послѣ этого экс-баронъ не перебиваетъ больше свидѣтеля, но напѣваетъ пѣсенку, выбивая ногою тактъ. Но свидѣтель уже такъ смущенъ и сконфуженъ, что мнется, мямлитъ и путаетъ, такъ что Гаркинсъ отчаивается извлечь что-нибудь путное изъ его показаній.

— Ну, милѣйшій, — обращается подсудимый къ сбитуму съ толку свидѣтелю: — я на васъ не сержусь... не торопитесь, хорошо сообразите, что вамъ остается еще сказать... А знаете

ли что, г. председатель? что еслибы мы дали вздохнуть свидѣтелю и собраться съ духомъ, а сами пошли бы закусить,—что вы на это скажете?

Судьи, присяжные и публика одинаково поражены своевременностью такого предложенія; председатель уградкой взглядываетъ на монументальные часы въ стилѣ часовъ страсбургскаго собора и которые показываютъ часъ, когда въ Нью-Йоркѣ принято завтракать. Находя въ этомъ серьезный аргументъ въ пользу перерыва засѣданія, судъ удаляется изъ залы, которая немедленно наводнена гарсонами изъ ресторановъ, приносящими въ корзинкахъ сандвичи, пирожки, хлѣбцы, фрукты и питья для многочисленныхъ зрителей, не желающихъ повидать свои мѣста. Лавки превращены въ столы, разговоры заводятся со всѣхъ сторонъ; дѣти пользуются перерывомъ, чтобы играть въ кегли или въ мячъ,—словомъ, самая откровенная веселость воцаряется въ святилищѣ закона, ни мало не смущаясь его строгостью.

Когда засѣданіе возобновилось, среди свидѣтелей появилась дама подъ густымъ вуалемъ и стала у рѣшетки.

— Какъ!—вскричалъ Гаркинсъ, очень удивленный:—добровольный свидѣтель!.. Кто вы такая?

Она подняла вуаль, и всѣ вскрикнули:

— М-съ Хромо!

Въ эту минуту Адамъ возвратился въ залу и чуть не задохся при видѣ жены, которой никакъ не ожидалъ здѣсь встрѣтить.

Безусловно не вѣдая, какого рода показанія намѣрена сдѣлать м-съ Хромо, обвинитель началъ съ вопросовъ второстепенныхъ:

— Въ какую эпоху познакомились вы съ подсудимымъ?

Люси подняла глаза къ небу, затѣмъ конфузливо опустила ихъ.

— Ахъ!—сказала она:—вашъ вопросъ будитъ во мнѣ нѣжныя воспоминанія. Увы! много лѣтъ тому назадъ я увидѣла его впервые въ домѣ моихъ родителей, гдѣ я жила счастливая и невинная и гдѣ онъ мнѣ признался въ любви.

— Что такое?—закричалъ Адамъ Хромо, вскакивая съ мѣста.

— Молчать!—заревѣлъ приставъ, ударяя изо всей мочи палицей по полу.

Гаркинсъ хотѣлъ-было унять свою клиентку, но сердитое восклицаніе председателя заставило его самого замолчать.

— Итакъ, вы знавали подсудимаго съ ранней молодости?—продолжалъ обвинитель.

— Подсудимаго!—пролепетала она.—Подумать только, что его такъ называютъ и по моей винѣ...

— Мнѣ тяжело задавать дамѣ нескромные вопросы, — продолжалъ обвинитель: — но еслибы вы намъ сказали...

— Сколько мнѣ лѣтъ? — перебила Люси, плача. — Ахъ! что мнѣ за дѣло теперь... Я могу вамъ сказать... Это было двадцать лѣтъ тому назадъ, мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, и съ тѣхъ поръ я всегда его любила. Ахъ! я очень дурно себя вела, но, право, же это все клей виновать... Во всякомъ случаѣ, теперь я рѣшила говорить правду и объявляю, что люблю его больше, чѣмъ когда-либо.

Глубокое недоумѣніе воцарилось въ залѣ. Что касается Адама Хромо, то онъ безъ словъ, уничтоженный, опустился на свое мѣсто. Отеревъ слезы кружевнымъ платкомъ, Люси продолжала:

— Я дурно себя вела съ нимъ, сознаюсь, но, право же, увѣряю васъ, что я его люблю и никого другого...

— Мы возьмемъ смѣлость напомнить свидѣтельницамъ, — мягко замѣтилъ атторней, — что вопросы чувства не относятся къ дѣлу...

— Никто не помѣшаетъ мнѣ высказаться! — страстно перебила она. — Вотъ вся правда: онъ упрямо барахтался въ своемъ клѣѣ, и я пригрозила ему разводомъ. Если, думала я, онъ любить клей больше жены, тѣмъ хуже для него. И къ тому же графъ подбивалъ меня... Но съ тѣхъ поръ я узнала, кто онъ... и знаю, что онъ уже женатъ на двухъ женахъ...

Мнимый графъ захохоталъ.

— Да, да, смѣйтесь, чудовище! — обратилась къ нему Люси. — Я все знаю... ваша первая жена, Адель Марксъ, мнѣ все рассказала... Нѣтъ, я не хочу развода, и еслибы мужъ по уши завязъ въ клѣѣ...

— Довольно! — перебилъ предсѣдатель, задыхаясь: — уведите свидѣтельницу! — и плюнулъ въ элегантную плевальницу, помѣщавшуюся у его ногъ.

Безпорядокъ воцарился невообразимый. Адамъ Хромо бросился къ женѣ, чтобы увести ее изъ залы, Гаркинсъ держалъ Адама за полы сюртука, а Люси цѣплялась за рѣшетку и съ рыданіями восклицала:

— Это ужасно! меня не хотятъ выслушать въ дѣлѣ о моемъ собственномъ разводѣ!

— Объ ея разводѣ! — воскликнуть судья.

— Ея разводѣ! — повторила хоромъ публика.

— Вы напрасно хотите заткнуть мнѣ ротъ! — кричала м-съ Хромо. — Повторяю, господа, я беру назадъ свое прошеніе; я не хочу развода, я хочу по прежнему жить съ Адамомъ Хромо...

— Уведите свидѣтельницу, говорю вамъ!—заревѣлъ предсѣдатель.

— Нѣтъ, нѣтъ, пускай остается,—вопила публика.

— Уведите ее!—повторилъ предсѣдатель:—я не могу дозволить нарушать торжественность уголовного дѣла такими безумными выходками...

— Уголовное дѣло?—повторила м-съ Хромо, смутясь:—что это значить?

— Это значить, что вы ошиблись и не туда попали,—объяснилъ атторней съ любезнымъ видомъ.—Дѣло идетъ не о вашемъ разводѣ, а объ убійствѣ м-ра Розена.

— Ахъ! понимаю!—вскричала Люси:—это... это не Адамъ... помогите... умираю!

И она упала въ обморокъ на подхватившія ея сильныя руки мужа, который вынесъ ее изъ залы точно перышко; за ней вышли Флора, миссъ Чандосъ-Кресси, профессоръ, Флорестанъ и всѣ ихъ пріятели, между тѣмъ какъ безумный смѣхъ овладѣлъ и судомъ, и аудиторіей. Тщетно предсѣдатель старался возобновить пренія: этотъ нелѣпный инцидентъ вскружилъ всѣмъ головы, и никто не могъ вернуть обычнаго хладнокровія, такъ что предсѣдатель вынужденъ былъ закрыть засѣданіе.

ХІІІ.

Третье засѣданіе суда началось съ показаній полицейскихъ агентовъ Чикаго, вызванныхъ за тѣмъ, чтобы установить тождество личности такъ-называемаго графа де-Марси съ знаменитымъ злоумышленникомъ Биллемъ, который убѣжалъ изъ тюрьмы въ ночь пожара 1871 г. Но ихъ свидѣтельство не заключало въ себѣ ровно ничего убѣдительнаго, и они всѣ объявили, что не могутъ поручиться, что узнаютъ въ подсудимомъ бандита, одно имя котораго наводило ужасъ на весь западъ.

Пришлось отложить судебныя пренія до вызова новыхъ свидѣтелей, и дни проходили за днями, а дѣло не двигалось.

Эти проволочки клонились, впрочемъ, къ выгодѣ подсудимаго, и сомнѣнія полицейскихъ Чикаго въ его личности заставили многихъ и многихъ думать, нѣтъ ли тутъ въ самомъ дѣлѣ ошибки, и не сталъ ли несчастный дворянинъ жертвой личной мести.

Что касается подсудимаго, онъ сохранялъ неизмѣнное спокойствіе и игривость. 31-го декабря — такъ какъ судебныя пренія затянулись до зимы—въ ясное зимнее утро онъ насмѣшилъ всю

публику, явившись въ засѣданіе укутанный съ головы до ногъ въ обширное пардессю; онъ жаловался на температуру, въ самомъ дѣлѣ ледяную, царствовавшую въ залѣ. Но когда въ числѣ свидѣтелей, вызванныхъ въ этотъ день, произнесено было имя Адели Марксъ, лицо подсудимаго омрачилось.

На первый вопросъ, поставленный обвинителемъ: — гдѣ и когда вы впервые встрѣтились съ подсудимымъ? — свидѣтельница отчетливо заявила:

— Въ Гамбургѣ, двадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ — мошенникъ, именовавшій себя барономъ, и съ тѣхъ поръ, также какъ и я, былъ сосланъ въ Новую-Каледонію по обвиненію въ убійствѣ, совершенномъ во Франціи.

Мертвенная блѣдность разлилась по лицу подсудимаго. Бросивъ на свидѣтельница холодный и острый, какъ сталь, взглядъ, онъ сжалъ кулаки и съ зловѣщимъ смѣхомъ проговорилъ:

— Итакъ, ты меня предаешь? Ну чортъ съ тобой! ври дальше!

— Я полюбила его и думала, что выхожу замужъ за барона. Позднѣе, когда я стала его соучастницей, онъ бросилъ меня безъ жалости. Но я такъ же сумѣла бѣжать съ каторги, какъ и онъ, и въ Нью-Йоркѣ, подъ ложнымъ именемъ графа де-Марси, нашла гамбургскаго экс-барона де-Менси.

— Заставьте молчать эту женщину, она безстыдно лжетъ! — закричалъ подсудимый.

Но она отвѣчала только иронической улыбкой. Волненіе, произведенное въ залѣ ея показаніемъ, было такъ велико, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ она не могла говорить. Но, наконецъ, толково и ясно она изложила всю исторію жизни подсудимаго, его отношенія съ Розеномъ, заговоръ противъ Арунделя, послѣднюю попытку шантажа относительно Розена и его убійство въ парѣ. Можно было бы услышать полетъ мухи — съ такимъ безмолвнымъ вниманіемъ, затаивъ дыханіе, слушалъ судъ и публика ея рассказъ.

— Я до конца оставляла его въ заблужденіи, что не выдамъ его, чтобы лучше насладиться мщеніемъ, — заключила свидѣтельница.

Послѣ этого между нею и подсудимымъ произошла отчаянная перебранка, сопровождаемая угрожающими жестами.

Внезапная и быстрая развязка столь запутаннаго, казалось, дѣла поразила всѣхъ удивленіемъ. Послѣ блестящей рѣчи обвинительной власти, подсудимый, которому предоставлено было защитительное слово, подтвердилъ показанія свидѣтельница и самъ

разсказалъ свою жизнь, сознавшись, что знаменитый Блэкъ-Билль и онъ—одно и то же лицо.

Подсудимый, окончивъ рѣчь, сѣлъ, среди рукоплесканій толпы; смѣлость и отчаянная откровенность его показаній понравились американцамъ. Предсѣдатель объявилъ пренія оконченными, и присяжные ушли совѣщаться. Совѣщаніе длилось очень долго. Наконецъ, старшина присяжныхъ вернулся въ сопровожденіи своихъ собратьевъ. Положивъ, согласно обычаю, руку на сердце, онъ объявилъ, что присяжные не могли придти къ единодушному приговору; что десять голосовъ высказалось за „виновность“, а два голоса—за „невинность“ подсудимаго. И слѣдовательно дѣло должно было быть передано для разбора новымъ ассизамъ, такъ какъ въ Америкѣ, какъ и въ Англіи, требуется единодушное рѣшеніе присяжныхъ для постановленія приговора.

Ропотъ поднялся въ публикѣ, предсѣдатель улыбался, а между обвинителемъ и защитою начались пререканія, уснащаемыя замѣчаніями и восклицаніями публики по адресу того и другого, между тѣмъ какъ подсудимый уходилъ, разсыпаясь въ увѣреніяхъ въ нѣжнѣйшей привязанности къ милому Готему, его второй отчизнѣ.

На слѣдующее утро разнеслась печальная вѣсть, что псевдобаронъ де-Менси и графъ де-Марси, alias Билль, умеръ ночью въ своей кельѣ. Эта внезапная кончина приписывалась разрыву сердца, вызванному, безъ сомнѣнія, усиленіемъ, котораго ему стоило сказать правду, въ первый разъ въ жизни. Онъ оставилъ слѣдующее завѣщаніе:

„Прощай, Готемъ! Я иду въ лучшій міръ и завѣщаю центральному музею Нью-Йорка сундукъ, который найдутъ у меня и гдѣ хранятся реликвіи моей молодости, а именно: бритвы, которыми я брилъ барона де-Менси, прежде нежели присвоилъ себѣ его имя, побуждаемый къ тому страннымъ сходствомъ, которое находили между имъ и мною; платье, что я носилъ прежде, нежели преобразовался въ вельможу; нѣсколько писемъ моей милой жены Адели, относящихся къ той эпохѣ, когда мы еще любили другъ друга. Часто, во времена своего процвѣтанія, по возвращеніи съ какого-нибудь празднества, графъ де-Марси радовался, созерцая эти вещи и думая о томъ, какъ онъ, подмастерье-цирюльникъ города Майнца, счумѣлъ провести всѣхъ за носъ. Я желаю, чтобы напоминовеніе о моихъ подвигахъ возбудило благородное соревнованіе въ отважныхъ американскихъ сердцахъ. Что до меня касается, то я оставляю здѣшній свѣтъ съ радостной для моего предприимчиваго духа надеждой познакомиться съ новымъ міромъ. Прощай, Готемъ!“

Остается сказать еще немного, чтобы заключить эту исторію. Люси Хромо добилаь, наконецъ, своего, но безъ ущерба для кармана мужа: Адамъ продолжаетъ свою торговлю, но согласился запретить своимъ фургонамъ ѣздить по Пятой улицѣ.

Флора Грейзонъ вышла замужъ за англичанина, достопочтеннаго Уйллиса Пастора, который, пять дней спустя послѣ брачной церемоніи наслѣдовалъ титулъ маркиза, къ великому счастью тщеславной, какъ и всѣ ея соотечественницы, американки. Время отъ времени, чтобы онъ не забывался и былъ почтителенъ, она грозитъ ему, что разведется съ нимъ и выйдетъ замужъ за его пріятеля, барона д'Альфреди, который былъ у него шаферомъ.

Миссъ Чандосъ-Бресси и профессоръ Протоплазмъ—все еще женихъ и невѣста. Профессоръ съ прежнимъ блескомъ председательствуетъ въ Хромо-литературномъ обществѣ, которое процвѣтаетъ.

Не позабудемъ Адели Марксъ; она вышла замужъ за Ривара. Почтенная чета переселилась въ Австралію, гдѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ, живетъ честно.

А Арундель? Бѣднякъ не въ силахъ былъ противостоять столькимъ волненіямъ, и мысль, что онъ огорчилъ своего благодѣтеля, нанесла ему послѣдній ударъ. Не долго спустя послѣ встрѣчи своей съ Флорестаномъ на набережной, онъ долженъ былъ помѣститься вновь въ водолечебное заведеніе. Узнавъ о трагическомъ исходѣ дѣла графа де-Марси, онъ бросился въ воду, въ припадкѣ нервнаго возбужденія, и утонулъ. Онъ оставилъ завѣщаніе, по которому наслѣдницей всего своего состоянія признавалъ миссъ Розенъ. Первымъ движеніемъ этой послѣдней было отказаться отъ этого наслѣдства; но такъ какъ въ такомъ случаѣ оно должно было перейти къ Флорестану, а затѣмъ къ наслѣдникамъ послѣдняго, то волею-неволею ей пришлось снова вступить во владѣніе богатствомъ, очевидно предназначеннымъ въ ея пользованіе.

Однимъ утромъ, въ началѣ января, брачная церемонія, очень скромная и вполнѣ интимная, совершилась въ Гресь-Чёртъ. Посаженымъ отцомъ невѣсты былъ докторъ Грейзонъ, и на глазахъ счастливой Шарлотты Кордэ, все такой же черной, но помолодѣвшей отъ счастья, Энильда Розенъ и Итанъ Флорестанъ поклялись во взаимной любви и вѣрности какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи. Въ разницѣ, пока Адамъ Хромо и профессоръ Протоплазмъ расписывались какъ свидѣтели въ метрической книгѣ, маленький Кириллъ застѣнчиво подошелъ къ новобрачнымъ съ бѣлой розой въ рукѣ и сказалъ дѣтскимъ голоскомъ:

— Вотъ цвѣтокъ, который я принесъ новой мамашѣ!

Вечеромъ того самаго дня въ старинномъ домѣ Десятой улицы, въ то время какъ Энильда, опершись на плечо мужа, молча глядѣла на блѣдный полумѣсяцъ, сверкавшій яснымъ свѣтомъ на испещренномъ звѣздами зимнемъ небѣ, тотъ вдругъ ей сказалъ:

— Хочешь, я сообщу тебѣ пріятную новость?

— Что ты меня любишь,—улыбнулась она.

— Нѣтъ... ты это уже знаешь, но вотъ возьми, прочитай это и увидишь, что твои желанія исполнились.

И онъ подаль ей лондонскую газету, гдѣ она прочитала слѣдующій параграфъ:

„Лэди Мильдредъ Клермонтъ произвела на свѣтъ сына, родившагося въ Аллизонъ-Гаузѣ. Мать и ребенокъ здоровы. М-ра Клермонта ожидаютъ въ Лондонъ немедленно“.

А. Э.

НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ

ВЪ

ПОЭТИЧЕСКОЙ СТАРИНѢ

— Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія академика А. Н. Веселовскаго. Выпускъ второй. Славяно-романскій отдѣлъ. Спб. 1888.

Мы не разъ останавливались на изслѣдованіяхъ, какія посвящались въ послѣдніе годы старому періоду нашей литературы и особенно тѣмъ памятникамъ, которые были поэтическимъ ея отдѣломъ. Эти изслѣдованія, большею частью предназначенныя и доступныя только для спеціалистовъ, заключали нерѣдко чрезвычайно важныя данныя какъ въ частности для исторіи нашей собственной литературы, такъ и вообще для исторіи средневѣковой поэзіи европейской—такъ какъ въ нашей старой письменности отыскивались иногда недостававшія звенья литературнаго общенія среднихъ вѣковъ. Европейская средневѣковая поэзія привлекаетъ теперь вниманіе ученыхъ изслѣдователей, кажется, больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, такъ что даже въ тѣхъ западныхъ литературахъ (именно романскихъ), которыя до сихъ поръ были почти чужды народно-поэтическому содержанію, впервые развивается такъ-называемый „фольклоризмъ“¹⁾—изученіе народной поэзіи

¹⁾ Отъ англійскаго folklore, означающаго вообще народное сказаніе, преданіе и поэзію. Слово это принято французами и даже испанцами и само можетъ служить указаніемъ, какъ новъ въ тѣхъ литературахъ этотъ интересъ и какъ онъ обязанъ своимъ появленіемъ чужому примѣру.

и преданій, почти неизмѣнно восходящихъ въ средніе вѣка. Это движеніе гораздо старѣе въ Англіи и въ Германіи, а также и въ литературахъ славянскихъ, и въ каждомъ случаѣ имѣло особыя условія своего начала и развитія. Въ Англіи старина бытовая, обрядовая и поэтическая всегда стояла вѣрнѣе, чѣмъ въ континентальныхъ обществахъ, и литература, имѣвшая свои великія преданія, меньше забывала о нихъ въ потокѣ псевдо-классицизма, охватившемъ континентъ съ эпохи Возрожденія. Въ Германіи изслѣдованіе средневѣковой старины шло параллельно и внутренно связывалось съ литературнымъ романтизмомъ, отъ котораго только позднѣе освобождается болѣе строгій научный интересъ. Въ разрозненныхъ племенахъ славянскихъ обращеніе къ народной старинѣ стояло въ связи съ тѣми попытками національнаго возрожденія, которыя съ конца прошлаго вѣка проявляются различными симптомами у разныхъ племенъ, смотря по даннымъ условіямъ ихъ политическаго и соціальнаго положенія, чтобы въ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія слиться въ представленіи славянскаго единства: это представленіе было всего больше теоретическое или поэтическое; въ немъ, однако, видѣлась многимъ и политическая надежда, на дѣлѣ очень слабая и которую противники превратили въ политическій призракъ панславизма. Въ нашей литературѣ интересъ къ народности восходитъ также еще ко второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда появились замѣчательные для своего времени писанные сборники Трутовскаго, Чулкова-Новикова, Прача. Какъ становится теперь болѣе и болѣе ясно, этотъ интересъ только нашелъ себѣ тогда выраженіе въ печати, а на дѣлѣ онъ былъ вовсе не новъ и продолжалъ непрерывавшееся въ сущности бытовое преданіе. Съ конца прошлаго вѣка этотъ интересъ, не прекращаясь, доходитъ до настоящаго времени. Впрочемъ, онъ долго не могъ установиться въ научное изслѣдованіе. Наше собирательство, особливо оживившееся въ тридцатыхъ годахъ, во времена Сахарова, Кирѣевскаго, Даля, руководилось частью патріотическими побужденіями, которыя хотѣли слѣдовать официально заявленной программѣ народности, частью внушалось болѣе глубокимъ, теоретическимъ и полумистическимъ стремленіемъ разыскать начала нашей народной жизни; но въ обоихъ случаяхъ оно было далеко какъ отъ полноты матеріала, такъ и отъ правильной постановки этнографическихъ и историческихъ вопросовъ. У Сахарова отсутствіе научнаго пріема въ толкованіи народной старины доходило до наивности; въ славянофильской школѣ, и раньше у представителей официальной народности (какъ Шевыревъ, частію Даль и др.), — на-

родная старина, бытовой обычай, эпическіе герои и т. д. понимались символически, какъ прообразованія народнаго духа, подлежащія гораздо меньше (или вовсе не подлежащія) сухому критическому анализу, чѣмъ простому воспріятію народно-патріотическимъ чувствомъ. Послѣдователь этой школы, г. Безсоновъ, еще недавно съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, развивалъ это символическое толкованіе нашего эпоса.

Первый приступъ научной критики къ народно-поэтическому наслѣдію нашей старины относится къ концу сороковыхъ и началу пятидесятыхъ годовъ, когда, съ одной стороны, примѣнены были здѣсь приемы западнаго (преимущественно нѣмецкаго) сравнительнаго языкознанія и міеологіи (труды Буслаева и Афанасьева), а съ другой—сдѣланъ былъ первый приступъ къ разслѣдованію старой письменности, гдѣ до тѣхъ поръ оставлялись безъ вниманія скрывавшіеся въ рукописяхъ памятники народной апокрифической легенды, повѣсти и самого эпоса (труды Тихонравова, Срезневскаго и др.). Это былъ первый правильный путь къ объясненію народной старины,—путь, не дававшій, правда, тотчасъ всѣхъ объясненій, требовавшій еще новыхъ поисковъ, но уже съ самаго начала устранявшій произволъ символическихъ и мистическихъ толкованій. Когда у насъ введенъ былъ этотъ первый научный приемъ, въ нашей литературѣ въ распоряженіи изслѣдователей былъ уже значительный запасъ народно-поэческаго преданія, извлеченнаго изъ устъ народа и изъ письменныхъ памятниковъ,—запасъ, который давалъ возможность сличеній, и дѣйствительно уже тогда сдѣланъ былъ рядъ параллелей съ западно-европейскою поэзіею среднихъ вѣковъ, которыя намекали, что мы имѣемъ дѣло тамъ и здѣсь съ однороднымъ матеріаломъ народно-поэтическихъ представленій.

Если отъ той поры, положившей первыя прочныя основанія нашихъ народно-поэтическихъ изслѣдованій (ея главнѣйшими произведеніями были тогда „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“, Буслаева, 1861, и „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, Афанасьева, 1864—69), мы обратимся къ настоящему положенію этихъ изслѣдованій, то найдемъ, что въ промежуткѣ сдѣланы были важныя пріобрѣтенія и въ матеріалѣ, и въ приѣмахъ критики. Съ тѣхъ поръ какъ, въ пятидесятыхъ годахъ, открытъ былъ въ старой письменности большой запасъ полу-книжной, полу-народной поэзи, повѣсти и легенды, онъ привлекъ новыхъ изыскателей, отъ которыхъ мы имѣемъ уже цѣлый рядъ какъ новыхъ изданій, такъ и спеціальныхъ изученій отдѣльныхъ памятниковъ или отдѣльныхъ

темъ народной поэзіи ¹⁾. Высокая цѣнность этихъ изученій заключается въ томъ, что содержаніе памятниковъ и народно-поэтическихъ сказаній изслѣдуется во всѣхъ его составныхъ элементахъ, въ сравненіи (насколько возможно) съ параллельными мотивами средневѣковой поэзіи европейскаго запада и востока, такъ что нашъ памятникъ является обыкновенно, или въ цѣломъ, или въ отдѣльныхъ частяхъ, однимъ звеномъ въ цѣпи общеевропейскаго преданія, и онъ выясняется впервые какъ въ своихъ связяхъ съ этимъ преданіемъ, такъ и въ своихъ особыхъ, специально русскихъ чертахъ. Въ то же время сдѣланы были великія приобрѣтенія въ собираніи памятниковъ народной поэзіи: оно совершается ревностно въ особенности на мѣстахъ, и слѣдовательно съ возможностью полноты, которая прежде была немислима. Поиски въ Олонецкомъ краѣ, какъ извѣстно, принесли такое богатство эпическаго матеріала, о какомъ не мечтали до выхода 1-го тома собранія Рыбникова (1861). Наконецъ по давнему почину г. Буслаева развиваются изслѣдованія по церковно-легендарному искуству (труды гр. Уварова, Филимонова, Кондакова, Покровскаго, Киричаникова и др.), которыя, съ своей стороны, даютъ матеріалъ для объясненія народно-поэтическаго міровоззрѣнія. Все это вмѣстѣ такъ расширяетъ кругъ изслѣдованій въ этой области и даетъ столько важныхъ указаній о составѣ и подробностяхъ народной поэзіи и старыхъ письменныхъ памятниковъ народной повѣсти, что этотъ отдѣлъ нашей литературы впервые возсоздается только теперь, хотя, впрочемъ, его реставрація еще далеко не приведена къ концу. Не только появляются впервые многіе памятники нашей письменности, доселѣ забытые ²⁾; не только открывается ихъ близкая связь съ произведеніями живой народной поэзіи, но и въ этой послѣдней открываются элементы, до сихъ поръ находившіе только весьма неопредѣленные объясненія и для которыхъ теперь указываются въ высшей степени интересныя параллели въ мотивахъ обще-европейскаго эпоса и легенды.

Нашъ народный эпосъ долго оставался чѣмъ-то загадочнымъ. Въ прежнее время онъ обыкновенно разсматривался самъ по себѣ въ отдѣльности; кромѣ поэзіи южно-славянскаго, гдѣ эпосъ въ наибольшей степени поглощенъ былъ историческимъ содержа-

¹⁾ Кромѣ трудовъ г. Веселовскаго, стоящихъ во главѣ этого новаго научнаго движенія, назовемъ изслѣдованія гг. Дашкевича, Киричаникова, Жданова, Мочульскаго, Сазоновича, Халанскаго и др.

²⁾ Въ этомъ послѣднемъ отношеніи отмѣтимъ въ особенности изданія петербургскаго Общества любителей древней письменности. Въ области народныхъ картинокъ извѣстенъ классическій трудъ Д. А. Ровинскаго.

ніемъ народной жизни, для нашей эпической былины не находилось никакой параллели во всей современной Европѣ. Это былъ остатокъ древняго патріархально-героическаго быта, давно пережитаго другими народами: у насъ онъ сохранился въ народныхъ массахъ, чуждыхъ городской цивилизаціи и слишкомъ далекихъ отъ всякаго книжнаго и особливо новѣйшаго западнаго вліянія. Это было наслѣдство отъ отдаленныхъ вѣковъ, хранившееся въ нѣдрахъ чисто народной жизни; въ немъ сбереглось творчество чисто народное, и эти памятники составляютъ, такимъ образомъ, самое подлинное созданіе русскаго народнаго генія. Такова была точка зрѣнія, съ которой разсматривалось содержаніе нашего народнаго эпоса и вообще нашей народной поэзіи. Понятно, что при такомъ взглядѣ эпосъ и могъ быть объясняемъ въ всякаго отношенія къ какимъ-либо чуженароднымъ явленіямъ. Позднѣе, эта точка зрѣнія осложняется. Съ точки зрѣнія однихъ толкователей древнее русское богатырство должно было находить символическое объясненіе; другіе примѣняли къ нему приемы новѣйшей научной критики (и въ гораздо меньшей мѣрѣ допуская символизмъ, или даже совсѣмъ отвергая его), но все-таки принимали для него обособленный путь развитія, доводя до крайности тотъ взглядъ, что нашъ богатырскій эпосъ представлялся какъ послѣдовательное, никакимъ чужимъ вмѣшательствомъ не нарушаемое превращеніе религіознаго языческаго міава въ героическую эпопею: главный герой былины былъ поэтическимъ перерожденіемъ главнаго языческаго божества. Замѣчали, правда, что въ нашемъ эпосѣ оказывались неоднократно точки соприкосновенія съ эпосомъ другихъ народовъ, но это объяснялось или общими законами народнаго творчества, или остаткомъ общеплеменныхъ до-историческихъ воспоминаній, — какой-нибудь болѣе близкой реальной связи при этомъ не предполагалось.

Способъ символическаго объясненія (принятый особливо славянофилами) былъ, съ одной стороны, очень удобенъ: довольно было вчитаться въ тексты и затѣмъ оставалось резонировать на ихъ темы; до какой степени великъ былъ просторъ для произвольныхъ толкованій, объ этомъ въ особенности свидѣлствуютъ извѣстные комментаріи къ былинамъ г. Безсонова. Съ другой стороны, этотъ способъ толкованія совпадалъ съ тѣмъ извѣстнымъ направленіемъ, съ которымъ мы такъ часто встрѣчаемся и въ исторіографіи, и въ современной публицистикѣ, и которое стремится выдѣлить русскій народъ въ совсѣмъ особое, своеобразное, ни съ чѣмъ не сходное явленіе, имѣющее поэтому свои особые законы историческаго развитія, политическаго и нравственнаго

быта. Русскій народъ не имѣетъ ничего общаго съ другими народами ¹⁾, особливо съ „Западомъ“; у него есть своя „правда“ историческая и бытовая; онъ не нуждается ни въ какихъ чужихъ указаніяхъ и примѣрахъ; его лучшее время было то, когда онъ развивался самъ собой во времена до-петровскія и когда въ его жизнь не было введено разлагающихъ началъ въ видѣ чужой цивилизаціи, несродной съ нашими нравами и преданіями; это чужое образованіе вредно намъ и теперь, внося нездоровый разладъ, раздѣляя интеллигенцію отъ народа и т. д.; для нашего прогресса нужно только оставаться вѣрными истиннымъ народнымъ началамъ, которыя указываются исторіей (особымъ образомъ объясняемой) и народной поэзіей (въ ея символическомъ толкованіи). Это извѣстный, такъ-называемый консервативный взглядъ, въ которомъ славянофильское преданіе въ его новѣйшихъ изложеніяхъ нерѣдко совпадало съ простымъ бюрократическимъ консерватизмомъ ²⁾.

Другой вопросъ—отвѣчало ли такое толкованіе нашей старой жизни и поэзіи дѣйствительному положенію вещей, какъ должна была опредѣлить его историческая критика? Чѣмъ дальше идутъ изслѣдованія, тѣмъ болѣе историческая критика дѣлаетъ это толкованіе невозможнымъ: оно не соотвѣтствуетъ фактамъ. Не вдаваясь въ общіе историческіе вопросы, остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ изъ исторіи народной поэзіи.

Вѣроятно не однимъ специалистамъ памятно, какой переполохъ подняло двадцать лѣтъ тому назадъ извѣстное изслѣдованіе „о происхожденіи русскихъ былинъ“. Смѣлый авторъ этого изслѣдованія не усомнился высказать величайшую ересь. Воспользовавшись выходявшимъ тогда въ изданіяхъ академіи наукъ обширнымъ собраніемъ восточныхъ (тюрко-татарскихъ) героическихъ сказаній г. Радлова, а также привлекиши къ сравненію немало другихъ сборниковъ восточнаго эпоса, г. Стасовъ нашелъ въ этомъ матеріалѣ такое количество совпаденій съ нашей былиной и въ темахъ, и въ мелкихъ подробностяхъ, что не нашелъ иной возможности объяснить это явленіе, какъ приписавъ нашимъ былинамъ восточное происхожденіе. Множество возраженій, посыпавшихся

¹⁾ Исключеніе дѣлалось только для славянъ, притомъ единообразныхъ, а въ послѣднее время и на ихъ счетъ возникаютъ сомнѣнія, потому что они ведутъ себя весьма дурно.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ старыя эпосы получали даже нѣкоторую популярность въ современной литературѣ: былины пересказывались нашими поэтами, съ придачей имъ новѣйшаго обличительнаго направленія, осуждавшаго вольнодумныя отклоненія отъ заветовъ добраго стараго времени.

на эту теорію, не поколебали увѣренности автора—такъ краснорѣчивы казались собранные имъ факты. Теорія не была принята, кромѣ отдѣльныхъ частныхъ, но оставила одинъ важный результатъ, а именно, доказала, что нашъ эпосъ не можетъ быть изучаемъ особнякомъ, что его мотивы имѣютъ множество параллелей въ эпосѣ другихъ народовъ, что нужно принять въ соображеніе реальныя историческія связи народа, чтобы опредѣлить составъ его эпоса. Вопросъ о восточныхъ связяхъ нашего эпоса остается открытымъ; но явилось много важныхъ разъясненій съ другой стороны, именно, относительно западныхъ и византійскихъ источниковъ и связей нашего эпоса. Съ этими новыми изслѣдованіями исторія нашего эпоса стала выясняться иначе; многія черты его образованія указаны были въ первый разъ, и въ общемъ результатѣ (при всей недоконченности изслѣдованій) стали виднѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, сложные элементы его состава: что полагалось исконно древнимъ—оказывалось сравнительно позднѣйшимъ; гораздо меньше нашлось предполагаемаго языческаго преданія, и гораздо больше отголосковъ поздняго христіанскаго сказанія и легенды; выдѣляется непосредственный историческій источникъ нѣкоторыхъ темъ и характеровъ былины; опредѣлились ея иноземные пришлые герои,—а затѣмъ, наконецъ, нашлись—пока загадочныя—параллели для сюжетовъ, гдѣ ихъ трудно было бы ожидать (былина о Садеѣ).

Однимъ словомъ, у нашей древней поэзіи оказалось гораздо болѣе обширное и разнообразное родство, чѣмъ полагалось, — и прежде всего отпадали тѣ полу-мистическія толкованія эпоса, которыя исходили изъ понятія объ его особности, исключительности и его единичномъ развитіи изъ самого себя. Оказывалось, напротивъ, нѣчто совершенно иное. Привыкли думать, что старая Русь вела одинокую жизнь на европейскомъ востокѣ, и что въ этомъ одиночествѣ развилась ея поэзія. Извѣстно, однако, что древняя Русь была, напротивъ, въ весьма разнообразныхъ религіозныхъ, культурныхъ и политическихъ связяхъ со всѣмъ окружающимъ сосѣдствомъ — на сѣверѣ, востокѣ, югѣ и западѣ, до того, что отраженіе этихъ сношеній можно прослѣдить на тѣхъ частяхъ былины, которыя можно считать наиболѣе старыми. Съ другой стороны, былина, сохранявшаяся подъ конецъ только въ народной массѣ, въ древнія времена принадлежала болѣе высокимъ общественнымъ слоямъ—тѣмъ самымъ, изъ которыхъ она брала своихъ героевъ; поэтому она рисуетъ подробности княжескаго и дружиннаго быта, изображаетъ заморскихъ пришельцевъ, витязей и богачей, а вмѣстѣ съ тѣмъ не чужда вліяній книжной повѣсти бо-

гатырскаго и легендарнаго типа. По составу своихъ эпическихъ представленій наша былина стоитъ въ ряду цѣлой средневѣковой поэтической литературы, и при сопоставленіи ея съ этой послѣдней должны были обнаружиться тѣ многочисленныя и разнообразныя сходства, о какихъ мы выше упоминали. Эти параллели отыскиваются въ разнообразныхъ памятникахъ средневѣковой западной литературы: масса этихъ западныхъ памятниковъ до сихъ поръ извлекается съ каждымъ годомъ изъ рукописей, и для правильного освѣщенія мотивовъ нашей былины нужно было освоиться съ этимъ громаднымъ богатствомъ средневѣковой западной и южной эпопей, мифа и легенды. Именно съ такимъ обширнымъ изученіемъ этихъ памятниковъ приступалъ къ объясненію нашей былины г. Веселовскій. На этомъ пути слѣдуютъ за нимъ другіе изслѣдователи, и такимъ образомъ все болѣе расширяются критическіе поиски, изъ которыхъ должна создаться рано или поздно совершенно иная картина нашей поэтической старины, чѣмъ то, что находится до сихъ поръ въ популярномъ обращеніи.

Новѣйшіе труды г. Веселовскаго направляются въ область, сосѣдную съ древнимъ эпосомъ—область повѣсти и романа, къ которой относились еще первыя его изысканія по старой русской письменности. Два года тому назадъ ¹⁾ мы говорили о началѣ изслѣдованій „Изъ исторіи романа и повѣсти“, которыхъ вышелъ теперь второй выпускъ. Книга начата была чрезвычайно любопытными соображеніями о происхожденіи и первоначальныхъ чертахъ этой литературной формы. Авторъ умѣлъ услѣдить почти ускользавшую до тѣхъ поръ отъ историковъ литературы ту особенную переходную ступень, какую переходила эта форма на пути отъ античной эпохи черезъ первые вѣка христіанства и гдѣ романъ преобразовывался въ легенду, или послѣдняя принимала складъ романа. Затѣмъ большая часть книги занята была подробнымъ анализомъ „Александріи“. Это былъ „греко-византійскій періодъ“. Въ настоящемъ выпускѣ авторъ переходитъ къ „славяно-романскому отдѣлу“, по обыкновенію гораздо меньше останавливаясь на объясненіяхъ общаго характера литературныхъ эпохъ, чѣмъ на детальномъ разборѣ памятниковъ.

Чтобы дать читателю понятіе объ историческомъ значеніи тѣхъ произведеній, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящемъ случаѣ, скажемъ, что это—первые въ нашей старой литературѣ образчики настоящаго романа или романической повѣсти. Эти романы и повѣсти были, конечно, переводные; форма ихъ—средневѣковой

¹⁾ „Вѣстн. Европы“ 1886, декабрь.

романъ, частью съ его вполне выраженными особенностями, частью — болѣе неопредѣленная повѣсть, гдѣ романическій элементъ еще не выработался въ специальный интересъ среди чудесныхъ богатырскихъ приключеній. Нѣкоторые изъ этихъ произведеній здѣсь въ первый разъ вводятся въ исторію старой русской литературы; это — знаменитый средневѣковой романъ о Тристанѣ и Изольдѣ, въ бѣлорусскомъ переводѣ, изданный г. Веселовскимъ по единственной донинѣ извѣстной рукописи XVI вѣка, хранящейся въ познанской библіотекѣ. Другіе памятники, какъ романическое сказаніе о Троянской войнѣ и повѣсть о Бово, идущая изъ французско-итальянскаго источника и давшая начало знаменитой сказкѣ о Бовѣ, — болѣе извѣстны, но здѣсь впервые обставлены подробнымъ комментариемъ и разысканіями о томъ пути, каковымъ доходили они изъ своей первоначальной родины до старой русской литературы. Путь этотъ былъ довольно сложный, и на его основаніи г. Веселовскій даетъ этому отдѣлу старой повѣсти названіе *славяно-романскаго*.

Для старой переводной русской повѣсти до сихъ поръ извѣстно было вообще два главныхъ источника: для первыхъ вѣковъ нашей письменности — византійскій (причемъ византійскіе памятники приходили къ намъ всего чаще, вѣроятно, черезъ посредство южныхъ православныхъ славянъ, сербовъ и болгаръ), и для XVI—XVII в. — польскій. Лишь въ недавнее время намѣченъ былъ, по такъ-называемой „Троянской притчѣ“ (романическая исторія Троянской войны, отличная отъ „Иліады“), еще третій источникъ — юго-западно-славянскій, имѣвшій, въ свою очередь, источники романскіе. Наша старая письменность вообще представляла лишь очень рѣдкіе примѣры связей съ этимъ сербо-хорватскимъ юго-западомъ; между тѣмъ „Троянская притча“ (называютъ ее также „Троянскія Дѣянія“), извѣстная въ нашихъ рукописяхъ, оказалась и въ латинской письменности хорватской, причемъ источника для русской притчи надо было искать въ этомъ славянскомъ юго-западѣ. За это предположеніе говорилъ, между прочимъ, особый способъ передачи греческихъ именъ, различный отъ того, какой господствовалъ у насъ вообще при передачѣ ихъ прямо съ греческаго. Это происхожденіе притчи намекало на новую, до сихъ поръ почти нетронутую изслѣдованіемъ сторону связей нашей старой письменности. Для этой-то стороны настоящей трудъ г. Веселовскаго приноситъ весьма важныя данныя, расширяя памятники этой категоріи новыми и сообщая ихъ подробную историко-литературную характеристику.

„Подъ названіемъ славяно-романскихъ повѣстей, — говоритъ

авторъ во введеніи, — я желалъ бы выдѣлить особую группу южно-славянскихъ разсказовъ, объединенную характеромъ ихъ источниковъ и нѣкоторыми особенностями ихъ идеальнаго содержанія. Мѣсто, занимаемое ими въ исторіи развитія славянской повѣсти вообще, со включеніемъ русской, приходится по срединѣ между византійскимъ вліяніемъ, обусловившимъ древній составъ юго-славянской повѣствовательной литературы, и позднимъ западнымъ, коснувшимся Руси при посредствѣ, главнымъ образомъ, Польши "... Въ эту группу славяно-романской повѣсти авторъ считаетъ возможнымъ включить извѣстную „Александрію“: „она пришла къ южнымъ славянамъ изъ греческаго источника и въ этомъ смыслѣ могла быть включена въ отдѣлъ „византійскій“; но ея складъ, стиль и характеръ нѣкоторыхъ подробностей обличаютъ въ ея авторѣ знакомство съ западной романтикой, отводя ей мѣсто въ исторіи литературнаго воздѣйствія запада на византійскій востокъ. Это воздѣйствіе сказывалось переводами, подражаніями и передѣлками древнихъ сюжетовъ, въ которыхъ сентиментализмъ и реализмъ поздняго греческаго романа причудливо смѣшивались съ полу-поватыми мотивами рыцарства, греческіе витязи являлись паладинами, и строгія очертанія древнихъ типовъ смягчались въ полусвѣтѣ романтизма. Къ подобному пониманію стараго эпоса приводило уже специально греческое развитіе: оно переставило центры эпическаго интереса, выдвинуло на первый планъ легенду о Парисѣ, создало образъ влюбленнаго Ахилла, заставивъ его тосковать по Поликсенѣ, увлечься красавицей Еленой, которую онъ видитъ на стѣнахъ Трои и съ которой Оетида сводитъ его въ волшебномъ сновидѣніи. Припомнимъ прелестную фантазмагорію Филостратова Героика: Ахиллъ и Елена, никогда не выдавшіе другъ друга при жизни, влюбляются взаимно въ царствѣ тѣней; и вотъ, по просьбѣ Оетиды, Нептунъ создаетъ на Черномъ морѣ, изъ ила Оермодонта, Борисѡена и Истра, островъ Leuké, гдѣ влюбленные тѣни живутъ въ идеальной связи, въ лунныя ночи водятъ хоробы по цвѣтущему лугу, а съ береговой стоянки робко прислушивается къ ихъ чудеснымъ пѣснямъ морякъ, не осмѣливающийся проникнуть внутрь острова.

„Къ этому романтическому теченію применила, не достигая его позвѣи, струя западно-рыцарскаго романа: Ахиллъ явился любовникомъ, банально вздыхающимъ по Поликсенѣ (Roman de Troie; Diégesis Achilléos). Образъ Александра въ греко-сербской повѣсти о немъ принадлежитъ тому же направленію мысли; отличие этого памятника отъ другихъ „славяно-романскихъ“ лишь во внѣшней лингвистической формѣ, въ которой онъ объявился сла-

вянамъ, тогда какъ романъ о Тристанѣ и пѣсня о Бовѣ пришли къ нимъ изъ Италіи, и латинскій же или романскій подлинникъ слѣдуетъ предположить для древне-славянской притчи о Троѣ.

Такимъ образомъ является цѣлый особый отдѣлъ славянской, а затѣмъ и русской повѣсти, изъ котораго мы знаемъ теперь нѣсколько памятниковъ, а именно: кромѣ „Троянской притчи“, обширную „Александрію“, или романическую повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ, и, наконецъ, рыцарскіе романы о Тристанѣ и Бово. Не всѣ они имѣли одинаковую судьбу въ литературѣ: „Троянская притча“ извѣстна обыкновенно только въ старыхъ рукописяхъ; „Александрія“ была чрезвычайно распространена, и отголоски ея вошли въ народное преданіе, какъ рукописи проникаютъ еще до половины XVIII-го столѣтія; романъ о Бово сталъ народной сказкой, пережившей даже настоящихъ русскихъ богатырей; но романъ о Тристанѣ извѣстенъ до сихъ поръ только въ единственной, упомянутой познанской рукописи. При крайней случайности судьбы старыхъ памятниковъ, ограниченныхъ только рукописнымъ обращеніемъ, нельзя, конечно, сказать, чтобы романъ и существовалъ только въ единственной рукописи, какъ нельзя даже сказать, чтобы не было и еще другихъ памятниковъ этого рода.

Еще Востоковъ (въ „Описаніи рукописей Румянцовскаго музеума“), говоря о „Троянской притчѣ“, по складу и языку угадывалъ ея западное происхожденіе. Нашъ авторъ, вмѣстѣ съ Ягичемъ, опредѣляетъ мѣсто происхожденія „славяно-романскихъ“ повѣстей въ Босніи и сѣверной Далмаціи, куда, кромѣ византійскихъ, легко могли доходить и вліянія западныя, какъ общественныя, такъ и литературныя. Въ самомъ дѣлѣ, Боснія и Далмація издавна занимали двойственное положеніе, гдѣ спорили политическія, а потомъ и церковныя притязанія Византіи и Рима, восточной и западной культуры; здѣсь было одно изъ главныхъ гнѣздъ богомилства, совпадавшаго и съ западными романскими ересями; сюда издавна проникалъ католицизмъ; политическое господство Венеціи ставило Далмацію въ непосредственную связь съ итальянскою жизнью, и нѣкоторое время спустя, въ XVI, XVII вѣкѣ, здѣсь развивается роскошная далматинская поэзія, воспитанная на итальянской литературѣ, но хранившая также и свои народныя воспоминанія. Естественно, что именно въ этомъ славянскомъ краю два литературныя теченія могли соединяться въ то своеобразное направленіе — полу-византійское, полу-романтическое, о которомъ говоритъ г. Веселовскій.

Славяно-романскія повѣсти имѣютъ тотъ особый историческій

интересъ, что, распространяясь по славянскому міру, онѣ въ той или другой мѣрѣ разносили слѣды западнаго рыцарскаго міросозерцанія, хотя часто неясные и искаженные. „Какой отпечатокъ западнаго быта и рыцарскаго уклада сохранили онѣ въ своихъ далеко разошедшихся отраженіяхъ? Дѣло идетъ не о вліяніи одной культурной среды на другую, а о контрастѣ, въ которомъ должны были очутиться идеалы, воспитанные извѣстными отношеніями общества, въ литературѣ, отвѣчавшей другимъ жизненнымъ вопросамъ“. Понятно, что бытъ рыцарства, о которомъ рассказывали первоисточники нашихъ повѣстей, былъ непонятенъ въ славянской средѣ, не знавшей рыцарства: поэтому, въ передачѣ является много недоразумѣній, происходившихъ отъ невозможности выразить по-славянски и внѣшнія формы этого быта, и его внутреннее содержаніе, рыцарскіе нравы и рыцарскіе идеалы. Не все, однако, было непонятно: многія черты рыцарства совпадали съ народнымъ эпическимъ богатырствомъ и юначествомъ; быть можетъ, и рыцарски понимаемая любовь находила нѣкоторое объясненіе въ лирическихъ мотивахъ народной пѣсни.

Авторъ сопоставляетъ эти черты рыцарства съ туземными представленіями славянскаго перелазателя. (Мы скажемъ далѣе, что „Тристанъ“ и „Бово“ XVI-го вѣка извѣстны намъ не по славянскому или великорусскому, а по бѣлорусскому тексту въ познанской рукописи). „Рыцарскаго обихода, — говоритъ г. Веселовскій, — усвоивался внѣшнимъ образомъ; многое показываетъ, что инныя его черты были неясны и понимались въ половину. Подробно описывается вооруженіе рыцарей, ихъ поединки, обычай вызова перчаткой, турниры, въ которыхъ рядомъ съ рыцаремъ является и его конюшій, „оправца“. Бой идетъ сначала на коняхъ: противники такъ стремительно насканиваютъ другъ на друга, что еслибы не добрая сбруя, они пали бы мертвыми, а ихъ копыта разлетаются въ щепы. Упавъ съ конями на землю, они тотчасъ же вскакиваютъ на ноги и продолжаютъ биться мечами, иногда расходясь, чтобы отдохнуть, опершись на щитъ“. Авторъ сличаетъ съ этимъ описаніе богатырскаго боя въ нашей былинѣ.

„Славянскому читателю эти картины были понятны, какъ понятенъ былъ горделивый отказъ воителя сказаться побѣжденнымъ, чтобы спасти свою жизнь, и желаніе узнать имя противника, и радость, когда противникъ оказывался именитымъ рыцаремъ: славно будетъ пасть отъ его руки, еще славнѣе — сразить его. Въ такихъ случаяхъ рыцарскіе обычай могли идти навстрѣчу народному юначеству, какъ оба сходились въ осужденіи убійства спящаго врага... Но едва ли вразумителенъ былъ символизмъ

другихъ рыцарскихъ обрядовъ, напр., опоясываніе мечемъ, и смутными могли слагаться представленія о „взжаляхъ“ рыцаряхъ (*chevaliers errants*), ищущихъ „фортуны“, о дѣвущкахъ, бродящихъ по свѣту съ какимъ-нибудь невещественнымъ порученіемъ“.

„Таково усвоеніе внѣшняго обихода рыцарства, — продолжаетъ г. Веселовскій; — посмотримъ, какъ усвоился его идеаль. Онъ, по существу, западный; главныя требованія отъ рыцаря — это *доброты* и *дворности*. Доброты, несомнѣнно, переводъ *gracioso*; дворность — дословно — *courtoisie*, нерѣдко въ соединеніи: рыцарство и дворность, дворность и преспечность (въ „Тристанѣ“). Славянская притча о Троѣ выражаетъ понятіе дворности словами: *честь, почтеніе въ дворѣ, дворщина*: *honneur et courtoisie*, тогда какъ *дворбой, службой* (въ „Троянскихъ Дѣяніяхъ“ и въ „Тристанѣ“) обозначались отношенія, въ которыя вступалъ юный витязь, являясь во дворъ какого-нибудь именитаго властителя, чтобы обучиться рыцарскому дѣлу и служенію дамамъ „добрымъ господамъ“ — *belles dames*. Въ этихъ отношеніяхъ развивалась и еще одна существенная сторона рыцарскаго идеала: культъ *любви*, понятіе *милости*, какъ всеильнаго чувства, самоопредѣляющагося, не подлежащаго другимъ нравственнымъ критеріямъ“.

Въ этомъ вопросѣ разнорѣчіе рыцарскихъ повѣстей съ туземнымъ славянскимъ складомъ жизни было особенно рѣзко. „Такое (рыцарское) пониманіе любви плохо согласовалось съ отрицательнымъ взглядомъ на женщину, какъ по существу „злую“, сосудъ грѣха: взглядомъ, господствовавшимъ въ средневѣковомъ — и славянскомъ обществѣ подъ вліяніемъ церковно-ригористической морали. На западѣ это противорѣчіе было если не замирено, то устранено торжествомъ рыцарскаго идеала, удалившаго враждебный ему идеаль въ кружокъ рыцарскихъ блюстителей строгой отеческой старины. Въ нашихъ славяно-романскихъ повѣстяхъ противорѣчіе осталось, наивное и простосердечное, потому что не осмысленное соотвѣтствующимъ поворотомъ въ жизни“.

Извѣстно, какой мрачный и недружелюбный взглядъ на женщину господствовалъ въ нашей старой письменности и, конечно, въ обществѣ, которое на ней воспитывалось. Съ первыхъ памятниковъ нашей письменности мы читаемъ уже осужденія, настоящія проклятія, которыя собрались потомъ въ „Пчелахъ“, въ словѣ „о злыхъ женахъ“, „поученіяхъ отца къ сыну“ и т. п. Женщина — искони орудіе грѣха; она, по своей природѣ, зла и коварна; женщина — угожденіе діаволу; изъ-за нея Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, изъ-за нея погибло много сильныхъ и славныхъ людей, и т. д., и т. д. Суровая аскетическая мораль до-

ходила почти до отрицанія всякихъ сношеній съ женщиною и едва допускала бракъ, какъ средство противъ излишествъ. Восточныя повѣсти, въ родѣ „Синагрипа“, „Варлаама и Іоасафа“ и др., поддерживали эту точку зрѣнія исторіями и нравоученіями о злобѣ и коварствѣ женщины, и это становилось ходячею моралію, которой отвѣчало и фактическое безправіе женщины въ домашнемъ быту. Та же аскетическая вражда къ женщинѣ проповѣдывалась и въ средневѣковой западной литературѣ: ея суровыя изобличенія женской „злобы“ нерѣдко буквально совпадаютъ съ нашими памятниками. Г. Веселовскій, чтобы характеризовать среду, изъ которой вышли наши славяно-романскія повѣсти, приводитъ образчики южно-славянскихъ пословицъ, гдѣ высказывается то же отношеніе къ женщинѣ: народная жизнь была здѣсь вообще свободнѣе и терпимѣе, но, какъ видно, также поддавалась обычному нравоученію. Въ самомъ Дубровникѣ, по рассказамъ мѣстнаго современнаго историка, рядомъ съ ригоризмомъ книжниковъ, господствовалъ, даже въ высшихъ классахъ общества, суровый бытовой обычай. Въ славяно-романскихъ повѣстяхъ читатель могъ найти знакомые примѣры женской „злобы“, а именно типы женщинъ преступныхъ, коварныхъ, невѣрныхъ, назойливыхъ, но въ то же время было здѣсь и нѣчто иное: женщина съ тѣми чертами, какъ рисовалась она въ эпоху рыцарской поэзіи.

Это новое отношеніе къ женщинѣ явилось съ другой стороны — изъ возродившагося чувства физической красоты, и съ нею — любви, которая не только не слушаетъ строгихъ внушеній книжниковъ, но сама хочетъ господствовать. Въ славяно-романскихъ повѣстяхъ мы именно находимъ образы и положенія, рисующія это господство любви и красоты. „Троянскія Дѣянія“, одинъ изъ старѣйшихъ образчиковъ повѣсти романскаго типа, построены на этомъ мотивѣ, хотя славянскій пересказчикъ, повидимому, не могъ вполне его уразумѣть. Новое направленіе, которое здѣсь сказалось, г. Веселовскій приписываетъ уже влиянію людей рыцарства и прилежному изученію Овидія, который былъ въ средніе вѣка однимъ изъ любимыхъ писателей, и его рассказы и наставленія, развиваемые поэтами рыцарства, служили противоявіемъ наставленіямъ книжниковъ и, въ концѣ концовъ, преодолѣли ихъ. Въ славяно-романскихъ повѣстяхъ — цѣлый рядъ изображеній любви преданной и страстной, дѣйствующей стихійно. „Поликсена (въ „Троянскихъ Дѣяніяхъ“), — говоритъ г. Веселовскій, — не хочетъ пережить любимаго ею Ахилла, какъ Роксана (въ „Александриѣ“) — своего мужа Александра. „Вѣдомо да будетъ

вамъ,—пишетъ Александръ матери по поводу своего брака,—что пока любовь къ женщинѣ не обуяла моего сердца, мнѣ никогда не приходили на мысль ни ты, ни домашніе; я сталъ о томъ помышлять лишь съ тѣхъ поръ, какъ любовь къ женщинѣ угодила мнѣ въ сердце, а дотолѣ одинъ лишь былъ у меня помыселъ: либо убить кого-нибудь, либо быть убиту“. Помышленія Александра изображаются довольно первобытно, но переиѣна ихъ становится тѣмъ не менѣе понятна.

Въ „Троянскихъ Дѣяніяхъ“ цѣлая длинная исторія, исполненная богатырскими дѣяніями и трагическими событіями, была слѣдствіемъ красоты Елены и любви Париса. „Рядомъ съ Парисомъ и Еленой—другая пара, которую также обуяла роковая любовь: та наслана Венерой, эта—волшебнымъ зельемъ. Когда Тристанъ и Изотта отвѣдали его, начали глядѣть другъ на друга и не мыслили ни о комъ, только о себѣ. Оба сидѣли, точно чѣмъ-то уstraшенные: Тристанъ думалъ о милой, она о немъ, а о королѣ Маркѣ ¹⁾ забыли. Дивно мнѣ, что это такое на меня нашло, чего прежде никогда не бывало! У нихъ является сомнѣніе, но зелье ихъ перемогло. Если я люблю Изотту, тому дивиться нечего,—разсуждаетъ съ собою Тристанъ:—краще ея нѣтъ никого на свѣтѣ, я ее вывезу, она моя, а наша любовь можетъ быть утаена. А Изотта помышляла про себя: Не диво, что я люблю Тристана, онъ мнѣ ровня и высокаго рода, нѣтъ на свѣтѣ витязя больше его. Они не стерпѣли: Я тебя люблю отъ всего сердца,—говорить ей Тристанъ; я на всемъ свѣтѣ никого не люблю какъ тебя, и буду любить пока жива,—признается Изотта. Тутъ они стали „одной мысли“, и нѣтъ рыцаря, который столько бы претерпѣлъ изъ-за любви, какъ Тристанъ. Изотта отвѣчаетъ ему тѣмъ же: когда онъ бьется съ Галиотомъ, она принимаетъ въ сердце всѣ направленные на него удары, блѣднѣетъ, когда ослабѣваетъ Тристанъ, становится веселой и румяной, когда онъ беретъ верхъ надъ противникомъ“.

Авторъ останавливается надъ тѣмъ, какъ изображалась красота въ поэзіи народной и средневѣковой. Извѣстно, что въ народной поэзіи эти описанія чрезвычайно однообразны: всѣ красавицы на одинъ ладъ: у русской красавицы лицо точно бѣлый снѣгъ, щеки какъ маковъ цвѣтъ, черныя брови какъ соболи, и ясныя очи какъ у сокола. Также однообразны красавицы у поэтовъ рыцарства: онѣ непременно бѣлокурыя, чело у нихъ

¹⁾ Изотта (или Изольда) должна была стать женой короля Марка. Тристанъ и Изотта случайно выпили напитокъ, назначенный для послѣдней и для короля.

кабѣ лилія, очи смѣющіяся, бѣлыя руки съ длинными нѣжными пальчиками и т. п. Только мало-по-малу эта эпическая монотонность описаній уступаетъ болѣе живому индивидуальному изображенію красоты. Одинъ изъ первыхъ опытовъ такого восторженнаго, но и реалистическаго, описанія г. Веселовскій указываетъ у одного стараго южно-французскаго поэта, писавшаго по-латыни и, видимо, подъ вліяніемъ классиковъ ¹⁾. Впослѣдствіи уже не было конца разнообразнымъ описаніямъ женской красоты.

Въ нашихъ повѣстяхъ этотъ новый элементъ поэзіи и бытового міровоззрѣнія отражается слабо. Наша повѣсть все еще гораздо больше смотритъ на эти исторіи какъ на рядъ богатырскихъ и курьезныхъ приключеній, кажется, еще мало чувствуя новый тонъ настроенія, для котораго часто она не находила и словъ. „Такова судьба всѣхъ первыхъ откровеній,—замѣчаетъ г. Веселовскій:—ихъ заслуга въ начинѣ, не въ завершеніи; въ этомъ и заключается интересъ славяно-романскихъ повѣстей“. Въ „Тристанѣ“ отсутствуютъ нѣкоторыя особенно рельефныя черты западныхъ пересказовъ этого романа; и тѣ, какія сохранились, едва ли были поняты вполне славянскимъ пересказчикомъ.

Переходя къ самымъ текстамъ, авторъ подробно разсматриваетъ содержаніе славяно-романскихъ повѣстей и опредѣляетъ ихъ отношеніе къ тѣмъ редакціямъ, въ какихъ эти рассказы существовали въ средне-вѣковой западной литературѣ. Для всѣхъ этихъ повѣстей—„Троянскихъ Дѣяній“, „Тристана“ и „Бово“, оказывается несомнѣннымъ романскій первообразъ, переданный на сербскомъ языкѣ, откуда онѣ шли дальше въ русскую письменность, а „Троянскія Дѣянія“ также въ болгарскую. Указать ихъ первообразъ ближайшимъ образомъ оказывается обыкновенно невозможно: при всемъ сходствѣ, даже тождественности во многихъ частяхъ повѣстей, наши тексты представляютъ такія редакціи, которыхъ сполна не находится въ западныхъ памятникахъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, какіе до сихъ поръ изданы; встрѣчаются пропуски или добавки, о которыхъ трудно сказать, принадлежать ли они славянскому пересказчику, или его оригиналу.

¹⁾ По разсказу этого поэта, „Елена предстала передъ сонмомъ боговъ, точно Цинтія, выступившая изъ волнъ Океида, слегка покрасѣвъ и потупивъ голову. Ея волосы частью распущены, частью заплетены и раздѣлены пробороми; изъ-подъ бровей сладострастно выглядываютъ глазки; лицо цвѣтущее; будто нектаромъ Венеры увлажнены губки, и рука бога хлѣбла подбородокъ. Чтобы густыя кудри ничего не скрывали отъ ея красоты, она откидываетъ ихъ по обѣ стороны лица, и оно является тогда точно ликъ Авроры, когда она близится въ рововомъ блескѣ утра. Развеселились всѣ боги: Фебъ разгорается, Марсъ приходитъ въ страстное движеніе, Венера щебечетъ, будто въ объятіяхъ любя“ (стр. 18).

„Троянскія Дѣянія“ прошли по всѣмъ литературамъ средне-вѣковой Европы, въ обширномъ количествѣ различныхъ редакцій, и авторъ, послѣ подробнаго обзора и сравненія частныхъ, приходитъ къ убѣжденію (стр. 64), что оригиналъ славянской повѣсти былъ сводный, т.-е. именно собранный изъ двухъ различныхъ редакцій разсказа, причемъ нѣкоторые разнорѣчія ихъ остались непримиренными.

Какъ смотрѣли читатели на троянскій романъ, указываютъ упоминанія о немъ въ другихъ случаяхъ, или послѣсловія рукописей. Въ одной редакціи „Александриі“ вспоминается троянская исторія, и судьба Трои является дѣломъ „злой жены“, вообще причинившей столько бѣдъ на свѣтѣ; Александръ Македонскій, прочитавъ объ этомъ въ книгахъ „нѣкоего философа Омира“, воскликнулъ: о, сколько сильныхъ людей пало здѣсь ради жены мерзкой и лукавой“. Въ одномъ русскомъ спискѣ Троянской исторіи прибавлено правоучительное послѣсловіе, гдѣ изъ исторіи выведена та мораль, что „Богъ смиряетъ возносящихся и потребляетъ сѣмя нечестивыхъ, какъ о томъ провозвѣстилъ пророкъ, говоря, что... Богъ своею мышцею противится гордымъ, и правоходящимъ даетъ благодать“ и пр. Въ русскомъ „Луцидаріи“ разсказывается, что Троя пала за волшебство: „Таможъ было превеликое Троянское царство; зломерного-жъ ради *волхвованія* разорися поущеніемъ Божіа чудодѣйства и въ конечную гибель осуждено, яко отнюдь тамо нѣсть жилища чело-вѣкомъ, но дикіе звѣрие и зміеве тамо пожирають“ (стр. 95, 118). Подъ „волхвованіемъ“ понималось, безъ сомнѣнія, присутствіе въ этой исторіи „боговъ“ (языческихъ), „Юпитера пророка“, вилъ пророчицъ, „попа Калкаша“, и внимательство ихъ въ чело-вѣческія дѣла: здѣсь вообще не единственный разъ греческая міеологія принята за злостивое волхвованіе.

Такъ романическая иноземная повѣсть получала привычное назидательное истолкованіе.

Какъ мы замѣтили, при всемъ сходствѣ подробностей, по цѣлому составу Троянской притчи, въ западной литературѣ не нашлось памятника, который могъ бы быть принятъ за ея оригиналъ. Но во всякомъ случаѣ этотъ оригиналъ былъ латинскій или романскій; свое заключеніе объ этомъ г. Веселовскій основываетъ, главнымъ образомъ, на способѣ передачи собственныхъ именъ, такомъ же, какъ и въ „Александриі“ ¹⁾. Меньше зна-

¹⁾ Какъ здѣсь, такъ и въ „Троянской притчѣ“, лат. *s* въ окончаніяхъ *ua, as, es, ia*, передается какъ *ш*, *ж*: Ахилешъ (Achilles), Париякъ (Pargia); *s* между гласными переходитъ въ *ж*: Бриженда; латинское *g* переходитъ въ *им*: Аякинъ, Полиимена, Уриякшешъ; *chi* въ *ци*; Ацилешъ, Анцидешъ (Anchises); *st* въ *ш*: Полиимешеръ и т. д.

ченія въ этомъ случаѣ авторъ придаетъ такимъ романскимъ словамъ, какъ *тента*, *кастель*, *габилотъ* (*javelot*, *gabilotto*), *коруна*, *фудоментъ* и т. под., потому что эти слова могли принадлежать не подлиннику, а находиться въ лексическомъ запасѣ самаго славянскаго пересказчика ¹⁾. Что касается греческихъ словъ (хора, пиргъ, трапеза, катарга и др.), которыя также встрѣчаются въ текстѣ и давали Миклошичу поводъ заключать, что повѣсть могла быть переведена съ греческаго, г. Веселовскій допускаетъ это послѣднее предположеніе лишь подъ условіемъ другого предположенія, что этотъ греческій оригиналъ былъ, въ свою очередь, переводомъ или обработкой латинскаго или романскаго, сохранивши черты его міровоззрѣнія, гдѣ, какъ мы видѣли, есть черты рыцарскаго обычая (стр. 98).

Другое произведеніе, подробному разбору котораго посвящена большая часть книги г. Веселовскаго, есть знаменитый романъ о Тристанѣ и Изольдѣ. Мы узнаемъ его (вмѣстѣ съ двумя другими повѣстями, о которыхъ дальше) по бѣлорусской рукописи конца XVI вѣка (въ Познанской библіотекѣ), на которую въ первый разъ обратилъ вниманіе Бодянский въ сороковыхъ годахъ, но изъ которой онъ далъ тогда слишкомъ скудные образчики, чтобы можно было составить точное понятіе о свойствѣхъ находящихся въ ней памятниковъ ²⁾. Кромѣ „Тристана“ въ познанской рукописи находится „Бова“ (въ особенной редакціи) и повѣсть о королѣ угорскомъ Атылѣ, т.-е. Аттилѣ. Первые двѣ исторіи оказываются переведенными съ сербскаго, какъ это показываетъ общее ихъ заглавіе въ рукописи: „Починається повесть о вѣтязяхъ съ книгъ сербскихъ, а звѣща о славномъ рыцеры Трычане, о Анцалоте (т.-е. Ланцелотѣ) и о Бове и о иншыхъ многихъ витезехъ добрыхъ“ ³⁾. Самыя „сербскія книги“

¹⁾ Это послѣднее замѣчаніе автора представляется намъ нѣсколько преувеличеннымъ: обильное присутствіе такихъ словъ тѣмъ больше могло бы указывать на латино-романскій подлинникъ, что и форма собственныхъ именъ латинская, какъ это указываютъ „Якуа“ (лат. Несуба, на греч. Некабе), „Урекшешъ“ и др. Или нужно было бы имѣть увѣренность, что упомянутыя латино-романскія слова были въ свободномъ обращеніи въ языкѣ Босніи и сѣверной Далмаціи уже въ ту, довольно раннюю пору, къ которой должно относить первое появленіе „Троянскій прѣтичъ“.

²⁾ На основаніи показаній Бодянскаго (въ „Чтеніяхъ“ 1846 г.) г. Веселовскій говорилъ объ этихъ повѣстяхъ въ статьѣ своей во 2-мъ изданіи „Исторіи русск. словъ“, Галахова, Спб. 1890; но послѣ ближайшаго знакомства съ текстами измѣнилъ свои заключенія. Тексты были списаны теперь въ Познанской библіотекѣ при посредствѣ г. Пташицкаго и изданы въ настоящей книгѣ.

³⁾ Въ этой выпискѣ, какъ и дальше, мы передаемъ чтеніе, но не повторяемъ всѣхъ особенностей самаго написанія. Съ филологической стороны эта рукопись была подробно рассмотрѣна берлинскимъ профессоромъ Брюкнеромъ, въ „Архивъ“ Ягича, т. IX.

до сихъ поръ неизвѣстны или еще не напѣлись, но что онѣ дѣйствительно были подлинникомъ бѣлорусскаго перевода, видно изъ многочисленныхъ сербизмовъ этого перевода: они выражаются не только прямо сербскими словами, но и сербскими формами словъ, которыя должны бы были иначе написаны по-бѣлорусски ¹⁾. Самые сербскіе тексты „Тристана“ и „Бовы“ были, очевидно, переведены съ итальянскаго: на это указывали бы, во-первыхъ, литературныя отношенія Сербіи (на ея сѣверо-западѣ), которой всего ближе были бы итальянскіе источники для рыцарскаго романа; а во-вторыхъ, большое количество или прямо итальянскихъ словъ, уцѣлѣвшихъ и въ переводѣ съ сербскаго на бѣлорусскій ²⁾, или неловкихъ переводовъ, указывающихъ на итальянскій оригиналъ ³⁾. Полонизмы, которые встрѣчаются также въ „Тристанѣ“ и „Бовѣ“, естественно объясняются составомъ книжнаго бѣлорусскаго языка, въ которомъ было вообще много польскихъ словъ.

Познанская рукопись любопытна вообще для литературной исторіи бѣлорусскаго нарѣчія. Языкъ трехъ повѣстей, здѣсь находящихся, и слѣдующей за ними литовской хроники, есть бѣлорусскій языкъ XVI-го вѣка, по замѣчанію Веселовскаго „болѣе свободный отъ вліянія церковно-славянскаго, чѣмъ языкъ какаго-либо другого современнаго памятника русской рѣчи“. До послѣдняго времени извѣстно было лишь небольшое число памятниковъ стараго бѣлорусскаго языка, и они ограничивались почти только произведеніями церковнаго или официально дѣловаго характера; теперь, кромѣ познанской рукописи, присоединилось къ нимъ еще нѣсколько памятниковъ чисто литературныхъ, которые расширяютъ понятіе о свойствахъ и литературномъ употребленіи тогдашняго книжнаго языка западной Руси. По замѣчанію упомянутаго профессора Брюкнера, изслѣдовавшаго познанскій сборникъ съ филологической стороны, этотъ сборникъ „восполняетъ чувствительный пробѣлъ въ литературной исторіи Западной Руси: русскіе романы и повѣсти позднѣйшей поры сохранились, главнымъ образомъ, въ восточно-русскихъ текстахъ, и оставался от-

¹⁾ Напримѣръ, сербскія слова: „белеть“ (знамя, знакъ); „осветити“ (отомстить); „неякъ“ (слабій); „племенца“ изъ „племенита“, въ другихъ случаяхъ по бѣлорусски „врожена“, т.-е. урожденная или благородная (панна) и т. п. По-сербски пишется: „часть“, вмѣсто честь и т. д.

²⁾ Напримѣръ, „литра“, „принчипъ“, „морнаръ“ (морякъ).

³⁾ Напримѣръ: „по *другому* мору“—въ итальянскомъ оригиналѣ: per l'alto (altro) mar; „заполъ з *другую* мора“—d'oltramare; „бѣте юнаци *свободно*—feri, franchi baron (въ „Бовѣ“); „у святое *крещеніе*“—in santa cristentade, т.-е. въ христіанство, въ христіанскую землю, и т. п. (стр. 127).

крытымъ вопросъ о путяхъ ихъ литературнаго перехода. Отвѣтъ даютъ бѣлорусскія повѣсти XVI-го столѣтія. Нашъ авторъ дѣлаетъ оговорку, что въ данномъ случаѣ содержаніе бѣлорусскаго сборника не повторилось въ памятникахъ великорусскихъ (стр. 128); но во всякомъ случаѣ бѣлорусскій сборникъ остается важенъ какъ указаніе литературныхъ вкусовъ, которые съ этихъ поръ обильно отразились въ великорусской письменности XVII-го в.

Выше мы замѣтили, что и по поводу „Тристана“ г. Веселовскій сдѣлалъ подробный осмотръ всѣхъ тѣхъ западныхъ редакцій знаменитаго романа, которыя могли имѣть отношеніе къ нашему тексту. Непосредственнаго оригинала опять не нашлось: редакцій было вообще множество; не всѣ попали въ печать въ старину или теперь; рукописи и нѣкоторыя старопечатныя изданія, по своей рѣдкости, не могли быть привлечены къ изслѣдованію; но внѣ этого детальнаго вопроса не остается сомнѣнія, что подлинникомъ была какая-то изъ старыхъ итальянскихъ редакцій, въ печать не попавшая и въ этомъ видѣ не указанная въ рукописяхъ. Авторъ подробно отмѣтилъ всѣ эти сходства и несходства бѣлорусскаго „Трысчана“ съ западными редакціями, и относительно текста нашей рукописи приведемъ только одно замѣчаніе Веселовскаго: въ общемъ, русскій текстъ на три четверти очень сходенъ съ двумя редакціями романа, итальянской и французской, но въ концѣ значительно отличается отъ обѣихъ, представляя другія подробности и вмѣстѣ съ тѣмъ „производя впечатлѣніе чего-то скомканнаго, сокращеннаго второпяхъ или по незнанію“ (стр. 136). Такое состояніе текста едва ли могло быть въ итальянскомъ оригиналѣ, и трудно сказать, кѣмъ могло быть сдѣлано это измѣненіе текста (гдѣ, между прочимъ, дается особая роль Тристану)—въ сербскомъ или въ бѣлорусскомъ текстѣ; но, повидимому, славянскому пересказчику надо приписать до извѣстной степени самостоятельное отношеніе къ сюжету.

Мы упоминали объ особенностяхъ языка, которыя заставляютъ предположить итальянскій оригиналъ; другія черты даютъ предполагать, что мѣстность, гдѣ былъ сдѣланъ сербскій переводъ, была та же, гдѣ произошли „Александрія“ и „Троянскія Дѣянія“. Собственными именами героев передаются здѣсь по той же системѣ: *z* переходитъ въ *ж* и *ш*; *st*—въ *ш*; *ſ* переходитъ, какъ и тамъ, въ *н*. Потому Тристанъ называется Трысчанъ или Трыщанъ, Изольда — Ижота, Асторре — Ящоръ, Меліадусъ — Меліадущъ и т. п.; какъ въ „Бовѣ“ Друзіана — Друженна (позднѣ Друженвна), Лукаферро — Лукаперъ, и т. п. Но какимъ образомъ Ланцелотъ (Lancelot; Lancialotto; Lanzelet) превратился въ Анцалота? Ав-

торъ объясняетъ, что сербскій переводчикъ видимо принялъ начальное *l* за членъ и откинулъ его; подобнымъ образомъ, въ другомъ случаѣ, изъ *Lasancis* (*lo Sancis*), *Lasansisse* вышелъ по-русски: Самсизъ.

„Тристанъ“ и „Бова“ были, насколько до сихъ поръ извѣстно, первые настоящіе рыцарскіе романы, появившіеся въ нашей письменности—сначала на бѣлорусскомъ языкѣ; „Бова“ явился, вѣроятно, около того же времени и на великорусскомъ языкѣ. Мы указывали выше, какъ старыя западно-русскіе книжники передавали рыцарскую терминологию. Самое содержаніе романовъ преисполнено приключеніями: рыцари окружаютъ королей, бьются на турнирахъ, созываемыхъ иногда „паннами“; мимоходомъ является „король Аргіушъ“, т.-е. Артуръ съ рыцарями „Округлого стола“; являются и „ѣзжалыя“, т.-е. странствующие рыцари; бои происходятъ безпрестанно, и излюбленный герой, обыкновенно знаменитый рыцарь, чуть не первый въ свѣтѣ, отличается своими подвигами; часто бьются рыцари неизвѣстные, которыхъ узнаютъ по ихъ знаменіямъ, оружію и ударамъ, „вдарцамъ“; успѣхъ на турнирѣ доставлялъ вниманіе красавицъ, которыя, вѣстятъ замѣтить, нерѣдко привлекаютъ къ себѣ рыцарей съ извѣстностью, доходящей до безстыдства.

На первомъ своемъ бою Тристанъ имѣлъ дѣло съ королемъ Амуратомъ изъ Орлендеи (Ирландіи), который пришелъ въ землю короля Марка, дяди Тристана, требуя дани. Амуратъ былъ раненъ на смерть, но успѣлъ нанести рану и Тристану ядовитымъ копьемъ. Тристану грозила смерть, и онъ просилъ дядю отправить его въ море: пусть судьба приведетъ его въ такую землю, гдѣ найдется лекарство отъ его раны, или пусть онъ умретъ. Король Маркъ съ горестью долженъ былъ согласиться на это: Тристанъ съ попутнымъ вѣтромъ отправился въ море, и „пригнала его фортуна“ въ ту самую Орлендею, подъ одинъ городъ, въ которомъ былъ король Ленвизъ, женатый на сестрѣ Амурата. У Ленвиза была „дочка“, по имени Ижота.

Приводимъ небольшіе образчики, по которымъ читатель можетъ составить понятіе объ изложеніи едва ли не старѣйшаго на русскомъ языкѣ романа ¹⁾.

„Оная панна вельми знала лекарство отъ ранъ, и не было тое раны, которое бы не могла злечити. И коли Трыстанъ былъ на краю моря передъ замкомъ, онъ съ того былъ вельми веселъ и взялъ арфу, и настроилъ, и почалъ играти што нацуднен могъ.

¹⁾ Опять мы передаемъ только чтеніе, а не всѣ подробности стараго правописанія.

„Король Ленвивъ видѣлъ съ палацу и приступилъ ближе и слухалъ великій часъ, и было ему видѣть вельми дивно, ажъ такъ чудне и жалостне игралъ, а судно коштотно покрыто злато-главомъ. И призвалъ къ себѣ королевую, и она видѣла судно и слышала арфу и дивилася много.

„И рекла королю: Прошу тебе, идѣмо видѣти онога дива. И пошли на долъ въ мору сами два и слухали арфы, пока пересталъ.

„А коли Трыщанъ пересталъ играти, почалъ плавати и кричати отъ болести, которую мѣлъ. Приступилъ король и королевая къ судну и видѣли Трыщана и поздравили его, и онъ имъ вернулъ поздравлене“...

Изъ разговора Тристанъ узналъ, что попалъ въ Ирландію, и рѣшилъ скрыть свое имя, чтобы не погибнуть за смерть Амурата; о себѣ онъ разсказалъ, что ищетъ лекаря отъ своей раны. Король принялъ въ немъ участіе.

„И рекъ король: если-съ рыцерь? Рѣкъ Трыщанъ: естемъ ¹⁾. Рѣкъ король: не дбай, рыцеру, ты еси припшолъ въ таковое мѣсто, гдѣ дастъ Богъ будешь здоровъ. Есть въ мене дочка, што ся всякою ране домыслить лѣпшеи ²⁾ всихъ лекарей, а я вѣмъ, будетъ ся она рада тобою печаловати ³⁾ для Бога и для дворности. Трыщанъ ему подяковалъ вельми дворно и покорне“.

Тристану устроили ложницу, т.-е. спальню, во дворцѣ, и Ижота принялась лечить его, сначала безъ успѣха, — пока она не поняла, что рана нанесена отравленнымъ копьемъ; тогда она успѣла вылечить Тристана. Между тѣмъ Тристанъ уже прославился въ „Ормендеи“ своими подвигами на турнирахъ, и Ижота стала чувствовать къ нему привязанность. Однажды онъ „мылся въ ваннѣ, увъ ⁴⁾ одной воморѣ, и служила ему Ижота ⁵⁾ и иные многіе дѣвки, и каждая мѣла то собѣ за великій даръ, што ему послужыла“. Но въ это время одинъ человѣкъ подошелъ къ постели Тристана, увидѣлъ его прекрасный мечъ и понесъ показать королевѣ: та замѣтила, что въ одномъ мѣстѣ недоставало осколка — оказалось, того самого, который остался въ ранѣ, нанесенной Тристаномъ Амурату. Королева пришла въ ярость, узнавъ въ Тристанѣ убійцу ея брата, и требовала отъ короля

¹⁾ По-польски: есмь; да, я рыцарь.

²⁾ Лучше.

³⁾ Т.-е. заботиться о тебѣ.

⁴⁾ Въ.

⁵⁾ По обычаю рыцарскихъ временъ.

его смерти; на вопросъ короля, Тристанъ сказалъ, какъ было это дѣло. Ему велѣли притти въ „великій палацъ“.

„Трыщанъ ся убралъ цудне и почестно и прышолъ до великого палацу у великой жалости, а наибольше и для того, ижъ при немъ не было меча его. А палацъ былъ полонъ добрыхъ людей, паней и панейъ, и коли они видѣли его, гледели на него вельми пилю ¹⁾ для его цудности и великое доброты и рыцерства и дивовали ся великой цудности его и цудныхъ умысловъ въ преспечности и дворности. И мовили ²⁾ панны до Ижоты: Еслибъ Трыщанъ мѣлъ смерть, который цуднейший всихъ на свѣтѣ, было бы его жалъ всимъ людемъ.

„А такъ вси добрые люди рыцери мовили: Богъ вѣ, на свѣтѣ нѣтъ такого рыцера, и великій бы грѣхъ абы съ того его забити, который ся уже не може вернути“.

Королева требовала мщениа, но король, какъ ни любилъ ее, рѣшилъ иначе: во-первыхъ, онъ принялъ Тристана въ свой домъ немощнаго и далъ ему здорovie; второе: „ты еси таковъ рыцерь, а, тобѣ ровни не знаю на свѣтѣ“; третье, Тристанъ „не зрадне“, не предательски, убилъ его шурина, а рыцарскимъ обычаемъ. Король освободилъ Тристана, который и вернулся въ свое отечество.

Но ему случилось опять попасть въ „Орлендею“, гдѣ проживала героиня романа. Вслѣдствіе даннаго слова, Тристану пришлось исполнить желаніе своего дяди короля и отправиться сватомъ за Ижотой, на которой король хотѣлъ жениться. Она нравилась ему самому, но произошло обстоятельство, которое связало ихъ роковою любовью. Ижоту отпустили съ Тристаномъ въ „Корноваль“, и королева передала провожавшему ихъ довѣренному челоуку „фляшу сребреную полную питья“, изъ которой надо было дать напитокъ послѣ свадьбы королю и Ижотѣ. Но на пути былъ великій зной, Тристану и Ижотѣ захотѣлось пить, и имъ по ошибкѣ дали эту „фляшу“, въ которой было „милостное пиво“, т.-е. любовное питье. Приводимъ опять словами подлинника эпизодъ этой внезапной любви, уже указанный нами прежде.

„И скоро ся напили того пива, и еще не допившы кубковъ впади межъ собою у великухъ милость, ажъ и до живота своего ³⁾ одинъ другого не оставилъ. И почали гледѣти одинъ на другого и не мыслили ни о комъ, только о собѣ. И сѣли яко бы злякшися ⁴⁾. Трыщанъ мыслилъ до Ижоты, а Ижота до него, а ко-

¹⁾ Прилежно, внимательно.

²⁾ Говорили.

³⁾ До конца жизни.

⁴⁾ Испугавшись.

роля Марка запаметали. Трыщанъ рекъ: Дивую ся, откуда ми пришло то такъ прудко ¹⁾, а первей ми того не было? И мыслить одинъ къ другому, и мовили сами собѣ: мысль наша есть невѣрна;—але пиво ихъ перемогло. Рекъ Трыщанъ: Если я милую Ижоту, то не дивно: она есть намильшая речъ ²⁾ на свете, лѣпное быхъ не могъ найти, а я есмь ее вывелъ и мнѣ есть дана, а милость ³⁾ наша скрыта може быти. А Ижота мыслила: Если я милую Трыщана, то есть не дивно: онъ есть моя ровня и такъ высокаго роду, якъ и я, и витезя большаго на свѣтѣ нѣтъ. И тую мысль обачили, ижъ (что) оба ся милуютъ со всего сердца; Ижота ся о томъ веселила и рекла: Коли мя милуетъ наибольшій витезь, чому мнѣ большаго добра? А Трыщанъ рекъ: Я мамъ великую форлуну на свѣтѣ, ижъ мя нацуднейшая панна милуетъ, а я ей того не заслужилъ... А Трыщанъ и Ижота терпети не могли; рекъ Трыщанъ Ижотѣ: я тебѣ милую изъ сердца. Она о томъ была вельми весела и рекла Трыщану: я не милую ни одное рѣчы (вещи) на свѣтѣ якъ тебе, а ни даи Богъ поки буду жыва. Видечы то, ижъ есть Ижота с нимъ одное мысли, не откладаючи далей того, шли у комору и сполнили свою волю; оттолѣ на вѣки не отиѣнила ся ихъ милость и отъ тое милости мѣли великіе працы (труды, тягости). И нѣтъ того рыцера, который бы поднималъ толко муки для милости, колко Трыщанъ.

„А такъ была велика шкода, ижъ у тые часы ⁴⁾ не было большаго витезя подъ него: онъ былъ третій витезь на свѣте“ ⁵⁾.

Того же происхожденія и тѣми же свойствами языка отличается другой рыцарскій романъ, помѣщенный въ познанской рукописи. Давно было замѣчено, что „Бова“ имѣетъ итальянское происхожденіе, но оставался невьясненнымъ тотъ путь, какимъ зашла въ старую русскую письменность итальянская книга: теперь этотъ вопросъ почти сполна разрѣшается изслѣдованіемъ г. Веселовскаго. Источникъ нашего „Бовы“ былъ дѣйствительно итальянскій, и путь, какимъ онъ достигъ въ старую русскую литературу, былъ тотъ же, какъ въ „Тристанѣ“: съ итальянскаго романъ былъ переведенъ сначала на сербскій языкъ, отсюда на бѣлорусскій и наконецъ переложенъ на старый великорусскій языкъ. По обыкновенію, г. Веселовскій поднимаетъ цѣлый вопросъ о литературной судьбѣ этого сюжета и въ массѣ различныхъ тек-

¹⁾ Быстро.

²⁾ По-польски: вещь, предметъ.

³⁾ Любовь—по-польски

⁴⁾ Въ то время.

⁵⁾ Стр. 67—68 въ приложеніяхъ

ствоваго рыцарскаго романа отыскиваетъ тотъ, который могъ послужить оригиналомъ для славянской повѣсти. Масса этихъ текстовъ очень обширна. Изъ первоначальной французской поэмы сюжетъ перешелъ почти во всѣ литературы средневѣковаго запада, являясь въ стихахъ и въ прозѣ, въ итальянскомъ романѣ и въ скандинавской сагѣ, въ голландской народной книгѣ и т. д. Средневѣковой романъ вызвалъ въ послѣднее время спеціальныя изслѣдованія, но до сихъ поръ не приведены въ извѣстность всѣ рукописныя тексты, какъ и у насъ остаются еще неизданными найденныя старыя списки „Бовы“.

Происхожденіе „Бовы“ съ итальянскаго въ познанской рукописи обнаруживается тѣмъ, что кромѣ сербизмовъ, указывающихъ на ближайшій подлинникъ, въ этомъ текстѣ сохранились также итальянизмы, которые свидѣтельствуютъ о первоначальномъ источникѣ. Въ самой итальянской литературѣ „Бова“ существовалъ съ очень давняго времени и въ разныхъ видахъ, и по составу романа ближайшимъ подлинникомъ бѣлорусскаго текста оказывается не какое-либо печатное изданіе, а рукописная *венеціанская* поэма, недавно только напечатанная.

Но этотъ бѣлорусскій текстъ, озаглавленный „Исторія о князяти Гвидонѣ“, не былъ источникомъ того „Сказанія“ о Бовѣ, которое существуетъ въ старыхъ великорусскихъ рукописяхъ и отъ котораго идутъ безчисленныя копія и изданія нашей народной сказки. Это были два особые произведенія, очень близкія по составу, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствующія о различномъ происхожденіи. По мнѣнію г. Веселовскаго (стр. 246) и „Сказаніе“ пришло къ намъ тѣми же путями, какъ „Исторія“; но прослѣдить его генеалогію по его тексту (какъ это было возможно для „Исторіи“) гораздо труднѣе, потому что „Сказаніе“ было въ такомъ ходу, такъ часто переписывалось, что въ изложеніи своемъ приняло совершенно народный, иногда чисто эпическій складъ, гдѣ только въ немногихъ словахъ можно услѣдить слабыя слѣды первоначальнаго итальянскаго подлинника, а нѣкоторыя подробности сюжета и нѣкоторыя собственныя имена указываютъ, что мы имѣемъ здѣсь особую редакцію романа, отличную отъ бѣлорусской „Исторіи“. Прибавимъ, что и венеціанская поэма, въ которой г. Веселовскій видитъ ближайшій подлинникъ бѣлорусскаго „Бовы“ и которая дѣйствительно съ нимъ очень совпадаетъ ¹⁾, далеко, однако, съ нимъ не тождественно, такъ что собственно

¹⁾ См., напр., въ сличеніяхъ г. Веселовскаго сопоставленіе двухъ текстовъ en regard, стр. 248—249; также стр. 288 и далѣе.

подлинникомъ была неизвѣстная до сихъ поръ редакція, близкая къ венеціанской поэмѣ.

Опредѣлить съ точностью отношеніе великорусскаго сказанія къ бѣлорусской повѣсти пока еще трудно вслѣдствіе того, что старые тексты великорусской редакціи еще не вполне извѣстны. Эти великорусскіе тексты также не совсѣмъ сходны между собою. Сличивъ нѣкоторые изъ нихъ, г. Веселовскій отмѣчаетъ въ одномъ изъ вариантовъ ту ступень въ развитіи народной книги, когда она готовится перейти въ сказку (стр. 302): на примѣръ, герцога Оріо итальянской поэмы уже превращается здѣсь въ посадскаго мужика Ора; изъ средневѣкового замка выходитъ земская изба; когда описывается посольство, то посолъ кладетъ на столъ грамоту; о конѣ Бовы говорится какъ въ сказкахъ, что онъ стоитъ привязанный на семидесяти цѣпяхъ, за столыкими-то дверями; въ итальянской поэмѣ на русской почвѣ являются мужики и посадники; къ числу сказочныхъ приемовъ г. Веселовскій причисляетъ особое предрасположеніе къ эпической справедливости—враги и измѣнники должны быть непременно наказаны; люди, оказавшіе услугу, вознаграждены: такъ это и дѣлается въ русской сказкѣ, хотя подлинникъ о томъ умалчиваетъ. Припомнимъ еще, что чудесный мечъ Бовы, который по-итальянски носитъ названіе *chiarenza*, въ бѣлорусскомъ текстѣ называется „гларенція“, а въ старыхъ великорусскихъ текстахъ обращается уже въ знаменитый „мечъ-кладенецъ“.

Сказаніе о Бовѣ приобрѣло такую популярность, что превратилось, наконецъ, въ настоящую народную сказку; г. Веселовскій (стр. 245) собралъ нѣсколько случаевъ, гдѣ дѣйствующія лица „Бовы“ (какъ самъ Бова, какъ Додонъ, Полканъ, Лукаперъ) появляются въ сказкахъ чисто народныхъ. „Собственно въ былины, — замѣчаетъ г. Веселовскій, — не проникъ, если не ошибаемся, ни одинъ изъ героевъ заходяей итальянской повѣсти: всѣ они опоздали своимъ приѣздомъ на Русь“ (стр. 246). Авторъ хочетъ сказать, что въ то время, когда они явились на русской почвѣ, былъ уже законченъ кругъ стараго эпическаго творчества, что, приди они раньше, они, при своей распространенности въ народѣ, могли бы точно также войти въ составъ нашего былиннаго эпоса, какъ это несомнѣнно случилось со многими сюжетами и героями книжнаго происхожденія.

Замѣтимъ, наконецъ, что обѣ эти исторіи, несомнѣнно присутствовавшія въ старой сербской письменности, у самихъ сербовъ остались неизвѣстны. Одна изъ редакцій романа о Бовѣ

была переведена на хорватскій языкъ, но повидимому также не получила распространения.

Намъ остается упомянуть о третьемъ произведеніи, нашедшемъ мѣсто въ познанскомъ сборникѣ. Это — „Исторія о Атили короли Угорскомъ“. Она давно была извѣстна по имени ¹⁾, но текстъ ея до сихъ поръ оставался недоступенъ. Для объясненія этой исторіи г. Веселовскій дѣластъ обзоръ многочисленныхъ и разнообразныхъ преданій, ходившихъ объ Атилѣ, въ средневѣковой народной поэзіи и старой ученой исторіи. Источникомъ нашего сказанія была венгерская книга. Для венгровъ Атила былъ національный герой, конечно книжный и легендарный, потому что не было никакихъ настоящихъ основаній связать его съ судьбами мадьярскаго народа. Объ Атилѣ много разсказываютъ старыя венгерскія лѣтописи, а затѣмъ его дѣянія давно находили и специальныхъ историковъ, которые хотѣли дать критическій разсказъ, насколько подобный разсказъ былъ по силамъ тогдашней литературѣ. Однимъ изъ такихъ ученыхъ историковъ былъ примасъ Венгріи, Николай Олай, латинская книга котораго вышла въ 1568 году. Черезъ нѣсколько лѣтъ сочиненіе Олая явилось въ польскомъ переводѣ Цицріана Базилика, въ 1574 г., и по указанію проф. Брюкнера (берлинскаго), это и былъ подлинникъ бѣлорускаго перевода.

Въ приложеніяхъ г. Веселовскій издалъ цѣлый рядъ памятниковъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ его изслѣдованіи, а именно: для редакціи „Троянскихъ Дѣяній“, всѣ три исторіи познанской рукописи, и кромѣ того еще одну старую рукописную редакцію „Бовы“. „Троянскія Дѣянія“, по другимъ текстамъ, были уже не разъ изданы, но рыцарскіе романы познанской рукописи являются совершенно новымъ фактомъ нашей старой литературы, и мы упоминали выше, какое значеніе имѣютъ они въ частности для исторіи письменности въ западной Руси.

Изложенные факты приводятъ къ разнымъ историческимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, выясненіе сербскаго источника нѣсколькихъ, между прочимъ чрезвычайно популярныхъ въ нашей старинѣ, произведеній, идущихъ отъ довольно давняго еще съ точностью неопредѣленнаго (для „Троянскихъ Дѣяній“) времени и до второй половины XVI-го вѣка, указываетъ на такія между-

¹⁾ Ее называлъ Снегиревъ въ статьѣ о „Лубочныхъ картинкахъ“, въ Валуевскомъ „Сборникѣ“, Спб. 1845, неизвѣстно, на какомъ основаніи; можетъ быть, по слуху о той же познанской рукописи, видѣнной Боданскимъ.

племенные связи нашей старой письменности, которыя до сихъ поръ мало обращали на себя вниманія или совсѣмъ были неизвѣстны. Въ тотъ самый періодъ, который совпадаетъ съ особенностью и исключительностью московскаго царства, мы видимъ поиски новаго литературнаго содержанія за предѣлами своей письменности. Старыя связи русской литературы съ Византіей и южнымъ славянствомъ болѣе или менѣе извѣстны: главная масса заимствованій изъ этого источника была каноническая, церковно-поучительная и частью историческая, но уже и здѣсь являются заимствованія поэтическія, какъ, напримѣръ, въ поэмѣ о Дигенисѣ и др. Тѣ сербскія заимствованія XVI-го вѣка (и раньше), о которыхъ мы говорили теперь, представляютъ уже другую историко-литературную полосу: мѣстностью, откуда идутъ эти новыя поэмы, была крайняя западная область сербскаго-племени въ сосѣдствѣ съ литературнымъ міромъ латино-романскимъ и рыцарско-католическимъ; вмѣсто восточно-византійскаго народно-книжнаго эпоса, отсюда берутся произведенія, окрашенные западно-рыцарскимъ духомъ (какъ „Троянскія Дѣянія“ и „Александрія“) или прямо западно-рыцарскіе романы (какъ „Тристанъ“ и „Бова“). Какая была реальная связь средневѣковой Руси—западной или восточной—съ этимъ далекимъ сербскимъ краемъ, Босніей или сѣверной Далмаціей, объ этомъ мы и до сихъ поръ не имѣемъ никакого понятія. Но что связи эти были, это указываетъ теперь наличными литературными фактами. Сношенія съ Византіей, съ Болгаріей и Сербіей въ старомъ періодѣ были естественны и понятны при церковномъ единствѣ, при существованіи самостоятельныхъ южно-славянскихъ царствъ, при извѣстной степени южно-славянскаго просвѣщенія; съ паденіемъ этихъ царствъ, за которыми послѣдовалъ крайній упадокъ южно-славянской письменности, и, наконецъ, съ завоеваніемъ самой Византіи турками, когда вмѣстѣ съ тѣмъ самый русскій центръ перешелъ далеко на сѣверо-востокъ, южное-славянство далеко отодвинулось отъ русскаго міра, запертое въ границахъ чужого, непріязненнаго государства, а тѣмъ больше отодвинулась западная область сербскаго племени,—между тѣмъ именно отсюда идутъ въ русскую письменность новыя романическія произведенія. Если трудно объяснить реальный путь, какимъ приходила сербская книга (затерявшаяся иногда и на самой родинѣ, какъ „Тристанъ“ и „Бова“), то не мудрено, что близость языка облегчала переводъ ея на русскій языкъ. Русская письменность видимо стремилась къ новымъ литературнымъ темамъ и брала на первый разъ то, что было болѣе доступно и подъ руками. Такъ въ это время мы встрѣчаемся съ

заимствованіями изъ сербскаго, чешскаго и, наконецъ, въ особенности польскаго.

Эти заимствованія представляются длиннымъ рядомъ письменныхъ памятниковъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ того были какіе-то другіе пути общенія и заимствованій, о которыхъ не осталось письменнаго слѣда, но о которыхъ (какъ это очевидно по новѣйшимъ разысканіямъ) говорятъ другія свидѣтельства, — свидѣтельства нашего народнаго эпоса. Въ немъ оказываются такія совпаденія темъ, картинъ, собственныхъ именъ героевъ, съ мотивами средневѣковой поэзіи, что объясненіе ихъ случайнымъ сходствомъ становится уже невозможнымъ. Надо думать, что въ старину при всей ограниченности просвѣщенія и книжныхъ знаній существовалъ, однако, живой интересъ къ поэтическому содержанію, которое тѣмъ или другимъ путемъ, въ болѣе или менѣе цѣльныхъ или фрагментарныхъ отголоскахъ, достигало въ среду стараго русскаго общества. Въ сложности получился тотъ результатъ, что какъ въ древнемъ народномъ эпосѣ, который сохранила для насъ народная память, такъ и въ старой повѣсти, которую сберегла для насъ (хотя далеко не всегда) рукопись, мы находимся въ той самой поэтической области, какая широко господствовала въ средніе вѣка, часто тѣснѣйшимъ образомъ объединяя востокъ и западъ. Какъ мы говорили въ началѣ статьи, теперь все болѣе и болѣе самими фактами устраняется то старое представленіе, которое изображало древній русскій эпосъ, какъ нѣчто единичное, исключительное, объясняемое только изъ самого себя: напротивъ, надо признать, что въ нашемъ эпосѣ, начиная съ его основныхъ мотивовъ и кончая самыми частными эпическими подробностями, мы встрѣчаемъ явленіе общеевропейскаго средневѣковаго характера, со множествомъ сходныхъ эпическихъ темъ и приемовъ, а также со многими чертами явнаго книжнаго или устнаго заимствованія. Если „русскій Илья“ былъ извѣстенъ какимъ-то путемъ въ древней нѣмецкой сагѣ, не мудрено, что и въ русскую эпическую пѣсню попадали отрывки чужого преданія, какъ въ извѣстномъ новгородскомъ эпосѣ о купцѣ Садеѣ новыя разысканія нашли мотивъ изъ средневѣковаго французскаго романа.

Само собою разумѣется, что этимъ нисколько не отрицается самостоятельное эпическое творчество. Это указываетъ только почву, на которой совершалось его дѣйствіе, эпическую любознательность, запасъ матеріала, — но на этой почвѣ народная фантазія работала самостоятельно, пользуясь матеріаломъ въ понятіяхъ своего собственнаго быта, давая чужимъ мотивамъ свои

собственныя комбинаціи а наконецъ развивая и свое собственное чисто народное преданіе.

Точно также въ прежнихъ представленіяхъ о нашей письменной старинѣ такія заимствованія, какъ иностранныя повѣсти, казались тѣмъ-то случайнымъ и несвязаннымъ ни съ народной поэзіей, ни съ общимъ характеромъ книжной литературы. Но тѣмъ больше дѣлается разысканій въ этой старинѣ, тѣмъ больше выясняется связь книжной повѣсти съ народнымъ поэтическимъ движеніемъ. Источникъ интереса въ заимствованной повѣсти лежалъ въ упомянутомъ общемъ поэтическомъ складѣ: заимствованная повѣсть часто совпадала съ существующимъ вкусомъ и, слѣдовательно, бывала вполне понятна,—до того, что ея подробности запоминались, становились популярными, наконецъ попадали цѣликомъ въ домашнюю повѣствовательную поэзію, которая представлялась тогда былинной. Отъ признанія подобныхъ явленій и отъ самаго исканія и анализа ихъ, нашихъ прежнихъ изслѣдователей останавливала, между прочимъ, разница формы: въ западныхъ памятникахъ имъ видѣлась книга, искусственная литература, когда у насъ была лишь первобытная поэзія народной былины,—но это была только разница въ хронологіи историческаго развитія: въ то время, какъ у насъ держалась еще архаическая ступень устной поэзіи, на западѣ давно развилась поэзія книжная, прочно запечатлѣвшая народно-поэтическое преданіе, усложнивъ его личнымъ авторствомъ. Дѣйствительно, формы были различны,—но была общая основа народнаго преданія, только въ одномъ случаѣ оно оставалось въ первобытныхъ условіяхъ своего устнаго существованія, а въ другомъ издавна стала принимать литературную обработку, иногда прикрашенную и манерную, и всегда съ большимъ или меньшимъ вмѣшательствомъ произвола личной фантазіи поэта. Въ этомъ была одна изъ главныхъ причинъ различія въ самомъ складѣ преданія: у насъ оно осталось первобытно-эпическимъ и сдѣлалось простонароднымъ, во многомъ сохранивъ достоинство стараго строгаго эпоса, но многое и затерявши въ случайностяхъ народной памяти; въ западномъ эпосѣ книга сберегла, хотя въ искусственной формѣ, народные мотивы изъ такихъ эпохъ, гдѣ у насъ ничего не было закрѣплено письменнымъ памятникомъ. Такимъ образомъ, въ смыслѣ сохраненія преданія, съ обѣихъ сторонъ были выгоды и невыгоды... Условія нашего стараго скуднаго просвѣщенія сложились такъ, что у насъ—послѣ Слова о полку Игоревѣ—собственный эпическій матеріалъ не могъ уже никогда найти литературной обработки: народная поэзія была, въ компетентныхъ

по тогдашнему сферахъ, ославлена, какъ „идольское служеніе“; полагалось, что гѣніе пѣсенъ—въ томъ числѣ, конечно, и эпическихъ—доставляетъ величайшее удовольствіе дьяволу. Церковныя запрещенія, которымъ помогла слабость книжнаго образованія, достигли того, что наша народная поэзія такъ и осталась безъ книжной обработки, но какъ эти запрещенія не искоренили народнаго преданія и—иногда дѣйствительно полу-языческаго суевѣрія, такъ онѣ не искоренили и поэтическаго инстинкта. Къ концу московскаго періода этотъ инстинктъ сталъ наконецъ выбиваться изъ подавлявшей его рутины и сказался прямо, хотя элементарно, записями „богатырскихъ словъ“, т. е. былинь, а косвенно уже издавна выразился усвоеніемъ чужихъ „повѣстей“, „исторій“, „сказаній“, „дѣяній“, „словъ“, наконецъ „жартовъ“, „фацецій“ и т. п.

Кто были проводники этой иноземной поэзіи, какъ доходили онѣ до своихъ оригиналовъ, съ какими побужденіями переносили ихъ въ русскую письменность, какое было ихъ общественное положеніе,—обо всемъ этомъ мы почти ничего не знаемъ. Это были такіе же безыменные дѣятели, какъ сами безыменные создатели народной поэзіи. Въ то время, какъ въ западной литературѣ съ глубокихъ среднихъ вѣковъ заявило себя на почвѣ народнаго преданія личное творчество, у насъ эта почва была заброшена, осуждена, предана проклятію официальными книжниками и предоставлена только народной памяти; въ литературѣ самой книжной повѣсти переводной, сближавшейся, какъ мы видѣли, съ народными поэтическими мотивами,—мы опять не знаемъ ни одного имени. Здѣсь, какъ и въ народной поэзіи, продолжается та же безыменная, безличная, такъ сказать, стихійная дѣятельность. Отчасти это отвѣчало и самой сущности дѣла. Многое приходило къ намъ готовымъ: болгарская или сербская рукопись, въ основѣ которой лежалъ знакомый церковно-славянскій языкъ, попадая къ намъ, нуждалась только въ легкомъ видоизмѣненіи, чтобы пріобрѣсти тотъ оттѣнокъ старо-славянскаго языка съ русскою примѣсью, который былъ нѣкогда нашимъ литературнымъ языкомъ; позднѣе, польская рѣчь, понятная въ западной Руси, легко перекладывалась на бѣлорусскій языкъ, а послѣдній требовалъ опять лишь небольшихъ измѣненій, чтобы стать привычнымъ изложеніемъ на томъ полународномъ языкѣ, который сталъ болѣе и болѣе проникать въ нашу повѣсть въ XVI и XVII столѣтіи. Печати не было для этого рода произведеній (да и вообще печать явилась у насъ слишкомъ поздно); все литературное обращеніе совершалось посредствомъ рукописей

и въ этомъ процессѣ постоянной переписи сама собою происходила передѣлка изложенія и языка; какъ это не трудно видѣть, сличая тексты одного и того же произведенія на нѣсколько значительныхъ промежуткахъ времени. Въ старѣйшихъ спискахъ мы находимъ нерѣдко цѣликомъ слова греческія (уцѣлѣвшія при первомъ переводѣ), слова болгарскія, сербскія, потомъ польскія, чешскія, бѣлорусскія; въ спискахъ дальнѣйшихъ эти иноземныя черты все болѣе сглаживаются, для чужихъ словъ подыскиваются равносильныя или приблизительныя русскія, фраза теряетъ принужденную книжность перваго неловкаго перевода, и, послѣ ряда такихъ преобразованій, въ концѣ концовъ получается иногда чисто русское народное изложеніе, имѣющее съ первоначальнымъ текстомъ очень мало общаго. Понятно, что при этомъ не могло быть рѣчи о личномъ авторствѣ, какъ нѣтъ авторства въ народной поэзіи: пѣсня, чтобы получить законченную форму, должна много разъ перейти изъ устъ въ уста и все-таки не остается неподвижной; подобнымъ образомъ переходила изъ рукъ въ руки старинная книжная повѣсть, постоянно мѣняясь въ изложеніи и никогда не достигая окончательной неизмѣнной формы. Даже много позднѣе долго не прививался обычай заявлять авторскій трудъ, какъ, напримѣръ, въ массѣ переводныхъ рукописныхъ повѣстей первой половины прошлаго вѣка.

Въ другомъ мѣстѣ мы говорили, что эти послѣднія были переходною ступенью отъ старой литературы московскаго періода къ литературѣ новѣйшей, выросавшей подъ прямыми вліяніями западно-европейскаго образованія. Въ самомъ дѣлѣ, и по свойству содержанія (популярный романъ, уже въ устарѣломъ тогда рыцарскомъ вкусѣ), и по языку (въ которомъ еще слышенъ XVII вѣкъ), и по безличному авторству, повѣсти первой половины XVIII-го вѣка являются непосредственнымъ продолженіемъ старой манеры; а съ другой стороны въ нее входятъ новыя мотивы (романъ правоучительный, волшебная сказка и т. п.), которымъ предстояло развиваться дальше уже въ печатной литературѣ конца столѣтія. Старая стихійная письменность постепенно переходитъ въ правильную литературу; безыменныхъ авторов смѣняютъ писатели по профессіи. Въ содержаніи была такая же постепенность: длинный рядъ старой русской повѣсти отъ ея перваго начала до середины XVIII-го вѣка представляетъ любопытную смѣну мотивовъ, которая мало-по-малу подготавливаетъ то направленіе, въ которомъ развивается послѣ-петровская литература. Привыкли думать, что эта литература пришла къ намъ чѣмъ-то произвольнымъ, свалившимся съ неба; но ближайшее

опредѣленіе фактовъ раскрываетъ передъ нами долгій и неясный, но тѣмъ не менѣе несомнѣнный подготовительный процессъ, который облегчалъ усвоеніе новыхъ литературныхъ идей, теперь только сильнѣе, чѣмъ прежде, проникавшихъ къ намъ изъ давняго западнаго источника. Такимъ образомъ, подготовлено было и распространеніе романа и драмы, псевдо-классическаго и сентиментальнаго направленія; и еслибы поставить вопросъ, гдѣ были первые зачатки романтизма въ нашей литературѣ—можно было бы указать на рыцарскіе романы, первымъ образчикомъ которыхъ были „Тристанъ“ и „Бова“, во второй половинѣ XVI-го вѣка, или даже еще раньше: „Троянскія Дѣянія“ и „Александрія“.

А. Пыпинъ.

* * *

Озарена послѣдними лучами
Пурпурнаго весенняго заката,
Молчаніемъ была земля объята
И грезила мечтательными снами.

Ей вспомнилось, какъ яркій небосводъ
Блеснулъ впервые свѣтлой бирюзою
И ликъ луны лампадой въевою
Затеplился, любясь гладью водъ.

Ей вспомнилось, какъ первыми цвѣтами,
Родившимися съ первою весною,
Она одѣлась, гордая собою,
Омытая веселыми дождями.

Ей вспомнилось, какъ страшно было ей,
Когда морозы первые настали
И крѣпкій ледъ блеснулъ отливомъ стали
И бѣлый снѣгъ упалъ на грудь полей,—
Когда деревья съ шумомъ облетѣли
И бѣшено, всю ночь не умолкая,
Какъ будто злая, какъ будто проклиная,
Заплакали сердитыя матели.

Съ тѣхъ поръ прошло такъ много, много лѣтъ,
Такъ много бурь надъ нею прошумѣло...
Ей все равно, какой уборъ одѣтъ:
Цвѣтовъ ли плащъ, иль снѣга саванъ бѣлый...

К. М — СКІЙ.

ДОРЕФОРМЕННАЯ РОССИЯ

ВЪ

ПЕРЕПИСКѢ И. С. АКСАКОВА

— *Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть первая. Учебные и служебные годы (1839—51). Два тома. Москва, 1888.*

В. Гюго назвалъ одно изъ своихъ сочиненій — рассказъ о декабрьскомъ переворотѣ 1851 г. — *показаніемъ свидѣтеля* (Histoire d'un crime. Déposition d'un témoin). Съ еще болѣе большимъ правомъ можно было бы назвать этимъ именемъ переписку И. С. Аксакова. В. Гюго писалъ не тотчасъ послѣ изображаемыхъ имъ событій, писалъ съ твердымъ намѣреніемъ довести все написанное до свѣденія Франціи и Европы; Аксаковъ набрасывалъ на бумагу только-что испытанныя впечатлѣнія, въ полной увѣренности, что о нихъ узнаютъ одни лишь ближайшія къ нему лица. Отсюда такая непосредственность, такая искренность, какая немислима въ автобіографіи, въ мемуарахъ, хотя бы даже въ моментъ ихъ составленія и не имѣлось въ виду оглашеніе ихъ путемъ печати. Письма Аксакова — это именно свидѣтельство очевидца, особенно драгоцѣнное въ настоящую минуту. Эпоха, къ которой оно относится, служить, съ нѣкоторыхъ поръ, предметомъ систематическихъ, тенденціозныхъ восхваленій. Читая или слушая ея панегиристовъ, можно подумать, что Россія цвѣла тогда не только силой, но и счастьемъ, русская администрація являла собою образецъ благоустройства, русское общество — образецъ добрыхъ нравовъ. „Питомцы славы“ — вверху, рабы, довольные

своимъ рабствомъ—внизу, простодушное, патріархальное купечество—по срединѣ: вотъ главныя черты фантастической картины, воспроизводимой, въ большомъ числѣ экземпляровъ, и ретрограднымъ романомъ, и реакціонной публицистикой. Стараясь возбудить въ насъ сожалѣніе объ утраченныхъ благахъ, усердные поклонники прошлаго не хотятъ, однако, довести насъ до отчаянія: они даютъ понять, что возвратиться въ потерянный рай еще не поздно—стоитъ только возстановить, по возможности, обстановку, которою онъ держался. По собственному опыту эту обстановку знаютъ теперь уже немногіе. Поколѣнія, сознательно пережившія сороковые годы, сошли или сходятъ въ могилу; ихъ отдаленнымъ преемникамъ трудно перенестись назадъ, трудно составить себѣ ясное понятіе о тогдашней общественной жизни. Немногіе изъ нихъ, конечно, повѣрятъ всецѣло пѣснѣ реакціонныхъ сиренъ—но въ умы наивныхъ, впечатлительныхъ слушателей она можетъ заронить нѣсколько невѣрныхъ представлений. Такихъ слушателей не переубѣдятъ, пожалуй, и художественныя произведенія „людей сороковыхъ годовъ“, наиболѣе близкія къ реальной, неподкрашенной правдѣ; ихъ не переубѣдитъ, напри- мѣръ, „Пошехонская старина“, возсоздающая, съ ужасающей силой, образы „добраго стараго времени“. Они заподозрятъ либо искренность писателя, либо точность его воспоминаній; они найдутъ въ его словахъ отголосокъ тенденціи, выраженіе предвзятой мысли. Ничего подобнаго нельзя даже подуматъ о письмахъ И. С. Аксакова, извлекаемыхъ теперь, по простествію почти полулѣтка, изъ неизвѣстности, на которую обрекалъ ихъ самъ авторъ. Приговоръ надъ цѣлымъ порядкомъ вещей произносится здѣсь чело- вѣкомъ, въ принципѣ вовсе не враждебнымъ этому порядку—произносится чуть не ежедневно, въ разныхъ видахъ, по разнымъ поводамъ, подъ неотразимымъ давленіемъ всего переживаемаго и пережитаго, безъ всякой практической цѣли, исключительно для того, чтобы облегчить наболѣвшее сердце.

Два изданные до сихъ поръ тома писемъ Аксакова обнимаютъ собою періодъ времени съ 1844 по 1851 г.; есть нѣсколько писемъ, относящихся къ болѣе раннимъ годамъ, но они касаются исключительно личной жизни мальчика и юноши. Окончивъ курсъ въ училищѣ правовѣденія (въ 1842 г.) и начавъ службу въ московскомъ сенатѣ, Аксаковъ, въ январѣ 1844 г., ѣдетъ въ астраханскую губернію, въ свитѣ сенатора-ревизора князя П. П. Ггарина (того самаго, который въ шестидесятыхъ годахъ былъ председателемъ комитета министровъ), и остается тамъ около года. Съ осени 1845 до весны 1847 г. онъ служитъ въ Калугѣ,

товарищемъ председателя уголовной палаты. Въ 1848 г., пробывъ около года оберъ-секретаремъ въ московскомъ сенатѣ и съѣздивъ для леченія на Сергіевскія минеральныя воды, онъ переходитъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и получаетъ командировки сначала въ Бессарабію, потомъ въ ярославскую губернію; въ промежуткахъ между тою и другою онъ проводитъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ. Весной 1851 г. онъ выходитъ въ отставку. Родители его и старшій братъ (Константинъ) живутъ все это время въ Москвѣ или окрестностяхъ Москвы; каждый разъ, когда онъ съ ними разстается, онъ ведетъ съ ними оживленную переписку.

Аксаковъ пріѣзжаетъ въ Астрахань очень молодымъ человекомъ (ему только-что минуло двадцать лѣтъ), но не совсѣмъ уже неопытнымъ чиновникомъ. О характерѣ и требованіяхъ службы онъ составилъ себѣ довольно ясное представленіе на основаніи слышаннаго дома и въ училищѣ; не даромъ же была написана имъ, вслѣдъ за окончаніемъ курса, мистерія: „Жизнь чиновника“, проникнутая сознаніемъ тщеты служебныхъ усилій и опасности служебныхъ соблазновъ ¹⁾. Московскій сенатъ, тогда еще не очищенный отъ подъячихъ стараго покроя, долженъ былъ показать ему наглядно, что такое въ Россіи законъ и примѣненіе закона. Онъ не дѣлаетъ себѣ, поэтому, никакихъ иллюзій насчетъ возможныхъ результатовъ ревизіи, какъ бы строго и добросовѣстно она ни производилась, какъ бы много ума и энергіи ни было приложено къ ней кн. Гагаринымъ ²⁾. „Не знаю, что будетъ,—говоритъ онъ въ одномъ изъ первыхъ астраханскихъ писемъ (I, 69),—а ревизія, какъ и все, вещь довольно бесполезная, тѣмъ болѣе, что всякій ревизоръ дѣйствуетъ противъ своего убѣжденія, будучи обязанъ требовать исполненія такихъ законовъ, которые... (перерывъ въ подлинникѣ). Я думалъ убѣждать отъ канцелярскаго порядка, но свойство російскаго дѣлопроизводства

¹⁾ Въ концѣ каждаго тома переписки помѣщены стихотворенія И. С. Аксакова, относящіяся къ тому же періоду времени. Это—очень счастливая мысль издателей, потому что въ поэзіи Аксакова постоянно отражалась его внутренняя жизнь.

²⁾ „Жалко мнѣ бываетъ видѣть этого человѣка“,—пишетъ Аксаковъ о кн. Гагаринѣ (I, 77),—„нѣкогда блистательнаго оберъ-прокурора общаго собранія, столь усерднаго на службѣ, столь дѣятельнаго, съ необыкновеннымъ даромъ слова, съ быстрымъ соображеніемъ, съ огромными способностями,—зависо погребенный въ сенаторахъ. Ему бы непремѣнно слѣдовало быть министромъ юстиціи или главноуправляющимъ какою-нибудь отдѣльною частью, особенно распорядительною“. Князь Гагаринъ дѣйствительно было суждено выдвинуться на первый планъ, но уже въ слѣдующее царствованіе; въ сороковыхъ годахъ и началѣ пятидесятыхъ такіе люди были „не ко двору“.

таково, что нѣтъ средствъ выбиться изъ этой колеи, нѣтъ средствъ не употреблять заученныхъ фразъ въ бумагахъ и лгать безбожно, важно говоря то, чему ни самъ, ни другіе не вѣрятъ“. Къ числу „исправленій“, которыхъ ревизія безсильна достигнуть, онъ относитъ „искорененіе взяточничества“ (I, 109), попадающагося ему на каждомъ шагѣ и въ самыхъ колоссальныхъ размѣрахъ. Онъ узнаетъ, что къ этому злу прикосновенны не одни только мелкіе чиновники. „Л., сенаторъ,—пишетъ онъ, ближе познакомившись съ дѣлами (I, 144), — бывши здѣсь, изволилъ пользоваться деньгами отъ С. и далъ за то пристрастный голосъ въ его пользу, въ дѣлѣ о каспійскомъ рыболовствѣ“. „У насъ такъ мало, кажется, довѣрія къ правительству,—читаемъ мы въ другомъ письмѣ (I, 167),—что все съумѣютъ не понять, переиначить, превратить въ комедію. Сдѣлаетъ правительство умное распоряженіе—никто не хочетъ вѣрить, что это для собственной нашей пользы, а смотреть уже на это какъ на бумажное приказаніе, подлежащее очисткѣ, а не дѣйствительному исполненію“... „О письменная очистка!“ — восклицаетъ Аксаковъ нѣсколько позже (I, 207). „О ней можно написать цѣлую книгу. Въ Россіи рѣдкій кто приноситъ къ служебному труду душевное участіе и истинное желаніе пользы. Механизмъ администраціи заставляетъ забывать о цѣли, и все служащее въ Россіи стремится къ одной лишь письменной очисткѣ. Для неслужившаго слово это не можетъ быть понятно во всемъ его объемѣ“.

Убѣжденіе въ бесполезности ревизіи не мѣшаетъ Аксакову втянуться мало-по-малу въ неблагодарный трудъ. Его увлекаетъ охота на злоупотребленія, хотя онъ и сознаетъ невозможность устранить ихъ причины и предупредить ихъ повтореніе. „Мы теперь точно ищейки или хорошія лагавыя собаки: чутьемъ слышимъ упущенія и безпорядки. Душа ликуетъ, коли поиски увѣнчаются открытіемъ болѣе важнымъ, нежели обыкновенная медленность, неаккуратность, несоблюденіе всѣхъ формальностей“ (I, 87)... „Работа моя идетъ какъ заведенная машина, работаю много, но это все не то. Даже участіе пробуждается только тогда, когда найдешь слѣды важныхъ упущеній и злоумышленностей. Но вѣдь это рѣдко достается“ (I, 140). С. Т. Аксаковъ удивляется, наконецъ, этой страстной погонѣ за „открытіями“; сынъ отвѣчаетъ на упрекъ приведенной нами выше тирадой объ *очисткѣ*. Онъ убѣдился на опытъ, что за гладкой, приличной поверхностью скрывается, сплошь и рядомъ, масса безобразій; если ему не удастся ихъ найти, онъ чувствуетъ себя обманутымъ — и наоборотъ, обнаруженіе ихъ наполняетъ его торже-

ствомъ, бесплодность котораго онъ слишкомъ легко забываетъ. Въ этомъ настроеніи онъ становится иногда черствымъ, жестокимъ, несправедливымъ. „Сердце здѣшняго предсѣдателя палаты, — пишетъ онъ послѣ просмотра уголовныхъ дѣлъ (I, 142), — слишкомъ мягко и добро для уголовного судьи, и когда я, при ревизіи палаты, замѣчалъ необыкновенную слабость въ наказаніяхъ, то онъ отвѣчалъ, что строгими мѣрами и сильными наказаніями нельзя улучшить свѣта, и что онъ поэтому держится этой системы. А поэтому видно только то, что онъ не годится въ предсѣдателя“. Весьма жаль, что въ письмахъ Аксакова не приведено имя этого предсѣдателя, столь мало похожаго на обыкновеннаго чиновника сороковыхъ годовъ (если только допустить, что его снисходительность не была предметомъ купли-продажи). Желательно было бы знать также, пострадала ли его служебная карьера вслѣдствіе замѣчаній молодого ревнителя строгости. Слѣпшимъ прибавить, что въ самомъ Аксаковѣ эта ревность продолжалась недолго. Вотъ что онъ пишетъ въ маѣ 1845 г., какъ только остылъ служебный жаръ, возбужденный въ немъ ревизіонными работами: „я рѣшительно убѣждаюсь, что на службѣ можно приносить только двѣ пользы: 1) отрицательную, т.-е. не брать взятки, 2) частную, и то только тогда, когда позволишь себѣ нарушить законъ. Чтѣ проку, что законъ соблюдается, когда это соблюденіе закона не уничтожаетъ зла, не вознаграждаетъ невинность“ (I, 227). Онъ возвращается къ этой темѣ, прослуживъ нѣсколько мѣсяцевъ товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты. „Суду палаты, — говоритъ онъ (I, 259), — предаются — какъ чиновники, сдѣлавшіе преступленіе по должности, — бѣдные мужики государственныхъ имуществъ, головы, сборщики податей, засѣдателя расправъ. Уѣдетъ кто-нибудь на рынокъ продавать — его сейчасъ обвиняютъ, что онъ отлучился отъ должности, и предають суду палаты. *Разумѣется, мы употребляемъ все подъяческія уловки, чтобы ихъ не подвергать суровому наказанію.* Можетъ быть, иногда поступаемъ противозаконно, зная, что дѣло не пойдетъ въ сенатъ. *Къ чему законъ, когда соблюденіе его есть высшее нравственное беззаконіе?*“ Ознакомившись съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ (обнародованнымъ 15-го августа 1845 г.), Аксаковъ радуется тому, что оно даетъ судьямъ „право входить въ соображеніе побудительныхъ причинъ и обстоятельствъ, сопровождавшихъ дѣло“ (I, 270). Можно себѣ представить, чѣмъ оказывался на практикѣ сводъ уголовныхъ законовъ, дѣйствовавшій до 1845 г., если даже уложеніе, проникнутое казуистикой и недоувѣріемъ къ суду, признавалось шагомъ впередъ, къ ра-

зумной судейской свободѣ! Недостатки уложенія, теперь бросающіеся въ глаза студенту третьяго курса, понимались Аксаковымъ весьма неясно. „Въ уложеніи,—говоритъ онъ,—замѣтно направленіе европейскаго гуманизма, но оно все же лучше, чѣмъ прежній сводъ“. По буквальному смыслу этихъ словъ, гуманное (!?) направленіе уложенія является его слабой стороною; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что не такова была мысль Аксакова. Точкой отправленія новому закону,—читаемъ мы дальше,—„служить еще уложеніе царя Алексѣя Михайловича, ибо Петръ Великій не сдѣлалъ почти никакого преобразования въ уголовныхъ законахъ, да и не нужно было ему; царь Алексѣй совѣтуетъ всегда *нещадно бить*, и сынъ любилъ отцовскіе совѣты“. Это ироническое замѣчаніе даетъ намъ право думать, что „гуманное направленіе“, хотя бы оно и шло съ Запада, цѣнилось Аксаковымъ выше не-гуманнаго, завѣщаннаго Востокомъ.

Проведя годъ въ Калугѣ, Аксаковъ приходитъ въ самому безотрадному взгляду на государственную службу; онъ называетъ ее „дѣятельностью подлога свойства, имѣющею вліяніе на душу и умъ человѣка“ (I, 382). Разстаться съ нею онъ не рѣшается только потому, что „какая-нибудь дѣятельность нужна человѣку, а у насъ въ Россіи нѣтъ другой дѣятельности, кромѣ служебной. Изданіе журнала почти невозможно, говорить—страшно, писать стихи—не дѣятельность, а занятіе случайное, временное. Сидячій трудъ, кабинетный, какъ дѣлаютъ нѣмцы, работающіе по двадцати лѣтъ надъ изысканіемъ смысла какихъ-нибудь крючковъ—намъ невозможенъ; нужна болѣе живая, общественная дѣятельность. Поэтому-то пугаетъ меня, привыкшаго къ дѣятельности служебной, хотя и подлой, при выходѣ въ отставку отсутствіе всякой дѣятельности“. Въ такомъ настроеніи Аксаковъ остается до самаго конца своей службы. Онъ ищетъ новыхъ мѣстъ, новыхъ занятій, но не хочетъ бросить службу, все больше и больше только понимая ее по своему. Когда онъ, въ 1848 г., покидаетъ сенатъ, ему предлагаютъ мѣсто начальника продовольственнаго отдѣленія хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, соблазняя его матеріальными выгодами, возможностью командировокъ, близостью повышенія; онъ, не колеблясь, отвергаетъ это предложеніе. „Какъ засядешь на мѣстѣ,—пишетъ онъ (II, 109),—такъ трудно будетъ вырваться; я не хочу канцелярской работы и ежедневнаго посѣщенія департамента, не хочу связывать себя неразрывно съ Петербургомъ“. Столь же мало привлекаетъ его мысль о поселеніи въ провинціи. „Вы пишете о мѣстѣ вице-губернатора въ Калугѣ,—говоритъ онъ отцу

въ мѣѣ 1850 г. (II, 319).—Не только въ Калугѣ, но и нигдѣ не хочу я имѣть себѣ постоянного, прочнаго мѣста; и за сорокъ тысячъ жалованья не соглашусь упрочиться или поселиться въ какой-нибудь провинціи. Путешествовать по провинціямъ можно и должно, но жить въ нихъ—невыносимо одному“. Чтобы вполне понять эти слова, необходимо познакомиться, изъ писемъ Аксакова, съ провинціальными чиновниками и провинціальнымъ обществомъ. Предсѣдатель калужской уголовной палаты, т.-е. непосредственный начальникъ Аксакова, „ограниченъ, дѣло смыслить плохо, но довольно оборотливъ, картежникъ, составилъ себѣ состояніе женитьбой“. Вице-губернаторъ „со всякимъ за-панибрата, безъ разбора со всѣми играетъ въ карты, пустомелить и не чувствуетъ потребности въ другомъ обществѣ“. Жандармскій штабъ-офицеръ—„мошенникъ и мерзавецъ“. Губернаторъ лучше другихъ, но и онъ окружаетъ себя людьми „самой скверной репутаціи“ (I, 235, 242, 260). Побывавъ на дворянскомъ балу, Аксаковъ замѣчаетъ: „особеннаго ничего не было; все тѣ же фигуранты, тѣ же шуты и мошенники“ (I, 252). „Городъ ничѣмъ не интересуется, ничего не читаетъ, а если читаетъ, такъ только Вѣчнаго Жида въ русскомъ переводѣ“ (I, 274). Ярославль оказывается не лучше Калуги. „Удивительное свойство большей части губернскихъ городовъ,—пишетъ Аксаковъ въ 1849 г. (II, 171):—это совершеннѣйшая пошлость, ничтожность людей. Ярославскій beau monde—это самое жалкое и ничтожное общество; страшная претензія на bon genre, роскошь непозволительная, читаютъ вздоръ, живутъ заемною жизнью столичныхъ обществъ“. „Мнѣ гораздо покойнѣе жить въ уѣздномъ городѣ, гдѣ нѣтъ никакого общества (въ нашемъ, дворянскомъ смыслѣ). Надобно признаться, что положеніе мое въ губернскомъ городѣ непріятно. Общество знаетъ, что я подѣ надзоромъ полиціи¹⁾. Еслибы я былъ отданъ подѣ надзоръ за шулерство въ картахъ или тому подобное, то меня приняли бы съ распростертыми объятіями, а теперь отдать меня подѣ надзоръ полиціи въ губерніи, безъ извѣстной для нихъ причины—значить отдать меня подѣ надзоръ всего общества“ (II, 183). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, впрочемъ, уѣздные города ничуть не лучше губернскихъ. Скверно тамъ, и тутъ то, что „всякій другъ про друга знаетъ, что онъ беретъ, и считаетъ это дѣло весьма естественнымъ. Всѣ берутъ, нѣтъ другого общества, и по неволѣ дѣлаешься снисходитель-

¹⁾ Аксаковъ состоялъ подѣ полицейскимъ надзоромъ со времени его ареста, о которомъ мы скажемъ ниже.

нымъ, говоря, что этотъ беретъ не такъ, какъ тотъ, легче и т. п. А по настоящему никому изъ нихъ и руки подать нельзя!“ Былъ въ Рыбинскѣ одинъ честный человѣкъ, городничій Дѣевъ; „зато онъ извѣстенъ былъ какъ нѣкое чудовищное исключеніе, неслыханное диво и дрянной городничій“ (II, 215). Въ Мологѣ „городничій воръ и взяточникъ, жена его—взяточница, исправникъ—еще больше воръ, жена его распоряжается уѣздомъ какъ своею деревней. Окружной, лѣсничій, начальникъ инвалидной команды, почтмейстеръ, стряпчій, секретарь и ихъ жены—все это воры, переборы, и все это общество чиновниковъ живетъ съ претензіями на большую ногу и даетъ балы и вечера на взяточные деньги“. Здѣсь нѣтъ даже ничего похожего на знаменитую оговорку Собакевича относительно прокурора. „Я часто думалъ,—восклицаетъ Аксаковъ,—могъ ли бы я ужиться въ какомъ-нибудь уѣздномъ городкѣ... Нѣтъ! прервать сношенія съ движущимися, стремящимися, волнующимися невозможно человеку умствующему... Какъ-то на этой недѣлѣ, придумывая разные проееты и убѣждаясь въ невозможности довѣриться русскимъ чиновникамъ, я невольно воскликнулъ: Господи, что это за подлая русская натура! Какое въ этомъ выраженіи, но подумайте, отчего у насъ столько взяточниковъ! Вѣдь смѣшно объяснять это древнимъ обыкновеніемъ; служилый народъ не живетъ инстинктивною жизнью и очень хорошо понимаетъ, что взятка—взятка, что и благодарности за исполненіе своего долга брать не слѣдуетъ“.

Другая причина, заставлявшая Аксакова предпочитать провинціальной (и даже столичной) оскѣлости кочующую жизнь чиновника особыхъ порученій, заключалась въ своеобразномъ его взглядѣ на служебныя обязанности. Сознавая глубокое противорѣчіе между требованіями тогдашней службы и его задушевными убѣжденіями, онъ желалъ такихъ занятій, которыя сводились бы преимущественно къ изученію тѣхъ или другихъ сторонъ русскаго быта и освобождали бы его, по возможности, отъ исполненія начальническихъ приказаній. Плохо вѣря—или, лучше сказать, вовсе не вѣря—въ пользу регламентаціи, идущей отъ тогдашнихъ административныхъ властей, онъ готовъ принять на себя трудную работу, лишь бы только она давала ему возможность пассивнаго противодѣйствія этой регламентаціи. Министерство внутреннихъ дѣлъ,—пишетъ онъ въ началѣ 1849 г. (II, 102-3),—признаетъ необходимымъ изучить положеніе ремесленной промышленности въ городахъ и деревняхъ. „У затѣвающихъ это дѣло сидитъ мысль подчинить сельскую ремесленность какому-нибудь устройству, вмѣшавъ въ нее участіе правительства, значить—испортить все. Но

если я вмѣшаюсь туда съ своимъ взглядомъ, такъ могу ее сколько-нибудь предохранить и приобрести драгоцѣнные факты. Къ тому же эта работа года на два, въ теченіе коихъ зудъ проектовъ можетъ у нихъ уняться“. Въмѣсто работы надъ сельской промышленностью, на Асакова возлагается другая, въ томъ же родѣ: изслѣдованіе городского хозяйства въ ярославской губерніи. И за нее онъ берется, главнымъ образомъ, какъ за средство знакомства съ народной жизнью. „Признаюсь,—говоритъ онъ (II, 139),—я не имѣю много сочувствія своему порученію, за которымъ много хлопотни; я не убѣжденъ ни въ необходимости, ни въ пользѣ предпринимаемаго труда и имѣю въ виду только пользу отъ познаній, которыми предстоитъ мнѣ обогатиться отъ изученія еще одного кусочка Россіи. Сдѣлайте одолженіе, похлопочите, чтобы Хомяковъ, Соловьевъ и пр. приготовили запросы относительно городской общины, такіе, отвѣтъ на которые можно будетъ выкопать въ живой жизни“. Годъ спустя онъ упоминаетъ о намѣреніи своемъ „написать, по окончаніи порученія, большую записку или статью о современномъ положеніи и значеніи городскихъ общинъ въ Россіи и ихъ отношеніяхъ къ правительству“ (II, 332). Посланный еще раньше въ Бессарабію съ секретнымъ порученіемъ (по части раскола), къ которому, для прикрытія, присоединена была ревизія еврейскихъ школъ и хлѣбныхъ магазиновъ, онъ занимается этой ревизіей такъ же усердно, какъ еслибы она была настоящей цѣлью его командировки, потому что видитъ въ ней возможность проникнуть въ мало извѣстные ему, до тѣхъ поръ, уголки общественнаго быта.

Что же встрѣчаетъ Асаконъ вездѣ и всегда, на всѣхъ дорогахъ, открываемыхъ для него разнообразными служебными порученіями? Фальшь, беззаконія, застой, внутреннюю гнилость. „Магазины (въ Бессарабіи) полны хлѣбомъ, и хлѣбъ кушаютъ не люди, а мыши! Ссуды хотя и дозволены, но производятся съ такими затрудненіями мѣстнымъ начальствомъ, боящимся новой недомысли, что не приносятъ никакой пользы“ (II, 63—64). Въ посадѣ Вилковѣ (на берегу Дуная) Асаконъ находитъ раскольническое населеніе, живущее рыбной ловлей. Подъ турецкимъ владычествомъ вилковцы отдѣлялись отъ паши однообразною податью, имѣли попу и были свободны. Хорошо было имъ и въ первое время послѣ присоединенія. Потомъ уничтожили церкви, отняли колокола; рѣку отдали на откупъ, запретили ловить рыбу иначе, какъ въ пользу откупщика. Вилковцы предложили взять принадлежавшія имъ пять тысячъ десятинъ земли, лишь бы только имъ возвратили рыбныя ловли. Землю взяли, а водѣ не отдали. Нача-

лось дѣло, въ моментъ проѣзда Аксакова еще не оконченное и державшее вилковцевъ въ постоянной готовности бѣжать за границу (II, 86—87). Немного утѣшительнаго представили Аксакову и городскіе порядки въ ярославской губерніи. Городскіе обыватели имѣютъ право собираться для рѣшенія общественныхъ дѣлъ, но уклоняются отъ пользованія этимъ правомъ; чтобы заставить ихъ явиться въ собраніе, нужно иногда пригрозить имъ штрафомъ. „Ты скажешь, Константинъ,—говоритъ Аксаковъ, обращаясь къ брату (II, 247),—что это равнодушіе святое, проистекающее отъ высокихъ причинъ¹⁾; на дѣлѣ же потому, что тяжело бросить лавку и пропустить покупщика, лишиться полтины, гривны“. Въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ въ Угличѣ не было ни одного головы, „который бы умѣлъ заслужить нравственное довѣріе: вездѣ происки, мелкіе, глупые, корыстолюбивые. Видѣть это въ племени канцелярскомъ еще не оскорбительно, но въ купцахъ, совершенно обеспеченныхъ въ жизни, выбираемыхъ обществомъ—чрезвычайно отвратительно“ (II, 252). Въ Норскомъ посадѣ (близъ Ярославля) существовалъ издавна такой порядокъ, что въ официальные смѣты вносились только половина посадскихъ доходовъ, а другая половина расходовалась ратушей негласно, съ отчетомъ только передъ посадскимъ обществомъ. Это послужило источникомъ злоупотребленій, заставившихъ общество обжаловать дѣйствія своихъ представителей—и раскрыть, тѣмъ самымъ, хитрую механику, придуманную въ ущербъ казенному надзору. Въ домашнихъ счетныхъ тетрадахъ, предъявленныхъ Аксакову, оказались записанными, между прочимъ, слѣдующіе расходы: на поздравленіе съ днемъ ангела правителя канцеляріи губернатора, исправника и многихъ другихъ; на поздравленіе ихъ съ новымъ годомъ и съ Пасхой; на табакъ и водку приѣзжающимъ чиновникамъ и т. п. „Общество,—пишетъ Аксаковъ (II, 314),—не отвергаетъ правильности и необходимости этого красиваго расхода, но говоритъ, что въ прежніе годы расходовалось на это гораздо меньше, и предполагаетъ, что половину этихъ расходовъ (посадскія выборныя власти) выказали ложно и взяли себѣ. Мнѣ всегда непріятнѣе видѣть мошенника-общественнаго человѣка, нежели мошенника-чиновника. Можно извинить (!) кражу у казны и вообще изъ суммъ, носящихъ на себѣ характеръ казенный, но вѣдь этимъ деньгамъ давали значеніе не казенное, а общественное“... Таково *сословное* городское самоуправ-

¹⁾ К. Аксаковъ готовъ былъ, повидимому, объяснить неисправное посѣщеніе общественныхъ собраній нерасположеніемъ русскаго человѣка ко всему официальному, формальному, совершаемому по требованію и подъ контролемъ власти.

леніе, за которое въ концѣ своей жизни, забывъ впечатлѣнія молодости, стоялъ Аксаковъ. Оно находилось преимущественно въ рукахъ купцовъ, а купеческій бытъ, общественный и домашній, обрисовывается Аксаковымъ въ самомъ печальномъ свѣтѣ. „Въ Рыбинскѣ общество не склонно ни на нанія пожертвованія. Въ этомъ городѣ, гдѣ только гнѣвный не богатѣетъ, ни одного благотворительнаго учрежденія! Ни одинъ богатъ не пожертвовалъ денегъ—хоть на украшеніе города; эти богачи такъ жадны къ деньгамъ, что дорожатъ каждымъ грошемъ“ (II, 200)... Купеческія бороды „весьма спѣсивы, чванлы, честолюбивы. Согласно древле-русскому направленію, презирая западное чувство чести, онѣ оставили себѣ на долю страхъ Божій. А такъ какъ Богъ—далеко, да и обряды и посты облегчаютъ трудъ вѣры для слабой человѣческой натуры, то эти бороды, строго несутъ соблюдающія—подлецы страннѣе. Богъ знаетъ, какъ это они въ душѣ соглашались барышъ торговый съ требованіями ученія Христа“ (II, 193)... „Нравственность у купцовъ—безъ борьбы, вѣра—безъ сомнѣній, жизнь—безъ стремленій. Нельзя себѣ представить, до какого страшнаго деспотизма доходитъ власть отца въ купеческомъ быту—и не только отца, но вообще старшаго въ семьѣ! Имъ болѣею частью и не приходится въ голову, чтобы у младшихъ могли быть свои хотѣнія и взгляды, а младшимъ не приходится въ голову и мысль о возможности сопротивленія“ (II, 325). Не узнаемъ ли мы въ этихъ словахъ аналогичную картину—картину „Темнаго Царства“, изображеннаго Островскимъ и объясненнаго Добролюбовымъ?

И въ Бессарабіи, и въ ярославской губерніи Аксаковъ имѣлъ, между прочимъ, порученія, относившіяся къ расколу; въ послѣднее время бытности въ Ярославлѣ онъ состоялъ членомъ слѣдственной комиссіи, учрежденной по случаю обнаруженія новой секты (такъ-называемыхъ странниковъ или бѣгуновъ). Нельзя сказать, чтобы онъ подошелъ къ расколу безъ предвзвѣтой мысли. При первомъ соприкосновеніи съ нимъ, въ Бендерахъ, онъ высказывается о немъ слѣдующимъ образомъ (II, 29): „Большая часть сектантовъ придерживается ученія, не понимая его, изъ одного упорства, изъ болѣе довѣренности къ авторитету своихъ собратій, нежели къ авторитету православной церкви, принявшему официальный, правительственный характеръ. Откидывая простой путь религіознаго умиленія, предлагаемый обрядами нашей церкви, они не могутъ однако же довольствоваться холоднымъ вѣрованіемъ, и впадаютъ не только въ мистицизмъ, но въ другую, скверную крайность: производятъ въ себѣ религіозные восторги

физическими средствами, приходят въ изступленіе, которое доводятъ до отвратительнѣйшаго разврата... Бываютъ шалости у дѣтей, за которыя, безъ дальнѣйшихъ околичностей, право, всего полезнѣе и спасительнѣе посѣть. Признаться, приходятъ то же въ голову, когда смотришь и на нѣкоторыя эти продѣлки! Тѣмъ болѣе, что большая часть не понимаетъ въ чемъ дѣло. Я видѣлъ въ здѣшнемъ острогѣ одну бабу, довольно скверной наружности, молоканку. Кажется, можно поручиться за нее, что отвлеченность молоканскаго ученія ей недоступна". Болѣе легкомысленныхъ разсужденій не найдется во всей перепискѣ Аксакова; здѣсь есть и внутреннее противорѣчіе (расколъ приписывается *одному упорству*—и вмѣстѣ съ тѣмъ приводится весьма серьезная его причина), и незнаніе (иначе мы не можемъ объяснить сопоставленіе молоканства съ сектами, прибѣгающими къ "физическимъ средствамъ"), и оправданіе насилія въ дѣлахъ вѣры. Приглядѣвшись поближе къ положенію раскольниковъ и раскола, Аксаковъ начинаетъ говорить нѣсколько инымъ тономъ. "Напрасно думаетъ правительство; — пишетъ онъ изъ Сорокъ (II, 62—63), — отнимая поповъ у поповщинской секты, обратитъ ихъ въ соединенію съ православною церковью"... "Я не могу, — говоритъ онъ въ письмѣ изъ Кишинева, — сочувствовать гоненіямъ, возбужденнымъ министерствомъ; я вижу, что они не только не принесли пользы, а, напротивъ, сдѣлали ужаснѣйшій вредъ и посѣяли непримиримую вражду къ православію" (II, 74). Приступивъ къ изслѣдованію раскола въ ярославской губерніи, Аксаковъ сравниваетъ тамошнихъ раскольниковъ съ бессарабскими и усматриваетъ между ними то различіе, что первые, оставаясь раскольниками, часто вѣнчаются и крестятъ дѣтей въ православной церкви; замѣтно также, что они поддаются вліянію цивилизаціи, въ самомъ пошломъ ея видѣ (II, 177). "Въ московскомъ расколѣ, — восклицаетъ онъ (II, 184), — есть еще что-то почтенное; рижскій расколъ безстыдно откровененъ, а здѣшний подлѣ въ высшей степени; ни одинъ не признается, что онъ раскольникъ; всѣ притворяются до такой степени, что иной можетъ ошибиться и почесть ихъ самыми усердными православными. Но такой расколъ все же слабѣе прочихъ. Притворство есть уже уступка, и мой планъ — заставить ихъ занутаться въ своемъ собственномъ двоедушіи до такой степени, что расколъ для дѣтей ихъ сдѣлается рѣшительно невозможнымъ... Расколъ, постигнувшій на единство церкви, самъ по себѣ не устоитъ противъ соблазновъ, но, лишившись характера религіознаго, онъ сохранитъ въ себѣ привычку и вкусъ отдѣльнаго протеста, разрыва съ прочею Русью".

Шатаніе мысли здѣсь такъ замѣтно, что едва ли требуетъ особаго подчеркиванья. Если притворство равносильно „подлости“, то неужели позволительно поощрять его? Если элементъ протеста въ расколѣ переживетъ религіозный его характеръ, то къ чему принимать мѣры противъ послѣдняго?.. Какъ бы то ни было, „планъ“ Аксакова не остается на бумагѣ, а осуществляется, по крайней мѣрѣ отчасти, на самомъ дѣлѣ. Письмо, въ которомъ въ первый разъ упоминается о „планѣ“, помѣчено 17-мъ іюня 1849 г., а 23-го іюля Аксаковъ пишетъ о „затѣянной имъ съ однимъ священникомъ и отчасти при содѣйствіи губернатора операціи, безо всякаго вмѣшательства полиціи и видимаго участія должностныхъ лицъ“ (II, 203). 6-го августа онъ увѣдомляетъ о благополучномъ окончаніи этой „операціи“ (II, 208), сущность которой, какъ видно изъ письма отъ 13-го августа (II, 212), заключалась „въ присоединеніи цѣлаго раскольничьяго города Романова-Борисоглѣбска къ православію, посредствомъ собственнаго ихъ о томъ прошенія“. „Простѣе сказать,—поясняетъ Аксаковъ,—это новыя пути, которыми самъ себя улавливаетъ подлый здѣшній расколъ; мѣра дипломатическая, правительственная, но уже оказывающая благотѣльные послѣдствія и теперь. Чтобы понять это все, надобно взвѣсить всѣ мѣстныя, даже случайныя обстоятельства, которыми мы съумѣли воспользоваться. Эта мѣра-- совершенный сюрпризъ министерству; не знаю, одобрить ли оно ее, и бѣшусь, что не получаю оттуда никакого свѣденія“. Почти годъ спустя, въ маѣ 1850 г., Аксаковъ пишетъ изъ Романова-Борисоглѣбска: „съ удовольствіемъ узналъ я здѣсь про добрыя послѣдствія принятой въ прошломъ году мѣры относительно раскольниковъ: полнѣе стали православныя церкви, а великимъ постомъ многіе изъ закоренѣлыхъ исповѣдывались и причащались. Были такіе случаи, что причастившійся умилялся и растрогивался такъ, что бросался потомъ въ ноги священнику и благодарилъ его за то, что принятою мѣрою втокнули его, такъ сказать, въ церковь и заставили удостоиться благодати“ (II, 316). И это пишетъ тотъ самый человѣкъ, который говорилъ, за годъ передъ тѣмъ: „*всѣ притѣо-ряются до такой степени, что иной можетъ ошибиться и почесть ихъ самыми усердными православными!*“ Кто впадаетъ въ ошибку, сигнализированную имъ самимъ, про того нельзя даже воскликнуть: о sancta simplicitas! „Многимъ,—продолжаетъ Аксаковъ,—тяжело было рѣшиться; надобно было заставить ихъ *рѣшиться*. Разумѣется, еще многіе только по вѣншности принадлежать къ православію, но все же они стали ближе къ церкви, безъ посредствующаго единовѣрія, упрочивающаго и узаконяю-

щаго расколъ и раздѣленіе“ ¹⁾). Чѣмъ все это отличается отъ католической формулы: *compelle intrare?*.. Понятно, что Аксакову не понравилось намѣреніе министерства внутреннихъ дѣлъ привести въ ясность *настоящее* число раскольниковъ. „Вѣрныхъ свѣденій по этому предмету, — пишетъ Аксаковъ въ августѣ 1850 г. (II, 336), — имѣть невозможно, если не употреблять въ дѣло вовсе официальныхъ путей, а министръ хочетъ, чтобы это было секретно отъ губернатора. Да и самый вопросъ этотъ не такъ важенъ; есть много скрытныхъ и двоедушныхъ раскольниковъ, которые числятся православными; важнѣе всего общее значеніе и характеръ раскола. Слѣдовательно, я отказываюсь“ (отъ порученія, которое хотѣли возложить именно на него). Не подлежитъ сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ ошибался не министръ, а Аксаковъ. Нельзя составить себѣ понятія объ истинномъ *значеніи* раскола, не зная его распространенности; нельзя опредѣлить его распространенность, прибѣгая исключительно или преимущественно къ „официальнымъ путямъ“. Приняться за предложенную работу Аксакову было неудобно просто потому, что ему пришлось бы показать раскольниками большую часть „обращенныхъ“ его трудами романово-борисоглѣбцевъ...

За принужденіе по отношенію къ раскольникамъ Аксаковъ подаетъ голосъ неоднократно. „Я убѣдился опытомъ, — пишетъ онъ въ іюлѣ 1849 г. (II, 203), — что строгость съ одной стороны, безъ грубаго насилія, и страхъ съ другой — во многихъ мѣстахъ очень полезны. При этомъ только надобно взвѣшивать силу убѣжденія. Бываютъ такого рода слабые люди, которые ждутъ толчка, побужденія, которые рады, если правительство придетъ къ нимъ на помощь. Разумѣется, тутъ вся мудрость состоитъ въ томъ, чтобы принужденіе не переходило границъ, ибо тогда оно и слабые характеры превратитъ въ твердые. Разумѣется также, мѣры, съ успѣхомъ употребленныя въ ярославской губерніи, ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть употреблены въ Бессарабіи, гдѣ и характеры другіе, и мѣстность опасная“. Можно ли представить себѣ что-либо болѣе печальное, чѣмъ эта „мудрость“, рекомендующая насиліе, но только при отсутствіи противодѣйствія, и приспособляющая „мѣры“ къ „характерамъ“, „твердость“ или „слабость“ которыхъ должна быть предварительно опредѣлена полицейскою властью? „Недавно, — пишетъ Аксаковъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя (II, 244), — Выжилова (одного изъ главныхъ

¹⁾ Путь единовѣрія Аксаковъ высказывается нѣсколько разъ (II, 185, 199) и послалъ въ этомъ смыслѣ записку министру внутреннихъ дѣлъ.

углическихъ раскольниковъ) вѣлѣно посадить въ тюрьму, за постройку молельни безъ разрѣшенія правительства. По моему мнѣнію, его уже лучше было бы просто переселить за Кавказъ. Здѣсь же исполненіе этой временной мѣры придастъ ему болѣе святости въ глазахъ раскольниковъ. Дальше онъ замѣчаетъ, что двое Выжиловыхъ и Долговъ „составляютъ исключеніе изъ общаго характера раскола ярославской губерніи, раскола подлаго, трусливаго, двоедушнаго; они же явно и дерзко исповѣдуютъ свои заблужденія“. Итакъ, для „слабыхъ характеровъ“ — „толчонъ“, заставляющій присоединиться въ церкви, для „твердыхъ“ — ссылка за Кавказъ; вотъ программа, вытекающая изъ словъ Аксакова. Она производить тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, что рука объ руку съ нею идетъ далеко не оптимистическій взглядъ на тогдашнее православное духовенство. Еслибы священники, — говоритъ Аксаковъ въ томъ самомъ письмѣ, въ которомъ уведомляетъ объ успѣхѣхъ романово-борисоглѣбовской „операци“ (II, 208—209), поступали всегда такъ, „какъ предписываетъ имъ должность, такъ расколъ въ десять разъ былъ бы слабѣе; а они, напротивъ, такъ равнодушны къ религіознымъ убѣжденіямъ, что обращаютъ вниманіе не на качество, а на количество пастырь“ (въ томъ же самомъ духѣ, однако, дѣйствовалъ и Аксаковъ, когда предпринималъ и довелъ до конца только что упомянутую „операци“).

„Я пишу борисоглѣбовскому протопопу, говорю ему, что теперь, когда уже мы связали раскольниковъ человѣческими узами, необходимо дѣйствовать на нихъ постоянно духовнымъ убѣжденіемъ, чтобы они наложили на себя и духовныя узы. Я, съ своей стороны, сдѣлалъ свое дѣло, исполнилъ то, что приходилось на долю правительственной мудрости (1), но съ досадою и грустью вижу, что оно не поддерживается нравственною, духовною, теплою силою“. Въ другихъ письмахъ Аксаковъ выражается еще сильнѣе. „Церковь наша и все духовенство, — пишетъ онъ въ январѣ 1850 г. (II, 273), — поладили съ современностью, заслонили истину или, яснѣе, такъ обмотали евангельскія истины своею обрядовою, административно-полицейскою стороною, что не всякій въ состояніи отдѣлать ее“. „Я убѣдился, — читаемъ мы въ письмѣ отъ 30 октября того же года (II, 357), — что пропаганда раскола становится все сильнѣе и сильнѣе. Право, Россія скоро раздѣлится на двѣ половины: православіе будетъ на сторонѣ царя, правительства, невѣрующаго дворянства и отвращающаго отъ астрій духовенства, а всѣ прочіе обратятся къ расколу. Берущіе взятку будутъ православные, дающіе взятку — раскольники“. Не странно

ли такіа рѣчи въ устахъ лица, нѣсколькими мѣсяцами раньше гордившагося успѣхомъ романово-борисоглѣбской „операциі“?

Гораздо болѣе отрадное впечатлѣніе производить, въ письмахъ Аксакова, все относящееся къ крѣпостному праву. Сначала о немъ не упоминается вовсе; сомнѣнія въ его законности у молодого Аксакова, повидимому, еще не зарождались. Онъ радуется вѣсти о покаяніи его родителями новаго населеннаго имѣнія (I, 166) и высказываетъ наивную надежду, что правднство, данное крестьянамъ этого имѣнія, сблизитъ ихъ съ помѣщиками (I, 173). Первую встрѣчку противъ рабства мы встрѣчаемъ только въ письмѣ отъ 30 ноября 1846 г., изъ Калуги (I, 399). „Оркестръ былъ очень хорошъ, — говоритъ Аксаковъ, описывая какой-то концертъ, — но я не могъ имъ восхищаться, зная, что это оркестръ богатаго барина изъ крѣпостныхъ музыкантовъ, который сбьетъ ихъ немилосердно“. Два года спустя, въ Бессарабіи, онъ имѣетъ случай познакомиться поближе съ положеніемъ крестьянъ и убѣждается въ томъ, что бессарабскіе помѣщики, болѣею частью, „величайшіе своты“ (II, 47). „Здѣсь дѣлаются неслыханныя злоупотребленія“, пишетъ онъ нѣсколькими днями позже (II, 58): „какіе однако же своты эти помѣщики, да и не только въ Бессарабіи, и у насъ въ Россіи!“ Онъ горячо возстаетъ противъ тѣхъ рабовладѣльцевъ, которые слишкомъ легко заглушаютъ въ себѣ укоры совѣсти, и восклицаетъ: „свидѣтель Богъ, что у меня не будетъ крѣпостныхъ“ (II, 73—74). Онъ возвращается къ той же мысли въ письмѣ изъ Петербурга (въ февралѣ 1849 г.), по поводу покупки имѣнія однимъ изъ его братьевъ. „Что бы ни говорили, а искусительныя выгоды помѣщичьяго званія нарушаютъ чистоту взгляда на крестьянъ; жѣпаютъ дѣйствовать. Я держусь того мнѣнія, что помѣщики непремѣнно должны повести правильный убытокъ при эмансипаціи крестьянъ, за то, что дѣлныя столѣтія пользовались безобразными правами надъ собственностью и лицомъ крестьянъ. Душа моя говоритъ мнѣ, что крестьянинъ, обрабатывающій землю, крестьянинъ, для котораго она единственная мать и кормилица, болѣе меня имѣетъ на нее правъ. И странно какъ-то въ настоящее время пріобрѣтать помѣстья! Одинъ братъ дѣлается помѣщикомъ, другой изъ всѣхъ силъ будетъ хлопотать лишить его многихъ помѣщичьихъ выгодъ!.. Дѣло эмансипаціи должно быть впереди всѣхъ другихъ. Безъ него едва ли прочія возможны... Я хочу писать въ родѣ того, какъ существуютъ *Beautés de l'histoire romaine, grecque* — *beautés* изъ исторіи помѣщичьяго быта, гдѣ изложить всѣ ужасные случаи помѣщичьей власти, знакомые мнѣ и другимъ по уголовнымъ дѣламъ“ (II,

108—109). О брошюрѣ нѣкоего Шелехова, написанной въ наивно-крѣпостническомъ духѣ, Аксаковъ выражается такъ (II, 13): „это замѣчательно, какъ безкорыстная подлость подлостей. Авторъ говоритъ, между прочимъ, про Россію, что въ ней законы исполняются какъ святыня, что въ ней крестьяне благоговѣютъ предъ Богомъ и своими господами“. Ярославская командировка еще больше разжигаетъ отвращеніе Аксакова къ крѣпостному праву. Ярославскіе помѣщики оказываются такими же „скотами“, какъ и бессарабскіе (II, 276); онъ упоминаетъ о возмутительныхъ продѣлкахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—напримѣръ графа М., который беретъ съ богатыхъ крестьянъ страшныя деньги за откупъ отъ рекрутства и ставитъ бѣдняковъ (II, 322). Онъ узнаетъ также, что рабовладѣльцами являются, *de facto*, не одни дворяне, но и лица другихъ сословій. „Расторговавшійся казенный мужикъ выкупаетъ у помѣщика нѣсколько крестьянскихъ семействъ на волю, получая, разумѣется, отпускныя въ свои руки; потомъ уже помѣщикъ по купчей крѣпости продаетъ ему земли и усадьбы этихъ крестьянъ, на волю отпущенныхъ; такимъ образомъ мужикъ выходитъ владѣльцемъ земли, на которой поселены и живутъ, быть можетъ нѣсколько вѣковъ, эти крестьяне. Хотя они и свободны, но не имѣютъ уже и того права на землю, которое имѣли при помѣщикѣ; отпускныя не въ ихъ рукахъ, и новый владѣлецъ деретъ съ нихъ безжалостно, чтобы выкупить двойную плату—за нихъ и за землю—помѣщику. Тираннія выходитъ страшная. Или, напримѣръ, пріобрѣтеніе крестьянами на имя помѣщика, но своими деньгами, деревни, которая платитъ имъ оброкъ и ставитъ за нихъ рекрутовъ при всякомъ наборѣ!“ Съ однимъ изъ такихъ злоупотребленій Аксаковъ столкнулся лично. Хозяинъ квартиры, отведенной Аксакову въ Романовѣ-Борисоглебскѣ—купецъ-раскольникъ—имѣлъ въ услуженіи „дѣвку“, выкупленную его отцомъ у помѣщика за двѣсти рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы она эти деньги „зажила“ у нихъ въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, т.-е. по двадцати рублей въ годъ. „Заключить такое условіе,—говоритъ Аксаковъ (II, 187),—уже показываетъ свинство въ душѣ, потому что хоть они и ссылаются на добровольное согласіе, да вѣдь это согласіе дается еще въ крѣпостномъ состояніи, и глупая дѣвка не можетъ и понять тогда ужасной долготы десятилѣтней кабалы“. Аксаковъ вступился за обиженную и убѣдилъ хозяевъ—или, лучше сказать, принудилъ ихъ, пригрозивъ жалобой—отпустить „дѣвку“, обязавшуюся, съ своей стороны, уплатить незажитыя деньги. Впослѣдствіи оказалось, что старикъ-купецъ, умирая, словесно завѣщалъ со-

вратить срокъ кабалы съ десяти лѣтъ на семь, — но завѣщаніе это такъ и осталось бы неисполненнымъ, еслибы не вмѣшательство Аксакова. Предсмертныя слова купца—воскликаетъ Аксаковъ — „носить на себѣ особенный характеръ купеческаго раскаянія: вмѣсто 20 рублей—28 рублей съ небольшими!“ Чрезвычайно характеристиченъ отвѣтъ Сергѣя Тимофеевича на письмо сына, содержавшее въ себѣ рассказъ объ этомъ дѣлѣ. „Разумѣется, — пишетъ отецъ (II, 188), — ты поступилъ какъ слѣдуетъ; я точно то же бы сдѣлалъ на твоёмъ мѣстѣ; но я не ручаюсь, чтобы о твоёмъ поступкѣ, перетолковавъ его веривъ и вѣось, не узнала вся пріятная губернія, и не было донесено обѣими полиціями своимъ начальствамъ. Впрочемъ на это смотрѣть нечего“... А вотъ чтó приходилось Аксакову видѣть помимо службы. У него былъ слуга, Аванасій, принадлежавшій нѣкому господину Татаринову и откупившійся отъ него на волю. По просьбѣ Аванасія, Аксаковъ поручаетъ отцу узнать у Татаринова, куда онъ дѣлалъ мать Аванасія? „Насильно выдавъ ее, уже вдову, за своего крѣпостного, онъ продалъ ее сначала вмѣстѣ съ дѣтьми отъ перваго мужа какому-то купцу; потомъ, когда купецъ, испугавшись штрафа, которому за это подвергался, возвратилъ ее Татаринову, то сей господинъ, разлучивъ ее съ дѣтьми, продалъ кому-то и куда-то такъ далеко, что дѣти ея до сихъ поръ не знаютъ, чтó съ ней случилось и гдѣ она“ (II, 282). Не удивительно, въ виду подобныхъ фактовъ, слѣдующее мѣсто въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ Аксакова (II, 344): „познакомившись хорошо съ слѣдственной частью, я далъ себѣ зарокъ впредь ею никогда не заниматься, *исключая развѣ долгъ о притѣсненіяхъ со стороны помѣщиковъ*“. Но удивительно вотъ что: теперь, по прошествіи двадцати-восьми лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ, находятся лица, въ которыхъ негодующіе порывы Аксакова возбуждаютъ только насмѣшливую улыбку. „Новые дѣятели, группировавшіеся въ канцеляріяхъ или около канцелярій министерства внутреннихъ дѣлъ, — читаемъ мы въ статьѣ одного изъ консервативныхъ журналовъ, посвященной письмамъ Аксакова, — задавались разрѣшеніемъ задачъ, далеко выходившихъ за предѣлы правительственныхъ намѣреній. Среди нихъ особенно сильно было эмансипаторское движеніе. Пользованіе крѣпостнымъ трудомъ въ *принципѣ* признавалось предосудительнымъ, хотя на дѣлѣ имъ пользовались, и притомъ довольно широко. Обличеніе помѣщичьяго произвола, не только въ настоящемъ, но и въ давно прошедшемъ, при помощи официальныхъ документовъ, доступныхъ служащимъ, и составленіе освободительныхъ плановъ стали пріят-

нѣйшими темами любительскихъ работъ". Противъ чего направлено остріе этой тирады? Если противъ „двоевѣрія“, совмѣщающаго теоретическое отрицаніе крѣпостничества съ спокойнымъ пользованіемъ его плодами, то къ Аксакову такое обвиненіе неприимчиво: мы видѣли уже, что онъ не хотѣлъ сдѣлаться помѣщикомъ, хотя и сознавалъ, что „въ Россіи благосостояніе пріобрѣтается помѣщичествомъ“¹⁾. Недоволенъ консервативный критикъ, очевидно, не тѣмъ, что „новые дѣятели“ недостаточно серьезно относились къ „амалинаторскому движенію“, а тѣмъ, что они шли дальше „правительственныхъ намѣреній“, вооружались свѣденіями, пріобрѣтенными ими на службѣ, и составляли „освободительные планы“, вмѣсто того, чтобы писать предложенія и предписанія. Аксаковъ оказывается виновнымъ въ отсутствіи „сдержанности“, въ которой обязывало его служебное положеніе; ему ставится въ упрекъ и отзывъ его о брошюрѣ Шелехова, какъ доказательство того, что онъ „въ то время не допускалъ, по видимому, искренности добрыхъ чувствъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ“. Не знаемъ, переимѣнилось ли въслѣдствіи времени мнѣніе Аксакова по этому вопросу; но что онъ былъ совершенно правъ, когда съ юношескою горячностью вставалъ противъ идеализаціи мнимо-патріархальныхъ отношеній — въ этомъ дѣлѣ насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Такихъ чиновниковъ, каковы былъ Аксаковъ, немного и теперь, — еще меньше, конечно, ихъ было сорокъ лѣтъ тому назадъ. Онъ вносилъ во всякое дѣло всю горячность своей натуры, старался проникнуть въ самую его суть, пренебрегая формальностями, не очень-то заботясь о поддержаніи согласія съ властью имѣющими лицами и объ одобреніи начальства. „Записка (о едновѣріи), — пишетъ онъ въ 1849 г., — написана очень рѣзко и противорѣчитъ нѣсколько взглядамъ министра“ (II, 199). „Я выполню свое порученіе, — читаемъ мы въ другомъ письмѣ (II, 282), — во многихъ отношеніяхъ хуже самыхъ посредственныхъ, — зато я разберу дѣло и съ тавинъ сторонъ, о которыхъ вѣроятно никому другому изъ чиновниковъ не приходило въ голову. Всѣ исполняли это порученіе (ревизію городовъ) до сихъ поръ чисто въ хозяйственномъ отношеніи, а я изучаю предметъ въ нравственно-политическомъ отношеніи и знаю, что нѣсколько такого содержанія посланнымъ мною въ министерство бумагъ

¹⁾ Изъ проекта письма, которое Аксаковъ, по выходѣ въ отставку, хотѣлъ отправить къ бывшему своему начальнику (II, 408), видно, что онъ тяготился потерей служебнаго положенія; между прочимъ, изъ-за необходимости жить на чужой землѣ, т. е. на счетъ своихъ (отчужденныхъ) крестьянъ.

показались оригинальными и произвели эффект: *Словом, вообще меня не вѣдет казенщиной*“. Въ этихъ послѣднихъ словахъ — разгадка катастрофы, которую, рано или поздно, должна была окончиться — и действительно окончилась — служебная карьера Аксакова. Если даже теперь высказывается мнѣніе, что „Иванъ Сергѣевичъ, въ огражденіе своего *человѣческаго* (курсивъ въ подлинникѣ) достоинства и имъ изобрѣтенной чиновничьей *самостоятельности*, постоянно нарушалъ порядокъ служебной подчиненности въ обряды наружнаго уваженія въ начальству“¹⁾, то него же можно было ожидать отъ тогдашней администраціи, болѣе чѣмъ когда-нибудь находившейся подъ властью „казенщины“?.. Въ самый разгаръ служебныхъ работъ, посвящавшихъ все его время, Аксаковъ получаетъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ концѣ 1850 г., запросъ о томъ, написалъ ли онъ „какое-то стихотвореніе: *Бродяга*, предосудительнаго содержанія, и позволялъ ли онъ себѣ читать его при нѣкоторыхъ лицахъ?“ Исполняя требованіе министра, Аксаковъ посылаетъ ему рукопись „Бродяги“, предупреждая, что она была уже въ виду третьяго отдѣленія (при арестѣ Аксакова, о которомъ рѣчь впереди). Министръ не находитъ въ „Бродягѣ“ „ни предосудительныхъ мыслей, ни сомнительнаго направленія по дѣли“, но замѣчаетъ Аксакову, что „человѣкъ, посвятившій себя службѣ и занятый исполненіемъ важнаго порученія, доверіемъ начальства на него возложеннаго, едва ли можетъ найти, безъ ущерба для службы, довольно свободнаго времени для литературныхъ или другихъ постороннихъ занятій“. Поэтому графъ Перовскій выражаетъ желаніе, чтобы Аксаковъ, „оставаясь на службѣ, прекратилъ авторскіе труды, которые иногда могутъ вести, хотя и въ неосновательнымъ, но все-таки неприятнымъ для автора предположеніямъ“. Глубоко оскорбленный несправедливымъ упрекомъ, Аксаковъ сообщаетъ министру, что не можетъ отказаться отъ литературной дѣятельности. „Не служба, — говоритъ онъ, — терпитъ отъ моихъ литературныхъ занятій, а литературныя занятія, нравственное и умственное образованіе мое принесены въ жертву службѣ. Уморенные, утомительные, непрерывные (служебные) труды лишаютъ меня не только возможности предаваться отдыху, но перѣдко и такова досуга, на который имѣть право даже и поденщикъ“.

¹⁾ Въ доказательство своей мысли критикъ консервативнаго журнала ссылается на письмо Аксакова отъ 28 декабря 1850 г. (II, 366), въ которомъ сказано: „я издалъ поздравить гражданскихъ властей съ рождествомъ высшей власти, т. е. 21 ноября и 6 декабря, но не вижу никакой надобности и смысла поздравлять губернаторовъ съ Рождествомъ Христа“.

Директоръ департамента общихъ дѣлъ сообщаетъ Аксакову, по порученію министра, что тонъ его письма признанъ „совершенно неприличнымъ“, а „возгласы его и жалобы—странными и крайне неумѣстными“. Отвѣтомъ на это сообщеніе является, какъ и слѣдовало ожидать, просьба Аксакова объ отставкѣ. Напрасно Ю. Ѳ. Самаринъ убѣждаетъ Аксакова измѣнить свое рѣшеніе, напрасно Сергѣй Тимофеевичъ намекаетъ сыну, что онъ рискуетъ обязательнымъ, вынужденнымъ продолженіемъ службы гдѣ-нибудь въ глуши, при самыхъ непріятныхъ условіяхъ; Аксаковъ остается непоколебимымъ. „Я усталъ душой и тѣломъ,—пишетъ онъ Самарину (II, 404),—болитъ душа моя отъ постоянныхъ нравственныхъ тисковъ, которымъ я такъ долго подвергался, которымъ я просто, съ какимъ-то отчаяннымъ усердіемъ, шелъ даже навстрѣчу, не ради служебныхъ выгодъ, но ради воображаемой вѣры въ администрацію, ради страстнаго желанія пользы. Лопала и лопаешь эта вѣра на каждомъ шагу, пользы не вижу, кромѣ той мелкой и случайной, которую вездѣ и всюду принести можно и для которой не стоитъ угнетать свою душу... Я не хочу, чтобы отношенія ко мнѣ моего начальства походили на общія казенныя отношенія; я хочу имѣть право на откровенное, живое слово. Во всѣхъ моихъ бумагахъ слышится искренній, а не официально-живой языкъ. Въ этомъ есть что-то для меня утѣшительно-честное, послѣ утомительныхъ, нерѣдко подлыхъ работъ служебныхъ. Я хочу, чтобы мнѣ можно было служить *по моему*: иначе я не могу... Все это вамъ покажется, можетъ быть, смѣшно, дико, незрѣло. А со мною странное совершается: чѣмъ болѣе уходитъ моя молодость, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе во мнѣ потребность говорить словомъ правды, тѣмъ живѣе чувствую я въ себѣ возможность *неблагоразумныхъ, непрактическихъ*, но честныхъ поступковъ“. Ту же самую мысль онъ выражаетъ и въ письмѣ къ отцу (II, 388): „Я знаю, что я съ каждымъ годомъ становлюсь честнѣе, т.-е. по крайней мѣрѣ хочу, чтобы внѣшніе мои поступки были честны, и никакія препятствія для меня не существуютъ, *даже еслибы пришлось пхатъ съ порученіемъ и въ Вятку*. Все это очень просто, и геройство весьма мелкое, даже въ моихъ собственныхъ глазахъ. Вы скажете, что въ этомъ дѣлѣ поводъ ко всѣмъ моимъ поступкамъ былъ пустой; не совсѣмъ. Тутъ я отстаивалъ принципъ домашней, нравственной свободы служащаго, самостоятельность чиновника, служащаго не Перовскому и не правительству, а самому дѣлу“. Казалось бы, что въ наше время не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній объ образѣ дѣйствій Аксакова, вполне естественномъ и симпатичномъ. На

самомъ дѣлѣ мы видимъ не то; въ журнальной статьѣ, о которой мы уже упоминали, отвѣтъ Аксакова на письмо министра признается „прямымъ нарушеніемъ порядка служебной подчиненности“. Къ попыткамъ юноши-чиновника „уложить въ одну рамку понятія о нравственности и служебномъ долгѣ, соединить службу съ изученіемъ родины“ авторъ статьи относится съ явной ироніей. Конечно, свободными отъ наивности ихъ назвать нельзя — но не потому, чтобы Аксаковъ хотѣлъ совмѣстить безусловно-несовмѣстимое, а потому, что онъ забывалъ на время объ условіяхъ и людяхъ, при которыхъ и съ которыми ему приходилось дѣйствовать.

Чрезвычайно яркій свѣтъ на эти условія бросаетъ любопытный эпизодъ, относящійся ко времени служебной дѣятельности Аксакова, но не связанный съ нею непосредственною связью. 21 февраля 1849 г., живя въ Петербургѣ, Аксаковъ пишетъ отцу: „грустно, когда поглядишь вокругъ и увидишь всю безтолковщину и подлость общества. Гнусно и грустно! А между тѣмъ затрудненъ пріемъ въ университеты лицъ низшаго состоянія; всякая честная мысль клеймится названіемъ яacobинства, и торжество стараго порядка вещей въ Европѣ даетъ торжествовать и нашему гнилому обществу. Хоть бы убѣдилось правительство въ мирномъ характерѣ, въ благочестіи нашихъ убѣжденныхъ и нашего направленія“ (II, 111). При этомъ письмѣ Аксаковъ посылаетъ Сергѣю Тимоѣевичу лучшее, быть можетъ, изъ всѣхъ своихъ стихотвореній — „Пусть сгинетъ все“, — въ высшей степени характеристичное для времени, когда оно написано ¹⁾. Черезъ три дня, 24-го февраля, онъ восклицаетъ въ письмѣ къ отцу: „опять покойно заплываетъ жиромъ сердце человѣческое: грустно знать, что страшныя раны, которыя были обнажены 1848-мъ годомъ, остались невылеченными, закрыты снова и преданы забвенію. Разумѣется, старый порядокъ не устоитъ, но простоятъ, можетъ быть, еще долго“. Сергѣй Тимоѣевичъ, отвѣ-

1) Напомнимъ читателямъ самыя выдающіяся мѣста этого стихотворенія, о которомъ мы уже говорили, по другому поводу, въ „Вѣстникѣ Европы“: „Пусть сгинетъ все, къ чему сурово, такъ долго духъ направленъ былъ... Слабѣйте, силы! вы не нужны! Засни ты, духъ! давно пора! Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны во имя правды и добра!.. Весахъ подвиговъ обличенья, безуменъ всякій честный бой!.. Силою злоа стоитъ тверднѣя, царитъ бессмысленная ложь! Лиху же, ложь, и насъ, безумцевъ, урокомъ горькимъ испугуй, клейми прованьемъ вольнодумцевъ, казни, цари и торжествуй!“ По мнѣнію консервативнаго критика, это стихотвореніе — „повальная хула, едва ли оправдываемая даже тѣми ограничительными и стѣснительными мѣрами и тою сдержанностью общественной мысли, которая явилась у насъ послѣ 1848 г. и дѣла петрашевцевъ“.

чалъ сыну, бранить его „за рѣзкость и неточность выраженій“, особенно за то, что онъ „не договариваетъ своихъ мыслей, отчего выходитъ совершенно прерванный смыслъ“. „Еслибы кто-нибудь, — продолжаетъ старикъ Аксаковъ, — не зная тебя и твоего образа мыслей, прочелъ это письмо, то могъ бы заключить, что ты западный европейскій либераль, тогда какъ эта люди для тебя гадки и отвратительны“ (II, 113). Опасеніе, здѣсь высказываемое, не было лишено основаній. Письма Аксакова отъ 21 и 24 февраля, равно какъ и посланные при первомъ изъ нихъ стихи, дошли прямо по назначенію, минуя постороннія руки; но въ этихъ рукахъ побывали другія его письма, что и послужило однимъ изъ поводовъ въ его аресту (18 марта 1849 г.). Онъ былъ привезенъ въ штабъ корпуса жандармовъ и содержался тамъ (въ столовомъ залѣ графа Орлова) четыре дня. Въ вопросенныхъ шпіятахъ, ему предложенныхъ, прежде всего выражается желаніе знать, что именно навлекло на него приведенный выше упрекъ Сергія Тимофеевича. Затѣмъ Аксакову ставится въ вину, что онъ „доводилъ себя помѣщать въ своихъ письмахъ извѣстіе о заключеніи камеръ-юнкера Самарина въ крѣпость и принималъ въ немъ участіе“¹⁾. Его спрашиваютъ, почему онъ „изобразилъ благо челоука предметомъ сочиненія“ (рѣчь идетъ о „Бродягѣ“); для чего онъ сохранилъ стихотвореніе, написанное имъ еще въ 1843 г. и содержащее въ себѣ насмѣшки надъ гражданской службой, чинами и орденами; гдѣ и у кого онъ приобрѣлъ стихотворенія Мицкевича и сочиненіе Штейна о социализмѣ и коммунизмѣ. Отъ него требуютъ показаній не только о его собственномъ образѣ мыслей, но и объ образѣ мыслей отца и родственниковъ (не питаютъ ли они „славянофильскихъ понятій“). Больше настойчиваго вниманія во всѣ уголки и закоулки внутренней жизни нельзя себя и представить. Ни въ одномъ изъ „дѣяній“, о которыхъ былъ допрашиваемъ Аксаковъ, невозможно открыть даже отдаленныхъ признаковъ преступности; невозможно объяснить себя, почему, даже при тогдашнихъ порядкахъ, признано было нужнымъ арестовать челоука, ни въ чемъ серьезномъ не заподозрѣннаго. Ничто не мѣшало предложить ему тѣ же вопросы на дому, не подвергая его и его семейство жестокой тревогѣ, сопряженной съ лишеніемъ свободы, да еще по политическому обвиненію... По мнѣнію издателей переписки Аксакова, отвѣты, данныя имъ на всѣ вышеупомянутые вопросы, отличаются „свой-

¹⁾ Ю. О. Самаринъ былъ арестованъ нѣсколько раньше Аксакова, за распространеніе въ рукописи извѣстныхъ „Рижскихъ писемъ“.

ственными ему. прямодушіемъ и свободой и составляютъ, нѣкоторымъ образомъ, вѣроисповѣданіе славянофильства“. Съ этимъ мнѣніемъ согласиться никакъ нельзя. Приглашенный возстановить, по возможности, точный текстъ письма отъ 24-го февраля, Аксаковъ передаетъ содержаніе его въ совершенно измѣненномъ видѣ; о вопросахъ, рѣшеніе которыхъ преобразуетъ міръ, о ранахъ, обнаженныхъ 1848 годомъ, нѣтъ и рѣчи, а на первый планъ выдвигается изобличеніе петербургскихъ аристократовъ, „полу-французовъ, полу-нѣмцевъ“, коверкающихъ родной языкъ и живущихъ совсѣмъ не по-русски. Конечно, и на это рѣшился бы тогда далеко не всякій — но разница между показаніями Аксакова и его письмами все-таки остается громадная. Само собою разумѣется, что упрекать его за это было бы несправедливо; самопожертвованія — да еще вдобавокъ, по теоріи вѣроятностей, самопожертвованія безцѣльнаго и безплоднаго — ни отъ него требовать нельзя. Еслибы Аксаковъ повторилъ въ своихъ отвѣтахъ содержаніе писемъ отъ 21-го и 24-го февраля — или стихотворенія: „Пусть сгинетъ все“, — то дѣло окончилось бы для него не такъ благополучно. По справедливому, на этотъ разъ, замѣчанію консервативнаго журнала, „полная откровенность“, на которую вызывало Аксакова третье отдѣленіе, привела бы его въ службѣ рядовымъ на Кавказѣ... „Вѣроисповѣданіемъ славянофильства“ показанія Аксакова могутъ быть названы только въ томъ смыслѣ, что они содержатъ въ себѣ нѣсколько славянофильскихъ *façons de parler*, нѣсколько афоризмовъ о „ложныхъ началахъ западной исторической жизни“, о преобладаніи (въ западной Европѣ) личности, „противномъ духу смиренія христіанской общины“, о бесполезности „гарантій“, о необходимости „перевоспитанія“ русскихъ образованныхъ людей. На лучшей сторонѣ славянофильства — на уваженіе къ свободѣ совѣсти и мысли, въ народному голосу, къ поземельной общинѣ — здѣсь нѣтъ и намѣка; отсутствуютъ совершенно и указанія на необходимость освобожденія крестьянъ¹⁾, на страшный умственный гнетъ, особенно обострившійся съ 1848 года, на „безсиліе обличеній и безуміе честнаго боя“ — однимъ словомъ, на все то, что составляло въ это время господствующую ноту и въ перепискѣ, и въ поэтическомъ творествѣ Аксакова. Сопоставимъ, напримѣръ, съ стихотвореніемъ: „Пусть сгинетъ все“, слѣдующее мѣсто въ показаніи

¹⁾ Въ отвѣтахъ Аксакова выражается, правда, негодованіе противъ помѣщиковъ, разоряющихъ крестьянъ и заставляющихъ ихъ „работать на удовлетвореніе безумной роскоши господина“, — но видъ *злоупотребленія* помѣщичьей властью преслѣдовалось и тогдашнимъ правительствомъ.

ніяхъ Аксакова: „я желать бы только, чтобы мы сами, отерывая другъ другу мирнымъ путемъ убѣжденія наши заблужденія, постарались попасть на прямую дорогу, устремили всѣ свои силы на изученіе родной стороны, на пользу Россіи и ея народа, при содѣйствіи правительства, которое всегда благонамѣренно, но не всегда успѣваетъ въ своихъ желаніяхъ, и которое во сто разъ благонамѣреннѣе нашего общества“. Но развѣ „мирный путь убѣжденія“ не былъ закрыть „сплошной твердыней зла“ и „торжествующей ложью“, развѣ могли быть устремлены на что-либо полезное „ненужныя, слабѣющія силы“? Развѣ страшныя слова: „разсѣйтесь всѣ, кто были дружны во имя правды и добра“ вырвались изъ груди Аксакова подъ давленіемъ общества, а не подъ другимъ, гораздо болѣе мощнымъ?.. Освобожденіе Аксакова, въ виду данныхъ имъ отвѣтовъ, кажется намъ дѣломъ самой простой справедливости, а не „великодушія“, какимъ онъ его выставляетъ въ письмѣ отъ 22-го марта (II, 125). Чувства, выраженные Аксаковымъ, заслуживали, съ точки зрѣнія тогдашней власти, только одобренія и поощренія; „вразумленіе“, которое ему велѣно было преподать ¹⁾, могло относиться развѣ къ формѣ—не отвѣтовъ, а писемъ, самая интимность которыхъ избавляла его отъ строгой осторожности въ выборѣ выражений.

На отвѣтахъ, данныхъ Аксаковымъ, императоръ Николай Павловичъ написалъ нѣсколько собственноручныхъ замѣчаній; приведемъ нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе важныя. „Простой народъ, живущій въ столицахъ,—говоритъ Аксаковъ,—оскорблялся, видя, напримѣръ, въ Москвѣ, что въ великій постъ, когда онъ говѣетъ, постится, идетъ къ заутрени или возвращается съ исповѣди, вышее общество, съ факелами, цыганами и цыганками, бѣшено наслаждается ночными катаньями съ горъ“. Замѣчаніе императора: „конечно, если это такъ, то это неприлично и не должно бы быть допущено мѣстными властями“. Аксаковъ недоумѣваетъ, почему люди, мыслящіе какъ онъ, прозваны славянофилами. Замѣчаніе императора: „потому что подъ видомъ участія къ мнимому угнетенію славянскихъ племенъ таится преступная мысль о возстаніи противъ законной власти сосѣднихъ и отчасти союзныхъ государствъ и объ общемъ соединеніи, котораго ожидаютъ не отъ Божьяго произволенія, а отъ возмущенія, гибельнаго для Россіи“. Аксаковъ порицаетъ „господъ“, полныхъ глубокаго презрѣнія къ „грубому и невѣжественному мужику“ и считающихъ себя „уво-

¹⁾ Прочитавъ отвѣты Аксакова, императоръ Николай Павловичъ положилъ на нихъ слѣдующую резолюцію (обращенную къ гр. Орлову): *призови, прочти, вразуми, отпусти.*

ленными отъ обязанности почитать церковь и ея уставы". Замѣчаніе императора: „бываютъ такіе, но они неминуемо должны подвергнуться презрѣнію и осужденію всѣхъ благомыслящихъ людей, которыхъ еще довольно и которыхъ, слава Богу, съ каждымъ днемъ болѣе". Весьма ошибутся тѣ,—говоритъ Аксаковъ,—которые примутъ его за либерала-западника. Замѣчаніе императора: „а потому и не надо подавать къ тому повода разными сужденіями, преувеличеніями и выходками, которыя одною надменностью и неопытностью отзываются и искажаютъ чистоту намѣреній". Аксаковъ утверждаетъ, что не вѣритъ въ панславизмъ и больше, чѣмъ всѣми славянами, интересуется Русью. Замѣчаніе императора: „и дѣльно, потому что все прочее мечта; одинъ Богъ можетъ опредѣлить, чтѣ готовится въ дальнемъ будущемъ; но ежели бы стеченія обстоятельствъ и привели къ соединенію (славянъ), то оно будетъ на гибель Россіи".

Черезъ нѣсколько дней послѣ освобожденія Аксакова, 28-го марта, Сергій Тимофеевичъ, въ письмѣ къ сыну, выражалъ надежду, что „правосудный государь, убѣдясь въ чистотѣ всѣхъ его мыслей и дѣйствій, оградить его отъ гоненій общества, которое онъ, безъ сомнѣнія, возстановилъ противъ себя своими рѣзкими словами и даже поступками" (II, 127). Въ другомъ письмѣ, отъ 11-го апрѣля, старикъ Аксаковъ возвращается къ той же мысли. „Неужели,—говоритъ онъ сыну (II, 136),—ты не знаешь пословицы: жалуется царь, да не жалуется псарь? Неужели ты не понимаешь, что ты своими письмами и отвѣтами на вопросы у Дупельта сдѣлалъ всѣхъ псарей смертельными и непримиримыми врагами самому себѣ и всѣмъ раздѣляющимъ твой образъ мыслей? Война съ обществомъ опаснѣе войны съ правительствомъ. Правительство можетъ быть великодушно къ противному мнѣнію; личность его не можетъ быть оскорблена; а общество, уязвленное въ самое чувствительное мѣсто, всегда подло, безжалостно и жестоко. Надобно поступать съ великою осторожностью, искусствомъ и умѣренностью, чтобы оно всѣхъ насъ не съѣло". С. Т. Аксаковъ ошибся; никакихъ преслѣдованій со стороны общества И. С. Аксакову, судя по его перепискѣ, перенести не пришлось, и охранять его отъ гоненій правительству не было надобности. Незамѣтно даже, чтобы И. С. Аксаковъ возбудилъ противъ себя особенную вражду „псарей". Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ, что письма и отвѣты Аксакова—единственное, чтѣ могло сдѣлать его предметомъ ненависти—были знакомы только немногимъ „псарямъ", а „общество" вовсе о нихъ не знало. „Письма напиши,—говоритъ С. Т. Аксаковъ,—извѣстны не только тайной по-

лиціи, твоему начальству и почтовому вѣдомству, но и другимъ властямъ". Очевидно, что эти „другія власти“ были не очень многочисленны или не принимали на свой счетъ сказаннаго И. С. Аксаковымъ. Весьма вѣроятно также, что нѣкоторые письма посылались И. С. Аксаковымъ, согласно совѣту отца, не по почтѣ, а съ вѣрной „оказіей“... Потребность въ задушевной бесѣдѣ съ отцомъ сохранилась въ Аксаковѣ и послѣ мартовскаго эпизода. Вотъ что онъ писалъ, между прочимъ, 16-го апрѣля, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга: „что особенно противно здѣсь, такъ это самодовольствіе, написанное на всѣхъ лицахъ, особенно же на лицахъ господъ, принадлежащихъ къ высшему обществу. Все это необыкновенно счастливо, довольно самимъ собою, обществомъ, прогрессомъ, чортъ знаетъ чѣмъ! Говорять, что сравнить нельзя теперешняго общества съ тѣмъ, которое было лѣтъ за десять и пятнадцать! Положимъ, то было просто глупо и не занималось никакими вопросами, а теперь и времена, и обстоятельства не тѣ. Необыкновенно противно видѣть, какъ эти господа сдѣлали себѣ тѣсто изъ одной доли христіанства, изъ двухъ четвертей языческой мудрости и изъ остальныхъ долей собственной человѣческой подлости, и изъ этого тѣста вылѣпили себѣ какой-то короткохвостый идеалъ нравственности, которымъ и удовлетворились“ (II, 135). Это письмо, нужно полагать, было прочитано только тѣми, для кого оно предназначалось. А впрочемъ возбудило ли бы оно взрывъ негодованія, еслибы и получило болѣе широкую огласку? Едва ли; никто, пожалуй, не примѣнилъ бы его къ самому себѣ, никто не рѣшился бы узнать самого себя въ нелестномъ портретѣ. Другое дѣло, еслибы въ „общество“ проникла вѣсть о взглядахъ Аксакова на необходимость освобожденія крестьянъ, съ убыткомъ для помѣщиковъ; это могло бы создать ему враговъ, не совсѣмъ безопасныхъ.

Почти одновременно съ арестомъ И. С. Аксакова разыгралась траги-комическая исторія, задѣвшая его семью и довольно подробно рассказанная въ письмахъ С. Т. и К. С. Аксаковыхъ (II, 141—146). Въ Москву проникли слухи о предстоящемъ запрещеніи дворянамъ носить бороду и русское платье. С. Т. Аксаковъ, придерживавшійся—вмѣстѣ съ сыномъ Константиномъ—этихъ наружныхъ знаковъ русскаго направленія, поручилъ одному изъ своихъ знакомыхъ навести справку у начальника московскаго жандармскаго управленія, генерала Перфильева. Ему передали, что бородѣ дѣйствительно грозитъ опасность,—такъ какъ „число бородъ очень умножилось“, и это мѣшаетъ дворянамъ служить по выборамъ. При личномъ свиданіи С. Т. Аксакова съ Пер-

фильевымъ получились свѣденія еще менѣе утѣшительныя. „Конецъ кратковременному возстановленію русскаго платья, хотя не на многихъ плечахъ!“ — восклицаетъ С. Т. Аксаковъ. „Конецъ надеждъ на обращеніе къ русскому направленію. Опасались тронуть, думая, что насъ много, что общество намъ сочувствуетъ; но, увѣрившись въ противномъ и въ душѣ все-таки не любя насъ, хотя безъ всякой причины, сейчасъ рѣшились задавить наше направленіе. Тяжело мнѣ смотрѣть на Константина, у котораго отнята всякая общественная дѣятельность. Мы рѣшаемся закупориться въ деревнѣ навсегда“. „Борода при русскомъ платьѣ необходима, — пишетъ К. С. Аксаковъ, — или лучше: борода есть часть русской одежды; съ воспрещеніемъ бороды воспрещается и русское платье. Признаюсь, на меня находить мысль: не сказано ли это (т.-е. запрещеніе носить бороду) о бородахъ западныхъ, которыя я и самъ сильно не люблю, о бородахъ при платьѣ иностранномъ — тогда другое дѣло; тогда это было бы скорѣе оправданіемъ русской одежды; ибо въ циркулярѣ сказано, что государь считаетъ недостойнымъ русскаго дворянина подражать западной модѣ... Наружность, одежда считается многими за бездѣлицу. Я думаю иначе. Наружность составляетъ тонъ жизни, а тонъ жизни — главное. Вотъ почему мода сдѣлалась проводникомъ всѣхъ западныхъ бредней, сервизма и либерализма. Не могу повѣрить, чтобы государь, въ которомъ такъ часто высказывается русское чувство, былъ противъ русской одежды“. Въ томъ же смыслѣ написаны были С. Т. Аксаковымъ письма Перфильеву и графу Орлову, но они остались безъ результата; оба Аксакова, отецъ и сынъ, должны были дать подписку о сбритіи бороды — и исполнить обязательство. Характеристично во всемъ этомъ не одно только преувеличенное значеніе, съ обѣихъ сторонъ — и преслѣдующей, и защищающейся, — придаваемое бородѣ и русскому платью: характеристична узость взгляда, выразившаяся съ особенною ясностью въ письмѣ К. С. Аксакова. Его, какъ и Сергѣя Тимофеевича, возмущаетъ не вмѣшательство власти въ чуждую ей область, не регламентація того, что должно быть предоставлено личному вкусу; его возмущаетъ не veto на бороду вообще, а veto на бороду „русскую“, близкую его сердцу. Пускай запретятъ „западную бороду“ — это будетъ „другое дѣло“, этому онъ готовъ даже рукоплескать; для него борода драгоцѣнна только какъ „часть русской одежды“... Слаба же была въ то время „надежда на обращеніе къ русскому направленію“, если ей могъ положить конецъ циркуляръ о сбритіи бороды!

Иванъ Сергѣевичъ не раздѣлялъ пристрастія отца и старшаго брата къ „русской бородѣ“, къ зипуну и мурмолкѣ. „Мнѣ досадно,—пишетъ онъ еще изъ Астрахани (I, 167—8),—что у насъ, въ особенности въ Москвѣ, въ извѣстномъ кругу, толкуютъ, горячатся о какомъ-нибудь балахонѣ“, оставаясь равнодушными къ другимъ, болѣе важнымъ вопросамъ. И балахонъ имѣетъ свое значеніе, но „нельзя довольствоваться убѣжденіемъ, что онъ когда-нибудь побѣдитъ пальто“. Нужны перемены къ лучшему въ торговлѣ, въ городскомъ благоустройствѣ, въ положеніи крестьянъ, а кто будетъ пользоваться ими—„бритые подбородки или рыжія бороды, шляпы или мурмолки, все равно“. „Неужели Костя не сбрилъ бороды и не скинулъ зипуна?“—спрашиваетъ Аксаковъ нѣсколько позже (I. 218). „Я никогда не надѣну зипуна прежде времени. Не черезъ смѣшное достигаютъ великія мысли исполненія, и зипунъ, подвергшійся осмѣянію, еще больше упадетъ въ общемъ мнѣніи“. Четыре года спустя, въ письмѣ съ сѣрныхъ водъ (I, 458), онъ повторяетъ, что не надѣнетъ русскаго платья. Не чуждый уже тогда нѣкоторыхъ сторонъ славянофильской доктрины и всегда готовый признать доброе вліяніе, которое она на него имѣла, онъ раздѣляетъ далеко не всѣ мнѣнія своего брата и говорить о нихъ иногда съ добродушной, но мѣтко бьющей насмѣшкой. Онъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что Константинъ Аксаковъ весь ушелъ въ самого себя, въ свои кабинетныя занятія, въ прошедшее, пересозданное фантазіей и предвзятой мыслью. Противъ славянофильскихъ увлеченій направлено, безъ сомнѣнія, слѣдующее мѣсто въ одномъ изъ самыхъ раннихъ астраханскихъ писемъ (I, 109): „ревізія возбуждала во мнѣ сильное участіе къ дѣламъ государственнымъ и, конечно, будь у насъ нѣсколько другой порядокъ вещей (*но во всякомъ случаѣ не временъ царя Алексѣя Михайловича и бояръ*), я бы никогда не оставилъ службу. Если я ошибаюсь, то не менѣе ошибаются и другіе, которымъ ближайшее узнаніе современной Россіи показало бы вполнѣ, что древнія формы законодательства рѣшительно устарѣли“. Желанія Ивана Сергѣевича направлены къ тому, чтобы Константинъ изучилъ Россію не по одной Москвѣ. „Костя,—восклицаетъ онъ (I, 169),—точно паукъ, натянулъ около себя хитросплетенную паутину и цѣлый день цѣпляется по ней, такъ что не можетъ идти по простому и прямому пути, а долженъ дѣлать разные сложные повороты и уступы“. „Я не раздѣляю мечты Константина,—пишетъ Аксаковъ изъ Калуги, въ 1847 г. (I, 418),—что можно намъ, уже выскочившимъ изъ сферы чистой національности, со-

чувствовать вполне народу. Я сошелъ бы съ ума, еслибъ мнѣ пришлось жить постоянно съ мужикомъ". Особенно широкіе размѣры полемика съ братомъ принимаетъ въ ярославскихъ письмахъ Ивана Сергѣевича. „Терпѣть не могу,—читаемъ мы въ письмѣ отъ 18-го октября 1849 г. (II, 236),—древняго боярина и боярскаго быта, отличавшагося отъ крестьянскаго спѣсью, гордостью, чопорностью". Современный крестьянскій бытъ, по убѣжденію И. Аксакова, вовсе не служитъ выраженіемъ старины; „крестьянинъ такъ же мало похожъ на брюхана-боярина, какъ и на брюхана-бупца"... „Съ появленіемъ Петра гнилое боярское сословіе мигомъ полетѣло вверхъ тормашкой, чего бы не могло быть, еслибъ въ немъ уже не лежало смерти; а образа смерти нѣтъ въ быту современнаго крестьянина. Отъ боярина несло запахомъ гнили и трупа, отъ крестьянина вѣетъ жизнью" (II, 249). Константинъ Аксаковъ приписывалъ русскому народу равнодушіе къ управленію, проистекающее изъ исканія царствія Божія; Иванъ Аксаковъ съ этимъ несогласенъ, особенно по отношенію къ торгующему сословію, „которое постоянно ищетъ прибыли, и вовсе не для одной поддержки своего земного существованія" (II, 195). „Я не могу,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ (II, 300),—утѣшаться, подобно Константину, такими фразами: *главное—принципъ, остальное—случайность*, или: *русскій народъ ищетъ царствія Божія*. Равнодушіе къ пользамъ общимъ, лѣнь, апатія и предпочитаніе собственныхъ выгодъ—признаются за исканіе царства Божія!.. Что касается до принципа, то это выраженіе Константина заставило меня улыбнуться. Это все равно, что говорить голодному: ты будешь сытъ на томъ свѣтѣ, а теперь голодай—это случайность; помажь хлѣбъ принципомъ вмѣсто масла, посыпай принципомъ—и вкусно; нужды нѣтъ, что сотни тысячъ умрутъ, другія сотни уйдутъ—это случайность... Возмущаютъ меня факты—ничего, вынулъ изъ кармана табакерку, понюхалъ принципа—и счастливъ! Гдѣ онъ, этотъ принципъ? Куда затесался? Поди, поищи его въ XII-мъ и XIII-мъ вѣкѣ, когда князья терзали русскую землю, воюя другъ у друга удѣлы... Поздравляю съ этой находкой!" Мы уже видѣли, что отсутствіе въ русскомъ народѣ *западнаго понятія о чести* вовсе не радуетъ Ив. Аксакова. „Въ насъ нѣтъ ложнаго чувства чести,—восклицаетъ онъ (II, 322),—да и страха Божьяго нѣтъ, и выходитъ, что съ чувствомъ чести было бы по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше". Не раздѣляетъ онъ и вообще отвращенія Константина къ „гнилому западу". Въ одномъ письмѣ онъ смѣется надъ привычкой брата „сворачивать на скользкую

дорожку“ и повторять до безконечности: „скверный западъ, скотина западъ“ (II, 251). Въ другомъ письмѣ онъ выражаетъ желаніе, чтобы его стихотвореніе: „Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ“ было прочитано Грановскимъ или вообще людьми, „у которыхъ болѣла душа отъ 1848 г.“ „Даже у Константина, — продолжаетъ онъ (II, 375), — она не болѣла; онъ безо всякой внутренней душевной боли способенъ заклеить проклятіемъ $\frac{9}{10}$ человѣчества и давно не считаетъ людьми бѣдные народы запада, а тѣмъ-то въ родѣ лошадиныхъ породъ. Оно, можетъ быть, и такъ, но убѣжденіе это полно для меня горечи!“ Разногласіе между братьями проявляется на каждомъ шагѣ, по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. „Не спору, — пишетъ Ив. Аксаковъ, очевидно возражая Константину (II, 362), — иконописцы имѣютъ свое значеніе, но въ области искусства я предпочту Мадонну Рафаэля русскимъ изображеніямъ святыхъ“. „Я прочиталъ весь Домострой попа Сильвестра, — читаемъ мы въ другомъ письмѣ (II, 296), — и дивился, какъ могло родиться такое произведеніе: такъ многое въ немъ противно свойству русскаго человѣка! Я терпѣть не могу правилъ въ самой жизни и вообще не люблю обычая, какъ скоро уже онъ замерзъ, какъ скоро онъ покушается сдѣлаться правиломъ и властвовать надъ жизнью. На этомъ основаніи я не люблю и монашескихъ уставовъ, гдѣ формулировано аскетическое стремленіе. Еслибъ у меня былъ наставникомъ Сильвестръ и докучалъ мнѣ своими нравоученіями, то я, и не будучи Иоанномъ Грознымъ, прогналъ бы его отъ себя за тридцать земель!“ Чрезвычайно любопытны и поучительны именно въ настоящее время взгляды И. Аксакова на народное образованіе. „Ты говоришь, — пишетъ онъ брату (II, 296 и сл.), — что надо предложить народу средства просвѣщенія, а не самое просвѣщеніе... Эти средства — грамотность церковно-славянская и русская и деревенская бібліотека, состоящая изъ церковно-славянскихъ книгъ духовнаго содержанія. Конечно, просвѣщеніе должно быть основано на религіозныхъ началахъ, въ этомъ и спора нѣтъ; но я нѣсколько другого мнѣнія объ исключительномъ чтеніи духовныхъ книгъ. Вся жизнь должна быть проникнута духомъ Христова ученія — но ни Новый, ни въ особенности Ветхій Завѣтъ не должны сдѣлаться исключительнымъ предметомъ пыливости и дѣятельности ума. Умъ мой возбужденъ, въ немъ кипятъ силы, и мнѣ не на что ихъ употребить, какъ на чтеніе духовныхъ книгъ. Что-жъ изъ этого выйдетъ? Что я или брошу, наконецъ, эти книги, потерявъ всякую вѣру, или же привяжусь къ каждой

буквѣ, сдѣлаюсь толкователемъ, начетчикомъ. Или книги не выдержатъ критики ума, или умъ не устоитъ и зайдетъ за разумъ. Ихъ дѣло только смирять буйство ума и духа, а уму должна быть своя живая пища. Есть свѣденія, которыя сообщать народу, кажется, не грѣшно и не вредно—напримѣръ, науки положительныя, естествознаніе“. Въ этихъ мысляхъ Ив. Аксаковъ утверждаетъ еще больше, когда знакомится съ сектой странниковъ или бѣгуновъ. „Всѣ они грамотные, — пишетъ онъ (II, 352),— всѣ знаютъ наизусть Четью-Минею и Ефрема Сирина. Пусть Константинъ подумаетъ глубже объ этомъ предметѣ и посудить, едва ли я не былъ правъ, доказывая ему вредъ *исключительнаго* чтенія церковныхъ книгъ“. Намъ кажется, что по всѣмъ этимъ спорнымъ вопросамъ правъ былъ не Константинъ Аксаковъ, а Иванъ, и что первый вовсе не имѣлъ въ то время „нравственнаго превосходства“ надъ послѣднимъ ¹⁾. Постоянныя соприкосновенія съ дѣйствительностью раскрывали младшему брату многое изъ того, чего не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть старшій. Безусловное подчиненіе вліянію Константина Сергѣевича началось для Ивана Аксакова только тогда, когда онъ, оставивъ службу и закончивъ свои *Wanderjahre*, совсѣмъ поселился въ Москвѣ и замѣнулся въ той же сферѣ, въ которой мыслилъ и мечталъ его старшій братъ. Послужила ли ему такая замѣнутость во вредъ или въ пользу—это вопросъ, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ того или другого взгляда на славянофильство; несомнѣнно только одно—что она не увеличила его самостоятельности. Консервативный журналъ — въ статьѣ, о которой мы уже упоминали, — думаетъ иначе. *Патріотическая, самостоятельная* дѣятельность Ивана Аксакова начинается, по его мнѣнію, только со второй половины пятидесятихъ годовъ; „служба раздражала Ивана Сергѣевича, жизнь перевоспитала его“. Да развѣ служба Аксакова не была для него жизнью? Развѣ не ей онъ былъ обязанъ знаніемъ дореформенныхъ порядковъ, въ ихъ настоящемъ, не прикрашенномъ видѣ? Развѣ не въ своихъ служебныхъ воспоминаніяхъ онъ почерпалъ и въ послѣдствіи времени матеріалъ для защиты новаго суда, для трезвой оцѣнки „николаевской“ эпохи? Безспорно, государственная служба, особенно тогдашняя—не лучшій источникъ

¹⁾ Отецъ Аксаковыхъ часто принималъ сторону младшаго сына. Когда Иванъ Сергѣевичъ признавалъ для себя невозможнымъ жить исключительно крестьянскими интересами, Сергѣй Тимофеевичъ писалъ ему: „я также не раздѣляю мечты Константина и исполнѣ раздѣляю твои мысли насчетъ національности“ (I, 418). Въ другомъ письмѣ (II, 303) онъ называетъ убѣжденія Константина „неприлагаемыми ни къ какому обществу, даже къ православной русской общинѣ“.

знакомства съ дѣйствительностью; но много ли было, полѣжа тому назадъ, другихъ путей къ ея изученію? Аксаковъ работалъ не въ министерскихъ канцеляріяхъ; онъ искалъ живого дѣла, ставившаго его лицомъ къ лицу съ разными классами населенія, съ разными мѣстностями Россіи—и поиски его не были совершенно напрасны... Отъ позднѣйшаго Аксакова, отъ Аксакова-доктринера, въ особенности отъ редактора на-половину реакціонной „Руси“ можно апеллировать теперь, благодаря изданію переписки, къ молодому, свѣжему Аксакову, еще не ушедшему съ головой въ славянофильство, въ проповѣдь извнѣ навѣянныхъ теорій.

Если служба не была бесполезна для Аксакова, предохранить его отъ односторонности старшаго брата и снабдивъ его запасомъ свѣденій для будущей дѣятельности, то это еще не значитъ, чтобы она была настоящимъ его призваніемъ и чтобы выходъ въ отставку былъ, съ его стороны, ошибкой. При тогдашнихъ условіяхъ, служба, рано или поздно, не могла не сдѣлаться для него нестерпимой—да и сама по себѣ она не соотвѣтствовала всѣмъ свойствамъ его натуры. Его всегда влекло къ чему-то иному, болѣе широкому и менѣе обыденному. Большимъ утѣшеніемъ было для него поэтическое творчество, — но чѣмъ дальше, тѣмъ живѣе онъ сознавалъ и чувствовалъ его недостатки. „О, еслибъ я былъ поэтъ!—воскликаетъ онъ въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ писемъ (I, 85): — еслибъ имѣлъ даръ слова! Но мнѣ трудно поймать мысль за хвостъ и укладывать ее въ стихи или рѣчь, ибо голова моя неясна, несвободна и часто приходитъ въ тупикъ“. „Признаешь ли ты во мнѣ хоть какое-нибудь поэтическое дарованіе?“—спрашиваетъ онъ изъ Калуги одного изъ своихъ друзей, кн. Оболенскаго (I, 232). „Я себя вовсе не считаю поэтомъ; иногда все во мнѣ кажется мнѣ ложью—и мои стихи, и мои скорби, и мои убѣжденія. Если ты признаешь во мнѣ хоть что-нибудь, то я не долженъ служить“. Съ такимъ же вопросомъ обращается онъ къ своимъ роднымъ (I, 276): „признаете ли вы за мной хоть какое-нибудь дарованіе литературное, если не поэтическое? Если да, въ такомъ случаѣ мнѣ не должно служить“. Не знаемъ, что ему отвѣчали другіе—но собственный его отвѣтъ былъ крайне суровый. „Въ моихъ стихахъ, — говоритъ онъ нѣсколько времени спустя (I, 297),—нѣтъ магическаго очарованія; не такъ пишутъ поэты... Ужасно чувствовать въ себѣ внутреннія требованія и сознавать въ то же время, что ты не въ силахъ ихъ исполнить... А я все бы на свѣтѣ отдалъ за истинный пламень дарованія, за минуту искренняго вдохновенія“...

Въ 1849 г. Аксаковъ продолжаетъ видѣть для себя только два поприща—службу и поэзію; „одна поэзія, — говоритъ онъ, — неспособна удовлетворить меня и наполнить мое время“ (II, 123). „Я мысленно пробѣжалъ рядъ своихъ стихотвореній, — пишетъ онъ нѣсколько позже (II, 173), — и невольно согласился, что въ нихъ вездѣ виденъ умъ, видна мысль, но теплоты мало“. „Отъ своихъ стиховъ я мерзну“, — восклицаетъ онъ въ 1850 г. (II, 359). Молодая дѣвушка, которой Аксаковъ тогда же посвятилъ одно изъ своихъ стихотвореній („Е. Θ. М-ой“), признала „путь примиренія, имъ избранный“ (намекъ на стихотвореніе: „Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ“), „сухимъ путемъ“, и нашла вообще въ его стихахъ „мало теплоты, а больше какого-то сухого жару“. Въ такой оцѣнкѣ Аксаковъ усматриваетъ „часть правды“; „я самъ, — говоритъ онъ, — не примиряюсь съ этимъ примиреніемъ и душа у меня отъ него болитъ“. Только внутреннюю боль, въ самомъ дѣлѣ, можно объяснить послѣднія слова „примирительнаго“ стихотворенія.

„Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!..
 Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
 Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
 Есть долгій трудъ, есть подзигъ червяка;
 Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень.
 Невзвращный путь! тебѣ я вѣренъ былъ!
 Лишень ты всей отрады упоенья,
 И дерзко я на сердце наложилъ
 Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья!..
 Но слышно мнѣ, порой, въ тиши работъ,
 Что бурныхъ силъ не укротило время!
 Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
 О молодость, о тягостное бремя?!..“

Аксаковъ возвысился здѣсь до истинной поэзіи ¹⁾; но такіе порывы овладѣвали имъ рѣдко, и онъ былъ правъ, не возлагая

¹⁾ Смыслъ только-что приведенныхъ нами стиховъ совершенно ясенъ; но еслибы онъ и могъ возбуждать какія-либо сомнѣнія, то они были бы устранены свидѣтельствомъ самого Аксакова, сказавшаго много лѣтъ спустя (въ 1877 г., въ письмѣ къ своей свояченицѣ), именно по поводу этихъ стиховъ: „то была тяжелая година, когда приходилось тяготиться молодостью“ (I, 6). Консервативный критикъ, о которомъ мы нѣсколько разъ упоминали, не вѣритъ этому свидѣтельству; онъ думаетъ, что „съ теченіемъ времени объективная точка зрѣнія естественно должна была взять верхъ надъ субъективной, воспоминанія о личной жизни блѣднѣли передъ воспоминаніями о пережитой исторической эпохѣ“. Мысль поэта, по убѣжденію критика, заключалась только въ томъ, что „жаръ молодой крови“ служить большой помѣхой скромному труду. Вотъ до какихъ софизмовъ доводитъ желаніе доказать, что Аксаковъ уже въ то время былъ благонамѣреннымъ писателемъ!

большихъ надеждъ на свое поэтическое дарованіе. Въ немъ скрывался, зато, большой мастеръ лирической прозы — и выходъ въ отставку сослужилъ ему великую службу, натолкнувъ его на настоящую его дорогу. Все, что было поэтическаго въ натурѣ Аксакова, нашло для себя мѣсто въ его передовыхъ статьяхъ, образныхъ и яркихъ. „Сухой жаръ“, въ которомъ упрекали поэта, оказался совершенно достаточнымъ, чтобы согрѣть публициста.

Мы исчерпали далеко не все интересное въ перепискѣ Аксакова; мы ничего не сказали, напримѣръ, о томъ симпатичномъ свѣтѣ, въ которомъ она представляетъ семью Аксаковыхъ. Нѣжная любовь сына къ отцу и матери, дружба сестеръ и братьевъ, взаимная откровенность, умѣнье выслушивать и говорить правду — все это чувствуется на каждомъ шагѣ, все это заслуживаетъ тѣмъ большаго сочувствія, чѣмъ рѣже были въ то время такіа семейныя отношенія. Аксаковъ имѣлъ полное право написать, въ письмѣ къ одной изъ своихъ пріятельницъ: „маленькій панегирикъ“ своей семьѣ, — изобразить ея „независимость, самостоятельность, своеобычливость, оригинальность, презрѣніе къ внѣшности и нѣкоторую гордость“ (II, 291). Весьма любопытна, далѣе, исторія знакомства Аксакова съ А. О. С—ой, извѣстной „калужской губернаторшей“; но мы коснемся ея, за недостаткомъ мѣста, лишь настолько, насколько она связана съ двумя другими эпизодами — съ проѣздомъ Бѣлинскаго черезъ Калугу и съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ знаменитой Гоголевской перепиской съ друзьями. Съ Бѣлинскимъ (бывшимъ въ Калугѣ вмѣстѣ съ Щепкинымъ) Аксаковъ считъ нужнымъ обойтись „сухо и холодно“ (I, 331), какъ съ противникомъ славянофильскаго направленія и въ особенности Константина Аксакова. Нельзя сказать, чтобы это было великодушно, въ виду болѣзненного состоянія Бѣлинскаго, которымъ былъ пораженъ самъ Аксаковъ. Когда на вечерѣ у С—вой Бѣлинскій заговорить о Ж.-Зандѣ, какъ о „нѣкоемъ божествѣ“, С—ва „начала кричать на Бѣлинскаго довольно рѣзко и доказывать весь вредъ и всю степень разврата Ж.-Зандѣ“. Аксаковъ „поправлялъ нѣкоторыя ея ошибки и промахи“ (она нападала, между прочимъ, на „плебейское сердце“ Ж.-Зандѣ, забывъ или не желая помнить, что ее слушаютъ „плебеи“ — Бѣлинскій и Щепкинъ). Родные Аксакова оказались еще болѣе нетерпимыми, чѣмъ онъ самъ; они были недовольны даже тѣмъ, что А. О. С—ва допустила Бѣлинскаго въ свое общество наравнѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, удостоила его разговора и т. п. Аксакову пришлось защищать Бѣлинскаго, и А. О. пришлось напоминать, что Бѣлинскій выше многихъ

и многихъ ея свѣтскихъ знакомыхъ: „по крайней мѣрѣ вся жизнь, вся дѣятельность этого человѣка прошла не въ пошлыхъ интересахъ“. Такая защита, по отношенію къ Бѣлинскому, производитъ крайне странное впечатлѣніе—но еще болѣе страннымъ, конечно, является вызвавшее ее негодованіе С. Т. и К. С. Аксаковыхъ. Это единственное мѣсто переписки, безусловно неблагоприятное для двухъ послѣднихъ... Когда „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ въ первый разъ попали въ руки Ив. Аксакова, они привели его въ совершенный восторгъ. „Книгу Гоголя, —воскликаетъ онъ,—надо читать не разъ и не два, а двадцать тысячъ разъ! Гоголь является въ этой книгѣ какъ идеалъ художника-христіанина. Она способна пересоздать многихъ“ (I, 407). Таково было и мнѣніе А. О. С—ой; но совершенно иначе, въ высшей степени сурово, отнеслись къ „Перепискѣ“ Сергій Тимоѣевичъ и Константинъ Сергѣевичъ. Отецъ и младшій сынъ обмѣниваются впечатлѣніями; сначала каждый остается при своемъ мнѣніи, но потомъ Ив. Серг. склоняется на сторону отца. Три мѣсяца спустя послѣ перваго чтенія книги онъ пишетъ своему пріятелю: „въ книгѣ Гоголя много лжи и нелѣпицы, много скрытой гордости и заносчивости—словомъ, умъ за разумъ зашелъ“ (I, 437). Еще раньше онъ поссорился изъ-за „Переписки“ съ А. О. С—вой. Онъ прочелъ ей письмо Сергѣя Тимоѣевича, строго осуждавшее Гоголя; она вышла изъ себя, стала бранить всю семью Аксаковыхъ и вызвала Ивана Сергѣевича на рѣзкій отвѣтъ. Быть можетъ, неумѣлая защита способствовала тому, что у Ив. Аксакова открылись глаза насчетъ настоящаго значенія книги Гоголя. Теперь, когда опять начинаются попытки апологіи этой книги, отзывы о ней С. Т. Аксакова появляются въ свѣтъ весьма кстати; его вѣдь нельзя заподозрить ни въ „либерализмѣ“, ни въ недоброжелательствѣ къ Гоголю, ни въ преклоненіи передъ авторитетомъ Бѣлинскаго...

Общественную жизнь до-реформенной Россіи можно сравнить съ дремучимъ лѣсомъ, сквозь который ведетъ одна лишь узкая тропинка. Немногимъ удастся пройти по ней изъ края въ край, — да и эти немногіе достигаютъ цѣли, потративъ массу силъ на борьбу съ трудностями пути, растерявъ, въ темнотѣ, значительную часть своихъ пожитковъ, испарапавъ лицо и руки о колючіе сучья, изранивъ ноги объ острые каменья. Большинство вовсе не находитъ дороги или уклоняется съ нея въ глухую чащу, изъ которой нѣтъ исхода; нѣкоторые блуждаютъ изъ стороны въ сторону, то оставляя спасительную тропинку, то опять къ ней возвращаясь. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Аксаковъ. Онъ имѣлъ всѣ данныя для

того, чтобы не сбиться съ пути — и все-таки, по временамъ, терялъ его изъ виду. Когда его окутывалъ мракъ, когда его втягивала въ себя болотистая почва, онъ возставалъ противъ снисходительности въ дѣлахъ уголовныхъ, высказывался за принужденіе и насиліе въ области религіозныхъ вѣрованій, предпринималъ „операциі“, направленные въ распространенію „подлаго притворства“. Къ счастью для него, такія минуты наступали не часто и продолжались не долго; но знаменательно уже и то, что онѣ были возможны...

К. АРСЕНЬЕВЪ.

НОВЫЙ ОПЫТЪ НАУЧНОЙ ИСТОРІИ

L'histoire et les historiens. Essai critique sur l'histoire considérée comme science positive, par Louis Bourdeau. Paris, 1888.

„Исторія должна быть вся передѣлана за-ново. Самыя основы ея должны быть еще установлены. Постройка ждетъ своего архитектора. Едва можно сказать, что прошлое оставило намъ необходимыя для этого матеріалы“. Такъ начинается свою книгу французскій авторъ, поставившій себѣ задачею вновь изслѣдовать вопросъ о правѣ исторіи на званіе дѣйствительной науки. Трудъ Бурдѡ особенно интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ вноситъ демократическую, республиканскую точку зрѣнія въ область научнаго, чисто-философскаго спора.

Историки,—говоритъ Бурдѡ,—занимаются только немногими важными особами и оставляютъ совершенно въ сторонѣ громад-ное большинство человѣческаго рода; они выдаютъ исторію какого-нибудь короля за исторію цѣлаго народа, и упраздняютъ народныя массы для возвеличенія нѣсколькихъ героевъ. Это пренебреженіе къ толпѣ не мѣшаетъ, однако, писателямъ принимать ея приговоры за основаніе при оцѣнкѣ историческихъ личностей и событій. Ибо „что такое слава? Это отзывъ имени въ толпѣ. Это только отраженный шумъ народныхъ восклицаній. Люди, не могущіе претендовать на славу, располагаютъ ею по своему усмотрѣнію, отдають ее кому угодно и, чтобы создать знаменитость, имъ достаточно провозгласить ее. Всякая репутація исходитъ отъ

толпы. Безъ ореола, даваемого толпою, самый превосходный геній былъ бы такъ же неизвѣстенъ, какъ послѣдній изъ людей. Монтэнъ признаетъ славу столь же пустою и обманчивою, какъ тѣнь, идущая за нами и измѣняющаяся по капризу солнца. Немало благородныхъ жизней проходитъ около насъ и, быть можетъ, наиболѣе возвышенныя изъ нихъ — тѣ, которымъ удается пройти незамѣченными, избѣгая шума и блеска. Извѣстность достается одинаково на долю добра и зла, съ циническимъ безразличіемъ; она можетъ быть вызвана даже скандаломъ. Имя безумца, уничтожившаго храмъ въ Эфесѣ, знакомо всѣмъ; но очень немногіе знаютъ имена трехъ архитекторовъ, построившихъ этотъ храмъ. Даже настоящіе великіе люди, по мнѣнію Бурдѣ, не заслуживаютъ того преувеличеннаго и исключительнаго вниманія, которымъ удостоиваютъ ихъ историки, въ ущербъ и интересамъ справедливости. Авторъ весьма пространно и рѣзко возстаетъ противъ неумѣреннаго поклоненія отдѣльнымъ личностямъ въ исторіи; онъ приводитъ множество фактовъ и соображеній для доказательства той мысли, что первая и главная роль принадлежитъ неизвѣстной массѣ дѣятелей, темному большинству населенія или, вѣрнѣе, всѣмъ вообще людямъ. „Личныя дѣйствія героевъ имѣютъ второстепенное и побочное значеніе, сравнительно съ продуктами общей работы. Прогрессъ объясняется скорѣе обиліемъ безвѣстныхъ дѣятельностей, чѣмъ вмѣшательствомъ нѣкоторыхъ изобрѣтательныхъ геніевъ. Человѣческій родъ состоитъ не изъ великановъ и пигмеевъ, а изъ личностей средняго размѣра; особенныя существа, величіе которыхъ такъ сильно раздувается, существуютъ только въ воображеніи рассказчиковъ и въ народномъ легковѣріи. Знаменитые люди не выигрываютъ отъ слишкомъ близкаго разсмотрѣнія ихъ; чѣмъ меньше ихъ знаютъ, тѣмъ больше ихъ превозносятъ. Поэтому, совершенныхъ героевъ находятъ лишь въ отдаленномъ прошломъ. Ихъ можно было бы опредѣлять такъ: это люди, считаемыя великими. Мѣра ихъ — въ томъ мнѣніи, которое объ нихъ составилось; оно зависитъ отъ степени фантазіи толпы. Въ арміи храбрыхъ солдатъ, одинъ полководецъ торжествуетъ передъ потомствомъ; въ государствѣ общественное благосостояніе — дѣло всѣхъ трудящихся гражданъ — приписывается одному правителю. Въ области открытій становится знаменитымъ тотъ, кому выпала задача найти истину, преслѣдуемую тысячами безвѣстныхъ искателей. Гдѣ многіе сѣяли, тамъ одинъ пожинаетъ. Все, что происходитъ великаго въ мірѣ, дѣлается мало-по-малу, силою постепеннаго движенія, а не скачками и ударами. Не великіе люди ведутъ и направляютъ толпу, а, на-

противъ, ихъ влечетъ и толкаетъ толпа своимъ неодолимымъ напоромъ. Важнѣйшимъ двигателемъ человѣческой жизни, самымъ дѣятельнымъ работникомъ прогресса, высшимъ мастеромъ цивилизаціи и, слѣдовательно, самою главною личностью въ исторіи, героемъ, котораго нужно прославлять прежде и больше всѣхъ другихъ, является толпа неизвѣстныхъ. Въ наши дни кредитъ хорошо оцѣниваетъ могущество мелкихъ капиталовъ, соединенныхъ въ одномъ предпріятіи, и побѣжденная аристократія одинокихъ милліоновъ не можетъ уже бороться съ маленькими сбереженіями, которыя, соединившись, образуютъ милліарды. Такъ же точно въ исторіи незамѣтный трудъ толпы беретъ верхъ надъ подвигами героевъ. Подобно тому, какъ дальнѣйшее развитіе астрономіи зависѣло отъ рѣшенія вопроса, вернется ли солнце около земли или, наоборотъ, земля около солнца, такъ и въ исторіи представляется альтернатива: идетъ ли человѣчество за великими людьми или же, напротивъ, великіе люди тяготеютъ къ толпѣ? Смотря по тому, въ какомъ смыслѣ будетъ рѣшенъ этотъ вопросъ, общій взглядъ на исторію долженъ измѣниться радикальнымъ образомъ, ибо въ первомъ случаѣ вниманіе сосредоточится на группѣ героевъ, а во второмъ — должно распространиться на массы“. Авторъ идетъ еще далѣе: онъ отрицаетъ преобладающее вліяніе отдѣльных лицъ въ развитіи искусствъ, науки и литературы, не говоря уже о политикѣ. „Нѣтъ изобрѣтеній въ собственномъ значеніи этого слова; есть только усовершенствованія. Изобрѣтатели слѣдуютъ одинъ за другимъ; каждый прибавляетъ свое, и никто ничего не создаетъ. Отдѣльное открытіе есть только одно изъ звеньевъ безконечной цѣпи. Когда въ короткое время достигаются быстрые успѣхи, они вызываютъ иллюзію: кажется, что мы видимъ настоящее творчество, а между тѣмъ мы ошибаемся—его элементы существовали раньше. Открытіе приписывается одному какому-нибудь дѣятелю; это опять ошибка: оно служитъ результатомъ совмѣстной работы многихъ“. Дѣло книгопечатанія развилось при участіи цѣлаго ряда изобрѣтателей — Костера изъ Гарлема, Шеффера и другихъ, а слава досталась одному Гутенбергу. Изобрѣтеніе бумаги, столь важное для книгопечатанія, остается анонимнымъ. Какъ много лицъ участвуетъ въ промышленныхъ улучшеніяхъ, можно видѣть изъ громаднаго числа патентовъ, выдаваемыхъ въ различныхъ государствахъ; въ одной Франціи, въ теченіе тридцати лѣтъ, выдано болѣе ста тысячъ патентовъ на изобрѣтенія и болѣе тридцати тысячъ свидѣтельствъ о частныхъ усовершенствованіяхъ. Въ художественной и научной дѣятельности наиболѣе видное мѣсто принадлежитъ

подражанію и заимствованію. Шекспиръ передѣлывалъ пьесы своихъ предшественниковъ. Мольеръ сознавался, что онъ „беретъ свое добро тамъ, гдѣ находитъ его“. Изъ 240 басенъ Лафонтена не болѣе 15 или 16 придумано имъ самимъ. Никакая ученость и никакіе таланты не замѣняютъ народнаго творчества. Въ продолженіе многихъ столѣтій образованные люди Европы писали по-латыни, и они не создали ни одного произведенія, достойнаго стать на ряду съ классиками. Это показываетъ, что языкъ, сдѣлавшійся мертвымъ съ того времени, какъ перестала его употреблять толпа, теряетъ свои литературныя качества подъ перомъ писателей по профессіи и не приобретаетъ новыхъ достоинствъ. Тогда какъ латынь, несмотря на усердную ученую разработку, безповоротно приближалась къ полному упадку, простонародныя нарѣчія, предоставленныя на произволъ людей безграмотныхъ, развивались непрерывно и выросли на степень языковъ, высокая цѣнность которыхъ свидѣлствуется нашими новѣйшими литературами. Обычное употребленіе языка было болѣе производительно, чѣмъ все прилежаніе ученыхъ, и толпа безъ всякихъ усилій дѣлаетъ то, чего не могли сдѣлать лучшіе умы. Вѣрнѣйшій и окончательный судъ надъ авторами и ихъ произведеніями производится публикою, а не писателями или критиками. Въ наукѣ гениальный человѣкъ вкладетъ свою личную печать на истины, добытыя множествомъ изслѣдователей, но неформулированныя ими съ надлежащею точностью; онъ пускаетъ въ обращеніе идеи, подготовленныя другими и носившіяся, такъ сказать, въ воздухѣ. Наболѣе крѣпко держится культъ героевъ въ области дѣлъ военныхъ и политическихъ. Наполеонъ говорилъ, что „армія зайцевъ, предводимая львомъ, имѣетъ преимущество передъ арміей львовъ, предводимою зайцемъ“. Не трудно замѣтить, что стойкость и самоотверженіе солдатъ составляютъ первое условіе успѣха на войнѣ; самый талантливый и энергическій предводитель ничего не сдѣлаетъ, если его армія состоитъ изъ трусовъ или не имѣетъ довѣрія къ своимъ начальникамъ. Счастливый полководецъ, достигающій верховной власти, опирается на согласіе и настроеніе народа; деспотизмъ создается не насиліемъ одного, а подчиненіемъ и рабствомъ всѣхъ. Народы имѣютъ правителей по своему образу и подобию, и страна, недовольная своимъ управленіемъ, напоминаетъ урода, который жалуется на свое зеркало. Слава великихъ людей заключается въ томъ, что въ моментъ героическаго возбужденія они направляли усилія цѣлыхъ народовъ къ задачѣ, желаемой послѣдними, вынуждаемой обстоятельствами и почти необходимой. Великое положеніе вызываетъ на сцену великихъ

людей; еслибы Бонапартъ погибъ раньше времени, его мѣсто занялъ бы Гюгъ, Клеберъ или кто-либо другой изъ выдающихся дѣятелей той эпохи. Герои дѣйствуютъ какъ бы по уполномочію и съ одобренія толпы; но лучше всего было бы обходиться безъ этихъ знаменитостей, которыя обыкновенно слишкомъ дорого продаютъ свои заслуги. „Благо тѣмъ націямъ,—воскликаетъ авторъ,—которыхъ ревнивая судьба не надѣлила обиліемъ великихъ людей и которыя могли, какъ Швейцарія, обезпечить свое благосостояніе безъ этого рискованнаго содѣйствія“. Каждое поколѣніе обладаетъ гораздо большимъ количествомъ великихъ людей, чѣмъ сколько можетъ оно утилизировать; призваніе ихъ дается не случаемъ и не произволомъ, а всѣмъ ходомъ жизни и событій. Когда является запросъ на исключительныхъ дѣятелей, они выступаютъ въ избытѣ; когда время для нихъ неблагопріятно, они остаются въ тѣни. Они не выбираютъ своихъ ролей, но принимаютъ тѣ, какія возлагаются на нихъ толпою, и исполняютъ ихъ по ея внушеніямъ, подъ ея контролемъ. Чтò было бы съ героями, еслибы не было рукоплещущей имъ толпы? „Великіе люди полезны,—продолжаетъ Бурдъ,—но еще болѣе необходимы народы, и послѣдніе скорѣе могутъ обойтись безъ первыхъ, чѣмъ наоборотъ. Будемъ, по возможности, воздавать каждому по заслугамъ, согласно справедливости; но нельзя допускать такого раздѣла, при которомъ вся честь приписывается немногимъ героямъ и ничего не остается для толпы. Поймемъ, наконецъ, величіе роли, которую играютъ эти забытыя массы. Лучшая часть цивилизаціи есть плодъ ихъ труда, и безъ нихъ ничего не дѣлалось бы. Наиболѣе достойнымъ изученія въ народѣ нужно признать самъ народъ, и мы должны особенно чествовать не геній отдѣльных лицъ, а геній человѣчества. Въ исторіи предстоитъ совершить революцію, подобную той, которая совершена въ мірѣ политическомъ. Аристократія славы, низведенная до уровня общаго права, должна все болѣе ступиваться передъ возрастающимъ значеніемъ массъ. Исторія должна стать безличною и общею. Какъ граждане современныхъ демократій, мы закроемъ книгу королевскихъ хроникъ и придворныхъ службъ, займемся положеніемъ народа и составимъ для него рассказы, достойные свободныхъ поколѣній. Предоставимъ принцамъ писать исторію правителей, ибо, по признанію самихъ историковъ, такіе труды особенно важны для лицъ высокопоставленныхъ; мы же, въ качествѣ обыкновенныхъ смертныхъ, будемъ изучать исторію человѣчества“.

Эта краснорѣчивая защита интересовъ толпы, предпринятая французскимъ авторомъ, имѣетъ одинъ серьезный недостатокъ:

она направлена по невѣрному адресу и представляетъ, въ сущности, обвинительный актъ не противъ историковъ, а противъ самихъ же народовъ, создающихъ свою исторію. Кто поклоняется героямъ, кто выдвигаетъ и возвеличиваетъ ихъ, какъ не толпа? Если толпа слѣпо отдаетъ себя во власть великихъ честолюбцевъ и фактически отрывается въ ихъ пользу отъ своихъ правъ и интересовъ, то чѣмъ виноваты историки, добросовѣстно слѣдующіе за толпою и за ея всемогущими избранниками? Развѣ историки прибавили что-нибудь къ факту возвышенія и владычества Наполеона I надъ значительною частью Европы? Для того, чтобы исключительныя личности не останавливали на себѣ преимущественнаго вниманія историковъ, необходимо прежде всего, чтобы эти историческіе дѣятели не занимали подавляющаго мѣста въ дѣйствительномъ ходѣ событій. Если въ центрѣ политическихъ дѣлъ и предпріятій стоитъ отдѣльное лицо, имѣющее возможность распоряжаться судьбою народовъ, — какъ напримѣръ, Наполеонъ I, — то историки по-неволѣ должны заниматься подробнымъ изложеніемъ и оцѣнкою дѣйствій этой центральной фигуры, характеристикою ея качествъ, ея происхожденія и связей съ окружающими элементами политическаго строя. Если слава несправедливо поглощается однимъ человѣкомъ и оставляетъ въ сторонѣ его многочисленныхъ сотрудниковъ, то это зависитъ всецѣло отъ обычныхъ слабостей и увлеченій толпы, окружающей своихъ любимцевъ ореоломъ легендарнаго величія и могущества. Историки могутъ устранять легенды, отдѣлять сомнительные факты отъ достовѣрныхъ, анализировать дѣйствительную роль различныхъ дѣятелей и восстанавливать правду тамъ, гдѣ она затемнена искусственно; но они не могутъ по своему передѣлывать исторію, закрывать глаза на существовавшее фактически всеобщее подчиненіе данному герою и игнорировать его личный руководящій починъ въ событіяхъ изображаемой эпохи. Что поможетъ намъ принципиальное уваженіе къ толпѣ и къ народнымъ массамъ, когда мы видимъ, что эти массы пассивно идутъ куда угодно вождю — на Берлинъ и на Вѣну, на Мадридъ и на далекую Москву? Предположеніе, что смѣлый предводитель самъ направляется народомъ и повинуетъ лишь его напору, оказывается въ большинствѣ случаевъ совершенно голословнымъ и произвольнымъ. Смѣшно было бы утверждать, что грандіозный походъ въ Россію, въ 1812 году, былъ сознательнымъ дѣломъ французской націи или присоединившихся къ ней государствъ, а не личнымъ предпріятіемъ Наполеона. Теорія, отрицающая значеніе личностей въ исторіи, кажется на первый взглядъ глубокомысленной и

весьма демократичною; но, въ сущности, она только крайне поверхностна. Если бы правъ былъ Бурдъ, то неправы были бы тѣ лучшіе люди Франціи, которые считали водвореніе Бонапартовъ великимъ зломъ и бѣдствіемъ для страны, ибо не было бы разумнаго повода возмущаться противъ такой личной власти, которая вдохновлялась бы народными желаніями и не могла бы предпринимать ничего несогласнаго съ стремленіями большинства населенія. При жизни Наполеона III никому не приходило въ голову серьезно считать его выразителемъ и орудіемъ французской демократіи; всякій понималъ, что, затѣвая ненужныя и рискованныя войны, онъ имѣлъ въ виду упроченіе своей династіи, а не удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей и интересовъ народа. Извѣстно также, что идея народовластія, которою прикрывались бонапартисты, была пустою и лживою формулою, и что фактическое участіе общества въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ было сведено къ нулю. Изъ того, что народныя массы подчинились государственнымъ переворотамъ 18 брюмера и 2 декабря, нельзя еще заключить, что онѣ были солидарны со всѣми позднѣйшими дѣйствіями Бонапартовъ, что онѣ одобряли ихъ разорительную и своекорыстную политику, которая дважды навлекла на Францію непріятельское нашествіе. Еще болѣе произвольно и ошибочно другое предположеніе,—что не будь данной исторической личности, появились бы равносильные дѣятели, которые исполнили бы то же назначеніе съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Гошъ, Клеберъ или Дезэ могли бы замѣнить Бонапарта какъ полководца; но нѣтъ никакого основанія думать, чтобы эти республиканскіе генералы способны были сдѣлаться узурпаторами и основателями новой династіи: Франція, вѣроятно, успокоилась бы послѣ своихъ блестящихъ удачъ, не имѣла бы ряда династическихъ войнъ, и новѣйшая исторія Европы получила бы, быть можетъ, совсѣмъ иное направленіе.

Относительно великихъ людей дѣлается обыкновенно двоякаго рода ошибка: современники преувеличиваютъ ихъ реальную силу и приписываютъ имъ множество вещей, въ которыхъ они неповинны, а потомство готово усомниться въ значеніи и даже въ самомъ существованіи ихъ. На нашихъ глазахъ дѣйствуетъ князь Бисмаркъ: его имя связывается со всѣми крупными и мелкими перемѣнами въ международныхъ отношеніяхъ; война и миръ, по общему мнѣнію, находятся въ его рукахъ; онъ не только заправляетъ дѣлами Германіи и ея союзниковъ, но является душою и центромъ всей вообще европейской политики, какъ свидѣтельствуютъ о томъ ежедневно сотни и тысячи газетъ всего

міра. Никто не скажетъ, что личность Бисмарка безразлична для новѣйшей исторіи, что безъ него совершились бы тѣ же событія, что его роль могъ бы успѣшно сыграть кто-либо другой изъ современныхъ нѣмецкихъ дипломатовъ. Но черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ можетъ выступить историкъ, который возьмется доказать, что современники знаменитаго канцлера жестоко заблуждались, что онъ не могъ вовсе оказывать рѣшающее вліяніе на ходъ европейскихъ дѣлъ и что истинныхъ руководителей германскаго объединенія нужно искать въ толпѣ второстепенныхъ дѣятелей, въ массѣ нѣмецкаго общества и народа. Кто будетъ вѣрнѣе смотрѣть на настоящее положеніе вещей—современники и, такъ сказать, очевидцы происходившаго, или же позднѣйшіе отрицатели личной роли князя Бисмарка? Нынѣшнія представленія о всемогуществѣ и повсемѣстномъ таинственномъ вѣдѣтельствѣ германскаго канцлера имѣютъ въ себѣ много наивнаго и явно преувеличеннаго; но еще болѣе наивно было бы утверждать, что политическія задачи, выдвинутыя національною жизнью Германіи, разрѣшились бы одинаковымъ образомъ безъ участія Бисмарка и Мольтке, подъ руководствомъ какого-нибудь Мантейфеля или графа Арнимы. Разница въ способахъ дѣйствія была бы настолько значительна, что цѣль могла бы остаться недостигнутою, и самыя средства для достиженія единства могли быть совершенно иныя, и Европа была бы избавлена отъ нѣсколькихъ кровопролитныхъ войнъ и отъ тягостныхъ кризисовъ, вызванныхъ хроническимъ состояніемъ вооруженнаго мира. Программа Бисмарка была несомнѣнно личнымъ его дѣломъ, за которое онъ долженъ былъ долго и упорно бороться не только съ общественнымъ мнѣніемъ Германіи, но и съ вліятельными придворными кружками и съ колебаніями самого императора Вильгельма I; въ періодъ конфликта съ парламентомъ до войны съ Австріею онъ былъ самою непопулярною личностью, предметомъ общей вражды въ народѣ, и только побѣда при Садовой сдѣлала его героемъ и любимцемъ толпы. Всѣмъ памятно еще, при какомъ подавленномъ и тяжеломъ настроеніи нѣмцевъ и самихъ пруссаковъ началась австро-прусская кампанія 1866 года, задуманная ненавистнымъ „юнкерскимъ“ дипломатомъ. Эти свѣжіе еще факты недавняго прошлаго служатъ нагляднымъ и убѣдительнымъ примѣромъ подавляющаго дѣйствія выдающихся личностей на политическую жизнь народовъ. Что никакая толпа посредственностей не замѣнитъ одного талантливаго предводителя и что великіе люди не всегда являются въ нужный моментъ, когда того требуется критическое положеніе страны, это можно ясно видѣть

изъ состоянія нынѣшней французской республики, со времени смерти Гамбетты. Потребность въ сильномъ политическомъ дѣятелѣ, могущемъ сосредоточить около себя господствующую республиканскую партію, никогда еще не чувствовалась такъ замѣтно, какъ въ настоящее время, и отвѣтомъ на этотъ запросъ является лишь жалкая пародія на великаго человѣка, шумная и безцеремонно-честолюбивая личность отставного генерала, за котораго, однако, усердно ухватились всѣ партіи, отъ крайнихъ радикаловъ до монархистовъ и реакціонеровъ. Если толпѣ удастся поставить генерала Буланже во главѣ правительства, то историки, по необходимости, займутся имъ въ своихъ будущихъ сочиненіяхъ, хотя бы они вполнѣ сознавали его ничтожество. Справедливо ли будетъ нападать на историковъ за то, что они должны удѣлять свое вниманіе подобнымъ героямъ, которымъ ослѣпленная толпа столь легковѣрно вѣбруетъ свою политическую судьбу? Не защищать толпу отъ пренебреженія историковъ приходится безпристрастному наблюдателю, а только отыскивать и объяснять причины, побуждающія людей увлекаться отдѣльными личностями въ ущербъ разумнымъ интересамъ и правамъ населенія.

Новѣйшіе писатели по исторіи не могутъ быть обвиняемы въ тѣхъ чрезмѣрныхъ односторонностяхъ, на которыя указываетъ Бурдѣ; они, большею частью, избѣгаютъ увлеченія „культѣмъ героевъ“ (hero-worship Карлейля) и считаютъ своею главною задачею изслѣдованіе внутренняго быта народовъ, изученіе обстановки и условій политической жизни, выясненіе обстоятельствъ, породившихъ извѣстныя событія и выдвинувшихъ на первый планъ того или другого историческаго дѣятеля. Упрекъ въ неправильномъ распредѣленіи извѣстности и славы не можетъ быть отнесенъ къ писателямъ, добросовѣстно старающимся анализировать прошлое; странно было бы винить историковъ за поверхностныя обобщенія, въ родѣ того, что книгопечатаніе создано всецѣло однимъ Гутенбергомъ, что законъ тяготѣнія придуманъ вполнѣ Ньютономъ, что Шекспиръ и Мольеръ творили свои произведенія изъ самихъ себя. Склонность удерживать одно какое-либо имя для обозначенія цѣлаго круга явленій составляетъ одну изъ обычныхъ слабостей невоздѣланнаго человѣческаго ума, и, возстававшая противъ этого недостатка, Бурдѣ, въ сущности, бичуетъ толпу, которую онъ, повидимому, беретъ подъ свою защиту.

Многіе изъ теоретиковъ исторической науки скорѣе сокращаютъ, чѣмъ преувеличиваютъ реальное значеніе отдѣльных лицъ въ исторіи. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что приписывать крупныя историческія факты дѣйствіямъ отдѣльных

личностей—значило бы слишкомъ мелко смотрѣть на исторію, ибо великія послѣдствія не могутъ вытекать изъ маленькихъ причинъ; но въ этомъ случаѣ допускается нерѣдко весьма значительное смѣшеніе понятій. Прежде всего, виновниками великихъ событій могутъ оказаться отдѣльныя лица только потому, что они имѣютъ въ своемъ распоряженіи сложный механизмъ власти или обладаютъ способностью увлекать за собою народы силою своего таланта, энергіи или ловкости; сами по себѣ, безъ власти и безъ подчиненія толпы, они ничего не въ состояніи были бы сдѣлать, какъ не можетъ произойти пожаръ безъ горючихъ матеріаловъ или взрывъ—безъ взрывчатыхъ веществъ. Существуютъ три разряда историческихъ дѣятелей, имѣющихъ возможность вліять на исторію: во-первыхъ, великіе люди въ собственномъ смыслѣ этого слова; во-вторыхъ, лица, облеченныя властью, и, въ-третьихъ, честолюбивые искатели власти, эксплуататоры народныхъ инстинктовъ, слабостей и увлеченій. Сомнѣваться въ первенствующемъ вліяніи этихъ лицъ на внѣшнія событія и перемѣны въ жизни государствъ, въ виду слишкомъ крупной важности обсуждаемыхъ историческихъ явленій—это все равно, что отрицать возможность совершенія огромнаго пожара или взрыва при помощи ничтожной искры, въ виду кажущагося несоответствія между причиною и послѣдствіемъ. Историкъ можетъ задаваться болѣе отдаленнымъ вопросомъ о причинахъ и условіяхъ такого рѣшающаго вліянія личностей на общенародные интересы; но онъ не въ правѣ игнорировать факты и доказывать намъ, вопреки очевидности, что, напримѣръ, Петербургъ былъ бы столицею Россіи безъ императора Петра Великаго.

Признавъ народную массу важнѣйшимъ „дѣтелемъ исторіи“, что совершенно вѣрно, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ утверждаетъ это авторъ, Бурдѣ переходитъ къ вопросу о фактическомъ матеріалѣ, разрабатываемомъ историками. Онъ много и обстоятельно разсуждаетъ о негодности этого матеріала, какъ состоящаго преимущественно изъ частныхъ и случайныхъ фактовъ, безразличныхъ, въ сущности, для дѣйствительнаго движенія и развитія человѣчества. Частные случаи столь же мало интересуютъ науку о человѣчествѣ, какъ приключенія какого-нибудь муравья или участь муравейника не занимаютъ изслѣдователя этихъ насѣкомыхъ. Разсматриваемыя на извѣстномъ разстояніи и оцѣниваемыя съ общей точки зрѣнія, великія событія кажутся лишь ничтожными деталями и вполнѣ заслуживаютъ того забвенія, которое ихъ ожидаетъ. Эти поверхностныя волны на океанѣ чело-вѣческихъ дѣлъ умѣряютъ одна другую; для рыбака, лодка ко-

тораго расказивается ими, онѣ представляютъ пропасти и горы, но наблюдатель, глядящій съ берега вдаль, едва замѣчаетъ волненіе. Еще Сократъ сравнивалъ народы, жившіе около Средиземнаго моря и воображавшіе, что вселенная полна шумомъ ихъ славы, съ „лягушками, квакающими около лужи“. вмѣсто безцѣльныхъ разказовъ о битвахъ и подвигахъ, о придворныхъ анекдотахъ и политическихъ замѣшательствахъ, историки должны заняться изученіемъ незамѣтнаго внутренняго роста народовъ; они должны изслѣдовать заурядныя и всеобщія явленія, или „функции человѣческой жизни“, по терминологіи Бурдѣ; они должны объяснить ихъ послѣдовательный порядокъ, развитіе и прогрессъ. „Скажите намъ,—поясняетъ авторъ,—что во Франціи населеніе возросло отъ 16 милліоновъ въ 1700 году до 38 милліоновъ въ 1886 году, и что общая производительность ихъ труда возвысилась за это время отъ полутора милліарда до 37 милліардовъ франковъ, т.-е. отъ 94 почти до тысячи франковъ на человѣка. Это будетъ очень интересно для всѣхъ, кто безъ этого двойного излишка рисковалъ бы не найти мѣста за общою трапезою современности. Прибавьте, что средняя продолжительность человѣческой жизни, доходившая едва до двадцати-трехъ лѣтъ въ XVII вѣкѣ, поднялась постепенно до 29 въ 1776 году, затѣмъ до 35 въ 1835 г. и превышаетъ сорокъ лѣтъ въ 1886 г. Эти простыя свѣденія будутъ имѣть для насъ гораздо больше цѣнности, чѣмъ подробнѣйшій отчетъ о всѣхъ событіяхъ за послѣднія два столѣтія. Определите степень возрастанія населенія, состояніе народнаго богатства, причины его увеличенія и упадка; изложите ходъ развитія искусствъ и наукъ, усовершенствованія нравовъ, расширенія общественныхъ вольностей. Не опасайтесь входить въ детали заурядныхъ сторонъ человѣческаго быта. Исторія пищи, одежды, жилищъ, украшеній, идей и нравственности—вотъ живое, всегда поучительное содержаніе исторической науки. Пока историки будутъ ограничиваться описаніемъ пустыхъ частныхъ, они останутся просто исторіографами фортуны. Ихъ произведенія, бесполезныя и увлекательныя, не будутъ имѣть никакой цѣны для пониманія человѣческихъ дѣлъ, никакого примѣненія къ жизни; они могутъ служить только для развлеченія праздныхъ умовъ, по такому же основанію,—хотя и съ мѣньшимъ успѣхомъ,—какъ и разказы беллетристовъ“. Такъ-называемыя событія, при всемъ своемъ внѣшнемъ разнообразіи, поражаютъ монотонностью и постоянствомъ своихъ мотивовъ; обстановка и дѣйствующія лица мѣняются, но смыслъ фактовъ все тотъ же самый. „Это все тѣ же люди, волнующе тѣми же страстями, борющіеся за тѣ же

интересы подъ разными предлогами и дѣлающіе тѣ же глупости на тысячи ладовъ. Напротивъ, ходъ жизни человѣчества развертывается передъ нами постоянно мѣняющіяся перспективы, подобно плавному теченію рѣки. Въ обширныхъ предѣлахъ своей дѣятельности, человѣческій родъ преобразовывается мало-по-малу свое состояніе; слѣдить за стадіями его прогрессивнаго развитія становится все болѣе интереснымъ, и любознательность никогда не утомляется. Историкъ, который сумѣлъ бы очертить различныя стороны этого существованія, полного метаморфозъ, представилъ бы намъ картины чрезвычайной оригинальности“. Между тѣмъ писатели „вводятся въ заблужденіе шумомъ, производимымъ событіями въ данное время, и обычнымъ молчаніемъ, въ какомъ совершаются функціи“. Они считаютъ своимъ долгомъ разсказывать подробности какой-нибудь бессмысленной войны, въ которой погибло нѣсколько тысячъ человѣкъ; но всякая обыкновенная болѣзнь истребляетъ ежегодно гораздо больше народа. „Не полезно ли поэтому сообщать объ успѣхахъ гігіены и медицины, позволяющихъ предупреждать или вылечивать болѣзни, чѣмъ говорить о безплодныхъ убійствахъ? Введеніе новаго двигателя, какъ паръ или электричество, имѣетъ больше исторической важности, нежели предпріятія знаменитѣйшихъ полководцевъ“.

Въ этихъ разсужденіяхъ и сопоставленіяхъ французскаго автора кроется какое-то недоразумѣніе. Онъ предлагаетъ историкамъ изучать и описывать то, что составляетъ уже предметъ особыхъ и весьма обширныхъ отраслей знанія — исторіи культуры, социологии, антропологии, этнографіи, спеціальной исторіи наукъ и искусствъ, исторіи экономической и промышленной жизни. Почему же, рядомъ съ этими науками, имѣющими предметомъ изученіе человѣчества съ различныхъ его сторонъ, не можетъ существовать исторія политическая, которую только и критикуетъ авторъ? Развѣ признаніе первостепенной важности культурныхъ и научныхъ успѣховъ исключаетъ столь же живой интересъ къ фактамъ государственнаго и политическаго быта? Писатели, занятые изслѣдованіемъ одного круга явленій, нисколько не мѣшаютъ другимъ изучать болѣе интересныя или болѣе важныя группы фактовъ; каждая наука имѣетъ свою спеціальность, и довольно странно требовать упраздненія политической исторіи ради исторіи культуры, когда эта послѣдняя наука и безъ того существуетъ и развивается самостоятельно.

Болѣе справедливы замѣчанія Бурдѳа о недостаткахъ чисто повѣствовательнаго метода въ исторіи и о необходимости критическаго анализа въ примѣненіи къ историческимъ даннымъ. Авторъ,

по обыкновенію, не отдѣляетъ особенностей самаго матеріала политической исторіи отъ погрѣшностей и невѣрныхъ приѣмовъ писателей; осуждая историковъ за ихъ отношеніе къ излагаемымъ фактамъ, онъ за-одно осуждаетъ и самые эти факты, какъ недостойные будто бы вниманія изслѣдователей. Онъ смѣется надъ ироническими словами Мишле, что „царствованіе Людовика XIV раздѣляется на двѣ части—до появленія у него фистулы и послѣ фистулы“ и что „такъ же точно мѣняется Францискъ I—до нарыва и послѣ нарыва“; очевидно, этою рѣзкой и эффектной фразою историкъ хотѣлъ лишь сказать, что при тогдашнемъ политическомъ строѣ Франціи такіа ничтожныя обстоятельства могли серьезно вліять на настроеніе правительства и косвенно на его политику, а Бурдѣ упрекаетъ Мишле за легковѣрное раздуваніе мелочей. Паскаль выразилъ мысль, что многое измѣнилось бы въ исторіи, „еслибы носъ Клеопатры былъ немножко короче“: Антоній не увлекся бы курносою царицею, не поссорился бы изъ-за нея съ Августомъ и не былъ бы побѣжденъ своимъ соперникомъ. Бурдѣ серьезно возражаетъ Паскалю, доказывая, что имперія была бы во всякомъ случаѣ основана даже при торжествѣ Антонія; онъ не замѣчаетъ, что и съ этимъ ограниченіемъ отвергаемая имъ идея о великихъ послѣдствіяхъ малыхъ причинъ сохраняетъ въ данномъ примѣрѣ свою полную силу. Кромвелль, готовившійся отплыть въ Америку, былъ удержанъ въ Англіи по приказу Карла I; безъ этого случайнаго обстоятельства будущій вождь революціи и „протекторъ“ остался бы простымъ гражданиномъ американскихъ колоній, и исторія Англіи пошла бы тогда нѣсколько иначе. По мнѣнію Бурдѣ, революція все-таки произошла бы, хотя и въ другомъ видѣ и съ другими подробностями; но это предположеніе не ослабляетъ, однако, теоріи, признающей важность маленькихъ причинъ въ исторіи, такъ какъ и авторъ не отрицаетъ, что событія были бы совсѣмъ иныя, еслибы Кромвеллю удалось своевременно покинуть Англію. Подобный характеръ имѣютъ всѣ доводы автора противъ значенія личнаго элемента и мелкихъ причинъ (которые неправильно принято называть случайными, чѣмъ спутываются лишь понятія). Независимо отъ этого спора о свойствахъ историческихъ фактовъ, обычное содержаніе исторіи даетъ обильный матеріалъ для основательной и разумной критики. Историки часто погружаются въ детали—хронологическія, біографическія и анекдотическія, которыя абсолютно не имѣютъ связи ни съ какою наукою и которыя притомъ рѣдко могутъ быть признаны вполне достовѣрными. Заботясь объ интересной и художественной передачѣ частныхъ, иногда

съ прикрасами и прибавками, для усиленія эффекта, историки-повѣствователи суть только писатели, а не ученые. Они неизбежно вносятъ въ работу свои личныя тенденціи, свои симпатіи и антипатіи; исторія служитъ арсеналомъ, откуда различныя партіи черпаютъ свои аргументы, и при этомъ незамѣтно извращаются факты для лучшаго проведенія извѣстныхъ идей, такъ какъ споряція стороны имѣютъ въ виду „побѣдить, а не убѣдить“. Даже добросовѣстный писатель не можетъ добратся до истины среди массы историческихъ выдумокъ, ложныхъ свидѣтельствъ, обманчивыхъ документовъ, невѣрныхъ официальныхъ свѣдѣній и безконечныхъ разногласій по поводу каждаго отдѣльнаго событія. Черезъ два года послѣ битвы при Садовой въ нѣмецкой литературѣ существовало уже болѣе двухъ тысячъ отчетовъ объ этой непродолжительной австро-прусской кампаніи, и нельзя рѣшить, какое изъ этихъ изложеній наиболѣе приближается къ дѣйствительности. Большинство историческихъ частныхъ только правдоподобно, но не достоверно, и уже одно это обстоятельство образуетъ, по мнѣнію автора, непроходимую пропасть между исторіею и положительною наукою. Ни въ одной области знаній не было потрачено такой огромной массы труда, и добытые результаты далеко не соотвѣтствуютъ всѣмъ этимъ упорнымъ усиліямъ. Говоря о неточностяхъ и заблужденіяхъ историковъ, авторъ ссылается преимущественно на древнихъ классиковъ и на старыхъ французскихъ писателей, что, конечно, не даетъ вѣрнаго представленія о современномъ состояніи исторіи. Вообще во всей своей книгѣ онъ пользуется главнымъ образомъ литературою классическою и французскою, особенно прежняго времени; нѣмецкая ученая литература ему совсѣмъ незнакома, если не считать нѣсколькихъ сочиненій, переведенныхъ на французскій языкъ. При такихъ условіяхъ отзывы Бурдѣ объ исторической наукѣ грѣшатъ несомнѣнною отсталостію.

Выводы, дѣлаемые авторомъ изъ критической оцѣнки содержанія исторіи въ нынѣшнемъ ея смыслѣ, могутъ озадачить читателя своею неожиданностію и произвольностію. Такъ какъ перемежаемые и шаткіе факты не должны наполнять собою науку, то слѣдовало бы прежде всего заключить, что исторія обязана анализировать явленія и событія, отыскивать ихъ общія условія и причины, выдѣлять постоянные элементы и свойства политической жизни, а не довольствоваться безцѣльнымъ пересказомъ разныхъ происшествій въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ. Въмѣсто того, чтобы придти къ такому разумному заключенію, естественно вытекающему изъ всего предыдущаго,

Бурдд хочетъ совершенно вычеркнутьъ изъ исторіи изложеніе политическихъ фактовъ и превратить ее въ какую-то новую науку, въ нѣчто среднее между соціологіею и статистикою. Онъ опредѣляетъ исторію, какъ науку о развитіи разума и прогресса въ челоѣчествѣ, чѣмъ заранѣе исключаетъ изъ нея, безъ малѣйшаго въ тому основанія, все неразумное и регрессивное, существующее и нерѣдко преобладающее въ дѣйствительности. Онъ дѣлитъ содержаніе исторіи по шести главнымъ функціямъ челоѣческой жизни: промышленной, чувственной, эстетической, умственной, нравственной и соціальной. Точное изученіе этихъ функцій достигается при помощи статистическаго метода. Исторія должна сблизиться съ математикою, и группы чиселъ замѣнять собою пустые разсказы историковъ-повѣствователей. Историки будущаго должны „сбирать и истолковывать статистическія данныя о фактахъ обыкновенной жизни“, т.-е. они превратятся просто въ статистиковъ. Они будутъ изучать переписи населенія, таблицы рожденій и смертности, свѣденія о переселеніяхъ и объ эмиграціи, отчеты о народномъ хозяйствѣ, о перевозѣ грузовъ, о банковыхъ и биржевыхъ операціяхъ и т. п. Въ области чувствъ статистика остается еще для будущаго; въ искусствахъ и въ литературѣ она можетъ способствовать правильной оцѣнкѣ произведеній и ихъ авторовъ, такъ какъ окончательный приговоръ публики опредѣлялся бы числомъ напечатанныхъ изданій и проданныхъ экземпляровъ, результатами аукціонной продажи, числомъ театральныхъ спектаклей и концертовъ. По этой оригинальной системѣ самыми высшими произведеніями литературы оказались бы, вѣроятно, романы Понсонъ дю-Террайля или Ксавье де-Монтепена. Авторъ перечисляетъ различные отдѣлы статистики, въ которыхъ будутъ упражняться историки, и выставляетъ на видъ превосходство этихъ новыхъ занятій передъ прежними; что же касается достовѣрности собираемыхъ данныхъ, то она обезпечивается государственнымъ характеромъ статистики, „просвѣщенностью правительствъ, мудрою организациею и прочнымъ общественнымъ порядкомъ“. Чиновники статистическихъ бюро будутъ, по словамъ Бурдд, исполнять обязанности историографовъ, и писатели уступятъ мѣсто ученымъ. Но такъ какъ останутся писатели-историки, которымъ статистика не понравится, то авторъ предоставляетъ имъ продолжать описаніе личностей и событій политическихъ, тѣмъ болѣе, что политика не изсякнетъ и въ будущемъ. Такимъ образомъ, повѣствователи отдѣлятся отъ ученыхъ, которые одни только будутъ разрабатывать исторію въ видѣ настоящей положительной науки.

По поводу этой странной фантазіи самъ собою возникаетъ вопросъ: какъ создать статистическую исторію народовъ и чело-вѣчества, если прошлое не оставило намъ почти никакихъ точ-ныхъ матеріаловъ въ этомъ отношеніи? Или научная исторія должна начаться только съ новѣйшаго времени, а прошлое должно быть забыто? Но тогда не будетъ никакой исторіи, а будутъ только подготовительныя работы для дальнѣйшихъ поколѣній уче-ныхъ. Непонятно вообще, почему это статистическое изображе-ніе челоувѣческой жизни должно называться исторіею, а не ста-тистикою, и почему оно должно быть предпринимаемо истори-ками, а не специалистами по данной наукѣ. Всякій серьезный историкъ считаетъ необходимымъ пользоваться тѣми полезными числовыми свѣденіями, какія могутъ быть найдены въ историче-скихъ памятникахъ и матеріалахъ; но говорить объ особомъ ста-тистическомъ методѣ исторіи бесполезно уже потому, что стати-стика есть созданіе сравнительно новое и что приемы ея непри-мѣнны къ изученію прошлаго въ томъ смыслѣ, какъ предлагаетъ Бурдѣ.

Въ послѣдней части своего объемистаго сочиненія, авторъ рѣшается, не дождавшись статистики, указать на нѣкоторые историческіе законы, которые могутъ быть выяснены будущею научною исторіею. По какому методу онъ дѣлаетъ это—сказать трудно. Онъ заранѣе выводитъ общій законъ прогресса и обна-руживаетъ замѣчательный оптимизмъ, довольно удивительный со стороны современнаго французскаго теоретика. Свое разочарова-ніе въ политикѣ онъ доводитъ до отрицанія всей вообще поли-тической исторіи, хотя онъ не можетъ не видѣть, что пренебре-гаемыя имъ событія весьма чувствительно угнетаютъ народы и дѣйствуютъ на нихъ неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ всякія мирныя внутреннія „функции“. Подъ предлогомъ научности, авторъ гро-зитъ превращеніемъ исторіи въ скучнѣйшую и потому закрытую для публики литературу; съ своей стороны, онъ приступилъ уже, повидимому, къ исполненію этой угрозы—изданіемъ первыхъ двухъ томовъ „исторіи полезныхъ искусствъ“ и обѣщаніемъ послѣдова-тельнаго печатанія дальнѣйшихъ шести томовъ, обнимающихъ главныя стороны матеріальнаго быта людей. Можно думать, что эти книги—быть можетъ, весьма поучительныя—нигдѣ не бу-дутъ приняты за замѣну политической исторіи, и что оригиналь-ный взглядъ Бурдѣ на будущую научную исторію не найдетъ себѣ приверженцевъ.

Л. Слонимскій.

СТАРИННЫЕ СКОМОРОХИ

— Скоморохи на Руси. Исследование Ал. С. Фаминцына, Спб. 1888.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Фаминцынъ издалъ изслѣдованіе о „Божествахъ древнихъ славянъ“ (Спб., 1884). Собственно, цѣль автора было изслѣдованіе объ исторіи русской народной музыки, но, приступая къ этой задачѣ, авторъ нашелъ, что для того, чтобы представить, какъ слѣдуетъ, свойства народнаго музыкальнаго творчества, должно войти въ глубину народнаго міросозерцанія; а такъ какъ древнѣйшее міросозерцаніе есть преданіе и міеологія, то авторъ вмѣсто трактата о музыкѣ написалъ на первый разъ трактатъ о міеологіи. Мы пожалѣли тогда, что авторъ такъ понялъ свою задачу: справедливо, что музыка можетъ быть понята только въ связи съ настроеніемъ, съ идеальной подкладкой, но для данной цѣли не было никакой надобности входить съ такой подробностью въ изслѣдованіе міеологіи, которая ни въ какомъ случаѣ не могла отразиться въ народной пѣснѣ въ той мѣрѣ, въ какой авторъ находилъ нужнымъ ее разсматривать. Можно было съ увѣренностью сказать, что, къ какимъ бы выводамъ ни пришелъ авторъ относительно Перуна, Дажь-Бога, Хорса, Мокоши и иныхъ, доселѣ, несмотря на всѣ ученія изысканія темныхъ и проблематическихъ славяно-русскихъ божествъ, —это нисколько не объяснило бы ему народной музыки, тѣмъ больше, что при этой неясности міеологіи и отъ самой древней народной музыки ^у насъ не осталось ровно ничего. Тѣмъ болѣе было жаль, что авторъ потратилъ столько труда на этотъ предметъ, что древняя русская міеологія, которая все еще оставляетъ въ недоумѣніи самихъ специалистовъ, для не-специалиста представляетъ еще большую опасность произвольныхъ выводовъ. Такъ это и

случилось съ авторомъ: несмотря на то, что онъ отнесся къ предмету съ большимъ вниманіемъ, много перечиталъ, употребилъ много усилій для комбинаціи отрывочныхъ подробностей и неясныхъ намековъ, и, повидимому, съ удовольствіемъ возводилъ постройку, въ которой ему видѣлась связь и цѣльность, его трудъ очень мало удовлетворилъ специалистовъ, — многое оказалось абсолютно невѣрно, и видимая стройность слишкомъ часто достигалась только путемъ натяжекъ, чуть не завѣдомыхъ. Настоящая книжка, заглавіе которой мы выписали, имѣетъ связь съ той же задачей ¹⁾, то-есть, съ исторіей народной музыки; въ счастіе здѣсь авторъ имѣлъ дѣло съ бытовымъ реальнымъ фактомъ и въ изслѣдованіи нѣтъ уже никакой миеологіи. Авторъ беретъ цѣлью собрать свѣденія о нашихъ старинныхъ скоморохахъ и характеризовать ихъ искусство, и книжка представляетъ бытовой очеркъ изъ жизни древней Руси.

Скоморохи были представителями стараго народнаго веселья — пѣнія, пляски, шутовства, но также поэзіи и попытокъ драмы или народной комедіи. Роль ихъ до сихъ поръ не была достаточно выяснена. Мы вообще мало знаемъ о подлинномъ складѣ народнаго міровоззрѣнія древней Руси: старая письменность, попавшая почти исключительно въ руки церковныхъ книжниковъ или дѣловыхъ грамотѣевъ, или пренебрегала народно-поэтическимъ содержаніемъ, или предавала его проклятіямъ, видя въ немъ или остатки язычества, или вообще нѣчто недостойное, пустое и неприличное съ точки зрѣнія церковнаго благочестія. До XVII-го в. мы не встрѣчаемъ даже попытки записать народную пѣсню: для однихъ посвятить ей какое-нибудь вниманіе показалось бы и грѣховно, и унижительно, а настоящіе любители ея были безграмотны. Все, что мы знаемъ теперь о народной пѣснѣ и ея судьбѣ въ древнемъ періодѣ, мы реставрируемъ только путемъ труднаго археологическаго изысканія, по современнымъ памятникамъ народной поэзіи и по отрывочнымъ, большей частью, отрицательнымъ свидѣтельствамъ древности. Также мало мы знаемъ и о скоморохахъ, которые были носителями стараго народнаго увеселенія. Въ самомъ дѣлѣ, нынѣшній историкъ ихъ (мы говоримъ о г. Фаминцынѣ) для разсказа о нихъ былъ ограниченъ собственно только двумя источниками свѣденій, которые оба весьма недостаточны и въ сущности могутъ служить только на худой конецъ. Прямыхъ данныхъ нѣтъ никакихъ; чтобы судить о скоморошествѣ XI—XVII в.,

¹⁾ Авторъ обѣщаетъ, впрочемъ, и продолженіе своей миеологіи; на оберткѣ мы читаемъ объявленіе, что второй выпускъ „Божествъ древнихъ славянъ“ приготовляется къ печати.

авторъ обращается, во-первыхъ, къ тѣмъ указаніямъ, какія представляетъ былина, частью въ записи XVIII-го вѣка, частью въ записи нашего времени; а во-вторыхъ, ищетъ свидѣній о скоморохахъ въ тѣхъ церковныхъ изобличеніяхъ или административныхъ распоряженіяхъ, которыя направлялись противъ нихъ въ теченіе всего стараго періода русской жизни. Въ былинахъ уцѣлѣла нерѣдко память объ очень древнихъ вещахъ и лицахъ, но понятно, что въ своей нынѣшней формѣ XVIII—XIX-го вѣка эти воспоминанія подлежатъ большимъ оговоркамъ, когда говорятъ объ XI—XII вѣкѣ. Есть въ былинѣ воспоминанія о скоморохахъ, но онѣ сводятся къ немногимъ чертамъ, которыя затѣмъ только повторяются въ былинахъ съ небольшими варіаціями. Воспоминанія былинъ, какъ мы сказали, говорятъ немногое, а именно почти только указываютъ присутствіе скомороховъ на княжескихъ пирахъ и вообще на праздникахъ, пиршествахъ, народныхъ веселыхъ сборищахъ; но въ чемъ состояло самое содержаніе ихъ пѣсенъ—остается неизвѣстнымъ. Точно также, о скоморохахъ и другихъ людяхъ подобнаго рода много разъ упоминается въ церковныхъ поученіяхъ противъ народныхъ обычаевъ, предполагаемыхъ языческими или нарушавшими церковное благочиніе, а также говорится въ царскихъ и воеводскихъ грамотахъ, особливо въ царствованіе Алексѣя Михайловича, — но и изъ этихъ голословныхъ обличеній нельзя, конечно, увидѣть, какія именно пѣсни пѣли или какія представленія исполняли эти народные увеселители.

Г. Фаминцынъ сдѣлалъ почти все, что можно, чтобы извлечь изъ былинъ и другихъ пѣсенъ указанія на то, чѣмъ представлялись скоморохи въ народномъ воспоминаніи и чѣмъ они, вѣроятно, были нѣкогда въ дѣйствительности. Эти пѣсенныя указанія онъ дополняетъ данными изъ церковной литературы и изъ запретительныхъ грамотъ. Его изслѣдованіе даетъ вообще слѣдующую картину стариннаго скоморошества. Скоморохи, это — тѣ люди, которые въ былинахъ часто называются „веселыми людьми“ или „веселыми молодцами“, хотя не однажды встрѣчается и ихъ профессиональное названіе. Цитатами изъ былинъ и другими указаніями авторъ такъ опредѣляетъ искусство скомороховъ. Они играютъ и поютъ въ домахъ, особенно на пирахъ и свадьбахъ; старая лѣтопись согласно съ былиной рассказываетъ о княжескихъ пирахъ, при которыхъ постоянно бывала „игра“, пляска, „гудѣніе“, то-есть музыка. Слово „игра“ въ старомъ и новѣйшемъ народномъ языкѣ означало не одну игру на инструментѣ, но вмѣстѣ и пѣніе (какъ и до сихъ поръ говорится въ народномъ

языкъ: играть пѣсни, т.-е. пѣть). По объясненію г. Фаминцына, эта игра была двоякая: одна была „великая игра“, состоявшая въ пѣсняхъ серьезнаго эпическаго содержанія, въ поэтическомъ разсказѣ о богатырскихъ подвигахъ и приключеніяхъ, о дѣяніяхъ старыхъ князей, въ величаніи и славленіи князей настоящихъ — или вообще въ величаніи хозяевъ дома, куда пѣвцы были зазваны; другая игра была „веселая“ и состояла, очевидно, въ пѣніи веселыхъ шуточныхъ пѣсенъ, въ которыхъ шутка, вѣроятно, очень часто переходила мѣру пристойности. „Великую игру“ скомороховъ авторъ сопоставляетъ съ пѣснями того Баяна, котораго такъ картинно изображаетъ Слово о полку Игоревѣ: это былъ широкій богатырскій эпосъ, возвышенная поэзія, слѣды которой дѣйствительно еще сохранились въ нѣкоторыхъ эпизодахъ современной былины. Остатки веселой игры уцѣлѣли, по всей вѣроятности, въ тѣхъ шуточныхъ пѣсняхъ, какихъ много находится въ обращеніи до настоящаго времени. Въ роли пѣвцовъ являются въ былинѣ не одни только скоморохи по профессіи, но и сами богатыри, какъ Добрыня, Славъ, Соловей Будимировичъ и новгородецъ Садко, отъ игры котораго расплылся самъ морской царь. Пѣвцы и музыканты, скоморохи были также и плясунами: объ этой сторонѣ ихъ искусства есть нѣсколько специальныхъ указаній, изъ которыхъ видно между прочимъ, что ихъ пляска нерѣдко сопровождалась совершенно непристойными подробностями, — объ этомъ говорятъ иностранные путешественники временъ Грознаго, видѣвшіе подобную пляску; Курбскій упоминаетъ о пляскѣ въ „машкарахъ“ (масках), которой, вмѣстѣ съ скоморохами, предавался царь Иванъ Васильевичъ. Наконецъ, скоморохи исполняютъ свое ремесло въ народной толпѣ: они даютъ свои представленія и поютъ пѣсни на улицахъ, на площадяхъ, на поляхъ; они переряживались, надѣвали на себя личины, т.-е. маски, водили медвѣдей и „бѣсовскую кобылку“, какъ выражаются старинныя обличенія, и всѣмъ этимъ прельщали православныхъ христіанъ. Они же ходили съ кукольными ящиками, играли роль „халдѣевъ“, участвовавшихъ въ такъ-называемомъ пещномъ дѣйствѣ, и наконецъ давали всякія шутковскія представленія. Какъ люди бывалые и безцеремонные, они брались также за колдовство и знахарство, и т. д.

Авторъ разсказываетъ дальше объ ихъ практическомъ бытѣ. Скоморохи были двоякіе: это были или люди сродячіе, „странствующие комедіанты“, какъ ихъ называетъ Олеарій, и все ихъ имущество состояло иногда только въ орудіи ихъ ремесла; или это были люди осѣдлые, которые, живя въ городахъ, являлись

въ дома по приглашенію или состояли постоянно при князескомъ, впослѣдствіи при царскомъ дворѣ. Бродячіе скоморохи, по всѣмъ свѣденіямъ, не отличались добрыми нравами, какъ и слѣдовало быть при такомъ образѣ жизни: на пирахъ они, конечно, въ изобиліи испивали медъ и зелено вино; по вкусу времени, ихъ шутки и представленія были грубы и часто непристойны. О нихъ вообще шла дурная молва: при случаѣ они не останавливались передъ воровствомъ и даже грабительствомъ; въ „Стоглавѣ“ говорится о цѣлыхъ толпахъ бродячихъ скомороховъ, которые, „совокупясь ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста человекъ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно (то-есть, насильно) ядятъ и пьютъ и съ влѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ разбиваются“; подобное говорятъ грамоты и еще раньше. Въ современныхъ пѣсняхъ сохранились воспоминанія о подобныхъ дѣяніяхъ веселыхъ людей ¹⁾.

За свои пѣсни, пляски и веселыя шутки скоморохи получали не только угощеніе на пирахъ и временный пріютъ, но и плату; послѣдняя зависѣла, конечно, отъ обстоятельствъ — былины рассказываютъ, что князь Владиміръ дарилъ Добрыню, явившагося скоморохомъ, селами и безсчетной золотой казной, и т. п.; на дѣлѣ вознагражденіе скомороховъ, разумѣется, было не такъ роскошно, иначе имъ не приходилось бы воровать и грабить. — Но затѣмъ на долю скомороховъ, какъ сословія или профессіи, доставалось величайшее презрѣніе. Г. Фаминцынъ нѣсколько разъ принимается перечислять тѣ безконечныя осужденія и проклятія, какими карали ихъ церковные учителя; ихъ дѣло — безъ всякихъ

¹⁾ Напримѣръ, въ одной пѣснѣ о веселыхъ людяхъ, обокравшихъ бабу, у которой они пріютились:

„Ты живи, баба, подолѣ,
Ты копи денегъ поболѣ,
И мы дворъ твой знаемъ,
Опять зайдемъ,
Мы кубышку твою знаемъ,
Опять возьмемъ;
А тебя дома не найдемъ
И дворъ сожжемъ“.

Г. Фаминцынъ (стр. 147) сличаетъ это съ совершенно похожимъ эпизодомъ разбойничьей пѣсни:

„Вотъ спасибо, тѣ, мужикъ,
Вотъ спасибо, господинъ,
Поживи, мужикъ, подолѣ,
Покопи денегъ поболѣ,
Мы назадъ пойдемъ,
Мы опять зайдемъ“.

исключеній—изображалось какъ утѣха дьяволу, и общались мукѣ въ гееннѣ не только самимъ скоморохамъ, но и тѣмъ, кто слушалъ ихъ пѣсни и „гудѣніе“, смотрѣлъ на ихъ пляски и „позоры“. Понятно, что взгляды церкви не могли не отразиться на общемъ мнѣніи о профессіи, тѣмъ болѣе, что по правамъ вѣка въ этой профессіи было, дѣйствительно, много грубаго и такого, противъ чего становилось нужнымъ вмѣшательство закона, какъ упомянутая „сильная“ игра скомороховъ, какъ ихъ воровства и грабежи. Ихъ общественное положеніе не обезпечивалось ничѣмъ. Случалось, что ихъ самихъ грабили приказные и „вымучивали“ у нихъ собранныя деньги. „Даже оффиціальными грамотами, — говоритъ г. Фаминцынъ, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшалось, а иногда и приказывалось, не только выгонять непрошенныхъ гостей—скомороховъ, но даже бить и грабить ихъ; такъ, напр., приговорною памятю монастырскаго собора Троицкой лавры (1555 г.) предписывалось: скомороха или волхва... *бывъ да ограбивъ* да выбити изъ волости вонъ“ (стр. 173).

Въ XVII-мъ вѣкѣ ремесло скомороховъ, какъ особая профессія, окончательно падаетъ, какъ полагаетъ авторъ, подъ влияніемъ тѣхъ строгихъ запрещеній, какія были изданы Алексѣемъ Михайловичемъ въ началѣ его царствованія. Скомороховъ больше не стало; самое имя ихъ исчезло въ бытовомъ языкѣ; оно потеряло реальный смыслъ. Но такъ какъ продолжала существовать самая потребность въ увеселеніи, то скоморошество возобновилось въ другихъ видахъ. Правда, собственно народное веселье осталось заброшеннымъ—для него уже не было съ тѣхъ поръ и донынѣ такихъ специальныхъ исполнителей, но въ высшемъ кругу общества, домашнихъ скомороховъ еще съ XVI-го вѣка и даже раньше начинаютъ замѣнять иноземцы музыканты, фокусники и комедіанты.

„Съ конца XV-го и въ теченіе XVI и XVII-го вѣковъ, — говоритъ г. Фаминцынъ, — при царскомъ дворѣ народные потѣшники: бахари, домрачен, гусельники постепенно вытѣсняются игроками на органахъ, скрипкахъ, цимбалахъ и прочихъ прибывающихъ изъ Западной Европы инструментахъ, а равно и трубными хорами (въ XVII-мъ вѣкѣ); у московскихъ вельможъ, еще въ первой половинѣ XVII-го столѣтія, мы встрѣчаемъ дворовыхъ шутовъ-скомороховъ или „веселыхъ“ игрецовъ, пѣвцовъ, плясуновъ, а во второй половинѣ того же вѣка, подъ влияніемъ проникающихъ въ это время въ Россію все болѣе и болѣе многочисленныхъ иноземныхъ музыкальныхъ потѣшниковъ, и даже иноземныхъ музыкально-театральныхъ представлений, эти дворо-

вые „веселые“ замѣняются дворовыми же людьми—актерами, танцовщиками и оркестровыми (на современный западно-европейскій ладъ) музыкантами, сначала подвизающимися на музыкальномъ и музыкально-театральномъ поприщѣ вмѣстѣ съ прѣзжими нѣмецкими артистами и, разумѣется, подчиняющимися вліянію послѣднихъ, но съ теченіемъ времени постепенно приобрѣтающими нѣкоторую самостоятельность, въ качествѣ представителей зарождающагося русскаго сценическаго и музыкальнаго искусства“.

Общій историческій выводъ высказанъ авторомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Какъ бы ни было грубо и элементарно искусство скомороховъ, но не должно упускать изъ виду, что оно представляло единственную, соответствовавшую вкусамъ народа, въ теченіе многихъ вѣковъ, форму развлеченія и утѣхи, замѣнявшую ему вполне новѣйшую литературу, новѣйшія сценическія зрѣлища. Скоморохи, какъ показано выше, были древнѣйшими въ Россіи представителями народнаго эпоса, народной сцены; они же, вмѣстѣ съ тѣмъ, были и единственными представителями свѣтской музыки въ Россіи, а потому повторяю, что вся первая многовѣковая эпоха исторіи русской свѣтской музыки до середины XVII-го вѣка можетъ быть названа эпохой скомороховъ. О томъ, каковъ былъ характеръ и стиль музыки скомороховъ, мы можемъ дѣлать одни лишь предположенія, такъ какъ письменныхъ памятниковъ они намъ не оставили, да и оставить не могли; они, конечно, нотныхъ знаковъ не знали (?) и, слѣдовательно, пѣсенъ своихъ не записывали. Предположительныя заключенія о мелодіяхъ послѣднихъ можно строить по пѣснямъ преемниковъ, скомороховъ—сказателей былинъ и бандуристовъ относительно „великой“, а также по практикуемымъ еще въ народѣ играмъ (на инструментахъ) и пѣснямъ плясовымъ и разгульнымъ, относительно „веселой“ ихъ игры“ (стр. 190—191).

Мы прибавили бы, что отголоскомъ многихъ сторонъ давнишняго скоморошества былъ извѣстный Ванька Каинъ, столь популярный въ прошломъ столѣтіи и почти до новѣйшаго времени. Его прозвище показываетъ, что его дѣянія находили себѣ справедливую оцѣнку,—но для народнаго воображенія привлекательно было его смѣлое удалство, его изобрѣтательность и, наконецъ, чисто скоморошеское веселье, съ которымъ рядомъ шли плутовскія и разбойническія продѣлки. Извѣстно, что ему приписывается цѣлый рядъ особыхъ „Каиновыхъ“ пѣсенъ¹⁾, вполне народ-

¹⁾ Напримеръ, знаменитая пѣсня: „Не шуми, матъ, зеленая дубровушка—не мѣшай мнѣ, молодцу, думу думать“.

ныхъ по складу и нерѣдко истинно поэтическихъ. Ванька Каинъ представляется заповѣдавшимъ скоморохомъ, которому судьба привела жить въ половинѣ XVIII-го вѣка. Его пѣсни объясняютъ, съ другой стороны, упомянутую близость нѣкоторыхъ шуточныхъ пѣсенъ съ разбойничьими, какъ и самъ Каинъ стоялъ на серединѣ между двумя профессіями, или соединялъ обѣ...

Таково содержаніе книжки г. Фаминцына. Онъ замѣчаетъ впрочемъ, что ему предстоитъ еще возвратиться къ нѣкоторымъ подробностямъ предмета, напр. къ самымъ мотивамъ скоморошскихъ пѣсенъ, о которыхъ можно судить по мелодіямъ пѣсенъ современныхъ, а именно по мелодіи былинь для упомянутой „великой игры“ скомороховъ, и по мотивамъ пѣсенъ плясовыхъ и разгульныхъ для „игры веселой“; авторъ предполагаетъ также остановиться на инструментахъ скоморошеской музыки. Еслибы авторъ хотѣлъ исчерпать предметъ, то можно было бы многое прибавить и о самихъ скоморохахъ. Авторъ, напр., ничего не говоритъ о происхожденіи самаго названія людей этой профессіи; онъ упоминаетъ только о возможности производства этого имени отъ арабскаго слова „маскара“, на что указывалъ уже Забѣлинъ ¹⁾. Это производство, какъ и другія, предложенныя до сихъ поръ и всего подробнѣе разобранныя г. Веселовскимъ, остаются пока гадательными, но обзоръ ихъ былъ бы уместенъ въ книгѣ, которая дѣлаетъ скомороховъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что разборъ этого вопроса далъ бы возможность сличить наше явленіе съ параллельнымъ явленіемъ средневѣковаго запада ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ сходнаго было очень много; тѣ подробности, которыя рассказываются о нѣмецкихъ шпильманахъ, французскихъ жонглерахъ и другихъ подобныхъ играцахъ, шутахъ, комедіантахъ, фокусникахъ и т. д., часто совершенно совпадаютъ съ тѣмъ, что извѣстно о нашихъ скоморохахъ, и могли бы повести къ объясненію того, что намъ о нихъ не совершенно извѣстно. Сличеніе было бы тѣмъ болѣе нелишнимъ, что самъ авторъ допускаетъ, что скоморохи бывали и люди

¹⁾ Стр. 84—85; авторъ ссылается здѣсь также на г. Веселовскаго, но не совершенно точно.

²⁾ Много интересныхъ сопоставленій этого рода сдѣлано г. Веселовскимъ въ „Розысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха“, VI—X. Спб. 1883, глава: „Святочныя маски и скоморохи“, стр. 128—222, гдѣ на страницахъ 177—222 говорится спеціально о скоморохахъ русскихъ. Относительно названія укажемъ еще предположеніе г. Голубинскаго („Исторія русской церкви“, т. I, вторая половинка, стр. 755), который припоминаетъ здѣсь греко-византійское слово *akommarchos*, что кажется намъ нелишнимъ върѣянности.

пришли. Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ едва ли можно сомнѣваться: древняя Русь кievская, галицкая, новгородская, смоленская, была по всѣмъ вѣроятіямъ очень доступна для такихъ загожихъ людей или съ юга изъ Византіи, или съ запада отъ нѣмцевъ, и любопытно, что слово „шпильманъ“ (въ смыслѣ именно скомороха) встрѣчается уже въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ Кормчей книги.

Изъ частныхъ изложеній г. Фаминцына замѣтимъ, напр., что былинныя термины: „сыгрышъ“, „нангрышъ“ и т. под., соединяемые съ Царь-градомъ, Іерусалимомъ и т. д. („сыгрышъ сыгралъ Царя-града“ и пр., т.-е. сыгралъ скоморохъ), авторъ слишкомъ поспѣшно объясняетъ какъ *содержаніе, тему*, говорившія о Царь-градѣ и Іерусалимѣ, между тѣмъ собственный смыслъ этихъ словъ безъ сомнѣнія — *мотивъ*, съ которымъ уже на второмъ планѣ могло соединяться содержаніе. Далѣе, объясняя древнихъ русскихъ скомороховъ, авторъ, между прочимъ, ссылается на фрески Кіево-Софійскаго собора; но эти фрески изображаютъ жизнь византійскую, а не русскую. Далѣе, авторъ, припоминая „словутнаго пѣвца Митусу“, о которомъ говоритъ въ XII-мъ вѣкѣ Ипатьевская лѣтопись, принимаетъ его прямо за эпическаго пѣвца, но при этомъ слѣдовало бы не забыть то предположеніе, которое считало Митусу просто знаменитымъ въ свое время пѣвцомъ церковнымъ. Фактическія свѣденія о старомъ скоморошествѣ могли быть собраны полнѣе, и пр.

Несмотря, однако, на указанныя пробѣлы, трудъ г. Фаминцына есть полезный вкладъ въ исторію нравовъ и поэзіи древней Руси, и изображеніе скомороховъ еще выиграетъ въ интересѣ, когда авторъ закончитъ свой планъ и изложитъ свои изысканія о мелодіяхъ пѣсенъ скомороховъ и ихъ музыкальныхъ инструментахъ.

А. В — нъ.

ИСПОЛНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ 1887 года.

Въ нынѣшнемъ году представляется возможнымъ нѣсколько ранѣе ознакомиться въ подлинникѣ съ отчетомъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1887 годъ. Общіе результаты этого исполненія были уже извѣстны мѣсяцъ тому назадъ ¹⁾: *обыкновенная доходота*, прямыхъ и оборотныхъ, въ 1887 г., поступило 829.661.423 рубля; такихъ же расходовъ произведено 835.849.859 рублей; слѣдовательно превышеніе расходовъ надъ доходами по обыкновенному бюджету составило 6.188.436 рублей. Съ присоединеніемъ къ доходамъ 2.672.189 р. свободныхъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ 1883 года указанный дефицитъ уменьшается до 3.516.247 рублей.

Съ 1880 года по исполненію нашихъ государственныхъ росписей оказывались постоянные дефициты, составившіе, по обыкновенному бюджету, за 7 лѣтъ, 1880—1886 года, 249 мил. рублей, среднимъ числомъ, по 35 мил. р. слишкомъ ежегодно, причемъ дефицитъ 1885 г. дошелъ до 41 мил. р., а въ 1886 году до 49¹/₂ мил. рублей. Въ сравненіи съ такими цифрами дефицитъ 1887 года представляется болѣе нежели умѣреннымъ, и это объясняется значительнымъ въ этомъ году приращеніемъ государственныхъ доходовъ, въ которыхъ за предшествовавшее время, несмотря на постоянное увеличеніе размѣра существовавшихъ налоговъ и введеніе новыхъ, обнаружива-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, ноябрь, стр. 428.

лась крайняя косность. По сопоставленіямъ ¹⁾, дѣлаемымъ въ объяснительной запискѣ въ отчету государственнаго контроля, въ семилѣтіе 1880—1886 года доходы увеличились всего лишь на 70 мил. р., а между тѣмъ за это время послѣдовало возвышеніе акциза съ вина съ 7 до 9 к. съ градуса, т.-е. почти на 30⁰/₀; возвышены таможенные пошлины, возвышенъ акцизъ съ сахара и сл. табака; установленъ сборъ съ имущества, переходящихъ безмезднымъ способомъ; установленъ сборъ отъ денежныхъ капиталовъ; усилена горная подать; приобретено въ казну нѣсколько частныхъ желѣзныхъ дорогъ, и пр. Увеличеніе государственнаго дохода, вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, значительно превышаетъ уменьшеніе, послѣдовавшее отъ отмены подушной подати и соляного налога ²⁾, такъ что въ указанномъ приращеніи государственныхъ доходовъ на 70 мил. р., по 12 мил. р. въ годъ, весьма незначительную долю можно отвести вліянію естественнаго роста доходовъ развивающагося государства. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что взятая для сравненія цифра дохода 1880 г. (651 мил. р.) на 11 мил. рублей ниже цифры доходовъ предшествовавшаго 1879 года (662 мил. р.). Сравненіе съ этимъ послѣднимъ годомъ было бы еще менѣе благоприятно.

Въ 1887 году государственные доходы увеличились противъ предшествовавшаго года на 53 мил. рублей, т.-е., по исчисленію государственнаго контроля, на 7¹/₂ ⁰/₀; увеличеніе болѣе чѣмъ значительное, но для полной оцѣнки его значенія необходимо, не останавливаясь на одной цифрѣ его, опредѣлить его характеръ. Совершенно согласно съ тѣмъ, что изложено въ нашей послѣдней статьѣ, изъ этихъ 53 мил. рублей увеличеніе доходовъ на 21 м. р. государственный кон-

¹⁾ Сравненіе доходныхъ цифръ росписей за разныя годы очень затруднительно, вслѣдствіе измѣненій въ составѣ росписей, а равно и измѣненій въ курсѣ, по которому исчисляются въ кредитн. рубляхъ доходы, поступившіе въ золотой валютѣ. Въ своихъ сопоставленіяхъ государственный контроль исключаетъ изъ доходовъ поступленіе выкупныхъ платежей и излишекъ, образовавшихся отъ переложения металл. поступленій въ кредитные по менѣ выгодному курсу въ 1887 году. Это далеко не полно. Слѣдовало бы включить поступленія отъ построенныхъ казною и приобрѣтенныхъ ею частныхъ желѣзныхъ дорогъ, военное вознагражденіе, сначала входившее въ составъ обыкновеннаго бюджета, а затѣмъ перенесенное въ чрезвычайный, и нѣк. др. Но уловить всѣ такіа случайныя вліянія на цифру бюджета того или другого года—значило бы писать по этому предмету цѣлый трактатъ, въ которомъ все-таки пришлось бы допустить много гадательнаго. Поэтому мы остановились на цифрахъ, принятыхъ государственнымъ контролемъ, который также оговаривается, что „сравненіе на принятомъ имъ основаніи не можетъ имѣть совершенной точности“.

²⁾ Податей, поземельнаго и лѣсного налога поступило въ 1880 году 112¹/₂ м. р., а въ 1886 году 86¹/₂ м. р., менѣе на 26 м. р.; соляной акцизъ доставилъ въ 1880 г. 12 мил. р. Съ 1881 года онъ, какъ извѣстно, отмененъ.

троль приписываетъ обстоятельствамъ случайнымъ, т.-е. зачисленію по бюджету 1887 г. поступлений, относящихся къ другимъ годамъ: около 5 мил. р. сахарнаго дохода, причитавшагося съ заводчиковъ за 1886 г., по которому платежъ имъ былъ отсроченъ; 7 мил. р. питейнаго дохода въ счетъ смѣты 1888 года, и около 9 мил. р. банковыхъ прибылей за прежнее до 1887 года время. Прямое увеличеніе доходовъ 1887 года противъ 1886 г. не превышаетъ такимъ образомъ 32 мил. р. ¹⁾, и въ значительной мѣрѣ составляетъ слѣдствіе повышеніе въ срединѣ 1887 года нѣкоторыхъ существовавшихъ налоговъ и установленія новыхъ; такъ, возвышенъ тарифъ бандеролей на табачныя издѣлія; увеличенъ гербовый сборъ и цѣна актовой бумаги; установленъ сборъ (въ размѣрѣ 635 р.) съ акціонерныхъ обществъ и товариществъ на пактъ и дополнительный десятипроцентный сборъ съ свидѣтельствъ и билетовъ на мелочной, развозный и розничный торги. Наконецъ, съ 1887 г. акцизъ съ сахара, согласно законоположенію 1881 года, взимался въ размѣрѣ 85 коп. вмѣсто получаемыхъ до этого времени 65 к. съ пуда. Определить точно цифру увеличенія дохода въ 1887 году, вслѣдствіе приведенныхъ законоположеній, было бы весьма затруднительно, но приблизительно оно можетъ быть предложено въ 10 мил. рублей. Остальная затѣмъ сумма должна быть приписана указываемому государственнымъ контролемъ замѣтному улучшенію въ общемъ экономическомъ положеніи народонаселенія, вслѣдствіе хорошаго урожая и оживленія въ торговлѣ, а также развитію нѣкоторыхъ отраслей казеннаго хозяйства, въ томъ числѣ расширенію казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и едва ли особенно выгодному приобрѣтенію въ казну уральской желѣзной дороги, доставившей валового дохода 1.705.446 рублей.

Но прежде, чѣмъ придти къ заключенію о государственныхъ доходахъ 1887 года вообще, необходимо коснуться нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Главнымъ видомъ дохода, какъ прежде, такъ и теперь, является *питейный*: десять лѣтъ назадъ, въ 1878 г., онъ доставилъ казнѣ болѣе трети всѣхъ государственныхъ доходовъ, 215 мил. р. изъ 626 мил. р.; въ 1887 г. онъ только немногимъ менѣе трети: 257 мил. р. изъ 830 мил. рублей. Признаемся, каждый разъ, когда, обсуждая государственный бюджетъ, предстоитъ начать съ питейнаго дохода, невольно представляешь себѣ ту трудную роль, въ которой финансовый вѣдомствамъ приходится съ одной стороны являться радѣтелями на-

¹⁾ Если 5 мил. р. сахарнаго дохода, поступившихъ въ 1887 г. за 1886 годъ, прибавить къ доходамъ сего года, то увеличеніе доходовъ 1887 г. противъ 1886 г. составитъ всего 27 мил. рублей.

родной трезвости, хотя бы въ виду болѣе успѣшнаго поступленія окладныхъ сборовъ, а съ другой—хлопотать о возвышеніи питейнаго дохода. Печальнѣе всего, что ни та, ни другая цѣль не достигается: пресловутая забота объ укорененіи, взаимнѣе пьянства, равномернаго потребленія вина не осуществляется ¹⁾, а питейный доходъ, несмотря на постоянное увеличеніе размѣра питейныхъ налоговъ, не увеличивается, хотя съ населенія онъ извлекаетъ ежегодно все большія и большія суммы. Въ 1878 году, какъ показано выше, питейный доходъ составлялъ около 215 мил. руб. Путемъ увеличенія размѣра питейныхъ налоговъ и, главнымъ образомъ, акциза съ 7 до 8 коп. съ градуса, онъ доведенъ въ 1882 и 1883 годахъ до 253 и 253½ мил. рублей. Но это и была кульминаціонная точка, за которой доходъ этотъ сталъ быстро падать и въ 1885 году доставилъ казнѣ съ небольшимъ 231 мил. р. Несмотря на новыя возвышенія питейныхъ обложеній, въ томъ числѣ акциза до 9 коп. съ градуса, т.-е. на 12%, что должно бы доставить лишнихъ 25 мил. рублей, питейный сборъ далъ въ 1887 году 257% м. р.,—изъ нихъ 7 слишкомъ мил. р. принадлежать, по заявленію министерства финансовъ, доходу 1888 года. Остается, такимъ образомъ, 250 мил. р., т.-е. меньше, чѣмъ было въ 1882 и 1883 годахъ. Но въ эти года акцизъ былъ 8 р. съ ведра безводнаго спирта, а въ 1887 году уже 9 руб.; слѣдовательно населеніе уплатило, по расчету 25 мил. ведеръ безводнаго спирта, оплаченныхъ акцизомъ въ 1887 году, 25 мил. рублей лишнихъ; но они попали не въ казну, а гдѣ-то заблудились по дорогѣ. Въ прежнихъ нашихъ бюджетныхъ обзорахъ мы не разъ указывали на принявшій огромные размѣры контрабандный ввозъ въ намъ спирта чрезъ западную границу, преимущественно изъ Пруссіи, и этихъ отчасти, рядомъ съ другими видами питейныхъ закононарушеній, объясняли то замѣчательное явленіе, что въ западныхъ губерніяхъ, несмотря на приростъ населенія, потребленіе спирта не росло, а все болѣе и болѣе сокращалось. Нынѣ контрабандный ввозъ спирта изъ Пруссіи сократился, по удостовѣренію государственнаго контроля, вслѣдствіе того, что въ Пруссіи возвышенъ акцизъ на спиртъ. Но несмотря на уменьшеніе контрабанды спиртомъ, питейный доходъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ въ 1884 году, при акцизѣ въ 8 к. съ градуса, составлялъ 17.200.000 руб., а въ 1887 году, при 9-ти-копѣечномъ акцизѣ, 17.687.000 р.; въ юго-западныхъ—въ 1884 году 22.586.000 р., а въ 1887 году 22.765.000 р., т.-е. вмѣстѣ увеличился на 1½%, тогда какъ акцизъ повышенъ на 12½%. Мы взяли для сравненія 1884 годъ, какъ акцизъ повышенъ на 12½%. Мы взяли для сравненія 1884 годъ, какъ ближайшій (съ 8 коп. акцизомъ) къ 1887 году; доходъ за 1883 г.

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“ 1887 г. январь, стр. 379.

въ западныхъ губерніяхъ (при акцизѣ въ 8 к.) составлялъ 42.500.000 р., т.-е. на 2 мил. р. превышалъ доходъ 1887 года ¹⁾). Но питейный доходъ подрывается не одними закононарушеніями, каковы контрабанда, тайные винокуренные заводы, фальшивое показаніе количества выкуреннаго вина и пр. Въ отчетѣ неокладныхъ сборовъ за 1887 годъ цѣлая страница посвящена описанію борьбы—о ней упоминаетъ и государственный контроль,—которую финансовому вѣдомству пришлось вести въ пермской губерніи съ монополистами, винными заводчиками, произвольно подававшими цѣну на вино, въ ущербъ какъ казенному доходу, такъ и населенію. Борьба эта къ 1887 году приняла рѣшительный характеръ: министерство финансовъ исходатайствовало право открыть въ пермской губерніи казенную продажу вина, но таковой не открыло: судя по цифрамъ отчета государственнаго контроля, изъ 60.000 р., отпущенныхъ на издержки по учрежденію въ пермской губерніи казенныхъ складовъ вина и ведерныхъ лавокъ, израсходовано (все-таки израсходовано) 3.253 р. 32 к., т.-е. сумма, на которую казенную продажу трудно устроить. По слухамъ, между вѣдомствомъ финансовъ и монополистами послѣдовало соглашеніе. Окажется ли это соглашеніе столь же выгодно для казны, какъ вообще ея соглашенія съ разными предпринимателями, или будетъ удачнѣе, покажутъ дальнѣйшіе отчеты государственнаго контроля. Оттуда же узнаемъ мы о судьбѣ казенной продажи вина въ томской и тобольской губерніяхъ, установленной, по словамъ отчета департамента неокладныхъ сборовъ, уже въ 1888 году вслѣдствіе замѣченнаго въ этихъ губерніяхъ ненормальнаго поднятія цѣнъ на вино винными заводчиками и торговцами.

Расходъ безводнаго спирта (оплаченнаго акцизомъ), составлявшій въ періодъ 1880—1883 годовъ 28 мил. ведеръ, по трети ведра на душу, падая въ послѣдующіе годы, въ 1886 году дошелъ до 24.801.000 ведеръ, и въ 1888 году увеличился до 25 мил. ведеръ, по 0,27 в. на душу.

По свѣденіямъ о полученіи государственныхъ доходовъ съ 1-го января по 1-е августа 1888 года ²⁾, видно что питейнаго акциза получено за это время 133 мил. р., болѣе противъ поступленія за 7 мѣсяцевъ 1887 года на 3.500.000 р., т.-е. на сумму вполне соответствующую увеличенію съ 1888 г. размѣра акциза на 25 коп. съ ведра безводнаго спирта.

Этотъ обзоръ приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что эластичность и расширяемость питейнаго дохода, еще недавно казав-

¹⁾ См. отчеты департамента неокладныхъ сборовъ 1883, 1884 и 1885 гг. "Вѣстникъ Финансовъ", № 43-й, 1888 г.

²⁾ "Вѣстникъ Финансовъ", 1888 г. № 43.

шіяся безграничными, совершенно утратились. Даже на одномъ и томъ же уровнѣ, притомъ все-таки съ періодическими паденіями, доходъ этотъ можетъ поддерживаться лишь возвышеніемъ размѣра самого налога, а можетъ ли, съ другой стороны, это возвышеніе идти безпредѣльно—мы рѣшить не беремся. Нужно замѣтить, что и теперь акцизъ на спиртъ превышаетъ разъ въ шесть стоимость самого продукта.

Другой государственный доходъ, также находящійся въ зависимости отъ двойственной финансовой политики,—это *таможенный сборъ*, на которомъ отражается, съ одной стороны, стремленіе увеличить государственный доходъ, съ другой—стремленіе оказать покровительство отечественной промышленности. Первая изъ этихъ цѣлей оказывается недостигнутой; несмотря на то, что въ теченіе семи или восьми лѣтъ постоянно производится такъ-называемый „пересмотръ“ тарифа, т.-е. увеличивается пошлина то на всѣ товары вообще, то на нѣкоторые ихъ виды и налагается на предметы, прежде изъятые отъ обложенія пошлиной,—таможенный доходъ не увеличивается. Известно, что большая часть таможенного дохода поступаетъ въ металлической валютѣ; въ кредитныхъ рубляхъ поступаетъ лишь незначительная часть его (милліона полтора рублей и меньше); изъ отчета государственнаго контроля видно, что дохода этого въ металлической валютѣ поступило въ 1880 году (т.-е. при тарифѣ, еще пониженномъ сравнительно; возвышеніе его началось съ 1881 года) ¹⁾ 65½ мил. руб.; въ 1881 г. этихъ поступленій было 57 мил. р.; въ 1882 году 62½ м. р.; въ 1883 и 1884 годахъ по 64 м. р.; въ 1885 году менѣе 63 м. р.; въ 1886 году 67½ м. р., и въ 1887 году 63½ м. р. Нужно замѣтить, что въ таможенномъ доходѣ чаще, нежели въ какомъ-либо другомъ, происходятъ колебанія вслѣдствіе постороннихъ вліяній, напр. слуховъ, вѣрныхъ или невѣрныхъ, о готовящемся возвышеніи тарифа, и пр. Подъ ихъ дѣйствіемъ, товаръ, за который при обыкновенномъ порядкѣ была бы заплачена пошлина въ январѣ слѣдующаго года, очищается ею въ декабрѣ текущаго. Поэтому колебанія въ таможенномъ доходѣ по годамъ не имѣютъ экономическаго значенія и служатъ лишь указателемъ различныхъ теченій въ таможенной политикѣ. На основаніи этого мы не будемъ останавливаться на крупныхъ цифрахъ поступленій 1880 и 1886 годовъ и указывать на доходъ 1887 года какъ на паденіе ²⁾; достаточно показать, что возвы-

¹⁾ Согласно Высочайшему повелѣнію 16-го декабря 1880 года.

²⁾ По отчету, таможенного дохода за 1887 годъ показано 107½ м. р., болѣе 1886 года на 5 мил. р. и болѣе предшествующихъ лѣтъ на 7—8 мил. р. Но эти цифры зависятъ отъ разныхъ курсовъ, по которымъ перелагались въ кредитные рубли

шеніе тарифа государственнаго дохода не увеличило. Достигнута ли возвышеніемъ таможеннаго тарифа другая цѣль— содѣйствіе развитію отечественной промышленности? Очень сомнительно. Отчетъ государственнаго контроля, приводя цифры о количествахъ поступившихъ пошлинъ съ разныхъ заграничныхъ товаровъ, говоритъ, что „благопріятное значеніе, въ смыслѣ развитія отечественной промышленности, можетъ быть придано сокращенію привоза издѣлій хлопчатобумажныхъ, льняныхъ, пеньковыхъ, шерстяныхъ и шолоковыхъ, при замѣтномъ увеличеніи ввоза сырыхъ матеріаловъ, каковы хлопчатая бумага, сырецъ и бумажная пряжа. Такое же выгодное, въ интересахъ отечественной промышленности и торговли, значеніе можно признать за уменьшеніемъ ввоза иностранныхъ винъ и соли“. И только; очень неопредѣленно и нерѣшительно; доказательство въ родѣ извѣстнаго *post hoc, ergo propter hoc*, и въ выводѣ лишь возможность предположенія, по отношенію къ двумъ-тремъ видамъ товаровъ, той цѣли, какая открыто указывалась въ проектахъ таможенныхъ мѣропріятій. Нужно замѣтить, что государственный контроль вообще не есть только счетная палата, въ сферѣ обще-государственной дѣятельности собирающая лишь цифры; она предназначена быть вліятельнымъ, очень разностороннимъ и весьма чуткимъ органомъ общегосударственнаго управленія. Будь хоть какіе-нибудь факты, указывающіе на полезное вліяніе повышеннаго тарифа на развитіе отечественной промышленности, государственный контроль не преминулъ бы привести ихъ въ оправданіе таможенной политики послѣдняго времени. Онъ ихъ не приводитъ—потому что ихъ нѣтъ. Факты же противоположнаго характера есть, и онъ ихъ приводитъ, какъ напр. поддѣлка и контрабандное водвореніе чая въ предѣлы имперіи чрезъ западную границу, получившія особенное развитіе въ послѣднее время.

Мы не будемъ впрочемъ останавливаться ни на вопросѣ, не слѣдовало ли бы, кромѣ интересовъ промышленности и промышленниковъ, принимать во вниманіе и интересы потребителей,—ни на фактахъ въ родѣ каменноугольнаго кризиса на югѣ Россіи. Ограничимся лишь выводомъ, что непрерывные, длящіеся восемь лѣтъ, „пересмотры“ нашего таможеннаго тарифа, при весьма сомнительной услугѣ, оказанной ими развитію отечественной промышленности, не способствовали въ то же время, до 1887 года включительно, увеличенію государственныхъ

поступившія въ металлической валютѣ таможенные пошлины: въ 1887 году по курсу 1 р. 67 коп. за золотой рубль; въ 1881—1886 гг. по 1½ р. кред. за металл. рубль; въ 1880 г. по 26 пенсовъ за кредитный рубль и т. д. Поэтому-то для сравненія мы и взяли не цифры отчетовъ въ кредитныхъ рубляхъ, а металлическія поступленія. По расчету государственнаго контроля, таможенный доходъ 1887 года уменьшился противъ 1886 года на 6.866.821 р. кредита.

доходовъ. По свѣденіямъ министерства финансовъ, за семь мѣсяцевъ 1888 г. таможенныхъ сборовъ поступило 64 мил. р. кредитныхъ— болѣе противъ 1887 г. за тотъ же періодъ (43 мил. р.) въ полтора раза. Нѣкоторая часть этого увеличенія объясняется тѣмъ, что золото, въ которомъ поступаетъ таможенная пошлина, въ 1887 году перечислялось въ кредитные по курсу 1 р. 67 к. кредитныхъ за мет. рубль, а въ 1888 г. уже по курсу 1 р. 80 к., но и затѣмъ увеличеніе можно было бы считать все-таки значительнымъ, еслибы не оговорка „Вѣстника Финансовъ“, что оно объясняется отчасти мѣрами для болѣе своевременнаго перечисленія этого дохода изъ кассъ специальныхъ сборщиковъ въ центральныя кассы. Такое объясненіе у сравненія между сборами двухъ лѣтъ отнимаетъ всякое значеніе. Что же касается самой цифры поступленія за 7 мѣсяцевъ 1888 г., то, составляя лишь немного болѣе половины исчисленнаго по росписи на этотъ годъ таможеннаго дохода (124½ м. р.), она даетъ поводъ ожидать къ концу года скорѣе недобора, нежели излишка.

Болѣе благопріятнымъ, сравнительно съ тѣми двумя видами доходовъ, оказывается поступленіе окладныхъ сборовъ. Въ 1887 году относительно этихъ налоговъ послѣдовало значительное, въ сущности впрочемъ формальное, преобразование: подушная подать, взимавшаяся еще въ 1886 году съ государственныхъ крестьянъ (въ размѣрѣ 19 мил. р.), окончательно отмѣнена (за исключеніемъ Сибири); оброчная подать и лѣсной налогъ съ тѣхъ же крестьянъ преобразованы въ выкупные платежи съ увеличеніемъ на 16 мил. р. Такъ какъ въ то же время была нѣсколько возвышена поземельная подать, то общая сумма податей и выкупныхъ платежей (съ крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ) осталась въ 1887 году приблизительно та же, какъ и въ 1886 г. Но поступленіе было гораздо успѣшнѣе: въ 1886 г. къ недоимкамъ прежнихъ лѣтъ по этимъ окладамъ (въ суммѣ до 61 мил. р.) было вновь причислено оклада и недоимокъ 142 мил. р.; поступило же въ уплату только 132 мил. р., что, за сложеніемъ недоимокъ на 3 м. р., увеличило ихъ сумму на 7 м. р. Въ 1887 году текущихъ оклада и недоимокъ было исчислено 142½ м. р., поступило же около 147 мил. р., вслѣдствіе чего, выѣстъ со сложеніемъ недоимокъ на 2 мил. р., общая сумма ихъ къ 1888 году приблизилась къ той, въ которой онѣ числились къ 1886 году. Судя по свѣденіямъ министерства финансовъ о поступленіи этихъ сборовъ въ первые 7 мѣсяцевъ 1888 года, можно разсчитывать, что оно окажется не менѣе успѣшно, нежели въ 1887 году. Успѣшное поступленіе этихъ налоговъ тѣмъ отраднѣе, что имѣетъ значеніе не только какъ

увеличеніе государственныхъ доходовъ, но и какъ признакъ, что сельское населеніе, истомленное неурожаями 1884 и 1885 годовъ, успѣло значительно оправиться въ три послѣдніе года, относительно благопріятные.

Изъ другихъ доходовъ слѣдуетъ упомянуть о сахарномъ: его поступило въ 1887 году 23 мил. рублей—болѣе противъ 1886 года на 8 мил. рублей. Это увеличеніе объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что въ 1887 году поступило за счетъ 1886 года до 5 мил. р., уплата которыхъ была на годъ отсрочена сахарозаводчикамъ; во-вторыхъ, повышеніемъ на 30% (съ 65 до 85 коп.) акциза съ сахара ¹⁾ (что съ 26 м. пудовъ выработаннаго сахара составитъ тоже около 5 м. р.). Если исключить эти 10 мил. р., то доходъ 1887 года оказался бы меньше 1886 года, чего и слѣдовало ожидать, такъ какъ въ 1887 г. и число сахарныхъ заводовъ нѣсколько сократилось, и сахара выработано менѣе сравнительно съ 1886 годомъ на 3 мил. пудовъ. Тѣмъ не менѣе, 1887 годъ оказался по сахарному доходу значительно для казны выгоднѣе, благодаря отпѣнѣ, съ 1-го іюля 1886 г., премій, выдаваемыхъ сахарозаводчикамъ за вывозимый за границу сахаръ, которыхъ было выдано въ 1886 году слишкомъ на 4½ мил. р., независимо отъ возвращеннаго за тотъ же сахаръ и на такую же сумму акциза. Вслѣдствіе этихъ выдачъ отъ крупнаго сахарнаго дохода за 1886 годъ, до 16 мил. рублей, въ казнѣ дѣйствительно осталось лишь 6½ мил. р., такъ что доходъ 1887 года превысилъ это поступленіе на 18 мил. рублей ²⁾.

Не останавливаясь въ отдѣльности на другихъ доходныхъ статьяхъ, замѣтимъ вообще, что исполненіе доходной росписи 1887 года, несмотря на ея болѣе крупную цифру, по характеру поступленій ничѣмъ не отличается отъ росписи ближайшихъ предшествовавшихъ лѣтъ; мы разумѣемъ обнаруживающуюся въ этихъ поступленіяхъ косность, не позволяющую разсчитывать на естественный экономическій ростъ государственныхъ доходовъ, такой, какой обнаружился въ нашемъ доходномъ государственномъ бюджетѣ въ періодъ 1870—1879 годовъ. Увеличеніе дохода 1887 года, какъ показано выше, есть результатъ возвышенія размѣра налоговъ и лишь въ незначительной степени слѣдствіе особенно благопріятныхъ обстоя-

¹⁾ Нынѣ дѣйствующая система взиманія акциза съ сахара, съ пуда, была установлена съ 1831 года, съ условіемъ періодическаго возвышенія акциза съ 50 коп. на 65 к. (съ 1834 г.) и на 85 коп. (съ 1887 года).

²⁾ Премій за вывозимый за границу сахаръ оставлены до мая 1891 года лишь для сахара, вывозимаго въ Персію и на средне-азіатскіе рынки. Въ 1887 году этихъ премій выдано 640 тыс. рублей.

тельствъ, какъ напр. двухлѣтній хорошій урожай. Даже тамъ, гдѣ эти обстоятельства дѣйствуютъ, и гдѣ сверхъ того должно оказать вліяніе значительное возвышеніе размѣра налога, какъ въ доходѣ питейномъ, доходная цифра 1887 года едва достигаетъ цифры поступления прежнихъ лѣтъ. Разумѣется, увеличеніе размѣра налога, напр. торговыхъ пошлинъ, гербоваго сбора, табачнаго или сахарнаго акциза—ведетъ къ увеличенію доходовъ по этимъ статьямъ, но, по большей части, получаемое такимъ образомъ приращеніе не соответствуетъ ожиданіямъ, какія заявлялись при увеличеніи налога. Въ примѣръ этого мы упоминали въ одномъ изъ прежнихъ обзорныхъ указаніе государственнаго контроля, что отъ измѣненій въ таможенномъ тарифѣ въ періодъ 1880—1885 года ожидалось приращеніе доходовъ на 30 м. р., а вмѣсто того доходъ 1885 года представилъ противъ 1879 едва замѣтное повышеніе. Доходъ отъ государственныхъ имуществъ увеличивается весьма слабо; доходъ отъ лѣсовъ, напр., въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ, остается въ одной и той же цифрѣ (отъ 13 до 13½ м. р.), которая болѣе чѣмъ на миллионъ рублей (на 7—8%) ниже поступления этого дохода въ трехлѣтіе 1880—1882 годовъ, доходившаго до 14.700.000 р. слишемъ.

Все указанное приводитъ къ заключенію о замѣтномъ напряженіи, при нынѣ существующей системѣ налоговъ, платежной способности населенія. Оно, по нашему мнѣнію, подтверждается свѣденіями о поступленіи государственныхъ доходовъ и въ 1888 году. Предвидѣть результаты исполненія росписи этого года весьма трудно, вслѣдствіе совершенно измѣненнаго состава этой росписи по доходамъ, но наше вниманіе останавливается на себѣ слѣдующее обстоятельство. Поступленія за 7 мѣсяцевъ 1888 года, по сравненію съ доходами за тотъ же срокъ 1887 г., очень благопріятны. Но всего изъ исчисленныхъ по росписи доходовъ за годъ въ 852 мил. рублей, въ теченіе семи мѣсяцевъ, поступило 418 мил. р., т.-е. менѣе половины, тогда какъ пропорціонально должно бы поступить 497 мил. р.—менѣе, слѣдовательно, на 79 м. р. Если и есть доходы, поступающіе преимущественно въ концѣ года, то все же разница очень велика; къ тому же въ эти семь мѣсяцевъ уже поступили 15 м. р. прежняго долга отъ Николаевской дороги.

Разсчитывать скоро на замѣну нынѣшней финансовой системы возвышенія существующихъ и введенія новыхъ косвенныхъ налоговъ системой прямого подоходнаго налога, разумѣется, трудно; вопросъ этотъ, весьма серьезно занимавшій финансовое управленіе нѣсколько

лѣтъ тому назадъ, теперь очевидно надолго вычеркнуть изъ ряда неотложныхъ государственныхъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, время отъ времени не бесполезно принимать во вниманіе, какимъ бременемъ ложатся на населеніе высокіе и черезъ-чуръ разнообразные косвенные налоги, — бременемъ, далеко не соответствующимъ выгодамъ, которыя извлекаетъ изъ этихъ налоговъ государственное казначейство.

Сверхъ возвышенія доходовъ, благопріятные относительно результаты исполненія росписи 1887 г. по обыкновенному бюджету находятся, равнымъ образомъ, въ зависимости отъ умѣренныхъ расходовъ. Мы не разъ указывали, какъ въ прежнее время, при значительномъ превышеніи дѣйствительно поступающихъ доходовъ надъ исчисленными по росписи, еще болѣшая разница оказывалась въ расходахъ. Съ 1882 года этотъ порядокъ нѣсколько измѣнился, но и тутъ за всѣ года, за исключеніемъ 1884, дѣйствительные расходы на 10—20 мил. руб. превышали смѣтное назначеніе. Въ 1887 году по росписи было исчислено расходовъ 833 мил. р.; въ дѣйствительности израсходовано 836 м. р.—болѣе лишь на 3 мил. рублей, и на 3½ р. болѣе расхода 1886 года. Въ сущности, однако, противъ этого года въ 1887 году оказывается не увеличеніе, а сокращеніе расходовъ; такъ, въ числѣ ихъ было произведено на 70½ м. р. расходовъ въ металлической валютѣ. Эти расходы по курсу, принятому для росписи 1886, по 1 р. 50 коп. за металлическій рубль, составили бы около 106 м. р. кред.; по курсу же для росписи 1887 г., по 1 р. 67 к. кред. за металлическій рубль, они равнялись 118 м. р.—на 12 мил. рублей болѣе; по вычетѣ ихъ изъ 833 мил. р., расходъ 1887 г. окажется на 8½ мил. ниже расхода 1886 года (832½ мил. р.). Такой результатъ получился, главнымъ образомъ, вслѣдствіе сокращенія почти на 5 мил. р. расходовъ по морскому министерству, вслѣдствіе уменьшенія „платежей по экстреннымъ заказамъ“,—нужно думать, по судостроительству,—и на 7 мил. руб. по министерству финансовъ, вслѣдствіе прекращенія выдачи премій за вывозимый за границу сахаръ и сокращенія расходовъ по гарантіи чистаго дохода частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Увеличились расходы по системѣ государственнаго кредита, независимо отъ 12 мил. указанной выше курсовой разницы, еще на 6 мил. р. отъ перенесенія на общій государственный кредитъ числившихся особо операцій бывшихъ кредитныхъ установленій и отъ увеличенія платежей по 5% желѣзно-дорожной рентѣ.

Какъ на особенность по исполненію расходной государственной росписи 1887 года, слѣдуетъ указать на предоставленное военному министерству исключительное право дѣлать позаймствованія и перечисленія кредитовъ по финансовымъ смѣтамъ главныхъ управленій

военнаго министерства изъ однихъ параграфовъ въ другіе и изъ одной смѣты въ другую. Право это дало военному министерству возможность, въ случаѣ недостаточности отпущенныхъ на какой-нибудь предметъ суммъ, расходовать на это остатки отъ другихъ кредитовъ, вмѣсто того, чтобы обращаться въ законодательномъ порядкѣ съ ходатайствомъ объ отпускѣ дополнительныхъ ассигнованій, другими словами, дало возможность, вопреки правиламъ дѣйствующей смѣтной системы, расходовать назначенные по росписи кредиты не на предметъ прямого назначенія. Министерство довольно широко воспользовалось предоставленнымъ ему правомъ и перевело кредитовъ на сумму до 2¹/₂ м. р. Разумѣется, отступленіе отъ коренныхъ основаній дѣйствующей смѣтной системы было вызвано, въ данномъ случаѣ, вѣскими соображеніями и не можетъ сдѣлаться нормальнымъ порядкомъ.

Рядомъ съ бюджетомъ *обыкновенныхъ* государственныхъ доходовъ и расходовъ и въ связи съ нимъ стоитъ бюджетъ *чрезвычайныхъ* поступленій и расходовъ. Поступленія, какъ мы это показали въ ноябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“, главнымъ образомъ, состоятъ изъ займовъ, а затѣмъ изъ нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ доходовъ за текущій годъ или за прежнее время, которые, повидимому, безъ определенной системы вносятся въ чрезвычайные ресурсы, но могли бы быть причислены и къ обыкновеннымъ доходамъ. Такъ, въ 1887 г. прибыли государственнаго банка за прежнее время причислены къ обыкновеннымъ доходамъ, а наличныя средства ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій попали въ чрезвычайные ресурсы, несмотря на однородность тѣхъ и другихъ суммъ и на то, что расходы, упавшіе вслѣдствіе ликвидаціи на государственное казначейство, внесены въ обыкновенный, а не въ чрезвычайный бюджетъ; поступления въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ отъ Турціи и Хивы до 1884 года значились въ числѣ обыкновенныхъ доходовъ, а съ 1884 года перенесены въ чрезвычайные.

Болѣе однородности, хотя и не болѣе системы—въ такъ-называемыхъ чрезвычайныхъ расходахъ. Несмотря на крупную сумму ихъ, относительно этихъ расходовъ въ отчетѣ государственнаго контроля (мы разумѣемъ объяснительную записку) не видно попытки привести ихъ въ погодную связь между собою, указать ихъ движеніе, словомъ—остановиться не на одномъ перечнѣ предмета ихъ, а указать ихъ значеніе и предѣлы. Если исключить такіе расходы, какъ уплата государственному банку за выпущенные во время восточной войны кредитные билеты, также отнесенные въ разрядъ чрезвычайныхъ, составившихъ съ 1881 по 1888 годъ 367 мил. р., то предметъ этихъ

расходовъ,—какъ значится въ заголовкѣ—„сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, устройство портовъ“. За 10 лѣтъ, 1878—1887 г., этихъ чрезвычайныхъ расходовъ произведено, по нашему счету, 430.401.131 р.; изъ нихъ 36.321.912 р. на устройство портовъ; остальные 394.079.219 р. (быть можетъ, за незначительными исключеніями)—на желѣзныя дороги. Во-первыхъ, не совсѣмъ понятно, почему устройство портовъ, въ томъ числѣ и исправленіе поврежденій, производящееся изъ года въ годъ, на сумму отъ 2 до 7 мил. р., попало въ чрезвычайные расходы, а постройка разныхъ зданій, казармъ, крѣпостей, шлюзовъ, каналовъ, шоссеиныхъ дорогъ и т. п.—въ обыкновенные.

Во-вторыхъ, съ понятіемъ о чрезвычайныхъ расходахъ неразрывно связывается понятіе о томъ, что эти расходы временные; въ прежнихъ росписяхъ, напр. 1869 года, они такъ и назывались: „расходы временные экстраординарные, покрываемые спеціально опредѣленными экстраординарными ресурсами“. Нынѣ всѣ эти опредѣленія утрачены; расходы, называемые чрезвычайными, производятся ежегодно въ теченіе двадцати лѣтъ, съ 1869 года, и хотя относятся на случайные источники, но эти источники не имѣютъ характера *спеціальныхъ и опредѣленныхъ*. Въ теченіе двадцати лѣтъ, т.-е. съ 1869 года, производятся постоянно и ежегодно расходы на устройство портовъ и—сперва на *устройство*, повдѣе—на *сооруженіе* желѣзныхъ дорогъ. Послѣдніе расходы съ теченіемъ времени разнообразились и расчленились; въ отчетѣ за 1869 годъ мы находимъ 3 рубрики: расходы на устройство желѣзныхъ дорогъ; расходы по надзору за устройствомъ правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ—и по заготовленію принадлежностей, до желѣзныхъ дорогъ относящихся. По отчету за 1887 годъ сверхъ этихъ рубрикъ (съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ названія) находимъ: содержаніе управленій, улучшеніе и усиленіе казенныхъ дорогъ, улучшеніе и увеличеніе провозоспособности частныхъ желѣзныхъ дорогъ; выкупъ казною частныхъ желѣзныхъ дорогъ, расходы на содержаніе строительнаго контроля ¹⁾.

Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ этихъ расходовъ, а быть можетъ и большая часть ихъ,—не могутъ быть отнесены къ обыкновеннымъ постояннымъ государственнымъ расходамъ, вслѣдствіе чего остается одно—считать ихъ чрезвычайными. Но было бы необходимо выделить изъ нихъ расходы обыкновенные, какъ напр. на содержаніе управленій или контроля; остальные же распределить на группы, приурочить къ опредѣленнымъ ресурсамъ, вообще урегулировать ихъ и

¹⁾ Въ отчетѣ за 1887 годъ, въ числѣ чрезвычайныхъ расходовъ, есть еще расходъ, такъ сказать, экстра-чрезвычайный (всего впрочемъ на 36 р. 66 коп.),—расходъ на предметы, не предусмотрѣнные сѣтой по данной на путловскую желѣзную дорогу.

сверхъ того, хотя бы въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля, подвести итогъ этихъ двадцатилѣтнихъ расходовъ, объяснивъ отношеніе ихъ къ ходу государственнаго хозяйства.

Вообще желѣзнодорожные счета, несмотря на то, что имъ отводится весьма широкое мѣсто во всѣхъ частяхъ отчета государственнаго контроля, все еще нельзя считать вполне выясненными, по крайней мѣрѣ, для не-спеціалистовъ. Но къ этимъ желѣзнодорожнымъ счетамъ, а равно и къ нѣкоторымъ другимъ финансовымъ и экономическимъ сторонамъ государственнаго хозяйства, насколько онѣ выясняются изъ отчета по исполненію государственной росписи за 1887 годъ, мы будемъ имѣть еще случай возвратиться.

0.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1888 г.

Отношеніе земскихъ начальниковъ къ крестьянскому управленію и самоуправленію. — Расширеніе ихъ функций, сравнительно съ кругомъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ. — Основные черты желательной и необходимой административной реформы. — Слишкомъ усердные защитники новыхъ законопроектовъ.

Разбирая проектъ положенія о земскихъ начальникахъ, мы останавливались до сихъ поръ преимущественно на трехъ сторонахъ его — политической, сословной и судебной. Мы старались доказать, что необходимость административной реформы, въ томъ видѣ, въ какомъ она предположена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не вытекаетъ изъ основныхъ началъ нашего государственнаго строя; что назначеніе земскихъ начальниковъ исключительно изъ среды дворянъ и по соглашенію съ предводителями дворянства не соответствуетъ ни интересамъ населенія, ни даже правильно понятымъ интересамъ самого дворянства; что соединеніе властей судебной и административной, равно какъ и широкое развитіе административно-карательной власти, должно быть признано ненужнымъ, неудобнымъ и опаснымъ¹⁾. Намъ остается теперь рассмотреть учрежденіе земскихъ начальниковъ въ связи съ крестьянскимъ самоуправленіемъ, или, лучше сказать, въ связи съ ограниченіями крестьянскаго самоуправления.

Земскіе начальники, по мысли проекта — это мировые посредники *gêdévivi*. Отъ непосредственныхъ своихъ предшественниковъ — непримѣнныхъ членовъ уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій — они должны отличаться не только ббльшею близостью къ населенію, но и несравненно ббльшею властью, какъ надъ крестьянскими обществами и

¹⁾ См. статью о соединеніи властей въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1886 г., статью о сословномъ началѣ въ № 4 за 1887 г., и Внутр. Обзорнія въ № 5 за 1887 г., и №№ 2, 3, 5, 6, 10 и 11 за 1888 г.

отдѣльными крестьянами, такъ и надъ должностными лицами сельскаго и волостного управленія. Земскому начальнику предоставляется, между прочимъ, надзоръ за дѣйствіями сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, утвержденіе ихъ въ должности, разборъ приносимыхъ на нихъ жалобъ, отиѣна выборовъ, признаваемыхъ неправильными, разрѣшеніе волостныхъ сходовъ и опредѣленіе вопросовъ, подлежащихъ обсужденію схода, повѣрка, въ порядкѣ надзора, правильности рѣшеній волостного суда. Отъ него зависить удаленіе волостныхъ и сельскихъ писарей, сельскихъ старостъ, волостныхъ судей; волостныхъ старшинъ онъ можетъ временно устранять отъ должности, представляя объ окончательномъ ихъ удаленіи свѣзду земскихъ начальниковъ. Всѣхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, не исключая ни волостныхъ старшинъ, ни волостныхъ судей, земскій начальникъ въ правѣ подвергать, по своему усмотрѣнію, денежному штрафу до пяти рублей или аресту до семи дней. На первое время сельскіе старосты и волостные старшины остаются подчиненными, сверхъ того, дисциплинарной власти уѣзднаго исправника, на основаніи положенія 27-го іюня 1874 г. Все это вмѣстѣ взятое не только не устраняетъ одного изъ самыхъ крупныхъ недостатковъ существующаго порядка, но еще больше его обостряетъ, дѣлаетъ его еще болѣе чувствительнымъ. Ни для кого не тайна, что нравственный уровень крестьянскаго самоуправленія понизился, за послѣднее время, именно вслѣдствіе нежеланія лучшихъ людей изъ среды крестьянъ становиться лицомъ къ лицу съ неограниченнымъ начальническимъ произволомъ. Одно дѣло—отвѣтственность, опредѣленная точными правилами; другое дѣло—отвѣтственность, зависящая исключительно отъ „усмотрѣнія“. Первая страшна только для тѣхъ, кто чувствуетъ себя небезгрѣшнымъ или безсильнымъ устоять противъ соблазна; передъ послѣдней наоборотъ, всего скорѣе отступать именно тѣ, кто уважаетъ самого себя и сознаетъ чистоту своихъ намѣреній. Возможность, ни съ того, ни съ сего, попасть въ кутузку составляетъ—вмѣстѣ съ многосложностью волостного счетоводства и дѣлопроизводства—главную причину, затрудняющую удачное замѣщеніе должностей по волостному и сельскому самоуправленію. Кто видитъ въ деревенской выборной службѣ источникъ личныхъ выгодъ, тотъ охотно подвергаетъ себя связанному съ нею риску; кто относится къ ней безкорыстно и серьезно, для того рискъ является ничѣмъ невознаграждаемымъ и потому совершенно нежелательнымъ. Въ этомъ положеніи вещей проектируемое нововведеніе не произведетъ никакой перемѣны—развѣ къ худшему. Сельскія и волостныя власти, теперь сажаемы подъ арестъ исправникомъ и уѣзднымъ крестьянскимъ присутствіемъ,

будутъ сажаемы подъ арестъ исправникомъ и земскимъ начальникомъ; вся разниа сведется къ тому, что мѣсто коллегіи, довольно отдаленной и не слишкомъ ретивой, займетъ единоличная власть, всегда готовая къ карательнымъ мѣрамъ. Черезъ нѣсколько времени ослабѣть, быть можетъ, и ея энергія—но на первыхъ порахъ она непремѣнно будетъ оправдывать пословицу о новыхъ метлахъ. Привлеченные къ жизни съ спеціальною цѣлью подтянуть, вымуштровать, взять въ руки, земскіе начальники неизбѣжно начнутъ съ выучки ближайшихъ своихъ помощниковъ—старшинъ и старостъ, и эта выучка потребуетъ широкаго примѣненія дисциплинарныхъ взысканій. Понятно, что желающихъ испытать ее на себѣ найдется немного, и что эти немногіе не будутъ принадлежать къ цвѣту крестьянскаго населенія. Не улучшится, конечно, и составъ волостныхъ судовъ, когда возможнымъ послѣдствіемъ рѣшенія или приговора, неугоднаго земскому начальнику, явится увольненіе волостныхъ судей или привлеченіе ихъ къ дисциплинарной отвѣтственности. Припомнимъ, что волостнымъ судьямъ придется разбирать, между прочимъ, дѣла, возбужденныя самимъ земскимъ начальникомъ—разбирать ихъ подъ дамокловымъ мечомъ немедленнаго обращенія изъ судей въ подсудимыхъ. Основанное, если можно такъ выразиться, на двухъ-степенномъ страхѣ—страхѣ крестьянъ передъ старшинами, старостами и волостными судьями, страхѣ старшинъ, старостъ и волостныхъ судей передъ земскимъ начальникомъ (тѣмъ не исключается, конечно, и страхъ крестьянъ непосредственно передъ властью земскаго начальника),—новое устройство не привлечетъ къ себѣ тѣхъ свѣжихъ, неиспорченныхъ силъ, которыхъ еще такъ много въ средѣ крестьянства, и безъ принужденной помощи которыхъ едва ли возможенъ успѣхъ преобразованія... Намъ скажутъ, быть можетъ, что мировые посредники перваго призыва широко пользовались своими дискреціонными правами—и все-таки никого не запугивали, никого не отталкивали отъ сельской выборной службы. Въ подробномъ опроверженіи этого довода едва ли предстоитъ надобность. Мы указывали уже много разъ на громадное различіе условій и обстановки, устраняющее всякую аналогію между земскими начальниками и мировыми посредниками перваго призыва. Нѣтъ, въ настоящую минуту, ни колоссальной задачи, поставленной положеніями 19-го февраля, ни вызваннаго ею подъема духа; нѣтъ вѣковой привычки къ помѣщичьему всевластію, послѣ котораго сравнительно легкимъ показалось бы подчиненіе самой суровой административной опеки; есть, зато, нѣкоторое сознаніе своего достоинства, тогда почти чуждое массѣ; есть способность критически относиться къ окружающему;

есть понятіе о равноправности, почерпнутое изъ дѣятельности въ земскихъ собраніяхъ и въ судѣ присяжныхъ.

Ошибочно было бы думать, впрочемъ, что власть земскихъ начальниковъ, въ дѣлахъ специально-крестьянскихъ, является *только* повтореніемъ власти мировыхъ посредниковъ; въ нѣкоторыхъ направленіяхъ она идетъ гораздо дальше. Самостоятельность сельскихъ обществъ (или общинъ), во всемъ, касающемся хозяйственныхъ распоряженій, установилась въ самое первое время послѣ освобожденія крестьянъ. Мировые посредники—отчасти благодаря закону, не оставившему имъ правъ апелляціонной инстанціи надъ сельскими сходами, отчасти вслѣдствіе естественнаго хода событій, не благопріятствовавшаго оффиціальнымъ экскурсіямъ въ мало извѣданную сферу народнаго поземельнаго права, — стали блюстителями одной *формальной* правильности общественныхъ приговоровъ. Если отъ нихъ и зависѣла иногда, *de facto*, самая сущность приговора, то только въ силу вліянія, приобрѣтеннаго ими лично, а не изъ силу власти, связанной съ ихъ должностію. Вліяніе ослабѣвало, власть оставалась та же—и формальный характеръ надзора сдѣлался еще болѣе замѣтнымъ, когда онъ перешелъ въ руки уѣздныхъ присутствій и непремѣнныхъ членовъ. Вопреки установившейся практикѣ, земскимъ начальникамъ предполагается поручить разборъ жалобъ на незаконные и *неправильные* мірскіе приговоры. Другими словами, на нихъ возлагается повѣрка не только *формы*, но и *существа* приговора; они могутъ не только признать, что приговоръ составленъ съ нарушеніемъ установленныхъ обрядовъ или заключаетъ въ себѣ явное нарушеніе закона, но и найти, что онъ не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ даннаго случая, нарушаетъ интересы общества или отдѣльныхъ лицъ. Приговоръ, признанный формально-недѣйствительнымъ или незаконнымъ, можетъ быть только *отмѣненъ*, съ обращеніемъ дѣла къ новому разсмотрѣнію въ тотъ же сельскій сходъ, въ которомъ оно возникло; приговоръ, признанный неправильнымъ по существу, можетъ быть *замѣненъ* новымъ рѣшеніемъ, исходящимъ непосредственно отъ земскаго начальника. Итакъ, земскому начальнику открывается доступъ въ такую область, которая до сихъ поръ была совершенно ограждена отъ посторонняго вмѣшательства. Ему не дается, при этомъ, никакой твердой точки опоры, никакого свѣтильника, съ помощью котораго онъ могъ бы разобраться въ темнотѣ и выбраться на настоящую дорогу. Законодательная регламентація крестьянскихъ поземельныхъ отношеній, сложившихся исключительно путемъ обычая, находится пока въ зачаточномъ состояніи; необходимость ея признана, въ принципѣ, министерствомъ внутреннихъ

дѣлъ¹⁾, но не санкціонирована еще, сколько намъ извѣстно, высшими государственными учрежденіями. Предстоитъ, во всякомъ случаѣ, медленная и трудная подготовительная работа — приведеніе въ извѣстность всего того, что создано на этой почвѣ безконечно-разнообразною народною жизнью; не меньше времени займетъ, вѣроятно, и переливка собранныхъ матеріаловъ въ цѣлый рядъ органическихъ законовъ, затрогивающихъ самыя важныя стороны крестьянскаго быта. Впредь до изданія этихъ законовъ земскій начальникъ окажется полновластнымъ распорядителемъ отношеній, не всегда для него понятныхъ, иногда совершенно ему чуждыхъ. Отъ него будетъ зависѣть допустить или не допустить общій передѣлъ земель, разрѣшить или не разрѣшить частную переимѣну въ ихъ распредѣленіи. Ничто не помѣшаетъ ему руководствоваться при этомъ не реальными потребностями крестьянъ, а личными экономическими воззрѣніями, часто навѣянными извнѣ, помимо изученія дѣйствительности. Тенденціознымъ противникамъ общиннаго владѣнія, каковыхъ не мало между дворянами-землевладѣльцами, будетъ дана полная возможность способствовать разложенію ненавистнаго имъ поземельнаго строя. Правда, постановленія земскихъ начальниковъ по жалобамъ на мірскіе приговоры будутъ подлежать обжалованію въ сѣздъ земскихъ начальниковъ, а по дѣламъ особенно важнымъ жалобы на сельское общество будутъ прямо вносимы въ сѣздъ, съ заключеніемъ земскаго начальника; въ послѣднемъ случаѣ на постановленія сѣзда можно будетъ жаловаться въ губернское присутствіе по сельскимъ дѣламъ, всѣ опредѣленія котораго въ свою очередь могутъ быть переносимы, въ порядкѣ надзора, на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Неудобствъ, нами указанныхъ, это обиліе инстанцій ничуть, однако, не устраняетъ. Отсутствие положительныхъ законовъ отразится на высшихъ инстанціяхъ точно такъ же, какъ и на низшей; и здѣсь, и тамъ одинаково и неизбежно будетъ господствовать усмотрѣніе, ничѣмъ не ограниченное. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, притомъ, рѣшительный голосъ будетъ принадлежать, на самомъ дѣлѣ, земскому начальнику, какъ единственному лицу, близко знакомому—или считающемуся знакомымъ—съ данною мѣстностью и данными условіями. Опровергать установленныя имъ обстоятельства—а слѣдовательно и вытекающія изъ нихъ соображенія—будетъ весьма трудно. Точнаго критеріума для ихъ повѣрки не будетъ имѣть ни сѣздъ земскихъ начальниковъ, ни, тѣмъ менѣе, высшія инстанціи—или, что еще хуже, роль такого критеріума будетъ играть инструкторія начальства, исходящая, за недостаткомъ закона, изъ той

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 4 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

или другой предвзятой идеи, а между тѣмъ для всѣхъ обязательная, въ силу принципа іерархическаго подчиненія. Больше всего, повидимому, можно было бы разсчитывать на контроль сѣзда земскихъ начальниковъ—но только повидимому. Земскіе начальники одного и того же уѣзда всѣ будутъ обязаны своимъ назначеніемъ рекомендаціи уѣзднаго предводителя дворянства, всѣ, слѣдовательно, будутъ людьми одного и того же направленія, тождественныхъ или по меньшей мѣрѣ весьма сходныхъ мнѣній. Предсѣдательствовать на ихъ сѣздахъ будетъ тотъ же предводитель, облеченный, по отношенію къ каждому изъ нихъ, правомъ ревизіи — а слѣдовательно и правомъ возбужденія, въ губернскомъ присутствіи, вопроса о привлеченіи ихъ къ отвѣтственности и удаленіи отъ должности. При такомъ составѣ сѣзда трудно ожидать принципиальнаго разногласія между его членами—и въ особенности разногласія ихъ съ своимъ предсѣдателемъ. Гораздо вѣроятнѣе давленіе сѣзда—и предсѣдателя сѣзда—на того изъ земскихъ начальниковъ, который оказался бы, паче чаянія, не вполне проникнутымъ господствующими взглядами. Здѣсь обнаруживается всего яснѣе глубокое различіе между мировыми посредниками и земскими начальниками. Допустимъ, что *соглашеніе* губернатора съ предводителями дворянства (губернскимъ и уѣзднымъ), требуемое проектомъ положенія о земскихъ начальникахъ, ничѣмъ не будетъ отличаться отъ *согласія* между этими лицами, существовавшего въ силу Положенія 19-го февраля (хотя по буквальному своему смыслу эти слова соотвѣтствуютъ понятіямъ существенно различнымъ); забудемъ фактическую разницу между тогдашнимъ значеніемъ предводителей дворянства и ролью, отводимую имъ въ настоящее время — остается, во всякомъ случаѣ, тотъ неизмѣримо важный фактъ, что мировой посредникъ, однажды назначенный, могъ быть удаленъ отъ должности только сенатомъ, а увольненіе земскаго начальника будетъ зависѣть отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Достаточнымъ поводомъ къ увольненію признается не только имущественная несостоятельность земскаго начальника или осужденіе его уголовнымъ судомъ, не только совершеніе имъ безнравственнаго или предосудительнаго проступка, лишающаго его общаго довѣрія и уваженія, но и обнаруживаемое имъ, несмотря на дисциплинарныя взысканія, явное нерадѣніе или неспособность къ успѣшному исполненію служебныхъ обязанностей. Чрезвычайно эластично уже понятіе о „предосудительномъ“ поступкѣ; еще менѣею опредѣленностью отличаются выраженія: *нерадѣніе* и *неспособность*. Предосудительнымъ можетъ быть найдено, напримѣръ, произнесеніе въ земскомъ собраніи рѣчи, идущей въ разрѣзъ съ специально-землевладѣльческими интересами; „неспособнымъ къ успѣшному исполненію служеб-

пныхъ обязанностей“ можетъ быть признанъ тотъ, кто не наводитъ достаточнаго страха на подчиненныхъ ему старшинъ и старостъ и оказывается сдержаннымъ въ примѣненіи своей административно-карательной власти. Если земскіе начальники дѣйствительно должны быть продолжателями мировыхъ посредниковъ, то пускай же имъ будетъ дана такая же степень самостоятельности— а если новое учрежденіе должно существенно отличаться отъ прежняго, то пускай же не приводится въ защиту перваго ссыла на пользу, принесенную послѣднимъ. Нѣтъ такого анализа, съ помощью котораго можно было бы опредѣлить, въ какой именно мѣрѣ успѣхъ дѣятельности мировыхъ посредниковъ обусловливался независимостью ихъ положенія; нѣтъ, значить, и основанія утверждать, что при отсутствіи независимости будутъ достигнуты столь же удовлетворительные результаты. Институтъ мировыхъ посредниковъ — это признать и тѣ, въ чьихъ глазахъ онъ является наиболѣе убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу института земскихъ начальниковъ — не былъ введенъ въ общій строй государственныхъ установленій; дѣятельность его была изъята изъ непосредственнаго вѣдомства губернской администраціи; мировые посредники пользовались своеобразнымъ положеніемъ несмѣняемыхъ административныхъ чиновъ. Земскимъ начальникамъ несмѣняемость не предоставляется, въ общій строй государственныхъ установленій они будутъ введены, безъ права несмѣняемости и съ подчиненіемъ губернской администраціи; неужели этого недостаточно, чтобы устранить возможность заключать отъ прошедшаго къ будущему, отъ дѣятельности мировыхъ посредниковъ къ дѣятельности земскихъ начальниковъ?

Земскимъ начальникамъ предполагается поручить завѣдываніе крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, съ *отвѣтственностью за правильный ходъ его*. Отвѣчать можно только за то, чѣмъ распоряжаешься или располагаешь; отвѣтственность земскаго начальника равносильна, поэтому, полнѣйшей зависимости крестьянскаго самоуправления. Зависимое самоуправленіе—это *contradictio in adjecto*; гораздо лучше было бы прямо уничтожить формы, за которыми не остается содержанія. Сходы, старосты, старшины, волостные судьи—все это будетъ орудіемъ въ рукахъ земскаго начальника; гораздо проще было бы установить, что онъ назначаетъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія, выбираетъ членовъ схода и даетъ имъ всѣмъ предписанія, которыя они безпрекословно исполняютъ. Такъ ли безнадежно, однако, положеніе крестьянскаго самоуправления, чтобы оставалось только приступить къ фактической его отміѣнѣ? Слабыхъ его сторонъ мы не отрицаемъ; не отвергаемъ и того, что оно въ послѣднее время идетъ скорѣе назадъ, нежели впередъ; но

это еще не значитъ, что всему виною избытокъ самостоятельности, въ связи съ слабостью или бездѣйствіемъ начальства. На два условія, неблагоприятныя для самоуправленія, мы уже указали: это—трудность найти хорошихъ людей, согласныхъ принять на себя должность сельскаго старосты или волостного старшины, и недостатокъ законовъ, регулирующихъ поземельныя отношенія. Если прибавить къ этому возрастающее неравенство состояній, разореніе однихъ, идущее рука объ руку съ обогащеніемъ другихъ, разложеніе стараго патріархальнаго строя, истощеніе земли, переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному, уменьшившееся въ послѣдніе годы, но еще недавно непосильное податное бремя, то мы получимъ цѣлый рядъ причинъ, въ высшей степени серьезныхъ и, конечно, неустранимыхъ путемъ расширенія опеки или обостренія власти. Взятое подъ начало, лишненное всякой свободы дѣйствій, крестьянское общественное управленіе потеряетъ послѣдніе остатки энергіи и жизни—а придти ему на смѣну земскіе начальники будутъ не въ силахъ, уже вслѣдствіе своей малочисленности и сравнительной отдаленности отъ населенія... Функціи земскихъ начальниковъ по завѣдыванію спеціально-крестьянскими дѣлами распадаются сами собою на три главныя группы. Къ первой принадлежитъ все то, безъ чего можно было бы обойтись совершенно, не опасаясь никакого ущерба для дѣла. Сюда относится, напримѣръ, утвержденіе волостныхъ старшинъ; разрѣшеніе открытія волостныхъ сходо́въ; утвержденіе общественныхъ приговоровъ объ установленіи или, измѣненіи порядка сбора и храненія денежныхъ суммъ; рассмотрѣніе, въ порядкѣ надзора, рѣшеній волостного суда. Если предварительное утвержденіе не требуется для сельскихъ старостъ, то мы не видимъ причины, по которой оно было бы необходимо для волостныхъ старшинъ: совершенно достаточно было бы опредѣлить точнѣе условія выбора на эту должность. Неутвержденіе выборовъ, правильно произведенныхъ, можетъ только охладить усердіе избирателей и уменьшить въ нихъ сознаніе отвѣтственности за избранное лицо. Въ особомъ, каждый разъ, разрѣшеніи на открытіе волостного схода нѣтъ ни малѣйшей надобности, если разъ навсегда опредѣлено, въ какое именно время года волостной сходъ созывается быть не можетъ, и какія формальности должны быть соблюдены при его созывѣ. Порядокъ сбора и храненія мірскихъ денежныхъ суммъ, разъ что онъ не противорѣчитъ закону, совершенно спокойно можетъ быть предоставленъ усмотрѣнію сельскаго схода. Въ ревизіи рѣшеній волостного суда не будетъ никакой надобности, если только будетъ учреждена, на разумныхъ началахъ, апелляціонная надъ нимъ инстанція, доступная для каждаго имѣющаго дѣло въ волостномъ судѣ... Ко второй группѣ мы

относимъ тѣ функціи земскаго начальника, которыя имѣютъ болѣе или менѣе судебный характеръ. Таково, напримѣръ, наблюденіе за крестьянскими опеками; разрѣшеніе продажи имущества малолѣтнихъ; указаніе имущества, составляющаго необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства и неподлежащаго, поэтому, продажѣ съ публичнаго торга; разсмотрѣніе жалобъ на рѣшенія волостного суда; удаленіе порочныхъ членовъ, по приговору общества, и предварительное заключеніе ихъ подъ стражу ¹⁾; разсмотрѣніе жалобъ на мірскіе приговоры по семейнымъ раздѣламъ и по другимъ дѣламъ хозяйственнаго свойства. Здѣсь необходимо было бы, прежде всего, провести границу между приговорами, подлежащими и неподлежащими (впредь до законодательной регламентаціи крестьянскихъ поземельныхъ отношеній) обжалованію по существу. Неподлежащими обжалованію слѣдовало бы признать, по нашему мнѣнію, всѣ приговоры, истекающіе изъ основныхъ началъ общиннаго землевладѣнія (напр. приговоры объ общемъ передѣлѣ земли). Допустить, въ настоящее время, возможность ихъ отмены — значило бы предпринять вопросъ, проникающій въ самую глубь народной жизни и больше, чѣмъ какой бы то ни было другой, требующій всесторонняго обсужденія. Второй инстанціей по всѣмъ остальнымъ дѣламъ, перечисленнымъ нами выше, могъ бы стать мировой судья, съ тѣмъ, чтобы къ нему присоединялось, по каждому дѣлу, нѣсколько судей-крестьянъ и участвовало наравнѣ съ нимъ въ рѣшеніи дѣла ²⁾. Третья и послѣдняя группа обнимаетъ собою функціи чисто-административнаго свойства: разрѣшеніе вопросовъ о соединеніи или разъединеніи сельскихъ обществъ, надзоръ за мірскими капиталами и за крестьянскими ссудо-сберегательными кассами, ревизія и учетъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія, разсмотрѣніе жалобъ на неправильныя ихъ дѣйствія, а также на неправильное производство выборовъ или на формальную незаконность волостного или сельскаго схода, и т. п. Всѣ эти функціи вовсе не столь сложны и не столь трудны, чтобы исполненіе ихъ не могло быть соединено съ другими служебными обязанностями. Въ ближайшемъ будущемъ слѣдуетъ ожидать еще большаго ихъ упрощенія. Однимъ изъ главныхъ источни-

¹⁾ Мы принадлежимъ къ числу противниковъ этого вида ссылки — но пока она существуетъ, всего правильнѣе было бы подчинить ее судебному контролю.

²⁾ Въ этомъ отношеніи мы присоединяемся къ взгляду, давно высказанному Ка-велинскимъ („Крестьянскій вопросъ“, стр. 130 и слѣд.), а также къ мнѣнію г. Ефремова, брошюра котораго: „Замѣтки о мѣстной реформѣ“ была разобрана нами въ сентябрьскомъ Внутреннемъ Обзорѣ. Мы думаемъ только, что нѣтъ надобности проводить жалобы на постановленія схода черезъ волостной (или вообще чисто-крестьянскій) судъ, а можно предоставить ихъ прямо разрѣшенію мирового судьи, съ участіемъ крестьянскихъ засѣдателей.

ковъ неудовольствія противъ волостного начальства служить, въ настоящее время, злоупотребленія при выдачѣ паспортовъ; паспортная реформа, вполне осуществимая въ виду послѣднихъ финансовыхъ преобразованій, должна значительно уменьшить число этихъ злоупотребленій, а слѣдовательно и число вызываемыхъ ими жалобъ. Способствовать тому же результату могли бы и многія другія мѣры — пересмотръ правилъ объ увольненіи крестьянъ изъ общества и о припискѣ къ обществу, назначеніе максимальныхъ нормъ мірскаго обложенія, изданіе сельскаго устава, точное разграниченіе понятій о сельскомъ обществѣ и поземельной общинѣ, и т. п. ¹⁾ Какъ бы то ни было, разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ третьей категоріи могло бы быть предоставлено отчасти центральному уѣздному управленію, отчасти участковому начальнику, о которомъ мы скажемъ ниже.

Указавъ на то, между кѣмъ могли бы быть распредѣлены различныя функціи по надзору надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, мы выступили, по видимому, изъ области критики, которой до сихъ поръ преимущественно держались. На самомъ дѣлѣ, однако, мы только яснѣе формулировали одно изъ заключеній, къ которымъ сами собою ведутъ наши послыки. Отрицать, возражать можно только во имя тѣхъ или другихъ положительныхъ началъ. Кто возстаетъ противъ системы, тотъ исходитъ, сознательно или безсознательно, изъ другого ряда основаній, также составляющихъ одно цѣлое. Мы далеки отъ мысли, чтобы существующее устройство мѣстнаго управленія не оставляло желать ничего лучшаго; мы признаемъ, что оно должно быть существенно измѣнено — но только не въ томъ направленіи и смыслѣ, въ какомъ составлены законопроекты о земскихъ начальникахъ и о земскихъ учрежденіяхъ. Эти проекты оставляютъ неприкосновеннымъ внѣшнее устройство сельскаго общества и волости, радикально измѣняя внутреннее ихъ значеніе. Изъ самоуправляющихся единицъ и общество, и волость, обращаются въ административныя инстанціи, безусловно подчиненныя земскому начальнику. Земскій начальникъ является въ одно и то же время и чиновникомъ-бюрократомъ, и представителемъ сословныхъ интересовъ. Судебная власть раздѣляется между мировымъ судьей и земскимъ начальникомъ — но въ рукахъ послѣдняго она соединяется съ властью административною и административно-карательною. Земство по прежнему остается лишеннымъ мѣстныхъ исполнительныхъ органовъ, хотя земскія управы,

¹⁾ Нѣсколько основательныхъ замѣчаній по этому предмету можно найти въ первой главѣ брошюры барона П. Л. Корфа („Близжайшія нужды мѣстнаго управленія“), о которой мы говорили въ № 3 „Вѣстника Европы“.

по способу назначенія ихъ членовъ, и становятся присутственными мѣстами. Земскія собранія распадаются на сословныя группы и перестаютъ быть самостоятельными учрежденіями. На земскія средства упадаетъ новый значительный расходъ—содержаніе земскихъ начальниковъ,—далеко не уравниваемый нѣкоторой экономіей отъ сокращенія числа мировыхъ судей. Содержаніе сельско-общественнаго и волостного управленія, а также сельской полиціи, продолжаетъ лежать всецѣло на однихъ крестьянахъ. Полиція продолжаетъ быть тѣмъ, чѣмъ была до сихъ поръ; она сохраняетъ за собою, между прочимъ, розысканіе недоимокъ. Такова общая картина преобразованія, во всѣхъ своихъ частяхъ противоположная тому, что мы желали бы видѣть въ нашихъ уѣздахъ.

Менше всего, съ нашей точки зрѣнія, требуетъ измѣненій сельское общественное устройство; и здѣсь, однако, слѣдовало бы привлечь многочисленное не-крестьянское населеніе деревень къ платежу мирскихъ сборовъ, предоставивъ ему участіе въ чисто-административныхъ дѣлахъ сельскаго общества, но безъ всякаго вліянія на хозяйственныя дѣла общины. Въ большихъ, многочисленныхъ обществахъ давно пора превратить сельскій сходъ изъ поголовнаго собранія домохозяевъ въ выборное ихъ представительство. Совершенно лишней кажется намъ крестьянская волость. Какъ единица самоуправляющаяся, она существуетъ только по имени; какъ единица административная, она несправедливо ложится всею своею тяжестью на однихъ крестьянъ. Рано или поздно она должна уступить мѣсто всесословной волости, цѣлесообразность и возможность которой мы много разъ доказывали въ нашихъ обозрѣніяхъ. Допустимъ, однако, что въ настоящее время учрежденіе всесословной волости встрѣтило бы непреодолимыя преграды—и посмотримъ, можно ли обойтись вовсе безъ посредствующаго звена между сельскимъ обществомъ и участкомъ ¹⁾. Значительная доля административныхъ обязанностей, лежащихъ теперь на волостномъ правленіи—или, лучше сказать, на волостномъ старшинѣ,—могла бы быть передана сельскимъ старостамъ, особенно въ виду ожидаемаго преобразованія паспортной системы. Все остальное могло бы сосредоточиться въ рукахъ должностнаго лица, поставленнаго на первую, ближайшую къ населенію ступень административной лѣстницы. Теперь эта ступень остается, собственно говоря, незамѣщенной; незамѣщенной оставляетъ ее и проектъ положенія о земскихъ начальникахъ. Было время, когда на ней стояли станové пристава, совѣ-

¹⁾ Само собою разумѣется, что упраздненіе крестьянской волости не должно было бы имѣть послѣдствіемъ упраздненіе специально-крестьянскаго суда, и теперь соединеннаго съ волостью чисто-внѣшней связью.

павшіе въ себѣ всю полноту административной власти (насколько, впрочемъ, она не принадлежала окружнымъ начальникамъ вѣдомства государственныхъ имуществъ). Само собою разумѣется, что эта полнота была, въ сущности, весьма неполной: кругъ дѣйствій тогдашней администраціи былъ до крайности ограниченъ скудостью ея задачъ, однообразіемъ и бѣдностью народной жизни. Какъ бы то ни было, единству низшей административной власти положила конецъ эпоха реформъ. Одна часть административныхъ функцій осталась въ рукахъ полиціи, другая отошла къ мировымъ посредникамъ, третья—къ земскимъ управамъ. Это трехъ-членное дѣленіе предполагается сохранить и въ перестроенномъ уѣздномъ управленіи. Насколько были чужды земско-административнымъ задачамъ мировые посредники, настолько же будутъ имъ чуждыми и земскіе начальники; и это не можетъ быть иначе, потому что немислимо слить въ одномъ лицѣ судебную власть и „отвѣтственный“ надзоръ за крестьянскимъ управленіемъ съ завѣдываніемъ на мѣстѣ земскими хозяйственными дѣлами. Не ясно ли, что гораздо правильнѣе было бы соединить не разнородныя, а однородныя функціи — не судебную власть съ административною, а одну отрасль административной власти съ другою? Съ теоретической точки зрѣнія самой нормальной комбинаціей слѣдовало бы признать, быть можетъ, сліяніе административныхъ обязанностей съ полицейскими, рекомендуемое, напримѣръ, г. Евреиновымъ; но мы имѣли уже случай объяснить, почему оно кажется намъ непримѣнимымъ у насъ въ Россіи, въ настоящее время. Еслибы взысканіе недоимокъ—всего болѣе, вслѣдствіе установившихся приемовъ, ровняющее нравственный авторитетъ полиціи—и было передано всецѣло въ руки податныхъ инспекторовъ, полицейская дѣятельность не скоро привлекла бы къ себѣ лучшихъ людей изъ среды мѣстнаго населенія, безъ содѣйствія которыхъ немислимъ успѣхъ реформы. Противъ соединенія полицейскихъ обязанностей съ административными говорить, въ нашихъ глазахъ, и то обстоятельство, что неизбѣжнымъ условіемъ такого соединенія было бы правительственное назначеніе участковыхъ начальниковъ,—а между тѣмъ именно въ сферѣ низшей администраціи до крайности важно сохраненіе выборнаго начала. Вотъ почему мы думаемъ, что *устройство* уѣздной полиціи должно остаться прежнее; измѣниться, и весьма существенно, долженъ только ея *кругъ дѣйствій*. Слабость полицейской власти на мѣстахъ обусловливается массой обязанностей, на ней лежащихъ и отвлекающихъ ее отъ ея главной задачи. Эта задача—охраненіе общественной безопасности, предупрежденіе, пресѣченіе и раскрытіе преступленій. Полицейскіе чины, заваленные перепиской, обремененные взысканіемъ недоимокъ, оказываются одинаково несостоятельными и въ наблюденіи за опас-

ными элементами населенія, и въ производствѣ дознаній, и въ восстановленіи нарушеннаго порядка. Еще меньше, конечно, они заботятся о мѣстномъ благоустройствѣ, о точномъ исполненіи законовъ и обязательныхъ постановленій, относящихся къ путямъ сообщенія, къ мѣрамъ предосторожности отъ огня, къ оздоровленію селеній, къ борьбѣ съ эпидеміями и эпизоотіями и т. п. Земскія управы, съ своей стороны, парализованы въ этой области какъ своимъ безвластіемъ, такъ и отдаленностью отъ населенія. Еслибы за уѣзднымъ исправникомъ и станowymi приставами была оставлена *только* полиція безопасности, то эта часть управленія легко могла бы быть доведена ими до желанной высоты ¹⁾; совершенно инымъ сдѣлалось бы и положеніе полицейскихъ чиновъ, возвращенныхъ къ своему настоящему призванію. Что касается до полиціи благоустройства, то она могла бы быть сосредоточена всецѣло въ рукахъ участковаго начальника. Одинаково обязательнымъ было бы для него, въ этой сферѣ, какъ исполненіе правительственныхъ распоряженій, такъ и исполненіе постановленій земскаго собранія. Устранена была бы, такимъ образомъ, та двойственность, которая составляетъ одно изъ главныхъ препятствій къ успѣшному веденію земскаго дѣла. Участковому начальнику могъ бы быть ввѣренъ и ближайшій надзоръ за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, но безъ *власти* надъ должностными лицами этого управленія. Онъ могъ бы производить имъ учетъ, ревизовать ихъ дѣлопроизводство, собирать свѣденія по жалобамъ, на нихъ принесеннымъ—исполнять, однимъ словомъ, порученія центральнаго уѣзднаго управленія, отъ котораго зависѣло бы разрѣшеніе дѣлъ, возбужденныхъ или предварительно разработанныхъ участковымъ начальникомъ.

Гдѣ найти, однако, людей для замѣщенія должности участковаго начальника? Нужно ли прибавлять еще одно колесо къ механизму уѣзднаго управленія, безъ того уже достаточно сложному? Эти вопросы падаютъ сами собою, если допустить, что участковыми начальниками могутъ стать нынѣшніе члены уѣздной земской управы. Двадцатилѣтній опытъ доказалъ, думается намъ, съ полною ясностью, что для текущихъ земскихъ дѣлъ коллегіальный способъ рѣшенія требуется лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Земское хозяйство идетъ хорошо лишь тогда, когда отдѣльными его частями завѣдуютъ, болѣе или менѣе самостоятельно, отдѣльные члены управы, обсуждая сообща одни только важнѣйшіе вопросы. Бываетъ и такъ, что все сосредоточивается въ рукахъ предсѣдателя управы, а члены довольствуются

¹⁾ Въ распоряженіе полицейскихъ чиновъ слѣдовало бы предоставить хорошо организованную и оплачиваемую не одними крестьянами сельскую полицейскую стражу.

ролью статистовъ; но въ такихъ случаяхъ дѣятельность управы принимаетъ, болѣею частью, бумажный, канцелярскій характеръ, потому что одному лицу трудно вездѣ быть самому, все знать, все видѣть собственными глазами. Если указанія практики говорятъ, такимъ образомъ, въ пользу распредѣленія занятій по предметамъ, по отраслямъ земскаго хозяйства, то еще болѣе цѣлесообразнымъ было бы, можетъ быть, распредѣленіе ихъ по мѣстностямъ. Еслибы члены управы (включая и предсѣдателя) раздѣляли между собою не дѣла, а уѣзды—другими словами, еслибы каждый членъ управы принималъ въ свое завѣдываніе опредѣленную часть уѣзда, въ которой и имѣлъ бы обязательно постоянное мѣсто жительства,—то земское управленіе сразу придвинулось бы къ населенію, и съ тѣми же силами можно было бы сдѣлать гораздо больше ¹⁾. Само собою разумѣется, что члены управы могли бы съѣзжаться, въ опредѣленные сроки, въ уѣздный городъ, для разрѣшенія дѣлъ, превышающихъ власть каждого изъ нихъ. Если принять за норму то число участковъ, которое предположено въ проектѣ положеніи о земскихъ начальникахъ (1611 въ 365 уѣздахъ, т. е. среднимъ числомъ по 4—5 на уѣздъ), то для завѣдыванія участками не понадобилось бы ни одного новаго лица; участковыхъ начальниковъ было бы не больше, нежели числятся теперь предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ земскихъ управъ и непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій.

Но если завѣдываніе участкомъ требуетъ извѣстной доли власти, если участковому начальнику должны быть предоставлены нѣкоторыя функціи чисто-административнаго свойства, если онъ является не только представителемъ земства, но и органомъ правительства, то возможно ли замѣщеніе этой должности по выбору отъ земства, а не по назначенію отъ правительства? Намъ кажется, что утвердительное разрѣшеніе этого вопроса не встрѣчаетъ никакихъ серьезныхъ затрудненій; избирается же земствомъ непремѣнный членъ уѣзднаго крестьянскаго присутствія, дѣятельность котораго безспорно имѣетъ административный характеръ ²⁾. Необходимо только обезпечить, съ одной стороны, способность участковаго начальника справиться съ возлагаемымъ на него дѣломъ, съ другой—довѣріе къ нему правительственной власти. Гарантіей способности можетъ служить образовательный или служебный цензъ, гарантіей довѣрія—утвержденіе въ должности губернаторомъ или министромъ внутреннихъ

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ опытъ такого распредѣленія занятій былъ сдѣланъ въ одномъ изъ уѣздовъ саратовской губерніи—и, кажется, не безъ успѣха.

²⁾ Если учрежденіе крестьянскихъ присутствій, съ ихъ непремѣнными членами, слѣдуетъ признать неудавшимся, то это зависитъ, конечно, не отъ избранія непремѣнныхъ членовъ земскими собраніями, а отъ другихъ причинъ.

дѣлъ, на томъ же основаніи, на какомъ оно уже существуетъ по отношенію къ предсѣдателямъ земскихъ управъ, городскимъ головамъ и непремѣннымъ членамъ крестьянскихъ присутствій. Если прибавить къ этому лучшую организацію надзора надъ мѣстнымъ управленіемъ и болѣе раціональный, чѣмъ теперь, порядокъ привлеченія мѣстныхъ дѣятелей къ дисциплинарной и судебной отвѣтственности, то интересы государства могутъ быть ограждены, при выборѣ участковаго начальника земскимъ собраніемъ, ничуть не меньше, чѣмъ при его назначеніи правительственною властью. Между тѣмъ, путемъ выборовъ несравненно легче найти людей, пользующихся общимъ довѣріемъ и соединяющихъ знаніе мѣстныхъ условий съ административно-хозяйственными способностями. Участковый начальникъ долженъ быть мѣстнымъ жителемъ, хорошо знающимъ населеніе и хорошо ему извѣстнымъ. Онъ долженъ чувствовать себя связаннымъ съ мѣстностью—а лучшимъ скрѣпленіемъ этой связи служить именно избраніе, если только оно исходитъ не отъ одного сословія, а отъ всѣхъ классовъ населенія. Кто назначенъ по указанію небольшой, вліятельной группы, тотъ почти всегда расположенъ дѣйствовать въ ея духѣ, въ ея интересахъ; кто выбранъ всѣми, на томъ не лежитъ обязательствъ ни передъ кѣмъ въ особенности... Чѣмъ больше кандидатовъ, тѣмъ вѣроятнѣе удачный выборъ; чтобы увеличить число лицъ, могущихъ быть участковыми начальниками, слѣдовало бы допустить къ занятію этой должности не только однихъ членовъ земскаго собранія, но и всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, соединяющихъ въ себѣ остальные условія избираемости ¹⁾. Само собою разумѣется, что уровень избираемыхъ всегда соответствуетъ, болѣе или менѣе, уровню избирателей. Отсюда необходимость улучшить составъ земскаго собранія, измѣнить земскую избирательную систему; но объ этомъ мы теперь подробно говорить не будемъ, тѣмъ болѣе, что въ главныхъ чертахъ наше мнѣніе о земской реформѣ уже извѣстно читателямъ „Вѣстника Европы“. Не станемъ также обсуждать устройство центрального уѣзднаго управленія, такъ какъ этотъ вопросъ не имѣетъ прямого отношенія къ нашей исходной точкѣ—къ проекту положенія о земскихъ начальникахъ. Замѣтимъ только, что за съѣздомъ участковыхъ начальниковъ слѣдовало бы оставить всѣ коллегіальныя функціи нынѣшней уѣздной земской управы, а въ составъ уѣзднаго присутствія, т.-е. высшей инстанціи по административнымъ дѣламъ уѣзда, должны были бы войти какъ представители земства, такъ и лица, стоящія во главѣ различныхъ административныхъ

¹⁾ Мысль о расширеніи круга лицъ, изъ которыхъ избирается предсѣдатель и члены земской управы, заявлялась, если мы не ошибаемся, и въ отчетахъ сенаторо-ревизоровъ 1880—81 г., и въ ходатайствахъ земскихъ собраній.

вѣдомствъ (уѣздный исправникъ, податной инспекторъ, инспекторъ народныхъ училищъ, и т. п.). Кому должно принадлежать предсѣдательство въ уѣздномъ присутствіи—это зависитъ отъ той роли, которую сохранить, въ преобразованномъ уѣздѣ, уѣздный предводитель дворянства.

Предоставляя себѣ возвратиться еще разъ къ намѣченной нами, въ самыхъ общихъ чертахъ, организаціи мѣстнаго управленія, ограничимся теперь указаніемъ на двѣ ея особенности. Она не требуетъ, во-первыхъ, ни ломки существующаго порядка, ни учрежденія новыхъ должностей. Упраздняется ею, собственно говоря, только сословная крестьянская волость—учрежденіе искусственное, не пустившее никакихъ корней въ народной жизни! Крестьянское присутствіе, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, устроенными по той же схемѣ, перестаетъ существовать только потому, что сливается съ общимъ уѣзднымъ управленіемъ. Вторая особенность защищаемой нами системы заключается въ томъ, что для ея осуществленія не понадобилось бы никакихъ новыхъ расходовъ. Содержаніе участковыхъ начальниковъ обошлось бы не дороже, чѣмъ содержаніе уѣздной земской управы и непремѣннаго члена уѣзднаго крестьянскаго присутствія. Съ упраздненіемъ волости значительно понизились бы мірскіе сборы—гораздо болѣе значительно, чѣмъ повысились бы земскій сборъ вслѣдствіе принятія на земскій счетъ содержанія сельской полицейской стражи. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всякій новый обязательный расходъ, упадающій, безъ соотвѣтственнаго уменьшенія другихъ платежей, на земскія средства, является препятствіемъ къ повышенію необязательныхъ расходовъ, наиболѣе производительныхъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ цѣли земскихъ учреждений.

Еслибы мы и не знали изъ газетъ, что приближается время слушанія въ государственномъ совѣтѣ законопроектовъ о мѣстной реформѣ, то могли бы догадаться объ этомъ, читая передовыя статьи „Московскихъ Вѣдомостей“. Чаше чѣмъ когда-либо производятся здѣсь вылазки противъ всѣхъ невѣрующихъ въ цѣлесообразность задуманныхъ преобразованій; усерднѣе чѣмъ когда-либо ведутся подкопы противъ учреждений, обреченныхъ на гибель. Охраной отъ подозрѣній не служитъ даже неслучайно-консервативная тенденція, если только она не во всемъ совпадаетъ съ господствующимъ теченіемъ. Весьма характеристично, въ этомъ отношеніи, нападеніе московской газеты на автора „Замѣтокъ о мѣстной реформѣ“. Еще недавно, привѣтствуя въ немъ союзника по одному частному вопросу (о назначеніи мировыхъ судей), она признавала мнѣніе его „компе-

тентнымъ“, „цѣннымъ“, „какъ свидѣтельство лица, занимающаго высокое положеніе въ судебной іерархіи и потому располагающаго обширнымъ и полнымъ матеріаломъ“ (№ 238): Теперь, когда она видитъ въ немъ только противника, онъ является „доктринеромъ“, „воспитавшимъ свои политическія воззрѣнія въ нездоровой атмосферѣ нашихъ общественныхъ и судейскихъ говорилень“ (№ 308). Объ „обширномъ и полномъ матеріалѣ“, состоящемъ въ распоряженіи автора, не говорится уже ни слова—а между тѣмъ г. Евренову, какъ оберъ-прокурору *перваго* департамента сената (это званіе его было тщательно подчеркнуто въ первой статѣ „Московскихъ Вѣдомостей“), административный міръ долженъ быть извѣстенъ еще гораздо лучше, чѣмъ судебный. Для московской газеты существуютъ, очевидно, только то знаніе, только та опытность, изъ которыхъ можно черпать воду на реакціонную мельницу... Авторъ „Замѣтокъ о мѣстной реформѣ“ стоитъ за чисто-хозяйственный характеръ сельскаго общества или сельской общины; это значить, что онъ желаетъ создать „свободные союзы рабочихъ семей“ (чувствуютъ ли читатели, какъ вдругъ запахло социализмомъ?). Онъ полагаетъ, что споры, возникающіе изъ крестьянскихъ поземельныхъ отношеній, должны быть разрѣшаемы, въ высшей инстанціи, мировымъ судомъ; это значить, что „союзы рабочихъ семей“ должны быть введены въ „гармоническое сочетаніе съ судебной республикой“ (часъ отъ часу не легче!). Приурочивая мѣстное самоуправленіе въ приходѣ, г. Евреновъ подкрѣпляетъ свою мысль ссылкой на „старо-русскій приходъ“; это значить, что ему нужно „успокоить православныхъ читателей“, которые иначе могли бы заподозрить въ самоуправляющемся приходѣ „духъ протестантизма“ (!). Г. Евренновъ возстаетъ противъ „начальственной опеки“; это значить, что онъ отвергаетъ необходимость „правительственной власти“ (итакъ, сословія, свободныя отъ опеки—напримѣръ дворянство,—находятся уже теперь въ состояніи полного безвластія?). Г. Евренновъ рекомендуетъ правильно-организованную полицейскую стражу; это значить, что правительство должно искать поддержку *только* въ вооруженной силѣ. „Правда,—воскликаетъ московская газета,—подобная организція существуетъ въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы, но нужно ли намъ брать съ нихъ примѣръ? Вѣдь тамъ правительство является лишь главою одной изъ борющихся политическихъ партій и потому повелѣнъ должно охранять свое существованіе военною силою. Таково ли положеніе нашего отечества? Автору *Замѣтокъ о мѣстной реформѣ*, безъ сомнѣнія, извѣстна преданность русскаго народа своему самодержавному Царю“. До такой необузданности въ инсинуаціяхъ наша реакціонная печать доходила не часто. Нужно обладать со-

вершенно особымъ „внутреннимъ зрѣніемъ“, чтобы усмотрѣть въ мысли о сильной полицейской стражѣ... сочувствіе къ конституціоннымъ идеямъ! А между тѣмъ „Московскія Вѣдомости“ настаиваютъ на своей блестящей догадкѣ. „Верховная власть, не имѣющая иной опоры кромѣ полиціи и войска“—читаемъ мы въ концѣ статьи— „таковъ, какъ извѣстно, идеаль нашихъ поклонниковъ *правового порядка* (!?), которымъ г. Евреиновъ взялся, *можетъ быть и не со- вѣстью сознательно*, услужить своими *Замѣтками*“. Параллельно съ такими выводами идетъ прямое переименованіе мнѣній г. Евреинова. Приведемъ этому одинъ примѣръ, особенно наглядный. Уѣздный начальникъ, по мысли г. Евреинова, долженъ быть предсѣдателемъ уѣздной управы, „представителемъ правительственной власти у руля уѣзднаго управленія“; онъ долженъ принимать непосредственное, руководящее участіе во всѣхъ дѣлахъ, предоставленныхъ мѣстному земству; ему должно принадлежать право приостанавливать исполненіе постановленій уѣздной управы. Всего этого не хотятъ знать „Московскія Вѣдомости“; онѣ утверждаютъ, что „правительственное значеніе уѣзднаго начальника ограничивается его правомъ командовать будущею вольнонаемною полицейскою стражею“!.. Нашимъ читателямъ извѣстно, что мы далеко не во всемъ согласны съ г. Евреиновымъ. Наши исходныя точки и цѣли существенно различны; защищать его проектъ мы не имѣемъ ни охоты, ни основанія—но это не мѣшаетъ намъ оцѣнить по достоинству характеръ нападеній, направленныхъ противъ него московскою реакціонною газетою.

Столь же безцеремонно, какъ и съ мнѣніями противника, „Московскія Вѣдомости“ обращаются съ фактами и съ учрежденіями. Вотъ, на примѣръ, какъ онѣ „пишутъ исторію“: „окончательное обсужденіе въ государственномъ совѣтѣ проекта земскаго положенія происходило въ то же время, какъ и обсужденіе судебной реформы, и такимъ же порядкомъ; возраженія, направленные противъ *организации* учреждений, были искусно устраняемы, *при докладѣ*, ссылкой на *общую мотивировку*, повидимому вполне состоятельную, а самыя подробности организациі легко были затѣмъ проведены, благодаря ихъ многочисленности, безъ обстоятельнаго обсужденія“ (№ 300). Итакъ, земское положеніе получило силу закона благодаря хитро задуманному и ловко осуществленному заговору, активными участниками котораго были докладчики, а пассивными—члены государственнаго совѣта? Хорошъ уже и этотъ тезисъ, но газета идетъ еще дальше. „Особенное вниманіе,—продолжаетъ она,—обратилъ на себя лишь вопросъ о составѣ земскихъ собраній и избирательныхъ съѣздовъ; и тѣ, и другіе были при этомъ даже значительно демократизированы, сравнительно съ предложеніями министра“. Что же, и эта

„демократизація“ также была дѣломъ „докладчиковъ“? Члены государственнаго совѣта не въ состояніи были даже понять значеніе переменъ, ими самими внесенныхъ въ текстъ законопроекта? Или, можетъ быть, они его хорошо понимали и сдѣлались, такимъ образомъ, настоящими, сознательными заговорщиками?.. И эти сказки пускаются въ ходъ по поводу событій, происходившихъ только четверть вѣка тому назадъ!

Отъ исторіи земскихъ учрежденій московская газета переходитъ къ ихъ устройству и опредѣляетъ его слѣдующей формулой: „земскія учрежденія зиждутся на началѣ осуществленія правительственной дѣятельности частными обществами, отъ правительства независимыми“ (№ 306). Въ основаніи этой формулы лежитъ предположеніе, что возможны только два вида учреждений: *правительственныя*, отличающіяся строгою іерархическою организаціею и полною зависимостью мѣстныхъ органовъ отъ центральныхъ, и *частно-общественныя*, правительству неподчиненныя и передъ нимъ неотвѣтственныя. Земскія учрежденія не подходятъ подъ первую рубрику—слѣдовательно они принадлежатъ ко второй. Но вѣдь съ такимъ же точно правомъ можно было бы сказать наоборотъ: земскія учрежденія не подходятъ подъ вторую рубрику—слѣдовательно они принадлежатъ къ первой. Въ самомъ дѣлѣ, принципъ подчиненности и отвѣтственности далеко не чуждъ нашимъ земскимъ учрежденіямъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить отношеніе ихъ къ губернатору, министру внутреннихъ дѣлъ и сенату, необходимость предварительнаго утвержденія нѣкоторыхъ земскихъ постановленій, обязательный характеръ цѣлой половины земскихъ расходовъ. Отличаясь отъ учреждений правительственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, земство отличается ничуть не меньше и отъ учреждений частно-общественныхъ. Дилемма московской газеты ошибочна въ самой своей основѣ; двумя типами учреждений, въ которыхъ она ничего не хочетъ видѣть, не исчерпываются вся полнота, все разнообразіе государственной и общественной жизни. Что такое, напримѣръ, прусскіе окружные и провинціальныя сеймы—правительственныя учрежденія или частно-общественныя ¹⁾? Очевидно—ни то, ни другое. Такое же положеніе *suí generis* занимаютъ и наши земскія учрежденія.

Покончивъ съ теоріей, „Московскія Вѣдомости“ обращаются къ практикѣ земскаго самоуправленія. Читая статью, посвященную имъ составу земскихъ собраній (№ 314), чувствуешь себя отодвинутымъ на четверть вѣка назадъ—и притомъ отодвинутымъ въ такія сферы,

¹⁾ Мы употребляемъ здѣсь эти выраженія въ томъ смыслѣ, какой соединяютъ съ ними „Московскія Вѣдомости“.

которыя тогда только роптали и ворчали, но не рѣшались громко высказываться въ печати. Въ словахъ газеты ясно слышится голосъ помѣщика-крѣпостника, не мирящагося съ мыслью о равноправности сословій. Для нея „остается непонятнымъ“ присутствіе въ земскомъ собраніи гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, такъ какъ предметы, обсуждаемые собраніемъ, „недоступны для безграмотнаго и полуграмотнаго крестьянина“ (1). Итакъ, недостаточно радикальной слѣдуетъ признать даже реформу, проектированную министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; она оставляетъ въ земствѣ элементъ крестьянскій, нѣсколько лишь уменьшая его численность—а его слѣдуетъ изгнать оттуда безусловно, такъ чтобы и „духа мужицкаго“ тамъ не осталось ¹⁾. О городскихъ представителяхъ московская газета также весьма дурного мнѣнія; это, большею частью, „либеральные верхоглядъ“ и „теоретическіе доктринеры“. Землевладѣльцы-не-дворяне виноваты уже тѣмъ, что они вытѣсняютъ дворянъ изъ „дворянскихъ гнѣздъ“ и изъ господствующей позиціи на землевладѣльческомъ съѣздѣ. Логическій выводъ изъ всего этого можетъ быть только одинъ: упраздненіе земства и передача его функцій дворянскому собранію. Предложить это прямо и открыто у газеты не хватило смѣлости; но для насъ становится вполне понятнымъ ея рвеніе въ пользу системы, благопріятствующей *фактическому* единовластію дворянства въ средѣ земскихъ собраній. Много ли выиграетъ отъ такого единовластія мѣстное самоуправленіе—объ этомъ можно судить, отчасти, по признаніямъ самой реакціонной газеты. „На первомъ планѣ при выборѣ гласныхъ, — читаемъ мы въ другой передовой статьѣ (№ 311),—стало обѣщаніе мѣстъ на земской службѣ, оплачиваемыхъ жалованьемъ, часто превосходящимъ оклады мѣстныхъ казенныхъ чиновниковъ; *оно содѣлалось существеннымъ и преобладающимъ орудіемъ въ особенности тамъ, гдѣ дворяне принадлежатъ къ числу среднихъ или мелкопомѣстныхъ*“. Мы желали бы знать, много ли уѣздовъ, къ которымъ непримѣнимо это опредѣленіе, и много ли крупныхъ землевладѣльцевъ, которые, на земскихъ и дворянскихъ выборахъ, блестяди бы чѣмъ-либо другимъ, кромѣ своего отсутствія?

Совершенно фантастичны краски, которыми „Московскія Вѣдомости“ рисуютъ дѣятельность земскихъ учреждений (№№ 311, 312, 315). Любимый ихъ пріемъ давно извѣстенъ: это — заключеніе отъ

¹⁾ Съ официальнымъ законопроектомъ „Московскія Вѣдомости“ расходятся еще по другому важному вопросу. Проектъ оставляетъ въ силѣ существующую систему выбора гласныхъ отъ крестьянъ на сельскихъ избирательныхъ сходахъ (ухудшая только ихъ составъ присоединеніемъ къ нему крестьянъ-личныхъ землевладѣльцевъ) а московская газета затрудняется „представить себѣ что-либо возмутительнѣе и безобразнѣе земскихъ крестьянскихъ выборовъ“.

частнаго въ общему. Въ нашемъ журналѣ было сказано, что земскимъ управамъ *иногда* благополучно сходятъ съ рукъ даже злоупотребленія, имѣющія уголовный характеръ. „Дѣйствительно ли только *иногда*? — спрашиваютъ „Московскія Вѣдомости“. — Развѣ газетные корреспонденты передаютъ печати точную хронику того, что происходитъ въ каждомъ изъ 34 губернскихъ и 340 уѣздныхъ земскихъ собраній?“ Между строками здѣсь читается ясный намекъ на то, что въ земской сферѣ злоупотребленія, даже уголовного свойства—явленіе заурядное, обыкновенное и почти всегда безнаказанное. Для такого намека нѣтъ никакихъ другихъ основаній, кромѣ единичныхъ, случайныхъ явленій. Обвинять земство за грѣхи отдѣльныхъ земскихъ дѣятелей — столь же несправедливо, какъ и ставить въ вину всѣмъ дворянамъ служебныя преступленія того или другого предводителя дворянства. Много шума надѣлала еще недавно растрата въ харьковскомъ отдѣленіи дворянскаго банка, виновникомъ которой оказался змѣевскій уѣздный предводитель дворянства, г. Ильяшевичъ; но кто же видитъ въ этомъ поводъ къ нареканіямъ противъ всего дворянства?.. Дѣло г. Ильяшевича поучительно для насъ еще въ другомъ отношеніи. Усиленную (будто бы) преступность земскихъ дѣятелей „Московскія Вѣдомости“ объясняютъ недостаточностью существующаго надъ ними контроля. Боле строгaго контроля, чѣмъ тотъ, которому подчинены отдѣленія дворянскаго банка, нельзя себѣ и представить—а между тѣмъ г. Ильяшевичъ успѣлъ совершить цѣлый рядъ служебныхъ преступленій. На него введено, сверхъ того, обвиненіе въ злоупотребленіяхъ по должности предсѣдателя змѣевской дворянской опеки ¹⁾).

Приведенныхъ нами примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ новѣйшей агитаціи „Московскихъ Вѣдомостей“ противъ всесословности и самостоятельности земскихъ учреждений. Трудно допустить, чтобы такая защита могла быть полезна для дѣла, которому она служить. Гораздо вѣроятнѣе противоположное предположеніе...

¹⁾ См. по этому предмету любознательныя подробности въ № 317 „Новостей“.

СОВРЕМЕННЫЕ БЮДЖЕТЫ.

— *L'année économique 1887—1888, par Arthur Raffalovitch.*

Недавно вышедшая книга г. Рафаловича представляет не только общую картину бюджетов всѣхъ значительнѣйшихъ государствъ Европы и Соед. Штатовъ, но и новѣйшія законодательства въ различной области экономіи. Это изданіе интересно также и въ томъ отношеніи, что оно содержитъ въ себѣ матеріалы для сравненія нашего финансового положенія съ доходами и расходами различныхъ государствъ. Авторъ приходитъ къ тому общему заключенію, что даже при настоящемъ тяжеломъ финансовомъ положеніи Россіи, бюджетъ нашъ не представляется еще чрезмѣрнымъ по сравненію съ другими государствами; такъ что, по его мнѣнію, не требуется большого оптимизма для выраженія надежды, что еще нѣсколько лѣтъ мира и упорядоченіе бумажно-денежнаго обращенія могутъ, при рациональномъ государственномъ хозяйствѣ, до извѣстной степени, возстановить потрясенный и расшатанный финансовый организмъ Россіи.

Для того, чтобы читатель могъ судить, насколько такое заключеніе, обставленное впрочемъ многими условіями, представляется основательнымъ, приведемъ тѣ подробности изъ книги г. Рафаловича, которыя въ этомъ отношеніи могутъ представлять интересъ.

I.

Бюджетъ нашъ нынѣшняго года, какъ заявлялось, не только былъ сведенъ безъ дефицита, но обѣщаль даже небольшое превышеніе дохода надъ расходомъ. Допуская какой-нибудь незначительный недоборъ противъ росписи, г. Рафаловичъ находитъ, что въ этомъ отношеніи положеніе Россіи никакъ не хуже нѣкоторыхъ другихъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, гдѣ дефициты приняли почти хроническій характеръ. Обыкновенныхъ доходовъ на этотъ годъ вычислено 851.767.628 руб., а расходовъ 851.242.423 руб., слѣдовательно съ приблизительнымъ излишкомъ въ 525.000. Но прибавляя къ этой суммѣ нѣкоторые чрезвычайные расходы, какова постройка желѣзныхъ дорогъ и портовъ, цифра бюджета должна считаться въ 888.082.000 рублей. Переводя бюджетъ этотъ прямо *à pari* на франки и вычисляя его, слѣдовательно, въ 3.552 милліона франковъ (по 37¹/₂

фр. съ человѣка), авторъ не находитъ повода ужасаться его чрезмѣрности въ виду того, что обыкновенный и чрезвычайный бюджетъ Франціи въ 1886 г. сравнительно немного не равнялся съ этой цифрой, то-есть простирался до 3.387 мил. франк. При этомъ авторъ выставляетъ на видъ, что Россія въ одной только Европѣ владѣетъ $5\frac{1}{2}$ милліонами квадр. километровъ, тогда какъ Франція—530.000 километровъ, и что въ первой насчитывается 95 мил. жителей, въ то время какъ во второй—38 мил. Принимая даже въ расчетъ преимущества уже приобретеннаго Франціею богатства, онъ не находитъ бюджетъ Россіи подавляющимъ въ виду существующаго принудительнаго курса въ Россіи, по которому означенные 3.552 мил. представляютъ всего 1.953 мил. ¹⁾ Сумма эта уже—разсуждаетъ г. Рафаловичъ—перестаетъ представляться слишкомъ высокою для такого колоссальнаго государства, какъ Россія, и равняется суммѣ бюджета Франціи въ концѣ царствованія Наполеона III, когда послѣдняя еще не была обременена тѣмъ огромнымъ долгомъ, въ который вовлекла ее война съ Германіею. Мы, съ своей стороны, можемъ только указать нѣкоторую тяжеку въ переложеніи авторомъ всего бюджета Россіи на франки по существующему курсу, такъ какъ паденіе кредитнаго рубля увеличиваетъ одни лишь платежи по металлическимъ займамъ, содержанію посольствъ и заграничнымъ военнымъ и морскимъ заказамъ, но не всего бюджета безусловно.

Увеличеніе доходовъ у насъ рассчитано преимущественно на полученіе новыхъ доходовъ со вновь введенныхъ или увеличенныхъ прежнихъ налоговъ, что въ сущности всегда представляется вещью весьма гадательною. Самымъ любопытнымъ автору представляется расчетъ на полученіе новыхъ 8.859.000 рублей съ таможенныхъ пошлинъ, основанный на недавнемъ паденіи рубля, вслѣдствіе котораго таможенные пошлины, взимаемыя золотомъ, должны увеличиться въ кредитной валютѣ: „Да избавить Богъ Россію отъ такого увеличенія таможенныхъ сборовъ!“ восклицаетъ авторъ.

Разсматривая затѣмъ распредѣленіе бюджета, авторъ останавливается прежде всего на расходахъ по долговымъ платежамъ, которые во всѣхъ государствахъ занимаютъ самую большую цифру всего бюджета, и находитъ, будто 287.936.000 рублей не представляютъ ничего тревожнаго, такъ какъ при переложеніи его на франки по существующему курсу онъ представляетъ почти половину такого же бюджета Франціи, нѣсколько менѣе англійскаго и немногимъ болѣе итальян-

¹⁾ Авторъ вычисляетъ при курсѣ 2 фр. 15—20 сантимовъ за рубль. Было бы правильнѣе держаться средняго уровня нашего курса за послѣдніе годы, то-есть приблизительно по 2 фр. 50 сантим. за рубль, причемъ бюджетъ нашъ представлялъ 2.220 мил. фр. или $23\frac{1}{2}$ фр., съ человѣка.

скаго. Точно также, сравнивая пропорціональное отношеніе этого расхода Россіи къ общему обыкновенному расходу, авторъ не находитъ и его тревожнымъ, такъ какъ онъ представляетъ около трети всего расхода, что принято считать благопріятнымъ отношеніемъ. Платежи по металлическимъ займамъ, какъ извѣстно, почти вполнѣ покрываются таможенными сборами, уплачиваемыми металломъ. И если вслѣдствіе поднятія курса за послѣднее время уменьшится тотъ же сборъ при переложеніи его въ кредитную валюту, то и тутъ не слѣдуетъ опасаться дефицита, такъ какъ очень много владѣльцевъ металлическихъ займовъ проживаютъ въ самой Россіи и получаютъ по нимъ проценты и погашеніе кредитными рублями. Послѣднихъ же придется платить менѣе при повысившемся курсѣ, и это будетъ съ избыткомъ уравнивать недоборъ таможенныхъ пошлинъ, еслибы таковой оказался при переводѣ ихъ на кредитную валюту. Поэтому можно съ увѣренностью сказать, что повышение курса будетъ скорѣе содѣйствовать сведенію росписи безъ дефицита, нежели поведетъ къ послѣднему. Вообще авторъ относится къ русскому финансовому положенію съ самой оптимистической точки зрѣнія и находитъ его удовлетворительнымъ, особенно если принять въ соображеніе, что за послѣдніе годы были уничтожены такіе капитальные налоги, какъ подушный и авцизъ на соль, понижены выкупные платежи, а вмѣстѣ съ тѣмъ если принять въ расчетъ нѣкоторые признаки общаго улучшенія народнаго благосостоянія, выразившагося въ увеличеніи на 54 мил. рублей вкладовъ по сберегательнымъ кассамъ, въ 20 миллионной желѣзнодорожной перевыручкѣ, а также въ развитіи учетныхъ операцій банковъ. Какъ на любопытный фактъ авторъ указываетъ на то, что въ Россіи окончательный бюджетъ сводится гораздо ближе къ предварительной росписи, нежели въ государствахъ съ парламентарнымъ образомъ правленія, обилующихъ добавочными кредитами.

Главная опасность русскихъ финансовъ лежитъ, по мнѣнію автора, въ обезцѣнѣннѣ кредитнаго рубля, благодаря которому Россія можетъ утратить всякій кредитъ и повлечь полную финансовую гибель въ случаѣ новой войны, если не будутъ своевременно приняты энергичныя мѣры для устраненія этого зла, хотя бы выполненіемъ Высочайшаго указа 1881 года объ изятіи изъ обращенія кредитныхъ билетовъ временнаго выпуска.

II.

Бюджетъ Франціи, кромѣ обыкновеннаго и чрезвычайнаго, начинающій съ 1864 г. слагается еще изъ 3-хъ отдѣловъ, что значительно затемняетъ его пониманіе. Не желая затруднять русскаго читателя

объясненіемъ означенныхъ добавочныхъ отдѣловъ, мы ограничимся упоминаніемъ только двухъ существенныхъ. Обыкновенный бюджетъ простирается до 2.957.388.000 фр., что составитъ 78,5 фр. съ человека. Изъ вышеприведенной суммы однихъ процентовъ по долгамъ приходится платить почти половину, или 1.286.000.000 фр. Изъ нихъ 740.093.000 фр. представляютъ платежи по процентамъ 20.800.000.000 фр. непогашаемаго долга, который не только не сокращается, но имѣетъ еще наклонность увеличиваться съ каждымъ годомъ. Чрезвычайный же расходъ простирается до 300 мил. фр. и покрывается почти исключительно займами, изъ которыхъ часть выпускается ежегодно въ видѣ долгосрочныхъ обязательствъ, главнымъ образомъ для развитія путей сообщенія, или въ видѣ шестимѣсячныхъ свидѣтельствъ для уплаты по гарантированнымъ процентамъ. Другая часть займовъ совершается въ различные промежутки времени, по мѣрѣ нуждъ чрезвычайнаго бюджета. Кромѣ того чрезвычайный бюджетъ выпускаетъ за свой собственный счетъ краткосрочныя обязательства и, при случаѣ, черпаетъ изъ неотвержденнаго долга.

Въ сущности, вся сумма обыкновеннаго и чрезвычайнаго расхода простирается до 3.300 мил. фр., изъ которыхъ только 2.957 мил. покрываются обыкновенными доходами, а 280—300 мил. должны пополняться займами. При этомъ авторъ ¹⁾ еще не принимаетъ въ расчетъ недоборовъ, безъ которыхъ рѣдко сводится предполагаемая роспись.

III.

Бюджетъ собственной Пруссіи почти удвоился за послѣднее десятилѣтіе, перейдя отъ 695 мил. марокъ къ 1.324 мил. (или 1.634.000.000 франковъ), что составитъ 56 фр. съ человека.

Впрочемъ такое увеличеніе расходовъ нужно, главнымъ образомъ, отнести на счетъ выкупа государствомъ желѣзныхъ дорогъ, расходы по которымъ съ 1878 г. по 1887 г. увеличились на 360 мил. марокъ (473 мил. вмѣсто 113 мил.). Вмѣстѣ съ тѣмъ и платежи по долгамъ возросли на 135 мил. марокъ (200 мил. вмѣсто 65), между тѣмъ какъ капитальный долгъ возросъ съ 1.097.000.000 марокъ до 4.182.000.000 марокъ. Одинъ только желѣзнодорожный бюджетъ представляетъ собою 720 мил., равняющихся всему прежнему бюджету Пруссіи. Впрочемъ расходы по желѣзнымъ дорогамъ, какъ по эксплуатаціи, такъ и по платежу процентовъ, не только вполне окупились, но въ 1887 г. дали даже излишекъ.

¹⁾ Рене Штурмъ.

Бюджет Пруссіи находится въ тѣсной связи съ бюджетомъ имперіи, расходы которой покрываются, главнымъ образомъ, косвенными налогами, предоставляемыми всѣми союзными германскими государствами въ распоряженіе имперіи. На обязанности послѣдней лежитъ уплата этимъ государствамъ расходовъ каждого по сбору налоговъ и распредѣленіе между ними остающагося излишка. Настоящая финансовая система кн. Бисмарка состоитъ, главнымъ образомъ, въ стремленіи увеличивать косвенные налоги для покрытія хроническихъ дефицитовъ, которыми страдаютъ нѣкоторые союзныя государства, какъ напримѣръ сама Пруссія за послѣдніе годы, жители которой обременены прямыми налогами, постоянно увеличивающимися добавочнымъ процентнымъ сборомъ.

Бюджетъ 1888—89 г. составленъ на основаніи вновь вотированнаго въ 1887 г. закона объ увеличеніи косвенныхъ налоговъ и представляется уже въ совершенно благопріятномъ видѣ, благодаря увеличенію прихода на 75 мил. марокъ, сравнительно съ бюджетомъ 1887—1888 года.

IV.

Расходы Англіи возросли съ 1861 года на 24% и представляютъ собою въ 1886—1887 г. 87.000.000 фунт. стерл., что составитъ 2 ф. 8 шил. и 10 пенсовъ съ человѣка (или 61,6 фр.). За послѣдніе годы бюджеты не особенно благопріятны, такъ что 1885—1886 г. сведенъ съ дефицитомъ, благодаря чрезвычайнымъ расходамъ, а въ 1885 и 1887 гг. пришлось приостановить даже погашеніе. Поучительны измѣненія въ платежѣ налоговъ, такъ какъ они всего болѣе характеризуютъ общее экономическое состояніе страны. Такъ напримѣръ, сильно уменьшился питейный сборъ и сборъ съ предметовъ потребленія. Причемъ, сборы съ вина упали на 20% сравнительно съ 1876 годомъ. Уменьшается также налогъ на предметы роскоши, поземельный налогъ и налогъ съ арендной платы. Налогъ съ домовъ, коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій сильно возрасталъ въ періодъ отъ 1869 по 1876 годъ; но съ тѣхъ поръ сталъ возрастать гораздо медленнѣе, вслѣдствіе торговаго кризиса, задѣвшаго преимущественно большихъ промышленниковъ и торговцевъ, въ то время какъ торговцы и промышленники средней руки не переставали расширять свои дѣла. Хотя кризисъ этотъ и отозвался на рабочихъ въ смыслѣ пониженія заработной платы, но общее паденіе цѣнъ значительно вознаградило ихъ за потерпенные убытки.

Вообще, съ 1861 г. въ Англіи значительно сократились, пропорціо-

нально къ общему бюджету, платежи по государственнымъ долгамъ, которые въ 1840-50 гг. представляли болѣе половины всего бюджета, тогда какъ теперь представляютъ всего одну треть, или 26.000.000 ф. ст. (655.000.000 фр.). Зато военные и морскіе расходы возросли почти вдвое за этотъ промежутокъ времени.

V.

Расходы собственно Австріи, безъ Венгріи, на 1887 г. составляютъ 537.220.000 флориновъ (1.326.500.000 фр.), что составитъ 58 фр. съ человѣка; при этомъ дефицитъ простирается до 27.670.000 фл., а на 1888 г. вычисленъ въ 21.240.000 фл. Вообще дефициты идутъ въ Австріи непрерывно изъ года въ годъ, начиная съ 1875 г., и представляютъ въ среднемъ выводъ 30.730.000 фл., заставлявшемъ прибѣгать къ постояннымъ займамъ, увеличившимъ долгъ государства съ 1-го іюля 1878 г. по 1887 г. съ 3.141.847.000 фл. до 3.781.910.000. Вслѣдствіе того расходы по уплатѣ процентовъ вмѣсто 100.170.774 фл. въ 1878 г., простираются до 140.526.970 фл., въ 1887 г., или представляютъ увеличеніе на 40.356.196 фл. Правда, платежи по долгамъ возросли отчасти вслѣдствіе выкупа и постройки желѣзныхъ дорогъ, увеличившихъ правительственную сѣть съ 335 километровъ въ концѣ 1882 до 3.596. Но помимо этого, увеличенію долга болѣе всего содѣйствовали занятіе Босніи и Герцеговины и боевыя вооруженія. Такимъ образомъ, несмотря на увеличеніе чистаго прихода на 61 мил. фл., расходы возросли на 113 мил.

Не въ лучшемъ положеніи финансы Венгріи. И она не перестаетъ страдать хроническими дефицитами, начиная съ 1870 г., причемъ въ среднемъ, за послѣднія 19 лѣтъ, дефициты ея достигли 40.000.000 фл., и хотя дефицитъ 1888 г. предположенъ всего въ 18 мил. флор., тѣмъ не менѣе, нужно ожидать, что онъ далеко превзойдетъ означенную цифру въ дѣйствительности въ виду того, что за предшествующіе годы, начиная съ 1874 г., дефициты, по сведеніи окончательной росписи, оказывались всегда вдвое, а иногда втрое и даже болѣе предполагаемаго; такъ напримѣръ, дѣйствительный дефицитъ 1886 г. оказался въ 53.700.000 фл., тогда какъ предполагался всего въ 14.860.000, а дефицитъ 1885 г., вмѣсто предполагаемыхъ 11.670.000 фл., оказался въ 40.200.000.

Венгрія начала собственное свое хозяйство безъ долговъ и должна была уплачивать лишь 33% по долгамъ Австріи. Но уже къ концу 1887 г. собственный долгъ Венгріи возросъ до 1.700.000.000 фл., кромѣ того что нѣсколько лѣтъ сряду шла продажа государствен-

ныхъ имуществъ. Бюджетъ ся въ 1887 г. простирается до 350.283.145, включая и чрезвычайные расходы, что составитъ 55 франковъ съ человѣка; а такъ какъ онъ представляетъ дефицитъ въ слишкомъ 22.000.000 фл., то необходимость выпускать новыя рентныя бумаги не перестаетъ чувствоваться. Такъ, уже въ началѣ 1888 г. требовалось по крайней мѣрѣ 44.500.000 фл. для полученія которыхъ нужно выпустить ренты на 67 мил. фл. по номинальной цѣнѣ. Въ февралѣ выпущено уже на 30 мил. четырехъ-процентной ренты. Несмотря на отвращеніе министра Тиссы къ металлическимъ выпускамъ, пришлось выпустить ихъ все-таки въ металлической валютѣ, вслѣдствіе возраженій синдиката (Ротшильда), ссылавшагося на трудность помѣщенія бумажныхъ процентныхъ цѣнностей.

Желаніе возвысить страну до обще-европейскаго цивилизаціоннаго уровня привело Венгрію къ безконечнымъ долгамъ и притомъ на тяжелыхъ условіяхъ, доходящихъ до платежа 9% съ дѣйствительно реализованной суммы, не считая потери сотенъ милліоновъ на курсѣ. Попытка сократить платежи по процентамъ посредствомъ конверсіи 6% долга въ 5 $\frac{1}{2}$ % не привела къ большому облегченію. Если сократился платежъ по процентамъ съ 24 мил. фл. до 21.800.000, составя 1 $\frac{1}{2}$ %, экономія, зато капиталный долгъ увеличился на 145 мил.

Болѣе поздніе займы заключались на болѣе легкихъ условіяхъ; но все-таки не ниже 7 $\frac{1}{2}$ % за 100. Между тѣмъ производительная часть этихъ займовъ не можетъ похвалиться блистательными результатами, такъ какъ правительственныя желѣзныя дороги не даютъ болѣе 2 $\frac{1}{2}$ % на сто, лѣса—болѣе 2%, а другія государственныя имущества—тоже всего 3% на сто. Въ то же время частныя гарантированныя дороги продолжаютъ требовать значительныхъ приплатъ. Авансы правительства, не превышавшіе 141 мил. въ 1884 г., превышаютъ 200 мил. въ настоящее время, а предпріятія эти врядъ ли когда будутъ въ состояніи оплатить вышеприведенный долгъ. Главный же долгъ за послѣдніе годы увеличивается на счетъ непроизводительныхъ тратъ, каковы: покрытіе дефицита и боевыя вооруженія. Развитие источниковъ дохода страны не соответствуетъ усиліямъ, положеннымъ на открытіе новыхъ путей сообщенія. Промышленность только въ зародышѣ. Фискальныя тяжести подавляющія, и уже въ 1884 г. недоборъ налоговъ простирается до 89.800.000 фл.

Всѣ е результаты австро-венгерскаго бюджета приводятъ къ заключенію, что оба правительства не въ состояніи справиться съ расходами и покрывать ихъ обыкновенными ресурсами и вынуждены ежегодно прибѣгать къ займамъ, которые еще болѣе увеличиваютъ разницу между приходомъ и расходомъ. При этомъ не слѣдуетъ еще упускать изъ вида паденіе цѣнности флорина, который въ 1878 г.

ходилъ съ потерей 13—14%, своей стоимости на берлинской биржѣ, а въ 1887 г. дошелъ до потери 20%, такъ какъ въ концѣ декабря 1887 г. флоринъ, вмѣсто 2-хъ марокъ, котировался тамъ по 159,70 пфенниговъ.

Ввозъ и вывозъ увеличились за послѣдніе годы въ Австро-Венгріи, преимущественно послѣдній, увеличившійся въ 1885 г. на 72.300.000 флор. противъ 1887 г. и превзошелъ ввозъ на 114 мил., тогда какъ до 1878 г. ввозъ и вывозъ приблизительно балансировали. Увеличеніе вывоза происходитъ, главнымъ образомъ, на счетъ экспорта хлѣбовъ изъ Венгріи тогда какъ уменьшеніе ввоза и вывоза фабрикатовъ свидѣтельствуютъ не въ пользу особеннаго экономическаго процвѣтанія страны.

VI.

Первый бюджетъ соединеннаго королевства Італіи въ 1862 г. представлялъ дефицитъ въ 400 мил., при общемъ расходѣ въ 950 мил. Затѣмъ дефициты стали уменьшаться съ каждымъ годомъ, и въ 1875 году расходы были уравновѣшены съ приходомъ. А начиная съ этого послѣдняго года вплоть до 1882 г., бюджеты сводились съ значительнымъ излишкомъ, несмотря на увеличеніе расходовъ. Но въ настоящее время общеевропейскій экономическій кризисъ отозвался также и на финансахъ Італіи.

Съ переходомъ власти на сторону лѣвой въ 1876 году, съ Депретисомъ во главѣ, она устремилась къ осуществленію программы, главная задача которой сводилась къ устраненію новыхъ налоговъ и займовъ, къ облегченію существующихъ налоговъ и къ переходу къ демократическимъ расходамъ. Такъ значительно былъ облегченъ поземельный налогъ и постепенно, весьма остроумными приемами, уничтоженъ налогъ на помолъ; кромѣ того былъ составленъ обширный планъ общественныхъ работъ, главнымъ образомъ улучшенія и расширенія путей сообщенія, между которыми первое мѣсто, разумѣется, занимаютъ желѣзныя дороги, затѣмъ шоссеыныя, водяные пути и торговые порты. Былъ уничтоженъ принудительный курсъ бумажныхъ денегъ, столь вредящій въ торговыхъ сношеніяхъ. Были увеличены расходы по народному образованію.

Разумѣется, не обошлось безъ увеличенія нѣкоторыхъ налоговъ, каковъ налогъ на табакъ, сахаръ и спиртные напитки; но въ общемъ программа лѣвой была выполнена въ точности сначала Депретисомъ, а затѣмъ Мальяни, ставшимъ во главѣ министерства финансовъ съ 1877 г. и оставившимъ его съ того времени всего на нѣсколько мѣсяцевъ.

Но въ настоящее время итальянскіе финансы начали утрачивать свой цвѣтущій характеръ, что лучше всего объяснить приведеніемъ отрывка одной рѣчи произнесенной въ палатѣ 3-го февраля нынѣшняго года... „Былъ уничтоженъ налогъ на помолъ въ то самое время, когда удалось устранить его неудобства и сдѣлать его почти нечувствительнымъ для плательщиковъ. Потомъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, были вовлечены въ дорого-стоющую, но мало-доходную внѣшнюю политику. Точно также и желѣзно-дорожное законодательство 1879 г. осталось не безъ неудачныхъ послѣдствій... Вмѣстѣ съ тѣмъ не перестаютъ увеличиваться расходы различныхъ министерствъ; каждое новое законодательство непремѣнно сопровождается увеличеніемъ расходовъ. Но все это ничто въ сравненіи съ увеличеніемъ военныхъ и желѣзно-дорожныхъ расходовъ. Съ ноября 1886 г. по декабрь 1887 г. расходы по этимъ двумъ статьямъ увеличились на 122 мил., не считая дефицитовъ, обнаруживающихся въ общественныхъ работахъ“... И если къ этому еще прибавить, что Италія переживаетъ въ настоящее время монетный кризисъ, который грозитъ обостреніемъ вслѣдствіе невозобновленія торговаго трактата съ Франціею и обязательства платить проценты по нимъ ихъ владѣльцамъ—преимущественно французамъ—металломъ. Такая необходимость сдѣлается тѣмъ тяжелѣе, что торговый франко-итальянскій балансъ неминуемо будетъ не въ пользу Италіи, если она не измѣнитъ принятыхъ ею въ послѣднее время мѣръ относительно ввоза изъ Франціи. Если прибавить къ этому значительное паденіе итальянской 5% ренты на парижской биржѣ, послѣ того, какъ годъ тому назадъ она котировалась выше пары, то нельзя не согласиться, что финансовое положеніе Италіи не совсѣмъ благополучно. О героическихъ, крайнихъ средствахъ, какъ принудительный курсъ и налогъ на помолъ не можетъ быть, разумѣется, теперь и рѣчи, и потому приходится обращаться все къ тому же источнику—увеличенію національнаго долга, къ которому и прибѣгли, разрѣшивъ желѣзно-дорожнымъ обществамъ подписку на 3% облигаціи для окончанія сѣти, причемъ правительство гарантируетъ проценты и погашеніе. Облигаціи эти расчитаны преимущественно на парижскую биржу, уже и безъ того служащую главнымъ рынкомъ сбыта итальянскихъ бумагъ, такъ какъ Италіи приходится платить ему одному ежегодно 57.190.000 франковъ процентовъ, въ то время какъ Лондону всего 3.500.000, а Берлину 77.000 фр.

Оставя въ сторонѣ выпускъ обязательствъ казначейства, продажу государственныхъ имуществъ и выпускъ новыхъ желѣзно-дорожныхъ облигацій, которыя представляютъ все чрезвычайные или временные ресурсы, Италія обязательно должна или сократить свои расходы, или создать новые источники доходовъ. Такая необходимость, пови-

димому, нисколько не смущаетъ финансистовъ Италіи, которые намѣреваются достигнуть этого путемъ усиленной протекціонной политики.

Бюджетъ Италіи 1887-88 года вотиорованъ съ дефицитомъ въ 73 мил. франковъ, причемъ расходы, включая чрезвычайные, представляютъ 2.010.363.488 фр., что составитъ 69 фр. съ человѣка. Дефицитъ предполагалось покрыть различными финансовыми предпріятіями, которыя, къ сожалѣнію, не привели къ желанному результату, а, напротивъ того, онъ возросъ до 125 мил., вслѣдствіе чрезвычайныхъ, расходовъ, каковы походъ въ Африку, обошедшійся въ 50 мил., и другихъ добавочныхъ расходовъ, каковы проценты по вновь выпущеннымъ желѣзно-дорожнымъ облигаціямъ, работы по ассенизаціи Неаполя и пр.

Для покрытія такого дефицита пришлось прибѣгнуть къ различнымъ мѣрамъ, изъ которыхъ главная роль все-таки выпала на долю временныхъ облигацій казначейства на сумму 70 мил. фр. Бюджетъ 1888-89 года Мальяни надѣется свести безъ дефицита.

Расходы по долгамъ — эта главная статья обремененія настоящихъ бюджетовъ — составляютъ въ Италіи 802.891.922 фр., что, по отношенію къ общей суммѣ обыкновеннаго расхода въ 1.801.757.180 фр., представляетъ немногимъ менѣ половины всѣхъ расходовъ государства, а это уже весьма обременительно для послѣдняго.

Италію г. Рафаловичъ заканчиваетъ обзоръ бюджетовъ главныхъ европейскихъ государствъ. Изъ обзора этого оказывается, что болѣе всѣхъ приходится платить французу и менѣе всѣхъ русскому. Но читатель не долженъ самообольщаться на этотъ счетъ и помнить, что въ дѣлѣ платежа не столько играетъ роль размѣръ самаго платежа, сколько платежеспособность лица. Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе такой платежеспособности, — такъ какъ это завлекло бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы нашего настоящаго очерка, — мы не можемъ все-таки не замѣтить г-ну Рафаловичу, что, въ виду отсталости нашего отечества въ дѣлѣ приобрѣтенія богатствъ, платежи, выпадающіе на нашу долю, при всемъ ихъ кажущемся сравнительно меньшемъ размѣрѣ, ложатся на насъ болѣе тяжелымъ бременемъ, нежели вдвое превосходящіе платежи, выпадающіе на долю богатой Франціи. Этого одного соображенія достаточно для того, чтобы умѣрить оптимизмъ г. Рафаловича, который и самъ въ будущемъ сулитъ нашимъ финансамъ всевозможныя блага, но не иначе какъ подъ извѣстными условіями; эти условія намъ еще предстоитъ выполнить, а въ другихъ странахъ они оказываются уже выполненными во многихъ отношеніяхъ.

VII.

Нельзя без зависти читать отчетъ о финансахъ Соединенныхъ Штатовъ. Президентъ Кливлэндъ, въ своемъ президентскомъ посланіи отъ 6-го декабря 1887 г., настоятельно требовалъ отъ конгресса таможенной реформы въ виду того, что доходъ, получаемый съ таможенного налога, значительно превышаетъ необходимые правительственные расходы, а потому онъ считаетъ существующіе тарифы ничѣмъ неоправдываемымъ вымогательствомъ! Въ прошломъ году излишекъ дохода доходилъ въ іюлѣ мѣсяцѣ до 55 мил. долларовъ, а въ нынѣшнемъ 1888 г. весь излишекъ, скопившійся въ кассѣ казначейства, долженъ превышать 140 мил. Вслѣдствіе этого Кливлэндъ и требовалъ устраненія такого положенія вещей, при которомъ касса государственнаго казначейства обращается въ какую-то копилку; между тѣмъ какъ деньги этой копилки могли бы быть съ пользою обращены на дѣло торговли и промышленности. Не желая понижать налогъ на табакъ и спиртные напитки, президентъ считаетъ болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ понизить таможенные тарифы. Онъ не предвидитъ отъ этого большого вреда для мѣстной торговли или промышленности; потому что, если при существующихъ высокихъ тарифахъ работники и наемные люди получаютъ болѣе высокое вознагражденіе, то выѣстѣ съ тѣмъ они и теряютъ на покупкѣ предметовъ потребленія по болѣе дорогой цѣнѣ.

Вообще расходы Соединенныхъ Штатовъ за 1886-87 г. не превышали 315.835.428 долларовъ или 1.626.805 мил. франковъ, что составитъ 32, 5 фр. съ человѣка. Цифра весьма невысокая по отношенію къ огромнымъ богатствамъ страны. За послѣдніе двадцать два года, благодаря мирной политикѣ и отсутствію необходимости содержать многочисленныя войска подобно европейскимъ государствамъ, излишки не прекращались и дошли до суммы 1.491.000.000 дол. Это дало возможность значительно сократить сумму долговъ. Такъ, 31 августа 1865 г. государтвенный долгъ простирался до 15 милліардовъ франковъ. Къ 1-му октября изъ этого долга было погашено 6 милліардовъ франковъ, а съ тѣхъ поръ онъ еще убавился на 400 мил. фр. Доходъ Соединенныхъ Штатовъ получается съ косвенныхъ налоговъ, каковы: таможенный, питейный и табачный, съ налога на банки и продажи государственныхъ имуществъ эмигрантамъ.

T.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1888.

Современное состояніе Франціи. — Причина республиканской слабости. — Мани раз-
облачений. — Министерство и министры. — Вышла французская политика. — Тронная
рѣчь имп. Вильгельма II. — Нѣмецкія партіи. — Англо-германское соглашеніе и
внутреннія дѣла Англіи. — Президентскіе выборы въ Соединенныхъ-Штатахъ.

Когда говорятъ о внутреннемъ разложеніи и упадкѣ современной французской республики, то при этомъ всегда забываютъ, что шумная борьба партій въ парламентѣ и въ печати отражаетъ въ себѣ только нѣ-
которыя стороны дѣйствительной жизни французскаго общества. Кромѣ партійныхъ счетовъ и личныхъ честолюбій политическихъ дѣятелей, существуетъ громадное большинство мирнаго, трудящагося населенія, относящееся довольно индифферентно къ волненіямъ и заботамъ не-
большого класса „политиковъ“ по профессіи. Нынѣшняя палата депута-
товъ, крайне разрозненная по составу, поглощенная безцѣльными пререканіями и занятая интересами партій гораздо больше, чѣмъ интересами страны, утратила довѣріе значительной части народа своею предполагаемою солидарностью съ общимъ промышленнымъ духомъ верхнихъ общественныхъ слоевъ, съ духомъ наживы и узко-
матеріальныхъ стремленій. Прошлогодніе скандальныя процессы Каф-
фареля и Вильсона пустили въ обращеніе мысль о продажности вліятельныхъ лицъ; рассказы объ участіи депутатовъ въ финансо-
выхъ предпріятіяхъ и въ биржевой игрѣ послужили матеріаломъ для ожесточенной газетной полемики противъ господствующихъ парла-
ментскихъ группъ и противъ самой системы парламентаризма, съ которою они, въ сущности, не имѣли ничего общаго. При болѣе „стро-
гихъ“ административныхъ порядкахъ всѣ эти откровенныя разобла-
ченія и обвиненія были бы, конечно, потушены безъ всякой церемоніи въ самомъ зародышѣ; даже процессы Каффареля и Вильсона не могли бы возникнуть, и положеніе дѣлъ казалось бы поцрещему вполне благо-
получнымъ, при отсутствіи полной свободы печати. При Наполеонѣ III всѣмъ было извѣстно, что высшіе сановники имперіи обогащались быстро и легко, что они доступны были крупнымъ денежнымъ вліяніямъ и что ни одна серьезная финансовая комбинація не обходилась безъ замаскированнаго участія ближайшихъ къ императору лицъ; и од-
нако это не считалось признакомъ разложенія или упадка, потому что оппозиція молчала, и газеты не имѣли возможности указывать

на злоупотребленія правительственныхъ дѣятелей. Тогда продажность въ различныхъ формахъ могла только оставаться безнаказанною, прикрываясь авторитетомъ государственной власти; зло развивалось свободно, не опасаясь нескромной откровенности и оставаясь, отчасти, неизвѣстнымъ большинству населенія. Теперь всякій грѣхъ депутата или министра становится предметомъ публичнаго обсужденія; оппозиціонныя газеты ежедневно печатаютъ сообщенія не только о томъ, что было или могло быть, но и о томъ, чего не было и быть не могло. Поэтому-то для постороннихъ наблюдателей, довольствующихся чтеніемъ газетныхъ и парламентскихъ отчетовъ, внутреннее состояніе Франціи и ея правительства представляется гораздо болѣе критическимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Страсть къ разоблаченіямъ овладѣла значительною частью французской печати и публики; она доходитъ до того, что депутаты обличаютъ другъ друга и самихъ себя, а народныя массы, присутствуя при такомъ спектаклѣ, обнаруживаютъ готовность обратиться противъ палаты и послѣдовать заманчивымъ призывамъ новой „національной партіи“ генерала Буланже.

Депутатъ Нума Жилли, мэръ города Нима, заявилъ публично, что процессъ Вильсона былъ чистой комедіею, и что „среди тридцати членовъ бюджетной комиссіи найдется, по крайней мѣрѣ, двадцать Вильсоновъ“. Это голословное заявленіе произвело сильнѣйшій эффектъ, и неизвѣстный дотолѣ Жилли сдѣлался героемъ дня; въ теченіе болѣе двухъ мѣсяцевъ газеты толковали о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ этого намека, о необходимости очистить бюджетную комиссію отъ подозрѣній и о будущемъ интересномъ процессѣ, который долженъ доставить обвинителю случай подтвердить свои слова надлежащими доказательствами. Жилли обѣщалъ привести факты и назвать имена передъ судомъ, когда обиженные возбудятъ противъ него дѣло по обвиненію въ клеветѣ. На протесты и требованія отдѣльныхъ депутатовъ онъ отвѣчалъ уклончиво, ссылаясь на то, что онъ имѣлъ въ виду не того или другого изъ членовъ бюджетной комиссіи, а большинство ея въ полномъ составѣ. Такъ какъ парламентская комиссія не могла дѣйствовать подобно частному лицу, а отдѣльные члены ея не имѣли повода принимать обиду на свой счетъ, то для Жилли создалось весьма удобное положеніе: онъ приобрѣлъ себѣ популярность, ничѣмъ не рискуя, и увеличивалъ свой интересъ въ глазахъ публики, въ качествѣ обладателя интересныхъ тайнъ, которыя онъ могъ еще раскрыть въ близкомъ будущемъ. Одинъ изъ членовъ бюджетной комиссіи, Андріе, вздумалъ обратиться къ суду, чтобы заставить Жилли высказаться; но этотъ процессъ, разыгравшійся въ Нимѣ въ половинѣ ноября (нов. ст.),

несколько не оправдалъ всеобщихъ ожиданій. Въ судъ было вызвано сорокъ-два свидѣтеля, въ томъ числѣ тринадцать депутатовъ, по требованію Жилли; однако эти свидѣтели были отклонены судомъ, потому что они должны были давать показанія о различныхъ обстоятельствахъ, не имѣющихъ никакой связи съ спеціальнымъ дѣломъ Андріе. Жилли протестовалъ противъ этого „грубаго факта“ и отказался отъ дальнѣйшаго участія въ судебномъ разбирательствѣ; Андріе могъ категорически отвергнуть обвиненія, направленныя противъ него лично и не поддержанныя подсудимымъ, такъ что обвинителю-депутату оставалось только взять обратно свою жалобу передъ самымъ постановленіемъ приговора. Судъ присяжныхъ оправдалъ Жилли, и сущность обвиненій не была выяснена передъ судомъ. Адвокатъ Пейронъ въ своей рѣчи упомянулъ о министрѣ, который задержалъ у себя будто бы докладъ о работахъ по прорытію Панамскаго канала, чтобы играть на пониженіе панамскихъ акцій; эти слова были внесены въ протоколъ засѣданія, по желанію, заявленному отъ имени задѣятаго министра Байгб; но и этотъ инцидентъ не привелъ ни къ чему. По справкамъ, сообщеннымъ въ газетахъ бывшимъ министромъ Байгб, оказалось, что цѣны панамскихъ акцій были почти одинаковы до и послѣ обнародованія доклада, о которомъ говорилъ защитникъ Жилли, и что содержаніе этого доклада было въ свое время доложено въ совѣтѣ министровъ. Такимъ образомъ, вся эта шумная исторія окончилась ничѣмъ, да и не могла окончиться иначе. На первый взглядъ должна показаться страннымъ чувствительность депутатовъ къ такимъ неопредѣленнымъ и сомнительнымъ обидамъ, какъ причисленіе ихъ къ разряду „Вильсоновъ“, — послѣдствіе оскорбленій и ругательствъ, которыя уже болѣе года повторяются противъ нихъ же на страницахъ „Intransigent“ и другихъ оппозиціонныхъ газетъ. Въ весьма популярномъ и распространенномъ органѣ Рошфора депутаты-оппортунисты, занимающіе и теперь господствующее положеніе въ бюджетной коммисіи, не разъ названы были мошенниками (tripoteurs), биржевиками, искателями наживы, измѣнниками, и никто изъ заинтересованныхъ лицъ не обращалъ вниманія на эти выходки. Рошфоръ приписывалъ депутатамъ и министрамъ даже прямо измѣническіе замыслы; онъ увѣрялъ, напримѣръ, что министерство Рувье вошло въ соглашеніе съ Бисмаркомъ противъ Франціи, что военный министръ умышленно замедлил вооруженіе арміи ружьями Лебеля, чтобы заслужить расположеніе Германіи, и что министры сообщали въ Берлинъ дипломатическія тайны, касавшіяся отношеній между Франціею и другими великими державами. Еще недавно утверждалъ нѣчто подобное сенаторъ Накё относительно бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ,

сенатора Ваддингтона, который будто-бы въ 1879 году далъ знать князю Бисмарку о предложеніи Россіи заключить союзъ съ Франціею. Ваддингтону не трудно было указать на явную нелѣпость этой сказки; но если такія обвиненія возводятся публично однимъ сенаторомъ противъ другого, то чего же ждать отъ дѣятелей мелкой прессы, отъ любителей рекламы и скандала? Депутатъ Жилли употребилъ сравнительно мягкое и въ сущности ничего не значащее выраженіе; онъ просто приравнилъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей къ Вильсону, не обвиняя ихъ ни въ чемъ положительномъ. Съ формальной стороны Вильсонъ—такой-же депутатъ, какъ и всѣ другіе; онъ былъ оправданъ судомъ и не былъ лишенъ своихъ депутатскихъ полномочій. Можно считать его имя опозореннымъ, но оно не можетъ обозначать болѣе того, что содержится въ самомъ мягкомъ изъ ругательныхъ словъ, которыя сплошь и рядомъ употреблялись Рошфоромъ и другими буланжистами противъ ненавистныхъ имъ депутатовъ. Притомъ сравненіе съ Вильсономъ отнесено было къ какимъ-то неизвѣстнымъ членамъ большинства бюджетной коммисіи, и ни сама коммисія, ни отдѣльные ея члены не имѣли основанія откликнуться на обидный отзывъ Жилли. А между тѣмъ и члены бюджетной коммисіи волнуются, протестуютъ и требуютъ суда по рѣшенію палаты, о чемъ уже внесено предложеніе министромъ юстиціи Ферульа. Можетъ быть, новый процессъ будетъ болѣе интересенъ, чѣмъ первый, но и онъ пройдетъ, вѣроятно, безслѣдно и не принесетъ пользы республикѣ. Желаніе многихъ депутатовъ добиться объясненій или опроверженій отъ Жилли свидѣтельствуетъ лишь о крайней нервности французскаго общественнаго настроенія въ настоящее время. Повидимому, парламентскіе дѣятели убѣдились, что презрительное молчаніе по поводу полемики Рошфора и его соратниковъ не достигаетъ цѣли; они вспомнили объ охранѣ своей чести, которую такъ долго давали позорить буланжистамъ, и вспомнили едва-ли не поздно: клевета, разъ пущенная въ оборотъ и упорно повторяемая въ теченіе болѣе года, слишкомъ прочно укоренилась въ народномъ мнѣніи. Даже осужденіе Жилли никого не убѣдитъ въ несправедливости его намековъ, такъ какъ гораздо болѣе оскорбительные намеки буланжистскихъ и бонапартистскихъ листковъ не вызывали ни протестовъ, ни возраженій, ни судебныхъ разбирательствъ.

Какая значительная перемѣна произошла въ общественномъ мнѣніи Франціи со времени первыхъ разоблаченій по дѣлу Каффареля и Вильсона, объ этомъ можно судить по слѣдующему любопытному сопоставленію. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ и добросовѣстныхъ членовъ палаты, Рувье, будучи министромъ-президентомъ, лѣтомъ

прошлаго года заявилъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что его министерство вполне демократично по составу и происхожденію, что онъ самъ занимался съ молодыхъ лѣтъ коммерческими дѣлами и возвысился собственнымъ трудомъ, и что его товарищи, большею частью, также вышли изъ народной среды, подъ которою въ данномъ случаѣ разумѣлся промышленный классъ. Недавно, по поводу вызова его въ судъ по дѣлу Жилли, Рувье произнесъ въ палатѣ взволнованную и горячую рѣчь противъ клеветниковъ. „Двадцать-пять лѣтъ моей жизни,—говорилъ онъ,—посвятилъ я политической дѣятельности на службѣ республики; республиканская партія, къ которой я принадлежу, давно одержала верхъ, и однако я не имѣю состоянія“. Изъ дальнѣйшихъ словъ оратора видно, что у него нѣтъ десяти тысячъ франковъ ежегодной ренты; эта сумма составляла бы какъ будто минимумъ того, что можно назвать обезпеченностью съ французской точки зрѣнія. Рувье говорилъ уже исключительно о своей политической карьерѣ, не упоминая ни однимъ словомъ о промышленныхъ занятіяхъ и дѣлахъ, а между тѣмъ обогащеніе могло быть законнымъ результатомъ этихъ послѣднихъ занятій, нисколько не бросая тѣни на политическую честность оратора. Лѣтомъ прошлаго года принадлежность къ промышленному классу выставилась еще какъ достоинство министра, какъ доказательство его демократическаго, республиканскаго характера и образа мыслей; а теперь депутаты и бывшіе министры отрешиваются отъ всякихъ связей съ промышленнымъ міромъ, хотя бы такія связи—и вполне законныя—существовали въ прошломъ. Лѣтомъ 1887 года Вильсонъ былъ еще виднымъ членомъ палаты и парламентскихъ комиссій; онъ пользовался почетомъ и уваженіемъ, хотя (или вѣрнѣе—потому что) всѣмъ извѣстна была его вліятельная закулисная роль; къ его посредничеству и содѣйствію обращались многіе изъ позднѣйшихъ его строгихъ судей, чтобы пристроить своихъ кліентовъ, выхлопотать кому-нибудь орденъ или теплое мѣстечко. Близкое знакомство съ нимъ считалось за честь и открывало заманчивыя перспективы; а теперь тѣ самые люди, которые тогда ухаживали за нимъ, считаютъ имя его позорною кличкою, за которую надо привлекать обидчика къ суду. Отвергнутый и презираемый всѣми, Вильсонъ имѣетъ, какъ говорятъ, сильное оружіе въ своихъ рукахъ, и онъ не пользуется имъ, очевидно, только потому, что не утратилъ еще надежды восстановить свою репутацію и свое положеніе въ обществѣ; онъ располагаетъ, по слухамъ, обширною коллекціею писемъ и документовъ („petits papiers“, числомъ болѣе двадцати тысячъ), большею частью крайне неудобныхъ для многихъ и очень многихъ республиканскихъ депутатовъ. Вильсонъ воспользовался исторіею Жилли, чтобы

напомнить о своихъ собственныхъ „petits papiers“; на первый разъ онъ напечаталъ письмо, доказывающее, что владѣлецъ газеты „Paris“, наиболѣе рѣзко возстававшей противъ торговли орденами, самъ обѣщалъ значительную сумму за доставленіе ему желаннаго знака отличія. Безъ сомнѣнія, Вильсонъ имѣетъ много матеріаловъ для успѣшнаго веденія кампаніи, которую такъ неудачно началъ Жилли. Брошюрка послѣдняя, выпущенная вслѣдъ за окончаніемъ нѣмецкаго процесса, подъ заглавіемъ: „Mes dossiers“, прибавила очень мало новаго къ тому, что было извѣстно ранѣе; она содержитъ въ себѣ собраніе замѣтокъ бывшаго полицейскаго сыщика, скрывающагося нынѣ въ Лондонѣ и пытавшагося утилизировать свои свѣденія для шантажа. Около трехъ сотъ именъ приведено въ этой книгѣ, но сдѣланныя въ ней указанія вообще голословны или слишкомъ неопредѣленны, за исключеніемъ двухъ-трехъ фактовъ, основанныхъ на документахъ. Депутату Жилли остается только вступить въ союзъ съ Вильсономъ, и разоблаченія посыплются въ изобиліи, если только основательны слухи о существованіи упомянутой выше компрометирующей коллекціи. Въ прошломъ году генераль Буланже, будучи еще военнымъ министромъ, оставилъ свою визитную карточку у заведомо сомнительной особы, служившей посредницею въ темныхъ продѣлкахъ Каффареля и сенатора Д'Андло, извѣстной г-жи Лимузенъ, героини скандальнаго процесса; теперь тотъ же генераль Буланже стоитъ какъ будто во главѣ добродѣтельнаго движенія, имѣющаго цѣлью очистить парламентъ отъ всякихъ сомнительныхъ элементовъ и возвысить нравственный уровень народнаго представительства. До прошедшаго года признавалось еще вполне естественнымъ, что депутаты заботятся не только о политикѣ, но и о своихъ частныхъ дѣлахъ, и что они пользуются своимъ общественнымъ положеніемъ для лучшаго матеріальнаго обезпеченія посредствомъ прямого или скрытаго участія въ акціонерныхъ и разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ; о такомъ участіи упоминалось въ газетахъ многократно, безъ тѣни дурного умысла и безъ обидныхъ комментариевъ,—напротивъ, съ видомъ молчаливаго одобренія за толковость и искусство въ коммерческихъ операціяхъ. И это вполне понятно въ такой чисто-промышленной странѣ, гдѣ частная предпримчивость и дѣловитость цѣнятся весьма высоко, и гдѣ богатство служитъ цѣлью жизни для большинства людей средняго и высшаго образованія. И въ этотъ короткій срокъ господствующія понятія измѣнились столь радикальнымъ образомъ, что депутаты наперерывъ другъ передъ другомъ сѣбѣ отъ отречься отъ малѣйшей прикосновенности къ промышленнымъ интересамъ, если они ранѣе не были коммерсантами или предпринимателями по профессіи. Не указываетъ ли это на одну

важную особенность настоящаго кризиса, переживаемаго Франціею,—на проявленіе стараго антагонизма между народными массами и промышленными верхними слоями общества? Народная вражда къ финансовымъ и биржевымъ операціямъ, къ погонѣ буржуазіи за богатствомъ и роскошью, выступила наружу съ неожиданной и упорной силою; она увлекла за собою значительную часть печати, была ловко подхвачена враждебными республикѣ партіями, старающимися отождествить республиканскій режимъ съ господствомъ дурныхъ сторонъ капитализма, и съ особеннымъ азартомъ эксплуатировалась „національною партіею“ генерала Буланже, который также сталъ говорить что-то противъ чрезмѣрнаго преобладанія матеріальныхъ интересовъ въ ущербъ духовнымъ и нравственнымъ потребностямъ. Отсюда небывалый и трудно объяснимый успѣхъ буланжистской пропаганды, совпавшей именно съ этимъ моментомъ критическаго перелома въ общественномъ мнѣніи. Народныя массы видятъ въ Буланже прежде всего генерала, стоящаго внѣ промышленной среды и обладающаго достаточнымъ авторитетомъ для противодѣйствія одностороннему капиталистическому духу въ области парламентской и политической дѣятельности. Толпа не замѣчаетъ противорѣчій между идеями, приписываемыми Буланже, и его дѣйствіями, рассчитанными на эффектъ, его роскошными банкетами, его шумнымъ и богатымъ образомъ жизни, его связями съ денежною аристократіею и съ вождями реакціонныхъ партій. Этотъ внѣшній блескъ только усиливаетъ ореолъ, окружающій имя генерала въ глазахъ народа; многіе убѣждены, что такова именно должна быть обстановка челоуѣка, призваннаго управлять государствомъ и способнаго внести въ управленіе новые принципы твердой республиканской власти. Во всякомъ случаѣ, нынѣшнее общественное движеніе во Франціи имѣетъ безспорно очистительный, освѣжающій характеръ, и оно могло бы имѣть въ высшей степени благотворныя послѣдствія, еслибы къ нему не пристегнулось личное честолюбіе генерала Буланже. Общая манія разоблаченій противъ политическихъ дѣятелей и депутатовъ, чувствительность къ малѣйшимъ подозрѣніямъ, которыя прежде принимались довольно равнодушно, непримиримая злоба ко всему, имѣющему отдаленное сходство съ „вильсонизмомъ“, все это скорѣе признаки оздоровленія общественной атмосферы отъ недуговъ, унаслѣдованныхъ отъ имперіи и отъ орлеанской монархіи, чѣмъ доказательство упадка или разложенія, о которомъ разсуждаютъ иные публицисты.

Министерство Флокé распадается также на двѣ половины, какъ и самое французское общество: одна работаетъ и прекрасно дѣлаетъ свое дѣло, не отвлекаясь безцѣльными спорами и волненіями, а другая шумитъ и беспокоится, устраиваетъ эффектныя исторіи и даетъ на-

большую пищу газетнымъ репортерамъ. Самъ министр-президентъ, повидимому, оказался ниже своей репутаціи, какъ человѣкъ государственный; онъ остается опытнымъ и находчивымъ парламентскимъ бойцомъ, но серьезнаго политическаго успѣха онъ не имѣлъ. Нѣсколько разъ ему удавалось вызывать восторженные рукоплесканія въ палатѣ депутатовъ, по поводу какого-нибудь ловко сказаннаго слова или остроумной фразы въ личной перестрѣлкѣ съ противниками; онъ былъ также предметомъ овацій послѣ поединка съ Буланже. Но въ серьезныхъ и трудныхъ вопросахъ онъ терпѣлъ неудачи въ парламентѣ и въ странѣ; онъ не удовлетворилъ сторонниковъ пересмотра конституціи своимъ сбивчивымъ проектомъ и оттолкнулъ отъ себя всѣ умѣренныя партіи; онъ заслужилъ ненависть социалистовъ и рабочаго класса своимъ неловкимъ поведеніемъ во время стачки рабочихъ въ Парижѣ, какъ и во время уличныхъ столеновеній между толпою и полиціею. Онъ не заявилъ себя ни одною крупною и полезною реформою, ни переустройствомъ устарѣлой и черезъ-чуръ сложной административной машины, ни сокращеніемъ штатовъ и бюджета, ни даже уменьшеніемъ секретныхъ расходовъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Единственная какъ будто серьезная мѣра, принятая имъ, — перепись иностранцевъ — возбудила много напрасныхъ недоумѣній и отчасти поколебала утвердившуюся за республикою репутацію безусловнаго гостепрѣимства, такъ какъ декретъ 2-го октября все-таки налагаетъ нѣкоторые стѣсненія на иноземцевъ, пребывающихъ во Франціи. Изъ товарищей Флокé совершенно особое мѣсто занимаютъ военный министръ Фрейсинэ и министръ иностранныхъ дѣлъ Гоблэ. Оба они посвятили себя всецѣло своимъ спеціальнымъ обязанностямъ и выполняютъ ихъ съ такимъ стараніемъ и талантомъ, что очутились какъ бы внѣ и выше партійной борьбы: ихъ одобряютъ и имъ рукоплещутъ одинаково всѣ парламентскія группы и газеты всѣхъ отѣнковъ, за исключеніемъ развѣ буланжистской печати, которая, по крайней мѣрѣ, соблюдаетъ относительно ихъ извѣстную сдержанность. Фрейсинэ непрерывно занятъ разѣздами въ пограничныхъ мѣстностяхъ, осмотромъ крѣпостей и вооруженій, различными опытами и усовершенствованіями въ военномъ дѣлѣ; повсюду онъ вноситъ свою неутомимую энергію и исключительную преданность великой задачѣ организаціи народной обороны. Онъ не произнесъ ни одной рѣчи сверхъ необходимыхъ официальныхъ объясненій въ палатѣ по поводу военныхъ расходовъ; будучи замѣчательнымъ ораторомъ, онъ избѣгаетъ краснорѣчія и не выходитъ изъ своей молчаливой роли опытнаго и дѣятельнаго инженера. Въ засѣданіи палаты, 10-го ноября, при обсужденіи военнаго бюджета, Фрейсинэ высказалъ, между прочимъ, что нельзя ожидать сокращенія военныхъ

издержекъ при настоящихъ обстоятельствахъ. „Нужно даже,—говорилъ онъ далѣе,—мужественно приготовиться къ новымъ жертвамъ, вынуждаемымъ обстоятельствами. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что мы обязаны сдѣлать исключительное усиліе—правда, оборонительное—по причинамъ, которыя всѣмъ вамъ извѣстны; но великая страна, какъ наша, должна принять такія мѣры предосторожности, чтобы ея безопасность и ея благосостояніе зависѣли единственно отъ нея самой... Никто не можетъ удивляться тому, что Франція заранѣе заботится о совершенномъ обезпеченіи своей независимости передъ цѣлою Европою“. Въ то же время министръ сообщилъ, что предстоитъ еще чрезвычайный расходъ на 500 милліоновъ франковъ, распределенный на нѣсколько лѣтъ, и, несмотря на эту мало утѣшительную перспективу, рѣчь его была принята въ высшей степени сочувственно различными группами палаты. Такой же заслуженный успѣхъ выпадаетъ на долю Гобле. Онъ говоритъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда молчаніе не соотвѣтствовало бы достоинству великой державы; тонъ его рѣчей всегда производитъ впечатлѣніе своею твердостью и благоразуміемъ. На банкетѣ „франко-американскаго союза“, 29-го октября (нов. ст.), Гобле провелъ интересную параллель между Франціею и Соединенными Штатами въ отношеніи международной политики; по его словамъ, Франція вынуждена считаться съ могущественными сосѣдями, которыхъ не имѣетъ болѣе счастливая Америка. „Франція,—продолжалъ онъ,—отказалась отъ славы завоеваній и хочетъ жить только для улучшенія участи своихъ населеній и для развитія соціальной справедливости; она хочетъ мира и нуждается въ немъ для исполненія своихъ задачъ. Она доказываетъ свою искренность громадными приготовленіями къ великому мирному состязанію, къ которому она пригласила всѣ народы“. Министръ иностранныхъ дѣлъ имѣлъ случай подтвердить это заявленіе въ засѣданіи палаты, 13-го ноября, во время бюджетныхъ преній. „Безъ сомнѣнія,—замѣтилъ онъ,—событія, совершающіяся вокругъ, заслуживаютъ того, чтобы привлекать къ себѣ все наше вниманіе. Но я думаю, что мы должны и что мы можемъ наблюдать ихъ хладнокровно. Франція никому не угрожаетъ; она достаточно сильна, чтобы не бояться вызововъ. Занятая всецѣло своими внутренними затрудненіями и приготовленіями въ выставкѣ, она не пытается никакого намѣренія предпринимать отдаленныя экспедиціи или завоеванія. Она не можетъ поэтому возбуждать подозрѣніе или безпокойство въ какой-либо державѣ. Правда, повсюду, гдѣ Франція имѣетъ положительныя, безспорныя права, она намѣрена осуществлять ихъ; она дѣлаетъ это, не нарушая чужихъ правъ, съ необходимою твердостью, но также съ благоразуміемъ и умѣренностью, подобающими великому миролюбивому народу“.

Но всѣ эти миролюбивыя рѣчи признаются, однако, воинственными въ нѣмецкой оффиціозной печати. „Сѣверо-Германская Газета“ вывела изъ словъ Фрейсина, что французское правительство мечтаетъ о возмездіи, такъ какъ иначе не было бы надобности въ новомъ военномъ кредитѣ на сумму полумилліарда. Нѣмецкій „Kladderadatsch“ изображаетъ Гоблѣ въ видѣ пѣтуха, выкрикивающегоъ свои возгласы на заборѣ, отдѣляющемъ Францію отъ Германіи. Но не можетъ же Франція доказывать свое миролюбіе только тѣмъ, чтобы отказываться отъ содержанія военныхъ силъ, равныхъ германскимъ, и добровольно отдавать себя въ распоряженіе тройственного союза, направленного противъ нея же. Если Германія вооружается и заключаетъ союзы изъ опасенія французскаго „реванша“, то Франція должна еще въ большей мѣрѣ увеличивать свои военные силы, чтобы обезпечить себя отъ нападенія Германіи и ея союзниковъ. Въ Берлинѣ какъ будто не хотятъ понять того, что французы вынуждены заботиться объ оборонѣ противъ грозной коализаціи, и что невозможно требовать отъ нихъ полного довѣрія къ миролюбію и великодушію германской имперіи, подкрѣпленной Италією и Австро-Венгрією. Чѣмъ сильнѣе будетъ Франція въ военномъ отношеніи, тѣмъ труднѣе ожидать какого-либо крутого воинственнаго шага со стороны берлинскаго кабинета; а что нѣкоторые вліятельные элементы прусскаго общества способны были бы на крупныя мѣры относительно побѣжденной, но не подчиненной націи, объ этомъ почти ежедневно свидѣлствуютъ крайне враждебныя вылазки противъ Франціи и всего французскаго, въ такихъ высоко-оффиціозныхъ газетахъ, какъ „Сѣверо-Германская“, „Кѣльнская“ и „Post“.

Трoнная рѣчь императора Вильгельма II, прочитанная при открытіи имперскаго сейма 22-го ноября (нов. ст.) отличается, повидимому, миролюбивымъ характеромъ. Упомянувъ о „мирныхъ отношеніяхъ со всѣми иностранными правительствами“, императоръ продолжаетъ: „Мои стремленія неустанно направлены къ тому, чтобы укрѣпить этотъ миръ. Никакой другой цѣли не имѣетъ нашъ союзъ съ Австрією и Италією. Безъ нужды навлечъ на Германію бѣдствія войны, хотя бы побѣдопосной, я считалъ бы несовмѣстимымъ съ моею христіанскою вѣрою и съ обязанностями, которыя я, какъ императоръ, принялъ на себя относительно германскаго народа. Въ этомъ убѣжденіи я призналъ своею задачею тотчасъ по вступленіи во власть лично привѣтствовать не только моихъ союзниковъ въ имперіи, но также дружественныхъ и сосѣднихъ монарховъ и искать съ ними соглашенія для исполненія долга, востановленнаго намъ Во-

гомъ: обезпечить нашимъ народамъ миръ и благосостояніе, насколько это зависитъ отъ нашей воли. Довѣріе, встрѣченное мною и моею политикою при посѣщенныхъ мною дворахъ, даетъ мнѣ право надѣяться, что мнѣ и моимъ союзникамъ и друзьямъ удастся, съ Божьею помощію, сохранить Европѣ миръ“.

Умѣренный и спокойный тонъ такого авторитетнаго заявленія представляетъ прямую противоположность вызывающему языку нѣмецкихъ публицистовъ; впрочемъ это случается не въ одной Германіи: авторитетныя заявленія дышутъ миролюбіемъ, а „патріоты“ объявляютъ въ газетахъ войну направо и налево. Если бы въ Германіи газеты усвоили себѣ примѣръ, даваемый имъ свыше, и стали относиться болѣе справедливо и прилично къ сосѣдямъ, опасность международныхъ усложненій значительно уменьшилась бы, и вопросъ о войнѣ не поднимался бы по нѣскольку разъ въ теченіе каждаго года. Но такъ какъ нѣмецкіе офиціозы не имѣютъ привычки противорѣчить намѣреніямъ своего правительства, а, напротивъ, считаютъ своимъ назначеніемъ проводить идеи и взгляды высшей власти, то естественно является вопросъ: почему нѣмецкія офиціозныя разсужденія и выводы совершенно не согласуются съ официальными рѣчами и заявленіями? Гдѣ искать дѣйствительную мысль берлинскаго кабинета — въ угрожающихъ ли газетныхъ статьяхъ, или въ успокоительныхъ и вполне миролюбивыхъ тронныхъ рѣчахъ? Если правительство въ самомъ дѣлѣ руководствуется внушеніями христіанской религіи и искренняго миролюбія, то чѣмъ объяснить безпокойный тонъ „Сѣверо-Германской Газеты“ и солидарной съ нею печати? Повидимому, нѣтъ полного единства въ мнѣніяхъ самихъ правящихъ круговъ Берлина по вопросамъ внѣшней политики; вдохновители офиціозныхъ газетъ какъ будто не раздѣляютъ воззрѣній императора и проводятъ свои собственные идеи, совпадающія съ понятіями и симпатіями военной партіи. Этотъ непонятный разладъ отчасти ослабляетъ практическое значеніе программы, изложенной въ тронной рѣчи, ибо реальная политика зависитъ прежде всего отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и отъ имперскаго канцлера, особенно такого, какъ князь Бисмаркъ. Вотъ почему офиціозныя нѣмецкія статьи возбуждаютъ больше вниманія, чѣмъ успокоительныя офиціальныя увѣренія, и цѣль послѣднихъ не достигается, пока первыя противорѣчатъ имъ. Въ Германіи, правда, точно также разсуждаютъ о значеніи толковъ нашихъ газетныхъ „патріотовъ“, хотя и на другомъ основаніи, а именно полагая, что они воинственны только потому, что имъ это дозволено.

Что касается внутреннихъ вопросовъ, то на первый планъ выдвигается въ тронной рѣчи „дорогое завѣщаніе“ Вильгельма I—на-

чатое имъ соціально-политическое законодательство. „Я не отдаюся надеждѣ,—говорится по этому поводу,—что, посредствомъ законодательныхъ мѣръ, могутъ быть вполне устранены человѣческія бѣдствія и нужда настоящаго времени; но, тѣмъ не менѣе, я признаю задачею государственной власти способствовать по мѣрѣ силъ смягченію существующихъ хозяйственныхъ золъ и, при помощи органическихъ учреждений, облегчить проявленіе выросшей на почвѣ христіанства любви къ ближнему, въ смыслѣ общественнаго и государственнаго долга“. Съ этою цѣлью выработаны, между прочимъ, проектъ страхованія рабочихъ отъ нужды въ старости и во время неспособности къ работѣ.

Основные черты внѣшней и внутренней политики Германіи сохранились тѣ же, какъ и при Вильгельмѣ I: внукъ старается идти по стопамъ своего дѣда, прибавивъ, съ своей стороны, только большую нервность и горячность въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей. Юношеская вѣра въ свои силы сдерживается религіознымъ міровоззрѣніемъ; живость темперамента сказывается въ нѣкоторыхъ эпизодахъ, имѣющихъ связь съ обнародованіемъ дневника Фридриха III и съ поведеніемъ либеральныхъ газетъ. Такъ-называемые „свободомыслящіе“ пользуются особеннымъ нерасположеніемъ императора, который имѣлъ уже нѣсколько случаевъ публично выразить свои чувства въ этомъ направленіи. Нужно замѣтить, что партія „свободомыслящихъ“ не можетъ быть названа либеральною въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ употребляется это слово въ Англіи; нѣмецкіе прогрессисты не чужды нѣкоторыхъ узкихъ тенденцій, дѣлающихъ ихъ непопулярными въ народѣ; они относились отрицательно къ вопросамъ объ улучшеніи быта рабочаго класса, одобряли крутыя мѣры противъ католическаго духовенства, стояли за свободу торговли даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это было очевидно невыгодно для народныхъ интересовъ; обнаруживали чрезмѣрное пристрастіе къ сближенію съ Англіею и возбуждали публику противъ Россіи изъ-за болгаръ, вопреки политикѣ князя Бисмарка и господствующему миролюбію нѣмецкаго населенія. Партія эта все болѣе слабѣетъ, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ; она удерживаетъ за собою преобладаніе въ городскомъ управленіи Берлина, но въ странѣ она замѣтно теряетъ своихъ приверженцевъ, которые большею частью переходятъ къ болѣе практичнымъ національ-либераламъ.

Послѣдніе выборы въ прусскую палату депутатовъ, происходившіе 30-го октября и 6-го ноября (нов. ст.), сократили число „свободомыслящихъ“ представителей отъ 40 до 29; консервативныя группы вернулись почти въ прежнемъ количествѣ членовъ—198; національ-

либералы выиграли 15 мѣстъ (87 вмѣсто 72); центръ остался тотъ же, въ числѣ 99 человекъ. Нѣкоторые видные прогрессисты не были избраны, какъ напримѣръ профессоръ Генель; самъ предводитель ихъ, Евгеній Рихтеръ, какъ говорятъ, обязанъ своимъ избраніемъ поддержкѣ, оказанной ему партією центра. Правительство имѣетъ основаніе быть довольнымъ новою палатою; оно располагаетъ надежнымъ большинствомъ, которое, смотря по обстоятельствамъ, можетъ составить изъ консерваторовъ и національ-либераловъ (вмѣстѣ 285 депутатовъ) или изъ нѣмецкихъ консерваторовъ съ партією центра (всего 230 чел.). Результатъ этотъ тѣмъ болѣе удовлетворителенъ, съ консервативной точки зрѣнія, что новая палата выбрана уже на пять лѣтъ, а не на три года, какъ это было до закона, подписаннаго Фридрихомъ III.

Въ англійской палатѣ лордовъ, по возобновленіи сессіи, 6-го ноября (нов. ст.), лордъ Сольсбери сообщилъ о состоявшемся соглашеніи съ Германією относительно совмѣстныхъ мѣръ противодѣйствія торговлѣ невольниками въ восточной Африкѣ. Давно уже было извѣстно, что берлинскій кабинетъ старается привлечь на свою сторону Англію для болѣе успѣшной охраны своихъ интересовъ въ восточно-африканскихъ владѣніяхъ. Нѣмцы потерпѣли неудачу въ попыткѣ осуществить свое предполагаемое право на часть занзибарскаго побережья; они встрѣтили тамъ вооруженныя толпы туземцевъ, вовсе не расположенныхъ отдаться во власть иностранцевъ на основаніи мнимаго права, приобрѣтеннаго будто бы нѣмцами отъ невмѣняемаго султана. Не имѣя возможности предпринимать военную экспедицію въ Африкѣ, Германія рѣшилась достигнуть своей цѣли, по крайней мѣрѣ косвенно; она предложила Англіи дѣйствовать сообща для ограниченія торговли неграми въ той части Занзибара, которая должна подлежать германскому владычеству. Англійское правительство согласилось, вмѣстѣ съ Германією, подвергнуть это побережье морской блокадѣ, не высаживая людей на берегъ, а только мѣшая подвозу оружія и военныхъ припасовъ; такимъ образомъ, подъ предлогомъ борьбы съ негроторговцами, будутъ употреблены значительныя усилія, чтобы побудить непокорныхъ туземцевъ подчиниться иноземной власти. Расчетъ нѣмецкой дипломатіи былъ настолько ясенъ, что большинство англійскихъ газетъ рѣшительно отвергало планъ совокупнаго дѣйствія, направленнаго, въ сущности, къ односторонней защитѣ интересовъ Германіи. Въ лондонскомъ „Пончѣ“ помѣщена была любопытная карриатура, изображающая нѣмецкую лисицу съ закрытою сумкою черезъ плечо, на которой значится надпись: „нѣмецкіе инте-

ресы"; впереди идетъ англійскій левъ, котораго лиса убѣждаетъ разными гуманными фразами принять участіе въ затѣянномъ ею благородномъ и возвышенномъ дѣлѣ. По общему мнѣнію, Англія должна была отклонить предложеніе, имѣвшее, въ сущности, мало общаго съ дѣйствительною заботою о невольникахъ; даже ближайшіе къ министерству органы печати высказывались въ этомъ смыслѣ. И однако, лордъ Сольсбери далъ свое формальное согласіе, руководствуясь, вѣроятно, вѣскими соображеніями общей европейской политики. Германія занимаетъ такое положеніе въ Европѣ, что имѣть ее на своей сторонѣ можетъ оказаться небезполезнымъ на случай какихъ-либо международныхъ замѣшательствъ, напр. на Востокѣ, а Англіи ничего не стоитъ послать нѣсколько кораблей къ Занзибару. Въ свое время Англія можетъ расчитывать на соотвѣтственную услугу со стороны Германіи; эта взаимная польза была вѣрно опѣнена англійскимъ премьеромъ, съ которымъ вскорѣ согласилась и большая часть англійскихъ газетъ.

Внутреннія дѣла въ Англіи представляютъ мало новаго за послѣднее время. Въ палатѣ общинъ обсуждается новый проектъ закона въ пользу ирландскихъ фермеровъ: дѣло идетъ о доставленіи имъ способовъ приобретать арендуемые участки въ собственность, посредствомъ выкупа при содѣйствіи казны. Гладстонъ и его партія находятъ существенные недостатки въ этой серьезной реформѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что главный недостатокъ ея въ глазахъ оппозиціи заключается въ томъ, что проектъ внесенъ консерваторами. Въ этомъ случаѣ нѣкоторые вліятельные либералы отдѣлились отъ престарѣлаго предводителя и дѣйствовали заодно съ правительственною партіею въ пользу принятія закона.

Небольшой дипломатическій „инцидентъ“ обратилъ вниманіе многихъ въ Англіи на отношенія съ Соединенными Штатами. Англійскій представитель въ Вашингтонѣ, лордъ Сэквилль, имѣлъ неосторожность написать частное письмо, въ которомъ высказался въ пользу вторичнаго избранія президента Кливлэнда. Письмо это попало въ печать, и американское правительство тотчасъ же потребовало отозванія посланника, позволившаго себѣ будто бы вмѣшаться въ политическую жизнь республики. Когда лордъ Сольсбери не торопился исполнить это требованіе, президентъ Кливлэндъ распорядился безъ дальнѣйшихъ церемоній выдать паспортъ лорду Сэквиллю. Этотъ рѣзкій поступокъ принять былъ въ Англіи несерьезно, какъ избирательный маневръ со стороны американскаго президента; то же самое говорилось раньше по поводу неожиданнаго отклоненія конгрессомъ заключенной уже сдѣлки о пограничныхъ съ Канадою рыбныхъ ловляхъ. Кливлэндъ выступилъ тогда съ предложеніемъ репрессалій

противъ канадскихъ рыбаковъ, желая какъ будто сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлали его противники, отклонившіе подписанную обѣими сторонами конвенцію. Борьба партій изъ-за президентскихъ выборовъ происходила отчасти на почвѣ взаимныхъ отношеній между Англіею и Соединенными Штатами; каждая изъ партій старалась приобрести многочисленные голоса ненавидящихъ Англію ирландцевъ и въ то же время выказать свое усердіе въ охранѣ американскихъ интересовъ отъ англійскаго соперничества. Англичанамъ было не особенно пріятно видѣть, что политическіе дѣятели великой республики считаютъ нападки на Англію вѣрнѣйшимъ способомъ къ завоеванію популярности въ народѣ; можно было утѣшаться только тѣмъ, что избирательная горячка продлится недолго, и что съ окончаніемъ выборовъ исчезнутъ поводы къ англофобской политикѣ.

Общенародное движеніе, имѣвшее предметомъ избраніе президента Соединенныхъ Штатовъ на будущее четырехлѣтіе, началось еще лѣтомъ настоящаго года; тогда, на конвентѣ въ Чикаго, выбраны были кандидаты обѣихъ партій—демократической и республиканской: отъ первой назначенъ былъ единогласно нынѣшній президентъ Кливлэндъ, а отъ второй — генералъ Гаррисонъ. Окончательные президентскіе выборы происходили 6-го ноября (нов. ст.) въ 38 штатахъ союза, причемъ подано было болѣе 12 милліоновъ голосовъ; порядокъ господствовалъ повсюду, несмотря на чрезвычайную оживленность продолжительной избирательной кампаніи. Вопреки ожиданіямъ, побѣда осталась не за Кливлэндомъ, а за его соперникомъ Гаррисономъ, въ пользу котораго оказалось около 233 голосовъ изъ общаго числа 401 избирательнаго голоса въ предѣлахъ союза. Выбраны пока только избиратели, съ порученіемъ назначить того или другого кандидата президентомъ; дѣйствительное и формальное избраніе послѣдняго состоится въ концѣ года. Срокъ полномочій Кливлэнда истекаетъ 4-го марта (нов. ст.) 1889 года; съ этого дня вступить въ должность его преемникъ Гаррисонъ. Переходъ власти отъ демократической партіи къ республиканской означаетъ прежде всего сохраненіе покровительственной системы, которую демократы думали устранить или значительно смягчить; но, по всей вѣроятности, будетъ предпринята серьезная реформа въ этой области, такъ какъ американская промышленность не нуждается болѣе въ искусственной охранѣ отъ иностранной конкуренціи, а накопляемые въ казначействѣ таможенные сборы затрудняютъ правительство своимъ чрезмѣрнымъ количествомъ въ ущербъ интересамъ народнаго хозяйства. Генералъ Гаррисонъ считается человѣкомъ выдающимся и безукоризненно честнымъ; онъ принадлежитъ къ истинной американской аристократіи: его дѣдъ Вильямъ-Генри Гаррисонъ былъ президентомъ Соединенныхъ Шта-

товъ въ 1841 году, а прадѣдъ былъ въ числѣ подписавшихъ знаменитую декларацію объ американской независимости. Бенжаменъ Гаррисонъ готовился къ адвокатской карьерѣ, но въ началѣ междоусобной войны вступилъ въ ряды арміи и дослужился до званія генерала. Въ 1880 году онъ былъ избранъ сенаторомъ отъ штата Индіаны и пробылъ въ этой должности шесть лѣтъ, послѣ чего былъ побѣжденъ на выборахъ демократическимъ кандидатомъ. Гаррисону теперь 55 лѣтъ отъ роду. Наиболѣе видный и талантливый изъ вождей республиканской партіи, Джемсъ Блэнь, держался въ сторонѣ отъ выборовъ, но вліяніе его на партію остается громаднымъ; очень можетъ быть, что онъ будетъ играть значительную роль во время будущаго президентства.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября, 1888.

- *М. Бобржинскій. Очеркъ исторіи Польши. Переводъ съ 3-го польскаго изданія похъ редакціей профессора с.-петерб. университета Н. И. Карцева. Томъ I. Спб. 1888.*

Читателямъ „Вѣстника Европы“ извѣстно имя Бобржинскаго и характеръ его книги о польской исторіи ¹⁾. Книга Бобржинскаго вышла въ 1879 году и имѣла уже три изданія. Судьба ея была довольно оригинальная. Авторъ не предполагалъ въ своемъ сочиненіи выставить какую-нибудь особую историческую теорію и хотѣлъ только собрать результаты многочисленныхъ монографическихъ изслѣдованій, какихъ явилось немало въ польской литературѣ за послѣднее время. Польская исторіографія не осталась чужда тому историческому движенію, какое во всѣхъ европейскихъ литературахъ стремится теперь къ детальному изученію событій, къ изданію архивныхъ матеріаловъ, старыхъ записокъ, переписки и т. п., и понятно, что это ближайшее изученіе нерѣдко должно было давать иную окраску лицамъ и событіямъ, о которыхъ въ прежнее время судили не столько по строгимъ историческимъ даннымъ, сколько по національно-патріотическимъ преданіямъ и предположеніямъ. Въ предисловіи къ первому изданію своей книги Бобржинскій именно указываетъ, что на основаніи этихъ изысканій „вырисовывается контуръ новаго зданія нашей исторіи, совершенно непохожаго на все то, чему мы учились прежде изъ книгъ, излагающихъ польскую исторію“. Но матеріалъ архивныхъ документовъ и монографій, вѣроятно, долго еще оставался бы только въ кругу специалистовъ, такъ какъ обыкновенно онъ мало доступенъ большой публикѣ, и много времени должно пройти, пока эти изслѣдованія будутъ слиты въ стройное цѣлое рукою какого-

¹⁾ См. статьи г. Карцева о польской реформаціи XVI-го вѣка и о польской исторіографіи, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1885, ноябрь; 1886, декабрь.

нибудь сильнаго историческаго таланта. Надо ли дожидаться этого времени, и не слѣдуетъ ли, напротивъ, историкамъ, подѣлиться съ обществомъ этими вновь приобрѣтенными данными? Такую скромную задачу ставилъ Бобржинскій для своей книги.

Трудъ его имѣлъ неожиданные результаты. Польскіе читатели какъ будто забыли то, что говорилъ онъ въ первыхъ строкахъ своего сочиненія; большинство, незнакомое съ новѣйшей спеціальной разработкой историческаго матеріала, было поражено выводами, сдѣланными на основаніи этого матеріала, и приписало самому автору окраску событій и заключенія, которыя были даны его новыми источниками. Изображеніе польской исторіи есть для польскаго общества предметъ, болѣе чутко воспринимаемый, чѣмъ для какаго бы ни было другого общества. Для польскаго общества отечество есть павшее государство: вопросъ о причинахъ его паденія неизбѣжно связывается съ картиной всей исторической судьбы народа, замѣшивается въ оцѣнку лицъ и событій, привлекается ко всякому историческому сужденію. И это понятно. Паденіе государства было для польскаго общества не только политическимъ, но нравственнымъ бѣдствіемъ: народъ существуетъ, но онъ лишился нравственнаго достоинства, съ которымъ онъ прожилъ многіе вѣка своей исторіи, лишился непосредственной основы національнаго идеала. Польское общество, и именно въ своихъ наиболѣе энергическихъ и восторженныхъ представителяхъ, долго не могло освоиться съ этимъ историческимъ ударомъ и примириться съ положеніемъ, какое было дано неодолимыми событіями. Послѣдовалъ рядъ возстаній, которыя только ухудшили положеніе вещей. Въ подобныхъ условіяхъ, когда національное чувство, неудовлетворенное и подавленное, уходитъ внутрь, оно находитъ себѣ исходъ въ поэтическомъ воспоминаніи и въ созиданіи фантастическихъ плановъ будущаго. Прошлое кажется потеряннымъ раемъ, рисуется въ привлекательныхъ чертахъ добраго стараго времени и въ грандіозныхъ картинахъ стараго героическаго величія. Нужно ли указывать примѣры этого настроенія въ польской поэзіи и въ польскомъ искусствѣ?

Подобное настроеніе было и въ популярномъ пониманіи польской исторіи. Можно поэтому представить, какое раздраженіе долженъ возбудить писатель, который рѣшится въ эту область, окруженную патріотической легендой, внести — хотя бы въ умѣренной степени — строгій историческій анализъ. Такой писатель рискуетъ возбудить противъ себя негодованіе и уворы въ отсутствіи патріотизма. Мы знаемъ подобные примѣры и у себя дома, когда весьма умѣренная критика нашего прошедшаго стоила историкамъ подобнаго обвиненія. То же случилось и съ Бобржинскимъ. Противъ него выставлены были

подобныя обвиненія: большинство, незнакомое съ новѣйшей разработкой архивныхъ данныхъ, приписало ему тѣ мнѣнія, къ какимъ необходимо должны были приводить новыя изслѣдованія, слишкомъ часто расходившіяся съ привычными представленіями польской патріотической легенды. Противорѣчіе было слишкомъ ярко именно въ тѣхъ пунктахъ, на которыхъ особенно настаивала легенда: свойства стараго польскаго государства и причины его паденія. Это государство рисовалось прежнему поколѣнію польскихъ патріотовъ въ идеальномъ свѣтѣ: едва ли это была не наилучшая форма правленія, послѣднее усовершенствованіе которой должна была дать конституція 3-го мая; паденіе Польши было только дѣломъ насилія. Бобржинскій на обоихъ этихъ пунктахъ противорѣчилъ старой традиціи и указалъ, если не сполна, то въ значительной степени истинное историческое положеніе вещей. На первыя нападенія онъ отвѣчалъ брошюрой подъ заглавіемъ: „Во имя исторической правды“, а во второмъ изданіи своей книги присоединилъ обширное предисловіе, въ которомъ объясняетъ свои историческіе взгляды, отвѣчая также и наиболѣе компетентнымъ судьямъ его труда, каковы были Смолка и уже умершіе теперь ученые, проф. Шуйскій и всендѣзъ Калинка. Можно съ удовольствіемъ прочитать эти спокойныя сужденія писателя, для котораго историческая истина не есть пустое слово. Можно не соглашаться съ нимъ съ другой точки зрѣнія, но онъ имѣетъ право на вниманіе къ его взглядамъ. Третье изданіе книги Бобржинскаго свидѣтельствуетъ, что историческая логика начинаетъ брать свое, и выводы Бобржинскаго перестаютъ казаться польскому обществу ересью.

Но автору еще нельзя успокоиться. Нападенія, которыя утихаютъ въ польскомъ обществѣ, возобновляются въ русской литературѣ, конечно, по другимъ основаніямъ. При объявленіи о выходѣ русскаго перевода мы порадовались, что въ русской литературѣ, очень скудной по исторіи Польши, появится трудъ такого компетентнаго спеціалиста, какъ Бобржинскій. Въковая политическая связь съ польскимъ народомъ, принадлежность большой и главной доли его къ русскому государству нравственно обязываетъ насъ познакомиться ближе съ его исторіей и литературой, если еще не пришла пора болѣе тѣснаго и довѣрливаго общенія. Взаимное изученіе литературы и исторіи бываетъ наилучшимъ средствомъ для приобрѣтенія обоюднаго пониманія, то-есть, для устраненія острыхъ противорѣчій, мѣшающихъ органическому сближенію, для отысканія общихъ идеальныхъ интересовъ, присутствіе которыхъ могло бы дать здравый нравственный смыслъ политическому единству, основанному оружіемъ. Попытки такого литературнаго сближенія начинаютъ дѣлаться съ обеихъ сторонъ, и особенно съ русской: въ послѣдніе годы у насъ явилось мно-

жество переводовъ изъ польской поэзіи и беллетристики, и надо было желать, чтобы за ними послѣдовали также переводы научныхъ, особливо историческихъ книгъ, которые познакомили бы насъ болѣе широко съ содержаніемъ серьезной части польской литературы. Сочиненіе Бобржинскаго могло быть одною изъ такихъ книгъ.

Понятное дѣло, что въ книгѣ польскаго писателя надо было ожидать встрѣтить польскія мнѣнія, — въ томъ и заключался смыслъ перевода, чтобы ознакомить русское общество съ тѣми историческими взглядами, какіе существуютъ въ средѣ самого польскаго общества, — точно также какъ въ англійской книгѣ мы встрѣтимъ идеи англійскаго общества, во французской — французскаго, и т. д. Истина, по-видимому, азбучная — между тѣмъ г. Карѣвъ, подъ редакціей котораго издается переводъ книги Бобржинскаго, подвергся неожиданному обвиненію за то, что мысли Бобржинскаго суть мысли польскаго писателя. Этому обвиненію посвящена была даже особая книжка ¹⁾. Г-ну А. К. совершенно невразумительны указанныя выше основанія, почему для нашего общества желательно знакомство съ польской литературой: онъ разсуждаетъ съ точки зрѣнія того полицейскаго (въ худшемъ смыслѣ этого слова) патріотизма, который вноситъ въ вопросъ слѣпую ненависть, мало способную разъяснять вещи и, безъ сомнѣнія, принесшую уже не мало вреда установленію здравыхъ русско-польскихъ отношеній. Когда польскіе критики остались недовольны въ книгѣ Бобржинскаго внесенной имъ долей критическаго анализа, русскій критикъ обвиняетъ его, что онъ не пишетъ польской исторіи въ духѣ г. Колловича. Дѣло ставится на новую, неожиданную точку зрѣнія.

„Что же это за книга профессора краковскаго университета?“ — спрашиваетъ г. А. К. „Для Варшавы, стоящей на перепутьѣ между Краковомъ и Петербургомъ, этотъ вопросъ не маловаженъ. Что выиграетъ или что проиграетъ отъ этого *русское дѣло въ Привислянскомъ краѣ*, — вотъ вопросъ, который необходимо рѣшить. И мы не преувеличиваемъ значенія вышеупомянутой книги М. Бобржинскаго, указывая возможность ея большого вліянія на русское дѣло въ Привислянскомъ краѣ: пока книга читалась только на польскомъ языкѣ, она могла имѣть лишь нѣкоторое значеніе въ польско-русскихъ отношеніяхъ краѣ; но разъ книга переведена на русскій языкъ, вопросъ уже стоитъ иначе. Значитъ (?), взгляды польскаго историка нашли сочувствіе въ русской средѣ; однимъ словомъ (?), могутъ быть сдѣланы выводы, практическое значеніе которыхъ въ исторической жизни

¹⁾ А. К. Нѣсколько замѣчаній на книгу проф. М. Бобржинскаго: „Очеркъ исторіи Польши“ въ переводѣ подъ редакціей проф. Н. И. Карѣва“. Спб. 1888.

края очень важно. И однако, можно ли *русскому человеку подписаться* (1) подъ книгою М. Бобржинскаго и пожелать ея распространенія въ польскомъ и русскомъ обществахъ здѣшняго края?"

Итакъ, отъ перевода книги Бобржинскаго зависитъ положеніе „русскаго дѣла“ въ Привислянскомъ краѣ; переводчикъ можетъ навредить этому дѣлу.

Эта болѣзнь книги, статьи, мысли—отличаетъ вообще такихъ защитниковъ „русскаго дѣла“, какъ г. А. К. Насъ всегда изумляло, какъ подобнымъ патріотамъ не приходитъ въ голову, что такая защита унизительна для „русскаго дѣла“, что она сама можетъ оказывать на его разумныхъ представителей гораздо болѣе деморализующее вліяніе, чѣмъ десять переводовъ Бобржинскаго. Дѣйствительно, надо считать содержаніе „русскаго дѣла“ сликомъ ничтожнымъ, чтобы думать, что появленіе въ русскомъ переводѣ одной польской книги уже грозитъ ему опасностью. Скажемъ больше: такое предположеніе можетъ быть унизительно для русскаго національнаго достоинства. Въ Привислянскомъ краѣ господствуетъ русскій законъ, русскій государственный языкъ, въ немъ проводится русская система просвѣщенія и т. д., и т. д., и все это оказывается ничтожнымъ передъ одной польской книгой, переведенной на польскій языкъ! Нельзя сдѣлать другого вывода изъ разсужденій г-на А. К. Надо поэтому накинуться на эту книгу; ея не должно быть на русскомъ языкѣ, иначе является опасность для русскаго дѣла! Изумительно.

Но какъ быть съ тѣми жителями Привислянскаго края, которые читаютъ книгу въ подлинникѣ? Книга не только дозволена цензурой, но даже печаталась въ Варшавѣ! Не слѣдуетъ ли запретить ее и учредить бдительный надзоръ за польскими читателями? Но, рискуя испугать г-на А. К., скажемъ ему, что на русскомъ языкѣ есть, изъ польской литературы, вещи гораздо болѣе опасныя, еще сильнѣе возбуждающія польское чувство, чѣмъ книга Бобржинскаго: это—много разъ переведенныя произведенія Мицкевича. Не слѣдуетъ ли запретить ихъ?

Книжка г-на А. К. подвигла и давняго оберегателя „русскаго дѣла“, г. Кояловича, на войну противъ Бобржинскаго и противъ его русскаго переводчика. Г. Кояловичъ весьма одобрилъ книжку г-на А. К. и согласился съ замѣчаніемъ послѣдняго, что перевести такую книгу—значитъ „подкапывать бревна подъ ноги русскимъ людямъ, работающимъ на нашей западной окраинѣ“. Мы думаемъ, что лучшіе изъ этихъ русскихъ людей не столь малоумны, чтобы пугаться книги, высказывающей мнѣнія противной стороны: чтобы разумно вести собственное дѣло, надо именно знать взгляды противника, и

съ этой точки зрѣнія они скорѣе будутъ благодарны проф. Карѣву за предпринятый имъ трудъ.

Если наши историки разойдутся съ Бобржинскимъ въ объясненіи многихъ событій, а пожалуй и цѣлаго хода польской исторіи, въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго, и споръ, веденный съ научнымъ достоинствомъ, можетъ послужить къ разъясненію дѣла для обѣихъ сторонъ. Еслибы книга Бобржинскаго повела къ такому результату, т.-е. возбудила интересъ къ польской исторіи и дала поводъ къ спокойной и безпристрастной научной критикѣ, это была бы большая польза предпріятія г. Карѣва. Но подобное дѣло должно быть именно ведено съ научнымъ достоинствомъ, а не въ духѣ г. Кояловича, для котораго это, вѣжета, есть только поводъ къ личнымъ инсинуаціямъ.

— *Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова. Часть I. Журналъ о походахъ въ Соловки и на Валаамъ острова (въ 1744, 1752, 1761, 1777 и 1784 годахъ). Подъ редакціею и съ примѣчаніями Владиміра Мордвинова. Спб. 1888.*

Литература старинныхъ мемуаровъ, которая такъ разрослась въ послѣднее время, умножается еще записками капитана Мордвинова, изданными его правнукомъ, г. В. Мордвиновымъ. Капитанъ Яковъ Яковлевичъ Мордвиновъ родился въ 1729 году и умеръ въ 1799. Итакъ, это былъ человѣкъ послѣ-петровской эпохи, изъ того круга, который считался у насъ специально „оторваннымъ отъ почвы“ и отъ народности. Жизнь его была довольно типическая жизнь русскаго дворянина тѣхъ временъ. При дѣйствіи узаконеній, по которымъ всѣ дворяне подлежали личной воинской повинности, Мордвиновъ въ 1744 году, т.-е. пятнадцати лѣтъ, вступилъ въ военную службу въ нѣгерманландскій пѣхотный полкъ солдатомъ, а съ 1756 года до самой отставки своей служилъ въ четвертомъ гренадерскомъ полку. Солдатомъ онъ пробылъ больше двухъ лѣтъ; въ концѣ 1750-хъ годовъ и въ первыхъ 60-хъ онъ участвовалъ въ походахъ и въ сраженіяхъ въ Пруссіи, бывалъ раненъ; въ 1763 году онъ вышелъ въ отставку, служилъ нѣкоторое время по выборамъ дворянства, а затѣмъ до самой смерти проживалъ въ своемъ имѣніи въ новгородской губерніи, новолодожскаго уѣзда, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и домашними дѣлами.

Отъ него остались записки: во-первыхъ, „Маршрутъ 4-го гренадерскаго пѣхотнаго полку“ въ теченіе семилѣтнихъ его походовъ въ Пруссію съ 1757 до 1763 года, и, во-вторыхъ, „Журналъ о походахъ въ Соловки и на Валаамъ острова“. Эти послѣдніе „походы“

онъ совершилъ пять разъ, отъ сороковыхъ до восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія. Этотъ послѣдній журналъ изданъ въ настоящей книгѣ.

Записки капитана Мордвинова интересны въ двойномъ отношеніи. Во-первыхъ, это подробный маршрутъ путешествія изъ новоландскаго уѣзда прямымъ путемъ черезъ Олоонецкій и Архангельскій края въ Соловецкій монастырь и однажды на Валаамъ, съ топографическими указаніями, которыя подробно развиты въ примѣчаніяхъ издателя. Это—важный матеріалъ для старой и современной топографіи Олоонецкаго и Архангельскаго краевъ. Во-вторыхъ, они интересны въ бытовомъ отношеніи. Капитанъ Мордвиновъ, несмотря на свою двадцати-лѣтнюю военную службу, конечно въ условіяхъ тогдашняго преобразованнаго быта, видимо, остался совершенно русскимъ человѣкомъ. Записки о его путешествіяхъ называются „Журналомъ“, но по всему своему складу онѣ могли бы называться „Странникомъ“ или „Паломникомъ“, какъ назывались подобныя сочиненія въ до-петровскія времена. Въ первый разъ онъ отправился на богомолье въ Соловецкій монастырь въ 1744 году, видимо передъ началомъ своей военной службы; его сопровождалъ слуга, безъ сомнѣнія въ качествѣ дядьки (ему самому было тогда 16 лѣтъ), и нѣсколько другихъ спутниковъ. Описаніе этого перваго путешествія очень кратко, другія подробности, но складъ ихъ вездѣ одинаковъ и чрезвычайно похожъ на старинныя „сказки“, статейные списки или „странники“ XVI-го и XVII-го вѣка.

Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ перваго журнала. Путники, отправившись съ мѣста, изъ деревни Мордвинова, „ѣхали водою внизъ Пашею рѣкою, а изъ оной, рѣкою Быстрою Свирицею внизъ же, до Свири рѣки, а Свирию вверхъ до Александринскаго монастыря пристани, которая стоитъ на единой рѣчкѣ, падающей въ Свирь въ одной верстѣ, а съ той шли пѣшіе до Александринскаго монастыря, гдѣ и взяли праздниѣ Святыхъ Троицы мая 13. Изъ Александрова монастыря до пристани шли пѣшіе, а на пристани, нанявъ сойму, которой хозяинъ былъ деревни Гакручая крестьянинъ Козьма, и на оной ѣхали вверхъ до Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, который стоитъ въ самомъ устьѣ надъ Свирию рѣкою. Свирию рѣкою переѣзду было 180 верстъ. А отъ Вознесенья поѣхали Онегомъ озеромъ и были на островѣ Брусѣхъ, гдѣ дѣвичій монастырь и церковь Николая Чудотворца, а изъ Брусна въ Клименецкій монастырь, а изъ Клименеца проливами въ Кижскій погостъ, а оттуда проливами и озеромъ до волости Кузаранды, а отъ Кузаранды въ Палеостровскій монастырь, оттуда въ Повѣнецъ. Переѣзду было отъ Вознесенья до Повѣнца 270 верстъ. Изъ Повѣнца пошелъ

пѣши. Переходъ былъ 10 верстъ, и, сѣвъ въ суда, ѣхали рѣкою и озеромъ 18 верстъ, потомъ пѣши шли до деревни Масельги 5 верстъ. Отъ Масельги водою Маткозеромъ 10 верстъ“, и т. д. Какъ видимъ, это совершенно та же простодушная манера старинныхъ путниковъ: только изрѣдка дѣлаются замѣтки о видѣнномъ на пути; главный, или единственный интересъ—богомолье, монастыри, церкви и святыни. Одно изъ описаній заканчивается совсѣмъ по старинному обычаю: „сошедъ съ судна въ домъ свой, а прочіе тожъ вышедъ изъ судна, возвратились въ дома свои, славящи Отца и Сына и Святого Духа и Преподобныхъ Зосиму и Савватія Соловецкихъ Чудотворцевъ, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ. Аминь“. И точно также въ описаніи другого похода.

Прибавимъ, что капитанъ Мордвиновъ есть то лицо, отъ котораго осталась также цѣлая коллекція рукописныхъ повѣстей и романовъ, упомянутая въ книжкѣ: „Для любителей книжной старины“ (Библиографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и пр., въ особенности изъ первой половины XVIII-го вѣка. М. 1888, предисловіе).

— *Брестянскія пѣсни*, записанныя въ с. Николаевкѣ, мензелинскаго уѣзда уфимской губерніи, Н. Пальчиковымъ. Спб. 1888.

— *Гомельскія народныя пѣсни* (бѣлорусскія и малорусскія. Записаны въ дятловицкой волости гомельскаго уѣзда могилевской губерніи *Зинаидой Радченко*. Съ приложеніемъ 88 мѣстныхъ пословицъ (Записки Имп. Р. Географ. Общества по отдѣленію этнографіи, томъ XIII, вып. II). Спб. 1888.

— *Юридическіе обычаи села Никола-Перевоозъ, сулоостской волости, ростовскаго уѣзда*, А. А. Титова. Ярославль, 1888.

Выписанныя нами заглавія книгъ указываютъ одно явленіе, которое становится характернымъ для нашей новѣйшей этнографіи. Это — размноженіе этнографическихъ изслѣдованій въ извѣстномъ тѣсномъ районѣ. Въ прежнее время, когда эти изслѣдованія были вновь, еще не было, и не могло быть, мысли о такихъ детальныя изслѣдованіяхъ, но взаимнѣ того старше собиратели бывали гораздо смѣлѣе: старались собрать пѣсни, сказки и т. п. не какой-нибудь части населенія, а— „русскаго народа“, какъ будто такъ легко ихъ собрать. Приходилось, однако, собирать матеріалъ гдѣ случится, брать его готовымъ изъ вторыхъ рукъ или просто изъ книгъ, или у случайныхъ мѣстныхъ собирателей, провѣрять которыхъ не было, разумѣется, никакой возможности. Въ лучшихъ случаяхъ, издатели подобныхъ сборниковъ заботились о возможной точности сообщаемыхъ ими текстовъ; но бывало, что сборники составлялись и какъ попало. Въ настоящее время преобладаетъ совершенно другой

пріемъ: вкусъ къ народной поэзіи и пониманіе того, какъ нужно къ ней относиться, распространяется все въ большемъ кругѣ любителей на мѣстахъ, иногда въ глухой провинціи. Новѣйшіе собиратели не задаются грандіозными задачами и выбираютъ поприщемъ своего этнографическаго труда свой ближайшій край, въ которомъ многіе изъ нихъ бываютъ старожилами, и записываютъ пѣсни, обряды и т. п. у людей имъ извѣстныхъ, на народномъ языкѣ, для нихъ привычномъ. Въ результатъ получаются сборники, хотя ограниченные одной мѣстностью, но чрезвычайно выигрывающіе въ томъ отношеніи, что мы получаемъ гораздо болѣе точные тексты, которые притомъ дають понятіе о цѣломъ народно-поэтическомъ обиходѣ края. Обиліе матеріала на мѣстахъ бываетъ иногда таково, что поражаетъ изумленіемъ, какъ напримѣръ въ знаменитомъ сборникѣ „Онежскихъ былинъ“ Гильфердинга. Собиратели начинаютъ лучше понимать, какъ должны быть записываемы произведенія народной поэзіи, напримѣръ, что пѣсня нераздѣлима съ обрядомъ, къ которому она приурочивается, что она должна быть, если возможно, передаваема вмѣстѣ съ ея музыкой, что важно бываетъ отмѣчать не только старину, но и появляющуюся новизну, и т. д.

Распространеніе этихъ мѣстныхъ детальнѣхъ изслѣдованій полчаетъ тѣмъ болѣшую важность, что, въ самомъ дѣлѣ, собраніе пѣсенъ и т. п. „русскаго народа“ есть дѣло немислимое безъ этихъ частныхъ изслѣдованій по разнымъ краямъ громадной территоріи народнаго быта: мѣстный матеріалъ долженъ быть собранъ съ извѣстной полнотой въ его подлинныхъ особенностяхъ и оттѣнкахъ, со всѣми отличіями мѣстнаго обычая и языка,—и только послѣ этого возможно будетъ широкій синтезъ поэзіи „русскаго народа“.

Прекрасную работу этого рода представляетъ изданіе Н. Пальчикова (недавно умершаго). Онъ прожилъ почти 30 лѣтъ въ селѣ Николаевкѣ, пѣсни котораго послужили предметомъ его изданія; понятно, что, при интересѣ къ дѣлу, покойный Пальчиковъ изучилъ сполна своихъ николаевцевъ. Трудъ его потребовалъ, однако, много времени и усилій: дѣло въ томъ, что онъ поставилъ себѣ задачей записать столько же тексты пѣсенъ, сколько ихъ музыку. Въ послѣднее время этотъ вопросъ сталъ сильно занимать музыкальныхъ этнографовъ, которые усомнились въ прежнихъ способахъ записыванія народной музыки, не достигавшихъ полной передачи ея характера. Пальчиковъ рассказываетъ, что на первый разъ и онъ приступилъ къ дѣлу съ обычными прежними приѣмами: онъ записывалъ пѣсню съ голоса *одного* пѣвца и прилаживалъ къ ней аккомпаниментъ; у него собралось уже до 50 пѣсенъ, записанныхъ подобнымъ образомъ, и онъ полагалъ, что дѣло сдѣлано, что у него имѣется

удачно составленный сборникъ. Но когда онъ, вѣроятно чтобы провѣрить себя, созвалъ крестьянскій хоръ и попросилъ его спѣть эти пѣсни, то оказалось, что его записки совсѣмъ непохожи на крестьянскія пѣсни, что они поютъ совсѣмъ не то и что ихъ пѣсни лучше, разнообразнѣе и полнѣе. Онъ долго старался уловить причину этого видимого противорѣчія и, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что для единственно правильной передачи музыки слѣдуетъ записывать отдѣльно каждый голосъ хора, и въ соединеніи они дадутъ искомую гармонію. Поиски Пальчикова за рѣшеніемъ вопроса затруднены были еще тѣмъ случайнымъ обстоятельствомъ, разъяснившимся для него только позднѣе, что въ Николаевкѣ было два хора, давно пѣвшихъ отдѣльно, а потому и нѣсколько различно. Другимъ затрудненіемъ было, что не всѣ пѣвцы были удовлетворительны, и въ отдѣльныхъ голосахъ, какіе онъ сталъ записывать, чувствовался извѣстный произволъ или неправильность. Въ концѣ концовъ, онъ, какъ ему казалось, достигъ своей цѣли. Не знаемъ, насколько его выводъ правиленъ въ музыкальномъ отношеніи, но вопросъ заслуживалъ бы серьезнаго вниманія музыкальной критики. Къ сожалѣнію, наши специалисты по этнографіи обыкновенно не музыканты, а музыканты равнодушны къ этнографіи.

Такимъ образомъ составилъ сборникъ, гдѣ къ каждой пѣснѣ записано 6—8 голосовъ. На 142 пѣсни сборника записано 125 номеровъ музыки: *тексты* болѣе 30 пѣсенъ не помѣщены въ главнѣйшихъ сборникахъ, какіе были пересмотрѣны Пальчиковымъ (и длинный списокъ которыхъ онъ помѣстилъ въ предисловіи), и около 80 пѣсенныхъ *напѣвовъ* до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны. Кромѣ списка пѣсенныхъ сборниковъ (съ одними текстами, или сборниковъ съ музыкой), Пальчиковъ составилъ также библиографическій указатель своихъ пѣсенъ съ указаніемъ сходныхъ текстовъ въ прежнихъ сборникахъ.

Въ другомъ отношеніи интересенъ сборникъ г-жи Радченко, изданный Географическимъ Обществомъ. Составительница его также ограничилась очень небольшимъ райономъ собиранія: это—датловицкая волость (Датловичи—имѣніе ея матери) въ южной части гомельскаго уѣзда, который также составляетъ самую южную часть могилевской губерніи, смежную съ губерніями минской и черниговской. Въ населеніи этого небольшого уголка г-жа Радченко записала ни болѣе, ни менѣе какъ 676 пѣсенъ, приуроченныхъ къ разнымъ временамъ года и разнымъ обстоятельствамъ народнаго быта. Мѣстность любопытна тѣмъ, что здѣшніе бѣлоруссы значительно отличаются отъ общаго характера своего племени и оттѣнками языка, теряющаго собственно бѣлорусскія особенности, и обычаемъ, и составомъ своихъ

пѣсень, въ которыхъ, съ одной стороны, встрѣчается повтореніе пѣсень малорусскихъ, съ другой — великорусскихъ; самыя бѣлорусскія пѣсни здѣсь нѣсколько видоизмѣнены.

Въ обширномъ введеніи въ своему сборнику г-жа Радченко даетъ понятіе о характерѣ мѣстнаго населенія, его языкѣ, нравахъ, обычаяхъ, наконецъ дѣлаетъ характеристику пѣсень и связанныхъ съ ними обрядовъ, а также бѣлорусскихъ пословицъ, которыхъ небольшой сборникъ помѣщенъ въ ея книгѣ. Между прочимъ, г-жа Радченко записывала и музыкальные мотивы (всего до двухъ сотъ): 30 напѣвовъ, съ аккомпаниментомъ фортепіано, были изданы въ 1881 г. г. Бесселемъ, хотя, какъ говоритъ редакторъ настоящаго сборника, г. Истоминъ, не весьма тщательно. Собираательница не ставила вопроса о записываніи музыки такъ строго, какъ дѣлалъ это, напримѣръ, Пальчиковъ, но любопытны ея замѣчанія, вѣроятно не лишеныя основанія, о музыкальномъ складѣ пѣсень: „каждая изъ пѣвицъ, — говоритъ она, — когда поетъ одна, то поетъ весь мотивъ какъ слѣдуетъ; когда же запоютъ хоромъ, то онѣ, какъ бы по инстинкту, раздѣляются на два голоса: одні, поголосистѣе, поютъ всю пѣсню вѣрно съ мотивомъ; другія же берутъ то въ терцію, то въ кварту или въ квинту, иногда берутъ и секунду ниже, или же остаются на той же нотѣ, когда въ это время берется верхняя нота; но этотъ второй голосъ никогда не заглушаетъ верхняго, никогда не выдѣляется; потому сперва и кажется многимъ, что онѣ поютъ въ унисонѣ“. Пальчиковъ не находилъ только, чтобы одинъ голосъ правильно передавалъ характеръ напѣва. Какъ и уфимскій собиратель, собираательница бѣлорусская встрѣтилась въ одномъ и томъ же селѣ съ различною передачею пѣсень: въ одной улицѣ пѣли такъ, въ другой иначе. Старая пѣсня и здѣсь начинаетъ уже подпадать новѣйшему городскому вліянію, и г-жа Радченко, по наглядному примѣру, замѣчаетъ, что „чѣмъ старѣе пѣсня, тѣмъ въ ней болѣе поэзіи въ словахъ и въ мотивѣ; пѣсни же позднѣйшія, фабричныя, солдатскія и городскія вульгарны, какъ по своимъ словамъ, такъ и по голосу“.

Бѣлорусскія пѣсни въ гомельскомъ краѣ большей частью составляютъ варианты пѣсень малорусскихъ, а иногда и великорусскихъ; вообще, по мнѣнію г-жи Радченко, онѣ не отличаются большими музыкальными достоинствами; но еще менѣе благоприятное впечатлѣніе производитъ рядомъ съ ними, и особливо съ пѣснями малорусскими, пѣсни здѣшняго великорусскаго населенія. „О пѣніи *москвонокъ* — такъ зовутъ великорусскихъ женщинъ изъ посадовъ — надо сказать, что онѣ поютъ на очень высокихъ нотахъ; ихъ хоровое пѣніе представляется сплошнымъ визгомъ“. Такое же замѣчаніе дѣлаетъ г. Истоминъ по личному наблюденію въ курской губерніи, гдѣ, среди

малорусскаго населенія, разсѣяны села великоруссовъ-старовѣровъ. „Пѣніе этихъ москалей,—говоритъ г. Истомина,—въ противоположность малорусскому, поражаетъ отсутствіемъ всякой музыкальности, бѣдностью мотивовъ и можетъ только уподобиться визгу или завыванію. Не беремся объяснить этого страннаго и обиднаго для русской пѣсни явленія. Не мудрено, что, основываясь на такихъ образцахъ, малороссы и бѣлоруссы составили себѣ весьма невыгодное представление о великорусской пѣснѣ вообще, которая среди сплошнаго великорусскаго населенія, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ этими печальными и жалкими ея проявленіями“. Извѣстно однако, что визгливое пѣніе великорусскихъ женщинъ не ограничивается могилевской и курской губерніями, но встрѣчается также и среди *сплошнаго* великорусскаго населенія.

Г. Истомина, редактировавшій сборникъ, прибавилъ къ издаваемымъ здѣсь текстамъ сличенія съ великорусскими и малорусскими, а также и другими бѣлорусскими пѣснями; онъ прибавилъ также сличенія къ напечатаннымъ здѣсь пословицамъ и, наконецъ, алфавитный указатель пѣсенъ.

На страницѣ XII г-жа Радченко напрасно вдалась въ сравненія бѣлорусскаго языка съ *амалійскимъ* и *итальянскимъ*. Приведа нѣсколько однозвучныхъ словъ сходнаго значенія, г-жа Радченко замѣчаетъ, что „все это, какъ извѣстно, остатки санскритскаго языка, общаго корня всѣхъ языковъ арійскаго племени“; но, не говоря о томъ, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ ею словъ филологически вовсе не одного происхожденія, сравненіе бѣлорусскаго языка прямо съ англійскимъ вообще неумѣстно.

Книжки г. Титова, какъ видно изъ заглавій ихъ, представляютъ также чисто мѣстныя изслѣдованія. Имя г. Титова извѣстно цѣлымъ рядомъ трудовъ по мѣстной исторіи и этнографіи ростовскаго края, къ которымъ и въ послѣднее время прибавилось специальное описаніе „Ростова Великаго“. Это опять мѣстный старожилъ, до мелкихъ подробностей изучившій старину и современный бытъ своего края, и вообще ревностный собиратель, между прочимъ успѣвшій составить обширное собраніе рукописей (до 3000), извѣстное пока только по краткому „Охранному Кatalogu“ (три выпуска, 1881—88). Въ трудахъ г. Титова собрано до сихъ поръ множество мѣстныхъ свѣдѣній, и между прочимъ оригинальныхъ историческихъ легендъ, которыя должны были бы привлечь вниманіе изыскателей народной старины. Въ описаніи быта села Никола-Перевозъ г. Титовъ предпринялъ исполнить программу для собиранія юридическихъ обычаевъ, изданную въ 1887 московскимъ Обществомъ любителей естествознанія, антропологій и этнографіи и составленную молодымъ

ученымъ, недавно умершимъ, М. Н. Харузинимъ, который былъ тогда секретаремъ этого Общества. Московская программа весьма подробно, можетъ быть даже съ излишествомъ, ставила вопросы по обычному праву, и г. Титовъ, при сотрудничествѣ учителя мѣстной земской школы, г. Рябинина, составилъ отвѣты на эти вопросы въ порядкѣ программы. Правда, область изслѣдованія невелика, — село Никола-Перевозъ, составляющее особое сельское общество, имѣетъ всего 49 дворовъ и 127 ревизскихъ душъ и столько же надѣловъ, — но зато составители отвѣтовъ могли изслѣдовать всѣ подробности мѣстнаго быта. Польза подобныхъ описаній не подлежитъ сомнѣнію; надо только стараться выбирать для описанія пункты, наиболѣе типическіе для даннаго края. Описаніе (больше 100 большихъ страницъ) весьма обстоятельно. Въ приложеніи помѣщено нѣсколько мѣстныхъ свадебныхъ пѣсенъ.—А. П.

Въ теченіе ноября мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія книги и брошюры:

Адриановъ, А. Путешествіе на Алтай и Саяны, въ 1883 году, по порученію имп. русск. географ. общества и его западно-сибирск. отдѣла. Омскъ, 1888. Стр. 144 (Записки Западно-Сибир. Отдѣла импер. русск. географ. общ. Кн. VIII, вып. II. Омскъ, 1886).

Алабинъ, П. Четыре войны. Походныя записки въ 1849, 53, 54-56 и 77-78 годахъ. Самара, 1888. Стр. 160 и XLIV. Ц. 2 р.

Апраксинъ, А. Д. Горе и радость. Рассказы и повѣсти. Спб. 1889. Стр. 201.

Бродовскій, д-ръ, В. М. Гипнотизмъ въ практической медицинѣ. Спб., 1888. Стр. 112. Ц. 75 к.

Б. И. и А. К. Исторія французской литературы. Вып. 1-й. Средніе вѣка. Переходное время. Составлено по Demogoeot и др. Спб. 1887. Стр. 215. Ц. 1 р. 50 коп.

Венеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 14-й. Спб. 1888. Стр. 605—652. Ц. 35 к.

Гайсбергъ, инж., С. Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Переводъ Н. С. Дрентельна. Съ 104 рис. въ текстѣ. Спб., 1888. Стр. 151. Ц. 1 р.

Генкель, Г. Дѣти. Рассказы. Спб., 1888. Стр. 57. Ц. 30 к.

Д., Н. Девятисотлѣтіе русской іерархіи. 988—1888. Епархій и архіерей. Составлено по офиц. и историческимъ даннымъ. Москва, 1888. Стр. 108 и XXII. Ц. 2 р. 25 к.

Жукъ, В. Н. Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. 3-е изд. Спб., 1888. Стр. 840. Ц. 3 р.

Зурскій, Н. В. Уроки геометріи. Прогимназическій курсъ. Кутаисъ, 1888. Стр. 153. Ц. 50 к.

Ивановъ, М. М. Историческій очеркъ 50-лѣтней дѣятельности музыкальнаго журнала „Нувелистъ“. Спб., 1889. Стр. 32.

- Киселевъ, А.* Элементарная алгебра, въ двухъ частяхъ. Москва, 1888. Стр. 140 и 208. Ц. 1 р. 50 к.
- Коренблитъ, А. Н.* Аллюминій, его добываніе, свойства, обработка, сплавы и соединенія, наиболѣе важныя въ технику. Москва, 1888. Стр. 110. Ц. 75 к.
- Короленко, И.* Указатель къ первымъ четыремъ томамъ русскаго перевода „Всеобщей исторіи“ Г. Вебера. Москва, 1888. Стр. 236. Ц. 2 р.
- Коховскій, Вс.* Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній за 1887-88 учебный годъ. Спб., 1888. Стр. 172.
- Кулешовъ, В.* Наказы сибирскимъ воеводамъ въ XVII в. Ташкентъ, 1888.
- Лейкинъ, Н. А.* Пухъ и Перья. Разказы, съ рисунк. худ. А. И. Лебедева. Спб., 1888. Стр. 183.
- Любовичъ, Н. Н.* Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в. Варшава, 1888. Стр. 28.
- Мордовцевъ, Д. Л.* Историческіе Прошлен, въ двухъ томахъ. Спб., 1889. Стр. 540 и 524. Ц. 5 р.
- Н. Н.* Въ погонѣ за жизнью. Драма въ пяти дѣйств. Спб., 1888. Стр. 148. Ц. 1 р.
- Невѣдомскій, В. Н.* Гердери, его жизнь и сочиненія, Р. Гайма, перев. съ нѣмек. Т. П. Москва, 1888. Стр. 880 и XXXI. Ц. 5 р.
- Немировичъ-Данченко, В.* Незамѣтные герои. Спб., 1889. Стр. 231. Ц. 1 р.
- Монахъ. Романъ. Спб., 1889. Стр. 205.
- Савенко, Ѳ. Г.* Строеніе и жизнь исправительныхъ колоній и пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Одесса, 1888. Стр. 55. Ц. 40 к.
- Струве, В. В.* Воспоминанія о Сибири. 1848—54 гг. Спб. 1889. Стр. 180. Ц. 1 р.
- Фаминцынъ, А. С.* Скоморохи на Руси. Спб., 1889. Стр. 191. Ц. 1 р. 50 к.
- Цибрикова, М. Б.* Мольеръ, его жизнь и произведенія. Спб., 1888. Стр. 77. Ц. 50 к.
- Шатиръ, Ольга.* Повѣсти и разказы. Спб., 1889. Стр. 513. Ц. 2 р.
- Штейнфельдъ, П.* Практично ли христіанское ученіе о кротости и смиреніи? Екатеринбургъ, 1888. Стр. 22 (въ стихахъ).
- Galitzyn, Fürst Nicolai.* Russen und Deutsche. Ein Schreiben an den Redacteur der „Deutschen Revue“. Herrn Dr. R. Fleischer. Heidelberg, 1888. Стр. 59.
- Sodoffsky, G.* Die Immobiliensteuer in Riga und die Gebäudesteuer in Oesterreich. Riga, 1888. Стр. 59.
- Turner, Ch. Ed.* Count Tolstoi as novelist and thinker. Lond., 1888. Стр. 191.
- Wardrop, Oliver.* The Kingdom of Georgia. Lond., 1888. Стр. 202.

ЗАМѢТКА.

 Новая книга о Китаѣ и китайцахъ.

— Принципы жизни Китая, сочиненіе *Серіа Георгіевскаго*, Спб., изд. А. Я. Панафидина, 1888, XI+494 стр. и XVI таб. литогр. іероглифовъ.

Появившаяся въ началѣ текущаго года книга г. Георгіевскаго, естественно, должна привлечь къ себѣ вниманіе всякаго интересующагося исторіей человѣчества въ обширномъ смыслѣ. Судя по заглавію, эта книга даетъ намъ возможность познакомиться съ „принципами жизни“ доброй части человѣческаго рода, скопившагося на сравнительно небольшомъ пространствѣ земной поверхности, называемой Китаемъ. Задача громадная, требующая замѣчательной способности къ обобщенію и могущая возбудить интересъ специально въ насъ, русскихъ, ближайшихъ сосѣдяхъ многочислѣнной имперіи. Не будучи синологами и не имѣя потому претензіи на разборъ сочиненія въ научномъ отношеніи, мы не будемъ касаться специальныхъ вопросовъ, затронутыхъ въ немъ, въ ожиданіи серьезной научной критики компетентныхъ судей, и позволяемъ себѣ коснуться сочиненія г. Георгіевскаго съ точки зрѣнія простаго читателя, хотя интересующагося, но не изучавшаго предметъ. Считаемъ это для себя возможнымъ потому, что самъ авторъ несомнѣнно въ общемъ имѣлъ въ виду именно такого читателя, подробно описывая и освѣщая факты, безъ сомнѣнія слишкомъ хорошо извѣстные всякому синологу. Вслѣдствіе такой нашей некомпетентности, мы и не коснемся первыхъ главъ труда, трактующихъ о развитіи китайскихъ воззрѣній на жизнь, на смерть и на этику жизни: тутъ требуется научная провѣрка фактовъ, которая намъ недоступна. Намъ кажется достаточнымъ сказать, что всѣ принципы жизни Китая сводятся, какъ доказываетъ авторъ, въ сущности къ одному принципу—почитанія родителей. Этотъ выводъ автора настойчиво и послѣдовательно проводится чрезъ весь его трудъ и резюмируется въ болѣе общихъ чертахъ въ заключительной главѣ, съ которой мы позволяемъ себѣ, поэтому, и начать нашу попытку дать общее понятіе о содержаніи сочиненія г. Георгіевскаго.

По словамъ автора, китайскія дѣти съ малолѣтства приучаются къ pietati erga parentes, почему ранѣе и опредѣленнѣе, нежели у

насъ въ Европѣ, превращаются изъ ζῶον въ ζῶον πολιτικόν (стр. 438), никогда не бывають, по личнымъ наблюденіямъ автора, легкомысленными шалунами или чуждыми всякаго (?) альтруизма себялюбцами (стр. 439); это достигается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что китайцы, при воспитаніи дѣтей, не прибѣгаютъ къ фальши, не затемняютъ истины, не извращаютъ понятій и словъ — все указывается и сообщается въ настоящемъ смыслѣ и значеніи (стр. 436); кромѣ того, при этомъ у китайцевъ не существуетъ разногласія ни относительно коренныхъ основъ, ни относительно методы воспитанія, при существованіи у родителей солидарности общихъ воззрѣній на цѣли и условія земного существованія человѣка (стр. 435).

Родители юноши-китайца, достигшаго физической зрѣлости, развившагося умственно и усвоившаго принципы этики, слѣзаетъ пріискать ему невѣсту, чтобы обезпечить для него всестороннее (?) удовлетвореніе полового инстинкта и сдѣлать содержаніе его жизни болѣе полнымъ (стр. 439). Бракъ, и именно такой — заключенный помимо молодыхъ людей родителями, считается настолько необходимымъ, что холостяковъ и старыхъ дѣвъ признають въ Китаѣ соціально (?) неблагонадежными (ib.); съ другой стороны, юноша-сирота съ величайшимъ трудомъ находитъ себѣ жену. Юноша лишенъ возможности сноситься съ тѣми дѣвками, изъ среды которыхъ могъ бы избрать себѣ невѣсту. Поэтому (?) юноши и дѣвцы, будучи изолированы одни отъ другихъ, одинаково чувствуютъ потребность брака, и когда послѣдній заключенъ, супруги проникаются взаимной любовью, помимо всѣхъ (?) причинъ и условій, въ силу сознанія, что могутъ только (?) другъ въ другѣ находить полное и всестороннее (?) удовлетвореніе своихъ половыхъ инстинктовъ (стр. 441)... Случаи супружеской невѣрности крайне рѣдки, и она не можетъ вызываться какими-либо (1) случайными обстоятельствами (стр. 443)...

Усвоивъ, благодаря такой системѣ воспитанія (но эта система остается слишкомъ мало выясненной для читателя), сущность сыновняго благочестія, какъ принципа этики, и на зарѣ юности гарантировавъ себѣ „всестороннее удовлетвореніе полового инстинкта“ брачными узами съ одной изъ тѣхъ дѣвицъ, для которыхъ страшна даже мысль о какихъ-либо намѣреніяхъ, противныхъ супружеской преданности и вѣрности, китаецъ начинаетъ свою внѣ-семейную жизнь, начинаетъ устроиваться и опредѣлять свои отношенія ко всему внѣшне-объективному (sic.). Устроиваясь, китаецъ не мечется (какъ кто?) изъ стороны въ сторону, не тратитъ энергіи на безцѣльные занятія... онъ сознательно и твердо идетъ по тому пути, который опредѣляетъ конфуціанствомъ (стр. 452). Китаецъ оказывается трудолюбивымъ не столько по роковой необходимости (какъ остальное бѣдное человѣ-

чество, которое лишь въ силу проклятiя должно добывать хлѣбъ свой въ потѣ лица), сколько по сознательному стремленiю къ матеріально-бытовому комфорту, къ обезпеченiю пользованiя разнообразными удовольствiями (стр. 453—54)... При этомъ, однако, показная роскошь и мотовство осмѣиваются обществомъ и нерѣдко подлежатъ запрету со стороны (чадолюбиваго) правительства... Однимъ словомъ, картина китайской жизни, представленная намъ авторомъ, оказывается настолько опозитивированной, что самъ онъ, въ качествѣ общей характеристики, привелъ стихъ Овидiя, въ которомъ описаны Мирмидоны (стр. 455): О томъ, каково отношенiе китаецъ къ ближнимъ (въ нашемъ, европейскомъ, смыслѣ этого слова), г. Георгiевскiй говоритъ (на стр. 458): „не проникаясь универсальной любовью и полагая цѣль своей жизни въ личномъ благоденствiи, китаецъ чувствуетъ внутреннее довольство, такъ какъ помнитъ, что достиженiе этого благоденствiя обусловлено коррелятивно (sic) сопряженнымъ (sic) благоденствiемъ объектовъ (родителей, родственниковъ, жены, друзей и согражданъ)“. „Китайцу,—говоритъ далѣе авторъ,—непонятна возможность (?) считать всѣхъ людей своими братьями“...

Такова характеристика китаецъ, какъ человѣка, предлагаемая намъ г. Георгiевскимъ; для полноты картины слѣдуетъ прибавить ко всему тому нѣсколько словъ о крайне сбивчивыхъ свѣдѣнiяхъ о проституцiи въ Китаѣ, помѣщенныхъ на стр. 440—441 и 451 труда г. Георгiевскаго. Чтобъ не обвинять автора голословно въ сбивчивости этихъ свѣдѣнiй, приводимъ собственныя его слова: „въ Китаѣ есть двѣ категорiи женщинъ: къ первой, весьма немногочисленной (?), относятся проститутки, пользуясь которыми, мужчина, какъ ζῶον, удовлетворяетъ свои половыя инстинкты; ко второй—всѣ тѣ женщины, которыя восполняютъ существованiе мужчины, какъ ζῶον πολιτικόν (какъ китаянки восполняютъ существованiе своихъ мужей—указанiй въ сочиненiи, къ сожалѣнiю, нѣтъ). Поскольку не всѣ китаянки, по тѣмъ или другимъ условiямъ и обстоятельствамъ, могутъ выработаться въ типъ истиннаго (?) ζῶον πολιτικόν, и поскольку для всякаго человѣка переходъ изъ ζῶον въ ζῶον πολιτικόν требуетъ извѣстнаго періода времени (?), постольку и проституцiя является вполнѣ естественной“. Кажущаяся простота мысли автора совершенно пропадаетъ, если разобрать его положенiе: — вѣдь если переходъ изъ состоянiя животнаго въ состоянiе сознательнаго существованiя требуетъ для *всякаго* человѣка извѣстнаго времени, то едва ли связанное съ этимъ переходнымъ временемъ число проститутокъ можетъ быть мало, какъ утверждаетъ авторъ, если принять еще во вниманiе тѣ исключенiя изъ общаго правила, на существованiе которыхъ онъ самъ же указываетъ; непонятно также, гдѣ кончается у

мужчины удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ какъ *ζῶον*, и гдѣ начинается для него восполненіе существованія посредствомъ женщины, въ качествѣ *ζῶον πολιτικόν*? Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ (стр. 451): „китайка, *ζῶον πολιτικόν*, существенно отличается отъ китайки, какъ *ζῶον*; это два полюса, между которыми нѣтъ постепеннаго перехода... Если женщина, замужняя или желающая (?) вступить въ бракъ, начинаетъ эмансипироваться, то ей предлагаютъ (кто?) не терять времени (!) на постепенное самопониженіе, не томить себя неудовлетворенностью и открыто встать въ ряды существъ, которыя исповѣдуютъ религію плоти, но ничуть (?) не „религію духа“... Авторъ не указываетъ, какъ возникаютъ въ Китаѣ эти несчастныя просто-*ζῶον*, не имѣющія права выражать антипатіей или симпатіей, почти мыслить, лишенныя возможности измѣнить свою жизнь къ лучшему; чтó происходитъ съ плодами любви несчастной? Но намъ кажется просто невыносимымъ это дѣленіе авторомъ живыхъ людей на двѣ категоріи безъ всякихъ „переходовъ“, имѣющее, однако, ту хорошую сторону, что оно сразу указываетъ на чистую умозрительность заключенія и выводовъ европейскаго автора. Вѣдь такъ, какъ авторъ описалъ намъ китайкоу, написалъ бы и китаецъ о европейскихъ женщинахъ, поѣздивъ по Европѣ годъ или два и имѣвъ случай сравнить дамъ въ „китайскихъ монастыряхъ“ (пошеп—шопен) съ „приличными“ женщинами. Тотъ же китаецъ написалъ бы, можетъ быть, что въ Китаѣ дѣти позже, чѣмъ въ Европѣ, становятся *ζῶα πολιτικά* потому, что въ Китаѣ считаютъ недостаточнымъ выучить ихъ четыремъ правиламъ ариметики, писать и читать и элементарнымъ свѣдѣніямъ по Закону Божію, а пичкаютъ-де ихъ, прежде чѣмъ выпустить на жизненную борьбу, массой фактовъ, пригодность которыхъ не всегда вѣдѣ сомнѣнію; что китайцы при воспитаніи дѣтей устраняютъ все, могущее развратить ихъ, а потому, съ европейской точки зрѣнія, можно было бы обвинять ихъ въ введеніи извѣстной фальши въ воспитаніе, которая, однако, и т. д., и т. д. Можетъ быть, г. Георгіевскій противопоставилъ бы этому воображаемому описанію голое отрицаніе; можетъ быть, онъ и подписался бы подъ нимъ въ виду того, что оно не заключаетъ въ себѣ охуленія китайскихъ порядковъ; но за что мы ручаемся, такъ это за то, что еслибъ нашъ воображаемый китаецъ осмѣлился найти что-либо лучшимъ у насъ, чѣмъ въ Китаѣ, то г. Георгіевскій съ негодованіемъ отвергъ бы его выводы; но вѣдь г. Георгіевскій хочетъ, чтобъ и мы ему вѣрили на-слово. Это неограниченное расхваливаніе всего китайскаго, въ которомъ авторъ не желаетъ даже видѣть хотя бы сомнительныхъ пятнышекъ, не подкрѣпляется ничѣмъ инымъ, кромѣ личнаго знакомства автора съ описываемымъ имъ предметомъ.

Если допустить основательное знакомство автора съ Китаемъ, то сквозь опозитизированный образъ ихъ личной жизни можно, пожалуй, отбросивъ явно пристрастные похвалы, вывести такое заключеніе: китайцы воспитываются родителями строго, причемъ воспитаніе имѣетъ чисто практическую подкладку; выборъ невѣсты принадлежитъ обыкновенно родителямъ, что вполне соотвѣтствуетъ практическимъ потребностямъ мало развитыхъ въ идеальномъ смыслѣ юношей, причемъ, конечно, принимается въ расчетъ богатство, связи или рабочая способность невѣсты (*mutatis mutandis*—жениха); такой способъ заключенія браковъ, очевидно, долженъ способствовать сильному развитію проституціи, распространенность которой, однако, сдерживается бѣдностью массы населенія и его бережливостью, составляющею общезвѣстное качество китайцевъ. Вступая въ жизнь, молодой китаецъ, наученный практическимъ воспитаніемъ и примѣромъ старшихъ, скоро привыкаетъ къ будничной своей обстановкѣ, не залетаетъ въ облака, гдѣ ему скоро обкорнали бы крылья, отлично помнитъ пословицу: „знай всякъ сверчокъ свой шестокъ“, и надуваетъ ближняго лишь тогда, когда думаетъ, что можетъ сдѣлать это безнаказанно или безъ большого риска. Сильно боюсь за автора, что моя характеристика, хотя я и не былъ въ Китаѣ, окажется ближе къ истинѣ, чѣмъ поэтическая картина г. Георгіевскаго. Получилось мое воззрѣніе на китайца, не заключающее въ себѣ ничего сказочнаго или невозможнаго, лишь изъ словъ автора, которыя я позволилъ себѣ только очистить отъ поэтическихъ прикрасъ и очевиднаго увлеченія. Не даромъ, однако, я обусловилъ свое заключеніе словами:—если допустить основательное знакомство автора съ Китаемъ. Дѣйствительно, много ли изъ насъ, европейцевъ, можетъ похвастать основательнымъ знакомствомъ съ Европой, и кто изъ насъ, положавъ руку на сердце, не боясь ошибиться, возьмется дать общую характеристику домашняго воспитанія, положенія женщины и идеаловъ юноши, вступающаго въ жизнь, въ Европѣ, какъ сдѣлалъ это авторъ для Китая, равнозначащей, по словамъ его, единицы со *всею* Европой, и это при элементарномъ (съ китайской точки зрѣнія) знакомствѣ съ языкомъ и литературой Китая? Поэтому боюсь, что характеристика г. Георгіевскаго также мало, какъ и моя, подвинетъ насъ въ знакомствѣ съ истиннымъ характеромъ китаецъ...

Столь же голословны и сомнительны для европейскаго читателя увѣренія автора о совершенствѣ государственной организаціи Китая; представляя намъ трогательную картину того, какъ народъ видитъ въ чиновникахъ (мѣсто коихъ опредѣляется степенью усвоенія сущности конфуціанства!) не только начальниковъ, но и своихъ духовныхъ руководителей, онъ видитъ корень добра въ конфуціанствѣ.

Благодаря этому-де и пресловутый цензоріатъ, кость отъ кости конфуціанства, не есть собственно правительственный органъ: онъ выше правительства настолько, насколько теорія выше практики... Затѣмъ авторъ переходитъ въ область чистой фантазіи, въ которую слѣдовать за нимъ едва ли возможно; сущность этой фантазіи заключается въ томъ, что китайцы насъ научатъ истинной цивилизаціи, а отъ насъ они переймутъ лишь практическія изобрѣтенія въ области техники да, пожалуй, христіанство... Впрочемъ, въ заключеніи я, можетъ быть, коснусь этого вопроса. Теперь же позволю себѣ вернуться къ пресловутому конфуціанству, какъ оно описывается авторомъ, и благодаря лишь которому, какъ то неоднократно повторяетъ авторъ, Китай остается, оставался и останется тѣмъ, что онъ есть.

Конфуціанству въ книгѣ г. Георгіевскаго посвящено пять главъ (VIII, IX, X, XI и XII). Первая изъ нихъ начинается знаменательными словами: кто такое Конфуцій? (стр. 280)—и отвѣтъ на этотъ вопросъ, изложенный на слѣдующихъ трехъ страницахъ, и матеріалъ для котораго почерпнуть у нѣсколькихъ синологовъ, можетъ быть удачно выраженъ однимъ латинскимъ словомъ — *confusio* (*sit venia verbo*). Оказывается, что самъ авторъ, „не будучи, по его словамъ, во всеоружіи китайскихъ познаній (?); не признаетъ себя призваннымъ положить хотя малый камень въ будущемъ зданіи прочной системы воззрѣній на историческій ходъ развитія какъ древнекитайской литературы, такъ и конфуціанской системы“ (стр. 283). Тѣмъ не менѣе авторъ, если и не считаетъ (по китайскимъ понятіямъ?) свой трактатъ о конфуціанствѣ даже маленькимъ камнемъ, даетъ намъ, по нашимъ европейскимъ понятіямъ, цѣлый увѣсистый камень для уясненія этой доктрины. Начинаетъ онъ съ изложенія мнѣнскаго и отчасти историческаго (въ китайскомъ смыслѣ) жизнеописанія Конфуція, которое, само по себѣ, мало интересно, какъ всѣ подобныя жизнеописанія. Интереснымъ мнѣ показалось въ этой главѣ отрицательное опредѣленіе качествъ этого великаго мужа, извлеченное авторомъ изъ одного китайскаго сочиненія: „философъ (Конфуцій) совершенно былъ свободенъ отъ четырехъ качествъ; самолюбія, предвзятости, упрямства и эгоизма“ (стр. 289)... Не оттого ли, что у ихъ учителя они отсутствовали,—три, по крайней мѣрѣ, изъ этихъ качествъ несомнѣнно существуютъ у многочисленныхъ его послѣдователей—предвзятость (въ восхваленіи своего и въ отвращеніи къ чужеземному), упрямство (въ дѣлахъ, каковы бы они ни были, и въ отрицаніи всего не-китайскаго) и эгоизмъ, хорошо извѣстный въ Америкѣ, Австраліи и другихъ странахъ, осчастливленныхъ иммиграціей сыновъ Небесной Имперіи? Что касается самолюбія, то у насъ европейцевъ отсутствіе этого качества не считается хорошей рекомендаціей, а су-

дать о томъ, имѣютъ ли его или нѣтъ китайцы, вообще не беремся, хотя, если мы вспомнимъ ту легкость, съ которой, судя по американскимъ и австралийскимъ отзывамъ, они лгутъ, обманываютъ и вѣдѣтъ съ тѣмъ готовы терпѣть всяческія униженія,—они вѣроятно хоть въ этомъ отношеніи, т.-е. въ дѣлѣ отсутствія самолюбія, слѣдуютъ примѣру учителя. Впрочемъ не смѣшало ли авторъ при переводѣ самолюбія съ себялюбіемъ? но тогда причеиъ четвертое качество—эгоизмъ? Непонятнымъ остается, какъ согласовать отсутствіе самолюбія у Конфуція съ его же словами, приводимыми авторомъ нѣсколько ниже (стр. 326): „человѣкъ необходимо долженъ почтительно относиться какъ къ самому себѣ, такъ, въ равной мѣрѣ, къ другимъ людямъ: небрежность къ самому себѣ—это небрежность къ предкамъ“... Что такое почтительность къ самому себѣ? Въ переводѣ на русскій языкъ это вѣроятно и означаетъ извѣстнаго рода самолюбіе?

„Конфуція спросили, въ чемъ состоитъ знаніе. Онъ отвѣчалъ: употреблять всѣ свои силы къ исполненію того, что справедливо (?) и прилично (?) человѣку; чтить духовъ и геніевъ и держаться въ почтительномъ отъ нихъ отдаленіи—вотъ что называется знаніемъ“. Такъ начинается IX глава сочиненія, посвященная собственно ученію Конфуція. Если исключить вторую часть изреченія, представляющую собою, безъ подробныхъ поясненій, сущую галиматью, опредѣленіе „знанія“ не только представляетъ интересъ, но и служило бы прекраснымъ началомъ для изложенія всего ученія Конфуція. Дѣйствительно, послѣ такого начала, читатель ожидаетъ, что авторъ укажетъ, что, по мнѣнію Конфуція, „справедливо“ и что „прилично“ человѣку. Въ сожалѣнію, г. Георгіевскій обманываетъ это ожиданіе и, совершенно неожиданно, переходитъ къ тому, что думалъ Конфуцій о безсмертіи души (оказывается, что ничего не думалъ), о какихъ-то пяти Ди (форменная китайщина), о предназначеніи бѣдствій и т. д. Оказывается, что такая непослѣдовательность въ наложеніи Конфуціева ученія нужна автору для того, чтобъ доказать, что Конфуцій не былъ трансцендентальнымъ философомъ (стр. 308), что онъ хотѣлъ быть философомъ этики и политики (стр. 309) и что онъ рѣшалъ вопросы бытія человѣческаго, не измѣняя своему позитивному направленію (стр. 313) (послѣднее, по моему, автору рѣшительно доказать не удалось). Вся нить ученія Конфуція, если таковая существуетъ, въ изложеніи автора окончательно теряется, что не мало досадно читателю, интересующемуся предметомъ, но незнакомому съ нимъ. Нѣсколько яснѣе ходъ мысли его, когда онъ доходитъ до излюбленной темы о „*pietas erga parentes*“ (стр. 314—327). Нельзя, однако, сказать, чтобъ правила о сыновней любви и объ основаніяхъ такой любви отличались оригинальностью или возвышенностью—въ

нихъ поражаетъ скорѣе сложность нагроможденныхъ формъ, ихъ искусственность и стараніе придать всему чисто практическую подкладку. Эта практическая подкладка и характеръ ея ясно выражена въ словахъ Ю-цзы, ученика Конфуція, приведенныхъ на стр. 327: „рѣдко бываетъ, чтобы тотъ, кто исполняетъ обязанности сына и брата, любилъ возмущаться противъ правительства, и никогда не случается, чтобы тотъ, кто не любитъ возмущаться противъ правительства (?), любилъ бы производить смуты въ государствахъ“... Такимъ образомъ, какъ будто выходитъ, что „*pietas erga parentes sinensis*“ (пова *respecies*, Georg.) является, по конфуціанскому воззрѣнію, главнымъ образомъ полицейскимъ средствомъ для пресѣченія и предупрежденія... Изъ приводимыхъ авторомъ далѣе отрывочныхъ сентенцій однѣ изъ нихъ пропитаны какимъ-то китайскимъ духомъ *sui generis*, мало понятнымъ европейцу, а другія заключаютъ въ себѣ такіа элементарныя истины, до которыхъ не додумались еще развѣ папуасы берега Маклая. Къ категоріи первыхъ можно причислить такіа, напр., изреченія; „первѣе всего чиновники должны заботиться объ исполненіи обязанностей отщепенія и братолюбія; кто исполняетъ эти обязанности, тотъ уже потому самому можетъ назваться чиновникомъ“ (стр. 332). Или вотъ еще: „Если люди высшаго положенія исполняютъ сыновнія обязанности, то народъ дѣлается гуманнымъ (неожиданно!); если высшіе люди не оставляютъ друзей (что это значить? даютъ имъ теплыя мѣстечка?), то и простолюдины будутъ поступать не иначе“ (ib.)... Какъ на примѣры второго рода сентенцій укажу на такіа: „неизмѣнность въ срединѣ, вотъ что составляетъ добродѣтель“ (стр. 330). „Всего выше ставьте прямоту и вѣрность“ (ib.). „Всегда помышляй о правомъ пути, всегда стремись въ добродѣтели и человеколюбію“ (стр. 331)... „Кто служитъ государю, важный совѣтъ того имѣетъ слѣдствіемъ великую пользу для народа, неважный совѣтъ даетъ въ результатъ малую пользу“ (стр. 333)... „Государи должны требовать отъ подданныхъ того, чего потребовалъ бы отецъ отъ своихъ дѣтей“ (стр. 336)... Изложивъ столь же простыя, въ большинствѣ случаевъ даже дѣтски-наивныя правила государственной мудрости Конфуція, авторъ очень резонно замѣчаетъ, что „масса не любитъ и не имѣетъ времени философствовать“ (стр. 338; хотя въ другихъ мѣстахъ книги выходитъ какъ будто, что въ Китаѣ всѣ именно этимъ и заняты); поэтому китайскій мудрецъ придумалъ для нея болѣе осязательное средство нравственнаго воздѣйствія—китайскія церемоніи, т. е. собственно не самъ придумалъ, а развилъ и уважилъ уже существующія. Едва ли кто-нибудь, не преобразившись предварительно въ китайца, пойметъ всю глубину философскихъ мыслей въ родѣ слѣдующихъ: „обрядъ придворныхъ подар-

ковъ служить къ выясненію справедливости; когда справедливость выяснена, то народъ не будетъ производить возмущеній и не будетъ подвергаться казни. Причина ссоръ и дракъ заключается въ недостаткѣ почтенія и уступчивости со стороны младшихъ въ отношеніи къ старшимъ; обрядъ деревенскаго пенья вина служить къ усиленію почтенія и уступчивости младшихъ и т. д." (стр. 340). Оставивъ въ сторонѣ китайскій колоритъ правилъ, мысль о необходимости обрядовъ, какъ хорошаго регулятора отношеній, имѣетъ несомнѣнно извѣстныя достоинства; она, впрочемъ, встрѣчается не у однихъ китаѣцевъ, но и у другихъ народовъ; вспомнимъ о той роли, какую играли церемоніи въ Византіи (составлявшія тамъ настоящее государственное учрежденіе и имѣвшія, во многихъ отношеніяхъ, благотворное вліяніе) и въ развитыхъ восточныхъ монархіяхъ. Въ заключеніе этой главы, авторъ старается объяснить разницу, существовавшую между до-конфуціанскими воззрѣніями и тѣми, которыя провелъ въ жизнь этотъ ученый мужъ. По мнѣнію автора, вся разница, т.-е. то новое, что внесъ Конфуцій, заключается въ томъ, что онъ осмыслилъ цѣль существовавшихъ уже китайскихъ принциповъ, развившихся исторически. Это осмысленіе заключалось въ томъ, что онъ указалъ на утилитарную подкладку правилъ вѣры и нравственности, безъ которыхъ жизнь человѣка и всего государства можетъ подвергнуться опасности или, по крайней мѣрѣ, не достигнетъ полного развитія своего благополучія. X-я и XI-я главы трактуютъ о развитіи Конфуціевой доктрины въ китайской литературѣ; считаемъ лишнимъ касаться ихъ не потому, чтобы онѣ были неинтересны, а потому, что интересующемуся вопросу посоветовали бы прочесть ихъ цѣликомъ; выдержки же изъ нихъ, въ виду компактности изложенія, мало выяснили бы ихъ содержаніе. Поэтому переходимъ къ XII-й главѣ, озаглавленной: „проведеніе конфуціанскаго принципа въ жизнь законодательствомъ“. „Если литература,—такъ начинается эту главу авторъ,—широко раскрывая предъ китаѣцами основной принципъ конфуціанства, убѣждаетъ ихъ слѣдовать этому принципу, то китайское законодательство, въ свою очередь, поощряя сыновнее благочестіе и карая нечестіе, еще болѣе положительнымъ (!) образомъ заставляетъ каждого человѣка памятовать объ обязанностяхъ къ родителямъ и исполнять эти обязанности“. Послѣ такого введенія слѣдуетъ рядъ извлеченій изъ статей уголовного кодекса. Наказанія, какъ и слѣдуетъ ожидать, отличаются жестокостію и заключаются, главнымъ образомъ, въ извѣстномъ количествѣ (отъ 60 до 100) палочныхъ ударовъ, сопряженныхъ обыкновенно съ ссылкой, дохода до смертной казни чрезъ разсѣченіе на части. Не мало могутъ возмутить бѣднаго европейскаго юриста такіа постановленія: „главная

или второстепенная жена (эта послѣдняя—несчастное, почти безправное существо, главное назначеніе коей продолжать родъ и терпѣливо сносить капризы всей семьи вмѣстѣ съ главной женой), обвиняющая (въ чемъ бы то ни было?) мужа, свекра, свекровь, дѣда или бабу мужа по отцу, наказывается 100 ударами и трехлѣтней ссылкой, хотя бы обвиненіе и было вѣрно...; если обвиненіе окажется ложнымъ или вѣрнымъ только отчасти, то обвиняющія подвергаются смертной казни чрезъ задушеніе“ (стр. 419)... „Кто уничтожитъ или оставить (на произволъ судьбы) *трунъ* отца или матери, дѣда или бабу, тотъ долженъ быть заключенъ въ тюрьму и по истеченіи извѣстнаго времени подвергнуться смертной казни чрезъ разсѣченіе на части“ (стр. 420)... „Если сынъ, узнавъ о смерти отца или матери, равно какъ жена о смерти мужа, не облечутся въ траурныя одежды, то наказываются 60 ударами и ссылкой на годъ и т. д.“ (ib.). Безцѣльная, съ нашей точки зрѣнія, жестокость большинства приводимыхъ авторомъ законоположеній можетъ быть сравнена лишь съ ихъ казуистичностью. Это вторженіе не только въ частную жизнь, но отчасти и въ чисто нравственныя отношенія между ближайшими родственниками, едва ли можетъ возбуждать въ непредубѣжденномъ читателѣ ту симпатію, которую обнаруживаетъ, въ отношеніи къ китайскому законодательству, самъ авторъ. Наблюденіе за исполненіемъ законовъ поручено дю-ча-юанъ, прокурорскому надзору, какъ называетъ его авторъ, или цензоріату, какъ онъ его тоже называетъ (стр. 423). Чтобы охарактеризовать это прекрасное учрежденіе, авторъ кратко замѣчаетъ, что при Чжоуской династіи поведеніе *каждаю* человека было контролируемо специальными чиновниками (ib.)! Затѣмъ авторъ съ нескрываемымъ восхищеніемъ приводитъ нѣсколько образчиковъ цензорскаго воздѣйствія на самого Сына Неба, т. е. императора, такого, напримѣръ, содержанія: „Ваше Величество воспользовались наступленіемъ весны, чтобы отправиться въ свои сады—потѣшить взоръ видомъ несмѣтнаго количества новыхъ цвѣтовъ, подышать воздухомъ... Но В. В., когда отправлялись туда, проѣзжали мимо дворца Вашей августѣйшей матушки и не остановились около него—это совершенно необъяснимо. Какое мнѣніе могутъ составить о Вашей священной особѣ Ваши подданные? Народъ не преминетъ сказать: „если императоръ такъ открыто пренебрегаетъ своими обязанностями по отношенію къ августѣйшей матушкѣ, то онъ долженъ ожидать, что его подданные еще болѣе будутъ небрежны въ исполненіи обязанностей по отношенію къ нему самому,—императору не на что будетъ и жаловаться, такъ какъ долгъ подданныхъ не выше и не священнѣе его долга“ (стр. 425—26)... Итакъ, конфуціанство, эта альфа и омега китайской жизни, и есть та сила, благодаря которой, какъ насъ

увѣряютъ, держится Китай, благодаря которой Китай оставался и остается Китаемъ; она сводится, по объясненіямъ автора, къ весьма простой формулѣ: утилитаристъ-философъ, обладавшій сильной дозой скептицизма, воскресилъ во всей силѣ примитивный принципъ отпочтенія, и на этомъ единомъ принципѣ основалъ благоденствіе государства и человѣка, установивъ извѣстнаго рода мѣры для поддержанія этого принципа. Конфуціанство, какъ представляетъ намъ его авторъ, есть утилитарная религія, основанная на единой заповѣди— „чти отца твоего и мать твою“, съ организованной арміей жрецовъ (прокурора или цензора), блюдущей за внѣшнимъ исполненіемъ этой религіи. Дѣйствительно, вся представленная намъ авторомъ картина являетъ всѣ характеристическія черты организованной теократіи, тутъ есть и улыбка гаруспиціевъ, ни во что не вѣрующихъ, но внушающихъ своей паствѣ благотворный страхъ передъ всякой чертовщиной мстительныхъ покойниковъ и злыхъ духовъ; и важная роль шпиона, проникающаго къ самому семейному очагу; и система устрашающихъ наказаній; и полное безсердечіе къ нарушившему въ чемъ бы то ни было постановленія нравственнаго кодекса; и рѣшающее вліяніе жрецовъ культа на политику внутреннюю и внѣшнюю; и—главнѣе всего—требованіе точнаго исполненія ритуала, заключающагося, кажется, въ 10.000 церемоній, причемъ несоблюденіе ихъ влечетъ за собой наказаніе, какъ за настоящія преступленія. Есть, конечно, и отличіе отъ извѣстныхъ намъ формъ теократическихъ правительствъ; китайская конфуціанская іерархія имѣетъ дѣло съ другимъ матеріаломъ, чѣмъ мемфисскіе жрецы въ Египтѣ, браминны въ Индіи или инквизиція въ Испаніи,—но сущность, повидимому, остается та же. У насъ, аріицевъ, теократія не въ состояніи навѣки сковывать умы; ультраконсервативная по самому характеру своему, она отвергаетъ новшества и скоро перерастается живымъ умомъ аріица, непрестанно ищущимъ истины и оставляющимъ позади себя своихъ учителей; *jurare in verba magistri* никогда не считалось у насъ большимъ достоинствомъ;—въ Китаѣ это, повидимому, обязанность. Судя по фактамъ, сообщаемымъ авторомъ сочиненія, насъ занимающаго, конфуціанская доктрина застала китайцевъ, въ религіозно-нравственномъ отношеніи, на ступени довольно грубаго шаманизма, въ которомъ главную роль играло умилостивленіе душъ завистливыхъ умершихъ родственниковъ и разныхъ духовъ-чудищъ, порожденныхъ первобытной фантазіей; Конфуцій, по словамъ автора, не только не возсталъ противъ старыхъ принциповъ жизни и вѣрованій своего народа, но поддержалъ ихъ и закрѣпилъ ихъ всѣми доступными ему средствами. Можетъ ли быть что-либо характернѣе разсказа, приводимаго авторомъ, о томъ, какъ „одинъ изъ учениковъ

философа спросилъ его, сознають ли усопшіе, что имъ приносятъ жертвы и воздаютъ почести? Конфуцій отвѣчалъ: если я скажу, что сознають, то можно бояться, что тѣ, которые исполнены сыновняго благочестія (т.-е. вы, мои любезные ученики?), пренебрегутъ всѣми земными интересами, чтобы служить усопшимъ родителямъ... если же я скажу, что не сознають, то можно опасаться, что дѣти (т.-е. *progenies vulgus*?) будутъ оставлять умершихъ родителей безъ погребенія. Для тебя не представляется необходимости въ непремѣнномъ рѣшеніи вопроса, а придетъ время (когда поймешь, гдѣ раки зимуютъ?), когда все узнаешь" (стр. 307). Повидимому, великій философъ отлично сознавалъ всю пользу для правящихъ классовъ оставленія пасомыхъ въ полутьмѣ; не даромъ въ Китаѣ для того, чтобы попасть изъ числа стригомыхъ въ число стригущихъ, требуется выдержаніе цѣлой серіи экзаменовъ, которые имѣютъ цѣлю все глубже и глубже вводить посвящаемого въ сокровенныя тайны — не познанія истины, а познанія хитрой конфуціанской системы стрижки овецъ.

Все, что я говорю, можетъ быть и невѣрно, и я былъ бы признателенъ тому знатоку китайской жизни, хотя бы и автору разбираемой книги, который указалъ бы на фактическія заблужденія мои, но вотъ тѣ мысли, на которыя навело меня, не-синолога, чтеніе „Принциповъ жизни Китая“.

Авторъ заключаетъ свое изслѣдованіе увѣреніемъ, что не Китаю заимствовать что-либо у европейской культуры, а, напротивъ, — Европѣ слѣдуетъ поучиться у китайцевъ и положить въ основу своей жизни тотъ краеугольный камень, который открыли китайцы: „что отца твоего и мать твою“. На это можемъ возразить ему, что этому высокому принципу поклоняемся и мы, вопреки цитируемымъ имъ авторитетнымъ подписямъ подъ карриатурами „Стрекозы“ и „Будильника“, — но только понимаемъ мы его не по-китайски: подъ почитаніемъ мы не понимаемъ чувства, основаннаго на эгоистической мысли личнаго своего благополучія, поддерживаемой страхомъ наказанія; далѣе, кромѣ этой заповѣди, у насъ существуетъ другая превыше ея настолько, насколько общее выше частности, — заповѣдь: „люби ближняго, какъ самого себя“. Какова должна быть эта любовь — г. Георгиевскій самъ знаетъ: „нѣтъ больше той любви, аще положить душу свою за други своя“; это та любовь, про которую сказано: „сила не въ силѣ, а сила въ любви“. Если авторъ намъ возразитъ, что принципъ этотъ недостаточно послѣдовательно проводится въ нашей жизни, то отвѣтимъ на это, что не вѣримъ, чтобы принципъ отщепенія проводился въ Китаѣ лучше... Если у китайцевъ нѣтъ другого мотива для нравственности, какъ эгоизмъ, хотя бы и возвышенно-философскій, то да не посѣтуетъ на насъ авторъ, если мы объявимъ этотъ мотивъ

несостоятельнымъ (самому автору не удалось доказать его состоятельность); такимъ мотивомъ можетъ служить лишь стремленіе къ вѣчно-недостигаемому, но вѣчно существующему идеалу, и какія бы хитрыя машины, какія бы техническія усовершенствованія ни придумали китайцы, освоившись съ европейскими открытіями, способности کمکъ въ этомъ отношеніи восхваляются г. Георгіевскимъ, они всегда будутъ стоять неизмѣримо ниже европейцевъ, пока и у нихъ не появится идеальныхъ стремленій, составляющихъ муку, но вмѣстѣ съ тѣмъ и высшее наслажденіе и наилучшій стимулъ для мыслящаго существа, называемаго человѣкомъ. Нѣтъ, въ нравственномъ отношеніи намъ пока нечему учиться у китайцевъ, если только факты, сообщаемые г. Георгіевскимъ, вѣрны. Никогда намъ, слава Богу, не сдѣлаться совершенными китайцами...

Въ заключеніе нѣсколько общихъ замѣчаній. Заглавіе книги составлено нѣсколько неудачно: „Принципы жизни Китая“,—тогда какъ, въ дѣйствительности, трактуется въ ней лишь объ одномъ только единственномъ принципѣ — *pietas erga parentes*. Правда, авторъ хочетъ насъ увѣрить, что онъ одинъ и управляетъ жизнью государства и людей въ Китаѣ; *доказать* это ему, на нашъ взглядъ, не удалось, да онъ и мало заботился о томъ, чтобы доказывать: принявъ свое положеніе за аксіому, онъ описываетъ намъ возникновеніе, развитіе и примѣненіе излюбленнаго принципа. Такимъ образомъ, получилась очень полная, на взглядъ читателя, монографія объ отношеніяхъ дѣтей къ родительской власти и *vice versa* въ Китаѣ,—монографія любопытная во многихъ отношеніяхъ, какъ по смѣлости выводовъ автора, вполне, повидимому, усвоившаго себѣ конфуціанскую точку зрѣнія, такъ и потому, что ему нѣрѣдко удастся мѣтко попасть въ больныя мѣста современной цивилизаціи, чтó, въ свою очередь, будитъ мысль и возбуждаетъ сознание относительно возможности смотрѣть на вещи и не съ привычной намъ точки зрѣнія. Симпатична убѣжденная горячность автора, хотя и примѣненная, по нашему мнѣнію, въ дѣлѣ превознесенія того, чтó требуетъ лишь защиты, да и защиты съ малыми шансами на успѣхъ; симпатично само по себѣ также и то стремленіе къ идеализаціи явленій, которое проходитъ бѣлыми нитками по всему труду, — идеализація, примѣненная, по странной ироніи судьбы, европейцемъ къ описанію принципа жизни народа, не признающаго ничего выше практики. Съ другой стороны, однако, именно это идеализированіе и убѣжденность, перерождающаяся въ предвзятость, лишаетъ книгу почтеннаго автора той авторитетности, которая достигается лишь посредствомъ объективной критики явленій, подлежащихъ изслѣдованію, и отсутствія страстности. Тотъ апологетическій и даже дионрамбическій характеръ,

который приданъ сочиненію, подрываетъ невольно вѣру даже въ точность всѣхъ сообщаемыхъ фактовъ и, во всякомъ случаѣ, въ вѣрность ихъ освѣщенія. Другой упрекъ, который мы позволяемъ себѣ сдѣлать автору,—это упрекъ за обширность поставленной имъ себѣ задачи. Думаю, что мало найдется читателей труда г. Георгіевскаго, которые прочли бы его книгу съ такимъ вниманіемъ, какъ сдѣлали это мы, а между тѣмъ въ результатъ этого чтенія получилось сознательное убѣжденіе, что мы ни на іоту не подвинулись въ знакомствѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ жизни въ Китаѣ; запечатлѣлась въ памяти цѣлая масса непровѣримыхъ фактовъ, во многихъ случаяхъ мало даже характерныхъ, и сохранилось убѣжденіе, что авторъ стремился доказать ясный самъ по себѣ афоризмъ, а именно, что хорошо почитать своихъ родителей,—причемъ всѣ собранные имъ факты указываютъ, что этотъ афоризмъ знакомъ также и китайцамъ. Объ обратной сторонѣ медали ни полслова, о другихъ качествахъ и стремленіяхъ китайцевъ—мимоходные намеки. Зачѣмъ, спрашивается, специалисту сразу задаваться такой широкой задачей и возлагать на себя такое неудобоподъемное бремя, какъ обобщеніе принциповъ жизни 400 м. человѣческихъ особей? Не сдѣлалъ ли бы авторъ несравненно болѣе цѣннаго вклада въ науку, сѣзавъ свою рамку и употребивъ свою несомнѣнную эрудицію на правдивый и *всесторонне* освѣщенный разсказъ о жизни какаго-либо уголка посѣщенной имъ огромной страны, или на тщательный комментарий къ какому-либо важному сочиненію богатой китайской литературы? Мы, сыны презираемой авторомъ европейской цивилизаціи, нашли бы сами въ себѣ способность и обобщить факты, еслибъ это оказалось нужнымъ, и построить силлогизмъ ничуть не хуже любого китайца...

Гр. И. Толстой.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го декабря 1888.

Залодорѣнная телеграмма агентства Рейтера и „либеральная интрига“. — Понятная тенденціозная эксплуатація народныхъ чувствъ. — Теорія отвѣтственности „по долгу службы“. — Письмо гр. Л. Н. Толстого о ручномъ трудѣ. — Неожиданное покаяніе. — В. Я. Стоюнинъ †.

Существуетъ французская поговорка (*cherchez la femme*), во всемъ и всегда предполагающая участіе женщины, все объясняющая женскимъ вліяніемъ. У нашей реакціонной печати аналогичную роль играетъ своя доморощенная формула: — *Cherchez la* либеральная интрига! Эту „интригу“ газеты извѣстнаго сорта разыскиваютъ и отыскиваютъ всюду, не отступая передъ самыми смѣлыми догадками. Агентство Рейтера получило недавно изъ Петербурга и сообщило иностранной печати телеграмму слѣдующаго содержанія: „министръ внутреннихъ дѣлъ вернулся въ Петербургъ, и государственный совѣтъ въ непродолжительномъ времени займется разсмотрѣніемъ его проекта реформы мѣстнаго управленія. Этотъ совѣтъ уже прежде ознакомился съ этимъ проектомъ и съ нѣкоторыми измѣненіями возвратилъ его автору, но и въ измѣненномъ своемъ видѣ онъ непремѣнно подастъ поводъ въ оживленнымъ преніямъ и встрѣтитъ со стороны совѣта сильное сопротивленіе. Противники проекта найдутъ теперь поддержку въ томъ впечатлѣніи, которое при дворѣ вынесли изъ послѣдняго путешествія Государя Императора. Въ хорошо освѣдомленныхъ кругахъ утверждаютъ, что на Государя Императора произвели неожиданное и сильное впечатлѣніе тотъ народный энтузіазмъ, который онъ встрѣчалъ на всемъ пути своего слѣдованія, и въ особенности оваціи, сдѣланныя ему петербургскими студентами при возвращеніи его въ столицу. Въ виду этого утверждаютъ, что Царь получилъ убѣжденіе въ односторонности доводовъ, приводимыхъ графомъ Толстымъ и сторонниками его реформы для оправданія ея исключительно реакціоннаго характера. Преній въ государственномъ совѣтѣ ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ исходъ таковыхъ послужитъ указаніемъ будущихъ судебъ Россіи въ области внутренней политики“. Перепечатавъ эту телеграмму, „Московскія Вѣдомости“ прямо приписываютъ ее „либеральной интригѣ, не брезгающей никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей“. „Либераламъ, — восклицаетъ московская газета, — все равно чѣмъ бы ни воспользоваться, лишь бы доставить торжество своимъ антигосудар-

ственнымъ, а на Руси по-просту измѣническимъ, видамъ. Сперва утверждалось, что у насъ вѣковѣчное вѣрноподданство будто бы утрачено и странѣ грозитъ революція, а потому необходимо-де принять мнимо-либеральную, а въ сущности революціонную программу. Это увѣреніе оказалось вздоромъ. Ну, что-жь? Въ виду вѣрноподданства-то и слѣдуетъ именно держаться той квази-либеральной программы, которая создала бы и воспитала бы въ Россіи элементы революціи!

Итакъ, телеграмма о мѣстной реформѣ продиктована агентству Рейтера „либеральной интригой“. На чемъ основано это предположеніе? Знаетъ ли московская газета, кто состоитъ петербургскимъ корреспондентомъ агентства; извѣстны ли ей его знакомства, его связи, источники, изъ которыхъ онъ заимствуетъ сообщаемыя имъ свѣденія? На это мы не находимъ ни указанія, ни даже намекъ; скачокъ отъ „либеральной интриги“ къ корреспонденту рейтеровскаго агентства сдѣланъ съ такимъ же точно правомъ, съ какимъ допущено существованіе самой „интриги“. Или, быть можетъ, авторскія права „интриги“ доказываются самымъ содержаніемъ телеграммы? Виновость „либераловъ“ вытекаетъ, можетъ быть, изъ юридическаго афоризма: *cherche à qui le crime profite*? Телеграмма имъ выгодна—слѣдовательно она ими и внушена! Не говоря уже о логической негодности заключенія, совершенно несостоятельной представляется основная его посылка. Судьба законопроектовъ меньше всего зависитъ у насъ отъ того, что говорится о нихъ въ иностранной печати. „Интрига“ несовмѣстна съ наивностью,—а между тѣмъ въ высшей степени наивно было бы вообразить себѣ, что телеграмма въ родѣ вышеприведенной можетъ подѣйствовать на членовъ государственнаго совѣта и на дальнѣйшій ходъ дѣла. Одно изъ двухъ: или извѣстіе, въ ней заключающееся, болѣе или менѣе достоверно — въ такомъ случаѣ оказать вліяніе можетъ самый фактъ, а не оглашеніе его въ печати; или оно совершенно невѣрно—въ такомъ случаѣ вымышленная вѣсть легко можетъ привести къ результату, прямо противоположному цѣли вымысла. Не проще ли допустить, что заподозрѣнная телеграмма составлена и послана безъ всякой задней мысли, вслѣдствіе слуховъ, дѣйствительно дошедшихъ до корреспондента? Въ какой степени основательны эти слухи — мы, конечно, не знаемъ; утвердительно можно сказать только одно,—что въ нихъ нѣтъ ничего безусловно невѣроятнаго. Законопроекты о реформѣ мѣстнаго управленія несомнѣнно носятъ на себѣ печать недовѣрія къ земству, къ массѣ населенія; столь же несомнѣнно и то, что событія самаго послѣдняго времени не даютъ повода къ такому недовѣрію. Не потому ли сообщеніе рейтеровскаго агентства и раздражило такъ сильно московскую газету, что въ немъ есть кое-что похожее на правду? Не отсюда ли

слѣпая ярость, заставляющая видѣть въ отрицательномъ отношеніи къ законопроектамъ—государственную измѣну, въ „quasi-либеральной программѣ“—преддверіе революціи?.. Въ болѣе спокойномъ настроеніи духа даже „Московскія Вѣдомости“ оказались бы способными понять, что говорить противъ земскихъ начальниковъ — не значить еще проповѣдывать „антигосударственныя“ начала, и что самостоятельное земство—вовсе не разсадникъ революціонныхъ стремленій.

Не довольствуясь обороной, реакціонная печать переходитъ въ наступленіе. Въ фактахъ, подавшихъ поводъ къ телеграммѣ рейтеровскаго агентства, „Московскія Вѣдомости“ усматриваютъ... аргументъ въ пользу законопроектовъ о мѣстной реформѣ!.. Всеобщій энтузіазмъ, вездѣ встрѣчавшій Государя, усиливался—если вѣрить московской газетѣ—„отъ всенароднаго сочувствія къ общеизвѣстнымъ правительственнымъ мѣрамъ, принимаемымъ въ видахъ упраздненія разноразличія и усиленія государственной власти“. „Въ прошлую четверть вѣка,—читаемъ мы дальше,—нашъ народъ уже извѣдалъ навязанные ему дары русскаго *либерализма*, и потому естественно ждать не дождется, чтобы этой непрошеной благодати былъ положенъ рѣшительный, безповоротный конецъ. Вотъ истинное (?) значеніе того необычайнаго восторга, который выразился во всѣхъ встрѣчахъ нашимъ народомъ своего самодержавнаго царя, твердою рукою берущаго бразды правленія надъ своимъ стомилліоннымъ народомъ!“ Итакъ, законопроекты о мѣстной реформѣ предполагаются, прежде всего, *общеизвѣстными* народу. Дѣйствительно, содержаніе ихъ оглашено въ газетахъ и журналахъ; но это еще не значить, чтобы они были знакомы и понятны массѣ населенія. До нея доходятъ, болѣею частью, только дешевые листки, въ которыхъ вовсе нѣтъ рѣчи о внутренней политикѣ. Кое-гдѣ пронеслась, быть можетъ, вѣсть о какихъ-то земскихъ начальникахъ—вотъ и все. Допустимъ, однако, что сущность проектируемой реформы если и не „общеизвѣстна“, то, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ неизвѣстна народу. Не слишкомъ ли, въ такомъ случаѣ, смѣло думать, что она ему вполне симпатична? Подчиненіе новой тягости можетъ быть безропотнымъ, покорнымъ—но едва ли кто-нибудь повѣритъ, чтобы оно было радостнымъ, восторженнымъ, чтобы оно наполняло сердца благодарностью и счастьемъ. Еслибы „Московскимъ Вѣдомостямъ“ и удалось доказать, будто наше общество и народъ обнаружили полнѣйшую несостоятельность и неспособность къ веденію собственнаго хозяйства,—къ чему, однако, оказываются способными всѣ другіе народы,—то ликовать по этому поводу было бы болѣе чѣмъ странно. Доказывать такую неспособность русскаго народа было бы лучше предоставить его врагамъ, а не брать на себя, какъ это дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости“... Наконецъ, какимъ образомъ

сочувствіе къ законопроектамъ и мѣстной реформѣ могло играть роль въ оцінкахъ интеллигентной молодежи, до которой эта реформа вовсе не относится? А длинный рядъ встрѣчъ, ознаменовавшихъ царское путешествіе по Кавказу? Вѣдь на эту окраину Россіи не предполагается распространить ни положеніе о земскихъ начальникахъ, ни передѣланное положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. При чемъ же тутъ реформа? Не было ли бы проще, вмѣсто того, чтобы искать въ безкорыстныхъ проявленіяхъ народнаго сердца разсудочныхъ соображеній, какъ то дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости“, вмѣсто того, чтобы видѣть въ народномъ восторгѣ какое-то одобреніе тѣхъ или другихъ правительственныхъ проектовъ,—о которыхъ едва ли кто-нибудь въ это время и думалъ,—не было ли бы проще видѣть во всемъ этомъ непосредственное народное чувство, глубокое и искреннее, по поводу минованія страшной опасности, угрожавшей Царю и царскому семейству? Никакимъ софизмамъ не удастся связать эти простые и ясные факты съ узкой тенденціей, лишенной всякихъ точекъ опоры въ массѣ народа. Сміемъ увѣрить „Московскія Вѣдомости“, что народный энтузіазмъ въ тѣ дни проявлялся совершенно независимо отъ реформъ: народъ способенъ быть болѣе безкорыстнымъ, нежели иные публицисты.

У насъ въ Россіи катастрофы подобныя той, которая разразилась 17-го октября, всегда вызываютъ мысль о необходимости быстрой, короткой и внѣ-законной расправы съ предполагаемыми виновниками бѣдствія. На этотъ разъ она проявлялась болѣе сдержанно, чѣмъ обыкновенно—можетъ быть потому, что съ самаго начала установилась вѣра въ серьезность, умѣлость и всесторонность officialнаго разслѣдованія. Никто, сколько намъ извѣстно, не выступалъ въ печати съ такими предложеніями, какія слышались, напримѣръ, послѣ жуковскаго крушенія; никто не требовалъ, по примѣру „Руси“ 1882 г., чтобы „съ проклятаго мѣста прогнали все начальство и всѣхъ слѣдователей“ и поручили слѣдствіе одному изъ великихъ князей, съ участіемъ нѣсколькихъ начальниковъ станціи и нѣсколькихъ дорожныхъ мастеровъ. Старая привычка исчезла, однако, не безслѣдно. „Всякій разъ, — читаемъ мы въ одной изъ петербургскихъ газетъ, — когда общество бываетъ потрясено какимъ-либо изъ ряда выходящимъ преступленіемъ административнаго характера, является страстное желаніе во что бы то ни стало отыскать настоящаго виновнаго и не столько покарать его за содѣянное, сколько отомстить ему за причиненный обществу испугъ и порожденную опасность. И сколько бы противъ такого желанія ни возражали чистокровные юристы, въ немъ несомнѣнно кроются инстинкты, созидающіе обще-

ственную безопасность и порядокъ. Однако, юстиція плохо ладить съ этимъ инстинктомъ, и плохо потому, что интересы справедливости quand même постоянно тянутъ въ сторону разрушительнаго тезиса: fiat justitia, pereat mundus". Юстиція по необходимости имѣетъ дѣло съ отдѣльными лицами, а въ административныхъ преступленіяхъ, затрогивающихъ цѣлое вѣдомство, виноваты все по долгу службы. Идеаль административной расправы авторъ статьи видитъ, поэтому, въ распоряженіи императора Николая Павловича, который, замѣтивъ однажды нарушеніе порядка въ военномъ госпиталѣ (въ палатахъ, вопреки запрещенію, было накурено), наложилъ болѣе или менѣе строгія взысканія на всѣхъ прикосновенныхъ къ госпитальному управленію, начиная съ военнаго министра и оканчивая смотрителемъ госпиталя и дежурнымъ ординаторомъ. Что это распоряженіе было не вполне согласно съ справедливостью, что оно обрушилось, между прочимъ, на людей рѣшительно ни въ чемъ неповинныхъ—этого авторъ не отрицаетъ; но ему кажется, что оно доставило торжество „интересамъ порядка". Чтобы убѣдиться въ несостоятельности этого мнѣнія, стоитъ только припомнить, каковъ былъ „порядокъ" въ военныхъ госпиталяхъ „добраго стараго времени". Что въ нихъ не безъ успѣха практиковалось куренье—это весьма возможно; но лучше ли отъ того было больнымъ, мѣшало ли случайный громовой ударъ, раздававшійся однажды въ нѣсколько лѣтъ, ежедневнымъ, ежечаснымъ злоупотребленіямъ, благодаря которымъ богатѣли смотрителя и комиссаріатскіе чиновники?.. Авторъ статьи полагаетъ, что при отвѣтственности высшихъ начальниковъ за *каждое* упущеніе или неправильное дѣйствіе своихъ подчиненныхъ, служебный порядокъ будетъ огражденъ могущественнѣйшимъ изъ чувствъ—чувствомъ самосохраненія. Онъ упускаетъ изъ виду, что ко всему можно привыкнуть—и изъ всего, съ нѣкоторою ловкостью, можно извернуться. Этого мало: отвѣтственность за все и за всѣхъ легко можетъ обратиться въ полное отсутствіе отвѣтственности. Въ обширномъ вѣдомствѣ упущенія встрѣчаются чуть не еженедѣльно, а нельзя же допустить, чтобы министръ или хотя бы директоръ департамента пятьдесятъ-два раза въ году подвергался выговорамъ или замѣчаніямъ. Чтобы выгородить начальника, будутъ выгораживать подчиненныхъ—и къ этому выгораживанію легко можетъ оказаться прикосновеннымъ само начальство, побуждаемое именно чувствомъ самосохраненія, на которое такъ сильно разсчитываетъ авторъ. Отвѣтственность высшаго начальника и въ нашихъ глазахъ совершенно необходима—но только тогда, когда для нея есть реальное, а не мнимое основаніе. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ, нарочно заимствуемымъ нами изъ только-что приведенной газетной статьи. Положимъ, что крушеніе поѣзда произо-

шло отъ гнилости шпалъ. Непосредственнымъ виновникомъ можетъ быть здѣсь либо правленіе дороги, поскупившееся ассигновать сумму, достаточную для приобрѣтенія хорошихъ шпалъ,—либо инженеръ, вступившій въ сдѣлку съ подрядчикомъ и принявшій отъ него дурныя шпалы,—либо рабочій, пропившій нѣсколько новыхъ шпалъ въ кабаки и уложившій вмѣсто нихъ нѣсколько старыхъ, никуда негодныхъ. Въ первомъ случаѣ совершенно справедливо привлечь къ отвѣтственности высшихъ должностныхъ лицъ министерства путей сообщенія, утвердившихъ неправильно составленную смѣту. Во второмъ случаѣ отвѣтственность ихъ болѣе сомнительна, но все-таки возможна, въ той мѣрѣ, въ какой назначившій отвѣчаетъ за назначеннаго. Въ третьемъ случаѣ для нея нѣтъ ни малѣйшаго повода, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, установить какую бы то ни было внутреннюю связь между министромъ или директоромъ департамента и вольнонаемнымъ рабочимъ, совершающимъ, за нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга, даже не служебный проступокъ, а простую кражу. Между тѣмъ, по теоріи безусловной служебной солидарности, всѣ три случая вполне аналогичны; во всѣхъ трехъ случаяхъ отвѣтственность должна идти снизу до верху, никого не щадя и не исключая... Въ другой статьѣ той же газеты ¹⁾ мы встрѣтили перечень различныхъ комбинацій, къ которымъ можетъ привести слѣдствіе о причинахъ катастрофы 17-го октября. Можетъ оказаться, что она произошла отъ дурного состоянія пути—въ такомъ случаѣ отвѣчаетъ управленіе дороги и сверхъ того, смотря по обстоятельствамъ, правленіе желѣзнодорожнаго общества, мѣстная желѣзнодорожная инспекція, высшіе чины министерства путей сообщенія. Можетъ оказаться, что причиной катастрофы была неисправность подвижного состава—въ такомъ случаѣ отвѣтственность упадетъ на тѣхъ, въ чьемъ вѣдѣніи находились неисправные вагоны или локомотивы. Можетъ оказаться, наконецъ, что все зависѣло отъ неправильнаго составленія поѣзда или допущенія чрезмѣрной скорости—въ такомъ случаѣ отвѣтственности подлежатъ всѣ тѣ, на кого официально возложено распоряженіе составомъ и ходомъ поѣзда. Во всѣхъ трехъ случаяхъ отвѣтственность можетъ восходить очень высоко—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы это восходящее движеніе непременно должно было идти по одной и той же линіи и до одной и той же точки. Смотра по обстоятельствамъ, оно можетъ остаться въ предѣлахъ одного вѣдомства—или затронуть и другое. Ничего подобнаго не допускаетъ доктрина безусловной отвѣтственности „по долгу службы“. Желѣзныя дороги находятся въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія; ergo—

¹⁾ „Новое Время“, № 4568.

должны отвѣтствовать, въ іерархическомъ порядкѣ, всѣ чины этого министерства, такъ или иначе прикосновенные къ данной дорогѣ, и только они одни. Такое заключеніе не только несправедливо—оно непрактично, потому что подъ его дѣйствіе можетъ не подойти одна изъ причинъ катастрофы, а это, въ свою очередь, можетъ затруднить *предупрежденіе* подобныхъ бѣдствій. Полнота и цѣлесообразность предохранительныхъ мѣръ зависитъ отъ полноты разслѣдованія катастрофы, а полнота разслѣдованія возможна только тогда, когда не предрѣшенъ заранѣе, а *priori*, вопросъ объ отвѣтственныхъ лицахъ...

Есть еще одно серьезное соображеніе, говорящее противъ теоріи отвѣтственности „по долгу службы“. Наиболѣе строгія взысканія эта теорія влечетъ за собою именно для низшихъ агентовъ администраціи, о которыхъ она какъ будто бы радѣетъ; высшему начальству она какъ будто бы угрожаетъ, но въ сущности покровительствуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ основаніи отвѣтственности „по долгу службы“ лежитъ фикція, въ силу которой начальникъ подлежитъ взысканію за вину подчиненнаго; но именно потому, что это вина *чужая*, взысканіе за нее не можетъ не быть мягкимъ. Не даромъ же и въ резолюціи императора Николая по госпитальному дѣлу на долю военнаго министра досталось только замѣчаніе, на долю генераль-кригсъ-коммиссара—выговоръ, на долю начальника отдѣленія въ комиссаріатской комиссіи—выговоръ со внесеніемъ въ послужной списокъ, на долю смотрителя госпиталя—арестъ. Чѣмъ ниже должностное лицо, тѣмъ тяжелѣе его отвѣтственность: вотъ формула, неизбѣжно вытекающая изъ оспариваемой нами теоріи. Къ совершенно иному результату должно вести распредѣленіе отвѣтственности не въ силу предвзятой схемы, а на основаніи конкретныхъ фактовъ. Высшій начальникъ можетъ оказаться гораздо болѣе виновнымъ, чѣмъ его подчиненные—или даже единственнымъ виновнымъ, разъ что подчиненные не могли не исполнить его приказанія. Если въ первыя минуты послѣ катастрофы преобладающимъ чувствомъ является желаніе во что бы то ни стало отыскать и покарать виноватаго (или хотя бы предполагаемаго виноватымъ), то нѣсколько позже чувство справедливости—свойственное, къ счастью, далеко не однимъ „чистокровнымъ юристамъ“—опять вступаетъ въ свои права и возвышаетъ свой голосъ противъ суммарной расправы. Слишкомъ строгая или слишкомъ снисходительная,—эта расправа во всякомъ случаѣ должна вызвать реакцію—или въ видѣ состраданія къ напрасно потерпѣвшимъ, или въ видѣ сожалѣнія о томъ, что потерпѣли не всѣ виновные и несоразмѣрно съ дѣйствительной виною. Нѣтъ, поэтому, такихъ обстоятельствъ, которыя оправдывали бы за-

иѣну слѣдствія—фигіями, доказательствъ—догадками, правосудія—пронзволемъ.

Почему же, однако—могутъ спросить насъ односторонніе защитники „интересовъ порядка“ и „отвѣтственности по долгу службы“,—виновными, по суду, въ крушеніи поѣздовъ, какъ и въ другихъ аналогичныхъ катастрофахъ, оказываются, болѣею частью, именно и только „последнія спицы въ колесницѣ“? Почему козломъ отпущенія въ дѣлахъ желѣзно-дорожныхъ является обыкновенно стрѣлочникъ или сторожъ, въ дѣлахъ объ интендантскихъ хищеніяхъ—„взяточникъ-писарежъ“ и т. п.? Мы отвѣтимъ на это, что меньше всего виновата здѣсь „юстиція, запутавшаяся въ тенетахъ образцовой справедливости и завязшая въ тинѣ личной виновности“. „Образцовая справедливость“ меньше всего можетъ допустить „бичеваніе маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ“; принципъ „личной виновности“ сплошь и рядомъ требовалъ бы отвѣтственности крупныхъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей, интендантовъ и т. п. Но чтѣ же дѣлать, если вѣденію суда подлежатъ только тѣ, которыхъ передъ нимъ обвиняютъ? Чтѣ же дѣлать, если обвиненіе падаетъ на тѣхъ, кто дѣйствительно виновенъ, или не на всѣхъ виновныхъ. Въ дѣлахъ о преступленіяхъ по должности возбужденіе преслѣдованія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ начальства обвиняемыхъ; и судъ, по необходимости, разсматриваетъ дѣло въ тѣхъ границахъ, какія установлены для него административною властью. Не всегда, быть можетъ, достаточно пользуется своими правами и прокурорскій надзоръ, принадлежащій къ судебному вѣдомству, но отнюдь не всегда сливающійся въ одно цѣлое съ судомъ, съ „юстиціей“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Иногда разгадка безотвѣтственности настоящихъ виновныхъ заключается въ неполнотѣ уголовного уложенія или специальныхъ постановленій, относящихся къ тому или другому роду административной дѣятельности. Всего болѣе, наконецъ, способствуетъ укрывательству за разными ширмами и покровами общій строй нашей жизни, до сихъ поръ еще во многомъ враждебный гласности, во многомъ противодѣйствующій торжеству законности и равноправности... Условія, при которыхъ началось и продолжается слѣдствіе о причинахъ катастрофы 17 октября, позволяютъ надѣяться, что оно не сядетъ на мель, не разобьется о подводный камень, и что изъ фактовъ, которые оно раскроетъ, логическій выводъ будетъ сдѣланъ во всей своей полнотѣ, безъ всякихъ ограниченій и урѣзокъ.

Нравственное ученіе гр. Л. Н. Толстого потеряло интересъ новизны, но все-таки продолжаетъ возбуждать вниманіе общества.

Слишкомъ важны вопросы, которыхъ оно касается, слишкомъ велика ихъ близость къ современной жизни, слишкомъ замѣчательна личность самого писателя; можно спорить противъ той или другой стороны его доктрины, можно отвергать ее всецѣло, но нельзя оставаться къ ней совершенно равнодушнымъ. Каждый ея отрывокъ, доходящій до всеобщаго свѣденія, — а во всеоружіи своей системы Л. Н. Толстой все еще не имѣетъ возможности выступить передъ русской публикой, — становится предметомъ ревностнаго изученія и горячихъ споровъ. Такъ было и съ послѣдней статьей Толстого: „Ручной трудъ и умственная дѣятельность“ („Недѣля“, № 46), составляющей извлеченіе изъ письма къ какому-то французу. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что авторъ готовъ смягчить нѣкоторыя изъ своихъ прежнихъ положеній. Онъ говоритъ, что никогда не смотрѣлъ на ручной трудъ *какъ на основной принципъ*; онъ допускаетъ, что „истинныя науки и искусство всегда существовали и всегда будутъ существовать, какъ и всѣ другія отрасли человѣческой дѣятельности“. Уступка, однако, оказывается мнимой. Критеріумомъ „истинной науки“ и „истиннаго искусства“ провозглашается *жертва*, приносимая на ихъ алтарь; полезнымъ дѣятелемъ въ ихъ области признается только тотъ, кто, живя ручнымъ трудомъ, отнимаетъ еще часы отъ своего отдыха и сна, чтобы творить въ области ума и воображенія. „Тотъ же, кто отдѣляется отъ общечеловѣческой нравственной обязанности и подъ предлогомъ особаго влеченія къ наукамъ и искусству устроиваетъ себѣ жизнь дармоѣда — такой человѣкъ произведетъ только ложную науку и ложное искусство“. Повѣрить правильность этого критеріума не особенно трудно. Что абсолютно-справедливо по отношенію къ настоящему и будущему (а у Л. Н. Толстого идетъ рѣчь, очевидно, именно объ абсолютной справедливости), то, безъ сомнѣнія, справедливо и по отношенію къ прошедшему. И въ прошедшемъ, слѣдовательно, истинно научными или художественными произведеніями представляются только тѣ, которые были созданы цѣною жертвы, при неустанномъ ручномъ трудѣ, въ рѣдкія минуты, вырванныя у отдыха и сна. Кто же изъ ученыхъ и художниковъ прежняго времени удовлетворяетъ этому условію? Не удовлетворяютъ ему, во всякомъ случаѣ, ни Шекспиръ, существовавшій актерскою профессіей, ни Гёте, сначала получавшій средства къ жизни отъ отца, потомъ — отъ великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго; не удовлетворяютъ ему ни Ньютонъ, завѣдывавшій лондонскимъ монетнымъ дворомъ, ни Лавуазье, бывшій откупщикомъ податей, ни Гумбольдтъ, занимавшій придворную должность при королѣ прусскомъ. Пробу, предлагаемую Л. Н. Толстымъ, выдержать весьма немногіе, — а если произвести ее со всею строгостью, если класть на ручной трудъ ча-

совъ восемь-девять въ день и считать законнымъ умственный трудъ только по отработкѣ этой нормы, то не выдержите испытанія, пожалуй, рѣшительно нѣтъ. Придется признать, такимъ образомъ, что до сихъ поръ вовсе не было ни истинной науки, ни истиннаго искусства —или что ошибочна формула Л. Н. Толстого. Между этими двумя выходами изъ дилеммы колебаніе едва ли возможно... Мыслимо ли, притомъ, достигнуть крупныхъ научныхъ результатовъ, если *постоянно, всю жизнь* заниматься наукой между дѣломъ, урывками, въ состояніи полнѣйшаго физическаго изнеможенія? Наука, въ особенности при теперешнемъ ея состояніи, сплошь и рядомъ требуетъ *всего челоѣтика*, крайняго напряженія всѣхъ его силъ—сначала чтобы овладѣть ею, потомъ, чтобы двигать ее впередъ. До извѣстной степени то же самое слѣдуетъ сказать и объ искусствѣ. Скрипачъ Лулли, „бѣгавшій на чердакъ, съ опасностью для своей шкуры, чтобы играть на скрипкѣ“, продолжалъ это упражненіе, конечно, только въ одномъ, раннемъ періодѣ своей жизни; еслибы онъ продолжалъ его непрерывно, то едва ли сталъ бы великимъ виртуозомъ. Жертва и истина—понятія несоизмѣримыя; первая, сама по себѣ, еще не свидѣтельствуетъ о послѣдней. Подобно тому, какъ можно жертвовать жизнью изъ-за фальшивой идеи, можно жертвовать временемъ, трудомъ, даже „шкурой“ изъ-за мнимаго призванія. Можно вообразить въ себѣ художественный талантъ, не имѣя его и въ поминѣ, и цѣлыя ночи проводить безъ сна, въ тщетныхъ потугахъ творчества,—и наоборотъ, можно творить легко, свободно, ничѣмъ не жертвуя и не испытывая никакой тяги къ жертвамъ (назовемъ, для примѣра, хотя бы Моцарта). Доказательства своей истинности научный тезисъ или художественное произведеніе носятъ въ самихъ себѣ, помимѣ справки о томъ, чего они стоили ученому или художнику.

„Благо и красота для челоѣчества,—говорить Л. Н. Толстой,—есть то, что соединяетъ людей. Если приверженцы науки и искусства дѣйствительно имѣютъ въ виду благо челоѣчества, они должны двигать впередъ только тѣ науки и тѣ искусства, которыя ведутъ въ этой цѣли, и еслибы это было такъ, не было бы тогда многихъ наукъ, цѣль которыхъ есть благо только нѣкоторыхъ обществъ и гибель другихъ“. Какія же науки подходятъ подъ это опредѣленіе? Артиллерія, фортификація, тактика? Но, во-первыхъ, ихъ немного; во-вторыхъ, это, собственно говоря, вовсе не науки. Ихъ предметъ—не чистое знаніе, а только умѣнье пользоваться извѣстными свѣдѣніями для практическихъ цѣлей, за которыя меньше всего отвѣтственна наука. Люди умерщвляли другъ друга и въ то время, когда не существовало никакой науки; если теперь способы лишенія жизни „совершенствуются“ съ помощью химическихъ изобрѣтеній, то неужели это можетъ служить аргументомъ противъ химіи и химиковъ?

Въ нежелательномъ приложеніи нѣкоторыхъ научныхъ данныхъ „приверженцы науки“ виноваты столь же мало, какъ изобрѣтатель спичекъ—въ поджогахъ, ими причиненныхъ. „Еслибы благо,—продолжаетъ Л. Н. Толстой,—было дѣйствительною цѣлю наукъ и искусствъ, никогда изысканія положительныхъ наукъ, не имѣющія часто никакого отношенія къ истинному благу человѣчества, не получили бы такой ничѣмъ необъяснимой важности. То же можно сказать и о произведеніяхъ искусства, годныхъ только для возбужденія развратныхъ стариковъ и препровожденія времени правдивыхъ людей“. До крайности странно ставить „изысканія положительныхъ наукъ, не имѣющія отношенія къ истинному благу человѣчества“—напр. отвлеченно-математическія изслѣдованія,—на одинъ уровень съ произведеніями искусства, „годными только для возбужденія развратныхъ стариковъ“. Последнія не имѣютъ ничего общаго съ „истиннымъ искусствомъ“; первыя никакъ не могутъ быть исключены изъ области „истинной науки“, уже потому, что на нихъ зиждутся прикладныя знанія, прямо ведущія къ улучшенію условій человѣческой жизни. Оказывается, впрочемъ, что подъ именемъ истинной науки и истиннаго искусства Л. Н. Толстой понимаетъ нѣчто весьма далекое отъ науки и искусства въ обыкновенномъ смыслѣ этихъ словъ. „Мудрость человѣческая,—говоритъ онъ,—состоитъ въ знаніи того, какія изъ знаній важнѣе и какія менѣе важны. Изъ всѣхъ же знаній, нужныхъ человѣку, самое главное есть знаніе того, какъ жить, дѣлая какъ можно меньше зла и какъ можно больше добра; и изъ всѣхъ искусствъ самое важное то, которое учитъ избѣгать зла и производить благо съ наименьшимъ усиліемъ“. Очевидно, что знаніе и умѣнье, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь—не научное знаніе, не мастерство художника. Знаніе требованій нравственности и умѣнье руководствоваться ими—безспорно высокое знаніе, драгоцѣнное умѣнье; но развѣ они не совмѣстимы съ наукой и искусствомъ? А между тѣмъ въ основаніи взгляда Л. Н. Толстого лежитъ именно убѣжденіе въ этой несовмѣстимости. „То, что въ нашемъ обществѣ называютъ наукой и искусствомъ,—читаемъ мы дальше,—есть только огромный мыльный пузырь, суетвѣріе, въ которое мы обыкновенно впадаемъ, какъ только освобождаемся отъ другихъ суетвѣрій... Чтобы человѣку начать ясно видѣть, нужно, чтобы онъ освободился отъ суетвѣрія, несмотря на то, что оно ему выгодно. Это условіе—*sine qua non*“. Итакъ, недостаточно отодвинуть науку и искусство на второй планъ, провозгласить главнымъ знаніемъ—знаніе того, какъ жить, важнѣйшимъ искусствомъ—умѣнье творить добро и избѣгать зла; нужно совершенно выкинуть за бортъ науку и искусство, какъ суетвѣріе, выгодное для немногихъ, но вредное для массы. Этотъ окончательный выводъ тѣмъ болѣе печаленъ, чѣмъ больше онъ на руку всѣмъ ревнителямъ не-

вѣщества и чѣмъ меньше онъ нуженъ для всего того, что прекрасно и плодотворно въ ученіи Л. Н. Толстого. Основная ошибка великаго писателя заключается въ отрицаніи производительности умственнаго труда; отсюда уже вытекаютъ всѣ другія. Если настоящимъ, истиннымъ трудомъ является *только* физическая, ручная работа, то люди, отдающіе всю свою жизнь наукѣ или искусству, должны быть признаны дармоѣдами. Если они дармоѣды, то не можетъ быть истиннымъ то, что удерживаетъ и укрѣпляетъ ихъ въ дармоѣдствѣ. Если не истинны современная наука и современное искусство, то истинны только знаніе и умѣнье, которыми изъ-за нихъ пренебрегаютъ. Съ первымъ звеномъ этой цѣпи падаютъ всѣ остальные; признать законность умственнаго труда значитъ признать законность лучшихъ его созданій—науки и искусства. Намъ кажется, что въ пользу такого признанія можно найти матеріалъ въ доктринѣ самого Л. Н. Толстого. Умственный трудъ—одно изъ самыхъ могучихъ средствъ къ достиженію того духовнаго единства, въ которомъ Л. Н. Толстой видитъ высшее благо человѣчества.

Нѣтъ болѣе утѣшительнаго зрѣлища, чѣмъ кающійся грѣшникъ. Такое зрѣлище представили недавно, къ великому нашему удивленію, „Московскія Вѣдомости“. Всѣмъ извѣстно отношеніе ихъ къ оправдательнымъ вердиктамъ присяжныхъ, постановленнымъ при сознаніи подсудимаго или вообще при несомнѣнной его виновности. И вдругъ онъ берутъ на себя защиту одного изъ такихъ вердиктовъ, произнесеннаго, вдобавокъ, надъ такимъ подсудимымъ, общественное положеніе котораго не принадлежитъ къ числу покровительствуемыхъ московской газетой. Судился портной, обвинявшійся въ *шестой* кражѣ. Онъ призналъ себя виновнымъ; дѣло упростилось какъ нельзя больше. „А между тѣмъ, — восклицаетъ авторъ статьи, помѣщенной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 300), — какое это было сложное дѣло!“ И дѣйствительно, оно очень сложно—не съ юридической точки зрѣнія, а съ психологической и соціальной. Всѣ обстоятельства дѣла совершенно ясны—неясно только одно: что дѣлать съ подсудимымъ, ворующимъ исключительно вслѣдствіе нужды и неспособности къ работѣ (у него оторвано машиной три пальца на рукѣ). „Присяжные оправдали подсудимаго. Его немедленно освободили изъ-подъ стражи. Онъ не обрадовался, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не выразилъ радости. Онъ привыкъ къ тому, что его наказываютъ за кражу. И вдругъ—наказанія нѣтъ. Міросозерцаніе его получило неожиданный толчокъ. Слѣдовательно можно красть, если нѣтъ работы? Слѣдовательно само общество признаетъ, что кражи этого портного невмѣняемы? Въ числѣ присяжныхъ былъ директоръ гимназій, былъ извѣстный врачъ, были чиновники, купцы, люди разныхъ положеній, разныхъ занятій,

разнаго образованія. Всѣ они сошлись въ одномъ убѣжденіи: *нѣтъ, невиновенъ*, хотя фактъ кражи былъ на лицо, хотя обвиняемый самъ въ немъ сознался". Судя по такому началу, можно было ожидать обычнаго возгласа: *delenda Carthago!*—обычныхъ выходовъ противъ учрежденія, распространяющаго мысль о позволительности преступныхъ дѣйствій. И что же? Присяжные засѣдатели, постановившіе оправдательный приговоръ, признаются, на этотъ разъ, совершенно правыми; „вы и я,—воскликаетъ авторъ статьи,—мы сдѣлали бы на ихъ мѣстѣ то же самое". Кто же виновенъ? Виновно общество, не заботящееся объ *исправленіи* осужденныхъ, отворачивающееся отъ отбывшихъ наказаніе, ничего не предпринимающее для доставленія имъ *законныхъ* средствъ къ жизни. Умныя рѣчи пріятно слышать—въ особенности пріятно тогда, когда онѣ раздаются на страницахъ, обыкновенно наполняемыхъ рѣчами совершенно иного свойства. Согласиться, на этотъ разъ, можно и съ окончательнымъ выводомъ московской газеты. „Въ каждомъ засѣданіи окружного суда,—говоритъ авторъ статьи,—долженъ былъ бы присутствовать членъ общества оказанія помощи лицамъ, оправдываемымъ за преступленія и окончившимъ срокъ отбыванія исправительнаго наказанія. *Личное впечатлѣніе отъ драмы судебнаго процесса неизмѣримо важно*" (это положеніе не мѣшало бы запомнить всѣмъ тѣмъ, кто расположенъ противопоставлять „личному впечатлѣнію присяжныхъ" свое собственное мнѣніе, выведенное изъ стенографическаго отчета или просто изъ случайныхъ, отрывочныхъ сообщеній и слуховъ). Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія нашлась бы и помощь, столь необходимая для освобожденнаго изъ-подъ стражи.

Нераскаянными, зато, остаются „Московскія Вѣдомости" въ своемъ отношеніи къ мѣстной реформѣ. Стрѣльба въ ея противниковъ, сигнализированная у насъ выше, во „Внутреннемъ Обзорѣннѣ", продолжается чуть не ежедневно, съ такою же аккуратностью, съ какой палать въ петербургской Галерной Гавани при близости наводненія. Ежемѣсячный журналъ поставленъ, въ этомъ отношеніи, въ менѣе выгодныя условія, чѣмъ ежедневная газета. Продолженіе полемики мы по необходимости должны отложить до слѣдующаго мѣсяца; отмѣтимъ теперь лишь одну черту, характеризующую какъ нельзя лучше способъ дѣйствій реакціонной печати. Усиливаясь доказать, *per fas et nefas*, политическую неблагонадежность земскихъ учреждений, „Московскія Вѣдомости" черпаютъ свои доводы преимущественно изъ эпохи „диктатуры сердца". Онѣ понимаютъ, что въ дѣятельности земства отразились общія теченія тогдашняго времени, но выводятъ отсюда только одно заключеніе: „земскія учрежденія, при малѣйшемъ ослабленіи авторитета государственной власти, способны вызывать (?) въ странѣ самую безсмысленную и вредную

агитацію". Не касаясь вопроса о томъ, подходит ли къ движению 1880-81 г. (продолжавшемуся, впрочемъ, и въ 1882 г.) названіе „агитація“, да еще вдобавокъ „безсмысленной и вредной“, ограничимся напоминаніемъ, что въ этомъ движеніи участвовали не одни земскія собранія. Если въ одномъ изъ губернскихъ земскихъ собраний однимъ изъ гласныхъ предложено было ходатайствовать передъ правительствомъ о признаніи неприкосновенности личности, то развѣ о подобномъ ходатайствѣ не было рѣчи въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи, въ февралѣ 1881 г.? Не въ самарскомъ ли дворянскомъ собраніи, мѣсяцъ спустя, обсуждался вопросъ, очень похожій на тотъ, который былъ предметомъ преній въ земскихъ собраніяхъ новгородскомъ, тверскомъ, петербургскомъ и др.? Скажемъ болѣе — не дворянскими ли собраніями поданъ былъ первый примѣръ возбужденія такихъ вопросовъ? Знаменитый московскій адресъ 1864 или 1865 г. предшествовалъ, если мы не ошибаемся, сткрытію первыхъ земскихъ собраний; къ еще болѣе раннему времени относятся аналогичныя явленія въ средѣ дворянствъ петербургскаго и тверскаго. Отчего же „Московскія Вѣдомости“ не выводятъ отсюда неблагонадежности дворянскихъ собраний? На какомъ основаніи къ одному только земству приурочиваются идеи, носившіяся въ воздухѣ и проникавшія, какъ извѣстно, даже въ высшія правительственныя сферы? Система двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ не оставляетъ мѣста для справедливости и правды.

Нашъ педагогическій и ученый міръ понесъ большую потерю въ лицѣ В. Я. Стоюнина. Съ одной стороны его дѣятельности наши читатели хорошо знакомы; многія его статьи, въ продолженіе почти двадцати лѣтъ, печатались въ „Вѣстникѣ Европы“ ¹⁾. Въ исторіи русской литературы почетное мѣсто займутъ труды Стоюнина о Пушкинѣ, о Кантемирѣ; въ исторіи русскаго общества — его изслѣдованіе о Шишковѣ; въ русской филологіи — его грамматика. Еще болѣе цѣнно, быть можетъ, было личное вліяніе Стоюнина, какъ педагога; о немъ говорятъ съ величайшей признательностью его бывшіе слушатели, въ свою очередь ставшіе учителями. Прочнымъ памятникомъ его педагогическихъ взглядовъ останется, нужно надѣяться, женская

¹⁾ Приводимъ полный списокъ этихъ статей: 1) „Князь Антиохъ Кантемиръ въ Лондонѣ“ (1867, мартъ, 224; іюнь 97). 2) „Мысли о нашихъ экзаменахъ“ (1870, августъ, 708). 3) „Педагогическіе вопросы. Гдѣ же гнѣздилося наше зло“ (1876, окт. 765). 4) „А. С. Шишковъ“ (1877, сент. 236; окт. 502; ноябрь, 47; декабрь, 465). 5) „Князь Антиохъ Кантемиръ въ Парижѣ“ (1880, авг. 577, сент. 174). 6) „Замѣтки о русской школѣ“ (1881, мартъ, 113; май, 107; 1882, янв. 167). 7) „Наша семья и ея историческія судьбы“ (1884, янв. 16; февр. 474). Статьи о Шишковѣ вышли въ свѣтъ отдѣльной книгой.

гимназія, основанная имъ вмѣстѣ съ его женою. Судя по отзывамъ лицъ, хорошо съ нею знакомыхъ, эта гимназія принадлежитъ къ числу заведеній, всего ближе подходящихъ къ правильному типу женской средней школы. Послѣдніе годы жизни Стоюнина были посвящены ей почти всецѣлс, и его усилія не были тщетными; дѣло обученія и воспитанія въ его гимназіи было поставлено имъ прочно. Не только въ воспоминаніи товарищей, учениковъ и ученицъ, но и въ памяти русскаго общества имя Стоюнина останется наряду съ именами людей, всего больше потрудившихся для русскаго образованія—наряду съ именами Пирогова и Ушинскаго, Водовозова и барона Н. А. Корфа. Мы не можемъ лучше почтить его память, какъ приведа теперь тѣ его мысли, съ которыми онъ обращался не такъ еще давно къ нашимъ читателямъ, защищая новую школу отъ различныхъ нареканій и обвиненій. „Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ онъ въ заключеніе своей статьи: „Наша семья и ея историческія судьбы“,—что устроители новой, нравственной семьи должны пройти чрезъ хорошую школу, и понятно, что на школу теперь обращены взоры всѣхъ. Но для того, чтобы она могла выполнить свое дѣло, прежде всего пусть откажутся матери семейства, и старыя, и молодыя, отъ ложнаго и вреднаго, укоренившагося у насъ, понятія объ образованіи женщины (только свѣтскаго)... Пусть онѣ оставятъ и свое тщеславіе, и непростительный родительскій эгоизмъ, благодаря которому онѣ начинаютъ отъ самаго ранняго дѣтства вымучивать таланты изъ своихъ дѣтей, воображая ихъ будущими артистами, учеными или замѣчательными умами. Это величайшее зло, которое проявляется у многихъ современныхъ матерей, хотя оно въ нѣкоторой степени уже было и въ прежнемъ поколѣніи. Талантъ, если онъ врожденъ ребенку, важнѣе, прочнѣе и естественнѣе разовьется, если позаботиться объ общемъ равномѣрномъ и посильномъ развитіи ребенка: онъ скорѣе сдѣлается гордостью матери. Въ наше время на это нужно часто указывать матерямъ, потому что онѣ злоупотребляютъ нѣжнымъ и безотвѣтнымъ возрастомъ дѣтей, и все потому, что у нихъ нѣтъ настоящаго идеала воспитанія, котораго никогда и не будетъ, какъ скоро не будетъ сознанія связи семьи съ требованіями общественной жизни, замѣнившей „свѣтскіе идеалы“—другими, болѣе нравственными и болѣе гражданскими“.

Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени ознакомить нашихъ читателей ближе съ педагогическою и литературною дѣятельностью почившаго; помимо своихъ трудовъ, онъ оставилъ по себѣ много самыхъ симпатичныхъ воспоминаній въ средѣ близко знавшихъ его лицъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Общества „Бѣлаго Креста“.

Послѣ послѣдней турецкой кампаніи, въ Петербургѣ образовалось изъ 6-го Попечительства Общество „попеченія о нуждающихся семействахъ воиновъ, потерявшихъ здоровье на службѣ въ *мирное время*“, имѣющее знакъ „Бѣлаго Креста“ и дѣйствующее параллельно Красному Кресту. Это общество возникло и задалось извѣстными цѣлями по слѣдующимъ причинамъ: воины, пострадавшіе во время кампаніи, а также ихъ семьи, покровительствуются не только Краснымъ Крестомъ, но и такимъ правительственнымъ учрежденіемъ, какъ Комитетъ о раненыхъ; слѣдовательно они всегда находятъ пріютъ, пропитаніе и помощь. Въ совершенно иномъ положеніи обрѣтаются воины, теряющіе здоровье на службѣ въ мирное время, а также ихъ семьи, не говоря уже о сиротахъ. Хотя при нынѣшней краткосрочной службѣ солдатъ будущность ихъ не настолько мѣняется, какъ прежде, но во всей арміи не мало случается увѣчий, болѣзней, такъ что въ общемъ бываетъ на Руси не мало неспособныхъ къ тяжелому труду запасныхъ нижнихъ чиновъ. Солдатскія семьи, остающіяся въ деревняхъ въ случаѣ смерти отцовъ на службѣ, лишаются земли, за неимѣніемъ рабочихъ рукъ и средствъ платить подати. Для такихъ семей, а также и для проживающихъ иногда въ городахъ, требуется часто временное пособіе или опредѣленная на срокъ пенсія. Но въ гораздо худшемъ положеніи бываютъ офицеры, потерявшіе здоровье въ мирное время. Оберъ-офицеръ, какъ невыслуживающій никакой пенсіи и по спеціальному образованію неподготовленный къ другому рода дѣятельности, большею частью находится въ критическомъ положеніи; при выходѣ въ отставку или въ запасъ по болѣзни, онъ нигдѣ не можетъ найти себѣ покровительства, помощи, а часто и занятій. Затѣмъ сироты офицеровъ, умирающихъ на службѣ, почти всегда остаются безъ всякихъ средствъ не только къ образованію, но и къ жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они не имѣютъ матерей или ближайшихъ родственниковъ, то буквально должны переходить съ рукъ на руки или быть на попеченіи командира части, въ которой служилъ ихъ отецъ. Сама жизнь, дѣйствительность и печальные случаи указали на крайнюю необходимость общественнаго учрежденія, какъ „Бѣлый Крестъ“, который бы заботился о воинахъ и ихъ семействахъ, преслѣдуя столь важныя цѣли въ мирное время.

Насколько важны цѣли Общества, настолько задача его обширна. Оно должно непрерывно дѣйствовать: 1) Содержать пріютъ для солдатскихъ дѣтей обоюго пола. Нынѣ существуетъ въ Петербургѣ образцовый пріютъ на 50 человѣкъ (Выборгская Сторона, Нижегородская ул., д. № 27); 2) Учредить возможно скорѣе пріютъ для офицерскихъ дѣтей, который бы замѣнилъ прежній Александровскій Корпусъ для малолѣтнихъ. Дѣти, опредѣляемыя съ 5-ти-лѣтняго возраста

ста, будутъ готовиться въ немъ къ поступленію въ корпуса и институты. Нерѣдко случается, что родители, привезя дочь на баллотировку для поступленія въ институтъ, должны увозить ее обратно за невынутаемъ дочерью жребія; это ихъ ставитъ въ безвыходное положеніе, при понесенныхъ затратахъ на проѣздъ и т. д. Пріютъ „Бѣлаго Креста“ и будетъ спасительнымъ учрежденіемъ для подобныхъ дѣтей. 3) Учредить богадѣльню какъ для офицеровъ, ихъ вдовъ, такъ и для солдатъ. 4) Выдавать пенсіи лицамъ, подлежащимъ покровительству Общества, ихъ вдовамъ и семьямъ. Въ настоящее время Общество въ состояніи удѣлять на пенсіи всего только 500 руб. въ годъ. 5) Выдавать временныя пособія въ случаѣ крайней нужды, для экипировки, переѣздовъ, для уплаты въ гимназій и училища для дѣтей и т. д. По имѣющимся теперь средствамъ, Общество ассигнуетъ на выдачу пособій ежегодно только 400 руб.

Проводя въ жизнь столь обширныя задачи, Общество озабочено не только увеличеніемъ непривосновеннаго капитала, состоящаго теперь изъ 45.000 рублей, но и приобрѣтеніемъ крайне необходимой недвижимой собственности—домовъ для пріютовъ и богадѣльни. Въ прошломъ году, вслѣдствіе ходатайства Г-на Военнаго Министра, Государь Императоръ Высочайше разрѣшилъ открыть подписку между военнослужащими, для сбора пожертвованій на постройку домовъ.

Цѣли этого Общества близко касаются сердца русской арміи, и можно быть увѣреннымъ, что русскій народъ, столь же заинтересованный въ судьбѣ своихъ братьевъ-воиновъ, поможетъ вознести „Бѣлый Крестъ“ на должную высоту.

Предсѣдательницею Общества состоитъ вдова генераль-адъютанта графиня Е. А. Орлова-Денисова, товарищъ предсѣдателя генераль-лейтенантъ М. П. Тучковъ, завѣдующій кружечнымъ сборомъ и пожертвованіями генераль-лейтенантъ В. А. Родіоновъ и Правленіе Общества образуется изъ 12 лицъ: попечительницы пріюта, жены генераль-лейтенанта Е. Ф. Тучковой, генераль-лейтенанта Н. Е. Штадене, полковника Ѳ. Ф. Дубиса-Крачака, подполковника Ф. Н. Курнѣева, жены свиты Его Величества генераль-маіора М. И. Аргамаровой, секретаря Общества гвардіи штабсъ-капитана Л. М. Чичагова, О. Ф. Худяковой, коллежскаго совѣтника А. П. Минюшскаго, коллежскаго совѣтника Е. М. Андреева, инженеръ-технолога Ф. А. Фридендера и коллежскаго совѣтника В. И. Черепнина. Митрополиты: С.-Петербургскій и Московскій, г. Военный Министръ и другія высшія лица состоятъ почетными членами. Дѣйствительныхъ членовъ пока насчитывается до 300. Уполномоченнымъ Общества въ Москвѣ состоятъ находящійся теперь въ отставкѣ генераль-маіоръ Н. В. Апрѣлевъ.

Правленіе Общества помѣщается въ Петербургѣ—Выборгская Сторона, по Нижегородской улицѣ, д. № 27, куда просятъ адресовать пожертвованія деньгами и вещами, и всѣ заявленія лицъ, желающихъ вступить въ члены „Бѣлаго Креста“.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1888 году.

Въ 1888-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

экз.	экз.	экз.
1. Херсонск. . 236	23. Смоленская. 70	45. Забайк. об. 42
2. Кіевская. . 231	24. Нижегород. 63	46. Гродненская 41
3. Харьковск.. 168	25. Волынская . 63	47. Уфимская . 40
4. Екатериносл. 157	26. Рязанская . 60	48. Оренбургск. 40
5. Полтавская. 146	27. Иркутская . 59	49. Астраханск. 40
6. Таврическ.. 129	28. Новгородск. 57	50. Кутаисская . 40
7. Тифлисская. 113	29. Тульская . . 57	51. Бакинская . 39
8. Черниговск. 103	30. Самарская . 53	52. Сыръ-Д. об. 39
9. Варшавск. . 100	31. Лифляндск. 51	53. Ковенская . 36
10. Периска. . . 99	32. Костромская 51	54. Закасп. об. 33
11. Воронежск.. 92	33. Сибирская. 50	55. Псковская . 33
12. Казанская . 91	34. Обл. В. Дон. 50	56. Енисейская . 31
13. Саратовск. . 90	35. Пензенская . 49	57. Калужская . 28
14. Орловская . 89	36. Виленская . 49	58. Люблинская 28
15. Курская . . 87	37. Ярославская 48	59. Асмо. об. 28
16. Подольская. 85	38. Терская об. 48	60. Тобольская . 26
17. Бессарабск. 82	39. Кубанск. об. 47	61. Вологодская 25
18. Тамбовская. 78	40. Минская. . . 47	62. Елисаветпол. 23
19. Тверская . . 74	41. Томская . . 46	63. Могилевск.. 23
20. С.-Петерб. . 72	42. Вятская . . 46	64. Эриванская. 21
21. Владимірск. 71	43. Витебская . 45	65. Амурск. об. 21
22. Московская. 70	44. Примор. об. 44	66. Ставропол. . 21

67. Архангельск. 19	77. Семипал. об. 15	87. Калишская. 6
68. Эстляндская 19	78. Нюландская 14	88. Черном. окр. 6
69. Сувальская. 18	79. Карская об. 13	89. Кѣлецкая.. 4
70. Ломжинская. 17	80. Съдлецкая . 13	90. Тургайск. об 3
71. Дагест. обл. 17	81. Заравш. окр. 12	91. С.-Михельск. 2
72. Олонецкая . 16	82. Курляндск. 12	92. Тавастгусск. 1
73. Петроковск. 16	83. Ферганская . 11	93. Абобьернеб. 1
74. Семирѣченс. 16	84. Якутск. об. 10	94. Вазаская. . 1
75. Уральск. об. 16	85. Радомская . 10	95. Закат. окр. 1
76. Плоцкая . . 16	86. Выборгская. 9	4628
II. Въ С.-Петербурѣ.		1178
III. Въ Москвѣ		514
IV. За границей		176
		<hr/>
		Всего: экз. 6496

А. Хомиковскій

Управл. которою журнала.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

въ 1888 году.

Арсеньевъ, К. К.—Новѣйшія произведенія Салтыкова (январь, 348).—По поводу реформы земскихъ учреждений (мартъ, 327).—Русское судебное краснорѣчіе (апрель, 768).—В. М. Гаршинъ (май, 239).—Новости французской литературы (июнь, 736).—Современные беллетристы (июль, 245).—Мнимое безпристрастіе (сентябрь, 252).—За кулисами ретрограднаго романа (октябрь, 687).—Новый опытъ построения научной критики (ноябрь, 298).—Дореформенная Россія въ перепискѣ И. С. Аксакова (декабрь, 744).

Благоуѣщенскій, Н.—Формы землеуладѣнія (сентябрь, 334).

Боборыкинъ, П. Д.—У плиты (апрель, 605).—За красненькую (ноябрь, 114).

Брикнеръ, А. Г.—Письма графа С. Р. Воронцова (мартъ, 232).—Вторая половина XVIII-го вѣка (августъ, 519).

В. Новый отчетъ о внѣшней торговлѣ за 1887 годъ (июль 406).

Валуевъ, гр. П. А.—Религіозныя смуты и гоненія (мартъ, 287).

Вержбовскій, О.—Адамъ Мицкевичъ (сентябрь, 120).

Веселовскій, Александръ.—Русскій эпосъ и новые его изслѣдователи (июль, 144).

Винницкая, А.—Провалилась, очеркъ (октябрь, 602).

Воропоновъ, Ф. Ф.—Среди крымскихъ татаръ (мартъ, 148).

В—нъ, А.—Исторія крестьянскаго вопроса въ Россіи (июль, 262).—Меценаты и ученые Александровскаго времени (октябрь, 703).—Начало русскаго театра (ноябрь, 273).—Старинные скomorохи (декабрь, 797).

В—ъ, Ф.—По поводу сельско-хозяйственнаго кризиса (апрель, 863).

Гасвскій, В. П.—Перстень Пушкина (февраль, 521).—Замѣтки о Пушкинѣ (мартъ, 431).

Г. Н.—Въ первый разъ у заутрени, Лазаревича, съ сербскаго (июль, 39).

Гончаровъ, Н. А.—Воспоминанія и очерки (январь, 5; февраль, 481).

Делярю, Д.—Ученныя потуги (августъ, 849).

Добротворскій, Н.—Саяны (сентябрь, 197).

Доброславинъ, А. П.—Переутомленіе учащихся и его послѣдствія (августъ, 760).

Дѣдовъ, В.—Чудаки (июль, 166).

Жемчужниковъ, А. М.—Стихотворенія: Цвѣтущая старость (январь, 297).—Осенью (февраль, 687).—Превращенія

(мар., 49). — Вывапка машинъ (май, 238).

Исаевъ, А. А. — Гдѣ лежать главные причины хозяйственныхъ кризисовъ? (окт., 780; нояб., 373). — Протекціонизмъ предъ судомъ новыхъ американскихъ экономистовъ (дек., 597).

К., Влад. — Стихотворенія (нояб., 297).

К—невъ, В. — Жизнь тюрьмы въ шестидесятихъ годахъ (янв., 151; фев., 569).

Каренинъ, В. Д. — Муся, романъ (май, 121; июнь, 516; июль, 81; авг., 433).

Карѣевъ, Н. — Новый трудъ по внутренней исторіи Рѣчи-Посполитой (июнь, 871).

Каширинъ, Пав. — Новое на старой подкладѣ, романъ изъ американской жизни (янв., 88; фев., 615; мар., 87; апр., 549).

К—ль, М. — Вопросъ объ иностранцахъ въ Россіи (дек., 639).

Копиескій, А. Я. — Осипъ Федьковичъ (фев., 888).

Корсаковъ, Д. А. — Последніе годы жизни К. Д. Кавелина (май, 5).

Котъ-Мурлыка. — Дубовая кора. Изъ записной книжки стараго туриста (дек., 619).

Крестовскій, В. (Псевдонимъ). — Жить какъ люди живутъ (май, 52; июнь, 453).

Кулишеръ, М. И. — Изъ исторіи пеховъ у насъ и въ Европѣ (авг., 554).

Лесницкая, В. — Иванъ Кудый и жена его Феська, разсказъ (авг., 603).

М. В. — Сомнѣніе (сент., 146).

Манаскина, М. М. — Сонъ, какъ треть жизни человѣка (сент., 93; окт., 616; нояб., 84; дек., 525).

Михеаличъ, Л. — Отвѣтъ г-ну Ордину (мар., 383).

М—скій, К. — Стихотвореніе (дек., 742).

Милскій, Н. — Элегія (июль, 243).

Михайлова, О. — На мотивъ изъ Сырокомли (янв., 207). — Стихотворенія

(май, 191). — Воскресенье (авг., 548). — Изъ Лонгфелло (сент., 271). — Изъ Петѣфи (нояб., 82). — Изъ Силли Прюдона (дек., 597).

Н. В. — Народность и Народничество (фев., 846).

О. — Отвѣтъ автору статьи „Ничто о финансахъ Вѣстника Европы“ (июнь, 830). — Исполненіе государственной росписи 1887 года (нояб., 428; дек., 806).

О. Е. — Ходъ назадъ (фев., 907).

Ошовъ, Н. — Первое двадцати-пяти-лѣтіе освобожденія негровъ (янв., 53).

Потанинъ, Г. — Три народности въ восточной Азіи (фев., 762).

Пыпинъ, А. И. — Иноземцы въ московской Россіи (янв., 255). — Новые романы Сенкевича (фев., 665). — Русскія сочиненія Шевченка (мар., 246). — Сибирь и изслѣдованія ея (апр., 684; май, 195; июнь, 700; авг., 622). — Сибирская этнографія (сент., 272). — Особый русскій языкъ (нояб., 354). — Новая открытія въ поэтической старинѣ (дек., 710).

Русовъ, С. — Донецкіе углекомы (июнь, 493).

С. — Некрологъ. — В. П. Гаевскій (апр., 914).

С—въ, М. — Стихотвореніе (июнь, 735).

С. Л. — Президентскій кризисъ во Франціи (янв., 428). — Письма изъ-за границы (фев., 872; апр., 886). — Генералъ Буланже и Деруладъ (июнь, 861). — Наши финансовыя недуги (июнь, 365).

С., О. — Исполненіе государственной росписи за 1886 г. (янв., 373). — Государственная роспись на 1888 г. (фев., 812).

Селивановъ, А. — Отецъ затумляныхъ въ Эль-Аришѣ (окт., 531).

Слезбергъ, Г. — Полеченіе о бѣднхъ въ Англіи (окт., 551).

Слонимскій, Л. З. — Новѣйшіе критики парламентаризма (май, 96; июль,

224). — Экономическіе идеалы (сент., 318). — Наша международная политика въ недалекомъ прошломъ (нояб., 320). — Новый опытъ научной исторіи (дек., 781).

Соловьевъ, Владимиръ. — Россія и Европа (февр., 742; апр., 725).

Спасовичъ, В. Д. — Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова (мар., 50; апр., 500).

Степановъ-Бурмовъ. — Греко-болгарская распря (авг., 718; сент., 40).

Сущковъ, С. Н. — Возраженіе на статью Е. С. Некрасовой о графинѣ Е. П. Ростопчиной (май, 388).

Т. — Современные бюджеты (дек., 841).

Т-ва, А. — Людвигъ Гольбертъ, Герога Брандеса (іюль, 56).

Тихоненко, Ф. Ф. — Семень-скрота и его жена (янь., 209).

Толстой, гр. Н. — Новая книга о Китаѣ г. Георгіевскаго (дек., 882).

Трифоновъ, Н. — Александръ Порфирьевичъ Бородинъ (окт., 747; нояб., 46).

Утинъ, В. Н. — Императоръ Виль-

гельмъ I (апр., 812; май, 304; іюнь, 754; іюль, 301).

Харузинъ, Н. — По горамъ сѣвернаго Кавказа (окт., 482; нояб., 154).

Ш. А. — Два года въ гельсингфорскомъ университетѣ (фев., 538).

Щедринъ, Н. — Пошехонская старина (мар., 5; апр., 461; сент., 5; окт., 433; нояб., 5; дек., 481).

Э. А. — Наканунъ переворота (янь., 298; фев., 688; мар., 180; апр., 639; май, 259; іюнь, 649). — Съ того свѣта (авг., 669; сент., 214; окт., 649). — Сцены изъ американской жизни (нояб., 223; дек., 646).

Яковлева, Н. В. — Наслѣдникъ, очеркъ (дек., 563).

Якушкинъ, В. — Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ (нояб., 195; дек., 581).

Янжулъ, М. Н. — Фабричный рабочій въ средней Россіи и царствѣ польскомъ (фев., 785). — Пьянство и борьба противъ него (іюнь, 614; іюль, 5).

З. — Письма изъ провинціи (мар., 373).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Университетскіе беспорядки по сообщеніямъ „Правительственнаго Вѣстника“, и отзывъ о томъ въ печати. — Авторитетный голосъ въ пользу свѣтской начальной школы. — Попытка опредѣлить, что даетъ народу начальная школа. — Циркуляръ попечителя дерптскаго учебнаго округа. — Неприкосновенность начальной школы, какъ выводъ изъ всего предыдущаго. — Министерство финансовъ въ 1887 году. — Мировая сдѣлка съ главнымъ обществомъ желѣзныхъ дорогъ. — Къ вопросу о вѣротерпимости (*Январь, 391*). — Проектируемое ограниченіе круга дѣйствій мировыхъ учреждений въ пользу новаго института земскихъ начальниковъ. — Возможно ли судить, не будучи судьей? — Возможно ли созданіе „бытового суда“, органы котораго были бы администраторами и при отправленіи своихъ судебныхъ функций? — Процессуальныя нововведенія проекта о земскихъ начальникахъ: періодическіе выѣзды, собраніе справокъ, необязательность явки въ судъ, устраненіе адвокатовъ, „распорядительное производство“ по уголовнымъ дѣламъ. — Административно-карательная власть земскаго начальника. — † С. И. Зарудный (*Февраль, 825*). — „Особое мнѣніе“ одного изъ предводителей дворянства о нѣкоторыхъ сторонахъ административной реформы. — Два противоположные вида соединенія властей. — Отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора за 1885 годъ. — Практическіе результаты закона 3 мая 1883 г. — Различныя формы борьбы съ расколомъ. — Къ вопросу о вѣротерпимости. — Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1886 г. (*Мартъ, 352*). — Проектируемая полицейская реформа въ остзейскомъ краѣ. — Отношеніе ея къ другимъ преобразованіямъ. — Вопросъ о вотчинной полиціи. — Назначеніе или избраніе чиновъ полиціи? — Положеніе православія на западныхъ окраинахъ Россіи, по даннымъ отчета оберъ-прокурора св. синода. — По поводу вопроса о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ (*Апрѣль, 846*). — Проектъ примѣненія судебной реформы къ остзейскому краю. — Возможно ли введеніе въ этомъ краѣ института присяжныхъ засѣдателей? — Раздробленіе прибалтійскихъ губерній между двумя судебными округами. — Вопросъ о государственномъ языкѣ, въ связи съ преобразованіемъ остзейскихъ

судебныхъ учреждений. — Слухи и толки объ измѣненіяхъ въ проектѣ положенія о земскихъ начальникахъ. — Государственный доходъ и расходъ за 1887 годъ (*Май, 339*). — Предполагаемое устройство мирового суда въ остзейскомъ краѣ, въ связи съ общимъ вопросомъ о назначеніи или выборѣ мировыхъ судей. — Волостные и верхніе крестьянскіе суды, проектируемые для прибалтійскихъ губерній. — Слухи о новомъ расширеніи административно-карательной власти, предоставляемой земскимъ начальникамъ. — Сенатъ, или только одно министерство внутреннихъ дѣлъ? — Ссылка „Московскихъ Вѣдомостей“ на западно-европейскіе порядки въ области суда и мѣстнаго самоуправления (*Іюль, 805*). — Законъ 4-го апрѣля о сбереженіи лѣсовъ. — Преграды, встрѣчавшіяся на его пути; категорія лѣсовъ, подходящія подъ его дѣйствіе; составъ лѣсоохранительныхъ комитетовъ. — Усиленіе уголовной кары за лѣсныя порубки. — Основныя положенія о промышленныхъ училищахъ; слухи о проектируемыхъ измѣненіяхъ въ положеніи реальныхъ училищъ. — Законъ о вольныхъ людяхъ. — Распространеніе дѣйствія крестьянскаго поземельнаго банка на царство польское (*Іюль, 346*). — Земскіе финансы. — Итоги земскихъ сборовъ въ истекшее двадцатипятилѣтіе земства. — Отношеніе доходовъ населенія къ земскимъ сборамъ въ различныхъ губерніяхъ. — Различіе въ обложеніи движимаго и недвижимаго имущества. — Способы обложенія имущества земствами и уклоненія отъ обложеній. — Земскія недоимки. — Обязательные и необязательные расходы. — Общіе итоги (*Августъ, 779*). — Новый проектъ реформы мѣстнаго управленія. — Всесословный приходъ, уѣздные и участковые начальники, выборъ гласныхъ по приходамъ. — Хорошія стороны проекта. — Первый отчетъ дворянскаго земельного банка. — Организация товариществъ, купившихъ землю при содѣйствіи крестьянскаго банка. — Другіе результаты послѣдней законодательной сессіи (*Сентябрь, 357*). — Детальная критика и детальная защита законопроектовъ о мѣстной реформѣ. — Мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“ объ административно-карательной и судебной власти земскаго начальника. — Административная расправа, какъ „прекращеніе нравственной повадки“, а суть, какъ „мѣра предупрежденія и пресѣче-

нія".—Мнѣніе "Русскаго Вѣстника" объ "общественно-частномъ" характерѣ земскихъ учреждений (*Октябрь, 805*).—Общія вопросы, возбуждаемые по поводу мѣстной реформы.—Отношеніе земскаго положенія и судебныхъ уставовъ къ общему государственному строю.—Розыскъ „либерализма“ въ прошедшемъ и въ настоящемъ.—Возможны ли у насъ самостоятельныя и независимыя учрежденія?—Целемическіе приемы реакціонной печати (*Ноябрь, 406*).—Отношеніе земскихъ начальниковъ къ крестьянскому управленію и самоуправленію.—Расширеніе ихъ функций, сравнительно съ кругомъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ.—Основные черты желательной и необходимой административной реформы.—Слишкомъ усердные защитники новыхъ законопроектовъ (*Декабрь, 820*).

II. Иностранное Обзорѣніе.—Политическіе итоги 1887 года въ области международныхъ отношеній.—Роль Германіи и князя Бисмарка.—Новые союзъ и новыя вооруженія.—Статья „Русскаго Ивалида“.—Политика вѣнскаго кабинета и ея особенности.—Логика оффиціозной печати.—Вопросъ о сооруженіяхъ и толки объ австро-русскомъ столкновеніи.—Внутреннія дѣла Франціи за истекшій годъ.—Президентъ Карно и его первое министерство.—Положеніе дѣлъ въ Англіи.—Балканскій полуостровъ (*Яно., 413*).—Натянутость международного положенія.—Мирныя вѣянія и заявленія.—Болгарскій кризисъ и балканскія дѣла.—Парламенты Германіи и Австро-Венгріи.—Внутренніе вопросы во Франціи.—Столкновеніе съ Италіею (*Февраль, 861*).—Австро-германскій договоръ и его значеніе.—Система вооруженнаго мира и ея особенности.—Рѣчь князя Бисмарка.—Дѣятельность германскаго парламента.—Политическое настроеніе Австро-Венгріи.—Англіискія и французскія дѣла.—Балканскія дѣла и правительственное сообщеніе 11-го февраля (*Мартъ, 391*).—Перемена царствованія въ германской имперіи.—Общая характеристика эпохи императора Вильгельма I.—Манифестъ къ народу и рескриптъ князю Бисмарку императора Фридриха III.—Паденіе министерства во Франціи (*Апрѣль, 876*).—Кандлерскій кризисъ въ Германіи.—„Буланжизмъ“ во Франціи.—Министерство Флюке и его программа.—Личные успѣхи генерала Буланже и ихъ политическое значеніе.—Увлеченіе оппортунистовъ (*Май, 363*).—Положеніе болгарскаго вопроса и сообщеніе „Правительственнаго Вѣстника“ по поводу статей г. Татищева.—Внѣшняя политика Германіи и

и Австро-Венгріи.—Дѣя политическія желѣзныя дороги.—Реформа мѣстнаго управленія въ Англіи.—Новѣйшія событія въ Румыніи.—Письмо изъ Сербіи о партіяхъ въ Сербіи (*Іюль, 838*).—Императоръ Фридрихъ III.—Полемика газетъ по поводу его болѣзни.—Политическое значеніе его царствованія.—Первые акты Вильгельма II и ихъ особенности.—Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи и во Франціи (*Іюль, 378*).—Русско-германское сближеніе.—Прекънваніе германскаго императора въ Россіи.—Газетные толки и споры.—Отношеніе Германіи къ болгарскому вопросу.—Миролюбивыя попытки и ихъ вѣроятныя цѣли.—Упадокъ „буланжизма“ во Франціи.—Роль президента Карно.—Семейно-политическій кризисъ въ Сербіи.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи (*Августъ, 813*).—Политическое настроеніе въ Германіи.—Рѣчь при открытіи памятника принцу Фридриху-Карлу.—Дипломатическая полемика изъ-за Массовы и ея печальныя особенности.—Ненормальное международное положеніе Франціи и ложное миролюбіе нѣмецкой оффиціозной печати.—Свиданіе Криспи съ Бисмаркомъ и съ Кальвоки.—Внутреннія дѣла Германіи, Австро-Венгріи и Франціи.—Неудачи министерства Флюке и новыя успѣхи Буланже.—Общій характеръ политической жизни во Франціи (*Сентябрь, 383*).—Воспоминанія и споры о недавнемъ прошломъ въ Германіи.—„Дневникъ“ Фридриха III и его особенности.—Возраженія газетъ и князя Бисмарка.—Прогрессисты и консерваторы.—Внутреннія германскія дѣла и внѣшняя политика.—Нѣмецкія и славянскія дѣла въ Австро-Венгріи.—Положеніе дѣлъ во Франціи и Англіи (*Октябрь, 823*).—Прекънваніе германскаго императора въ Австріи и Италиі.—Значеніе тройственнаго союза и возможные его результаты.—Симптомы международного кризиса.—Конституціонный вопросъ во Франціи.—Проектъ Флюке и его недостатки.—Юбилей Н. К. Гирса (*Ноябрь, 435*).—Современное состояніе Франціи.—Причина республиканской слабости.—Манія разоблаченій.—Министерство и министры.—Внѣшняя французская политика.—Тронная рѣчь имп. Вильгельма II.—Нѣмецкія партіи.—Англо-германскія соглашенія и внутреннія англійскія дѣла.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ (*Декабрь, 852*).

III. Литературное Обзорѣніе.—Бѣлорусскій Сборникъ, т. I, вып. 3, собр. Е. Романовъ.—Геродотъ, 2 т.; Фукидидъ, 2 т. Послѣловіе къ переводу Фукидида, Ѳ. Г. Мищенко.—Лекціи по всемирной

исторіи проф. Петрова, изд. п. р. В. Нахлера.—А. П.—Стихотворенія Н. Мни-ского.—К. К.—Новыя изданія книгъ и брошюръ (*Янв.*, 452).—Уральцы, І. И. Желѣзнова.—Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст., и старинные земскіе соборы, Н. Костомарова, изд. 3-е.—Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, и Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея, В. Ѳ. Миллера.—Сарапулъ, Н. Блинова.—А. П.—Основныя начала психологій, Дж. Селли.—Новыя изданія книгъ и брошюръ (*Февраль*, 893).—Очерки изъ психологій славянскаго племени: Славянофилы, М. Урсина.—Гердеръ, его жизнь и сочиненія, Р. Гайма, перев. В. Нейфдомскій.—Очерки изъ исторіи тамбовскаго края, изслѣдованіе И. И. Дубасова.—Родъ Шереметевыхъ, Александра Барсукова.—А. П.—Вопросы и впечатлѣнія (Сюжес vues). Посмертныя записки Виктора Гюго. Переводъ Ю. Доппельмейеръ, съ предисловіемъ В. Гольцева.—А. К. (*Мартъ*, 413).—Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова, кн. І.—А. П.—Очерки изъ жизни дикой Башкиріи, Н. Ремезова.—Пора намъ разбраться. Голосъ Сѣверяннина, ч. І.—Валтійская конституція, М. Харузина.—К. К.—Москва и Лондонъ, С. Б. Иппо.—Исторія древняго міра, М. Тучасова.—Въ чужихъ краяхъ, И. Кудинова.—А. К.—Новыя изданія книгъ и брошюръ (*Апрѣль*, 898).—П. А. Матѣевъ, Болгарія послѣ берлинскаго конгресса.—В. Мочульскій, Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ.—П. В. Владимірова, Докторъ Францискъ Скоруна, его переводы, печатныя изданія и языкъ.—А. П.—К. Яроштъ, Вопросы современной морали.—П. И. Георгіевскій: Экономическая отвѣтственность, г. Яроцкаго.—К. К.—Новыя книги и брошюры (*Май*, 373).—Судебные ораторы во Франціи, перев. А. Шмакова.—О Германіи, В. И. Модестова.—Pouschkin: Poltava, trad. par. W. Mikhalow.—Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго город. общ. управленія за 16 лѣтъ.—Максъ Кохъ, Шекспиръ, пер. А. Гуляева.—К. К.—Новыя изданія книгъ и брошюръ (*Іюль*, 861).—Письма и бумаги Петра В., т. І.—Проф. Петровъ: Лекціи по всемірной исторіи, т. II-III.—А. П.—Земскія повинности, т. І.—В. Александренко, Англійскій тайный совѣтъ и его исторія, т. І, ч. 1-я.—К. К.—Новыя книги и брошюры (*Іюль*, 392).—Воспоминанія о побѣдѣ въ Константинополѣ, А. Коптева.—Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII-го вѣка, С. Ѳ. Платонова.—Путеводитель по

Кавказу, Е. Вейденбаума.—А. П.—Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Крелевскій уѣздъ, П. П. Червинскаго.—Ѳ. В.—Теорія денежнаго и кредитнаго обращенія, Л. Федоровича.—Подготовительныя мѣры къ восстановленію обращенія звонкой монеты,—La France, la Russie et l'Europe, par A. Leroy-Beaulieu.—Л. С.—Новыя книги и брошюры (*Августъ*, 827).—Славяне, ихъ измѣненія отношенія и связи.—Проф. Іосифа Первозлафа.—Сераніонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII-го вѣка, Евгения Пятыхова.—А. В.—По Къверу Россіи. Т. III. Валтійская сторона. К. Случевскій.—К. К.—Основы народничества. Часть І. Второе дополненное изданіе, І. Каблиця (І. Юзовъ).—Исторія нравственныхъ идей XIX-го вѣка, Николая Ланге.—Бумажныя деньги. Исслѣдованіе законовъ бумажно-денежнаго обращенія. В. В.—Л. С. (*Сентябрь*, 400).—Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1885 г.—Славянская Вѣсѣда, „Вѣстникъ Славянства“, Славянская Библіотека Балтъ.—Кіевъ теперь и прежде, состав. М. Захарченко.—Труды VI-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. II.—А. П.—Дѣтскія духа, дра Шольца, перев. Е. Н. Герстфельдъ и К. Н. Ковалевской.—А. К.—Новыя книги и брошюры (*Октябрь*, 838).—Н. Бржежскій. Податная реформа.—Н. Осюкинъ, Исторія среднихъ вѣковъ, т. І.—К. К.—Кн. Д. Цертелевъ, Свобода и либерализмъ.—П. Подлингауэ, Национальныя задачи Россіи и мѣры къ ихъ осуществленію.—Л. С.—Сочиненія Н. В. Голая, изд. 10-е, т. V.—А. П.—Новыя книги и брошюры (*Ноябрь*, 450).—Очеркъ исторіи Польши, М. Бобржинскаго, перев. Н. И. Карѣева, т. І.—Записки капитана Мордвинова.—Народныя пѣсни, запис. Н. Пальчиновымъ и З. Раченко, и сельскіе приданческіе обичаи, А. А. Титова.—А. П.—Новыя книги и брошюры (*Дек.*, 868).

IV. Изъ Общеественной Хроникѣ.—Разрывъ нео-славянофиловъ съ своими бывшими союзниками.—Междоусобная война оруженосцевъ Каткова, разсматриваемая съ точки зрѣнія посторонняго зрителя.—Толки объ „отрезвленіи“.—Земская медицина въ черниговской губерніи.—Еще о защитѣ дѣтей.—Изъ школьной хроники.—Нѣчто объ одной прекратившейся болгарской газетѣ (*Январь*, 464)—Толки въ печати по поводу университетскихъ безпорядковъ.—Паденіе нѣкоторыхъ предрасудковъ и предвзятыхъ мислей.—Замѣчательная статья В. И. Ламанскаго.—Общій вопросъ, возбуждаемый частными случаями.—Цирку-

ляръ черниговскаго губернатора гг. городскихъ головамъ (*Февраль, 918*).—Адресъ евангелическаго союза и отвѣтъ, данный союзу г. оберъ-прокуроромъ с. синода.—Вопросъ о вѣротерпимости на почвѣ исторіи и на почвѣ современности.—Новыя нападенія на судъ присяжныхъ, усложненія вѣзавками въ область гражданскаго процесса.—Десятилѣтніе практики женщинъ-врачей.—Два слова о реакціонной печати (*Мартъ, 446*).—Петербургскія городскія начальная училища въ 1877 г. и теперь.—Характеристическія черты ихъ перваго десятилѣтія въ заведеніи города.—Министръ, губернаторъ и писатель предъ судомъ реакціонной прессы.—Отзывъ „Южнаго Края“ по поводу одного невѣроятнаго слуха (*Апрѣль, 917*).—Заключеніе А. Θ. Кони по дѣлу Кетхудова.—Вопросъ о свободѣ защиты и о ея предѣлахъ.—Необходимость возвращенія къ судебнымъ традиціямъ конца шестидесятихъ годовъ.—Программы испытаній въ юридической комиссіи государственныхъ экзаменовъ.—Городскія читальни въ Петербургѣ и новый порядокъ для нихъ.—Письмо въ редакцію объ изданіи литературнаго сборника въ память В. М. Гаршина (*Май, 438*).—Новыя нападенія на адвокатуру.—Отчетъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.—Лѣтописи „грѣховъ“ самоуправленія.—Рѣчь саратовскаго губернатора.—Способы прекращенія уличныхъ безпорядковъ, выработанные публикациями.—Закрытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ (*Іюнь, 876*).—Слухи о предстоящихъ переи́зменахъ въ устройствѣ средняго и высшаго женскаго образованія.—Вопросъ о „вѣсословности“ женскихъ гимназій, въ связи съ книгою г-жи Пиллеръ.—Проектируемые вновь высшіе женскіе курсы по иностраннымъ языкамъ и по другимъ предметамъ.—Открытіе томскаго университета.—Новое сообщеніе саратовскаго губернатора.—Переходъ больницынаго дѣла въ Одессѣ изъ рукъ городского общественнаго управленія подъ ближайшее наблюденіе врачебнаго инспектора полиціи (*Іюль, 410*).—Каузу тысячелѣтія христіанства въ Россіи.—Рѣчь о. Іакова Новицкаго.—Итоги первыхъ девяти лѣтъ и задачи послѣдняго лѣта.—Наши крупныя городскія хозяйства и ихъ общественное управленіе.—Результаты дѣятельности одесскаго городского общественнаго управленія за послѣдніи 10 лѣтъ до 1887 г. включительно, и современное финансовое положеніе города.—Общественное хозяйство города Москвы за двадцать-пять лѣтъ: 1863—1887 гг. (*Августъ, 862*).—Новыя данныя о церковно-приходскихъ

школахъ и школахъ грамотности въ петербургской губерніи.—„Рационалистична“ ли свѣтская начальная школа?—Временное закрытіе земскихъ учрежденій въ череповецкомъ уѣздѣ.—Нѣчто объ административномъ „усмотрѣніи“.—Еще къ вопросу о присяжной адвокатурѣ (*Сентябрь, 418*).—Отголоски закрытія череповецкаго земства.—Вопросъ объ уменьшеніи земскаго обложенія казенныхъ земель въ пермской губерніи.—Узведенія отдѣленія епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ.—Разные виды нетерпимости.—Изъ учебнаго міра. Юбилей „Русскихъ Вѣдомостей“ (*Октябрь, 856*).—Железнодорожная катастрофа 17-го октября.—Постепенное оскуднѣніе историко-филологическаго факультета и вѣроятныя причины того.—Программа испытаній въ историко-филологической комиссіи.—Послѣдніе отчеты петербургскаго университета.—Кое-что о церковно-приходскихъ школахъ.—Новая теорія „необходимой обороны“.—Юбилей г. Шеллера (Михайлова) (*Ноябрь, 466*).—Заподозрѣнная телеграмма агентства Рейтера и „либеральная интрига“.—Попытка тенденціозной эксплуатаціи народныхъ чувствъ.—Теорія отвѣтственности „по долгу службы“.—Письмо гр. Л. Н. Толстого о ручномъ трудѣ.—Неожиданное покаяніе.—В. Я. Стоюнинъ † (*Декабрь, 896*).

V. Библиографическій Листокъ.—Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. XI.—Въ Европѣ, Г. Джаншѣва.—Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣли, гр. А. А. Бобринскаго.—Письменность на первыхъ шагахъ ея развитія, А. Дереницкаго.—Расколъ-сектантство, А. С. Пругавина, вып. 1-й.—Мысли объ историческихъ судьбахъ еврейства, Х. Житловскаго.—Русскій календарь и Всеобщій календарь на 1888 г. (*Январь*).—Важнѣйшія нужды мѣстнаго управленія, бар. П. Л. Корфа.—Къ рѣшенію женскаго вопроса.—Семейная жизнь въ ея радостяхъ и печаляхъ.—Повѣсти, сказки и рассказы Кота-Муринки, т. II (*Февраль*).—Сочиненія К. Н. Батюшкова.—Судебныя рѣчи, А. Θ. Кони.—Любовь, О. К. Нотовича.—Приключенія и впечатлѣнія въ Италіи и Египтѣ, Дѣдова.—Въ дебряхъ сѣвера, сост. Э. Гранстремъ.—Дѣтетика духа, д-ра Шольца, перев. П. Ковалева.—Брѣхо Петербурга, А. Бахтіарова (*Мартъ*).—Сборникъ русскаго историческаго общества, т. 64.—Сенатскій архивъ, т. I: Именные указы имп. Павла I.—Лекція по русскому уголовному праву, Н. С. Таганцева, вып. 2.—Критическіе этюды по русской литературѣ, К. К. Ар-

сенъева. — Переводы въ стихахъ и оригинальными стихотворенія В. И. Водовозова (*Апрѣль*). — Сборникъ имп. русскаго историческаго общества, томы 61, 63 и 65. — Критико-библiографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 10. — Полное собраніе сочиненій И. И. Панаева. — Искра божья, гр. Е. А. Саліаса. — Сатиръ и Нимфа, ром. Н. А. Лейкина (*Май*). — Влад. Соловьевъ, Національный вопросъ въ Россіи. — Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, Д. Зваринцаго. — Кредитные билеты, ихъ упадокъ и восстановленіе, И. И. Кауфмана. — Алфавитный указатель именъ русскихъ дѣятелей для русскаго біографическаго словаря. — О адахъ въ организмѣ животныхъ и человека, и о борьбѣ съ ними, И. Р. Тарханова (*Іюль*). — Петербургъ до его основанія, Г. А. Немирова. Вып. I. — Исторія девятнадцатаго вѣка, Г. Герингуса. Т. VI. — Лекціи по исторіи римской литературы, В. И. Модестова. — Государственная служба въ теоріи и въ дѣйствующемъ правѣ Англіи, Франціи, Германіи и Цислейтанской Австріи, проф. Н. О. Куплевскаго (*Іюль*). — Записки о мѣстной реформѣ, Г. А. Евреннова. — Великая княгиня Екатерина Павловна, И. Н. Важенянова. — Физиологія любви, Паоло Мантегаччи (*Августъ*). — Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами, проф. Мартенса. Т. VIII. — Сельско-строительное искусство, Ф. Н. Королева. Вып. 2-й. — Статистика слѣпыхъ въ Россіи, по переписи 1886 г. Разработано В. Алексинскимъ и А. Сирневичемъ. — Очеркъ исторіи Польши, М. Вобрижскаго. Перев. съ 3-го польск. изданія, Н. И. Карѣва. — Полное собраніе сочиненій Виліама Шекспира въ переводѣ рус-

скихъ писателей (*Сентябрь*). — Профессиональная гигиена, А. Лайбъ, перев. д-ра В. В. и Е. В. Святловскаго. — Звѣздный атласъ для небесныхъ наблюденій, Ян. Мессера. — Поэсты, сказки и рассказы Кота-Мурлыки, т. III. — Краткій словарь наиболѣе употребительныхъ шведскихъ и финскихъ словъ, А. Федотова. — Всесвѣтний бродяга, В. Немировича-Данченко. — Критико-біографическій словарь русскихъ писателей, С. А. Венгерова, вып. 11 (*Октябрь*). — Всеобщая исторія Георга Вебера, т. X. — Система римскаго гражданскаго права, проф. Барона. — Ножи путешествія К. Скальковскаго. — Общ. иностранцахъ въ Россіи, М. И. Мина. — По Америкѣ, поѣздка въ Канаду и Соед. Штаты, д-ра П. Алексѣева. — Юридическій Ежегодникъ за 1887 г., В. Маревича (*Ноябрь*). — Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей при окружныхъ судахъ, М. А. Горановскаго. — О способахъ обученія и воспитанія солдатъ, Н. Бутовскаго. — Полное собраніе сочиненій И. И. Панаева, т. VI. — Исторія французской литературы, состав. К. В. и А. К. — Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. Венгерова, вып. 14. — Гипнотизмъ въ практической медицинѣ, В. М. Бродовскаго (*Декабрь*).

VI. Извѣщенія. — Отъ редакціи. — Отчетъ о пожертвованіяхъ на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина въ с. Ивановѣ (*Январь*, 478). — По поводу открытія дѣйствій Комитета по улучшенію экономическаго состоянія красноуфимскаго уѣзда, пермской губерніи (*Февраль*, 933). — Отъ Общества „Бѣлаго Креста“ (*Декабрь*, 911).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

НОВАЯ — ДЕКАБРЬ, 1888.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

Помехонская старина. — Жизнь и приключения Никанора Затрапезнаго. — XVII. Крѣпостная масса. — XVIII. Аннушка. — XIX. Мавруша Новоторка. — XX. Ванька-Калѣй. — Н. ЩЕДРИНА	5
Александръ Порфирьевичъ Бородинъ. — Біографическій очеркъ. — IV-VI. — Окончаніе. — П. А. ТРИФОНОВА	46
Изъ Петров. — Стих. О. М.	82
Сонъ, какъ третій жизни члѣвѣкъ. — III. — Гигіена сна. — М. М. МАНАСЕИНОЙ	84
За красненькую. — Разсказъ. — П. Д. ВОВОРЫКИНА	114
По горамъ Сѣвернаго Кавказа. — Путевые очерки. — IV. У осетинъ. — V. Въ балкарскомъ обществѣ горскихъ татаръ. — Окончаніе. — Н. ХАРУЗИНА	154
Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ. — Новые матеріалы для біографіи К. О. Рылѣва. — В. ЯКУШКИНА	196
Сцены изъ американской жизни. — Соч. Бланки Розвелль. — Часть первая. — I IX. — А. Э.	223
Начало русскаго театра. — Новая книга П. О. Морозова. — А. В. — въ	273
Стихотворенія. — Бываютъ дни. — ВЛАД. К.	297
Новый опытъ построенія научной критики. — Emile Hennequin, la Critique scientifique. — К. К. АРСЕНЬЕВА	298
Наша международная политика въ недалекомъ прошломъ. — О. О. Мартенсъ, Трактаты съ Германіею, 1825-88. — Л. З. СЛОНИМСКАГО	320
Основы русскаго языка. — А. Н. ПЫШИНА	354
Хроника. — Гдѣ лежатъ главныя причины хозяйственныхъ кризисовъ? — IV-VIII. — Окончаніе. — А. А. ИСАЕВА	373
Внутреннее Овозраженіе. — Общіе вопросы, возбуждаемые по поводу мѣстной реформы. — Отношеніе земскаго положенія и судебныхъ уставовъ къ общему государственному строю. — Разсказъ „либерализма“ въ прошедшемъ и въ настоящемъ. — Возможны ли у насъ самостоятельныя и независимыя учрежденія? — Политическіе приемы реакціонной печати	406
Исполненіе государственной росписи 1887 года. — О.	428
Иностранное Овозраженіе. — Пребываніе германскаго императора въ Австріи и Италіи. — Значеніе тройственнаго союза и возможные его результаты. — Симптомы международнаго кризиса. — Конституціонный вопросъ во Франціи. — Проектъ Флоке и его недостатки. — Юбилей Н. К. Гирса	435
Литературное Овозраженіе. — Н. Бржежскій, Податная реформа. — Н. Осокинъ, Исторія среднихъ вѣковъ, т. I. — К. К. — Кн. Д. Цертелевъ, Свобода и либерализмъ. — П. Поддѣйковъ, Національныя задачи Россіи и мѣры къ ихъ осуществленію. — Л. С. — Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10-ое, т. V. — А. П. — Новыя книги и брошюры	450
Изъ Овеществленной Хроники. — Желѣзно-дорожная катастрофа 17-го октября. — Постепенное осужденіе историко-филологическаго факультета и изреченныя причины того. — Программа испытаній въ историко-филологической комиссіи. — Последніе отчеты петербургскаго университета. — Бое-что о церковно-приходскихъ школахъ. — Новая теорія „необходимой обороны“. — Юбилей г. Шеллера (Михайлова)	466
Библиографическій Листокъ. — Всеобщая исторія Георга Вебера, т. X. — Система римскаго гражданскаго права, проф. Барона. — Новая путевка въпечатлѣнія К. Скальковскаго. — Объ иностранцахъ въ Россіи, М. И. Мина. — По Америкѣ, поѣздка въ Канаду и Соед. Штаты, д-ра П. Алексѣева. — Юридическій Ежегодникъ за 1887 г., В. Маркевича.	

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

стр.

Пониконская старина. — Жизнь и приключенія Никанора Затрапез- маго. — XXI-XXV. — Н. ЩЕДРИНА	481
Сонъ, какъ треть жизни человека. — IV. — Психологія сна. — Окончаніе. — М. М. МАНАСЕИНОЙ	525
Наслажденіе. — Очеркъ. — Н. В. ЯКОВЛЕВОЙ	563
Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ. — Новые матеріалы для біографіи К. Θ. Рылѣева. — Окончаніе. — В. Е. ЯКУШКИНА	581
Изъ Судна Пріюда. — Стих. О. М.	597
Протекционизмъ предъ судомъ новыхъ американскихъ экономистовъ. — А. А. ИСАЕВА	599
Душова бора. — Изъ записной книжки стараго туриста. — I-III. — КОТЪ-МУР- ЛЫКА	619
Вопросъ объ иностранцахъ во Франціи. — М. К-ЛЪ	639
Сцены изъ американской жизни. — Соч. Вланки Розвельт. — Часть II и по- слѣдняя. — А. Θ.	646
Новыя открытія въ поэтической старинѣ. — А. Н. ПЫПИНА	710
Стихотвореніе. — Озарена послѣдними лучами. — К. М-СКІЙ	743
Дореформенная Россія въ перепискѣ И. С. Аксакова. — Е. Е. АРСЕНЬЕВА	744
Новый опытъ научной исторіи. — Л. З. СЛОНИМСКАГО	781
Старинные скоморохи. — А. В-НЪ	797
Хроника. — Исполненіе государственной росписки 1887 года. — О.	806
Внутреннее Овозраженіе. — Отношеніе земскихъ начальниковъ къ крестьянскому управленію и самоуправленію. — Расширеніе ихъ функций, сравнительно съ кругомъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ. — Основныя черты желатель- ной и необходимой административной реформы. — Слишкомъ усердныя защитники новыхъ законопроектовъ	820
Современныя вюджеты. — L'année économique par Ar. Raffalovitch. — Т.	841
Иностранное Овозраженіе. — Современное состояніе Франціи. — Причина респуб- ликанской слабости. — Манія разоблаченій. — Министерство и министры. — Вѣтшная французская политика — Тронная рѣчь имп. Вильгельма II. — Нѣмецкія партіи. — Англо-германское соглашеніе и внутреннія дѣла Ан- глии. — Президентскіе выборы въ Соединенныхъ-Штатахъ	852
Литературное Овозраженіе. — Очеркъ исторіи Польши, М. Бобржинскаго, перев. Н. И. Карѣева, т. I. — Записки капитана Мордвинова. — Народныя пѣсни, запис. Н. Пальчиковымъ и З. Радченко, и сельскіе юридическіе обычаи, А. А. Титова. — А. П. — Новыя книги и брошюры	868
Замѣтка. — Новая книга о Китаѣ г. Георгіевскаго. — ГР. И. ТОЛСТОГО.	882
Изъ Общежитіи Хроники. — Заподозрѣнная телеграмма агентства Рейтера и „либеральная интрига“. — Попытка тенденціозной эксплуатаціи народ- ныхъ чувствъ. — Теорія отвѣтственности „по долгу службъ“. — Писамо гр. Л. Н. Толстого о ручномъ трудѣ. — Неожиданное покаяніе. — В. Я. Стожанинъ †.	896
Извѣщенія. — Отъ Общежитія „Благо Креста“.	911
МАТЕРІАЛЫ журнальной статистики. — „Вѣстникъ Европы“ за 1888 г.	913
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1888 годъ	915
Библиографическій Листокъ. — Практическое руководство для судебныхъ слѣдо- вателей при окружныхъ судахъ, М. А. Горановскаго. — О способахъ обу- ченія и воспитанія солдата, Н. Бутовскаго. — Полное собраніе сочиненій И. И. Панаева, т. VI. — Исторія французской литературы, состав. И. В. и А. К. — Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и уче- ныхъ, С. Венгеровъ, вып. 14. — Гипнотизмъ въ практической медицинѣ, В. М. Бродовскаго.	

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Практическое руководство для судебных следователей при окружных судах. Часть общая. Составлено М. А. Горановским. Сиб., 1889. Стр. 175. Ц. 1 руб. 20 коп.

Содержание этой книги вполне соответствует ее названию. Основываясь на кассационных решениях и на циркулярах министра юстиции, автор разъясняет различные вопросы, могущие встретиться в следственной практике. Сь комментарием к действующему законодательству соединяется, таким образом, нечто из рода справочного указателя, несомненно полезного для судебных следователей.

О способах обучения и воспитания современного солдата. Практическия замѣтки командира роты. Соч. Н. Бутковского. Т. I. Сиб. 1889. Стр. 140. Ц. 85 к.

При всей специальности этих „практическихъ замѣтокъ“, онѣ представляютъ значительный интересъ и для каждаго, особенно въ наше время всеобщей военной повинности, когда военная служба, какъ и школа, сдѣлалась всеобщимъ учебникомъ. Первая глава этой книги: „Муштровка, какъ элементъ искусства“, вызвана тѣмъ примѣчаніемъ, какими снабдилъ М. Н. Драгомировъ переводъ статьи австрійскаго эрцгерцога Юлиана: „Муштровка или воспитаніе?“ Осадившая пѣхотника положенія высокопоставленнаго автора, оставленная безъ возраженія со стороны комментатора въ русскомъ переводѣ, авторъ приводитъ послѣдовательно по нѣмъ случаямъ ту мысль, что „господство грубой муштровки, особенно при вступленіи новобранца въ область боевого дѣла, не только вредитъ успѣху занятій, но и отражается на здоровьи людей“. Изъ другихъ главъ изслѣдованія г. Бутковского представляются не менѣе общаго интереса главы, посвященныя разъясненію причинъ болѣзненности въ войскахъ—и вопросу о значеніи „вольныхъ работъ“ служащихъ въ войскахъ во время ихъ отдыха.

Полное собраніе сочиненій Н. И. Панаева, въ шести томахъ. Т. VI. Сиб. 1888. Стр. 419.

Послѣдній томъ полнаго собранія сочиненій Н. И. Панаева содержитъ въ себѣ его литературныя воспоминанія въ самой интересной литературной эпохи нынѣшняго вѣка—тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ (1830—1847), свидѣтелей которой осталось уже очень мало, да и для стиршихъ поколѣній эти годы были вѣременныя первой юности и дѣтства. Въ январѣ наступающаго 1889 году исполнится пятидесятилѣтіе отъ основанія „Отечеств. Записокъ“, сдѣлавшихся вскорѣ затѣмъ новымъ литературнымъ центромъ, сживавшимъ господствовавшую до того времени „Виблюотеку для Чтенія“, вся блестящая эпоха „Отечеств. Записокъ“, съ Бѣльскимъ во главѣ, съ первыхъ лѣтъ существованія журнала и до основанія „Современника“ въ 1847 г. вошла, такимъ образомъ, въ составъ „Воспоминаній“. Въ приложеніяхъ къ этому тому помѣщены: „Воспоминанія о Бѣльскомъ“, неврологи Добролюбова, Мартинова и собраніе писемъ различныхъ лицъ къ Панаеву: Василія Боткина, Тургенева, Островскаго, гр. А. Толстаго и др.

Исторія французской литературы, Вып. I-й. Сре. нне вѣка.—Переходное время. Составленъ Н. Б. и А. К., по Demogène, Aubertin Littre, Lenfant и др. Сиб. 1887. Стр. 21

Составители настоящаго сборника изъ среднѣйшей исторіи французской литературы, въ предѣлахъ лучшихъ авторитетовъ въ этой области поименованные въ оглавленіи, старались не только изобразить послѣдовательное развитіе этой литературы, но и объяснить ея связь съ ходомъ общественной исторіи Франціи. При этомъ имѣлось въ виду также ознакомить читателя съ содержаниемъ произведеній средневѣковыхъ писателей, устарѣлый языкъ которыхъ трудно доступенъ даже и знающимъ хорошо современную французскую рѣчь. Какъ пособіе при преносѣ исторіи иностранныхъ литературъ этотъ трудъ можетъ быть признанъ полезнымъ; но въ такомъ случаѣ необходимо будущее изданіе снабдить оглавленіемъ, отсутствіе котораго всегда затрудняетъ пользованіе книгой при справкахъ.

Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). С. А. Венгрова. Вып. 14. Сиб. 1888. Стр. 605—662. Ц. 85 к.

Изданіе все еще не выходящее изъ первой буквы алфавита, въ новомъ, 14-мъ выпускѣ оказывается статья о П. В. Анненковѣ, а самъ выпускъ кончается началомъ статьи о А. Я. Антоновичѣ. Недостаткомъ этого весьма почтеннаго и полезнаго предпріятія остается все то же отсутствіе хорошо и широко разсчитаннаго плана, а также—строгой опредѣленности плана изданія. Напримѣръ, въ статьѣ объ Анненковѣ можно найти и такое, между прочимъ, критическое соображеніе, что въ его критикѣ все „очень нѣдѣлательнѣнски выходило, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно прѣсно“, зато въ этой статьѣ нельзя найти многого другого, относящагося къ литературной біографіи лица, и чего именно несутъ въ „словаряхъ“.

Гипнотизмъ въ практической медицинѣ. Составл. х-ръ В. М. Вродовскій. Сиб. 1888. Стр. 112. Ц. 75 коп.

Гипнотизмъ имѣетъ уже свою обширную литературу, и авторъ настоящаго краткаго очерка развитія и современнаго положенія вопроса о приложеніи гипнотизма къ леченію болѣзней предполагаетъ, что гипнотизмъ есть новое могущественное терапевтическое средство, которое въ послѣднія шесть лѣтъ начинается даже получать право гражданства въ практической медицинѣ. Въ настоящемъ очеркѣ сообщаются историческія свѣдѣнія о гипнотизмѣ, начиная съ Месме и до нашихъ дней, приводятся примѣры вліянія на организмъ вообще воображенія и леченія гипнотизмомъ различныхъ болѣзней нервныхъ, а также случаи пользованія гипнотизмомъ, какъ анестезирующимъ средствомъ при операціяхъ и въ практической акушерствѣ. Въ заключеніе авторъ приводитъ слова проф. Вергейма, а именно, что „гипнотизмъ, какъ терапевтическое средство, часто (?) дѣлаетъ чудеса“.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1889 г.

(Двадцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

12 МѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюль	Янв.	Апр.	Іюль	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
въ Петербургѣ, съ доставкой . . .	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
а границей, въ госуд. почтов. сообщ. . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Выѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ пониженія годовой цѣны подписки.

Съ перваго сентября открыта подписка на послѣднюю четверть 1888 года.

Ближние магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ устункомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лп., 7; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14, и А. Ф. Пинардинга, Невск. пр., 46, противъ Гостин. Двора;— въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. Н. Мамонова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія лп. — *Иностранцы* и *иностранцы*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителии подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ ипотродные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а ипотродные, переходя въ городскіе—40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, еслиписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Высланы* на полученіе журнала высылается Конторою только тѣмъ изъ ипотродныхъ или ипотродныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтов. марокъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

